

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ARCH LIBRARIES

5929323 7

Cellar

15B9

*QCA

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ

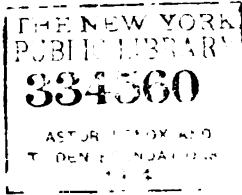
ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. Д. БОВОРЫКИНЫМЪ.

СЕНТЯБРЬ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1863. J

Дозволено ценсурю. С.-Петербургъ, 28 октября 1863 года.

х

ХРОНИКА
СВЯТЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША.

МОСКОВСКІЯ „КОМНАТЫ СНЕБІЛЬЮ“.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

V.

ПОДРОБНЫЙ ПЛАНЪ КОМНАТЪ СНЕБІЛЬЮ И ЛЕГКАЯ ПОКУДА ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦЪ, СОГНИВАЮЩИХЪ ВЪ НИХЪ.

Я васъ постараюсь какъ можно тише окрикнуть, бѣдный народъ! Я спою про васъ, вѣчно ноющая, вѣчно голодающая птица *комнаты снебилью*, настолько незлобивую пѣсню, насколько незлобивыхъ жизненныхъ темъ набралась въ этихъ клеткахъ моя собственная, озлобленная голова.

О, миръ вамъ, люди покоробленные, а чаще — какъ дуга согнутые всеильной нуждою! Миръ вашимъ снамъ озлобленно-тревожнымъ, ногамъ вашимъ, вѣчно снующимъ и не выходящимъ, всегдашней злобѣ вашей желаю я скорого угомона!...

Ибо злоба ваша — смерть ваша. А какъ тяжело умирать одному въ меблированныхъ вертепахъ, — одному, съ одною только злостью своею даже и на этотъ день, который такъ свѣтло пробивается въ комнату сквозь грязно-желтую коленкоровую штору, на этотъ бойкій гулъ столичной жизни, немолчно гудящей за стѣнами!

Предсмертному крику гаснущей, медленно-истомленной жизни, въ кухонномъ углу гдѣ-то безучастно и отвратительно-крикливо вторитъ одна только Лукерья бессмысленно-фабричною пѣсней про какого-то всадника, который будто-бы

«Кор-ки-и-тъ ко-о-ня си-м-и-та-а,
Самъ ѣсть сухари.»

Пѣсня закончилась наконецъ, къ общей потѣхѣ населенія комнатъ, зазвонистою кучерскою трелью, а съ нею вмѣстѣ закончилась и жизнь, желавшая сейчасъ одного счастья — взглянуть на человѣческое лицо, — закончилась скрежетомъ зубовъ, хрипомъ надсаженной груди и желтою пѣной на посинѣвшихъ губахъ. Исковерканная тою безобразно-ужасающей печатью, которую смерть, въ довершеніе эффекта, кладетъ на изможденные тѣла бѣдняковъ, жизнь эта сейчасъ же, вмѣсто послѣдней молитвы, накликаетъ на себя — тѣмъ только, что умерла она, что носила она отдать свое несносное бремя къ Зовущему всѣхъ труждающихся и обремененныхъ успокоиться въ Немъ — цѣлый потокъ безсмысленныхъ ругательствъ и проклятій.

Пришла Татьяна, неумытая, заспанная, растрепанная; взяла она эту повисшую, весь свой короткій, но трудный вѣкъ старавшуюся быть честною руку и сказала:

— А! околѣлъ вѣдь! Лукерья, бѣги скорѣе въ фарталь. Ахъ ты, голь перекатная! — добавила съемщица, поматывая головой: — кто теперича тебя, голь, въ сырую землю схоронить?

Такія картины не настолько рѣдки у насъ, чтобы я не могъ сказать про нихъ правдиваго слова, и сказалъ бы, если бы не боялся упрековъ въ лиризмъ, безъ котораго я рѣшительно не могу ни поклоняться свѣтлому лицу природы — единственному совершенству на всей землѣ, ни скорбѣть о людской гибели, а потому пусть пойдетъ другая глава.

VI.

Наружный видъ дома съ мевлированными комнатами.

Трудно чему-нибудь быть своеобразно-грязнѣ столичныхъ домовъ, заваленныхъ разными русскими мастерскими. Выстроенные спекуляціей на манеръ всѣхъ вообще столичныхъ громадъ, то-есть на манеръ большаго квадратнаго сундука, они до жильцовъ нѣкоторое, весьма недолгое, время ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей, составляющихъ вмѣстѣ съ ними длинную улицу. Но вотъ внизъ переѣхало Экипажное

заведеніе Трифона Рыкова, рядомъ съ нимъ въ двухкомнатной квартирѣ поселился сапожный мастеръ Самсонъ Соловьевъ, въ бельэтажѣ какая-то толстая баба, съ страшнымъ рубцомъ на лбу, словно бы отъ сабельнаго удара, и съ шестью молоденькими горничными; въ подвальной квартирѣ, черезъ дворъ — извозничій содержатель и какіе-то старые отставные солдаты, вѣчно дерущіеся на дворѣ и кричащіе караулъ; третій, самый верхній, московскій этажъ гостеприимно принялъ въ свои невыразимо-воняющіе пріюты орду *комнатъ снебілю*. И вотъ черезъ какіе-нибудь полгода ярко-набѣленные стѣны новаго дома покрываются копотью; штукатурка, хотя умысленно ее никто и никогда не ломалъ, обваливается и кажется по мѣстамъ красныя кирпичныя раны; окна же, особенно въ квартирахъ у извозчиковъ и отставныхъ солдатъ, вмѣсто стеколъ заѣвливаются синей сахарной бумагой, въ комнатахъ снебілю и у толстой бабы съ многочисленными горничными заставляются подушками въ пестрыхъ ситцевыхъ наволочкахъ, — и вообще весь домъ, видимо новый и крѣпкій, сразу какъ-будто проживаетъ пятьдесятъ лѣтъ, и кажется, что какая-то враждебная сила безпрестанно раскачиваетъ его, ломить и валить. Печальными таями и разслабленными замарашками смотрятъ эти дома, какъ-то особенно скоро врастаютъ въ землю ихъ фундаменты и скобочиваются, точно бы какой человѣкъ слабый, голова котораго скривилась на-бокъ отъ первой жизненной тукманки. Глядя на бессмысленную грусть и тупую озадаченность, постоянно рисующіяся на лицѣ такого человѣка, непременно думаешь, что вотъ вотъ сейчасъ подкосятся его дрожащія ноги, что изъ широко-выпученныхъ, но-тусклыхъ глазъ польются обильныя слезы, а отвислыя губы безотвязно запросятъ пощады....

Вотъ довольно схожій портретъ дома, въ которомъ поселилась Татьяна съ своими жильцами. При первомъ взглядѣ на его каменное неподвижное лицо, всякій легко убѣждался, что здѣсь поселилась бѣдность, въ большей части случаевъ поневолѣ неразборчивая на тѣ средства, при помощи которыхъ она съ жалобами и слезами доволакивается до тем-

ной могилы, гдѣ навсегда укроются ея грязныя отрѣпки и успокоится необходимо-грязная и темная жизнь.

Не веселѣе наружности описанныхъ домовъ и внутренность ихъ, съ тѣми обыкновенными исторіями про жизнь своихъ жильцовъ, которыя будутъ пожалуй гораздо печальнѣе унылаго лица дома, пріютившаго въ стѣнахъ своихъ всякаго рода несчастье. Слушайте же эти исторіи — и тогда для васъ, можетъ быть, очень сбыточною покажется та мысль, что отъ того печаленъ столичный домъ, заселенный бездомнымъ народомъ, что даже бездушному камню нельзя не скорбѣть при видѣ разнообразныхъ мукъ этихъ людей, которыя, вслѣдствіе безалаберно-сложившейся жизни, отовсюду, проливнымъ дождемъ сыплются на ихъ бездольныя головы.

VII.

Коридоръ комнатъ и его жильцы.

И радъ бы сказать, что по этой залитой помоями, распатанной и безъ церемоніи завѣшанной разнымъ бѣльемъ лѣстницѣ, которая вела въ татьянины комнаты *снебилью*, можно ходить людямъ,—но для этого нужно быть самымъ наглымъ лжецомъ. Хозяинъ зналъ, для кого онъ строилъ свой домъ, и потому предоставилъ владимірскимъ плотникамъ полную волю гондобить его, какъ Господь Богъ положить имъ на сердце. И въ то время, когда плотники орудовали, капитальная борода, изрѣдка наѣзжая къ нимъ съ своимъ хозяйскимъ глазомъ, говорила:

— Ничего, не взыщутъ! Мѣсто здѣсь такое, для всякой швали удобное. Лѣтъ черезъ пятокъ, Господь ежели благословить, окупится домишка, а тогда его можно будетъ подрумянить маненько, подпереть, пообмазать — и по-боку. Дураковъ тоже много; а не найдется охотниковъ, застраховать можно.... Исторія тоже извѣстная....

Про длинный коридоръ комнатъ тоже не могу сказать ничего особенно пріятнаго. Темень онъ былъ какъ адъ, а кобель Бжебжицкаго и сосѣдство кухни, пропитанной свое-

образнымъ запахомъ щей и лукерьиной постели, покрытой ея шубой изъ кислой овчины, сдѣлали его до того вонючимъ, что свѣжій человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не выносилъ его духоты болѣе пяти минутъ. Однакоже были люди, которые сжились съ этою темнотою и вонью до полнаго равнодушія къ нимъ, и мос собственное мнѣніе въ этомъ случаѣ таково, что всякій человѣкъ, конечно не безъ нѣкоторыхъ усилій, можетъ скоро привыкнуть къ этимъ вещамъ, если у него хватитъ денегъ на покупку какого-нибудь кофеинка съ хлѣбцемъ и не хватитъ на бутылку ждановской жидкости, могущей очистить его апартаментъ отъ заразныхъ міазмовъ, такъ вредно дѣйствующихъ на человѣческіе нервы вообще.

Привыкли, говорю, люди къ удобствамъ своего коридора такъ, что и слезы у нихъ есть, когда изнасятся башмачочки, поистратятся въ безработѣ припасенныя про черный день деньжишки, и смѣхъ тоже довольно легко вылетаетъ изъ ихъ грудей, когда какимъ-нибудь свободнымъ праздничнымъ днемъ, послѣ рюмочки и пшеничнаго пирога, придется вспомнить съ какой-нибудь давнишней подругой про былые годы, когда жили при мѣстахъ у хорошихъ хозяекъ, когда были молоды лица и беззаботны души....

Все въ этомъ корридорѣ однѣ только женщины жили. Сосчитать, сколько ихъ тамъ именно, узнать, что онѣ платятъ за квартиру, чѣмъ живутъ—не было никакой возможности. Видѣли только болѣе или менѣе состоятельные жильцы, жившіе въ комнатахъ, что вишитъ что-то въ корридорѣ безразличное, но живое, — раскатываются какія-то перемѣнные волны, а какія именно—не знали, и конечно не хотѣли знать, потому что не нужно было. Волны эти обыкновенно вливались въ татьянинъ корридоръ такимъ образомъ: живетъ-живетъ, бывало, какая-нибудь горемычная въ почетныхъ экономкахъ у богатаго холостяка такъ долго, что оба они въ этомъ сожителствѣ половину зубъ теряютъ, разнообразія свою жизнь рѣдимъ, а можетъ-быть и частымъ погрызываніемъ другъ друга, и посѣдѣтъ тоже оба успѣютъ. Привыкнетъ экономка къ достатку, къ хорошей комнатѣ, къ сладкой пищѣ—и вдругъ старичина неожиданно

негаданно протягиваетъ, какъ говорится, рѣзвыя ноги. Дальніе родные великодушно подарили экономкѣ старый салонъ на бѣличьихъ лапкахъ, да сама она успѣла фунтикъ-другой серебреца столоваго ухватить—и переѣхала къ Татьянѣ въ самую дешевую комнату.

„По одежкѣ протягивай ножки!“ говорила вдова, размѣщаясь въ своемъ новомъ жильѣ. Надѣяться теперь не на кого; а между тѣмъ привыкшая къ куску губа нѣтъ-нѣтъ, да и спроситъ либо супца съ хорошей, настоящей, какъ въ старину бывало, говядиной, либо чайку въ накладочку, либо винца красненькаго, котораго до тошноты захотѣлось бабешкѣ, съ утра до вечера молчаливо размышляющей о привольной жизни при покойникѣ—и вотъ серебро, ложка за ложкой, безвозвратно улетаетъ въ укладистые сундуки сосѣдки-еврейки, и въ концѣ концовъ случается обыкновенно то, что Татьяна, разнюхавши, что жилища прогорѣла, благоразумно выпроваживаетъ ее на жительство въ коридоръ.

Часто также приходили къ Татьянѣ молодыя знакомыя дѣвицы съ такими разговорами:

— Что теперь дѣлать мнѣ, милая Татьяна Лексѣвна? Ума не приложу.

— Что такое, что такое у тебя случилось? — спрашиваетъ Татьяна Лексѣвна встревоженную дѣвицу.

— Да что? Обобралъ меня до нитки, варваръ-то мой! Ужь онъ меня билъ-билъ, обобрамши-то, и говорить: ну, говорить, теперь извольте идти, мамзель, куда вамъ угодно. Смѣется, разбойникъ! Косу-то мнѣ, злодѣй, всю повыдергалъ. Хочу въ фарталъ идти; знакомые у меня тамъ есть: защитятъ, можетъ....

— Да за что же это онъ тебя? — освѣдомляется любопытная Татьяна. — Вѣдь вы допрежь дружно живали.

— Да за что? — откровенничаетъ дѣвица. — Ни сномъ, ни духомъ не знаю за что. Точно-что по лѣту я какъ-то раза съ три ѣзжала въ лагери къ брату двоюродному. Писаремъ при самомъ генералѣ вотъ ужъ сколько лѣтъ служить. Ему и помстилось; а я развѣ таковская? Сама небось знаешь, какъ я на своемъ словѣ завсегда стою. И

довольно даже того, что я съ нимъ который годъ живу; а онъ ревновать вздумалъ!..

— Чтѣ говорить! чтѣ говорить! Экой безобразникъ какой! А я все говорю про него: вотъ, молъ, смиренникъ-то любовникъ грунникъ—а онъ поди-ка какой! Какъ же ты теперь? Гдѣ жить-то покелича станешь?

— Да то-то не знаю. Ты мнѣ, пожалуйста, каморочку отведи какую-нибудь, покуда съ дѣлами не справлюсь.

— Каморки-то у меня, дѣвушка, нѣтъ теперь. Вчера съ послѣднюю студентъ занялъ какой-то. Какъ бы знала, ни за что бы не отдала. Такъ ужъ и пустила, чтобы только не нустовала. Ты вотъ въ коридорчикъ покелича на моемъ сундукѣ помѣстись. Чудесно тутъ намъ будетъ съ тобой. Безъ переводу тутъ у насъ чай съ кофеями пойдутъ.

Вслѣдствіе такого дружескаго предложенія молодая дѣвица носелается въ коридоръ и долго ея рассказы про вырванную варваромъ косу и про двоюроднаго брата, генеральскаго писаря, развлекаютъ однообразную жизнь темнаго жилья. Живетъ дѣвица въ коридорѣ и высматриваетъ изъ его непроглядной темноты другаго варвара, который бы вырвалъ ей вновь вырощенную косу; точно также и сожительницы ея, кухарки и горничныя, какъ онѣ про себя говорятъ—„безъ мѣстовъ“, живутъ тамъ и высматриваютъ себѣ мѣстечки, съ которыхъ, по недолгомъ житиі, снова погонятъ ихъ съ ихъ унылымъ скарбомъ въ татьянины комнаты, гдѣ по случаю такихъ событій раздадутся конечно новыя рѣчи про новыхъ хозяевъ, про новыхъ людей, посѣщавшихъ ихъ, которые, по рассказамъ этого бѣлорбочаго люда, всѣ будто-бы безъ исключенія мошенники, жидоморы, идолы, черти, подхалимы и т. д.

Отчего это принято называть такія кухарочныя опредѣленія глупыми сплетнями, нестоящими вниманія порядочнаго человѣка, а не истиной? Этотъ вопросъ случайно зародился въ моей головѣ, и конечно когда-нибудь, таже случайно, я разрѣшу его; а теперь скажу, что изъ всей этой безразличной коридорной толпы рельефнѣе даже самой Татьяны выступалъ нѣкоторый субъектъ, извѣстный въ комнатахъ *сневилю* подѣ именемъ Александрюшки. Еще въ то

время, когда Татьяна только-что осматривала квартиру, занимаемую ею въ настоящую минуту, Александрюшка сидѣла уже въ коридорѣ у двери и вязала длинный шерстяной чулокъ, сморщенная и серьезная до полной неподвижности, въ ситцевомъ линючемъ платьѣ, съ мѣдными очками на большомъ носу, изображая собой какъ-бы какого заколдованнаго сторожа, приставленнаго волшебникомъ сторожить пустиую квартиру.

Отъ квартиры, въ то время только-что отдѣланной, несло сырмь лѣсомъ, клеємъ и масляными красками. Нога человѣка не была еще въ ней послѣ печника, который, закончивши свою работу порядочной выпиванціей съ одною сосѣдней кухаркой, ушелъ и не возвращался даже и тогда, когда хозяинъ искалъ его для поправки печей, дымившихъ какъ жерло ада, и потому дворникъ, рекомендовавшій Татьянѣ прелести фатеры, по его словамъ, „за первый сортъ“, былъ справедливо удивленъ этой старухой, безмолвно позвякивавшей спицами и неразборчиво шептавшей что-то своими тонкими, высохшими губами.

— Бабушка! Кто это тебя сюда пустилъ? — спросилъ дворникъ старуху; но старуха уперла въ него своими свѣтлыми очками, помахала головой, какъ-будто удивляясь тому, что дворникъ не знаетъ человѣка, устроившаго ее въ коридоръ—и только.

— Чтоже ты не говоришь? Ай нѣмая? Говори! Хозяинъ што-ли пустилъ? — расталкивалъ уже дворникъ молчаливое существо.

— Ты вотъ что, дворникъ, — прошептала наконецъ таинственная незнакомка: — ты не толкайся. Я губернская секретарша!

— Полно балы-то точить! — сердился дворникъ. — Сказывай: по чьему ты приказу здѣсь поселилась?

— И ты не смѣй мнѣ говорить, муланъ! Я сказала тебѣ, кто я такая. — И барыня при этихъ словахъ энергично оттолкнула отъ себя заскорюзлую дворницкую руку.

— А! такъ ты такая-то? Ты толкаться еще въ чужой фатеръ вздумала! Сказывай: кто тебѣ приказалъ жить здѣсь?

— Богъ! — удовлетворила наконецъ любопытнаго дворника губернская секретарша.

— Чтѣ ты съ ней будешь дѣлать? — спросилъ дворникъ уже у Татьяны, съ какою-то снисходительной полуулыбкой. — Надо, вѣрно, въ фарталь идти объявить.

Губернская секретарша не обратила ни малѣйшаго вниманія на роковое слово „фарталь“ и попрежнему продолжала звякать спицами, мотать головой и шептать что-то, — должно-быть про свои одному Богу только извѣстныя дѣла.

Квартальный пришелъ—и добился столько же, сколько и дворникъ.

— Какъ вы сюда попали? — спрашивалъ у старухи надзиратель.

— А такъ и попала.... отвѣчала она съ видимымъ неудовольствіемъ. — Какъ попадаютъ-то, развѣ не знаешь?

— Говорите: кто вы такія? Давайте ваши документы.

— Молодъ еще документы-то спрашивать! Начальникъ какой выискался! Молоко-то на губахъ обсохло ли?

Доложили объ этомъ происшествіи хозяину. Тотъ пришелъ и долго стоялъ передъ старухой, поглаживая бороду въ великой задумчивости и по временамъ осклабляясь. Самовольная постоялка тоже ничего не говорила и даже ни разу не взглянула на него, сосредоточенно уткнувшись въ свой чулокъ. Наконецъ хозяинъ сказалъ дворнику:

— Богъ съ *ей*, Трофимъ! Не трошь ее. Человѣкъ, видно, не простой, потому большимъ сурьёзомъ и молчаливостью отъ Бога награжонъ....

— А какъ же, хозяинъ, — вступилась было Татьяна, — мнѣ-то съ ней быть? Вѣдь ужъ платежа отъ ней не дождешься; а я бы на ея мѣсто завсегда нашла жилищу съ капиталомъ.

Тутъ хозяинъ почти такъ же серьезно, какъ и Александршка, сморщилъ свои черныя брови и внушительно заговорилъ:

— Мнѣ, — говоритъ, — милая ты женщина, пребываніе въ моемъ домѣ прозорливаго человѣка не въ примѣръ твоей платы дороже. Можетъ, она нечестія твоего ради наслана вонъ откуда, — и при этомъ хозяинъ торжественно указалъ на потолокъ. — Такъ-то, Потому такъ, милая женщина, рассу-

жду я про тебя, что допрежь тебя ни въ одномъ моемъ домѣ такихъ исторіевъ никогда не бывало, хотя точно-что благочестивые люди помногу и подолгу у меня пребываютъ.... Опять же и солдатка ты: всякому грѣху, значить, ты больше нашего брата причастна. Слѣдовательно, для одной тебя *это* устроено, и ты должна все *это* понимать и цѣнить....

— Такъ вы, ваше степенство, скинули бы мнѣ за нее хоть полтинничекъ въ мѣсяцъ за фатеру. Вы люди богатые.

— Это такъ, достатокъ имѣемъ, только съ фатеры ни единой даже копѣйки скостить не могу, потому такъ ужъ положено ходить ей по тридцати серебромъ; щепочекъ вонь, коли хочешь, что отъ построекъ остались, возьми охачку-другую. Просимъ прощенья, милая женщина! Жить вамъ да поживать, да добра наживать! — закончила борода, отправляясь восвояси.

— Жидоморъ, чортъ! — шептала вслѣдъ ему Татьяна; послѣ чего губернская секретарша безвозбранно поселилась въ комнатахъ *снебілю*, оплачивая свое завоеванное помѣщеніе и кусокъ хлѣба своимъ неутомимымъ рвеніемъ служить даже слугѣ всѣхъ — Лукерѣ и готовностью, во всякое время дня и ночи, сердито побранить какого-нибудь подкутившаго жильца, утѣшить Татьяну въ какомъ-нибудь несчастіи, истолковать ей мудреный сонъ, видѣнный въ прошлую ночь и проч.

Терпѣливо и ни на минуту не мѣняя своего сердитаго лица, исполняетъ заштатная чиновница свои многочисленныя роли, такъ что въ непродолжительномъ времени ея полуумная манера неизмѣнно и во всемъ угождать всякому человѣку, но угождать какъ-бы изъ-подъ палки, что называется „срыву“, — сдѣлала ее тѣмъ не менѣе любимицей и темнаго коридора, и свѣтлыхъ комнатъ, такъ что стала барыня совершенно необходимою вещью въ обоихъ этихъ мѣстахъ, въ одно слово нареченной и благородными комнатными жильцами, и коридорными плебейками ласкающимъ именемъ „чиновницы-Александрюшки“.

Безъ такихъ Александрюшекъ въ Москвѣ обходится рѣдкій домъ. Это чрезвычайно-своеобразное русское горе. Характеризуется оно своими земляками и такъ-сказать при-

станодержателями знаменательнымъ словомъ: *тронумишсь ма-менько*; а я лично думаю, что оно *обозлимишсь*, и *обозлимишсь не мансичко*, а *оченно*. По послѣднимъ штрихамъ, которыми я имѣю закончить Александрюшку, весьма легко разсудить, какимъ именемъ лучше назвать коренную жилицу комнату *снебилью*.

Во весь голосъ, безо всякой помѣхи задуваетъ, бывало, Лукерья на кухнѣ, примѣрно хоть про то, какъ нѣкто „вечоръ былъ на почтовомъ на дворѣ“, и какъ этотъ нѣкто на томъ дворѣ на почтовомъ „получилъ отъ дѣвицы письмо“. Раздолье полное звонкому бабьему голосу, потому что день выгналъ всѣхъ комнатныхъ жильцовъ на добычу; коридорный людъ тоже разбрелся кое-куда по своимъ мизернымъ дѣлишкамъ, — и во всемъ этомъ пустынномъ сараѣ осталась только домосѣдничать лукерьяна пѣсня да Александрюшка.

. Въ видѣ какой-то толстой, пѣгой змѣи ворочается въ колѣняхъ у убогой чиновницы ея всегдашній, непокидаемый другъ — шерстяной чулокъ, тихо звякаютъ и шелестятъ ея визальныя спицы; а сама она, неразвлекаемая многоразличными комиссіями, которыми со всѣхъ сторонъ засыпали ея жильцы, комнатные и коридорные, когда бывали дома, долгое время, по своему обыкновенію, молчаливо и неподвижно сидитъ около самой двери, и какъ-будто старается подслушать, о чемъ именно шепчутся съ этимъ неповоротливымъ чулокъ ея тонкія, проворныя спицы. Сидитъ, говорю, и ни слова; только головою, по-истинѣ обутою въ какой-то чепецъ съ уродливыми фалбарами, изъ стороны въ сторону раскачиваетъ. А между тѣмъ по лицу ея проходятъ въ эти минуты глубокія морщины, налегаютъ какія-то мрачныя, выражающія крайнее страданіе тѣни, такъ что Лукерья, случайно прошедши мимо Александрюшки, непременно признаоситъ:

— Ну, начинается комедь. Подступило!

И дѣйствительно, комедь начинается.

— Что такое? — грозно и громко спрашиваетъ Александрюшка у своихъ спиць. — Мало ли по бѣлу свѣту всякихъ злыхъ дѣлъ дѣлается; мало ли разной неправды по землѣ ходить? Чтоже мнѣ за дѣло? Батюшка съ матушкой

учили: не осуждай. Ну, и не буду; молчать буду, да! Молчишь не грѣшишь и спишь не грѣшишь.

Эти растолковыванія всегда перекрикивали горластую Лукерьюну пѣсню. Полная типина воцарялась тогда въ комнатахъ *снебілю*, только одинъ котъ тихо мурлыкалъ, ластясь къ ногамъ Александрушки, да сама Лукерья, опершись о косякъ кухонной двери, пристально смотрѣла на человѣка съ загогулиной въ головѣ и по-временамъ, съ видимымъ впрочемъ ужасомъ, спрашивала:

— А ну-ка, Александрушка, про мою судьбу что-нибудь расскажи!

— Чтоже такое, что у ней каменный домъ? — отвѣчала больная на вопросъ Лукерьи о ея судьбѣ. — Кабы тогда я глупа не была, онъ бы и теперь, домъ-то, мой былъ. Да! Я ей тогда сказала: сестрица! ты замужъ хочешь, за богатаго хочешь? Выходи — вотъ тебѣ мой домъ. Тебя съ нимъ богатый возьметъ, только ты меня не покинь, когда мнѣ что понадобится. Вотъ она и не покинула... Ха-ха-ха! А сестра! Ахъ, черти! Грѣхъ, грѣхъ ругаться-то, Александра Семеновна! Перекрестись, милая!

— Ишь вѣдь какъ чешетъ она правду-то матку! — ужасалась Лукерья, относя всѣ эти слова къ своей особѣ. Какъ она самое-то нутро мое до тонкости разбираетъ — страсть! Брѣхъ-баба я, грѣшница, каюсь! И за дѣло, и безъ дѣла со всякимъ грызться готова. Теперь сокращусь, попристальнѣй стану Богу молиться. Только кчему же это она про каменный домъ заводила?..

— А былъ бы, былъ домъ и теперь мой! — все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ негодованіемъ толковала Александрушка. — А можетъ и не былъ-бы мой? — вдругъ сомнѣвалась она. — Можетъ бы его пожаромъ спалило, сквозь землю бы провалился, или бы какъ-нибудь меня, дуру, имъ чужіе добрые люди надули. Все можетъ. Много, я говорю, по бѣлу свѣту всякаго несчастья расхаживаетъ, охъ какъ много! И несчастья, и неправды.... Я вотъ теперь испоконь-вѣку всѣмъ помогала да угождала, а меня всѣ вонъ выгнали, лицо-то мнѣ всѣ залевали. А за что? за что? Ну-ка скажи,

за что? — усиленно переспрашивала больная, воззрись въ свой чулокъ и спицы.

— А ужь это такъ, Александра Семеновна! — жалобно отвѣтила ей Лукерья, опять таки воображая, что это угодный Господу человекъ про ея *жисть* обинякомъ разговариваетъ. — Это ужь, Александра Семеновна, моя должность такая разнесчастная! Жалованья-то мало, а наругательствъ всякихъ въ-волю на этихъ мѣстахъ напринимаешься....

— Гдѣ бишь у меня сынъ? — вдругъ спросила старуха, и при этомъ вопросѣ даже отняла глаза отъ чулка и подняла ихъ кверху. — Какой это у меня сынъ былъ, никакъ я не вспомню? Чтѣ это онъ у меня, словно бы офицеръ былъ, или бы дѣвицей онъ былъ? Нѣтъ, это дочь дѣвица у меня была; а онъ офицеръ былъ, точно! Добрый былъ, красивый, верхомъ на конѣ, я помню, ѣзжалъ онъ, денегъ давалъ мнѣ....

Тутъ окончательно уже пришла въ себя Александрюшка, при воспоминаніи о сынѣ, и хриплымъ, старушечьимъ голосомъ на всю комнату заплакала.

— Ви-и-вторюшка! Го-о-лубчикъ мой! Всѣ-то меня безъ тебя бьютъ, всѣ обижаютъ!...

— Ну, ужь теперь про себя пошла, — проговорила Лукерья, уходя въ кухню. — Жаль, раньше ты не пришелъ: такія тутъ сейчасъ Александрюшка исторіи городила—забава! Теперь опомнилась, объ сынѣ голосить принялась, — рекомендовала кухарка александрюшкину печаль одному знакомому солдатикю, который пришелъ потолковать съ ней бездѣлицу, до тѣхъ поръ, пока хозяйка съ рынка не приволокется. (Чортъ ее облупи совсѣмъ, толстую шельму! Всегда, какъ увидить, оретъ: зачѣмъ говорить, крупа, къ моей куфаркѣ шатаешься? У меня, говорить, благородные господа живутъ.)

— Черти вы, идолы! — орала Татьяна, до красноты упоренная полупудовою порціею говядины, которую она пригнала съ рынка. — Кричала-кричала, чтобы двери открыли, хоть бы собака какая бѣшеная отозвалась. Ну, эта сумасшедшая заговорится съ собой, не слышитъ; а ты-то здѣсь какихъ чертей собирала? — спрашивала сердитая съемщица у Лукерьи.

— Здравія желаю, Татьяна Ликсѣевна! — ласково раскланивался солдатъ, пряча за обшлагъ шинели только-что закуренную кореньковую трубочку.

— Надымилъ ужъ тутъ табачищемъ-то своимъ! — взялась на него Татьяна. — Вѣдь съ него собаки чихаютъ, а ты господскіе хоромы имъ сввернишь. И зачѣмъ только ты, крупа, къ моей куфаркѣ шатаешься? — повторила она свою обыкновенную фразу, на которую солдатъ никогда не могъ отвѣчать сколько-нибудь удовлетворительно. — Охъ, дѣлать-то вамъ нечего!... Ужо тебя барить какой-нибудь протолкаеть отсюда.

Не выдержалъ наконецъ солдатикъ нападковъ съемщицы и заговорилъ:

— Хочъ я теперича, Татьяна Ликсѣевна, и солдатъ, только никому обижать себя не позволю, потому не та наша линія... Такъ-то! А что теперь касательно, что я къ Лукерѣй пришель, она мнѣ въ сродствѣ, и вы ей сродниковъ своихъ запретить пускать не имѣете права, потому не къ вамъ я пришель.

Энергичнѣе этой оппозиціи, выставленной солдатикомъ татьяниной руготнѣ, никогда еще не видывалъ темный коридоръ, хотя, надо правду сказать, точно также онъ никогда и не слыхалъ болѣе зычнаго окрика, который задала въ это время Татьяна солдату за эту оппозицію. Остальной коридорный народъ былъ до того безцвѣтенъ и сносливъ, что хозяйкѣ на него и покричать-то какъ слѣдуетъ не удавалось, потому что всѣ ея самыя татарскія желанія, безъ малѣйшаго даже помысла о противорѣчій, въ ту же минуту исполнялись этимъ народомъ.

— Смолчи ужъ лучше, — совѣтовали другъ другу коридорные, когда кто-нибудь изъ нихъ осмѣливался возражать лютующей бабѣ. — Разозлится, на морозъ выкинетъ, тебѣ же тогда хуже будетъ.

Немножко не таковы были жильцы комнатные....

VIII.

Жильцы комнатные, или господа.

Описанный коридоръ раздѣлялъ комнаты *сневилью* на двѣ половины, въ каждой по четыре каморки, величаемыхъ Татьяной громкимъ именемъ номеровъ. Одна половина своими окнами была обращена на улицу, другая на дворъ. Въ одной изъ лучшихъ комнатъ, смотрѣвшей на улицу, въ качествѣ чловѣка, происходившаго отъ старинныхъ польскихъ магнатовъ, жилъ прапорщикъ Бжебжицкій.

— Да! я таки привыкъ къ нѣкоторому комфорту, — говорилъ сей обрусѣвшій сармать, закладывая зимой пальто для того, примѣрно, чтобы купить ничтожный коврикъ по двугривенному за аршинъ къ изодранному дивану, на которомъ онъ спалъ.

— Въ чемъ же вы теперь ходите будете? — спросить кто-нибудь у прапорщика въ то время, когда онъ производитъ свою спекуляцію.

— Есть мнѣ время рассчитывать, какъ и въ чемъ ходить я буду! — обыкновенно отвѣчалъ онъ. — Подите, спросите у Александрюшки: въ чемъ она будетъ ходить? Въ этомъ же самомъ и я ходить буду. Рекомендую ее вамъ, какъ самый лучший образецъ для всевозможныхъ подражаній, — прибавлялъ Бжебжицкій, когда у него заходилъ съ кѣмъ-нибудь изъ сожителей споръ о какомъ-нибудь трудномъ вопросѣ жизни.

— А все это меня Москва къ такимъ роскошамъ приучила, — откровенничалъ Бжебжицкій, съ жидомъ, принимавшимъ у него пальто, въ надеждѣ расположить своимъ добрымъ обхожденіемъ израильтянина къ тому, чтобы онъ взялъ съ него въ мѣсяцъ пять процентовъ, а не десять, какъ обыкновенно взимають израильтяне. — То-есть ты не повѣришь, Барадка, — ублаживалъ воинъ наипшельмѣйшаго жидка, — такими она меня суммами заваливала, теперь даже и подумать о нихъ грѣшно. А сама какая была, ежели бы я тебѣ ея портретъ показалъ, такъ ты, въ полное неистовство пришедши, непременно закричишь мнѣ... Но жидъ своими

черными, безстрастными глазами въ одно и тоже время осматривалъ и прапорщичье пальто, и самого прапорщика до того насмѣшливо и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно, что даже самая окриленная надежда заставить его что-нибудь вскрикнуть при взглядѣ на портретъ московской купчихи, становилась втупигъ; однакоже Бжебжицкій, какъ нельзя больше знакомый съ этимъ взглядомъ, все-таки продолжалъ:

— Ишаакомъ, Іаковомъ и Ижраилемъ клянущь, что ты, Барадка, непременно вскрикнешь: „Пане мой великій! пане мой, ухъ какой ясновельможный! Дайте мнѣ эту купчиху миррой и виномъ напоиць.“ Такъ-то, скверная ты тварь, жидъ ты, хриstopродавецъ, анафема! Вотъ я изъ-за чего мое пальто тебѣ закладываю: изъ-за купчихи собственно, потому что нынѣшній день предстоитъ мнѣ случай возобновить съ ней прерванное знакомство. Такъ ты обстоятельство это и чувствууй всѣмъ своимъ носомъ жидовскимъ.

Затѣмъ шла уже барадкина рѣчь.

— Ахъ, пане мой! — говорилъ Барадка. — Какъ же вы такъ хорошо по-нашему научились. Долго, должно быть, въ Полсѣ вы были; много, должно быть, вы нашему брату своихъ барскихъ вещей прозакладывали. — И все-таки вмѣсто того, чтобы дать прапорщику подъ его пальто шесть рублей, жидъ давалъ ему почему то десять, а процентовъ бралъ только восемь.

Такимъ образомъ велъ прапорщикъ свои дѣлишки. Всѣ они у него состояли изъ закладовъ и нерезакладовъ и постоянныхъ стремленій ухватить гдѣ-нибудь въ магазинѣ или лавкѣ, распродающей, вслѣдствіе нѣкоторыхъ коммерческихъ обстоятельствъ, по неимовѣрно-дешевымъ цѣнамъ, ухватить, говорю, товару какого-нибудь подъ заемное письмо сотняги эдакъ, канальство! на двѣ, на три, и потомъ бакнуть этотъ товарецъ, по крайности, за бумажку съ столбиками. Въ послѣднее время стремленія эти осуществлялись какъ-то съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже.

— Чѣмъ ближе къ гробу, — говаривалъ Бжебжицкій, — тѣмъ какъ-то несмысленнѣе дѣлаешься. Нынѣ нѣтъ уже той прозорливости, которая постоянно отличала столь эффектно бунтовавшую юность мою. Или ужъ народъ, то-есть что на-

ывается массой-то, измощенничался, испрогрессировался т. е. ходишь-ходишь около него съ цѣлями добыть отъ него свои благородныя средства — и ничѣмъ-то ты его не объѣдешь. Сама эта масса въ нынѣшнія голодныя времена каждую минуту дикимъ звѣремъ рычитъ, потому что запрось на хлѣбъ изо всякаго рта здоровый идетъ и тишины этой безмятежной, которою добрая старина отличалась, даже и въ провинціи не найдешь. Д-да-съ!

Никогда, даже и въ тѣ моменты, когда Бжебжицкій на-ходилъ на взводѣ, и слѣдовательно, судя по общечеловѣче-ски, въ большемъ или меньшемъ расположеніи къ откровенности, нельзя было добиться отъ него, кто онъ, откуда появился въ столицѣ и чѣмъ именно занимается въ ней. Рекомендую же я его за прапорщика на томъ единственно основаніи, что это было послѣднее его показаніе, которому почти никто не вѣрилъ, потому что за нѣсколько лѣтъ на-задъ Бжебжицкаго нерѣдко видали въ Москвѣ и подъ голу-бымъ околышемъ, и въ эксельбантахъ ученаго офицера, въ костюмѣ штатскаго фешіонебля, съ заливающей всю улицу своимъ ароматомъ сигарой во рту, и въ жалкихъ отреш-яхъ столичнаго пролетарія — не съ папирской даже, а просто-напросто съ бумажнымъ крючкомъ, набитымъ тютюномъ, гдѣ-нибудь на Цвѣтномъ бульварѣ или у будки, дружелюбно вспоминающимъ съ часовымъ про красоту родимой сара-товской степи, гдѣ въ одной деревушкѣ у часоваго, какъ слышно было изъ разговоровъ, проживала старая мать; а у Бжебжицкаго въ другой сосѣдней деревушкѣ находилось будто-бы имѣніе, небольшое, но хорошее имѣніе, отнятое во время его сиротства нѣкоторымъ старымъ дядей, отъ-явленнымъ мерзавцемъ и шельмой.

Видали, повторяю, люди, какъ прапорщикъ заговаривалъ, какъ говорится, зубы бутырямъ съ цѣлію, воскресивши въ ихъ памяти родныя и весело-зеленыя поля и родныя же, но черныя и печальныя избы, получить нѣкоторымъ образомъ приглашеніе войти въ теплую будку, обогрѣться и покаля-кать; а дальше — Бжебжицкій умѣлъ уже, какъ онъ самъ про себя говорилъ, держать фортуна за хвостъ — дальше въ буд-ку приходила какая-нибудь Матрена изъ сосѣдняго дома,

вынимала эта Матрена изъ своихъ кармановъ полфунтика сахарку, полтора золотничка чаю и становила самоваръ. Подъ его пріятное шипѣнье Бжебжицкій заводилъ нескончаемый разсказъ про свою сиротскую, бѣдственную жизнь, за что конечно получалъ хотя и косвенное награжденіе въ видѣ этого угостительнаго горячаго чая и мягкаго полубѣлаго хлѣба, которые такъ пріятно ложатся на начинавшій уже мертвѣть желудокъ. А ночь между тѣмъ, эта темная, съ холоднымъ, постоянно-морозящимъ дождемъ осенняя ночь,— все идетъ да идетъ вмѣстѣ съ этимъ печальнымъ разсказомъ про непрестанный голодъ и холодъ, про необходимость не унывать въ такія времена, про разныя веселыя шутки, которыми, въ свою очередь, молодцоватый бѣднякъ отражалъ нашествіе на него грозной нищеты; а простой народъ съ каждой минутой все внимательнѣе и внимательнѣе слушаетъ этотъ разсказъ и все любовнѣе и любовнѣе подчуется занимательнаго гостя.

— Вы вотъ что, ваше благородіе, — говоритъ наконецъ будочникъ, окончательно завоеванный барскимъ разсказомъ: — вы подождите на минуту говорить. Я вотъ по сосѣдству въ кабачекъ сбѣгаю, полштофика да селедочки захвачу. За одно ужъ. Кстати взгляну, дежурный нейдетъ ли.

— Ахъ, баринъ, баринъ! — задумчиво и печально произносятъ Матрена, смотря на гостя. — То-то, погляжу я на тебя, горя-то на своемъ вѣку много ты нахлебался!

— Бволю хлебнулъ всего: и горя, и радости, мать ты моя! Вѣдь вотъ теперь, признаться сказать, не по моей было губѣ вашъ чай, не привыкъ я пить такого; однакоже пью и сроду, кажется, сласти такой не видалъ. Вотъ до чего голоденъ!

— О, о-хо-хо! — простонала Матрена. — А мы, грѣшныя, все-то завидуемъ господамъ, все-то мы думаемъ, что у нихъ горя-то и въ поминѣ нѣтъ.

— Какъ же! Больше вашего еще. Ты не гляди, что они сладко ѣдятъ да одѣваются чисто. Ты вотъ, напримѣръ, сошла съ мѣста, нѣтъ у тебя квартиры, нѣтъ денегъ, такъ ты въ любомъ мѣстѣ у своего брата ночевать за Христа ради выпросишься, а барину-то стыдно христарадничать. Вотъ я которую ночь на улицѣ сплю....

— Баринъ хорошій! да ты нынче-то хощь у моего въ будѣхъ переночуй: все же теплѣе. Отдохнешь по-крайности...

Умѣлъ Бжебжицкій толковать со всякаго рода бѣдностью: и она его, и онъ ее до слова понимали.

— Я теперь ничего не боюсь, — говаривалъ прапорщикъ, — ко всему привыкъ и у самаго даже бѣднаго человѣка, что бы только ни захотѣлъ, все могу выпросить. Опять же и устроился я чудесно: всякое мѣсто для меня хорошо; сѣверныхъ случайностей не существуетъ.

Говорить это прапорщикъ, а самъ (беззаботный такой!) сидитъ на своемъ изорваномъ диванѣ и болтаетъ ногами. Его апартаментъ смотрѣлъ тогда тоже какъ-то особенно беззаботно, словно бы это былъ не человѣческой апартаментъ, а птичье гнѣздо, оставленное своими первоначальными хозяевами и служащее теперь мѣстомъ отдыха и ночлега для разныхъ перелетныхъ птицъ. Его пустота не страшила собой даже непривычныхъ, постороннихъ глазъ. Три легкіе соломенные стула, ломберный столъ, за отсутствіемъ надлежащаго количества ногъ прислоненный къ стѣнѣ, этажерка съ пылью и гравированное изображеніе какой-то красноватой и пухлой женщины съ надписью: „L'indocense“, богъ-вѣсть въѣтъ и когда повѣшенное на стѣну, оклеенную разводитистыми обоями, — все это вмѣстѣ съ прапорщикомъ какъ будто сейчасъ же готово было вскочить на никогда неустающія ноги и бѣчь за благородными жизненными средствами въ первую лавку, гдѣ, по слухамъ, удобно можно было прихватить кое-чего по-мелочи à bon crédit. Готово все это было, сказываю, безъ устали бѣгать по лавкамъ, по жидкамъ и по русскимъ ростовщикамъ — остепенившимся бабешкамъ, съ цѣлю отысканія у этого люда кредита, — прыгать и весело хохотать, ежели находился таковой кредитъ, и не задумываясь, не печалась, равнодушно разстановиться по прежнимъ мѣстамъ, ежели борода, такъ сказать, выметала изъ лавки прапорщика, а жидки и остепенившіяся бабешки просиди у него какого-нибудь цѣннаго залога.

Говоря вообще, изъ всего того, что обставляло темную жизнь Бжебжицкаго, только одинъ чернѣйшій кобель его былъ невозмутимо солиденъ и серьезенъ, каковое впрочемъ кобе-

линое качество нисколько не дѣлало прапорщика заботливѣе, а напротивъ подавало ему нескончаемые поводы къ разнымъ шуткамъ, которые обыкновенно смѣшили большею частью нахмуренныхъ жильцовъ комнатъ снебілю.

— Господа! часто крикивалъ Бжебжидкій черезъ стѣну своимъ сосѣдямъ. — Идите ко мнѣ, кто, какъ говорятъ хохлы, хочетъ позакусить трохи. Цампа будетъ за насъ философствовать, а мы, какъ говорятъ русскіе мужики, клюнемъ бездѣлицу.

Штука эта, когда униженные и оскорбленные сосѣди Бжебжидкаго, внявъ его предложенію — клюнуть, представивши философію исключительно на долю Цампы, — по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, исполнена глубочайшаго интереса. О томъ, съ какимъ бѣшенымъ остервенѣніемъ предается выпивкѣ изстрадавшаяся бѣдность, можно судить по слѣдующему совершенно справедливому анекдоту. У меня былъ одинъ пріятель, тоже изъ міра комнатъ снебілю, теперь старикъ ужъ, — башка, бывшая нѣкогда при самомъ Денисѣ штабъ-ротмистромъ, угорѣлый паеосъ которой простерся въ былые годы до того, что раззадоренная однажды лихою пѣсней безсмертнаго въ лѣтописяхъ московскихъ кутиль цыгана-Илюшки, она бросила ему семьдесятъ тысячъ, по тогдашнему счету, на ассигнаціи — и сама осталась въ одномъ разолоченомъ мундирѣ, при *свѣтлой сабли* полосѣ и съ поларшинными усами....

— Старичина! — спросилъ я однажды у этой башки, когда мы были съ ней въ гостяхъ у двухъ братьевъ, степныхъ помѣщиковъ, пріѣхавшихъ въ Москву просадить четыре тысячи рублишекъ, по нынѣшнимъ уже счетамъ, на серебро. — Старичина! — сказалъ я: — какіе бѣсы помогаютъ тебѣ вырѣзывать такіе страшные стаканищи?

— А это, — отвѣтилъ старичище, улыбаясь и покручивая свою сивую растительность, — это, говорятъ, братецъ ты мой, мнѣ не бѣсы помогаютъ, а сугубое представленіе, что завтрашній день на моемъ столѣ не только этой благодати не будетъ, а даже и рюмочки простой кокоревщины....

Вотъ что мнѣ сказалъ проерыжничавшійся старичина — и слѣдовательно Богъ съ ней, съ этой бѣдностью, когда

она обжирается за чужимъ столомъ, и даже Богъ съ ней и тогда, когда она опивается на чужія деньги, ибо и бѣдность, по моимъ теоріямъ, есть ничто иное, какъ живой человѣкъ, который, по пословицѣ, хочетъ калачика, какъ и всякая живая душа.

Готови́е вѣхъ и, слѣдовательно, прежде вѣхъ являлся на закуску къ прапорщику нѣкто Сафонъ Фомичъ Милушкинъ, — личность, принадлежавшая въ дни своего младенчества къ какому-то мудреному старообрядческому согласію. Это былъ маленькій, съ красноватымъ лицомъ человѣкъ, вѣчно думающій о чемъ-то, робкій и какъ-будто однажды навсегда испуганный какою-то страстью. Въ комнатахъ снебилью онъ прославился своею такъ-сказать пламенной любовью къ вышивкѣ, отличнымъ умѣньемъ пѣть въ подшитіи разные старинныя псалмы и по-истинѣ поэтическими разказами о своей прошлой жизни, о пугающей средѣ, въ которой она началась, и о тѣхъ совершенно-невероятныхъ причинахъ, въслѣдствіе которыхъ Сафонъ Фомичъ разорвалъ всякую связь съ этой средой.

Когда Милушкинъ находился въ трезвомъ видѣ, самый искусный дипломатъ не могъ бы добиться отъ него ни одного слова. Бывало, какой-нибудь франтъ, наскучивши свистать и маршировать по своей трехъ-аршинной кельѣ, придетъ къ Сафону Фомичу, сядетъ около него и начнетъ:

— Ну что, Сафонъ, какъ дѣла? Что ты намѣренъ теперь дѣлать?—Сафонъ молчаливо переходилъ отъ франта на другой стулъ и принимался молчать, если можно такъ выразиться, еще усиленнѣе и какъ-бы озлобленнѣе.

— Чтоже ты ничего не говоришь? Я пришелъ къ тебѣ, братецъ, по душѣ потолковать; слышалъ я вчера, что лекціи по винокурению будутъ читать. Вотъ бы тебѣ чудесно прослушать курсъ и на мѣсто устроиться.

— Н-ну д-да! — сквозь зубы процѣживалъ Милушкинъ.

— Право, попробовалъ бы, — продолжалъ пріятель. — Ваялъ бы ты, братецъ ты мой, билетъ на эти лекціи...

Сафонъ Фомичъ въ сильномъ негодованіи обыкновенно трясъ въ это время своими длинными волосами, какъ-бы

сбрасывая съ своей головы непавитнымъ билетъ на винокуренины лекціи.

— Да что ты головой-то трясешь, шутъ ты едакой? Тебѣ же добра желаю; мѣста, говорятъ, отягченія, олады большіе.

— Да отвѣжись ты отъ меня, Христа-ради! какъ-то болѣзненно и вмѣстѣ съ тѣмъ азартно векрививалъ Милушкинъ, и ежели пріятель не унимался и послѣ этого крика, онъ уходилъ со двора и пропадалъ нерѣдко на цѣлыя сутки.

Но выпивалъ Сафонъ Фомичъ — и совершенно мѣнялся. При одномъ только взглядѣ на полуштофъ лицо его принимало какое-то плачущее выраженіе; какая-то мука ложилась на него, вслѣдствіе которой Милушкинъ принимался тяжело вздыхать, крутить головою — и наконецъ уже выпивалъ, послѣ чего неукоснительно громко стучалъ по столу и скорбно морщился. И достовѣрно извѣстно, что въ Сафонѣ Фомичѣ эти пріемы были вовсе не заранѣе придуманнымъ маневромъ съ цѣлю посмѣшить и амѣтриста, и компанію, а просто какою-то необходимой мистеріей, безъ которой выпивка не имѣла бы для него никакой цѣны.

— Для чего ты морщишься, Сафонъ? — спрашивали у него собесѣдники, зная, что Сафонъ на взводѣ и что слѣдовательно, какъ всѣ шутки на его счетъ, находится въ полнѣйшей возможности разъяснить причину всѣхъ причинъ.

— Сгу-у-била она меня, чор-ртъ ее побори! отвѣчалъ Сафонъ, указывая на водку. — Гибель она моя! вотъ отъ чего я морщусь, потому мука.... Хочу совладать съ ней, и не могу; а отъ немощи этой страдаю.

Предстояшіе раздражались громкимъ хохотомъ, а Сафонъ съ скрежетомъ зубовъ наливалъ еще рюмку, съ злостью выпивалъ и приговаривалъ: — О, чтобъ тебя чортъ взялъ, проклятое зелье! Не было бы тебя, такъ и горя у меня не было бы никакого!...

Послѣ двухъ рюмокъ Сафонъ Фомичъ обыкновенно начиналъ, по выраженію Татьяны, комедь про свою злосчастную жизнь. Даже и хозяйка комнатъ, и кухарка даже, лѣзли тогда къ Милушкину съ своими шутками, упрасивая его рассказать имъ что-нибудь интереснѣе, — и Милушкинъ безпре-

ословно разговаривалъ и съ ними, приблизительно въ такомъ родѣ:

— И вамъ разсказать что-нибудь? спрашиваетъ онъ ихъ, по своему обыкновенію вилхиясь и какъ-то отчаянно подбучивая побѣдною головою. — Извольте, Татьяна Алексѣевна, извольте, Лукерья Онисимовна! Удобрствую и васъ. Примѣрно, какая теперь разница, спрошу я васъ, между мною и вами? Вы обѣ дубовые отрубки, и я по-настоящему долженъ бы быть дубовымъ же отрубкомъ. Идолъ! — гремѣлъ старовѣръ на Татьяну: — ты такъ и осталась дубомъ на всю жизнь, а я, на мое всегдашнее горе, въ животное превратился, въ живое животное, которое во всѣ мѣста каждая рука бьетъ, — и оно это чувствуетъ; а ты, етели тебя дама и въ рожу съѣздить, ты этого не почувствуешь, потому корою ты обросла столѣтней.

— Чортъ знаетъ что! Какъ же это не почувствую, когда меня бить будутъ? — отшучивалась Татьяна, видимо однако робѣя начинавшаго уже восторгаться Сафона Фомича.

— Да ужъ я тебѣ врать не стану. Ты слушай меня, дурь безмѣрная. Понимаешь ли ты, что соврать какъ ты напримѣръ ежесекундно врешь, — я не могу, какъ не могу не умереть когда-нибудь. И потому я тебѣ говорю: ты дубовый отрубокъ, которому легко жить, а мнѣ тяжело.

— Ну! говорилъ кто-нибудь изъ жильцовъ, — наслушается теперь Татьяна старовѣрческихъ отвѣченностей! — между тѣмъ какъ сама Татьяна, слушая эти отвѣченности, пугливо хихикала надъ ними, какъ говорятся, въ сторону.

— Такъ-то, Татьяна Алексѣвна! Ты вотъ какъ думаешь, что я здѣсь дѣлаю, живучи у тебя? Ты вѣдь, знаю я, полагаешь, что я ничего не дѣлаю, а такъ вотъ себѣ, баклуши бью?

— Какъ можно, Сафонъ Фомичъ, ничего не дѣлать! говорила Татьяна съ стыдливою и старающеюся быть почти-тельной улыбкой. — Все что-нибудь по своимъ дѣламъ орудуете, а тодько, признаться сказать, не знаю что.

— Вотъ я тебѣ сейчасъ скажу, чѣмъ именно я у тебя орудую здѣсь, — вызывался Милушкинъ. — Я, милая ты моя, наблюдаю, есть ли въ Москвѣ человекъ, которому бы жить на этомъ свѣтѣ хуже меня было? Вотъ что я дѣлаю! Наблюдаю — я не нахожу; не нахожу — и скорблю душой отъ зависти, что

всѣ люди какъ люди, а я ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Ты и то лучше меня. Изобью я тебя сейчасъ за это, бабница дурацкая! Всякому злу ты причина, всякому доброду начинанію гибель.

— Эй, Сафонъ! Опомнись, любезный!—уговаривали его сосѣди, выбѣжавшіе на крикъ Татьяны, которую несчастный начиналъ уже поталкивать.—Поди лучше выпей: мы за водкой послали.

— Любезное дѣло! соглашался Сафонъ.—Дуракъ я, вздумалъ въ бабой раздабарывать. Плевать нужно на бабъ всегда, а не раздабарывать. Пьемъ!

«К-кому повѣмъ печ-ча-аль мою?
К-ко-о-го призову къ рыданію?»

обыкновенно запѣвалъ Сафонъ Фомичъ, когда начиналъ, какъ говорится, заговариваться. Всякій, кто только не гнѣнился, могъ сдѣлать изъ него въ это время своего шута.

— Ну, Сафонъ,—приставали къ нему тогда со всѣхъ сторонъ: — расскажи пожалуйста, какъ ты попалъ сюда, зачѣмъ и почему?

— Можно! кричалъ Сафонъ.—Знаю, что вы смѣтаете надо мной, бестія, а я расскажу, — въ поученье ваше общее расскажу. Слушайте: родился я тамъ гдѣ-то, у чорта на куличкахъ; верстамъ отсюда до тѣхъ мѣстъ счету нѣтъ, только всѣ эти версты я собственными моими ногами измѣрилъ. Дѣдушка у меня былъ... только лучше я про дѣдушку моего ни слова вамъ не скажу, потому что вы такихъ людей и во снѣ ни разу не видывали. Въѣкъ вашъ не такой — и племя иное. И про отца тоже ничего не скажу, потому что и меня одного станеть про вашу потѣху дурацкую. Всего лучше будетъ, — продолжалъ Милушкинъ, сердито наморщивая брови и какъ-бы опаматовавшись, — ежели я про весь домъ нашъ не буду говорить съ вами: испугаетесь вы пожалуй до того этого дома, что и смѣяться надо мной перестанете.

— „Не по носу вамъ этотъ домъ, ребята! — словоохотливо добавилъ Сафонъ Фомичъ, расцвѣчая насильственной улыбкой свое лицо, всегда помрачаемое воспоминаніемъ о родимомъ домѣ: — букетъ его, братцы, сразу перехватить вамъ

носые хрящи, даромъ-что вы ребята обстрѣленные, — ко всякимъ, слѣдственно, ароматамъ привыкли.

„У насъ, бывало, въ дому по цѣлымъ ночамъ мать, какъ Рахиль въ Рамѣ, стонала и убивалась; а сѣдой дѣдъ, съ морщинистымъ такимъ лицомъ, неподвижнымъ и сильнымъ какъ гора каменная, тоже по цѣлымъ ночамъ за толстою книгою въ кожаномъ переплетѣ сидѣлъ, и дочь, отъ слезъ обезумѣвшую, ни однимъ взглядомъ, бывало, не пробовалъ утѣшать. Сидить, говорю, бывало, въ переднемъ углу, какъ темная туча, и бубнить свою книжку; а въ окна большой избы, освѣщенной тонкимъ сальнымъ огаркомъ, такой-то ли крикливый вѣтеръ просился, — тоска!..

„Но и матери плакать, и дѣду благочестивымъ книжнымъ чтеніемъ заниматься ничуть не мѣшали ужасы страшной лѣтней сѣверной ночи, потому что горе нашего дома было въ тысячу тысячъ разъ страшнѣе этой ночи....

„Только я вамъ и объ этомъ горѣ не буду больше рассказывать; лучше же я вамъ расскажу про отцовы и про дѣдовы книжки, по которымъ я читать выучился. Это были толстыя, почернѣвшія книги, которыя такъ угрюмо высматривали изъ темнаго передняго угла, гдѣ онѣ обыкновенно лежали, словно бы говорили ребятишкамъ эти книги, что вотъ-де, мальчуганы, какія мы сердитыя! Много объ васъ хворосту изстегаютъ, много волосенокъ повидергаютъ, когда будутъ васъ учить вникать въ насъ. И боялись же за те ребятишки этихъ книгъ! Только, бывало, картинками, нарисованными въ нихъ, и можно было подмануть ребятенюкъ къ этимъ книгамъ. Подойдешь, начнешь перелистывать, а отъ листовъ пахнетъ воскомъ и ладаномъ, божьимъ деревцомъ и кипарисомъ, и всѣ онѣ переложены узорчатымъ кружевомъ, разноцвѣтными лентами и широкими прорѣзными древесными листьями. Не наглядись, бывало, на книги, когда, осиливши первый страхъ, станешь разсматривать ихъ. Особенно, я помню, занимали меня двѣ картинки. Одна изъ нихъ была въ псалтырѣ и изображала пророка и царя Давида, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, поднятой къ небу, гдѣ видны были зеленые верхи райскихъ деревьевъ, съ стволами густо-позолочеными, — въ свѣтлыхъ, широкихъ оде-

ждахъ и съ гуслями въ рукахъ. До того, бывало, космо-тришься, глядя на эту картинку, что на яву шевелились предъ тобой листья небесныхъ садовъ, порхали въ нихъ и пѣли какія-то невиданныя птицы, и царскія гусли тоже пѣли вмѣстѣ съ ними до того сладко, что все сердце въ тебѣ жужжитъ, слушая эти пѣсни. Опомнишься, возьмешь другую книгу, съ другой, особенно мнѣ памятной картинкой: тамъ, съ молніями въ карательно-распростертыхъ рукахъ, былъ изображенъ Господь-Савоофъ въ видѣ старца, царящаго надъ землей на многокрылыхъ ангелахъ....

»При взглядѣ на лицо разгнѣваннаго Бога, на эти амбистыя, слегка подернутыя золотомъ молніи, детяція изъ его молучей руки, непременно, бывало, перекрестился и зашепчешь: святъ, святъ, святъ... потому что кажется тебѣ, какъ рассказывать дѣду про страшный судъ, что вотъ-вотъ сейчасъ колыхнется земля на своихъ основаніяхъ и запыластъ всеобщимъ пожаромъ, что волны того пожара достигнутъ до самаго неба....“

Тутъ старожѣръ приходилъ въ окончательный экстазъ. Его маленькое, опущенное впрочемъ большою рыжею бородою лицо гнѣвно морщилось и свѣтлѣло, на лбу ложились совершенно-старческія глубокія морщины, придававшія этому лицу выраженіе несокрушимой силы, и злобно стуча кулакомъ по столу, Милушкинъ продолжалъ свой рассказъ съ такимъ горячимъ одушевленіемъ, какъ-бы нашелъ онъ сейчасъ противника, который на-смерть оспариваетъ правду его разсказа.

— Воспитади меня эти книги дди славы Бога моего, которую я неустанно хочу проповѣдывать. Что вы думаете, шуты вы, гробы вы поваленные? Можетъ-быть проповѣдь моя загремѣла бы въ уши ващи какъ громъ Савоофа, который въ старой книгѣ на картинкѣ душа моя видѣла и слышала, можетъ она образумила бы васъ, перекрестились бы вы отъ нея можетъ-быть. Али нѣтъ? не перекрестились бы?... То-то и я самъ думаю, врядъ ли, потому что душъ у васъ нѣтъ, и сердце нѣтъ, а есть только одиѣ утробы....

— Ну, будетъ, ребята! Пошалили и баста! Ну-ка, кто мнѣ нальетъ водочки? Ибо руки мои уже не двигаются, —

закончилъ Милушкинъ, грустно понинувъ головою на залитый водкою столъ.

А между тѣмъ всё, что называется, храбрые выпивки уже стеклись къ Вжебжицкому на его закуску, которая, съ каждой минутой свирѣпѣя все больше и больше, превратилась наконецъ въ бурно-шумящую оргію. Сначала выпивку разжигали воспоминанія старовѣра, а потомъ уже настоящій ходъ и значеніе придали ей два неразлучные друга — одиакъ отставной учитель гимназій, кривой и обезобразенный оспой, по прозванію Степанъ Гробъ, главная жизненная сладость котораго заключалась въ постановкѣ, какъ онъ говорилъ, разныхъ глубокихъ вопросовъ, и другой — нѣкто уволенный студентъ Венедиктовъ, прозванный за свою касту Нинитою Пустосвятомъ, а за гигантскій ростъ Високоснымъ-Годомъ или отставнымъ драбантомъ его шведскаго норвегскаго величества. Этотъ мужъ считался звѣздою первой величины на горизонтѣ комнатъ *снѣблмо* за свое необыкновенно-оригинальное умѣнье играть на гитарѣ.

Високосный-Годъ уже разошелся до такой степени, что его варіаціи начинали временами обращать на себя вниманіе самыхъ пьяныхъ; Вжебжицкій подъ эти звуки сладострастно разлегся на своемъ диванѣ, задумчиво раскачивая въ рукѣ свой черешневый чубукъ; Амаліи Густавовны и Адельфины Петровны, обманутыя нѣкоторыми мотивами, пробовали подпѣвать подъ гитару, но драбантъ не любилъ, чтобы кто-нибудь, а тѣмъ болѣе кака-нибудь Адельфонна или Степанидка вмѣшивались въ его фантазіи, и потому онъ время отъ времени во все свое громовое горло безъ церемоній кричалъ: — „Цыцъ, бабы! не то гитарой головы разобью!“

— Гдѣ, гдѣ молодое поколѣніе? — кричалъ Степанъ Гробъ, наирая на нѣкотораго молодца, прозваннаго одними мистерами Скимполемъ изъ Холоднаго Дома, другими же Пляшущимъ Маколеемъ. — Гдѣ оно, это новое поколѣніе? азартно переспрашивалъ Гробъ, яростно вращая единственнымъ глазомъ. — Ужь не это ли? доискивался онъ, тыкая пальцемъ въ одного шестиклассника-гимназиста, тоже жильца комнатъ. — Это вовсе не молодое поколѣніе, а это просто-напросто молодой пьяница!

— Bravo! заорать такимъ образомъ рекомендованный гимназистъ, конфузливо присѣдая отъ неестественнаго кохота. — Bravo, Степанъ! (Прибавить слово „Гробъ“ къ имени своего бывшаго учителя гимназистикъ все еще по старой памяти опасался.) Я съ тобой совершенно одинакихъ убъжденій насчетъ молодаго поколѣнія.

— Поди къ свиньямъ, губошлепъ! оттолкнулъ единомышленника грубый Гробъ. — Коего чорта ты смыслишь въ этихъ дѣлахъ? Ступай-ка лучше, паси овцы отца твоего.

Гимназистикъ вломился было въ амбицію, но старовѣръ не допустилъ разгорѣться порывамъ мальчика.

— Полно тебѣ связываться съ этой заразой, юноша! сказалъ Милушкинъ гимназисту. — Ты развѣ не видишь, что это пьяный циникъ? А пьянаго циника, милый ты мой, отъ смехи отличить невозможно. Хуже и гаже этого народа ни одной гадости во всей подсолнечной нѣтъ. Ейбогу! Вѣрты моему слову. У тебя отецъ-то кто былъ? Помѣщикъ? Ты, значить, за текущій мѣсяць за мою квартиру сполна заплати: мнѣ, знаешь, дружечекъ, взять негдѣ. Ейбогу! Стой, я тебя поцѣлую. Такъ-то, милый ты мой, береги свою юность, не пей,—скверно. Вотъ и выучилъ меня отецъ грамотѣ, и принялся я тѣ толстыя книги читать. Читаешь-читаешь, бывало, и уснешь; а во снѣ представится тебѣ, какъ на ладони, Кіевъ святой съ своими пещерами, храмами, монастырями и широкимъ Днѣпромъ. Ходилъ я, братецъ ты мой, въ Кіевъ, взрослый уже,—недавно ходилъ; только, божусь тебѣ, точь-вточь я во снѣ такой же Кіевъ видѣлъ, какой онъ въ самомъ дѣлѣ есть.... Не вѣришь? Такъ я тебѣ вотъ что скажу: я видѣлъ во снѣ Римъ, и его форумъ, и его императоровъ, мучившихъ нѣкогда христіанъ, Голгофу съ тремя крестами, и поля, окрестныя Иерусалиму, по которымъ ходилъ Христосъ; видѣлъ, какъ процессія попа-Никиты на споръ по Москвѣ шла; а теперь, когда уже я не отцовы, а другія книги читаю,—другое совсѣмъ вижу. И вотъ, милый ты мой мальчикъ, скоро, скоро я брошу скверну мою и пойду, и пойду.... Да! ты вѣр мнѣ.

А предъ Степаномъ Гробомъ, вмѣсто сраженнаго имъ Пляшущаго Маколея, стоялъ уже другой юноша, высокій и

стройный, блѣдный такой и серьезный. Не горячася и не рисуяся, тихо говорилъ онъ своему мрачному оппоненту:

— Опытъ, кто говоритъ противъ этого, очень хорошая вещь; но жаль, что дальше своего носа онъ ничего не видитъ....

— Bravo, Ваня! хохоталъ Милушкинъ, вслушавшись въ послѣднія слова молодаго человѣка. — Катай ихъ съ этой точки зрѣнія. Спроси у нихъ, куда они дѣнутъ жизнь сердца, куда они дѣнутъ мои сны? Ха-ха-ха! куда они дѣнутъ ихъ?

— Валяй, бабы! могуче крикнулъ отставной драбантъ его королевскаго шведскаго величества. — Теперь ваша очередь. — И онъ ударилъ на гитарѣ что-то такое, въ одно и тоже время и ноющее и веселое, отъ чего иногда русская бабья душа не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Одна изъ Адельфинъ сразу угадала, какую именно сельскую пѣсню поетъ гитара артиста, голодающаго нѣсколько лѣтъ въ городѣ съ цѣлью подробнѣе изучить характеръ своего пѣвучаго друга.

«Ахъ, гдѣ ты была,
Моя нечужая?
Ай въ степи ты брала лежъ,
Ай ты съ кѣвъ гуляла?»

вскрикнула Адельфина вмѣстѣ съ звучно-трепетавшими струнами, въ одно мгновеніе переставши быть Адельфиной и дѣлаясь, какъ встарину, послушною дочерью дяди Петра, чернобровой утѣхой и работницей родимаго дома. Родимая пѣсня распрямила ея станъ, сгорбленный городомъ; отъ зеленыхъ полей, на которыхъ растетъ пахучій ленъ, засвѣтились потухшіе глаза и покраснѣлись прежде времени поблѣдѣвшія щеки.

— Охма! гремѣлъ Високосный-Годъ, заливая волнами какъ стаю легкихъ полевыхъ пташекъ щebetавшихъ трелей комнату Вжебжицкаго.

«Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь!»

оралъ онъ въ поощреніе дѣвушки, и живо пальцы его унитожили въ гитарѣ тотъ разгулъ, съ которымъ она спраши

вада у нечужой, *идь она была*, потому что нечужая на повторенный вопросъ:

«Охъ! гдѣ же ты была?
Завалилася?»

отвѣчала:

«На дыривомъ я мосту
Провалилася!...»

И такъ-то скоро, такъ-то порывисто послѣ этого заплакали струны, словно бы больная истерикой женщина; а Адельфина такъ-то плясала подъ этотъ плачь, такъ-то она отчаянно отбивала дробь двухвершковымъ каблукомъ своего городского башмака, что всѣ жильцы темнаго коридора, всѣ эти Татьяны и Лукерьи наперерывъ лѣзли къ дверямъ и оттуда смотрѣли на нее, подставивъ почему-то подъ бороды свои руки, что обыкновенно дѣлаютъ Татьяны и Лукерьи тогда, когда ихъ обуреваютъ какое-нибудь сильное горе...

— Дѣйствуй! закричалъ вдругъ Сафонъ Фомичъ, бросившись въ плясъ съ быстротой совершенно-трезваго чело-вѣка.

И пошло!...

Я лично, тоже жилецъ самой крайней комнаты снебилью, обращенной однимъ окномъ на дворъ, а другимъ упирившейся въ какую-то высокую кирпичную стѣну, пришелъ въ это время къ Бжебжицкому, лишь только слышалъ топотъ знакомаго трепака.

— Знатокъ я, братъ, своего дѣла! обратился ко мнѣ Сафонъ, выдѣлывая неимоверную присядку. — Что давно не пришелъ? Я, любезный, такую тутъ безъ тебя фигуру отмочилъ, совсѣмъ новую! Жаль, что ты не видалъ. Ну, благо теперь пришелъ. Выпьемъ съ тобой — и качнемъ старинную. Готовься, ребята!

Всѣ откашлялись; а я зажмурилъ свои глаза, потому что не могъ пѣть *старинной* не зажмурившись!...

Выпилъ Сафонъ Фомичъ, крикнулъ, и нюхнувши маленькій кусочекъ хлѣбца, съѣлъ его, а потомъ уже началъ:

«О-о-охъ! Ты взойди, ты взойди, солнце ясное!
О-о-охъ! надъ горою да надъ высокою,
Надъ дубравой да надъ темною!

Обограй насъ добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ, сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ, безпаспортныхъ!»

Я, пронзающей фистулой, могущей дѣлать неописанныя вариации, и промовый басъ Високоснаго-Года, вмѣстѣ съ его десятиструнной гитарой, дружно принявшіе отъ заповѣдали вторую строчку пѣсни, сдѣлали то, что съ перваго же нашего оха, все что въ потѣ лица трудилось въ печальныхъ недвалахъ дома комнатъ *снабилью*, — все это разлилось передъ нашими окнами и слушало старинную пѣсню, отъ которой тяжкій стонъ шелъ по цѣлому дому.

— Важно поютъ! толковала публика.

— Играютъ безподобно! И все это студенты отличаются.

— Студентамъ однимъ такъ не сыграть: безпрерывно есть и господа.

«О-охъ! Сиро-отъ бѣдныхъ, безпаспортныхъ!»

тянули колокольчиками дивканты Адельфинъ, Татьянъ и Лукерья, по-временамъ заливаемые волнистой октавой драбанта и такъ-сказать горюющимъ теноромъ Сафона Фомича, который впрочемъ, по правдѣ сказать, никогда не выстаивалъ въ самыхъ верхнихъ нотахъ противъ моей фистулы.

— Вонъ она, сиротская-то наша-матушка раскатывается! восхищался народъ, все больше и больше наводнявшій нашъ дворъ. — Вишь господа-то ее какъ вздымаютъ: поди чай, подъ самымъ небушкомъ слышно.

— Тебѣ же говорятъ, что это не господа! поучительно замѣтилъ восторгавшемуся парню какой-то, по всѣмъ примѣтамъ, мастеръ. — Не господа, а такъ, скубенты простые, — народъ больше, не хуже нашего брата, бѣднякъ.

— Пшоль, негодный шеловѣкъ, негодная твоя тварь! загонялъ своихъ рабочихъ въ покинутыя ими мастерскія нѣмецъ-красильщикъ. — Какой теперь шась? гнѣвно шумѣлъ онъ. — Гдѣ ты долженъ быть въ этотъ шась? Ты долженъ быть въ мастерской, а онъ тутъ на всякое глупство уши раздвинулъ. Никогда этого не пойметъ, шортова голова, что въ мастерской надобно быть въ одинъ шась, а въ другой глупствомъ заниматься.... Пшоль, пшоль!

Веселая насъ, господа, компанія собралась въ комнатахъ *снѣбилью!* До того веселая и хорошая, что шестиклассникъ-гимназистъ всю слѣдующую за выпивкой недѣлю старался, по примѣру Степана Гроба, становить разные глубокіе вопросы и, также какъ онъ, кавалерски, или какъ говорили въ комнатахъ, съ криваго глаза, рѣшать ихъ; надувался онъ, бѣдный, изо всѣхъ силъ быть такъ же народнымъ, какъ Сафонъ Фомичъ; у Високоснаго-Года учился на гитарѣ; а жо мнѣ (о горе мнѣ, развратившему своимъ примѣромъ единого отъ малыхъ сихъ!) ко мнѣ, говорю, всю недѣлю при-ставалъ поисправитъ немножечко какой-то разсказъ и похлопотать въ какой-нибудь знакомой редакціи о скорѣйшей выдачѣ ему за этотъ разсказъ гонорарія, который, я увѣренъ, этотъ нарень, въ качествѣ сына своего вѣка, употребилъ бы на выпивку, шикарнѣйшую выпивки прапорщика Вжебжицкаго...

А. Левитовъ.

СКАЗКА

О ДВУХЪ БРАТЯХЪ РАЗБОЙНИКАХЪ

■

О ДЕСЯТОЙ СЕСТРИЦѢ ГАЛѢ.

I.

Жила одна вдова около Кіева, на Подолѣ, и самое несчастное было ея житье. Терпѣла она великую нужду и убожество. Жила вдова при большомъ городѣ, гдѣ громоздились богатые дома, гдѣ сіяли и сверкали церкви съ золотыми крестами, гдѣ люди съ утра до ночи копошились тмѣй-тмущей, а такого безпощаднаго убожества, каково у вдовы было, хотъ бы поискать въ самой глухой глуши, гдѣ человѣческаго жилья не отыщешь, человѣческаго образа не встрѣтишь и голоса не услышишь, а живешь съ звѣрами да съ птицами, съ деревьями да съ камнями, съ горами да съ рѣками: звѣри рыскаютъ себѣ на добычу, птицы поютъ, деревья шумятъ, камни лежатъ, горы высятся, рѣки текутъ и некому тебѣ помочь, ни poradѣть; не кому посовѣтовать, ни пожалѣть.

Было у вдовы девять сыновей и десятая дочь, Галя. И уродились всѣ девять сыновей одинъ въ одного: голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ; только самый меньшой сынъ былъ чутьчку побѣлѣй да повѣжливѣй, — всѣ свѣжіе, смѣлые, чернявые мальчики и

всѣ любили и лелѣяли свою сестрицу Гаю, а больше всѣхъ меньшей. И всѣхъ любила и ласкала сестрица Галя, а больше всѣхъ меньшого. Случается, пойдутъ братья по ягоды въ боръ, или по грибы и возьмутъ сестру съ собою, то ужь никому не уступить меньшей нести усталую Гаю на рукахъ и ни къ кому Галя не пойдетъ на руки съ рукъ меньшого брата. А когда братья одни ходять и гуляють, и воротятся домой,—всѣмъ обрадуется Галя, а въ перваго въ меньшого брата, такъ и вопьется губками, какъ пѣвочка, такъ и обовьется ручками, какъ хлѣиночка. А когда не угодать ей въ чемъ братья, Галя поплачетъ и погорюетъ, и пожалуется въ слезахъ и въ горѣ, да и конецъ, а если меньшей братъ что не по ней сдѣлаетъ, такъ Галя и словечка не сможетъ вымолвить, и убѣжить отъ всѣхъ и спрячется отъ всѣхъ и найдутъ ее потому только, что громко рыдаетъ она, и никто ея слезъ унять, ни ручекъ отъ личка отцѣпить не съумѣетъ и не сможетъ кромѣ все того же меньшого брата.

Жила вдова съ дѣтьми въ хаткѣ — и хаткой-то называть нельзя—въ хижинкѣ и стояла вдовица хатка на лугу подъ горою, вдалекѣ отъ всякаго другаго жилья; стояла на широкомъ, зеленомъ лугу. Съ одной стороны нависла каменистая гора, поросшая лѣсомъ, надъ хатой и точно грозила: вотъ захочу одинъ камень покочу и тебя, хатку, совсѣмъ придавлю. Направо мимо хатки вилась дорога въ городъ,— и какъ была тиха и пуста эта дорога мимо вдовиной хатки, и какъ чѣмъ дальше къ городу, все люднѣй и живнѣй, пылить и стучить, а тамъ-тамъ, гдѣ взбѣгаетъ она на гору и одѣ улицы домовъ толпами къ ней приступаютъ, какъ она шумна, пыльна и людна! Та же дорога вилась налѣво по лугу, все по лугу, по мягкой зелени и завивалась изъ глазъ все по тому же мягкому лугу. Отъ самой хатки узенькая дорожка перекрещивала эту дорогу и бѣжала къ самому Днѣпру.

И вѣрно всякій, кто мимо ѣхалъ и видѣлъ хатку, думалъ: что за маленькая хатка стоитъ, какъ она въ землю вошла и покривилась, какъ окошечко покосилось и какъ крыша убралась въ зеленый и сѣрый мохъ. И не огорожена хатка, и безъ сѣней, и безъ коморы; и ни садика, ни огородчика около, только старая, тихая груша съ сломанною вершиной. И сколько дѣтей во кругъ. А еслибы кто свернулъ съ дороги и вошелъ въ хатку,

такъ увидалъ бы, что какъ ни мала хатка и сколько въ ней ни живетъ душъ, совсѣмъ она пустая. Ничего тамъ не было, кромѣ лавки, да узкой подочки, гдѣ стояла миска съ ложками. Печь растрескалась и осыла, на запечкѣ опрокинутый горшокъ: два колочка въ стѣнѣ, на которыхъ ничего не висѣло, столъ съ цѣлью во всю длину посрединѣ, на которомъ ничего не стояло; въ углу образъ съ стершимся ликомъ, обвитой сухими и свѣжими цвѣтами, — вотъ и все. А еслибы кто спросилъ дѣтей: гдѣ же ваши рубашечки? гдѣ ваша одежда? Дѣти бы показали тому, что ихъ рубашечки сушатся на берегу, а другой одежды нѣтъ у нихъ никакой. «А зимой? а въ холодъ, въ морозы?» — «Зима, холодъ, морозы? О, это не хорошее время! Только она начинается подходитъ, мать пуще плачетъ и все повторяетъ: «какъ-то мы перебудемъ! Какъ-то мы перебудемъ!» И скучно всегда, перебивать: холодно, надо сидѣть на печи поджавши ноги, а если выбѣжишь на лугъ и потанцуешь по снѣгу, такъ скоро, какъ обозженный, бросаешься въ хату, на печь опять сидѣть поджавши ноги. Игра въ докучную надоѣдаетъ, и только еще одну Галю немножко смѣшить, а всѣхъ сердить; знакомая сказка объ Иванѣ никого не трогаетъ, только Гадю немножко. День такой коротенькій, быстро вечеръ наступаетъ и въ хаткѣ дѣлается темно.» И сидятъ они въ темнотѣ на печи, ждутъ мать съ поденщины и молчатъ; только Галя иногда оробѣетъ и шопотомъ спрашиваетъ: «что если волкъ придетъ?» — «Не придетъ, отвѣчаютъ ей всѣ.» — «А что если Бука придетъ?» шепчетъ опять Галя. Всѣ ближе другъ къ дружкѣ придвигаются и говорятъ Галѣ: «О, трусиха!» а меньшей беретъ ее на руки. «А какъ придетъ волкъ?» опять таки пристаётъ Галя, и всѣ сию недовольны кромѣ меньшого — меньшей ее потихоньку успокоиваетъ. И Галя успокоивается и иногда пѣсенку запоетъ про журавля, что «длинноногой журавель на мельницу ѣздилъ, диковинку видѣлъ», и меньшей братъ чуетъ, какъ длинноногой журавель ѣздилъ и какъ диковинку видѣлъ, потому что Галя подъ пѣнье треплетъ брата обѣими рученками по лицу. Пѣсенка какъ-то незамѣтно обрывается; длинноногий журавель остается на дорогѣ и Галя засыпаетъ у меньшого брата на рукахъ. Скучно-скучно! холодно - холодно! темно - темно! Въ покосившееся окошечко видѣнъ лугъ надъ бѣлымъ снѣгомъ. Бѣлый снѣгъ то заблеститъ, то потеряетъ блескъ — это значитъ мѣсяць ныряетъ

въ облакахъ. Что-то дальше будетъ: заблеститъ ли бѣлый снѣгъ еще ярче при мѣсяцѣ и звѣздахъ или повалитъ снѣгъ свѣжій, мятель разыграется, забьетъ окошечко покосившееся, занесетъ дорожку, задержитъ мать дольше? И что мать принесетъ имъ?

Вотъ по снѣгу скрипятъ поспѣвшихъ, слабыхъ и невѣрныхъ шаговъ, дверь въ хатку отворяется — мать пришла. Она пришла измученная, измержшая. Что она принесла? Принесла хлѣба, картофелю, а если еще немножко крупъ на кулишъ такъ ужъ и хвалится дѣтямъ, что вотъ мы себѣ сваримъ кашницу. И всѣ ждутъ кашницы, а Галя загода-загода усядется съ ложкой въ рукахъ и время отъ времени окликается: мама? и окликается такъ, словно она храбро рѣшается спросить о томъ, что всѣхъ томить и вмѣстѣ даетъ всѣмъ силъ терпѣливѣй ждать. Послѣ каждого оклика она принадлежитъ къ меньшому брату, будто говоря: какова твоя Галя? И братъ гладитъ ее по головкѣ и даетъ пенять ей, что славная она Галя.

Затопленная печь разгорается и трещитъ, красное пламя играетъ на окошечкѣ, изъ печныхъ щелей выходятъ струйки дыма—хатка въ одво время и освѣщается огнемъ и наполняется дымомъ: ясно видна измученная фигура, что хлопочетъ у печи, но нельзя разглядѣть, что за думы у ней на лицѣ, что за лицо; то покажется, что она усмѣхается и заботливо спѣшитъ и хлопочетъ, то покажется, что ее душитъ какая-то печаль и бользнь чего-то, и отъ этой духоты она такъ суетится около печи; это не отъ дыму у ней слезы бѣгутъ.

Наковецъ ужинъ готовъ; Галя смѣется и всѣ ужинаютъ и спать ложатся.

Огонь въ печи мало-по-малу потухаетъ, точно самъ начинаетъ дремать, тухнетъ совсѣмъ — въ хаткѣ темно и всѣ засыпаютъ.

Утренній холодъ никакъ не хочетъ дать воспатъ, пронимаетъ и во чтобы-то нистало хочетъ разбудить и будить. Ужъ мать печь затопила; опять дрова трещатъ и дымно въ хаткѣ, въ окно яркое солнце свѣтитъ и блеститъ снѣгъ. Готовъ имъ и завтракъ ихъ, и мать спѣшитъ идти на поденщину, и наказываетъ быть умницами и уходить. Въ воскресные дни имъ бывало лучше: мать не шла на работу, можно было влѣзть въ ея заплатанные

чоботы, завернуться въ ея худую кожанку и хоть трудно, а все можно было погулять около хаты, — и они гуляли всё поочередно, даже Галя, что была сама вся не многимъ побольше чобота. Потомъ, мать имъ разныя сказки часто рассказывала и были разныя. И что за славныя сказки иногда, что за смѣшныя такія! И они бѣ много смѣялись и тѣшились, еслибѣ не мѣшало имъ материно лицо, такое лицо измученное и тоскливое, даромъ что она не жаловалась и сама вмѣстѣ съ ними улыбалась смѣшному и веселому въ сказкѣ.

Одинъ разъ мать пришла домой и, входя, окликнула старшаго сына.

— Что, мама? — отвѣтилъ старшій сынъ и соскочилъ съ печи на встрѣчу ей.

— Что? что? что? — закричали другіе сыновья и посыпались съ печи, какъ спѣлыя груши. А Галя, протягивая рученки съ печи меньшому брату, ужъ кричала: «Кулишь, пшениный кулишь!»

— Нѣтъ, отвѣчали братья, — нѣтъ! — И сами тѣсно толпились около матери.

— Поподите, погодите, мои голубчики! — говорила мать, едва духъ перевода и сбрасывая обсыпанную снѣгомъ одежду. «Бублики!» закричала Галя съ нѣкоторымъ сомнѣвьемъ и будто страхомъ.

— О! о! о! — послышалось между братьями, и въ каждомъ о! то-то удивленья и радости было! «Бублики навѣрно!» закричала Галя смѣло и захлопала рученками.

— Галя! Галя! послушай: мама, чоботы принесла, — сказалъ меньшой братъ.

— О, чоботы! — вскрикнула Галя и сцѣпила рученки въ восхищеньи.

Да, это были чоботы, старыя, поношенныя маленькія чоботы, съ большими заплатами на обонихъ. Какъ переходили чоботы изъ рукъ въ руки, какъ чоботы разглядывали, какъ чоботами любовались! А Галя такъ чуть ихъ не поцѣловала, — она ужъ и губки сложила бутончикомъ, да засмѣялась, и, не медля минуты, вожала въ чоботы нарядиться, и протянула обѣ голенки ножки и на всѣхъ глядѣла радостно и жалостно, — такъ что ее сейчасъ же убрали въ чоботы и поставили середь хатки, какъ хорошую картинку; да навѣрно отъ-роду не было картинки съ такимъ смѣющимся личикомъ, съ такими танцующими глазенками! А

братья дивились, что жъ за пригожая Галя въ чоботахъ, и мать хвалила ее. Изморившись стоять, Галя съѣла; но чоботы не сняла и заснула въ нихъ, собираясь на другой день рано-рано-рано, рванехонько пдти далеко-далеко-далеко гулять; пошла-бъ она в себчасть, еслбпы не боялась волка изъ лѣсу, в еще больше тревожилъ ее противный Бука. Она даже не знала, гдѣ этотъ Бука собственно живетъ — въ лѣсу ли, подъ горой ли, на лугу ли, или въ Двѣпрѣ, въ пучинѣ, и не знала съ какой стороны его опасаться и откуда его остерегаться, — и онъ могъ вдругъ выскочить внезапно - негаданно....

Съ сонной Гали тихонько снялъ меньшей братъ чоботы и всѣ поочередно ихъ стали тогда примѣрять и всякій говорилъ, что ему въ самую пору, хотъ въ пору-то были чоботы, только самому старшему брату. Ему ихъ мать и принесла, и принесла для того, чтобы взять его съ собой завтра въ городъ и отдать хозяину въ наймиты.

— Къ хозяину! въ наймиты!— Всѣ глаза на него обратились, всѣ сердца дрогнули: кто удивленъ, кто смущенъ былъ; кого надежда на что-то чудесное волновала, а кого боязнъ, что-то будетъ? затомила; одинъ мысленно ужъ провожалъ его, другой уже встрѣчать сбпрался и слушать неслыханное, иной задумался, какъ жить безъ него они всѣ будутъ... Мать тревожна и грустна. А старшій сынъ отвѣтилъ матеря на это спокойно: «хорошо, мама!»

— Будешь хорошо служить, дитя мое, заслужишь ласку, выступишь плату, — говорила мать. — Богъ дастъ, потомъ себѣ и кожушокъ справишь.... Хорошо сыночекъ?

— Хорошо, мама! — отвѣчалъ ей опять сынъ.

— Хозяинъ твой, кажется, очень добрый человекъ будетъ; а если что тамъ и выпадетъ тебѣ въ службѣ лихого, ты, коханный... какое нибудь горе-лихо, то прими за добро... ты перетерпи.... Хорошо, сыночекъ?...

— Хорошо, мама! — отвѣчалъ сынъ.

Больше вдова ничего не могла говорить — голосу у нея не хватало, словно тяжелая рука ее душила. Она сидѣла ужъ молча и только глядѣла на старшаго сына и все тѣснѣй-тѣснѣй душила ее тяжелая рука... А сынъ старшій задумался и разсѣяннo отвѣчалъ братьямъ, что толпились въ хаткѣ, хлопали дверями,

поочередно надѣвали чоботы и выходили въ нихъ погулять около хатки, и толковали про братнину будущую службу. Мѣсяць свѣтилъ полный, звѣзды горѣли одна одной ярче; морозъ былъ сильный и снѣгъ хрустѣлъ подъ чоботами удивительно. Даже самъ старшій братъ, на что мальчикъ нелегкомысленный, а и тотъ, когда надѣл ихъ и вышелъ, такъ все оглядывался и останавливался, — точно его кто-то спрашивался поминутно: «Что ты за паробокъ въ чоботахъ? Эй, поробокъ у чоботахъ! чей же ты? скажи пожалуйста!»

На другой день морозъ былъ такой, что деревья трещали на горѣ и сыпали съ себя иней; солнце блѣдно сіяло, словно поблѣднѣло отъ стужи, тоже озябло, — а всѣ братья выбѣжали изъ хатки провожать старшаго брата. Вотъ онъ наряженный въ чоботахъ и въ материнскомъ большомъ платкѣ идетъ въ городъ.

— Пойдемъ, мое дитя, — промолвила мать старшему сыну. — А вы, голубчики, оставайтесь здоровы, — сказала она другимъ дѣтямъ.

И пошли они, а въ слѣдъ имъ кричали голоса и «будь здоровъ» и «воротися», и «поскорѣй воротися». А Галя только покрякивала: «братецъ милый? милый братецъ!» Всѣ танцовали они на морозѣ, пока скрылись изъ глазъ и мать и братъ; а потомъ вскочили въ хатку на печь, и такъ стало всѣмъ пусто-пусто безъ старшаго брата. Всѣ закручинились, а у Гали ужъ слезки капали.

— И я пойду въ наймиты, — сказалъ одинъ братъ.

— Вотъ такъ! — промолвила Галя и слезки закапали быстрой одна за другой.

— И я! и я! и я! — сказали всѣ братья вмѣстѣ.

У Гали слезки ужъ закапали по три, по четыре вдругъ, перерегали одна другую. — Ой лихо! — вскрикнула она. — Всѣ уйдете! Всѣ меня покинете! И ты! И ты меня покидаешь! Покид....

Но ужъ меньшому брату она не могла ничего больше сказать, а закрыла личико обѣими ручками и горько зарыдала.

— Полно, Галя, полно! — сказали братья. — Послушай, что тебѣ скажемъ.

Галя не слушала.

— Не плачь, Галя! — сказалъ меньшой братъ и взялъ ее на колѣни. — Я наймусь въ службу и заработаю тебѣ чоботы. Открой личико!

— Не хочу чоботъ!—рыдаетъ Галя, не хочетъ чоботъ и личка не открываетъ.

— Слушай, Галя.... Галичка! — говорилъ меньшей братъ. — Вотъ ты какая для меня не добрая! Вотъ ты меня какъ сокрушаешь!

Одна Галина ручка отнялась отъ личика и одинъ глазокъ, полнеховькій слезой, зирнулъ на брата, и рыданье остановилось.

— Подумай-ка, Галя, если мы всё пойдемъ въ наймиты, такъ всё себѣ чоботы купимъ, а тебѣ наилучшіе — всё себѣ мы кожухи купимъ, а ужъ тебѣ....

— И я пойду въ наймички,—вымолвила Галя, и другая ручка отпала отъ личика и глазки ужъ весело блеснули въ слезахъ.

И такъ порѣшили они всё—идти въ наймиты; а пока ужасно было имъ скучно сидѣть на печи, и моча нѣтъ жалко старшаго брата. И всё глядѣли, то по сторонамъ, то другъ на друга, точно что потеряли, безъ чего не знали, не умѣли какъ быть. Коротенькій день быстро бѣжалъ, но имъ казалось, что онъ нѣскольکو разъ ворочался назадъ, пока наконецъ вечера дождались и мать пришла. Сердца у всѣхъ выскочить хотѣли, пока мать разсказала, что старшій братъ у хозяина, что ему тамъ славно будетъ спать, онъ въ теплой хатѣ и кормить его будутъ хорошо.

— Слышишь? слышишь?—говорили другъ другу братья.— Вотъ ему какъ будетъ! Вотъ какъ чудесно!—И Галя покрикивала: «О славно! о люблю!» Но у братьевъ упали какъ-то ихъ живые, звучные голоса, и Галя какъ-то слабо ударила въ ладошки, только разъ, и потомъ притихла. И мать, хвалючи житье его, заиналась, слова замирали на дрожащихъ устахъ у ней....

На ужинъ былъ пшенный кулишъ, но никто до него и не дотронулся и никого сонъ не бралъ.

— Вы, дѣточки, не скучайте о братѣ, — начала было вдова, но голосъ оборвался и замеръ; она залилась горькими слезами и, какъ ослѣпленная, только ловила дѣтей около себя, схватывала ихъ и осыпала поцѣлуями, и все рыдала громче да громче. Горько и тихо плакали мальчики, а Галя такъ совсѣмъ отъ плачу обомлѣла....

Пошли дни за днями и часы за часами; попривыкли дѣти, что нѣтъ старшаго брата, но не перестали объ немъ думать и почти ежечасно его вспоминали, то тѣмъ, то другимъ. Теперь сказки

всякія и были по праздникамъ были брошены, а толковали съ матерью о братѣ; по праздникамъ мать ходила его провѣдывать и приносила отъ него вѣсти все тѣ же, что здоровъ, что служить... и это на разные лады брали и на разные лады объ этомъ толковали; представляли себѣ его хозяина, о которомъ знали, что онъ тучный, сѣдой человѣкъ, портной, и ходитъ въ синихъ шароварахъ и въ черной свиткѣ, шьетъ всякіе кожухи и свитки; хату хозяйскую себѣ представляли, о которой знали, что она въ три окна, крыта тѣсомъ, а внутри на бѣлыхъ стѣнахъ развѣшаны картинки, что изображаютъ птицъ яркоперыхъ, морскаго разбойника, турку въ красной чалмѣ съ книжаломъ въ рукахъ; представляли себѣ хозяйку, о которой знали, что она молодая и все вышиваетъ, сидя подъ окномъ, себѣ очипки шелками и золотомъ. И черную корову хозяйскую они себѣ представляли съ рыжимъ теленкомъ, а когда рѣчь заходила объ хозяйскихъ санкахъ и сѣрой лошади, такъ Галя начинала раскатываться изъ стороны въ сторону, словно она сидѣла въ санкахъ и бѣлая лошадь шибко везла санки по неровной ухабистой дорогѣ. Они сбивались, какъ лѣто придетъ, часто ходитъ къ брату; какъ только весна дохнетъ, пойти его провѣдать. Да, они пойдутъ къ нему, увидятъ его и наговорятся съ нимъ. То-то хорошо будетъ увидѣться! то-то ждатель досадно! то-то зима стоитъ студеная и лютая! Вотъ какъ въ хаткѣ на лугу думали объ старшемъ братѣ и больше всего на свѣтѣ желали свиданья съ нимъ, и Галя такъ часто говорила: «Хоть бы однимъ глазкомъ поглядѣть на него!» Что ужъ только поминала *однимъ глазкомъ*—все знали, на что хоть *однимъ глазкомъ* хочеть поглядѣть—и вздыхали.

А между тѣмъ хозяева старшаго брата смотрѣли на него только за тѣмъ, чтобы видѣть — исправенъ ли онъ, не проказитъ ли, и ни одного слова ему не промолвили кромѣ приказаній, наказу, грозбы да выговоровъ. И на площади, у колодца, куда онъ ходилъ брать воду, и гдѣ по утрамъ и по вечерамъ сбиралось много народу, рѣдко кто замѣчалъ серьезнаго, тихаго мальчика, что съ каждымъ утромъ и вечеромъ становился угрюмѣе, въ худенькой полотняной рубашонкѣ, въ ветхой свиткѣ, сшитой не по немъ, и въ плохенькой шапкѣ, который терпѣливо на трескучемъ морозѣ стоялъ, ждалъ своей очереди зачерпнуть воды; никто съ нимъ не заговаривалъ.

Главная почти у хозяйина работа ему была—таскать воду изъ колодца. До свѣта его посылали къ колодцу, къ далекому колодцу подъ горой на площади, когда еще весь городъ стоялъ въ сырой мглѣ, люди не показывались, дымокъ не висся и когда у колодца было пусто; иногда развѣ встрѣчалась наймишка или двѣ, да и то рѣдко. Его ведро пробивало замерзшій за ночь колодець и онъ тащилъ полныя ведра на гору. Притащивши два ведра, которыя хозяйка тутъ же расплескивала на умыванье своего черноброваго личика, и бѣлыхъ ручекъ и туда и сюда по хозяйству, — онъ опять шелъ за водою. Сизая мгла рѣдѣла, дымокъ висся, кое-гдѣ попадались люди и около колодца уже толпилось много народу—надо было ждать очереди. Онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ проворныя, хлопотливыя горожанки, заспавши долго, спѣшилы и перегонялы одна другую къ колодцу и отъ колодца, какъ шли наймишки, подѣзжали и отѣзжали бочки. Сизая мгла совсемъ исчезала, всходило солнце и сіяло—какими блестящими, холодными медружелюбными утрами онъ ворочался опять съ полными ведрами къ хозяйкамъ. Тутъ надо ему было чистить дворъ, носить дрова изъ сѣней въ хату, сбѣгать къ сосѣдкѣ Мотрѣ—спросить: когда будетъ мученика Лаврентія, въ среду и четвергъ, потому что хозяйка собиралась на именины къ шевцу Лаврентію; или сбѣгать занять у сосѣдки Меласы дрожжей немножко, потому что хозяйка собиралась ставить пироги; или сбѣгать на базаръ купить за грошъ иголокъ, если у хозяйки ломалась иголка, и много было, вдоволь было ему побѣгушекъ и тукманокъ. Но хозяйкѣ можно было угодить — хозяйка была веселая, безпечная женщина, которая, если не хозяйничала, такъ шла сидя у окна и нацѣвала и поглядывала изъ окна на проходящихъ, и поглядывала на себя въ зеркальце, что нарочно и повѣшено тутъ было противъ нея на гвоздикѣ.

Но хозяйину угодить нельзя было. Хозяинъ былъ придирчивый и капризный, и виѣсть съ тѣмъ жестокой человекъ. Жену свою онъ любилъ очень, а только утромъ глаза откроетъ, ужъ почуетъ придирается къ ней, и до тѣхъ поръ не отстанетъ, пока жена не заплачетъ или хоть не сберется плакать; тогда и доволенъ онъ, и скажетъ ей, что она ему милѣй всего на свѣтѣ и приласкаетъ ее и общаетъ какую-нибудь обнову купить. А маленькаго наймита онъ просто заѣдалъ безъ милосердія. Только стоило хо-

заниму завидѣть наймита, ужъ у хозяина было готово за что прикрикнуть на него, было за что пригрозить, было за что и толкнуть.... Мальчикъ никогда не отвѣтилъ ему грубаго слова, никогда оправданья своего не привелъ, никогда не паничился — все принималъ мальчикъ молча. Безотвѣтность раздражала хозяина, кажись, еще больше, и онъ цѣлый день не больше работалъ надъ кожухами и свитами, чѣмъ надъ тѣмъ, какъ бы получше донять этого терѣбливаго мальчика. Проходилъ день — какой холодный, блистающій, непріязненный день! Вотъ свечерѣло. Хозяинъ понесъ работу готовую, хозяйка къ сосѣдкѣ посидѣть или къ вечернѣ помолиться — наймитъ опять съ ведрами за водой къ колодцу приходилъ. Вечерами толпа у колодца была шумивъ чѣмъ утрами. Послѣ дневнаго труда и работы и заботы, поднимался смѣхъ, заводились громкіе разговоры.... Тутъ видѣлъ мальчикъ, какъ иная веселая и рѣвая дѣвушка, но усмирная ни трудомъ, ни работою, отъ души пѣла и подтанцовывала, танцовама и подпѣвала съ ведрами въ рукахъ для всеобщаго удовольствія и утѣхи; какъ кучера боролась другъ съ другомъ или брызгали водой и пугали дѣвушекъ, какъ иногда развеселившіяся наймитки тоже смѣлись и играли. Шумѣла толпа пока солнце не закатывалось. Солнце закатывалось, багровая вечерняя заря бросала на весь городъ свой багрянецъ и морозъ крѣпчалъ—звонко и рѣзко отдавались всѣ шаги по снѣгу, стукъ воротъ, ударъ колокола, захлопнутая дверь, влзгъ полозьевъ и бѣгъ санокъ, человѣческій голосъ и собачій лай. И вечеръ потухалъ; какой холодный, алый, одинокій вечеръ!

Въ хатѣ свѣча горитъ. Хозяинъ шьетъ, строчитъ какую-то полу, хозяйка вышиваетъ цвѣтокъ на очинкѣ—сидятъ около стола оба. Наймитъ ведетъ лошадь на водоню, задаетъ лошади и коровѣ корму на ночь, загоняетъ упрямаго кабана въ закуту приносить дровъ въ хату на завтра, щепаетъ лучину на поджогу, выгребаетъ золу изъ печи, смазываетъ хозяйскіе чоботы.... Все это время хозяинъ шилъ, хозяйка вышивала и что-нибудь хозяйку рассказывала о томъ, что видѣла на базарѣ, что слышала отъ сосѣдки. Хозяинъ слушалъ молча, но часто оглядывался на наймита, прикрикивалъ, грозилъ, случилось и то, что хозяинъ вставалъ отъ работы и каралъ наймита то за худо-привертую будто бы дверь съ сѣни, то будто бы за небрежность къ чоботамъ, за

которые онъ далъ не шалыя деньги.... Потомъ снова садится за работу, а хозяйка, глянувши на мальчюка, иногда вздохнувши, опять начинаетъ рассказывать. Въ хатѣ душно и жарко; развѣшанныя по бѣлымъ стѣнамъ яркоперыя птицы, кажется, обезумѣли отъ этой духоты и жары: одни растопырили въ отчаянныя крылья и такъ остались, безъ силъ летѣть, безъ силъ крылья сложить; другія въ томъ же отчаянны свернулись и нахохлились. Но морской разбойникъ, турокъ, всегда важно и смѣло глядѣлъ въ своей алой чалиѣ, держась за кинжалъ.... Сколько разъ, когда тушили огонь и хозяйка съ хозяйкой засыпали спокойно и крѣпко, истомленному, разбитому наймиту грезилось, что всѣ яркоперыя птицы срываются со стѣнъ и шумной, отчаянной стаей выются, бьются, кружатся надъ его изголовьемъ все быстрѣй, все тяжелѣй, все жарче машутъ яркими цвѣтными крыльями—все душивѣй отъ нихъ.... Вдругъ, словно вѣянье вѣтра, словно вода плещетъ, — исчезаютъ птицы всѣ, широкое и глубокое море колыхается и плещетъ въ берегъ, на берегу сидитъ турокъ въ алой чалиѣ, держась за кинжалъ, глядитъ на наймита смѣлыми и важными глазами и словно о чемъ-то спрашиваетъ и въ даль показываетъ.... Сколько разъ ему снилось, что поднимался на воздухъ съ птицами, падалъ и разбивался. Сколько разъ во снѣ онъ плавалъ по голубому морю и тонулъ.

Зима шла къ концу, но холода еще стояли сильныя и братья съ Галей сидѣли на печи, поджавши ноги. Дѣло было къ вечеру. Вдругъ шагъ, и мимо окошечка мелькнуло что-то.

— Мама!—вскрикнула Галя.

— Нѣтъ, это не мама, — отвѣчали братья.

— О! — прошептала Галя, глазки у ней вдвое увеличились, а бровки вдвое выше поднялись.

— Не бойся, Галя, — проговорилъ меньшой, и всѣ выглядывали съ печи, вытянувши шею. Дверь открылась и вошелъ старшій братъ.

Господи, какой крикъ раздавался при его видѣ! Какъ къ нему бросились! Какъ за него ухватились! Какъ не знали, что сказать и о чемъ спрашивать! Быстрая неожиданная радость, такъ захватила ихъ, что въ головѣ кружилось, въ глазахъ прыгало все кругомъ, всѣ обступили, всѣ схватили старшаго брата и больше чувствовали, что онъ тутъ съ ними, чѣмъ видѣли его; всѣ же

поразило вдругъ, что старшій братъ смертно блѣденъ, что волосы у него спутаны и всключены, что воротъ рубахи разорванъ, словно кто-нибудь силой схватилъ и разорвалъ, что лицо старшаго брата какъ-то искажено, и что онъ не промолвилъ ни слова обнимаючись съ ними, только тяжело дышалъ. И Галя первая вскрикнула:

— О, какой ты сталъ бѣлый! О какой ты сталъ найинтъ! Такой точно, какъ я видѣла, по дорогѣ хозяйскихъ воловъ гналъ, такой точно! такой самый!

И Галя живыми глазками спрашивала, правда ли ея?

Правда-правда. Сдѣлался старшій братъ бѣлый, какъ мѣлъ и истый найинтъ.... Но отчего воротъ рубашки разорванъ, отчего волосы всключены, отчего лицо такъ искажилось, отъ чего едва дышетъ онъ трудно и тяжело?

Быстрая радость быстро куда-то дѣлась, всѣ глаза устремились на старшаго брата и смотрѣли пристально и безпокойно, и видѣли его ясно.

— Сядь, сядь, братикъ, сядь, милый! Ты уморился, милый! — лепетала Галя, дергаючи тихонько старшаго брата за руку, а нѣжные глаза съ тревогой спрашивали всѣхъ, что такое неладное, и что дѣлать?

Старшій братъ сѣлъ на лавкѣ, а всѣ другіе рядомъ. Галя стала около него и, глядя на всѣхъ, въ тревогѣ забыла, какъ босымъ ножкамъ холодно стоять. Старшій братъ все молчалъ и гладѣлъ въ землю. Средній братъ его спросилъ:

— Какъ это пришелъ къ намъ?

— Хозяинъ меня прогналъ, — отвѣтилъ старшій братъ.

Долго никто ничего не говорилъ.

Галя спрятала личко къ старшему брату въ колѣни.

— Онъ тебя билъ? — спросилъ опять средній братъ.

— Онъ меня давно билъ, съ перваго дня, — отвѣчалъ старшій братъ.

— Отчего-жъ ты не ушелъ давно отъ него? — живо и дилко промолвилъ меньшой братъ.

— Было бъ тебѣ уйти, — чуть слышно лепетала Галя, не поднимаячи головки съ братинныхъ колѣвъ: — было бъ тебѣ къ намъ скорѣй прибѣжать. Любый, любый, любый братикъ!

— Я хотѣлъ еще перетерпѣть, хотѣлъ еще служить, — отвѣтилъ старшій братъ.

Столько-столько собирались при свиданіи разсказать старшему брату о томъ, какъ всѣ они тоже пойдутъ служить и зарабатывать, о томъ, какіе у нихъ холода бывали, и какъ средній братъ чуть пожару не надѣлалъ, взявшись топить печь и, не послушавшись Галя, навалилъ дровъ полную печь, и о томъ, какая Галя хозяйка стала, и какъ варила имъ картофель сама, и о томъ, какъ Галя разъ перепугалась до смерти, привавши старую грушу около хатки, за Буку.... Столько-столько хотѣли распросить у него, какъ онъ жилъ каждый день, что видалъ и что слыжалъ тамъ въ городѣ, гдѣ такъ людно и шумно всегда.... Но теперь не приходило никому въ умъ ни разсказывать, ни рабировать; сидѣли всѣ молча и тихо, и всѣ глядѣли, какъ старшій братъ, въ землю. Галя не разъ головку поднимала съ братниныхъ колѣнъ, не разъ вверхъ протягивала ручки, пока не почувтаась у него на колѣняхъ сама, не обняла его за шею и не прижалась личкомъ къ его плечу. Тогда и Галя утихла, и только время отъ времени тихонько покрѣпче прижимали къ себѣ старшаго брата нѣжныя ручки.

Такъ они сидячи дождались матери.

Мать испугалась, увидавши старшаго сына, и схвативши и цѣлуя, она притянула его къ окошечку и въ испугѣ осматривала его, и въ испугѣ спрашивала:

— Что случилось съ тобой, дитя мое? Что такое? Что? Когда?

— Меня хозяйнъ прогналъ, мама, — отвѣтилъ старшій сынъ.

Она больше не спрашивала ничего, только долже поглядѣла на него, крѣпче обняла и заплакала.

— Не плачь, мама, — сказалъ старшій сынъ. — Какъ найдется хозяйнъ, я опять служить пойду.

— Охъ, дитя мое, дитя мое! — промолвила вдова, словно ей сердце разрывалось.

Потомъ она опять притянула его къ окну, опять глядѣла на него.... Потомъ оторвалась отъ него, затопила печь, поставила ужинъ варить и опять къ нему подошла. Она расчесала вклученные волосы, дала ему чистую рубашонку, подала воды умыться, и когда онъ сидѣлъ умытый, причесанный и въ чистой

рубахѣ, она опять глядѣла на него, и всѣ глядѣли на него: и она и всѣ видѣли, какъ привялъ онъ и пзмѣнился.

Поспѣлъ ужинъ, всѣ ужинать стали и всѣ замѣчали, какъ онъ мало ѣсть сталъ и всѣмъ не было охоты притронуться къ ужину. Мать почти съ него глазъ не спускала, и всѣ тоже смотрѣли на него. Грустно было, ужасно грустно, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто нашлось сокровище, котораго было надо, и которое было дорого, и хоть грусть сокрушаетъ, а все-таки сокровище-то тутъ, у насъ. Казалось, это говорили всѣ глаза, смотря на старшаго брата, и съ этой мыслью всѣ спать легли.

Въ хаткѣ темно и тихо; въ окошечко сверкаютъ двѣ яркія искрометныя звѣзды изъ голубого неба и бѣлый свѣтъ лоснится; въ хаткѣ очень тихо и темно. И слышитъ старшій братъ, что кто-то неслышно къ нему подошелъ и надъ нимъ наклонился; онъ узналъ руку, что прикоснулась къ его плечу и разобралъ шепотъ. Мать его спрашивала:

— Дитя мое, — спрашивала она, — ты много терпѣлъ тамъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ тоже шепотомъ.

Долго ничего не слышно, словно все замерло.

— Мама! мама! — шепчетъ Галя; но Галю никто не слышитъ, такой тихій ея шепотъ. — Мама! мама! — шепчетъ она все тише и тише, и смолкаетъ.

— Охъ, мое любимое дитя! — опять слышенъ шепотъ — Ты мое несчастное дитя!

Потомъ опять долго все тихо, словно замерло

— Мама! — шепчетъ опять Галя и опять ее никто не слышитъ, и никто не видитъ любящаго огорченнаго личика.

— Не болитъ ли у тебя что, сыночекъ? Скажи мнѣ, мое сердце! — спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ, мама, у меня ничего теперь не болитъ, и найдется хозяинъ, я пойду служить опять. Ты, мама, поищи мнѣ хозяина.

— Душа ты моя, сердце ты мое! — слышится ввѣтвѣй, точно слова, вырвавшіяся изъ больной души и изъ больного сердца, и послѣднія слова.

Все опять тихо и темно. Напрасно Галя настороживаетъ уши и долго-долго-долго слушаетъ, — все тихо и, темно, — и слушая, Галя сама засыпаетъ.

II.

Опять стали жить да поживать съ старшимъ братомъ. Но замѣчали, что старшій братъ сталъ не тотъ, что прежде; всегда былъ онъ серьезнѣе ихъ всѣхъ, угрюмѣй, теперь сталъ еще серьезнѣй и угрюмѣй. Нѣсколько разъ старшій братъ спрашивалъ мать, не выскивается ли гдѣ служба ему; нѣсколько разъ самъ ходилъ, искалъ, и всѣ очень боялись, что опять уйдетъ онъ отъ нихъ, да хозяйина не выискалось и понемножку страхъ весь прошелъ.

Дожили до конца зимы и первую весеннюю теплыню встрѣтили великою радостью всѣ. Хатка опустѣла на цѣлые дни, и какъ только можно было глазами окинуть по широкому лугу, вездѣ глаза бы увидали вдовинныхъ дѣтей, что бѣгали и играли, и тѣшились тамъ.

Наступилъ большой праздникъ. До свѣта въ Кіевѣ затрезвонили въ колокола и народъ засновалъ туда и сюда по разнымъ улицамъ и переулкамъ.

Вдовины дѣти давно уже слышали, что будетъ большой праздникъ, и чего-то, сами они не знали чего, отъ этого большого праздника себѣ ждали. Повскакивали они въ этотъ день до зари и побѣжали всѣ въ передогонку къ Днѣпру умываться. Чистона-чисто умылись и живо воротились къ матери и стали передъ ней въ струнку, въ ожиданіи, — и, право, чудесные это девять мальчишекъ стояло: чернобровые, кудрявые, щеки какъ зари пылаютъ, очи какъ звѣзды сіяютъ; и чудесная это была десятая сестра, Галя: хоть въ худенькой—да въ вышитой рубашкѣ, хоть въ вѣтхонькой—да въ синей юпочкѣ, хоть въ линялой—да въ червонной стричкѣ; босыя ножки — того и гляди — затанцуютъ, а глазки ужъ танцуютъ, головка такъ быстро оборачивается, то къ тому, то къ другому, что — того и гляди — темныя кудри выбьются изъ подъ стрички. Она смѣется и окликаетъ всѣхъ братьевъ по имени и братья тоже смѣются, особливо меньшей, и сама вдова усмѣхается.

Прежде всего они пошли въ церковь. И весело было идти быстрымъ шагомъ по дорогѣ, глядѣть и по сторонамъ, и впередъ. Изъ-за горъ окружныхъ, изъ-за темныхъ и глистыхъ сосенъ,

изъ-за кудрявыхъ дубовъ пробивались розовые лучи все ярче да алгѣй; росистый лугъ все дальше и дальше освѣщался; свѣій дѣвпръ шумѣлъ и надъ нимъ качался легкій прозрачный туманъ. Слышно, изо всей ночи трезвонять колокола въ городѣ и вѣдны, какъ мурашки, толпы людей по улицамъ.

Они пришли въ маленькую ветхую церковь, что сбочившись стоила около городской заставы. На паперти росли высокія деревья, клены и березы; изъ-за нихъ только виденъ былъ крестъ, наклонившійся на сторону, да тамъ, гдѣ засохъ одинъ кленъ, сквозь вѣтки видѣлось церковное окошечко, узкое и длинное, и часть сѣрой мшистой стѣны. Они пробрались между деревьями къ расшатавшемуся крылечку и вошли въ церковь.

Темная, старая церковь. Вся она будто съежилась отъ старости. Лики образовъ какъ-то ужасно печально глядѣли со стѣнъ—древніе, потемнѣвшіе, потускнѣвшіе лики; тоненькія желтенькія восковыя свѣчечки горѣли съ какою-то лихорадочной яркостью; нѣсколько старушекъ молились на колѣняхъ—всѣ повязанныя черными платками, всѣ съ маленькими головками; одна молодая, стройная дѣвушка стояла, прислонясь плечомъ къ стѣнѣ, заплаканная, и не сводила глазъ съ одной, ярко пылавшей свѣчечки, да думала, должно быть, про свою бѣду и чувала свою печаль; священникъ, бѣлый какъ лунь, невнятно читалъ что-то и внятно вздыхалъ—все какъ-то было скорбно, мирно и тихо. Старшій братъ задумался, остальные братья присмирѣли и сестрица Галя притихла. Мать, какъ опустилась на колѣни, такъ и все время молилась усердно. Дѣти поглядѣли на нее, посмотрѣли другъ на друга и усердно начали себѣ молиться, словно о чемъ-то прося. Сердце у нихъ упало, мыслей они собрать не могли; они ни о чемъ не просили, а желали они (какъ желали!) свѣта, веселой радости, легкой утѣхи!

Кончилась обѣдня и они вышли изъ церкви на свѣтъ божій. Солнце совсѣмъ взошло и скрало росу съ травы и съ деревьевъ, и забрало во всѣ уголки, и всѣмъ задавало въ лицо золотымъ свѣтомъ, такъ что надо было жмуриться. Вдова вздохнула, будто отгоняя отъ себя тяжкую заботу, а у дѣтей опять сердца заиграли, и опять охватило ихъ ожиданіе чего-то хорошаго. Двѣ старушки сѣли отдохнуть на церковномъ крылечкѣ и слово «ярмарка» поразило слухъ дѣтей.

— Чудесная ярмарка сегодня, — говорила одна старушка и равнодушно смотрѣла въ даль.

— Да, да, — отвѣчала другая, кашляя: — народъ такъ и валитъ еще съ вечера туда.

Дѣти переглянулись и улыбнулись, будто говоря: «Вотъ оно и есть! Не даромъ мы чего-то ждали».

Галя вскрикнула: — Мама, ярмарка! О, пойдемъ, мамочка, пойдемъ, сердечко, на ярмарку!

— Пойдемъ, мама, на ярмарку! Пойдемъ, мама, на ярмарку! стали проситься сыновья.

— Пойдите, пойдите, мои голубчики, — сказала вдова.

И пошли на ярмарку.

Солнце ярко играло на небѣ, вѣтерокъ живо качалъ попадавшимися деревьями и шумѣли городскіе сады; народъ шумно валитъ по улицамъ; возы какъ-то весело скрипѣли другъ за другомъ, едва можно было продираться между пестрой толпой; голова кружилась. То мелькнетъ прямо передъ тобой расшитый тонкій рукавъ, то чуть не зацѣпитъ тебя колесо, то отшатнешься отъ пары суровыхъ глазъ, то на шею чувствуешь у себя воловью морду, то рогами задѣлъ тебя волъ, то ты локтемъ задѣлъ и скатилъ качанъ капусты съ чьего-то возу, то ты на кого-то наткнулся, то тебя сунули. Люди, лица, одежда, разноголосыя птицы въ садкахъ, цвѣты, лукошки, сѣно, рыба, овощи, доски, веревки, деготь, ягоды, щетки — передъ глазами двигается, мѣшается, мелькаетъ, исчезаетъ и опять показывается. Поверхъ всего этого вьющіяся по вѣтру разноцвѣтныя ленты дѣвушекъ, бѣлыя намитки женскія, сивыя и черныя высокія шапки козацкія, верхушки высоко наложенныхъ возовъ, то бочками, то сѣномъ съ торчащими въ немъ вилами. А голосовъ тебя оглушаетъ, и словъ и криковъ заставляетъ оглядываться туда и сюда.... Да что! рассказать такъ не расскажешь, какъ оно бываетъ: надо самому побывать и самому увидеть. Немудрено, что у вдовиныхъ сыновей глаза разбѣгались и сердца отъ удовольствія шибко бились, и что нельзя было разобрать, отъ испуга или отъ восхищенія. Галя вскрикивала поминутно. Наконецъ они добрались до самой площади на другомъ концѣ города, гдѣ стояла ярмарка. Тутъ-то Галя ужъ просто замурилась на время; да и братья не знали куда скорѣй глядѣть, и даже старшій сразу

быль пораженъ. Тутъ ворохи сладкихъ медовыхъ пряниковъ, груды орѣховъ, сушеныхъ грушъ, бубликовъ связки, кучи сластей.... Вотъ-вотъ чоботы къ красною оторочкою, такіе самыя, какъ надо! Вотъ глиняная свистулька, которой давно-давно хотѣлось! Вотъ смушсовая шапка, лучше этой и искать нечего! Вотъ свая шапка еще лучше черной....

— Мама, мама! — лепетала Галя: — купи мнѣ, охъ купи поскорѣй вотъ этотъ большій пряникъ! Охъ, я хочу этого пряника! Охъ, мама, купи мнѣ вотъ такую косыночку, охъ вотъ эту, эту пестренькую, славную! Или вотъ эту красненькую, охъ красненькую! Вонъ то намисто мнѣ, охъ намисто мнѣ!

И маленькій Галинъ пальчикъ показывалъ туда и сюда, куда восхищенные глазки только обращались, и все больше Галя охала и громче просила, и не слыхала, какъ мать тихонько ей шептала: «Не на что, Галя, не на что купить, дѣтя мое милое!»

Меньшой сынъ тоже сталъ просить:—Мама, купи мнѣ шапку! и старшіе сыновья тоже просятъ:—Мама, чоботы купи! Мама, свитку купи!—Кто краснаго пояса просить, кто пояса пестраго хочеть; одинъ показываетъ на сласти, другой тянетъ туда, гдѣ цѣлая кучка дѣтей обступила продавщицу дудокъ, гдѣ сама продавщица, важная женщина въ зеленомъ шитомъ очипкѣ, играетъ съ важностью на дудкѣ, а ужъ мальчики всѣ такъ надули щеки, какъ пузыри, и откуда слышенъ свистъ на разные всѣ тоны и голоса.

— Не могу! Не могу! Не могу! — прошептала вдова каждому сыну потихоньку. — Не на что, дѣтки! Нѣту....

Сыновья смолкли и вдругъ остановились и поглядѣли на мать и на старшаго брата потомъ. У матери лицо подергивалось и дрожашія уста все шептали имъ: «Не могу, дѣточки! Не на что!» Старшій братъ стоялъ и глядѣлъ въ землю по своей привычкѣ, точно какъ тогда, когда прогнанный воротился отъ хозяина: такъ же лицо побѣлѣло, такъ точно губы сжались.

Сыновья больше ни о чемъ не просили и какъ стали, такъ и стояли, глядя молча по сторонамъ.

Галя еще раза два вскрикнула, да нѣсколько разъ произносила:—Отчего нѣтъ? отчего? отчего? и ахнула. Меньшой братъ унылъ ее:—Галя, не проси! шепнулъ онъ ей.

Галины разгорѣвшіеся глазки перенеслися на меньшого брата и она спросила: — Отчего?

— Не проси, Галя, — опять повторилъ меньшой братъ: — только ты безпокоишь даромъ; не на что кушать.

Галя притихла, опять встрепенулась, окинула всёхъ глазками и опять притихла.

— Не проси, Галичка, — опять повторилъ меньшой братъ.

— Я хочу, — прошептала ему Галя въ отвѣтъ, низко опустивши головку.

— Галичка, иѣту; гдѣ-жъ взять?

Галя подняла головку... у, какія блестяли въ глазкахъ двѣ крупныя слезы! Посмотрѣла на всёхъ своихъ, туда-сюда по сторонамъ, ужь едва слышно прошептала: «ой, я хочу!» и въ послѣдній разъ. Прижавшись къ меньшому брату, она смиренно-пресмирно стояла, прикусивши пальчикъ, потомъ другой, потомъ оба ихъ вѣстѣ, и все для того, чтобы двѣ крупныя слезы не выкатились противъ воли.

Всѣ они долго стояли между движущеюся толпою, шумящею и пестрою, — стояли и смотрѣли. Смотрѣли братья пристально, и словно впервой видѣли людскіе наряды и довольство, и словно впервой почували на себѣ худыя рубашонки; словно впервой видѣли они людскую бойкость, безпечность и веселье, и словно впервой распознали свою заботу и убожество. А мать глядѣла на нихъ. Она съ ними то заговаривала, то безъ словъ глядила по головкѣ рукой, то посылала ближе подойти полюбоваться, то показывала одно, то другое.

— Мама! — сказалъ старшій сынъ: — пойдемъ домой.

И всѣ стали проситься: — Мама, пойдемъ домой.

Галя только крѣпче да крѣпче прикусывала свои пальчики.

— Домой? домой? — повторила вдова: — уже домой хотите? Не погулять ли вамъ еще по ярмаркѣ, мои голубчики? Чего-жъ такъ рано домой, мои коханые? Вы еще всей ярмарки не видали....

— Мы домой хотимъ, мама! — сказали въ одинъ голосъ сыновья.

— Домой? Ну, пойдите домой, мои пташки! — вымолвила вдова, и едва вымолвила. — Ну домой пойдите, мои дѣточки! Галичка, дай ручку. Можетъ, повести тебя, моя дочка?

Галя протянула ручки и когда была на рукахъ у матери, такъ

обхватила ее за шею крѣпко и спрятала личико у ней на плечѣ. И вотъ они пошли домой.

Толпа все рѣдѣла, все явственный отдѣлялся голосъ отъ голоса, звукъ отъ звука, все свободнѣй было проходить по улицамъ. Вотъ и конецъ городу, и ужь съ горы виденъ весь лугъ зеленый, и плескающій Днѣпръ синій, и за Днѣпромъ горы—вблизи одна одной зеленѣе, вдали одна одной синѣе.

— Скажите, дѣточки, отчего вы такъ невеселы?—проговорила вдова.—Погодите, мои милые, вотъ Богъ дастъ....

И не договорила вдова, что Богъ дастъ: или вдругъ она надежду потеряла, что Богъ дастъ что-нибудь, или ужь очень тяжело ей стало до того времени ждать.

— Чѣмъ бы васъ ивѣ развеселить хоть крошечку, мои дорогие!—проговорила вдова опять.—Ахъ, Боже мой, Боже ты мой милосердный!

И опять молча всѣ шли. Все шире раздавался лугъ передъ ними, все слышнѣй плескался синій Днѣпръ, а горы за горами уходили все выше и дальше — высоко-высоко и далеко-далеко! И ворочаясь съ ярмарки, изъ живой толпы, съ пустыни рукави, братья глядѣли на высокія и далекія горы и думали: что тамъ, за тѣми высокими и далекими горами, что тамъ?

— Мама!—спросилъ меньшой братъ:—что это за дорога вонъ тамъ, тамъ, по горѣ, въ лѣсу, и куда она ведетъ?

— Дорога-то? Ахъ, мой голубчикъ, ведетъ она туда, гдѣ я не бывала,—въ далекіе города и села. Покойный вашъ отецъ ѣзживалъ по ней, какъ служилъ въ войскѣ, и отъ него я слыхала, что эта дорога опасная. При этой дорогѣ разбойники разбой держутъ; идетъ она по дремучему бору, вьется между каменныхъ горъ... и страшно слушать бывало, какъ вашъ отецъ рассказываетъ.

— На отца нападали разбойники?—спросилъ меньшой братъ.

— Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ, Богъ миловалъ. А вотъ на товарища его, на какого-то Ласуна, такъ напали и половили его. И жилъ онъ, этотъ Ласунъ, у нихъ въ каменной пещорѣ, въ горѣ, три дня.

— И что жъ онъ тамъ у нихъ видѣлъ и слышалъ?—спросилъ средній братъ.

— Дивныя богатства онъ тамъ видѣлъ, моя дитина. Въ пе-

щербъ у нихъ было полнымъ-полно золота и серебра и дорогихъ камней. Съ золота и съ серебра его тамъ сладко кормили, съ золота и съ серебра хитѣльно пошли и спать его клали подъ золототканную одѣяла, на мягкомъ пуху. И кони у нихъ были залиты въ серебрѣ да въ золотѣ, сабли и ножи обсываны дорогими камнями. Отроду никому и не снилось такого богатства и роскоши, какова у нихъ, сказывалъ Ласунъ вашему отцу покойнику. И звали они Ласуна жить съ собой: «Оставайся, Ласунъ, жить съ нами, говорили ему:—хорошее и привольное житье тебѣ будетъ у насъ.»

— Чтожъ Ласунъ? — спросилъ старшій сынъ.

— А Ласунъ было и согласился и остался у нихъ, да сейчасъ же взяла его тоска. Жалко стало жену, дѣтокъ, свою хату, своего покою. Сталъ у нихъ проситься: «Отвустите меня, будьте милостивы!» — «Ну, види.» Набросали ему полну шапку золота и серебра и отпустили его. И какъ пошелъ я отъ нихъ, сказывалъ Ласунъ вашему отцу, — вотъ какъ мнѣ ихъ жалко стало покидать, хоть плачь!

— Чтожъ, опять воротился? — спросилъ старшій братъ.

— И было воротился опять онъ къ нимъ. Да какъ повернулъ назадъ опять, его жалость одолѣвать стала по своему прошнему житью и удержала его. Да такъ мало ли время бѣдовалъ тотъ Ласунъ, что и тянетъ въ пещеру, и домой призываетъ....

— Чтожъ, сколько разъ онъ ворочался и куда пришелъ, гдѣ остался? — спросилъ старшій братъ. И по немъ видно было, что онъ бы не воротился, еслибъ куда пошелъ разъ.

— Да подъ конецъ кинулъ шапку объ землю, бросилъ все золото и серебро, и домой пришелъ.

— Лучше-бъ онъ не кидаль, а домой бы привнесъ, — сказалъ средній братъ. А меньшей на Гаю посмотрѣлъ, словно подумаль: «то-то бы утѣхъ тогда Галѣ!» И Галя словно поняла, что подумаль меньшей братъ. Она и улыбнулась такъ, какъ улыбаются, видя въ умѣ своемъ что-нибудь очень хорошее.

— Не слѣдовало бросать, — промолвили братья съ сожалѣньемъ.

— Либо не братъ, либо не бросать: одно что-нибудь, — сказалъ старшій братъ.

— Потомъ, дѣточки, этотъ Ласувъ былъ при Дѣпрѣ рыбакомъ и потонулъ въ воловодье, сказывалъ вышь отецъ.

Они пришли домой и усѣлись все около хатки подъ грушею.

— И чтожь, мама,—спросилъ средній братъ:—до сихъ поръ эти разбойники тамъ разбой держуть?

— Теперь не слыхать ничего объ нихъ, — отвѣчала вдова.

— Куда-жь они дѣвались, мама?

— Кто ихъ знаетъ, мой голубчикъ! Перевелись что-ли они, или дальше ушли, на большее приволье. Охъ, измучилась я, дѣточки милые! лягу, не засну-ли около васъ.

Вдова легла на травѣ и закрыла было глаза, но сонъ не пришелъ сейчасъ: глаза все открывались и устремлялись на дѣтей, пока Галя своихъ рученокъ не положила ей на лицо и не взяла баюканья, призывая сонъ и дремоту. Заснула вдова, да и себя Галя забаякала и упала сама подлѣ въ крѣпкомъ снѣ. Братья сидѣли да смотрѣли на высокія, лѣсистыя, далекія горы—глазъ не сводили. Только старшій братъ взглядывалъ иной разъ на городъ, веселый и шумный. И такъ они заглядѣлись, такъ они задумались, что сумерки наступали,—они не замѣтили, и очнулись только, когда проснувшаяся Галя вскрикнула: «Ой, какъ темно Гдѣ-жь солнце?»

Дни приходили и уходили. Много еще праздниковъ отпраздновалось, не одна ярмарка становилась еще, только вдовины дѣти ужъ больше никогда такъ праздника не ждали и на ярмарки не просились и не ходили. Они росли себѣ бродячи по лугу, глядя на шумный и живой городъ, да въ другую сторону — на тихія, высокія, лѣсистыя горы, на вьющуюся заглохшую и пропадающую тамъ дорогу. И чѣмъ больше выростали они, тѣмъ пристальнѣе глядѣли они. И рано утромъ, при свѣтломъ солнцѣ, и вездю вечеромъ, при искрометныхъ звѣздахъ, все туда обращались ихъ глаза.

Время же шло, и они росли и выростали одинъ одного лучше. И когда вошли они въ лѣта, то старшій братъ сталъ еще молчаливѣй, угрюмѣй и задумчивѣй; средній братъ сталъ еще пытливѣй, а меньшей еще пылче—и все братья стали безпокойны и недовольны. Мать убивалася, ихъ приголубливая да жалѣя; Галя падала, развлекая ихъ да лаская, а нужда и убожество придавливали все тяжелѣй, да тѣснѣй, да круче. Ходили все

брата, искали себѣ работы и службы и въ городѣ, и по селамъ, да или уже божья воля, или такая несчастная доля, только не находилось имъ ни службы, ни работы и за малую плату. И воротались они домой изъ этихъ поисковъ, все печальнѣй да мрачнѣй.

Какъ вдругъ в счастье посѣтило: нашлася служба вдругъ двумъ братьямъ, старшему и среднему. Оба они пошли въ наймиты. Старшій братъ пошелъ служить къ молодому зажиточному хозяину огороднику, а средній братъ служить пошелъ у вдовца, у стараго хлѣбопашца: оба брата недалеко запропастилися: тутъ же таки подъ городомъ наннималися они.

Молодой огородникъ былъ человекъ веселый, да гордый, да счастливый, да жесткій, себьялюбецъ и самонавецъ. У него и хата бѣлая, и жена милая, и родня значительная, и всякій достатокъ. Огородъ у него большой, славный, людей полнымъ-полно безпреставно всякихъ, и горожанъ, и поселянъ. Онъ съ женою ходитъ да расхаживаетъ, да продаетъ, да деньги считаетъ и шутитъ съ покупщиками своими и покрикиваетъ на своего наймита. На огородѣ все уродило: желтѣютъ дыни, зеленѣютъ арбузы и всякія овощи; около шалаша козьяскаго мелькается и пестрѣетъ кучка людей—наймитъ всѣмъ услуживаетъ, подаетъ, носитъ, возитъ, мететъ, складываетъ; хозяинъ шлетъ его—онъ идетъ, и ворочается—хозяинъ еще нарекаетъ; хозяйка торопитъ—онъ бѣжитъ, и свѣшнить назадъ—хозяйка еще бранитъ; покупщикамъ угождаетъ, чужимъ людямъ прислуживаетъ, а тѣ даже не цѣвятъ ничего, можетъ и никогда не скажутъ спасибо, никогда про его душу живую не вспомнятъ.

Ясное утро минуло, смеркъ жаркій день, стемнѣлъ вечеръ свѣжій, а сонъ не беретъ, вѣту покою, тяжко, да тоска давитъ. Когда-жъ отпустить? Когда прояснится? Уничтожится ли когда-нибудь эта неровная напасть на свѣтъ? Будетъ ли облегченіе? Хоть немного уменьшится ли время? Будетъ ли что-нибудь когда-нибудь?

Хлѣбопашецъ былъ человекъ тихій, работающій, заботливый и осторожный: зналъ ужъ онъ, какъ надо жить на свѣтъ простому человеку между князей и вельможъ,—такъ и жилъ онъ, и все у него благополучно шло: онъ никого не трогалъ, и его никто не обижалъ; онъ вѣкъ вѣковалъ свой пріятно и спокойно съ дочкою своею: у него была дочка, единственное дитя. Хозяйство хотъ

не богъ-знаетъ какое роскошное,—можно бы его и оцѣнить, — да такое порядочное и славное, что лучшаго и желать не надо.

«Будетъ ли онъ добрый? думалъ средний братъ, идя рядомъ съ своимъ хозяиномъ въ первый разъ въ хозяйскій дворъ да толкуя съ нимъ о томъ, какъ хлѣбъ уродить, добрый-ли?—Похоже на то. Въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, говорить.»

Очень ему понравилась вся хозяйская усадьба, какъ онъ на нее взглянулъ; очень приятно ему было, что въ хатѣ пѣлъ голосокъ, а вѣтерокъ теплымъ вѣяньемъ доносилъ и слова, и напѣвъ.

«Жилъ бы такъ до смерти! Еслибы мнѣ такъ Богъ далъ!» подумалъ онъ, входя въ хату за хозяиномъ, гдѣ пѣсенка не смолкала, а все громче слышалась и внятвѣй, пока двери они отворили и гдѣ ихъ встрѣтила дѣвушка—точная краля-дѣвушка! Она и поздравствовалася, и завтракъ подала, и кое-что промолвила, и кое о чемъ спросила, и взглянула и поблагодарила за все какъ-то небрежно, невнимательно, словно госпожа, словно начальница, и немножко этимъ запечалила она молодого наймита. Да еще не то ему досталось, когда онъ послужилъ дольше, да когда сдѣлалась ему дѣвушка и свѣтомъ, и мракомъ въ жизни,—что если она тутъ, такъ все сіяетъ и блестятъ, а нѣтъ ея, то будто кто солнце снялъ и звѣзды собралъ, да въ карманъ спряталъ. Дозналъ онъ и то, что когда спѣшилъ, мѣряя три шага въ одинъ, спѣшилъ истомленный скорѣй съ поля пожелать ей добраго вечера,—а она отвѣчала: «Добри-вечеръ!» и не оглядывалась на него. Попробовалъ онъ и того, что идя утромъ на работу, приостановится, дожидая, надѣясь, дрожа, что промолвитъ она ему словцо какое-нибудь,—а она, проходя мимо, прикажетъ: «Иди на работу!» Принялъ онъ и то, что когда вечеромъ сядетъ гдѣ-нибудь, приютится, да затужитъ, да заглядится на нее,—она его пошлетъ куда-нибудь измореннаго, одинокаго, грустнаго — пошлетъ за какой-нибудь своей прихотью...

Пере мучившись дни, не поспавши ночи, одинъ разъ наймитъ дождался встрѣчи съ своей госпожею любимую и признался, сказалъ ей всю истинную правду. Какъ же она удивилась, какъ она свое личико хорошенькое отвернула! Какъ услышала его слова веласково, какъ обидно отвѣтила! «Не затрогивай меня никогда больше, наймитъ!»—промолвила.—Раз-

вѣ я тебѣ ровня? Если хочешь у насъ служить, такъ веди себя какъ добрый слуга. Не говори, не заговаривай со мною.»

А онъ таки затронулъ, а онъ таки заговорилъ, да и долженъ былъ навѣки проститься, — потерялъ мѣсто свое и воротился домой къ матери, въ хатку на лугу. Такой онъ воротился, словно въ цвѣтѣ своемъ прибитый.

Развлекала его, уговаривала мать, ласкала Галя, братья силы поддерживали; и со всѣми этими добрыми лекарствами онъ жилъ и не вылечивался, и дожидался, пока другая гдѣ-нибудь служба ему отыщется.

А между тѣмъ на огородѣ много продавали всякой всячины огородной, и хозяинъ своего наймита иногда посылаетъ въ городъ съ возомъ, развозить проданное да собирать незаплаченные деньги.

Одинъ разъ наймитъ или хорошо не счелъ, когда бралъ, или дорогой какъ потерялъ, только хозяинъ не досчитался своего счету и поднялъ бурю: назвалъ и воромъ, и пройдисвѣтомъ, и голышемъ; а хозяйка себя подсказываетъ, да подкрикиваетъ, да пицить, да верещить.

— Я больше у васъ выслужилъ: возьмите изъ моихъ заработанныхъ, да и не браньтесь больше, — говоритъ наймитъ.

— Иди вонъ и не показывайся больше! — гонять его хозяинъ.

— Чтобы и духу мы твоего не слышали! — кричитъ хозяйка.

— Заплатите мнѣ, — говоритъ наймитъ.

— Заплатить? Да я тебѣ, вору, щербатой копѣйки не дамъ! Иди вонъ! прочь! — пхаетъ хозяинъ.

— Я на васъ суда буду искать! — промолвилъ наймитъ.

— Суда на меня! Ты? — вскрикнулъ хозяинъ и захохоталъ отъ великой потѣхи.

— Смотри! — воскликнула хозяйка, и хозяйкины хототь раскатился мелкимъ и веселымъ звукомъ.

Наймитъ пошелъ отъ нихъ, да и самъ засмѣялся, издѣваясь надъ самимъ собою, что собрался было хозяина засудить.

Вопросовъ да сожалѣній было вдоволь дома, а еще больше убожества да тоски.

Опять всѣ вѣстѣ собрались ждать терпѣ, да надѣяться не

нѣя. Непокойны, мрачны ходили братья все; всехъ мрачнѣй старшій былъ, всехъ грустнѣй средній. Мать ихъ развлекать не бралась, Галя ужъ ихъ не трогала, а у меньшого брата такъ сердце жалостью просто исходило.

Разъ вечеромъ старшій братъ говоритъ всемъ братьямъ:

— Житѣ наше горькое и убогое; что вы думаете дѣлать? Я присягаю дремучему лѣсу. Будете-ли вы, братья, товарищами?

И все братья согласились и сказали:—Хорошо!

— А мать? А Галя?—спохватился меньшой.

— Да развѣ мы много помогаемъ имъ? — сказалъ старшій.

— Братья-товарищи, не отступайте!

Все отвѣтили:—Не отступимъ!

Вошли они въ хатку. Мать и Галя ужъ спали.

Мать сейчасъ проснулась, услышала и промолвила:—Гдѣ вы такъ, дѣточки, зашѣркались?

И Галя проснулась, почувшій, что ее крѣико обняли: то меньшой братъ ее обнялъ. «Что?» спросила Галя. Сердце забилося у ней, почувало, что-то есть. Но меньшой братъ ничего не отвѣтилъ и отошелъ.

Старшій братъ сказалъ тогда:—Мама, вѣдомъ мы счастья искать; будь здорова, да насъ не поджидай! Прощай, сестра!

Съ этииъ словомъ пошелъ онъ, а за нимъ все братья вслѣдъ.

Вдова только всплеснула руками и упала въ горѣ и въ ужасѣ.

Галя вскочила, догнала, уцѣпилась было за меньшого брата, не пускала и рыдала, но и любимый братъ вырвался отъ ней и убѣжалъ за другими, и только издали она еще услышала его голосъ: «Прощай, Галя, прощай!»

Все ушли. Ушли и не возвращаются.

— Кличъ ихъ, Галя! Кличъ громче, зови!—твердила вдова, какъ безумная. И Галя кликала ихъ громко и звала; но даромъ раздавался свѣжій, отчаянный голосокъ: въ отвѣтъ только между горъ звонко откликалось.

— Слышишь, Галя, слышишь шумъ? Они идутъ, идутъ! — говорила вдругъ вдова.

Но это Дивѣпръ шумѣлъ и деревья шелестѣли: никто не шелъ.

— Видишь, видишь, Галя, вонъ тамъ, тамъ—кто-то стоитъ! Это Ивась стоитъ, а подлѣ него, видишь?.. видишь Грнцака? Бѣги, бѣги туда, Галя!

Галя бѣжала то въ ту, то въ другую сторону, гдѣ тѣшили ихъ и обманывали ночныя тѣни и мгла.

И разсвѣло. Разсвѣтъ показалъ имъ, какъ пустъ зеленый лугъ и безмолвны горы кругомъ. Онѣ все ждали возврата и обращали усталые глаза во всѣ стороны. И солнце взошло, — и такое ясное, будто хотѣло для нихъ нарочно лучше освѣтить пустыя дороги кругомъ. Онѣ все-таки ждали возврата. Но съ той поры никто не воротился домой.

III.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Много прошло дней, недѣль, мѣсяцевъ, и лѣтъ прошло не мало, что вдова съ Галей еще прожила и прогоревала въ убогой хаткѣ на лугу, все ожидая, что возвратится милые сыновья, что вернутся милые братья: то все слышался имъ шумъ шаговъ по мягкому лугу ввечеру, то передъ разсвѣтомъ пробуждалъ ихъ шумъ у дверей, — и сѣшала онѣ, и трепетали онѣ... Но на лугу кругомъ все пусто ввечеру, и передъ разсвѣтомъ у дверей нѣту никого. Пусто! никого!.. Напрасно Галя летала туда и сюда, какъ ласточка, и вдова изъ силъ выбивалась, чтобы поспѣть себѣ за ней: пусто! никого!

Да, да, пусто и никого. И переставали онѣ на время рваться туда и сюда, будто усноковались немножко, набирались терпѣнья.

— Галя! — говорила опять вдова: — слышишь, шумитъ?

— Это Двѣпръ шумитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Галя: слушай!

— Деревья шелестятъ, мама!

— Все Двѣпръ шумитъ! все деревья шелестятъ! — промолвить вдова и вздохнетъ и прошепчетъ: — Боже мой! Боже мой! И немного погодя вдова опять начинаетъ: — Галя! Галочка! выйди, погляди, послушай!

И Галя выходитъ, глядитъ и слушаетъ. Не омышио ничего, не видно никого — только Двѣпръ шумитъ, да деревья шелестятъ.

Галѣ, что подростала, то все становилась разумнѣй. Ужь она не боялась буки, ни волка, усердно работала, и когда теперь плакала горько, гдѣ-нибудь притаившись, никто бы ее и не нашолъ по плачу: она тихонько-тихонько ужъ теперь умѣла плакать.

Жили онѣ все такъ же бѣдно. Все такъ же ходила вдова на поденьщину, но все меньше ей платили, потому что она все старилась и слабѣла, все становилась непроторнѣй и безсилнѣй. Галѣ тоже ходила поденьщицей и ей платили тоже немного, потому что Галѣ была еще черезчуръ молода и невыкла. Ранорано поднимались онѣ и шли въ городъ на работу. И скажу вамъ, никогда не уходили онѣ не поглянувши на дорогу, что вылась по лѣвистой горѣ, не постоявши на лугу, напрасно не подождавши. Не дождавшись никого, кромѣ иногда пропорхнувшей мимо птицы, не увидавши ничего, кромѣ знакомыхъ тихихъ высекихъ деревьевъ, онѣ шли, приходили въ городъ и брались за работы, какія Богъ имъ посылалъ: носить воду, полоть огороды, мыть бѣлье, рубить капусту, бѣлить хаты — брали, что въ какое время Богъ посылалъ. Цѣлый день онѣ работали, нѣрѣдка вмѣстѣ въ одномъ домѣ, всегда почти врозь, и ввечеру сходились на дорогѣ домой. И тутъ-то Галѣнъ свѣтлый голосокъ звенитъ: Галѣ рассказываетъ, что видѣла, что слышала, что тамъ хорошо и что дурно ей показалось; вдова слушаетъ и время отъ времени сама что-нибудь скажетъ о видѣнномъ и слышанномъ. И приходили домой, въ свою хатку. Въ хаткѣ онѣ огня не зажигали, какъ и прежде; какъ прежде, свѣтили имъ только мѣсяцъ да звѣзды. И послѣ дневнаго труда сонъ не часто осѣнялъ ихъ. Особенно вдову мучила бессонница и она принималась плакать какими-то скудными, старческими слезами, отъ которыхъ, кажись, разрывалось ее изкрушившееся сердце. Галѣ обвиняла ее и обѣ говорили, и обѣ печалились, и обѣ надѣялись на лучшія времена, пока вдова не была утѣшена и не забывалась сномъ, а Галѣнъ сонъ не разгуливался и мысли не начинали бродить и роиться около хорешаго и радостнаго впереди далека-далека.... Братья видѣлись съ какими-то сіяющими лицами, въ какомъ-то блескѣ, и все кругомъ сіяло и блестяло. Жили онѣ жили, пока дожили до того время, что вдова захворала и слегла.

Вотъ тутъ-то пришло самое трудное: и работать надо, и большую одну оставить нельзя. Тогда-то Галя показала рѣзвость своихъ ножекъ. Она панималась за самую малую плату, съ угоромомъ провѣдывать мать, и раза по три въ день прибѣгала въ хатку и возвращалась въ городъ. Но чѣмъ дальше, вдова все слабѣй становилась да слабѣй, и Галя уже не отходила отъ нея.

Больная лежала тихо, безмолвно, все почти съ закрытыми глазами и было похоже, будто она отдыхала отъ тажкой-тяжкой-тяжкой усталости и работы.

Разъ она спросила: — Галя! что это, Дивиръ шумить?

— Нѣтъ, мама: Дивиръ не шумить: зима, и онъ подъ льдомъ.

— Галя, деревья шелестятъ?

— Нѣтъ, мама, зима, деревья въ иней.

Тогда зима была бѣлая, лютая, крѣпкая зима.

Долго лежала больная, не открывая глазъ и не молви слова. И все блѣднѣла, и все слабѣла. И чуть слышно опять просила:—Галя, Дивиръ вѣдь не шумить? Я не слышу.... Шумить или нѣтъ?

— Нѣтъ, мама.

— Такъ деревья шелестятъ?

— Нѣтъ, мама.

Вдова поднялась, словно исполнилась силъ:—Галя, я слышу, я слышу! Отворяй двери скорѣй! Встрѣчай скорѣй!...—И потерявши вдругъ всѣ послѣднія силы, вдова упала и закрыла глаза. Галя припала къ ней и звала ее; но она не откликнулась и глаза ея навѣки закрылись.

Добрые люди кое-какъ помогли Галѣ похоронить мать, и стала жить Галя одна-одинешенька въ своей хаткѣ.

IV.

Прожила Галя такъ цѣлую студеную зиму, сидячи вечеромъ подъ скосившимся окошечкомъ, смотрячи на дугъ въ снѣжной пеленѣ, гладкой и бѣлой, безъ дорогъ и слѣдовъ кругомъ, кромѣ той тропинки, что проложила сама Галя, ходячи на работу.

Иногда Галя запѣвала какую-нибудь пѣсенку, что переняла,

работаютъ видѣть съ другими веселыми дѣвушками. Запѣвала пѣсенку Галя и долго пѣла, подперши усталою рукою свою одинокую голову.

Иногда ей вдругъ казалось, что вотъ кто-то заглянулъ въ ея окошечко, вотъ кто-то стукнулъ въ двери, вотъ кто-то пробѣжалъ мимо: это или мѣсяцъ вынырнулъ изъ-за облака, или вольный вѣтеръ пронесется по лугу, или морозъ ударить. И Галя стала ждать одинакими вечерами, когда мѣсяцъ заглянетъ въ окошечко, вѣтеръ пробѣжитъ мимо хатки или морозъ постучится, и привыкла ждать и принимать ихъ, какъ дорогихъ гостей.

И такъ прошла вся зима, и за зимой весна пришла теплая, свѣжая и цвѣтушая. Лугъ зазеленѣлъ, груша съ сломанною верхушкою около хатки одѣлась листвою и начала тихонько шелестѣть по утрамъ, при утреннемъ вѣтеркѣ, и зашумѣлъ лѣсъ по горамъ кругомъ, и засинѣлъ, разлился Дѣвиръ и далеко забѣжалъ въ лугъ разливомъ, и налетѣли птицы изъ теплыхъ краевъ, запѣли и защебетали.

Однимъ весеннимъ вечеромъ сидѣла Галя у окошечка въ своей хаткѣ и пѣла. Она рада была теплой веснѣ съ цвѣтами и съ пахучими травами, и оттого громче и веселѣй тогда пѣла. Вдругъ что-то мелькнуло передъ окошечкомъ... Галя взглянула на небо, — на небѣ мерцали слабо звѣзды; опять что-то мелькнуло и ужъ заслонило окошечко. Галя увидала челоуѣка, встрепенулась и испугалась, и гладѣла на него во все глаза. Передъ ней стоялъ молодой и хорошій козакъ. Стоялъ и спросилъ: — Дѣвушка, тою ли дорогою войду въ городъ идти? — И показалъ на дорогу.

— Тою самою, — отвѣчала Галя.

— И хорошо, — промолвилъ козакъ. Но хоть было хорошо, однако онъ все еще стоялъ подъ Галинымъ окошечкомъ, и то на нее заглядывался, то заиралъ въ хатку. Галинъ испугъ прошелъ, но сердце билось отъ удивленья и неожиданности.

— И я прямо этою дорогою войду въ городъ? — спросилъ опять козакъ, постоявши.

— Прямо войдете.

Узналъ козакъ и то, что прямо войдетъ въ городъ, а все еще его не несли ноги отъ Галинаго окошечка.

— Не будетъ ли ваша ласка дать мнѣ напиться? попросилъ козакъ.

— Сейчас, — ответила Галя; и сейчас подала ему воды въ окошечко. Козакъ напился.

— Спасибо, дѣвушка, — сказалъ онъ. — Какая славная вода! Изъ Днѣпра берете?

— Нѣтъ, изъ колодца.

— А гдѣ же тутъ у васъ колодець?

И козакъ принялся осматриваться въ вечерней тьмѣ и искать колодца.

— Далеко, на лугу, вонъ тамъ подъ горою, — показывала ему Галя.

— Чудесный у васъ лугъ какой: и Днѣпръ шумить, и деревья кругомъ, и горы; свѣжо, благодатно! Хорошо вамъ вѣрно жить!

Галѣ самой вдругъ почему-то показалось, что тутъ вправду житье несравненное, и она ответила козаку: — О, жить тутъ славно!

— А въ городъ вы часто ходите? — спросилъ козакъ.

— Каждый день хожу.

— Каждый день? На работу?

— Да, на подельщину.

— Чтожъ, работы въ-волю всегда? Хорошая работа?

И Галѣ опять почему-то показалось, что вправду работа добрая, и она ответила козаку: — О, добрая работа!

— И родня у васъ въ городѣ есть? — спрашивалъ козакъ любезнѣе.

— Нѣтъ, у меня никого нѣту въ городѣ родного. Я сирота.

— И одинъ живете тутъ?

— Одна живу.

Кажись, такъ мало они говорили и сказали другъ другу, а времени много прошло. Звѣзды, слабѣй все и слабѣй мерцающія, словно уходили все дальше и дальше въ лазурь; стало свѣтлѣе; съ Днѣпра вѣтерокъ потянулъ и съ другого берега перенесъ запахъ цвѣтущихъ тамъ тополей. Не козакъ и не Галя спохватились, что разсвѣтъ близко, а надднѣпровская чайка его почувала и пронеслась съ крикомъ надъ Днѣпромъ.

— Прощайте! — промолвилъ козакъ.

— Прощайте! — промолвила Галя.

И козакъ ушелъ по дорогѣ въ городъ. И Галя, проводивши его глазами, еще долго провожала мыслями, пока забылась крат-

книгъ своихъ до утра, тутъ же у окошечка, склонившись головой на сложенные руки.

Когда она проснулась, яркіе солнечные лучи задалі ей свѣтъ въ глаза неожиданно: она проспала утреннюю зарю—вотъ тебѣ раз! И Галѣ заснѣлась необычному случаю, встала спѣшить на работу, и умывалась уронила кошениль съ водой печально, в опрокинула ведро ненарочно, в все сбѣлась сама съ собой: потому что все, видите, выходило какъ-то нежданно, вдругъ....

Шибко шла Галѣ на работу, еще шибче билось у ней сердце, а еще шибче ронялись мысли... Ей представлялся одинокій-одинокій весенній вечеръ у окошечка, своя одинокая пѣсня, весеннее тепло, мгла в свѣтлость, в мерцаніе звѣздъ.... И вдругъ заслоненный свѣтъ въ окошечкѣ и молодой козакъ.... такъ вдругъ... вдругъ.... такъ нежданно! Въ этотъ день Галѣ случилось работать на огородѣ вмѣстѣ съ другой женщиной, съ которой она в прежде иногда вмѣстѣ работывала и толковала о людскихъ бѣдахъ и напастяхъ, печаль дѣлила, лихо тѣшила.

— Хоть ложись да умирай! — сказала эта женщина Галѣ, когда онѣ принялась полоть.

— О, что это вы говорите, любочка! — вскрикнула Галѣ.

— Что-жь я говорю? Что есть, то и говорю.

И вправду, женщина была не жалеца на свѣтъ: худая, блѣдная, невозможна.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала Галѣ, — вы не горюйте. Какъ знать, что впередіи будетъ!

— Что-же будетъ? — возразила женщина. — Ничего, кромѣ бѣды да луха!

— Ой нѣтъ, нѣтъ! — вскрикнула Галѣ — все можетъ быть, все! Не ждешь совѣтъ, не чаешь — и вдругъ нежданно-нечаянно...

И Галѣ бросила полоть и оглянулась вругомъ, словно готова была встрѣтить что-то неожиданное....

— Да будетъ тебѣ: луха да еще съ лухвою, — проговорила женщина.

— Чего-чего не случается! — защебетала опять Галѣ.— Все случается! Все можетъ быть!

И Галѣ поглядѣла съ улыбкой на играющее солнце, будто думая: «Скатишься ты сейчасъ на землю, ясное солнышко, такъ и не удивляюсь теперь; даже руки подставлю — не боюсь!»

А женщина промолвила:—Полно тебѣ, дѣвушка! Ты наскажешь такое, что на вербѣ груши, а на соснѣ яблоки растутъ.

И ввечеру дома, сидячи подѣ своимъ окошечкомъ, Галя думала о томъ, что все можетъ быть и случиться, всего надо ждать нечаяннаго и негаданнаго, и улыбалась, и кажется снѣло и весело ждала всего; но когда показалась высокая фигура на дорогѣ къ хатѣ, Галю обдало жаромъ и холодомъ. И чѣмъ ближе подходила высокая фигура, тѣмъ жаръ жарче, а холодъ холоднѣй ее обдавалъ. И когда вчерашній козакъ подошелъ къ окошечку и сказалъ ей: «добрый вечерь!» Галя ему въ отвѣтъ едва вымолвила свой «добрый вечерь!» Въ этотъ разъ козакъ не спрашивалъ о дорогѣ, а подошелъ какъ знакомый, гуляя, и завелъ рѣчь о томъ, что за городъ Кіевъ, красенъ и великъ, и рассказалъ, что онъ недавно сюда пріѣхалъ съ товарищами на разные дива поглядѣть и очень радъ тому, что пріѣхалъ....

И въ самомъ дѣлѣ видно было, что козакъ радъ. И Галя рада была.

Потомъ онъ рассказалъ, какъ забрелъ на лугъ въ первый разъ. Товарищъ, видите, назначилъ ему свиданье подѣ городомъ и онъ товарища искалъ, не нашелъ; увидалъ лугъ, Днѣпръ, захотѣлось ему надѣ Днѣпромъ по лугу пройтись — онъ и пошелъ, и видить—хата, и подумалъ: чья это тутъ хатка стоитъ? И услышалъ Галину пѣсню; слушалъ-слушалъ и подошелъ подѣ окошечко....

И хоть козакъ не прибавилъ, что онъ радъ, что подошелъ, только это и безъ козацкихъ словъ было видно. И Галя рада была.

Потомъ онъ рассказалъ, что онъ тоже сирота, тоже безъ роду и племени; что онъ козакъ изъ далекаго села Глибова, зовутъ его Михайло Нарада. Тутъ онъ спросилъ, какъ зовутъ дѣвушку, и дѣвушка ему сказала: «Галею». Рассказалъ, что село его большое и богатое: тамъ двѣ церкви, и у нихъ хаты все славныя, сплошь сады; село на горѣ, а подѣ горой тотъ же самый Днѣпръ шумить, что и подѣ Кіевомъ; что люди у нихъ все хорошіе и дѣвушки мастерицы вышивать сорочки.

Галя слушала-слушала-слушала, и они поодно разстались. И Галя не уснула въ эту ночь, а просидѣла до утра подѣ окошечкомъ, и ей такъ же отчетливо, какъ-бы во снѣ, грезилось большое бѣлое село на горѣ, въ зеленыхъ садахъ, двѣ высокія церкви съ золотыми крестами, синій Днѣпръ подѣ горой; грезились лю-

ди тамъ съ такими привлекательными лицами, какихъ она никогда еще не встрѣчала; дѣвушки такія разряженныя и милыя, какихъ она никогда не видала. И будто весенній тихій, душистый вечеръ и далекое село грезилось ей безшумно, беззвучно, хотъ живо — и ничего не слышно было нигдѣ, кромѣ своего сердечнаго бѣшенъ. Козакъ сталъ приходить каждый вечеръ и у нихъ велись рѣчи чуть не до зари утренней. Галя уже знала, что козакова хата стоитъ недалеко отъ церкви, изъ окна видѣвъ Дѣбирь и далеко окрестныя горы и лѣса, что у него садъ большой и пасѣка. И узнала Галя тоже разныя многія тревоги, радости, тоску и блаженство, невѣдомыя до тѣхъ поръ ей. Съ того время, какъ она неожиданно познакомилась съ козакомъ, Галя все ждала чего-то особеннаго и смѣло и весело, но вмѣстѣ съ тѣмъ дало себя знать ей ожиданье *ожиданнаго*. Сначала она сиживала подъ окошечкомъ и ждала, а потомъ несвояко стало ей сидѣть спокойно, когда душа вся волновалась, сердце колотилось и духъ захватывало; она вачинала ходить по лугу, рвала понадавшіеся цвѣтки, страстно вынюхивала ихъ запахъ, будто лекарство отъ нетерпѣнья; то она шла въ одну сторону, то въ другую, то стояла на одномъ мѣстѣ, пока козакъ Нарада не показывался на дорогѣ.

Разъ она воротилась съ работы и застала козака уже на лугу около хатки, и онъ сейчасъ же сказалъ ей: «Я ѣхать собираюсь дошой.»

Галя побѣлѣла, вспыхнула и опять помертвѣла. И ничего не могла ему отвѣтить.

— Галя, будь мнѣ женою и поѣдемъ со мной, — сказалъ козакъ.

И тутъ Галя ничего не могла ему отвѣтить.

Но за то, погода, какъ она щебетала, плакала и смѣялась, краснѣла и блѣднѣла отъ своего счастья!

И въ первое воскресенье послѣ этого вечера Галя въ свѣжемъ вѣникѣ, рука объ руку съ козакомъ Народою пошла въ церковь — рано-рано поутру, безъ дружекъ и сватовъ, безъ родни и друзей, вдвоемъ, — и перевѣнчалась съ нимъ.

И въ тотъ же вечеръ воскресный изъ Кіева выѣхалъ славный новый возъ, запряженный двумя могучими волами. На возу сидѣлъ красивый молодой козакъ, которому видно хорошо было жить на свѣтѣ, и около него сидѣла близко молодая козачка

въ бѣлой намиткѣ — о, какая прелестная, счастливая козачка! — поѣхала они по дорогѣ въ село Глибово.

V.

Въ горахъ надъ Днѣпромъ есть много каменныхъ пещеръ, и въ одной такой пещерѣ собралось девять братьевъ-младшцовъ. Кто лежалъ, кто сидѣлъ; нѣсколько трубокъ курилось.... У, какіе утесы кругомъ! Днѣпръ врывается между нихъ и гремитъ по камнямъ, и высоко брызжетъ, перелетая черезъ нихъ. Отраженіе яснаго неба вертится въ скачущихъ и бьющихъ волнахъ; кромѣ яснаго неба вверху да гремящаго Днѣпра внизу, за окружающими утесами видны въ вышинѣ далекіе темные лѣса, позлащенные искрещеніемъ солнцемъ.

Старшій братъ и всѣмъ воевода сидитъ съ потухшей трубкой и смотритъ въ землю, и на лицѣ его ничего не видно, кромѣ обычной угрюмости и силы.

Но другіе не такъ: одинъ доньги считаетъ, а подлѣ него другой смотритъ словно съ гнѣвомъ, словно съ презрѣніемъ на нихъ; третій тоже смотритъ и не то въ чемъ-то сомнѣвается, не то раскаивается; одинъ кажется, спитъ, отвернувшись отъ всѣхъ къ стѣнѣ; другой лежитъ съ открытыми глазами, закинувши руки подъ голову, точно морѣшавши съ докучными всякими думами; двое курятъ трубку за трубкой—только искры вылетаютъ и дымъ вьется и обвиваетъ невеселыя ихъ лица; самый младшій изъ нихъ сидитъ при входѣ въ пещеру, и съ перваго на него взгляда ясно, что полна его кудрявая голова грустныхъ мыслей, а бѣдное сердце полно горечи и тоски.

А въ пещерѣ ни золота, ни серебра, ни дорогихъ камней. Голая, сѣрая эта пещера и больше ничего. Холодно, жестко тамъ преклонять голову. Вечеръ наступалъ тихій и розовый. И все розовѣло: кремнистые утесы, гремящій Днѣпръ внизу, далекіе, темные лѣса на вершинахъ и быстро пролетѣвшая птица надъ Днѣпромъ. Лѣсная повилка слабо откуда-то запахла, и глаза не находили, гдѣ бы могъ вырасти нѣжный цвѣтокъ тутъ на дикихъ камняхъ.

Средній братъ, что казалось спалъ, вдругъ поднялъ голову и проговорилъ: «Не пора ли?»

Всѣ оглянулись и два голоса ему отвѣтили: «Еще не пора! Еще рано!»

Средній братъ умолкъ и опять отвернулся, опять будто уснулъ.

Розовый вечеръ разгаромъ разгорался ярче, потому началъ темнѣть и темнѣть; мѣсяцъ вырѣзывался изъ-за горной вершины и засверкали звѣзды на небѣ.

— Пора! — говоритъ старшій братъ и встаетъ.

Въ одну секунду всѣ были на ногахъ, пещера опустѣла. Легко и быстро пробирался по утесамъ, братья скрылись за ними.

VI.

Ѣдетъ козачъ съ козачкой домой, о, веселая, веселая дорога! Куда ни глянешь — все цвѣтеть и благоухаетъ, о чемъ ни вздумаешь — все ясно и любо! Какъ все теперь хорошо: и вспоминать прежнія напасти и лихо, и забѣжать мыслію въ радостное будущее! Говорили они о томъ, какъ теперь жить будутъ вмѣстѣ, какъ хозяйничать станутъ вмѣстѣ.

— Будемъ жить одни вдвоемъ, — сказала козачка. — Вѣдь у насъ съ тобой никого нѣту.

И двѣ пары счастливейшихъ глазъ обратились другъ къ другу.

Вдругъ что-то больно кольнуло въ сердце козачку; она въ лицѣ перемѣнилась и проговорила:

— А гдѣ мои братья теперь? Гдѣ братья? Живы ли?

И слезы такъ и побѣжали по ея счастливому лицу. Теперь было на чье плечо головкой припасть, было къ кому прильнуть. И наплакавшись горячими слезами, козачка подняла голову и промолвила:

— Никогда я ихъ такъ хорошо не оплакала, какъ теперь. Какъ-то ихъ Богъ милуетъ, Михайло кохатый, а? — спросила она и ждала козакова отвѣта, какъ ихъ Богъ милуетъ.

Пошли у нихъ рѣчи о братьяхъ и разные предположенья удачныя, разные надежды вѣрныя явились.... И въ будущемъ пылкая козачка устроила и уладила все, какъ хотѣлось ея душѣ,

какъ желалось ея сердцу. А козакъ на все согласенъ и всѣмъ доволенъ.

Въ такихъ рѣчахъ они безъ вниманья ѣхали по дорогѣ, не глядя ужъ кругомъ, пока ихъ не поразилъ шумъ мельничныхъ колесъ гдѣ-то по близости; оглянулись они и увидали темные лѣса со всѣхъ сторонъ, заходящее за нихъ солнце и справа какой-то хуторокъ бѣдный.

— Да мы съ дороги сбились, Галя! — сказалъ козакъ, усмѣхаясь. — Вотъ такъ-то гляди въ ясныя очи, такъ и дорогу проглядишь!

Ясныя очи такимъ взглядомъ ему отвѣтили, что онъ опять забылъ о дорогѣ.

— А вотъ дорога впереди, — сказала Галя, указывая впередъ. Впереди лежала дорога узкая, мало ѣзженная, такая самая, на которую они попали сами не знали когда и какъ.

— Дорога-то есть, да куда она ведетъ? — сказалъ козакъ. — Надо подѣхать къ этому хутору и спросить.

И козакъ, зарскаясь напередъ глядѣть въ ясныя очи, повернулъ воловъ къ хутору.

Это былъ маленькій, бѣдный хуторокъ, вездѣ, гдѣ только можно, по землѣ заросшій краснымъ яркимъ макомъ: макъ сплошь укрылъ огороды около каждой хатки, снопочками выросталъ у дороги; то взбирался на крыши однимъ пышнымъ цвѣткомъ, то цѣлой семьей, то, словно бахромой, обнизывалъ кругомъ, прерываясь кое-гдѣ какъ оборванное каралловое ожерелье, и издали бѣдный хуторокъ, казалось, горѣлъ въ огнѣ несгараемомъ.

— О, какой макъ! — вскрикнула Галя. — О, что за пышный макъ! Я себѣ заведу такой!

Подѣхавши къ первой хуторской хаткѣ, они встрѣтили женщину съ ребенкомъ на рукахъ и спросили, гдѣ дорога въ село Глибово.

— Не знаю такого села, нѣту, — отвѣчала женщина.

— А какія-жъ около васъ села? — спросилъ козакъ.

— Хрумово, Иваньково, Кривушино....

— Далекъ Кривушино?

— О, далеко. Считаютъ больше сорока верстъ.

— А какъ туда проѣхать?

— Да вотъ эту дорогою; прежде вы прїѣдете въ Хрумово, потомъ.... Да только эта дорога теперь не безопасная.

— Отчего?

— Да слышны разбой и убійства стали. Слышно, недавно убить богатый козакъ въ яру.... Ну-ну! — унимала она ребенка, что ткнулся къ воламъ: — ну-ну, не шали, а то сейчасъ занесу въ яръ, брошу къ разбойникамъ

Но ребенокъ былъ видимо смѣлой, козачьей породы; онъ въ отвѣтъ на это только засмѣялся и схватилъ вола за рога.

— Малъ козакъ, да смѣлъ! — сказала Михайло.

Мать взглянула на малаго и смѣлаго, и усмѣхнулась. А Галино сердце, которому все, что ни видѣлось, ни встрѣчалось, придало счастья и приполнило радости, — Галино сердце всѣмъ отозвалось.

— Ну, прощайте, спасибо вамъ! — сказалъ Михайло женщинѣ. — Прощай, козакъ, да расти! — сказалъ онъ ребенку.

— Рости, милый, рости! — говорила Галя.

— Спасибо, счастливой дороги! — отвѣчала женщина. — Поклонись, сыночекъ, поклонись.

Сыночекъ не хотѣлъ кланяться и упрямо дралъ вверхъ голову, которую мать наклонила.

— Видите каковъ! — промолвила женщина смѣясь. И Михайло и Галя отвѣтили ей улыбкой.

— Такъ точно это дорога въ Хрумово? — спросилъ еще разъ Михайло.

— Эта, эта самая. Только какъ это вы не боятесь ѣхать? Говорятъ, опасно....

— Мало ли что говорить! — отвѣтилъ козакъ. — Не страшайте взрослого козака, коли малый не боится!

Еще улыбки, еще поклоны и пожеланья добрыя — и вотъ хуторокъ скрылся изъ виду съ своимъ алымъ макомъ, и мельница не шумитъ, и они ѣдутъ по лѣсу, то спускаясь къ Дибяру и чуя его прохладу, то поднимаясь высоко и слыша только шумъ и плескъ волнъ.

VII.

— Козавый! — говорить Галя: — а что, если и вправду разбойники на насъ нападутъ?

— Боишься, Галя? — спрашивает козакъ.

Галя не боится, но если разбойники нападутъ?

— Не бойся, мое сердце, это все сказки, — говоритъ козакъ. — Будь спокойна, Галя.

— О нѣтъ, я не буду бояться, милый. Я не боюсь, — отвѣчала Галя.

И они ѣхали дальше по темному лѣсу, и все, счастливые, говорили про счастье. А лѣсъ все темнѣлъ и Днѣпръ все быстрѣй шумѣлъ. Сначала дорогу лѣсъ обступалъ, и ѣдучи они слышали запахъ лѣсныхъ цвѣтовъ; потомъ лѣсъ вдругъ будто сдвинулся и по обѣимъ сторонамъ высіяты голые камни и на нихъ, какъ натканными стрѣлами, рѣдкія сосны, и ввиду навстрѣчу имъ бѣгетъ Днѣпръ, вдругъ повернувши свое теченье круто въ ущелье. Только успѣло все это мелькнуть у нихъ передъ глазами, какъ на нихъ бросилась шайка людей. Мощныя руки остановили возъ, схватили Галю, схватили козака. Галя могла только вскрикнуть; козакъ сталъ бороться....

Не долгая борьба: кто-то однимъ упалъ со стономъ; затѣмъ яростный крикъ — и козакъ зашатался и упалъ подлѣ Галя. Въ ужасѣ схватила она его и прижала къ себѣ; въ ужасѣ чувствовала, что теплая кровь обливаетъ ея руки.

Шайка увивалась около сраженнаго товарища и слышались слова: «не дышетъ! мертвъ!» И страшный плачь слышался, и глухіе вопросы: «гдѣ схоронить?» и шаги въ ту и другую сторону, поиски, и рытье земли, и выбрасываемая земля изъ ямы....

Ночь проходила, все свѣтлѣло кругомъ. Кровь, обливавшая руки, останавливалась и холоднѣла; вдали за деревьями ковали яму и мелькали люди, вблизи никого....

Но вотъ кто-то приблизился. Еще въ большомъ ужасѣ Галя кричше прижала къ себѣ своего козака, и взглянула.... Около ней стоялъ молодой паробокъ съ убитымъ лицомъ и, казалось, ему было жаль ее; но когда глаза ихъ встрѣтились, онъ вдругъ весь затрещалъ и быстро спросилъ:

— Откуда ты? Чья ты?

— Я сирота, — отвѣчала Галя. — Я живу одна около Кіева, въ хаткѣ на лугу.... Нѣтъ, нѣтъ, не то: я замужъ пошла и вотъ мой козакъ....

— Галя! — промолвилъ паробокъ, почти падая подлѣ нея: — Галя, сестрица! Узнала ли ты своего брата меньшого?

— Охъ, братецъ милый, это ты? Здравствуй, здравствуй! Отчего ты долго такъ не приходишь?

Она наклонилась къ нему и много разъ его съ жаромъ поцѣловала, все не выпуская изъ рукъ своего козака и потомъ спросила:

— А гдѣ-жъ другіе братья? Отчего вы такъ долго не приходили? Гдѣ-жъ братья?

Ужасъ ея будто уменьшился; она пристальнѣй поглядѣла кругомъ. Меньшой братъ покликалъ остальныхъ братьевъ и они пришли.

— Это сестра наша, Галя, — сказалъ имъ меньшой братъ.

— Это я, я, братцы! — промолвила имъ Галя. Но они никто не подходили къ ней, и старшаго брата совсѣмъ не было, и лица у нихъ у всѣхъ такія страшныя.... Ужасъ опять напалъ на Галю. — Гдѣ старшій братъ? — спросила она. Ужасъ все больше и больше охватывалъ и подавлялъ ее, и сначала она ничего не могла понять, потомъ поняла все, все увидала и узнала.

Она видѣла старшаго брата мертваго подъ дубомъ и знала, что его убилъ ея Михайло. Она была при похоронахъ и видѣла, какъ старшаго брата вмѣстѣ съ ея Михайлой опустили въ глубокую яму, усыпанную листьями, и она просталась съ ними.... Но странно какъ-то все перемѣшалось у ней въ умѣ, и даже видѣли странно глаза, и странно уши слышали: то она думала объ играхъ съ братьями на лугу, о покойницѣ матери—и внезапно являлась въ мысли улыбающаяся женщина съ смѣлымъ веселымъ ребенкомъ на рукахъ, въ бѣдномъ хуторкѣ, заросшемъ алымъ макомъ; то шла она изъ церкви и слушала Михайловъ голосъ, то шумъ Днѣпра все заглушалъ, то стоны слышались, голые камни видѣлись, темные лѣса — и вмѣстѣ вечеръ весенній, плѣнительная, цвѣтущая свѣжесть и вдали большое бѣлое село на горѣ; то все живое, радостное и дорогое, то все мертвое, похороненное дорогое.... Она ждетъ-ждетъ къ себѣ жениха, выглядываетъ его, высматриваетъ, ловить звукъ его голоса, а около нея меньшой братъ находится. Вдругъ передъ ней возмужавшее, но знакомое милое лицо—и она ему улыбается и очень рада.... А вотъ и всѣ братья сидятъ рядомъ на землѣ, только недостаетъ старшаго.... Вдругъ какой-то свѣтъ—и память, и разумъ,

и ужасъ опять нападаетъ на нее — и въ ужасѣ она бросается бѣжать, и бѣжить-бѣжить къ Днѣпру, и въ ужасѣ бросается въ Днѣпръ. За ней по слѣдамъ брата, но днѣпровская пучина ужь далеко унесла сестру и разбила по острымъ камнямъ, и напрасно брата ходять по дикимъ берегамъ: въ быстрыхъ волнахъ ничего не видно, кромѣ отраженья яснаго неба, окрестныхъ утесовъ и лѣсовъ....

Марко-Вовчокъ.

БОРЬБА ШЛЯХТЫ СЪ КОЗАКАМИ

ЗА ОБЛАДАНІЕ УКРАИНОЙ ОБЪИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА.

ГЛАВА V ¹⁾.

(1637-й годъ.)

Разномысліе между козаками. — Опасенія замѣтныхъ людей. — Обманчивая увѣренность козаковъ въ своей безопасности. — Превосходство шляхетской стратегіи и тактики. — Козаки разбиты подъ Кумейками. — Появленіе на сцену Гуни. — Школа для Богдана Хмельницкаго.

Республика козацко-украинская, это незаконнорожденное чадо республики шляхетско-польской, сохранила многія черты своего происхожденія. Если безпристрастные польскіе писатели нашего времени упрекаютъ свою старинную шляхту въ умственной лѣни, въ необузданной мечтательности, предупреждавшей здравое обсужденіе предмета, въ самоувѣренности и вообще въ непрактичности дѣйствій, то и мы, глядя на прошедшее спокойно изучающими глазами, не можемъ не видѣть всѣхъ этихъ недостатковъ гражданскаго общества въ козакахъ и тѣхъ сословіяхъ, которыя подъ знаменемъ козачества отстаивали свою родную почву и свои естественныя права. Взаимная недовѣрчивость, зависть и покорность одной только непреборимой силѣ — эти черты, характеризующія варварство шляхты, прикрытое вѣнчикомъ обще-

¹⁾ Первые четыре главы, заключающія въ себѣ приготовительныя свѣдѣнія къ предлагаемому историческому повѣствованію, напечатаны въ «Вѣстникѣ Югозападной Россіи». Встрѣчающіяся здѣсь впервые подробности заимствованы изъ рукописей императорской публичной библіотеки.

ственности, были чертами и нашего козачества, и выступали тѣмъ ярче во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, что козацкое варварство не прикрывало своихъ естественныхъ явленій никакими благовидными покровами. Быстрые успѣхи польско-украинской шляхты въ порабощеніи огромной массы народа немногимъ панскимъ домамъ и ихъ кліентамъ не могли не растравить въ ней животнаго инстинкта къ легкой добычѣ насчетъ себѣ подобныхъ; а возстаніе порабощенныхъ, совершившееся только по безладью между порабощителями, не могло имѣть въ виду ничего другого, какъ поставить на мѣсто республики деспотически-шляхетской республику деспотически-козацкую. Примѣры и уроки были у каждаго въ свѣжей памяти.

Козацію предводители, говоря вообще, далеки были отъ мысли — распредѣлить между возможно-большою массою своихъ сподвижниковъ возможно-равныя доли имущества, отвоеваннаго или завоеваннаго у шляхты. Напротивъ, каждый козакъ соразмѣрлялъ свою долю съ возможностью схватить и удержать за собою. Нарушенное игрою случая или перевѣсомъ силы равенство между недавними слугами вельможнаго панства раздражало сердца противъ сердецъ, поселяло между ними взаимную подозрительность, взаимное недоброжелательство, и этимъ самымъ дѣлало всѣ ихъ движенія въ цѣломъ составѣ невѣрными, нерѣшительными, не единодушными. Одно могло бы усилить козаковъ и слить ихъ въ неодолимое для шляхты ополченіе: это — блистательный успѣхъ главнаго ихъ предводителя въ первыхъ бояхъ съ короннымъ и панскимъ войскомъ. Но послѣ Конашевича-Сагайдачнаго, усилія польскихъ гетмановъ, королевскихъ комиссаровъ и украинскихъ должностныхъ пановъ направлены были къ тому, чтобы поселить между козаками рознь, и въ козакахъ реестровыхъ, какъ людяхъ привилегированныхъ, зародить презрѣніе къ *выписчикамъ*, то есть выписаннымъ, исключеннымъ изъ козацкаго реестра. Между реестровиками много было такихъ полушляхтичей, какъ Сава Конововичъ, какъ Ильяшъ Карамовичъ-Барабашъ, какъ Федоръ Онушкевичъ, которые на козацію вольности смотрѣли только какъ на средство сравняться въ богатствѣ и значеніи съ вѣчною шляхтою, которые, участвуя въ козацкихъ протестахъ противъ панскаго правительства, играли роль примирителей двухъ враждующихъ республикъ, и будучи передовиками между невѣ-

жестокимъ козачествомъ, стояли всегда на виду у вельможныхъ пановъ, какъ люди, которыхъ надобно было ласкать, задаривать и утроблять для проведенія въ козацкое войско извѣстныхъ убѣждений. Самъ Павлюкъ, судя по тому, что ему дарована была жизнь во время казни Сулимы, принадлежалъ къ числу верховодовъ сомнительнаго поведенія, равно опасныхъ для каждой изъ борющихся сторонъ, и можетъ-быть только случайныя обстоятельства дали ему рѣшительный характеръ и рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими предводителями козацкихъ партій. Но то, что составляло его силу, было вмѣстѣ и причиною его безсилія. Онъ опирался на выписчиковъ. Онъ былъ страшенъ для людей умѣренныхъ, для такъ-называемыхъ благоразумныхъ людей, то-есть тѣхъ, которые умѣли пугать пановъ козацкимъ возстаніемъ и были готовы съ ними ладить; а эти благоразумные люди владѣли общественнымъ мнѣніемъ и возбуждали въ богатыхъ козакахъ справедливыя опасенія насчетъ неистовства предводительствуемой Павлюкомъ голоты, которая, прогнавъ изъ Украины шляхту, сдѣлается домашнею ордою для всѣхъ, у кого есть порядочные дворы, обработанныя поля, пасѣнки, скотъ и другое имущество. Они, эти гольятаки, могли потребовать отъ зажиточныхъ козаковъ такихъ «поборовъ, напоевъ и кормовъ», какихъ не смѣли отъ нихъ требовать и жолнеры, а пожалуй вздумаютъ дѣлиться съ ними ихъ имуществомъ по-татарски. Бездомные и безродные винники, броварники, будники, вѣчные наймиты и бродяги, имѣли въ виду одну только поживу, и козацкая Украина была для нихъ почти тоже самое, что и Украина шляхетская. На всѣхъ «козаковъ-зимовчакѣвъ», на всѣхъ людей осѣдлыхъ и зажиточныхъ, они смотрѣли какъ на панскихъ угодниковъ, по милости которыхъ не было житья убогимъ *сіромаламъ* на Украинѣ, и дикая ихъ истительность была опаснѣе шляхетской юрисдикціи.

При такихъ обстоятельствахъ не могло быть между козаками ни единодушія въ возстаніи противъ военной панской силы, ни рѣшительныхъ приготовленій къ войнѣ съ шляхетскою республикою. Зналъ это Павлюкъ и медлилъ выступленіемъ своимъ изъ Запорожья со всею артиллерією и войсковыми клейнотами ¹⁾.

¹⁾ Клейнотами назывались войсковые знаки: знамя, бунчукъ, булава,

Вывести въ Украину, до начала военныхъ дѣйствій, свой шумный рой голоты значило бы напугать осѣдлое козачество, которое все еще держалось въ нерѣшительномъ положеніи относительно коронныхъ властей. Онъ поджидалъ, пока его намѣстникъ Скиданъ, вмѣстѣ съ новыми полковниками, поставленными имъ по праву сильнаго, подниметь противъ пановъ такую массу охотниковъ до козакованья, которая заставитъ и нерѣшительныхъ дѣйствовать по его волѣ, — и Скиданъ, еще съ первыхъ чиселъ октября 1637-го года, началъ разсылать по украинскимъ городамъ и мѣстечкамъ универсалы такого содержанія:

«Карпъ Павловичъ Скиданъ, полковникъ войска его королевской милости запорожскаго, старшій на всей Украинѣ и Заднѣпріи.

«Панамъ отаманомъ городовымъ и всему нашему товариству, живущимъ какъ въ имѣніяхъ его королевской милости, такъ и въ княжескихъ и шляхетскихъ, и всѣмъ вообще посполитымъ людямъ христіанскаго року, живущимъ въ Заднѣпріи и по всей Сѣверщинѣ, добраго здоровья и всякаго благополучія отъ Господа Бога усердно и искренно желаю. — Дошла до насъ вѣрная и досконалая вѣсть, что враги нашего христіанскаго русскаго народа старожитной нашей вѣры греческой, именно ляхи, принявъ злой умыселъ и забывъ страхъ божій, идутъ въ Украину за Днѣпръ, съ тѣмъ, чтобы превратить ни во что какъ войско его королевской милости (Запорожское), такъ и подданныхъ княжескихъ, что ужь и дѣлаютъ, а проливши христіанскую кровь и совершивъ тиранства надъ женами и дѣтьми нашими, отдать (всѣхъ насъ) въ неволю. Потому, именемъ моимъ и старшинства моего и именемъ войска его королевской милости запорожскаго, повелѣваемъ вашимъ милостямъ и увѣщаемъ васъ, чтобы вы всѣ единодушно, какъ старшіе, такъ и младшіе, кто только называется товарищемъ и остается при благочестіи и истинной вѣрѣ, безъ малѣйшаго отлагательства собирались ко мнѣ и къ войску, оставивши всѣ свои занятія. Затѣмъ вашихъ милостей Господу Богу поручаю»¹⁾.

литавры, печать, а также и вся казна или войсковой скарбъ. *Клейнотъ* собственно значитъ драгоценность, а иногда гербъ.

¹⁾ На этомъ листѣ, писанномъ по-польски, какъ и вся козацкая пере-

Указорозалъ былъ писанъ въ Лубнахъ. Одинъ этотъ фактъ показываетъ, какъ нехѣрно и мещочно стояли тогда вещи въ шляхетско-польской Украинѣ. Лубны были резиденціею могущественнѣйшаго изъ польско-русскихъ магнатовъ, князя Еремія Вишневецкаго, котораго предку предлагаема была корона чешская и котораго сынъ Мизамль былъ впоследствии избранъ королемъ польскимъ. Вишневецкіе владѣли всею Сулою, отъ верховьевъ ея, начинающихся близъ города Сумъ, до впаденія въ Днѣпръ, со всеми находящимися на ней городами и селами ¹⁾. Имъ принадлежало много и другихъ мѣстъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра и на Волынѣ ²⁾. Содержа собственное войско, составленное изъ

виска того времени, была такая надпись: «List do Snietyna, Sency., Lochwicy, Hlineta, Romna u inszych miast u miasteczek, aby dniem u nocą odsyłan koniecznie przez zadney zabawy.»

¹⁾ *Архивъ Югозападной Россіи*, II, 289.

²⁾ По инвентарю, сохранившемуся между рукописями Михаила Вишневецкаго въ Черноостровской библіотекѣ, Еремія Вишневецкій владѣлъ слѣдующими городами и селами въ Украинѣ (NB: исчисленные въ этомъ инвентарѣ мельничныя колеса показываютъ, какъ обильны были тогда воды въ Украинѣ, сравнительно съ нынѣшнимъ):

Лубны, въ нихъ хозяевъ 2646, мельничныхъ колесъ 40; Хороль—1297—8; Горешинъ—107—11; Лукомль—524; Оржяца—91; Буромль—158—6; Еремѣвка—327; Жовнинь—312—9; Чыгиринь-Дуброва—137—6; Пыративъ—1749—38; Бѣлошапки—374—3; Держикрай—318; Золотоноша—273—13; Песчана—230—8; Домонтовъ—213—3; Прилука—366—36; Полтава—812—11; Монастырище—939—12; Галца—824—6; Журавка—474—16; Горола—312—12; Гмировка—135—2; Пчня—1494—3; Ивана—336—3; Галѣнка—364—2; Красне—995—4; Липове—381—9; Кропивна—184; Самборъ—198; Глинскъ—1264—16; Варва—2037—21; Переволочя—426—10; Сокиринцы—428—12; Срібне—1830—11; Чермюхи—914—9; Снятыпка—436—14; Воронка—145—1; Мнока—285—3; Курипка—316—24; Лохвица—3325—35; Піски—349—6; Сенча—1403—31; Комышно и Ручинцы—1194—9; Гмутечъ—446—8; Серкиевка и Робишовка—214; Царівъ-Бродъ—101—2; Липова-Долина—150—2; Райгородъ—137; Онанасовка—17; Талалаевка—60; Ромны—6000; Мошны—1400; Корибутовъ—600; Кулигородище—80. Всего хозяевъ 39,610; мельничныхъ колесъ 423. Каждый изъ этихъ хозяевъ, для увольненія отъ панщины, давалъ по 3 талеровъ; мельники платили отъ колеса по 2 черв. Кромѣ того пану принадлежалъ доходъ съ кабаковъ и выдѣлены были ему фольварки. (Изъ книги: «Podole, Wołyń, Ukraina», prz. Al. Przędzieciego. I, 41.)

Искаженные въ рукописи или въ печати названія городовъ и селъ восстановлены мною по картѣ, но сомнительныя, оставлены безъ перемѣны.

Исчисленіе польскихъ владѣній князя Вишневецкаго см. въ той же книгѣ, стр. 57.

мелкой шляхты и такъ называемыхъ *сыбранцовъ*, набранныхъ изъ подвластнаго себѣ люду, они такъ успѣшно отражали татаръ отъ сѣверовосточныхъ границъ Польскаго королевства, что до 1640 года ни крымцы, ни нагайцы не могли прорваться въ лѣвобережную Украину ¹⁾. Отъ этого Посуліе и вся Вишневецина были населены по тогдашнему времени густо, а это давало князю Еремѣю возможность поддерживать въ своихъ владѣніяхъ порядокъ, котораго такъ мало было вообще въ рѣчи-посполитой польской. Правда, князь Еремѣя на ту пору былъ въ отсутствіи: турецкая война, угрожавшая королевству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его волынскимъ имѣніемъ, вызвала его съ лучшимъ его войскомъ на берега Днѣстра; но все-таки его украинскіе города и села не оставались беззащитными. И однакожъ повсемѣстное волненіе простонародья до такой степени смутило и разстроило представителей его власти въ Украинѣ, что Скиданъ могъ безопасно явиться въ Лубнахъ, а отсюда, вслѣдъ за своими универсалами, разѣзжать по всей Вишневецинѣ и прилежащимъ къ ней королевскимъ имѣніямъ. Всѣхъ, кто только былъ способенъ носить оружіе и выражалъ желаніе козаковать, вписывалъ онъ въ козацкій реестръ; а кто изъ шляхты не пускалъ рабочаго народа въ козаки или отказывался давать новымъ ополченцамъ лошадей, одежду, оружіе, запасы,—всѣхъ такихъ смѣльчаковъ и послушниковъ войсковою власти козацкой онъ побивалъ и грабилъ безъ милосердія. Навербовавъ цѣлое войско *нетанъ*, которымию опротивля панцирна и грезилась блаженная свобода, онъ поручилъ окончательное ихъ вооруженіе и приготовленіе къ войнѣ мѣстнымъ отаманамъ, а самъ переправился на правый берегъ Днѣпра, и расположась главнымъ кошемъ въ Корсунѣ, поджидалъ ополченія низового, предводительствуемаго Павлюкомъ.

Обо всемъ этомъ коронные гетманы имѣли обстоятельныя свѣдѣнія, но, презирая легкомысленную толпу окозаченной черни, надѣялись, на основаніи прежнихъ опытовъ, что лишь только появится въ Украинѣ коронное войско, люди *bonagim partium* (благомыслящіе) тотчасъ къ нему присоединятся, и тогда свободный сбродъ повѣситъ носы; а уныніе нашихъ простонарод-

¹⁾ *Акты для исторіи Южной и Западной Россіи*. III, 32.

ныхъ ошолченій всегда доставляло шляхтѣ торжество надъ козацкою республикою.

Одно только чувство связывало почти всѣхъ старыхъ и новыхъ козаковъ, почти всѣхъ реестровиковъ и выписчиковъ: это — вкорененное въ нихъ искони желаніе *биться съ ляхами*, которое высказывалось повсемѣстно, гдѣ ни настороживали ухо шляхетскіе доброжелатели; но за что именно биться и даже подъ чьимъ именно предводительствомъ биться — это были вопросы спорные. Вбунтованныя Скиданомъ Вишневецкима и Сѣверщина хвалились, что у нихъ явится до двадцати тысячъ войска и что когда придутъ въ Украину ляхи, то это войско не пуститъ ихъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Скиданъ между тѣмъ вменявалъ себя въ универсалахъ полковникомъ и *опекуномъ* всей Украины, звалъ козаковъ къ 19-му ноября на раду въ Корсунь, и, видя, что его слушаются немногіе изъ людей выжидательнаго характера, грозилъ ослушникамъ смертною казнію. Но тутъ же вокругъ него проносились въ козацкихъ купахъ толки о низложении Павлюка, лишь только онъ появится въ Запорожья, и Скиданъ, видя себя небезопаснымъ въ Корсунѣ, перенесъ главный свой кошъ въ Мѣшны. Еще жолнеры были далеко отъ границъ козацкой Украины, а между козаками ходили уже тревожные слухи, что панъ Лашъ заходитъ козацкимъ поселеніямъ въ бокъ со стороны степей, вмѣстѣ съ татарами, а Потоцкій приближается къ нимъ прямымъ путемъ. Не предвѣщало это въ козакахъ единодушной стойкости.

Съ своей стороны шляхта, удерживавшая еще правительственный порядокъ въ Украинѣ, ежедневно трепетала за свою жизнь, не смотря на то, что осѣдалые козаки обращались съ нею дружелюбно и выражали досаду на запорожскихъ бунтовщиковъ. «Ни одного между ними нѣтъ цютливаго и вѣрнаго, — доносили недстарѣстін своимъ милостивымъ панамъ: — хотя козакъ наружно и братается съ нами, но, выйдя изъ дому, говорить и замышляетъ совѣтъ другое. А хоть бы и нашелся между ними челоувѣкъ добрый, то трудно ему отстать отъ другихъ, а особливо отъ старшины, которая, сидя еще покамѣсть дома, подговариваетъ на все злое не только козаковъ, да и хлоповъ по селамъ.»

Этими подговорами реестровые козаки, увеличивая число участниковъ въ возстаніи, обезпечивали на всякій случай собствен-

ную судьбу и можетъ-быть надѣялись, что наши, видя всю Украину въ волненіи, безъ боя увеличатъ козацкія права, лишь бы только старинные козани помогли имъ вогнать окочаченныхъ поселенъ въ прежнюю меженъ. Универсалы и разѣзды Скидана во вездѣ измѣнили прежній порядокъ вещей. По нѣкоторымъ староствамъ, какъ напримѣръ въ Нѣжинѣ, староствѣ Николая Потоцкаго, козакки-выписчики, по взаимному соглашенію съ панами, еще исполняли замковую службу и только передъ самымъ приходомъ короннаго войска въ Бѣлую-Церковь возвратили подстаростіямъ панскія хоругви и объявили честно, что присоединяются къ сторонѣ козацкой. Тогда ужъ и послѣдніе подстаростіи, державцы и ихъ намѣстники бѣжали изъ своихъ замковъ и не смѣли въ нихъ вернуться.

Зная разстроенное состояніе королевскаго скарба и недовольство кварцанаго войска, козакки ободряли другъ друга толками, что на нихъ идутъ одни украинскіе паны, Потоцкій, Калиновскій, Вишневецкій съ собственными *прошовыми людьми*, подобными козакамъ-выписчикамъ, которые состояли на полудобровольной службѣ у старость. «Королю»—говорили они—нѣтъ надобности воевать съ нами; король всегда тянулъ руку за козаковъ, онъ только и силенъ противъ шляхты козаками; а это вельможные паны, безъ вѣдома его королевской милости и рѣчи-поволитой, хотять выместить на насъ, козакахъ, свои досады.»

Между тѣмъ жолнеры, какъ мы уже знаемъ, пришли вездѣ Паволочь и въ теченіи двухъ недѣль не предпринимали ничего, въ ожиданіи своего главнокомандующаго, польнаго гетмана короннаго Николая Потоцкаго. Когда вѣстовщики донесли козакамъ, что войска пришло въ Украину немного и что ни одного короннаго гетмана, ни великаго, ни польнаго (то-есть полевого), при немъ нѣтъ, — козакки начали сноситься между собой дѣятельнѣе и вездѣ провозглашали, что ляхи не смѣютъ на нихъ ударить. Имъ представлялась надежда владѣть Украиной по старинѣ, съ вѣчвыми сходами, съ конными судами, со всеобщимъ равенствомъ передъ закономъ, который возникалъ изъ обычая и былъ святъ въ глазахъ каждаго, однимъ словомъ — со всѣмъ тѣмъ, что уничтожила въ Украинѣ шляхетская юрисдикція. Но до этого было еще далеко. Если и сподвижники Хмельницкаго неспособны были овладѣть панскою Украиной иначе, какъ превративъ ее въ кро-

ваго пепелище, то что же сказать о разрозненномъ съ начала до конца возстаніи павлюковцевъ? Стояло только Потоцкому ударить немедленно на первую вооруженную купу украинской черни — смятеніе овладѣло бы всею партією завзятыхъ, не смотря на ея многочисленность. Но Потоцкаго, какъ мы видѣли, гораздо больше озадачилъ fremitus жолнеровъ, чѣмъ козацкое возстаніе: оцутясь посреди бушующаго войска, онъ совершенно потерялъ было голову и опасался всеобщей революціи въ рѣчи-посполитой польской.

Узнавъ о приближеніи къ Бѣлой-Церкви польнаго гетмана короннаго, бѣлоцерковскіе козаки и мѣщане одни ушли въ Черкасы, а другіе, въ числѣ двухъ-сотъ съ небольшимъ лошадей, встрѣтили его въ мѣлѣ отъ города, и сойдя съ коней, выстроились лавою, на выстрѣлъ изъ лука отъ гетманской кареты. Оба полковника бѣлоцерковскіе, новый Яцыненко и старшій Клиша, вмѣстѣ съ другою старшиною, человекъ до осьми, приближались къ каретѣ и, по словамъ Потоцкаго, съ обычнымъ своимъ униженіемъ поклонились до земли. Поздравивъ ясновельможнаго съ пріѣздомъ, они отдавали себя его милостивою ласкѣ и волѣ ¹⁾. Ясновельможный счелъ нужнымъ накричать на нихъ: какъ-де вы могли допустить, чтобы запорожскій сбродъ отнялъ у васъ артиату (артиллерію) и заподозрилъ вашу вѣрность его королевской милости? Почему вы тотчасъ не выручили ее, пока была возможность? и т. д. — Бѣлоцерковцы оправдывались, какъ умѣли, и свидѣтельствовали свою невинность тѣмъ, что не присоединились къ бунтовщикамъ. Тогда Потоцкій перемѣнилъ гнѣвъ на милость, выразилъ имъ похвалу за ихъ вѣрность королю и рѣчи-посполитой, и обѣщалъ выдать имъ охранительные универсалы, по которымъ ихъ имѣнія были бы свободны отъ платежа кормовъ и податей жолнерамъ. «Это я сдѣлалъ для того—писалъ онъ къ великому коронному гетману—чтобъ на эту липкую штуку ²⁾ приманить и другихъ пташекъ; а потомъ ужъ мнѣ легко будетъ выбирать куколь изъ пшеницы.»

Въ самомъ дѣлѣ, по примѣру бѣлоцерковцевъ, и корсунцы

¹⁾ *Dyuryusz Transakcyi wojennej między Wojskiem Koronnem i Zaporoskim, w r. 1637, przez Szymona Okolskiego (wyd. Turowskiego), 24.*

²⁾ Въ подлинной рукописи: жер — птичій клеш.

прислали къ Потоцкому депутатовъ съ изъявленіемъ поворачивать его волю. Они объявили Потоцкому, что Павлюкъ, перебивъ въ-которыхъ старшинъ реестроваго козачества, другихъ, мѣше въ его глазахъ преступныхъ, забралъ съ собой на Запорожье и что поэтому простые козаки сами не знали, какъ имъ быть. Съ одной стороны угрожало имъ наступленіе короннаго войска, съ другой—сила, которою располагалъ Скиданъ въ Украинѣ, а Павлюкъ на Запорожьѣ. «Все однакоже—говорили депутаты—на радѣ въ Корсуни реестровики, испуганные приближеніемъ жолнеровъ, начали было промышлять о себѣ собственнымъ разумомъ; тогда Скиданъ и его старшина, схвативъ только хоругвь да бубны, бѣжали изъ рады въ Мѣшны.»

Изъ-за Дѣпра пришли къ Потоцкому вѣсти другого рода. Тамъ — доносили ему — все оказывалось; въ городахъ князя Вишневецкаго: Ромни, Лохвиць, Прилукъ, Лубнахъ собираются огромныя купы бунтовщиковъ; носился слухъ, что въ одномъ Гадячѣ, принадлежавшемъ коронному хорунжему Александру Конецпольскому, вписалось въ козаки до двухъ-тысячъ хлоповъ; наконецъ и собственный городъ Потоцкаго, Нѣжинъ, «пришлся къ нимъ». Слышно было также, что въ Переяславѣ старостѣ великаго короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго, служивая шляхта, запершись отъ козаковъ въ замкѣ, томится голодомъ и что Остриинъ набираетъ ополченіе въ другомъ владѣніи великаго короннаго гетмана, Полтавѣ, которое, также какъ и Гадячъ, совсѣмъ оказывалось и держитъ бывшихъ своихъ дозорцевъ подъ страхомъ ежеминутной смерти. Потоцкаго успокаивало однакожъ то обстоятельство, что Дѣпръ, широко разливавшійся тогда у Мошенъ, былъ покрытъ пловучимъ льдомъ, который не давалъ лѣвобережникамъ возможности соединиться съ ополченіемъ Скидана. Между тѣмъ реестровики праваго берега Дѣпра приписывали мятежный духъ только выписчикамъ и просили Потоцкаго послѣдить съ жолнерами въ ихъ города, чтобы большинство бунтовщиковъ не увлекло за собой и людей вѣрныхъ присягъ. Но когда разнеслась по Украинѣ вѣсть о страшномъ для пановъ бунтѣ въ польскомъ войскѣ,— между козаками пошли дѣла иначе. Прежде всего, какъ уже сказано выше, кievскіе козаки перешли всѣ за Дѣпръ и послѣдили въ Переяславъ на раду съ соучастниками Павлюка, чтобы не подвергнуться его мщенію. Потомъ перестали являться

къ Потоцкому за охранными универсалами козаки изъ Корсуни, Стеблева, Канева и другихъ мѣстъ, а корсунскіе депутаты, какъ передовики движенія въ пользу шляхты, боялись вернуться въ Корсунь, зная нагѣрное, что Скиданъ схватитъ ихъ посредствомъ своихъ приверженцевъ и отошлетъ къ Павлюку на казнь. Что касается до бѣлоцерковцевъ, то они еще не рѣшались отшатнуться отъ «моетивыхъ пановъ ляховъ», но частые вздохи ихъ ясно свидѣтельствовали, какъ ненадежна ихъ вѣрность. По словамъ современной панской переписки, хлопы (то-есть козаки) хѣдали точно вареные и сами не знали, что имъ дѣлать. Когда имъ предлагали, чтобъ они выбрали себѣ новыхъ войсковыхъ старшинъ и отъ ихъ имени дѣйствовали въ пользу законнаго порядка,—они, согласно своей народной логикѣ, отвѣчали, что козаки избираютъ войсковыхъ старшинъ общею радюю, что вся войсковая старшина ихъ находится при боку Скидана и Павлюка, и что пока войско не отняло у нея власти, до тѣхъ поръ и они должны ее слушаться.

Презирая хлопскіе аргументы, но зная практическую ихъ силу, Потоцкій не рѣшался поставить *старшаго* надъ козацкиимъ войскомъ «изъ своей руки», чтобы не повторить случаевъ гетманства Сагайдачнаго и не возбудить «хлопскаго смѣху», который, какъ видно изъ его писемъ, казался ему столь же опаснымъ, какъ и хлопское ожесточеніе. Всего больше затрудняло Потоцкаго, по отношенію къ козакамъ, то обстоятельство, что ему некого было убѣждать (*nie mam komu persuadować*), такъ какъ главная войсковая старшина ихъ находилась на Запорожьѣ, а козаки, вѣривъ надъ собою власть избраннымъ изъ своей среды людямъ, въ опасныхъ случаяхъ думали ихъ умомъ и дѣйствовали ихъ волю. Когда въ Корсунь или въ другое мѣсто проходили универсала отъ коронныхъ властей, козацкіе сотники и сотенные отъшаны дрожали отъ страха, не смѣли брать ихъ въ руки, и не прикасаясь къ опаснымъ письменамъ, отсылали ихъ къ Павлюку. Никто не признавалъ за собой права дѣйствовать по собственному соображенію, и только принудительная сила заставляла козаковъ дѣлать что-нибудь согласно волѣ польскаго гетмана короннаго.

О Павлюкѣ 25-го ноября было извѣстно въ польскомъ волнующемся войскѣ, что онъ съ арматою стоитъ уже въ Чигринѣ и поджидаетъ къ себѣ остальнаго своего войска изъ низу Днѣ.

при; но ни на казія козацкія мѣста не ложитися въ то время было невозможно. Потескій имѣлъ въ козацкихъ купакъ преданныхъ себѣ людей и слѣдилъ за всѣми козацкими движеніями внимательно, но и эти донесенія часто оказывались невѣрными, потому что козацкіе предводители, зная неперченность своихъ подручниковъ, часто говорили одно, а дѣлали другое. Тогдашняя военная практика прибѣгала къ тайнымъ чѣткамъ или подѣздамъ подѣ тѣ мѣста, гдѣ вѣтовались между собою казаки, чтобы добыть такъ-называемаго язка. Надъ оплошными *бѣдоушцами*, вондавшими въ руки чатовниковъ, правилами войны дозволялось дѣлать всевозможную жесточь; но пытки помогали вельможному панству мало: онѣ только вывели лишнюю каплю яду въ козацкое сердце.

Великимъ несчастіемъ для украинской республики въ настоящемъ, а для шляхетской въ будущемъ, было то, что свойственная необразованному многолюдству самоувѣренность возбуждена была до высшей степени жолнерскимъ бунтомъ. Козаки, соединившіеся въ будущественное сословіе умомъ и крѣпкою волею Сагайдачнаго и разрозненные ванами, для общаго панскаго блага, по его смерти, — не достаточно сѣлись между собою для новаго отраженія деспотической силы, которая нѣтъ глаубины Польши разливалась далѣе и далѣе по днѣе-свободнымъ окраинамъ королевства. Какъ ни много надѣлали они безпорядковъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра въ королевскихъ и панскихъ владѣніяхъ, но сами далеки еще были отъ общественаго устройства, котораго начала, подавленные шляхтою, существовали и въ сельскихъ вѣчахъ, и въ городскихъ братствахъ, къ которымъ многіе изъ нихъ принадлежали, и наконецъ въ нихъ собственномъ войсковомъ управленіи; а общественное нестройство не дало имъ возможности приготовиться къ войнѣ соответвенно средствамъ ихъ вепріателей. По всему видно, что умѣренную и осторожную партію козацкую (а она была самая зажиточная и вліятельная) подвинуло къ рѣшительному шагу не столько воеенное въ козаковъ преданіиши желаніе битися съ ляхами, сколько увѣренность, что взбунтовавшіеся жолнеры уйдутъ нѣтъ Украины, и опасеніе мести со стороны завятаго Павлика послѣ ихъ удаленія. Это движеніе, произведенное обманчивымъ расчетомъ, обмануло, въ свою очередь, Павлика, который осторожно

держался въ низенькѣхъ Дибира, издали грея шляхетскому могуществу и ободряя каждаго охотника до козачества возможностью бѣжать къ нему на Запорожье. Въ то время, какъ онъ выдвинулся съ арміею изъ таинственной глубины *джикль полей*, точно страшнаго для колебавшихся речистовиковъ, — дѣла въ польскомъ лагерѣ дошли до крайняго расстройтва и «цветлыныи» эриверженцаиъ Потоцкаго оставалось только положиться на Бога, котораго шляхта воображала себѣ по-шляхетски. Вдругъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущей главы, въ борьбѣ папскихъ страстей и интересовъ сдѣлался переломъ: одни рѣшились драться не-пропалу за свои шаетности, другіе за собственную шею, которой угрожала бѣда, прочіе пошли слѣдомъ за большинствомъ, — и козакъ, выѣсто одной перспективы, неожиданно увидѣли передъ собой совсѣмъ другую. Легко было имъ повторять въ шивакахъ и на ярмаркахъ общій свой кличъ — *биться съ ляхами*: ляхи стояли вдали, и ихъ жолнеры готовы были превратиться въ домашнее козачество. Но когда въ Богуславѣ явились передовыи хоругви Потоцкаго съ угрозами вырубить хлопство до ноги; когда на каждаго встрѣчнаго мужика и торговца, «снепотлаваго пса русина», посылались выкованныя столбѣями польскія побранки; когда все, что могло принадлежать бунтовщикамъ, дѣлалось добычей жолнерскихъ рукъ и потѣшнаго для панскихъ пачотъ¹⁾ пламени—многіе тогда расстанались въ своей эириетчивости, и только тѣ, кому нечего было терять, для кого безпріютная, вѣчно угрожаемая жизнь казалась бременемъ, готовы были отъ всей души броситься въ огонь отчаянной битвы. Можно сказать навѣрное, что ни Павлюкъ, ни его ближайшіе подручники не принадлежали къ этому разряду завязтыхъ людей: они очевидно намѣрены были вести дѣло съ панскою республикою по примѣру Сагайдачнаго; они имѣли полную возможность втиснуть Польшу въ войну съ турками и сдѣлаться для нея необ-

¹⁾ Коронное войско состояло изъ *товарищей* и *рядовыхъ*. Товарищи были шляхтичи. Они получали жалованье и имѣли право на занятіе высшихъ военныхъ должностей. Являясь въ войско, они должны были привести съ собою по крайней мѣрѣ троихъ слугъ, въ качествѣ рядовыхъ. Вооруженіе и лошадей заготавливали они для себя и для своихъ рядовыхъ на собственный счетъ. Эти-то слуги и назывались *пачотомъ*, по отношенію къ товарищу, которому принадлежали.

ходимъе всего на свѣтѣ, какъ, шестнадцать лѣтъ назадъ, водъ Хотиномъ. Но незваные гости явились на кровавый пиръ,—по неволѣ пришлось угостить ихъ.

По свидѣтельству Окольскаго ¹⁾, у Потоцкаго было войска всего только 6000, но такъ какъ жолнеры нивогда не выходили въ поле безъ цюръ и другихъ слугъ, способныхъ къ битвѣ, то эту цифру надобно увеличать по крайней мѣрѣ вдвое. Правой рукою польнаго гетмана короннаго былъ въ этомъ походѣ знаменитый своими боевыми способностями и злодѣйствами Самуилъ Лащ-Тучапскій, стражникъ коронный, староста каневскій и овручскій, предводительствовавшій пятью-стами собственной дворской гвардіи, которая состояла изъ волеховъ, сербовъ, татаръ и татарскихъ цыганъ. Онъ постоянно участвовалъ съ летучимъ своимъ отрядомъ въ разныхъ походахъ и пользовался особеннымъ покровительствомъ коронныхъ гетмановъ, даже на счетъ притѣняемой имъ шляхты, какъ человекъ незамѣнимый ²⁾. Незадолго передъ Павлюковщиной захватилъ онъ, посредствомъ кадуковаго права, три села, принадлежавшія Трехтимировскому монастырю, который служилъ пристанищемъ козацкимъ инвалидамъ и которому благочестивые украинцы неколи дѣлали записи съ благотворительною цѣлью ³⁾. Личные интересы Лаща побуждали его способствовать всѣми мѣрами подавленію казаковъ: иначе они воспользовались бы первую возможностью отнять у него трехтимировскія имѣнія. Адамъ Кисѣль, бѣжавъ изъ своихъ заднѣпровскихъ имѣній, явился также въ станъ Потоцкаго съ двумя сотнями войска, содержимаго имъ на собственный счетъ, и, по выраженію вельнскихъ дворянъ на сеймѣ 1638 года, служилъ ему *arte, manu et consilio* (хитросью, рукой и совѣтомъ) ⁴⁾. Не меньше Кисѣля пригодился Потоцкому в черяславскій значный козакъ Ильяшъ Каримовичъ-Барабашъ, который, вмѣстѣ съ

¹⁾ *Dyaryusz etc.*, 44.

²⁾ *Архивъ Югозападной Россіи*, II, 244. 330. — Окольскій говоритъ о лашовникахъ: «Wielka sedycja i rebellia nie może być przedzey ugaszona, jedno si cito hostes invaseris, igne, gladio debellaveris, a na to sposobnieyszego nie znajdziesz nap tak lekkiego żołnierza.» (*Dyaryusz, etc*, 25.)

³⁾ *Kontynuacya Dyaryusza Wojennego w r. 1638, przez Szymona Okolskiego* (wyd. Turowskiego), 191.

⁴⁾ *Архивъ Югозападной Россіи*, II, 243.

своими приверженцами, доставилъ коронному гетману предводителей перемышлянского бунта, Смолыгу и Гавжу. Эти вѣрные сыны отечества, какъ называли тогда Польшу всѣ враги украинской республики, зная хорошо всѣ козацкія дѣла, указывали полякамъ путь къ отысканію тайныхъ двигателей возстанія, наставляли, какъ захватить ихъ врасплохъ, и руководили враговъ своего народа къ познанію страны, которая во многихъ мѣстахъ все еще была для нихъ terra incognita ¹⁾. Нѣмецкая пѣхота, выпробованная во многихъ сраженіяхъ, и шесть пушекъ, подъ командою искуснаго французскаго артиллериста Мореля, составляли главную опору короннаго и панскаго войска.

Но, не зная навѣрное, какъ велики средства Павлюка, Потодкій все еще надѣялся утихомирить козаковъ универсалами великаго короннаго гетмана и своими собственными увѣщаніями. Кисѣль предложилъ ему въ полное распоряженіе своего слугу, пана Люлю, умѣвшаго ладить съ козаками. Люля былъ отправленъ въ глубину объятаго возстаніемъ страны, въ сопровожденіи нѣсколькихъ волоховъ, состоявшихъ у Кисѣля на службѣ; но передавъ черезъ ближайшій постъ гетманскіе листы для отсылки къ Павлюку, онъ наслушался между своими пріятелями-козаками неприятныхъ толковъ. Сходившіеся со всѣхъ сторонъ выписчники въ одинъ голосъ кричали, что не позволятъ больше вынысывать себя изъ козацкаго реестра, не дадутся больше въ обманъ королевскимъ комиссарамъ и поговорятъ о мирѣ съ ляхами надъ Вислою. По всей Украинѣ — доносилъ Люля — летали универсалы отъ Павлюка и Скидана, чтобы всѣ, кому мила свобода, собирались къ нимъ противъ ихъ «душмановъ» и враговъ ихъ старинной греческой вѣры. Носился слухъ о татарахъ, призванныхъ Павлюкомъ на помощь. И въ самомъ дѣлѣ, ограбленные и разогнанные крымцами буджацкіе татары, не имѣя ни женъ, ни дѣтей (все это было забрано въ неволю), присоединились многочисленными толпами къ козакамъ, изъ которыхъ многіе въ бѣдственныхъ случаяхъ проживали также между ногайцами, раздѣляя съ ними судьбу ихъ. Надежды взбунтовавшейся черни не имѣли предѣловъ, тѣмъ болѣе, что ея предводителями прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ для поддержанія этихъ надеждъ.

¹⁾*Dyaryusz etc.*, 21; *Kontynuacja Dyaryusza Wojennego, Okolskiego*, 88.

Между тѣмъ, надувая другъ другу въ уши небыллицы, которая сдѣлалась былью только во времена Хмельницкаго, казаки дѣлали свое дѣло еще медленнѣе шляхты, которая упустила уже возможность отрѣзать Павлюка отъ Скидана и паразитъ каждаго порознь.

Важною стратегическою чертою для казаковъ была каменная, быстрая, обильная ярами, лѣсами и болотистыми заточинами рѣка Рось, которая отдѣляла вольныя земли хитриныхъ помещиковъ отъ земель государственныхъ еще при кievскихъ князьяхъ Владиміръ и Ярославъ. Подобно тому какъ кievскіе князья ограждали себя городами «по Роси» съ лѣваго, возвышеннаго берега, — казаки имѣли множество лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстъ на правомъ, низменномъ берегу. На Роси, между Корсунемъ и Кумейками, ниже села Нетеребки, противъ села Сахновки, существовалъ тогда длинный и извилистый Сахновъ мостъ, со множествомъ гатей черезъ болотистыя рѣчныя заточины, называющіяся *мишанами* ¹⁾. Казакамъ ничего не стоило завять Корсунь и задержать Потоцкаго, пока подоспѣтъ Павлюкъ къ Сахнову мосту, а потомъ они могли бы защищать переходъ черезъ Рось, держась въ топкихъ мѣстахъ, которыя они постоянно избирали мѣстомъ битвы съ поляками, въ которыхъ полякамъ бывало такъ трудно ихъ побѣждать и изъ которыхъ они умѣли такъ искусно уходить въ случаѣ крайности. Но Скиданъ, поджидая къ себѣ Павлюка, который тоже почему-то медлилъ на Запорожьѣ, далъ время Потоцкому пріѣхать, въ покойной каретѣ, съ подагрой въ ногѣ, въ Богуславъ и послать на подѣздъ въ Корсунь сильный отрядъ войска. Энергическій и ненавистный казакамъ Лащъ, подкрѣпленный хоругвями пановъ Хршонстовскаго, Вихровскаго и Загоровскаго, рассчитывалъ на серьезную игру съ казаками ²⁾. Но въ Корсунѣ осталась только горсть послушныхъ панамъ реестровиковъ, которые и отворили шляхтѣ ворота крѣпости.

¹⁾ Нынѣ существуетъ мостъ черезъ Рось между Сахновкою и Нетеребкою, но этотъ построенъ въ болѣе близкое къ намъ время. Отъ стараго моста, противъ Сахновки, уцѣлѣло только нѣсколько свай въ водѣ. — Мишаны въ недавнее время совершенно осушены и превращены въ сѣнокосы посредствомъ плотинъ, которыя отдѣляютъ эти низины отъ Роси.

²⁾ Онъ отличался преимущественно въ томъ родѣ битвъ, который назывался у казаковъ *драць*, а у поляковъ *harc*.

1-е декабря Потоцкій провель въ Богуславѣ, поджидая изъ Бѣло-Церкви своей артиллеріи. Козаки такъ поспѣшно удалялись изъ городовъ, наступленіе поляковъ было для нихъ такою неожиданностью, что артиллерія, прибывъ въ Богуславъ, нашла рынокъ загроможденнымъ ихъ чумацкими *мажами* съ солью ¹⁾). Когда арміи привились очищать на рынокъ мѣсто для пушекъ, то въ одномъ возѣ вмѣсто соли открыли овесъ. Какая драгоценная это была находка при неурожаѣ, продолжавшемся въ Украинѣ почти непрерывно съ 1631-го года ²⁾, видно изъ того, что современный историкъ похода приписалъ ее божественному провидѣнію.

2-го декабря двинулся Потоцкій съ артиллеріею къ Корсуню. Передовыя хоругвы его, приближаясь къ этому городу, передали Лашу гетманское приказаніе занять позицію у Сахнова моста. Лашъ успѣлъ захватить въ селѣ Нетеребкѣ нѣсколькихъ необачныхъ козаковъ, которые, видно, не ожидали быстрого движенія полверовъ изъ Корсуни; другихъ догналъ онъ на уходѣ и всѣмъ отрубилъ головы. Между тѣмъ Потоцкій прибылъ на ночлегъ въ Корсунь, въ сопровожденіи тысячи человекъ «товарищей», и утромъ 3-го декабря получилъ отъ Лаща добытаго за Росью языка. Повѣвшихъ ему въ лапы бѣдолахъ было двое. Они объявили на допросѣ, что въ Дрбовкѣ стоитъ полторы тысячи козаковъ; что о Павлюкѣ и его арміи еще не слыхать, но ожидаютъ его вскорѣ; что Скиданъ стоитъ въ Черкасахъ, но много ли съ нимъ народу — неизвѣстно. Черезъ нѣсколько часовъ прискакалъ самъ Лашъ, и поговоривъ наединѣ съ Потоцкимъ нѣсколько минутъ, тотчасъ уѣхалъ. Всѣ догадались, что неприятель близко.

¹⁾ Чумацкій промыселъ былъ нераздѣльною частью козакованья. Прежде чѣмъ козаки сдѣлались извѣстны всей Европѣ своими набедами, въ актахъ уже шла дѣла объ ихъ чумачествіи и ссорахъ съ мѣщанами по торговымъ дѣламъ. (*Акты Зап. Росс., I*). Козаки, по словамъ Пиноччи, королевскаго секретаря временъ Хмельницкаго, имѣли большіе доходы отъ рыболовства. Они возили вяленую и соленую рыбу во Львовъ; тамъ продавали и воловъ своихъ, а сами возвращались домой, кушивъ одноколку. Торговля пшеномъ также была у нихъ въ большомъ ходу. Они доставляли его на своихъ мажахъ, къ рѣкамъ, впадающимъ въ Вислу. (*Ojczyste Spominki, ргз. Ambr. Stabowskiego, I, 140*).

²⁾ Ерлицъ рассказываетъ, что въ 1631 году много людей умерло съ голоду. Съ осени 1630 года червячки истребили посѣвы, подъ соловьиными вѣснями, поражавшіи людей своею несвоевременностью (*Latopisiec Jerlicza, I, 38*).

Въ самомъ дѣлѣ Потоцкій двинулъ вслѣдъ за нимъ нѣсколько панскихъ хоругвей и велѣлъ имъ напасть на Драбовку, гдѣ заперлись выписчики. Павлюковцы удачно отстрѣливались изъ-за частокола отъ нападающихъ, которые, стоя на топкомъ мѣстѣ, напрасно стрѣляли черезъ ровъ изъ луковъ и пистолетовъ. Панскія хоругви безпрестанно кружились вокругъ мѣстечка, пугая козаковъ приступомъ; наконецъ, скрывшись въ лѣсу, воротились къ главному отряду. Козаки, вообразивъ, что непріатели засѣли въ лѣсу, начали уходить изъ Драбовки, также лѣсною дорогою, но нашли всѣ проходы свободными и, ободрясь, вернулись въ мѣстечко. Видно, все-еще не знали о рѣшительномъ походѣ Потоцкаго, или презирали его силы, преувеличивая могущество Павлюка.

Чтобъ поддержать до послѣдняго часа завязтость поднятой на пановъ черни, Скиданъ разослалъ по городамъ письменныя извѣстія, будто бы король, воюя съ коронными панами, ушелъ изъ Польши въ Литву и проситъ у козаковъ помощи. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе производили подобныя выдумки на убогихъ сіромахъ. Что касается до воинственной шляхты, то она горѣла нетерпѣніемъ заткнуть хлопамъ ротъ чѣмъ-нибудь пожестче слова ¹⁾.

4-го декабря двинулся Потоцкій изъ Корсуня къ Сахнову мосту, а Лащу съ его наѣздниками велѣлъ идти далѣе за мостъ и развѣдать о движеніи козацкаго войска.

Козаки, съ своей стороны, слѣдили за поляками, и въ ночь, которую Потоцкій провелъ у села Нетеребки, старались добыть вѣстей изъ польскаго стана. Нѣсколько смѣльчаковъ, выйдя изъ Драбовки, пытались перейти по тонкому льду черезъ Росъ въ концѣ непріятельскаго обоза, но ледъ подъ ними обломился, въ обозѣ залаяли собаки, сбѣжалась нноземная стража и сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ по льду. Другая козацкая чата была гораздо многочисленнѣе. Болѣе ста человекъ, захвативъ драбовскаго пастуха и узнавъ отъ него, что польскій лагерь занялъ всю равнину надъ Росью, велѣли провести себя на такое мѣсто, съ котораго могли бы его видѣть. Пастухъ повелъ ихъ лѣсомъ и вывелъ, какъ можно догадываться, на одинъ изъ горбовъ въ урочищѣ Гуски, откуда видна Сахновка и лѣвый берегъ Роси на

¹⁾ Выраженіе Окольскаго.

далекое разстояніе. Козаки долго смотрѣли на разбросанные по-вадъ рѣкой огни, вздыхая и горюя о своей долѣ; потомъ оставили вѣскольکو человекъ для добыванія вѣстей, а сами пустились, взявъ съ собой и своего плѣнника, по дорогѣ къ селу Білозірью, гдѣ расположился небольшимъ обозомъ Лащъ. Въ полумилѣ оттуда встрѣтили они вѣскольکو сотень козаковъ. Когда сообщил онъ этой партіи о своихъ розыскахъ, поднялся въ толпѣ печальный говоръ и жалобы, что до сихъ поръ не видать ни Павлюка, ни арматы. Обо всемъ этомъ донесъ Потоцкому тотъ же пастухъ, по приказанію своей пани.

Между тѣмъ Потоцкій имѣлъ уже отъ Лаща языка, въ числѣ двухъ человекъ, которые объявили ему, что у Скидана собрано немалое войско, что армата еще не пришла, что о Павлюкѣ ничего не извѣстно и что есть только слухъ, будто бы онъ совсѣмъ остался на Запорожьѣ. Одинъ изъ этихъ необачныхъ горько расказывался въ своемъ легковѣрїи и сожалѣлъ, что послушался другихъ. «Лучше было бы мнѣ служить своему пану!» говорилъ онъ, повторяя мысль, овладѣвшую тогда многими изъ выписчиковъ и вновь окозаченной черни.

5-го декабря -перешелъ Потоцкій съ своимъ войскомъ Сахновъ мость, и такъ какъ не всѣ еще хоругви, шедшія позади, успѣли къ нему присоединиться, то онъ оставилъ часть конницы для прикрытія этого важнаго пункта, а самъ рѣшился расположиться на слѣдующую ночь въ Кумейкахъ. Лащъ, занимавшій передовую позицію въ Кумейкахъ, получилъ приказаніе выступить къ Мѣшнамъ. Едва прибылъ Потоцкій на мѣсто ночлега, какъ прискакали отъ Лаща вѣстовщики съ донесеніемъ, что козацкое войско входитъ въ Мѣшны и что ужъ съ нимъ завязалась перестрѣлка. Потоцкій послалъ къ Лащу на помощь королевскаго секретаря Казановскаго, младшаго князя Четвертинскаго, пана Гижицкаго, пана Загоровскаго съ ихъ отрядами и своего сына Петра съ собственною козацкою хоругвїю ¹⁾. Многіе изъ охочей шляхты и изъ наемныхъ вѣмцевъ, горя нетерпѣніемъ поколотить хлоповъ, вызвались также идти подъ Мѣшны. Всего у

¹⁾ Козацкія хоругви у магнатовъ не состояли собственно изъ козаковъ, а были только легко вооружены, по-козацки, и имѣли быстрыхъ лошадей.

Лаща набралось подъ рукой тысячи полторы народу ¹⁾. Съ этими незначительными силами нельзя было предпринять противъ козаковъ ничего рѣшительнаго, но на всякій случай Потоцкій велѣлъ Лащу попытаться занять Мѳшны. Ему все-еще не было извѣстно, соединился ли Скиданъ съ Павлюкомъ.

Произошла у Мѳшенъ жаркая схватка, и полякамъ удалось захватить въ предмѣстїи Мѳшенъ болѣе десятка такъ-называемыхъ языковъ. Между тѣмъ наступила ночь и развела сражающихся. Лащъ узналъ отъ своихъ плѣнниковъ, что Павлюка ожидали съ часу на часъ, и отступилъ ночью къ своему обозу у Білосірья.

На разсвѣтъ 6-го декабря привели къ Потоцкому новыхъ языковъ, добытыхъ ночью. Они объявили, что Павлюкъ, со всѣми своими силами и арматою, вышелъ уже изъ Мѳшенъ и имѣеть намѣреніе уничтожить сперва Лаща подъ Білосірьемъ, а потомъ наступить на Потоцкаго, и занявъ Сахновъ мостъ и другія переправы черезъ Росъ, отрѣзать его отъ хоругвей, которыя не соединились еще съ нимъ. Поздо спохватились козаки занимать Сахновъ мостъ! Потоцкій велѣлъ козакамъ Лаща тотчасъ ретироваться къ Кумейкамъ, а самому Лащу нападать на Павлюка гарцовниками и привести его такимъ образомъ къ главному польскому стану. Лащъ и его сподвижники провели зимнюю ночь въ панцыряхъ, чтобы быть наготовѣ ко всѣмъ случайностямъ войны, и выполнили приказаніе своего гегмана какъ нельзя успѣшнѣе.

Потоцкій выслушалъ мшу, и понимая всю трудность предстоящаго ему подвига, далъ въ сердцѣ своемъ обѣтъ воздвигнуть въ Латычовѣ олтарь пресвятой Дѣвѣ, если она поможетъ ему побить козаковъ ²⁾. Послѣ мши, привели къ Потоцкому плѣннаго козака, и онъ объявилъ, что видѣлъ Павлюка собственными глазами въ Черкасахъ, откуда онъ готовился выступить къ Мѳш-

¹⁾ Единственными источниками для описанія войнъ Павлюка, Остриянина и Гуни остаются до сихъ поръ: дневникъ Окольскаго, походнаго каплана при Потоцкомъ, и современная панская переписка, сохранившаяся между рукописями императорской публичной библіотеки. Извѣстія, которыхъ нѣтъ у Окольскаго, заимствованы мною изъ рукописей. На Окольскаго я ссылаюсь въ выноскахъ только по поводу характеристическихъ его выраженій.

²⁾ *Dyaryusz etc. Okolskiego*, 48.

панъ. Чтобъ добиться отъ него болѣе важныхъ вѣстей, гетманъ подарилъ его Адаму Кисѣлю, а тотъ, даровавъ ему жизнь, тотчасъ назначилъ его въ число своихъ драгунъ. Однакожъ козакъ, несмотря на повышеніе, не сказалъ больше ни слова. Вслѣдъ за козакомъ привели стараго попа. Попъ дрожалъ отъ страху, и Потоцкій, желая ободрить его, объявилъ, что жизнь его будетъ пощажена, а чтобъ въ этомъ еще больше увѣрить, подарилъ ему талеръ. Тогда плѣнникъ объявилъ, что видѣлъ вчера на рынкѣ въ Мѣшвахъ пушки, но не знаетъ, тамъ ли Павлюкъ или нѣтъ, потому что козакя къ попанъ недоувѣрчивы ¹⁾. «И попа—говорить Окольскій—подарилъ его милость панъ гетманъ его милости пану подкоморію» (Кисѣлю). Потомъ привели козака, служившаго прежде драгуномъ между пѣхотой князя Ереміи Вишневецкаго. Этому Потоцкій также даровалъ жизнь, лишь бы только говорилъ правду. Поклонясь низко, козакъ сообщилъ, что Павлюкъ пришелъ; армата пришла; войска у козаковъ болѣе 20,000 ²⁾; не всѣ имѣютъ самопалы; многіе вооружены рогатинами, косами, топорами. Павлюкъ, по его словамъ, пустился уже таборомъ къ Кумейкамъ и будетъ здѣсь черезъ часъ. У него восемь пупіекъ, много огнестрѣльныхъ снарядовъ, и идетъ онъ довольно смѣло и сердито. Выслушавъ это донесеніе, Потоцкій окинулъ взглядомъ окружавшихъ его пановъ и сказалъ: «*Omniibus patebit honoris et gloriae satius*» (всѣмъ откроется поприще чести и славы); потомъ велѣлъ подать себѣ коня, чтобъ осмотрѣть мѣстность.

Въ сопровожденіи Кисѣля и многихъ другихъ знатныхъ пановъ выѣхалъ онъ въ поле и выбралъ для боевой позиціи равнину, вдоль которой лежало непроходимое болото. Послѣ этого двинулись изъ Кумеекъ возы въ десять рядовъ. Подоспѣли во-время и лащевы возы. Войско начало строиться въ боевой порядокъ, а Потоцкій и другіе паны исповѣдывались и причащались у походныхъ ксендзовъ. Нѣкоторые изъ хоругвей, оставшихся по ту сторону Руси, только теперь пришли къ своему гетману. Общая готовность войска сражаться до послѣднихъ силъ радовала Потоцкаго, который отличался знаніемъ военнаго дѣла и съ мужествомъ полководца соединялъ въ себѣ личную храбрость солдата.

¹⁾ Тамъ же: «*bo się oni w wojsku porów strzegą*».

²⁾ Бонзавъ, участвовавшій въ этомъ походѣ, говоритъ, что козаковъ было полъ Кумейкамъ 18,000, а поляковъ только 4,000; *Описаніе Украины*, 20).

Между тѣмъ жители Кумеекъ, доброжелательствуя козакамъ, заглявъ конецъ села, прилегавшій къ полю битвы, чтобъ дымомъ ослѣпить поляковъ. Но вышло такъ, что козаки должны были сражаться въ этомъ дыму, и сами поляки не могли бы придумать ничего лучше ко вреду своихъ враговъ. Ободренные своимъ единодушіемъ, католіки видѣли счастливое для себя предзнаменованіе даже и въ томъ, что въ этотъ день у руси былъ праздникъ св. Николая, патрона его милости пана гетмана. Они увѣряли другъ друга, что св. Николай не посмотритъ на свой русскій праздникъ и приметъ сторону праваго дѣла ¹⁾; а что ихъ дѣло было право и свято—въ этомъ не сомнѣвалась ни одна душа во всемъ войскѣ.

Козаки, съ своей стороны, зная о малочисленности непріятелей и все-еще имѣя въ виду бывшій между жолнерами раздоръ, шли на нихъ въ полной увѣренности, что въ эту середу будутъ гнать ляховъ «якъ чѣреду» ²⁾. Лащовщики, гарцуя и отступая передъ ихъ таборомъ, утверждали ихъ въ этой увѣренности. Подвигая впередъ свою походную крѣпость, состоявшую изъ 23,000 возовъ, козаки молодецки наскakивали на отважную шляхту, и панцыри, въ которыхъ она ночевала, не всегда защищали ее отъ меткаго выстрѣла изъ семипядной пищади. Но, по словамъ Окольскаго, не это было горько панамъ: горько имъ было выслушивать приправленную запорожскими шутками бравъ, которою козаки во всю дорогу угощали не только шляхту и коронныхъ гетмановъ, но и самого короля его милость. Какъ на стадо волковъ, тѣкали козаки на разсыпной отрядъ Лаща, и уже имъ казалось, что все панское бѣжитъ передъ ихъ грозною силою. Но когда Лащъ привелъ ихъ, какъ тогда выражалось, «на своей шеѣ» подъ Кумейки, — они, съ небольшою возвышенности, увидѣли передъ собой длинную боевую линію Потоцкаго, вытянутую почти на полмили вдоль болота, которое, несмотря на морозы, все еще оставалось непроходимымъ. Съ одного конца прикрывали эту линію возы, поставленные въ десять рядовъ,

¹⁾ *Dyaryusz etc. Okolskiego, 49: «który suffragatur communiter illis, quorum pugnae causa fuerit bona.»*

²⁾ Такъ выразились козаки, спустя десятокъ лѣтъ, въ своей думѣ о пораженіи поляковъ подъ Цылавцами.

ниѣ на своемъ челѣ нѣмецкій полкъ и венгерскую пѣхоту самого Потоцкаго, а съ другой стояла полками отборная шляхта, съ арматой посрединѣ. Остановились козаки, какъ-бы недоумѣвая, откуда взялись такія силы у поляковъ; когда еще недавно передавшійся къ нимъ панскій челядьякъ увѣрялъ ихъ, что Потоцкій стоитъ подъ Кумейками только съ нѣсколькими хоругвями, а другія хоругви неохотно тянутся слѣдомъ за нимъ по ту сторону Роси!.. «*Чого стали?*» закричалъ тогда Павлюкъ: — *хибѣ не знаєте, що ляхи ставляють своє військо тільки въ два ряди? Идімо!*» и, выпаливъ изъ пушекъ, повелъ козаковъ съ возвышенія.

Дивились паны порядку, въ которомъ наступали на нихъ козаки. Возы ихъ растянулись длиннымъ строемъ въ шесть лавъ, а между возовъ шли козаки, хорошо подѣленные на полки и сотни. Четыре пушки помѣстили они на челѣ, двѣ въ центрѣ войска и двѣ въ тылу. Глядя на эту толпу смѣльчаковъ, усвоившую себѣ не только боевой рыцарскій духъ, но и военное искусство, Адамъ Кисѣль заплакалъ и сказалъ: «Какое славное ополченіе и какой у него духъ! Но еслибъ оно шло противъ непріятелей святаго креста, можно было бы хвалить его, а теперь остается только порицать.»

Между тѣмъ козаки, наткнувшись на болото, повернули къ Кумейкамъ вдоль польскаго стана. Лащъ не переставалъ нападать на нихъ съ своимъ летучимъ отрядомъ и велъ къ правому флангу польскаго войска, защищенному нѣмецкою пѣхотою и артиллерією. Остатокъ его отряда прикрывалъ между тѣмъ эту пѣхоту Козаки, не понимая искусвой тактики Потоцкаго, гнали передъ собою Лаща, размахивали своими *короговами*, стрѣляли изъ пушекъ и покрикивали: «*А чи далеко гетьманъ ночувати-ле? Лащичку, Лащичку, побіжить ти до хвищичку!*» (т. е. спрячешься въ кустахъ). Но коронное войско стояло неподвижно и не отвѣчало ничѣмъ на козацкія шутки. «Наконецъ,—говорить въ своей реляціи Потоцкій,—будучи не въ силахъ выносить долге такого наглаго высокомѣрія хлопскаго, я долженъ былъ начать битву.»

И началъ ее, надо сказать, въ самую пору: иначе козаки ушли бы изъ-подъ дыму, зашли бы въ тылъ полякамъ и пришанцевались бы къ болотистой заточивѣ Роси; а воевать съ

козаками въ водянистой и топкой мѣстности для поляковъ было вдвое труднѣе, чѣмъ на сухой почвѣ. Лащъ, заманивавшій козаковъ далѣе и далѣе вдоль боковаго фронта польскаго войска, вдругъ остановился и выстроился лавою, чтобъ не дать козакамъ ни зайти въ тылъ Потоцкому съ поля, ни придвинуться близко къ водѣ. Козаки, видя, что идти далѣе трудно, открыли густую пушечную и ружейную пальбу. Потоцкій отразилъ козацкихъ стрѣлковъ удачными выстрѣлами изъ своихъ пушекъ. Все пространство между двумя войсками наполнилось дымомъ, который гнало вѣтромъ на козаковъ. Когда воздухъ нѣсколько прояснился, козаки съ изумленіемъ увидѣли передъ собой польскихъ драгунъ, которые открыли по нимъ немолкающую мушкетную пальбу. Козацкіе полковники вывели противъ драгунъ своихъ пищальниковъ; но поляки поддержали драгунъ другими хоругвями и двинули противъ козаковъ съ правой стороны пѣхоту пана Бѣгановскаго, который самъ въ это время подвигалъ къ мѣсту горячаго боя возы съ остальными пушками и боевыми снарядами. Когда всѣ пушки были подъ рукой у Потоцкаго, онъ помѣстилъ ихъ въ центрѣ своего узкаго строя и велѣлъ капитану артиллеріи Морелю бить въ средину козацкаго табора. Козаки съ своей стороны безпрестанно стрѣляли изъ пушекъ, но, имѣя плохихъ пушкарей, мало вредили полякамъ. Съ удовольствіемъ видѣли паны, что въ козацкомъ таборѣ произошла кутерьма отъ меткихъ выстрѣловъ польской арматы, или — какъ они выражались — поднялся скочный танецъ подъ огненную музыку. Но не безъ танцевъ было и въ польскомъ стану. Нетерпѣливыя кварцаны и панскія хоругви тяготились бездѣйственнымъ положеніемъ и упрасивали гетмана пустить ихъ въ непосредственный бой. Потоцкій далъ время артиллеріи сдѣлать свое дѣло, и когда козаки, видя свою бѣду, начали перестраивать возы изъ шести лавъ въ двѣнадцать, тогда только онъ пустилъ свою конницу разрывать козацкіе возы въ томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли еще только въ шесть лавъ.

На это опасное дѣло послалъ онъ прежде всѣхъ своего единственнаго сына Петра съ собственною надворною козацкою хоругвью. Онъ хотѣлъ засвидѣтельствовать передъ всѣмъ войскомъ, что не желаетъ стяжать славу побѣды одной чужою кровью. Безъ панцыря и латы полегѣлъ молодой Потоцкій въ самый огонь козацкой пальбы. Но скоро по обѣ его стороны пало двое усерд-

ныхъ слугъ, придворныхъ пановъ гетманскихъ, и какъ видреть отнесло всю его хоругвь отъ гремучихъ козацкихъ воевъ. На смѣну его бросилась туда же другая гетманская хоругвь подъ предводительствомъ пана Сквескаго и уже наперла было конскою грудью на возы; но козаки, стрѣля изъ-подъ возовъ изъ самопаловъ и луковъ, положили на мѣстѣ двухъ знатныхъ пановъ и изъ этой хоругви. Она отступила съ значительнымъ урономъ. Ея мѣсто заняла хоругвь пана Краковскаго, какъ величали великаго короннаго гетмана, который вѣстѣ съ тѣмъ занималъ и высокую должность краковскаго каштеляна. Отражая напоръ за напоромъ, козаки соединили, въ этомъ, важномъ, мѣстѣ, лучшія свои силы, чтобы не дать полякамъ, разорвать табора. Еще одна хоругвь ударила на нихъ по приказанію Потоцкаго, а вслѣдъ за нею бросилась, даже безъ приказанія, хоругвь королевская, горя жаждою совершить дѣло самое важное въ тактикѣ: противъ козаковъ. Но козаки, по выраженію Окодьскаго, роздали и, этимъ панамъ хорошіе подарки. Оставляя на мѣстѣ цѣлѣ своей силы, каждая хоругвь три раза отступала, и три раза снова бросалась на сомкнутые колесо съ колесомъ, козацкіе возы, за которыми и подъ которыми стояли, сидѣли и лежали козаки съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ тугими, луками, опасными даже для латъ, и съ длинными *списами*. Наконецъ, завязалась рукопашная схватка. Козацкая дубина-булава, сѣченая желѣзными щитами, встрѣтилась тутъ съ панскою дорогою саблею, козацкая, тяжелая *шабляка* — съ панскимъ чеканеннымъ обухомъ, козацкіе *кляотые* списы — съ панскими бердышами.

На этомъ кровавомъ пушкѣ дождѣ, былъ рѣшиться споръ о панскомъ неограниченномъ господствѣ и конацкой, дикой, свободѣ. «Высоко парилъ духъ ихъ, высоко они смотрѣли!» восклицаетъ походный каплямъ Потоцкаго о предводителяхъ, буйныхъ жолверевъ, описывая ихъ распрю съ магнатами. Если, козаки и не смотрѣли такъ высоко, какъ шляхта, то зато, были, могущественны глубиною многолѣтней вражды, своей, къ панству, и въ самомъ, поражени своемъ черпали новое, могущество. «По милости божіей, таборъ наконецъ былъ разорванъ.» Точно по, кровавому мосту ¹⁾, шли потокомъ, паны, по козацкимъ трупамъ,

¹⁾ «Mostem trupy kładąc», говорить Потоцкій въ своей реляціи.

и уже въ ихъ рукахъ была половина козацкой арматы, огнестрѣльные снаряды и съѣстные припасы козацкіе. Много пало отважной шляхты въ роковой свалкѣ; подъ самимъ Потоцкимъ убито два коня, и непріятельская пуля зацѣпила ножны у его сабли; но зато теперь, прорвавъ таборъ насквозь, погнали жолнеры передъ собой, какъ стадо, козацкіе полки и сотни. Дорога отъ Кумсекъ до Мѳшенъ была покрыта убитыми на протяженіи цѣлой мили. Всѣ боковыя дороги и тропинки, всѣ лѣса и болота въ окрестностяхъ полны были козацкими трупами. Одни только реестровые козаки, лившіеся подъ Кумейками на коняхъ и предводительствовавшіе убогими, пѣшими выпящичками, потеряли въ бѣгствѣ мало. Они бросились уходить первые, лишь только убѣдились, что Павлюку не одолѣтъ Потоцкаго: они надѣялись воспользоваться возстаніемъ наиболѣе угнетенныхъ и ожесточенныхъ своихъ братьевъ, не платя за побѣду слишкомъ дорого.

Но далеко не всѣ козаки бѣжали съ поля битвы. Разорванный посрединѣ козацкій таборъ началъ строиться въ отдѣльные небольшіе таборы, между которыми лежала широкая улица, заваленная трупами. Этому помогало то обстоятельство, что одна часть польскаго войска пустилась преслѣдовать бѣгущихъ, а другая бросилась грабить козацкіе возы. Все-таки таборы могли строиться не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сражающихся, и эти сражающіеся составляли самую мужественную часть козацкаго войска. То были выпящички, проживавшіе постоянно за Порогами и усвоившіе себѣ въ морскихъ походахъ равнодушіе къ смерти, которое такъ изумляло воевавшихъ противъ нихъ турокъ. Напирая на нихъ запасными своими силами, Потоцкій ждалъ, что они станутъ просить пощады; но ошибался онъ въ своемъ понятіи о представителяхъ украинскаго народа, судя по его развращеннымъ или запуганнымъ слоямъ. «Это хлопство—писалъ онъ въ своей реляціи—было такъ ожесточено, что не только ни одинъ изъ нихъ не попросилъ помилованія, напротивъ, только и слышали мы выраженіе ихъ рѣшимости лечь одному на другого, что въ самомъ дѣлѣ и было; а когда кто изъ нашихъ падалъ съ коня, то они бросались на него какъ остервенившіеся псы и рвали трупъ на куски, хотя мы поражали ихъ сверху, и на томъ одномъ трупѣ клали ихъ по нѣскольку человѣкъ.»

Уже только четыре пушки оставались у козаковъ. Уже мно-

тѣ изъ козаковъ выщербили сабли, переломали списы, выстрѣлили пули изъ *ладовницъ* и стрѣлы изъ *сагайдаковъ*; но не падали духомъ недобитки: кольями и оглоблями изъ возовъ поражали они утомленныхъ жолнеровъ и на мѣстѣ своего пораженія оспаривали у шляхты побѣду. Силы Потоцкаго пришли въ безпорядокъ отъ преслѣдованія бѣгущихъ и хозяйничанья въ козацкихъ возахъ. Моментъ былъ опасный. Потоцкій велѣлъ своему сыну зажечь на возахъ порохъ, чтобъ отпугнуть отъ нихъ охотниковъ до военной добычи, и молодой Потоцкій, запаливъ по вѣтру солому и сѣно на крайнихъ возахъ, догналъ огонь до пороху. Потомъ началъ поражать козаковъ частой стрѣльбою изъ пушекъ, направляя удары въ самую густоту ихъ купъ, а вмѣстѣ пѣхотѣ велѣлъ зайти къ нимъ сбоку. Произошла отчаянная битва, въ которой паны и ихъ вѣрныя вѣшцы жаждали побѣды, а козаки — смерти. Дорого заплатила шляхта за свое торжество въ этомъ случаѣ: кромѣ многихъ представителей древнихъ домовъ шляхетскихъ, кромѣ цѣлыхъ ротъ иноземнаго войска, уничтоженныхъ козаками, она лишилась тутъ и своего искуснаго артиллериста, француза Мореля. Отбили паны у козаковъ еще одну пушку и знамя, на древкѣ котораго сіяло золотое сердце. Обѣ части разорваннаго табора, по словамъ Потоцкаго, были почти выкошены.

Но пока гибли въ отчаянномъ бою обречшіе себя на смерть гайдабұры, въ тылу у нихъ построился новый таборъ. Побѣжденные тактикою Потоцкаго недобитки расположили послѣднее свое укрѣпленіе въ долиниѣ. Это опять давало панамъ надъ ними преимущество. Поставивъ на сосѣднихъ пригоркахъ пушки, они били въ средину козацкаго табора, и только наступившая ночь спасала козаковъ отъ этой разрушительной пальбы. Въ темнотѣ начали было козаки окапываться рвомъ и валомъ, отстрѣливаясь въ тоже время отъ польской пѣхоты, которая, по выраженію Потоцкаго, освѣщала ихъ батальнымъ огнемъ; наконецъ прекратили работу, отчаявшись, какъ видно, усидѣть въ таборѣ.

Поляки между тѣмъ перестали стрѣлять. Отъ половины 1-го часа пополудни до темной ночи они были въ напряженной работѣ; каждый нуждался въ отдыхѣ; а главное — отъ пльнниковъ, захваченныхъ въ бою, узналъ Потоцкій, что Павлюкъ съ главною старшиною ушелъ съ поля битвы во время самой жаркой

сѣчи, передъ вечеромъ, — не стоило дѣлать чрезвычайныхъ усилій. Не додѣрая однакожь вѣстамъ, онъ размѣстилъ свое войско отрядами, вокругъ козацкаго табора, чтобъ задержать козаковъ на мѣстѣ до разсвѣта, и отправилъ къ нимъ одного плѣнника съ увѣщаніемъ — оцомниться, выдать старшину и просить помилованія. Плѣнникъ не возвращался. Мертвая тишина въ козацкомъ таборѣ озадачивала поляковъ. Сколько они ни вслушивались, ни одинъ голосъ не слышенъ былъ въ глубокой ночной темнотѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно козаки вторгли рѣзкимъ крикомъ треску и грому битвы. Наконецъ, далеко за полночь, донесли Потоцкому, что козаки прокрались между послуховъ и увезли съ собой двѣ пушки. Бросился Потоцкій на кровавую долину — только ряды изломанныхъ возовъ да иссальченные копи да мертвые и умирающіе козаки остались отъ козацкаго табора. Допросивъ полумертвыхъ плѣнниковъ, которые, какъ видно, добровольно остались умирать среди падшихъ въ бою товарищей, Потоцкій удостовѣрился, что Павлюкъ и Скиданъ дѣйствительно бѣжали «съ погромомъ» передъ вечеромъ. Гнаться было не за кѣмъ, да и войско его находилось въ крайнемъ изнеможеніи. Онъ велѣлъ всѣмъ своимъ хоругвамъ и полкамъ сойти съ поля битвы, оставивъ на немъ только обычную сторожу.

Нѣмецкая пѣхота выстрѣляла всѣ свои заряды, и остатки ночи употребила на литье пуль. Жолнеры только теперь могли заняться своими ранеными. Коня, запряженные съ утра въ возы, оставались до свѣта невыпряженными. Самые старые воины говорили, что никогда еще не были такъ долго въ такомъ страшномъ огнѣ и не видали вокругъ себя такого множества труповъ. Когда, на другой день Потоцкій съ подручными панями выѣхалъ осмотрѣть мѣста своихъ подвиговъ, то, по словамъ его, на одномъ томъ мѣстѣ, гдѣ козаки защищали свой таборъ, насчитано до трехъ тысячъ убитыхъ, а сколько лежало козаковъ купами за таборомъ по лѣсу, по дорогамъ и топкимъ мѣстамъ, куда ихъ загоняли жолнеры, невозможно было даже сосчитать.

Побѣда была блистательная, однакожь не полная. Предводители возстанія все-еще находились въ безопасности, и слышно было, будто бы къ нимъ на помощь пришло заднѣпровское ополченіе, не подоспѣвшее ко вчерашнему дню. Ожесточенная битва, продолжавшаяся около десяти часовъ, и рѣшимость, съ

которою гибли козаки даже и послѣ бѣгства своихъ вождей, показывали, что неважность къ господствующему сословію восполнила въ этомъ грубомъ народѣ недостатокъ патриотизма, свойственного только благоустроенному гражданскому обществу. Пало нѣсколько тысячъ заклятыхъ враговъ шляхетскаго господства; остальные тысячи — сколько бы ихъ ни набралось въ Украинѣ — могли быть также разбиты и разогнаны превосходствомъ оружія и военнаго искусства на сторонѣ шляхты; но шляхта не имѣла возможности истребить въ Южной Руси всѣхъ своихъ несправедливыхъ, а ея политическій характеръ не допускалъ и мысли о примиреніи инымъ путемъ съ многолюдными классами труждающихся и обремененныхъ. Если и были между шляхтою люди, предпочитавшіе юрисдикцію массы полноправству немногихъ деспотическихъ личностей, то они считались врагами отечества и защитниковъ шляхетскаго господства въ Украинѣ ¹⁾. Этихъ господамъ счастье хлопцовъ представлялось несовмѣстимымъ съ благоденствіемъ короля, хранителя шляхетскихъ правъ и преиницествъ. Необинувая они называли низшія сословія врагами верховной власти, ибо такъ въ самомъ дѣлѣ стояли вещи въ рѣчи-посполитой польской; а какъ главными, самыми выразительными представителями нашей народности въ Украинѣ сдѣлалась въ то время оказаченные простолудины, то вражда ихъ къ шляхтѣ, въ глазахъ современныхъ политиковъ, была такимъ же естественнымъ явленіемъ, какъ вражда дикаго варвара къ цивилизованному челоуѣку ²⁾. Поэтому-то подвиги Лаца и Потоцкаго не только не помогали болѣзни, разъядавшей внутренности польскаго государства, но еще усиливали ее. У падшихъ подъ Кумейками остались дѣти. Гибель отцовъ, бѣдствія матерей,

¹⁾ Что такіе люди были между шляхтою, это видно изъ слѣдующихъ словъ Окольскаго: «*Więc jest to hostis patriae niemały, który z szczęścia chłopskiego się cieszy, a szczęścia króla, pana swego, zamilczywa.... J jeżeli takowy szlachcicem się urodził, toć znać potem, iż wema jakaś nieszlachecka w nim zawadza.... O, jak wiele tego in bello servili znajduje się, który życzą, aby odrobina panów i szlachty nie zostawała... a chłopski regiment następował!*» (*Kontynuacja Dyaryusza Wojennego*, 80.)

²⁾ Тамъ же, 85: «*Bo jako naturaliter sunt hostes barbari non barbaris, tak prawie jest rusin polakowi.*» Замѣтимъ, что поляками, въ политическомъ смыслѣ, считали себя и тѣ русскіе дворяне, которые еще не перешли въ католичество.

казами и притѣсненія, слѣдовавшія за всякимъ пораженіемъ козаковъ, должны были воспитать въ нихъ ненависть къ «душманамъ-панамъ» до фанатизма, подавляющаго страхъ смерти и казни. Проидеть десятокъ лѣтъ — и новые Павлюки соберутъ вокругъ себя новыхъ выпивчиговъ, новыхъ бѣдняковъ, которымъ нечего терять кромѣ тягостной жизни, новыхъ винавниковъ, броварниковъ, будниковъ, овчарей и всякаго рода бурлаковъ, жадныхъ къ легкой добычѣ и готовыхъ разрушать все, что создано шляхтою. Но подобныя соображенія не приходили въ голову торжествующей шляхтѣ подъ Кумейкамъ. Походный капелланъ Потоцкаго, Окольскій, подъ портретомъ котораго читаемъ современную надпись: «Serdeczna miłość guscerstwa polskiego» (сердечная любовь польскаго рыцарства), приписываетъ, въ своемъ дневникѣ, побѣду надъ козаками «высочайшему гетману — богу» ¹⁾. Его воинскій патронъ Николай Потоцкій, въ своей реляціи, выразилъ увѣренность, что борьба съ козаками будетъ навсегда кончена, когда онъ еще разъ разобьетъ ихъ въ Черкасахъ, гдѣ, какъ онъ узналъ, козаки рѣшились дать ему отпоръ, чтобы «справить свою поврежденную славу». Занятая хозяйствомъ шляхта той же кievской земли, на которой происходила борьба за ея *быть или не быть*, записывала въ своихъ дневникахъ кровопролитную кумейщину въ пяти строчкахъ, точно событіе случайное, происшедшее отъ хлопскаго своевольтва, и вслѣдъ затѣмъ продолжала писать о цѣнахъ съѣстнымъ припасамъ, о рожденіи въ своихъ домахъ дѣтей, о случайной трудности добыть въ Украинѣ перцу и т. п. ²⁾. А между тѣмъ въ самый опасный моментъ битвы, когда предводители завзятой партіи, Павлюкъ и Скиданъ, обратились въ бѣгство, — тѣсняемые изъ табора въ табора козаки выбрали себѣ предводителя, несмущающагося ни въ какой опасности и способнаго поддержать порядокъ и энергію въ остаткѣ разбитаго войска, что удастся весьма немногимъ полководцамъ. Это былъ Дмитрій Томашевичъ Гуня, который, какъ въ этотъ бѣдственный день, такъ и въ кровопролитную войну слѣдующаго 1638-го года, болѣе нежели кто-либо изъ его сподвижниковъ умѣлъ придать козацкому оружію достоинство, возбуждавшее уди-

¹⁾ *Dziaryusz etc. Okolskiego*, 56.

²⁾ *Latoisisc Jerticxa*, I, 43.

ление даже враговъ нашего простонародья ¹⁾). Онъ-то устроилъ послѣдній таборъ послѣ повсемѣстнаго пораженія козаковъ подъ Кумейками. Онъ-то восторжествовалъ надъ воинскою опытностью Потоцкаго и пробрался съ двумя пушками мимо его *послужовъ*. Онъ умѣлъ неудачное возстаніе Павлюка превратить въ болѣе широкую войну, и на берегахъ Хорола, Сулы и Старца помѣряться съ Потоцкими и Вишневецкими, какъ равный съ равными.

Въ козацкихъ лавахъ подъ Кумейками, нѣсколько разъ разорванныхъ и смятыхъ, потомъ опять построенныхъ и опять разгромленныхъ и «почти выкошенныхъ», находился и другой, несравненно опаснѣйшій для шляхты человекъ — Богданъ Хмельницкій. Невиданный еще жолнерами боевой огонь на кумейковской равнинѣ и потомъ ночное отступленіе по топкимъ низинамъ, и потомъ еще одна проигранная битва, и потомъ удаленіе Гуни на Запорожье, откуда онъ вывелъ новое войско въ Украину противъ шляхты, — все это было школою для военнаго гемія Хмельницкаго, все это было опытами для передовыхъ козацкихъ головъ, которымъ не далѣе какъ черезъ десятилѣтіе предназначено было помѣряться ролями съ Потоцкимъ и, въ торжество своемъ, называть его разумъ женскимъ разумомъ ²⁾).

Ничего этого не видѣла и не могла видѣть побѣдоносная шляхта. На другой день послѣ достопамятнаго кумейскаго боя, когда она не успѣла еще счистить козацкой крови съ своего оружія, прискакалъ отъ короля и великаго короннаго гетмана гонецъ къ Потоцкому. Король, управляемый родными панами, соглашался на всѣ представленія Конецпольскаго въ пользу жолнеровъ и объ-

¹⁾ Описывая козацкую войну 1638 года, Окольскій говоритъ: «*Lubo mie-dzy kozaki niemasz żadnego ksiązencja, senatora, wojewody, ale jednak takowi są chłopi, że gdyby prawa nie zagradzały contra plebejos uczynione, naleźliby się i tak godni, aby ich et Qunctio Cincinato, qui ab aratro ad dictatoriam hyl wezwany, atque Themistocle iriute par, nazwano.*» (*Kon-тунасуа Dyaryusza Wojennego*, 101).

²⁾ Въ извѣстной народной думѣ о корсунской побѣдѣ говорится:

«Ой Потодькій, Потодькій!
Що въ тебе розумъ жінодькій:
Не вмів есі съ козаками воювати,—
Ідї-жъ теперъ у Кримъ кіпського мїса жовати,
Кобїлччимъ молокомъ запивати!»

щаль, въ случаѣ крайности, заплатить войску жалованье изъ собственной казны. Въѣхавъ съ тѣмъ онъ прислалъ одинъ изъ тѣхъ универсаловъ, которые служатъ для насъ печальнымъ свидѣтельствомъ шляхетскаго самоубійства. Обращаясь къ старобатамъ, подстаробатамъ и державцамъ своихъ имѣній въ Украинѣ, онъ повелѣвалъ имъ карать смертію всѣхъ участниковъ въ козацкомъ бунтѣ и конфисковать ихъ имущества. Это значило оправдывать и поощрять насиліе шляхты, бывшаго виною общественнаго бѣдствія. «Мечемъ и всякою строгостію—сказано въ универсалѣ—искореняйте своеволие, гдѣ бы оно ни появилось.» Одного этого акта, который повелѣно вписывать во всѣ гродскія книги и выставить при церквахъ, на рынкахъ и у въѣздныхъ воротъ по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ, селамъ, было достаточно, чтобы съ одной стороны возбудить страсть къ угнетенію и хищничеству, а съ другой—отчаянное сопротивленіе и жесть. Но упоенная славой побѣды шляхта, понимая дѣло по-своему, радовалась тому, что вело ее прямо къ гибели, и дружище прежняго наступила на козаковъ.

П. Кулишъ.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

НЕГРЪ ВЪ «СУМРАЧНОМЪ БОЛОТѢ».

Въ трясинѣ сумрачныхъ болотъ
Бѣжавшій негръ лежитъ;
То видитъ онъ—огонь блеснетъ,
То слышитъ—вѣтромъ донесетъ
Лай псовъ или звонъ копытъ.

Гдѣ въ тростникѣ густомъ блестятъ
Блудяшіе огни,
Гдѣ видѣнъ мшистыхъ кедровъ рядъ,
И ядовитый виноградъ
Какъ змѣѣ всползетъ на пни;

Тамъ, гдѣ отъ страха задрожитъ
Любой храбрецъ, — теперь
Въ зыби трясинѣ, въ кустахъ раки
Лежитъ онъ тихо, какъ лежитъ
Въ берлогѣ дикій звѣрь.

Онъ весь въ рубцахъ, избитъ ремнемъ;
Онъ старъ, измученъ, слабъ,
И клеймы выжжены огнемъ,
Слѣды бича видны на немъ,—
Въ лохмотьяхъ жалкій рабъ.

Тутъ вѣчный мракъ, тутъ все молчитъ...
А тамъ—свѣтло вездѣ:
Вотъ векша прыгая кричитъ,
Вотъ пѣсня вольная звучитъ
У вольныхъ птицъ въ гнѣздѣ!

А вокругъ него все мракъ и стонъ,
Съ рожденья цѣпь на немъ;
Какъ Камень вѣчно провалитъ онъ
И вѣчнымъ рабствомъ размноженъ,
Забить какъ снопъ цѣпомъ.

А. Н—СКІЙ.

СТАРЫЙ ОРЕЛЪ .

Еще на солнце я гляжу и не моргаю,
И вижу далеко играющих орлятъ;
Отлетъ ихъ жадными глазами провожаю,
Не вѣдая, куда они летать...
Но я отяжелѣлъ, одрахъ, не безъ кручины
Сижу одинъ я на краю стремниномъ
У разореннаго гнѣзда.
Лишь изрѣдка, позабывая годы,
На отдаленный кличъ свободы:
«Сюда, сюда! старикъ, сюда!»
Я, поднимая машущія крылья,
Хочу летѣть, кричать, на сколько хватитъ силъ,
Увы! напрасныя усилъя:
Я только съ камня пылъ сметаю взмахомъ крылъ
И, утомленный, вновь дремлю, сомкнувъ рѣсницы,
И жду, когда въ горахъ потухнетъ блѣдный день,—
За мной появится блуждающая тѣнь
Моей возлюбленной орлицы ...

Я. Полонскій.

БЕЗДОЛЬНЫЙ.

(Продолженіе.)

Андревна имѣла свою лѣтнюю резиденцію на Троицкомъ мосту, на томъ основаніи, что черезъ этотъ мостъ ѣздить днемъ и ночью разные зажиточные господа, живущіе на островахъ. Но этотъ расчетъ былъ невѣренъ, потому что богачи только окачивали ее пылью или грязью, летящею изъ-подъ колесъ и копытъ ихъ щегольскихъ экипажей. Я, признаться, ни разу не видывалъ, чтобъ ѣдущій щеголь баринъ выбросилъ несчастной матери копѣечку. Да еще подалъ ли изъ нихъ милостыню кто-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ построенъ Троицкій мостъ?... До этого-ли нѣтъ? У нихъ голова постоянно полна симфоніями Страуса, да и мелкихъ денегъ никогда нѣтъ. Отъ чиновниковъ, даже въ галантерейныхъ должностяхъ, плохая пожива: каждый хочетъ сколотить лишнихъ десять-двадцать рублей, чтобы показать себя комъ-ильфо, каждый дрожитъ надъ копѣйкой; а ужъ за то какъ попадетъ въ шикарное общество—схвѣтетъ себя показать! Трехъ, пяти, десятирублевыхъ депозитки такъ и сыплются на сцену Машкамъ, Лизкамъ, Матрешкамъ и всей цыганской породѣ. Иной не только нищему, даже себѣ во всемъ отказываетъ: не доѣдаетъ, не допиваетъ, лишь бы развернуться на славу въ какомъ-нибудь вокзалѣ. Сколько тратится необходимѣйшихъ денегъ изъ-за того только, чтобъ сказать: «Ахъ, съ какимъ упоеніемъ я провелъ вчера время! Страусъ—неподражаемъ! Снѣткова—неподражаема! Самойловъ—неподражаемъ, всѣ неподражаемы!...» Сколькимъ несчастнымъ отказываетъ въ помощи даже сострадательный человѣкъ, изъ-за того только, чтобъ имѣть возможность шить платье у шикарнаго портного, играть въ преферансъ по пятачку фишъ (пуанъ)!

А болѣзнь галантерейныхъ начальниковъ — видѣть своихъ подчиненныхъ постоянно въ платьѣ съ иголки? «Не служите, говорятъ, коли не можете одѣваться, какъ я!» И вотъ служащій, чтобъ не потерять виднаго мѣста, лѣзетъ изъ послѣдней шкуры, лишь бы одѣваться франтомъ. А сколько складчинъ дѣлается, лотерей разыгрывается! Начальница разыгрываетъ бисерный поддонникъ — по рублю съ рыла, начальникъ — гасильникъ въ серебряной оправѣ — по два рубля съ рыла; да мало ли ихъ! Какіе ужъ тутъ нищіе пойдутъ на умъ, какая благотворительность! Тутъ поровнять какъ бы у нищаго еще суму стащить, только такъ, чтобъ никто не видалъ, чтобы все это было сдѣлано комъ-нль фо, въ совершенной тайнѣ, въ благоприличной обстановкѣ. Ужъ на какіе фокусы не пускаются господа чиновники, одержимые страстію къ виднымъ должностямъ! У нихъ и кухарки живутъ по полугоду, не получая ни полущки, а иногда даже и свои приплачиваютъ. «Какъ это такъ?» спроситъ читатель. — На законномъ основаніи. Какъ время приближается къ расчету, начиняетъ невидимой силой биться клеенная изъ 777-ми верешковъ посуда, пропадать серебряныя ложечки, которыя, по уходѣ кухарки, случайно конечно оказываются въ сундукѣ ихъ владѣльца.... Какъ подходитъ срокъ платежа квартирой хозяйкѣ, исчезаютъ шинели съ вѣшалокъ, серебряный сервизъ жильца изъ хозяйской кухни. Начинаяются понски, жалобы, угрозы и кончается дѣло вычетомъ съ бѣдной хозяйки за вещи, которыя какой-то неестественной силой очутились у товарища галантерейнаго жильца. За то посмотрите, какія чудныя перчатки, изящныя фраки они носятъ, какія великолѣпныя визитныя карточки оставляютъ въ начальническихъ переднихъ! Вотъ этакіе-то люди, столь дорогіе для благоденствія Россіи, прицѣпившись къ хвосту какого-нибудь департаментскаго орла, и играютъ у насъ роль!...

Бѣдной Андревѣ больше всего подавали люди сѣренькіе, маленькіе, знающіе бѣдность лучше, чѣмъ ее можно узнать изъ «Парижскаго нищаго» на театрѣ.

Зимой она сидѣла на гагаринскихъ кладкахъ, иногда на крѣпостныхъ. На послѣднихъ больше всего подавали крѣпостныя дамы, крѣпостные начальники, все крѣпостное, чтó только жило въ крѣпости. Въ морозъ, когда острый, какъ ножъ, вѣтеръ гуляетъ на просторѣ закованной льдомъ Невы, положеніе Андре-

ны и младенца было нестерпимо. Пѣшеходы, завернувшись въ шубы до самой макушки, свѣшили пробѣжать кладки, не обращая на малѣйшаго вниманія на нищихъ, которые жалобно выли, кавали головами, возили земные поклоны, показывали отмороженные члены и пр. и пр. До подавнiя-ли тутъ, когда боившись высунуть руку: того и гледи пальцы морозъ откусить. Но, во время вьюги, когда крутить, вертуть, бросаетъ въ глаза свѣгъ — положенiе просащихъ ужасно. Весь Петербургъ завернется словно въ саванъ: дворцы, дома, башни, пароходы, корабли — все пропадетъ изъ глазъ, только необъятнымъ серебрянымъ ковромъ разстилается Нева да взморье. Рѣдко-рѣдко кто пробѣжитъ: всякiй нищющiй хоть гривенникъ, навинаетъ ваньку, или боится высунуть носъ изъ теплой комнаты. Вотъ уже смеркается, быстро спускается зимняя ночь съ облаковъ, какъ тысяча глазъ мигаютъ вдоль набережной фанари, а всего собрано 5—6 копѣекъ. Надо самой пѣсть, надо младенцу молока купить, потому что своего нѣтъ; надо за ночлегъ заплатить, хоть пятачокъ, — все надо!

Простите, читатели, что я вдаюсъ въ лишнiя можетъ-быть подробности, описывая бытъ нищенки съ младенцемъ. Какое вамъ до всего этого дѣло: вы живете, слава богу, хорошо; пожалуй, на хорошей казенной квартирѣ, дрова казенныя, свѣчи казенныя, жалованье хорошее, ну, доходишки... Да если вы имѣете достатокъ и не отъ этого, а отъ другого чего-нибудь, — все бы вамъ было прiятнѣе прочесть что-нибудь поинтереснѣе. Вотъ, напримеръ, въ «Сынѣ Отечества» печатаются славныя статейки, и въ другихъ тоже. Тамъ люди не умираютъ отъ голода: напротивъ, каждый день кушаютъ, сколько утроба вынесетъ. Тамъ молодыя дамы всѣ въ супружествѣ съ солидными, полезными для Россiи мужьями; тамъ у героя повѣсти есть или деревенька, или домикъ въ Коломнѣ, или тепленькое мѣстечко. Тамъ дѣвица, какъ только достигаетъ 17 лѣтъ, выходитъ сiю же секунду за прекраснаго молодого человѣка; тамъ каждый молодой человѣкъ имѣетъ непременно *протекцiю*. Да чтó и за человѣкъ, у котораго нѣтъ протекцiи? Лошадь безъ хвоста! Протекцiя — это душа нашего благоустроеннаго края. Не только въ жизни, даже въ повѣсти ничего не сдѣлаешь, не напишешь, если герой будетъ человѣкъ безъ протекцiи. Однимъ словомъ, простите, что въ моемъ разсказѣ нѣтъ ничего такого, чтó бы могли съ удоволь-

ствіемъ прочтешь почтенные, зажиточные господа. Они почти-
тываютъ преимущественно для лучшаго пищеваренія: поэтому
имъ надо что-нибудь легонькое, романическое, неразстраивающее
ежедневное упражненіе желудочныхъ жернововъ. Имъ и безъ
горькихъ повѣствованій, сердечнымъ, немало достается. Они пе-
ретираютъ колбасы, кулебяки, круглые пироги, величиной съ
каретное колесо; мало ли что? Тутъ ужъ не до нищихъ; тутъ
подавай свадьбы, счастливыя интрижки, упоенія первой брачной
ночи и т. п. А вотъ и въ моемъ разсказѣ сейчасъ будетъ ро-
маническое, а ужъ какое,—не взыщите!

Однажды, въ жестокой вѣтеръ съ морозомъ, когда уже со-
всѣмъ смерклося, младенецъ долго метался, плакалъ, ница груди
матери, но мать сидѣла неподвижно. Утомившись отъ долгаго
плача, онъ потерялъ силы, окоченѣлъ отъ стужи, сталъ засы-
пать и вѣроятно бы замерзъ, еслибъ въ это время не подоспѣ-
ло двое городовыхъ, шедшихъ дозоромъ. Тьма была кромѣшная,
далеко вперед мигали чуть-чуть фонари, вѣтеръ ревѣлъ по ле-
дяной равнинѣ, забирался въ промежутки домовъ, срывая и крутя
снѣгъ. Впереди идущій наткнулся на какую-то темную массу,
словно свернувшуюся въ клубокъ, и чуть не перекувырнулся.
Долго онъ трепалъ ее изъ стороны въ сторону, но она не пода-
вала знака жизни.

— Затрещина, да вѣдь тутъ оказія! — закричалъ городской,
ощунавъ упавшую безъ чувствъ мать съ ребенкомъ, который на-
чалъ уже барахтаться, попавши подъ нее.

— Какая оказія?

— Мертвое тѣло, да чуть ли еще не два!

— Пойдемъ поскорѣй, — отвѣчалъ Затрещина, — какъ-будто
и не видали.... Лучше пусть другой дозоръ подыметъ, по край-
ней мѣрѣ не мы будемъ въ отвѣтъ....

— Нельзя, братъ, такъ оставить: спросать, кто наперво
ходилъ.

— Охота же! Третью нашивку выслужили, да сраму брать
на себя! Какое же объ тебѣ мнѣніе будетъ имѣть начальство,
когда узнаетъ, что только съ тобой такія оказія бываютъ? Хо-
рошій служивый долженъ вѣтѣхъ дѣловъ шибѣгать; скажутъ: за-
чѣмъ же ты, дуралей, ихъ подъ мостки не припряталъ? Припра-
чемъ-ко, въ самомъ дѣлѣ, подъ мостки—и дѣло съ концомъ!

— Жалостно больно! Тутъ еще ребенокъ живой пищать...

— Эхъ ты, баба! Давай, я живо спроважу! — сказала Затрецива, — и не писметъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Бога ты не боишься! Какъ живаго *дитю* въ снѣгъ закапывать!... Вѣдь у тебя своя семья есть. Поволокемъ-ко ихъ въ часть!

Нечего было дѣлать Затрецинѣ. Скрежеща со злости зубами, появившись отомстить неговорчивому сослуживцу, поволокъ онъ окоченѣвшее тѣло.

Онъ было хотѣлъ взять на руки ребенка, чтобъ было полегче, но Русопѣтовъ — другой городовой, не далъ ему младенца изъ предосторожности. Спорить Затрецинѣ съ Русопѣтовымъ было не такъ-то выгодно: послѣдній слылъ слыакомъ чуть ли не межъ всѣми петербургскими городовыми и квартальными.

Младенца кое-какъ оттерли, принесли въ частный домъ. Долго онъ плакалъ, протягивая ручонки къ кухаркѣ частнаго пристава, принимая ее за маму; но его мама уже была трупъ безгласный, который везли на саняхъ въ клинику. Тамъ она предназначалась служить азбукой для молодыхъ хирурговъ, охотниковъ до всякой рѣзни, полезной для живого человѣчества.... Поутру младенца хотѣли уже везть въ частный домъ и только за бумагами стало дѣло. Въ это время за дверью канцелярїи послышался крупный разговоръ двухъ ругающихся купчиковъ.

— Я трехъ тысячъ не пожалѣю, а тебѣ уютентую! Я-те покажу, что значить наше опчесво!... Будешь браслетки носить, по владиміркѣ прогуляешься!

— Хорошо, хорошо! Что-то ты запоешь передъ господиномъ частнымъ приставомъ! Да онъ тебя въ Сибирь сошлетъ, разбойникъ!...

— Нѣтъ, врешь! онъ тебя сошлетъ въ Сибирь; у меня господинъ квартальный надзиратель окажетъ пратѣхцѣю.... Онъ у меня третьяго крестить...

— Что твоя пратѣхцѣя, когда я всѣхъ ублаготворю?... Я не такой голоштанникъ, какъ ты; у меня есть коко съ сокомъ!... Вотъ какъ закономъ-то поверну! Всѣмъ заткну горло, а натѣшусь такъ надъ тобой, разбойникъ!

— Подите прочь! — раздался грубый голосъ хожалаго и по-

слышался трескъ двери; вѣроятно, городской сталъ выпрять ихъ изъ сѣней.

Вдругъ распахнулась дверь и два купчика, красныхъ какъ вареные раки, влетѣли въ прихожую присутствія.

— Ваше высокоблагородіе! онъ при всемъ трахтерѣ моей чести оскорбленіе нанесъ... прикажите его въ Сибирь сослать, во имя божескаго милосердія!... Съ такой просьбой обратился одинъ изъ вскочившихъ къ какому-то повешенному сѣртучку, исправлявшему должность писаря.

— Нѣтъ, ты еще объ Сибири-то отложи попеченіе!—кричалъ другой:—что-то господинъ частный приставъ скажетъ!...

— Погодите, не шумите, все дѣло разберутъ.—Въ это время за рѣшоткой, на «арестантскихъ» нарахъ младевецъ заплакалъ и сталъ звать маму.

— Слушай, Кесарь Кесаричъ, отступного дамъ, только сраму брать не хочу! — сказалъ вполголоса струсившій Федотъ Асклиподотовичъ.

— Дашь?

— Дамъ, вотъ-те Христовъ дамъ!

— Ну, ладно! пойдѣмъ въ трахтеръ, обо всемъ переговоримъ.

— Прежде пропустимъ....

— Ну, пропустимъ. Что эта за дитѣ такое, осмѣлюсь спросить.

— Мать замерзла, нищенкой была, вотъ ихъ и привезли; а дитѣ въ воспитательный сейчасъ отвозятъ,—отвѣтилъ сторожъ у дверей.

— Вотъ оказія-то, Кесарь Кесаричъ! Вѣдь моя-то супружница беспечная смоковница, все проситъ приемыша, чтобъ усыновить.

— Это было-бъ доброе дѣло; да послѣ потолкуемъ, а прежде слетаемъ.

Слетали и черезъ полчаса опять пришли—красненькіе, какъ яички въ христовъ день. Они уже дорóгой успѣли разъ 40 поцѣловаться, клялись, божились, что во всю жизнь не ссорились ни разу, что они вѣкъ были и будутъ закадычные друзья. Таковы всегда купцы: изъ-за копѣйки рады выпарапать глаза другъ другу и тысячу просадить, какъ начнутъ судиться,—лишь бы поставить на своемъ.

Еще много корму будетъ перьямъ разныхъ управъ благочинія, комерческихъ судовъ, купеческихъ расправъ: благо, дураковъ вепочатой уголъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Федотъ Асклиподотычъ рѣшился взять къ себѣ на воспитаніе младенца Сережу и съ радостей до того напился, что чуть не потерялъ ребенка. Хорошо—что извозчикъ попался знакомый, сметливый: онъ привезъ ребенка на домъ.

— Мать моя, пресвятая Богородица!—воскликнула Марфа Потюнова, увидя привезеннаго младенца.—Откуда Богъ такую благодать послалъ?

— Никто же, какъ Богъ, и никто же на ны!... промычалъ не помня что супругъ, еле-еле передвигая ноги. Нечего было спрашивать, откуда онъ привезъ ребенка.

— Аксютка, Аксютка! посмотри, какого намъ сиротку привезли! — сказала супруга кухаркѣ. Кухарка Аксютка сама очень любила дѣтей, даже имѣла одного, когда стоялъ по близости какой-то карабинерный полкъ....

— Какъ бы его покормить. Онъ, чай, сердешный, давно и груди-то не видалъ.

— Да найдемъ, сударыня, солдатку Двухутробкину: она всегда беременна, и таперича, кажись, чуть ли не тринадцатымъ, — такъ у нея навѣрно есть молоко въ грудѣ....

— Ну, сходи за Двухутробкиной. Ты навѣрно знаешь, что у ней есть молоко?

— Еще бы не быть! У нея, что годъ, то рабѣнокъ; а наместись въ газепахъ на всю Расѣю опечатали: тройню родила Добрая солдатка. Какъ придешь, сейчасъ кохьемъ угостить: мужъ-то при таможи, такъ кохій ничего не стоитъ; славное мѣсто занимаетъ, и управляющаго хвалить, тоже семейный, два ребенка: у старшаго начинаютъ зубки прорѣзываться; еще повивальная бабка мнѣ знакомая, сколько разъ горшки на брюхо закидывала....

— Ну, ты никогда не кончишь! Бѣги за Двухутробкиной, а я его укачаю, да и уложу.—Купчиха страстно желала дѣтей, но ихъ Богъ что-то не давалъ, потому вѣроятно, что мужъ и жена были обоимъ неестественной толщины и скорѣе походили на два астраханскихъ арбуза, чѣмъ на живыхъ людей.

Остроумные гостинодворцы и злые сатирики лабазники замѣчали довольно ѣдко: у Синепуповой съ Желтобрюховымъ оттого

и нѣтъ дѣтей, что природа не придумала, какого должны быть они цвѣта....

Двухутробкина взялась быть кормилицей за очень дешевую плату, потому что у ней было столько молока, сколько не бываетъ у тирольской коровы.

Посылаетъ же Богъ людямъ такое благодатное здоровье! Они-то еще и поддерживаютъ кое-какъ человѣческую породу. А что безъ нихъ-то было бы? Ну, какой хорошей матеря, исправной кормилицы ожидать отъ любой свѣтской барышни, у которой талія тоньше сѣрной спички?

Изъ Серези общалъ выйдти здоровый мальчуганъ. Онъ привыкъ къ кормилицѣ, называлъ ее мамой, вѣроятно не подозревая, что его маму давно распластали по кусочкамъ. Онъ ползалъ по полу, по стульямъ, весело поглядывая на всѣхъ своими чистыми, какъ бирюза, глазенками, протягивалъ ручки къ чему-нибудь блестящему, лепеча: «цаца, цаца!» Алыя его щечки, словно два наклеенныхъ розовыхъ листочка, постоянно лоснились отъ жиру и масла: сейчасъ можно было видѣть на губкахъ и подбородкѣ, какъ на выѣскѣ, какія яства онъ вкушалъ. Ползая въ сору, или въ грязи близъ лохани, онъ такъ былъ веселъ и счастливъ, словно сидѣлъ среди роскошнаго луга, усѣяннаго благовонными цвѣтами. Счастливое, блаженное время то, когда человѣкъ еще не успѣлъ сдѣлаться человѣкомъ, да еще то, когда онъ глупъ, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, во все вѣрить!.. Грезилось ли этому Серезѣ, что чрезъ какія-нибудь 25—30 лѣтъ онъ очутится въ смрадной больничной палатѣ, начнетъ томиться страшной предсмертной агоніей, и какой-нибудь служитель, не давши ему испустить послѣдній вздохъ, начнетъ насильно складывать ему руки на-крестъ? Мерещилось ли всѣмъ этимъ добрымъ людямъ: и Синепушовой, и Двухутробкиной, и одеревенѣлой въ крѣпостномъ состояніи Аксюткѣ, что онѣ всѣ его переживутъ, и въ то время, когда достигнутъ послѣдняго предѣла тучности, какъ семь фараоновыхъ коровъ, — его вышвырнуть изъ корзины въ трупярию, а кривой служитель, облекшись въ порыжѣлую хламиду, поволочетъ его на одрѣ и двухъ четвероногихъ одрахъ на кладбище. Такія сближенія можно только дѣлать въ повѣстьяхъ, начинающихся концомъ.

Будучи лѣтъ грехъ, онъ сдѣлался страшнымъ толстушкой; пу-

живо его было какъ барабанъ, а ручки и ножки не могли даже согнуться отъ чрезвычайнаго обилія выросшихъ мясовъ. Да оно и быть иначе не могло: добрая купчиха его буквально закармливала. Какъ ей самой постоянно хотѣлось кушать, такъ она думала, что и ребенка нужно папичковать непрерывно, отъ третьихъ пѣтуховъ до полночи. Тутъ цѣль жизни для всѣхъ была — набѣдаться до отвала. Начиная отъ ховинна, ховинки, до нота — все зашмыло жиромъ до того, что не могло ходить.

Интересно описать какъ проходилъ день въ этомъ семействѣ. Часомъ въ семь утра просыпалась Ансютка и начинала одѣваться; страшно соня, послѣ полусуточнаго сна, стараясь шонать ногой въ башмакъ. Долго она не могла еще проснуться совершенно, хоти уже сидѣла и болтала ногами въ темнотѣ, стараясь оцупать башмаки. Потомъ вставала, и стукнувшись разовъ влтекъ объ отѣву, отыскивала оцувью буракъ съ настрѣяными лучинами. Она до того заспалась, что совершенно забыла расположеиіе кухни, и только пройдя ее раза три кругомъ, натыкалась на буракъ. Опять то-же сощѣніе, то-же тыканье невпопадъ лучиной вмѣсто щели въ тарелку или соусникъ.

Зажегши свѣчу, становилась передъ двумя до того почернѣвшими образами, что она и сама позабыла, который былъ Николай угодникъ, который Варвара-великомученица. Да и въ домѣ врядъ ли кто помнилъ. Тутъ она совершенно механически начинала возить земные поклоны, бормоча одно затверженное съ дѣтства: «Буди мнѣ грѣшной! Прости Господи мнѣ, окаянной, великія мои пригрѣшенія!» Эта простая молитва доходила конечно до Бога, потому что Ансютка лепетала ее бессознательно. Она только одно сознавала, — что такъ молилась ей мать, отецъ, дѣды и прадѣды, что всякая христіанка должна непремѣнно молиться по утрамъ и по вечерамъ, то-есть складывать повѣстнымъ манеромъ пальцы, кивать головой или стучаться лбомъ объ землю.

Право, счастливы эти люди: они дѣлаютъ добро или зло по инстинкту, не сознавая ни великости добраго дѣла, ни великости проступка. Не знаю, вмѣняется ли имъ въ заслугу добрыя дѣла; но злымъ отпущаются: «Отче, прости имъ: не вѣдаютъ бо, что творять!» Ансютка всю жизнь прожила счастливо въ блаженномъ крѣпостномъ состояніи; ей ни разу не приходилъ на умъ вопросъ:

человѣкъ она или птица? Разумное ли, самобытное существо, шипѣющее свою волю, или что-то въ родѣ противня, соусника, котермѣ куда поставишь, передвинешь, тамъ и стоитъ? Ни одна отвлеченная мысль не закрадывалась въ эту головушку; всѣ ея душевныя силы, способности устремлены были на то, какъ бы не пригорѣла каша, испекся сладкій пирогъ, курица не потеряла яйца, козичка бы не шokolотилъ и т. п. Этотъ сортъ людей — не люди вовсе, какъ мы ихъ понимаемъ, а что-то переходное отъ людей развитыхъ, мыслящихъ, чувствующихъ, къ коровамъ и обезьянамъ. И шипѣ-то выпало на долю истинное земное счастье: она живетъ на бѣломъ свѣтѣ, пока не оскучаетъ жизнию, спать, какъ курица, не пошевельнись, кушаютъ въ какое угодно время съ отличнымъ аппетитомъ, — а это-то и есть истинное счастье, потому что извѣстнѣйшій сонъ, укравши нервы, мозжечекъ въ костяхъ, придаетъ здоровому человѣку такую бодрость, свѣжесть, что онъ не знаетъ, куда дѣваться отъ радости: а солнце-то для него не въ-примѣръ ярче, а трава зеленѣе, чѣмъ человѣку не высказываему. Пробѣгаетъ, порабатаетъ — чувствуетъ волчій аппетитъ, и какъ дорвется до какихъ-нибудь щей съ говядиной, до цѣлой кочаги крутой каши, такъ ѣсть съ полнымъ наслажденіемъ. Тутъ и пирогъ съ марковою покажется страбургскимъ пирогомъ.

Но — объ Аксютѣ. Гремя ложками, посудой, она будила самого хозяина, который, хотя и ругалъ ее за это, но не билъ; поэтому она постоянно забывала приказаніе и на другой день гремѣла, стучала еще громче. Это было на-руку хозяину, который, какъ человѣкъ торговый, дѣловой, любилъ вставать рано. Долго онъ принаравливался, какъ бы перепрыгнуть черезъ супругу и не задѣть ее ногой, не разбудить. Но это ему никогда не удавалось, какъ не удалось бы и горѣ Монбланъ, еслибы она вздумала перепрыгнуть черезъ гору Розу... Она на секунду просыпалась, чавкала что-то во снѣ, переворачивалась на другой бокъ и опять спала какъ мертвая.

Выдувши съ принащикомъ цѣлый самоваръ, оба уѣзжали въ городъ. Аксютка запирала за ними двери, и приткнувшись куда-нибудь въ уголъ, стоя засыпала. Въ домѣ снова водворялась тишина: только и слышно было, какъ чакалъ маятникъ часовъ, да сонѣли въ разныхъ углахъ. Часовъ около девяти Сережа просыпался, начиналъ шевелить ручками, ножками, потягиваться. Но-

слѣ десяти-часоваго крѣпительнаго сна, мозжечекъ игралъ въ каждой косточкѣ, чувствовалось какое-то воодолѣимое влеченіе попрыгать козломъ въ одной рубашонкѣ. Такъ иногда трехвѣдѣльный теленокъ стоитъ, устремивши безсмысленно мутный взоръ въ землю, а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дастъ стрелка въ сторону, лягнетъ задними ногами и снова остановится, словно удивляясь своей неожиданной рыси.

Одѣвшись, при помощи Аксютки, умывшись, становился передъ образомъ и клалъ три земныхъ поклона, весело поглядывая съ полу на кухарку и рѣшительно не понимая, зачѣмъ надо молиться божинкѣ? Развѣ затѣивъ, чтобы онъ не убилъ камешкомъ?... Эта безсознательная, полная дѣтскаго невѣдѣнія молитва нѣсколько свихивала на молитву Аксютки. Порѣзвившись, Сережа отправлялся на кухню и начиналъ возню съ котомъ, который весь день лежалъ на постелѣ Аксиньи какъ мѣшокъ, вилая потихоньку хвостомъ и щуря глазки отъ полнаго удовольствія. Иногда, скуки ради, ловилъ лапками висящее за кроватью полотенце.

Весело жилось Сережѣ до десятаго года. Онъ давно позабылъ даже солдатку Двухутробкину, принимая купчиху за маму. Наконецъ Сивецуповъ началъ приучать его къ комерціи, посылая въ мелочную лавочку. Сережа очень скоро изучилъ весь лавочный катехизисъ: «первѣющій сортъ», «столько для васъ дѣлаю почтеніе», «въ убытокъ продаю», «Христомъ-Богомъ увѣрю, что себѣ дороже стоитъ» и пр., и пр. Онъ уже умѣлъ подмѣшивать спитой чай въ свѣжій, придерживать рукавомъ чашку съ товаромъ, чтобы она перетягивала вѣсовую, наворачивать на фунтовой товаръ осьмушку бумаги, обчитывать при сдачѣ и тому подобное.

Но узнавши лавочный катехизисъ, онъ ни слова не зналъ изъ катехизиса Филаретова, даже не зналъ ни одной молитвы порядочно. Отъ кого было выучиться, когда нареченная мамаша спала 18 часовъ въ сутки, едва знала *Отче-нашъ*, а когда читала *пожилукъ мя Боже*, то съ *окропиши мя исопомъ* перескакивала прямо на *олтарь твой телъцы*. Просыпалась она въ девять утра, и если дѣло было зимой, сторы спущены, долго хлопала глазами, стараясь отгадать, утро теперь или вечеръ? Приподняться, поглядѣть на часы было лѣнь, а они, какъ нарочно, не били. Вотъ она и начинала наводить догадки, утро ли теперь или ве-

черъ? Часы захлебывались, блин девять, а купчиха, чтобы не сбиться, всегда считала по три.

— А, теперь вѣдь зима. Ишь какъ отъ печки пышетъ!—А въ девять часовъ вечера, зимой, ни зги на дворѣ не видать: значить теперь утро; значить Мордольонъ Харитонычъ уѣхамши. Тутъ она дѣлала усиліе, чтобы встать въ кровати, но опрокидывалась опять навзничъ: какая-то неостижимая сила приковывала ее къ постели. «Не вскрапнуть ли еще полчаса, или ужъ встать?» думала купчиха, позѣвывая во всю ширину своей главной арки, распирая кровать головой и ногами. Какъ ужъ она ни нѣжилась: то складывала ноги калачикомъ, то поджимала подъ себя, пятками внутрь, представляя изъ себя подобіе сахарныхъ щипцовъ, или задирала ихъ выше головы. Интересно было бы посмотреть на нее въ это время. Но единственнымъ зрителемъ ея прелестей былъ Дибичъ-Забалканскій, висѣвшій на стѣнѣ въ рамкѣ. Безстрастно смотрѣлъ онъ орлиными своими глазами на прелести Синепуцовой и даже при видѣ такой картины устремлялъ взоры больше на шкафъ съ посудой.

— Аксютка, Аксютка! подай мнѣ башмаки! И съ этими словами купчиха свѣшивала ноги съ кровати. Но кровать была такъ высока, что ноги доставали аршина полтора до полу. Спрыгнуть съ постели было такъ же страшно, какъ изъ второго этажа. Аксютка обувала хозяйку, подставляя стулъ. Вносился самоваръ, величиною чуть ли ни съ царь-пушку, а купчиха, позѣвывая, становилась на колѣни передъ образами. Иногда, среди молитвы, она обращалась съ разными вопросами къ кухаркѣ: «А что, Аксютка, коровку-то накормила?» или: «Что, рабенокъ-то всталъ?»

А рабенокъ въ это время уже ѣздилъ на дворовой собакѣ или гонялъ гусей по двору. Въ теплую или лѣтнюю погоду гонялъ голубей, похлопывая палкой по крышѣ, какъ регентъ камертономъ, и ученые голуби, послушные, какъ пѣвчіе, въ тактъ кружились, утопая въ сѣроголубыхъ небесахъ, сверкая крыльями подъ солнцемъ. Сережа вдохновлялся въ эти минуты какъ поэтъ: его не восхищали никогда такъ симоновскіе пѣвчіе, какъ то, когда какой-нибудь турманъ отмачиваетъ въ небесахъ разныя штуки. Въ праздничные дни, или въ табельные, онъ отправлялся на колокольню позвонить. Это дѣлалось съ дозволенія батюшки,

отца Анжкія, приходскаго священника Николы на Болвановкѣ. Отецъ Анжкій, въ видѣ величайшей награды за смиреніе и прилежаніе, позволялъ и своимъ дѣткамъ позвонить, особенно въ табельные дни или въ пасху. Тутъ надо звонить весь день непрестанно, такъ что у пономаря Елеазара Елеазарыча, человѣка слабаго вообще тѣлосложенія, не хватало на это силъ. Сережа отлично изучилъ всѣ звоны, и перезвоны, и ухвативши сразу рукой веревки четыре, весьма бойко наяривалъ на маленькихъ колоколахъ, совершенно въ тактъ Елеазару Елеазарычу. Конечно никто не смѣлъ, кромѣ его, ударить въ поліелейный...

Марфа Потаповна ѣздила въ праздничные дни по разнымъ монастырямъ и соборамъ. Надо замѣтить, что на пятомъ году Сережа виѣстѣ со всѣми Синепуповыми уѣхалъ въ Москву, гдѣ Федотъ Асклиподотовичъ открылъ двѣ мелочныхъ лавочки съ лабазомъ и магазиномъ колониальныхъ товаровъ. Синепупова давно желала переселиться въ Москву: во-первыхъ, странниковъ, блаженныхъ старцевъ гораздо больше; во-вторыхъ, отецъ Ерыхайло, восприемникъ Синепуповой, говорятъ отличныя проповѣди. Но главное — городъ не нѣмецкій; что ни ступишь, то колокольня или церковь. Однихъ Николъ такъ не перечесть: Никола-Звонара, Никола-Щены, Никола на Болвановкѣ, Никола Заяицкой, Никола на курьихъ ножкахъ. Эти прозвища я выставляю не потому, чтобъ находилъ ихъ странными, а потому, что они отлично характеризуютъ нашу русскую самобытную жизнь. Тутъ видна какая-то простота, какая-то патриархальность, даже наивность. Это-то и составляетъ букетъ самобытной національности. Кто-жъ виновать, что Петръ стиралъ, сметалъ, сглаживалъ все національное; искореняя дурное, искоренилъ много хорошаго? Онъ отчасти походить на ретиваго охотника до чистоты хозяина, который, стирая со стола пыль, смахнулъ кетати и чашки, и тарелки изъ дорогого японскаго фарфора и все, что тутъ было. Это-ли преобразование?.. Итакъ Марфа Потаповна очень основательно предпочитала Москву безцѣвному, безхарактерному Петербургу. Пожалуй къ этому эпитету придерутся цѣломудренники на словахъ. Ну, укажите, въ чемъ видна его національность? Не въ конной ли статуѣ Петра, не въ Гороховой-лѣ, усѣянной почеркѣвшими выѣсками, безграмотными подписями на трехъ языкахъ? Не въ танцевальныхъ ли

вечерахъ Ефремова, не въ швейныхъ-ли магазинахъ? Пожалуй и есть національность, да гдѣ? На Петербургской, между старуками и нищими, приходящими къ апостолу Матвѣю; между пресырными и лавочниками у Николы-Мокраго, у Николы-Трунилы. Иной бороды лабазниковъ, портерщиковъ, купцовъ всѣхъ шерстей приметъ за національность. Да это только ея изгарь! А въ Москвѣ она хогь тоже нѣсколько изуродована, да все же есть. Тачанка, Покровка, вся залужская часть, все замоскворѣчье,—да вся Москва рѣшительно національна, кромѣ Кузнецкаго, Тверской съ ея губернаторской гауптвахтой, да Никитской съ кандиторской Педотти....

Отлегло отъ сердца, душевнѣкѣ стало легче, когда Марѳа Потаповна обошла всѣ соборы, послушала симоновскихъ пѣвчихъ, проповѣдей отца Аникія, отца Маврикія и другихъ московскихъ сладкоглагольцевъ. Самый гостинный дворъ, весь запачканный по угламъ чаелюбивыми москвичами, Василій-Блаженный, съ его оригинальной до дикости архитектурой, сайки съ приставшей къ низу соломой, охотный рядъ, благоухающій на всю Москву — благовонный Смоленскій рынокъ, — все это показалось милымъ, роднымъ, давно знакомымъ. Синепупова родилась и выросла въ приходѣ Мартына-исповѣдника, вѣнчалась у Алексѣя-митрополита, такъ какъ же ей было не любить Москвы? Сережа тоже очень ее полюбилъ. Во-первыхъ, тамъ можно было достать голубей, не въ примѣръ ученѣй, чѣмъ петербургскіе; во-вторыхъ, звонить приходилось каждый день: не проходило дня безъ храмоваго праздника. Чуть шесть часовъ—глядишь, ужь гдѣ-нибудь и ударили ко всенощной и замигали двѣ плошки на колокольнѣ. Да и обсчитывать, и обвѣшивать было какъ-то мальжвѣй. Онъ потолстѣлъ, сдѣлался красавцемъ въ полномъ смыслѣ слова. Еще бы пожить такую жизнью лѣтъ семь—и овъ избѣгъ бы всѣхъ жизненныхъ крушеній, сочетавшись съ какой-нибудь лабазницей Желтопуповой. Но судьбѣ ужь стало завидно, что Сережа такъ долго счастливъ. На него въ Симоновомъ монастырѣ уже стала заглядываться какая-то благочестивая барыня, ужасная охотница до проповѣдей отца Мельхиседека и до хорошенькихъ мальчиковъ, которыхъ воспитывала до полдюжины. Нѣкоторые достигали даже до 17 лѣтъ и оканчивали полный курсъ у нея.... Она сама наставляла пансіонеровъ, а учителя ходили только для блж-

звру.... Богатая была барыня, нечего сказать! Сколько она дѣлала жертвованій на монастыри, такъ и не перечесть. Рассказываютъ, что она одного золота убила нѣсколько пудовъ на разную церковную утварь. Вольнодумцы говаривали: къ-чему бы погребать это золото, дѣлать мертвымъ капиталомъ? Лучше бы ему было такъ и лежать вѣки вѣчные въ Уралѣ или Алтаѣ. Развѣ Богъ требуетъ этого? Конечно, они разсуждали несправедливо; всякій жертвуетъ отъ сердца, что въ силахъ жертвовать: богачъ — тысячи, бѣдный — трехкопѣчную свѣчу.

Вотъ она выслѣдила Серезу, подѣхала къ Федоту Асклиподотычу извѣстнымъ способомъ — забирала у него товаръ, щедро платя, сколько запроситъ. При всемъ своемъ значеніи, даже не побрезговала пріѣхать къ купцу на домъ. Желтобрюховъ оковчательно ошалѣлъ отъ этой чести, какъ котъ, которому проказники мальчишки насильно влили въ горло косушку водки. Визиты стали учащаться; наконецъ барыня заговорила объ Серезѣ:

— Что ему у васъ болтаются попусту? Вы сдѣлали святое дѣло, вскормили его, а я его воспитаю образуя его умъ и сердце....

Марфа Потаповна сначала упиралась руками и ногами, но потомъ уступила настояніямъ корыстолюбиваго мужа, который боялся потерять такую щедрую покупательницу. Да и барыня-то умѣла влѣзть въ душу простоватой Синепуповой. Она оправдывала поговорки: у нищаго суму выпросить; въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ; безъ мыла въ душу влѣзетъ.... «Чтожъ», думала купчиха: вѣдь это будетъ Серезѣ вторая мать; все же онъ, хоть и безродный, а дворянской крови; ему нужно науки произойти, а мы люди темные»

И дѣйствительно, десятилѣтній красавчикъ Сереза, кромѣ церковной грамоты да кой-какихъ молитвъ, ничего не зналъ; читалъ псалтырь, безпрестанно натыкался на Давида, Соломона, а не зналъ, кто такіе были Давидъ и Соломонъ, — можетъ быть московскіе чудотворцы? Тоже самое и въ чети-минеехъ — Максимилиана и Деоклитіана, Юліана-богоотступника и другихъ задровыхъ гонителей христіанъ представлялъ русскими царями. Насчетъ географіи и говорить нечего: въ головѣ у него былъ страшный сумбуръ, какъ у всѣхъ купчиковъ, охотниковъ до политики. Они читаютъ и про Италію, и про Познань съ Галвціей, и рѣ-

шительно не знаютъ, гдѣ онѣ и что онѣ? Особенная темнота въ ихъ головѣ насчетъ Америки: ихъ никогда не вразумишь, что они ходятъ по землѣ пятками къ нашимъ пяткамъ. «Да какъ они разбойники не оборвутся? восклицаютъ эти темные люди:— да какъ же это у нихъ день, когда у насъ ночь? Вѣдь солнышко для всѣхъ одно!» Хорошо было бы, еслибъ какой-нибудь практической Старчевскій, подчюя сѣрую публику свѣжими новостями, прилагалъ дешевенькія географическія карты, объяснилъ бы какъ-нибудь расѣйской публикѣ, что земля не на трехъ китахъ стоитъ. Купчики повѣрили бы господину Старчевскому, что земля вальсируетъ вокругъ солнца, съ своимъ кавалеромъ — мѣсяцемъ, а намъ не повѣрятъ.

Проекзаменовалъ Сережу присланный отъ барыни учитель и нашель, что его нужно начать учить съ азбуки. Наконецъ Сережу, послѣ слезнаго прощанія съ Желтобрюховыми, съ Таганкой, съ голубями, отвезли въ великолѣпный барскій домъ на Арбатъ. Арбатъ, Пречистенка и ихъ промежутки — любимыя резиденціи того барскаго мла, который осѣдаетъ отъ вѣчнаго круговорота баръ петербургскихъ, астраханскихъ, верхнеудинскихъ и всякихъ, кому приходила охота окунуться въ бюрократическій омутъ.

Наталья Александровна Сластолюбцева на семнадцатомъ году вышла замужъ за восьмидесятипяти-лѣтняго старика, который, семидесяти лѣтъ стяжавъ себѣ чины, богатство, значеніе въ свѣтѣ, вздумалъ на восемьдесятъ-шестомъ году оставить по себѣ потомство.... Желаніе хоть очень дикое, но извинительное, потому что надо прежде всего запастись существеннымъ: деньгами, чинами, домами, деревнями, а потомъ приняться за пустяки — за женитьбу. Ктому-жъ, по мнѣнію положительныхъ практическихъ людей, у человѣка до восьмидесяти лѣтъ, ничего недобившагося, ходить вѣтеръ въ головѣ, все еще онъ какъ-то молокососенъ, не устроился прилично на свѣтѣ. Вотъ ужъ на восемьдесятъ-первомъ году онъ дѣлается зрѣлымъ мужемъ, такъ-сказать настоящей опорой Россіи. Пошли ихъ куда-угодно: предводительствовать арміей въ полмилліона, обсуждать самые запутанные вопросы дипломатіи, засѣдать въ какихъ-угодно ученыхъ комитетахъ — нигдѣ не подгадать! А молодежь незрѣла, неопытна, вѣчно потереть горячку, а тамъ, глядишь — въ чемъ-нибудь да и нагадить...

На другой же годъ дѣйствительному статскому совѣтнику Слостолюбцеву Богъ далъ сына, на третій — еще сына, на четвертый — еще сына. Весь городъ выпучилъ глаза. «Экой дескать молодчина, Павелъ Александрычъ!» Всѣ сибѣшли поздравлять хлѣбосола старичка, всѣ хвалили его воздержную, нерастраченную жизнь, уписывая лакомые обѣды, тонкія вина...

— Я даромъ-что вошедедшать-пять лѣтъ на швѣтѣ прожилъ, а не хуже молодыхъ поправляюшъ! — шамшылъ добрый старичокъ, восхищенный подарочкомъ супруги. Между тѣмъ у достойной супруги что годъ мѣнялись чиновники по особымъ порученіямъ: одинъ отпросится на воды на казенный счетъ, да тамъ и умереть, другого отправятъ, ради истощенныхъ силъ на пользу отечества, за границу, и тотъ тоже умереть. Короче, у Слостолюбцева перебивало до восьми чиновниковъ, а ни одинъ не достигъ такой счастливой старости, какъ Павелъ Александровичъ; онъ уже имѣлъ болѣе девятиста лѣтъ, четверыхъ сыновей, четверыхъ дочерей, а все еще не хворалъ, не умиралъ. «Ишь ты, какъ старикъ-то сохранился!» — говорили солидные граждане. — «Вѣдь это на срамъ молодежи! Нынче до того взмочалываюся люди, что какъ стукнетъ кому пятьдесятъ, такъ ужъ и везутъ на кладбище. Всѣ говорятъ: будетъ, поживетъ!»

— Еще бы не жить Слостолюбцеву! возражали жолчныя и начавшіеся граждане: — да онъ всю жизнь никакой нужды не испыталъ. Иавѣстно какая жизнь этихъ людей: родился отъ поповника тысячи въ три, сейчасъ же и въ батистовыя пеленки. Здоровѣннѣйшая изъ нѣсколькихъ тысячъ бабъ кормилица, мягкія перинки, тоненькія простыньки, чистота, теплота, пропитанный ароматомъ воздухъ. Лѣтомъ — роскошная дача въ благодатномъ климатѣ, игры да рѣзвость среди благоухающихъ рощъ и садовъ. Только прорѣзались зубенки — пошли закармливать булочками, крендельками, сахарными тортами; сорокъ нянекъ, горничныхъ, гувернеровъ непрерывно стерегутъ, чтобъ ребенокъ какъ-нибудь не свалился, не починилъ собѣ лба. Настала зима — опять въ теплицу, въ роскошный домъ съ цвѣтами. Только ребенокъ и знаетъ, что кушаетъ сахарныя булочки, да одѣтый, какъ куколка, прогуливается по Тверскому бульвару; а гувернеры такъ и дуютъ, такъ и дуютъ въ уши, на 3—4 языкакъ, чтобъ ребенокъ безъ малѣйшаго труда научился по-со-

рочьи лепетать на чужихъ языкахъ Что Сму? силы его не истощены надъ бесполезнымъ корѣньемъ надъ вокабулами да лексиконами: всему учится по слуху. Учитель естественной исторіи учить въ садахъ ботаникѣ, въ городскихъ звѣринцахъ — зоологіи; учитель исторіи, какъ нянька, сказку рассказываетъ на сонъ грядущій и про Кира, и про Александра Великаго, и про Цезаря съ Наполеономъ и Фридрихомъ, и всю исторію расскажетъ шутя, такъ, что ребенокъ и не услышитъ, какъ пройдетъ всю ботанику, зоологію, исторію. Карты, глобусы, географическія лото — вотъ тебѣ и вся географія. Подростъ барскій сыночекъ, сталъ обнаруживать свои аристократическія стремленія къ молодымъ горничнымъ, — пора барскаго сыночка везти въ учебное заведеніе. Сыночекъ хочетъ непременно быть лейбъ-гусаромъ; а какъ быть лейбъ-гусаромъ? Надо попасть въ пажескій корпусъ. Но оставимъ всѣ корпуса въ покоѣ, а возьмемъ просто школу, какую бы ни было. Сыночекъ не успѣлъ еще ступить на парадное крыльцо заведенія, какъ чадолюбивый папаша успѣлъ уже побывать и у начальника, и у наставниковъ, и у надзирателей. Онъ уже вездѣ другъ, вездѣ свой человекъ, проигрываетъ начальнику, наставникамъ по сту рублей въ вечеръ и не морщится! «Экой чудный человекъ этотъ Амосъ Софроновичъ, или Сихриадъ Епидифоровичъ!» восклицаютъ начальники: «да это другъ человечества.» — «Въ родѣ Марка Аврелія», добавляетъ учитель исторіи. — «Да онъ считаетъ тотъ день потеряннымъ, въ который не пришлось сдѣлать кому-нибудь добра.» Между тѣмъ со всѣхъ концовъ какая-то невидимая сила везетъ школьному начальству и творогъ, и масло, и живность. Словно съ небесъ спадаютъ бисерныя подушки съ надписью: «распорите!...» Радужныя, лиловыя, красненькія, сѣренькія билье-ду забываются между листовъ книгъ, по разсѣянности. Отчего же и не ублажить почтенныхъ наставниковъ, воспитателей, ради любимаго сыночка, тѣмъ паче, что изъ 10 — 15 деревень еще привезутъ къ новому году всякихъ билье-ду, и масла, и яицъ, и живности, и чего угодно. Предсталъ барскій отрокъ на экзамень, бѣленькій, чистенькій, въ отличномъ фраккѣ; предстали и другіе отроки въ шелюновыхъ сертучкахъ, въ рыжихъ сапогахъ, неловкіе, неуклюжіе, неразвязные... «Что значить воспи-

таніе: сейчасъ видна разница! восклицаютъ глубокомысленные педагоги. Начинается экзаменъ.

— Перечтите мнѣ всѣхъ израильскихъ и іудейскихъ царей, послѣ раздѣленія царствъ, и скажите вкратцѣ ихъ исторію, — задаетъ учитель шелоновымъ сертучкамъ.

Шелоновые сертучки, ошеломленные такимъ труднымъ вопросомъ, робѣютъ, становятся втупикъ, дальше Давида съ Соломономъ нейдутъ...

— Чтоже вы стали? А вотъ я другаго спрошу. Кто былъ Саулъ?

— Царь, — отвѣчаетъ барскій сыночекъ.

— А Давидъ?

— Тоже царь.

— А Соломонъ?

— Тоже царь; все цари....

— Прекрасно! очень хорошо! Видите, какъ отвѣчаетъ, — говорить съ упрекомъ учитель, обращаясь къ шелоновымъ сертучкамъ

Начался экзаменъ съ арифметики:

— Обратите мнѣ періодическую дробь такую-то въ простую и извлеките изъ послѣдней корень съ точностью до одной бильонной.

Шелоновый сертучокъ, какъ хорошо ни занимался арифметикой, однако такіе умышленно подобранные вопросы ускользнули отъ его вниманія. Обратитъ-то онъ дробь обратилъ, а извлечь никакъ не можетъ.

— Такъ-то вы приготовились? — грозно спрашиваетъ учитель, обращаясь поочередно ко всѣмъ шелоновымъ сертучкамъ. — А вотъ я имъ задамъ вопросъ: раздѣлите 14 орѣховъ на семерыхъ.

— Два придется на каждаго.

— Хорошо! прекрасно! Вотъ какъ надобно учиться!

Продолжается эта сказка про бѣлаго бычка и на остальныхъ экзаменахъ. Барскаго сыночка сажаютъ въ высшій классъ, а шелоновыхъ сертучковъ оборачиваютъ оглоблями назадъ, домой, приготовиться.

Выдаютъ бѣдые родители, стовами и воплями оглашаются стѣны заведенія. Начинается курсъ. Барское дитяtko словно на парахъ перелетаетъ изъ класса въ классъ, а тамъ глядишь — и ужъ лейбъ-гусарь года черезъ четыре.

— Каково сынокъ-то скоро просвѣтился! — восклицаютъ лю-

блжце родители. А сынокъ-то отъ радости то шпорой визгнетъ, то саблей забренчитъ. И безъ пажескаго корпуса, и съ пажескимъ корпусомъ судьба сдѣлаетъ его лейбъ-гусаромъ. Эта судьба лежитъ въ сундукахъ опекунскаго совѣта, и изъ угла Горюховой или какой-нибудь Салазки вертеть-крутить половиной Россіи.... Не успѣлъ барскій или купеческій сыночекъ оглядѣться на свѣтъ божій, какъ его катаютъ и въ корнеты, и въ подпоручики, и въ капитаны, сочиняя какія-то отличія по службѣ. Все это теперь миновалось, улетѣло золотое времячко! Да я его и описываю; какое мнѣ дѣло до настоящаго!

Сереза попалъ въ роскошный домъ. Какъ гадки показались ему богатырскія похлебки, до безобразія жирныя жаркія, залитыя масломъ кашп, когда онъ попалъ на тонкіе супы, дорогую дичь, прохладительныя ананасныя желе, роскошныя торты. Его настоящая покровительница каталась какъ сыръ въ маслѣ. У ней было до 14 человекъ прислуги, изъ которыхъ одна подавала платокъ, когда барыня уронитъ, другая подавала умываться, третья одѣвала, четвертая раздѣвала. Тотчасъ приставленъ былъ къ Серезѣ гувернеръ Тирлрли, вертлявый какъ обезьяна; онъ обязанъ былъ учить Серезу благороднымъ манерамъ и французскому языку. Пять его товарищей давно уже пскусились во всемъ этомъ, были настояціе джентльмены, комъ-иль-фо. Нѣкоторые даже были лѣтъ 20, 22, а все учились, все воспитывались у барыни. Надо сказать, не забыть, что Павелъ Александрычъ, подъ вліяніемъ супружескихъ ласкъ, растаялъ, какъ леденецъ, на 95 году своей достохвальной жизни.

На могилѣ его воздвигнуть чуть ли не цѣлый кафе-ресторантъ, съ приличными надписями. Злые языки говорили, что онъ скончался отъ горя, когда узналъ, что законные его дѣти, по странной игрѣ природы, очень смахивали на усопшихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Теперь тридцатилѣтняя, но все еще роскошная дама посвятила всю жизнь на то, чтобъ образовать душу в сердце красивыхъ благородныхъ юношей. Въ ней удивительно хорошо сочетались аристократическая свѣтскость съ возможностью какой-нибудь Мары Потановны Синеуповой.

— Его по крайней мѣрѣ здѣсь образуютъ,—думала Синеупова:—у насъ чему бы онъ научился? Мы люди темные, лапотники.

— Поведеніа совсѣмъ не та въ господскомъ але въ купецкомъ сичествѣ, — рассуждалъ Федотъ Асканиодотычъ: — тамъ онъ и по французскому обучится, и во всякому книжному обхожденію.... А у насъ онъ былъ бы михрѣй михрѣемъ....

— Только чтобъ они его больно не заучили, вотъ чего я боюсь....

— Небось, матушка, тамъ все еота дѣлается по шлепорціи: то въ книжки читаютъ, то по Тверскому бульвару прокладываются.... Рабешокъ таширича, приѣрмо, стрекозъ ловить, а повернёры имъ по-заморскому: дыр-дыр-дыр; вотъ отчего анѣ вастѣйскую гравету даже позабываютъ.... Чуть лѣто настало, глядишь—въ газепахъ пишуть: такая-те барыня изволила въ Хранцію выѣхать, такой-то въ тальянцкій городъ Конференцію; да такъ вотъ всю жизнь по разнымъ Венеціамъ да Конференціамъ денежки прокатываютъ.... Вотъ въ еотомъ-то и есть самое просвѣщеніе.

Такъ рассуждали мужъ и жена, сбывши пріемыша.

— Мы его воспитаемъ совершенно по-аристократически, — говорила барыня гувернеру. — Во-первыхъ, отучите его отъ дурныхъ намеръ, непринятыхъ въ нашемъ высшемъ обществѣ.... Во-вторыхъ, онъ ужасно толстъ.... Развѣ прилично аристократическому ребенку быть толстымъ!....

— Не прикажете-ли поить его укусомъ? — спросилъ услужливый гувернеръ: — тогда живо похудѣтъ....

— Какъ знаете; ово конечно бы не мѣшало.... Цвѣтъ лица будетъ не такой мужицкій, красивый.... Да зашнуровывайте его хорошенько, чтобы у него была талія тоненькая-претоненькая!.... Давайте ему меньше ѣсть и спать, тогда изъ него выйдетъ настоящій аристократическій джентльменъ.... Главное, чтобъ у него была интересная блѣдность.

Сережу дѣйствительно начали подпавать укусомъ, шнуровать, давать разъ въ день одну тарелочку бульону и какое-нибудь крылышко рабчика.... Онъ свачала плакалъ, капризился, шарилъ по столамъ, не найдеть ли гдѣ хоть хлѣбной корки; но въ столахъ вездѣ было чисто.... Наконецъ онъ освоился съ своимъ положеніемъ, похудѣлъ и получилъ интересную блѣдность; онъ сталъ тонокъ какъ сѣрная спичка. Отъ прежняго Сережи не осталось и половинны.

— Вотъ когда онъ сдѣлался человѣкомъ!—замѣтила барыня, увидя его черезъ три недѣли. — Теперь его можно не краснѣя назвать дворянскимъ дитею.... Теперь надо внушить въ него благородную дворянскую гордость, спѣсь втолковать ему, что онъ аристократическій ребенокъ, сынъ какого-нибудь графа... Понимаете?

— Я непременно это внушу,—отвѣчалъ сладкимъ голоскомъ гувернеръ.

И дѣйствительно гувернеръ сталъ внушать все это. Поидеть ли Сережа на Тверской бульваръ, разряженный какъ куколка, гувернеръ всю дорогу твердитъ: «Держитесь прямо, не раскативайтесь: помните, что вы сынъ графа!... Не рвите цѣтовъ: это неприлично графскому сыну!» Захочетъ Сережа побѣгать по травѣ: «Что вы! что вы!» кричитъ гувернеръ: «да развѣ можно это дѣлать графскому сыночку!» Остановится Сережа поговорить съ какимъ-нибудь бѣдно-одѣтымъ мальчикомъ его лѣтъ, гувернеръ ужъ и кричитъ: «Ахъ, что вы, что вы! разговариваете съ такимъ оборванцемъ! Вѣдь вы этимъ унижаете графское достоинство!...»

Поправился Сережѣ сынъ кучера Проша, ему почти ровесникъ. Сережа сталъ часто видѣться съ нимъ, играть тайкомъ отъ гувернера. Разъ Проша предложилъ барченку сыграть съ нимъ въ бабки; Сережа вспомнилъ старину, поставилъ шесть гнѣздъ на конь, начали «задаваться» закидываться. У Сережи вышла плочка. Только-что онъ сшибъ гнѣздо съ невыразимымъ апетитомъ, какъ, откуда ни возьмись — гувернеръ. «Это что?!» закричалъ послѣдній, весь затрясшись, какъ осинный листъ, отъ гнѣва: «Графскій сынъ играетъ въ бабки, и съ кѣмъ же? съ мужикомъ!.... Поидемте къ «маменькѣ»! Я не могу этого скрыть.» Сережа упрался, умолялъ простить, доказывая, что тутъ нѣтъ ничего особенно дурнаго. «Какъ тутъ нѣтъ дурнаго?! Да что же можетъ быть хуже, унизительнѣе этого для дворянина, да еще графскаго сына!....»

Пришли на судъ къ «маменькѣ». Она чуть не упала въ обморокъ, узнавши въ чемъ дѣло.

— Посрамилъ, посрамилъ весь нашъ родъ! Видѣть его не могу!.... Уведите его, мосье, поскорѣе!... Фя! въ бабки играть съ мужичонкомъ! Отодрать сію же секунду на ковшушѣ Прошку.

передъ всей дворней: какъ онъ смѣлъ связываться съ барченкомъ? Какова дерзость! А Сережу посадить на хлѣбъ и воду.

Началась расправа: огласился дворъ воплями Прошки, истязуемого на конюшнѣ. Онъ оралъ благимъ матомъ подъ розгами, подпрыгивая чугъ не на аршинъ на скамейкѣ, какъ подпрыгиваетъ лещъ или сигъ, только-что пойманный и вытасненный на берегъ. Сережа трое сутокъ продежурилъ на хлѣбѣ и водѣ, запертый въ темный чуланъ, въ сообщество крысъ, мышей, пауковъ, которыхъ страшно боялся. Онъ даже прохворалъ недѣли три, послѣ этого похудѣлъ, сдѣлался еще тоньше, блѣднѣе, то есть похожѣе на аристократическаго барченка.

Г-жа Слостолюбцева двѣ недѣли «не могла видѣть» Сережу.

— Уведите, уведите его! кричала она, когда онъ попалался ей на глаза:—отъ него такъ и воняетъ мужицкимъ армякомъ!... Даже родителю Прошки досталось: барыня не велѣла сажать его на козлы, чему душевно радовался другой кучеръ Антонъ, который, по обычаю истинно-русскаго человѣка, постоянно подкапывался подъ своего товарища. Случалось верѣдко, что кучера подбрасывали мѣшки овса въ лари другъ другу и потомъ доносили тайкомъ дворецкому, приводили въ конюшню для уликъ. Кучера раздѣлялись на двѣ непріязненные партіи, въ родѣ вповъ и торъ. Сторону одного держалъ фореиторъ Филъка, а сторону другаго — Егорка. Между лакеями была тоже вражда. Они завидовали камердинеру покойнаго барина; камердинеръ завидовалъ дворецкому. Нечего и говорить, что дворецкій разыгрывалъ рѣшительно роль барина передъ прислугой. Оба старшіе лакея низкопоклонничали передъ нимъ въ глаза, что, однако не мѣшало имъ наушничать другъ на друга. Оба держали себя свысока передъ козачками, кучерами, какъ чистыми плебеями, 84-й пробы....

Когда съѣзжались къ барынѣ гости, то въ людской между пріѣзжими лакеями, кучерами соблюдалось точь-въ-точь такая же деградация, постепенность, каковая и между ихъ господами. Точно также размѣрялись поклоны и улыбки, сообразно степени богатства тѣхъ господъ, которымъ прислуга принадлежала. Ужъ въ чемъ въ чемъ, а въ отдаваніи чести по чину, по богатству, мы Европу за-попсы заткнули. Съ чутьемъ гончей собаки мы распознаемъ, чей карманъ толще, кто чиномъ выше. Да это у насъ

отпечатлѣвается на лицѣ, во всемъ такъ ясно, что не заглядывая и въ формулярный списокъ. Лакей, кучеръ богача только и знался съ лакеемъ и кучеромъ другаго богача. Равные съ равными важно сходились, пожимая другъ другу руки по-английски.

— Bonjour, мацъ!—говорилъ одинъ другому, погнрывая мѣдными цѣпочками. Оба вынимали изъ кармановъ луковичные часы, совершенно безъ всякой надобности....

— У васъ хромоногетръ, Евсѣй Елисѣичъ?

— Да-съ, хромоногетръ-съ, со спасскими минута въ минуту....

Да не то же ли мы самое замѣчаемъ и между чиновниками и всѣми служащими, гдѣ бы то ни было? Канцелярія ли, департаментъ ли, купецкое-ли опчество, артель ли, — тамъ дворянъ, гдѣ все рабоблѣтствуетъ передъ старшими, сильными, богатыми; чванится, спѣсвится одинъ передъ другимъ, роетъ другъ другу яму! Напрасно благомыслящіе либералы торопятся стереть съ лица русской земли слѣды прежняго рабства. Русскій человекъ удивительно склопенъ, по собственному влеченію, быть рабомъ, создавать себѣ царьковъ тамъ, гдѣ его никто объ этомъ не спроситъ, къ этому не принуждастъ.... Всякій, кто вершкомъ выше по значенію, рублемъ богаче — ужъ нашъ и царекъ, передъ которымъ мы унижаемъ, даже не ожидая никакой отъ него пользы, а такъ, изъ любви поплацаться, порабоблѣтствовать.... «Современные» начальники не требуютъ и соеой доли того чиновничьяго почтація, рабоблѣнія, какое выказываютъ передъ ними разные подчиненные: чиновники, даже военные.... О кунцахъ, крестьянахъ, мѣщанахъ и говорить нечего.... Я зналъ одного начальника, который по 40 разъ въ день доблѣлъ подчиненнымъ, чтобы они держали себя съ нимъ нѣсколько независимыи, благородныи, но никакъ не могъ вдолбить имъ этого въ головы: имъ все казалось, что вотъ-дескать поклонюсь повнже — меня и возвысятъ, донесу на другаго — меня и поставятъ на его мѣсто.

Когда Сережа попалъ въ опалу, его отсылали въ людскую, гдѣ онъ съ няньками, горничными ебѣдалъ, пилъ чай вибѣстѣ:

«По крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ этой спѣси», думалъ простодушный Сережа. «Они добрые простые люди, дѣлаютъ свое дѣло, ни передъ кѣмъ не задираютъ носовъ.»

Особенно понравилась ему нянька Ермолаевна, ходившая еще за самой барыней. Ее держали, цѣпань-кормили за прежнія за-

слуги; но никто изъ двора не могъ за вѣчную ворчливость, за постоянныя сплетни. Какъ старый вредешикъ, она постоянно сѣтовала на современное развращеніе нравовъ, на то, что нынче нѣтъ такихъ вѣрныхъ и усердныхъ слугъ, какъ прежде. Бывало, какая-нибудь Фитинья или Перепетуя возьметъ изъ сахарницы лишній кусокъ сахару, чтобъ допить чашку чаю, — старуха тотчасъ и кричитъ: «Что барской-то сахаръ лопать? Тебѣ только бы нажраться, а не понимаешь, что все это господанъ не даромъ достается!... Нѣтъ, въ наше-то время каждую барскую крошку приберегали!»

И при этомъ удобномъ случаѣ Ермолавна нарочне заведеть шумъ на всю людскую.

— Что ты, Ермолавна, шумишь? Барыня изволила преснутъся, — замѣчала входящая на шумъ горничная.

— За барское добро стою! Не дамъ въ обиду моей госпожи! Не догляди я, такъ здѣсь все растащутъ. Помри я, такъ тутъ и навѣсть что будетъ!

Но всѣ эти уловки оклеветать другихъ, а самой возвыситься, недолго имѣли успѣхъ. Всѣ, начиная съ барыни, скоро увидѣли, что Ермолавна — больше ничего, какъ злая, сварливая старушонка, которая въ свое время нисколько не хуже обрадывала господъ, чѣмъ нынѣшніе слуги, даже была и теперь непрочъ отсыпать тайкомъ чайку, утаить головку сахару. Вотъ въ это-то время, когда сослани Сережу, Ермолавна была совершенно въ опалѣ. Надо было ей найти какую-нибудь точку опоры, чтобъ снова возвыситься. Она знала, что барскій гнѣвъ на питомца скоро пройдетъ и онъ опять попадетъ въ милость.

— Голубчикъ мой родной, — привѣтствовала она его: — барское дитѣ! Вѣдь тебя здѣсь безъ меня голодомъ заморить, сударникъ ты мой! Вѣдь тутъ каждый норовитъ только самъ налонаться!... Не побрезгай моей холопской преданностью; я — старая холопка, знаю, что ты не намъ чета: и кровь-то въ тебѣ другая, дворянская протекаетъ, и душа-то не та, какъ у рабовъ. Не огорчайся, что барыня разгнѣвалась, все пройдетъ; гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Барскій гнѣвъ все равно что громъ божій!...

Такимъ сладкорѣчіемъ Ермолавна прибрала Сережу себѣ въ руки, повла - кормила его сама, даже таскала тайкомъ лакомства, разныя сласти.

— Кушай, дорогой, кушай! Вѣдь это все даровое; вѣдь я знаю, какъ это барыниѣ досталось отъ барыни; вѣдь не жилъ онъ съ ней, если хочешь знать, по-супружескому-то, — понимаешь?... *Самой любви то-ись* не было....

Такія-то мысли внушала восьмидесятилѣтняя старушка десятилѣтнему ребенку, который, потершись между купечкинымъ опчествомъ, приващиками, сидѣльцами, не могъ не понимать этого....

— Знаешь ли что я тебѣ скажу? — сказала однажды Ермолавна Сережѣ, когда уже достаточно убѣдилась, что онъ къ ней привязанъ.

— Что?...

— Ты знаешь ли, чей ты сынъ?

— Знаю: графа сынъ, а прежней маменькой купчихой былъ только принятъ. Наталья Александровна—моя тетенька; маменька и папенька умерли отъ холеры....

— Неправда!.... тебя надуваютъ.... французшишко поганый морочить; подученъ! Поклянись передъ божіей матерью, что никому не скажешь, что я тебѣ скажу!

— Да ужь будь спокойна, не скажу, — отвѣтилъ заинтересованный Сережа.

— Ну, клянись же!

И съ этими словами, Ермолавна сняла со стѣны образъ Богородицы, напустивши полкомнаты пыли отъ вербы, священныхъ янчекъ, которыя хранились у образа. Сережа поклялся, поцѣловалъ образъ и сталъ слушать Ермолавну. — «Помни, что тебя поразитъ громомъ владычица небесная, если ты кому откроешь, что это я тебѣ сказала. Эта религія по-вашему называется святая вѣра!...»

Сережа, начавши жизнь у купцовъ, не могъ никакъ быть либераломъ въ родѣ тѣхъ барскихъ сынковъ, которые, не читавши ничего, отвергають и Бога, и святыхъ, и все что угодно.... Значить нянька на этотъ счетъ могла быть спокойна.

— Ты, батюшка, вовсе не графской сыночекъ, какъ тебѣ напѣвалъ въ уши французъ проклятый. Отецъ твой не графъ, а губернскаго секретаря; отъ холеры никогда и не думалъ умирать, а былъ раздавленъ поллюбовникомъ барыни, который еще до ея замужства шѣлъ отъ нея сына.. . Мать твоя барыниѣ чу-

жая совсѣмъ, какъ и отецъ, и умерла нищенкой на мосткахъ отъ голоду и холоду....

Сережа пришолъ въ ужасъ отъ этихъ открытій: онъ хотъ былъ и десяти лѣтъ, но потершись за прилавкомъ у Синепуповыхъ, былъ опытиѣ своего возраста; такъ деревенскія дѣти, равно знакомыя съ голодомъ, холодомъ, лишеныя ласкъ вѣчно работающихъ родителей, кажутся передъ барскими дѣтьми какъ ни-то стариками... Барскій ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ, хохочетъ, а крестьянскій, и даже бѣднаго купца сынокъ, равно знакомый съ колотушками и подзатыльниками, «аксіосами», только стоитъ да смотритъ на всѣхъ исподлобья, ковыряя пальцемъ въ носу. Серезу хотъ и давно отучили ковырять въ носу и глядѣть исподлобья, но какъ круглый сирота, приемышъ, лишившійся родителей въ младенчествѣ, онъ былъ солиденъ не по лѣтамъ. Ермолавна, желая насолить старому своему врагу дворецкому, сдѣлала Бездольнаго навѣки несчастнымъ и была отчасти причиною безвременной его кончины. Дѣло въ томъ, что дворецкій былъ плутъ на всѣ руки, и будучи лакеемъ у Слостолубцевыхъ, умѣлъ разомъ угодить и барину, и барынѣ. Онъ одинъ зналъ про всѣ дѣлишки ея съ любовниками, зналъ и про ту исторію, какъ былъ задавленъ чиновникъ каретой одного изъ ея благопріятелей, но былъ молчаливъ какъ стѣна. Однако хитрая Ермолавна, слышавшая про это что-то, умѣла отъ него выпытать всю истину. Онъ пьяный выболталъ, какъ на духу, ей все. Пока она ладила съ дворецкимъ, — молчала; но попавши по его милости въ немилость, рѣшилась ему отомстить. Она знала, что Сереза не вытерпитъ, выскажется когда-нибудь передъ госпожей, но ее все-таки не выдастъ. Барыня тотчасъ подумаетъ на дворецкаго, потому что про эту забытую исторію задавленного отца Серези только и могъ знать одинъ онъ.

Расчетъ, какъ видите, тонкій. Дѣйствительно, такъ и случилось. Сереза, попавши даже въ милость къ госпожѣ, былъ всегда угрюмъ, задумчивъ, бѣжалъ отъ ея ласкъ. Сначала она недоумѣвала, чтó за причина такой неблагодарности къ ея благодѣяніямъ, тѣмъ болѣе въ ребенкѣ. Когда ему запрещали связываться съ «мужиками», напоминали, что онъ графскій сынчикъ, онъ отвѣчалъ:—«Какой я графъ! Я сынъ бѣдняка, котораго, какъ червяка на дорогѣ, придавили барскія лошади...»

— Откуда ты это узналъ? Кто тебѣ разсказалъ это? Пошли допытываться, перебрали всю дворню. Не на кого было подумать, какъ на дворецкаго. Сколько онъ ни клялся, ни божился, совершенно позабывши, что самъ пьяный же проврался передъ Ермолавной, но никто ему не повѣрилъ. Не могъ же открыть этого кучеръ, лошади котораго задавили отца Сережи, потому что какъ разгорѣлась исторія, онъ нарочно былъ сосланъ въ дальнія вотчины и сданъ въ солдаты.

Дворецкаго, какъ волнтся, прогнали; Ермолавна торжествовала, но недолго. Объявшись разъ манной кашей, умерла, У Сережи начали выпытывать, откуда онъ узналъ про отца, про свою мать, но онъ былъ безотвѣтенъ какъ кирпичъ. Видя его упорство, начали его пороть по три раза въ день, но онъ дѣлалъ все упорнѣе и упорнѣе. Возненавидѣлъ онъ барскій домъ, всѣ эти интриги, низости. Ему строжайше было запрещено разглашать объ этомъ, а онъ нарочно разглашалъ и встрѣчному и поперечному.

Стараясь все дѣлать наперекоръ и нареченной маменькѣ, и гувернеру, онъ нарочно выходилъ запачканный, засаленный къ гостямъ. Если ему этого не удавалось, онъ нарочно разрѣзалъ ножомъ рукавъ или что-нибудь, чтобъ показаться оборванцемъ. Когда какой-нибудь сладкоглазый мужъ, съ пряжкой за безпорочную службу, гладилъ его по головкѣ, онъ отвѣчалъ: «Чисты ли у васъ руки? Вѣдь вы сейчасъ изъ присутствія...» Другому гостю говорилъ: «Что вамъ до того, хорошъ я или нѣтъ! Вы пріѣхали пообѣдать; вамъ и безъ того дадутъ...»

Когда маменька говорила: — «Хочешь, Сережа, прокатиться со мной въ каретѣ?» Онъ отвѣчалъ: — «А быстро будете кататься?»

— Ухъ, какъ быстро!

— А сколько пѣшеходовъ задавите? .

— Это что?! спрашивала вся вспыхнувъ маменька. — На кухню! Надѣть на него мужицкій армякъ! Не давать ничего, кромѣ хлѣба и воды!

Сережа былъ радъ, что его отправляютъ на кухню: тамъ онъ не видѣлъ по крайней мѣрѣ приторныхъ улыбокъ разныхъ паразитовъ. Кучерá ему больше понравилась, чѣмъ лакеи: первые какъ-то чистосердечнѣе въ совершеніи низости, чѣмъ вторые. Они съ патріархальною наивностью обкрадываютъ господъ

на овсѣ и на сѣнѣ, доносить другъ на друга безъ всякой утонченной лжи. Лакеи-же — эти своего рода господа въ бывшемъ крѣпостномъ состояніи — переняли всѣ уловки, всѣ тонкости деньгокрадства. Кучера, сдѣлавши что-нибудь гадкое, хоть старались заглядить это постомъ: семь пятницъ не хлебали молока, воровали изъ кладовой восковыя свѣчи, чтобъ пожертвовать ихъ Господу Богу.... Наконецъ Сережа тутъ встрѣтилъ чистосердечныхъ фореиторовъ, патриархальнаго очень вора дворника. Но главное — ему было полное раздолье на знакомство съ мастеровыми сосѣднихъ домовъ, съ разными крестьянскими мальчиками, сыновьями сосѣднихъ дворниковъ, кучеровъ, извозчиковъ и пр. Онъ бѣгалъ тайкомъ въ слесарни, лудильни, къ портнымъ, сапожникамъ, — и сколько чистосердечія, сколько душевной чистоты нашелъ въ этихъ грязныхъ парнишкахъ и мальчишкахъ! Несмотря на то, что они воровали и говядину изъ горшка со щами, и хлѣбныя корки изъ стола, — они были безхитростные, съ теплою душою ребята.

Русскій человѣкъ имѣетъ удивительную способность таить золотыя качества души даже подъ самой грязной обстановкой. Его проступки не носятъ характера этой замысловатости, утонченности, которая показываетъ глубоко испорченную душу. Иной кажется дошелъ до послѣдней степени злодѣйства, запирается, хоть горло ему отрѣжь, при допросѣ слѣдователя, — но поговори съ нимъ простой необразованный человѣкъ тепло, чистосердечно — и онъ во всемъ откроется, признается, готовъ всѣмъ подѣлиться пополамъ съ добрымъ человѣкомъ, идти съ нимъ на какое угодно дѣло, стоитъ только сказать: «ну, братъ, чурá не выдавать одинъ другого!» Для человѣка, который десять разъ принималъ фальшиво присягу «въ судѣ», довольно побойться одинъ разъ, сказать: «вотъ-те Христосъ, не выдамъ!» — и онъ повѣритъ. Это что значить? Что нашъ черный народъ былъ запущенъ, заброшенъ, что даже добрыя графы, князья, барскіе сыночки, чиновники, вѣчно тянущіеся за высшимъ барствомъ, стыдился сказать мужичку порядочное человѣческое слово. — «Эй ты! следи туда-то! Какъ тебѣ бишь? подай то-то! прими то-то!» — вотъ и все. Вотъ отчего простолюдинъ, на всѣхъ степеняхъ сельскаго и городскаго быта — крестьянинъ, мастеровой — замкнулся въ самого себя, сдѣлался скрытенъ, недоувѣрчивъ, упрямъ. Вотъ отчего совершается столько злодѣйствъ, проступковъ, вовсе не изъ наклонности къ пре-

ступенямъ, а отъ невѣжества, крайней бѣдности, заброшенности, упорства.

Вотъ такъ и Сережа: подъ затрапезными халатами, черными, какъ сапожный варъ, рубашками онъ откопалъ столько добрыхъ, доврчивыхъ натуръ, что даже удивлялся, за что ихъ презираютъ? Они вѣчно трудятся, вѣчно приносятъ пользу: самый маленький—пятилѣтній клопъ, сынъ портнаго, сапожника—и тѣ бѣгаютъ босикомъ, въ одной рубашонкѣ въ двадцатиградусный морозъ, съ чайниками, набрать кипятку, грѣютъ утюги въ кузницахъ, въ трактирахъ. Всѣ, отъ мала до велика, трудятся съ пяти утра до полночи, шьютъ, тачаютъ, не разгибаясь—и за всѣ эти труды ходятъ вѣчно грязные, засаленные, босые, спятъ на грязномъ полу, безъ подушки, безъ тюфячка, ѣдятъ круглый годъ какой-то брандахлыстъ изъ капусты!... А между тѣмъ самъ хозяинъ, его прикащикъ щеголяютъ въ атласистыхъ чуйкахъ, казловыхъ сапогахъ, жрутъ цѣлый день пкру зернистую, семгу, выпиваютъ по два ведра чаю въ талантрахъ, спятъ на цѣлой горѣ тюфяковъ, перинъ, заводятъ любовницъ, покуриваютъ Папа-Николо. И трудъ столькохъ рукъ поглощается такими дармоѣдами за то только, что они были въ состояннн завести столарныя, слесарни, пекарни и мало-ли что!..

Но всего болѣе поражали Сережу лудильщики, слесари, сапожники, шорники, плотники. Цѣлый день копать, дымъ, вонь изъ печки отъ салныхъ горшковъ, отъ дратвы, вару, поту; грязь на полу на вершокъ, духота, нечистота... Негдѣ ни сѣсть, ни стать... «За что же—спрашивалъ себя Сережа—всѣ эти гувернеры, маменьки сѣкутъ, наказываютъ дѣтокъ, страшатъ ихъ словомъ «мужикъ», если какой-нибудь барченокъ подойдетъ къ такому труженнику? Чѣмъ-же ихъ лучше барскій сыночекъ, который весь день ничего ровно не дѣлаетъ, кзкъ только кушаетъ крендельки, конфетки, щеголяетъ въ цвѣтныхъ рубашечкахъ? Весь и трудъ состоитъ только въ томъ, что жуютъ да грызутъ, или вытвердятъ полстранички изъ книжки!..»

Сережѣ даже становилось стыдно передъ самимъ собой, что онъ, сынъ замершей вишенки, придавленнаго, какъ червякъ, отца, дармоѣдничаетъ, словно и въ самомъ дѣлѣ графскій сыночекъ. Онъ даже не могъ смотрѣть безъ омерзѣннн на этого пресмыкающагося передъ барыней своего наставника-гувернера,

на этих почтенных мужей съ вѣчными сахарными улыбками, расчесанными лысынами, надушенными париками... Особенно ему былъ тошенъ, какъ рѣдка варевая въ меду, какой-то сладенькой старичокъ съ орденами: онъ такъ привыкъ угождать съ дѣтства всѣмъ сильнымъ міра, что даже въ гостяхъ былъ услужливъ какъ въ департаментѣ. Рыжую трехшерстную кошку увидить—непремѣнно погладить, непремѣнно скажетъ:—«Какая хорошенькая кошечка!» Кавва попадетъ на глаза въ маменькиной гостиной, —«какъ прекрасно вышито! Кто это такъ чудно вышиваетъ?»—хотя давнымъ-давно знаетъ, что вышиваетъ хозяйка. Всѣ у него добры, всѣ у него прекрасны. Зайдетъ рѣчь о томъ, что будочникъ вышилъ пьяному три зуба, —сейчасъ отвѣтитъ: «всѣ мы не безъ слабостей!..»

Вотъ такимъ сластенамъ раздолье на нашей планетѣ! Хоть пѣлый вѣкъ сиди сложа ручки, только кланяйся во-время да тверди: всѣ добры, всѣ прекрасны... Когда сладенькій старичокъ звалъ Сережу, говорилъ: «поди, милое дитя, ко мнѣ», Сережа показывалъ ему или языкъ, или кукишъ. Хозяйка выходила изъ себя и опять его прогоняла съ глазъ, чего Сережа и добивался, тамъ онъ дышалъ свободнѣе. потому что могъ дружить, звать-ся съ кѣмъ хотѣлъ.

Ко всему этому онъ познакомился съ какимъ-то гимназистомъ старшаго класса, очень острымъ, умнымъ, наблюдательнымъ мальчикомъ, —вѣроятно потому-то и выгнаннымъ изъ гимназіи... Гимназистъ напитался разными либеральными идеями отъ какихъ-то студентовъ; поэтому, будучи семнадцати лѣтъ, судилъ объ людяхъ, объ жизни, какъ сорокалѣтній. Онъ носилъ Сережѣ, уже достаточно выучившемуся кой-чему, разные книги; иногда изъ трехъ-четыре-хъ словъ Сережа узнавалъ столько истинъ, какихъ гувернеръ не осмѣливался ему сообщить и въ десять лѣтъ...

Очень немудрено, что Сережа сдѣлался «либераломъ» и отпуская довольно острыя замѣчанія насчетъ маменьки, гувернеровъ и разныхъ почтенныхъ мужей.

— Маменька, говаривалъ онъ:—вы бы еще выписали изъ деревни горничныхъ три.

— Это зачѣмъ?

— Да мнѣ некому подавать платокъ... Одна горничная ме-

ва по утрамъ одѣваетъ, другая раздѣваетъ, третья на меня глядитъ, стараетъ...

— Молчи, дерзкій мальчишка, неблагодарная тварь!

— За чтожъ васъ благодарить-то? Не поторопись графъ Лежебоковъ къ вамъ, мой папенька былъ бы до сихъ поръ цѣль...

«Маменька» блѣднѣла отъ злости, но прогнать совѣтъ Серезу отчасти жалѣла, считая себя виновницею смерти его отца, отчасти стыдилась, чтобъ не вышло скандала, не узнали про исторію съ «задавленнымъ». Лежебоковъ даже высылалъ ей деньги, только бы она держала Серезу, для очищенія его совѣсти. Барыня, какъ богачка, денегъ отъ него не брала, а «ласкъ» отъ него, хоть взрѣдка, требовала... Наконецъ они рѣшили сбыть съ рукъ непокорнаго Серезу, — отправить его въ одну школу. Но и объ школѣ Сереза напугался самыми либеральными идеями.

— Знаю, говаривалъ онъ: — тамъ всему учать и ничему не выучиваютъ. Гораздо честнѣе сдѣлаться ремесленникомъ, — шить сапоги, фракы, дѣлать часы: въ часахъ и сапогахъ всѣ во всякое время нуждаются, а чиновники часто составляютъ для государства бремя. Это-то и порождаетъ безчисленное множество канцелярій, департаментовъ, легіоны чиновниковъ, которые составляютъ бремя и для народа, и для правительства. Если можно сдѣлать лѣстницу въ двадцать-шесть ступеней, къ чему ее дѣлать въ двѣсти-шесть?

Очевидно такія идеи были слышаны отъ гимназиста, а тотъ слышалъ ихъ отъ умнаго студента; а чѣмъ виновать студентъ, что былъ умонъ, что вычиталъ тайкомъ и явно эти идеи и выслушалъ отъ умныхъ профессоровъ? На то онъ и студентъ, чтобы знать все это: иначе ему и не слѣдовало быть студентомъ... Если быть ученымъ, образованнымъ, такъ вполне, а не въ половину, не по известной мѣркѣ... Наука не сапогъ, шитый на известную колодку, и чѣмъ больше ихъ знаешь, тѣмъ больше хочешь ихъ знать...

Вотъ этого педагоги «образцовой» школы не предвидѣли. Можете судить, могъ-ли составить себѣ карьеру Сереза въ такой школѣ, гдѣ успѣхи по наукамъ измѣряются чистотою сапогъ, а нравственность прилизанными хохолками!... Ну, натурально ему не повезло; его и выпихнули съ посредственнымъ аттестатомъ.

Разсказывать, какъ онъ не поладилъ съ робкими, какъ зайцы,

назирателями, наставниками—длинная, довольно невѣстная исторія. Лучше расскажемъ, какъ онъ, будучи двадцати лѣтъ, пропавшій самыми неудобоваримыми у насъ идеями, окунулся съ головой въ омутъ жизни. До сихъ-то поръ онъ былъ, какъ видите, несчастливъ, а ужъ теперь и говорить нечего.

Съ этой-то минуты и начинаются настоящія страданія Бездольнаго.

Выйдя изъ школы безъ гроша денегъ, съ незавиднымъ аттестатомъ, съ незавидными знаніями, онъ остался одинъ, какъ верстъ, на бѣломъ свѣтѣ. Слостолюбцева давно отъ него отступилась, особенно съ тѣхъ поръ, какъ графъ Лежебоковъ объявлялъ въ какомъ-то трактирѣ и номерѣ. Сивелуповъ взялъ гдѣ-то пай во виннымъ откупамъ и уѣхалъ съ своей супружницей на край Россіи. Что тутъ было дѣлать? Какой-то стрелецкѣ въ Москвѣ—которые дѣлой толпой стоятъ у Иверскихъ воротъ, предлагая за гривенникъ подать на кого-угодно жалобу, написать доносъ—научилъ его составить прошеніе, въ которомъ изложилъ всѣ обстоятельства его жизни. Бездольный по его совѣту поднялъ изъ праха дѣло о раздавленномъ отцѣ, къ крайнему неудовольствію того присутственнаго мѣста, въ коемъ оно было за навѣстную сумму погребено. Тогдашнія присутственные мѣста отчасти смахивали на кладбища, въ родѣ Смоленскаго, Волкова, на которыхъ явля въ которыхъ можно было похоронить какое угодно вопіющее дѣло,—стояло только не скупиться. Бездольный подалъ прошеніе какой-то особѣ, которая посвятила всю жизнь на заступничество за угнетенныхъ.

— Ахъ, скажите пожалуста, какое ужасное дѣло! воскликнула особа, когда Бездольный объяснилъ ей вкратцѣ самую суть.— Будьте увѣрены, что я его не оставлю безъ вниманія; понавѣдайтесь этакъ черезъ недѣльку.

Бездольный замѣтилъ, что у него нѣтъ ни гроша денегъ, что онъ долженъ буквально умереть съ голоду.

— А вотъ что: обратитесь въ комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ.

— Помилуйте, ваше—ство, я пѣшкомъ сегодня промолотилъ верстъ пятнадцать, у меня съ вчерашняго дня крохи хлѣба во рту не было... Защитите!

— А вотъ вамъ! сказала особа — и дала семьдесятъ-пять копѣекъ.

Бездольный съ голодухи такъ обрадовался, что принялъ это за семьдесятъ-пять рублей: купилъ мягкую сайку съ икрой, закушалъ, потомъ прошелся, опять захотѣлось ѣсть; онъ еще сайку съ икрой, такъ-что у него къ вечеру осталось только двадцать-пять копѣекъ. На эти деньги помѣстья не купишь, а городъ незнакомый. Шумъ, грохотъ катящихся каретъ, колясокъ, бездна разряженныхъ дамъ, кавалеровъ — такъ пахнетъ жизнью такъ хотѣлось бы самому развернуться въ какомъ-нибудь Печкина трактирѣ, а тутъ — двадцать-пять копѣекъ!

— Господи, что я буду теперь дѣлать? Гдѣ я буду ночевать? Время было лѣтнее. Онъ узналъ отъ кого-то на толкучкѣ близъ Лубянки, что московскіе *мазурики* имѣютъ круглый годъ безплатную квартиру на Прѣсенскихъ прудахъ, въ тамошнихъ гротахъ, въ Александровскомъ саду у кремля. Тамъ въ зимнюю стужу, прижавшись другъ къ другу голыми брюхомъ или спиной грѣются животнымъ тепломъ. Какъ въ четыре-пять часовъ утра ударять къ заутренѣ, всѣ, какъ благочестивые люди, отправляются къ заутренѣ, преимущественно въ Чудовъ монастырь, а женщины въ Вознесенскій въ кремль. Тамъ лучше согрѣться можно, чѣмъ въ церквахъ, потому что церковь очень тепло топится для монаховъ и монахинь. Тамъ, у тепло-натопленныхъ печекъ они засыпали и подъ видомъ земныхъ поклоновъ даже начинали похрапывать. Являлся церковный привратникъ и выгонялъ ихъ вонъ.

Такъ, или въ этомъ родѣ проводилъ время и Бездольный. Нечего говорить, несладка эта жизнь! Онъ совался и туда, и сюда, чтобъ получить какое-нибудь мѣсто, хоть прикащика въ лавкѣ, но всѣ купцы, увидя по манерамъ, по выговору, что онъ дворянинъ, отвѣчали:

— Нѣтъ-съ, ефотаго мы не можемъ-съ! Вы не сволодай мужикъ, вамъ несходственно у нашего брата служить. Я-жъ, подвыпивши, люблю загнуть красное словцо-съ, въ зубецъ захватъ къ прикащику, а какъ же я это съ вами сдѣлать осмѣлюсь? Вы, ваше благородіе, жалобу начнете заправлять, меня по полиціямъ затаскаютъ...

— Ничего и въ зубецъ!... Чтожъ дѣлать! Я бѣдный дворянинъ, значить мнѣ и это перенести можно... Ужь лучше это вытерпѣть, лишь бы не умереть съ голоду... Вѣдь я берусь служить въ должности мужика, — значить вы и можете обходиться со мной какъ съ мужикомъ...

— Все робость будетъ брать, ваше благородіе!... Вы воспитанія великательнаго, нашъ братъ долженъ только вамъ поштенство отдавать, шляпу ломать, а не брать васъ подъ начало...

Все это купчикъ говорилъ не безъ примѣси ироніи. Онъ, выдравшись изъ мужичковъ, радъ былъ потѣшиться надъ дворянствомъ хоть въ лицѣ одного.

Бездольный пошелъ просить мѣста у какого-то барина, вѣчно объѣдавшагося и путешествующаго по богомольямъ.

— Бога-ради возьмите меня хоть въ дворники!

— Ахъ, что вы, что вы! Дворянина? Да я благоговѣю передъ дворянствомъ, никому не дамъ наступить на ногу благородному человѣку!

— Ну вотъ и прекрасно; такъ и примите меня, хоть дворецкимъ.

— Не могу-съ!

— Ну, хоть дворникомъ.

— Ахъ что вы, что вы! Я благоговѣю передъ дворянствомъ; а самъ *столбовой!*

— Такъ помогите хоть чѣмъ-нибудь: я просто умираю съ голоду.

— Какъ! дворянинъ чтобъ умеръ съ голоду... Этого не можетъ быть!

— Клянусь вамъ, не лгу, — отвѣчалъ Бездольный, чуть не плача.

— Не можетъ быть, не можетъ быть, чтобъ изъ самаго почетнаго сословія человѣкъ дошелъ до этого! Да у васъ дворянство первую роль играетъ!

— Дуракъ ты, дуракъ! сказалъ Бездольный съ досады, плюнулъ и пошелъ.

— Нѣтъ, повѣду лучше въ Петербургъ. Москва дура; она только и способна объѣдаться калачами. Откармливая на-убой

странниковъ, не подаетъ куска хлѣба дворянину, въ томъ убѣжденіи, что ваши дворяне всѣ золотые рудники имѣютъ. Не люди, а бараны!.. Скорѣй, скорѣй въ умный Питеръ! Тамъ хоть мѣсто себѣ прищипу, правды дождусь!

— Прочь всѣ либеральныя идеи! воскликнулъ однажды Бездольный. — Займусь лучше службой, поѣду въ Петербургъ; онъ, батюшка, всѣхъ поить и кормить, всѣмъ даетъ мѣста... Однихъ благодѣтельныхъ приютовъ, человѣколюбивыхъ комитетовъ—какъ бобовъ на тарелкѣ...

Имѣя всего одну синюху, онъ рассчиталъ такъ: четыре рубля отъ Москвы, въ третьемъ классѣ. Всѣ эти обѣды, супы тюрлюрюлю кусаются, чортъ возьми; а возьму-ка я колбасу съ чеснокомъ за двѣнадцать копѣекъ, да полторы косушки водки—вотъ оно и будетъ довольно на цѣлыя сутки. Сказано, сдѣлано. Приѣхалъ въ Петербургъ акурать съ пятьюдесятью-восемью копѣйками. На эту сумму нужно было прожить до пріисканія мѣста. Здѣсь вѣдь мѣста даются живо: нѣтъ ни проволочекъ, ни взятокъ, дѣлопроизводство быстрое, правосудіе величезное. Тутъ бѣдняку не дадутъ загуляться долго безъ мѣста: день, два — и опредѣленъ! Завтрашній день отправлюсь въ любое человѣколюбивое общество, мнѣ и отвалить рублей сто; да если я каждый день обойду по одному всѣ эти человѣколюбивые комитеты, да буду собирать каждый день, кромѣ табельныхъ и воскресныхъ, по сту, даже по пятидесяти рублей—такъ тысяча наживу! Ужъ меньше пятидесяти нигдѣ не дадутъ: совѣстно будетъ... Ну, если гдѣ и влѣпятъ двадцать-пять — и то примемъ!...

И вотъ Бездольный, облекшись въ единственный свой сертучокъ, является въ какой-то комитетъ. Парадная лѣстница—чудо! Вездѣ скамейки, скамейки, желтыя подъ лакъ, швейцаръ саженого роста у дверей — все какъ слѣдуетъ.

— Гдѣ здѣсь получаютъ деньги? спросилъ Бездольный у швейцара.

— Какія деньги? спросилъ въ свою очередь тотъ, вышуча глаза.

— Да бѣдные, для пособій?

— Здѣсь только даютъ хворымъ, старымъ, да и то надобно мѣсяца три походить...

— Ты, братецъ, ничего не знаешь: такъ было прежде; а теперь, съ половины пятидесятихъ годовъ, настали другія времена... Развѣ не читалъ въ газетахъ?

— Извольте подать прежде просьбу вице-директору, отвѣтъ швейцаръ, — а тамъ увидите...

Бездольный вошелъ въ приемную залу съ паркетными полами. Всѣ стулья были унижены просителями, какъ кресты церковей галками, когда онѣ, неуспѣвши еще устыться въ гнѣзда, сидятъ и на трубахъ, и на крышѣ, и на шпиглѣ колокольни, и даже на тѣхъ цѣпочкахъ, что свѣшиваются съ крестовъ старинныхъ церковей.

— Скоро будутъ раздавать пособіе? спросилъ Бездольный у какой-то старушки, которая уже подавала семьдесятъ-седьмое прошеніе...

— Какое, батюшка, пособіе! Его еще вы черезъ три мѣсяца получите, да и то если разрѣшать, — отвѣчала старушка.

— Да какъ же бѣдному-то съ голоду умирать придется?

— Какъ знаете, батюшка; объ этомъ не спрашиваютъ.

Между тѣмъ изъ однихъ дверей въ другія сновали чиновники съ такими озабоченными лицами, какъ-будтобы у нихъ было на рукахъ цѣлое министерство, а между тѣмъ всего и дѣла-то было, чтобъ перенести бумагу съ одного стола на другой... У насъ чиновники удивительно какъ умѣютъ принимать озабоченный видъ, даже и тѣ, которые всю службу бьютъ баклуши, прилепившись къ какому-нибудь благодатному мѣстечку. Всего болѣе поразилъ Бездольнаго чиновникъ, вертлявый какъ только-что посаженный въ звѣринецъ орангутангъ... Онъ съ удивительнымъ самоуслажденіемъ разговаривалъ съ какой-то дамой на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ. Видно было, что его давно томилъ страшный апетитъ поговорить съ кѣмъ-нибудь по-французски, и онъ радъ былъ радешенекъ, что изъ сотни просителей нашлась хоть одна такая дама, которая знала этотъ языкъ.

— Пожалуйте въ кабинетъ къ его превосходительству, сказалъ онъ ей, указывая рукой на дверь такъ же величественно, какъ бронзовый Петръ-великій на санктпетербургскій университетъ.

— А насъ-то когда позовутъ получать? спросилъ Бездольный у какого-то отставнаго офицера въ засаленномъ пальтишкѣ, который постукивалъ чуть-чуть своей деревяшкой вмѣсто оторванной ноги.

— Пообождите, это не такъ скоро будетъ.

Между тѣмъ просители хранили гробовое молчаніе: видно было, что имъ не въ первый разъ приходилось дожидаться въ этой пріемной. Часы какими-то невыразимо пріятнымъ боемъ пробили одиннадцать, двѣнадцать, часъ, наконецъ пробили два, что-то въ нихъ щелкнуло, словно языкомъ, словно сказало: «будеть! или вѣтъ, стой, не смѣй бить больше!» — и послышалось чуть слышное: тшш! Дамы тотчасъ начали оправлять свои шали, охорашиваться передъ зеркаломъ, а отставной офицеръ смахнулъ на Бездольнаго клѣтчатымъ засморканнымъ платкомъ всю пыль и табакъ, бывшіе на его вицмундирѣ; за дверью послышались легкіе шаги его превосходительства; какой-то чиновникъ бросился отворять двери, его чуть не сшибъ съ ногъ бросившійся сторожъ, сказавши: «позвольте!» и наконецъ тихо, безъ шума показало его превосходительство—миловидный старичокъ со звѣздой на груди.

— Вы? вы? вы? спрашивалъ онъ вѣжливо, нѣсколько наклоняясь къ прилично одѣтымъ дамамъ.

У одной, вѣроятно нѣмки, тотчасъ заморгали вѣки, показались на глазахъ слезы акурать въ ту минуту, какъ его присутствие взялъ изъ ея рукъ просьбы. — «Ихъ битте! ихъ битте!» шептала она, разомъ и моргая, и вытирая слезы, и доставая какую-то бумагу изъ ридикюля.

— Фунѣнихъ рубель! сказалъ лаконически начальникъ, обращаясь къ чиновнику.

Чиновникъ тотчасъ пояснилъ шопотомъ дамѣ:—Это вамъ невзначей, сударыня, до окончательнаго рѣшенія вашего дѣла.

— Ого! подумалъ Бездольный:—на ней одно платьѣ стоить рублей сто, да и то отвалили пятьдесятъ, а ужъ имѣ-то вѣрно сто закатятъ, какъ я скажу, что моего отца задавили, а мати замерзла.

Къ генералу подступилъ, какъ къ образу, отставной офицеръ

и началъ: явите божескую милость: жена, семеро дѣтей... и прочее.

— Отказать! сказалъ генералъ, не слушая его и отдавая его просьбу чиновнику.

— Не удалось и нынче, чортъ возьми! шепнулъ онъ Бездольному совершенно равнодушно:—вотъ семнадцатый разъ такъ позволю!...

— Вы? спросилъ генералъ.

— Такъ и такъ, отвѣчалъ Бездольный:—бѣдный человекъ, на хлѣбъ даже не хватаетъ, черезъ отца кони перѣехали, мать нищей умерла...

— Такъ вы просите на леченье?

— Нѣтъ-съ, его совсѣмъ до смерти раздавили.

— А! такъ и прекрасно!... Не мучится по крайней мѣрѣ, сердечный.

— Не откажите, ваше и — ство, мнѣ-то хоть въ пособіи. Родителя какъ муху приплюснули, родительницу заморили голодомъ, а правосудіа не получивъ.

— Ихъ нѣтъ, такъ ли?

— Нѣтъ, ваше и — ство, такъ точно.

— Такъ и заботиться не объ чемъ: они лежатъ, хлѣба не просить, а вы такъ молоды, что сами можете заработать себѣ хлѣбъ.

Сколько Бездольный ни доказывалъ, что терпитъ невинно, генералъ отказалъ наотрѣзъ.

Здѣсь не удалось, въ другомъ мѣстѣ удастся!

Является въ другое мѣсто: такая-жъ чистота, ковры на лѣстницѣ, благоуханіе казенной смолки, такіе-жъ чиновники съ озабоченными физиономіями, опять отлично разодѣтыя просительницы-нѣмки въ сторублевыхъ платьяхъ, то-же «всѣхъ битте», тѣже «фуницхъ рубель» — въ родѣ сказки про бѣлаго бычка.

— Понавѣдайтесь этакъ недѣльки черезъ три; оставьте просьбу. Авось что-нибудь и получите. Какъ рѣшить комитетъ.

Пришелъ Бездольный черезъ мѣсяцъ. — Ну ужъ. теперь на-ѣрника получу! думалъ Бездольный; даже бумажникъ купилъ у столыка на послѣдній полтинникъ.

— Ваша просьба еще не поступала въ комитетъ. Понавѣдай-

тось этакъ черезъ мѣсяцъ или черезъ полтора—это еще лучше...

Бездольный плюнулъ и пошелъ...

— Чѣмъ теперь буду дѣлать? думалъ Бездольный, идя домой. — Надо за квартиру пять рублей заплатить; жевать что-нибудь, а денегъ ни гроша. Экой я дуракъ, что купилъ бумажникъ!

Не успѣлъ онъ пройти и половины Литейной, какъ у него засверлило подъ ложечкой и страшно захотѣлось ѣсть. На него встали пахнуло изъ какого-то подвала тепломъ и чѣмъ-то жаренымъ на маслѣ. На плитѣ шипѣли претивни съ жаркини; поваръ въ бѣломъ колпанѣ и фартуѣ суетился около плиты. Бездольному страшно захотѣлось ѣсть.

— У меня кажется гривенникъ былъ въ карманѣ. Да, былъ, подумалъ онъ. Онъ сунулъ руки въ карманы—задніе, боковые, но въ нихъ ничего не было, кромѣ хлѣбныхъ крошекъ; даже положенная въ жилетъ денежка для счастья, и та провалилась сквозь образовавшуюся въ карманѣ дыру.

— Вотъ здѣсь какіе благотворители! думалъ Бездольный: — в чѣмъ меня чортъ несъ сюда? Какъ я покажусь квартирной хозяйкѣ?

Чѣмъ больше онъ шелъ, тѣмъ больше сосало подъ ложечкой. Ему казалось, что онъ бы могъ теперь съѣсть цѣлый лотокъ съ сайками, со всей икрой, даже съ самымъ продавцомъ, если его зажарить. Въ него начинала уже закрадываться мысль о томъ, не попроситъ ли у кого-нибудь займы, на честное слово, хоть десять копѣекъ? Но кто-жъ дастъ незнакомому челоуѣку на улице? возражалъ разсудокъ... Не зайти ли попросить у лавочника какого-нибудь? — Да вѣдь это будетъ милостыня! Я все же дворянинъ, сынъ хоть бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, и на кой дьяволъ я родился дворяниномъ? Зачѣмъ меня брала къ себѣ эта барыня? Зачѣмъ втемяшили мнѣ въ голову эту глупую барскую спѣсь, которая бѣдному не приноситъ никакой пользы, а между тѣмъ связываетъ по рукамъ и по ногамъ? И въ школѣ вдалбливали: то неприлично дѣлать, другое неприлично,—а дали ли какія-нибудь средства къ жизни? Держали-держали на паркетѣ, кормили на серебрѣ да на фантоѣ — и вывихнули ни за что, ни прочто! Не знай я этихъ серебряныхъ сервизовъ, лаковыхъ блюдъ, паркетныхъ половъ, а бы куску черстватаго хлѣба

былъ радъ. Мужикъ во сто-тысячъ разъ счастливѣе дворянина: нѣтъ денегъ—взялъ топоръ за-поясъ да и пошелъ рубить дрова, возить съ барокъ кирпичи. А вѣдь меня сдѣлали совершенно безрукимъ. Науканъ путно не научили, а пилу, долото, шило изъ рукъ рвали: сты-де дворянинъ! это неприличное занятие! ахъ, какой срамъ! что скажутъ, если тебя увидятъ съ дратвой, иглой въ рукахъ!» Да чортъ ли мнѣ въ томъ, что про меня скажетъ общество!

Подкрѣпившись такой рѣшимостью, онъ было рванулся въ какую-то портерную, но какъ на грѣхъ, проходилъ мимо чиновники. «Неловко какъ-то! подумалъ Бездольный: лучше пообожду!» Только-что прошли одни, наплыли другіе: какая-то дама словно выросла изъ земли и какъ нарочно остановилась. Наконецъ прорѣдѣло на тротуарѣ. Бездольный заглянулъ въ окно: портерная была полна народу. — Нѣтъ, ужъ я никакъ туда не пойду! Ну какъ при всѣхъ буду просить милостыню? Я вѣдь дворянинъ!... Тьфу! чортъ бы побралъ это дворянство: оно только связываетъ челоуѣка, не даетъ ему шагу ступить. Да что мнѣ далась портерная? Зайду лучше въ молочную лавочку... Нѣтъ, не пойду въ молочную лавочку: туда всякій обродъ ходить, еще осудятъ: скажутъ — дворянинъ... Пойду лучше въ магазинъ... Да и въ магазинъ неловко: тамъ разодрѣтые прикащики, на зубокъ подымутъ, снажутъ, до чего дошло дворянство-то!...

— Экая досада! Куда ни сунешься, вездѣ мѣшаетъ «дворянинъ». Рѣшусь идти въ трактиръ, тихонько попрошу у буфетчика... А какъ онъ скажетъ: «что вамъ угодно?» Вѣдь безъ ножа зарѣжетъ. Нѣтъ, лучше отложу, какъ-нибудь перетерплю, приду попозже домой, чтобъ хозяевъ застать спящими... Пойду пошатаюсь въ паркѣ: тамъ окурковъ отъ паниросъ много валяется, хоть затнусь разокъ-другой...

И при этой новой мысли Бездольный, взмученный, голодный, съ растертыми въ кровь ногами, побрелъ по направленію къ крѣпостному парку. Долго онъ шелъ глубоко задумавшись, наталкиваясь безпрестанно на пузатыхъ баръ, чинно прогуливающихся съ своими супругами, наступалъ на подолаы, на пышную юнкі барынь, изъ которыхъ каждая занимала всю ширину тротуара. А у нихъ еще есть глупая привычка ходить по двѣ, по

три въ-рядъ, останавливаться, чтобъ потараторить о прошивочкахъ, повреточкахъ, о беременности какой-нибудь Агафьи Лукинашны. Ну, не досадно ли это? Бездольный былъ страшно голоденъ, поэтому и золь. Онъ дошелъ ужъ до Казанскаго, какъ вдругъ у него зародилась другая мысль: а не сбурить ли мнѣ что-нибудь на Аяраксинѣ? Что у меня есть лишняго? Сертукъ—одинъ, шляпа—одна... Жилетъ развѣ?... Да какъ же безъ жилета? А чтожъ больше—развѣ платокъ?.. Ну, за платокъ много ли дадутъ! Гривенникъ, да и того не дадутъ, потому что онъ весь засморканъ, да еще и дырка въ самой серединѣ... Нѣтъ, лучше что-нибудь такое, чего бы не было видно, есть ли оно, или нѣтъ?.. Развѣ невыразимые?.. Да вѣдь они всѣ въ дырахъ... Скверно! А вѣдь не пѣвши я, пожалуй, и не доберусь до Петербургской,—просто копынки подгибаются!.. Господи, съ какими бы удовольствіемъ я теперь хотъ кусокъ чернаго хлѣба съѣлъ!.. И нить какъ хочется!.. Хотъ бы копѣйка на кислые щи была... Вотъ горе-то! Впрочемъ нить-то не стыдно и попросить; кислыхъ щей не дадутъ, а водой-то всякій русскій человекъ напоить. Въ Россіи еще никто отъ жажды и отъ голоду не умиралъ...

Съ этими мыслями Бездольный вырнулъ въ первую попавшуюся на глаза лавочку.

— Дайте мнѣ пожалуста чего-нибудь напиться; смерть пить хочу!—сказалъ Бездольный, не теряя дворянской важности.

— Чего прикажете, кислыхъ щей бутылочку, или—баварскаго кваску?

— Нѣтъ, мнѣ дайте просто воды: всѣ эти квасы, кислые щи мнѣ страхъ какъ надобли.

— Мы-съ воды-съ не держимъ; квасу прикажете на грошъ?

— Да у меня мелкихъ-то нѣтъ... Все двадцатипятирублевая... Нельзя ли такъ дать квасу?

— Даромъ мы не даемъ; этакъ цѣлый городъ придетъ квасъ пить. Мы тоже его не даромъ получаемъ.

Бездольный, красный какъ ракъ, выскочилъ изъ лавки, направился къ другой.

— Ну, этотъ свинья попался. Попробуемъ у этого.

И опять тотъ-же отвѣтъ: — Мы воды здѣсь не держимъ, а штей бутылочку, или квасу баварскаго — съ превеликимъ удовольствіемъ.

Такъ бѣдняга, томимый жаждою, обошелъ всѣ лавки и нѣгдѣ не дали стакана воды... Истинно говорю вамъ, читатель, что въ Петербургѣ, такомъ богатомъ водою, можно смѣло умереть отъ жажды, особенно если ноги не дотащутъ до рѣки. Голодъ Бездольнаго и жажда достигли своего апогея, когда онъ повернулъ по Садовой.—Что же я продамъ? Вѣдь ничего нѣтъ такого... Развѣ рубашку? Вѣдь она довольно крѣпкая и честая; я всего-то *три недѣли* ее и носилъ... Но какъ же ходить безъ рубашки? Дома есть одна, да и та въ стиркѣ... Ну, дойду какъ-нибудь и безъ рубашки...

Вступилъ Бездольный на толкучку. Какъ бушующее море стиснула его со всѣхъ сторонъ толпа и внесла съ людскимъ потокомъ прямо къ самому развалу.

— Баринъ, баринъ! не продаете ли чего-нибудь? Вотъ я бы продалъ, сударь, славные панталончики, вамъ какъ-разъ въ самую стать.

— Вотъ у меня калошки-съ, сапожки-съ, пожалуйста-съ! Ваша больно стары-съ. Хотите, обмѣняю? Не дорого возьму-съ!

— Сбитень хорошій! Подходи, братцы!

— Пирожки горячи, съ самаго пылу! Кавалеры, подходи.

Все это толкалось, протискивалось, спорило, ругалось. Проходилъ порядочно одѣтый баринъ.—на него, какъ злыя шавки, кидались апраксинцы, тянули его за полы, за рукава: каждый въ одну секунду пересчитывалъ всѣ вещи, какія у него были въ лавкѣ, и въ то же время успѣвалъ *охаить* товаръ у сосѣда.

— Не покупайте, сударь, у него: онъ надуетъ васъ.

— Нѣтъ, врешь ты, мошенникъ. У тебя все гниль да дрянь.

Эти сцены напоминаютъ нашу журнальную критику, а заманиванье въ свою лавочку — тѣ объявленія, какія дѣлаютъ ея редакторы при началѣ года...

Какъ же продать рубашку, какъ ее скинуть? думалъ Бездольный: вѣдь среди рынка не станешь до-гола раздѣваться. Долго онъ бродилъ, наконецъ увидѣлъ какой-то длинный сарай, въ который то и-дѣло вырвалъ народъ. Онъ въ него... Тутъ онъ засталъ много такихъ переодѣвающихся и послѣдовалъ ихъ прищру.

— Не продаете-ли, баринъ, рубашку-то? спросила у него какая-то тряпичница, торгующая среди самаго развала. У нея

не было ни ланочки, ни шкапчика, ни столика, а больше ничего, какъ куча всякаго хламу, въ родѣ плюшкинской. Тутъ были и подковы, и старыя голенища, и поярковыя шляпы, и опорки, и разноцвѣтные лоскутки.

— Чтó стоитъ?

— Тридцать копѣекъ.

— Э! да на нее мыла-то надо истратитъ на гривенникъ, ее и не отстираешь. Десять копѣекъ!

Бездольный сначала было покарячился, потомъ отдалъ за гривенникъ; тотчасъ же купилъ на двѣ копѣйки рубцовъ, торговка накрошила въ чашку, полила хрѣномъ, дала хлѣба на копѣйку.

Бездольный какъ поѣлъ, почувствовалъ еще большій ацетитъ: стоять только раззадорить пустой желудокъ. Онъ еще повторилъ закуску — шести копѣекъ и нѣтъ. Тутъ, какъ нарочно, подвернулся мороженщикъ. Было жарко, Бездольный спросилъ стаканчикъ въ копѣйку. Чтó остается дѣлать съ тремя копѣйками? А идти далеко, — на другой конецъ города.

Ужъ жилетку кстатн по-боку! думалъ онъ. — Право, по-боку жилетку. Вѣдь не умереть же съ голоду!.. А чтó завтра будетъ? Вотъ оно къ завтраму-то копѣйка и пригодится. Ужъ за одно продавать-то; не десять же разъ ходить продавать; сапоги и такъ пить просить. -- Онъ опять въ тотъ же пріятный сараичикъ...

— Баринъ, а баринъ! Не продаешь ли жилетъ? Чтó стоитъ?

— Я за него полтора рубля далъ самъ.

— Мало-ли что вы дали, а онъ больше пятнадцати копѣекъ не стоитъ.

Бездольный вспыхнулъ отъ такой безсовѣстной оцѣнки!

— Ты вѣрно никогда и не носилъ жилетки, что такъ цѣнишь!

— Жилетки точно не носилъ, а вотъ рубашки, такъ всегда, — сказалъ обидѣвшись торговецъ, поглядѣвши пристально на спину Бездольнаго.

— Это что значить? подумалъ Бездольный: — неужели видно, что я безъ рубашки? — Онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ огромную прорѣху, потому что рукавъ былъ до половины оторванъ и швъ-подъ сукна сверкало голое тѣло. Вѣтру не было, не продувало, онъ и не слышалъ. Ему стало такъ стыдно, что онъ го-

тогъ былъ сквозь землю провалиться; ему казалось, что весь Петербургъ знаетъ, что на немъ нѣтъ рубашки. Онъ метался туда и сюда, но вездѣ было много народу. Нѣкоторые замѣчали: «Эхъ, баринъ, баринъ! Зашилъ бы рукавъ-то: голое тѣло гладить! Али до того допился, что и рубашки-то спустилъ?..»

Проходящія по улицамъ благонамѣренныя дамы подъ ручку съ супругами, краснѣли, опускали глаза въ землю при видѣ такого скандала.

— Должно-быть горьчайшій пьянчуга! замѣчали незнакомые съ нуждою люди или скоро позабывшіе, что были въ нуждѣ: имъ всегда кажется, что бѣдность происходитъ непременно отъ пьянства, отъ безпутной жизни. Вѣчно живя на всемъ готовомъ, часто на казенной квартирѣ, на отличномъ жалованьи, они не понимаютъ, какъ человекъ можетъ оборваться до такой степени. Тотъ самый чиновникъ, который вчера ходилъ съ разодранными локтями, безъ сапогъ,—нынче, получивши мѣсто, осуждаетъ своего собрата, все приписывая пьянству, безпутству.

— До чего дошелъ человекъ, до чего палъ! разсуждаетъ всякій лежебока, допивая пятый стаканъ пуншу.

— Экой развратъ нынче завелся въ Петербургѣ! говоритъ другой, а самъ черезъ полчаса ѣдетъ на танцевальный вечеръ, привозитъ, тайкомъ отъ жены, какую-нибудь камелію изъ Фоварнаго или изъ Средней Мѣщанской... Сегодня не подастъ стакана воды умирающему отъ жажды собрату, зная, что его же черезъ недѣлю выпрутъ изъ должности за тупоуміе, низкое раболѣпіе, велитъ всѣхъ бѣдняковъ гонять съ своего крыльца. Пршла недѣля, слетѣлъ съ мѣста—и дѣлается такимъ добренькимъ, такимъ жаркимъ заступникомъ за поправныя права человечества; а получи онъ же самый опять мѣсто—опять задеретъ носъ... Вѣчное раболѣпіе передъ богатыми, пресмыканіе передъ сильными и вѣчное безчувствіе, доходящее до презрѣнія къ бѣдняку!.. Никто не хочетъ войти въ положеніе несчастнаго, поставить себя на его мѣсто, вспомнить, чѣмъ самъ онъ былъ прежде. Кчему-жъ послужить весь нашъ прогрессъ, всѣ благи мѣры правительства, образованныхъ людей имперіи, когда мы на каждомъ шагу роемъ яму другъ другу, когда въ насъ нѣтъ самыхъ основныхъ человѣческихъ понятій? Всѣ эти академіи, ученые комитеты, роскошь извѣстныхъ слоевъ общества, много-

этажные дома въ трехъ-четырехъ уголкахъ Россіи, кафе-рестораны, вокзалы, разныя затѣи на западный манеръ — передъ большинствомъ грязнаго, оборваннаго, невѣжественнаго, немытаго, небритаго, живущаго въ дымящихъ лачугахъ народа—пуфь!

Это не мои мысли, читатель; гдѣ намъ смѣть свое сужденіе имѣть! Это мысли Бездольнаго, нигдѣ не напечатанныя, ронившіяся въ его головѣ, когда онъ закоулками, проулками пробрался домой, на Петербургскую.

Пришедши домой, онъ нашелъ и ворота, и квартиру закрытыми. Сколько ни стучался, только лаяли встревоженные собаки, имъ дружно вторили жучки, барбосы, такъ что вся Петербургская представляла одинъ собачій концертъ. Ничего не оставалось, какъ перелѣзть черезъ ворота. Но едва онъ сталъ спускаться съ забора на дворъ, какъ проснувшійся дворникъ схватилъ его за ноги.

— Воры, воры! караулъ! закричалъ онъ:—вотъ я тебя скручу!

Насилу увѣрилъ его Бездольный, что онъ здѣшній жилецъ. Однако Бездольному досталось и по сивѣ, и по бокамъ, пока дворникъ расчухался и узналъ Бездольнаго въ лицо.

— Гдѣ тебя черти носятъ? спросилъ сердито хозяинъ, отпирая дверь.—Убиррайся! чтобы завтра же тебя не было! А не то всё твои лохмотья вышвырну за ворота. Просмердялъ только коморку!..

— Евсѣй Пантелѣичъ, подождите-съ! я право не виновать-съ.. И при послѣднихъ словахъ Бездольный зарыдалъ. Голодъ, усталость, чувство затаенной обиды, безнадѣжность въ будущемъ—все это разомъ прихлынуло къ сердцу. Между тѣмъ проспавшись, хозяинъ, отставной сенатскій регистраторъ, продолжалъ:—Еще чиновничка! Какой ты чиновникъ! Сравнишь только дворянское званіе!.. Завтра чтобъ твоимъ духомъ не пахло! Еще пожалуй воровъ подведешь, до нитки обчистишь!

— Чтѣ это покою нѣтъ отъ этого жильца! запищала проснувшаяся хозяйка.—Какъ я почну тебя ухватомъ валять, такъ будешь знать, какъ по ночамъ бродяжничать.

Долго эта мегера бранила Бездольнаго самыми обидными словами, которыя какъ сверломъ сверлили его грудь.

Всю жизнь онъ не тронулъ чужой нитки, былъ всегда вѣжливъ, ласковъ, платилъ, когда было чѣмъ, самъ оставался безъ копѣйки. Не обидно ли это?

Но опасаясь, чтобъ его сейчасъ не вытолкали вонъ за двери, молчалъ. Онъ даже не смѣлъ спросить грязной рубашки, а какъ былъ въ сертучишкѣ, такъ и повалился на грязный полъ. У него не было ни подушки, ни матраца: все это, какъ подошелъ срокъ платежа, хозяева взяли въ закладъ. Такъ онъ провалялся всю ночь на полу, не сомкнувши глазу. Сукно кусало тѣло; колли, словно булавкой, какія-то прыткія насѣкомыя. То въ одномъ мѣстѣ уязвить, то въ другомъ—нѣтъ спасенія! Его бросало то въ жаръ, то въ потъ; подъ ложечкой страшно начинало болѣть; онъ былъ словно весь изломанный. Утомленные дневными передрагами члены требовали освѣжающаго сна, но бѣдняга не могъ ни на минуту забыться. Онъ былъ въ какомъ-то полузабытѣи, въ родѣ какъ отъ опиума, но мысли, одна другой мрачнѣе, не давали ему окончательно забыться, заснуть.

— Чтѣ я буду дѣлать завтра? Куда я пойду безъ гроша? Нечего ни ѣсть, ни пить, ни надѣть.—Безъ рубашки ему было ужасно неловко; поэтому онъ, когда всѣ встали, осмѣлился спросить у хозяйки свою рубашку.

— Вотъ чего не хочешь ли? спросила хозяйка и показала ему сложеными взвѣстными образомъ пальцами, чего именно онъ не хочетъ ли. Это была женщина грубая, вѣчно пьяная, ругающаяся самыми непристойными словами; а когда напьется какъ зюзя, лѣзетъ ко всякому молодому человѣку, забывши всякій стыдъ и свои пятьдесятъ лѣтъ. Сколько разъ прежде она предлагала свои услуги Бездольному, но ея безобразіе и старость лишали его всякой возможности поладить съ ней. Этакого отрепья въ Петербургѣ довольно. . Вотъ отчего она такъ и была зла на Бездольнаго.

— Чтѣ мнѣ дѣлать? разсуждалъ онъ самъ съ собой. Пойду, паду къ ногамъ перваго барина, попрошусь хоть въ лакеи! Такая жизнь невыносима... Однако, немножко поуспокоившись, онъ рѣшился «серьезно» подумать о своемъ положеніи. Такъ рѣшаются думать всѣ бѣдняки, которыми все уже перепробовано, все передумано и ничего не остается больше, какъ кинуться въ Неву или съ колокольни. Пробыло восемь утра, зазвенѣли чашечки, зашипѣлъ самоваръ хозяйскій, кухарка сбѣгала въ лавочку за сухарями.

Бездольный такъ жадно впился глазами въ сухари, въ жур-

чацій изъ чайника чаекъ... Ему такъ хотѣлось отвести душу чайкомъ: онъ привыкъ къ этому съ младенчества, живя у купчихи; у барыни, даже будучи въ опалѣ на кухнѣ, онъ всегда его пилъ. Самый жалкій бѣднякъ не отказываетъ себѣ въ этомъ дешевомъ удовольствіи, — а у него не было ни крохи чаю, ни куска сахару... Хозяева, которыхъ онъ при деньгахъ всегда подчивалъ, не постыдились отказать ему и въ этомъ. Онъ все думалъ, что его еще поподчуютъ, но вотъ уже и чашки стали убирать, и перемыли, а никто не сказалъ ни слова. Только кухарка, допивая бурюю воду, оставшуюся въ чайникѣ, шепнула хозяйкѣ: — «Не дать ли ему чашечки чайку? У него, сердечнаго, отъ *этой содищи* все, я думаю, внутри перегорѣло.»

— Это еще что! закричала хозяйка: — развѣ мы подрядились всякаго *мазурика* чаемъ поить?..

Можете судить, какво выслушивать подобныя прозвища, нарочно высказанныя громко, чтобъ глубже уязвить несчастнаго, и безъ того придавленнаго судьбою дворянина.

У насъ такъ всегда водится, что бѣднякъ бѣдняка никогда не поддержитъ: напротивъ, старается совсѣмъ втоптать его въ грязь, да еще бревно навалить сверху... Богачъ по крайней мѣрѣ угнетаетъ бѣдняка отъ презрѣнія къ бѣдности вообще, отъ равнодушія, совершеннаго невѣжества въ званіи жизни родимаго пролетаріата... Какіе есть напримѣръ чувствительные бары, а особенно барыни, которые такъ деликатно воспитаны, что не могутъ видѣть равнодушно, когда собачонкѣ прищемить хвостъ дверью, — а между тѣмъ, только за глазами, какой-нибудь Адамъ Адамычъ, управляющій, выдавливаютъ послѣдніе потроха изъ нѣсколькихъ тысячъ вѣрренныхъ ему людей! Напрасно нѣкоторые рысистые прогрессисты сваливали въ былое время всю вину съ больной головы да на здоровую. Не помѣщикъ былъ виноватъ въ угнетеніи крестьянъ, а Адамы Адамычи, Христіаны Готлибычи, которые, всю жизнь граби, никакъ не могли начинить русскими червонцами ненасытную утробу ихъ Амалій Карловъ... Такими же живодорами были не одни нѣмцы, а выдравшіеся въ люди дворовые «люди»... Таже пѣсня и въ департаментахъ, и въ войскахъ арміи и флота; какой-нибудь столоначальникъ, выжига правитель дѣлъ, вахмистръ — выжимаетъ послѣдній сокъ изъ подчиненныхъ какъ изъ клюквы... Дивится начальникъ, отчего-де, при

всей его добротѣ и правотѣ, подчиненные недовольны, угнетены, и не догадывается, что его помощники, ради вящаго притѣсненія подвластныхъ, прокопали такія лазейки, которыя добрый начальникъ никакъ не можетъ разглядѣть съ своей олимпийской высоты. Въ этихъ истинaxъ убѣдился Бездольный своими боками, когда рѣшился во что бы то ни стало добиться какого-нибудь мѣста. Бѣдность его (да и не его одного) была до того ужасна, что живаго силой закапывала въ гробъ, какъ онъ выражался. И все это дѣлалось въ благоустроенномъ, гуманномъ Петербургѣ, въ которомъ благотворителей, разныхъ комитетовъ и всего такого хорошаго — какъ бобовъ на тарелкѣ!..

— Ну, думалъ онъ: — коли на благодѣтеляхъ не повезло, такъ вымолю хоть мѣсто, паду къ ногамъ, вцѣплюсь въ начальника какъ ракъ водяной, а ужъ добьюсь мѣста!

Прежде всего онъ рѣшился начать съ «чиновническихъ» должностей. Оглядѣвши свой костюмъ, онъ пришелъ въ ужасъ: рубашки не было; невыразимые, сапоги, брюки, сертукъ — все хлопилось къ видимому разрушенію, какъ римская имперія при вступленіи на тронъ Ромула Августула...

Нечего дѣлать, надо было идти въ чемъ есть.

— Осмѣливаюсь умолять, ваше —ство, вникнуть въ мое плачевное положеніе: — сколько времени шатаюсь безъ мѣста, безъ гроша денегъ, отданъ, такъ-сказать, на произволъ стихій... Хоть какое-нибудь мѣстечко писаря; радъ три рубля получать въ мѣсяцъ, только бы не околѣть съ голоду...

Такъ нескладно началъ передъ начальникомъ Бездольный; до складу-ли тутъ?... Самъ бы профессоръ Костомаровъ не сказалъ бы складнѣе, будучи въ такомъ положеніи. Слезы мѣшали Бездольному высказаться яснѣе, губы дрожали.

— Да говорите яснѣе! сказалъ сердито начальникъ: — могли бы дома наплакаться; тутъ и безъ вашихъ слезъ довольно...

Но слезы въ такомъ обиліи подступили къ глазамъ, что хлынули градомъ... «Экое горе! промелькнуло въ головѣ Бездольнаго: и высказать не даютъ, проклятыя!...»

— Отецъ былъ раздавленъ, мать умерла голодною смертію!.. успѣлъ проговорить онъ и зарыдалъ...

— О, да ты сочинитель! подумалъ начальникъ: — какія ужасныя несчастія умѣлъ подобрать! Разомъ и отецъ и мать безвнн-

во погибли... Что-то невѣроятно, чтобы у насъ въ Рос... такъ погибли...

— Да ко мнѣ, сударь, пятый такой приходитъ, который жалуется на какія-то небывалыя несчастія... Сейчасъ одинъ увѣрялъ, что его съ беременной женой полиція за неплатежъ выгнала съ квартиры, а жена родила мертвого и умерла съ испугу... Неужели мнѣ этому всему вѣрить?.. Скорѣе всего, какъ и по костюму видно, что вы любите испивать, любезнѣйшій...

— Гдѣ тутъ испивать, ваше —ство! У меня со вчерашняго дня крохи хлѣба во рту не было!..

— Ужь вы мнѣ не пойте пѣсенъ-то! Немало васъ такихъ приходитъ! Ну какъ молодой, здоровый человекъ не могъ, чтобы порядочно одѣться! Какое вамъ дать мѣсто! Вы на другой же день все пропьете... Ступайте, ступайте, батюшка, съ-богомъ и не показывайтесь больше мнѣ на глаза!..

Бездольный отошелъ и горько-прегорько заплакалъ...

И дѣйствительно начальникъ былъ невиноватъ: онъ съ самыхъ пеленокъ благоденствовалъ, получалъ мѣста по протекціи; ну гдѣ ему было знать такую бѣдность? Поэтому онъ всякое несчастье, выходящее изъ ряда, считалъ вымышленнымъ. Мало ли пьянчугъ въ кабакахъ за косушку водки рассказываютъ всѣ свои несчастія! Эти горемыки рассказываютъ правду, ссылаются постоянно на однихъ и тѣхъ же свидѣтелей, живущихъ по сію минуту, но никто этимъ горемыкамъ не вѣритъ, потому что ихъ терпѣніе лопнуло, и чтобъ забыться, не умереть отъ отчаянія, они поневолѣ стали испивать. Всѣ думаютъ, что ихъ несчастія, бѣдность происходятъ отъ пьянства, беспорядочной жизни, а на самомъ-то дѣлѣ, за весьма малымъ исключеніемъ, они пить стали, шататься по питейнымъ, что лишились пріюта, что дырявая одежда не грѣетъ и надо хоть водкой согрѣваться...

Вы думаете, благомыслящій читатель, что повѣрятъ этому правдивому разсказу? Никогда въ мірѣ!

— Ну какъ это можетъ быть, чтобъ на одного бѣдняка обрушилось разомъ столько несчастій? И черезъ отца-то переѣхали, и мать-то голодная замерзла, и сынъ-то, не получивши нигдѣ мѣста, шатался весь вѣкъ!.. Да это романъ, чистый романъ! Видно, что авторъ, отъ нечего дѣлать, нанизывалъ, какъ бусы на нитку, несчастія за несчастіями!

Такъ, непремѣнно такъ отзовутся объ моей повѣсти всѣ благоденствующіе читатели, тѣмъ болѣе, что разные патріотическіе журнальцы напѣвали всегда имъ сладкія рѣчи. «Благоденствующіе-де наши граждане привѣтствовали сегодня своего обожаемаго начальника, который, радѣя о пользѣ нашихъ гражданъ неусыпно, изволилъ благополучно возвратиться изъ пятилѣтняго путешествія по Европѣ...» Или: «Благодѣтельные плоды гласности уже созрѣли на почвѣ нашего городка и всеобщее преуспѣяніе по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и промышленности проявляется рѣшительно во всемъ: недавно, напримѣръ, строительная коммиссія приступила къ сметѣ суммъ на построй каменнаго городскаго острога взаимѣнъ деревяннаго, въ коемъ не можетъ помѣститься и половина всѣхъ имѣющихся на-лицо арестантовъ...» Или: «Какъ пріятно зрѣтъ, что наша губернія стремится, такъ-сказать, съ неудержимою силою по пути общественнаго прогресса, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ неопровержимые факты; напримѣръ, временно-обязанный крестьянинъ изъ Волобоевской волости (въ коей, по послѣдней ревизіи 7,369 человекъ мужеска пола) самъ добровольно изъявилъ желаніе учиться грамотѣ. Какое похвальное рвеніе къ просвѣщенію замѣчается особенно въ послѣднее время!»

Но довольно. Въ такіе-то сладкопѣвцы и отводятъ глаза высшаго правительства, которое желало бы знать *дѣйствительные* результаты своихъ благихъ учреждений. А все отчего? Оттого, что правитель края, города, не столько заботится объ ихъ дѣйствительномъ благѣ, сколько о томъ, чтобы выставиться передъ начальствомъ, ради лишняго крестышки, аренды, показать, хоть на бумагѣ, что какъ-дескать подъ моей командой все цвѣтеть и благоденствуетъ. Городъ, дескать, область свѣтъ увидѣла, какъ я ее принялъ, а при моемъ предмѣстникѣ была во тьмѣ кромѣшной... Патріотическіе журнальцы расходятся отлично, публика почитываетъ да похваливаетъ, редакторъ лупитъ денежки, громоздитъ дома, всѣ сладко дремлютъ подъ журчаніе его рѣчей да восхищаются всеобщимъ благоустройствомъ. А тутъ-то мимо носу такъ и сплываютъ оборванные, голодные, придавленные судьбой... Это все пьянюшки!.. Стыдно такъ обманывать благодушнаго государя, который шестидесяти миліонамъ подданныхъ давалъ благое направленіе, не можетъ усмотрѣть всякую букашку, въ

родъ городничаго... Вотъ отчего и зажиточные классы народа, не видя, по своему богатству, бѣдности съ ранняго дѣтства, не находя ея живыхъ, правдивыхъ описаній въ журналахъ, ничего не вѣдаютъ, не знаютъ про нужды бѣдныхъ классовъ, словно всѣ эти стоны, вопли голодныхъ раздаются не подъ нашими ушами, а гдѣ-то далеко, за горами, за морями...

Бездольный сунулся въ другое, третье мѣсто — никто и вѣрить не хочетъ, чтобы дворянинъ могъ безвинно дойти до такого бѣдственнаго положенія, тѣмъ болѣе нѣсколько образованный...

— Да вы идите въ любую канцелярію, васъ примутъ съ радостью. Попробуйте сходить къ Сидору Карпычу.

Бездольный шелъ къ Сидору Карпычу; тотъ опять не вѣрилъ, увѣрялъ, что его вездѣ примутъ и отсылалъ къ Прохору Кондратьичу. Такимъ образомъ каждый старался сбыть его съ рукъ, отсылалъ къ другому, третьему, до тѣхъ поръ, пока онъ съ голоду, холоду, лишеній не началъ харкать кровью...

Страшно было его видѣть въ послѣднее время: это былъ буквально скелетъ. Глаза ввалились, щеки ввали, лицо пожелтѣло, глаза горѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ; онъ еле двигался, въ лохмотьяхъ, оборванный, въ сапогахъ безъ подошвъ... Выгнанный давно изъ квартиры, онъ бродилъ какъ тѣнь по рынкамъ, вымаливая подаваніе... Спасибо, что сострадательные люди не отказывали ему въ копѣечкѣ, а добрые городовые, несмотря на предписаніе брать бродягъ въ часть, смотрѣли на это сквозь пальцевъ: видятъ не видятъ... Ему совѣтовали лечь въ больницу, но онъ чувствовалъ, что ужъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ и отвѣчалъ: «все равно, гдѣ ни умереть!..» Какое-то страшное вѣрное отчаяніе, тоска безъ слезъ овладѣли имъ въ послѣдній мѣсяць передъ смертью. Онъ сдѣлался совершенно равнодушнымъ ко всему: ночевалъ лѣтомъ въ паркахъ, зимой — въ собачьихъ конурахъ, въ пустыхъ будкахъ. Сколько разъ его гоняли въ шею, тузили по спинѣ, доколачивая и безъ того разбитыя гніющія внутренности. Кто-жъ звалъ, особенно въ потьмахъ, кто онъ, отчего боленъ? Всякій считалъ его за бродягу, за мазурика. У насъ всѣ, начиная отъ дворника и кончая знатнымъ баринимъ, такъ помѣшаны на благоприличіи, что бѣдныхъ, голодныхъ считаютъ самыми распутными, негодными людьми. Однажды Бездоль-

ный забрался къ кому-то во дворъ. Поутру, когда еще не разсвѣло, проснувшіеся дворники до того его избили, выгоняя, что кровь пошла гортанью. Онъ, не говоря ни слова, пошелъ, шатаясь, далѣе. Шелъ, шелъ, въ глазахъ потемнѣло — и онъ грохнулся на мостовую... Остальное извѣстно.

ПЕТРЪ ГОРСКІЙ.

О С Е Н Ъ .

Я узнаю тебя, время унылое:
Эти короткіе, блѣдные дни,
Долгія ночи, дождливыя, темныя,
И разрушенье—куда ни взгляни.
Сыплются съ дерева листья поблекшіе,
Въ полѣ, желтѣя, поникли кусты;
По небу тучи плывутъ безконечныя...
Осень докучная!.. Да, это ты!

* * *

Я узнаю тебя, время унылое,
Время тяжелыхъ и горькихъ заботъ:
Сердце, когда-то такъ страстно любившее,
Давить мертвящій сомнѣнія гнетъ,
Гаснутъ въ немъ тихо одна за другою
Юности гордой святая мечта,
И въ волосахъ сѣдина пробивается...
Старость докучная!.. Да, это ты!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ХИМІЯ ВЪ ЛАБОРАТОРИИ

■

ХИМІЯ ВЪ ОРГАНИЗМЪ.

1) *Руководство къ химіи описательной и теоретической. В. Одлина.* Переводъ съ англійскаго *Θ. Савченкова.* Изд. *О. И. Бакста.* Вып. 1-й, 2-й. 1863.

2) *Введеніе къ изученію химіи по унитарной системѣ. Ш. Жерара.* Перев. *Д. Аверкіева* и *П. Алексѣева.* Изд. *Торговаго дома Струговщикова* и пр. 1859.

3) *Органическая химія Д. Менделѣева.* Изд. «Общ. Пользы». 1861.

4) *Руководство физиологической химіи Gogur-Besanez'a.* Перев. съ нѣмецкаго студ. *А. Волкова* и *В. Манассеяна.* Вып. 1-й. 1862.

5) *Физиологія обшденной жизни. Соч. Льюиса.* Перев. *Я. А. Борзенкова* и *С. А. Рачинскаго.* Изд. 2-е. *А. Глазунова.* 1863.

6) *Физиологическія письма Карла Фохта.* Перев. съ нѣм. *Н. Бабкина* и *С. Ламанскаго.* Вып. 1-й, 1863.

7) *Учебникъ химіи. Ю. Штекгардта.* Перев. подъ редакціею *А. И. Ходнева.* Изд. 2-е «Общ. Пользы», 1862.

8) *Химическая лабораторія. Соч. К. Штаммера. Ч. 1-я.* Перев. съ нѣм. *А. Вернго.* Изд. редакціи «Учителя». 1863.

9) *Ученіе о пищѣ, общепонятно изложенное Я. Молешоттомъ.* Изд. книжнаго магазина *Серно-Соловьевича.* Спб. 1863.

Изъ сейчасъ приведеннаго перечня сочиненій по химіи и физиологій, перечня, въ который вошли впрочемъ только болѣе серьезные и важные популярныя труды по этимъ наукамъ, читатель видитъ, что у насъ не на шутку публика принимается за изученіе естественныхъ

наукъ. Само собой, къ этому современная критика можетъ относиться только съ глубочайшимъ сочувствіемъ, какъ къ положительному предвѣстнику новаго, сравнительно болѣе рациональнаго фазиса цивилизаціи, въ который готовится повидимому вступить наше общество.

Просимъ припомнить, что и въ прежніе періоды развитія человѣчества пробужденіе вкуса къ изученію естественныхъ наукъ въ массѣ публики всегда было зарею наступавшей ея умственной, а слѣдовательно и общественной, гражданско-политической зрѣлости; возьмемъ напр. время Бэкова, или Францію конца прошлаго столѣтія. Но если это реалистическое направленіе умственнаго развитія публики имѣетъ столь важное значеніе, то тѣмъ болѣе зорко должна слѣдить критика за характеромъ тѣхъ взглядовъ и принциповъ, которые слагаются въ совнаніи публики вслѣдствіе изученія современнаго естественно-историческаго міра. А слѣдить критикѣ за этимъ можно двоякимъ путемъ: контролируя общія основанія, которыя стараются провести въ публику натуралисты своими сочиненіями, и 2) помогая публикѣ формулировать эти основанія изъ фактовъ, съ которыми она можетъ ознакомиться въ упомянутыхъ сочиненіяхъ. Въ настоящей статьѣ мы положили завятыя преимущественно этой второй стороною дѣла, и именно по отношенію къ химіи, т. е. сгруппировать въ одно цѣлое выводы и основныя положенія современной химической науки.

Но чтѣ обозначаетъ ваше странное заглавіе: *химія въ лабораторіи и химія въ организмѣ*? можетъ спросить любознательный читатель. *Химія въ лабораторіи* — это дѣло понятное: это та химія, которая начинается съ кислорода, перебицаетъ простыя химическія тѣла и ихъ различныя соединенія, дѣлится на неорганическую и органическую, соединяя подъ первую рубрику простѣйшія химическія тѣла, а подъ вторую удобопонятною второю — болѣе сложныя. Это та химія, которую приходилось, быть-можетъ, изучать не одному изъ нашихъ читателей въ различныхъ высшихъ или спеціальныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ, изучать, постоянно недоумѣвая, когда же и чѣмъ же кончится это постоянное приращеніе тѣлъ «органической» химіи, когда же распутаются ея хитрыя и сложныя формулы. Кто изъ нихъ не приходилъ въ неподдѣльный ужасъ, когда приводилось удерживать въ памяти и хоть сколько-нибудь уяснить себѣ напр. «раціональныя» формулы такъ-называемыхъ тогда, «протеиновыхъ» тѣлъ?

Но не смотря на этотъ «священный трепеть», мы, адепты химическихъ мистерій въ былыя времена, твердо вѣровали, что эта химія, химія лабораторій, есть настоящая, истинная наука, предписывающая жизни свои законы изъ закопченныхъ и несовсѣхъ благовопныхъ храмовъ, именуемыхъ химическими лабораторіями. Жрецамъ ея и въ умъ тогда не приходило, что жизнь органическая въ одно прекрасное утро разомъ перевернетъ и спутаетъ всѣ хитросплетенія ихъ «раціональныхъ» химическихъ выкладокъ, и разомъ поставитъ ихъ втупикъ новой, какой-то *унитарной* системой. А тутъ еще говорятъ имъ, что кромѣ

изъ химіи, химіи кабинетной, чисто—отвлеченной, есть еще другая химія, химія организмовъ, химія матерьяльной жизни, химія, бросающая вѣрѣдъ на ничтожныя крошки отъ своего пира на весь органическій міръ — изъ устарѣвшей богини!

Но мы должны успокоить жрецовъ этой послѣдней; изъ химія не исчезаетъ, не объявляется пустышъ миражемъ, но только сводится съ современнаго своего недосягаемаго пьедестала въ скромную, но по праву ей принадлежащую роль систематическаго свода тѣхъ немногихъ законовъ, которые пожалованы ей безпредѣльной химіей мировой органической жизни. Не скроемъ отъ нихъ однакожъ, т. е. отъ опечаленныхъ поклонниковъ развѣчанной богини, что у нея до сихъ поръ между новыми учеными много враговъ, которые дерзаютъ сомнѣваться чуть-ли не въ самомъ ея существованіи, и то-и-дѣло посягаютъ на ея достояніе, столь долго считавшееся ея законною собственностью. Химіи кабинетной, старой, доступно очень немногое въ химіи природы, говорятъ они. Такъ Льюисъ положительно говорить: «Никогда никакой анализъ нерва не прольетъ свѣта на чувствительность; всякое сочетание химическихъ формулъ не объяснитъ формы и свойства кліточки.» И далѣе: «Химическія вещества образуются вслѣдствіе соединеній опредѣленныхъ Холичествъ; тогда какъ вещества, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависятъ жизненныя дѣйствія, никогда не бываютъ точно и строго опредѣлены въ своемъ составѣ. Они измѣняются у различныхъ особей и у одной и той же особи въ различныхъ ея возрастахъ; а такъ какъ всякое измѣненіе въ составѣ вещества необходимо должно имѣть вліяніе на его свойства, то физиологическія дѣйствія и не могутъ быть никогда подведены подъ тѣ точныя количественныя формулы, на которыхъ основывается химія.» Горуцъ-Безаецъ говорить: «За все время развитія химіи (т. е. во все время) мы не встрѣтили ни одного факта, который позволилъ бы намъ надѣяться, что по крайней мѣрѣ въ будущемъ намъ удастся составить растительную кліточку, мышечное волокно или нервъ—вообще что-нибудь дѣйствительно организованное.» «Всѣ наши изслѣдованія ведутъ къ тому заключенію, что молекулярныя силы, обуславливающія образованіе подобныхъ веществъ, дѣйствуютъ только въ живомъ организмѣ, составляютъ его особенность.» Но положимъ, что это все говорятъ физиологи: извѣстно, что между химиками и физиологами давно идутъ контры. Но вотъ въ чемъ бѣда: многіе химики не-физиологи говорятъ вещи въ такомъ же родѣ. Но вопросъ о томъ, что истинно доступно въ природѣ химическому изслѣдованію, какъ ни мало онъ разрѣшенъ и разрѣшимъ теперь, обуславливаетъ между-прочимъ и волягіе о цѣли химіи, а это послѣднее довольно опредѣленно формулируется современными учеными. Жераръ говорить, что цѣль химіи — отыскивать законы преобразования матеріи». Вотъ разграниченіе, которое Жераръ даетъ для физики, химіи и физиологии въ ихъ современномъ состояніи: «Тѣла не живыя, т. е. тѣ, которыхъ существованіе не огра-

ничивается временемъ, имѣютъ также свою родословную, но они рождаются отъ неподобныхъ себѣ. Химія отыскиваетъ законы ихъ происхожденія. Подлѣ физики, занимающейся силами общими, которыя дѣйствуютъ на всѣ тѣла безразлично, подлѣ физиологій, которая — въ болѣе ограниченномъ значеніи — занимается только силами, производящими подобныя тѣла, нужно поставить третью науку о матеріи, специальный предметъ которой — изученіе силъ, рождающихъ тѣла неподобныя. Эта наука — химія.» «Итакъ — говоритъ далѣ Жераръ — химія занимается послѣдовательными преобразованиями матеріи. Она вникаетъ въ происхожденіе тѣлъ; изслѣдуетъ ихъ прошедшее и будущее: она преслѣдуетъ матерію въ различныхъ фазахъ, до возвращенія въ первоначальное состояніе.»

Читатель-скептикъ, надѣленный отъ природы умомъ пытливымъ и нѣсколько безпокойнымъ, конечно не останется доволенъ нашими выписками; онъ насъ забросаетъ возраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: на какомъ основаніи Льюисъ утверждаетъ, что анализъ нерва и клѣтки не прольетъ никогда свѣта на ихъ физиологическую дѣятельность? На какомъ основаніи онъ же говоритъ, что вещества, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ жизненная дѣятельность, никогда не бывають точно опредѣлены въ своемъ составѣ? Да и какъ повѣть это опслѣднее? То-есть не были *до сихъ поръ* опредѣлены, или не могутъ быть опредѣлены? А если не могутъ, то на какомъ-же основаніи? Вѣдь химія уже положительно доказала, что всѣ вещества въ природѣ, какъ бы ни былъ сложенъ ихъ составъ, сложены изъ очень немногихъ и вполне извѣстныхъ простыхъ тѣлъ, соединяющихся только въ *опредѣленныхъ* пропорціяхъ. Конечно, всѣ эти вещества могутъ смѣшиваться въ очень неопредѣленныхъ количествахъ, но опять-таки положительно извѣстно, что физиологико-химическія реакціи происходятъ не между смѣсями, а между химическими тѣлами, т. е. соединеніями въ опредѣленныхъ пропорціяхъ болѣе простыхъ химическихъ тѣлъ.

На какомъ основаніи Горупъ-Безанецъ утверждаетъ, что химія *никогда* не удастся приготовить организованнаго тѣла? На томъ развѣ, что *до сихъ поръ* она не приготовила? Но развѣ настоящее и прошедшее науки можетъ вполне ручаться за ея будущее, тѣмъ болѣе, что прошедшее химіи, напротивъ, обѣщаетъ этой новой наукѣ блистательную будущность? Да и что за необыкновенно хитрыя вещи эти *организованныя* тѣла? Давно уже микро-анатомическія изслѣдованія показали, что всѣ части какого-угодно организма состоятъ изъ массы (агрегата) простѣйшихъ едва-замѣтныхъ организмовъ — *клеточекъ*, т. е. слоевъ, пленокъ однороднаго вещества, закрытыхъ въ видѣ мѣшечка и содержащихъ въ себѣ тоже довольно опредѣленные химическія тѣла. Значитъ, мы вѣ-правѣ разсматривать эти пузырьки или клѣтки (а слѣдственно и самые сложные организмы) какъ частички, представляющія опредѣленную смѣсь химическихъ тѣлъ, заключенныхъ въ пленку, отложившуюся на ихъ поверхности въ видѣ однороднаго слоя,

связь который идетъ взаимодѣйствіе его содержанія и веществъ, его окружающихъ, и притомъ взаимодѣйствіе чисто-химическое. Секретъ весь, слѣдовательно, въ томъ, чтобы поставить химическія тѣла въ *такія условия*, вслѣдствіе которыхъ сложилось-бы, по *чисто-химическимъ законамъ*, содержимое кѣточки и отложилось бы на его поверхности вещество, изъ котораго состоитъ кѣточная кожа. Но если мы сообразимъ, что 1) въ какіе-нибудь 10—20 лѣтъ химіи удалось, вслѣдствіе сопоставленія различныхъ тѣлъ въ *неменѣе различныхъ условияхъ*, получить новыя тѣла, объ искусственномъ приготовленіи которыхъ прежде не смѣли мечтать и самые смѣлые умы, а 2) вышеизложенная сущность организованнаго тѣла, т. е. кѣточки, не представляетъ ничего особенно поразительнаго и загадочнаго, то едва-ли можно сомнѣваться, что химія найдетъ со временемъ и условия зарожденія организмовъ путемъ чисто-химическимъ. Да и если дѣйствительно тѣло химическое, поавши въ организмъ, подчиняется дѣйствию уже не химическихъ, а какихъ-то особенныхъ, жизненныхъ силъ, то гдѣ-же предѣлъ химическихъ изслѣдованій, если цѣль химіи, какъ говоритъ Жераръ—преслѣдовать матерію во всевозможныхъ видамѣненіяхъ? А что касается до различія химіи и физиологіи на основаніи *подобія и неподобія* производимыхъ тѣлъ, то оно болѣе чѣмъ произвольно. Вѣдь понятіе *подобія* допускаетъ такъ много оттѣнковъ и степеней, что едва-ли на нешъ можно основывать какое-нибудь серьезное научное разграниченіе. Затѣмъ едва-ли вѣрно и опредѣленіе физики, предложенное Жераромъ, а главное — едва-ли оно удобопонятно: что такое, въ самомъ дѣлѣ, эти «силы общія (?), дѣйствующія на всѣ тѣла безразлично (?)»? Средство есть тоже «сила общая», а съ другой стороны, ни одна физическая сила не дѣйствуетъ «безразлично» на всѣ тѣла. Даже если обратиться заѣсь и къ старому опредѣленію физики, болѣе ясному, — что физика изучаетъ силы природы, не измѣняющія внутренняго состава тѣлъ,—то и оно окажется невыдерживающимъ критики: извѣстно, что теплота, свѣтъ и электричество производятъ очень важныя химическія явленія. Изъ этого читатель видитъ, какой неблагоприятный трудъ раздѣлять нераздѣльное, какъ физика, химія и физиологія, какъ быть-можетъ *химія въ лабораторіи* и *химія въ организмѣ*.

Но что-же послѣ этого химія, физика, физиологія, гдѣ же, въ чемъ между ними разница?! раздражается вопросительно-восклицательво вышедшій изъ терпѣнія читатель. Вѣдь должна же быть между ними разница: вѣдь это же три отдѣльныя науки? Да, или вѣрнѣе—три вѣтви *одной* безконечной науки естествознанія. Но въ такомъ случаѣ въ чемъ же ихъ различіе? Да различіе-то есть, но конечно не въ томъ, въ чемъ его обыкновенно предполагаютъ. Во 1-хъ, наука о силахъ природы *одна* есть и должна быть, потому-что и сила-то въ природѣ, по всей вѣроятности, имѣется только *одна* — иначе не могло бы въ ней быть стройнаго единства. А что она такое, какъ звать ее и проч., это другой вопросъ, на который мы еще положимъ отвѣчать. Мы не

рѣшаемъ также и назвать науку о проявленіяхъ (законахъ) этой силы, хоть пожалуй ближе всего идетъ ей названіе *физики*. Въ такомъ случаѣ *химіей* можно назвать отрасль физики, которая бы сѣмѣла подвести подъ одну стройную систему законы послѣдовательнаго преобразования матеріи, а *физиологіею* — ту часть химіи, которая, по опредѣленію Горупа-Безанца, имѣетъ цѣлю «общіе законы, по которымъ совершается дѣятельность матеріи, примѣнить и къ живымъ организмамъ, показавъ, на сколько особенности этихъ послѣднихъ видоизмѣняютъ и самыя законы».

Взявшись познакомить нашего читателя съ современной химіей, на сколько это возможно въ журнальной статьѣ, мы постараемся въ самыхъ краткихъ чертахъ представить здѣсь сущность этой науки, между прочимъ съ цѣлю облегчить уразумѣніе нѣкоторыхъ выводовъ этой статьи и вообще чтеніе статей по химіи.

Уже давно ученые стали изучать преобразования состава, которыя претерпѣваютъ тѣла природы, когда дѣйствуютъ другъ на друга или подчинены нѣкоторымъ физическимъ силамъ, напр. теплотѣ. Конечно, при этомъ они не могли не замѣтить тотчасъ же, что при извѣстныхъ условіяхъ два или болѣе тѣлъ могутъ слиться въ одно, очень мало похожее на нихъ по своимъ свойствамъ, или одно тѣло распасться на нѣсколько, тоже непохожихъ на него. Отъ этихъ *наблюденій* къ собственнымъ *опытамъ* искусственнаго сложения и разложенія тѣлъ — одинъ шагъ. А между тѣмъ сила синтеза и анализа, всегда, во всѣхъ проявленіяхъ присущая человѣческому уму, и тутъ стала дѣлать свое дѣло: пытаться, нельзя-ли во всей массѣ химическихъ тѣлъ отыскать законы взаимоотношенія ихъ по степени сложности и ея характеру, въ особенности когда случайно стали попадаться тѣла, которыя не разлагались далѣе извѣстными научными приемами. Здѣсь начало теоріи химическихъ радикаловъ, т. е. предположенія, что всѣ тѣла природы ничто иное, какъ соединенія по 2, по 3 и пр. немногихъ простыхъ тѣлъ, элементовъ, т. е. веществъ, которыя не могутъ быть разложены еще на составныя части извѣстными приемами. Такихъ тѣлъ найдено болѣе 60, но здравое соображеніе не можетъ не остановиться съ недоумѣніемъ на томъ фактѣ, что изъ этихъ 60 элементовъ только 5—6 участвуютъ въ образованіи всего безконечно-разнообразнаго міра растеній и животныхъ, между тѣмъ какъ остальные принадлежатъ почти-исключительно гораздо болѣе простому міру минеральному. Такъ всѣ металлы (болѣе 40) — простые тѣла, по ученію химіи. Мы просимъ однакожъ у читателя позволенія возвратиться къ этому любопытному вопросу нѣсколько ниже, такъ какъ для возможнаго уясненія его нужно нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній, къ которымъ мы и переходимъ.

Какъ только наука сѣмѣла отдѣлить изъ соединеній нѣсколько *простыхъ* тѣлъ, ученые обратили вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) подъ вліяніемъ какихъ условій происходятъ ихъ соединенія и разло-

женія сложныхъ тѣлъ? 2) какое отношеніе между свойствами этихъ послѣднихъ и ихъ составныхъ частей? 3) въ какомъ отношеніи находятся вообще тѣла по степени способности вступить другъ съ другомъ въ соединенія? Относительно перваго вопроса опытъ скоро показалъ, что слѣдующее условіе необходимо, чтобы получить сложное тѣло: непосредственное соприкосновеніе тѣлъ, которыя предполагается соединить, и что это послѣднее облегчается нагрѣваніемъ, раствореніемъ составныхъ частей въ общей жидкости, размельченіемъ и смѣшеніемъ двухъ порошковъ, выходомъ элементовъ изъ какого-нибудь соединенія непосредственно предъ вступленіемъ въ новое (это на ученномъ языкѣ называется «состояніе рожденія» *status nascens*), электричествомъ (оно преимущественно разлагаетъ),—словомъ такими условіями, которыя повидимому ослабляютъ связь, существующую между частицами однороднаго тѣла, или, говоря языкомъ науки, силу сцепленія. Насчетъ свойствъ сложныхъ тѣлъ относительно простыхъ вообще замѣчено, что между ними бываетъ мало сходства, но что и тутъ замѣчается нѣкоторое взаимоотношеніе, правда еще очень плохо изслѣдованное. Чтоже касается до 3-го вопроса, то очень нетрудно было убѣдиться, что даже при совершенно одинаковыхъ условіяхъ различныя тѣла обнаруживаютъ различную степень соединяемости (имѣютъ различное другъ къ другу сродство), но—въ высшей степени важное было открытіе!—всегда тѣла соединяются только въ строго опредѣленныхъ пропорціяхъ. Еще было замѣчено, что если А и В (два элемента) соединены, а на нихъ, послѣ соединенія, подѣйствуетъ тѣло С, которое будетъ имѣть къ которому-нибудь изъ нихъ больше сродства, чѣмъ они другъ къ другу, то сложное тѣло разложится и С можетъ собою *замѣстить* одинъ изъ его элементовъ (менѣе ему сродный) и дать съ другимъ новое соединеніе. По мѣрѣ накопленія разработанныхъ *химическихъ фактовъ* (т. е. въ родѣ сейчасъ изложеннаго) потребовались различныя знаки для облегченія ихъ описанія, или, что все равно, изображенія химическихъ реакцій. Для обозначенія каждаго элемента приняты были начальныя буквы ихъ латинскихъ названій, а сложныя тѣла стали обозначать буквами ихъ элементовъ, поставленными вмѣстѣ. Но вскорѣ было замѣчено, что мало того, что тѣло вступаетъ въ соединеніе съ другимъ въ строго опредѣленной пропорціи, но что съ однимъ и тѣмъ же тѣломъ оно можетъ соединяться въ двойномъ тройномъ и больше количествѣ (2-мя, 3-мя эквивалентами или аямами). Эти количества стали обозначать маленькими цифрами впереди и внизу буквъ, напр. SO (соединеніе сѣры, Sulphur, и кислорода, Oxygenium; обоихъ по одному эквиваленту), а SO₂ — соединеніе тѣхъ же элементовъ, но втораго втрое болѣе противъ предыдущаго соединенія. Но умъ нашъ устроенъ такъ, что безъ теоріи, положенной въ основаніе фактовъ, никакъ обойтись не можетъ: въ этомъ его сила и... его слабость. Въ разсматриваемомъ вопросѣ повемногу сложилась *своя* теорія на основаніи слѣдующихъ двухъ положеній: 1) если

мы будемъ раздроблять тѣло болѣе и болѣе, то дойдемъ наконецъ до того, что частицы его болѣе дробиться не будутъ. Частью на этомъ основаніи, частью же въ видахъ облегченія объясненія химическихъ реакцій, было принято, что тѣла соединяются всегда такъ, что безконечно-малая частица одного изъ нихъ (атомъ) непосредственно прилегааетъ къ атому, или 2, 3 и болѣе атомамъ, другого тѣла и такимъ образомъ происходятъ сложные атомы, которые (если идти этимъ же путемъ мышленія,—а иначе и нельзя идти), значить, должны въ своихъ свойствахъ строго зависѣть отъ своихъ составныхъ частей, что дѣйствительно и подтверждается нѣкоторыми (болѣе научными) фактами. Потому было бы нелогично, выходя изъ изложенныхъ основаній, утверждать, что химическія реакціи производятъ новыя тѣла, неподобныя своимъ составнымъ частямъ: утверждать такія вещи значить противорѣчить собственной же теоріи. 2-е положеніе слѣдующее: изучая дѣйствіе электричества на химическія тѣла, замѣтили, что оно ихъ вообще разлагаетъ, причѣмъ если тѣло состояло изъ 2-хъ частей, одна изъ нихъ выдѣлялась къ положительному полюсу, другая къ отрицательному. Эти немногіе опыты, сдѣланные съ помощью Вольтова столба, подали мысль, что химическія соединенія не производятся ли силою притяженія противоположныхъ электричествъ въ двухъ соединяющихся атомахъ? Стали увеличивать число опытовъ, составлять изъ испытанныхъ элементовъ ряды по степени ихъ электрической противоположности, и къ удивленію замѣтили, что чѣмъ два элемента были въ этихъ рядахъ противоположныѣе по своимъ электрическимъ свойствамъ, тѣмъ противоположныѣе были и по свойствамъ химическимъ, а слѣдовательно тѣмъ больше стремленія обнаруживали уравниваться, т. е. соединиться. Дѣйствительно, электро-химическая теорія не затрудняется въ объясненіи химическихъ соединеній *двухъ* тѣлъ. Но для объясненія соединеній 3-хъ и болѣе тѣлъ, она должна предположить, что сначала соединились два элемента, а потомъ уже происшедшее соединеніе вступило съ третьимъ соединеніемъ 2-го порядка. Потому эта теорія должна была разбивать формулы сложныхъ тѣлъ, выведенныя изъ опыта (эмпирическія) на одну или нѣсколько паръ, и объяснять происхожденіе тѣла парными соединеніями, чтобъ остаться вѣрной самой себѣ. Объясню примѣромъ. Изучая, положимъ, сѣрную кислоту, нашли, что она состоитъ изъ 1 экв. сѣры (S), 1-го водорода (H) и 4-хъ кислорода (O), что слѣд. можно было написать ее такъ: SHO⁴. Замѣтили притомъ, что это тѣло, при дѣйствіи на него нѣкоторыхъ другихъ (реагентовъ), можетъ отдѣлить отъ себя воду (HO)—и вотъ не затруднились заключить, что для образованія этого тѣла предварительно произошли два соединенія: S и O, съ одной стороны, и H и O съ другой, а затѣмъ уже происшедшія пары SO₂ и HO соединились въ пару втораго порядка, которую (и ей подобныя), на основаніи этихъ соображеній, стали писать SO, HO, называя подобныя изображенія *рациональными* формулами. Но эти формулы имѣли бы дѣйствительно право на

такое названіе, еслибъ ихъ составныя части *всегда* представляли въ *самомъ дѣлѣ* составныя части тѣла, т. е. еслибъ химія могла разложить сложное тѣло *именно и исключительно на эти* составныя части и *изъ* нихъ, и *только изъ* нихъ, составить сложное тѣло. Но съ развитіемъ химическихъ фактовъ эта теорія стала находить себѣ менѣе и менѣе приложения и наконецъ совершенно спутала въ особенности «органическую» химію. Оказалось, что сложныя химическія тѣла, составляющія преимущественно продукты дѣятельности организмовъ (различныя растительныя и животныя соки и отложенія) могутъ распадаться на очень разнообразныя составныя части, смотря по различнымъ условіямъ, и что слѣдовательно трудно дать какую-нибудь рациональную формулу, не пускаясь въ область фантазій. И чѣмъ болѣе узнавали эмпирической составъ разныхъ очень сложныхъ тѣлъ, тѣмъ несостоятельнѣе и сбивчивѣе оказывалась старая *дуалистическая* теорія; настоятельно потребовалась новая.

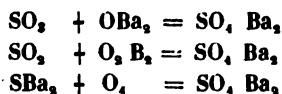
И вотъ явился нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскій химикъ Жераръ (Gerhardt) со своею *унитарною* теоріею химіи. Такъ какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, что многіе изъ нашихъ читателей изучали или читали химію еще въ тѣ времена, когда и помину не было о новой теоріи Жерара, то мы не думаемъ, чтобы было излишне изложеніе ея здѣсь въ главныхъ чертахъ, тѣмъ болѣе, что оно еще ближе познакомитъ читателя съ сущностью химическихъ явленій. Руководиться мы будемъ въ этомъ случаѣ какъ сочиненіемъ самого Жерара: «Введеніе къ изученію химіи», такъ и новѣйшими химическими руководствами, написанными по его системѣ: Одлинга и г. Менделѣева. Вотъ какъ этотъ послѣдній характеризуетъ *унитарную* систему. Въ основаніи этой системы лежитъ понятіе о химической *частицѣ*. Дѣло въ томъ, что элементарный составъ тѣла далеко не всегда объясняетъ его отношенія къ другимъ тѣламъ. Положимъ, у насъ есть два тѣла и каждое изъ нихъ состоитъ изъ одинаковыхъ элементовъ въ одинаковомъ отношеніи другъ къ другу, напр. каждое можно бы изобразить АВ. Но во всѣхъ отношеніяхъ къ другимъ химическимъ тѣламъ второе изъ нихъ всегда является въ двойной пропорціи противъ перваго: такъ съ тѣломъ С, положимъ, первое даетъ соединеніе АВС, а второе А, В, С, такъ плотность паровъ втораго вдвое больше, чѣмъ перваго и т. под. Словомъ, представителемъ состава втораго тѣла служить не АВ, но А, В. Вотъ это-то количество тѣла, вступающее въ химическія реакціи, и названо *частицею* (molécule), а «то направленіе химіи, основаніемъ котораго служитъ понятіе о химической частицѣ, получило названіе унитарнаго (système unitaire), потому что химическая частица тѣла есть нѣчто цѣльное, есть единица (unité) для сравненія и для системы.» Изъ этого опредѣленія читатель видитъ между прочимъ, что здѣсь вышеупомянутыя «раціональныя» формулы не могутъ имѣть мѣста, а все основывается на чистомъ эмпиризмѣ: какъ бы ни было сложно тѣло, вступающее постоянно въ соединенія и замѣ-

щающее другія тѣла, оно будетъ разсматриваться какъ простая частица, радикаль. Такая система дѣйствительно вноситъ въ химію болѣе единства и значительно облегчаетъ ея изученіе, какъ сейчасъ увидимъ.

Но намъ прежде всего надо остановить вниманіе читателя на нѣсколько теоретическомъ вопросѣ, а именно на законѣ, открытомъ Амперомъ и Жераромъ относительно вѣса частицъ. Дѣло въ томъ, что для составленія тѣлъ искусственно и для объясненія ихъ реакцій уже давно оказалось всего удобнѣе опредѣлить вѣсъ всѣхъ радикаловъ относительно какого-нибудь одного, т. е. пропорціи тѣлъ, входящихъ въ соединенія, опредѣлять ихъ вѣсомъ. Въ старыхъ химіяхъ за единицу вѣса брали 100 частей кислорода и, изучая факты замѣщенія, находили «вѣсъ атома» (какъ тогда выражались) и другихъ тѣлъ. Жераръ же нашелъ, что вѣрнѣе сравнивать вѣсъ тѣлъ съ вѣсомъ водорода и построилъ эту теорію на слѣд. основаніяхъ. При сравненіи объемовъ паровъ химическихъ частицъ двухъ какихъ-нибудь тѣлъ былъ найденъ Амперомъ и Жераромъ законъ, по которому «химическія частицы тѣлъ занимаютъ при одинаковыхъ условіяхъ (приблизительно) равные объемы». Затѣмъ, если плотностью паровъ назвать вѣсъ даннаго ихъ объема, раздѣленный на вѣсъ такого же объема воздуха, то 1) «плотности газовъ и паровъ относятся между собою какъ вѣса равныхъ объемовъ паровъ и газовъ». А такъ какъ по наблюденію Жерара химическія частицы занимаютъ равные объемы въ парахъ, то 2) вѣса ихъ относятся между собою какъ вѣса равныхъ объемовъ паровъ и газовъ, а слѣдовательно, если сравнить положеніе первое со вторымъ, то получится: «плотности газовъ и паровъ относятся между собою какъ вѣса химическихъ частицъ.» Слѣдовательно, принявши за единицу для сравненія вѣса частицъ (говорить г. Менделѣевъ) и вѣса плотностей одно какое-либо тѣло, — проще всего водородъ, — мы получимъ, что плотности паровъ = вѣсу частицъ. Мы должны были войти здѣсь въ эти нѣсколько ученыхъ подробности, потому что онѣ служатъ основаніемъ унитарной теоріи и вообще строить химію на новыхъ началахъ.

Продолжимъ наше знакомство съ унитарной теоріей. Вотъ между прочимъ что Жераръ говоритъ о недостаткѣ дуалистической теоріи въ сравненіи съ унитарной: «Изученіе химіи по естественнымъ рядамъ, включающимъ извѣстное число частичныхъ системъ, типовъ или родовъ, способныхъ по весьма простымъ законамъ превращаться другъ въ друга (это сущность унитарной системы, мы ниже дадимъ примѣръ такого превращенія) предпочтительны прежнему методу. Этотъ послѣдній имѣетъ тотъ недостатокъ, что не обнаруживаетъ спеціальнаго предмета химіи, т. е. превращеній тѣлъ; и вмѣсто того, чтобы связывать ихъ между собою, раздѣляетъ ихъ, принимая въ расчетъ физическіе признаки или составъ.» Напротивъ, унитарная система принимаетъ нѣсколько основныхъ типовъ тѣлъ по составу и путемъ замѣщенія нѣкоторыхъ частей этихъ типовъ другими тѣлами выводитъ изъ нихъ различныя преобразованія.

Но приступая къ изложенію этихъ типовъ, мы не можемъ не привести здѣсь одного факта всей шаткости старой теоріи изображенія состава тѣлъ на основаніи дуалистическомъ, приведеннаго Жераромъ. Известно, что безводная сѣрная кислота (SO_2) соединяется прямо съ окисью барія BaO , и даетъ одно тѣло втораго порядка (соль) $SO_2 + BaO$. Но если привести въ соприкосновеніе безводную сѣрнистую кислоту (SO_2) съ перекисью барія (O_2Ba_2 ; сравнивая элементы всѣхъ этихъ тѣлъ по маленькимъ цифрамъ, читатель на основаніи сказаннаго выше о химическихъ формулахъ легко пойметъ разницу между этими тѣлами), то получимъ ту же соль, которую, значитъ, надо изобразить $SO_2 + O_2Ba_2$. Но вотъ бѣда: изъ сѣрнистаго барія (SBa_2) и кислорода (O) можно тоже получить эту же соль, которую теперь уже надо бы написать $SBa_2 + O_2$. Стало-быть одно и тоже тѣло получаетъ три равныя формулы по старой теоріи. А между тѣмъ, если для этой соли принять унитарную, эмпирическую формулу, то она во всѣхъ трехъ случаяхъ будетъ одинаковой, какъ одинаково получается и представленное ею тѣло во всѣхъ трехъ реакціяхъ. Вотъ чтб мы получимъ по этой теоріи:

Во всѣхъ случаяхъ одинаковыя формулы, какъ и быть должно. Изъ этого уже читатель видитъ, что теорія унитарная упрощаетъ дѣло, такъ-сказать ближе къ природѣ вещей. А это уже большой шагъ впередъ.

Еще натуральнѣе то раздѣленіе, которое принимаетъ унитарная теорія для описанія химическихъ тѣлъ. Она вообще не дѣлаетъ различія между «неорганическими» и «органическими» соединеніями, а для тѣхъ и другихъ даетъ нѣсколько *типовъ*, подъ которые ихъ легко можно подвести. Мы къ нимъ и переходимъ.

Первый изъ нихъ — *соли*. Кто учился химіи по старой методѣ, тотъ знаетъ (а кто не учился ни по какой методѣ, тотъ можетъ узнать), что солью называлось такое соединеніе втораго порядка, въ которомъ одна часть (а вѣдь мы сказали, что во всякомъ химическомъ соединеніи — двѣ части по старой теоріи) состоитъ изъ парнаго соединенія, имѣющаго характеръ кислоты (электроотрицательный), а другая — изъ парнаго соединенія въ характеромъ электроположительнымъ, называемая основаніемъ. Такъ упомянутая соль $SO_2O_2Ba_2$ имѣетъ кислоту SO_2 и основаніе Ba_2O . Но по унитарной теоріи соль совсѣмъ не то: это соединеніе неметалла съ металломъ, въ которомъ обѣ части могутъ быть замѣнены другими, однородными съ ними тѣлами. Такія соли вообще называются тѣлами *двучленными*, потому что состоятъ изъ двухъ частей. Но здѣсь дѣло вовсе не идетъ объ электрической противоположности этихъ частей. Двѣ соли могутъ взаимно мѣняться

своими обѣими членами и давать двѣ другія соли; это называется *двойнымъ разложеніемъ* и составляетъ отличительный признакъ унитарныхъ солей. Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ впрочемъ, что здѣсь *металлы* и *неметаллы* означаютъ только тѣ части соли, которыя могутъ въ разложеніяхъ замѣщаться тѣлами этихъ категорій по опредѣленію старыхъ химій.

Замѣчательно здѣсь, что *соль* имѣетъ различныя свойства и что важнѣйшія изъ нихъ повидимому зависятъ отъ неметалла, а менѣе важныя — отъ металла, или вѣрнѣе, *основанія* соли. Поэтому-то принято называть элементъ перваго рода *родовымъ*, а втораго — *видовымъ*, т. е. принято, что роды солей зависятъ отъ характера неметалловъ, а металлы, замѣщая ихъ основаніе, могутъ дать только различные виды одного и того же рода соли. Все это вполне оправдывается фактами природы и должно сознаться, что такая теорія солей чрезвычайно проста, ясна и въ тоже время обнимаетъ огромное множество фактовъ. Мы не можемъ здѣсь распространяться о различныхъ подраздѣленіяхъ солей по этой теоріи, а только замѣтимъ, что она называетъ *кислотою* соль, въ которой все основаніе состоитъ изъ водорода, и что вообще въ соли обѣ части могутъ состоять и изъ сложныхъ тѣлъ, что даетъ этому типу обширное значеніе.

Соль — это важнѣйшій типъ по унитарной теоріи. Перечислимъ теперь другіе типы — *недвуатомные* и сдѣлаемъ ихъ краткое опредѣленіе. *Ангидридами* называются непарныя тѣла, содержащія кислородъ или сѣру и способныя соединяться прямо съ водою или сѣрнистымъ водородомъ (соединеніе сѣры и водорода) для образованія кислотъ, принимая это слово въ унитарномъ смыслѣ. Значитъ, безводныя кислоты старыхъ химій будутъ ангидридами.

Алкалоидами называются соединенія, заключающія водородъ и азотъ и способныя прямо соединяться съ кислотами или съ металлическими солями, хотя при соединеніи съ первыми собственно не происходитъ никакого замѣщенія. Въ такихъ соединеніяхъ обѣ части могутъ замѣщаться тѣлами однородными: соли солями, а алкалоиды алкалоидами. Типъ такихъ алкалоидовъ — аммиакъ (NH_3). Алкалоиды чрезвычайно распространены преимущественно въ растительномъ царствѣ; къ нимъ принадлежатъ въ особенности вещества, отличающіяся рѣзкими физическими и физиологическими свойствами: напр. бруцинъ и стрихнинъ (яды чилибухи), кофенинъ и теинъ (наркотическія тѣла въ чаѣ и кофе), морфинъ (ядъ опиума), никотинъ (ядъ табака), хининъ, пиперинъ (въ перцѣ) и пр. Мы для того перечисляли важнѣйшіе изъ алкалоидовъ, чтобы показать читателю, какъ близки къ природѣ группы унитарной теоріи. Затѣмъ можемъ упомянуть здѣсь еще нѣсколько унитарныхъ типовъ: напр. *алкоголи*, соединенія углерода, водорода и кислорода, способныя превращаться въ соединенія такого характера: nCH_2 и, замѣщая H_2 кислородомъ, переходить въ кислоту типа $nCH_2 + O_2$. Придѣръ — обыкновенный спиртъ (типъ *алкоголей*).

Его формула C_2H_6O . Сѣрная кислота превращаетъ его въ свѣтлый газъ C_2H_4 (значить в общей формулы адѣсь = 2; это в вообще означаетъ число сложныхъ частицъ, составъ которыхъ изображенъ прописными буквами). Окисляющія тѣла превращаютъ этотъ алкоголь въ уксусъ: $C_2H_4O_2$ (т. е. $2 CH_3 + O_2$). Если алкоголь не вполне окислится, то онъ даетъ новый типъ: *альдегидъ*, т. е. алкоголь, лишенный водорода. Такъ алкоголь C_2H_6O можетъ дать альдегидъ C_2H_4O . Слово альдегидъ можетъ показатъ между прочимъ читателю, какъ иногда составляются химическіе термины: такъ оно произошло изъ начальныхъ буквъ двухъ латинскихъ словъ *alcohol dehydrogenatus* (т. е. алкоголь обезводороденный), — *al. dehyd.*

Затѣмъ кислоты и нѣкоторыя хлористыя и т. под. металлическія соли имѣютъ свойство производить съ алкоголями особенныя летучія соединенія, которыя представляютъ отдѣльный типъ и называются *эфирами*. Соединяясь съ элементами воды, эфиры разлагаются на соли и алкоголь—обыкновенно при вліяніи щелочей (т. е. сильно электроположительныхъ соединеній, напр. окись калия, натрія и пр.). Благодаря унитарной системѣ Жерара теорія эфировъ математически точно изложена, такъ что по общимъ формуламъ можно для каждой кислоты вычислить ея эфиръ.

Но любознательнаго читателя мы можемъ по этому вопросу только отослать къ «Введенію» Жерара. Намъ же для пополненія характеристики теоріи этого ученаго остается сказать еще слѣдующее. Принимая, что по своимъ свойствамъ всѣ химическія соединенія можно разложить на нѣсколько группъ и что члены каждой изъ нихъ будутъ заключать хоть одну общую имъ часть. Жераръ назвалъ такія группы *рядами*. Члены ряда представляютъ *роды*, и каждый изъ нихъ можетъ имѣть путемъ замѣщенія *виды*. (Просимъ вспомнить вышеприведенное опредѣленіе рода и вида соли.) Дадимъ самый простой примѣръ: кислородъ. Извѣстно и изъ старыхъ химій, что онъ соединяется въ различныхъ пропорціяхъ съ другими элементами, различно окисляетъ ихъ: всего слабѣе окисленное тѣло называется закисью, сильнѣе — окисью, еще сильнѣе — перекисью. Если рассмотримъ сравнительно формулы всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ этихъ трехъ категорій, то увидимъ (обозначая M другой элементъ соединенія, окисленный), что можно дать имъ слѣдующія общія формулы: закись — $O\frac{1}{2}(M_2)$, окись — $O(M_2)$ и перекись — $O_2(M_2)$, т. е. что *рядъ* кислорода представляетъ три *рода*, а каждый родъ можетъ имѣть столько *видовъ*, сколько найдется тѣлъ, которыя могутъ занять мѣсто M . Такой же рядъ съ родами и видами даютъ: сѣра, азотъ, фосфоръ, мышьякъ, сурьма, хромъ, марганецъ, фторъ, хлоръ, бромъ, іодъ, углеродъ, боръ, кремній, олово. Замѣтимъ, что въ рядъ углерода отнесено все безконечное число такъ-называемыхъ органическихъ соединеній, которыя, несмотря на свое прихотливое разнообразіе и сложность формулъ, какъ нельзя лучше подчинились теоріи Жерара, чѣмъ слѣдовательно слились въ одно

стройное цѣлое «органическая» и «неорганическая» химія — дѣйствительно, онѣ у Жерара не различаются, законность чего блистательно подтверждается и фактами, какъ мы увидимъ ниже.

Однакоже сознаемся, что читатель въ-правѣ насъ спросить: удовлетворились ли мы теоріей Жерара и вообще насколько она кажется намъ важной въ химической наукѣ? Въ отвѣтъ на это мы можемъ замѣтить, что и самъ Жераръ видитъ въ своей теоріи не болѣе, какъ средство облегчить изученіе химіи, объединивъ ее болѣе, чѣмъ объединяли прежнія теоріи. Отъ себя прибавимъ, что теорія Жерара имѣетъ притомъ слѣдующее, едва-ли не болѣе важное значеніе: она подвигаетъ впередъ изслѣдованіе вопроса объ отношеніи между составомъ матерьяльныхъ тѣлъ и ихъ свойствами, вопроса, по нашему мнѣнію, составляющаго сущность естествознанія. Ниже однакожь, въ заключеніи нашей статьи, мы постараемся указать на двѣ очень крупныя задачи, которыя предстоитъ еще химіи рѣшить, прежде чѣмъ она будетъ въ состояніи нѣсколько рѣшительнѣе дѣйствовать въ пользу этого вопроса. Теперь же перейдемъ къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Выходя изъ душевной лабораторіи и очутившись въ полной жизни и равнообразія органической сферѣ, мыслитель невольно задаетъ себѣ такой вопросъ: есть ли что-нибудь общаго между этими двумя лабораторіями? Потому что и жизнь органическая, какъ всякому легко замѣтить, вырабатываетъ химическія соединенія, производитъ разложенія, замѣщенія, словомъ химическія реакціи. Но — 1, въ какомъ соотношеніи находятся работы этихъ двухъ лабораторій и ихъ результаты? и 2) какія силы дѣйствуютъ въ той и другой? Чтобы помочь разрѣшенію этихъ задачъ, надо прежде всего хоть сколько-нибудь ближе и пристальнѣе взглянуть въ работы этой неуловимо равнообразной и живой лабораторіи органической жизни. Но съ чего начать, какого пути держаться? Вопросъ дѣйствительно трудный, именно вслѣдствіе многообразія процессовъ, встрѣчающихся въ жизни организмовъ.

Было время, когда химическія тѣла дѣлили на «неорганическія», т. е. встрѣчающіяся въ царствѣ минеральномъ, и «органическія», вырабатывавшіяся въ организмахъ, т. е. въ растеніяхъ и животныхъ. Эти послѣднія, въ свою очередь, подраздѣлялись на тѣла растительныя, въ составъ которыхъ входили главнымъ образомъ три элемента (кислородъ, водородъ и углеродъ), и животныя, заключавшія въ себѣ еще 4-й элементъ, азотъ, какъ характеристику животныхъ веществъ. Къ этому надо прибавить, что тѣла неорганическія почти исключительно составляли предметъ занятій въ лабораторіяхъ, а на органическія смотрѣли какъ на нѣчто недоступное химическому изслѣдованію, какъ на результаты особенныхъ, «жизненныхъ» силъ. Но увы! изслѣдованія новѣйшихъ временъ спутали всѣ эти понятія, къ великому скандалу многихъ устарѣвшихъ педантовъ — химиковъ, которые вѣрнѣе

очутились лицомъ къ лицу съ новыми фактами и новыми вопросами; лабораторія ихъ, долготѣ такая прибранная и спокойная, наполнилась толпой странныхъ, пришлыхъ фактовъ, на которыхъ еще были свѣжи, животрешущи слѣды органической жизни. Увы! это не были болѣе мертвые *препараты*, чистенькіе, неподвижно и покойно лежавшіе въ закупоренныхъ скляночкахъ съ акуратными ярлычками, къ которымъ такъ привыкла старая, лабораторная химія. Повятно, что она не могла дружелюбно встрѣтить безпокойныхъ новыхъ пришельцевъ.

Но пришельцы эти не смутились; они скоро усѣли сдѣлаться «господами положенія», т. е. стали по-своему хозяйничать въ старой химіи. Лабораторія оживилась. Скоро было доказано, что невозможно положить никакого разграниченія между неорганичиной и органической химіей, потому что всевозможныя тѣла встрѣчаются въ организмахъ, что нѣтъ и рѣзкой разницы между составомъ тѣлъ растительныхъ и животныхъ, и что азотъ ни въ какомъ случаѣ не составляетъ характеристики этихъ послѣднихъ. Такъ нынѣшнія изслѣдованія надъ кровью показали, что вмѣсто почти исключительнаго содержанія азота, какъ напр. утверждалъ Либихъ, въ ней на 1000 частей едва ли содержится 80, которыя бы заключали азотистыя тѣла (Льюисъ).

Однакожъ не было сомнѣнія, что должно же быть какое-нибудь различіе между растеніями и животными. Стали слѣдить за химическими реакціями тѣхъ и другихъ, слѣдить робко, нехотя,—видво что съ непривычки. Вотъ что оказалось.

Растенія принимаютъ изъ воздуха и почвы, листьями и корнями, простыя (т. е. неорганическія) тѣла въ видѣ газовъ и въ растворѣ въ водѣ и перерабатываютъ ихъ въ своемъ организмѣ въ гораздо болѣе сложныя, такъ-называемыя «органическія», и переработка эта идетъ постепенно, причѣмъ тѣла болѣе и болѣе усложняются въ своемъ составѣ, но зато постепенно теряютъ прочность соединенія элементовъ и легко распадаются отъ вліянія реагентовъ химическихъ и физическихъ силъ. Замѣчательно, что въ этомъ постепенномъ процессѣ усложненія состава тѣлъ въ тоже время совершается и постепенный процессъ ихъ *раскисленія*, т. е. тѣло болѣе сложное представляетъ относительно своего болѣе простаго меньшую степень *окисленія* (см. выше). У Горупа-Безанеца довольно обстоятельно изложена сущность химическихъ процессовъ, совершающихся въ растеніяхъ вообще,—потому что несомнѣнно, что въ каждомъ растеніи эти процессы значительно видоизмѣняются, что и составляетъ вѣроятно ихъ родовыя, видовыя и индивидуальныя различія. Но крайней мѣрѣ трудно не замѣтить, что почти всякій типъ растеній имѣетъ свои «соки» и свои формы тканей. Но къ сожалѣнію, вопросъ о взаимноотношеніяхъ между химическими процессами и формами растеній до сихъ поръ рѣшительно не тронутый. (На сущность его мы указали въ статьяхъ: «Нѣкоторые вопросы естественныхъ наукъ» и пр., помѣщенныхъ въ «От.

Зап.» за 1863 г.). Воспользуемся же упомянутыми данными, заключающимися въ сочиненіи Горупа-Безанца и представимъ ихъ въ извлеченіи.

Ни въ воздухѣ, ни въ землѣ, словомъ нигдѣ въ окружающей средѣ растеній мы не находимъ тѣхъ химическихъ тѣлъ, которыя въ нихъ содержатся; стало-быть мы должны заключить, что онѣ приготовляются въ самихъ растеніяхъ изъ болѣе простыхъ веществъ, встрѣчающихся въ этихъ средахъ и, какъ показываютъ опыты, входящихъ въ растенія. Тутъ, значитъ, химическія реакціи происходятъ чисто синтетическимъ путемъ, т. е. путемъ усложненія. Но изучая химизмъ растеній, непременно приходится рассмотретьъ слѣдующіе три вопроса: какія вещества получаютъ растенія извнѣ для своего питанія; какимъ путемъ, какими способами попадаютъ въ нихъ организмъ эти вещества, и что изъ нихъ дѣлается въ самомъ растительномъ организмѣ?

Къ отвѣту на эти любопытные и важные вопросы растительной химіи (или растительной физиологіи, какъ привыкли выражаться) ведетъ рассмотрѣніе веществъ, входящихъ въ составъ большей части растеній. Вотъ они: 1) *углеродъ* — почти во всѣхъ частяхъ растеній; 2) *водородъ*, столь же распространенный въ нихъ, какъ и углеродъ. Нѣкоторыя химическія тѣла въ растеніяхъ состоятъ исключительно изъ соединенія этихъ двухъ элементовъ, напр. большая часть *эфирныхъ* или *летучихъ маселъ*. 3) Хотя рѣже, чѣмъ первые два элемента, но также довольно часто, входитъ въ составъ растительныхъ тѣлъ и *кислородъ*. Такъ изъ этихъ трехъ элементовъ состоятъ очень важныя растительныя тѣла, называемыя *углеводами* (древесина, крахмалъ, камедь, сахаръ, растительная слизь и др.); а углеводами названы они потому, что въ нихъ водородъ и кислородъ находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ и въ водѣ — точно эти тѣла состоятъ изъ *частицъ* воды, соединенныхъ съ углеродомъ. Изъ этихъ же трехъ элементовъ, именно изъ углерода, водорода и кислорода, въ пропорціи воды и еще кислорода состоитъ другой рядъ растительныхъ соединеній — *органическія кислоты*. Если же излишекъ будетъ не въ кислородѣ (противъ углеводнаго состава), а въ водородѣ, то получатся многія *эфирныя масла, воскъ, смолы, жиры*. 4) Есть еще тѣла въ растеніяхъ, заключающія въ себѣ и *азотъ*, кромѣ упомянутыхъ трехъ элементовъ. Сюда относятся *органическія основанія* или *щелочи* (алкалоиды) и *бѣлковинныя вещества*. 5) Рѣже всѣхъ этихъ соединеній встрѣчается въ растеніяхъ *спра*. Она бываетъ въ бѣлковинныхъ веществахъ, а также въ нѣкоторыхъ особенныхъ тѣлахъ, свойственныхъ только нѣкоторымъ видамъ растеній, напр. чесночное масло и масло ассафетиды состоятъ изъ С (углерода), Н (водорода) и S; горчичное масло состоитъ изъ С, Н, N (азотъ) и S. Наконецъ 6) растенія содержатъ въ себѣ и такъ-называемыя «неорганическія» тѣла, которыя остаются при сжиганіи растенія въ золѣ, между тѣмъ какъ остальные, подъ вліяніемъ высокой температуры, группируютъ свои составныя части

въ болѣ простыя соединенія — углекислоту, воду, амміакъ и др. Изъ сейчасъ очерченнаго состава растительныхъ тканей видно, *что именно*, какіе элементы растенія должны получить извнѣ, чтобы поддерживать свою жизнь; что же до вопроса, въ *какомъ видѣ* они могутъ получить эти элементы, то конечно въ тѣхъ видахъ, въ какихъ они соприкасаются съ растеніями, т. е. заключаются въ воздухѣ и водѣ, собираемыхъ растительною тканью, а здѣсь они находятся въ видѣ воды, углекислоты (CO_2), амміака (NH_3 ; азотъ прямо изъ воздуха растенія не берутъ) и растворимыхъ въ водѣ солей металловъ калия, натрія, магнезій и извести, соединенныхъ съ кислотами (по старой химіи); фосфорной, сѣрной, угольной и соляной. Кромѣ того, въ растеніяхъ встрѣчается желѣзо, кремнеземъ, марганецъ, фторъ, а въ морскихъ — бромъ и іодъ. Сдѣлано очень много точныхъ опытовъ, положительно обнаружившихъ, какъ именно входятъ эти тѣла въ растенія, откуда и въ какой формѣ, но насъ больше занимаетъ здѣсь вопросъ: что же дѣлается въ самомъ растеніи въ эти тѣла, когда они въ него вступаютъ?

Читатель конечно понимаетъ, что каждая микроскопически-малая растительная клѣточка непременно тутъ играетъ роль цѣлой лабораторіи со всѣми возможными аппаратами и реагентами, но что тѣмъ труднѣе химіку хоть что-нибудь разглядѣть въ такомъ не совсемъ просторномъ и удобномъ помѣщеніи. И въ самомъ дѣлѣ, какъ прослѣдить съ нашими научными средствами (весьма грубыми) сущность всѣхъ этихъ безконечно-разнообразныхъ и тонкихъ работъ?

Пускаться въ подробности описанія, какъ наука послѣдовательно, шагъ за шагомъ, похищала тайны химизма растеній — было бы то же, что писать исторію химическихъ открытій. Потому намъ нужно здѣсь постараться въ двухъ-трехъ чертахъ уловить сущность всего этого вопроса и дать читателю о ней понятіе.

Видите-ли: было замѣчено, что вещества, входящія въ растительный организмъ, передаются въ немъ путемъ всасыванія изъ клѣточекъ въ клѣточку и въ каждой изъ нихъ болѣе или менѣе подвергаются измѣненію вслѣдствіе дѣйствія на нихъ тѣхъ веществъ, которыя уже прежде сложились въ клѣточкѣ, куда вошло полученное извнѣ тѣло. Значитъ, если мы знаемъ, какого рода тѣло вошло въ такую-то часть растенія, *что* оно въ ней встрѣтило и въ *какомъ видѣ* изъ нея вышло, мы можемъ уже приблизительно сказать, что тутъ произошло измѣненіе такого-то тѣла въ то-то подѣ влияніемъ такихъ-то реагентовъ. Но это будетъ результатъ чисто-эмпирической; а человѣческому уму этого мало, какъ мы уже видѣли выше. Хотѣлось бы возвести этотъ случай въ законъ, хотѣлось бы научнѣе объяснить себѣ, что же произошло тутъ въ самомъ составѣ тѣла? Нетрудно будетъ понять и читателю не-химіку, что если, положимъ, въ растеніе вошло тѣло АВ, встрѣтилось въ немъ съ тѣломъ С, вышло въ видѣ АС, то, значить, тѣло С выдѣлило изъ него В и само заняло его мѣсто. Ко-

нечно, сейчас является вопрос: может ли то же произойти, если взять эти же тѣла и привести ихъ въ соприкосновеніе и внѣ растительнаго организма, въ лабораторіи? Дѣлается *опытъ* — и, положимъ, оказывается удачнымъ: случай можетъ быть возведенъ въ законъ. Затѣмъ замѣчаются другія отношенія тѣлъ АВ и С и подводятся для нихъ общіе итоги. Стало-быть во всѣхъ подобныхъ изслѣдованіяхъ прежде всего нужно правильно и обстоятельно произведенное *наблюденіе*, затѣмъ *анализъ* состава тѣлъ, участвовавшихъ въ наблюдаемомъ фактѣ, и наконецъ повтореніе явленія природы путемъ искусственнаго, лабораторнаго *опыта*.

Вотъ такимъ-то образомъ химія и обогащалась фактами природы и старалась ихъ осмыслить для человѣка и возвести въ науку, т. е. болѣе и болѣе расширять область ихъ взаимоотношенія, а возможно-большая разработка взаимоотношеній между фактами данной науки есть главная ея цѣль по современному взгляду на сущность науки вообще.

Какіе же результаты относительно химизма растеній успѣла добыть химія, идя такимъ путемъ? Мы опять обратимся къ Горупъ-Безанецу, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ.

Итакъ растеніе получаетъ извнѣ, для образованія своихъ соковъ и отложеній, воду (НО), углекислоту (СО₂), амміакъ (NH₃) и минеральныя соли въ водномъ растворѣ. Изъ первыхъ трехъ растенія образуютъ болѣе сложныя тѣла, которыя мы перечислили выше. Но вопросъ, прямо-ли эти тѣла образуются изъ такихъ простыхъ составныхъ частей, или изъ нихъ слагаются сперва нѣсколько болѣе сложныя, изъ этихъ послѣднихъ еще болѣе сложныя и т. д.? Тѣмъ болѣе, что изъ упомянутаго перечисленія мы могли замѣтить, что нѣкоторыя растительныя тѣла состоятъ изъ двухъ элементовъ, другія же изъ трехъ, четырехъ, пяти даже? Уже а priori хочется спросить, зная законъ послѣдовательности въ природѣ: не слагаются ли сперва эти двуэлементныя соединенія, а изъ нихъ—трехъ-элементныя, а изъ этихъ уже, напримѣръ, четырехъ-элементныя? Дѣйствительно, даже изъ немногихъ *опытовъ*, которые химія успѣла сдѣлать по этому предмету, видно, что что-то въ этомъ родѣ дѣлается и соблюдается въ растительныхъ организмахъ. Но, какъ очень вѣрно замѣчаетъ Горупъ-Безанецъ, при настоящемъ состояніи химіи мы не можемъ еще начертить формулами стройной картины процессовъ, совершающихся въ растеніяхъ; мы имѣемъ основаніе указать только на немногіе факты, которые впрочемъ набрасываютъ очеркъ или по крайней мѣрѣ даютъ понятіе о характерѣ этой картины въ будущемъ. Факты эти получаютъ изъ двухъ источниковъ: такъ-сказать изъ положительнаго, прямаго, т. е. изъ искусственнаго произведенія нѣкоторыхъ сложныхъ тѣлъ изъ тѣлъ простыхъ, изъ которыхъ первыя могли сложиться и въ организмѣ, судя по ихъ присутствію. Второй же источникъ, правда, далеко не такъ надежный, есть источникъ такъ сказать отрицатель-

ный, обратный, т. е. если такое-то тѣло при разложеніи даетъ такіа-то, то можно предположить, что и сложилось первое изъ послѣднихъ. Такъ наприимѣръ Либихъ въ новѣйшее время даетъ слѣдующіе факты и выводы, не лишеныя значенія (конечно *только* въ связи со всей совокупностью нашихъ химическихъ знаній). Онъ говоритъ: 1) вообще узнаю, что процессы, совершающіеся въ растеніяхъ, суть процессы раскисленія (см. выше); 2) при искусственномъ окисленіи сахара получается вышесказанная кислота; 3) эта кислота часто встрѣчается и въ растительныхъ организмахъ. Изъ этого онъ дѣлаетъ предположеніе, что и сахаръ можетъ быть только слѣдствіемъ раскисленія этой кислоты, т. е. замѣны части ея кислорода водородомъ. Наконецъ азотныя соединенія въ растеніи (болѣе сложныя по составу, чѣмъ безазотныя) могутъ происходить изъ безазотныхъ съ помощью амміака (вещества, заключающаго азотъ), и слѣд. будутъ принадлежать въ растеніи къ позднѣйшимъ образованіямъ. Впрочемъ мы вернемся еще къ этимъ въ высшей степени любопытнымъ вопросамъ, когда будемъ говорить объ успѣхахъ, слѣданныхъ новѣйшей химіей на пути искусственнаго сложения веществъ, т. е. синтетическихъ опытовъ. Здѣсь мы только замѣтимъ, что если существуетъ такой прогрессъ превращеній въ растенія, то бѣлковинныя вещества суть въ нихъ въ такомъ случаѣ послѣднія, высшія звенья въ этой цѣпи, чѣмъ частью подтверждается быть-можетъ тѣмъ фактомъ, что бѣлковинныхъ веществъ находится больше всего въ сѣменахъ растеній, т. е. въ частяхъ, которыя всего позже образуются въ растительномъ организмѣ.

Постараемся теперь охарактеризовать химическіе процессы, совершающіеся въ тѣлѣ животного. Извѣстно, что и животныя принимаютъ тоже пищу извнѣ и перерабатываютъ ее силами своего организма въ составныя его части. Но источникъ, откуда животныя тѣла извлекаютъ свою пищу, никогда не бываетъ тотъ же, чѣмъ и для растеній, говорятъ обыкновенно; а именно животныя питаются организмами растеній (травоядныя), или другихъ животныхъ (плотоядныя), или тѣми и другими виѣстѣ (всеядныя). Понятно, что разсмотрѣніе животныхъ должно начаться съ травоядныхъ, такъ какъ они составляютъ переходъ отъ растеній къ животнымъ плотояднымъ. Но травоядныя, съѣдая растенія, вводятъ въ свое тѣло и тѣ тѣла, которыя сложились въ растительныхъ организмахъ. Спрашивается, какимъ же измѣненіямъ подвергаются и могутъ подвергаться въ животномъ организмѣ эти принятая тѣла? Очевидно, они могутъ или далѣе усложняться, или разлагаться на болѣе простыя соединенія. Но которое-же изъ двухъ? Какъ это рѣшить? Мы бы легко могли добиться до отвѣта на этотъ вопросъ, еслибы, слѣдя за постепеннымъ ходомъ принятаго вещества въ животномъ организмѣ, могли дойти до тѣхъ его предѣловъ, когда очевидно, что вещество стало бы переходить изъ него въ окружающую среду (тѣла растеній переходятъ въ животныя). Вдобавокъ, какъ результатъ питанія въ организмѣ вообще есть образованіе

тканей, то нужно прежде всего хоть въ общихъ чертахъ знать ихъ составъ. Новѣйшая химія показала намъ анализами, что всѣ химическія вещества, которыя вырабатываются изъ пищи животнымъ организмомъ, представляютъ три категоріи: бѣлковыя вещества, жиры и углеводы. Вдобавокъ первая и третья изъ нихъ по химическому составу очень сходны съ такими же тѣлами въ растеніяхъ и притомъ бѣлковыя вещества играютъ самую важную роль въ составленіи самыхъ существенныхъ тканей животнаго организма (мускуловъ и нервовъ). Значить уже и а ргіогі могли бы мы заключить, что животныя получаютъ свои тканеобразовательныя тѣла почти готовыми изъ растеній — и главная задача ихъ питанія состоитъ въ измѣненіи этой неорганизованной пищи въ организованную, т. е. въ производствѣ изъ нея вещества всѣхъ своихъ тканей. Но если мы примемъ въ соображеніе, что тѣло животнаго постоянно разрушается внѣшними дѣятелями и собственной, внутренней дѣятельностью (тѣло безъ пищи слабѣетъ и наконецъ умираетъ), если прибавимъ къ этому, что тѣло животнаго (какъ показали многочисленныя опыты) ежеминутно и въ каждой части своей разрушается и для жизни требуетъ во всѣхъ этихъ частяхъ постоянного обновленія, то будетъ понятно, что животному организму предстоитъ постоянно очень много хлопотъ и что его *главная* цѣль и должна быть не столько образованіе новыхъ химическихъ соединеній (что составляетъ *главную* цѣль растенія), сколько трудъ произведенія изъ нихъ органическихъ тканей очень сложныхъ и разнообразныхъ по составу и свойствамъ. Принимая же въ соображеніе, во-первыхъ, что животныя реакціи, повидимому, дагѣ не ведутъ синтетическій процессъ усложненія, начавшійся въ растеніяхъ, а во-вторыхъ, что дѣйствіе кислорода воздуха извнѣ и внутри животнаго (путемъ дыханія, т. е. поглощенія этого газа организмомъ) не иначе можетъ обнаружиться въ этомъ послѣдствіи, какъ окисленіемъ, т. е. упрощеніемъ состава тканей, т. е. разрушеніемъ, мы быть-можетъ въ-правѣ вывести заключеніе, что химическія соединенія, приготовленныя растеніемъ, дають въ животномъ сравнительно болѣе сложныя ткани съ болѣе сложными отправлениями и затѣмъ, при дѣйствіи кислорода воздуха, разлагаются на болѣе и болѣе простыя тѣла, выходящія изъ организма различными путями: выдыханіемъ, испареніемъ чрезъ кожу, испражненіями, отдѣленіями различныхъ сляевъ и другихъ жидкостей.

Потому-то и говорятъ химики, что въ растительномъ тѣлѣ идутъ *прогрессивныя* преобразованія вещества, а въ животномъ — *регрессивныя*, т. е. говоря порусски, усложняющіяся и упрощающіяся. Замѣчательно, что въ лабораторіяхъ животной химіи, т. е. аналитической, а не составленію тканей, больше посчастливилось, чѣмъ растительной; мы имѣли возможность прослѣдить разложенія самыхъ сложныхъ животныхъ химическихъ тѣлъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ, а въ особенности подъ вліяніемъ окисляющихъ средствъ, и результаты этихъ

выскавій оказался очень сходнымъ съ тѣмъ, что представляютъ намъ аналитико-химическія реакціи въ животномъ тѣлѣ. Есть, правда, и слѣды прогрессивныхъ преобразованій въ животномъ тѣлѣ: такъ замѣчено, что оно 1) принимаетъ изъ растений много углеводовъ, и между тѣмъ въ немъ углеводовъ очень мало въ организмѣ; 2) что за то много въ немъ въ организмѣ жировъ, которыхъ готовыми получаетъ оно изъ растений въ небольшомъ количествѣ, и что 3) если считать формулы углеводовъ и жировъ, то окажется, что онѣ очень близки и что послѣдніе могли бы легко образоваться изъ первыхъ, выдѣляя изъ ихъ состава нѣсколько кислорода. Изъ этихъ трехъ данныхъ рѣшаются вывести заключеніе, что въ животномъ организмѣ углеводы растений большей частью переходятъ въ жиры. Но читатель въ правѣ спросить, имѣтъ-ли въ подтвержденіе этого хоть какихъ-нибудь болѣе положительныхъ фактовъ? Есть кое-какіе, но очень мало. Дѣло въ томъ, что въ лабораторіяхъ намъ еще не удалось непосредственно приготовить жиры изъ углеводовъ. Но съ другой стороны замѣчено, что организмъ животного, которое много принимало въ пищу углеводовъ, содержитъ въ себѣ очень много жира. Затѣмъ возможность перехода углеводовъ въ жиры разительно доказывается слѣдующимъ наблюденіемъ Gundlach'a: пчелы, питающіяся даже исключительно сахаромъ (углеводомъ) все-таки отдѣляютъ воскъ, вещество, по составу и свойствамъ близко подходящее къ жирамъ.

Но вообще, чтобы хоть сколько-нибудь уяснить себѣ, какіе химическіе процессы происходятъ въ животномъ организмѣ и какими путями движется въ немъ принятое вещество, прослѣдимте весь ходъ питанія напр. человѣческаго организма. Мы это можемъ удобно сдѣлать напр. по Льюису, Фохту и Молешотту.

Человѣкъ очень рѣдко принимаетъ твердую пищу, не размельчивъ ее предварительно, не говоря уже во рту зубами, но даже и внѣ организма чѣмъ-нибудь: руками, орудіями. Во всякомъ случаѣ во рту ужъ непремѣнно твердая пища подвергается размельченію посредствомъ зубовъ и въ тоже время изъ особенныхъ отдѣлительныхъ мѣшечковъ (слюнныхъ желѣзъ) выходитъ слюна и смачиваетъ пищу. Слюна играетъ роль относительно пищи болѣе механическую, чѣмъ химическую. Льюисъ говоритъ, что эта послѣдняя преимущественно состоитъ въ томъ, что слюна превращаетъ крахмалистыя вещества пищи въ декстрины и сахаръ. Это наблюденіе было сдѣлано Лейксомъ и подтверждено Шванномъ. Замѣтимъ, что хоть всѣ эти три вещества имѣютъ въ сущности одинаковый составъ ($C_6H_{10}O_5$), но мы предполагаемъ, что даже и здѣсь уже начинается процессъ окисленія, столь свойственный животному организму: извѣстно, что кислоты могутъ превращать крахмалъ въ декстрины. Впрочемъ вопросъ о химическомъ дѣйствіи слюны подвѣтъ серьезно только въ новѣйшее время и упоминаемое превращеніе, по замѣчанію наследователей (Leuchs, Nägeli, Eckhard, Ordenstein, Якубовичъ и др.), вѣроятно зависитъ отъ какого

нибудь вещества въ слюнкѣ, возбуждающаго процессъ броженія (отъ бродила, фермента), но такъ какъ самыя процессы броженія суть процессы аналитическіе, и вдобавокъ на химизмъ слюны: сильно дѣйствуетъ поглощаемый кислородъ воздуха, то мое упомянутое предположеніе объ окисляющемъ дѣйствіи слюны остается въ своей силѣ. Замѣчательно, что вареный крахмалъ превращается слюною въ виноградный сахаръ (родъ сахара, по свойствамъ своимъ похожій на сахаръ, имѣющійся въ виноградѣ). Мы не излагаемъ состава слюны, потому что большая часть тѣлъ, изъ которыхъ она состоитъ (ихъ можно насчитать десятка два), вѣроятно мало извѣстны нашимъ читателямъ, но замѣтимъ, что слюна вообще состоитъ изъ смѣси четырехъ жидкостей: изъ отдѣленія околоушной желѣзы (способствующей жеванію), подъязычной—содѣйствующей глотанію, подчелюстной, способствующей проявленію ощущенія вкуса, и наконецъ изъ отдѣленія слюнной оболочки рта.

Пища, хорошо разжеванная и перемѣшанная со слюною, причѣмъ произошло и упомянутое измѣненіе крахмала въ декстрины и сахаръ, черезъ трубку пищепріемнаго горла проходитъ въ желудокъ и здѣсь начинается 2 й періодъ ея измѣненія: желудочный. Въ немъ механическая работа состоитъ въ томъ, что пища постоянно вбалтывается и превращается въ кашицу (химификація пищи — отъ *chymus*, кашица) а химическая (особенно насъ теперь интересующая)—что идетъ дальнѣйшее ея измѣненіе при содѣйствіи особенной жидкости (желудочнаго сока). Вотъ какъ Льюисъ, по трудамъ новѣйшихъ физиологовъ (Бидлера, Шмита, Блондло, Бернара и др.), излагаетъ химическое дѣйствіе этого сока. Не пускаясь въ спеціальныя подробности, онъ вообще замѣчаетъ, что желудочный сокъ есть реагентъ кислотъ, содержащій вѣроятно кислоты: молочную ($C_6H_{12}O_6$) и солевую (HCl.). Кромѣ кислотъ есть въ немъ особенный реагентъ—пепсинъ (бѣлковинное вещество, составъ котораго еще мало изученъ). Эти кислоты и пепсинъ дѣйствуютъ на бѣлковинныя вещества, попадающія въ желудокъ, такъ, что даютъ съ ними соединенія *пептоны*, которыя имѣютъ свойства всасываться тѣломъ и уподобляться. Это свойство пепсина растворять (въ присутствіи свободныхъ кислотъ) и, значитъ, вести дальше бѣлковинныя вещества очень важно: безъ него бѣлковинныя вещества эти затрудняли бы только желудокъ и для питанія остались бы безъ употребленія. Какъ бы то ни было, пища пѣ желудка входитъ въ кишки (тонкія) въ видѣ полужидкой кашицы (*chymus*), состоящей изъ веществъ, потерявшихъ органическое строеніе и измѣненными упомянутымъ образомъ слюною и желудочнымъ сокомъ: именно бѣлковинныя вещества превратились въ растворимыя пептоны, крахмалистыя — въ декстрины и сахаръ, а жиры — въ жидкость, освободившись отъ клѣтчатыхъ оболочекъ. Значитъ, все-еще процессъ имѣетъ характеръ болѣе физическій, чѣмъ химическій. Но уже тутъ важенъ слѣдующій химическій шагъ: бѣлокъ отъ дѣйствія пеп-

сила измѣнилась противъ прежняго такъ, что сталъ теперь растворимымъ въ водѣ, въ разведенномъ спиртѣ, потерялъ способность свертываться и образовывать съ солями нерастворимыя соединенія. Вотъ сущность желудочной химіи.

Теперь прослѣдимъ пищу даѣе, а именно — кашницу въ тонкихъ кишкахъ (кишечное пищевареніе): здѣсь кашница превращается въ жидкость, называемую *молочнымъ сокомъ* (chylus). Тутъ, т. е. въ кишкахъ, характеръ процессовъ — преимущественно химическій, и главными реактивами являются три жидкости: жолчь, сокъ поджелудочной желѣзы и кишечный сокъ. Роль ихъ слѣдующая: жолчь образуется въ печени и отсюда проходитъ въ кишки. Печень отбѣляетъ отъ крови вещества, которыя она вновь слагаетъ въ жидкость, называющуюся жолчью и замѣчательную тѣмъ, что, попавши въ желудокъ, она останавливаетъ пищевареніе и производитъ тошноту и рвоту, а въ кишкахъ, напротивъ, содѣйствуетъ пищеваренію. Именно въ этомъ послѣднемъ случаѣ она, какъ можно заключить изъ новыхъ изслѣдованій Марсе, особенно замѣтно дѣйствуетъ на жиры (тѣла, состоящія изъ особенныхъ кислотъ и основаній) — содѣйствуетъ всасыванію ихъ кислотъ, выделяющихся изъ нихъ еще въ желудкѣ. Опыты дѣйствительно показали, что животныя перепонки, съ трудомъ пропускающія сквозь себя масла, легко ихъ пропускаютъ, если эти послѣднія смочены жолчью. Наконецъ замѣтимъ, что отъ дѣйствія жолчи бѣлковыя вещества снова дѣлаются нерастворимыми, но, какъ сейчасъ увидимъ, это не возвращеніе къ прежнему ихъ состоянію, а какое-то новое состояніе. Это обнаруживается въ своемъ химическомъ дѣйствіи второй изъ упомянутыхъ реagensовъ: поджелудочный сокъ; онъ снова дѣлаетъ бѣлковыя вещества растворимыми, но подъ условіемъ, чтобъ они предварительно подвергнулись упомянутому дѣйствію жолчи. Затѣмъ этотъ сокъ обращаетъ жиры въ растворимую эмульсію, а крахмалъ въ сахаръ. Но замѣчательно, что отъ совокупнаго дѣйствія жолчи и сока поджелудочной желѣзы совершается тотъ переходъ, который всего загадочнѣе для химиковъ: а именно сахара въ жиръ. Дѣйствительно, здѣсь подъ вліяніемъ этихъ реagensовъ идетъ дальнѣйшее окисленіе сахара (а слѣдовательно и крахмала, принятаго въ организмъ), причемъ получается молочная кислота, которая переходитъ въ масляную ($C_8H_{16}O_2$), одну изъ ряда жирныхъ кислотъ, т. е. такихъ, которыя съ особеннымъ основаніемъ, глицериномъ ($C_3H_5O_2$), даютъ жиры.

Наконецъ, говоритъ Фохтъ, кишечный сокъ заключаетъ въ себѣ много щелочей, и дѣйствуя на кислую пищевую кашницу, уничтожаетъ въ ней эту кислоту, что можно сдѣлать напр. соединеніемъ съ кислотами, заключающимися въ этой кашницѣ, щелочей кишечнаго сока.

Мы прослѣдили пищу до тѣхъ поръ, когда изъ нея выработалась молочнаго цвѣта жидкость, которая по составу ужъ очень близко подходитъ къ крови и во время прохожденія пищи по кишкамъ всасы-

вается изъ нихъ особенными сосудами (жилами), преимущественно такъ-называемыми воротными венами, которыя несутъ ее въ печень, гдѣ она перерабатывается въ кровь.

Но чтѣ дѣлается въ печени съ этой жидкостью? Это одинъ изъ вопросовъ, на которые современная животная химія всего болѣе затрудняется отвѣтить. Вотъ чтѣ мы можемъ замѣтить, держась изложенія Фохта: воротная вена, несущая пищевой сокъ въ печень, расходится въ ея массѣ очень мелкими развѣтвленіями. Затѣмъ изъ печени выходятъ тоже развѣтвленіями печеночныя вены, которыя, постепенно соединяясь, вливаютъ уже кровь въ большую полую вену, несущую ее въ сердце. Это путь крови; но все-таки интересно знать, что-же съ ней сдѣлалось въ печени? Мы уже выше видѣли, что печень имѣетъ способность выбирать у входящей въ нее жидкости нѣкоторыя части и образовать изъ нихъ жолчь. Далѣе доказано, что печень можетъ очистить эту жидкость отъ тѣхъ частей, которыя внесены изъ желудка и могли бы разрушительно подѣйствовать на органы, еслибы попали въ кровообращеніе. Напр. нѣкоторыя яды (укушеніе змѣи) не дѣйствуютъ смертоносно на кровь, если они предварительно попали въ желудокъ. Изъ строенія печени (только недавно основательно изученнаго) видно, что кромѣ мелкихъ развѣтвленій въ ней кровеносныхъ сосудовъ, съ ними чрезвычайно перемѣшаны развѣтвленія сосудовъ, выносящихъ изъ печени жолчь, такъ что оба вида этихъ микроскопическо-тонкихъ жилочекъ отдѣляются другъ отъ друга тончайшими стѣнками, которыя нисколько не затрудняютъ имъ обмѣниваться своими жидкостями.

Когда химія организмовъ не имѣетъ непосредственныхъ наблюдений надъ сущностью какого-нибудь въ нихъ процесса, то она беретъ химическія тѣла до ихъ вступленія въ органъ, въ которомъ совершается загадочный процессъ, затѣмъ ихъ же *послѣ* выхода изъ этого органа, и изъ сраженія ихъ составовъ въ обоихъ случаяхъ выводитъ свои предположенія о сущности самаго процесса.

Такъ и относительно печени: въ нее входитъ пищевой сокъ, а выходитъ венозная (темная) кровь. Есть множество гипотезъ о томъ, чтѣ дѣлается въ печени, какъ образуется въ ней жолчь изъ бѣлковинныхъ веществъ и жировъ жидкости, принесенной воротной веной (все это очень обстоятельно изложено у Горуль-Безанеца), но ничего рѣшительно нельзя въ этомъ отношеніи принять за окончательный выводъ. Поэтому, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить читателя относительно роли печени въ животной химіи, мы приведемъ здѣсь результаты изслѣдованій Лемана и Шмита надъ составомъ крови воротной вены и печеночныхъ, т. е. входящей въ печень и выходящей. Последняя, по изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ, заключаетъ, сравнительно съ первой, *болѣе* слѣдующихъ веществъ: кровяныхъ шариковъ (кровь состоитъ изъ красныхъ шаровидныхъ клѣточекъ и желтоватой жидкости — плазмы), глобулина (бѣлковое вещество, заклю-

чающееся въ кровяныхъ шарикахъ), экстрактивныхъ или вытяжныхъ веществъ и сахару, котораго очень много; жидкѣ же: плазма, воды, фибрина, инатива (вещества, придающаго красный цвѣтъ шарикамъ и изъ нихъ заключающагося), солей и жировъ. Вообще Горушъ-Безанецъ замѣчаетъ, что молочный сокъ можетъ быть разсматриваемъ какъ будущая кровь, но что въ ней главнымъ образомъ недостаетъ красныхъ кровяныхъ шариковъ (но много шариковъ безцвѣтныхъ). Леманъ и нѣк. другіе физиологи говорятъ, что эти послѣдніе образуются въ печени, а изъ нихъ уже вырабатываются кровяные шарикѣ.

Но кровь, вышедшая изъ печени и другихъ, сходныхъ съ нею по отравленіямъ желѣзъ, еще не можетъ прямо быть потребленной организмомъ на образованіе тканей, а должна черезъ сердце пройти въ легкія и тутъ окончательно окислиться вдыхаемымъ кислородомъ воздуха, и окислившись, опять черезъ сердце пройти въ бьющіяся жилы (артеріи), которыя, развѣтвляясь чрезвычайно мелко, разносятъ ее по всему организму. Спрашивается, чтб же тутъ происходитъ въ химическомъ отношеніи? Наблюденіе съ перваго же раза показываетъ, что приливши въ легкія, темная «вѣнозная» кровь дѣлается ярко-красною (артеріальною), причѣмъ ею поглощается кислородъ, а выдыхается углекислота. Но какъ болѣе научно объяснить это явленіе? Чѣмъ удерживается въ крови этотъ кислородъ? Куда онъ идетъ, попавши въ кровь и чтб дѣлается съ нимъ? Откуда берется въ крови выдыхаемая углекислота? Многочисленныя и въ высшей степени старательныя наблюденія показавали слѣдующее: каждая ткань, словоиъ, каждое мѣсто животнаго организма находится въ безпрерывной дѣятельности (движеніи), причѣмъ составъ его ткани разрушается, т. е. сложныя его составныя части разлагаются на болѣе простыя. (Быть можетъ это разрушеніе и есть главный двигатель животнаго организма въ его дѣятельности.) Кровь, притекающая къ нимъ, уноситъ отъ нихъ негодныя частицы и отдаетъ отъ себя такія, которыя могутъ содѣйствовать возстановленію прежняго, нормальнаго состава ткани.

Изъ имѣющихся фактовъ въ этихъ отношеніяхъ можно, кажется, заключить, что это возстановленіе производится кровяными шариками, которые, теряя органическій составъ въ волосныхъ сосудахъ артерій (тончайшихъ ихъ развѣтвленіяхъ), просачиваются сквозь ихъ стѣнки и переходятъ въ составъ ткани. Вотъ при этомъ-то переходѣ, говоритъ Фохтъ, шарики и отдаютъ кислородъ, который они вообще имѣютъ способность поглощать. При этомъ, съ другой стороны, кровяная плазма отнимаетъ у ткани углекислоту (обыкновенный продуктъ разрушенія органическихъ веществъ), которая частью присоединяется къ углекислому натру (соли, находящейся растворенной въ плазмѣ), дѣлаетъ ее кислою, частью механически растворяется въ плазмѣ, а потомъ отъ дѣйствія воздуха выходитъ изъ нея. Всѣ эти опыты были повторены надъ кровью и въ лабораторіи. Значить можно

предположить, что кровь, вышедшая из печени, еще содержит много продуктов разрушения, негодных для восстановления тканей и что в легких она, с одной стороны, очистится от них, а с другой — примет кислород, без которого тоже не может действовать на эти ткани живительно.

Наконец замѣтимъ, что кровь еще имѣетъ множество путей выносить изъ организма испорченныя вещества тканей, о чемъ мы уже сказали выше. Вотъ сущность процесса питанія животнаго тѣла — животной химіи. Читатель конечно замѣтилъ, что о немъ мы могли говорить только вообще, гадательно и что много еще надо сдѣлать, чтобы была возможность изложить его въ математически-точныхъ формулахъ. По несомнѣнно, что представленная нами выше характеристика процессовъ животной химіи оказывается вѣрной.

Перейдемъ теперь къ чрезвычайно любопытному вопросу о томъ, на сколько современная химія успѣла повторить въ лабораторіи синтетическія работы, которыя мы прослѣдили въ растительныхъ организмахъ? Чтобы облегчить читателю уразумѣніе результатовъ химическихъ работъ по этому вопросу, мы просимъ его вспомнить, что въ этихъ растительно-синтетическихъ процессахъ мы замѣтили именно тѣ переходы изъ соединенія къ соединенію, которые замѣчаются и въ нижеслѣдующихъ послѣдовательныхъ открытіяхъ лабораторной химіи. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ:

Было время, когда предполагалось, что тѣ вещества, которыя приготовляются силами организмовъ, никогда не будутъ приготовлены искусственно человекомъ, потому-де, что она приготовляются особенными, присущими только организмамъ, «жизненными» силами, которыми человекъ не можетъ распорядиться, а тѣмъ болѣе создавать. Но новѣйшія изслѣдованія совершенно разрушили это благочестивое убѣжденіе и показываютъ, что человекъ, поднимаясь болѣе и болѣе по лѣстницѣ искусственно приготовленныхъ «органическихъ» соединеній, дошелъ уже почти до ея верхней ступени, т. е. до бѣлковинныхъ веществъ, хотя нельзя не замѣтить, что въ этихъ почтенныхъ и смѣлыхъ работахъ, чѣмъ выше взять эти ступени, тѣмъ результаты ихъ шатче, такъ что относительно нѣкоторыхъ высшихъ тѣлъ есть еще, пока, только намеки на возможность ихъ искусственнаго полученія. Начинаемъ съ низшихъ соединеній.

Важной побѣдой (и чуть ли не важнѣйшей) химіи надъ витализмомъ (ученіемъ, что химическія силы не могутъ дѣйствовать въ организмахъ) было искусственное полученіе одного изъ продуктовъ дѣятельности животнаго организма, а именно мочевины, тѣла, заключающагося въ животной мочѣ. Этотъ способъ найденъ въ 1828 г. Вѣлеромъ (Wöhler). Мочевина имѣетъ формулу CN_2H_4O : это формула эмпирическая. Но читатель согласится, что можно бы написать ее и такъ: $CNO(NH_2)$, т. е. соединеніе амміака (NH_3) съ тѣломъ CNO . Теперь вопросъ, есть ли такое тѣло CNO ? Есть: это такъ-называемая циановод

кислота (соединеніе сложнаго радикала піана CN съ кислородомъ). Но эта кислота получается изъ элементовъ искусственно; разумѣется, легко явился вопросъ: нельзя ли и мочевины приготовить искусственно, соединить эту кислоту (ціановую) съ амміакомъ, тѣломъ, которое тоже можно составить изъ элементовъ въ лабораторіи? Дѣйствительно, упомянутый химикъ приготовилъ изъ этихъ элементовъ мочевины, слѣдующимъ образомъ: пропускалъ въ растворъ ціановой кислоты въ эфирѣ амміакъ, причемъ получилъ осадокъ ціаново-амміачной соли $(CN(NH_2)O)$, растворилъ ее въ водѣ и при выпариваніи раствора она превратилась въ новое тѣло — *мочевину*.

Мы можемъ представить читателю и способы искусственнаго приготовления одного углеводороднаго органическаго соединенія (этилена) и нѣсколькихъ кислотъ, образующихся въ растительныхъ и животныхъ организмахъ, напр. щавелевую (въ щавлѣ), уксусную (во многихъ растеніяхъ), муравьиную (въ муравьяхъ) и др. — и все изъ веществъ, которыя мы получаемъ прямо изъ элементовъ въ лабораторіяхъ, сложимъ разъ навсегда. Такъ *этиленѣ* (C_2H_4) получается, пропуская черезъ трубку съ накалиною мѣдью смѣсь паровъ сѣрнистаго углерода и сѣрнистаго водорода. Мѣдь въ обоихъ соединеніяхъ отнимаетъ сѣру и съ ней соединится, а C и H соединятся въ этиленъ. Такъ при 100° ждкое кали (окись металла калия) поглощаетъ окись углерода, если смѣсь обоихъ была заключена въ замкнутый сосудъ, причемъ образуется муравьиный калий: $KNO \times CO$ даютъ $CNKO$, а перегоняя эту соль съ слабою сѣрною кислотой (она сильнѣе все-таки муравьиной и отнимаетъ у нея основаніе, т. е. кали, по общимъ законамъ химіи), получимъ въ пріемникѣ *муравьиную* кислоту (CN_2O_2), т. е. ту, которую находили въ муравьяхъ и крапивѣ и которая (укушеніемъ и ужаленіемъ), попавши въ наше тѣло, производитъ въ немъ такой непріятный зудъ. Словомъ, подобными пріемами получены теперь цѣлый рядъ органическихъ кислотъ, болѣе и болѣе сложныхъ: щавелевую, уксусную и пр. Но положимъ такъ, говоритъ читатель; органическія кислоты гдѣ самая низшая ступень преобразованія неорганическихъ веществъ въ растеніи, слѣдовательно еще очень недалеко отъ неорганической природы. Но любопытно знать, была ли на столько же счастлива химія въ полученіи слѣдующей, второй ступени органическихъ тѣлъ, *спиртовъ*? Мы надѣемся и въ этомъ отношеніи удовлетворить читателя, сообщивъ ему, что найдены теперь способы искусственнаго полученія и спиртовъ, т. е. высшихъ степеней синтетическаго соединенія углекислоты, воды и амміака и результатовъ раскисленія упомянутыхъ органическихъ кислотъ силою растительнаго организма. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ слѣдующій опытъ Бертелло (ученаго, которому химія очень много обязана въ занимающемъ насъ вопросѣ). Онъ получилъ изъ болотнаго газа CH_4 (который получается уже неорганическимъ путемъ) органическое тѣло: *спиртъ*, тремя способами, изъ которыхъ мы приводимъ самый

простой, а именно, дѣйствіе ѣдкаго кали на соединеніе CH_3Cl , которое получается при дѣйствіем хлора на болотный газъ: т. е. $\text{CH}_3\text{Cl} + \text{KHO}$ даютъ KCl и этотъ спиртъ (CH_3O) Но можетъ-быть вѣкторымъ читателямъ показалось бы удовлетворительнѣе получить искусственно настоящій спиртъ, не древесный, а витейный, т. е. *алкоголь*; такъ мы можемъ и ихъ утѣшить, сообщая, что Бертелло получалъ его изъ вышеупомянутаго этилена, распуская его въ сѣрной кислотѣ и потомъ разбавляя и перегоняя растворъ.

Но на этомъ не остановилась химія; она пошла выше, и принимая въ соображеніе, что *сахаристыя* вещества составляютъ въ растеніяхъ еще высшую степень синтеза противъ спиртовъ, стала искать, нельзя ли и ихъ получить изъ этихъ уже полученныхъ искусственно низшихъ степеней, стало-быть тоже изъ элементовъ. Наслѣдованія ея и въ этомъ отношеніи оказались успѣшными, по крайней мѣрѣ дали слѣдующій результатъ: въ виноградныхъ ягодахъ, вишневыхъ, сливахъ и очень многихъ другихъ плодахъ и въ меду есть много сахаристаго вещества, называемаго *глюкозою* и являющаго формулу $\text{C}_6\text{H}_{12}\text{O}_6$. Съ другой стороны, есть органическое соединеніе: *щавелевый этиль* ($\text{C}_2\text{H}_4\text{O}_4$), который получается изъ щавелевой кислоты и спирта, т. е. веществъ, уже получаемыхъ, намъ мы видѣли, изъ элементовъ въ лабораторіяхъ. Такъ вотъ недавно Лёвигъ, дѣйствуя на этотъ щавелевый этиль металломъ натріемъ, получилъ одну очень сложную органическую кислоту и — сахаристое вещество, очень сходное съ обыкновенною глюкозою.

Послѣ этого остались еще какъ-будто недоступными химіи только двѣ (забудьте, высшія) ступени химической дѣятельности растеній: *алкалоиды* и *бѣлковинныя* вещества. Но увылъ съ каждымъ днемъ химія подбирается къ нимъ ближе и ближе. Такъ мы знаемъ, что уже получена искусственно мочевины и многіе другіе *алкалоиды*, такъ что Жераръ не сомнѣвается, что вскорѣ мы будемъ брать такіе алкалоиды, какъ хининъ, морфинъ, наркотинъ не изъ растеній, а въ лабораторіяхъ, несмотря на всю сложность ихъ состава. Наконецъ скажемъ читателю, что химія можетъ уже предполагать насчетъ искусственнаго полученія даже... *бѣлковинныхъ веществъ*. Вотъ что читаетъ у г. Менделѣева: если взять сахарный растворъ и прибавить къ нему аммиачной соли и фосфорныхъ солей и затѣмъ самое малое количество дрожжей (единственнаго изъ этихъ тѣлъ, которое не получается еще искусственно), то начнется броженіе, и изъ сахара и аммиака стануть образоваться бѣлковыя вещества. Горуль-Безанедъ очень справедливо замѣчаетъ, что, основываясь на легкости, съ которой мы вообще получаемъ посредствомъ аммиака изъ безазотныхъ соединеній азотныя, можно съ достовѣрностью предположить, что и въ растеніяхъ этимъ же путемъ получаютъ самыя сложныя ихъ вещества, бѣлковыя. Стало-быть, прибавимъ мы, если удастся и въ лабораторіяхъ получить такимъ же образомъ бѣлковое тѣло, то, чтобы

овладѣть всѣми процессами, которые до сихъ поръ составляли монополию организовъ, и слѣдовательно слить въ одно мощное цѣлое двѣ химіи — лабораторную и органическую (т. е. химію организовъ), останется... искусственное приготовленіе организованнаго тѣла, т. е. клѣтки, въ успѣхъ чего мы однакоже не имѣемъ основанія сомнѣваться.

Но въ виду такихъ блистательныхъ завоеваній химіи, проникнутой священнымъ трепетомъ читатель можетъ спросить: нѣтъ-ли возможности выработать общаго закона химическихъ соединеній, чтобы знать напередъ, что выйдетъ изъ такого-то столкновенія элементовъ, въ какой степени и почему прочность ихъ соединенія въ данномъ тѣлѣ зависитъ отъ ихъ качества и количества? Теорія типовъ Жерара—уже большой шагъ на этомъ поприщѣ, какъ мы видимъ, но еще несравненно больше осталось сдѣлать. Но что именно? Составитель популярной журналь-ой статьи, (неправда ли?) можетъ рѣшиться сказать въ этомъ отношеніи *только* слѣдующее: прежде всего нужно бы принять, въ интересахъ объединенія явленій и силъ природы и легкости ихъ изученія, что матерія состоитъ изъ однородныхъ, безконечно-малыхъ частицъ, связанныхъ однородной же силой *притяженія* — стало-быть, что есть *одна* матерія и *одна* сила. Но, смотря по обстоятельствамъ, частицы эти могутъ давать различныя группировки и получать въ такой сложности тѣ свойства, которые дѣлаютъ ихъ въ глазахъ большинства людей безконечно-различными тѣлами, а силы могутъ столь же безконечно-разнообразно сливаться въ равнодѣйствующія и разлагаться на составляющія. Принявъ такую гипотезу въ основаніе химическаго ученія, мы бы могли сейчасъ же вывести изъ нея а ргіогі слѣдующіе законы для химическихъ процессовъ, которые (т. е. законы) вполне подтверждаются уже и теперь фактами: 1) Прочность соединенія двухъ химическихъ тѣлъ А и В будетъ зависѣть не отъ ихъ сродства (иначе два тѣла могли бы только въ одной пропорціи соединяться), но отъ той силы, которую каждое изъ нихъ должно бы употребить, чтобы преодолѣть такъ-называемую силу сцѣпленія своихъ собственныхъ атомовъ. 2) Тѣла могли бы соединяться разомъ по 2, 3, 4, 5-ти и болѣе, но такъ какъ ихъ сила при этомъ должна бы раздробляться между болѣе и болѣе количествомъ членовъ, то понятно, что соединеніе должно бы быть тѣмъ легче разрушимо, чѣмъ частица его будетъ состоять изъ большаго количества членовъ, что вполне подтверждается фактами. 3) Основываясь на соображеніяхъ, что а) весь разнообразнѣйшій по своимъ веществамъ органическій міръ состоитъ изъ очень немногихъ элементовъ, а довольно однообразный неорганическій—чуть не изъ 60, что б) тѣла изъ четырехъ элементовъ составляютъ все-таки сущность животнаго царства (вѣдь все-же изъ азотистыхъ веществъ образуются животныя ткани), а изъ трехъ — растительнаго (скелетъ растенія состоитъ изъ клѣтчатки, углевода, состоящаго изъ 3-хъ элементовъ),

мы едва ли не въ-правѣ заключить (конечно а priori; но отъ этого въ опытныхъ наукахъ, да и вообще въ наукахъ заключеніе не можетъ и не должно терять значенія), что неорганической міръ состоитъ изъ 2-хъ только элементовъ, и именно—принимая азотъ за характеристику животнаго міра, углеродъ — растительнаго, для минеральнаго остается—кислородъ и водородъ, и именно водородъ можетъ быть его характеристикой, потому что и теперь онъ въ своихъ проявленіяхъ является типомъ минераловъ. (Между-прочимъ намъ бы легко было показать, что вѣрованія алхиміи въ возможность перехода металловъ одного въ другой не были неосновательными фантазіями.)

Наши предположенія, конечно, не понравятся многимъ записнымъ ученымъ, но кто не знаетъ, что вообще записные ученые вносятъ мало жизни, мало свѣжаго взгляда даже въ *свои* науки, а больше разрабатываютъ чужія идеи? Кто знаетъ, быть-можетъ и нашей (дѣйствительно смѣлой!) гипотезѣ суждено получить изъ ихъ рукъ строго-научную разработку на основаніяхъ вычисленій высшей математики и всесторонняго изученія всевозможныхъ отношеній между химическими тѣлами. Какъ бы то ни было, мы рѣшились высказать и свои мнѣнія — пусть читатель беретъ ихъ, за что почтетъ.

Но спрашивается: пока еще осуществляются на дѣлѣ тѣ или другія апіоріическія предположенія, какая судьба предстоить отношеніямъ между химіей лабораторной и органической, чѣмъ онѣ могутъ быть другъ для друга теперь и въ будущемъ, гдѣ ихъ точка соприкосновенія и затѣмъ сліянія? На основаніи всего вышесказаннаго читатель едва ли усомнится, что недалеко то время, когда обѣ эти химіи сольются въ одно стройное цѣлое и исчезнутъ между ними прискорбный и застарѣлый антагонизмъ, который раздѣляетъ теперь химиковъ и физиологовъ на два чуть не враждебныхъ лагеря; что точкой ихъ соприкосновенія и сліянія будутъ прежде всего растительно-химическіе процессы, и что наконецъ, даже и до сліянія еще, онѣ должны оказывать другъ другу слѣдующія услуги: химія лабораторная должна по-возможности стараться производить искусственно химическія реакціи организмовъ и изучать свойства химическихъ тѣлъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ, а физиологическая химія — выяснять и выдѣлять всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ происходитъ тотъ или другой процессъ въ организмѣ, передавая свои наблюденія тотчасъ же въ лабораторію для воспроизведенія тѣхъ же явленій, такъ-сказать искусственно-химическими приѣмами. Всѣ современные факты показываютъ, что обѣ химіи, къ счастью, находятся именно на начерченномъ нами пути: «Богъ-помощь имъ!» скажемъ съ читателемъ.

Въ заключеніе этой статьи, великимъ считаемъ слѣловать нѣсколько замѣтокъ о двухъ-трехъ изъ приведенныхъ нами въ началѣ ея сочиненій, собственно въ интересахъ библиографическихъ.

Такъ изъ книгъ по химіи мы обращаемъ вниманіе читателя на *Органическую химію г. Менделѣева*, изложенную очень обстоятельно и по

системѣ, близко подходящей къ послѣдовательности химическихъ явленій въ организмѣхъ. Авторъ воспользовался выгодами унитарной теоріи, хотя держитъ себя относительно ея совершенно самостоятельно: въ основаніе системы изложенія у него всегда взяты два начала: гомологія и происхождение.

Химія Одлмпа, въ переводѣ г. Савченкова, вышла еще не вся: только два выпуска. Авторъ ея имѣлъ цѣлью, какъ самъ говоритъ, облегчить своимъ курсомъ преподаваніе химіи по унитарной системѣ въ оксфордскомъ университетѣ. Предметы въ ней изложены очень подробно; такъ постоянно обращено вниманіе и на практическую роль различныхъ химическихъ соединений.

Химическая лабораторія К. Штаммера, часть I-я, будетъ очень полезна тѣмъ, кто захочетъ основательно познакомиться съ разными химическими приборами и сущностью важнѣйшихъ химическихъ операций. Дѣло изложено очень живо въ формѣ дружескихъ писемъ (24 въ переведенной книжкѣ). Прочитавшіи ихъ внимательно и выполнившіи все, что въ нихъ предлагается, получатъ въ результатѣ слѣдующее, какъ было замѣчено мною въ свое время въ «Книжномъ Вѣстникѣ» № 16: 1) устроить у себя очень дешево довольно полную лабораторію (постоянно указываются русскія цѣны и мѣсто полученія предметовъ въ Петербургѣ); 2) будетъ умѣть производить самъ всевозможные химическіе опыты; 3) познакомится съ сущностью химической теоріи и 4) приготовить себѣ разные препараты и реактивы, изъ которыхъ (дѣло очень важное), группируя ихъ постепенно по указанію книжки въ различные ящики, ему легко будетъ, если издается, вывести самому общія характеристики для каждой группы, по которымъ г. Штаммеръ указываетъ располагать эти препараты. Выборъ опытовъ всегда основанъ на занимательности предмета въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Съ сочиненіемъ Горупа-Безанеца и его переводомъ мы уже познакомили читателя въ одномъ изъ номеровъ нашего журнала.

Чтоже касается до книгъ по физиологій человека, то новѣйшей нашей литературѣ принадлежитъ собственно два сочиненія: *Физиологическія письма Фогта* (изъ 3-хъ томовъ вышелъ въ переводѣ только первый) и *Ученіе о пищѣ, Мошотта*. Первое изъ этихъ сочиненій, съ характеромъ изложенія котораго читатель могъ познакомиться въ нашей статьѣ, разсматриваетъ въ 9-ти письмахъ процессы кровообращенія, пищеваренія, дыханія и отдѣленій, короче — такъ-называемую растительную жизнь животнаго организма; а сочиненіе Мошотта, познакомивъ читателя (въ 1-й главѣ) съ этими же процессами, въ остальныхъ двухъ книгахъ излагаетъ физиологическое значеніе разныхъ кушаній, напитковъ и приправъ и важнѣйшія правила питанія. Вообще въ изложеніи своихъ предметовъ Мошоттъ старается быть краткимъ, возможно точнымъ и научнымъ; вездѣ онъ имѣетъ цѣлью ясно представить отношеніе между химическимъ составомъ питатель-

ныхъ вѣществъ и потребностями организма, т. е. сущностью химическихъ процессовъ, въ немъ происходящихъ. Потому-то намъ кажется положеніе у него этого послѣднаго вопроса нѣсколько поверхностнымъ и неполнымъ; видно, что онъ боялся углубиться въ химию, а между тѣмъ безъ этого нельзя ничего основательнаго сказать о вѣщѣ, за которой взялся Молешоттъ. (Мы надѣемся, что наша статья можетъ послужить надлежащимъ дополненіемъ книгамъ его и Фохта, у котораго химизмъ пищи изложенъ тоже не довольно строго-научно.) Но за исключеніемъ этихъ пробѣловъ, книги Фохта и Молешотта (послѣдняя найдетъ больше читателей: она короче и представляетъ одно самое существенное) составляютъ пріятное пріобрѣтеніе для нашей читающей публики.

Въ заключеніе скажемъ, что въ надеждѣ на большее и большее пробужденіе въ нашей серьезной публикѣ сочувствія къ успѣхамъ естествознанія, мы по-временамъ будемъ стараться знакомить съ новыми пріобрѣтеніями въ области естественныхъ наукъ, излагая дѣло, впрочемъ, въ связи съ настоящей статью, во избѣжаніе повтореній.

Ок. Мильчевскій.

IL PIANTO.

(ИЗЪ БАРБЬЕ)

Грустно знать, что въ мирѣ всюду зло да муки,
Пѣть страданья пѣсни, адскіе ихъ звуки;
Грустно только тучи видѣть на лазури,
На лицѣ веселомъ слѣдъ душевной бури...
Счастливы тотъ, кто въ жизни небомъ не обиженъ,
Кто дворцовъ богатство да и бѣдность хижинъ
Все считаетъ благомъ и добромъ на свѣтѣ!...
Муза! Еслибъ были мы съ тобою дѣти,—
Мы-бы съ рѣзвымъ смѣхомъ межъ цвѣтовъ играли,
Отогнавъ отъ сердца ягучія печали;
Въ кудряхъ золотистыхъ и стройна какъ колось,
Ты-бы мнѣсю счастья пѣла, и твой голосъ
Мнѣ звучалъ любовью, и твоимъ дыханьемъ
Сладостно обвѣявъ, жилъ-бы я мечтаньемъ!..

Но иной мнѣ голосъ слышится суровый...
Шепчетъ онъ печально: жизнь для насъ—оковы.
Каждый въ этомъ мирѣ, какъ баранъ средь стада,
Бѣлый или черный носить знакъ, и надо
За столпомъ горящимъ, что дорогу кажетъ,
Слѣдовать невольно,—а куда?.. кто скажетъ?
Голову склоняя и презрѣвши муку
Тѣхъ, кому хотѣлось протянуть-бы руку,
Путь влачить тяжелый суждено намъ рокомъ...
Я утратилъ радость съ нимъ въ бою жестокомъ!
О, земля! больницей для меня ты стала:
Съ каждаго одра я сдерну покрывало,
Положу я, люди, въ ваши раны пальцы,
Чтобы гной обмыть вашъ, бѣдные страдалцы!

В. БУРЕНИНЪ

ИПОХОНДРІЯ.

Подумать страшно, что такой
Конецъ сужденъ житейской драмѣ, —
Что будешь въ узкой, темной ямѣ
Лежать недвижный и нѣмой;
Что черви примутся точить
Твое покинутое тѣло,
Точить то сердце, что умѣло
И ненавидѣть и любить;
Что послѣ многихъ, многихъ лѣтъ
Какой-нибудь мечтатель праздный
Найдетъ твой черепъ безобразный
И отнесетъ въ свой кабинетъ,
Чтобъ вмѣсто мрамора лежалъ
Онъ на листахъ бумаги пыльной,
Или дѣтей жилецъ могильный,
Какъ зашалаютъ они, пугаль.

А. Пяшцевъ.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ПАРИЖѢ.

(Третье письмо къ редактору «Б. для Ч.»)

У en paradiso la simia era simia.
«Обезьяна и въ раю была обезьяною.»
Испанская пословица.

Когда я писалъ вамъ первое письмо о русскомъ обществѣ въ Парижѣ, я думалъ второе письмо написать совсѣмъ не такъ, какъ я его написалъ; а писавши второе, я ужь совсѣмъ не считывалъ писать третье. Обращаясь въ концѣ втораго письма къ тому, какъ я исполнилъ обѣщанія, данныя въ первомъ письмѣ, я сказалъ: «обѣщанія даются по надеждамъ, а исполняются по обстоятельствамъ». Оговорясь такимъ образомъ, я полагалъ, что для всѣхъ, кто прочтетъ мои письма, моя оговорка будетъ повяжна, но и вы и я знаемъ, что весьма многіе изъ читавшихъ мои письма ее не поняли. «Наобѣщавъ, говорятъ, много, а на дѣлѣ одного чуть коснулся, а о другомъ совсѣмъ ничего не сказалъ. Гдѣ же Поповка? Гдѣ житыя едипцевцевъ? Мы хотимъ объ этомъ слышать: пусть допишетъ и про Поповку, и про едипцевцевъ, и про то, какъ барыни наши тамъ живутъ, и какъ русскіе теперъ съ поляками обращеніе имѣютъ, и про все, про все.» Съ одной стороны я радъ, что нѣкоторые читатели вашего журнала удостоили мои письма такого пріятнаго вниманія, а съ другой мнѣ грустно, что требовательность ихъ въ нынѣшнемъ случаѣ, послѣ моей оговорки, показываетъ ихъ несообразительность и что я, при всемъ желаніи отвѣчать на всѣ вопросы о рус-

скомъ обществѣ въ Парижѣ, никакъ не могу этого сдѣлать въ той мѣрѣ, въ которой имъ этого желательно. Пусть не винятъ меня въ томъ, въ чемъ я вовсе не виноватъ. Я бы душой радъ тѣшить ихъ рассказами о нашихъ безобразникахъ хоть цѣлыя годы, да вѣдь чтожь подѣлать? Стань разводить, такъ и нанянешь такую же белиберду, которая въ годъ десять разъ заводится то въ томъ, то въ другомъ изданьицѣ подъ рубриками: «Наши безобразники», «Дома и заграницею» и вообще разнообразнымъ пошлымъ и скучно-глупымъ враньемъ въ этомъ родѣ. Терпѣть не могу этихъ безсодержательныхъ и до конца живыхъ очерковъ; зрѣть ихъ не могу безъ крайняго омерзѣнія и не понимаю, какъ находятся охотники приобрѣтать подобную ерундищу и угощать ею благосклоннаго читателя. Очень ужъ все это гадко какъ-то, даже и говорить-то объ этомъ гадко. Вы вѣдь можете-быть не повѣрите, что все это на половину пишется съ давнымъ-давно бродящихъ заграницею анекдотовъ о русскихъ, — а это вѣрно какъ $2 \times 2 = 4$. Ну чтоже это за очерки? Что въ нихъ можетъ хоть мало-мальски знакомить съ дѣйствительнымъ житьемъ нашихъ соотчичей заграницею? Ничего? Разумѣется ничего. Это скучный и глупый вздоръ, котораго можно сыпать безъ конца, а читатель, по вѣчноприсущей ему несообразности, не беретъ въ расчетъ, что самымъ простымъ образомъ рассказать о дѣяніяхъ русскаго общества въ Парижѣ гораздо неудобнѣе, чѣмъ изобразить, какъ вѣчный русскій купецъ вѣчно бьетъ у Вашета зеркало и потомъ влюбляется въ благонравную дѣвицу, проматываетъ съ нею вѣкоторую почтенную сумму и потомъ узнаетъ, что она камелия съ итальянскаго бульвара. Повѣрите, что еслибы наши старики, бывавшіе лѣтъ двадцать тому назадъ заграницею, не лѣнились писать, то они могли бы удостовѣрить, что описанные въ прошломъ и позапрошломъ годахъ «наши безобразники въ Парижѣ» безобразничали богъ вѣсть когда, и о ихъ безобразіяхъ наши старики слышали уже сто разъ, прежде чѣмъ ихъ въ прошломъ году записалъ повернувшійся въ Парижѣ литературщикъ. Оттого въ обществѣ и нѣтъ сколько-нибудь приблизительно вѣрнаго представленія о нашемъ житьѣ бытѣ въ Парижѣ и вообще заграницею, по мѣстамъ наиболѣе обитаемымъ русскими. Въ настоящемъ письмѣ, котораго я не рассчитывалъ вовсе писать и

которое уже прошу васъ считать послѣднимъ, я постараюсь по мѣрѣ возможности удовлетворить вопросамъ, возникшимъ со стороны читателей вашего журнала, а по собственному побужденію расскажу только чего русское общество *не дѣлаетъ* въ Парижѣ. Это не менѣе важно для его характеристики, чѣмъ самыя подробнѣшія описанія его многообразныхъ дѣяній.

Начну отвѣтомъ:

КАКІЯ ОТНОШЕНІЯ СУЩЕСТВУЮТЪ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМЪ РУССКИМЪ КЪ ПОЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ ВЪ ПАРИЖѢ? И КСТАТИ ОТНОШЕНІЕ РУССКИХЪ КЪ ДРУГИМЪ СЛАВЯНАМЪ.

Я ѣхалъ въ Парижъ въ первый разъ и не имѣлъ тамъ ни одного знакомаго человѣка, кромѣ отца Васильева, съ которымъ лѣтъ за пять или за шесть до моей пѣздки случайно познакомился въ одномъ монастырѣ орловской губерніи. Тогда онъ любезно приглашалъ меня навѣстить его, когда буду въ Парижѣ, но сборы мои за границу задерживались тысячею неблагоприятныхъ случайностей и я имѣлъ полнѣйшее право думать, что землякъ мой, отецъ Васильевъ, давнымъ-давно забылъ о нашемъ многолетнемъ знакомствѣ и о своемъ любезномъ приглашеніи. У меня также не было никакихъ рекомендацій, кромѣ письма къ сыну одного евангелическаго пастора, очень молодому господину, учащемуся въ Парижѣ медицинѣ. Ѣхалъ я не единственно для препровожденія времени и не на собственные средства. Я ѣхалъ въ Парижъ около трехъ мѣсяцевъ. При существующихъ теперь путяхъ сообщенія это довольно долго, но однако это было такъ. У меня былъ маршрутъ, которымъ обыкновенно никто до Парижа не слѣдуетъ. Онъ лежалъ черезъ всю Литву, по которой я знался богъ-знаетъ какъ долго, останавливаясь въ Вильво, въ Бѣловѣжѣ, Цинскѣ и Домбровицѣ; потомъ съ остановками же я проѣхалъ Волынь и перевалился за границу въ Радзивиловѣ. Отсюда опять дорога моя лежала не прямо на Вѣну, какъ ѣздить всѣ добрые люди, а на Тарновъ, Ясло, Дуклю, Кашау, Эперіесь, Мишкольць, Дебречинъ, Токай, Сольнокъ, Цегледъ, Пештъ, Штульвайсенбургъ, Прагергофъ, Лайбахъ и Триэстъ. Потомъ ни приходилось колесить по Галиціи, западной Польшѣ и Богеміи. Я нѣсколько измѣнялъ мой маршрутъ, но все-таки про-

путался очень долго и попалъ въ Прагу мѣсяца черезъ полтора послѣ выѣзда изъ Петербурга. Съ самаго Пинска до Праги я рѣшительно не встрѣчалъ ни одного русскаго человѣка, кромѣ малороссійскихъ крестьянъ на Воляни, и постоянно былъ въ обществѣ поляковъ. Тогда время было еще тихое и даже въ воздухѣ не пахло разразившимися прошлой зимой событіями. Случалось, правда, сталкиваться съ людьми весьма нерасположенными къ Россіи и русскимъ; приходилось видѣть и косыя мины, и подъчасъ слышать зазорныя, а всего чаще обидно-сухія рѣчи; но проведя половину моей юности въ польскомъ кружкѣ, я всегда умѣлъ брать себѣ положеніе наиболѣе выгодное и избѣгать щекотливыхъ вопросовъ. Во Львовѣ я имѣлъ случай наблюдать сильную вражду польской народности къ русинамъ, и здѣсь мое положеніе было очень неловко. Русины очень меня обласкали и я все время моего пребыванія во Львовѣ держался исключительно общества, группирующагося около «русскаго казино» и редакціи львовскаго «Слова». Но съ минуты отъѣзда изъ Львова я опять очутился въ исключительномъ обществѣ поляковъ. Въ самомъ вагонѣ я познакомился съ Б. З—скимъ; въ Краковѣ жилъ съ нимъ въ одномъ отелѣ и съ нимъ же доѣхалъ до Праги, гдѣ тоже жили вмѣстѣ. Благодаря ему я познакомился въ Прагѣ съ г. Грогеромъ, редакторомъ газеты «*Narodni Listy*» и Каноникомъ Штульцемъ, редакторомъ «*Pozora*», которые тогда уже были присуждены австрійскимъ правительствомъ къ тюремному заключенію, а черезъ нихъ уже перезнакомился съ литераторами Тонеромъ, Колеромъ, Эрбеномъ, Палаяцкимъ, старичкомъ Пуркиви, профессоромъ Запомъ, извѣстнымъ руссофиломъ Іезберою, одною весьма замѣчательною молодою чешскою дѣвушкою Жозефиною Моурекъ, знающею нашъ русскій языкъ, и съ многими другими болѣе или менѣе замѣчательными людьми чешской Праги. Обжилъ я здѣсь очень скоро; ходилъ пѣшкомъ въ горы съ Тонеромъ, редакторомъ «*Osvědčity*» (котораго фамилію теперь забылъ) и молодымъ кн. Кауницемъ; бывалъ всякій вечеръ въ «мѣщанской чешской бесѣдѣ»; учился по-чешски; перевелъ двѣ небольшія вещицы съ чешскаго языка на русскій: словомъ, сжилъ съ чехами и къ отъѣзду изъ Праги въ Парижъ имѣлъ уже возможность располагать нѣсколькими рекомендаціями къ живущимъ тамъ чехамъ и полякамъ. Польскія рекомендаціи были даны мнѣ

къ лицамъ аристократически-клерикальнаго кружка, и какъ я къ людямъ этого кружка не чувствую непреодолимаго влеченія, то доставилъ эти письма черезъ вторыя руки и самъ не являлся къ особамъ, которымъ меня рекомендовали. Не видалъ никакого смысла въ этомъ знакомствѣ. Съ чехами же я сошелся скоро, и какъ они, несмотря на свое, непріятное полякамъ, тяготѣніе къ общеславянской федераціи, обыкновенно близко держатся польскаго общества, то все-таки вышло такъ, что прежде чѣмъ сойтись съ русскимъ обществомъ въ Парижѣ, я сошелся съ чехами и поляками. Отсюда мое знакомство со многими парижскими обитателями этихъ двухъ народностей, на основаніи котораго я изложу вамъ мои наблюденія сначала объ отношеніи нашихъ къ полякамъ, а потомъ кстати и къ чехамъ, и къ другимъ славянамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ Парижѣ.

Я не могу ничего говорить объ отношеніяхъ Чарторыжскаго, Замойскаго и другихъ представителей аристократической Польши къ дипломатическимъ представителямъ русскихъ интересовъ въ Парижѣ, потому что не знаю этихъ отношеній, а слухамъ, которые върѣдка доходили до меня съ польской стороны, очень мало вѣрю. Впрочемъ и эти слухи очень рѣдки. Они обыкновенно расходятся послѣ какого-нибудь раута въ тюльерійскомъ дворцѣ. Въ основаніе толковъ берется поклонъ, улыбка, ласковое слово, сказанное императоромъ Наполеономъ Чарторыжскому, и тѣже проявленія его къ русскому послу. Весьма понятно, что все это очень часто преувеличивается въ ту или другую сторону,—смотря по симпатіямъ распространяющаго новость, — и на этомъ строятся разнообразныя политическія предположенія, столь же мало понятныя, сколь непонятны улыбки, появляющіяся на блѣдномъ, безжизненномъ лицѣ тюльерійскаго хозяина. Прежде всѣхъ эти тоненькіе значки наполеоновскаго расположенія, въ которомъ онъ всѣхъ приучилъ безпрестанно ошибаться, телеграфируются изъ тюльерійскихъ апартаментовъ полякамъ. Еще ни одна парижская газета не успѣетъ сказать, что было вчера на балѣ у императора, а ужъ поляки, даже въ нашемъ Латинскомъ кварталѣ, знаютъ *jak* и *co* было вчера въ «Тюлеріяхъ», какъ они называютъ обыкновенно Тюльери. Русскіе узнаютъ эти новости или изъ вечернихъ газетъ, на другой день послѣ бала, или же отъ знакомыхъ поляковъ. Сами они, по обыкновенію,

всѣмъ очень мало интересуются. Свѣдѣнія газетныя обыкновенно бываютъ гораздо тоще и скромнѣе устныхъ толковъ, при которыхъ на всякую тему являются тысячи варіацій, а изъ каждой варіаціи возникаютъ въ свою очередь тысячи предположеній. Судя по этимъ новостямъ, несчастная страсть поляковъ обращать свои взоры на тюльерійскій флюгеръ то разгарается огнемъ самыхъ пламенныхъ надеждъ, то раскаливается сдержанною злобою, но никогда совсѣмъ не угасаетъ. Я знаю очень мало поляковъ, искренно не вѣрующихъ въ опредѣленное сочувствіе Наполеона польскимъ національнымъ интересамъ; большинство же парижскихъ поляковъ не сводятъ съ него глазъ, и если иногда приходятъ въ отчаяніе, и въ этомъ отчаяніи говорятъ: «Богъ съ нимъ! Ничего онъ для насъ не сдѣлаетъ!» то это говорится только подъ минутнымъ впечатлѣніемъ. Малѣйшаго атома теплоты въ выраженіи французскаго *Молитера* по какому-нибудь польскому вопросу совершенно довольно, чтобы заставить всѣхъ этихъ людей снова стать бонапартистами, жарче коренныхъ бонапартистовъ императорской Франціи. Сколько свѣтлыхъ и великихъ умовъ, обсуждая высокое значеніе Мицкевича въ исторіи славянской литературы, становились втупикъ передъ его «*Ad Napoleonem III, Caesarem Augustum ode in Bomersundum captum*»!

По-истинѣ все это непостижимо, и если такое направленіе въ Мицкевичѣ можно изъяснять вообще его страннымъ настроеніемъ въ послѣдніе годы его жизни, то чѣмъ же изъяснять наслѣдственное увлеченіе всей націи? А кто-бы что ни говорилъ, увлеченіе это слишкомъ сильно и отъ него не свободны даже тѣ, которые говорятъ и пишутъ, что имъ не слѣдуетъ ни на кого надѣяться кромѣ себя, а на Наполеона III всѣхъ менѣе. Я не имѣлъ въ Парижѣ обширнаго польскаго знакомства, но жилъ въ одной квартирѣ, двери-о-двери съ нѣсколькими поляками, очень со многими былъ знакомъ издали и положительно могу сказать, что Наполеонъ — это политическій манометръ, на который они смотрятъ съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ. Живя въ одной квартирѣ и сходясь хоть на короткое время почти каждый вечеръ, мудро не высказаться и не дагъ понять своихъ симпатій. Мои сосѣди, по преимуществу познанскіе поляки, все были люди молодые, большею частію весьма хорошо воспитанные и честные.

Политически они относились недружелюбно и къ Россіи, и къ Пруссіи, и къ Австріи, къ Франціи стремились всею душой, но о Наполеонѣ говорить не могли безъ ругательной приправы. Такого глубокаго презрѣнія и такого искренняго желанія гальскому цезарю всѣхъ золъ и напастей я не слышалъ ни отъ одного парижскаго студента, когда въ числѣ любопытныхъ стоялъ въ толпѣ, передніе ряды которой неукротимыми волнами направили на дверь Ecole de Médecine, угрожая сбросить бюстъ Августа. А между тѣмъ я слышалъ какъ и въ моихъ сосѣдяхъ дрогнула наполеоновская польская жила. Вы, я думаю, помните слухи, разнесшіеся въ Парижѣ по поводу отсрочки дня, назначеннаго для открытія бульвара принца Евгенія. Помнится, я читалъ объ этомъ какую-то корреспонденцію въ одной изъ петербургскихъ газетъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, часу въ седьмомъ, ко мнѣ входитъ моя хозяйка, добрѣйшая и честнѣйшая старуха, женщина весьма умная и осторожная, но крайняя республиканка и демократка.

— Слышали? говорить, а сама вся въ восторженной ажитации.

— Чтó такое?

— Подкопались подъ то мѣсто, гдѣ будетъ стоять императоръ при открытіи бульвара и подкатили восемь боченковъ пороха.

Вечеромъ я былъ въ кафѣ, — только объ этомъ и шептались. Правда ли это была или нѣтъ, до сихъ поръ не знаю, но что-то очень скоро всѣ толки о пороховой мнѣ подъ императора затихли и бульваръ открылся совершенно благополучно, если не считать злополучіемъ совершившійся при этомъ торжествѣ арестъ нашего чудотвора Поля А—ча, учинившаго и при семъ торжествѣ скандалъ, впрочемъ совершенно не политическаго свойства. Но надо полагать, что въ это время что-то такое да въ самомъ дѣлѣ было неладно насчетъ императорскаго спокойствія. Въ спокойво-ловкой наружной парижской полиціи замѣтна была какая-то особенно оживленная внимательность; число загадочныхъ личностей съ рюмкообразными бородками по кафѣ и ресторанамъ замѣтно возрастало, и вдругъ узнаемъ, что ночью пропзведено нѣсколько обысковъ и нѣсколько лицъ арестовано. Такъ какъ полиция обыкновенно прежде всѣхъ и лучше всѣхъ знаютъ подробности подобныхъ новостей, то я сейчасъ къ моимъ сосѣдямъ.

«Ничего, говорятъ, не знаемъ: были аресты, но болѣе ничего не извѣстно.» А сами, вижу, не въ своихъ тарелкахъ. Заходятъ ко мнѣ одинъ землякъ и рассказываетъ, что въ числѣ арестованныхъ есть нѣсколько поляковъ, не помню теперь—пять, не то шесть человекъ. Объяснилось нерасположеніе моихъ сосѣдей къ разговору объ арестахъ. Три-четыре человека поляковъ, которыхъ мнѣ случилось видѣть въ этотъ день, были очень грустны, но къ вечеру вдругъ все повеселѣло. Разошелся слухъ, что обыскъ у поляковъ былъ произведенъ по ходатайству русскаго посла, что у одного изъ обысканныхъ найдена значительная общественная сумма и важныя бумаги, вслѣдствіе которыхъ и произведены всѣ аресты. Объ этомъ говорили много и долго, и даже кажется писали, не то въ галиційскихъ, не то въ богемскихъ газетахъ. Но вдругъ оказывается, что арестованные поляки взяты за обнаруженное участіе ихъ въ какомъ-то чисто французскомъ заговорчикѣ противъ императора Наполеона. Поляки опять приуныли, и мои сосѣди въ томъ числѣ. «Это чортъ-знать что за болваны, чтобы такъ вредить своему дѣлу!» заговорили они объ арестованныхъ.

— За что вы ихъ браните? Вѣдь они дѣйствовали въ вашихъ интересахъ, — отвѣчаешь на эти замѣчанія.

— Помилуйте, какое намъ дѣло до Наполеона!

— Да вѣдь вы же любите Францію?

— Да.

— Считаете народъ французскій своимъ готовымъ союзникомъ?

— Да.

— Наполеонъ лишаетъ французскій народъ и счастья, и возможности стать за ваше дѣло?

— Да.

— Ну, вотъ они хотѣли вѣроятно устранить Наполеона, и какъ врага французскаго народа, и какъ препятствіе къ выигрышу вашего дѣла.

— Нѣтъ, помилуйте! Что намъ за дѣло до Наполеона! Что намъ мѣшаться не въ свое! Зачѣмъ вредить себѣ въ общественномъ мнѣніи!

Но въ заботахъ объ общественномъ мнѣніи собственно вовсе нѣтъ страха о томъ, что подумаетъ французское общество. Та-

кой страхъ былъ бы смѣшонъ и ему не повѣрять человѣкъ, прожившій въ Парижѣ хотъ одинъ мѣсяць. Всякій знаетъ, что императоръ не пользуется большимъ сочувствіемъ народа и что число его доброжелателей гораздо малочисленнѣе великаго числа его молчащихъ и осторожныхъ враговъ. Дѣло шло собственно о мнѣніи Наполеона, и хотя это, мнѣ кажется, не требуетъ много доказательствъ, но въ подкрѣпленіе моихъ словъ я могу кое-что разсказать. Какъ только разнесся новый слухъ, что арестованные, чрезъ нѣсколько же дней послѣ ихъ ареста, были французскимъ правительствомъ благополучно отвезены за границу и пущены на всѣ четыре стороны, — поляки совсѣмъ успокоились насчетъ общественнаго мнѣнія и даже находили неудобнымъ говорить о Наполеонѣ въ томъ тонѣ, въ которомъ говорили до этого событія. Тутъ послѣ этой исторіи нѣрѣдко приходилось слышать кое-что и о Чарторыжскомъ и о пользѣ его близкихъ отношеній съ тюльерійскимъ дворомъ. Многие приписывали непосредственному вліянію Чарторыжскаго счастливый для арестантовъ оборотъ дѣла и разсказывали о какихъ то столкновеніяхъ его съ русскимъ посломъ, но я ничего этого хорошенько не помню и болѣе ничего не знаю о кружкѣ Чарторыжскаго, составляющемъ, такъ сказать, представительство революціонной аристократической Польши при дворѣ французскаго императора. Какъ они встрѣчаются съ русскими дипломатами — про то вашему брату и по штату знать не положено. А съ русскими людьми, не имѣющими officialнаго, и притомъ выгоднаго officialнаго положенія, едва-ли у поляковъ этого круга могутъ быть какія-нибудь отношенія. Да и не съ кѣмъ кажется мнѣ держаться сколько-нибудь близко изъ парижскихъ русскихъ. Все народъ неподходящій для знакомствъ такого сорта.

Русскихъ обитателей Парижа по мѣстностямъ, въ которыхъ они располагаются, я дѣлялъ на елисеѣвцевъ и латинцевъ. Поляковъ можно встрѣтить живущими почти во всѣхъ концахъ Парижа, но наиболѣе густое польское населеніе находится преимущественно на Батиньолѣ, около Палерояля, гдѣ живетъ принцъ Наполеонъ, въ Латинскомъ кварталѣ и наконецъ въ предмѣстіи святаго Антонія. Въ Батиньолѣ очень много поляковъ; въ Латинскомъ кварталѣ значительно менѣе; около Палерояля присутствіе ихъ чувствуется еще менѣе, и они тутъ живутъ разбросанно и

по весьма близкимъ мѣстностямъ той стороны, напр. отъ quai d'Orléans до rue Chaillot, а въ предмѣстїи св. Антонїа они живутъ тѣсно, смѣшиваясь съ французами, и даже утрачиваютъ многія отличительныя черты своей національности. Въ Батиньоль помѣщается известная польская школа и около нея помѣщаются поляки-профессора, поляки-ученики, поляки-родители, воспитывающіе дѣтей въ батиньольской школѣ, молодежь, окончившая курсъ и ожидающая какихъ-нибудь занятій, старички, прїѣзжіе разъ въ Батиньоль, да такъ тутъ и оставшіеся, и вообще всѣ поляки самаго недостаточнаго состоянія, пробивающіеся съ самыми ограниченными средствами, доходящими шпітум до тридцати франковъ въ мѣсяцъ. Польскіе батиньольцы безъ всякаго сравненія бѣднѣе русскихъ и особенно польскихъ латинцевъ. Кружокъ, тяготеющій въ Палероялѣ, состоитъ изъ польскихъ магнатовъ, находящихся или въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ принцемъ Наполеономъ, или близкихъ къ людямъ, его окружающимъ. Кромѣ магнатовъ здѣсь живетъ тотъ асортиментъ польскаго общества, изъ котораго состоятъ наши елисейцы. Кто богаче, тѣ держатся ближе къ Палероялю, по улицамъ Ришелье и Риволи, а люди съ меньшими достатками живутъ далѣе, но все-таки постоянно тяготея къ Палероялю. Въ Латинскомъ кварталѣ живетъ молодежь, слушающая лекціи въ Collège de France, Ecole du Droit или Ecole de Médecine, да хорошо обеспеченные, а иногда и довольно богатые праздные польскіе «kawalery», включительно отъ двадцати-пяти до пятидесяти-пяти лѣтъ. Въ Cour du Commerce у Janka Trusciciela бываютъ еще странныя, испитыя, блѣдныя личности, которыхъ обыкновенно нигдѣ не встрѣчаешь среди дня, — ни въ аудиторіяхъ, ни на улицахъ, ни въ кафѣ. Это польскіе студенты, неимѣющіе рѣшительно никакихъ собственныхъ средствъ и живущіе пособіемъ польскаго комитета о бѣдныхъ соотчичахъ, да люди, которыхъ неблагоприятныя обстоятельства тяжелой пилигримской жизни заставили на старости лѣтъ учиться жить непривычнымъ и плохо вознаграждаемымъ трудомъ. Тутъ есть позолотчики и чаще всего переплетчики, держащіеся польской книжной торговли въ rue de Seine да прекрасной польской библиотеки на Орлеанской набережной. Кромѣ того здѣсь же можно встрѣтить нѣсколько бѣдныхъ поляковъ, занимающихся секрет-

ною продажою въ разноску папирозъ, сооружаемыхъ изъ турецкаго табаку, который контрабанднымъ образомъ продается прислугою одного восточнаго посланника. Впрочемъ, хотя торговля эта идетъ безданно-безпошлинно, но табакъ продается по десяти франковъ за ливръ. Тяжелыхъ работъ никто изъ немущихъ поляковъ Латинскаго квартала не исполняетъ. За то такія работы составляютъ исключительную профессію поляковъ предмѣстія St. Antoine. Еще есть одна польская группа, собранная около St. Sulpice, но эта по-преимуществу женская группа не очень велика и ктому же не принадлежитъ міру сему, а отцамъ иезуитамъ, такъ что о ней распространяться нечего. Это или лицемерныя ханжи, или искреннія фанатички, каковыхъ часто производитъ католицизмъ и особенно католицизмъ иезуитскій, парижій надъ rue Fegou, Canivet, Servandoni и Caserne.

Такимъ образомъ, по моему, польское общество въ Парижѣ, вѣсчитая биготокъ св. Сульпиція, можно дѣлить на четыре главныя группы: а) *палерояльская*, б) *батиньольская*, в) *латинская* и д) *польскіе работники въ предмѣстїи св. Антонїя*.

Самое положеніе этихъ группъ показываетъ, что отношенія ихъ къ русскому обществу въ Парижѣ не могутъ быть одинаковы. Объ отношенїяхъ палерояльскихъ поляковъ (разумѣя здѣсь магнатство и богатѣйшія изъ фамилій, живущихъ на тюльерійской сторонѣ Сены) я уже говорилъ въ началѣ письма и снова возвращаться къ нимъ не считаю нужнымъ. Объ отношенїяхъ польскихъ богачей меньшей руки къ нашимъ елисеѣвцамъ тоже нельзя распространяться. Сколько я знаю, знакомства эти чрезвычайно рѣдки и чрезвычайно сухи. Поводами къ такимъ знакомствамъ въ Парижѣ бывають только какія-нибудь старыя связи. И то поляки поддерживають ихъ или воровскимъ образомъ, чтобы никто изъ своихъ не зналъ, или же придавая своимъ отношенїямъ оттѣнокъ какой-то особой таинственной миссїи. Но какъ наши елисеѣвцы народъ самый простоволосый, то сколько-нибудь характеристическихъ чертъ въ ихъ отношенїяхъ къ небольшому числу ихъ польскихъ знакомыхъ отыскать невозможно. Поляки нерѣдко заходятъ къ нимъ отъ нечего дѣлать, а они всегда рады хоть кому бы то ни было, чтобы разогнать невыносимую скуку, смертельно давящую всѣхъ русскихъ обезьянъ на парижской почвѣ. Въ существѣ этихъ отношеній нѣтъ ничего, кромѣ

ничтожнаго битья языкомъ, и если ужь непременно нужно опредѣлительно характеризовать эти отношенія, то я нахожу всего удобнѣе сказать, что главный ихъ характеръ—совершенная безхарактерность и сухость. Бѣднѣйшіе и дѣльнѣйшіе изъ поляковъ засенской стороны ведутъ жизнь дѣйствительно дѣловую и вовсе не сходятся съ русскими. Изъ этихъ поляковъ многіе имѣютъ довольно громкія имена, извѣстныя не только въ сторонахъ польскихихъ, но и во всемъ славянскомъ мірѣ и даже у самихъ галловъ. Изъ всѣхъ поляковъ этого разбора съ нѣсколькими русскими знакомъ, кажется, только одинъ г. Ключко, ученый членъ польской библіотеки, что на Quai d'Orléans. И то кругъ русскаго знакомства у этого польскаго ученаго ограниченъ до такой степени, что его нельзя даже назвать кругомъ. Онъ бываетъ у двухъ-трехъ русскихихъ, давненько живущихъ въ Парижѣ, и только.

Батиньольская группа и польскіе работники съ предмѣстія св. Антонія вовсе не имѣютъ никакихъ сношеній съ русскимъ обществомъ въ Парижѣ. Батиньольскимъ слишкомъ далеко до нѣсть, обитаемыхъ обыкновенно русскими, а польскіе работники (вторая генерация польскихъ эмигрантовъ), во-первыхъ, не находятъ въ русскомъ обществѣ людей, равныхъ имъ по званію, состоянію и общественному положенію, а во-вторыхъ, они не только не имѣютъ средствъ сдаться съ людьми праздными, или людьми имѣющими по крайней мѣрѣ легкій и прибыльной заработокъ, но имъ впору подумать о завтрашнемъ кускѣ хлѣба. Они ведутъ жизнь тяжелую, полную труда, лишены и обще-французскихъ уврьерскихъ заботъ. У нихъ совсѣмъ не въ головѣ ни племенные, ни историческіе вопросы. Это чистые *уврьеры*, преслѣдующіе одни чисто уврьерскіе интересы. Они не только забыли думать о существованіи какого бы то ни было русскаго общества, и забыли и о самой Россіи, но и о Польшѣ вспоминаютъ такъ, какъ мы напримѣръ вспоминаемъ о Россіи, изображенной въ «Сѣвернорусскихъ народоправствахъ» Николая Ивановича Костомарова. Для нихъ все это «когда-то было, да бывшемъ поросло». Это парижскіе уврьеры польскаго происхожденія, и ничего болѣе. У нихъ потеряно все польское, кромѣ красивыхъ заломовъ въ углахъ глазъ, артистическихкихъ лбовъ и исковерканнаго галицизмами польскаго азыка. Это дѣти изгнанія, стремящася

ассимилироваться съ парижскими увърерами, въ которыхъ для нихъ нѣтъ никакой, хоть мало-мальски подходящей среды.

Дѣти этой генераціи уже забываютъ польскій языкъ и едва объясняются по-польски, а дѣти нынѣшнихъ дѣтей вѣроятно ужъ будутъ числыми французскими парижанами.

Таскаясь по увърерскимъ тавернамъ предмѣстія св. Антонія, я довольно часто встрѣчалъ поляковъ-блузниковъ, которыхъ сплошь и рядомъ принималъ за чистѣйшихъ французовъ.

Взрослые польскіе увъреры предмѣстія св. Антонія кажется весьма далеки отъ принятія къ сердцу многихъ горячихъ вопросовъ родины и даже не стремятся заявлять своего польскаго происхожденія. Дѣти же, хотя не знаютъ польскаго языка, но чаще словны сказать, что они поляки, изъ чего не слѣдуетъ выводить, что они, подростки, не сдѣлаются французами.

Польскій языкъ вообще, надо полагать, не въ большомъ ходу даже и въ семействахъ польскихъ работниковъ, тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ семействъ только на-половину польскія. Работники польскаго происхожденія часто женятся на французенкахъ и еще чаще сходятся съ рабочими гризетками антоніевскаго предмѣстія, и живя съ ними въ царижскомъ бракѣ, приживаютъ дѣтей, которыя, выростая подъ надзоромъ матери-французенки, дѣлаются чистыми французами, даже не помышляющими объ отечествѣ своихъ отцовъ. Здѣсь, разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, но мнѣ доводилось видѣть дѣтей, рожденныхъ въ faubourg St.-Antoine отъ чисто-польскихъ супруговъ, и многія изъ нихъ едва могли кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ объясняться по-польски, а нѣкоторые даже не умѣли хорошо отличить польскаго языка отъ языковъ другихъ славянскихъ племенъ. Такой оригинальный примѣръ я встрѣтилъ одинъ разъ вѣстѣ съ моимъ землякомъ Е. де-Р — тв. Вздумали мы съ де-Р — тв увеличить теплоту въ его комнатѣ. Заявившись печнымъ мастерствомъ, мы такъ ловко приладили въ комнатѣ нѣчто въ родѣ вышки, что къ восьми часамъ вечера лежали совсѣмъ безъ головъ отъ страшнаго угара. Въ восемь часовъ мы кое-какъ поднялись, и дойдя до Одеона, сѣли на омнибусъ. Поѣздка насъ какъ-будто облегчила, и потому мы, доѣхавъ до Итальянскаго бульвара, пересѣли на другой омнибусъ, который идетъ вдоль всѣхъ бульваровъ: boulevard Montmartre, b-lv. Poissonière, b-lv. Bonne

Nouvelle, b-lv. St. Denis, b-lv. St. Martin, b-lv. du Temple, b-lv. du Calvaire и b-lv. Beaumarchais до самой бастильской колонны. Это необыкновенно дешевая и очень удобная прогулка. За три су ѣдешь, ѣдешь да и полно. На place de la Bastille насъ засталъ маленькій зимній парижскій дождичекъ. Въ ожиданіи отъѣзда очереднаго обратнаго омнибуса мы стали въ дверяхъ омнибусной конторы. На мокрыхъ тротуарахъ, блестящихъ отъ свѣта, падающаго на нихъ изъ сосѣднихъ оконъ, какъ лягушки въ теплый дождикъ, безпрестанно вивестъ откуда выростали гамены. Подъ навѣсомъ у дверей конторы ихъ собралась порядочная кучка; они всѣ были очень веселы, отряхивали свои смокшія подъ дождемъ блузки, другъ надъ другомъ острили и смѣялись. У однихъ мальчюковъ на груди висѣли ящички съ лѣсными орѣхами и леденцами, а другіе, вѣрно несостоятельные къ производству независимой комерціи, держали руки въ карманахъ штанишекъ и съ смѣшной важностью карапузаго парижскаго гамена корчили изъ себя уврьеровъ. Изъ толпы маленькихъ комерсантовъ одинъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати безпрестанно приставалъ къ ожидавшимъ очереди пассажирамъ съ предложеніемъ: «Купите орѣховъ! купите леденцовъ!»

— Купите орѣховъ, господа! присталъ онъ къ намъ.

— Купите, сказалъ я моему товарищу. — Орѣхи, говорятъ, полезно грызть во время угара.

— *Nu proszę z państwo kupić orzechów*, отозвался вдругъ ребенокъ, услыхавъ произнесенное по-русски слово *орѣхъ*, весьма подобное по звуку съ польскимъ *orzech*.

— А вы полякъ? спросилъ мой товарищъ.

— *Oui! Jestem polak*, отвѣчалъ мальчикъ.

— Чтожъ вы здѣсь дѣлаете?

Мальчикъ подумалъ, и пожавъ плечами съ сожалительной гримасой, отвѣчалъ: «Не понимаю.»

— Откуда вы? спросилъ я ребенка по-польски.

— Съ *rue des Terres*, отвѣчалъ мальчикъ и сейчасъ же добавилъ:—по *proszę z pana kupić orzechów*.

Я далъ мальчику пятьдесятъ сантимовъ, а мой товарищъ цѣлый франкъ. Ребенокъ запрыгалъ отъ радости и все приставалъ то по-польски, то по-французски, чтобы мы взяли у него за

свои деньги орѣховъ. Мы взяли по горсти орѣховъ, и видя, что очередь наша еще слишкомъ далеко, а небо разъянилось, пошли вѣшкомъ. Гаменъ пошелъ за нами. Сначала его сопровождала цѣлая кучка любопытныхъ товарищей, штукъ съ пятнадцать, очевидно удивлявшаяся странности звуковъ непонятнаго имъ языка, которыми съ ними никогда не говорилъ ихъ товарищъ. Но потомъ кучка мало-помалу отстала, и нашъ знакомецъ все шелъ съ нами и тащилъ за рученку другаго блузника лѣтъ шести или семи.

— Это что за мальчикъ?

— Это мой братъ.

— Ты взялъ, бѣдный? спросилъ я ребенка по-польски.

Братъ сейчасъ же поспѣшилъ повторить мой вопросъ по-французски и ребенокъ, дрожа всѣмъ тѣльцемъ, отвѣчалъ, что ему не холодно.

— Развѣ братъ вашъ не понимаетъ по-польски?

— Нѣтъ.

— Кто вашъ отецъ?

— Работникъ.

— А мать?

— Тоже ходитъ на фабрику.

— Отецъ вашъ полякъ?

— Полякъ.

— А мать?

— И мать полякъ.

— Какъ же вы говорите дома? на какомъ языкѣ?

— Мы по-французски и по-польски.

— Отчего же вашъ братъ не понимаетъ по-польски?

— Онъ молитвы только знаетъ по-польски.

— А мать съ вами какъ говоритъ?

— Она... Ей некогда говорить.

— Отчего же?

— Она придетъ—мы спимъ ночью, а уйдетъ рано, мы тоже спимъ. Она только въ воскресенье насъ моетъ, потому что въ воскресенье она дѣлаетъ вареный обѣдъ.

— Тебѣ скучно цѣлый день безъ мамы? спросилъ мой товарищъ младшаго хлопчика.

Мальчикъ отрицательно мотнулъ головой.

— Не скучно?

— Nous avons un moineau apprivoisé.

Ручной воробей замѣняетъ маленькому парижскому полячку отсутствующую мать.

— Почему вы отгадали, что мы поляки? спросилъ я старшаго мальчика, прощаясь съ нимъ на углу Boul-d. Beaumarchais и rue St. Sébastien.

— Га! я догадался.

— Какимъ же образомъ вы догадались?

— Rzecz to bardzo prosta: slyszalem, jak pan rozmawial avec ce monsieur...

— To jest z tym panem? подсказалъ я.

— Такъ jest: pan z nim rozmawial po polsku.

Бѣдный полячекъ, едва-едва набирающій родныхъ словъ, для того чтобы связать полуфранцузскую фразу, принималъ нашъ русскій разговоръ за польскій.

Другаго подобнаго же гамена мы встрѣтили у главной конторы omnibusовъ противъ Палерояля. Преслѣдуемые за нищество полиціею, они обыкновенно вертятся по вечерамъ въ этихъ бойкихъ точкахъ, и вслушиваясь въ разговоръ толпы, чуть только слышатъ славянскіе звуки, тотчасъ пускаютъ въ ходъ скудный остатокъ уцѣлѣвшихъ въ памяти польскихъ словъ, чтобы мольбою выпросить десятью су болѣе, чѣмъ можно выпросить для спасенія себя отъ голода на языкѣ французскомъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что изъ трехъ польскихъ группъ въ Парижѣ двѣ—*батиньольская* и *предмѣстія св. Антонія*—во все не имѣютъ никакихъ отношеній къ русскимъ, а третья, *палерояльская*, чрезъ весьма немногихъ своихъ представителей самымъ ничтожнымъ образомъ соприкасается иногда съ нѣкоторыми изъ елисеѣвцевъ, но эти соприкосновенія такъ рѣдки и далеки, что по нимъ нельзя составить понятія, какъ парижское общество поляковъ относится къ русскому обществу въ Парижѣ. Можно сказать только одно,—что большинство поляковъ, знающихъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ елисеѣвцевъ, не питаютъ къ нимъ никакихъ симпатій, не входятъ съ ними ни въ какія искреннія отношенія и смотрятъ на нихъ какъ на людей, которымъ въ извѣстномъ смыслѣ мало дано и, слѣдовательно, мало съ нихъ спросится.

О ханжащемъ кружкѣ св. Сульпиція мы уже по жили не говорить, и потому намъ остаются теперь одни *польскіе латинцы*.

Изъ польскихъ латинцевъ всѣ «kawalecy», живущіе въ Парижѣ безъ опредѣленныхъ цѣлей (какъ живутъ наши слѣбэвцы), тоже не имѣютъ съ русскими никакихъ отношеній. Несмотря на то, что они постоянно встрѣчаются съ русскими въ café de la Rotonde и передаютъ другъ другу изъ рукъ въ руки однѣ и тѣже газеты, нерѣдко останавливая свое исключительное вниманіе на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ даннаго листа, они никогда не обмолвятся съ нами ни однимъ словомъ. Учащіеся поляки знакомы съ русскими той же категоріи и я постараюсь очертить вамъ характеръ ихъ знакомства.

Парижскій полякъ Латинскаго квартала по отношенію къ своимъ русскимъ знакомымъ совершенно иной человекъ дома и иной на улицѣ или въ какомъ бы то ни было общественномъ мѣстѣ. Дома полякъ всегда вѣренъ своей прекрасной народной чертѣ: онъ утонченно вѣжливъ, предупредителенъ, любезный хозяинъ и пріятный, деликатный сожитель, если случай пошлетъ его вамъ въ сосѣди. На улицѣ же, въ café или на балѣ, при встрѣчѣ съ своимъ русскимъ знакомцемъ онъ точно на ногахъ. Врожденная польская деликатность, приходя въ столкновение съ положеніями политическаго польскаго катохизиса, взаимно борется другъ съ другомъ и взаимно другъ друга одолеваетъ. Полякъ радушно привѣтствуетъ—и какъ заяцъ смотритъ по сторонамъ; жметъ руку—и выдумываетъ благовидный предлогъ, чтобы не идти, не сидѣть и не стоять виѣстѣ. Вообще полякъ Латинскаго квартала вѣздитъ весьма позволительнымъ сходитьсѣ съ русскимъ какъ человекъ съ человекомъ, но трепещетъ, чтобы черезъ него міръ не заподозрилъ польское общество въ какой бы то ни было солидарности или даже близости съ русскимъ обществомъ. Уважая многія прекрасныя стороны польскаго народнаго характера и высоко почитая много отдѣльныхъ личностей, остающихся у меня въ памяти и въ сердцѣ, я никакъ не могу понять цѣлесообразности повсюду разсѣваемаго и ревностно поддерживаемаго разединенія даже молодаго поколѣнія польскаго съ молодымъ поколѣніемъ русскимъ, съ нѣкоторыхъ поръ чистосердечно протягивавшимъ своимъ польскимъ сверстникамъ братскую руку. Видятъ ли они въ этомъ какую-нибудь опасность со стороны идеи панславизма, которой поляки, тяготя къ западной Европѣ, сильно боятся и

тому же не находятъ себя приличнаго мѣста въ общеславянской федераціи, или это ужь та несчастная національная кичливость, прорывающаяся вездѣ, гдѣ ничто не мѣшаетъ ей проявиться, — не знаю. Но только знаю, что парижскіе поляки неустанно блюдутъ, да не прикоснется жидове къ самаряномъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта сарматская щепетильность достигаетъ предѣловъ крайне смѣшныхъ, а иногда и до послѣдней степени нелѣпыхъ и даже просто гадкихъ. Одинъ примѣръ такого безумнаго прюдеризма извѣстенъ почти всѣмъ русскимъ, жившимъ прошедшій годъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ также очень много поляковъ и русскихъ.

Русскіе и поляки въ Гейдельбергѣ живутъ между собою совершенно въ такихъ отношеніяхъ, какія существуютъ между русскими и поляками въ Латинскомъ кварталѣ Парижа. Современная русская молодежь вовсе не похожа на молодежь, описанную въ нѣкоторыхъ изъ такъ-называемыхъ «историческихъ» русскихъ романовъ первой половины и особенно первой четверти текущаго столѣтія. Прежняго самохвальства и пустаго, бессмысленнаго задора, какъ извѣстно, нѣтъ въ теперешней молодежи, а о какой-нибудь политической не деликатности къ кому бы то ни было и говорить нечего. Пусть меня не заподозрятъ въ слѣпомъ и безусловномъ поклоненіи всякому шагу людей, родившихся или снявшихъ ученическую куртку позднѣе извѣстнаго года. Я не пишу критической оцѣнки различныхъ направленій, а статистирую фактъ и только. Въ какой мѣрѣ кому и чему принадлежитъ мое сочувствіе—это не важно для людей, интересующихся образомъ жизни русскаго общества въ Парижѣ.

Молодежи, несоотвѣтствующей направленію русскихъ, а также частію польскихъ, итальянскихъ и французскихъ «историческихъ» романовъ, у насъ вообще очень много, а за границую она составляетъ фонъ, по которому только торчатъ голубыя незабудочки прошедшаго и двусторонніе Иваны да Марьи. Поэтому наша заграничная молодежь, скорѣе страдающая индифферентизмомъ, чѣмъ политическимъ задоромъ, удобно сходится со всѣми и всячески старается деликатно щадить польское національное чувство. Знакомясь съ поляками, она избѣгаетъ всякаго маломальскаго щекотливаго для нихъ разговора. По крайней мѣрѣ это

было такъ не только до начала польскаго возстанія, но и начавшееся возстаніе не сдѣлало заграничныхъ русскихъ нисколько хуже противъ поляковъ. Но случай, который я хочу рассказать, произошелъ въ Гейдельбергѣ гораздо до польскаго возстанія.

Въ Гейдельбергѣ поляки были съ русскими какъ-будто нѣсколько ближе, чѣмъ въ Парижѣ и чѣмъ вообще гдѣ-нибудь за границею. Они пили по вечерамъ пиво въ одной и той же пивной, ухаживали за одними и тѣми же нѣмочками и даже совокупно соорудили одинъ кошачій концертъ, послѣдствіемъ котораго была печальная потеря однимъ польскимъ студентомъ уха, отрубленнаго въ схваткѣ съ семью солдатами, составляющими штатъ гейдельбергской полиціи. Во всѣхъ такихъ дѣлишкахъ въ Гейдельбергѣ поляки русскимъ товарищи. Но чуть коснись дѣла гласнаго — польскіе товарищи прочь отъ русскихъ товарищей. — Равли Гарибальди. Европа ахнула. Въ Парижѣ всѣхъ ценятъ, оценившихся въ это время, окликали «Паловичинами». Въ Лондонѣ находилъ, что собаки слишкомъ благородныя животныя, чтобы называть ихъ такимъ именемъ. Въспи о здоровьѣ благороднаго героя итальянскаго единства и свободы ожидались съ нетерпѣніемъ и переходили изъ устъ въ уста съ быстротою электрической искры. Сердились на лекарей; медицинскіе студенты получали за пивными столами самыя первыя мѣста; ихъ спрашивали, выслушивали и ничего не понимали. А Гарибальди все болѣлъ. — «Когда-бъ къ нему спосылать Пирогова!» заговорили вдругъ въ Гейдельбергѣ. — «Да, вотъ бы нашего Николая Ивановича! А?» — Зашевелился русскій Гейдельбергъ. Партриджъ и Пароговъ ѣдутъ: дѣло идетъ значить. Нужны были по этому случаю деньги. Не знаю на что именно, но были нужны. Наши сварили молодого господина Ха — ва, знающаго итальянскій языкъ, переводчикомъ и сейчасъ тормозить свои тощіе кошельки. Скинули смѣтную казну — мала; не выходитъ ростомъ. Туда, сюда. У всѣхъ-то Иванъ-постный, то вздвиженье. Чтожъ проше въ такомъ случаѣ, какъ не обратиться за содѣйствіемъ къ товарищамъ-полякамъ, тѣмъ болѣе что дѣло шло о Гарибальди, которому поляки сочувствовали кажется болѣе, чѣмъ всякій другой народъ Европы? Такъ и рѣшили. Въ одну изъ русскихъ сходокъ, на которой разсуждалось объ этомъ предметѣ, пригласи-

сн.лп депутата отъ поляковъ. Польскій депутатъ выслушалъ приглашеніе русскихъ участвовать съ ними въ дѣлѣ, касающемся итальянскаго героя, но не выразилъ никакого собственнаго мнѣнія и объявилъ, что онъ передастъ все это своимъ и въ слѣдующій день сообщитъ ихъ отвѣтъ русскимъ. Русскіе это приняли, а на другой день польскій депутатъ объявилъ имъ, что поляки очень благодарятъ за сдѣланную имъ честь и вполне сочувствуютъ прекрасному намѣренію гейдельбергскихъ русскихъ, но... не могутъ оказать съ своей стороны никакого содѣйствія, ибо вообще имъ *нельзя* участвовать ни въ какомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ русскими. Сдѣвши такой орѣхъ, русскіе разумѣется обошлись безъ всякаго польскаго содѣйствія, которое, по инымъ сказаніямъ, и вызывалось вовсе не въ однихъ финансовыхъ соображеніяхъ, а собственно изъ дурно-оцѣненной деликатности.

Русская молодежь не озлилась за это, и даже молчала объ этой выходкѣ, и молчала вовсе не изъ ложнаго стыда, а по побужденіямъ весьма благороднымъ; но на сердцѣ ея эта штука холодкомъ пахнула.

Въ Парижѣ объ этой исторіи узнали, когда одинъ русскій, возвратясь съ славянскаго праздника, происходившаго въ Вѣнѣ, плакался на поляковъ, которые не только не заявили своего сочувствія сборному празднику сошедшихъ представителей славянщины, но даже внесли съ собою элементъ, неблагоприятный этому торжеству. Тутъ только пошли толковать: «Чтожь это въ самомъ дѣлѣ? Что за славянскіе аристократы такіе! Мы къ нимъ всей душой, а они.... Вѣдь это чтожь? Намъ если такъ, такъ и Богъ съ ними совѣмъ.» Тутъ-то узнали и про гейдельбергскую исторію, а отсюда уже чаще и чаще стало слышаться: «да Богъ съ ними! Чтожь намъ съ людьми, которые за нашу вѣжливость только ломаются да рожи строятъ!»

Много есть ужъ этихъ различныхъ исторіекъ, изъ которыхъ не можетъ выходить ничего способнаго сблизать, и всего хуже въ этихъ исторіяхъ то, что дѣлаетъ ихъ человекъ не потому, что его личное настроеніе тянетъ его къ нимъ, а дѣлаетъ онъ все это по какому-то принципу. Слѣдуя этому-то принципу, онъ не только не можетъ положить свой рубль рядомъ съ русскимъ рублемъ, хотя бы складка шла на самое благородное дѣло, но онъ

можетъ отказаться и отъ прямой человѣческой помощи человѣку, содѣлываясь тѣмъ очень гадкимъ въ глазахъ всякаго мало мальскаго развитаго существа.

Я говорилъ въ началѣ письма, что торжественное открытіе императоромъ Наполеономъ бульвара принца Евгенія было омрачено только взятіемъ въ чижовку малороссійскаго помѣщика Павла М — вича К. Этотъ благородный дворянинъ былъ арестованъ за ослушаніе противъ полиціи и дерзости, сказанныя городскому сержанту, требовавшему отъ него соблюденія извѣстныхъ правилъ. Однимъ словомъ—за русскую привычку не слушаться полиціи даже тогда, когда ея требованія совершенно справедливы и разумны. Въ то время я еще вовсе не былъ знакомъ съ малороссійскимъ дворяниномъ, а другіе знали его за шалуна, мальчика, но никакъ не хуже. Исторія Поля съ сержантами произошла въ густой, почти непроницаемой толпѣ и не сдѣлала никакого кричащаго скандала, а потому осталась никѣмъ незамѣченною. Изъ русскихъ никто не зналъ, что малороссійскій дворянинъ сидитъ въ парижской чижовкѣ.

На третій день послѣ открытія бульвара заходитъ ко мнѣ Ч — глѣ и рассказываетъ несчастіе малороссійскаго помѣщика. Поль нашелъ средство извѣстить Ч — глѣ, что онъ находится въ violon и что его завтра поведутъ въ префектуру на разбирательство и судъ. Въ запискѣ, писанной по-французски (вѣроятно солдатикъ, взявшійся доставить записку арестанта, хотѣлъ знать, что въ ней заключается и требовалъ, чтобы записка была писана на доступномъ ему языкѣ), было сказано, что «я арестованъ *ли за что*, не знаю что мнѣ дѣлать и прошу немедленно навѣстить меня». Ч — глѣ былъ уже у дворянина и пришелъ къ намъ, чтобы найти кого-нибудь изъ русскихъ, знающихъ французскіе законы, кто бы взялся защищать К — ча въ префектурѣ, такъ какъ находчивый Поль подъ арестомъ растолковалъ, что онъ ничего не говоритъ и ничего не понимаетъ по-французски. Штука была придумана артистически; опасность была только въ томъ, не уломалъ ли Поль во лжи посредствомъ своего письма, присланнаго изъ violon. У меня въ это время дверь-о-дверь жилъ прекрасный юристъ, воспитанникъ Ecole du Droit, полякъ Л — рь. Мы съ нимъ были очень хороши и я былъ вполне увѣренъ, что онъ не откажется поцѣловать себя въ адвокатурѣ и пойдетъ защищать

К — ча. Съ полнѣйшею увѣренностью я обратился къ Л — ру съ просьбою идти и получить распрополиѣйшій фронтъ. По мѣрѣ того какъ я развивалъ цѣнность услуги, которую Л — рь такимъ образомъ могъ оказать намъ, русскимъ, защитивъ бѣднаго мальчика (какъ считали тогда Поля), юрнсть глядѣлъ какъ-то все гаже, гаже и наконецъ лицо его облеклось въ такую отвратительную, надменную гримасу, что я не хотѣлъ бы имѣть ни этого прекраснаго лба, ни правильныхъ угловъ глазъ, если все это можетъ выразить такую дьявольскую гадость. — «Помилуйте! чтоже намъ? У насъ есть свои дѣла!» отвѣтилъ мнѣ Л — рь.

— Но онъ не знаетъ языка, не знаетъ французскаго права, и ктому же вся защита—дѣло одного часа, убѣждалъ я.

— О, помилуйте! Это все равно. Чтоже мнѣ? Мало ли людей нуждаются въ помощи! У насъ есть свои дѣла.

Такъ и не пошелъ. К — ча защищалъ сынъ пастора, которому я былъ рекомендованъ изъ Петербурга.

Польскіе латинцы, знакомые съ русскими латинцами, очень рѣдко навѣщаютъ другъ друга, и если они не живутъ въ сосѣдствѣ, т. е. въ разныхъ комнатахъ одной и той же квартиры, то видаются только въ публичныхъ мѣстахъ. Живя же въ сосѣдствѣ, поляки сблизаются съ русскими гораздо тѣснѣе: верѣдко сходятся подъ вечерокъ у камина, угощаются чаями, даже зачастую дѣлятся деньжонками и вообще живутъ по-пріятельски. Такъ было до начала возстанія и такъ осталось все время инсурекиціи. Всѣ молодые поляки, которые были болѣе или менѣе знакомы съ русскими, въ глаза держали себя прекрасно. (Я говорю о домашней жизни и прошу не видать въ этомъ противорѣчія тому, что я говорю о польскихъ отношеніяхъ къ русскимъ въ жизни общественной.) Нашъ эмигрантъ С — ій жаловался, что ему тяжело было жить съ поляками, съ которыми онъ жилъ до первыхъ вѣстей о возстаніи; но я этого рѣшительно не могу сказать. По обѣ стороны моей квартиры жили поляки. Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ жильцы безпрестанно смѣялись: одинъ полякъ, уѣзжая, непременно передавалъ ее другому, но меня не только не выживали, какъ изъ трактира *madame Andrée*, даже я не чувствовалъ ни малѣйшей неловкости отъ моего сосѣдства. Поляки не ищутъ съ нами ничего общаго и ни въ чемъ на насъ не рассчитывали, а слѣдовательно и не трогали насъ. О политикѣ

они говорятъ съ нами мало, и то только новость развѣ расскажетъ, а ужъ разсуждать не станетъ. Когда стали говорить, что въ рядахъ польскихъ инсургентовъ есть люди чисто-русскаго происхожденія, парижскіе поляки съ эффектомъ распространили этотъ слухъ, но не удерживались отъ выраженія крайняго удивленія къ этимъ переходамъ. Поляки великіе патріоты и никакъ не могутъ себѣ представить человѣка, сражающагося противъ своихъ. «Да и зачѣмъ это? говорили они. Мы очень благодарны за сочувствіе и самопожертвованіе въ пользу нашего дѣла, но не понимаемъ возможности бить своихъ и, право, не видимъ никакого смысла и никакой пользы въ жертвѣ, которую русскіе приносятъ, переходя въ ряды нашихъ инсургентовъ. У русскіхъ своего дѣла много,—пусть о себѣ думаютъ.» Я видалъ молодыхъ галиційскихъ поляковъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ изъ рядовъ инсурекиціи и полагаю, что они пріѣзжали по какимъ-нибудь болѣе или менѣе важнымъ дѣламъ революціи; съ нѣкоторыми изъ нихъ я говорилъ, хотя и очень мало, но обязанъ сказать, что при всѣхъ этихъ разговорахъ ни одинъ изъ нихъ ни волоскомъ не задѣвалъ меня. Это все были молодые люди очень благовоспитанные и способные прекрасно относиться къ чувству народной гордости, которой такъ много въ нихъ самихъ. Съ моими сосѣдами по квартирѣ я видался почти всякій вечеръ, предъ отходомъ ко сну. Несмотря на рѣзкую, терзающую польскія области, мы нерѣдко предавались самымъ мирнымъ занятіямъ. Такъ напримѣръ мы въ нѣсколько приемовъ прочли съ галиційскими поляками «Lettres et mémoires sur la politique de la Russie vis-à-vis des peuples slaves et de l'Europe occidentale, par M. Pogodine.» Авторъ этого сочиненія очень поправился полякамъ; по ихъ опредѣленію, это «rzadku moskał». Потомъ мы одновременно прочли почти всего Лермонтова, котораго они не знали и который имъ очень понравился. Особенно когда я читалъ «Мцырь», изъясняя оригиналъ противъ неудачнаго перевода, сдѣланнаго Вл. Сырокомлю «Laik Klasztorny» (см. Cowedy i gumy ulotne Wladysława Syrokomli, poczet nowy, 1854 roku). Но искренности, теплоты, пріятельской задушевности въ нашихъ бесѣдахъ никогда не было и всѣ эти вещи для русскіхъ съ поляками въ мое время въ Парижѣ были невозможны. Поляки держатся такъ, что вы всегда ясно видите разстояніе, которое между вами отмѣряно и которое ни за что со-

крашено быть не можетъ. За глаза же полякъ каждый отзывается о русскихъ одинаково; но за глаза вѣдь чего не говорятъ! А въ очи никогда; да и если принять во вниманіе, что полякъ на лучшихъ нашихъ людей смотритъ съ недовѣріемъ къ ихъ способности понимать извѣстные вопросы; русь мужичью презираетъ, а людей нашего разбора тоже въ свою очередь считаетъ несмысленышами и политическими малолѣтками, — то и нечего дивиться, что онъ оставляетъ насъ въ покоѣ, считаетъ недозрѣвшими къ разговору о вещахъ, значеніе которыхъ доступно ему. Это такъ есть и иначе быть не можетъ. Разсуждая при случаѣ о комъ-нибудь изъ русскихъ, полякъ преспокойно говоритъ: «*On nie sobie, — ale moskal!*» или: «*On człowiek poczciwy i doseć swiatły, ale ma się rozumieć, jak moskal.*» ¹⁾)

Провозгласивъ себя «славянской интеллигенціей», поляки уже ни за что не могутъ дать равнаго съ собою права на разумъ не только русскому или русину, но и сербу, и болгару, и даже чеху. Этотъ милый и *самый грамотный* во всемъ славянствѣ народъ, эти честные и работающіе чехи уже богъ-знаетъ почему считаются недорослыми до польской цивилизаціи. Чехи очень внимательны и привѣтливы ко всемъ славянамъ. Воспитанные въ духъ неустанной оппозиціи нѣмецкому элементу и извѣдавшіе тяжелымъ опытомъ свою несостоятельность собственными силами сбросить ненавистное австрійское иго, они постоянно мечтаютъ о свободной славянской федераціи и никогда не сомнѣваются въ ея возможности. Поэтому чехи ласкаютъ не однихъ русскихъ, но и поляковъ, и сербовъ, и болгаръ, — словомъ всю славянщину. Поляки же не любятъ идеи свободной, равноправной федераціи, называютъ чешскія надежды «наивными мечтами» и никогда не упускаютъ случая посмѣяться надъ ихъ стремленіями къ достиженію смѣшной и, по мнѣнію поляковъ, несбыточной «*slawańskiej wzajemności*».

Отсюда и выходитъ, что между парижскими поляками и чехами тоже нѣтъ большаго единодушія и очень мало сколько-нибудь близкихъ взаимныхъ отношеній. Чехи не боятся вести съ нами хлѣбъ-соль и дружбу, а полякамъ это не нравится. Чехи рус-

¹⁾ «Онъ ничего себѣ, — но москаль!» или: «Онъ человекъ достойный уваженія и довольно свѣтлый, но разумѣется, какъ москаль.»

каются иногда въ объясненія и говорятъ: «Да помилуйте! москали еще одинъ самостоятельный славянскій народъ въ мірѣ: какъ же славянщинѣ не ютиться къ нимъ? Мы не хотимъ идти *подъ* москалей, но хотимъ идти съ москалями» Поляки доказываютъ, что это химера и упрекаютъ чеховъ въ какомъ-то подхалимствѣ Россіи, точно также какъ львовскіе либералы упрекаютъ въ этомъ галиційскихъ русиновъ, упрекаемыхъ съ другой стороны московскими либералами въ сепаратизмъ съ русскою народностью. Въ существѣ оба эти упрека въ равной степени несправедливы. Чехи и галиційскіе русины полны федеративныхъ стремленій, и соображая средства для составленія федераціи, всегда обращаютъ свои взгляды на *единственный самостоятельный славянскій народъ*—на Россію; они расходятся съ г. Погодиннымъ только въ планѣ федеративнаго устройства. Русины терпѣть не могутъ поляковъ и желаютъ имъ всякихъ неудачъ за ихъ аристократизмъ, за ихъ глушеніе надъ русской (въ смыслѣ русинской) народностью и за стремленіе сдѣлать ихъ поляками. Свести у себя поляка съ русиномъ—это чистая напасть. Бурно пламенный русинъ обыкновенно мало сдерживается и непрестанно распаляется съ полякомъ до непопозволительности. Онъ не поцеремонится сказать, что ему москаль семь разъ лучше и милѣе, чѣмъ вся Польша. Находясь на лицѣ при выраженіи однимъ изъ своихъ гостей такой любезности, разумѣется не знаешь куда дѣться и какъ поворачивать горячій разговоръ. На мою долю приходилось не разъ присутствовать при такихъ бесѣдахъ и я ихъ очень хорошо помню. Вся уклончивость, вся ловкость блестящей діалектики, которою счастливо обладаютъ поляки, не даютъ средствъ сохранить въ этихъ бесѣдахъ безобиднаго тона. Все это не сдерживаетъ прямаго, горячаго, обличительнаго слова русина и хозяину остается всего лучше молчать и не вмѣшиваться. Чехи обыкновенно ведутъ себя гораздо терпимѣе русиновъ. Встрѣчаясь съ русскими и поляками, они сами всегда стараются избѣгать вопросовъ щекотливыхъ для той или другой стороны и умилятельно твердятъ своимъ мягкимъ языкомъ: «kochajcie sie», «bratujcie sie», «nie klótcie sie, aby żyła nasza mater swiata Slowianszczyzna.» Чехи въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ всегда рѣзко разграничаютъ народы съ правительствами, хотя и очень плохо знаютъ, «гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другое». Поляки же наобо-

ротъ: они никакого раздѣленія не допускаютъ. По всему кажется, имъ бы легче сходиться съ чехами, чѣмъ съ нами: политическое положеніе ихъ имѣетъ много солидарности съ положеніемъ поляковъ; языкъ польскій безъ всякаго сравненія ближе нашего къ языку чеховъ, такъ что чехъ и полякъ съ нуждою могутъ объясняться между собою, говоря каждый на своемъ языкѣ, и наконецъ между ними часто бываютъ сношенія родственныя и торговля, и потому многіе чехи говорятъ по-польски, а по-русски во всей Прагѣ едва знаютъ пять—шесть человѣкъ. Но несмотря на все это, нѣтъ того сближенія, которое могло бы и должно бы быть. Чехи такіе же горячіе патріоты, какъ и поляки, но они еще болѣе горячіе демократы, чѣмъ патріоты; а ужъ поляки извѣстно какъ относятся къ демократизму! Врожденный аристократизмъ поляковъ не нравится чехамъ, но они смалчиваютъ имъ «*aby żyła słowiańszczyzna*». Ихъ деликатная скромность по отношенію къ полякамъ идетъ чрезвычайно далеко. Они ласкаютъ поляковъ и сочувствуютъ ихъ несчастіямъ, а тѣ посмѣиваются надъ чешской «славянской взаимностью». У чеховъ и у поляковъ въ Парижѣ есть свои общественныя сходки. Чехи радушно принимаютъ къ себѣ польскаго гостя, а поляки принимаютъ кажется только одного чеха, и то по вниманію къ его литературному и политическому авторитету. Да и этотъ самоотверженный славянской страдалецъ, бившійся за свободу съ горстью пражскихъ студентовъ противъ цесарскихъ войскъ австрійскаго императора и проведшій въ сыромъ казематѣ Іозефштата лучшіе годы своей юности, считается только «смѣшнымъ славянскимъ фанатикомъ». Будь онъ полякъ, а не чехъ, онъ былъ бы герой, а теперь онъ шутъ. Что говорятъ этому чешскому эмигранту на польскихъ сходкахъ—онъ никогда не рассказываетъ, и я его, разумѣется, никогда объ этомъ не спрашивалъ, хотя мы очень сошлись и очень вѣрили другъ другу. Но одинъ разъ вечеромъ ко мнѣ зашли два поляка. Начали говорить о томъ, о семъ, и договорились до отношенія поляковъ къ русинамъ въ Галиціи: вышли вещи пресмѣшныя и прежалкія. Въ этотъ же вечеръ у поляковъ было засѣданіе, а на утро заходитъ ко мнѣ мой чехъ. Я ему и рассказываю вчерашній курьозный разговоръ, по которому выходило, что русины непременно должны служить Польшѣ, а не помогать никакой самостоятельности; что либеральные венгерцы со-

вершено правы, вывародавливая славить, отдавшихъ имъ австрійскаго полѣткою; что такая система дѣйствій совершенно законна и справедлива и что поляки съ венгерцами это понимаютъ ясно всехъ и потому такъ между собою согласны, что даже въ пѣснѣ поется:

Polak z Węgrem —
Dwa bratanki,
Jak do szabli,
Tak do szklanki. ')

Разсмѣялся мой чехъ своей милой, симпатической улыбкой, подходилъ по комнатѣ и говорить съ таинственнымъ видомъ: «Это что еще! Это хоть на давности основывается. А вотъ я тебѣ новое расскажу: чехамъ никакой самостоятельности не нужно! Мы даже не имѣемъ права быть особымъ народомъ, а только можемъ имѣть свое провинціальное управление. Всеславянскіе папы, да и все тутъ!»

— Это вчера что-ли порѣшили?

Чехъ качнулъ утвердительно головою и опять разсмѣялся.

— Ну, а васъ же къ чему опредѣляютъ? спрашиваю я.

— Да о васъ, монголахъ, и рѣчи нѣтъ; куда васъ уральчиковъ! Васъ за Уралъ!—продолжая смѣяться, отвѣчалъ чехъ.

Но несмотря на все это, чехи все-таки какъ можно стараются ничѣмъ не показать полякамъ своего верасположенія ко многимъ ихъ тенденціямъ. Чехъ, о которомъ я говорю, неутомимо хлопочетъ о своихъ народныхъ дѣлахъ: ни австрійская тюрьма, ни парижскій голодъ, геройски раздѣляемый съ женою и двумя дѣтьми, не останавливаютъ его твердой воли: онъ переводить, пишетъ, издастъ историческія и политическія вещи, направленные къ возбужденію народнаго духа. Преслѣдуя идею «славянской взаимности», онъ не останавливается на словахъ и еще дѣлается чѣмъ можетъ съ бѣдными соплеменниками. Въ мое время у него жили два поляка и одинъ чехъ. Я часто ходилъ къ этому славянцу. Въ одинъ изъ моихъ визитовъ я засталъ у него незнако-

’) Полякъ и венгерецъ—
Два брата,
Какъ при саблѣ,
Такъ и при стаканѣ.

мага мнѣ поляка, который при моемъ входѣ разсматривалъ какую-то брошюру. Отвѣтивъ на мой поклонъ весьма сухимъ поклономъ, полякъ продолжалъ читать свою брошюру. Мой хозяинъ былъ не въ себѣ: онъ поглядывалъ то на меня, то на сидѣвшаго поляка, то на его книгу и выбравъ мгновенно, когда полякъ поднялъ голову, сдѣлалъ ему какой-то знакъ. Что бы это такое? думаю себѣ. Хочу уходить—не пускаетъ: погоди, да потолкуемъ. Никакъ не пойму, а вижу, что безпокойство хозяина все продолжается. Наконецъ, смотрю, не вытерпѣлъ мой чехъ, всталъ, и подойдя къ поляку, полушутя вырвалъ у него изъ рукъ брошюру и швырнулъ ее на шкафъ, проговоря въ тоже время: «Полно читать! невѣжливо. Давай поболтаемъ съ монголомъ.» Чехъ зналъ, что я не обижаюсь этой кличкой, и смѣясь надъ Духиньскимъ, доказывающимъ наше зауральское происхожденіе, всегда величалъ меня монголомъ. Полякъ сдѣлалъ нетерпливую гримасу, переквинулся нѣсколькими незначущими фразами и ушелъ, а мы, говоря о томъ, о семъ, дошли до рѣчи о Мазепѣ. Хозяинъ трудился надъ драмою «Мазепа», и собирая все написанное о покойномъ гетманѣ, приобрѣлъ также Мазепу Пушкина и плохо понимая нашъ языкъ, вздумалъ заставить меня перезести ему подстрочно нѣкоторыя мѣста по-польски. Книга была на шкафѣ. Я поставилъ стулъ, чтобъ найти Пушкина, и увидалъ брошенную за часъ передъ этимъ сѣренькую книжечку. Это былъ номеръ одного тощенькаго, но сердитаго польскаго періодическаго изданія, считаемаго органомъ г. Мирославскаго. Я тотчасъ же узналъ это изданіе и спросилъ хозяина, зачѣмъ онъ не хотѣлъ, чтобы его гость читалъ книжечку? «Такъ, говоритъ, брось ее, займемся Пушкинымъ.» Проходя по rue de Saine, я зашелъ въ польскую книжную лавку и купилъ себѣ тогъ номеръ польскаго журнала, который такъ тщательно хоронилъ отъ меня мой чехъ. Ничего особеннаго: разсужденія о нашемъ монгольскомъ происхожденіи, о нашей дикости, о невѣжествѣ, непозволяющемъ понимать правъ собственности, и нѣсколько выходовъ противъ издателей «Колокола» и поляковъ, водящихъ съ ними дружбу.

— Зачѣмъ ты купилъ эту книгу? спросилъ меня мой чешскій пріятель, найдя ее на моемъ столикѣ.

— Зачѣмъ ты ее пряталъ у себя? отвѣчалъ я вопросомъ на вопросъ.

— Да я просто не хотѣлъ бы, чтобъ ее читалъ кто-нибудь.

— Вредна вѣрно для «*slawianskej wzajemności*»?

— Ну разумѣется. Брось ее!—и чехъ швырнулъ книжонку въ топившійся каминъ.

По-истинѣ великая наивность!

Назадъ тому года три въ Парижѣ затѣвалось учрежденіе *славянскаго клуба*, въ которомъ могли сходитьсѣ дѣти всѣхъ концовъ славянщины, изучать другъ друга и другъ съ другомъ сближаться. Инициатива этого клуба принадлежала демократическому славянскому кружку Парижа и чехи въ этомъ дѣлѣ принимали самое живое участіе. Но клубъ не устроился: поляки уклонились всеконечно, во первыхъ потому, что имъ, какъ славянской аристократіи, не резонъ мѣшаться съ чехами, болгарчиками, хорватчиками и всякимъ «славянскимъ соромъ», и еще потому, что здѣсь допускалось участіе русскихъ. А наши милые соотечественники не поддержали этого, потому что они кажется вовсе не чувствуютъ потребности не только въ «славянской взаимности», но даже не нуждаются и въ «русской взаимности», находя ее совершенно лишнею при огромномъ занасѣ доставшагося на нашу долю табуннаго свойства. Конецъ концовъ былъ тотъ, что склубились одни чехи. Многаго затѣвать уже было нечего, и они, обобравъ себѣ удобную комнатку въ одномъ большомъ кафе на углу гдѣ St. Нопогѣ и rue de Valois, стали тамъ сходитьсѣ въ опредѣленный часъ опредѣленнаго дня недѣли. Такъ и до сихъ поръ существуетъ этотъ подмочечекъ предполагавашагося славянскаго клубка. Всѣ парижскіе чехи отъ поэта Фрича до переплетчика, брошюрующаго его изданія, сойдутся рѣзъ въ недѣлю, попьютъ пива, поговорятъ о родинѣ, потолкуютъ о положеніи своихъ земляковъ, находящихся въ Парижѣ, и поищутъ средствъ, кому чѣмъ и какъ помочь общими силами, и сейчасъ же, если нужно, скинутся по одному, по два франка. «Съ міра по ниткѣ—голому рубашка.» Пока бѣдняка такъ или иначе пристроить, пока онъ осмотрится, осмѣлится,—ему не угрожаетъ ни голодъ, ни холодъ, ни Клиши.

Нѣкоторые изъ наиболѣе горячихъ чешскихъ клубистовъ до сихъ поръ надѣются, что къ нимъ мало-помалу примкнутъ другіе славяне и ихъ собраніище разростется въ общеславянскій

глубь; но мнѣ эти надежды представляются совершенно неосуществимыми, особенно съ тѣхъ поръ какъ, не говоря уже о полякахъ, даже сербы устроили себѣ собственные сборные пункты. Впрочемъ не знаю какъ это будетъ: можетъ-быть чешская ласка и общительность и притянетъ къ себѣ какъ-нибудь молодыхъ сербовъ и русскихъ. Но для этого нужно, чтобы они прежде сошлись и перезнакомились, а знакомство ихъ до сихъ поръ очень невелико. Съ чехами водились изъ нашихъ людейъ пять, и тѣхъ перезнакомилъ я, черезъ Фрича. Я собственно познакомилъ съ Фричемъ не пять человекъ, а гораздо болѣе. Съ нимъ раскланивался и жалъ ему руки почти весь нашъ кружокъ, но все это было только такъ-называемое «шапочное знакомство».

Такъ какъ въ Парижѣ у многихъ принято встрѣчать новый годъ въ café или гостинницахъ, гдѣ въ нарочно нанятой для этого комнатѣ съ вечера собираются знакомые люди и пируютъ всю ночь, никого не стѣсняя и никому не обязываясь, то и у насъ за нѣсколько дней передъ новымъ годомъ пошли толки, гдѣ бы соорудить праздникъ. Чехи назначили складку по пяти франковъ и выбрали распорядителемъ пира Фрича. Фричъ съ обыкновенной своей любезностью заботился, чтобы при встрѣчѣ новаго года собралось съ чехами нѣсколько поляковъ, русскихъ и другихъ славянъ. Но изъ русскихъ былъ только одинъ я, а изъ поляковъ одинъ богатый ювелиръ изъ чешской Праги съ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ. И эти-то два поляка—собственно болѣе чехи, чѣмъ поляки, особенно сынъ, родившійся уже въ Прагѣ и отъ матери-чешки. Пиръ былъ устроенъ въ двухъ комнатахъ небольшого трактирчика въ rue Vavin, неподалеку отъ rue l'Ouest, гдѣ живетъ Фричъ.

Это пиршество по своему характеру стоитъ, чтобы о немъ упомянуть хоть вскользь.

Еще за недѣлю ко мнѣ зашелъ мой знакомый чешскій художникъ, работающій въ галереяхъ Люксембурга, и таинственно намекалъ на эффектные приготовления къ пиру. Зайдя послѣ того къ этому художнику, я увидѣлъ на столахъ нѣсколько транспарантовъ, необыкновенно артистически нарисованныхъ въ три тона, а на мольбертѣ стоялъ такъ же хорошо написанный картонъ. Я не помню хорошо всѣхъ сюжетовъ этихъ рисунковъ, но пом-

ню, что всё они имѣли характеръ или мистическій съ политическими оттѣнками не въ пользу Австріи, или юмористическій, гдѣ обыкновенно швабъ занималъ плачевно-снѣшную роль. За два дня до новаго года, встрѣясь случайно съ Фричемъ, мы зашли посмотреть помѣщеніе, ангажированное имъ для нашего вечера, и оно мнѣ очень не понравилось по своей тѣснотѣ. Такъ и вышло, что было очень тѣсно, и мы встрѣчали новый 1863 годъ буквально «въ тѣснотѣ, но не въ обидѣ».

31-го декабря положено было сходиться въ десять часовъ вечера. Я отправился въ девять съ половиною, но на rue de Valenciennes встрѣтилъ уже шана Вуячка, который въ качествѣ домашняго адъютанта Фрича, помогалъ ему во всѣхъ распоряженіяхъ и между-прочимъ наблюдалъ, чтобы созванные славяне явились на-лицо. Пока мы дошли съ Вуячкомъ до Théâtre de Luxembourg, къ намъ уже пристало человекъ десять чешскихъ уврѣровъ. Всѣ они были расчесаны, напомажены, одѣты въ новое платье и вообще являли собою праздничный видъ. Большею частію это были люди знакомые по чешскому кафе и по дому Фрича. На rue Valenciennes мы уже застали большое собраніе. Столъ былъ поставленъ русскимъ покоемъ, сервировка стола не богатая, безъ прозрачныхъ граней тяжелаго хрустала, но вообще очень чистая и изящная. Вино было исключительно красное, — такъ, отъ франка до франка пятидесяти копѣекъ за бутылку; плоды въ пяти вазахъ не дорогіе, но свѣжіе. Былъ однако и виноградъ.

До ужина все какъ-то не ладилось. Толпились, или какъ мажороссы говорятъ, «ступотались» на одномъ мѣстѣ, и никакъ не могли придти до «взаимности». Такъ продолжалось до начала ужина. Съ размѣщеніемъ за столъ все приняло иной характеръ, — характеръ какой-то торжественно-веселой стройности и порядка. Трапеза началась неизбѣжнымъ итальянскимъ супомъ, потомъ мясо воловье, потомъ мясо неизвѣстнаго свойства — вѣроятно кроличье; потомъ легюмы, легюмы и легюмы, и наконецъ сласти. Во все время ужина передъ трапезующими возобновлялись бутылки краснаго вина и разъ обошла компанію огромная чаша изъ чешскаго хрустала. Чашу эту первый пригубилъ Фричъ, сказавъ надъ ней что-то заставившее чеховъ издавать радост-

ные крики, и обойдя всѣхъ присутствующихъ, она опять окончилась на Фричѣ. Въ двѣнадцать часовъ поставили транспарантъ, на которомъ былъ изображенъ старый годъ, уступающій свое мѣсто новому. Передъ транспарантомъ началось чтеніе патріотическихъ стиховъ, пѣніе національныхъ гимновъ и т. п. Потомъ нѣсколько гостей за костюмъ ввалились и исполнили нѣсколько характерныхъ чешскихъ сценъ, изъ которыхъ три были полны живѣйшаго юмора. Особенно былъ смѣшенъ огромный рыжій художникъ съ бородою въ костюмѣ крестьянской старухи. Затѣмъ транспарантъ разорвали на куски и всякій взялъ себѣ на память по кусочку, и уже началось питье и пѣніе. Пѣли пѣсни патріотическія, застольныя и сатирическія. Припѣвы чешскихъ пѣсенъ очень удобны тѣмъ, что можно вовсе не зная пѣсни совершенно вѣрно выполнять эти припѣвы. Часто припѣвъ поется тою же самою нотою, которою заканчивается пропѣтый стихъ, но только слабѣе или въ унисонѣ. Это выходитъ очень характерно и благозвучно: точно эхо вторить голосамъ. Запѣвало поетъ напримѣръ ¹⁾:

Kto ma żonu niekaranu,
(Хоръ) Niekaranu.
Niech sie kupi tatar na niu,
(Хоръ) Tatar na niu... и т. д.

Точно эхо, отзывающееся въ развалинахъ чешскаго Карлова Тына, гдѣ каждое слово повторяется десяткомъ странныхъ отголосковъ. Пѣли мы и пили, пили и пѣли. Наконецъ, когда репертуаръ видимо сталъ истощаться, потребовали пѣсенъ отъ другихъ славянъ, то-есть отъ мена и поляка. Полякъ спѣлъ одну историческую пѣсню, словъ которой я не знаю, и потомъ ужасную и по словамъ, и по музыкѣ:

Z dymem pożarów,
Z płamem krwi bratniej
Do ciebie, Panie,
Zanosim głos.

¹⁾ По неимѣнію въ нашихъ типографіяхъ чешскаго алфавита, я пишу чешскія слова алфавитомъ польскимъ, наиболее удобнымъ для выраженія звуковъ чешскаго языка.

Пѣсня возбудила самое напряженное вниманіе и сочувствіе. Наступала моя очередь сѣсть русскую пѣсню. Выборъ былъ весь-на труденъ. Чехи, утратившіе звуки *ы* и твердое *л*, не могутъ выговорить нашихъ словъ, въ которыхъ встрѣчаются эти звуки, и кому же не понимаютъ и самыхъ словъ, такъ что выбрать русскую пѣсню, въ которой бы они могли участвовать въ той мѣрѣ, въ какой мы можемъ участвовать въ исполненіи чешской пѣсни, кажется нельзя. Но я вспомнилъ ваши орловскіе сватки съ подблюдными пѣснями, и зная, что слова собственно здѣсь ничего не значать, запѣлъ:

Какъ идетъ младъ кузнецъ изъ кузницы.
Слава, слава!

По второму куплету музыкальные чехи отлично схватили мотивъ припѣва и съ величайшимъ одушевленіемъ подхватывали: «*slawa, slawa!*» Выборъ вышелъ пресчастливыи. Въ этой «сла-вѣ», которую у насъ распѣваютъ, не придавая этому слову никакого особаго значенія, все равно какъ «Дунай мой Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай», чехи услышали русскій откликъ на ихъ призывъ «*russo*» къ «*slowianskiej wzajemności*». Пять или болѣе разъ меня заставили пропѣть «кузнеца», получившаго вдругъ международное значеніе, котораго никогда не имѣлъ въ виду тотъ, кто сложилъ эту пѣсню. Пиръ закончился поднесеніемъ Фричу отъ всѣхъ присутствовавшихъ чеховъ прекрасной бронзовой чернильницы, которая и стоитъ нынче на его каминѣ въ *guede l'Ouest*. Чехи вообще предполагаютъ въ насъ любви къ славянству несравненно болѣе, чѣмъ мы ее имѣемъ. Изъ нашихъ литераторовъ чехи почти всѣ знаютъ одного И. С. Аксакова. Въ его стремленіяхъ они видятъ стремленія цѣлой Россіи и очень сожалѣютъ, что такой хорошій и разумный человекъ, какъ г. Аксаковъ, не умѣетъ воздержатъ насъ отъ централизаторства, преобладающаго въ нашемъ славянскомъ чувствѣ. Сначала я разочаровывалъ моихъ знакомыхъ чеховъ и насчетъ нашего славянскаго чувства, и насчетъ трудовъ И. С. Аксакова, доказывая, что онъ говоритъ то, что самъ хочетъ сказать, и врядъ ли имѣетъ намѣреніе удерживать кого-нибудь отъ стремленія направлять славянскіе потоки къ Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ, а потомъ увидѣлъ, что это ни къ чему не ведетъ — и оставилъ. Чехи не мо-

гуть вообразить народа космополита и, какъ патріоты, довольны узки, и какъ патріоты же, немножко нетерпимы, но какъ ж сравнить опредѣленнаго чеха съ безобразною русской личностью доведшемъ извѣстный пражскій кружокъ сначала до столбняка а потомъ до ярости и презрѣнія! Личность эта была русская барыня, молодая, красивая, лингвистка и вояжерка. Пріѣхала она въ чешскую Прагу съ дѣтьми и, демократизируя за границею, какъ вообще дѣлаютъ наши молодые люди «благородныхъ фамилій», познакомилась съ дочерью «собратьи» Жозефиною Моурекъ, очень просвѣщенной дѣвушкою, о которой я вспоминалъ въ началѣ моего письма. Сблизившись до извѣстной степени съ Моурекъ, она сказала ей въ одномъ разговорѣ: «Какъ вы счастливы, что у васъ два родныхъ языка! Это удивительно пріятно, что каждый чехъ съ колыбели говоритъ уже по-чешски и по нѣмецки!»

Можете вы себѣ представить такое bon mot! Думайте — не придумаете, что бы глупѣе можно было сказать чеху или чешкѣ. То, что они, поработанные нѣмцами, считаютъ своимъ несчастьемъ и чему подчиняются только по печальной необходимости, — то въ понятіи русской барыни счастье! Умна-сть? По ней, надо полагать, будь наша страна въ такихъ отношеніяхъ къ Англіи или, еще лучше, ко Франціи, въ какихъ находится несчастная Богемія къ Австріи, это было бы счастье!.. По авалгіи такъ выходитъ. Гдѣ они свой смыслъ-то подѣли? Въ Прагѣ многіе знаютъ этотъ разговоръ, и передавая его каждому русскому съ ужасомъ спрашиваютъ: «какъ это у васъ выходятъ такіе люди изъ вашей цивилизаціи?» Нашъ край, родненькіе, дубровень: у насъ дураковъ не орутъ и не сѣютъ, а они сами родятся. Мы нынче космополиты, завтра патріоты, послѣзавтра чиновники, и все это какъ вѣтеръ подуесть.

Какъ жалка и глупа эта старуха Европа въ своихъ сужденіяхъ о томъ, что мы такое? Еслибы мы сами были въ состояніи разрѣшить себѣ эту проблему, то надо бы крѣпко удивиться, что ее не рѣшаютъ западные мыслители. А чего бы кажется: послушать напримѣръ хоть... ну да хоть многосодержательныя рѣваншихъ ораторовъ въ географической или экономической говорильнѣ, а потомъ барыню, что чеховъ удивила, а потомъ еще какъ

Весь народъ
 Говорить,
 Рождество.
 Говорить.
 Ну такъ чтожь?
 Говорить.
 Ничего-съ!
 Говорить.

Вотъ мы и всѣ на виду!

ОПЯТЬ ВЪ ЕЛИСѢВЦЫ.

«Жили—не люди, помрутъ—не родители.»

Пословица.

Опять къ вамъ, мои благородные соотечественники! «Публика», какъ говорятъ современные квартальные надзиратели, интересуется знать, какъ вы живете въ Парижѣ? А какъ вы въ самомъ дѣлѣ живете тамъ: такъ ли, какъ вамъ хочется, или такъ, какъ Богъ велить?

По непривычкѣ утруждать себя обдумываніемъ отвѣтовъ, вызываемыхъ столь глубокомысленными вопросами, мои благородные соотечественники въ жизнь не удовлетворить пытливаго любопытства вашихъ читателей. Зная ихъ благовоспитанную скромность, я долженъ не только отвѣгнать за нихъ, что русскіе елисеѣвцы живутъ въ Парижѣ не такъ, какъ имъ хочется, и не такъ, какъ Богъ велить, но я долженъ еще и доказать, что отвѣтъ мой основанъ на неоспоримыхъ «Фактахъ», какъ писалъ нашъ учитель русской словесности, адресовававшій свои письма въ городъ *Орель*.

И такъ къ «Фактамъ».

Жить какъ хочется, значитъ жить какъ хочется. Это весьма ясно. Слѣдовательно можно бы заключить, что если елисеѣвцы живутъ по доброй своей волѣ въ Парижѣ, то они живутъ какъ имъ хочется. Но на самомъ дѣлѣ вѣрно только то, что имъ хочется жить въ Парижѣ и что они здѣсь живутъ. Но живутъ они вовсе не такъ, какъ имъ хочется. О жизни елисеѣвцевъ очень удачно выразилась одна хорошо знающая ихъ русская писательница. По ея словамъ, они здѣсь «суетливо скучаютъ». Когда

субъектъ, назначаемый отсюда на укомплектованіе елисеѣвскаго кружка, ѣдетъ во Францію, онъ обыкновенно или очень малосмысленъ и о Парижѣ знаетъ только, что «ахъ, милый Парижъ!» «ахъ, обворожительный Парижъ!» или же онъ знаетъ уже Парижъ, но знаетъ его только съ той стороны, которой онъ прикасался и за которую онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ. Новые елисеѣвцы обоюгаго пола съ пріѣзда находятся въ безпрерывной суетѣ и ажитации. Они бѣгаютъ по бульварамъ, свѣютъ изъ отеля въ отель, изъ пансіона въ пансіонъ и устраиваются. Устроившись, елисеѣвцы опять бѣгаютъ по бульварамъ, по кафе, по луврскимъ и люксембургскимъ галереямъ, потомъ устаканываютъ и на нѣкоторое время усаживаются дома и пишутъ въ Россію. Послѣ отправленія первыхъ писемъ елисеѣвцы предаются размышленіямъ: какіе толки возбуждаютъ эти письма тамъ въ саратовской или въ рязанской губерніи, гдѣ хочется кого-то позвать, кого-то удивить, кого-то подзадорить? Пишучи свои письма, елисеѣвецъ убѣжденъ, что онъ изучаетъ Парижъ и что ему въ Парижѣ очень весело; но окончивъ письма, онъ чувствуетъ, что все это онъ нагалялъ, что Парижа онъ совсѣмъ не изучаетъ, и что ему въ настоящія минуты даже вовсе не весело. «Завтра я ужъ того...» говоритъ елисеѣвецъ, поправляя подъ своимъ плечомъ подушку. «Завтра я ужъ непремѣнно пойду... а куда-бъ это пойти? Чортъ возьми однако, какъ много мѣстъ въ Парижѣ!» — Завтра елисеѣвецъ пойдетъ въ Jardin des Plantes и будетъ изучать, какъ черная Мумма, позабывшая супруга, обнимается съ огромнымъ бѣлымъ сѣвернымъ медвѣдемъ, съ русскимъ варваромъ мохнатымъ. Потомъ онъ ходитъ въ театры и время его въ самомъ дѣлѣ полно, потому что въ Парижѣ каждому охотнику глазѣть и удивляться дѣйствительно есть на что поглазѣть и чему удивляться. Такъ проходитъ двѣ, три недѣли; новоприбывшій елисеѣвецъ еще не осмотрѣлъ и половины вещей, достойныхъ большаго или меньшаго вниманія, но уже въ одинъ пріятный вечеръ онъ признается какому-нибудь старожилу, елисеѣвцу, что «чортъ возьми, скучновато бываетъ». Съ этихъ поръ елисеѣвецъ разсуждаетъ что Парижъ городъ отличный, удовольствій куча, дѣвочки распрекрасныя, но нельзя же такъ жить безъ знакомствъ, безъ того, чтобы отдохнуть вечеркомъ въ чьей-нибудь семьѣ или, еще лучше, убить ве-

черокъ «возлѣ порядочной женщины». — Исканіе порядочныхъ женщинъ особенно заманчиво, ибо прежде чѣмъ устроится такое знакомство, обыкновенно искателю кажется, что порядочная женщина, встрѣтятся съ нами, непременно поспѣшится сдѣлаться для насъ непорядочною женщиною, а мы тогда станемъ надъ ней ломаться, да по усамъ ее, да по усамъ, да по усамъ!.. Въ знакомствѣ съ французами елисеѣвецъ не находятъ того, чего ищеть. Съ французомъ можно быть знакомымъ цѣлый годъ, цѣлый рядъ лѣтъ и не только не попасть къ нему въ домъ, а даже и не знать гдѣ стоитъ этотъ домъ. О семейномъ же знакомствѣ, если французъ семенъ, и говорить нечего. Съ французскими семействами знакомиться очень трудно и парижскій французъ не обнаруживаетъ никакихъ желаній вводить иностранца въ свой семейный кружокъ. Исключенія вѣроятно есть, но я говорю не объ исключеніяхъ.

Значить ощущается потребность въ русскомъ семейномъ знакомствѣ. Это всегда удается. При помощи какого-нибудь изъ елисеѣвцевъ очень легко попасть въ русскій домъ, извѣстнаго тона. Въ дома К., Д., Б. и нѣкоторые другіе русскимъ попасть рѣшительно невозможно. Почтенныя хозяйки, скрывающіяся въ моемъ скромномъ письмѣ подъ этими буквами русскаго алфавита, стремятся исключительно къ французской аристократіи и за тѣмъ уже только къ официальной Россіи, да къ Поповкѣ. Каждому негодяю парижскаго происхожденія эти дома и самыя ихъ хозяйки гораздо доступнѣе, чѣмъ сравнительно меньшему негодяю происхожденія отечественнаго. Русскіе вхожи въ дома елисеѣвцевъ либеральничавшихъ, т. е. въ дома, гдѣ отецъ и мать семейства знаютъ, что ихъ не пустятъ туда, куда все-таки пускаютъ К., Д., Б. и нѣкоторыхъ другихъ. Эти подрукавныя аристократки доступны для каждого земляка, имѣющаго приличный сертукъ и приличную терпѣливость для переливанія изъ пустаго въ порожнее. Обзаведясь такимъ знакомствомъ, новый елисеѣвецъ начинаетъ вести жизнь полную всяческой пустоты и самыхъ непродуманныхъ затратъ времени. Въ семьяхъ подрукавныхъ елисеѣвцевъ царить нудьга непомѣрная. Насмотрѣлся я въволю на эту пошлѣйшую жизнь!.. Таковы напримѣръ большею частью дни этихъ людей: встаютъ въ десять или двѣнадцать часовъ и пьютъ поганую французскую бурду, именуемую кофеемъ.

Обыкновенно пьютъ кофе въ постеляхъ, что особенно удобно, если принять въ соображеніе, что подрукавная русская аристократія Елисейскихъ полей страшно скряжничаетъ въ Парижѣ и на прислугу, и на помѣщеніе, и на все то, безъ чего она дома обыкновенно, якобы и жить не можетъ. Потомъ одѣванье, совершаемое скоро, въ тѣснотѣ, по милости которой весьма нерѣдко Иванъ Петровичъ не можетъ застегнуть своихъ подтяжекъ такъ, чтобы эту операцію не наблюдала подвизывающая свой кринолинъ Наталья Ивановна. Потомъ завтракъ, какой Богъ послалъ, но большею частью скверный, т. е. хуже того, который мы ѣдимъ въ латинскомъ кварталѣ, плата по 1 фр. 25 сант. съ носа. Въ два часа елисейцы идутъ шляться: мужчины направляются въ рестораны или къ кому-нибудь изъ латинцевъ, а женщины планируютъ или по тюльерійскому саду, или рото-зѣйничаютъ передъ магазинами. Потомъ трехъ или четырехъ-часовой интервалъ одиночной домашней скуки, и наконецъ часовъ въ семь вечера обѣдъ. Къ обѣду иногда подойдетъ кто-нибудь изъ русскихъ. Обѣдъ у многихъ и подрукавныхъ елисейцевъ готовятъ дома и мнѣ ихъ обѣды казались очень вкусными. По крайней мѣрѣ видишь на столѣ чашу съ супомъ, отъ котораго идетъ паръ, мясо не такими тоненькими кусочками, какими его умѣютъ рѣзать одни французскіе рестораторы, и цѣлую жареную птицу. Цѣлый жареный гусь на столѣ производилъ на меня въ Парижѣ самое благопріятное впечатлѣніе. Я такъ-сказать умилился сердцемъ и готовъ былъ прижать его къ моему жилету, какъ стараго знакомаго. Но несмотря на то, что съ гусями я знакомъ съ самаго ранняго дѣтства, когда еще санкюлотомъ загонялъ ихъ орѣховою хворостиною въ прудъ съ панинскою плотны, а съ генераломъ К. я познакомился только въ Парижѣ, я обыкновенно послѣ всякаго такого обѣда прижималъ къ моему жилету самаго генерала, угощавшаго меня жареными гусями. И прижимая къ моему жилету генерала К., я слышалъ какъ трепетно блились подъ лѣвою половинкою его жилета куски проглоченнаго гуся и понятнымъ языкомъ произносили мнѣ самыя обидныя упреки въ неблагодарности... Но кто же виноватъ, друзья моя,—отвѣчалъ я размышленіемъ на эти тяжелые упреки,—кто виноватъ, что вы не умѣли вывернуть внутрь свою сальную сторону: тогда я васъ прижалъ бы къ моему жилету гораздо съ

большимъ удовольствіемъ. чѣмъ теперь прижимаю къ нему жить, подъ которымъ надъ вами совершается процессъ пиццаренія.

Во время господскаго обѣда зимою Шарлота или какая тамъ Клара, или Анета, «дѣлаетъ каминъ», къ которому всѣ послѣ обѣда и усаживаются. Мужчины курятъ и скучаютъ, женщины скучаютъ, но не курятъ, или тоже курятъ. Къ девяти или десяти часамъ дадутъ самоваръ, составляющій почти единственную русскую вещь въ домѣ россіянина Елисейскихъ полей. За чаемъ гостей прибываетъ: кромѣ русскихъ явится рюмкообразная борода, принадлежащая непременно какой-нибудь знаменитости. Елисейцы страхъ какъ нади на знакомства съ европейскими знаменитостями. Но какъ ни Жюль Фавръ, ни другія, хотя меньшія, но все-таки сколько-нибудь замѣчательныя личности не ходятъ наслаждаться изверженіемъ мыслительныхъ аппаратовъ рязскихъ или костромскихъ мыслителей, то сѣмъ послѣдніе въ наказаніе этимъ гордецамъ производятъ въ знаменитости какого-нибудь крователя водевилей; какого-нибудь фельетониста, врача кухонной прислуги его величества императора Наполеона, или даже актерчика изъ какого-нибудь бульварнаго театра. Одной землечкѣ обѣщали привести съ ней Сарду. Тряслась она, бѣдная, какъ бы не скомпрометироваться. И похвастаться-то ей хотѣлось, что у нея будетъ *великій писатель*, и обмирала она со страху, чтобы не набрели къ ней соотчичи, особенно имѣющіе слабость разсуждать, да еще ломить, мѣшая французское съ нижегородскимъ. Но дѣло уладилось благополучно: *великій писатель* не пришелъ совсѣмъ.

Вотъ наберутся этакіе-то господа и болтаютъ, а толстые хрищи лопухаго славянскаго павильона сводятъ весь тонкій умственный соръ въ премудрыя головы, и тупѣютъ эти несчастныя, правдыя головы, и нудятся «суетливо скучая», пока не придетъ имъ волю или неволю

изъ-за морей

Ни лучше, ни умнѣй

Подъ кровъ домашній возвратится.

Въ двѣнадцать часовъ, въ часъ послѣднихъ омнибусовъ, гости расходятся и елисейцы отходятъ ко сну, для того чтобы

укрѣпить свои силы къ предстоящему завтра повторенію пустоты прожитаго дня.

Изъ всѣхъ епископовъ, которыхъ я зналъ въ Парижѣ, объ одномъ только домѣ я могу вспомнить съ удовольствіемъ и съ почтеніемъ. Обыкновенныхъ, ежедневныхъ посѣтителей тамъ было немного, и то все труженики и народъ крайне небогатый. Но тамъ всегда было очень пріятно и порою неподдѣльно весело. Были вечера, послѣ которыхъ бывало хохочешь цѣлый день. Такіе вечера удавались, когда появлялись нѣкоторыя завитыя личности съ Champs Elysés. Придетъ бывало барыня, изъ себя маленькая, дрябленькая, а такой кипятокъ, что Боже ты Господи! Она все дебютировала въ историческомъ родѣ. Чуть кто ей запротиворѣчитъ, она сейчасъ: «Ну такъ что-жъ! а знаете, что въ Венгріи...» «Ну такъ что-жъ! а знаете, что въ Польшѣ... а знаете, что въ Костромѣ или въ Рынь-Пескахъ...» Все больше она болѣла гражданской скорбью по невѣжеству молодаго поколѣнія и еще у нея гнилъ одинъ зубъ въ сердцѣ. — Потомъ былъ тамъ прелестнѣйшій молодой человекъ, который самымъ серьезнымъ образомъ убивался о томъ, что онъ не еврей. Далѣе бывалъ тамъ большой профессоръ, предобрѣйшая личность, но до того нескладная, что глядя на него всегда бывало подумаешь: «вотъ тотъ человекъ, у котораго Гейне замѣтилъ двѣ лѣвыя руки и ни одной правой». И наконецъ еще бывалъ молодой очень, благовоспитанный кандидатъ петербургскаго университета, котораго генералъ К. почему-то считалъ полякомъ, и чуть бывало завидѣть его, сейчасъ за пуговицу и спрашиваетъ: «А скажите пожалуйста, что это за странность, что поляки бунтуются?»

— Не знаю-съ, не знаю. Я ужъ не разъ говорилъ вамъ, что ничего о польскихъ дѣлахъ не знаю, — отвѣчаетъ кандидатъ.

— То-то, странно какъ-то! продолжаетъ генералъ въ раздумьѣ. — Имъ теперь не въ примѣръ лучше, а они бунтуются.

Бѣдный кандидатъ бывало не знаетъ куда ему спрятаться отъ вѣчно неизмѣнныхъ вопросовъ, получаемыхъ имъ въ качествѣ поляка къ непремѣнному разрѣшенію. Генералъ былъ очень маленькій человекъ, съ очень маленькимъ личикомъ и ходилъ бодро, иѣтушкомъ. Въ домѣ, о которомъ я говорю, имъ иногда тяготились: надоѣдалъ ужъ онъ дѣйствительно. Меня генералъ удостоивалъ особеннаго вниманія за мои обширныя, по

его мнѣнію, свѣдѣнія о Россіи. Это лестное мнѣніе я пріобрѣлъ себѣ, рассказавъ ему въ февралѣ нынѣшняго года новость, что вскорѣ послѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія бездвинскіе мужики нѣсколько не поразумѣлись съ февральскимъ манифестомъ. За эту новость генераль, проживающій, по желанію своей супруги, пятый годъ въ Парижѣ считалъ себя обязаннымъ платить мнѣ тою-же монетою и навѣщая меня, всегда приносилъ самыя оригинальныя новости. Такъ напримѣръ разъ застаеть меня генераль въ постели.

— Спите? спрашиваетъ онъ, безцеремонно влѣзая въ дверь моего единственнаго покоя.

— Нѣтъ, только потягиваюсь, — отвѣчалъ я, узнавъ круглый генеральскій голосъ.

— А я шелъ, да и дошелъ. Думаю, надо земляка провѣдать. Мы съ генераломъ оба въ очной водѣ крещены и записаны въ одну дворянскую родословную книгу самой воровской и разбойничей губерніи.

— Отлично сдѣлали. Только вотъ я заснулъ долго. Вы помните.

— Пожалуста! Не отдернуть-ли ридо?—Генераль очень любитъ вставлять въ русскую рѣчь французскія слова.

— Будьте такъ любезны, отдерните.

Генераль освѣтилъ мою комнату, отдернувъ тяжелые, густые завѣсы. Я сталъ одѣваться.

— А вы не слыхали объ этомъ писателѣ... охъ, какъ его?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Да вотъ... новый еще... Ахъ, батюшки! да какъ же это его?... фамилія-то... самая этакая еще простая фамилія. Ну новый! Вѣдь вы небось ихъ всѣхъ знаете.

— Успенскій? спросилъ я.

— Нѣтъ, иначе.

— Помяловскій?

— Нѣтъ, иначе; все иначе.

Я назвалъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Нѣтъ, все не тѣ. Новый вотъ!.. я у Елены Николаевны книжку взялъ: большая, синяя книжка...

— Писемскій? спросилъ я, догадавшись по наружному описанію книжки о комъ идетъ дѣло.

— Писемскій-съ, Писемскій. Вотъ именно Писемскій. Экая штука какая!

— Да, это штука, говорю я.

— Право. Какъ вѣдь это подѣзжаетъ подо все. Подите, вѣдь и у насъ какъ писать-то начали!

— Что, хорошо? Нравится вамъ?

— Да ничего-съ. Этакъ все критикуеть общество. Превнѣ такъ не писали, какъ эта молодежь нынче.

— Это точно.

— Вы прочтите пожалуста.

— Непремѣнно.

— Серьозно говорю. Очень, очень оригинально.

— Вы чтó читали-то?

— Тамъ это ромавъ что-ли какой-то. Очень оригинально.

— Вы согласны съ тѣмъ, что пишетъ этотъ Писемскій?

— Н-ну-съ, это, какъ вамъ сказать, все вѣдь критика; этого вѣдь не было. Миѣ только интересны эти молодые, начинающіе писатели. Я вотъ тоже Марка Вовчка хочу прочесть. Видѣлъ я книжки съ рассказами. Надо прочесть: знакомый человекъ, — знаете, нельзя не прочесть.

— Это точно.

— Подите, Марко Вовчекъ!..

— Что такое?

— Да кто-бъ думалъ, что вотъ писатель!

— Отчего же это?

— Да такъ, какъ-то странно.

— Не вижу, чтó тутъ страннаго.

— Понимаете, у меня свой взглядъ, и я говорю съ моей точки зрѣнія; а глядя au niveau du siècle... разумѣется отчего же?

У генерала всегда были два взгляда: одинъ собственный, по которому a плюсъ b было равно c , а другой—au niveau du siècle, по которому то-же самое a плюсъ тоже b равнялось игреку или зету. Оба эти взгляда были ему одинаково доступны и онъ о каждомъ предметѣ имѣлъ два понятія: собственное и au niveau du siècle, выводя изъ этой способности, что онъ человекъ вполне *современный*, т. е. со временемъ такъ думаетъ, а со временемъ иначе.

Всѣмъ этимъ людямъ хотѣлось бы жить весело, чтобъ у

нихъ люди бывали *horomie*, напримѣръ «възъ амбасады» что-ли, възъ *corps législatif*, или по крайней мѣрѣ чтобъ смѣшно имъ было, а имъ скучно, нудно, нѣтъ ни балочковъ этихъ, гдѣ бы порисоваться, погорланить, разбирая тотъ или другой вопросъ то съ своей точки зрѣнія, то au niveau du siècle, и житье-то желтенькое, не комфортабельное, и вѣчное фланерство ужъ наскучило, все не такъ, какъ хочется, а живутъ эти черноземные выродки господскихъ коноплянниковъ чортъ ихъ знаетъ почему... потому-что имъ все равно гдѣ ни жить, потому-что они вездѣ иностранцы и имъ пріятно быть иностранцами, приобретаая хоть право говорить, что они пять лѣтъ прожили заграницею.

Можетъ-быть во всеобщъ, что я сказалъ, собственно нѣтъ фактовъ, способныхъ достаточно подкрѣпить мои выводы, но вѣдь другихъ же фактовъ мудрено найти, ибо и у елисеѣвцевъ есть на столько влады между ушами, чтобы умѣть лгать и притворяться.

Но если я слабо доказалъ, что елисеѣвцы не живутъ какъ имъ хочется, то неопровержимо будетъ мое слово, что они не живутъ какъ Богъ велитъ, ибо христіанскій Богъ не велитъ проводить время въ тунеядствѣ и не посылаетъ болящимся его духа праздности, унынія, любоначалія и празднословія, а даетъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, кротости и любви. Духъ этотъ отнять у елисеѣвцевъ за ихъ постыдные грѣхи передъ требованіями разума и за ихъ глухоту къ материнскимъ рыданіямъ нашей родины, призывающей насъ повести тяготу друга друга, занимаясь неустаннымъ служеніемъ ей, гдѣ бы мы ни были.

РУССКІЯ БАРЫНИ.

«Тутъ я имѣлъ случай видѣть, какъ съ самаго дня рожденія прививаютъ безуміе.»

S. Croupoff. M. et Ch. Dr.

Въ Россіи очень многіе пресерьозно увѣрены, что наши барыни вѣздятъ за границу кутить и кутить непремѣнно извѣстнымъ, самымъ скоромнымъ манеромъ, то-есть преобращаться въ самыхъ отчаянныхъ Семирамидъ и Тамаръ. Только дамы, отъѣз-

жающія за границу съ очевидными признаками близкаго переселенія къ отцамъ, до нѣкоторой степени освобождаются отъ этихъ подозрѣній, а всѣ остальные заурядъ разсматриваются весьма недвусмысленнымъ образомъ. Отчего именно возникло такое мнѣніе? Отчего русскому человѣку всегда сдается, что у женщины, желающей распорядиться собою по усмотрѣнію на какомъ-нибудь мѣстѣ, не достанетъ средствъ этого сдѣлать? Кажется въ нашъ просвѣщенный вѣкъ и въ нашей просвѣщенной странѣ извѣстная свобода женскихъ стремленій вездѣ можетъ встрѣтить извѣстную и притомъ совершенно достаточную долю всякихъ удобствъ, которыхъ за моремъ искать не стоитъ. Но, несмотря на всѣ эти, кажется, довольно ясныя соображенія и не стѣсняясь тѣмъ, что наши дамы за границею кутаютъ извѣстнымъ образомъ, начуть не чаще и не сильнѣе, чѣмъ здѣсь, у себя дома, странное мнѣніе о ихъ заграничной, такъ сказать, дѣятельности не измѣняется.

Причину такого взгляда нужно искать во-первыхъ въ томъ, что прежнія русскія путешественницы дѣйствительно творили чудеса, во вкусѣ царицы Тамары, съ прибавкою скандалезностей своего вѣка. Но преданія объ этихъ похожденияхъ нашихъ бабушекъ за границу уже совсѣмъ выдохлись и развѣ изрѣдка живутъ еще въ воспоминаніяхъ внучатъ прежнихъ парижскихъ парикмахеровъ, камердинеровъ и полотеровъ. Да и то все это, кажется, весьма часто явныя сочиненія и варіація на какой-нибудь довольно рѣдкій случай. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы грѣшны передъ Богомъ и только одинъ Богъ безъ грѣха; но чтобы дѣлать изъ частныхъ случаевъ общее опредѣленіе, общее въ той степени, какъ любятъ его дѣлать наши болтуны, — это нелѣзно, пошло и ужь очень оскорбительно для нашихъ женщинъ. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, сказанное мнѣніе держится въ большинствѣ нашего общества отъ его собственной нечисти.

Русскія дамы, проживающія за границею, дѣлятся на три разряда: 1) дамы серьезно больныя и серьезно лечащіяся, 2) дамы страдающія самордаками и потому лечащіяся *pour passer le temps*, и 3) дамы, живущія изъ расчета, якобы за границей имъ жить выгоднѣй. Кромѣ того есть, разумѣется, такъ-называемыя «амбасадерки», но ужь о людяхъ этой категоріи мы разъ навсегда условились не говорить и потому они изъ ряда вошь. Дамы серьез-

но больныя заграницею бываютъ разныхъ возрастовъ и состояній, но въ Парижѣ ихъ немного. Онѣ чаще встрѣчаются въ Виши, въ Баденѣ, въ Ниццѣ, въ По и въ другихъ мѣстахъ Италіи. Въ Парижѣ ихъ нигдѣ не видно. Больному человѣку не до фланерства и не до развлеченій. — Дамы, страдающія самордаками, встрѣчаются повсюду, даже въ тихой Прагѣ и молочномъ Ольмюцѣ, но болѣе всего ихъ лѣтомъ въ Ниццѣ, а зимою въ Парижѣ. Онѣ постоянно лечатся и никогда не вылечиваются, словно имъ тотъ же завѣтъ данъ, что солдатамъ. Тѣмъ, по солдатскому преданію, разгнѣванный святой сказалъ, чтобъ вамъ вѣкъ учиться и не выучиться, вѣкъ чиститься и не вычиститься, а этимъ онъ приказалъ вѣрно вѣкъ лечиться и не вылечиться. Это почти все помѣшницы и вообще болѣе или менѣе женщины со средствами и съ сильно попорченной жизнью: одной отлилось житьецо желтенькое отъ мужа, другой отъ родной семьи, третья все сама перегадила собственной дуростью и бѣжить отъ ненавистныхъ мѣстъ и лицъ, напоминающихъ прошлое. Иногда больныя этого сорта сначала дѣйствительно съ какимъ-то азартомъ бросаются въ водоворотъ заграничной жизни, и тутъ-то на первыхъ порахъ яная кѣмъ-нибудь пожалуй и утѣшится, но утѣшится такъ, тоже *roug passer le temps*, ненадолго. Что бы ни говорили мы о русской женщинѣ, а все-таки право она влучше, и жалчѣе многихъ другихъ женщинъ. Не много изъ нихъ Семирамидъ, но очень много Сандрильонъ и вообще жалкихъ существъ, отбитыхъ отъ одного берега и неспособныхъ пристать къ другому. Не многихъ изъ нихъ тѣшатъ легкія похождения заграницею, но многія изъ нихъ убѣждаются въ совершенной тщетѣ и ничтожествѣ этихъ утѣхъ. Болѣе или менѣе онѣ ясно ощущаютъ потребность чувства тамъ, гдѣ ихъ хотятъ утѣшать одною чувственностью. Но онѣ какъ-то боятся и чувства, бѣжать и отъ привязанностей, сторонятся отъ всего, что призываетъ сердце къ жизни, и влачатъ тоскливое, безцвѣтное существованіе, мало-помалу сживаясь съ мыслью о необходимости возвратиться къ тому, отъ чего бѣжали. Натуры ихъ не такъ дурны и не такъ ничтожны, какъ пусто и ничтожно ихъ воспитаніе, вслѣдствіе котораго онѣ неспособны произвести никакого опредѣленнаго перелома ни въ самихъ себѣ, ни въ своей жизни.

Ни полюбить онѣ не смѣютъ,
Ни вовсе бросить не умѣютъ.

Все заграничное житье такихъ барынь, за исключеніемъ нѣсколькихъ минутъ увлеченія, и то чаще всего на первыхъ порахъ заграничной свободы, въ которой все исчезаетъ безъ слѣда, есть рядъ дней, мѣсяцевъ и даже цѣлыхъ лѣтъ внутренней борьбы съ собою. Онѣ борются и съ своею потребностью привязанности, и съ страхомъ суда того общества, котораго онѣ хотя и не видятъ, но которое все-таки стоитъ неотразимымъ пугаломъ въ ихъ воображеніи. Наконецъ онѣ борется со страхомъ будущей жизни, и послѣ долгихъ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ, проведенныхъ въ тоскливомъ раздумьѣ, не руководимыя ничѣмъ кромѣ ужаса за свое одиночество и признанія своего безсилія устроить себѣ новую жизнь, махнувъ рукой возвращаются къ старой. Вообще заграничная жизнь такихъ женщинъ есть чаще всего процессъ примиренія ихъ съ прошлымъ при болѣе или менѣе независимомъ положеніи, которое своею тягостью и отвѣтственностью убѣждаетъ ихъ, что *quod licet Jovi, non licet bovi...* По моимъ наблюденіямъ, чѣмъ умнѣе, чѣмъ серьезнѣе женщина такого положенія тѣмъ быстрѣе совершается въ ней этотъ процессъ и тѣмъ покорнѣе она соглашается подложить голову подъ прежнее ярмо. Поладивъ дома и отсрочивъ себѣ срокъ домашнего отпуска, онѣ, смотря по характерамъ и средствамъ, или летаютъ по живописнѣйшимъ мѣстамъ Европы, или слоняются іерусалимскими плакидами по стогнамъ Парижа и усердно молятся въ *gûte de la Croix*. Потомъ онѣ возвращаются къ домашнимъ ларамъ и певатамъ, и тотъ будетъ жестокъ, кто насмѣшливо или ядовито отвесится къ этому возвращенію. Куда же имъ дѣться? Что имъ дѣлать? Онѣ вездѣ даже хуже чѣмъ иностранки: онѣ малосмысленныя дѣти, которымъ хочется и свободы, и страшно быть оставленными безъ послѣдняго блюда. Это полнѣйшая неспособность къ жизни, немолчно протестующая противъ безобразнаго воспитанія, дѣлающаго самый порывъ къ свободѣ шагомъ къ признанію необходимости подписать законность своего рабства.

Я не встрѣтилъ ни одной подобной женщины хотя по наружности счастливою и веселою.

Женщины, проживающія за границею изъ денежныхъ расчетовъ потому, что тамъ дешевле жить, въ одномъ отношеніи правы. Онѣ дѣйствительно въ Парижѣ проживаютъ менѣе чѣмъ въ Крамахъ или Городищѣ, и все-таки живутъ въ европейскомъ городѣ, гдѣ есть много вещей, удовлетворяющихъ человѣческой любознательности. Но не нужно только забывать, что эти дамы за границею далеко не такъ требовательны, какъ дома, и довольствуются тѣмъ, что дома считались бы крайнемъ неудобствомъ. Въ отношеніи удовольствій умеренность ихъ простирается весьма далеко. Иныя буквально довольны только тѣмъ, что онѣ скучаютъ живя въ Парижѣ. — За это любятъ строго осуждать русскихъ женщинъ, а хотѣлось бы спросить, что имъ дѣлать? Во-первыхъ, желаніе посмотрѣть свѣтъ въ женщинѣ можетъ быть такъ же велико, какъ и въ мужчинѣ, и съ этой стороны осуждать ее никто не имѣетъ никакого права. А во вторыхъ, не въ правѣ же общество требовать ни отъ одного изъ своихъ членовъ того, чего оно не дало имъ. Какъ упрекать женщину въ томъ, что она переноситъ за границею то, чего не хочетъ переносить дома, когда она чувствуетъ, что ей тамъ легче, чѣмъ дома? Варошвенныя виѣ всякихъ серьезныхъ отношеній къ жизни, онѣ вѣдь не сочувствуютъ большинству вопросовъ, кипящихъ мужскіе умы, и живутъ въ интересахъ собственного эгоизма и во виѣшности. Чего же мы отъ нихъ потребуемъ и какой судъ произнесемъ надъ ними? Мы хотимъ, чтобы онѣ были хорошими, настоящими подругами и матерями. Отлично; но какъ же достичь этого, если всѣ хлопоты такъ часто не удаются? Мы тщательно берегли нашу семью, нашу заветную святыню, виѣ которой, пока міръ таковъ, каковъ онъ есть, нѣтъ счастья нарождающемуся человечеству. Мы хвалились передъ западною Европою непоколебимою крѣпостью семейнаго начала, а посмотрите-ка что дѣлается нынче съ этимъ крѣпкимъ семейнымъ началомъ въ нашемъ такъ-называемомъ просвѣщенномъ, да даже и не въ просвѣщенномъ городскомъ кружкѣ! Гдѣ тамъ эта крѣпость этого начала? Къ чему все это стремится, противъ чего ратуетъ, за что обрекаетъ на страданіе дѣтей, стоящихъ между враждующими родителями? Скажутъ: это всегда было. Да, это правда: обыденные случаи, на которые мы наталкиваемся нынче, были всегда; но были ли они такъ часты, какъ нынче? Считалось ли обыкновеннымъ случаемъ

такое жите связанных паръ, какое безпрерывно встрѣчаетъ сегодня? Конечно нѣтъ. Общество наше ясно входитъ въ новую фазу семейнаго начала. Законъ, не признающій расторженія паръ, исключаетъ всякую возможность статистическихъ выводовъ, способныхъ доказать, что семейное начало у насъ страдаетъ и распадается прежде, чѣмъ есть въ виду какая-нибудь возможность замѣнить его хоть для дѣтей, неповинныхъ въ усовершенствованіяхъ или прегрѣшеніяхъ вѣка. Но есть же другая статистика, которая громко говоритъ о необходимости регулировать извѣстныя начала нѣсколько иначе, чѣмъ они были регулированы до сихъ поръ. Есть историческія истины цивилизаціи, запрещающія не признавать существующаго и внушающія полное довѣріе, что всякое признанное положеніе всегда безвреднѣе непризнаннаго и что тотъ, кто не имѣетъ правъ, не можетъ имѣть и обязанностей.

Вопросъ сильно просится на очередь.

Отъ другихъ славянокъ наши парижскія женщины рѣзко отличаются прежде всего этимъ частымъ протестомъ противъ условій, сопровождающихъ наше семейное начало, потомъ недостаткомъ сочувствія къ отечественнымъ интересамъ, которымъ горячо преданы польки и чешки, и наконецъ отвращеніемъ отъ роднаго языка, на которомъ страсть не любятъ говорить въ странахъ, говорящихъ на языкѣ французскомъ да еще развѣ способностью особенно бросаться въ глаза вопіющимъ безвкусіемъ нарядовъ. Въ послѣднемъ случаѣ я не выдаю себя за компетентнаго судью, но парижскія французенки такъ вѣрно угадываютъ нашихъ сѣверныхъ красавицъ по какимъ-то непостижимымъ тонкостямъ туалета, что вѣрно въ этомъ туалетѣ дѣйствительно есть что-то особенное. Парижскія же французенки увѣряютъ, что эти особенности есть страшное оскорбленіе вкуса, и я не нахожy основаній подозрѣвать въ этомъ отзывѣ чувства мести, якобы возбуждаемаго въ европейцахъ нашими поразительными превосходствами во всѣхъ отношеніяхъ. Я даже самъ, зайдя въ одно изъ немногихъ моихъ посѣщеній въ русскую церковь, дѣйствительно чувствовалъ, что какъ-будто около меня все новгородскія бабы нарядились въ какія-то страшно-тяжелыя шелковыя платья съ цвѣточками и говорятъ по-французски даже съ служителями алтаря русской церкви и съ русскими нищими Парижа. Въ самомъ

дѣлѣ, чортъ-знаеть что это за дубковидныя шелковыя платья носили наши дамы прошлую зиму! Ни на одной французенкѣ я не видалъ этакого безобразнаго безобразія. Нарочно ли ужь они этакъ выривались, или столько у нихъ умѣнья хватало—кто ихъ вѣдетъ, а только подѣломъ надъ ними хохочуть французенки. Хочется вырядиться дюшесой—и вырядится уѣздной исправницей послѣ ярмарки. И для кого? и для чего?.. Вздоръ все какой-то, и глупый, и гадкій.

Нигилистокъ въ Парижѣ въ мое время не было ни одной, но въ женскомъ кружкѣ подрукавной аристократіи о нихъ часто заговаривали. Однѣ все подводятъ ихъ подъ категорію гризетъ, другія же сравниваютъ просто чортъ-знаеть съ чѣмъ; я тѣ, я другія врутъ. Вообще тѣ русскія женщины, зимовавшія въ Парижѣ, которыхъ я зналъ и съ которыми мнѣ удавалось говорить о нигилисткахъ, ихъ очень не жалуютъ. Это и весьма понятно. Нигилистки для всѣхъ выросших на финесахъ и не привыкшихъ называть вещи ихъ настоящими именами, слишкомъ смѣлы и рѣзки. Общаго между ними ничего нѣтъ и быть не можетъ.

ПОПОВКА.

«Оазисомъ называется плодоносное мѣсто среди пустыни.»

Ободовскій

Императоръ Наполеонъ отвелъ очень незавидное мѣстечко для русской церкви. Она выстроена въ rue de la Croix, проходящей за очень красивымъ и весьма отдаленнымъ отъ лучшихъ частей города паркомъ de Monceaux. По административному дѣленію Парижа это приходится въ части, уже непосредственно прилегающей къ крѣпостнымъ веркамъ, которыми окруженъ городъ. По rue de la Planchette отъ этихъ мѣстъ всего два проулочка до городскихъ укрѣпленій. Вообще это глухая, не веселая и не пріятная часть города.

Церковь наша выстроена судочкомъ, въ пять главъ; она довольно велика, но непомѣстительна. Внутренность ея изящна, но напоминаетъ, по-моему, вѣсколько хорошія изъ нашихъ больничныхъ церквей, а по мнѣнію архитекторовъ-французовъ—салонъ. Въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ и больницахъ есть очень мно-

го такихъ церквей, разница будетъ только въ раззолоткѣ. Внизу подъ церковью большой склепъ, передѣлываемый теперь на особую нижнюю церковь. Не знаю будутъ-ли тамъ служить по воскресеньямъ и праздникамъ вторую обѣдню или нѣтъ. Главная цѣль устройства нижней церкви въ склепѣ, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы имѣть мѣсто для отпѣванія усопшихъ. Въ мое время въ этомъ склепѣ шла столярная работа, и тамъ же, въ этомъ склепѣ, стоялъ гробъ одной русской дамы, ожидавшій разрѣшенія на отправленіе его подъ родныя липы въ Россію. Въ склепѣ очень темно и нижняя парижская церковь будетъ напоминать собою что-то въ родѣ древнихъ христіанскихъ катакомбъ. Церковь окружается относительно довольно просторнымъ дворомъ, отгороженнымъ, съ уличной стороны, весьма красивою желѣзною рѣшеткою, которая открываетъ весь нижній фасъ храма, стоящаго въ глубинѣ двора. По обѣимъ сторонамъ церкви выстроены два довольно большіе дома, поставленные параллельно другъ къ другу. Дома эти протянуты въ дворъ и на улицу выходятъ узкими концами. Правый домъ (если стать лицомъ ко входнымъ дверямъ церкви) населенъ довольно людно. Тутъ живетъ привратникъ съ семействомъ, дьяконъ съ семействомъ, отецъ Прилежаевъ съ семействомъ и, кажется, два или три семейные же причетника или, какъ они себя любятъ называть, «пѣвцы». Этотъ домъ весь занятъ, и если его жильцы не имѣютъ права жаловаться на тѣсноту, то они не могутъ и не завидовать простору противнаго дома, стоящаго по тотъ бокъ двора. Развѣ только санъ ихъ духовный отженетъ отъ нихъ духъ печеланія.

Въ домѣ, противномъ первому, въ двухъ этажахъ помѣщается отецъ Васильевъ, и наверху есть еще помѣщеніе, кажется, для одного дьячка, именно того самаго, который, проживъ около двухъ десятковъ лѣтъ въ Парижѣ съ французенкой-женой, до сихъ поръ не выучился путно объясняться по-французски. У отца Васильева помѣщеніе въ полномъ смыслѣ вельможеское и вполне отвѣчающее величію строителя и настоятеля русскаго собора въ католической столицѣ французской имперіи. Впрочемъ, не въ угоду многочисленнымъ недоброжелателямъ первенствующаго русскаго священника, излишне щедрымъ на изобрѣтеніе ему всякихъ упрековъ, должно по справедливости сказать, что хотя отецъ Васильевъ и не обидѣлъ себя, планируя Поповку, но взятое имъ

для себя помѣщеніе рѣшительно ему необходимо. Во-первыхъ огромная семья, въ которой есть и крошечныя дѣти, и взрослые дѣвушки, а потомъ его литературныя занятія по православному французскому журналу и наконецъ орава поѣтителей. Всего этого нѣтъ ни у отца дьякова, ни у отца Првлежаева и ни у кого другаго: а все это вѣдь требуетъ же помѣщенія и извѣстныхъ удобствъ. Кромѣ того я знаю, что у отца Васильева иногда по долгу гостятъ люди, которымъ приходится круто, и нужно пережить дни скудости, пока выровняются дѣла. Такъ прошедшей зимой у него гостила вдова одного русскаго писателя, французенка родомъ.

Наружныя отношенія жителей парижской русской Поповки весьма благоприличны, и общество, бывающее только въ церкви да у священниковъ, совершенно право, предполагая, что здѣсь вѣчная тишь да гладь, да божья благодать. Отцы парижской церкви такъ умны и образованы, что ни отъ одного изъ нихъ мнѣ не доводилось слышать никакого неблагопріятнаго отзыва о другомъ; но я звалъ Поповку и съ другой стороны, — со стороны поющей, вопіющей, зывающей и глаголющей. Съ этой стороны есть окна на задній дворъ, а на заднемъ дворѣ лежитъ по обыкновенію много всякаго сору и гадости, выметаемыхъ черезъ черныя ходы. Не буду я раскапывать этого сору, не стану ворошить его, потому что не найдетъ въ немъ читатель ничего такого, чего бы нельзя было безъ большой дальновзоркости разсматрѣть на каждой двустатной русскаго Поповкѣ. Нравы не такъ скоро и не такъ рѣзко измѣняются, какъ привычки. Нашъ добринскій отецъ Ларіонъ, вичащійся передъ отцомъ Иваномъ своимъ первымъ разрядомъ и знакомствомъ съ господскими домами въ обонхъ приходахъ гостомельской сельской церкви, поживя день на парижской Поповкѣ, непременно сказалъ бы: «понимаемъсь, все понимаемъ», и отецъ Иванъ сказалъ бы тоже самое. Возьмите туда съ сабакинской Поповки отца Андрея съ отцомъ Алексѣемъ — и тѣ тоже самое скажутъ. А насчетъ крайняго любопытства читателей насчетъ Поповки, то я ужь его удовлетворять никакъ не могу, ибо предвижу къ этому множество различныхъ неудобствъ и свидѣтельствуюсь въ этомъ передъ ними шпши ручательствомъ.

Въ отношеніи сохраненія русскаго элемента Поповка ведетъ себя весьма различно. У отца Васильева этотъ элементъ про-

водится гораздо сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ: у него даже есть и прислуга русская, и дѣти, даже самый маленькій, говорятъ по-русски прекрасно. Чѣмъ бѣднѣ жители Поповки, тѣмъ слабѣе у нихъ и этотъ элементъ. Взрослая дочь привратника уже вовсе не говоритъ по-русски.

Къ Россіи я ни у кого не замѣтилъ особеннаго влеченія. О ней говорятъ, говорятъ, но врядъ ли кто-нибудь пожелаеъ бы въ нее возвратиться и занять соотвѣтственные мѣста на родной почвѣ. Съѣздить въ Россію, особенно на казенный счетъ, пожалуй никто не прочь, и дьячки нерѣдко этимъ пользуются, добывая себѣ «изъ амбасады» посылки въ качествѣ курьеровъ, съ бумагами. Но совсѣмъ возвратиться—какая-жъ выгода? Отцу Васильеву и Прилежаеву, имѣющему шансы рассчитывать на какую-нибудь карьеру, это еще при извѣстныхъ обстоятельствахъ возможно; а дьячкамъ что за радость идти съ французскаго хлѣба на мякину? Да и всѣмъ-то мудрено это уладить, ничего не теряя. Правда, разъ, придя съ Поповки, я видѣлъ сонъ. Снилось мнѣ, послѣ многихъ шедшихъ тамъ разговоровъ, что будто отецъ Васильевъ и отецъ Прилежаевъ глубоко потряслись не до статкомъ патріотизма въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества и ушли изъ Парижа. Будто пошли они, для примѣра прочимъ, къ намъ на Добрынѣ и говорятъ: «мы покажемъ къ чему способны просвѣщенное духовенство». А около нихъ стоятъ на полѣ мужички, запустивъ сохи въ недопаханные загончики, и говорятъ: «что это, батюшка, за тучка такая бродить?» А отецъ Васильевъ будто и отвѣчаетъ имъ: «это, дѣтки мои, фонды поднимаются». А мужички говорятъ: «нѣтъ, батюшка, это либо дождь, либо градъ будетъ.» — Потомъ мнѣ снилось еще много въ этомъ пасторальномъ родѣ, но часть моихъ сновъ я перезабылъ, а другую не хочу рассказывать, да не прозовуть меня братія мои сно видцемъ и да не продадутъ въ руки темволицыхъ египтянъ, какъ уже продали они меня демону, совершающему надъ моимъ мозгомъ и нервами адскія пробы ассимилированія съ мовми братьями.

Какъ относится русское общество къ русской Поповкѣ, я говорилъ въ первомъ письмѣ. Въ обществѣ елисейцевъ, которые только и близки къ Поповкѣ, едва можно подмѣтить самую крошечныя преобладанія симпатій на сторону отца Васильева или Прилежаева. Васильева болѣе знаютъ и къ нему болѣе ходятъ.

Латинцы же слишкомъ далеки отъ Поповки, а если когда у нихъ и заходитъ о ней рѣчь, то о Прилежаевѣ отзываются съ большою теплою, чѣмъ объ отцѣ Васильевѣ. Но, повторяю, у латинцевъ нѣтъ почти ничего общаго съ Поповкою и мнѣнія ихъ объ отцахъ составляются чисто по слухамъ.

Благотворительною дѣятельностью, т. е. сборомъ въ пользу нуждающихся въ пособіи земляковъ, занимаются оба священника; и у того, и у другаго, разумѣется, есть свои кліенты. Отецъ Прилежаевъ, по слухамъ, способенъ помогать даже изъ собственного кармана и охотно дѣлится, чѣмъ можетъ дѣлиться, конечно не подрывая собственного бюджета. Отецъ Васильевъ устраиваетъ много. Я самъ знаю нѣсколько человекъ, обязанныхъ своимъ возвращеніемъ въ отечество складчинамъ, устроеннымъ отцомъ Васильевымъ. — Теперь, когда въ посольствѣ выпросить денегъ стало очень трудно, это великое благодѣяніе для людей, застрѣвшихъ на чужбинѣ безъ гроша въ карманѣ. — Объ отцѣ дьяковѣ, перемѣщающемся или уже перемѣстившимся теперь священникомъ въ Бельгію, почти ничего не говорятъ, а поющихъ и воющихъ не знаютъ вовсе.

Храмъ содержится прекрасно; отецъ Васильевъ верѣдко самъ ходитъ въ камилавкѣ съ тарелкою и потому на тарелкѣ рѣдко видны мѣдныя су, а все серебряныя франки и даже золотыя монеты. Хоръ, составленный изъ французовъ, весьма хорошо исполняетъ даже нѣкоторыя трудныя вещи Борнганскаго. Съ французами поетъ одинъ русскій октавою, приводящею въ удивленіе французскія уши. Публика переднихъ рядовъ, расходясь изъ церкви, обыкновенно говоритъ по-французски и смотритъ на пигмеевъ весьма холодно. Нищія у порога есть постоянно.

Жить на Поповкѣ всѣмъ безъ исключенія привольнѣе и безпечнѣе, чѣмъ каждому человеку на сто лѣ въ окрестности.

ЧЕГО НАШИ НЕ ДѢЛАЮТЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

«Человѣкъ можетъ сдѣлать зло другимъ не только дѣйствіемъ, но и бездѣйствіемъ своимъ и въ такомъ случаѣ онъ справедливо отвѣчаетъ передъ ними.

Дж. Ст. Милль (О свободѣ).

Что есть въ Парижѣ у всѣхъ иностранцевъ, принадлежа-

щихъ къ болѣе или менѣе великимъ націямъ? Свое посольство, церковь, регулярныя сходки, большее или меньшее общеніе и касса для содѣйствія землякамъ, нуждающимся въ большемъ или меньшемъ пособіи. Что есть у русскаго общества въ Парижѣ? Посольство, церковь и нищія. Чего у него нѣтъ? Регулярныхъ сходокъ, почти никакого общенія и никакой кассы для содѣйствія землякамъ, нуждающимся въ большемъ или меньшемъ пособіи.

Нужно ли это?

Нужно. Сходки нужны для того, чтобы была цѣльность, связь живущихъ русскихъ за границей, ибо ихъ разбѣянность и отсутствіе всякой живой общественной связи лишаетъ ихъ всякой силы, и русскій легче пропадаетъ въ Парижѣ, чѣмъ молдавъ, сербъ и чехъ. Общеніе нужно для всего, а наиболѣе для того, чтобы заявить Европѣ, что мы общество. Касса нужна потому, что у насъ въ Парижѣ очень много людей, которые сегодня не знаютъ, что будутъ ѣсть завтра и еще болѣе такихъ, которые сегодня не знаютъ, что будутъ ѣсть сегодня.

Говорятъ: у поляковъ, чеховъ все это есть потому, что у нихъ есть политическая эмиграція, составляющая какъ-бы колонію странъ, въ интересахъ которыхъ они дѣйствуютъ; и потому имъ нужно все это, а намъ, имѣющимъ родину, нѣтъ нужды ни въ какихъ общественныхъ учрежденіяхъ за границей.

Справедливъ ли послѣдній выводъ?

Поляки, чехи, сербы, молдавы, даже хорваты, устраивая разнообразныя учрежденія для общественнаго вспоможенія, вовсе не рассчитываютъ на однихъ эмигрантовъ, а имѣютъ въ виду всѣхъ своихъ земляковъ. Основная цѣль ихъ—не дать земляку пропасть и христараничать у чужеземцевъ. У чеховъ это идетъ далѣе: у нихъ парижская община заботится не только о томъ, чтобы чехъ не былъ безъ хлѣба, чтобы онъ не былъ нищъ, но также чтобы онъ не былъ въ положеніи, подвергающемъ его искушеніямъ и превышающемъ его нравственныя и умственныя силы. У нихъ новичка отдаютъ подъ опеку старожилы и всѣ міромъ заботятся призрѣть и пріютить его, чтобъ и Богу не грѣхъ, чтобъ и людямъ не смѣхъ.

Наше положеніе въ Парижѣ таково же.

У насъ есть нищія, просящія су у порога русской церкви:

есть нищіе, умирающіе съ голоду и не только ничего не просящіе, но и не знающіе въ какую сторону отворяется рѣшетчатая калитка русской Поповки. У насъ съ каждымъ годомъ увеличивается число новичковъ, блуждающихъ по Парижу, не зная къ кому обратиться за опытнымъ словомъ, — люди обкрадываемые, обманываемые и рѣшительно не знающіе, что имъ дѣлать.

Мы члены самостоятельнаго государства и намъ нѣтъ нужды въ эмиграціи, на которой мы осковывали бы надежду отечественнаго спасенія; но насъ бываетъ около тринадцати тысячъ въ Парижѣ. Это цѣлое общество, это городъ, это сила, способная и обязанная въ центрѣ своего скопленія: 1) подобрать своихъ нищихъ, 2) дать средства нуждающимся во временномъ пособіи и 3) сосредоточить свои національныя силы въ такомъ учрежденіи, какъ клубъ, который есть у иностранцевъ. Имѣющихъ въ Парижѣ не тринадцать тысячъ, а восемьдесятъ чело-вѣкъ представителей.

Слѣдовательно извѣстная потребность въ общественной само-дѣтельности русскихъ въ Парижѣ есть; средства для этой само-дѣтельности есть; но *воли*, желанія нѣтъ.

Полагаютъ, что есть препятствія.

Никакихъ.

Правительство французское намъ никогда ни въ чемъ подобномъ не помѣшаетъ, а нашему посольству и подавно нѣтъ до этого дѣла. Все это только отговорки, избобрѣтаемые пошлою и подлою манерою рисоваться и ничего не дѣлать въ размѣрахъ возможной дѣятельности.

— Сегодня штука какая! разсуждаетъ, сидя въ *café de la Rotonde*, докторъ С — новъ. — Выходимъ изъ оперы и разговари-ваемъ, а какой-то компатріотъ бухъ, какъ бомба: здравствуйте, го-спода! Вы русскіе-съ? А я по торговой части пріѣхалъ-съ, нико-го-съ не знаю.

— Ну такъ чтожъ? говоримъ ему.

— Очень пріятно встрѣтиться! Сдѣлайте милость познакомь-тесь.

— Чортъ-знаетъ что! презрительно замѣчаетъ к — скій адъ-юнктъ-профессоръ Р — рь.

— Да! Чортъ его знаетъ что такое.

— Чтожъ вы ему?

— Спустилъ по маслу. Чортъ съ нимъ! Чтó онъ такое?

— Разуумѣется!

Чехъ, услышавши отъ чеха подобный рассказъ, плюнулъ бы ему между глазъ, а по-нашему, видите, всему этому такъ надо быть.

Стало-быть чего же у насъ нѣтъ въ Парижѣ? Да очевидно того же самаго, чего нѣтъ дома. Нѣтъ умѣнья организовать и что-нибудь дѣлать. Все это приписывается политическимъ препятствіямъ, хотя жалующійся на эти препятствія часто *plus goyaliste que le roi*. Чего мы не дѣлаемъ? Не дѣлаемъ мы ничего, чтó могло бы быть хоть мало-мальски полезно нашимъ ближнимъ въ томъ положеніи, которое создано существующими политико-экономическими условіями. Рѣшайте сами: не умѣемъ мы дѣлать, не хотимъ дѣлать, или не можемъ дѣлать? Но достоверно, что мы не дѣлаемъ общественными силами и сотой доли того, чтó дѣлаютъ общества другихъ славянъ для своихъ родичей.

Конецъ и Богу слава. Болѣе я ничего не могу писать о русскомъ обществѣ въ Парижѣ и не сомнѣваюсь, что измученный мною читатель съ тѣмъ же удовольствіемъ закроетъ эту страничку, съ какимъ я подписываю на ней.

Рига.

20 сентября 1863 г.

М. СТЕВНИЦКІЙ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НАША СОВРЕМЕННАЯ САТИРА.

Сатиры въ прозѣ. Невинные рассказы. Сочиненія Н. Щедрина.
С. Петербургъ, *1863.

Иностранцы, знакомые нѣсколько съ нашей литературой, справедливо удивляются чрезвычайно раннему и рѣшительному появленію въ ней сатиры, обыкновенно признаку общества уже зрѣлаго и достигшаго значительной степени самосознанія. Дѣйствительно сатира появляется у насъ съ самой первой поры нашего рѣшительнаго сближенія съ Европой и съ того времени играетъ въ исторіи нашей цивилизаціи самую видную, передовую роль. Можно безъ преувеличенія сказать, что направленіе и задачи нашей сатиры въ извѣстную эпоху всегда выражали стремленія и взгляды лучшихъ людей, и если не руководили вполне движеніемъ общественной мысли, то по крайней мѣрѣ служили ему самымъ явнымъ и прямымъ выраженіемъ. Поэтому-то изученіе нашей сатирической литературы въ связи съ общимъ ходомъ нашей цивилизаціи есть безъ сомнѣнія самая интересная сторона въ исторіи нашей новой литературы и не даромъ привлекаетъ къ себѣ многихъ серьезныхъ и даровитыхъ изслѣдователей. Ограничивая въ настоящей статьѣ свою задачу лишь изученіемъ современной намъ сатиры, в притомъ сатиры въ наиболѣе тѣсномъ

значеніи, мы не беремъ на себя изслѣдованіе всего постепеннаго историческаго развитія этой важной отрасли нашей литературы, но для ясной постановки вопроса принуждены однако коснуться, хотя вскользь, ея общаго движенія и преемственной разработки ея различныхъ общественныхъ вопросовъ.

Сатира въ своемъ истинномъ значеніи, т. е. какъ созвѣтное обличеніе общественныхъ недуговъ, борьба со зломъ, господствующимъ въ обществѣ и задерживающимъ его прогрессивное движеніе, появляется у насъ, какъ уже сказано, на первыхъ же порахъ нашего рѣшительнаго сближенія съ западною цивилизаціею, — т. е. съ реформою Петра. На первое время впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, задачи и содержаніе нашей сатиры не представляютъ особеннаго разнообразія въ направленіи, и въ сущности вытекаютъ исключительно изъ того же взгляда на русскую жизнь, который послужилъ главнымъ побужденіемъ къ реформамъ петровымъ. Главнѣйшее зло, съ которымъ борятся и Петръ и сатирики его времени, есть невѣжество, коснѣніе въ старыхъ, бессмысленныхъ идеяхъ, обычаяхъ и обрядахъ. Петръ въ этомъ случаѣ былъ только властнымъ исполнителемъ того, чего желали образованнѣйшіе изъ русскихъ современниковъ, и задачу, которую онъ преслѣдовалъ со всею энергіею своего характера и со всею могуществомъ своего царственнаго положенія, другіе преслѣдовали по мѣрѣ таланта, силъ и средствъ, съ такимъ же убѣжденіемъ, въ томъ же духѣ, ибо это была истинная задача времени. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что при Петрѣ и даже долго спустя сатира наша находится въ постоянномъ, крѣпкомъ союзѣ съ преобразовательною дѣятельностью правительства и въ сущности, въ своихъ главныхъ тенденціяхъ, представляется намъ не столько самостоятельною силою или произведеніемъ личнаго, оригинальнаго творчества, своеобразныхъ взглядовъ того или другаго лица, сколько пособіемъ власти въ ея цивилизующей дѣятельности. Если согласиться, вмѣстѣ съ нѣкоторыми историками нашей литературы, признать зачатки сатиры въ «Духовномъ регламентѣ» и проповѣднической дѣятельности Феофана Прокоповича, то мы встрѣтимся здѣсь съ положеніемъ сатиры, вполне подчиненной, служебной общему, великому дѣлу реформы петровой. «Хотя—

говорить г. Галаховъ *) о регламентѣ—онъ принадлежитъ не къ литературнымъ, а законодательнымъ памятникамъ, имѣя прямою задачу «исправленіе чина духовнаго», но при Петрѣ администрація и авторство, государственные уставы и словесныя произведенія, положеніе регулъ и выраженіе мыслей, будучи упорно направляемы къ однимъ цѣлямъ, тѣсно связывались между собою... Занимаясь своимъ собственнымъ предметомъ, онъ (регламентъ) выражаетъ характеръ реформы вообще и характеръ новой образованности.. Полагая регулы, доказывая ихъ необходимость и пользу, онъ въ тоже время отвергаетъ все имъ противорѣчащее. *Похвала новымъ установленіямъ есть вѣсть и порицаніе упраздняемыхъ.* Порицаніе часто переходитъ въ сильныя, даже *сатирическія* выходы противъ суетворъ, ханжей, невѣждъ, формалистовъ. «Короче,—говоритъ далѣе г. Галаховъ,—все главнѣйшія событія и уставы петровой эпохи находили въ Феофанѣ громкаго о себѣ проповѣдника. Онъ былъ панегиристомъ просвѣщенія, посредникомъ между властью и подданными, *критикомъ* двухъ временъ, отходящаго и наступившаго, которыя вступили другъ съ другомъ въ состязаніе... Отсюда *сатирическія* выходы проповѣди, которыми духовное ораторство граничитъ съ свѣтскою сатирою.» Такое подчиненное положеніе сатиры въ то время вовсе однако не заслуживаетъ порицанія или даже сожалѣнія: оно показываетъ только, что для даровитѣйшихъ людей того времени задача преобразования представлялась насущною, главнѣйшею потребностью, что она заключала въ себѣ все ихъ стремленія и не допускала никакой иной, самостоятельной точки зрѣнія на жизнь и событія для сатирическаго направленія. Мы не вполне раздѣляемъ въ настоящее время мнѣніе Феофана о «мушкетерской богословіи» или «сказкахъ бездѣльныхъ», противъ которыхъ ратовалъ онъ, какъ противъ несомнѣнныхъ золъ; но тогда это было общимъ взглядомъ передовыхъ людей, и энергія петровыхъ преобразованій вѣроятно была бы значительно слабѣе безъ этихъ убѣжденій.

Переходя отъ этихъ первыхъ, слабыхъ зачатковъ нашей сатиры въ петрово время къ сатирѣ, уже являющейся въ строгой формѣ, съ самостоятельнымъ, повидному, вполне значеніемъ, од-

*) «Исторія русской словесности древней и новой», т. I.

нимъ словомъ къ сатирѣ Кантемира, мы встрѣтимся однако въ сущности съ аналогическимъ явленіемъ. Исключивъ изъ нея тѣ характеры, въ которыхъ Кантемиръ является до извѣстной степени подражателемъ иностраннымъ образцамъ, и то, что относится въ ней къ общимъ, всегдашнимъ порокамъ и слабостямъ людскимъ, мы увидимъ въ ней то-же преобладающее направленіе—именно борьбу съ невѣжествомъ, въ различныхъ видахъ возстающимъ на реформу или на истинное просвѣщеніе, что по тогдашнему взгляду было одно и то же. Первая же изъ сатиръ Кантемира, одна изъ лучшихъ и наиболее сильныхъ, выражаетъ прямо главную задачу сатирика—борьбу съ представителями стараго порядка и укоренившихся идей. Въ первой сатирѣ этими главными противниками просвѣщенія являются худители просвѣщенія. Передъ нами являются послѣдовательно четыре типа, представители четырехъ различныхъ по источнику, но согласныхъ во враждѣ или по крайней мѣрѣ равнодушію къ просвѣщенію, видовъ лицъ. Это ханжа Критонъ, дворянинъ Спльвэмъ, гуляка Лука и щеголь Медоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ четырехъ типахъ воплощались въ то время главнѣйшія формы протеста противъ новаго просвѣщенія, что они были какъ-бы личными врагами Кантемира и что нашъ сатирикъ долженъ былъ съ особымъ жаромъ нападать на нихъ. Отсюда та иѣткость и сила его насмѣшки, которая запечатлѣваются невольно въ памяти нѣкоторыя выходы этой сатиры. Такъ напримѣръ трудно не запомнить слѣдующихъ стиховъ о ханжѣ Критонѣ:

Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь съмя наука вредно между нами.

или извѣстныхъ словъ весельчака Луки, который видитъ въ наукѣ разрушеніе «содружества людей»:

Когда до небу сохой бразды водить станутъ,
 А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
 Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки
 И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну пѣсть станетъ вязму, —
 Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Но здѣсь же, въ первой сатирѣ, является уже новое лицо, щеголь Медоръ, очевидно успѣвшее уже возникнуть въ самой

жизни и не укрывшееся от наблюдательности сатирика. Такимъ образомъ къ Кантемиру, даже въ первой его сатирѣ, уже не можетъ быть приложено безусловно сказанное выше о Феофанѣ, — что у него «похвала новымъ установленіямъ есть вмѣстѣ и порицаніе упраздняемыхъ». Типъ щеголя Медора не есть упраздняемый: это живой продуктъ самой реформы, «новое невѣжество, какъ счастливо выразился г. Галаховъ, неизвѣстное нашимъ предкамъ». Замѣтивъ и обличивъ съ самой ранней поры появленіе этого новаго типа, сатира наша доказала свою проицательность и безпристрастіе, но еще не вышла изъ-подъ общаго тона реформы, не сдѣлалась вполне самобытною: Петръ, исходя изъ своего практическаго взгляда на усвоеніе европейской образованности, также, какъ извѣстно, не терпѣлъ пустыхъ щеголей, перенявшихъ лишь европейскую внѣшность.

Прочія сатиры Кантемира, несмотря на безусловную справедливость многихъ нападокъ, на мѣткость и силу обличенія, также вовсе не выходятъ за предѣлы общаго взгляда просвѣщенныхъ людей того времени и не представляютъ слѣдовъ того яркаго, самобытнаго сатирическаго таланта, который умѣетъ открыть въ жизни то, чего не видятъ всѣ, найти на вещи собственную, оригинальную точку зрѣнія. Мы встрѣчаемся въ нихъ съ весьма многими достойными порицанія сторонами жизни, но всѣ онѣ не были чѣмъ-либо новымъ, онѣ видимы были всѣми просвѣщенными людьми, равно какъ и самимъ преобразователемъ, и притомъ именно съ той же точки зрѣнія, какъ видѣлъ и обличалъ ихъ Кантемиръ. Мало того, со всѣмъ этимъ, обличаемымъ нашимъ сатприкомъ, зломъ сама реформа вела уже сильную, ожесточенную борьбу. Таковы судьбы, сиящіе при чтеніи выпускки изъ дѣла, зависть и гордость зловѣрныхъ дворянъ, невѣжество расколочителей и т. п. При этомъ Кантемиръ, заодно съ Феофаномъ, безусловно смѣется надъ «богословскими рѣчами мужика», только что оставившаго соху; надъ ученіемъ «снимыхъ мудрецовъ, бродящихъ по грамотѣ и сѣющихъ въ простонародѣ крамолы». За чужика, за необразованнаго, сатира Кантемира не умѣетъ еще сказать ни одного слова: она вся и исключительно стоитъ за просвѣщеніе, противопоставляя его невѣжеству грубой черни, и притомъ именно за просвѣщеніе, введенное реформою Петра. На ней рѣшительно успокоивается духъ сатирика, и когда дѣло до-

ходить до выраженія задушевнаго взгляда Кантемира на истинное счастье мудраго, онъ полагаетъ его въ златой срединѣ. въ тишинѣ ума, не видя проку и надобности ни въ какой слишкомъ горячей дѣятельности.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
 Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ волеи
 Мыслей, что мучать другихъ, и топчетъ надежду
 Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжную.
 Небольшой домъ, на своемъ построенный полѣ,
 Даетъ нужное моеи умѣренной волѣ;
 Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю забаву.
 Гдѣ бы съ другомъ честнымъ я могъ, по моему праву
 Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
 Гдѣ-бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
 Проводить межъ мертвыми греки и латины.
 Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины
 И учась знать образцомъ другихъ, что полезно,
 Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
 То одно желаніе мое составляетъ.

Желанія и мысли вполне понятныя въ человѣкѣ, обремененномъ государственными заботами и не имѣющемъ чрезмѣрнаго честолюбія; но въ нихъ же видно, что сатирикъ всецѣло поглощенъ общимъ дѣломъ правительственныхъ заботъ о просвѣщеніи отечества, и кромѣ обличенія враговъ этого просвѣщенія и хорошаго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, не видитъ никакого дѣла для частной инициативы и въ тоже время не можетъ выйти за очарованный кругъ, черту, рѣзко поставленную реформою между ревнителями и хулителями просвѣщенія, между старыми и новыми людьми, между образованнымъ классомъ и народомъ въ общемъ смыслѣ. Мы увидимъ далѣе, что сатира наша не скоро еще успеетъ перескочить этотъ очарованный кругъ.

Относительно формы, сатира у Кантемира является самую строгою, классическою, прямымъ подражаніемъ древномъ и новымъ иностраннымъ сатирикамъ, и это-то именно обстоятельство расширило кругъ ея за предѣлы того, что составляетъ ея существенное, порожденное жизнью содержаніе и скрываетъ на первый разъ ея тѣсную, неразрывную связь съ дѣломъ реформы, представляетъ ее какъ-бы самобытнымъ плодомъ сатирическаго таланта. Но всѣ эти изображенія общихъ характеровъ, каковы гордеца Иркана, злословнаго Созима, льстеца Трофима, подозри-

тельнаго Невин, замѣстника Зюла. очевидно, имѣютъ мало связи съ собственно-русскою жизнью и не вызвали бы, конечно, обличенія со стороны Кантемира, еслибы онъ не нашелъ эти образцы готовыми въ богато и художественно развѣвшейся классической и французской сатиры.

Переходя затѣмъ къ дѣятельности втораго изъ нашихъ знаменитыхъ сатириковъ — Фонвизина и къ трудамъ подготовившихъ его Сумарокова и современныхъ ему сатирическихъ журналовъ, мы опять-таки, для полнаго пониманія дѣла, не должны упускать тѣсной связи всего сатирическаго направленія того времени съ реформою Петра, продолжаемою его преемниками. «Каждый издатели тогдашнихъ журналовъ, говоритъ г. Буличъ ¹⁾, отличался любовью къ просвѣщенію и особеннымъ, безкорыстнымъ чувствомъ уваженія къ наукѣ. И просвѣщеніе, и наука были тогда дѣломъ новымъ, требовавшимъ поощреній, взаимныхъ усилій и стремленій. Правительство, всегда стоящее у насъ въ главѣ развитія вызывало эти общія усилія и учрежденіями, и примѣрами. Русскій писатель того времени былъ защитникомъ и распространителемъ въ народѣ просвѣщенія. И здѣсь опять-таки мы встрѣчаемъ въ сатирической литературѣ тотъ исключительный взглядъ на общество и его потребности, который былъ общимъ тому времени и вызывалъ съ одной стороны административную и законодательную дѣятельность правительства, съ другой одушевлялъ лучшіе современные умы къ борьбѣ съ противостоявшимъ еще зломъ. Это взглядъ, какъ мы уже указали выше, не видѣвшій въ жизни обществъ ничего, кромѣ столкновенія двухъ враждебныхъ началъ — просвѣщенія и закоренѣлаго невѣжества, и вѣрившій безусловно въ силу перваго начала, откуда, въ какомъ видѣ и кѣмъ бы оно ни проходило. Иначе, впрочемъ, и не могло быть. Потребность въ общеевропейскихъ просвѣтительныхъ началахъ чувствовалась съ такою силою, сличеніе открывагося намъ европейскаго быта съ нашимъ было столь обиднымъ и горькимъ для патріотическаго чувства, что сатирическому таланту не оставалось никакого выбора въ дѣятельности. Шла сильная, разрушительная борьба между старымъ и новымъ; прави-

¹⁾ «Су мароковъ и современная ему критика», Н. Булича. Спб., 1854.

тельство въ сущности оказалось въ этой борьбѣ на сторонѣ праваго дѣла, и сатира явилась ему искреннею и горячею помощницею. Но чтобы подтвердить вполне эту мысль, необходимо разсмотреть, съ одной стороны, духъ правительственныхъ преобразованій вѣка Екатерины II и нѣсколько подробнѣе выкинуть въ содержаніе тогдашней сатиры.

Исключительно утилитарный взглядъ Петра на науку и просвѣщеніе значительно измѣнился уже при Екатеринѣ. Европейское просвѣщеніе, давъ намъ при Петрѣ флотъ, армію, начала науки и проч., въ дальнѣйшемъ своемъ вліяніи успѣло дѣйствовать и на смягченіе нравовъ, развило наклонности къ роскошнымъ цвѣтамъ цивилизаціи. Крутыя, часто жестокія мѣры, которыми прививалъ намъ Петръ европейскія формы, смертельная борьба его съ представителями старыхъ началъ—потеряли смыслъ послѣ окончательнаго пораженія этихъ началъ. Кромѣ того общія гуманныя стремленія философіи XVIII вѣка не могли не отразиться и въ нашемъ обществѣ. Въ своихъ подданныхъ Екатерина уже не видѣла, подобно Петру, полудикихъ звѣрей, которыхъ нужно было передѣлать, начиная съ наружности, до самыхъ внутреннихъ убѣжденій и вѣрованій. «Екатерина—говоритъ Карамзинъ въ похвальномъ ей словѣ—уважала въ подданномъ санъ человека, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни. Петръ I возвысилъ насъ на степень образованныхъ людей; Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми образованными.»

«Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина *душу!*»

повторяли на разные лады современники ея. Всѣ эти гуманныя тенденціи, проповѣдуемыя открыто и явно съ престола и проводимыя до извѣстной степени въ законодательствѣ, не могли не дѣйствовать обаятельно на лучшихъ современниковъ. Просвѣщеніе такимъ образомъ изливалось обильно и различными путями съ престола, полная инициатива его принадлежала правительству, и литературѣ оставалось только примкнуть къ этой просвѣдательной дѣятельности правительства и развивать, по мѣрѣ силъ, подробности тѣхъ гуманныхъ началъ, которыя открыто были заявлены властью.

Что дѣлала въ это время наша сатирическая литература?

Прежде всего она обогатилась новыми, болѣе совершенными литературными формами: появилась комедія, сначала исключительно заимствовавшая и формы и содержаніе изъ чужеземныхъ образцовъ, затѣмъ мало-помалу вносявшая въ нихъ все болѣе содержанія, представляемого самою жизнью, и наконецъ въ Фон-визинѣ достигшая почти самостоятельнаго содержанія и формы. Возникли сатирическіе журналы, не стѣснявшіеся никакой формой, и свободно, на-лету выбиравшіе предметы для осмѣненія. Существенные мотивы сатирической литературы остаются еще прежніе, намѣченные Кантемиромъ: это, съ одной стороны, то же невѣжество въ его различныхъ видахъ, съ другой—ложное, превратное образованіе. Частные типы комедій и сатиръ Сумарокова сѣтъ тѣже, какъ и у Кантемира: судья-грабитель, суевѣръ, неправедно гордящійся знатнымъ родомъ, глупый модникъ,—хотя, конечно, съ нѣсколькими иными чертами; но къ нимъ прибавляется еще новый типъ, не встрѣчаемый у перваго нашего сатирика и порожденный, конечно, дальнѣйшимъ развитіемъ общества: это типъ педанта. Самое понятіе Сумарокова о значеніи комедій и объ объемѣ ея содержанія выражается всего лучше въ его же словахъ:

Свойство комедіи—здѣвкой править нравъ;
 Смѣшить и пользоваться—прямой ея уставъ.
 Представь бездушнова подъячого въ приказѣ,
 Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ.
 Представь мнѣ щоголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
 Что цѣлый мыслить вѣкъ о красотѣ волосъ;
 Который родился, какъ мнить онъ, для амуру,
 Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такуюжъ дуру.
 Представь латынщика на диспутѣ ево,
 Который не совретъ безъ *Ерю* ничево.
 Представь мнѣ гордова, раздута какъ легушку,
 Скупова, что готовъ въ удавку за полушку.
 Представь картежника.....

Очевидно, что все это общіе враги просвѣщенія и народнаго блага, тѣже самые враги, которые представлялись и самой Екатеринѣ, когда она въ свободное отъ государственныхъ заботъ время пописывала комедіи. Если они и свидѣлствуютъ о наблюденіи надъ жизнью, то очевидно, что эти наблюденія совершаются подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, представляютъ ограниченный кругъ предметовъ. Общественные вопросы въ широкомъ смыслѣ этого слова даже и не затрагиваются.

Въ сатирическихъ журналахъ, порожденныхъ Сумароковымъ и съ своей стороны подготовившихъ появленіе Фонвизина, въ сущности мы видимъ опять тѣже главные мотивы. «Невѣжество и ложное просвѣщеніе,—говоритъ г. Буличъ ¹⁾,—составлявшія главное условіе переходнаго быта, преслѣдовались ожесточенно и всеми возможными средствами, въ крупныхъ и яркихъ образахъ въ «Трутиѣ». Нападая на переходные нравы и на страсть заимствовать безъ разбора чужое, страсть столь развитую въ тогдашнемъ обществѣ... издатель не забывалъ также и тѣхъ, которые жили въ мракѣ нелюбви къ просвѣщенію, не двигаясь общимъ ходомъ развитія и не домогаясь плодовъ его.» То, что сказано объ одномъ изъ журналовъ, прилагается до известной степени и къ другимъ. Единственное развитіе содержанія сатиры этого времени противъ предшествовавшей замѣчается въ усиленіи и ожесточенности нападокъ противъ чрезынрнаго, безсмысленнаго подражанія иностранцамъ какъ въ языкѣ, такъ и въ нравахъ, и въ критикѣ современнаго состоянія литературы, которая, несмотря на недавнее еще утвержденіе свое въ Россіи, успѣла уже обнаружить многіе слабости и пороки, свойственные всякому человѣческому дѣлу. Наконецъ новымъ и весьма важнымъ явленіемъ въ нихъ были нападки на противогуманныя отношенія къ низшимъ классамъ, выразившіяся преимущественно въ статьяхъ о матеріальномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ.—Въ какомъ отношеніи всѣ эти сатирическіе мотивы находились къ общему правительственному дѣлу цивилизаціи, ясно видно изъ слѣдующаго мѣста, заимствуемаго нами изъ «Исторіи русской словесности» г. Галахова. «Сторонники петровой реформы — говоритъ авторъ — стояли за просвѣщеніе, какъ за средство для успѣховъ на службѣ и для матеріальныхъ выгодъ въ жизни. Сатирики екатеринина времени имѣли предъ собою другую задачу: они должны были отстаивать просвѣщеніе какъ средство къ водворенію гуманныхъ идей, какъ руководство къ нравственному возвышенію человѣка; они не могли шадить и науки, если она оказывалась несовмѣстною съ благопріемъ. *Эту задачу предложило литераторамъ само правительство.* Новыя основы

¹⁾ «Сумароковъ и современная ему критика», стр. 228.

гражданственности, которыя оно заявляло въ своихъ учрежденіяхъ, вызвали на свѣтъ противодѣйствующія имъ силы, лежавшія до того времени подъ спудомъ или не возбуждавшія вниманія критики нравовъ. Обнародованіе Наказа служило литературѣ *прямымъ поводомъ* къ генеральному осмотру русской жизни, съ точки зрѣнія его началъ. Сатира взяла на свою долю *переносъ* и *оцѣнку* темныхъ сторонъ современнаго общества, въ которыхъ она видѣла рѣзкое нарушеніе того, что, по видамъ Наказа, должно было вести людей къ гражданскому благоденствію. Къ этимъ словамъ намъ нечего прибавить съ своей стороны. Службная роль сатирической литературы того времени обрисована ими какъ нельзя лучше.

Относительно формы, въ которой являлась по преимуществу сатира въ журналахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, мы приводимъ опять-таки выписку изъ помянутаго уже сочиненія г. Булича. «Прошлый вѣкъ вообще очень любилъ пестрыя формы; замысловатость ихъ приносила особенную честь издателю. Притомъ и сатира была дѣломъ новымъ, непривычнымъ. Просто и безъ затѣй взяться за нее недоставало духа, а потому-то такъ необходимы казались хитрыя одежды, скрывавшія наготу истинны, мысль, слишкомъ жесткую именно потому, что она справедлива. Кромѣ писемъ отъ вымышленныхъ сотрудниковъ, содержаніе которыхъ, въ обинякахъ, выхвачено изъ дѣйствительной жизни, гдѣ лица носятъ характерныя названія *Стозмишевъ*, *Злорадовъ*, *Безразсудовъ*, *Нахранцевыхъ* и проч., прямо указывающія на ихъ качества, издатель употребляетъ форму *Сатирическихъ ведомостей*. Здѣсь, подъ видомъ разныхъ извѣстій, печатаются факты быта, вызывающіе сатиру. То рисуются *портреты* разныхъ личностей съ общими названіями; то подъ заглавіемъ *Лечебника* изображаются разные нравственные недуги, и тутъ же сатирикомъ прописываются рецепты больнымъ; то въ статьѣ подъ названіемъ *Смѣющійся Демонитъ*, какъ въ зеркалѣ, появляются и исчезаютъ олицетворенныя пороки, ѣдко осмѣяныя; то самъ издатель представляетъ разнообразныхъ читателей своихъ въ различный ихъ взглядъ на вещи; то просто, подъ названіемъ *картинъ*, изображаются порочныя личности. Но главное достоинство этихъ формъ составляетъ наивная прозрачность ихъ; отъ читателя не

ускользнетъ мысль журналиста и онъ всегда пойметъ ее, какъ бы ни хитро повиданному она была спрятана.»

Все это нѣсколько неопредѣленное, тревожное броженіе сатирическаго начала въ вѣтъ Екатерины получило наконецъ свое настоящее, строгое выраженіе въ комедіяхъ Фонвизина, въ которыхъ мы въ-правѣ видѣть окончательное, художественное выраженіе сатирическихъ тенденцій этого времени. Сатира Фонвизина представляетъ дѣйствительно довольно полное, обстоятельное и сильное выраженіе главнѣйшихъ пороковъ современнаго общества, на сколько это было возможно для извѣстнаго угла зрѣнія, изъ котораго она все-еще не могла выйти, и на сколько это было позволительно съ точки зрѣнія гуманной составительницы Наказа. Мы увидимъ ниже, какими преступными дѣломъ полагалось въ ее время *свободомысліе*.

Комедіи Фонвизина до тѣхъ извѣстны и разобраны не разъ съ такою обстоятельностью, что говорить о степени ихъ художественнаго достоинства или представлять подробный разборъ ихъ содержанія нѣтъ никакой надобности. Главные мотивы этихъ комедій—все то-же преслѣдованіе невѣжества, взяточничества и проч. съ одной стороны, и ложнаго просвѣщенія съ другой. Мотивы, опять-таки подсказанные властью. Приведемъ нѣсколько указаній на это изъ цитированной уже «Исторіи» г. Галахова. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Екатерины II по вступленіи на престолъ были нѣтры противъ взяточниковъ. Указъ 1762 г. июля 18 сильно обличаетъ эту язву тогдашняго общества... «За указаніемъ сильно распространенаго зла послѣдовали вскорѣ нѣкоторыя нѣтры къ его прекращенію: манифестомъ 15 декабря 1763 года предписано «сволично судебныя мѣста достойными и честными людьми, положивъ имъ довольное жалованье». «Бригадиръ», по поводу этого предмета, также представляетъ просвѣщенное отношеніе къ современнымъ правамъ и современнымъ понятіямъ объ улучшеніи правовъ. Въ лицѣ совѣтника выведенъ старинный подьячій,—прямая приказная строка... *Послѣ означеннаго указа о лихоимствѣ онъ вышелъ въ отставку и удалился въ деревню, неправедно имъ нажитую.* «Фонвизинъ, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, своею комедіей (Недоросль) совершенно *подтверждаетъ воззрѣнія Екатерины и Бецкаго.* Онъ положительно ставитъ ученіе ниже нравственнаго образованія

и т. д... Слова Правдина въ комедіи «Недоросль»: «надобно, чтобъ всякое состояніе имѣло приличное себѣ воспитаніе», согласны съ *правломъ Инструкціи*: «всякое добро воспитаніе учреждено быть должно смотря на того, кому оное дается.» Митрофанъ— дворянинъ: дворянству въ особенности *амнируется Наказомъ* честь и воспрещены унижительныя дѣйствія; совершенство же сохраненія чести «состоитъ въ любви къ отечеству и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей» (Наказъ, §§ 373—374).
 Такии образи, несмотря на важное общественное значеніе комедій Фонвизина, несмотря на яркіе и художественные типы, которые навсегда останутся памятниками современнаго ему общества, несмотря наконецъ на очевидную силу личнаго и страстнаго убѣжденія, что все дастъ его комедіямъ особенное и почетное мѣсто среди остальной, близкой къ нему по времени сатирической литературы, — нельзя не видѣть, что сатира Фонвизина не представляетъ еще полной самостоятельности, не открываетъ еще новыхъ точекъ зрѣнія на жизнь и мѣсто въ сущности лишь служебное значеніе, подчиненное общими просвѣтительными началамъ, которыя, исходя отъ правительства, раздѣлялись лучшими людьми того времени. Однимъ словомъ Фонвизинъ не былъ гениальнымъ авторомъ, опередившимъ свой вѣкъ, но вполне сынъ своего времени, — конечно однимъ изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ. Сама форма его комедій, еще во многомъ несущая слѣды иностранныхъ заимствованій, все эти Добролюбовы, Правдины и т. д. съ одной стороны, Скотинины, Простаковы съ другой, обличаютъ еще въ немъ человѣка, не черпающаго предметъ своей сатиры и самую форму ея прямо изъ дѣйствительности, но подчиненнаго извѣстному углу зрѣнія, имѣющаго ограниченныи круговоръ. Намъ трудно впрочемъ сказать теперь утвердительно, былъ ли дѣйствительно неспособенъ Фонвизинъ расширить кругъ своей сатиры и вывести ее изъ-подъ исключительно-правительственной точки зрѣнія, или были къ тому сильныя внѣшнія препятствія, волгавшія даже на самое творчество его. Изъ извѣстныхъ «Вопросовъ» Фонвизина и отъговъ на нихъ императрицы Екатерины II, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», мы видимъ, что сатирическій умъ Фонвизина не ограничивался исключительно типами сюжетами, которые по-преимуществу обрабатываются въ

его комедіяхъ. Ему приходили въ голову вопросы болѣе общіе и другаго объема и содержанія, каковы наврѣмѣрь слѣдующіе: 1) отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія? 2) отчего многихъ добрыхъ людей виднѣтъ въ отставкѣ? 4) отчего никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики? 5) отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? 10) отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться? 11) отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ посящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія? 12) отчего у насъ не стыдно ничего не дѣлать? и т. д. Изъ уклончивыхъ и во временахъ строго-востановительныхъ отвѣтовъ императрицы на эти вопросы особенно заслуживаетъ вниманія отвѣтъ ея на послѣдній, 21-й вопросъ: «Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?» По словамъ Екатерины: «Въ остромъ и скоромъ попятіи всего, въ *образцовомъ послушаніи* и въ *корени* (?) всѣхъ добродѣтелей, отъ творца человѣку данныхъ.» Послѣ подобныхъ отвѣтовъ Фонвизину не оставалось ничего болѣе, какъ убѣдиться въ равенствѣ своихъ слишкомъ пытливыхъ вопросовъ и послать къ автору отвѣтовъ извѣстное «Письмо», гдѣ между прочимъ говорится: «Признаюсь, что благородные ваши отвѣты *убѣдили меня внутренно* (?), что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе *внутреннее* мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы отиѣнить, не столько для того, чтобы невнимнымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободолюбчіи* (ибо у меня совѣсть покойна), сколько для того, чтобы не подать повода другимъ къ *свободолюбчію*, которое всею душею ненавижу.» Такимъ образомъ предѣлы сатиры въ блестящій вѣкъ Екатерины и пыливость ума въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ подлежали немалому ограниченію, что безъ сомнѣнія имѣло вліяніе на кругъ сатирическихъ мотивовъ. Мы пропускаемъ безъ разбора «Ябеду» Капниста, какъ явленію вѣсколько одинокое и представляющее въ сущности уже набитый мотивъ, хотя въ обработкѣ этого стараго мотива сатирическое озлобленіе поэта доходитъ до какого-то потрясающаго воля, и переходимъ прямо

къ настоящей, свободной отъ всякаго посторонняго вліянія сатиры нашей, открывающей комедію Грибоѣдова. «Горе отъ ума», историческое значеніе котораго еще доселѣ остается неполнѣ разъясненнымъ, имѣетъ безусловное и великое значеніе картины нравовъ цѣлой извѣстной эпохи, хотя повидимому и ограничиваетъ свою задачу московскимъ обществомъ и притомъ извѣстнымъ кругомъ его. Но въ рѣчахъ Фамусова и отчасти другихъ слышится общій тонъ и духъ времени, отзывается даже вѣкъ екатерининскій. Самая форма ея почти вполнѣ свободна отъ тѣхъ условныхъ формулъ, которыми облакалась наша старая комедія, и если въ Чацкомъ мы еще находимъ нѣкоторую дань прежнему времени, то не нужно забывать, что Чацкій не есть резонеръ, вставленный въ пьесу съ исключительною цѣлью высказыванія идей, предполагаемыхъ авторомъ здравыми, но есть въ своемъ родѣ типъ людей, конечно существовавшихъ во время Грибоѣдова, и представитель извѣстнаго образа мыслей, извѣстной партіи. Къ сожалѣнію критика наша, повторяемъ, еще не разъяснила отношеній этого лица къ современному обществу и потому не могла представить и полной исторической оцѣнки «Горя отъ ума». Всѣ лица въ пьесѣ Грибоѣдова уже представляютъ живыя человѣческія фигуры, рисующія намъ многообразныя отношенія изображаемаго общества и открывающія наблюдательной мысли другія картины и соображенія, кромѣ прямо данныхъ авторомъ. Что касается до цѣли комедіи, то авторъ уже вовсе не имѣетъ въ виду исключительной цѣли вывести два ряда противоположныхъ личностей, какъ это дѣлалось въ старой комедіи, то-есть выставить съ одной стороны невѣжество и безнравственность для возбужденія негодованія, и съ другой образованіе или нравственный достоинства—для сочувствія. Свободно и легко, повидимому безъ всякой предвзятой мысли, рисуетъ онъ рядъ фигуръ, какъ-будто цѣлкомъ списанныхъ съ природы и потому являющихся всѣ условія жизни, непринужденно сводитъ ихъ и затягиваетъ въ общій узелъ дѣйствія, заставляетъ говорить и высказываться самими живымъ и натуральнымъ языкомъ, и затѣмъ предоставляетъ судъ надъ ними читателю или зрителю, почти нисколько не направляя его мнѣнія при произнесеніи этого суда. Такому свободному отношенію къ своему сюжету, такому освобожденію себя отъ прежней, исключительной и узкой дидактической цѣли,

Грибоѣдовъ безъ сомнѣнія, кромѣ своего яркаго таланта и самостоятельнаго, глубокаго ума, обязанъ также и нѣскольکو измѣнившимся историческимъ обстоятельствамъ. Мы видѣли, что при первомъ появленіи у насъ сатиры, она, по исключительнымъ судьбамъ нашей исторіи, не могла не быть захваченною и поглощенною общими преобразовательными стремленіями. Существеннѣйшій жизненный вопросъ того времени состоялъ въ торжествѣ новыхъ просвѣтительныхъ началъ надъ старымъ порядкомъ и невѣжествомъ. Столь важное дѣло поглощало всѣ лучшіе умы и не допускало ихъ до какихъ-либо другихъ, самостоятельныхъ взглядовъ на жизнь, нужды, страданія общества. Было во всемъ русскомъ обществѣ по-необходимости двѣ партіи — стоящей за просвѣщеніе и темной, непросвѣщенной массы. По этимъ только общимъ примѣтамъ люди узнавали и влеклись другъ къ другу. Правительство, какъ мы видѣли, оказывалось всегда во главѣ движенія и слѣдовательно первой партіи. Преобразовательные планы его встрѣчаемы были безусловнымъ сочувствіемъ всѣхъ передовыхъ людей. Результаты этихъ преобразованій еще не успѣли оказаться и потому не могли быть подвергаемы критикѣ съ этой стороны. Наконецъ невѣжество и мракъ, господствовавшіе еще въ Россіи, представляли сами по себѣ обильную пищу для сатиры, такъ что авторамъ можно было удовлетворяться и этимъ матеріаломъ, не заходя въ сферы *свободолюбія*, которое дѣйствительно могло казаться тогда преждевременнымъ въ виду другаго, еще весьма сильнаго общаго врага. Нѣскольکو иначе было уже при Грибоѣдовѣ. Привитыя къ намъ формы западной цивилизаціи успѣли уже распространиться на значительную часть общества и принести свои хорошіе и дурные плоды, рядъ послѣдовательныхъ реформъ успѣлъ уже также обнаружить свои результаты, произошли раздѣленія мыслей и убѣжденій въ самыхъ уже образованныхъ классахъ. Общество, переработывая новыя начала, успѣло уже обнаружить новые пороки, чуждыя старому, грубому времени. Правительство сдѣлалось уже такъ сильно, что не нуждалось въ безусловной поддержкѣ всей массы образованныхъ людей для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ и реформъ. Притомъ задача его стала уже не столь простою и легкою, какъ было дѣло исключительнаго образованія народа при Петрѣ. Появлялись уже недовольные, не изъ одной темной,

массы, но и между просвѣщенными классами. Западная исторія не оставалась также безъ вліянія на умы... Всѣ эти новыя условія освободили наблюдательные умы отъ исключительнаго служенія правительственной инициативѣ, отъ условнаго, односторонняго угла зрѣнія на жизнь общества. Плодомъ этого освобожденія были самостоятельная, своеобразная точка зрѣнія на общество, изображеніе его не по извѣстнымъ планамъ и задачамъ, расширеніе круга сатиры — однимъ словомъ, вполне свободное, личное творчество. Самая форма комедіи Грибоѣдова, если и представляетъ еще вѣкоторую дань условнымъ понятіямъ и иностраннымъ образцамъ, то во всякомъ случаѣ соответствуетъ вполне сюжету и представляется формою, свободно и основательно избранною авторомъ. Кругъ вопросовъ сатиры Грибоѣдова все еще ограниченъ, хотя, какъ мы замѣтили выше, изъ своего тѣснаго сюжета и ограниченного класса общества открываетъ другія, болѣе отдаленныя сферы.

Сатира Гоголя пошла еще далѣе въ этомъ освобожденіи себя отъ постороннихъ задачъ, въ этой самостоятельности творческаго воззрѣнія на дѣйствительность. Въ мотивахъ ея безъ сомнѣнія отзываются знакомыя уже намъ струны, но она бьетъ по этимъ струнамъ не изъ подражанія и не вслѣдствіе извѣстныхъ дидактическихъ задачъ, но потому, что неизбежно встрѣчается въ дѣйствительности съ тѣми укоренившимися язвами, которыя не могла не поражать и прежнихъ сатириковъ. За то исходная точка его сатиры есть безусловно ему принадлежащая и притомъ столь возвышенная, какой не достигалъ до него ни одинъ сатирикъ. Это не преслѣдованіе невѣжества, задерживающаго просвѣщеніе, не борьба съ тѣмъ или другимъ частнымъ зломъ, не обличеніе общихъ человѣческихъ слабостей и пороковъ, не негодованіе противъ извѣстныхъ злоупотребленій: это протестъ и обличеніе всего пошлаго въ жизни, пошлости наконецъ самой жизни, какъ крайній, но неизбѣжный выводъ. Этотъ глубокій сатирическій взглядъ и составляетъ всю силу и высоту гоголевскаго комизма, овъ же и погубилъ его, какъ человѣка. Такая широта задачи Гоголя, столь возвышенная исходная точка его комизма и дѣлаютъ то, что какого бы мелкаго, низкаго сюжета ни касался Гоголь, вы чувствуете, что онъ разитъ въ немъ не отдѣльное явленіе, но самый принципъ, лежащій въ основѣ всѣхъ однород-

ныхъ фактовъ, — не пошлюю личность или явленіе, но самую пошлость. И «невидимыя міру слезы» — вовсе не пустая фраза: это есть сокровеннѣйшій мотивъ самыхъ повидимому веселыхъ выходокъ гоголевскаго юмора. Изъ такой исключительной и пожалуй ложной въ своей крайности, точки зрѣнія на жизнь нечудовителенъ и недалеко переходъ къ убѣжденіямъ Гоголя, такъ смутившимъ публику въ «Перепискѣ»; но она же есть самая плодотворная для сатиры, требуя не однихъ только убѣжденій и художественнаго мастерства въ работѣ, но извѣстнаго склада души поэта, настроенія духа глубоко драматическаго и почти невыносимаго для личности имъ одаренной. Смерть Гоголя намъ представляется естественнымъ выходомъ изъ его литературной дѣятельности. — Но мы нѣсколько уклонились отъ плана.

Что касается до объема и содержанія гоголевской сатиры, то, не представляя никакой спеціальности, никакихъ особыхъ задачъ, она касается чрезвычайно многихъ сторонъ жизни и общественныхъ вопросовъ и въ этомъ отношеніи также представляетъ огромный шагъ впередъ. Въ настоящей статьѣ, имѣющей другую задачу, мы не беремся даже и исчислять все эти вопросы и явленія, ибо это значило бы пересматривать всю дѣятельность Гоголя, и ограничимся лишь немногими указаніями. Возьмемъ для примѣра хоть избитый ужъ нашею старою литературою мотивъ подъячества и посмотримъ, съ какою оригинальностью, съ какой возвышенной точки зрѣнія отнесся къ нему Гоголь, хотя коснулся его по обыкновенію лишь мимоходомъ, вскользь.

«Во взаимныхъ услугахъ, они дошли наконецъ до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста — большой трехъ-этажный каменный домъ, весь бѣлый какъ мѣлъ, вѣроятно для изображенія чистоты душъ помѣщавшихся въ немъ должностей; прочія зданія на площади не отвѣчали огромностью каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извозничьи биржи, и наконецъ длинные заборы съ извѣстными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ; болѣе не находилось ничего на сей удивительной, или какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ втораго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Фемиды, и въ ту же минуту прятались опять: вѣроятно въ

то время входилъ въ комнату начальника... Ни въ коридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотой. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Фенида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ принимала гостей... Герои наши видѣли много бумаги и черновой, и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сертуки губернскаго покроя и даже какую-то свѣтлосѣрую куртку, которая, своротивъ голову на-богъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ отягавшій земли или опискѣ имѣнья, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ свой вѣкъ подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей и внуковъ подъ его покровительствомъ, да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: «одождите, Федосей Федосеевичъ, дѣлцо за № 368!»... Шумъ отъ перьевъ былъ большой и подходилъ на то, какъ-будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.» («Мертвыя души». Глава VII.)

Чувствуете ли, какую невыразимую пошлостью облито все это трех-этажное зданіе и обитающіе въ немъ жрецы и ихъ дѣянія?.. Мы положительно утверждаемъ, что вся дальнѣйшая литература, сдѣлавшая своею спеціальностью караніе чиновниковъ, не можетъ сравниться по производимому впечатлѣнію съ этимъ небольшимъ отрывкомъ. Гоголь уже не борется здѣсь съ принципомъ подъячества, онъ безвозвратно и разомъ порѣшаетъ съ нимъ, толкнувъ его мимоходомъ въ кучу стараго, ненужнаго хлама. Почти съ такою же силою и мѣткостью затронулъ Гоголь множество и другихъ вопросовъ, еще и понынѣ безуставно разрабатываемыхъ по его указанію русской литературой. Даже слабѣйшіе изъ затронутыхъ имъ мотивовъ порождаютъ въ наше время цѣлыя, не безъ дарованія написанныя книги. Что такое на примѣръ вся дѣятельность Успенскаго, какъ не развитіе двухъ коротенькихъ сценъ изъ «Мертвыхъ Душъ» — извѣстныхъ дяди Митя и дяди Миня и разговора о колесѣ? Быть купеческій, спеціально разработываемый въ настоящее время высоко-талантливымъ Островскимъ и оказавшійся въ рукахъ его венчерпаемымъ кладомъ, впервые затронуть Гоголемъ и притомъ съ тѣмъ геніаль-

*

нымъ тактомъ, который долго не позволитъ послѣдующимъ талантамъ уклониться существеннымъ образомъ отъ намѣченного пути. Сваха, напримѣръ, въ «Женитьбѣ» Гоголя есть несомнѣнный первообразъ безчисленнаго количества свахъ, появившихся послѣ него въ русской литературѣ и на сценѣ. Слуга Осипъ въ «Ревизорѣ» также родоначальникъ многихъ позднѣйшихъ слугъ. Быть военный, все съ той же возвышенной точки зрѣнія, о которой мы говорили выше, не впервые ли также такъ мѣтко и забавно изображенъ въ «Коляскѣ» и другихъ мѣстахъ? Полиція, губернскіе сановники, даже конторы, принимающія объявленія о «пропажѣ вещей»... Чего-чего не успѣлъ мимоходомъ, но съ силою геніальнаго таланта затронуть Гоголь и повсюду намѣтить путь для своихъ подражателей! Не будемъ уже касаться разныхъ общественныхъ, экономическихъ и другихъ вопросовъ, имъ поднятыхъ, и ограничимся замѣчаніемъ, что развитіе сатирическихъ мотивовъ Гоголя есть и понынѣ еще существеннѣйшее дѣло нашей литературы.

При такой широтѣ объема гоголевской сатиры, при такомъ разнообразіи ея содержанія, она не могла конечно удовлетвориться и какою-нибудь исключительною, условною формою. Кромѣ двухъ большихъ и серьезныхъ комедій, Гоголь употреблялъ разнообразныя формы: сценъ, отрывковъ, и наконецъ попалъ было на чрезвычайно удобный планъ поэмы, представляющей безконечное поле для его сатирическаго таланта... Судьба однако рѣшила остановить его на полдорогѣ и предоставить другимъ развивать его дѣло...

Мы оставляемъ за симъ краткій историческій обзоръ дѣятельности нашей сатиры, и обращаясь къ нашему времени, пропускаемъ всѣ тѣ литературныя явленія, которыя хотя и носятъ въ себѣ элементы сатиры, но или носятъ на себѣ преимущественно печать строгой художественной формы, или представляютъ слишкомъ явное развитіе старыхъ уже мотивовъ и приемовъ, и обращаемся исключительно къ современной сатирѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. обличенію въ тѣсномъ смыслѣ, и притомъ обличенію, представляющему въ извѣстномъ смыслѣ новое дѣло. Такимъ единственнымъ дѣятелемъ представляется въ наше время Н. Щедринъ, о которомъ хотя уже и было говорено въ

«Библиотекъ» нынѣшняго года, но который по всеѣмъ правамъ заслуживаетъ серьезнаго и подробнаго изученія.

По неизмѣнному закону всякаго быстро и подъ чужимъ вліяніемъ развивающагося общества, оно, какъ и сатира, имѣющая въ виду его изображеніе, необходимо распадается на двѣ стороны. Съ одной мы встрѣчаемъ старый порядокъ, упорно и злобно отстаивающій свое существованіе, съ другой новыя начала, нерѣшительно, съ колебаніями и не безъ промаховъ вступающія въ жизнь и борьбу. Обѣ борющіяся стороны всегда представляютъ гнѣвную пищу тонкому сатирическому наблюдателю. Такую двойственность мы видѣли въ нашей сатирѣ почти съ самаго начала петровой реформы, таковы же въ сущности и двѣ главныя группы фигуръ и явленій, вызванныхъ на свѣтъ сатирою Н. Щедрина. Но особенно благопріятныя условія сильнаго общественнаго и законодательнаго движенія, совершающагося въ современномъ обществѣ, придали сатирѣ нашего автора широту и силу, которыхъ она вѣроятно не могла бы имѣть безъ этого броженія общественныхъ силъ. Отсюда же происходитъ въ Н. Щедринѣ и другое качество, дѣлающее его именно сатириккомъ, а не спокойнымъ художественнымъ живописцемъ общества. Находясь въ самой средѣ общественнаго движенія, принимая въ судьбахъ его горячее участіе, замѣшанный самъ въ борьбу мнѣній и общественныхъ интересовъ, онъ не всегда отличается объективностью своихъ изображеній; одну изъ главныхъ силъ его составляетъ именно живое чутье къ только-что возникающимъ въ обществѣ тенденціямъ и явленіямъ. Онъ схватываетъ, такъ сказать, эти тенденціи и явленія на-лету, не давъ еще имъ выработаться и принять окончательный ясный образъ, онъ горячо вцѣпляется въ безобразныя стороны этихъ явленій и ведетъ съ ними ожесточенную борьбу, сообщающую особую свѣжесть и интересъ всей его дѣятельности. Отсюда между прочимъ происходитъ и другое, кромѣ указаннаго уже выше, дѣленіе предметовъ его сатиры. Съ одной стороны мы видимъ у него болѣе ясныя, типичныя, тверже обрисованныя фигуры: это типы уже отжившіе, допускающіе свободныя, невраждебныя къ нимъ отношенія и потому болѣе спокойную ихъ рисовку; съ другой—лица и явленія ненавистныя сатирику, но еще твердо стоящія въ жизни, или новыя формы жизни, являющіяся какъ-бы на смѣну старому порядку, но съ разу же обличающія свою не-

состоятельность, возникающія, не успѣвшія принять окончательнаго образа, или можетъ-быть только переходящія формы жизни. Къ этимъ послѣднимъ явленіямъ нашъ сатирикъ не можетъ отнестись равнодушно и спокойно, онъ борется противъ нихъ съ очевиднымъ озлобленіемъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣтокъ мы можемъ прослѣдить дѣятельность Н. Щедрина въ частности, по указаннымъ уже нами главнымъ направленіямъ, и отчасти въ ихъ связи съ общественными и законодательными явленіями послѣдняго времени. Прежде всего здѣсь необходимо отличить дѣятельность Щедрина до реформы, выразившуюся въ «Губернскихъ Очеркахъ» и возбуждавшую несомнѣнное участіе всей читающей публики, и дѣятельность его послѣ реформы, болѣе оригинальную, горячую и представляющую болѣе широкій кругозоръ, но встрѣтившую въ публикѣ уже не столь единодушный и одобрительный пріемъ. Причиной этой разницы, лежащая какъ въ характерѣ дѣятельности Щедрина въ эти два разные періода, такъ и въ отношеніяхъ къ нимъ публики, не трудно понять. Въ «Губернскихъ Очеркахъ» авторъ впервые выпустилъ въ свѣтъ матерьялъ давно уже накопленный и довольно знакомый въ жизни всѣмъ и каждому. Тамъ по-преимуществу онъ имѣлъ дѣло съ чертами уже отжившими, по крайней мѣрѣ въ той грубой формѣ, въ какой представлены напримѣръ городничій Фейеръ или докторъ Иванъ Петровичъ. Вопросы, поднятые «Губернскими Очерками», были болѣе или менѣе уже знакомые и давно поднятые въ литературѣ и притомъ положительно рѣшенные мыслящею частью публики. Ничто не мѣшало слѣдовательно ни Щедрину обнаружить въ этой довольно спокойной работѣ всю бойкость своего художественнаго таланта; ничто не мѣшало также и публикѣ безусловно восхищаться бойкостью и непривычною въ то время у насъ смѣлостью изображеній и хохотать или негодовать на типы, судъ надъ которыми не могъ быть ни для кого сомнителенъ, такъ какъ въ своемъ воззрѣніи Н. Щедринъ былъ только болѣе или менѣе передовымъ выразителемъ большинства образованныхъ людей, а въ нѣкоторыхъ мотивахъ (напримѣръ Лузгинъ, Корепановъ) *даже подражателемъ* извѣстныхъ уже и сочувственныхъ публикѣ авторовъ. Нѣсколько иное произошло, когда начавшаяся въ нашемъ обществѣ реформа и вообще сильное броженіе затронуло самые су-

щественные интересы и убѣжденія многихъ классовъ и произвело въ некоторый разладъ даже между мыслящими людьми, соединенными прежде въ общей враждѣ противъ всѣмъ извѣстныхъ враговъ движенія. Съ одной стороны самая задача Н. Щедрина затруднилась, такъ какъ ему предстояло имѣть дѣло часто съ совершенно новыми явленіями, на которыя на-лету, при самомъ ихъ возникновеніи, требовалось установить истинную и вѣрную точку зрѣнія, и притомъ сдѣлать это исключительно на свой страхъ, такъ какъ справляться съ общественнымъ мнѣніемъ было некогда, да въ немъ не было уже въ отношеніи ко многимъ явленіямъ прежняго единомыслія. Съ другой стороны и публика по весьма естественной причинѣ не могла относиться къ новой дѣятельности Щедрина съ прежнимъ единодушнымъ сочувствіемъ. Отпали отъ поклонниковъ его прежде всего, конечно, люди непосредственно затронутые какъ реформой, такъ и сатирой; потомъ оптимисты, чаявшіе уже у насъ водворенія златаго вѣка, и которымъ казалось, что Щедринъ просто изъ каприза или по ренесу продолжаетъ обличать, когда нужно бы, по ихъ мнѣнію, лишь радоваться и торжествовать; наконецъ до извѣстной степени удалились отъ Щедрина люди, воспитанные на идеяхъ спокойнаго, объективнаго творчества и встрѣтившіе въ сатиру его раздраженіе и рѣзкость, несомнѣнная, по ихъ мнѣнію, съ достоинствомъ литературныхъ отношеній къ общественнымъ вопросамъ и явленіямъ. Но именно тамъ, гдѣ разошлось съ Щедринымъ большинство, онъ и является по-преимуществу оригинальнымъ, многостороннимъ, и изученіе этой новой его дѣятельности и представляетъ для насъ наибольшій интересъ по количеству поднятыхъ имъ самыхъ живыхъ вопросовъ и по твердости и смѣлости постоянно сохраняемыхъ имъ отношеній къ дѣйствительности. Именно въ этой твердости и, такъ-сказать, неподкупности чутья его никакими призрачно-блестящими явленіями мы и полагаемъ главную заслугу Н. Щедрина, твердо и смѣло державшаго свое темное знамя во все время почти всеобщихъ ликованій и восторговъ. По всѣмъ высказаннымъ соображеніямъ мы посвятимъ настоящую статью главнѣйшимъ образомъ новой дѣятельности Н. Щедрина и постараемся рассмотреть ее со вниманіемъ и обстоятельностью, которыхъ она вполне заслуживаетъ.

Нельзя не сознаться прежде всего, что вчитываясь внима-

тельно въ послѣднія сочиненія Н. Щедрина, находишь въ нихъ весьма полное отраженіе внутренней жизни нашего общества въ послѣдніе два-три года. Затронутые интересы, поднятые въ литературѣ и обществѣ вопросы, новые люди и стремленія — все это находитъ себѣ въ г. Щедриѣ весьма внимательнаго выразителя и истолкователя и въ этомъ отношеніи представляетъ для будущаго историка жизни нашего общества обильный и живой матеріалъ. Не говоря уже о явленіяхъ первостепенной важности, какъ уничтоженіе крѣпостнаго права, появленіе благотѣльной гласности и уничтоженіе откуповъ — даже мелкія явленія, наврѣмѣрь слухи о готовящихся преобразованіяхъ, какія-нибудь измѣненія въ жизни провинціальной, успѣвшія возникнуть подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ, фальшивыя тревоги, пробѣгающія по временамъ въ обществѣ, глубоко потрясенномъ и чутко прислушивающемся ко всякой новизнѣ — все это вносится г. Щедринымъ въ его живую лѣтопись и сопровождается комментаріями, увы! глубоко неутѣшительными и многими считающимися за умышленно-злобныя.

Придерживаясь раздѣленія, очевидно существующаго и у самаго автора, мы постараемся собрать въ отдѣльныя группы лицъ, положительно сокрушенныхъ новымъ духомъ, внесеннымъ въ наше общество, прямо и откровенно спасовавшихъ предъ нимъ; лицъ озадаченныхъ и озлобленныхъ, но притворяющихся спокойными и даже сочувствующими реформамъ; наконецъ лицъ, представляющихъ самыхъ новыхъ дѣятелей реформы, волею или неволею вливающихъ за временемъ и старающихся попасть въ тактъ. Полнѣйшею представительницею перваго, самаго жалкаго разряда можетъ служить г-жа Падейкова. Одинъ слухъ о чемъ-то новомъ, о какомъ-то *идѣ*, который дѣйствуетъ во всѣхъ подвластныхъ ей Феклушкахъ, Маришкахъ, Порфишкахъ и Прошкахъ, выбиваетъ ее совершенно изъ обычной колени, запутываетъ всѣ ея понятія, всѣ отношенія, кажетъ ей повсюду какіе-то призраки и наконецъ окончательно сокрушаетъ ее, когда сосѣдъ дворянинъ привозитъ ей извѣстіе, что *она* уже кончено. Описаніе этого визита, сдѣланное краткими, но правдивыми и мастерскими штрихами, визита, вѣроятно повторившагося безконечное число разъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ и между тѣмъ уже теперь, черезъ три года,

кажущагося не совсѣмъ вѣроятнымъ въ подробностяхъ,—мы рѣшаемся представить въ подлинникѣ.

— Я къ вамъ, Прасковья Павловна, съ дѣльцемъ-съ! таинственно проговорилъ Грузиловъ, едва держась на кончикѣ стула и безпокойно поглядывая на полуотворенную дверь, мимо которой безпрестанно шмыгали дворовыя дѣвки.

«Прасковья Павловна измѣнилась въ лицѣ.

— Что такое? спросила она дрожащимъ голосомъ, уже чувствуя бѣду.

— Гм... точно-съ... извѣстie-съ... до всѣхъ касающе... пробороталъ Грузиловъ, самъ инстинктивно робѣя.

— Да ты не гымакай, а говори, сударь, дѣло! сказала съ сердцемъ Прасковья Павловна.

«Грузиловъ снова съ безпокойствомъ взглянулъ на дверь, гдѣ, какъ ему показалось, торчали двѣ женскія головы, очевидно желавшія подслушать барскій разговоръ.

— Перметте... ле портъ? сказалъ онъ рѣшительно, хотя до настоящей минуты отроду не выговаривалъ ни одного французскаго слова.

— Фермѣ, отвѣчала Прасковья Павловна.

«Грузиловъ примеръ дверь поплотнѣе.

— Имѣю честь доложить, сказалъ онъ вполголоса, — что на сихъ дняхъ оно ужъ кончено, то-есть рѣшено и подписано-съ!

— Какъ рѣшено? кѣмъ подписано? Да говори же, сударь, говори!

— Такъ точно съ; для *нихъ*, можно сказать, все счастье составили-съ!

— Парлѣ Франсѣ, сказала Прасковья Павловна, поднимаясь съ дивана и подступая къ Грузилову: — де ки, де ки савѣ?

— Иванъ Степанычъ вчерашняго числа достовѣрное извѣстie получили-съ...

«Прасковья Павловна съ глухимъ воплемъ опустилась на диванъ. Грузиловъ засуетился около нея.

— Матушка Прасковья Павловна! говорилъ онъ нѣсколько ослабнувшимъ отъ страха голосомъ:—матушка, не сердитесь! Богъ дастъ, все попрежнему будетъ!

«Прасковья Павловна, упершись въ спинку дивана и зажмуривъ глаза, безмолвствовала.

«— Успокойтесь, матушка! утѣшалъ Грузиловъ.—Иванъ Семеновъ сказывали, что все это только такъ-съ, предварительно-съ... для того только, чтобъ французу по губамъ помазать...

«— Нѣтъ, Гаврило Семеновъ, сантиментально продолжала Прасковья Павловна: — я вотъ какъ скажу: съ нынѣшняго дня я всю мою надежду на Бога возложила! Какъ онъ, царь небесный, положить, такъ пусть и будетъ... *только ужь я въ обиду себя не дамъ!* прибавила она совершенно неожиданно.»

Къ этому же разряду сокрушенныхъ и живущихъ только тщетною надеждою, что все это «можно будетъ оставить по-прежнему», принадлежитъ группа дворянъ изъ «Недавнихъ комедій», собравшихся къ предводителю по случаю возвращенія его изъ Петербурга съ свѣжою вѣстью о реформѣ. Сюда же принадлежатъ и «сживо погребенные» дѣйствительные статскіе совѣтники Андрей Ивановичъ и Иванъ Андреевичъ, оставленные, но еще ласкающіе себя надеждою, что ихъ полезная дѣятельность въ изобрѣтеніи новыхъ графъ и очищеніи бумагъ еще потребуется для отечества, лишь внезапно почему-то сбившагося съ толку, но имѣющаго возвратиться вновь на старый путь. Сюда же, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отнести и губернскаго штабъ-офицера — масона, по его убѣжденію, но масона не заблуждающагося, а очищеннаго. И этихъ-то высоко-полезныхъ дѣятелей, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ, хотятъ упразднить, по слухамъ, какъ будто ненужныхъ дѣятелей! Понятно глубоко искреннее сокрушеніе одного изъ подобныхъ дѣятелей, когда пріятель изъ Петербурга извѣщаетъ его о готовящемся ему упраздненіи и совѣтуетъ переимѣнить свою священную обязанность на службу «по части сивухи или клубнички». Нельзя не сочувствовать его горячей и твердой вѣрѣ, что это уничтоженіе есть только временное и что «въ мундирахъ или безъ мундировъ, они должны-таки возродиться». «Конечно, свачала все это будетъ какъ-будто подъ пепломъ, — утѣшаетъ онъ свое патріотическое чувство, — а потомъ онъ потеплится-потеплится, да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!»

— Да вы то? вы-то? что съ вами будетъ? неумѣстно спрашиваетъ штабъ-офицера Щедринъ, и получаетъ отъ него справедливый урокъ: «Что обо мнѣ говоритъ! отвѣчаетъ очищен-

ный масонъ.—Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учреждений, о которыхъ пишетъ Маяевка... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!»

Къ той же группѣ обиженныхъ и потерявшихъ мы должны отнести и Ковдратія Трифоновича Сидорова въ «Деревенской тиши», котораго заѣлъ и сокрушилъ *сословный антагонизмъ*, вычитанный имъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и внезапно усмотрѣнный имъ во всѣхъ отношеніяхъ его съ своими крѣпостными. Не утѣшаетъ его ни водка, ни благодушная бесѣда съ «батюшкинымъ братомъ», ни даже Машенька, и все видятся ему козни со стороны Ваньки и накопляются въ разстроенномъ воображеніи его улики на его грубости для предъявленія становому. Даже тихаго и безмятежнаго убѣжища «Пустынника» (см. «Нашъ губернский день») не оставляетъ въ покоѣ разлившійся по всему русскому обществу ядъ. Напрасно продолжаютъ черноглазовскія *дьяки* присылать ему зернистой икры или рыжечковъ соленыхъ, а *мужики* изъ *Полорѣцка* балыковъ и другихъ яствъ; напрасно всё, какъ онъ выражается, *стоялые жеребцы* въ губерніи состоятъ въ безусловномъ его повиновеніи и цѣлые хоры готовы всегда для увеселенія его и гостей. Зараза чувствуется и имъ, и хотя, по выраженію Щедрина, онъ, отрѣзанный лопоть отъ общества, и «самой природой устроенъ такъ, что было бы у него вдоволь ѣства да поила, да малахай шелковый, такъ не проймешь его никакою скорбію», однако и онъ скорбитъ и провозноситъ неподобныя рѣчи и справедливо обвиняетъ начальство, что оно не принимаетъ никакихъ мѣръ къ уничтоженію «заразы». Впрочемъ, благодареніе Богу, зараза еще не совсѣмъ проникла въ мирное убѣжище, гдѣ владычествуетъ Пустынникъ, и онъ сокрушается, такъ сказать, вчужѣ. «Я-то со своими справлюсь, говорятъ онъ въ заключеніе бесѣды имъ же сокрушенному сановнику:—вотъ вы-то, гражданскіе, какъ?»

Таже зараза проникла въ мирный домъ «генерала Голубчикова», состоящаго, какъ видно, по своей должности въ весьма близкой связи съ откупною системой, и потому мы присутствуемъ въ рассказѣ Щедрина при рядѣ сценъ, представляющихъ генерала Голубчикова и его семейство то на верху блаженства, то въ безднѣ отчаянія, смотря потому, какія извѣстія о ходѣ откупнаго дѣла получаютъ изъ Петербурга.

«— Представьте, какъ все это неожиданно случилось! рассказывать онъ, съ веселою улыбкою встрѣчая гостя. — Сидимъ мы сегодня въ палатѣ и по обыкновенію разсуждаемъ о томъ, что ожидаетъ впереди нашу матушку Русь православную, какъ вдругъ приходитъ пакетъ. Раскрываю — и чтоже, наприимѣръ, вижу? «Снисходя, говорить, къ ходатайству грека Мерзконоаки, оставляемъ...» Ну, однимъ словомъ оставляемъ, да и все тутъ!

«Генералъ хихикнулъ, какъ-будто его кто nibудь вечаино ще котнулъ пальцемъ подъ мышкою.

«— Ну, и слава-богу! повторилъ гость.

«— Я впрочемъ заранѣе зналъ, что это такъ будетъ! Да оно, коли хотите, и неправдоподобно! Не было еще примѣровъ въ исторіи, чтобы правительство просвѣщенное добровольно отказывалось отъ такихъ полезныхъ сотрудниковъ...

«— Да объ нихъ именно можно сказать, что это истинные вѣрнопопдаанные!

«— Это такъ. Потому живутъ смвроно и никого не задѣваютъ!

«— Мало того, что не задѣваютъ, но всегда, такъ сказать, на общую пользу стремятся!

«— И это опять таки именно такъ. Ктѣ во время послѣдней войны вееестественныя сѹммы, съ явнымъ для себя ущербомъ, на торгахъ набавилъ?

«— Мерзконоаки и Лампурдосъ!

«— Ктѣ нашего губернатора изъ бѣды выручилъ, когда велѣно было женскія училища вездѣ заводить?

«— Лампурдосъ и Мерзконоаки!

«— Ктѣ обществу угодилъ, когда оно постоянный театръ ншѣтъ пожелаало?

«— Лампурдосъ, Лампурдосъ и Лампурдосъ!»

Но такое игривое, благодушное настроеніе духа генерала Голубчикова продолжается лишь до новаго пясма или бумаги изъ Петербурга, приносящихъ другія вѣсти и наводящихъ на ныня, тяжелыя мысли. Не радостная жизнь!

Боямся, не сюда ли же придется отвести и группу савонниковъ («Нашъ дружескій хламъ»), еще благополучно правящихъ какою-то богоспасаемою губерніею, но вѣсколько отсталыхъ въ предметъ своихъ задушевныхъ бесѣдъ. По крайней мѣрѣ мы почти не-

сомнѣнно увѣрены, что слѣдующій интимный разговоръ нѣсколькихъ штатскихъ губернскихъ генераловъ заставитъ улыбнуться много вольнодумца:

— Нашъ князь, вступается статскій совѣтникъ Генераловъ, — такъ тотъ больше все лѣвой рукой дѣйствуетъ: и на стулъ лѣвой рукой указываетъ, и подаетъ все лѣвую руку.

— А что вы думаете? говоритъ генералъ Голубчиковъ:—вѣдь это именно правда, что у вельможъ лѣвая рука всегда какъ-то болѣе развита!

— Я полагаю, что въ этомъ свой расчетъ есть, глубокомысленно замѣчаетъ Иванъ Фомичъ.

— То есть не столько расчетъ, сколько грація—возражаетъ Голубчиковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство: не грація, а именно расчетъ-съ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же непременно «рассчетъ»? Я, напротивъ того, положительно убѣжденъ, что грація,—говоритъ Голубчиковъ, задѣтый за живое настойчивостью Ивана Фомича.

— А я, *напротивъ того, положительно убѣжденъ, что именно расчетъ, и имѣю на это доказательства.*

— Это очень любопытно!

— И именно я полагаю, что всякій вельможа хочетъ этимъ дать понять, что правая рука у него занята государственными соображеніями.

— Ну-съ... а лѣвая рука тутъ зачѣмъ-съ?

— А лѣвая рука, какъ свободная отъ занятій, предлагается посѣтителямъ-съ.

— Ну-съ, а дальше что-съ?

— Ну-съ, а дальше тоже-самое.

— Та-а-къ-съ!»

И генералы чуть не ссорятся... «И даже нисколько не правдоподобно!» справедливо замѣтилъ бы Тяпкинь-Ляпкинь.

Сюда же, къ крайнему нашему прискорбію и удивленію, мы должны отнести и губернатора, выведеннаго въ разговоръ «Нашъ губернский день», губернатора, который никакъ не можетъ привыкнуть къ новымъ порядкамъ, и не догадываясь, что въ почтенномъ дворянствѣ ввѣренной ему губерніи успѣлъ уже возникнуть настоящія политическія убѣжденія и партіи, прибѣгаетъ для

примиренія двухъ враждующихъ политическихъ противниковъ къ старому средству, неудавшемуся еще въ Миргородѣ при примиреніи Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и за это, какъ и слѣдовало ожидать, получаетъ самый жестокій репримандъ и отъ самихъ представителей партій, и отъ высшей власти.

Но смѣемъ надѣяться, что такой отсталый губернаторъ, гдѣ-то въ труппѣ отысканный г. Щедринымъ, былъ послѣдній въ своемъ родѣ. И дѣйствительно, у самого же автора мы находимъ новые типы начальствующихъ лицъ, ревностно слѣдящихъ за прогрессомъ и требованіями времени. Но они уже принадлежатъ ко второй группѣ лицъ, къ которымъ мы и переходимъ теперь; но предварительно, такъ какъ это будутъ новые дѣятели, мы передадимъ нѣкоторыя общія воззрѣнія нашего автора на характеръ тѣхъ новыхъ и радостныхъ явленій, которыя встрѣчены были съ такимъ восторгомъ всею Россіею и обѣщали радикальное преобразование нашего общества.

«Въ одно морозное, свѣтлое ноябрьское утро—повѣствуетъ г. Щедринъ—мы проснулись и безъ всякой причины ощутили въ себѣ нѣчто въ высшей степени странное. Какъ-будто вокругъ васъ что-то измѣнилось: и просторъ стужился, и пригорочки на ровныхъ мѣстахъ появились, какъ-будто въ насъ нѣчто обрвалось, какъ-будто и извнѣ, и изнутри что-то въ одно и тоже время и покалываетъ, и тревожитъ, и возбуждаетъ, и смущаетъ насъ.... И въ тоже самое время въ оконечностяхъ нашего языка почувствовали мы нестерпимое раздраженіе...

«— Папаса, хацу гавалить!» сказали мы. — Говори, другъ мой! отвѣчали намъ.

«Какая же причина столь внезапнаго явленія?.. Ближайшія изслѣдованія даютъ поводъ думать, что первою и главною побудительною причиною было то, что намъ вышло позволеніе говорить, подобно тому какъ *выходятъ* отставка, опредѣленіе, отсрочка, новыя формы и т. д. Спрашивается: если вышла чело-вѣку отставка, можетъ ли онъ продолжать служить? Если вышла чело-вѣку новая форма одежды, можетъ ли онъ продолжать ходить въ старой? Подобно сему, если вышло чело-вѣку дозволеніе говорить, можетъ ли онъ молчать? И самое нежеланіе съ его стороны воспользоваться предоставленнымъ правомъ не должно ли быть при-звано равносильнымъ послушанію воли начальства?»

Итакъ всё ревностно начали исполнять волю начальства, носить вновь установленную форму. Дѣло совершенно естественное, и странно бы было, еслибы случилось иначе у насъ, русскихъ, которыхъ главнѣйшая добродѣтель, еще по замѣчанію Екатерины Великой, заключается «въ образцовомъ послушаніи» съ прибавкою кромѣ того еще какого-то «*корня*». Но дѣло въ томъ, что если послушаніе и оказалось «образцовымъ», то не всё съ одинакою охотою, съ одинакою расторопностью и предупредительностью оказали это послушаніе. Въ этомъ только именно и различаются разные лица второй группы изъ выведенныхъ Н. Щедринымъ лицъ. Но прежде нежели перейдемъ къ обзору ихъ, послушаемъ еще собственныхъ разсужденій автора.

Кромѣ главнаго, указаннаго сейчасъ побужденія, то-есть послѣдовавшаго, откуда слѣдуетъ, распоряженія, оказывается, по мнѣнію г. Щедрина, и другое: это — современность. «Когда все кругомъ насъ говорятъ и пишетъ объ обветшалости крѣпостнаго права, о неудобствѣ откуповъ, взяточничествѣ и казнокрадствѣ, можемъ ли мы оставаться равнодушными? Можемъ ли мы, спрашиваю я васъ, удержать біенія сердецъ нашихъ и не преподнести вашего собственнаго издѣлія букетовъ на алтарь отечества? Очевидно, что нѣтъ: во-первыхъ потому, что это не будетъ à la mode, а во-вторыхъ и потому, что кто же бы тогда сталъ внимать намъ? Вымолви-ка мы теперь такое слово, какъ напримѣръ: *откупа полезны*, — гдѣ-жъ бы нашлась публика для такихъ рѣчей?! Итакъ мы условились единодушно и заранѣе, что откупа — гадость, взяточничество — мерзость, казнокрадство — мерзость, а крѣпостное право — *une chose sans nom*. Но, Господи! что за горечь глотить въ нашемъ сердцѣ, когда мы произносимъ эти слова! Какое горькое дрожаніе усматривается на поблѣднѣвшихъ губахъ нашихъ, что за соленый вкусъ ощущается на языкѣ, когда онъ лепечетъ заповѣдное вступленіе къ предстоящей рѣчи: «господа! нѣтъ сомнѣнія, что предметъ, насъ занимающій, заслуживаетъ искренняго нашего сочувствія!» — «Чорта съ два, искренняго!» думаемъ мы въ это самое время, и повѣрьте, что для насъ было бы ю сто кратъ пріятнѣе, еслибы заставили насъ проглотить ежа, нежели вызвать изъ себя эту простую, невинную фразу! Одноюжъ мы выдавливаемъ ее, и хотя внутри насъ все копошится и какъ-будто хохочетъ, но слова наши въ порядкѣ, носы не

буйствуютъ, языки въ порядкѣ и даже фізіономіи въ порядкѣ... Да, чортъ побери... въ порядкѣ!..»

Но отъ общихъ разсужденій, въ которыхъ авторъ можетъ и заблуждаться, обратимся къ типамъ. Здѣсь мы на болѣе твердой почвѣ. Всякій можетъ рѣшить, правдоподобно ли представляемое авторомъ или нѣтъ? Новая форма, какъ выражается авторъ, т. е. новые порядки, потребовались прежде всего отъ тѣхъ вліятельныхъ лицъ, которыя сообщаютъ, такъ сказать, центральный духъ и направленіе отдѣльнымъ областямъ и управленіямъ обширнаго нашего отечества. Не всѣ, какъ и слѣдовало ожидать, оказались равно приготовленными къ этой новой формѣ, и это, надѣмся, кратковременное замѣшательство въ правительственныхъ принципахъ не ускользнуло отъ сатирическаго ума г. Щедрина и дало ему обильную пищу для очерковъ. Дѣйствительно, какъ-то странно и даже смѣшно видѣть, какъ какой-нибудь генералъ Зубатовъ, всю жизнь свою державшійся принциповъ чистоты, строгости, безусловнаго повиновенія и т. под. твердыхъ и ясныхъ привциповъ,—Зубатовъ, который бывало на замѣчшіе подчиненнаго о неисполнимости какого-либо требованія, похожаго на сѣвіе ржи на камнѣ, отвѣтствовалъ:

«— Ну, чтожь-съ!.. и посѣемъ-съ!

«— Да вѣдь рожь-то не выростетъ!

«— Выростетъ-съ! А не выростетъ, такъ' будемъ камень сѣчь-съ!

«— А она и отъ этого не выростетъ!

«— И опять будемъ сѣчь-съ! Намъ до этого дѣла нѣтъ, что можно и что нельзя... мы будемъ сѣчь-съ!»

Зубатовъ, однимъ словомъ, который въ тридцать пять лѣтъ службы никогда никакихъ препятствій не имѣлъ, а тѣмъ менѣе сомнѣвій въ вѣрности и дѣйствительности своихъ привциповъ, вдругъ начинаетъ сомнѣваться, задумываться, и наконецъ доходитъ до того, что вступаетъ съ своимъ подчиненнымъ въ слѣдующій кроткій разговоръ:

«— Вотъ, любезный другъ: оказывается теперь, что мы съ вами до сихъ поръ спали, то-есть не то чтобы совсѣмъ спали, а такъ, знаете, скользили по поверхности... составляли тамъ вѣдомости... наблюдали, чтобы входящія и исходящія не были за-капаны... Выходить, что все это было ненужно; а-да! Выходить,

что отъ этого у насъ и торговля не развивается... и фабриковать... и богатство народное тово...»

И на вопросъ подчиненнаго: «что прикажете, ваше превосходительство?» отвѣчаетъ: — «Ну, да вы меня понимаете... Я бы хотѣлъ, чтобы этакъ тово... новенькое что-нибудь... Знаете ли что? прибавилъ онъ весело, какъ-бы озаренный внезапною мыслью: — устройте-ка здѣсь биржу.»

Но благодѣтельный проектъ биржи, какъ рассказываетъ авторъ, не удался по грубости и невѣжеству нашего купечества, которое увидѣло въ немъ почему-то не благодѣяніе для себя, а новый видъ побора и даже обиду, и предложило, если ужъ непременно что-нибудь надобно, «просто чѣмъ ни-на-есть обложить ихъ на общепольное устройство». Точно также лопнули благодѣтельные проекты распространенія грамотности, путей сообщенія, выработанные тайно въ губернаторской канцеляріи, но не признанные тѣми, кого они должны были осчастливить, и новая благодѣтельная дѣятельность генерала Зубатова оказалась безплодною. Видно не всякую форму легко переменить. А все-таки Зубатовъ оказывается исполнительнымъ чиновникомъ, и несмотря на разныя неудачи своей новой дѣятельности, старается изъ всѣхъ силъ поддаваться подъ новыя требованія и недаромъ, по замѣчанію автора, корреспонденты «Московскихъ Вѣдомостей» называютъ его «нашимъ справедливымъ и благодушнымъ начальникомъ», а въ городѣ Глуховѣ «даже стонъ стонѣтъ по случаю учтиваго его обращенія».

«—И не выдывали мы, сударь, говоритъ обыватель Анемподистъ Федотычъ,—и не выдывали такого! Бывало, начальникъ-то позоветъ :«а нуте, говоритъ, чистопсовые! а знаете ли, говоритъ, что васъ всѣхъ правъ состоянія лишитъ велѣно?» Такъ мы, сударь, такъ бывало всѣ ходуномъ и ходимъ передъ нимъ! А этотъ просто даже и на начальника не похожъ: на стулъ это сажаетъ, папирску подаетъ: «расскажите, говоритъ, какая у васъ статистика!»

Но всѣ эти старанія Зубатова, и похвалы корреспондентовъ, и восторгъ, смѣшанный съ изумленіемъ, жителей Глухова не смягчаютъ ожесточеннаго сердца нашего сатирика и глухо гремятъ похожія на пророчества слова его, обращенныя къ генералу Зубатову:

«Вновь спрашиваю я тебя, величественный Зубатовъ: ты ли это? Если это ты, то помни, что конфузъ входитъ пудами, а выходитъ золотниками, и что однажды оноенную лошадь никакія человѣческія усилія не въ силахъ возвратитъ къ прежней лошадиной бодрости и нестомчивости! Что, если вновь будетъ приказано не конфузиться? Что, если вновь приказано будетъ по десяти разъ въ день утопать въ стаканѣ воды и по сту разъ соскакивать съ колокольни? Дрожать за тебя или ибѣть? Воспринешь ты, или...» О, какъ бы смущено было сердце Зубатова этими словами, еслибы Зубатовъ... не былъ, какъ само-собою разумѣется, вымысломъ автора.

Но не одни только распорядители, люди, попеченіямъ которыхъ поручены въ различныхъ мѣстахъ нравственность, спокойствіе и благосостояніе россійскихъ гражданъ, смущаются въ своемъ новомъ, непривычномъ дѣлѣ. Самые граждане, для блага которыхъ, повидимому, и раздались всѣ эти громкія фразы о гласности, самоуправленіи, мѣстныхъ интересахъ и т. под., какъ-то туго понимаютъ и поддаются новому духу, на нихъ повѣявшему. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключать изъ слѣдующаго разсказа г. Щедрина о томъ, какъ приняли граждане города Глупова первый свѣтъ гласности, пролитой газетами на ихъ градоначальника, по случаю якобы вѣрадрвія его о пожарныхъ командахъ и предпочтенія карточной игры своимъ прямымъ обязанностямъ. Весь городъ переполошился, какъ и слѣдовало ожидать, такую неслыханную вещь. Нашлись лишь нѣсколько молодыхъ вольнодумцевъ, выразившихъ сочувствіе къ обличительной статьѣ; все, что было посолондѣе и имѣло прочное общественное положеніе, скорбѣло болѣе объ обиженномъ градоначальникѣ. Мы не будемъ разсказывать о томъ, какъ авторъ статьи былъ, по совѣту стряпчаго, не подвергнутъ прямому преслѣдованію, а «пропущенъ сквозь строй жизненныхъ обстоятельствъ», такъ что послѣ многихъ неприятныхъ приключеній привужденъ былъ наконецъ оставить городъ, и остановился на впечатлѣніи, произведенномъ первымъ опытомъ гласности на мирныхъ гражданъ города Глупова.

«Прежде всѣхъ, какъ и водится, узналъ городской глава, къ которому прямо отъ городничаго забѣжалъ стряпчій. Должно-быть

рассказъ стряпчача былъ особенно умилителенъ, потому что голова, слушая его, совсѣмъ растужился.

«Ишь ты что! сказалъ онъ, когда стряпчий кончилъ: — чтожь теперича мнѣ-то дѣлать?»

«Да надо бы тово...»

«Общество собрать, видно, надать,—продолжалъ голова и жалобно вздохнулъ.»

«Общество не общество, а именитыхъ.»

«Голова вновь вздохнулъ.»

«Однако какъ же это? произнесъ онъ: — не въ примѣръ, значить, прочимъ?»

«Ну такъ чтожь такое?»

«Ничего-съ... я такъ только, къ примѣру, что общество собрать, видно, надать... Ничего-съ, можно-съ!»

«На скорую руку были собраны въ домъ головы именитые, къ которымъ хозяинъ держалъ рѣчь.»

«Ну, именитые, сказалъ онъ: — градоначальника нашего обидѣли... Богъ грѣхамъ терпѣлъ, царь жаловалъ, губернія начальникъ благодарность объявлялъ, а пещь борзой облаялъ... по-латко-съ!..»

«Значить смириться должонъ! произнесъ одинъ изъ именитыхъ.»

«Это, Федоръ Афанасьичъ, значить, для смиренья ему Богъ послалъ, произнесъ другой.»

«Божьи дѣла намъ судить не приходится, сказалъ голова, — а выраженье отъ насъ по этому случаю потребуется!»

«Именитые переглянулись.»

«Чтожь, именитые, почтуть начальни какъ горести, по нѣрѣ силы возможности, есть каждаго долгъ и обязанность.»

«Молчаніе.»

«Итакъ возблагодаримъ создателя! произнесъ голова, вспоминая, что однажды начальникъ губернія именно этими словами кончилъ рѣчь свою.»

«И вотъ такимъ образомъ—прибавляетъ авторъ—«Московскія Вѣдомости» сдѣлались причиной, что нашъ градоначальникъ былъ въ этомъ году лишній разъ имянинникомъ.»

Такъ, по свидѣтельству Н. Щедрина, повели себя именитые граждане города Глухова по случаю появленія на свѣтъ благо-

дѣтельной гласности. Гораздо съ бѣльшимъ тактомъ и пониманіемъ сущности дѣла встрѣчаетъ новорожденную гласность и прочіи благотѣльные явленія новаго духа времени благородное и чиновное сословіе того же города Глухова. Прежде всего они всѣ поголовно, или развѣ за самыми малыми исключениями, спѣшатъ заявить свое сочувствіе новымъ идеямъ и порядкамъ. «Милостивые государи! говоритъ престарѣлый князь Обалдуй-Таракановъ: не подлежить никакому сомнѣнію, и всѣ вы конечно со мною согласитесь, что нашему любезному отечеству открывается будущность не только прекрасная, но даже, смѣю думать, и блестящая.» Затѣмъ, указавъ съ горечью на другія государства вселенной и даже на древній міръ, гдѣ повсюду усматривается гибельная вражда партій, почтенный старецъ продолжаетъ: «Взвѣсивъ того, что видимъ у насъ? Города цвѣтутъ, селенія процвѣтаютъ, порядокъ не нарушается, арміи удивляютъ міръ, пролетаріатъ невозможенъ, просвѣщенное дворянство стремится и изъясляетъ готовность, почтенное купечество съ своей стороны жертвуетъ, добрые земледѣльцы благоденствуютъ и наслаждаются плодами рукъ своихъ...» Далѣе, упомянувъ объ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, развитіи промышленности и кредита, процвѣтаніи земледѣлія и скотоводства, и указавъ на связь всѣхъ этихъ ожидающихъ въ будущемъ наше отечество благъ и стоящихъ въ связи съ отрицательною крѣпостнаго права, онъ не задумывается заявить свое сочувствіе «благодушной» принципіи, которая въ отвлеченіи, г. е. взятая сама по себѣ, не терпитъ возраженія... «Но, продолжаетъ онъ (тутъ-то, замѣчаемъ мы отъ себя, и начинается сущность дѣла), если съ вершинъ отвлеченности мы спустимся къ низменности практической... если спросимъ себя съ полною откровенностью: готовъ ли онъ къ встрѣчѣ съ тѣми трудностями жизни, съ которыми будетъ неизбежно сопряжено его новое положеніе?.. Какія отличительныя черты встрѣчаемъ мы въ поселянахъ нашихъ? Младенческую безвѣчность и нѣкоторую склонность къ сладостному *far-niente*. Поселянинъ, какъ дитя, срываетъ цвѣты, не заботясь о будущемъ. . Если мы оторвемъ его отъ этого видлическаго настроенія души, если поставимъ его лицомъ къ лицу съ суровой мачихой-дѣйствительностью—чего можемъ мы ожидать?.. Итакъ, господа,—заканчиваетъ князь свою рѣчь, при единодушныхъ одобреніяхъ,—я умоляю

всѣ не сдѣлать на встрѣчу волнамъ пожирющаго океана, но девизомъ вашихъ будущихъ дѣйствій избрать слова, глубоко начертанныя въ моемъ собственномъ сердцѣ: неторопливость и постепенность!»

И въ такомъ смыслѣ провозносятся десятки рѣчей, которыя всѣ начинаются восклицаніемъ обширности Россіи и порядка въ ней царствующаго, всѣ отдаютъ должную справедливость устроителю, гласности и другимъ полезнымъ принципамъ новаго времени. «Но—какъ говорить другой представитель благороднаго сословія—употребляя слово гласность, я, само собою разумѣется, понимаю гласность благонамѣренную, то-есть такую, которая *никого не обижаетъ, никого не затрогиваетъ и предоставляетъ всякому спокойно можнать плоды рукъ своихъ.* Конечно, многіе быть-можетъ поймутъ это дѣло иначе и возмечтаютъ, что во имя гласности можно всѣхъ и каждого по зубамъ колотить. Для лицъ подобнаго образа мыслей я кратко повторяю мое прежнее уподобленіе: лежали два камня и безмолвствовали; шелъ мимо *неискусный* прохожій, *осторожно* ударилъ одинъ камень о другой—и вотъ искра! Что еслибъ прохожій былъ *искусенъ*? Что еслибъ онъ ударилъ *неосторожно*? еслибъ по близости оказался *навозъ или другой удобовосиламеняющійся матеріалъ*?.. Итакъ: *постепенность и неторопливость.*» И почтенное глуповское сословіе остается вполне довольно, ибо очень хорошо понимаетъ, что именно нужно разумѣть подъ этими благоразумными правилами.

Вслѣдствіе такихъ основательныхъ рѣчей и вообще широкаго обиха мыслей самыя партіи, издревле существовавшія въ благородномъ сословіи, существенно измѣнились и приняли болѣе современныи и соответствующій положенію дѣлъ характеръ. «Въ прежнія времена—разсказываетъ Н. Щедринъ—у насъ обыкновенно свирѣпствовали двѣ партіи: стараго предводителя дворянства и новаго предводителя дворянства. Обѣ партіи исключительно занимались тѣмъ, что объѣдали и опивали своихъ патроновъ и бушевали на выборахъ, кладя имъ шары направо, поднося имъ шары на блюдѣ и вообще оказывая самыя разнообразныя знаки всевозможной преданности. Тутъ борьба не имѣла никакого политическаго оттѣнка, тутъ дѣло шло единственно о томъ, кто кого переборнитъ... Въ настоящее время у насъ двѣ партіи: ре-

ретрограды и либералы (разумеется умѣренные)... Чего хотятъ ретрограды, чего хотятъ либералы—понять очень трудно. Съ одной стороны, ретрограды кажутся либералами, ибо составляютъ оппозицію, съ другой стороны либералы являются ретроградными, ибо говорятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ-бы состояли на жалованьи... Скажу одно: если гнаться за опредѣленіями, то первую партію всего приличнѣе было бы назвать ретроградною либераліей, а вторую—либеральною ретроградіей.» Какъ бы то ни было, согласимся мы или нѣтъ съ этимъ немножко рѣзкимъ опредѣленіемъ автора, положительно вытекаетъ изъ его дальнѣйшихъ разсказовъ одно: именно, что отъ этого измѣненія дворянскихъ партій въ прогрессивномъ духѣ пострадали только губернаторы, которымъ стало еще труднѣе поддерживать миръ и порядокъ во вѣранныхъ имъ губерніяхъ, да жалуются и тоскуютъ о прежнемъ времени прочіе губернскіе сановники, которые бывало съ равнымъ усердіемъ и удовольствіемъ ѣли и пили у представителей той и другой партій, тогда какъ представители нынѣшнихъ партій только ораторствуютъ да пикируются, а обѣдовъ и прочаго уже, увы! не пускаютъ въ ходъ.

Но отъ всѣхъ этихъ болѣе или менѣе пострадавшихъ, пришибенныхъ или застигнутыхъ врасплохъ реформами, отъ всѣхъ этихъ притворяющихся, поддѣлывающихся съ заглаженнымъ ожрежетомъ зубовъ къ новымъ началамъ личностей, не шора ли перейти къ третьей категоріи щедринскихъ типовъ — къ людямъ по-истинѣ новымъ, передовымъ, двигателямъ, проводящимъ въ жизнь новыя начала? Увы! и здѣсь мрачный взоръ нашего сатирика открываетъ картины не совсѣмъ утѣшительныя, и чтобы объяснить это обстоятельство, намъ не остается ничего болѣе, какъ предположить, что Н. Щедринъ умышленно отвращаетъ взоры свои отъ свѣтлыхъ явленій и хочетъ во что бы ни стало поддержать свое званіе сатирика. Посмотримъ однако, какія же пятна съумѣлъ открыть неутомимый Щедринъ въ этихъ передовыхъ дѣятеляхъ. Для этого впрочемъ мы должны обратиться между прочимъ къ прежней дѣятельности Н. Щедрина, гдѣ онъ исчерпалъ этотъ предметъ въ двухъ мастерскихъ очеркахъ: «Неумѣлые» и «Озорники», такъ что впоследствии не имѣлъ уже надобности воспроизводить эти типы вполне и только ограничивался по-временамъ отдѣльными чертами. Первое мѣсто въ новой

категоріи типовъ необходимо отдать лицамъ, если и не ревностно дѣтельными въ новомъ духѣ, то по крайней мѣрѣ искренно сочувствующимъ движенію. Всѣ они очень мѣтко характеризуются слѣдующимъ небольшимъ отрывкомъ изъ разговора, гдѣ-то подслушаннаго авторомъ: «А я сегодня читала «Морской Сборникъ», говоритъ жена сосѣда:— «Правительственные распоряженія» до такой степени увлекли меня, что я совершенно забылась.»

За людьми просто сочувствующими слѣдуютъ люди дѣтельные въ новомъ духѣ, но «неумѣлые». Такой типъ рисуется намъ въ мѣткомъ и живомъ разсказѣ нѣкоего мѣщанина Голенкова, служившаго ратманомъ въ магистратѣ и потому человѣка бывалаго и опытнаго. «А вотъ, я вамъ доложу, тоска-то,—разсказываетъ Голенковъ въ откровенной бесѣдѣ съ авторомъ:—какъ видишь, что человѣкъ-отъ и честный, и хорошій, а ни къ чему такъ есть преступиться не можетъ—все-то у него изъ рукъ клится. Съ такимъ связаться—не приведи Господи! Начнешь ему резонъ докладывать, такъ онъ не то чтобъ тебѣ благодаренъ, а словно теленокъ всѣми четырьмя ногами брыкается: «Вы, молъ, скоты, чего цените! Не смыслите, какъ и себя соблюсти, а вотъ ты на меня посмотри—видалъ ли ты экихъ молодцовъ?» И знаете, ваше благородіе, словами-то онъ пожалуй не говоритъ, а такъ всей фигурой въ лицо тебѣ хлещетъ, что вотъ онъ честный, да образованный, такъ ему за эти добродѣтели молебны служить слѣдуетъ. Вотъ-молъ до чего вы, скоты, дожили, что честный-то человѣкъ у васъ словно жаръ-птица!» Затѣмъ Голенковъ разсказываетъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ о томъ, какъ одинъ изъ неумѣлыхъ губернаторскихъ чиновниковъ переодѣвался въ мужицкій кафтанъ и ходилъ для подслушанія въ кабакъ, откуда и былъ выгнанъ съ позоромъ; какъ онъ для открытія преступленія надѣвалъ саванъ и прятался подъ кровать подозрѣваемаго въ преступленіи причемъ также потерпѣлъ горестную неудачу. Когда же авторъ послѣ всѣхъ подобныхъ разсказовъ старается добиться отъ Голенкова прямого отвѣта, считаетъ ли онъ наконецъ этихъ новыхъ чиновниковъ лучше или хуже старыхъ, то мѣщанинъ Голенковъ отвѣчаетъ нѣсколько уклончиво, что онъ и самъ видитъ, что люди новые все-таки хорошіе люди, но что они словно какъ-будто недоложенные. «Живаго матерьялу они, сударь, не понимаютъ! Или бы все вотъ за книжкой, или еще пуще за разговорцемъ:

это ихнее поле; а какъ дойдетъ дѣло до того, чтобы пеньки считать — у него вшь и ноженки заболѣли. Прямется-то онъ бойко, и рветъ и мечетъ, а потомъ, смотришь, онъ и попріутихъ, да такъ-то пріутихъ, что все и бросилъ; все только и говорить о томъ, что-молъ какъ это его, съ такими-то способностями, да грязь таскать запрягли: это дескать дѣло чернорабочихъ, станovýchъ что-ли, а его дѣло сидѣть тамъ высоко, да только колеса всей этой механики подмазывать. А того и не догадается, что коли всѣ такую мысль въ головѣ держать будутъ — вѣдь почему знать? можетъ и всѣ когда-нибудь образованные будутъ! — такъ кому же пеньки-то считать?» Общее мнѣніе мѣщанина Голенкова о недостаткахъ всей этой благонамѣренной, но нѣсколько безтолковой административной дѣятельности, которой примѣровъ у насъ не исчитать, въ которой почти всегда, не принеся никакой пользы, оканчивается усиленною враждою и недоразумѣніями между администраціею и земствомъ, довольно характерно выражается въ слѣдующихъ словахъ Голенкова, очевидно, раздѣляемыхъ и самимъ авторомъ. На вопросъ автора, отчего же такъ неудачны, безтолковы и по большей части смѣшны всѣ эти попытки неумѣлыхъ и вообще административныя попытки къ благотѣльному дѣйствию на грубыя массы, узнанный философъ весьма здраво отвѣчаетъ: «Первое дѣло — много вы объ себѣ думаете, а объ другихъ, хоть бы о насъ грѣшныхъ, и совсѣмъ ничего не думаете: такъ-молъ, мелюзга все это, скоты необрѣзанные. Второе дѣло — совсѣмъ не съ того конца начинаете. Ты коли хочешь служить вѣрой, такъ по верхамъ-то не лазай, а держись больше около земли, около земства-то. Если видишь, что плохо — ну, и поправь, наведи его на дорогу. А то прійдетъ это, весь какъ пушка заряженный; да и стрѣляетъ въ насъ своею честностью да благонамѣренностью. Ты благотѣльствуй намъ, слова нѣтъ! — да въ мѣру, сударь, въ мѣру! а не то вѣдь намъ и тошно пожалуй будетъ... Ты вотъ лучше поотпусти, дай дохнуть-то! Можетъ она и пошла бы машина!» — Нельзя не сознаться, что въ заключительныхъ словахъ Голенкова могутъ найтись полезный урокъ не одни «неумѣлые», но и цѣлая система, которой они являются лишь самыми мелкими представителями.

Но если типъ «неумѣлыхъ» только смѣшонъ и бесполезенъ, то совсѣмъ другое чувство возбуждаетъ другой типъ — «зоряни-

нось», очень хорошо понимающих и свое бессиліе, и свое наказаніе сдѣлать что-нибудь для насъ избраннымъ или путемъ, и все-таки нагле идущихъ этихъ путейъ, въ видахъ эгоистическихъ, которые они выражаютъ съ возмутительною безцеремонностью, когда разсуждаютъ между собою, откровенно. До пониманія столь утонченно развратнаго типа ищцае Голенковы и вообще простой народъ и дойти не можетъ, такъ какъ лица этого сорта не вѣютъ прямыхъ сношеній avec cette canaille... и потому авторъ не могъ поступить лучше, какъ заставить самого такого господина высказаться со всею тонкостью, наглостью и глубокою развращенностью его принциповъ. Послушаемъ же *призаміе* одного изъ подобныхъ «озорниковъ». — «Вы очень ошибаетесь, — разсуждаетъ онъ, — если думаете, что вотъ я призову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... Фи! Вы забыли, что отъ него тамъ богъ-знаетъ чѣмъ пахнетъ... да я и не хочу совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я просто призываю псалера, или тамъ другаго, et je lui dis: «mon cher, tu me dois tant et tant — ну, и дѣло съ концомъ; какъ ужъ онъ тамъ дѣлаетъ — это до меня не относится... Я самъ терпѣть не могу взыточничества — фу! мерзость! у насъ не взятки, а администрація; я требую только *должнаго*, а какъ оно тамъ изъ нихъ выводитъ, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Моя обязанность только исчислить статьи: гоньба тамъ что-ли, дорожная повинность, рекрутство... Tout cela doit rapporter.»

«Je suis un homme comme il faut; я дитя высшаго времени; я хочу имѣть и хорошую сигару, и стаканъ добраго шатоликена; я долженъ — вы понимаете? *долженъ* быть прилично одѣтымъ. нѣтъ *необходимо*, чтобы у меня въ домѣ было все комфортабельно — le gouvernement me doit tout cela. Я человѣкъ холостой — j'ai besoin d'une belle; я человѣкъ съ высшими, просвѣщенными взглядами — нужно, чтобы мысль моя была покойна и не возмущалась ни бѣдностью, ни какими-нибудь недостатками, иначе какой же я буду администраторъ?»

Объяснивъ такимъ образомъ свое необходимое, твердое, неизбѣжное положеніе въ административномъ механизмѣ и свои отношенія къ грубымъ массамъ, «озорникъ» съ столь же циническою откровенностью высказываетъ и свой прямой взглядъ на всѣ тѣ утопическія мысли, которыми обывовенно подобные ему люди

перочать взглядъ публики, но которая въ сущности возбуждаютъ въ нихъ только циническій смѣхъ и тайную злобу: «Говорятъ, — продолжаетъ «озорникъ» — будто необходимо изучить нужды и особенности края, чтобы уметь имъ управлять съ пользою. *Mon cher, je vous dirai franchement que tout ça, c'est des utopies; какия могутъ быть тутъ нужды? Ну, я спрашиваю васъ? Знаетъ ли онъ, для чего ему дана жизнь? Можетъ ли онъ понять, se faire une idée o томъ, что такое названіе человѣка? Non, non et cent fois non! Je vous le donne en mille, соберите вы тысячу человѣкъ и переспросите у каждаго изъ нихъ по одному, что такое государство? — ни одинъ вамъ не отвѣтитъ: они знаютъ тамъ своихъ королей, своихъ бабъ, свой навозъ... Какия же тутъ нужды, какия тутъ особенности края!... Говорятъ также нѣкоторые любители просвѣщенія, что нужно распространять грамотность, заводить школы, учить арифметикѣ. *Eh bien! je vous dirai, что если мы ихъ образуемъ, выучимъ арифметикѣ, — конецъ нашимъ вышамъ оскорбленіямъ! C'est sûr et certain, comme deux fois deux font quatre.*»*

Но мы боимся слишкомъ воспользоваться правомъ вышенокъ, хотя въ дальнѣйшемъ признанія «озорника» представляютъ не менѣе драгоценныя и неучительныя подробности. Да пора и вообще покончить съ типами Щедрина, изъ которыхъ мы старались выставить на видъ лишь наиболѣе крупныя, оставляя читателю удовольствіе найти въ двухъ послѣднихъ книгахъ Н. Щедрина множество другихъ чертъ, ярко отражающихъ современное общество въ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ нашей исторіи. Намъ слѣдовало бы теперь, для полноты очерка, поговорить объ общихъ вопросахъ, поднятыхъ или ввовъ затронутыхъ авторомъ, о началахъ ихъ преслѣдуемыхъ и защищаемыхъ; но мы встрѣчаемся въ этомъ отношеніи съ нѣкоторыми затрудненіями. Прежде всего, послѣ многихъ очерковъ, приведенныхъ нами по большей части словами самого автора и касающихся трехъ большихъ, указанныхъ нами выше группъ, вамъ пришлось бы теперь повторять очень многое лишь другими, и притомъ далеко не столь иѣткими и характерными словами. Во-вторыхъ, у Н. Щедрина, какъ у сатирика, нечего искать твердо и ясно, въ догматической формѣ, высказанныхъ началъ и взглядовъ: его дѣло схватить живыя явленія и типы такъ-сказать на-лету, при самомъ ихъ

возникновѣніи въ жизни, и выставитъ на-показъ, облить настоящій свѣтомъ; броситъ мимоходомъ нѣсколько бѣглыхъ соображеній и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ, задаваемымъ жизнью. Съ другой стороны, эпоха, изображаемая сатирикомъ, слишкомъ близка еще къ намъ, мы сами слишкомъ еще замѣшаны во всѣ ея тревоженія, чтобы критика могла возсоздать стройную систему принциповъ на основаніи бѣглыхъ данныхъ, представляемыхъ авторомъ, или старалась навязать ее автору, — какъ мы надѣемся, далеко еще не окончена и общаетъ дальнѣйшее развитіе круга мыслей и исходной точки его сатирическихъ отношеній къ дѣйствительности.

Но если мы и считаемъ еще преждевременнымъ представить полную характеристику сатирическаго воззрѣнія Н. Щедрина и исходную точку его взгляда на текущую дѣйствительность, то нѣкоторыя главнѣйшія направленія его мысли и объемъ его кругозора обозначались уже съ такою ясностью и отчетливостью, что объ нихъ можно и стоитъ поговорить обстоятельнѣе. Главнѣйшее качество нашего автора, — то именно, которое и дѣлаетъ изъ него сатирика, а не простаго пересмѣшника людскихъ безобразій, — состоитъ въ возвышенной точкѣ его взгляда, въ строгости его требованій отъ жизни. Это-то именно качество и дѣлаетъ его неподкупнымъ и для какихъ нишурныхъ явленій, часто соблазняющихъ даже весьма умныхъ людей. Стоитъ только пересмотрѣть въ его сочиненіяхъ протесты противъ различныхъ видовъ новыхъ, всѣмъ казавшихся отпадными явленій, чтобы убѣдиться, что взглядъ его на эти явленія, несмотря на то, что расходился со взглядомъ лучшаго большинства, проникалъ глубже въ самую сущность вещей и недаромъ подъ большею частью этихъ блестящихъ на поверхности явленій открывалъ глубокую пустоту содержанія. Не возлагали ли всѣ мы глубокихъ надеждъ на благотѣльную гласность и не видѣли ли Н. Щедрина съ самаго начала въ нашихъ юныхъ дѣятеляхъ гласности «соловьевъ, заслушивающихся своихъ собственныхъ пѣсень»? Не радовались ли всѣ мы новымъ рѣчамъ о политикѣ, самоуправленіи, мѣстныхъ интересахъ и тому подобнымъ общественнымъ вопросамъ, и не находилъ ли уже давно Н. Щедрина глубокой внутренней аналогіи между новою фразою: «а вы читали, *mon cher*, политическое обозрѣніе?.. *charmant!*» и старою фразою: «а какую миѣ нынче канарейку (1) изъ деревни

привели—персигъ!» Да мало ли въ чемъ и еще расходился нашъ сатирикъ съ общими вѣровавіями и надеждами. Кто былъ правъ: онъ ли съ своимъ сомнѣніемъ и недоувѣріемъ, или мы, простодушно увлекавшіеся — пусть рѣшить теперь самъ читатель.

Переходя къ частнымъ убѣжденіямъ и взглядамъ, выраженнымъ въ сочиненіяхъ Н. Щедрина, мы прежде всего открываемъ въ немъ глубокое сочувствіе къ земству, ко всей этой темной массѣ, живущей еще своею мало извѣстной намъ жизнью, вѣскольکو дико и недоувѣрчиво глядящей на прививаемую ей цивилизацію, страдательно и безучастно относящейся къ воздвигнутымъ надъ нею историческимъ ходомъ законамъ и властямъ, къ этой огромной, почти неподвижной массѣ, которая сохранила старину со всеми ея хорошими и худыми сторонами, но по крайней мѣрѣ не заразилась новыми пороками и терпѣливо ждетъ своего просвѣтленія и пробужденія. Во всѣхъ разсказахъ и пьесахъ Н. Щедрина самые благодушные и благообразные типы взяты имъ изъ этой темной массы. Мы не считаемъ нужнымъ перечислять ихъ и указывать на эту отличительную черту въ сатирической дѣятельности Н. Щедрина, какъ на новую въ исторіи нашей сатиры, которая въ старое время была исключительно противъ грубыхъ массъ и на сторонѣ просвѣщенія, и если заступалась иногда за низшія массы, то никогда не выражала вѣры въ нихъ; да и самъ Гоголь не могъ найти для нея свѣтлыхъ красокъ.

Если съ одной стороны вѣра въ народъ и земство, или по крайней мѣрѣ благодушное къ нимъ отношеніе составляютъ характеристическую черту міровоззрѣнія Н. Щедрина, то другую столь же рѣзкую черту его направленія составляетъ недоувѣріе къ той системѣ цивилизованія массъ, которая соединена съ презрѣніемъ къ нимъ и которой самымъ отвратительнымъ представителемъ является типъ «озорника», представленный нами выше. Впрочемъ послѣ всѣхъ сдѣланныхъ нами выписокъ и толкованій къ нимъ мы не считаемъ умѣстнымъ распространяться болѣе объ этой сторонѣ направленія Щедрина.

Что касается до круга сатиры нашего автора и вытекающаго оттуда мѣста Н. Щедрина въ ряду нашихъ сатирическихъ дѣятелей, мы полагаемъ, что то и другое получаютъ большую ясность, если мы оглянемся на бѣглый очеркъ исторіи нашей сатиры,

сдѣланный нами въ настоящей статьѣ. Мы видѣли выше, какъ съ перваго пробужденія нашего общества сатирическая литература наша явилась сильною и энергическою проводницею въ общество просвѣтительныхъ началъ, — роль, которой она не измѣнила и до сихъ поръ. Мы видѣли, какъ вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ нашего развитія сатира эта вначалѣ явилась въ тѣсномъ союзѣ съ реформами и воззрѣніями, исходившими отъ власти, и играла какъ-бы подчиненную роль. Мы убѣдились, что дальнѣйшая исторія нашей сатиры есть исторія постепеннаго освобожденія ея отъ этого союза и этой подчиненной роли, подъ вліяніемъ прямыхъ наблюденій надъ жизнью, идей, проходившихъ въ литературу и общество помимо прежняго, единственнаго ихъ источника и яркихъ талантовъ, умѣвшихъ добиться прямого и самостоятельнаго взгляда на дѣйствительность. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ самый кругъ сатиры расширялся все болѣе и болѣе и въ лицѣ Гоголя коснулся коренныхъ и существеннѣйшихъ основъ существующаго порядка. Въ этомъ отношеніи сатира Н. Щедрина есть прямое продолженіе и развитіе предшествующихъ моментовъ. Захвативъ общество русское въ одну изъ самыхъ тревожныхъ и дѣятельныхъ минутъ его жизни, она имѣла возможность коснуться и весьма многихъ формъ его, существовавшихъ прежде или возникшихъ вновь подъ вліяніемъ реформъ и все болѣе и болѣе проникающей къ намъ европейской цивилизаціи, и весьма многихъ общихъ принциповъ, управляющихъ его жизнью и развитіемъ. Самостоятельность сатиры, своя точка зрѣнія достигла въ Н. Щедринѣ своего крайняго развитія и во многомъ стала въ разрѣзъ съ дѣйствующими принципами и даже съ воззрѣніями образованнаго большинства; кругъ вопросовъ расширился до того, что трудно исчислить ихъ, тѣмъ болѣе, что по свободной формѣ, избранной Щедринымъ для его дѣятельности, онъ иногда мимоходомъ, полусловомъ касается весьма важныхъ сторонъ, къ которымъ даже не всегда возвращается.

Самая форма его столь свободной и по содержанію, и по манерѣ сатиры необходимо должна была получить оригинальность и полную развязность дѣйствія. Мы видѣли выше, что старая сатира наша весьма долгое время относительно формы находилась въ зависимости отъ иностранныхъ, строго-выработанныхъ образцовъ, что безъ сомнѣнія также стѣсняло и ея задачи. Свобода Н. Щед-

рина и въ этомъ отношеніи достигла крайняго предѣла. Разказы отъ своего лица, посторонняго, признанія самихъ изображаемыхъ лицъ, общія картины жизни, сцены, даже комедіи — все пригодилось ему для выраженія того разнообразнаго содержанія, которымъ такъ богаты его сатиры, и для подробнаго изображенія различныхъ сторонъ русскаго общества, видовзмѣняющагося на нашихъ глазахъ и часто едва уловимаго въ своихъ измѣненіяхъ. Всѣ эти обстоятельства придаютъ безъ сомнѣнія сатирической дѣятельности Н. Щедрина нѣкоторый видъ торопливости, горячности и дѣлаютъ изъ его сочиненій, за немногими исключеніями, скорѣе матеріалъ для сатиры, чѣмъ сатиру вполне художественную, воплощающую свои воззрѣнія въ немногіе числомъ, но безконечно-много заключающіе въ себѣ типы. Но за то матеріалъ, представляемый сочиненіями Н. Щедрина, есть матеріалъ богатый, разнообразный, живьемъ выхваченный изъ жизни и часто облачающій высокое мастерство, которое только связано слишкомъ снѣжною и горячею работою надъ шибко-волнующею жизнью. Изъ приведенныхъ нами выше выписокъ читатели уже могли познаться съ мастерствомъ, мѣткостью и типичностью многихъ образовъ и наблюденій автора; но ихъ еще множество ожидаетъ ихъ при чтеніи самого автора. Однимъ словомъ, и для мыслящаго, не безучаствнаго къ роднымъ вопросамъ гражданина, и для будущаго историка нашего общества сочиненія Н. Щедрина представляютъ богатый матеріалъ, которому особый интересъ и силу придаетъ строгая выдержанность міровоззрѣнія автора, ни разу не уклонившагося въ сторону и не соблазвившагося никакими призрачными явленіями. Если желать непременно найти что-либо подобное ему въ исторіи нашей прежней сатиры, то это будетъ развѣ та краткая, но плодотворная сатирическая дѣятельность нашихъ журналовъ сумароковской эпохи, которая подготовила Фонвизина и предъ которою во многихъ частностяхъ «блѣднѣютъ самыя его произведенія», по выраженію Булича. Но и по широтѣ круга задачъ, и по смѣлости и свободѣ отношеній къ жизни, и по количеству просвѣщенныхъ взглядовъ, и по единству и выдержанности плана, разница между этою кратковременною старою журнальною дѣятельностью и дѣятельностью Н. Щедрина будетъ по крайней мѣрѣ столь же велика, какъ и разница между двумя самыми эпохами.

БИБЛІОГРАФІЯ.

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА, составленный *В. Спасовичемъ*, т. I, вып. I. 1863.

«Призванный въ 1857 г. на кафедру уголовного права—такъ начинаеть г. Спасовичъ свой учебникъ — въ с.петербургскомъ университетѣ, я долженъ былъ приняться за составленіе курса для моихъ слушателей. Составленный спѣшно, курсъ этотъ имѣлъ всѣ недостатки срочной работы; черезъ три года онъ оказался негоднымъ, потому что изученіе подробностей заставило усомниться и въ принятой исходной точкѣ зрѣнія, и въ коренныхъ основаніяхъ системы. Надобно было провѣрить критически эти основанія. Я никогда не могъ помириться съ теоріями безусловной справедливости; пришлось покончить и съ эклектическими попытками согласованія абсолютныхъ теорій съ утилитарными; пришлось отказаться отъ всякаго вообще абсолюта, отвергнуть всѣ отвличенности, и ставъ на почвѣ реализма, цѣль и задачу науки поставить въ неусыпномъ наблюденіи явленій живой дѣйствительности.» Обращаемъ особенное вниманіе читателей на это откровенное признаніе г. Спасовича. Оно важно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно показываетъ, какъ легко и поверхностно относились профессора въ былое, впрочемъ еще очень недавнее время, къ своей обязанности, какъ безопасно набивали они головы своихъ довѣрчивыхъ слушателей всякою дребеденью, въ которой послѣ сами «усомнились», и какъ они начинали «критически провѣрять коренныя основанія» своего курса, послѣ того какъ курсъ уже прочтенъ. Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда; но все же чѣмъ виноваты несчастные слушатели, что профессоръ сталъ читать лекціи не приготовившись, не разобравъ своего предмета «за недостаткомъ времени» и проповѣдывалъ съ кафедры теорію, исходная точка которой не повѣрена имъ критически? Однако признаніе это имѣеть и свою хорошую сторону: оно

показываетъ, что профессоръ, ухватившись за какую-нибудь несостоятельную теорію, не прирость къ ней на вѣки вѣчные, какъ это бываетъ съ другими нашими профессорами, а сталь, напротивъ, анализировать ее, провѣрять фактически ея основы, даже усомнился въ ея истинности, и наконецъ отвергъ ее. Мысль его такимъ образомъ не спала, какъ это случается у многихъ другихъ профессоровъ: она прогрессивно развивалась, и отвергая мало-помалу всякіе абсолюты и отвлеченности, утвердилась наконецъ *на почвѣ реализма*. Предлагаемое сочиненіе не есть слѣдовательно «курсъ, слѣшно составленный за недостаткомъ времени»: нѣтъ, это плодъ сознательнаго, добросовѣтнаго мышленія, плодъ критическаго, безпристрастнаго анализа. Потому оно возбуждаетъ къ себѣ живой интересъ и имѣетъ важное значеніе для публики вообще (не говоря уже о специалистахъ), потому и литература не можетъ и не должна пройти его молчаніемъ или отнестись къ нему поверхностно, такъ-сказать мимоходомъ.

Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ «общую часть» уголовного права. Содержаніе этой части определяется предметами, входящими въ ея область, а эти предметы суть: законъ уголовный, преступленіе, наказаніе и уравненіе преступленія съ наказаніемъ (мѣра наказанія). Но корень всѣхъ этихъ понятій заключается въ *философіи права*: поэтому анализу предметовъ общей части долженъ предшествовать критическій разборъ теорій, или лучше, философіи уголовного права. Что такое философія уголовного права, въ чемъ ея сущность, ея значеніе, какая ея цѣль?

Соціальныя условія, неудовлетворительный экономическій бытъ обществъ — вотъ подѣ въліяніемъ чего возникли преступленія. По своему первоначальному характеру они были протестомъ индивидуума противъ обществъ. Человѣкъ, преслѣдуемый обществомъ, вступаетъ съ нимъ въ борьбу; но силы ихъ слишкомъ неравны, борьба поневолѣ принимаетъ характеръ частной, личной мести: человѣкъ нападаетъ на общество въ его коллективномъ составѣ, онъ нападаетъ на отдѣльныя личности, на нихъ онъ изливаетъ свою злобу, ихъ онъ приноситъ въ жертву за грѣхи всего общества. Общество вооружается со всею силою энергіей противъ этихъ дерзкихъ нарушителей общественной тишины. Идентифируя себя съ лицомъ оскорбленнымъ, общество начинаетъ мстить за него¹⁾, объявляетъ оскорбителя своимъ личнымъ врагомъ, за-

¹⁾ *Demmeart*: «Psychologie und Criminalrecht», 1863.

ищается отъ него, противопоставляя свою физическую силу его физической силѣ²⁾, и побѣдивъ его, поступаетъ съ нимъ какъ вообще поступаютъ съ побѣжденнымъ врагомъ. И вотъ является наказаніе, и съ нимъ уголовная юстиція, на которую законодатели смотрѣли какъ на могущественное орудіе противъ смѣлыхъ или дерзкихъ начинаній со стороны головъ безпокойныхъ³⁾. Долгое время наказаніе существовало какъ простой фактъ, которому всѣ безропотно покорялись, не разбирая и не критикуя его значенія. Но человекъ такъ устроенъ, что когда онъ приходитъ въ частыя соприкосновенія съ какимъ-нибудь фактомъ соціальной жизни или какимъ-нибудь явленіемъ природы, — у него является непреодолимая потребность понять, объяснить, рационализировать этотъ фактъ; и если фактъ слишкомъ всеобъемлющъ, слишкомъ давящъ и вездѣсущъ, то человекъ, неволью подчиняясь ему, стремится оправдать его, узаконить, возвести въ непреложный принципъ. Въ древнемъ мірѣ, напримѣръ, однимъ изъ такихъ фактовъ было *рабство*. И несмотря на всю очевидную несправедливость и несправедливость этого учрежденія, человекъ не осмѣлился возстать противъ него: философія древности, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, Платона и Аристотеля, оправдала и утвердила его своею санкціею. Тоже теперь и съ наказаніемъ. Оно существовало во всѣ времена, у всѣхъ сколько-нибудь цивилизованныхъ народовъ, во всѣ моменты ихъ историческаго развитія, облекаясь то въ форму *частной мести, личной расправы*, то въ форму общественной кары. Куда бы человекъ ни обратилъ свои взоры, вездѣ онъ встрѣчается съ этимъ фактомъ: его вездѣсущность, его долговѣчность и роковая неизбѣжность убѣждаютъ наконецъ въ его *необходимости*, въ его *разумности*, заставляютъ человека покориться ему, возвести его въ принципъ, въ законъ. И вотъ, какъ слѣдствіе этой потребности человѣческаго духа — оправдать, осмыслить и идеализировать то, чего нельзя не признать, отъ чего нельзя освободиться — являются разнообразныя теоріи, философіи уголовного права, философіи, сходныя въ общихъ результатахъ, различныя по своимъ исходнымъ точкамъ, да по приёмамъ, съ помощью которыхъ онѣ доходятъ до этихъ результатовъ. Общій результатъ таковъ: наказаніе *разумно и необходимо*. Въ этомъ всѣ теоріи (исключая немногихъ, отрицающихъ право государства на наказаніе, о которыхъ мы

¹⁾ Guizot, Essai sur l'histoire de France: «La société ne se défendait qu'en opposant la force physique à la force physique.»

²⁾ Жиряевъ, Лекція уголовного права. («Юрид. Вѣстникъ» 1863, № 1.)

будемъ говорить ниже) согласны между собой. Разногласіе является только при вопросѣ: почему наказаніе разумно и необходимо? Сообразно съ тѣмъ, какъ рѣшается этотъ вопросъ, философіи уголовного права раздѣляются вообще на три обширныя группы: теоріи *абсолютныя*, *относительныя* и *смѣшанныя* (эклетиическія). Точкою отправленія для теорій первой группы служитъ слѣдующій фактъ: «Человѣкъ имѣетъ двоякаго рода способности и отправленія: физическія и психическія, тѣло и духъ. Въ духовной сторонѣ человѣка замѣтна таже двойственность: человѣкъ можетъ самъ себя изучать, повѣрять и оцѣнивать, а равно, принимая себя за масштабъ, можетъ повѣрять и оцѣнивать дѣйствія другихъ лицъ. Способность оцѣнивать дѣйствія свои и чужія по ихъ сообразности съ закономъ нравственнымъ, съ идеею добра, называемъ совѣстью. Совѣсть соединяетъ необходимо съ понятіемъ добра нравственное понятіе заслуги и желаніе виновнику добра всякаго счастья и благоденствія; напротивъ того, съ представленіемъ зла — понятіе наказанія. Если мы въ жизни встрѣчаемъ противное этимъ требованіямъ совѣсти: порокъ самодовольный, добродѣтель страждущую, — то созерцаніе этихъ противорѣчій возмущаетъ нашу дѣшу. На этомъ несомнѣнномъ фактѣ совѣсти возникли абсолютныя теоріи. Въ правосудіи уголовномъ онѣ видятъ осуществленіе требованія совѣсти, вытекающаго изъ существа человѣческой природы.» (Учебн. Спасовича, стр. 15—16.) «Наказаніе, какъ возмездіе, представляется имъ или въ видѣ категорическаго императива разума практическаго, индивидуальнаго, т. е. въ видѣ безусловнаго, совершенно очевиднаго и потому не требующаго никакихъ доказательствъ требованія нашей совѣсти, или въ видѣ удовлетворенія со стороны человѣка требованіямъ внѣ человѣка существующей, безусловной справедливости.» Сюда относятся теоріи Канта, Цахаріа, Генке, основывающія наказаніе на присущемъ человѣку чувствѣ справедливости, Гегеля и Штала, основывающія наказаніе на внѣ-человѣческомъ, трансцендентальномъ началѣ справедливости. Вотъ какъ вообще возражаетъ противъ абсолютныхъ теорій г. Спасовичъ: «Первый изъ этихъ способовъ осмыслить наказаніе, избранный Кантомъ (наказаніе есть категорическій императивъ практическаго разума), неудовлетворителенъ потому, что, ссылаясь на необходимость наказанія, ничѣмъ эту необходимость не доказываетъ. Второй способъ, избранный Гегелемъ и нѣмецкими идеалистами его школы (право вѣчно, несокрушимо, преступленіе есть отрицаніе этого вѣчнаго права, а потому, по самой природѣ своей, оно ничтожно и бессильно; наказаніе, уничтожая его и примиряя такимъ образомъ тезу—право — съ антите-

ую—преступленіе, есть не что иное, как отрицаніе отрицанія права), грѣшить тѣмъ, что возводя наказаніе къ трансцендентальному началу безусловной справедливости, приписываетъ этому началу реальное бытіе, между тѣмъ какъ оно существуетъ лишь въ нашемъ сознаніи, о существованіи же его внѣ нашего сознанія мы ничего не можемъ знать. • Кромѣ этого гуртового опроверженія абсолютныхъ теорій, г. Сиасовичъ разбираетъ и опровергаетъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности, и дѣлаетъ это, надо замѣтить, очень искусно, не прибѣгая къ недобросовѣстнымъ натяжкамъ и уловкамъ. Критика ихъ составляетъ, по нашему мнѣнію, лучшую часть его книги. Предѣлы статьи однако не позволяютъ намъ слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ въ этой работѣ; да это-бъ было впрочемъ совершенно бесполезно: намъ пришлось бы тогда не *разбирать*, а *списывать*. Довольствуясь общимъ опроверженіемъ, перейдемъ теперь къ группамъ теорій относительныхъ или, какъ ихъ иначе называютъ, утилитарныхъ. Теоріи эти оправдываютъ наказаніе его *полезностью*; а полезно оно, по ихъ мнѣнію, вотъ почему: 1) оно устрашаетъ слабыхъ, склонныхъ къ паденію людей ¹⁾; 2) служба противуѣсомъ той выгоды, которую преступникъ надѣется получить отъ преступленія, оно удерживаетъ его отъ злодѣяній ²⁾; 3) наказаніе отнимаетъ у преступника физическую ³⁾, а иногда и нравственную ⁴⁾ возможность вредить обществу; 4) оно предупреждаетъ преступленіе на будущее время ⁵⁾; 5) возмущаетъ потерянное уваженіе къ закону и общественному порядку, вознаграждая притомъ оскорбленнаго ⁶⁾. Вотъ основанія, вотъ положенія утилитарныхъ теорій.

Какимъ способомъ можно опровергнуть ихъ, уличить во лжи? Есть для этого одинъ только способъ: надо стать на ихъ утилитарную точку зрѣнія, и съ этой точки зрѣнія доказать имъ *фактами*, *статистическими цифрами* несостоятельность и несообразность всѣхъ ихъ доводовъ. Они говорятъ наприимѣръ, что устрашеніе благотворно дѣйствуетъ на общество, уменьшая число ежедневно-совершаемыхъ преступленій; они говорятъ, что наказаніе можетъ исправить преступника и уменьшить

¹⁾ Теорія устрашенія, Filangieri: «La scienza della legislazione»; Gmelin, «Grundsätze der Gesetzgebung über Verbrechen und Strafen» и др.

²⁾ Теорія психическаго принужденія, Анзельма Фейербаха.

³⁾ Теорія частнаго предупрежденія, Грольмана.

⁴⁾ Теорія исправленія.

⁵⁾ Теорія предупрежденія, Бенгтама.

⁶⁾ Теорія вознагражденія, Велькера.

сѣдовательно число *рецидивовъ*, что оно предупреждаетъ преступленіе на будущее время и т. д.

Докажите же имъ цифрами, что строгія наказанія не уменьшаютъ, а увеличиваютъ число преступленій, что число рецидивовъ возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія карательнаго элемента въ наказанія, что преступления повторяются изъ году въ годъ съ неизбѣжнымъ постоянствомъ, независимо отъ того, каковы существующія системы наказанія, — докажите имъ все это фактически — и вы опровергнете всю ихъ философію, вы побѣдите ихъ, пользуясь ихъ же собственнымъ оружіемъ. Вотъ единственный, по нашему мнѣнію, способъ уличить эти теоріи во лжи. Инымъ способомъ нельзя ихъ одолѣть. Убѣждайте ихъ со всѣмъ вашимъ краснорѣчіемъ, что наказаніе — такъ, какъ они его понимаютъ — несправедливо, что преступникъ не машина, не кукла, надъ которою можно производить всевозможные эксперименты, что взглядъ ихъ на общественныя учрежденія безнравственъ, а на человѣческую личность слишкомъ *материалистиченъ* и т. п., — на всѣ ваши убѣжденія утилитаристы съ усмѣшкой вамъ отвѣтятъ: «Можетъ-быть вы правы, можетъ-быть дѣйствительно наказаніе, какъ мы его понимаемъ, безнравственно, противно общечеловѣческой справедливости, но тѣмъ не менѣе оно *полезно*: и потому-то, что оно полезно, оно должно существовать, и потому-то оно законно.» Г. Спасовичъ не предвидѣлъ вѣроятно этого отвѣта, и потому опровергая, или лучше, думая, что опровергаетъ утилитарныя теоріи, онъ нападаетъ преимущественно на ихъ безнравственность и несправедливость, забывая, что рѣчь здѣсь идетъ вовсе не о нравственномъ и справедливомъ, а только о полезномъ. Такъ напримѣръ, разбирая теорію устрашенія, онъ ставитъ ей въ укоръ, что она обращается съ человѣкомъ какъ съ тварью, страданія которой ничего не стоятъ, что она жертвуетъ имъ, жертвуетъ его жизнью единственно для произведенія нужныхъ психологическихъ опытовъ надъ другими, единственно для устрашенія, запугиванія слабыхъ и нерѣшительныхъ. Мы допускаемъ что, г. Спасовичъ объясняетъ эту теорію очень краснорѣчиво (см стр. 35), что онъ понимаетъ ее очень хорошо, — но все уже онъ не опровергаетъ ея. Въдъ эта теорія и не гонится за нравственнымъ и справедливымъ; забавно даже и говорить съ нею обо всѣхъ этихъ вещахъ.

Такъ же несостоятельны доводы, противопологаемые г. Спасовичемъ теоріи частнаго предупрежденія Грольмана ¹⁾. Первый доводъ со-

¹⁾ Смыслъ этой теоріи тотъ, что государство, посредствомъ наказанія,

стоитъ въ томъ, что теорія смѣшиваетъ область нравственности съ областью права; второй доводъ — въ томъ, что государство не *въ-правѣ* причинять зло преступнику ради будущей опасности, могущей произойти отъ него для общества; третій — въ томъ, что наказаніе, какъ его понимаетъ эта теорія, вообще *несправедливо*, ибо «если наказаніе потому только справедливо, что предупреждаетъ опасность, то слѣдовало бы наказывать не послѣ, но предъ совершеніемъ преступленія, взыскивать уголовно со всякаго, кто только обнаружилъ замыселъ преступный и приготовлялся къ его осуществленію, хотя бы онъ еще и не началъ его исполнять» (стр. 42).

Мы согласны исполнѣ съ г. Спасовичемъ: наказаніе по этой теоріи несправедливо; но слѣдуетъ ли взъ того, что оно бесполезно? Развѣ г. Спасовичъ вмѣстѣ съ Бентамомъ признаетъ, что справедливость и польза тождественны?

О, нѣтъ! онъ отвергаетъ эту тождественность, разбирая теорію Бентама. Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Бентамъ говоритъ, какъ извѣстно, что наказаніе не требуетъ никакихъ оправданій, кромѣ того, что оно *полезно*. Ясно, для опроверженія его теоріи нужно доказать, что наказаніе *бесполезно*; но г. Спасовичъ объ этомъ и не думаетъ. Теорія Бентама, по его мнѣнію, несправедлива потому, что она «основывается на одностороннемъ пониманіи природы человѣка», потому что Бентамъ, «взявъ за начало одинъ только личный, матеріальный интересъ и наталкиваясь на явленія, которыхъ онъ не можетъ объяснить посредствомъ этого начала, долженъ его растягивать и, такъ сказать, подъ фальшивую бандеролью ввозить контрабандный товаръ» и т. д. (стр. 40). Очевидно г. Спасовичъ ибтять совѣмъ не туда, куда надо; очевидно онъ, вмѣсто разумнаго опроверженія утилитарныхъ теорій, переливаетъ изъ пустаго въ порожнее, задаромъ тратитъ цвѣты своего краснорѣчія. Вообразите себѣ, что къ вамъ приходитъ человѣкъ и говоритъ: «я желаю сдѣлать вотъ то-то и то-то; какъ вы думаете, будетъ это для меня выгодно или нѣтъ?» А вы, вмѣсто всякаго отвѣта, начинаете вдругъ читать этому человѣку краснорѣчивое наставленіе о несправедливости и безнравственности замышляемаго имъ проступка, начинаете упрекать его за низкое мнѣніе о человѣческомъ достоинствѣ и т. д. Человѣкъ этотъ разумѣется отвѣтитъ вамъ: «я пришелъ не для того, чтобъ толковать съ вами о нрав-

набавляетъ обществу отъ опасности, грозящей ему на будущее время отъ преступника.

ственности или безнравственности моихъ поступковъ, я хочу только знать, выгодны ли они или нѣтъ. И онъ будетъ правъ, если отвернется отъ васъ и перестанетъ обращаться къ вамъ болѣе за совѣтами.

Изъ утилитарныхъ теорій лучше всего разбираетъ г. Спасовичъ теорію исправленія. Но и здѣсь однако, доказывая невозможность исправить человѣка посредствомъ наказанія, онъ отдѣливается болѣе общими фразами да краснорѣчивыми тирадами, не подкрѣпляя своихъ мнѣній фактами. Теорія эта, кромѣ своей непрактичности, по его мнѣнію, еще и несправедлива. «Любопытно, — говоритъ онъ, — что бы отвѣтили филантропы — приверженцы теоріи исправленія во что бы то ни стало, преступнику, который имъ скажетъ: я не нуждаюсь въ вашей любви, я пренебрегаю вашимъ состраданіемъ, я отвергаю вашего Бога, я проклиная и ненавижу ваше общество. Я въ вашихъ рукахъ; убейте меня, но пожалуйста безъ лицемерія, безъ слезъ, кривляній и гримасъ. Вы защищаете себя — это понятно; я бы точно также попустилъ на васъ мѣстѣ, но я бы это сдѣлалъ откровеннѣе и проще.» Да, любопытно знать, что бы ему отвѣтили филантропы. А впрочемъ мы догадываемся, въ чемъ бы состоялъ ихъ отвѣтъ. Они-бъ сказали ему: «Смѣшной человѣкъ! Ты не понимаешь своей пользы, ты насъ упрекаешь въ несправедливости, но что намъ за дѣло до твоей справедливости? Мы ищемъ пользы, мы хотимъ исправить тебя, т. е. отнять у тебя нравственную возможность вредить намъ; можетъ-быть средства, которыя мы для этого употребляемъ, съ твоей точки зрѣнія и несправедливы, но вѣдь цѣль иногда оправдываетъ средства!» — О теоріяхъ эклектическихъ мы здѣсь не ставимъ распространяться. Если уже порознь доказана невѣрность слѣдующихъ двухъ формулъ: 1) наказаніе оправдывается абсолютною справедливостью, 2) наказаніе оправдывается относительною полезностью, — то отсюда прямо вытекаетъ несостоятельность и третья формула, составленная изъ двухъ предыдущихъ: наказаніе оправдывается полезностью + справедливостью, или справедливостью + полезностью.

Перейдемъ къ послѣдней группѣ теорій, о которой мы ничею еще не говорили, — къ теоріямъ, отвергающимъ вообще право государства на наказанія. Какъ ни всеобъемлющъ фактъ наказанія, однако изслѣдованіе природы человѣка съ помощью фзіологін и изученіе общества съ помощью статистики привело нѣкоторыхъ естествоиспытателей и статистиковъ къ убѣжденію, что наказаніе несправедливо съ одной стороны, и бесполезно съ другой. Оно *несправедливо*, говорятъ естествоиспытатели (и между ними преимущественно френо-

логи) — потому что источником всякаго преступления бывает или востановленное, от природы дурное устройство мозга (но въ такомъ случаѣ преступникъ подлежитъ отдачѣ въ домъ умалишенныхъ), или временно-болѣзненное раздражительное состояніе извѣстныхъ органовъ мозга (но въ такомъ случаѣ преступникъ подлежитъ леченію), или наконецъ невѣжество и необразованность (но въ такомъ случаѣ подсудимаго надо образовывать; а не карать). Оно *безполезно*, говорятъ статистики, — потому что оно не измѣняетъ общаго итога ежегодно совершаемыхъ преступленій. Этихъ теорій г. Спасовичъ не опровергаетъ. Почему? Потому ли, что онъ ихъ считаетъ за жалкое заблужденіе болѣзненно-настроеннаго ума, заблужденіе, о которомъ и говорить не стоитъ; или же онъ признаетъ ихъ внѣ всякихъ нареканій и возраженій? Утверждать первое, значитъ поступать уже слишкомъ легкомысленно, слишкомъ безцеремонно, не по-ученому; утверждать второе, значитъ заранѣе отказаться отъ составленія всякихъ новыхъ теорій уголовного права, значитъ отказаться вообще отъ философіи уголовного права. Но г. Спасовичъ этого не дѣлаетъ. Вслѣдъ за изложеніемъ учевій, отвергающихъ государственное право наказанія, г. Спасовичъ приступаетъ къ изложенію своей теоріи, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, мы имѣемъ весьма сильныя основанія сомнѣваться въ его правѣ собственности на эту теорію.

Вотъ какъ излагаетъ новое ученіе г. Спасовичъ. «Человѣкъ по природѣ своей живетъ не особнякомъ, а группами, болѣе или менѣе обширными; только въ чистой абстракціи можно представить себѣ человѣка совершенно изолированнымъ; на практикѣ онъ не можетъ быть выдѣленъ изъ общества; общество—его естественное состояніе, отдѣльные люди разрастаются въ общества естественнымъ процессомъ своего развитія. Но кромѣ общежительности человѣку присуща свобода воли, которою онъ и отличается отъ прочихъ животныхъ.» На свободѣ воли, по мнѣнію г. Спасовича, какъ на твердомъ фундаментѣ, основано все зданіе философіи уголовного права. «Если вѣтъ — говоритъ онъ на страницѣ 114—свободы, то нельзя никого за дѣяніе его винить, и если тѣтъ вѣтвенія, то не можетъ быть ни отвѣтственности, ни наказанія.» Вопросъ о свободѣ воли дѣлается такимъ образомъ роковымъ «быть или не быть» уголовного права ¹⁾. Обратимъ же особенное внима-

¹⁾ Въ послѣдніе мѣсяцы вышло въ Германіи новое сочиненіе знаменитаго, и уже оцѣни котораго извѣстнаго русскаго публициста, германскаго юриста Данкварта: «Psychologie und Criminalrecht», въ которомъ онъ, отрицая совершенно

ніе на то, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ г. Спасовичъ. «Неназримая бездна легла между человѣкомъ и міромъ животнымъ, говоритъ г. Спасовичъ на стр. 115 и 116.—Къ животному организму (въ которомъ, запомнимъ отъ себя, г. Спасовичъ не признаетъ свободы воли) привошла въ человѣкѣ новая способность, такъ-называемое внутреннее чувство или сознаніе, источникъ познанія несравненно болѣе богатый, нежели всѣ внѣшніе чувства. Съ помощью этой способности мы можемъ съ точностью услѣдить за всѣми отправлениями нашего ума, волненіями чувствъ, толчками воли. Какъ при переходѣ отъ минерала къ растенію и животному нельзя остановиться на понятіяхъ механизма и химизма, и для объясненія новыхъ явленій необходимо вставить новый коефициентъ—организмъ, такъ точно при переходѣ отъ животнаго къ человѣку и къ явленіямъ его сознанія никакъ нельзя принимать ихъ за продолженія и преобразованія физиологическихъ отравленій тѣлеснаго организма.»—Итакъ единственное различіе, которое г. Спасовичъ полагаетъ между животнымъ, лишенымъ свободы воли, и человѣкомъ, состоитъ въ *сознаніи*, въ присутствіи высшаго познающаго разума; иными словами: животныя дѣйствуютъ безсознательно, человѣкъ сознательно. Очень хорошо. Но вѣдь отъ сознанія до свободы еще очень далеко. Мои дѣйствія могутъ быть *сознательны*, но тѣмъ не менѣе *несвободны*. Шопенгауеръ, а въ послѣднее время Данквартъ, признаютъ, какъ г. Спасовичъ, что человѣкъ отличается отъ животнаго сознательностью своихъ дѣйствій, однако это не мѣшаетъ имъ обоимъ отвергать свободу воли въ человѣкѣ. Шопенгауеръ напримѣръ говоритъ: Человѣкъ въ силу своего разума имѣетъ возможность сознательнаго выбора: именно онъ можетъ взвѣшивать другъ-друга исключаютіе мотивы, оцѣнивать ихъ силу и при этомъ наисильнѣйшій мотивъ опредѣляетъ его къ дѣйствию, такъ что дѣйствіе слѣдуетъ съ такою же необходимостью, съ какою пуля вылетаетъ изъ выстрѣлившаго ружья »¹⁾). Данквартъ утверждаетъ, что воля въ человѣкѣ, какъ и въ животномъ, не свободна; она просвѣтлена только сознаніемъ. Не то ли-жъ самое говоритъ г. Спасовичъ? «Къ животному организму (не одаренному свободой воли) привошла въ человѣкѣ новая способность,

свободу человѣческой воли, тѣмъ не менѣе находитъ болѣе прочный фундаментъ для философіи уголовного права. Постараемся въ слѣдующій разъ познакомить читателей съ этимъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательною книгою.

¹⁾ *Schopenhauer*: «Ueber die Freiheit des Willens» Eine durch die königl. Norwegische Societät der Wissenschaften gekrönte Preisschrift.

называемая сознаниѣмъ.» — Это его собственные слова. Но какими образомъ этии словами онъ думаетъ доказать свободу воли,—это непостижимо. Пойдемъ дальше; можетъ-быть впоследствии что-нибудь уяснится. Опредѣливъ, чѣмъ человѣкъ отличается въ сущности отъ животного, г. Спасовичъ задается слѣдующимъ вопросомъ: «какая связь, какое отношеніе между явленіями жизни физической и жизни психической?» Дѣятельность души обуславливается здоровьемъ тѣла и въ особенности нормальнымъ состояніемъ главнаго органа его—мозга. Болѣзненное состояніе мозга парализируетъ психическія способности и можетъ превратить человѣка въ бессознательное животное. Каждый изъ насъ получаетъ отъ родителей въ крови и мозгу результатъ всѣхъ предшествующихъ цивилизацій, но вѣстѣ съ тѣмъ и расположеніе къ физическимъ и психическимъ болѣзнямъ и уродствамъ. Отъ преобладанія въ организмѣ той или другой системы органовъ зависитъ нашъ темпераментъ, отъ правильности пищеваренія — веселое или мрачное расположеніе духа, отъ устройства нашихъ фибръ нервныхъ зависитъ наша воспримчивость и живость, наша талантливость, гениальность или туность.» Поставивъ такимъ образомъ духъ въ полную зависимость отъ тѣла, г. Спасовичъ дѣлаетъ вдругъ слѣдующій крутой оборотъ: «Но—говоритъ онъ—съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ, опираясь на сознаніе, можетъ располагать и управлять данными ему отъ природы физическими и психическими способностями. Онъ можетъ требовать отъ своего ума, чтобъ умъ вникалъ и работалъ, отъ фантазіи — чтобъ она творила; онъ можетъ сказать страсти, чтобъ она замолкла, сердцу чтобъ оно не билось, волѣ—чтобъ она того, а не другаго желала.» Итакъ чтожъ это такое? Сперва г. Спасовичъ утверждалъ, что человѣкъ отличается отъ животнаго *только* сознаниемъ; теперь является нѣчто большее: *человѣческое я*, опирающееся на сознаніе, располагающее волею, психическими и физическими способностями человѣка. Чтó это за «я»? Оно не есть *умъ, сознаніе*, то-есть то, чѣмъ человѣкъ отличается отъ животнаго; оно не есть *воля*, оно не есть совокупность физическихъ и психическихъ свойствъ человѣка, — такъ чтоже оно? И действительно ли «не подлежитъ сомнѣнію» тотъ фактъ, что человѣкъ можетъ по своему произволу заставить работать уставшій умъ, недѣятельную, бесплодную фантазію—творить, сердце—не биться, молчать, волю—желать того, а не другаго, действительно ли такъ могутъ гущественно это «я»? И откуда оно пришло? Вѣдь животныя его не имѣютъ, а *человѣкъ* отличается отъ животныхъ, по мнѣнію г. Спасовича,

только сознаниемъ. Но это «я», какъ мы видѣли, не есть сознание. Нельзя не сознаться, что всѣ эти философствованія г. Спасовича страдаютъ очевидно неясностью и неполнотою. «Далѣе, продолжаетъ г. Спасовичъ, кромѣ общежитности и свободы воли человѣку свойственно чувство *справедливости*.» «Справедливость не есть что-то трансцендентальное, а просто качество, присущее человѣку (имманентное), вытекающее прямо изъ существа его природы.» Но «справедливость есть способность, имѣющая примѣненіе только въ сферѣ общежитія.» «Въ сферѣ воображенія справедливость называется *идеаломъ*.» «Первѣйшій изъ идеаловъ есть *личное достоинство* человѣка.» «Изъ отношеній лица къ идеалу его собственнаго достоинства вытекаетъ первая обязанность нравственная — самоуваженіе, и первое совершенство человѣка — самообладаніе. Самообладающая личность, ставя выше всего на свѣтѣ свое достоинство, старается весь міръ подчинить своему господству. Въ этомъ властолюбіи лежитъ источникъ и основаніе собственности» (стр. 55). «Человѣкъ подчиняетъ себѣ вещи и животныя, но встрѣчаясь съ личностями, равными ему по силѣ, онъ чувствуетъ себя въ необходимости, для сохраненія собственнаго достоинства, признать и уважать его въ другихъ. Изъ сознанный такимъ образомъ необходимости, которая и называется справедливостью, вытекаетъ понятіе о *правахъ и обязанностяхъ*.

«*Право* есть сознанный человѣкомъ возможность требовать отъ другихъ уваженія къ своему человѣческому достоинству; *обязанность* есть сознанный человѣкомъ необходимость уважать чужое достоинство» (стр. 56). Мѣрою отношеній человѣка къ обществу является та же самая справедливость, выражающаяся въ формѣ взаимныхъ правъ и обязанностей. Справедливость эта формулируется въ *законъ положительный*, который и является такимъ образомъ нормою дѣйствій лица въ обществѣ. Всѣ дѣйствія, согласныя съ этою нормою, называются законными, несогласныя — противозаконными. И какъ законы физическіе не допускаютъ никакого отъ нихъ отклоненія, т. е. сами въ себѣ содержатъ свою *санкцію*, подтвержденіе, такъ точно и законы нравственные и законы юридическіе. Санкціою закона нравственнаго являются *во-первыхъ*: угрызенія совѣсти, которыя терзаютъ человѣка, совершившаго сознательно что-нибудь злое, которыя «въ образѣ божественныхъ Эмменадъ преслѣдуютъ его съ горящими факелами и бичами изъ змѣй въ рукахъ» (стр. 59). Только очень немногіе способны не чувствовать упрековъ возмущенной совѣсти; но такіе люди стоятъ «ниже другихъ на лѣстницѣ созданій, мы можемъ только ихъ презирать, но не гибѣться, какъ мы»

не гнѣваемся на волка или тигра за то, что они кровожадны» (стр. 60).
Во-вторыхъ: судъ общественнаго мнѣнія. Санкцію закона юридическаго является *уголовное наказаніе*. Въ чемъ же, по мнѣнію г. Спасовича, должна состоять эта санкція? Иными словами: какъ понимаетъ и объясняетъ онъ съ точки зрѣнія своей теоріи *наказаніе*? Онъ говоритъ (стр. 63—64): «Преступникъ и общество отдѣлены пропастью; преступленіе раскрыло въ преступникѣ порчу нравственную, могущую послужить источникомъ заразы, опасной для общества... Обществу остается или: а) признать преступника существомъ совершенно испорченнымъ, въ которомъ совѣсть уже погасла, поступить съ этимъ существомъ какъ съ дикимъ звѣремъ или съ врагомъ, отсѣчь отъ себя этотъ мертвый членъ, исключить его изъ общежитія. «Но для этого—даже прибавляетъ онъ— нужно прежде доказать, что преступникъ уже окончательно испорченъ и что безъ пролитія его крови государство не можетъ считать себя безопаснымъ: на дѣлѣ ни то, ни другое не можетъ быть доказано.» Слѣдовательно объ этомъ и говорить нечего. Слѣдовательно по мнѣнію г. Спасовича государство не имѣетъ права поступать съ преступниками какъ съ членомъ мертвымъ, уже окончательно испорченнымъ. Ему остается такимъ образомъ «b) обратиться къ источнику зла, къ его же (преступника) собственной свободной волѣ, и потребовать отъ него, чтобы онъ примирился съ совѣстью общественною, чтобы онъ искупилъ свою вину суммою дѣлъ добрыхъ, которыя бы заставили забыть о его прежнихъ дѣлахъ злыхъ; чтобы *наставленный, перевоспитанный и испытанный* онъ вступилъ снова и безъ всякаго пятна въ то общество, которое удостовѣрилось, что онъ его достоинъ, и которое поэтому рѣшилось съ нимъ помириться. Такое, направленное на волю преступника со стороны общественной власти, взысканіе, за которымъ слѣдуетъ или исключеніе виновнаго изъ общества, или примиреніе его съ обществомъ, называется *наказаніемъ уголовнымъ*.» Итакъ дѣлъ наказанія есть примиреніе преступника съ обществомъ. Но какимъ же образомъ можетъ совершиться это примиреніе? Человѣкъ испорченъ, нравственность его разошлась съ общественною нравственностью; примириться съ обществомъ онъ можетъ только тогда, когда перестанетъ быть порочнымъ, когда его понятія о нравственномъ совпадутъ съ общественными понятіями о нравственномъ; иными словами—когда онъ *исправится*. Слѣдовательно дѣлъ наказанія есть *исправление*, которое тождественно съ *примиреніемъ*. Кажется это прямо вытекаетъ изъ *положительнаго* опредѣленія, которое даетъ г. Спа-

совичъ наказанію. Но кромѣ этого положительнаго опредѣленія у г. Спасовича есть еще *отрицательное*. Отрицательно онъ опредѣляетъ наказаніе слѣдующимъ образомъ: «Наказаніе не должно быть разсматриваемо какъ *возмездіе* (таліонъ) зломъ за зло, кровью за кровь» (стр. 64). «Наказаніе не должно быть употребляемо какъ средство *устрашенія*» (стр. 65). «Наказаніе не есть *вознаиращеніе* за зло, причиненное преступленіемъ» (стр. 66). Наконецъ «наказаніе не есть средство *исправленія*; скорѣе оно есть *испытаніе* преступника въ томъ, можетъ ли онъ и хотеть ли онъ возстать послѣ паденія» (стр. 66). Итакъ изъ положительнаго опредѣленія выходитъ, что наказаніе есть *исправленіе*, изъ отрицательнаго — что оно не *исправленіе*, а только *испытаніе*. Но что же это такое—испытаніе? Наказаніе, по мнѣнію г. Спасовича, есть такое дѣйствіе, направленное на волю преступника, которое имѣетъ въ результатъ примиреніе его съ обществомъ, т. е. исправленіе его. Но очевидно такому дѣйствію должно предшествовать *испытаніе*, т. е. разузнаніе, можетъ ли преступникъ быть вообще когда-нибудь примиреннымъ съ обществомъ. Если это *разузнаніе*, анализированіе степени порочности преступника, окажется въ его пользу, т. е. если будетъ доказано, — говоря словами г. Спасовича, — что «совѣсть въ немъ не совсѣмъ еще потухла и есть еще надежда, что онъ можетъ сдѣлаться когда-нибудь способнымъ къ общежитію», — то очевидно этимъ самымъ будетъ доказана *возможность* исправить преступника. Теперь остается рѣшить вопросъ: должно ли наказаніе ограничиться однимъ доказаніемъ возможности примирить преступника съ обществомъ (т. е. должно ли оно быть простымъ испытаніемъ), или же оно должно стараться дѣйствительно осуществить это примиреніе (т. е. быть исправленіемъ)? Сперва г. Спасовичъ говоритъ, что наказаніе должно стремиться къ исправленію преступника, «чтобы онъ, наставленный, перевоспитанный и испытанный, могъ снова безо всякаго пятна вступить въ общество» (стр. 64); потомъ онъ утверждаетъ, что наказаніе должно ограничиться однимъ испытаніемъ, «можетъ ли, хотеть ли преступникъ возстать послѣ паденія» (стр. 66). Чтожъ за странная путаница, что за непостижимая непослѣдовательность! На одинъ и тотъ же вопросъ г. Спасовичъ на 64-й стр. даетъ *одинъ* отвѣтъ, на 66-й *другой*. Какъ же это объяснить? Кажется, очень просто, г. Спасовичъ *забылъ*, что исправленіе не можетъ быть безъ испытанія, и что, въ свою очередь, испытаніе только тогда имѣетъ смыслъ, когда за нимъ слѣдуетъ исправленіе; онъ отдѣлялъ эти два акта одного и того же процесса, и первый актъ цинично

за сущность своей теоріи, второй отнесъ собственно къ такъ-называемой теоріи исправленія. Онъ не понималъ, что наказаніе, ограниченное однимъ только первымъ актомъ, не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, что обществу за дѣло до того, «можетъ ли и хотеть ли преступникъ возстать послѣ паденія», когда оно не имѣетъ намеренія *поднять его*? И неужели г. Спасовичъ думаетъ, что теорія исправленія не испытываетъ преступника прежде, чѣмъ начнетъ исправлять его?

Нѣтъ, мы полагаемъ, что всю эту путаницу слѣдуетъ отнести къ простому недоразумѣнію, къ неясному, неотчетливому представленію понятій, которыя опредѣляются словами: *испытаніе*, *исправленіе*. Изъ приведенной цитаты на 64-й стр. читатель несомнѣнно долженъ заключить, что г. Спасовичъ приверженецъ теоріи исправленія, и что поэтому, когда онъ говоритъ, на 66-й стр., что наказаніе не есть исправленіе, а есть испытаніе, то слова эти слѣдуетъ понимать такимъ образомъ: имѣя цѣлью исправить преступника, наказаніе не должно дѣйствовать на его душу тѣмъ чисто - механическимъ образомъ, который введенъ въ употребленіе такъ-называемою системою исправленія; оно должно прежде испытать духовныя силы, склонности, степень нравственнаго развитія и индивидуальныя свойства преступника, и сообразно со всемъ этимъ облегчать и способствовать свободному саморазвитію и самообразованію личности. Это единственное разумное толкованіе, съ помощью котораго мы можемъ объяснить спутанное представленіе г. Спасовича о наказаніи. Если онъ отвергнетъ его, если онъ будетъ упорствовать въ своей странной мысли о наказаніи, какъ о простомъ испытаніи, то мы прямо скажемъ ему, что его теорія наказанія, слѣдовательно и уголовная теорія, нелѣпѣе теоріи устрашенія, нелѣпѣе теоріи вознагражденія, нелѣпѣе теоріи возмездія, — нелѣпѣе, однимъ словомъ, всякой нелѣпости.

Положимъ вы *испытали* преступника и нашли, что онъ и можетъ, и хотеть исправиться, но что у него недостаетъ для этого ни силы воли, ни умственнаго развитія. Если г. Спасовичъ приверженецъ теоріи наказанія, какъ испытанія, то онъ долженъ сказать вамъ: остановитесь, ваша работа кончена: вы нашли, что преступникъ *можетъ* исправиться — и съ васъ этого довольно; наказаніе прекращается, преступникъ примиренъ съ обществомъ, преступникъ свободенъ, общество должно возрадоваться, но не тому, что заблудшая овца возвратилась на путь истинный, а тому, что она имѣетъ возможность возвратиться на этотъ путь. Очевидно, это такая безсмыслица, дальше которой и выдумать

ниzego нельзя. Но если г. Спасовичъ приметъ наше толкованіе и скажетъ, что наказаніе должно стремиться къ осуществленію дѣйствительнаго исправленія преступника, если онъ при этомъ вспомнить все, что онъ говорилъ на 42-й стр. своего учебника о холодномъ, бездушномъ механизмѣ такъ-называемой теоріи исправленія, — то онъ долженъ придти вмѣстѣ съ нами къ слѣдующему выводу: исправленіе есть *свободное*, чуждое принужденія воздѣйствіе на волю преступника, имѣющее цѣлью облегчить и пособить *свободному* саморазвитію личности, раскрытію ея индивидуальныхъ свойствъ и качествъ во всей ихъ безконечной разнообразности.

Но если это признаетъ г. Спасовичъ, то онъ долженъ вмѣстѣ съ этимъ отречься отъ наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, свободное (а не механическое), чуждое принужденія воздѣйствіе на волю преступника, свободное саморазвитіе и самообразование личности, — развѣ все это совмѣстно съ представленіемъ о наказаніи? Наказаніе основано на *принужденіи*, на подавленіи личности, на подчиненіи ея чуждой и часто ей враждебной власти. Но понятіе о свободѣ исключаетъ понятіе о принужденіи, понятіе о личномъ саморазвитіи — понятіе о рабской подчиненности, слѣдовательно понятіе объ исправленіи — понятіе о наказаніи. Такъ ли, г. Спасовичъ? А если такъ, то значить вы отрицаете вообще наказаніе, а слѣдовательно отрицаете уголовное право, святотатственно заносите руку на собственное свое дѣтище, на собственное свое произведеніе, на свой «Учебникъ уголовного права». Вотъ къ чему можетъ привести неясность и спутанность въ философскихъ изслѣдованіяхъ о первыхъ основахъ уголовного права!

Нашъ разборъ первой половины общей части вышелъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ мы того хотѣли, однако длиннота его можетъ быть извинена очень уважительными причинами: 1) отдѣлъ этотъ, и по тому объему, который онъ занимаетъ въ книгѣ, и по своему первостепенному значенію для уголовного права, составляетъ самую существенную часть учебника; 2) эта часть сочиненія заключаетъ въ себѣ наиболѣе слабыя, уязвимыя мѣста; на эти-то слабыя мѣста мы преимущественно и хотѣли обратить вниманіе читателя. Чтожь касается до второй половины книги, въ которой г. Спасовичъ говоритъ объ уголовномъ законѣ, о преступленіи въ его объективномъ и субъективномъ значеніи, то намъ и говорить почти о ней нечего. Здѣсь авторъ вполне въ своей сферѣ. Планъ искусно составленный, рациональный методъ, рѣдкое умѣнье сгруппировать огромную массу самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ въ краткій, сжатый, но

тѣмъ не менѣе полный очеркъ, умѣнье придать излагаемому предмету живой интересъ, способность популяризировать спеціальные вопросы— все это дѣлаетъ вторую часть его книги (II и III гл.) прекрасною и почти безукоризненною. Возраженія здѣсь могутъ быть приводимы противъ *частностей*, но никакъ не противъ *цѣлаго*. Съ своей стороны, опасаясь слишкомъ расширить предѣлы нашей статьи и впасть въ излишнюю казуистику, не имѣющую быть-можетъ никакого интереса для читателей не-спеціалистовъ, ограничимся только указаніемъ на одно весьма крупное противорѣчіе, которое никакъ уже нельзя пройти молчаніемъ. Говоря о томъ, что самоубійство не можетъ и не должно быть наказуемо, г. Спасовичъ о *пособникахъ* къ самоубійству выражается слѣдующимъ образомъ: «Если самоубійство не наказуемо, то не можетъ быть наказуемо и пособничество къ нему, потому что не можетъ быть преступнаго пособничества къ непроступному дѣянію.» Совершенно справедливо; но зачѣмъ же за двѣ странички передъ этимъ, именно на 98 стр., тотъ же г. Спасовичъ говоритъ: «Посагательство на одно изъ коренныхъ правъ личности даже *по просьбѣ*, или съ соизволенія на то субъекта этого права, можетъ подлежать уголовной отвѣтственности, потому что человекъ въ человекѣ долженъ уважать и цѣнить его разумъ, его характеръ, его идеальную личность и возможность будущаго развитія этой личности, а не его причуды и прихоти.» Какъ же это такъ: сначала пособниковъ къ самоубійству не слѣдуетъ наказывать, потому что само самоубійство не наказуется; потомъ «пособниковъ самоубійства слѣдуетъ наказывать, потому что они должны уважать въ человекѣ его идеальную личность, а не минутныя прихоти и капризы.» Такое же противорѣчіе находимъ мы и въ третьей главѣ: «о ненаказуемости правонарушенія, происшедшаго при такомъ столкновеніи между правами, что одно изъ нихъ можетъ быть сохранено не иначе, какъ насчетъ другаго.» На 104-й стр. сказано: «при столкновеніи между личностью и собственностью послѣдняя привносится въ жертву первой». На стр. 110-й: «матѣрнее право можетъ быть отстаиваемо даже насчетъ жизни нападающаго лица, если въ данномъ случаѣ нельзя его было отстоять иначе.» Положимъ, напримѣръ, человекъ умираетъ съ голоду, спасти его можетъ только кусокъ хлѣба; вотъ онъ видитъ— мимо его проходитъ саречникъ: онъ подкрадывается къ нему, ловко схватываетъ сайку и убѣгаетъ; саречникъ, замѣтивъ пропажу, бросается въ погоню за похитителемъ, нагоняетъ его, начинаетъ вырывать у него свою похищенную собственность— кусокъ хлѣба, и въ борьбѣ убиваетъ его. Чтоже, законно или неза-

ковно поступилъ съсчитчикъ? *Законно*, говорить стр. 110; *незаконно*, говорить стр. 104. Какъ примирить эти противорѣчія? Вѣдь вопросъ очень важенъ. Отвѣчать на него и «да» и «нѣтъ» невозможно; одно изъ двухъ: или *да*, или *нѣтъ*; но которое именно?

Жалко, что и здѣсь г. Спасовичъ не могъ вполне отрѣшиться ото всѣхъ этихъ противорѣчій и неясностей, которыя сбили его съ толку въ области философіи. Впрочемъ, повторимъ опять, это только частности; въ общемъ вторая половина книги почти безукоразнена.

КУРСЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Профессора Каченовскаго. Выпускъ первый.

Сочиненіе, которое выставлено въ заглавіи этой статьи и о которомъ мы собираемся говорить, далеко не исчерпываетъ собою всѣхъ началъ и задачъ международного права, а только нѣкоторыя; больше всего бросается въ немъ въ глаза начало *національности*.

Дѣло въ томъ, да и затрудненіе въ томъ, что нѣкоторые писатели (преимущественно заграничныя, напримѣръ Манчини, Маміани и др.) признаютъ начало національное единственно законнымъ въ политикѣ, другіе же ожесточенно, какъ-то не научно-спокойно на него ополчаются; а какъ посмотришь престоальнѣе и гладнокровнѣе — они всѣ неправы, и именно потому, что не хотятъ уяснить ни себѣ, ни другимъ хорошенько, *что такое* это начало. Это уясняетъ между прочимъ цѣль нашей статьи, и доказательства наши будутъ преимущественно отрицательныя, т. е. мы постараемся показать несостоятельность основныхъ началъ разбираемаго сочиненія.

Вопросъ, занимающій насъ теперь, далеко не новъ. А такъ какъ онъ въ тоже время очень важенъ, то разумѣется, что разработка его имѣетъ уже свою весьма значительную литературу за границей и даже кое-какую и у насъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи читатель вѣроятно не забудетъ еще двухъ статей въ нашихъ журналахъ: «*О народности въ политикѣ*» г. Жуковского и «*Теорія національности въ международномъ правѣ*» г. Капустина. Такъ какъ и онѣ разсматриваютъ тотъ же вопросъ, который легъ въ основаніе сочиненія пр. Каченовскаго, то и на нихъ мы намѣрены остановить нѣсколько вниманіе читателя. Мы постараемся указать на ихъ основныя мысли, и важнѣйшія для нашей цѣли провѣрить критически.

Статья г. Капустина, на которую мы прежде всего обращаемъ вниманіе читателя, составляетъ собственно содержаніе рѣчи, произнесенной 12 января въ торжественномъ собраніи московскаго университета ее авторомъ, профессоромъ этого университета. Съ первыхъ же строкъ своего сочиненія г. профессоръ указываетъ на различіе принциповъ въ международныхъ вопросахъ, а именно на нѣкоторую ихъ двойственность и какъ-будто недостатокъ единства, что впрочемъ онъ повидимому не считаетъ особенно дурнымъ. Онъ говоритъ, что «одни желали бы преобразовать общество государствъ на началахъ политическихъ и нравственныхъ, другіе на началахъ естественныхъ, каковы національность и природныя границы.» Уже изъ этихъ немногихъ словъ читатель въ правѣ вывести весьма многія заключенія, изъ которыхъ главныя слѣдующія: 1) начала политики *нравственныя* поставлены здѣсь въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ началами *естественными*, и 2) этими послѣдними признаны исключительно національность и природныя границы (разумѣется, границы страны). Признаемся, намъ сразу подозрительнымъ показалось такое раздвоеніе: дуализмъ силъ въ жизни какаго бы то ни было организма, не сливающихся въ нашемъ сознании въ одну силу равнодѣйствующую, всегда служить несомнѣннымъ признакомъ, что мы не вполне уяснили себѣ характеръ этихъ силъ. Къ сожалѣнію, этой аксіомы почти вовсе не признаютъ еще наши такъ-сказать естественныя науки, да и въ естественныхъ она начинаетъ получать право гражданства только въ очень недавнее время. Между тѣмъ безъ этого краеугольнаго камня нашихъ изслѣдованій умъ нашъ будетъ вѣчно путаться въ противорѣчіяхъ, и наука, основанная на дуализмѣ, никогда не выработаетъ себѣ стройной системы, невозможной безъ *одного* основнаго принципа, т. е. не будетъ наукой.

Этимъ объясняется шаткость воззрѣній наукъ юридическихъ, когда онѣ признаютъ правительство и народъ какъ двѣ отдѣльныя потенціи; путаница и туманъ въ наукахъ нравственно-психическихъ, когда онѣ берутъ себѣ въ основаніе антагонизмъ между тѣлесной и духовной природой человѣка; въ политико-экономическихъ, когда онѣ основаны на противорѣчій между спросомъ и предложеніемъ, между частнымъ и общимъ интересомъ и т. п.; наконецъ въ наукѣ, въ настоящее время особенно насъ интересующей, а именно въ наукѣ международного права — когда она основываетъ свои сужденія на противорѣчій между естественнымъ и другимъ какимъ-нибудь началомъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Если же иногда и кажется, что этот дуализм действительно есть, что противорѣчіе непримиримо никакимъ образомъ, то можно смѣло заключить, что которая-нибудь изъ представляющихся двухъ силъ ложна. А потому во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы бы совѣтовали сперва постараться примирить эти двѣ силы возведеніемъ ихъ къ общему единству, — въ противномъ же случаѣ придется подвергнуть ихъ новому, болѣе глубокому разсмотрѣнію съ цѣлью непремѣнно открыть, которая изъ нихъ истинна, а которая ложна. Вотъ это, въ сферѣ международныхъ отношеній, и должно составлять цѣль каждаго сочиненія. Но эта цѣль тогда только, по нашему мнѣнію, достижима, когда мы чрезвычайно осторожно будемъ анализировать вопросы, чтобы все путающій дуализмъ не закрася въ ихъ изслѣдованіе, что чрезвычайно легко случается. Напримеръ у профессора Капустина на второй же страницѣ дѣло пошло врезъ: тамъ онъ находитъ, что «уже во времена Гракховъ проявляется среди римскихъ племенъ новая, искусственная, политическая (?) національность». *Искусственная*, значитъ ложная — это такъ; но потому-то о ней здѣсь и не слѣдовало упоминать, тѣмъ болѣе, что это вовсе не была *національность*, а слѣдствіе вліянія другаго элемента, же-историческаго, характеръ котораго мы еще успѣемъ показать. Г. Капустинъ говоритъ, что въ прежнее время идея національности не всегда была двигателемъ въ международныхъ отношеніяхъ: такъ въ срѣвнѣ вѣка «двигателемъ борьбы стали релягіозныя идеи, или жажда добычи и разрушенія». Затѣмъ онъ старается указать, что въ исторіи Европы до послѣднихъ временъ, а именно до войнъ противъ Наполеона, національность всегда уступала мѣсто другимъ двигателямъ. Мы съ этимъ соглашаемся, но это едва-ли содѣйствуетъ сущности уясненія принципа національности. Дѣло въ томъ, что какую бы ни возьмете вѣтъ историческаго развитія природы и человѣчества, вы всегда замѣтите слѣдующее неизмѣнное явленіе: основной типъ разсматриваемаго развитія движется въ своемъ образованіи вмѣстѣ съ множествомъ другихъ, мѣтѣ существенныхъ стремленій, *выходящихъ однакожъ изъ одного и того же источника*; эти послѣднія вообще порознь слабѣе перваго, но, слившись при благопріятныхъ обстоятельствахъ, представляютъ ему иногда сильное препятствіе, и повидному иногда даже поглощаютъ его, сообщая ему свой характеръ. Но это лишь временныя, переходныя явленія, и вдобавокъ необходимыя для лучшаго развитія основнаго типа, главной силы. Эту кажущуюся борьбу противоположныхъ элементовъ натуралистъ успѣшно бы сравнилъ съ любымъ хими-

ческимъ процессомъ, когда, при образованіи главнаго продукта, *вслѣдствіе* его слагается нѣсколько побочныхъ продуктовъ, которые при благоприятныхъ условіяхъ могутъ до нѣкоторой степени реагировать даже на главный продуктъ и значительно измѣнять характеръ всего процесса. Этотъ-то принципъ «*побочныхъ продуктовъ*» въ международныхъ отношеніяхъ и принимается до сихъ поръ публицистами за нѣчто само-бытное, за конечную цѣль процесса въ данное время, между тѣмъ какъ стоить лишь нѣсколько видоизмѣнить взаимоотношенія реагентовъ — и процессъ опять пойдетъ по настоящей своей дорогѣ. Въ этомъ-то вся ошибка лже-исторической школы публицистовъ.

Затѣмъ далѣе въ статьѣ профессора Капустина опять странное сужденіе, обнаруживающее весь хаосъ, господствующій до сихъ поръ еще въ наукѣ международного права. «Предоставляя времени и вліянію государственныхъ учреждений сплотить различныя народности въ одно цѣлое, правительство лучше всего достигаетъ цѣли, если не вызываетъ борьбу и не подавляетъ рѣзкихъ граней народности.» И такъ профессоръ рассматриваетъ, какъ *нормальное* явленіе, отдѣльно отъ національностей стоящее правительство, и вдобавокъ слегка сглаживающее своимъ вліяніемъ національныя отличія своихъ разнокалиберныхъ подданныхъ: Значитъ эти національныя отличія — явленіе *не* нормальное, переходное, а нормальное будетъ для нихъ какой-то общій, средній терминъ, общій характеръ, представляющій результатъ постоянного сглаживанія національныхъ отличій? Но если благо человечества заключается въ этомъ «*сплоченіи*», то, при достаточной силѣ правительствъ, отчего же имъ не покончить разомъ съ національностями? Вы отвѣчаете, что рѣзкая политика приведетъ «къ противоположнымъ послѣдствіямъ»; но, спрашиваю, где же тутъ мѣрло степени мягкости политики, и не будутъ ли всегда равняться нулю ваши стремленія, если вы съ одной стороны будете неуклонно стремиться къ подавленію національностей, а съ другой возможно болѣе удалять время совершенія этого факта? Не будете ли на столько же приближать человечество къ его благу одной рукой, на сколько удалять отъ него другой?

Къ сожалѣнію, нетрудно доказать, что большинство нашихъ социальныхъ, юридическихъ, экономическихъ и т. д. теорій имѣютъ именно этотъ неподвижный, *нулевой* характеръ, характеръ точки замерзанія... Удивительно большую услугу человечеству могутъ оказать подобныя теоретическіе приемы! А все злополучный дуализмъ — и умственная робость!

Вслѣдствіе этого послѣдняго качества мы непремѣнно хотимъ стоять законность историческихъ судебъ человѣчества: такъ мы объясняемъ (пр. Капустинъ), что напримѣръ «баски, поселившіеся на противоположныхъ склонахъ Пиринеевъ, естественно (?) должны были отойти частью къ Франціи, частью къ Испаніи»; «тоже повторилось теперь съ савойцами... и еще труднѣе было бы установить отдѣльную политическую форму для каждой національности, тамъ гдѣ они перемѣшались географически, какъ напримѣръ въ Венгріи». Тутъ, по-нашему, сколько словъ, столько и ошибокъ. 1) Человѣкъ не растеніе, а потому легко можетъ мѣнять свои мѣстопробыванія на землѣ, если онъ это находитъ удобнымъ (что и дѣлается всегда различными народами): стало-быть баски не по причинѣ Пиринеевъ потеряли свою самобытность. Да и мало ли есть самостоятельныхъ народностей, по срединѣ странъ которыхъ проходятъ горы? 2) А савойцы уже никакъ не по причинѣ горъ потеряли недавно свою самобытность, т. е. принадлежность къ соплеменной имъ Италіи. 3) Чтоже касается до венгерскаго вопроса, то г. Капустину, для всесторонности изслѣдованія, нужно было бы этотъ вопросъ разобрать и съ такой стороны: что бы было, еслибъ дать венграмъ полную возможность самостоятельно устроиться? Авторъ не запинаясь доказываетъ, что будь каждая національность *рѣзко* отдѣлена отъ другой, — между ними было бы постоянное отчужденіе, даже вражда, не было бы благотворнаго взаимнаго вліянія, что національныя притязанія всегда содержатъ мысль о господствѣ, что племенные тяжбы, возникая постоянно, возбуждали бы также постоянно войну, потому что «для нихъ нѣтъ никакого разрѣшенія, кромѣ войны» (?!!!). И это вѣрно; но читатель можетъ-быть спросить опять: зачѣмъ же *рѣзко*? Можетъ-быть можно при отдѣльности удержать и даже болѣе развить общій международный союзъ? И это надо было рѣшить. «Если признать безусловно политическія права за національностью, — говоритъ г. Капустинъ, — то можетъ-быть съ болѣшимъ основаніемъ слѣдовало бы признать эти права за религиозными вѣрованіями и всякими элементами политической жизни.» Затѣмъ далѣе: «Всегда національность дополнялась какими-нибудь другими условіями: историческими преданіями, территоріальными требованіями, религиозными вѣрованіями и т. п.» Изъ этихъ двухъ цитатъ мы приходимъ къ заключенію, что профессоръ Капустинъ не составилъ себѣ опредѣленнаго и строго-очерченнаго опредѣленія понятія національности, потому что онъ здѣсь называетъ напримѣръ историческія преданія условіями, не входящими въ это понятіе, а въ другомъ мѣстѣ считаетъ ихъ однимъ изъ

элементовъ этого понятія (стр. 308). Тоже надо сказать и объ этихъ «территориальныхъ требованіяхъ». Изъ своей статьи г. Капустинъ выводитъ слѣдующее заключеніе, или вѣрнѣе, слѣдующимъ образомъ ее сжываетъ: «Исключительное (?) начало національности не въ состояніи удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя представляетъ международное общезитіе. Оно не даетъ само по себѣ (?) силы, а является силой только въ политической формѣ (?); оно не ведетъ къ миру, а служитъ причиной раздора... Признавая національность однимъ изъ существенныхъ элементовъ политической жизни, наука международного права никакъ не можетъ принять этотъ элементъ въ смыслѣ исходнаго пункта для своихъ построеній и своей теоріи.»

Это, съ позволенія сказать, нѣкоторый сумбуръ понятій, по крайней мѣрѣ для насъ: сколько мы ни старались распутать его, — не могли; а не могли между прочимъ и потому, что г. Капустинъ не позаботился нигдѣ въ своей статьѣ опредѣленно формулировать, что онъ понимаетъ подъ національностью. Правда, у него въ разныхъ мѣстахъ статьи, помянутому, перечисляются элементы этого понятія: *языкъ*, какъ одинъ изъ способовъ сохранить національность (по мнѣнію Этвеша, который національность находитъ не въ немъ, а въ *самостоятельномъ развитіи* (?)), затѣмъ *кровь* (?) и *историческія преданія* и наконецъ (Манчини) «*сознаніе національности*, чувство, которое она имѣетъ о себѣ самой и которое дѣлаетъ ее способною сложиться внутри и пропитать себя вѣтъ». Если г. Капустинъ принимаетъ все это за дѣйствительные элементы національности (а въ особенности послѣдній, который и онъ считаетъ самымъ важнымъ, какъ кажется), то мы не видимъ, почему они не могли бы исключительно лечь въ основаніе международного права и *что другое* могло бы и должно бы замѣнить это основаніе, тѣмъ болѣе, что все другое, что г. Капустинъ хотѣлъ бы положить тутъ въ основаніе, и безъ того входитъ въ понятіе національности, если оно правильно понято. Чтобы сколько-нибудь сдѣлать понятными свои умозаключенія, г. Капустину слѣдовало бы объяснить намъ, какіе общіе законы проявленія національности «въ политической формѣ», доказать, что худой миръ дѣйствительно лучше доброй ссоры, то есть, что прогрессъ челоуѣчества больше всего выиграетъ, если всѣ его элементы будутъ апатически-мирно спать, и наконецъ, что можетъ существовать на свѣтѣ принципъ, существенный самъ по себѣ, но положительно вредящій дѣлу, если принять его исключительно. Пока все это не будетъ доказано г. Капустиннымъ, мы должны считать

его статью наборомъ отдѣльныхъ положеній, не связанныхъ единствомъ одной общей мысли.

Переходимъ затѣмъ къ другой изъ упомянутыхъ выше статей, къ статьѣ г. Жуковскаго «*О народности въ политикѣ*», напечатанной въ «Современникѣ». По единству основной мысли и стройности изложенія она положительно лучше статьи г. профессора Каустиана. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь «Современникъ» не избѣжалъ каламбура, обычной своей слабости: національная идея антивародна—вотъ основаніе статьи. Дѣло, видите, въ томъ, что г. Жуковскому угодно принимать стремленія, характеризующія то, что мы привыкли называть политикой національностей, за дѣло меньшинства; большинство же, какъ онъ утверждаетъ, гораздо больше сочувствуетъ улучшенію своего экономическаго быта, чѣмъ отвлеченнымъ идеямъ національной самобытности: народность есть для нея, какъ справедливо замѣчаетъ г. Жуковскій, пониженіе процента. Короче, г. Жуковскій старается доказать, что мы подъ національностью (народностью, пожалуй) понимаемъ не то, что слѣдуетъ, и что подъ ней прежде всего нужно понимать устройство, обуславливающее экономическое благосостояніе народа. Жаль, что эта, въ сущности дѣльная, мысль выражена какъ-то въ видѣ шутки, такъ что читатель пожалуй и не догадается въ чемъ дѣло, и не доберется, что тутъ вѣрно, а что нѣтъ. Только вотъ напрасно г. Жуковскій отдѣляетъ меньшинство, отстаивающее въ разныхъ странахъ идею національной автономіи, отъ массы народа. Конечно, меньшинство это можетъ ошибаться въ своихъ приѣмахъ къ достиженію этой цѣли, можетъ узко или невѣрно понимать эту послѣднюю, но оно все-же двигаетъ впередъ общее дѣло всей массы населенія, то-есть приобрѣтеніе или упроченіе своей національной автономіи. Наконецъ г. Жуковскій долженъ бы разобрать в слѣдующій вопросъ: экономическое благосостояніе достижимо ли для массы народа безъ свободнаго и самобытнаго развитія всѣхъ остальныхъ элементовъ, составляющихъ народность? (Мы считаемъ національность и народность понятіями тождественными и находимъ неблаговиднымъ вносить путаницу въ разсмотрѣніе этихъ и безъ того довольно сложныхъ вопросовъ неумѣстными каламбурами). Чтожъ касается до частныхъ статей г. Жуковскаго, то онѣ заключаютъ въ себѣ много любопытнаго, но мало идутъ къ разсматриваемому нами общему вопросу, и потому мы не можемъ здѣсь ихъ коснуться, хотъ съ удовольствіемъ заявляемъ, что г. Жуковскій очень иѣтко формулировалъ многія изъ своихъ отдѣльныхъ положеній.

Но если мы были довольно строги относительно этихъ двухъ разо-

бранихъ журнальныхъ статей, то еще болѣе взыскательными должны быть, составляя наше мнѣніе о книгѣ, заключающей въ себѣ систематически-полное наложеніе вопросовъ, составляющихъ науку международнаго права. Мы имѣемъ здѣсь въ виду недавно вышедшій въ Харьковѣ «Курсъ международнаго права» г. профессора Каченовскаго, къ которому и обращаемся.

Прежде всего мы обращаемъ вниманіе читателя на прекрасную характеристику современныхъ международныхъ отношеній, сдѣланную профессоромъ Каченовскимъ въ лекціи, читанной 6 октября 1861 г. («Новая Европа и новая Россія»), и вошедшую въ составъ издавнаго имъ теперь курса. Что касается Италіи, судьба которой уже рѣшается окончательно въ наше время, почтенный профессоръ весьма многого ожидаетъ отъ нея въ будущемъ, судя по тѣмъ задаткамъ, которые представляетъ ея прошедшее, а въ особенности настоящее. Отъ Италіи пр. Каченовскій, естественно, переходитъ къ другимъ народностямъ, которыя представляются въ настоящее время вопросами, стоящими на очереди. За мадьярами онъ признаетъ много задатковъ будущей здоровой автономіи, но соглашается, что они чересчуръ эгонистичны. Славянскія же народности обвиняетъ въ томъ, что «почти каждая изъ нихъ стремится первенствовать надъ другими, снѣзывать выставить претензіи на гегемонію». По нашему мнѣнію, нужно бы рѣшить вопросъ: не неизбежны ли это проявленія той силы, которая называется сознаніемъ своей народности и *которую вы сами вполне признаете?*

Разумѣется, съ распаденіемъ Австрій на искусственно-сплоченные ея элементы необходимо долженъ разрѣшиться и германскій вопросъ, а съ нимъ и скандинавскій. Вообще профессоръ Каченовскій такъ формулируетъ будущую судьбу Европы: «Мелкія государства должны постепенно исчезнуть или прикнудить къ федераціямъ, подъ вліяніемъ географическихъ условій и экономическихъ интересовъ; государства обширныя будутъ построены на началѣ равноправія народностей. Это начало, какъ естественный законъ, торжествуетъ надъ искусственными и временными политическими сочетаніями. Оно не можетъ быть подорвано никакими теоріями; сопротивляться ему бесполезно.»

Переходимъ къ самому курсу г. Каченовскаго и прослѣдимъ основныя начала международнаго права, построеннаго на принципѣ національностей. Разумѣется, курсъ долженъ былъ начаться съ самыхъ основныхъ повтій. Дѣйствительно, прежде всего г. профессоръ занимается опредѣленіемъ понятія *народъ*, чтобы дать, разумѣется, критерій для сужде-

нія о томъ. на сколько современныхъ государства совпадаютъ съ существующими національностями. Уклоняясь отъ подробнаго разбора понятія о народѣ, котораго держится этнографія (и это уклоненіе, какъ увидимъ ниже, совершенно основательно), г. проф. приводитъ опредѣленіе Милля («Consideration on representative government.» Lond., 1864, стр. 294—295), сущность котораго приведена уже нами выше, когда мы говорили о статьѣ г. Капустина. Но народность, чтобы не погибнуть, должна, по справедливому замѣчанію г. Каченовскаго, «образовать отдѣльное гражданское общество, т. е. условитъ извѣстное пространство земли, признать надъ собою господство одного закона и повиноваться одной власти. Иначе трудно сохранить себя отъ чужаго вліянія, слѣдовательно и отъ гибели». Но мы менѣе можемъ согласиться съ слѣдующими его положеніями. Стремленіе къ самостоятельности развивается у народовъ не вдругъ и не въ одинаковой степени. Есть племена, которыя повидяному (sic) даже не имѣютъ способности къ основанію государства. Американскіе индѣйцы, наприимѣръ, живутъ и умираютъ въ быту патріархальномъ; соприкословеніе съ бѣлыми не будитъ въ нихъ гражданскихъ инстинктовъ. На основаніи того естественнаго закона, что самыя простыя, низшія животныя и даже растенія мрутъ, когда насильственно, разомъ перенести ихъ въ совершенно противоположныя условія, мы бы предложили вопросъ: можно ли думать, чтобы какой бы то ни было народъ, при нормальныхъ, естественныхъ условіяхъ своего развитія оказался неспособнымъ къ государственной, политически самобытной жизни? Далѣе, признавая все значеніе принципа народности, г. Каченовскій касается вопроса о сліяніи народностей въ одно цѣлое. Онъ отвергаетъ возможность такого сліянія, потому-декатъ, что «всѣ попытки къ основанію всемірнаго государства навлекали страшныя бѣдствія на человечество и приводили народы отъ кровопролитія къ гніенію и застою». «Соединить всю землю въ одно государство иначе нельзя, какъ посредствомъ насилія.» Это заключеніе подведено неправильно: дѣйствительно, насильственное ссоединеніе человечества въ одно цѣлое — дѣло гнусное, да и неисполнимое; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы человѣческія народности не сслились когда-нибудь въ одинъ международный союзъ, въ одно стройное политическое цѣлое, гдѣ бы не могло быть мѣста ни малѣйшему насилію, произволу и эгонистическимъ стремленіямъ партій. Исторія неопровержимо показываетъ намъ, что государства, построенныя на началѣ завоеванія, то-есть насилія, а не естественнаго сліянія народности, должны рано-поздно распасться. Такъ распались Персія, Македонія

Римъ, арабскій востокъ, имперія Карла V., Наполеона I, такъ распались Австрія, Турція... Это неотразимый законъ исторіи. И просимъ замѣтить, что непреиѣннымъ слѣдствіемъ этого распада была и будетъ всегда возрастаніе сознанія своей національности, которое въ свою очередь есть столь же непреиѣнное слѣдствіе распространенія образованности и благосостоянія. Г. Каченовскій справедливо замѣчаетъ, что подобныя государства суть вопіющее нарушеніе международнаго права, прибавляя, что «право это въ послѣдней инстанціи *охранится самою природою*, которая создала на землѣ разныя поколѣнія для самостоятельнаго развитія и свободнаго общенія между собою».

Вотъ тутъ мы соприкасаемся съ весьма щекотливымъ, но въ тоже время чрезвычайно важнымъ пунктомъ. Говорятъ, что на основаніи уподобленія роли каждаго государства въ международномъ союзѣ (уподобленія совершенно законнаго) съ ролью гражданина въ отношеніи къ прочимъ членамъ государства можно основать самую правильную теорію международнаго права. Но г. Каченовскій рѣшительно оспариваетъ эту законность, а потому мы должны разобрать его мнѣнія. Выписываемъ нужныя для насъ цитаты. Возражая Гоббзу (*Elementa philosophica de cive*), который признаетъ, что жизнь государствъ, какъ и жизнь частныхъ лицъ, подчинена неизмѣнному закону человѣческой природы, г. профессоръ замѣчаетъ, что «уподобленіе государства человѣку въ естественномъ состояніи не выдерживаетъ критики». Мы не ясно понимаемъ, чѣмъ здѣсь разумѣется подъ человѣкомъ въ «естественномъ» состояніи; но если тутъ разумѣется весь человѣкъ, со всеми своими свойствами, то разумѣется, снѣжно уподоблять его по частямъ государственному организму. Защитники этого уподобленія выходятъ только изъ того принципа, что тѣ же основанія, которыя производятъ соединеніе людей въ государства, производятъ, или по крайней мѣрѣ должны производить, и соединеніе государствъ въ одинъ общій международный союзъ. Но впрочемъ прослѣдимъ, нѣтъ-ли у г. Каченовскаго болѣе яснаго опредѣленія этого развитія. Онъ говоритъ: «стремленія государства далеко не такъ обширны и разнообразны, какъ потребности и стремленія человѣка.» (А мы думаемъ—напротивъ, если только государство имѣетъ цѣлью *дѣйствительно* всестороннее развитіе каждаго изъ своихъ членовъ.) Не могу не замѣтить, что г. Каченовскій сбивается нерѣдко, потому-что принимаетъ антагонизмъ между правительствомъ и народомъ. Вотъ на примѣръ г. Каченовскій признаетъ, что къ международнымъ отношеніямъ приимчивы только тѣ начала права, которыя, съ одной стороны, удовлетворяютъ требовані-

ли самостоятельности государствъ, а съ другой — могутъ содѣйствовать миру, гражданственности и порядку на землѣ, т. е. развитію всего человѣчества. Хорошо-съ; но во-первыхъ кромѣ этихъ, мы думаемъ, что едва-ли могутъ быть другія начала *права*, достойнаго этого названія, а во-вторыхъ, если мы приведенную сейчасъ цитату измѣнимъ такимъ образомъ: въ государственно-гражданскихъ отношеніяхъ человѣка примѣнимы только тѣ начала права, которыя, съ одной стороны, удовлетворяютъ требованіямъ самостоятельности каждаго члена государства, а съ другой—могутъ содѣйствовать миру, гражданственности и порядку въ государствѣ, то-есть развитію всѣхъ членовъ государства, —то получимъ основанія государственно-гражданскаго права каждаго правильно устроеннаго государства, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи не будетъ никакого различія между человѣкомъ, какъ членомъ государства, и государствомъ, какъ членомъ международнаго союза. А слѣдовательно, если наше уподобленіе вполнѣ законно, то столь же законно и заключеніе, что въ основаніе международнаго кодекса должны быть положены тѣ же цѣли, какія уже всѣми признаны для дѣятельности государства, а именно всестороннее развитіе каждаго изъ своихъ членовъ, то-есть каждаго государства.

Но продолжаемъ слѣдить за положеніями книги г. Каченовскаго. Разбирая различныя возраженія противъ науки международнаго права, почтенный профессоръ характеризуетъ между-прочимъ міръ христіанскій тѣмъ, что въ немъ «надъ интересами частными народовъ возвышаются интересы общіе». Наше мнѣніе то, что ни въ союзѣ отдѣльныхъ людей, ни въ союзѣ народовъ антагонизмъ, который повидимому предлагаетъ авторъ между интересами частными и общими, немислимъ, если какъ первые, такъ и послѣдніе правильно поняты, а что въ наукѣ это только послѣдствіе того печальнаго дуализма въ нашихъ наукахъ, о которомъ мы говорили выше. Мы думаемъ, и вполнѣ убѣждены, что какъ въ союзѣ людей, такъ и въ союзѣ народовъ правильно понятый частный, личный интересъ даетъ тонъ и характеръ общему интересу и что вообще первый есть единственный двигатель какъ экономическаго и гражданскаго развитія отдѣльнаго общества людей, такъ и международныхъ отношеній. И потому во всѣхъ этихъ случаяхъ мы вполнѣ признаемъ частно-утилитарное начало единственно возможнымъ, а слѣдовательно и вполнѣ законнымъ, а потому рѣшительно не соглашаемся съ проф. Каченовскимъ, что «односторонность этихъ началъ теперь признана почти всѣми». То-есть пожалуй она и признана, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. «Не все то, что

полезно — справедливо и согласно съ требованіями свободы.» Опять неспредѣлнность выражений, намьслимая въ ученѣмъ сочиненіи: можно для кого? Вотъ важный вопросъ. А вообще говоря, только те и полезно челоуѣку, обществу, государству, международному союзу, наконецъ цѣлому челоуѣчеству, что исполнѣ справедливо и согласно съ требованіями свободы. Такъ наприимѣръ г. Каченовскій говоритъ, что «независимость народностей есть коренное требованіе всеобщей справедливости», — что исполнѣ вѣрно, хоть по его же вышеприведенному мнѣнію можно предположить, что эта самобытность не всегда бываетъ полезной. Да и дѣйствительно онъ въ этомъ случаѣ послѣдователенъ: онъ не колеблется признать, что нѣкоторымъ народамъ полезно не имѣть этой самобытности; наприимѣръ онъ говоритъ, что снято не будетъ отрицать, что жители княжества уэльскаго и горные шотландцы выиграли отъ соединенія (?) съ англичанами, а бретомы и провансальцы — отъ соединенія съ французами» и проч. Конечно, нельзя этого отрицать, но столько же нельзя и утверждать: и то и другое было бы возможно только тогда, когда бы мы навѣрное знали, чѣмъ бы были эти народы и имъ подобныя безъ этого порабощенія. Вотъ что не мѣшало бы рассмотретьъ г. Каченовскому, если есть на это возможность. Вдобавокъ г. Каченовскій въ свою очередь не станетъ отрицать, что англичане и французы въ тѣ времена, когда совершилось это порабощеніе, далеко были не тѣмъ, чѣмъ они теперь, что тутъ весьма трудно вообще опредѣлять характеръ этого «соединенія», и что наконецъ провансальцы была гораздо образованнѣе населенія сѣверной Франціи, въ составъ котораго они вошли. Да вообще утверждать подобныя вещи — извините! — тоже, по нашему мнѣнію, что отстаивать рабство, крѣпостное состояніе, потому что и въ этихъ положеніяхъ возможны были Эзоны, Шевченки. Тутъ только является вопросъ: до чего же могли бы дойти подобные люди и народы на свободѣ?

Вѣдь вы не отрицаете же, что отдѣльный челоуѣкъ на свободѣ гораздо правильнѣе и успѣшнѣе развивается, чѣмъ въ неволѣ? Или и въ этомъ случаѣ челоуѣкъ и народъ требуютъ противоположныхъ условій? Но что же послѣ этого народъ, государство? Конечно, есть «подчиненные народы, довольные судьбою, т. е. понимающіе свое безсиліе составить отдѣльное государство»; но что же, это развѣ нормальное явленіе? Развѣ оно что-нибудь говоритъ въ вашу пользу? Развѣ нѣтъ рабовъ, весьма довольныхъ своею участью и сознающихъ все что угодно, только по свою способность пользоваться свободой? Не странно ли изъ подоб-

ныхъ данныхъ выводить заключеніе, что «народность нельзя признать единственнымъ и верховнымъ закономъ, на основаніи котораго непременно должны быть устроены государства». Это, повторяю, все равно, что утверждать, будто человѣческую личность нельзя признать единственнымъ и верховнымъ закономъ при устройствѣ государства — что въ настоящее время едва-ли кто рѣшится утверждать. Впрочемъ въ этомъ отношеніи г. Каченовскій впадаетъ въ нѣсколько странныя для ученаго противорѣчія съ самимъ собою. Такъ онъ говоритъ: «Развитіе гражданственности, сношеній и общечеловѣческаго союза раньше или позже, но непремѣнно приводитъ къ освобожденію народностей. Вообще нѣтъ народа, который находилъ бы для себя чужеземное иго естественнымъ состояніемъ и сносилъ его непринужденно. Рабскія племена не раждаются на землѣ.» Вотъ какое противорѣчіе со многими вышесказанными вами же! А все оттого, что насъ подавляетъ исторія; мы никакъ не можемъ эманицироваться изъ-подъ вліянія старыхъ учебниковъ. Вотъ все, что мы сочли возможнымъ сказать здѣсь по поводу книги г. Каченовскаго; наша разработка вопроса о международныхъ принципахъ, благодаря ей, все-таки могла значительно подвинуться впередъ и приблизиться къ окончанію.

Теперь намъ осталось еще одно, такъ-сказать, послѣднее сказанье. Мы хотѣли бы еще увеличить для читателя запасъ данныхъ для правильнаго обсужденія занимающихъ насъ вопросовъ. Съ этой цѣлью мы не можемъ ничего лучше, какъ выбрать какое-нибудь спеціальное сочиненіе по политикѣ и заимствовать изъ него все, что намъ покажется удобнымъ для нашей цѣли. Выборъ нашъ едва-ли не будетъ удачнѣе всего, если мы остановимся на сочиненіи *Роберта Моля* «*Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. Monographien. Zweiter Band: Politik.*» 1862 г., — сочиненіи, замѣчательномъ какъ по обстоятельности и добросовѣстности изложенія своего предмета, такъ и по сравнительно-правильному и свѣтлому взгляду на вещи. Моль справедливо замѣчаетъ, что въ прежнія времена государства переходили къ правителямъ, сливались между собою и раздѣлялись — вслѣдствіе завоеванія, брака, наследства людей, успѣвшихъ стать въ ихъ главѣ, причемъ населеніе мало обращало вниманія на автономію своей народности, лишь бы экономическое его благосостояніе было болѣе или менѣе удовлетворительно. Это замѣчаніе совершенно вѣрно и ведетъ насъ къ другому, столь же вѣрному и притомъ имѣющему болѣе научный, общій характеръ. А именно: народъ, чѣмъ выше стоитъ по своей цивилизаціи,

тѣмъ больше придаетъ значенія автономіи своей народности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Да это и понятно: надо очень высокую степень цивилизаціи, чтобы понять, что прогрессъ каждаго проявленія, каждаго фазиса народной жизни обуславливается прогрессомъ всѣхъ остальныхъ ея сторонъ; мы уже выше имѣли случай показать, что есть и публицисты (г. Жуковскій), не усѣвшіе еще проникнуться этой политико-экономической аксіомой, а тѣмъ болѣе полужварварскія средневѣковыя національности. Но съ теченіемъ времени, какъ и слѣдуетъ ожидать, и эти послѣдніе стали разностороннѣе и глубже смотрѣть на этотъ вопросъ, такъ что онъ въ послѣднее время выступаетъ рѣшительно на первый планъ. Но чтó такое народность, національность, Nationalität? спрашиваетъ себя Р. Мольте. Онъ чувствуетъ, что безъ этого отвѣта нельзя практически шагъ ступить въ международныя отношенія. И дѣйствительно, Мольте, чувствуя всю важность дѣла, за которое берется, выступаетъ во всеоружіи ужасающей эрудиціи. Онъ считаетъ необходимыми рѣшить слѣдующіе четыре вопроса, но рѣшаетъ чисто по-нѣмецки, преимущественно ссылкой на сочиненія. Эти вопросы слѣдующіе: 1) Въ чемъ состоятъ тѣлесныя и душевныя свойства, которыми человекъ отличается отъ другихъ животныхъ? 2) На какіе отдѣлы и под-отдѣлы можетъ быть раздѣлено человечество путемъ наблюденія? 3) Теперешнія племена допускаютъ ли мысль о происхожденіи отъ одного общаго корня? и 4) Дѣйствительно ли между различными человеческими племенами такъ много различія, что нужно было признать необходимость, или, какъ выражается Мольте, что оно необходимо вноситъ строгое раздѣленіе въ человечество по различной способности къ высшему развитію? Изъ всѣхъ этихъ вопросовъ насъ преимущественно интересуютъ второй и четвертый; по послѣдному уже мы коснулись выше и замѣтили, что для разрѣшенія его нужно дать возможность всѣмъ племенамъ развиваться совершенно самобытно, устранить всякое насиліе; тоже мы должны допустить и для втораго вопроса, потому что кабинетныя разрѣшенія едва ли къ чему-нибудь приведутъ.

Разсматривая современныя фактическія отношенія національностей къ государствамъ, Мольте замѣчаетъ слѣдующее: а) одна отдѣльная національность образуетъ одно же отдѣльное государство, такъ что эти два понятія такъ-сказать другъ съ другомъ совмѣщаются. Это состояніе и по мнѣнію Моля самое правильное и здравое, но «къ сожалѣнію, оно очень рѣдко встрѣчается». Такими государствами въ древности были только Египетъ да израильское царство до своего распадѣнія. Изъ современныхъ

сюда можно причислить развъ Португалію (за исключеніемъ Бразиліи), часть Испанію (за отдѣленіемъ отъ нея басковъ), да Италію, если ей удастся упрочить свое единство и присоединить къ себѣ рѣшительно всѣ острова и земли, гдѣ господствуетъ итальянская національность. Изъ не-европейскихъ государствъ сюда, на сколько намъ извѣстно, можно отнести Японию. Затѣмъ b) національность можетъ распасться на многія части, но каждая изъ нихъ образовать *одно* самостоятельное государство. Примеры: древнія греческія государства, затѣмъ нѣкоторыя итальянскія въ средніе вѣка и въ новое время, а также нѣкоторыя нѣмецкія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти государства находятся на пути сліянія въ одно цѣлое (напр. Италія), которое совершится, когда частныя же-интересы будутъ устранены болѣе правильнымъ понятіемъ общаго, истиннаго интереса народности и гражданскія силы будутъ равномѣрно распределены въ массѣ народа. c) Одна народность образуетъ одно государство, но къ ней примѣшаны и другія народности. Тутъ можетъ быть нѣсколько видоизмѣненій: или къ ней примѣшаны цѣлыя другія народности (древній Римъ, въ эпоху его всемірнаго владычества, современный Китай, Великобританія, Россія, Турція), или части чуждыхъ національностей — какъ-то Франція относительно Эльзаса и Лотарингіи, Данія относительно Шлезвига и Голштинія, Турція, подданные которой греки, сербы, валахи, армяне, курды и арабы, или наконецъ части національностей, не сгруппированныхъ въ цѣлыя провинціи, а сильно перемѣшанныхъ съ главной расой, — какъ-то евреи въ прежней Польшѣ, колонисты. d) Народность можетъ быть раздѣленною на нѣсколько частей и эти послѣднія причислены къ нѣсколькимъ государствамъ разноплеменнымъ. Въ этомъ отношеніи, говоритъ Моля, «для всѣхъ временъ замѣчательнымъ примѣромъ и предостереженіемъ можетъ служить раздѣленіе сербовъ и валаховъ между Турціей и Австріей». e) Государство иногда образуется изъ частей большихъ народностей, соединенныхъ на равныхъ правахъ. Напримеръ Швейцарія, Бельгія, состоящая изъ фламандцевъ и валлоновъ. Наконецъ f) государство можетъ состоять изъ смѣси цѣлыхъ народностей, частей ихъ, наконецъ мелкихъ отрывковъ, большей частью смотрящихъ подозрительно и крайне антипатично относящихся другъ къ другу. Лучшимъ примѣромъ здѣсь служить Австрія, состоящая изъ маляровъ, чеховъ и словаковъ, затѣмъ изъ кусковъ народностей польской, итальянской, валахской и сербской. Другой примѣръ: англійскія владѣнія въ Остиндіи.

Изъ этихъ замѣчаній Моля читатель видитъ, что едва-ли на удо-

метворительныхъ основаніяхъ построены до сихъ поръ международныя отношенія въ человѣчествѣ, и что, судя даже по лучшимъ сочиненіямъ и статьямъ по международному праву, эта наука находится еще относительно своихъ началъ въ самомъ хаотическомъ состояніи. Самые свѣтлые умы ея рѣшительно въ нихъ путаются, практика жизни блуждаетъ въ такомъ же хаосѣ... Но просимъ читателя вспомнить, что и дѣло-то трудное: вѣдь правильное устройство международного союза государствъ должно быть послѣдней ступенью прогресса человѣчества.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. А. Фета. Двѣ части 1863.

Настоящее время — время весьма печальное для литературы. Разбирать причины этого печальнаго состоянія со всею откровенностью не настала еще возможность. Мы все очень хорошо понимаемъ это и потому объясняемся кое-когда развѣ одними только намеками. Причинъ есть много, и между-прочимъ это мелочность самой литературы, прикрывающаяся — увы! громкими и хорошими словами. Впрочемъ развитіе этой грустной темы увлекло бы насъ совсѣмъ въ другую сторону отъ той, на которую указываетъ разбираемая нами книга. Пока — для всехъ почти очевиденъ фактъ печальнаго состоянія литературы. Но печальнѣе всего, кажется, въ настоящую минуту положеніе нашей критики. У насъ критики нѣтъ, за то критиковъ развелось чрезвычайно много. И чѣмъ труднѣе встрѣтить критическую (въ настоящемъ значеніи этого слова) статью, чѣмъ ниже падаетъ критика, тѣмъ легче становится быть «критикомъ». Да, милостивые государи, критикомъ нынче быть очень легко! Для этого стоитъ только задаться самымъ простымъ положеніемъ: «я умнѣе всехъ; все остальные дураки. Ergo — ругай дураками и всехъ вь вся — и будетъ ти благо, и въ авторитеты ты попадешь». Какъ только любой изъ нашихъ литературныхъ дѣлъ цѣховыхъ мастеровъ задался такимъ положеніемъ, онъ уже и критикъ. Для такого критика незачѣмъ работать и не-къ чему учиться. Онъ не задаетъ себѣ труда не только-что просмотрѣть, но даже иногда и разрѣзать книгу разбираемаго имъ автора. Для чего тутъ трудиться еще выискивать недостатки, когда можно и такъ, просто безо всего, выругать огуломъ и напоевалъ? Назови автора дуракомъ, «отцомъ», отсталымъ, не-вѣждой, а книгу его глупою или спекулятивною — и кончено; получай го-

порарій и увочисвайся на лаэрахъ. Вотъ, къ примѣру, хеть Феть. Для чего читать его? Ни гражданской скорби, ни современныхъ, штательныхъ и ругательныхъ идей нѣтъ въ стихахъ его никакихъ — ну, значить даже и разрѣзывать ихъ не-къ чему. А просто берн, что попадетса подь руку, на чемъ случайно раскроетса страница, выпини это и обругай; а чтобы выходило посовременнѣй, усласти все это приплетеніемъ работника Семена, десяти рублей, да захваченныхъ на потравѣ гусей—и будеть читатель видѣть, какія у тебя современные и добродѣтельныя чувства и какое бойкое перо.

Все что мы сейчасъ сказали, къ сожалѣнію, не одни общія разсужденія, а прямые выводы изъ печальной дѣйствительности. Феть съ новымъ изданіемъ своихъ стиховъ встрѣтилъ уже подобные отзывы о себѣ въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ, гдѣ не были позабыты ни работникъ Семень, по поводу «Шопоть, робкое дыханье», ни гуси, по поводу другихъ лирическихъ стихотвореній.

Ругать что бы то ни было, ругать все — направо и налево, очень легко; но легче всего ругать—это, безъ сомнѣнія, поэтовъ. Оно такъ и есть въ настоящую минуту, да оно и понятно: господамъ, самодовольно и самозванно величающимъ себя дѣятелями современной мысли и современной критики, не нужно поэзін, ибо въ сущности кругозоръ ихъ есть кругозоръ нравственнаго мѣщанства, для котораго нужны дидактическія добродѣтельныя новѣсти, гдѣ они же являются добродѣтельными героями, да обличенія пьянаго становаго и икнувшей губернаторши. Зачѣмъ имъ драма или комедія, когда вкусы ихъ тянутъ къ мелодрамѣ съ современнымъ же нравоученіемъ? Зачѣмъ имъ искусство, живопись, когда помнатые обои нынче дѣлаются съ такими разнообразными разводами, когда фотографія такъ отчетливо изображаетъ ихъ физиономіи и услаждаеть стереоскопными фигурками? Зачѣмъ имъ все то, что не дважды два — четыре, что не бухгалтерская книга, что носить печать таланта или что стремится къ идеалу? Нравственное мѣщанство — прежде всего десноть, и десноть, рабствующій передъ своими узенькими тенденціямъ и близорукими теорійками; поэтому понятно, почему именно оно искренно неваидитъ и силится уничтожить талантъ, свободный отъ всякаго починовенія ихъ тенденціямъ и теорійкамъ. Для нихъ Пушкинъ — погремушечный роалистъ, Лермонтовъ—офицерскій пошлякъ, нѣчто въ родѣ коломешкаго моншера. Майковъ ничѣмъ не разнитса отъ Лермонтова, а Иванъ Семерикинъ съ Петромъ Татаринковымъ ничѣмъ не разнитса отъ Майкова. О Байронѣ они знаютъ только по-наслышкѣ, но и того не со-

вѣсь одобряють, за то что былъ лордъ. Чтожъ вы станете дѣлать съ такими мудрыми критиками? А они, новидимому, признають себя *силой*.

Но сила ли они въ самомъ дѣлѣ-то, и проникають ли въ массу ихъ поученія?

На первый вопросъ, т. е. *сила* ли вообще подобныя произведенія натуры, на какой бы почвѣ они ни произрастали, — лучший отвѣтъ даетъ Гейнрихъ Гейне въ своемъ предисловіи къ «Атта-Троллъ»:

«Продвѣтала такъ-называемая гражданская поэзія... Музы получили новое приказаніе: отнынѣ и впредь не шляться легкомысленно безъ дѣла, но вступить на службу отечеству, въ качествѣ маркитанокъ или прачекъ германо-христіанской національности. На нѣмецкомъ парнасѣ взрость въ особенности тотъ неопредѣленный, бесплодный паоось, та бесполезная горячка энтузіазма, который съ опасностью жизни бросался въ море общихъ мѣсть и всегда напоминалъ мнѣ того американскаго матроса, который былъ такъ превыспренно преданъ генералу Джаксону, что бросился однажды съ вершины мачты въ море, крича: «Я умираю за генерала Джаксона!»

«Да, хотя у насъ, нѣмцевъ, никогда не бывало флота, но за то было много подобныхъ горячихъ матросовъ, которые и въ стихахъ и въ прозѣ умирали за генерала Джаксона. Талантъ цѣнился въ то время не порою; талантливыхъ людей подозрѣвали даже въ безхарактерности. Безплодно-страстное безсиліе нашло наконецъ, послѣ тысячеклѣтнихъ обдумываній, оружіе противъ кичливости талантовъ; найдена была антитеза таланта и характера. Большинству было лично-лестно слышать подобныя выраженія, напримѣръ, что хотя хорошіе люди обыкновенно бываютъ плохими музыкантами, за то хорошіе музыканты — очень рѣдко хорошіе люди; личныя же достоинства въ свѣтѣ важнѣе, чѣмъ музыка. Пустыя головы думали, что имѣють основаніе гордиться полнотою своего сердца, и въ этой игрѣ въ дураки «образъ мыслей» былъ козыремъ. Мнѣ памятенъ одинъ изъ тогдашнихъ писателей, который вмѣнялъ себя въ особую заслугу то, что совсѣмъ не умѣлъ писать: за свой деревянный слогъ онъ получилъ серебряный почетный кубокъ!»

Вся эта характеристика какъ нельзя болѣе пригоняется по мѣрѣ и къ намъ въ настоящую минуту. И у насъ, увы! есть писатели, которые гордятся тѣмъ, что писать не умѣють, и съ особеннымъ удовольствіемъ заявляютъ свою безграмотность публикѣ.

Отвѣтъ же на второй вопросъ, т. е. проникають ли въ массу муд-

рыя поученія наших домерзшихъ матросовъ-джаксонистовъ? отвѣтъ этотъ можетъ нѣкоторымъ образомъ заключаться въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что книги поэтовъ раскупаются и что предпоследнее изданіе стиховъ того же, столь порицаемаго нами Фета разошлось вполне. Значитъ есть еще потребность въ истинной поэзіи, есть люди, для которыхъ она составляетъ существенное дѣло, серьезное занятіе.

И вотъ передъ нами опять новое изданіе стиховъ Фета, въ двухъ довольно уемистыхъ и красивыхъ томикахъ, изданіе, въ которомъ съ гораздо большею противу прежняго полнотою сгруппированы произведенія поэта и былого и послѣдняго періодовъ его дѣятельности, и которое поэтому самому даетъ каждому читателю возможность рельефнѣе опредѣлить характеръ поэзіи, или лучше сказать, поэтическую физиономію автора.

Дѣятельность его въ настоящую пору опредѣлилась и выяснилась настолько, что ее пожалуй весьма смѣло можно считать дѣятельностью почти законченною. Фетъ можетъ явиться въ новомъ родѣ дѣятельности, съ новымъ свѣтомъ, красками и характеромъ, быть-можетъ какъ романистъ, какъ драматургъ; но какъ поэтъ, и поэтъ лирической, онъ уже прошелъ свое поле. Новой силы и новыхъ звуковъ отъ него ждать «трудно, хотя... «все можетъ случиться!» какъ думаютъ нѣкоторые. Онъ въ настоящую минуту предпочитаемъ остановиться на очевидныхъ и ясныхъ выводахъ.

А очевидность скорѣе всего клонитъ насъ къ тому предположенію, что новыя силы и *новыя* звуки найдутся у нашего поэта едва-ли. Конечно, мы не однажды еще услышимъ его яркій стихъ, со всеми его благоуханными красками; но этотъ стихъ и эти краски будутъ лишь отзвуки прежнихъ мотивовъ — и только!

Итакъ характеристика Фета, какъ лирическаго поэта, уже возможна. Но говоря о Фетѣ, нельзя никоимъ образомъ ставить его въ рядъ съ другими поэтами. По поводу Фета вамъ напримѣръ ужъ никоимъ образомъ не придетъ въ голову сопоставить съ его именьмя Пушкина, Лермонтова, Кольцова; не сопоставимъ мы точно также съ нимъ и имень Майкова и Полонскаго. Поэтическая физиономія Фета рисуется совсѣмъ отдѣльно отъ прочихъ, онъ стоитъ совершеннымъ особнякомъ въ литературѣ. То, что мы привыкли видѣть въ другихъ поэтахъ — т. е. глубину, проникновеніе серьезными сторонами жизни, крѣпкую, бьющую мысль, сильную скорбь или негодованіе, или вообще какое бы то ни было сильное чувство — всего этого у Фета не существуетъ.

Кромѣ легкаго, поверхностнаго и такъ-сказать скользящаго отношенія къ жизни и къ природѣ вы ничего не встрѣтите въ немъ. Вы не задумаетесь глубоко ни надъ однимъ его стихотвореніемъ, хотя искренно станете восхищаться имъ. Это происходитъ отъ совершеннаго отсутствія *серьёзнаго содержанія* въ его поэзіи. Фетъ не есть поэтъ мыслящій, страдающій, страстно чувствующій, вообще онъ поэтъ совсѣмъ не глубокой; интересы жизни—и міровой, и бытовой—съ ихъ философіею, съ ихъ радостями и скорбями отнюдь не трогаютъ его. Онъ поэтъ комфорта и тонкихъ наслажденій жизнью. Его поэзія есть пожалуй не что иное какъ роскошь, безъ которой можно бы было обойтись. Но вѣдь обойтись можно безъ многого, и потому, если признать за несомнѣнную истину, что развитіе высшихъ ощущеній и извѣстной тонкости чувства облагораживаетъ человѣка, то пожалуй можно найти и полезную сторону въ поэзіи Фета, несмотря на ограниченность ея содержанія. А между тѣмъ нельзя не сознаться, что поэзія Фета по-преимуществу капризна и неуловима именно съ грубой, утилитарной точки зрѣнія. Стихи его есть даже нѣчто среднее между музыкальными звуками и рѣчью. Оттого-то онъ и передаетъ съ такою тонкостью неуловимыя ощущенія. Одни ставятъ это ему въ достоинство, другіе въ недостатокъ. Мы находимъ, что это есть чисто-фетовская особенность, лично ему одному только и принадлежащая, особенность, на которую даже никто неспособенъ изъ всѣхъ остальныхъ поэтовъ, владѣющихъ словомъ твердымъ, простымъ и определеннымъ, ибо они поэты мысли и чувства, а Фетъ—поэтъ ощущеній.

И вотъ оттого-то, что онъ поэтъ ощущеній, слово его очень часто бросается въ сферы чуждыя слова—то въ музыку, то въ живопись. Дѣйствительно музыкальность звуковъ и ритма изумительная, образность и живопись эпитетовъ такова, какую вы рѣдко у кого-либо найдете, и—увы! при всемъ этомъ рѣшительное отсутствіе глубокаго содержанія!.. Это главная болѣзнь, которою онъ страдаетъ. Много у него есть пьесъ совершенно пустыхъ и ничтожныхъ, много обаятельно-предестныхъ, но почти всѣ—безсодержательны. То-есть свое-то собственное, *фетовское* содержаніе въ нихъ есть; но мы разумѣемъ содержаніе болѣе глубокое, необходимо присущее всѣмъ почти остальнымъ поэтамъ. Итакъ вотъ нашъ взглядъ на Фета и наше опредѣленіе его: Фетъ—поэтъ ощущеній, поэзія его—пожалуй поэзія комфорта, но за то поэзія тонкая и изящная, которая въ спокойныя и безмятежныя минуты способна доставить намъ много чистаго наслажденія и не разъ затронуть въ нашей душѣ такія струны, существованіе которыхъ въ душѣ человѣка есть одинъ изъ правъ его на особае

мѣсто во вселенной. И такъ займемся обстоятельно этой, пожалуй не серьезной, но во всякомъ случаѣ увлекательной поэзіей.

Во всѣ эпохи своей поэтической дѣятельности, и даже теперь, когда послѣднему появленію его стиховъ предшествоважо болѣе чѣмъ двухгодичное молчаніе поэта, поклонники его всегда смотрѣли на него нѣсколько одностороннимъ взглядомъ. Они видѣли въ Фетѣ выразителя только тѣхъ неуволнимыхъ красокъ и моментовъ изъ жизни природы и тѣхъ неуволнимыхъ психическихъ ощущеній, образцомъ которыхъ является у него извѣстное «И зоря, зоря!» и которыя такъ щедро разсыпаны имъ въ «Снѣгахъ», въ «Мелодіяхъ», въ «Веснѣ», въ «Вечера и Ночи» и въ множествѣ другихъ стихотвореній подобнаго характера. Дѣйствительно, тайна выраженія этихъ моментовъ и ощущеній далася Фету болѣе чѣмъ кому-либо изъ всѣхъ остальныхъ нашихъ поэтовъ, такъ что на нее главнѣйшимъ образомъ было обращено вниманіе и читателей, и собратовъ его, да и самой критики (подразумѣвается — въ бывшее время), но обращено-то совершенно въ ущербъ другой сторонѣ фетовскаго таланта и сторонѣ не менѣе сильной и яркой. Мы говоримъ о его «Антологическихъ стихотвореніяхъ». Мы видимъ нѣкоторую и весьма-таки замѣтную двойственность этого таланта, несмотря на то, что надъ обѣими сторонами всецѣло вѣетъ духъ чисто-индивидуальной особенности поэта, духъ этой прозрачной, свѣтлой призрачности и наивности. Различіе этой двойственности заключается главнѣйшимъ образомъ въ краскахъ, какія поэтъ кладетъ на свои образы, и его лучше всего пояснить нагляднымъ примѣромъ. Вспомните хотя бы начальную пьеску изъ элегій: «О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной», и особенно ея серединныя строки:

Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ незримый,
 Досады и стыда румянами палимый,
 Искать хотя одной загадочной черты
 Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять бывша выраженья
 Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья...

Вспомните еще «Давно-ль подъ волшебные звуки» (изруганную между прочимъ въ-доску г. Зайцевымъ библиографомъ «Русскаго Слова»), или «Шопоть, робкое дыханье» — и вы невольно почувствуете въ этой ясной свѣжести красокъ и ощущеній какую-то неуволнимую *призрачность*. Это именно будутъ краски призрачныя, а не реальныя, несмотря на то, что въ нихъ до послѣдней степени вы чувствуете, осязаете близость и тонкую вѣрность живой природы.

Теперь возьмите на выдержку маленькое стихотвореніе въ антологическомъ родѣ.

Съ корзиной полною цвѣтовъ на головѣ
Изъ сумрака аллея она на свѣтъ ступила—
И побѣжала тѣнь за ней по муравь,
И поль-лица ей тѣнь корзины осымла;
Но и подъ тѣкію узнаешь ты какъ-равъ
Прихвѣты южнаго созданья безъ ошибки —
По свѣтлому зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки!

Вспомните еще изъ того-жъ отдѣла «Вакханку» («Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда») или «Діану» — и вамъ съ перваго же взгляда кинется въ глаза этотъ яркій, страстный и чисто-итальянскій колоритъ при необыкновенной въ тоже время реальности образовъ. Въ нихъ есть что-то такое, что намъ напоминаетъ другаго художника — не стихотворца, а живописца — напоминаетъ Брюллова, который одинъ, кажется, умѣлъ такъ овладѣть этимъ жаркимъ колоритомъ и реальностью образовъ въ картинахъ, навѣянныхъ Италіей. Эта образность и тѣлесность достигаетъ у Фета иногда до той степени, гдѣ слово человеческое оказывается какъ-бы бѣднымъ для такого всецѣлаго оцутительнаго выраженія, а между тѣмъ поэтъ выходитъ полнымъ побѣдоносцемъ изъ этой задачи. На то впрочемъ онъ и поэтъ! Въ примѣръ такой изумительной образности мы приведемъ одну строфу изъ пьески «Телемакъ у Калипсы»:

Смолили нивы. Тихо дышетъ
Море, паръ подъявъ туманный;
Всѣ безмолствуютъ упорно.
Нимфа эхо ясно слышитъ
Какъ смолы блазующей
На жаровнѣ прѣщутъ зерна.

Нѣкоторыя пьесы дышатъ такою античною строгостью и простотою, что такъ и чудятся, будто это аттический барельефъ или фреска:

Ночь весенней нѣгой дышетъ,
Вѣтеръ взморья не колыхнетъ,
Весь заливъ блеститъ какъ сталь,
И надъ моремъ облаками,
Какъ ползущими горами,
Разукрасилася даль.

Долго будетъ утомленный
Спать съ Фетидой Февъ влюбленный;

Но Аврора ужь не спитъ,
И смутясь блаженствомъ бога,
Изъ подводнаго чертога
Съ яркимъ факеломъ бѣжитъ.

Господа, ругающіе между прочимъ съ особеннымъ усердіемъ и Лермонтова, и Пушкина (о Майковѣ и прочихъ ужь нечего и говорить!), не находящіе ни въ одномъ изъ поэтовъ никакого смысла и никакой *надобности и пользы*, могутъ смѣло спросить: для чего все это и къ чему все это ведетъ, и какая кому изъ этого польза выходитъ? Мы же смѣло можемъ отвѣтить, что для подобныхъ господъ пользы тутъ дѣйствительно нѣтъ никакой, равно какъ нѣтъ ея и для филистеровъ, и для людей одаренныхъ нечеловѣческими нервами. А къ чему все это ведетъ и для чего все это — подобнымъ субъектамъ объяснять тоже невозможно. Глухоймой, какъ ты тамъ себѣ ни старайся, а звука все-таки не услышишь. Примѣръ нѣсколько мягокъ, но читатель по своему вкусу можетъ выбрать другой, болѣе подходящий.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ.

У нашихъ поэтовъ есть между прочимъ одна непохвальная замашка — портить свои собственные стихотворенія. Эта порча происходитъ конечно изъ желанія сдѣлать лучше, но въ большинствѣ случаевъ оказывается дѣланьемъ хуже. Этого особенно долженъ бы остерегаться Фетъ, вся сила и прелесть котораго заключается въ передачѣ минуты, мимолетнаго впечатлѣнія, тѣми словами или даже звуками, которые пробуждаются въ его душѣ самымъ поэтическимъ ощущеніемъ и котораго потомъ уже не возсоздать памятью. Но какъ нарочно, нашъ поэтъ едва-ли не болѣе другихъ подверженъ этой слабости. Мы съ сожалѣніемъ увидѣли въ новомъ изданіи, что онъ перепортилъ-таки нѣсколько замѣчательно-хорошихъ стихотвореній. Кто не помнитъ напримѣръ пьески — «Только станетъ смеркаться немножко, буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ»? Въ ней г. Фетъ испортилъ второе четверостишіе, и именно одинъ изъ лучшихъ, изъ образившихъ своихъ стиховъ. Прежде, непорочное, оно было таково:

Потушу передъ зеркаломъ свѣчи, —
Я каминъ раскалю до-бѣла,
Стану слушать веселыя рѣчи,
Безъ которыхъ мнѣ жизнь не мила.

Что можетъ быть проще, естественнѣе и имѣеть выразительнѣе

этихъ стиховъ? Поэтъ долженъ бы кажется дорожить ими, а онъ измѣняетъ ихъ въ новомъ изданіи такимъ водянистымъ образомъ:

Потушу передъ зеркаломъ свѣчи, —
Отъ камина свѣтло и тепло;
Стану слушать веселыя рѣчи,
Чтобы вновь на душѣ отлегло.

И то, да не то! Чего-то нѣтъ, недостаетъ той простоты, силы, какая есть въ первоначальномъ текстѣ. Но это еще поправка на личный вкусъ автора: лучше показалось, — ну и перенравилъ. А то у него есть поправки менѣе извинительныя. Одна статья о его стихахъ 1856 года укорвала его въ выброскѣ послѣдняго куплета изъ стихотворенія: «Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ», куплета, въ которомъ неволью какъ-то сказана весь характеръ музы нашего поэта:

....Отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ —
И не знаю самъ, что буду
Пить, — но только вѣселя зрѣть.

И поэтъ образумился и вставилъ его въ нынѣшнее изданіе. Мы хотимъ указать ему еще на одну новую выкидку, въ надеждѣ, что въ послѣдующемъ изданіи авось-либо онъ снова вставитъ прежніе стихи.

Въ небольшой пьескѣ: «Спи! еще зарею холодно и рано» уничтоженъ нѣ послѣдній куплетъ:

Скоро вспыхнуть тучи,
Горы и потоки
И на блѣдной ручкѣ
Молодыя щеки.

Ну, скажите бога-ради, чего же вы тутъ испугались? Вѣдь вы точно будто господина Зайцева испугались, который обрадовался бы, что вотъ-де открытіе: на ручкѣ вдругъ щеки выросли, когда ни Фогтъ, ни Мошешотъ ни слова не упоминаютъ объ этомъ! Но вѣдь настоящій поэтический смыслъ этихъ стиховъ понятенъ же для всякаго, кромѣ; критиковъ раздѣляющихъ мнѣнія г. Зайцева, но развѣ можно ихъ взгляды принимать мало-мальски серьезному человѣку въ какое-нибудь соображеніе?

Но какъ бы то ни было, богата или бѣдна содержаніемъ поэзія Фета, лождежся или нѣтъ мы отъ него новыхъ пѣсенъ и звуковъ, уже то что,

дамо имъ публикѣ до сихъ поръ, носятъ на себѣ несомнѣнную печать самобытнаго таланта, и это-то свойство всегда будетъ привлекать къ себѣ почитателей и доставлять развитымъ людямъ наслажденіе, пока не устарѣетъ совсѣмъ его языкъ или не исчезнутъ въ дунѣ человеческой тѣ тонкія, поэтическія движенія, которыхъ Фетъ является столь смѣлымъ и яркимъ выразителемъ. Но да забавитъ насъ Богъ отъ исполненія послѣдняго предположенія!

• *ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ИТАЛІИ, съ 1846 по 1850 годъ. Сочиненіе Діэго Сорія, профессора публичнаго права въ Италіи. Переводъ П. Канчаловскаго. Изданіе В. Висковатова. Т. I. Выпускъ I. С. Петербургъ. 1863.*

Въ качествѣ юриста, Діэго Сорія взялъ на себя роль адвоката Италіи, обвиненной европейскою прессой въ всѣхъ кровопролитіяхъ и революціяхъ, которыя обуревали ея существованіе съ 1846 г. по 1850, и составилъ книгу, часть которой, къ удовольствію многихъ читателей, могла появиться и въ русскомъ переводѣ. Дѣйствительно, разбираемая книга — во многихъ отношеніяхъ многозначительное явленіе въ нашей исторической литературѣ, хотя она на первый взглядъ покажется простымъ изложеніемъ историческихъ фактовъ упомянутой эпохи, пережитыхъ и выстраданныхъ рассказчикомъ, человѣкомъ честнымъ и здравомыслящимъ. Никакой вы тутъ не замѣтите глубоко-ученой системы, никакой претензіи на эрудицію: все живо, просто, отъ души, въ каждой строчкѣ вы чувствуете присутствіе человѣка, горячо любящаго правду, глубоко-негодующаго на всякую ложь и несправедливость, словомъ — живаго человѣка, а не сухую мумію кабинетной нѣмецкой науки. Поэтому мы, къ сожалѣнію, увѣрены, что найдется много русскихъ читателей, которые не удостоятъ эту книгу даже названія исторіи.

Повторяемъ, что ничего нѣтъ труантѣ, какъ представить въ краткомъ очеркѣ систему изложенія фактовъ, заключающихся въ разбираемой книгѣ; но несмотря на этотъ повидимому хаосъ и отсутствіе единства, книга въ цѣломъ производитъ *одно*, строго-опредѣленное впечатлѣніе — а это лучшее ручательство, что въ книгѣ есть и система, и одна общая мысль.

Но читателю, незнакому еще съ книгою профессора Сорія, вѣроятно захочется все-таки имѣть хоть общее понятіе о ея содержаніи;

потому мы должны постараться удовлетворить его хоть сколько-нибудь въ этомъ отношеніи.

Въ разбираемомъ выпускѣ заключается семь главъ. Содержаніе первой изъ нихъ очень опредѣленно: это очеркъ политическаго состоянія Италіи въ 1815 году и важнѣйшія ея событія съ этого времени до 1846 г., т. е. изображенію реакціи во всѣхъ частяхъ Италіи въ пользу сверженныхъ французами династій, революціи въ Неаполѣ, Пьемонтѣ, Соверно, Романья, вмѣшательства Европы. Затѣмъ вторая глава почти исключительно посвящена папской области, и именно вступленію на престолъ Піа IX в первые годы его правленія. Эта глава имѣетъ очень много современнаго интереса, знакомя насъ безпристрастно и дѣльно съ этой личностью, какъ извѣстно, являющеюся камнемъ преткновенія объединенію Италіи. Много любопытнаго о папскихъ же владѣніяхъ встрѣчаемъ и въ третьей главѣ; въ особенности интересно разобранъ вопросъ о вліяніи политики папскаго двора на другихъ итальянскихъ правителей. Авторъ, очевидно, очень симпатизируетъ съ папскимъ правительствомъ, даже питаетъ къ нему особенную слабость: такъ, рассказавъ въ четвертой главѣ о смутахъ въ сѣверной Италіи въ 1847 г., онъ въ пятой опять переходитъ къ милымъ его сердцу папскимъ владѣніямъ и чрезвычайно обстоятельно рассказываетъ рѣшительныя народныя демонстраціи въ Римѣ въ концѣ 1847 г. и началѣ слѣдующаго и затруднительное положеніе безхарактернаго римскаго первосвященника именно между двухъ огней — т. е. обскурантной, но сильной клерикально-аристократической партіи и народомъ. Но конечно, всего любопытнѣе въ книгѣ глава шестая, которая навсегда останется драгоценной страницей въ исторіи: она повѣствуетъ міру о томъ, какъ самый антиконституціонный и антилиберальный король, какой когда-либо называлъ корону (Фердинандъ II), пожаловалъ своему народу конституцію, послѣ самой кровопролитной революціи со стороны послѣдняго и не менѣе кровопролитныхъ «возстановленій порядка» со стороны перваго. На этотъ фактъ, изложенный у профессора Сорія, мы совѣтуемъ читателю обратить особенное вниманіе; онъ безукоризненно-типиченъ въ своемъ родѣ. Конечно и послѣдняя, седьмая глава не менѣе поучительна, хотя факты, изложенные ею, далеко не имѣютъ такого колоссально-чудовищнаго характера; такъ въ этой главѣ, по поводу конституціи, общаго папоу, представляется примѣръ того значенія въ серьезныхъ гражданскихъ вопросахъ, какое могутъ имѣть такъ-называемые умѣренные граждане.

Этимъ мы оканчиваемъ очеркъ содержанія разбираемой книги и переходимъ къ дѣлу, по-нашему, гораздо болѣе важному, а именно къ характеристикѣ ея направленія, и думаемъ сдѣлать это обрисовкою двухъ-трехъ заключающихся въ ней эпизодовъ. Начать можемъ хоть съ того изъ нихъ, которымъ окончили очеркъ содержанія, т. е. съ отношенія партіи «умѣренныхъ» къ серьезному государственному дѣлу:

Когда, въ началѣ 1848 г., Австрія стала принимать относительно Италіи все болѣе и болѣе угрожающее положеніе и козыми находить себѣ поддержку даже во многихъ итальянскихъ городахъ, и наконецъ открыто объявивъ о намѣреніи занять войсками Римъ, Флоренцію и Александрію, стала уже къ этому готовить военныя силы, римская молодежь въ порывѣ патріотизма требовала отъ правительства оружія съ цѣлью защитить и себя и его отъ иноземнаго порабощенія. Но, говоритъ Сорія, «такъ-называемая партія умѣренныхъ, партія друзей такой свободы, которая, по ихъ мнѣнію, должна была придти сама собою, сильнѣе всего противодействовала этимъ стремленіямъ римскаго юношества и требовала «смирненнаго ожиданія». Между тѣмъ въ Римѣ случилось молебствіе за тѣхъ, кто былъ убитъ австрійцами, и священникъ Гавацци съ кафедръ призывалъ римлянъ къ войнѣ. Это сильно не понравилось «умѣреннымъ», и по ихъ просякамъ Гавацци былъ сосланъ, что крайне раздражило всѣхъ гражданъ Рима противъ правительства въ то время, когда въ виду грознаго общаго врага ихъ согласіе было всего важнѣе. Еще рѣзче проявились навѣстныя свойства этихъ такъ-называемыхъ «умѣренныхъ» гражданъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: видя совершенную невозможность сопротивляться болѣе и болѣе настоятельнымъ требованіямъ народа, Пій IX рѣшился дать наконецъ Риму въ этомъ же 1849 г. конституцію. «Умѣренные» явились чуть ли не главными ея противниками, напуганные какииъ-то призракомъ необходимаго соотношенія между этой «непозволительной» уступкой и только-что тогда вспыхнувшей французской революціей. За то не щадить же ихъ профессоръ Сорія! Вотъ какъ онъ ихъ характеризуетъ между-прочимъ: «они для себя желали всѣхъ благъ въ мірѣ; но такъ какъ каждое усиленное средство для достиженія чего бы то ни было, по мнѣнію умѣренныхъ, считалось крайностью, то всѣ ихъ желанія оставались несбыточной мечтой». Въ самомъ дѣлѣ, умѣренные своей нерѣшительностью довели дѣло до того, что въ главѣ римскаго министерства сталъ наконецъ человекъ изъ партіи крайнихъ либераловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что этой партіей умѣренныхъ какъ нельзя лучше

могут пользоваться люди често-ретроградныхъ стремленій: въ этомъ-то все ихъ несчастье, иначе они бы были совершенно безвредными, нулевыми личностями.

Мы переходимъ къ другимъ фактамъ изъ книги Сорія, которые всего ярче выставляютъ его принципы. Главнѣйшій и любопытнѣйшій изъ нихъ, какъ мы сказали выше, — пожалованіе конституціи Фердинандомъ II своимъ подданнымъ. Читателю конечно извѣстно, что этотъ государь былъ самымъ энергическимъ олицетвореніемъ принципа деспотизма, который какъ нельзя больше согласовался и съ его личнымъ характеромъ, энергически-твердымъ, высокоумнымъ и упорнымъ. И такого правителя постигла участь дать конституцію своимъ подданнымъ послѣ совершенной неудачи смирить ихъ самыми варварски-жестокими мѣрами. Но есть въ политической исторіи аксіома, что деспотизмъ можетъ дѣлать хорошія дѣла только въ-половину и всегда поздно, что въ сущности равно нулю. Такъ вслѣдствіе очень успѣшнаго сицилійскаго возстанія въ 1848 г. Фердинандъ издалъ пять декретовъ, предоставлявшихъ его подданнымъ такія уступки, какихъ никакимъ образомъ нельзя было ожидать отъ такого правителя: возвышалось значеніе верховныхъ совѣтовъ, автономія общинъ, отдѣлялась Сицилія отъ Неаполя въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ и др. Но все это было поздно. Будь оно двумя мѣсяцами раньше, говоритъ Сорія, оно имѣло бы благотворное вліяніе на всю Италію. «Но теперь Фердинандъ унижился и долженъ былъ войти въ переговоры съ торжествующимъ возстаніемъ, а потому его уступки не имѣли никакого значенія; онъ давалъ то, что ужъ было приобрѣтено народомъ, и давалъ весьма мало въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было ожидать отъ побѣды.» Такъ и случилось: извѣстно, что конституція была наконецъ пожалована.

Есть еще два важныхъ принципа, которые Сорія старается проводить въ своей книгѣ и на которые мы не можемъ не указать здѣсь. Дѣло въ томъ, что если съ одной стороны никакая чужеземная власть, какъ бы она ни была хороша, не можетъ удовлетворить правильно, граждански-развитаго народа, то съ другой — свои правители иногда бывають не въ прихѣтъ хуже всякихъ чужеземныхъ. Такъ, рассказывая о положеніи Италіи подъ властью Франціи до 1815 г. и признавая, что оно было сравнительно очень сносно, Сорія очень мѣтко слѣдующимъ образомъ характеризуетъ господство французовъ въ Италіи въ это время, господство столь типичное вообще для французской политики внѣшней и внутренней. Перечисливъ всѣ блага цивилизаціи, кото-

рыя итальянцы успѣли получить отъ своихъ «великодушныхъ» побѣдителей въ теченіи какихъ-нибудь пятнадцати лѣтъ — «уничтоженіе феодализма, открытіе (?) монастырей, сближеніе аристократіи и высшаго духовенства съ народомъ, равенство предъ закономъ» и много другихъ либеральныхъ мѣръ — онъ говоритъ однакоже слѣдующее: «Наглость солдатчины, тягость налоговъ, заставляли много терпѣть. Чиновники общественнаго порядка деспотически и строго исполняли свои обязанности; мнѣнія уважались, а человекъ былъ рабомъ человека, мысль была свободна, но тѣло въ неволѣ; полиція могущественна, жандармы и шпионы многочисленны, собранія запрещены, подозрѣніе леденглоумы, страхъ сжималъ языкъ, чувство патриотизма безпрестанно унижалось всеми возможными способами.» Въ такихъ же краскахъ Сорія описываетъ и позднѣйшія отношенія Австріи (стр. 52) и Англіи (стр. 183) къ несчастной Италіи.

Но гдѣ онъ говоритъ о своихъ, о домашнихъ, родныхъ деспотахъ, правителяхъ, гдѣ представляетъ всю гнусность ихъ измѣнническихъ поступковъ, тамъ онъ беспощадеиъ. Посмотрите, какими яркими красками онъ выставждаетъ личность Фердинанда III Сицилійскаго, слѣзавшагося въ силу вѣшательства иностранныхъ державъ и королеиъ неаполитанскимъ послѣ паденія Франціи. «Освобождаясь отъ вліянія Англіи и вида господство неограниченнаго самодержавія въ Европѣ, онъ болѣе никого не боялся, потерялъ ко всему уваженіе, даже къ собственной клятвѣ, потому что, принявши произвольно титулъ Фердинанда I-го, онъ говорилъ, что конституція была утверждена присягою *Фердинанда III Сицилійскаго*, но что *Фердинандъ I, король обѣихъ Сицилій*, не клялся ни въ чемъ. Онъ притѣснялъ государственный совѣтъ, не терпѣлъ его членовъ, и заботясь только о своей власти, пользовался ею для отобранія богатствъ страны.» Неаполь возсталъ, и побѣжденный король далъ клятву ввести испанскую конституцію. Но въ Лайбахѣ, гдѣ онъ долженъ былъ защищать народныя интересы, онъ очень легко разрѣшилъ себя отъ этой клятвы тѣмъ, что пожертвовалъ серебряный подсвѣчникъ пресвятой дѣвѣ и... съ австрійскимъ войскомъ вдругъ подступилъ къ своему королевству. Предпріятіе это впрочемъ вѣроятно ему не удалось бы, еслибъ не измѣнилъ народному дѣлу регентъ Францискъ: онъ передалъ страну Фердинанду, который, «исторгнувъ у людей свободу и жизнь, и желая дать собою невѣроятный примѣръ исторіи, далъ свободу (?) сорока бѣлымъ сибирскимъ медвѣдямъ, подарку

русскаго императора». Такого рода поступковъ итальянскихъ правителей у Сорія встрѣчается множество.

Но безъ сомнѣнія всего возмутительнѣе читать, когда такія же вещи, и еще не въ примѣръ безиравственнѣе, совершаются по призванію и въ интересахъ того лица, которое выдаетъ себя за олицетвореніе принципсвъ христіанства. Вотъ напримѣръ какъ рассказываетъ Сорія объ «успокоеніи» папскими войсками возстанія въ областяхъ главы католицизма въ тридцатыхъ годахъ: «Папскія войска, одержавшая вездѣ верхъ надъ живымъ сопротивленіемъ вооруженнаго народа и обозначая свой слѣдъ ужасами, приближались. Равенна была театромъ самыхъ страшныхъ жестокостей. Папскіе солдаты, войдя безъ сопротивленія въ Форли, стрѣляли въ любопытныхъ и спокойныхъ зрителей, убили много женщинъ и ругались надъ ихъ трупами. Въ Чезенѣ, избивъ женщинъ и дѣтей, они не оказали уваженія даже всѣмъ чтимому храму мадонны di-Monte; солдаты намѣстника Христа разхитили священные сосуды, ограбили алтари, проникли въ монастыри, и обезчестивъ дѣвъ, зарѣзали ихъ. Поведеніе папскихъ войскъ было наконецъ до того омерзительно, что въ то время, когда они приближались къ Болоньѣ, городъ открылъ ворота иѣмцамъ; другіе города послѣдовали тому же примѣру; всѣ призывали австрійцевъ, какъ спасителей и покровителей».

Надѣмся, что сдѣланныя выиски и извлеченія достаточно подтвердятъ наше мнѣніе о книгѣ профессора Сорія, высказанное въ началѣ этого разбора.

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, составлена В. Костомаровымъ. Спб., въ типографіи III отдѣленія е. и. в. канцеляріи. Выпуски I и II. 1863.

Понименная книга составляетъ часть большаго сочиненія, выходящаго подъ редакцію А. Милюкова, подъ общимъ заглавіемъ: *Исторія литературы древняго и новаго міра*. Всѣ вышедшія до сихъ поръ части этого сочиненія въ совокупности и каждая изъ нихъ въ отдѣльности обладаютъ всѣми свойствами, отличающими обыкновенно наши отечественные учебники: половина содержанія этихъ книгъ самымъ безцеремоннымъ образомъ заимствована у Шерра, какъ извѣстно, переведеннаго на русскій языкъ, а другая половина поражаетъ своимъ словообиліемъ и безтолковостью. Мы пройдемъ совершеннымъ молчаніемъ первый томъ

этого сочиненія, обнимающій классическую древность — Грецію и Римъ, такъ какъ эта часть довольно основательно разобрана въ июльской книгѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Говорить, слѣдовательно, объ этой части, значить повторять уже сказанное въ другомъ журналѣ и пить съ чужаго голоса. Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе объ этой части, мы приводимъ слѣдующія сираведливныя слова изъ статьи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія»:

«Исторія литературы древняго и новаго міра имѣетъ весьма мало значенія при книгѣ Шерра и нижеслѣдующей — Мунка ¹⁾. На оберткѣ *Исторіи литературы* г. Милюкова красуется много именъ, именно: Шерръ, Шлоссеръ, Гетнеръ, Шлегель, Шмидтъ, Готшалъ и друг., но едва-ли г. редакторъ Милюковъ пользовался трудами всѣхъ этихъ ученыхъ. Сличая книгу г. Милюкова съ книгою Шерра, мы нашли между ними рѣшительное сходство; скажемъ болѣе: Милюковъ перевелъ всего Шерра, а говоритъ, или увѣряетъ, что онъ, г. Милюковъ, составилъ свою книгу по Шерру, Шлоссеру, Готшалю и пр. Не только планъ и отдѣльное расположеніе частей, но и самые источники и даже отборныя фразы цѣликомъ взяты у Шерра.

Далѣе, цѣлый рядъ сличеній книгъ Милюкова и Шерра оправдываетъ приведенный выше отзывъ. Изъ нихъ видно, что г. Милюковъ переводилъ Шерра не только при отдѣльныхъ характеристикахъ, но даже при опредѣленіи слова *литература* и вообще литературныхъ періодовъ и отдѣльныхъ терминовъ. Въ этой же статьѣ доказывается не только несостоятельность этой книги, какъ оригинальнаго труда, составленнаго по источникамъ, но и то, что она страдаетъ самыми грубыми ошибками и что ей не совѣсти безопасно довѣряться. Небезосновательность такого предостереженія оправдывается слѣдующимъ при- мѣромъ. «На страницѣ 147 г. Милюковъ перечисляетъ трагедіи Эврипида и впадаетъ въ непростительную ошибку. Онъ говоритъ, что у Эврипида есть трагедіи: «увѣнчанный *Ипполитъ*, *Гекаба* (Гекуба), *Андромаха*, *Федра*» и пр. Позволяешь себѣ замѣтить, что у Эврипида нѣтъ трагедіи, зовомой *Федра*: Эврипидъ написалъ трагедію «*Ипполитъ*», а въ ней главное дѣйствующее лице *Федра* ²⁾. Но *Федра* — дѣйствующая героиня, а не трагедія; сказать «*Федра*» — трагедія Эври-

¹⁾ Мункъ, «Исторія греческой литературы».

²⁾ Промахъ г. Милюкова тѣмъ болѣе неизвинителенъ, что на страницѣ 518 онъ самъ говоритъ противъ себя: «*Ипполитъ* или *Федра*».

ида такъ же справедливо, какъ и «Гоголь написалъ двѣ комедіи: Ревизоръ и Иванъ Александровичъ Хлестаковъ.»

Одно только отличіе эта статья находитъ между книгою г. Миллюкова и Шерра, а именно «въ разсказѣ содержанія вѣкоторыхъ произведеній греческой и римской литературы, въ указаніи, весьма ограниченномъ, русскихъ переводовъ изъ греческаго и римскаго...»

Приступая къ разсмотрѣнію книги, поставленной въ заголовкѣ настоящей статьи, не мѣшаетъ прибавить, что къ *итальянской литературы* г. В. Костомарова можно примѣнить почти всѣ тѣ замѣчанія, которыми «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» охарактеризовалъ первую часть изданія г. Миллюкова. *Исторія итальянской литературы* страдаетъ тѣмъ же отсутствіемъ всякой самостоятельности со стороны автора и такую же легкомысленною игрою научными авторитетами, съ которыми автору врядъ ли даже приходило въ голову справляться. На оберткѣ книги встрѣчаются слѣдующія имена: Шерръ, Крешимбени, Тирабоски, Маффеи, Генгенé, Сизмонди, Вéгеле, Бутерверкъ, Рутъ, Ранке, Реймонтъ, Эвертъ, Вольфъ, Иделеръ, Геите и друг. Въ самомъ текстѣ очень часто фигурируютъ слова Шлоссера, Гервинуса, Маколея и т. д. Самый объемъ книги, т. е. одной итальянской литературы, судя по первымъ двумъ выпускамъ, не долженъ быть меньше всего руководства Шерра. Все это съ перваго раза придаетъ книгѣ г. Костомарова видъ солиднаго сочиненія, но *только* съ перваго раза; говоря яенѣе, чуть читатель открылъ книгу и прочелъ первую страницу, онъ долженъ убѣдиться, что его предположенія насчетъ ея солидности были одними только предположеніями, которымъ не суждено осуществиться на самомъ дѣлѣ. При громадномъ количествѣ именъ и источниковъ, цитируемыхъ на оберткѣ и въ текстѣ, при сравнительно-большомъ объемѣ самой книги и ея ученой обстановкѣ, трудно и полагать, что авторъ просто-напросто выписывалъ цѣлыя страницы изъ учебниковъ и болѣе серьезныхъ книгъ, поставилъ ихъ въ порядкѣ, принятомъ Шерромъ въ своемъ руководствѣ — и все это вмѣстѣ назвалъ исторією литературы, составленной по источникамъ. Мы уже сказали, что съ первой страницы намъ пришлось разочаровываться въ истинѣ, что г. Костомаровъ задумалъ подарить публику толковымъ учебникомъ, добросовѣстно составленнымъ на основаніи тѣхъ средствъ и источниковъ, о которыхъ въ немъ упоминается. Рѣшившись составить полный и подробный курсъ итальянской литературы, авторъ, пользовавшійся такимъ богатымъ собраніемъ вспомогательныхъ средствъ,

не знаетъ что говорить въ началѣ своего труда о томъ предметѣ, который у него займетъ книгу въ нѣсколько выпускахъ, — и съ самаго опредѣленія итальянской литературы безцеремонно перефразируетъ учебникъ Шерра. Все введеніе пѣликомъ взято у Шерра, но мы его выписывать не станемъ, для сбереженія времени и мѣста. А вотъ нѣкоторыя мѣста:

У В. Костомарова:

«Въ отечествѣ своемъ, — такъ начинается книга г. Костомарова. — Италіи, латинскій языкъ удержался въ устахъ людей гораздо долѣе, чѣмъ въ остальныхъ мѣстобываніяхъ Ромэновъ, и это-то было причиною того, что итальянскій языкъ позднѣе другихъ южно-европейскихъ нарѣчій приобрѣлъ грамматическую организацію и стилистическую опредѣленность. Языкъ романскій (*romanzo*) развѣтвился отъ Альповъ до Сициліи на безчисленныя нарѣчія. На сѣверѣ Италіи обладалъ элементъ языка германскихъ завоевателей, который еще до сихъ поръ слышенъ въ силѣ и грубости діалектовъ Пьемонта, Ломбардіи и Ромэньи; въ мягкости же и мелодическомъ теченіи рѣчи Рима и Тосканы, напротивъ того, чувствуется гладкость и изящество языка Цицерона; наконецъ, греческіе и арабскіе элементы языка и теперь еще слышатся въ діалектахъ Сициліи и Калабріи...

Отголосокъ слоговъ, *рифма*, которая введена въ романскую поэзію изъ подражанія поэтическимъ формамъ арабовъ, заступила въ Италіи мѣсто древней просодіи. Имѣя огромное количество однозвучныхъ окончаній, итальянскій языкъ скоро отдѣлился отъ всѣхъ другихъ отвѣтвленій романскаго корня и приобрѣлъ

У I. Шерра:

Въ своей отчизнѣ, въ Италіи, латинскій языкъ въ устахъ образованнаго класса могъ удержаться долѣе, чѣмъ въ остальныхъ романскихъ земляхъ, и отсюда произошло то, что итальянскій языкъ достигъ грамматической стройности и стилистической выработки позже всѣхъ остальныхъ южноевропейскихъ языковъ. На протяженіи отъ Альпъ до Сициліи романцо развѣтвилось на безчисленныя нарѣчія. На сѣверѣ страны вліяніе языка германскихъ завоевателей стало преобладающимъ явленіемъ, которое и теперь еще слышится въ силѣ и суровости нарѣчій Пьемонта, Ломбардіи и Ромэньи; напротивъ того въ мягкости и мелодичной текучести римской и тосканской рѣчи болѣе чувствительно вліяніе изящной гладкости языка Цицерона, и наконецъ въ нарѣчіяхъ калабрійскихъ и сицилійскихъ до сихъ поръ еще, по мнѣнію людей, знающихъ дѣло, можно отличить греческія и арабскія стихіи...

Созвучіе окончаній, рифма, получившая право гражданства въ романскихъ земляхъ вслѣдствіе подражанія поэтической формѣ арабовъ, заняла, какъ вообще въ романцо, такъ и въ Италіи, мѣсто античной просодіи, причѣмъ огромный запасъ однозвучныхъ оконча-

удивительно мелодичный заданъ и музыкальную плавность, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту склонность къ часто *безмысленной* игрѣ словъ и звуковъ, которую такъ любятъ итальянскіе поэты и миннезингеры. Склонность эта есть совершеннѣйшій органъ народнаго характера, главная черта котораго: фантазія и чувственность; — характера совершенно противоположнаго нѣмецкому глубокомыслию и созерцательности; — характера безпрерывно-посягающаго на представительность, внѣшній блескъ и шумную публичность. Эти стремленія опредѣляютъ образъ жизни и мыслей итальянца. Онъ, — злосчастный врагъ тишины, уединенія, домовитости, всей своей душой живетъ въ шумѣ улицъ и площадей, которая удовлетворяютъ его склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ, его страсти къ зрѣлищамъ, его стремленію придать какъ можно болѣе важности своей особѣ, желанію выставить свое собственное явъ самомъ выгодномъ свѣтѣ, — страсти къ великолѣпію и блеску, къ безчисленнымъ праздникамъ, процессіямъ и церемоніямъ, изъ которыхъ его *совершенно - художественный организмъ* почерпаетъ всегда новую пищу.

Религія приспособилась къ характеру страны, и католицизмъ явился здѣсь культомъ — совершенно чувственнымъ и полнымъ фантазіи обрядомъ.

Католицизмъ какъ нельзя болѣе способенъ держать въ состояніи дѣтства народъ, который при всемъ его временномъ моральномъ упадкѣ и растлѣніи все-таки порываетъ впередъ и время отъ времени заявляетъ о своей жизни такими

нѣй до такой степени благопріятствовалъ водворенію рифмы, что вскорѣ итальянская поэзія далеко опередила всѣ остальные неистощимымъ богатствомъ рифмы ея художественныхъ сочиненій, а языкъ усвоилъ себѣ удивительную мелодичность и музыкальную плавность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и склонность къ пустой игрѣ звуковъ безъ всякаго содержанія. Онъ какъ нельзя лучше приходится по плечу народному характеру, основную черту котораго составляютъ фантазія и чувственность, и который, совершенно въ противоположность нѣмецкой глубинѣ и созерцательности, стремится исключительно къ специчности, внѣшнему блеску и шумной публичности. Этимъ стремленіемъ опредѣляется весь образъ мыслей и жизни итальянца. Отъявленный врагъ тишины, уединенія и домовитости, онъ всей душой живетъ въ сумятицѣ уличной и площадной жизни, которая совершенно отвѣчаетъ его желанію чувственныхъ наслажденій, его страсти поглазѣть, его старанію дать значеніе своей личности, выставить ее въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, его наслаженію торжественностью и пышностью, и удовлетворяетъ имъ безконечнымъ множествомъ празднествъ, процессій и церемоній, откуда его чистохудожнической организмъ всегда почерпаетъ новую пищу. Религія приспособилась въ Италіи къ этому характеру страны, и католицизмъ является здѣсь совершенной миологіей, свѣтлой и чувственной, и картиннымъ церемоналомъ. Онъ долженъ былъ въ высшей степени способствовать продолженію того состоянія дѣтства въ народѣ, кото-

фактами, которые не оставляют никакого сомнѣнія, что духовною жизнью итальянцевъ управляетъ гораздо болѣе чувство, чѣмъ мысль. Еслибы церковь, въ соединеніи съ усыпляющими, слишкомъ благосклоннымъ климатомъ не погрузила въ сонъ мыслительную силу націю, — то такая печальная политическая судьба не постигла бы страну, и лучшія способности ея сыновъ развились бы и окрѣпли. Постоянно служа цѣлю завоеваній, управляемая, разграбленная и раздѣленная то римлянами, то испанцами и французами, то норманами, то арабами и германцами, — Италия рано должна была потерять чувство національной самостоятельности и даже мимолетные, но все-таки блестящіе періоды ломбардскихъ и тосканскихъ республикъ, Венеціи, Генуи, гордыхъ повелительницъ моря, — не могли ничего сдѣлать для возрожденія этого духа.

рое даже и въ эпохи его нравственнаго упадка и распущенности — постоянно проглядываетъ въ немъ и въ особенности обнаруживается тѣмъ, что внутренній міръ итальянца управляется гораздо болѣе минутными впечатлѣніями, чѣмъ страстью. Если съ одной стороны церковь, заодно съ вліяніемъ расслабляющаго и изнѣживающаго климата, дѣлала всевозможное, чтобы усыпить мысль въ народѣ и всей его жизни дать одинъ исходъ во внѣшностяхъ, то съ другой — и печальная политическая судьба страны не представляла условій благоприятныхъ для развитія и укрѣвленія въ немъ лучшихъ качествъ. Какъ постоянная цѣль завоеваній, Италия поочередно подчинялась, угнеталась, разорялась и раздроблялась римлянами, германцами, норманами, арабами, испанцами и французами, и рано должна была утратить чувство національной самостоятельности; и даже блестящіе, хотя и кратковременные, періоды ломбардскихъ и тосканскихъ республикъ, морскихъ вольныхъ городовъ, Венеціи и Генуи, не могли воскресить въ ней этого чувства.

Изъ приведенныхъ нами цитатъ читатели могли убѣдиться, что крошечныя выписки изъ учебника Шерра, въ введеніи ничего нѣтъ такого, что можно было бы приписывать самому автору. Далѣе, весь планъ и раздѣленіе итальянской литературы также заимствованы у Шерра. Въ отдѣльныхъ характеристикахъ, какъ мы это увидимъ, опять передѣлка Шерра. Въ чемъ же собственно заслуга и достоинства г. Костомарова? Что могло побудить его продолжать свой трудъ послѣ того, какъ руководство Шерра почти все уже отпечатано въ русскомъ переводѣ? Единственный отвѣтъ, который только возможенъ въ настоящемъ случаѣ, долженъ состоять въ томъ, что книга г. Костомарова значительно полнѣе краткаго отзыва Шерра объ итальянской литературѣ, за-

нимающаго всего 66 страницъ руководства (отъ 233—289.) Дѣйстви- тельно, если судить по числу страницъ, то нельзя не отдать преимущ- вства г. Костомарову, потому что въ однихъ только двухъ вышедшихъ выпускахъ, не обнимающихъ даже двухъ полныхъ періодовъ итальян- ской литературы (а всѣхъ періодовъ должно быть четыре), уже нахо- дится 552 стр. Нельзя не отдать еще преимущества г. Костомарову пе- рехъ издателемъ Шерра въ умѣнны цѣнить свои произведенія, потому- что книга г. Костомарова обойдется покупателямъ гораздо дороже всего Шерра, обнимающаго, какъ извѣстно, не одну итальянскую, но и всеобщую литературу. Вотъ единственныя преимущества изданія г. Костомарова передъ руководствомъ Шерра. Во всемъ остальномъ она стоитъ несрав- ненно ниже Шерра, отличающагося мѣткостью, ясностью, и главное, — и на это преимущественно слѣдовало обратить вниманіе, — отсутствіемъ всякаго празднословія. Если достоинство книги не обуславливается однимъ только числомъ печатныхъ страницъ, а количествомъ полезныхъ знаний, сообщаемыхъ этими страницами, то книга г. Костомарова, безспорно, стоитъ ниже руководства Шерра тѣмъ уже, что въ общемъ потоки беспо- лезной фразеологіи и никуда негодныхъ подробностей, терются и тѣ дра- годѣянныя и полныя научнаго достоинства мѣста, которыя авторъ за- нимаетъ у Шерра.

Посмотримъ, что г. Костомаровъ прибавилъ новаго къ тому, что было уже разъ высказано Шерромъ. Разсматривая внимательно объ- книги, каждый читатель убѣдится, что кромѣ болѣе подробныхъ био- графій *главныхъ* литературныхъ дѣятелей (какъ Данте, Петрарка, Бок- качіо, Тассо, Макиавелли) и такого же подробнаго изложенія *содер- жанія ихъ главныхъ* произведеній, г. Костомаровъ буквально ни- чего не прибавилъ заслуживающаго интереса. Почти весь первый вы- пускъ посвященъ тремъ первокласснымъ дѣятелямъ перзаго періода итальянской литературы, и кромѣ указанныхъ нами особенностей, ни одной мысли не прибавлено къ тому, что высказано Шерромъ въ его краткомъ руководствѣ. Итакъ все достоинство г. Костомарова — въ по- добномъ изложеніи биографій и содержаній. Но что собственно говорится въ этихъ подробныхъ изложеніяхъ — и передать трудно. Укажемъ на нѣ- сколько образцовъ.

«Пять лѣтъ спустя послѣ этого происшествія (послѣ торжества ги- беллиновъ надъ гвельфами) родился Данте. Родословная его очень не- вѣрна. Нѣкоторые ведутъ ее отъ древней римской фамиліи Frangiani, изъ которой нѣкто, по имени Elisone или Eliseo, уже при Юліи Цезарѣ, или

по крайней мѣрѣ при Карлѣ Великомъ, переселился во Флоренцію и сдѣлался тамъ родоначальникомъ дома Элизей. (Боккаччіо, Манетти и др.) Впрочемъ Данте и самъ не зналъ ничего вѣрнаго о происхожденіи своего рода. Первый достовѣрный его предокъ былъ Каччіагвида, котораго поэтъ называетъ корнемъ своего родословнаго дерева. Этотъ Каччіагвида имѣлъ двухъ братьевъ: Марондо (умеръ безъ потомства ¹⁾) и Элизео (Рай XV, 136), и по всему тому, что заставляетъ говорить его Данте, видно, что пользовался во Флоренціи большимъ почетомъ. Въ 1138, онъ участвовалъ въ походахъ императора Конрада II, а въ 1147, возведенный въ достоинство рыцаря, умеръ во время крестоваго похода, отъ руки невѣрнаго (Рай XV, 139—148). Супруга его называлась Donna degli Aldighieri изъ Феррары, и по флорентійскому обычаю передала эту фамилію одному изъ сыновей своихъ, прадѣду поэта. Сынъ этого Алигьеро былъ Беллинчіоне, отецъ Алигьеро, отца Данте (и хорошо, и ясно!) Мать же его (?) извѣстна только подъ именемъ Донны Бэулы. — Данте родился въ маѣ 1265 года въ тотъ день, когда солнце стояло въ созвѣздіи близнецовъ, т. е. 14 числа (здѣсь авторъ дѣлаетъ примѣчаніе, относящееся къ Boyle, который съ большимъ въпряміемъ полагаетъ, что Данте родился 27 мая, (а почему именно съ большимъ, а не съ малымъ. — авторъ не говоритъ; напрасно!) и получилъ при крещеніи въ баттистеріи Сан-Джованни имя Дуранте, сократившееся въ послѣдствіи въ *Данте*. Знаменитый ученый того времени (впослѣдствіи учитель Дантовъ) Брунетто Латини предсказалъ тогда ему великую славу и составилъ по звѣздамъ гороскопъ, на который намекаетъ 55—58 ст. XV пѣсни Ада.»

Этому полному жизни и интереса очерку предшествуетъ описаніе распри гвельфовъ и гибеллиновъ, на томъ дескать разумномъ основаніи, что исторія жизни Данте тѣсно связана съ политическими событіями.

Вотъ еще образецъ:

«Въ какое негодованіе приводитъ поэта безнравственность духовенства, видно лучше всего изъ XVIII пѣсни Чистилища, гдѣ поэтъ заставляетъ апостола Петра восклицать: «это тотъ, кто на землѣ присвоилъ себѣ престолъ мой, тотъ, кто отрекся отъ сына божія и изъ моей гробницы сдѣлалъ клоакъ крови и смрада»... (22) При этихъ словахъ небо покрылось мракомъ, какъ въ минуту смерти Иисуса.»

¹⁾ Очень благодарны автору за интересное извѣстіе; безъ этого, знакомство съ дѣятельностію Данте невозможно.

Вотъ какое любопытное заключеніе выводитъ авторъ изъ этого не чистаго любопытнаго вывода:

«Изъ этого мы видимъ, какъ мало понимали Данте тѣ, которые считали его то тайнымъ, то открытымъ приверженцемъ той или другой партіи. Ни ослѣпительный блескъ сана главы республики, ни иракъ изгнанія, не могли разсѣять того прекраснаго идеала, который всегда носился передъ глазами поэта, идеала *всемірной и свободной монархіи*. И этого-то человѣка, который до послѣдней минуты своей жизни былъ боищомъ за свою идею (свободная монархія), упрекають въ недостаткѣ характера!» (Ужасно!) А изъ этого что слѣдуетъ? Читатель ожидаетъ очень много назидательнаго. Напрасно! Непосредственно за выписанными словами слѣдуетъ:

«Между тѣмъ положеніе флорентійской республики становилось день ото дня мрачнѣе, буйство черни кровавѣе, убійства гражданъ и разграбленія домовъ чаще; ненависть партій усилилась до невѣроятныхъ размѣровъ. Поводъ къ новымъ безпокойствамъ подавъ сосѣдній городъ Пистойя, входившій въ то время въ составъ гвельскаго союза. Одна изъ знаменитѣйшихъ фамилій этого города Кончельери раздѣлилась на двѣ партіи черныхъ *Neri* и бѣлыхъ *Bianchi*; въ 1300 г. вражда ихъ пролилась въ городѣ такіе беспорядки, что граждане для возобновленія спокойствія поручили управленіе городомъ флорентійцамъ на три года. Распря эта тотчасъ же передалась и во Флоренцію. Тамъ сторону черныхъ приняла фамилія Донати, а сторону бѣлыхъ—Черки. Фамилія Черки только что прибыла во Флоренцію изъ своихъ владѣній въ дѣсной Вальди-Ниеволе» (какая жѣткая характеристика той связи, какая существуетъ между историческими событіями и порождаемыми ими литературными періодами! И все это, замѣтите, относится къ характеристикѣ Данте!)»

Такого достоинства тѣ подробности, которыми г. Костомаровъ силится превзойти Шерра. Несостоятельность автора въ отношеніи къ предпринятому труду до того очевидна, что она бросится въ глаза каждому, даже самому поверхностному читателю. Такъ и видно, что онъ не въ силахъ былъ совладать даже съ тѣми источниками, которые находились у него подъ руками. Даже болѣе удачныя характеристики, взятая изъ разныхъ источниковъ, остаются незамѣтными среди безконечной и совершенно безцѣльной болтовни. Желаніе сдѣлать свою книгу возможно полною, при совершенномъ незнакомствѣ съ дѣломъ, заставило его вводить подробности, преодолѣть которыя удастся однимъ только записнымъ бібліографамъ, полагая, конечно, что послѣдніе по роду своихъ

постоянныхъ зачатій обречены на пережевываніе самыхъ неудобно-переваримыхъ книжныхъ матеріаловъ. Особенно обильны такими подробностями историческія примѣчанія къ литературнымъ періодамъ. Г. Костомаровъ сумѣлъ такъ группировать факты и явленія въ этихъ примѣчаніяхъ, что невольно рождается вопросъ: къ чему всѣ эти историческія прибавленія и какое ихъ назначеніе? Очень жаль, что вопросъ этотъ не родился первоначально у самого автора. Тогда быть-можетъ его книга уменьшилась бы на достаточное количество печатныхъ страницъ и представляла бы, по меньшей мѣрѣ, сборникъ интересныхъ фактовъ. Но г. Костомаровъ такъ усердно работалъ надъ перепискою Шерра, что не задавъ даже себѣ труда разрѣшить задачу, которая легла въ основаніи его прекраснаго руководства. Историческія характеристики Шерра въ немногихъ словахъ обрисовываютъ намъ цѣлыя эпохи исторической жизни народовъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, почему въ известный періодъ времени то или другое направленіе преобладало въ современномъ ему обществѣ, національности или даже отдѣльномъ кружкѣ. Историческія примѣчанія служатъ только разъясненіемъ тѣхъ пружинъ, которыя заставляли цѣлыя общества или отдѣльныя личности дѣйствовать такъ или иначе. Такую цѣль имѣютъ для читателя и условія, при которыхъ развивался тотъ или другой талантливый литературный дѣятель. Историческія обстоятельства эпохи въ связи съ вліяніемъ окружающей среды и домашними условіями автора играютъ весьма важную роль въ жизни каждаго общественнаго дѣятеля, и потому изложеніе ихъ бросаетъ яркій свѣтъ на его дѣятельность въ разныхъ моментахъ жизни. Очень жаль, что люди, берущіеся у насъ за составленіе научныхъ книгъ, нуждаются въ такихъ поученіяхъ. Что г. Костомаровъ въ нихъ нуждается, — въ этомъ убѣдится каждый, кому только попадется въ руки рассматриваемая нами книга. Изъ приведенныхъ нами выписокъ читатели могли видѣть, какими интересными подробностями авторъ наполняетъ свою книгу. Посмотримъ теперь какъ эти подробности связаны между собою и какъ они гармонируютъ съ цѣлю и назначеніемъ самой книги. Чтобы избавить читателя отъ лишнихъ выписокъ, подтверждающихъ наши слова, мы сошлемся на тѣ цитаты, которыя привели выше изъ характеристики Данте. Авторъ, какъ по всему видно, ничѣмъ не стѣснялся и ни на минуту не останавливался ни предъ какими затрудненіями. Собравши достаточное количество источниковъ, онъ у каждаго изъ нихъ бралъ что только было возможно, очень мало заботясь о томъ, соответствуетъ ли взятое имъ цѣли и назначенію всего труда. Такъ г. Костомаровъ позаимствовалъ у Шерра весь планъ

и раздѣленіе періодовъ итальянской литературы, не подумавши о томъ, что при болѣе широкомъ объемѣ задачи, планъ этотъ становится неудобнымъ и требуетъ болѣе мелкихъ подраздѣленій. Шерръ въ тѣсномъ объемѣ краткаго учебника долженъ былъ дать отчетъ обо всей итальянской литературѣ. Естественно, что онъ не могъ вдаваться въ лишнія подробности, и по необходимости ограничился обрисовкой однихъ крупныхъ эпохъ. При такихъ условіяхъ еще можно допустить общую характеристику историческихъ событій, вліявшихъ на первый періодъ итальянской литературы, представителями котораго выступаютъ Данте, Петрарка и Боккачіо. Но г. Костомаровъ предпринялъ болѣе или менѣе подробное сочиненіе и при этомъ подводитъ этихъ главныхъ дѣателей перваго періода итальянской литературы подъ одни условія, въ то время какъ разстояніе между дѣятельностью Данте и двумя послѣдовавшими за нимъ знаменитостями болѣе чѣмъ въ сорокъ лѣтъ! Мы уже не говоримъ о томъ, что дѣятельность этихъ трехъ представителей далеко не тождественна и что не менѣе различны ихъ общественныя положенія, причины, обуславливающія ихъ дѣятельность и вліяніе на современныя имъ общества. Посмотримъ теперь, какъ г. Костомаровъ поступаетъ съ отдѣльными характеристиками литературныхъ дѣателей. Ему приходится напримѣръ говорить о Данте, который принадлежитъ къ первому изъ четырехъ принятыхъ имъ литературныхъ періодовъ. Вотъ онъ и предпеслалъ извѣстную намъ общую характеристику этого періода, взятую у Шерра. Далѣе идетъ біографія поэта — и г. Костомаровъ съ мученическимъ рвеніемъ отыскиваетъ подробности о семейныхъ отношеніяхъ его прабабушки и другихъ родныхъ: кто изъ нихъ былъ бездѣтенъ, у кого дѣтей было въ изобиліи, въ какихъ они участвовали военныхъ экспедиціяхъ и пр. Такимъ образомъ онъ добирается до кровавой распри гвельфовъ и гибеллиновъ и съ необыкновеннымъ жаромъ передаетъ всѣ ужасы этихъ кровавыхъ дѣлъ, извѣстныхъ изъ каждаго учебника исторіи. Иной разъ оно выходитъ очень забавно: читаешь, и удивляешься! Описывается напримѣръ хоть пресловутая борьба гвельфовъ съ гибеллинами. У читателя, естественно, является желаніе знать, почему эта извѣстная исторія попала въ руководство итальянской литературы г. Костомарова? Это желаніе заставляетъ его читать далѣе, чтобы докопаться причины сразу не совѣшь понятнаго явленія. Такъ и кажется, что-нибудь очень интересное выйдетъ. И ничего не выходитъ! Рассказывается только, что пять лѣтъ спустя послѣ описанныхъ ужасовъ родился Данте! Но мы и на этомъ не останавливаемся. Можетъ-быть автору казалось, что обміе фактовъ, хотя бы не связанныхъ и не

идущихъ къ дѣлу, не можетъ повредить интересу книги, во истинной другихъ достоинствъ. Мы и съ этимъ готовы помириться, хотя это не совсѣмъ легко. Что же тогда остается въ книгѣ г. Костомарова, что можно причислять къ достоинствамъ? Жалкое пережевыванье Шерра, или подробное изложеніе содержанія замѣчательныхъ произведеній литературы?

Нисо, что даже самое скромное заимствованіе чужихъ мыслей никакимъ образомъ не можетъ называться достоинствомъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не умѣютъ пользоваться. Остаются одни подробныя содержанія книгъ, которыя пожалуй могутъ заслужить это названіе. Но говоря такъ, нельзя не напомнить автору, что въ книгахъ научнаго содержанія форма, объемъ и образъ изложенія очень часто болѣе опредѣляютъ значеніе книги, чѣмъ самая сущность. Сказанное до того извѣстно, что распространяться объ этомъ совершенно лишне. То, что должно составлять необходимую принадлежность болѣе или менѣе спеціальнаго труда, въ учебникѣ можетъ быть лишнею подробностью, путающею только читателя съ ограниченнымъ запасомъ свѣдѣній. Книга г. Костомарова отличается еще тѣмъ, что для нея трудно придумать кругъ читателей. Подробности біографій и содержаній до того чужды всякаго научнаго элемента и такъ удаляются отъ главнаго предмета, что ихъ не преодолѣетъ ни одинъ воспитанникъ, посвятившій себя первоначальному изученію итальянской литературы. Да и для такого первоначальнаго ознакомленія однихъ фактовъ мало, какъ бы удачно они ни были сгруппированы.

Въ книгахъ, предназначенныхъ для элементарнаго ознакомленія съ предметомъ, требуется еще извѣстное освѣщеніе и осмысленіе фактовъ. Необходимо также, чтобы подобныя книги не были испещрены лишними разглагольствованіями, совершенно не идущими къ дѣлу. Короче, необходимо исключить всю ту безплодную трату словъ, которую г. Костомаровъ такъ неуклюже приклеивалъ къ своей неудачной передѣлкѣ Шерра...

Но, впрочемъ, мы слишкомъ долго остановились на недостаткахъ книги Костомарова. Нельзя пройти совершеннымъ молчаніемъ и въкоторыя достоинства, хотя и относящіяся только къ лирическому настроенію автора и слѣдовательно нисколько не содѣйствующія научному интересу книги, но тѣмъ не менѣе заслуживающія вниманія. Въ книгѣ г. Костомарова очень часто встрѣчаются весьма поэтичныя мѣста, въ особенности тамъ, гдѣ автору приходится говорить о добродѣтеляхъ или порокахъ разсматриваемыхъ имъ эпохъ. Въ этихъ поэтическихъ очер-

какъ съ искреннимъ и нелицеѣрнымъ жаромъ воспеваются человѣческія добродѣтели, ведущія къ миру и блаженству народовъ, какъ напримеръ любовь къ родинѣ и свободѣ, готовность на жертвы въ пользу общественнаго блага, непримѣрное безкорыстіе и неподкупность, и другія гражданскія доблести. Еще съ болѣе непритворнымъ воодушевленіемъ авторъ ратуетъ противъ гнусныхъ человѣческихъ пороковъ, какъ лицемеріе и рабство, корыстолюбіе и продажность, любовь къ доносамъ и шпіонство, тиранія и взяточничество и пр.

Жаль только, что въ поэтическомъ порывѣ творчества авторъ до того увлекается, что у него очень часто чувство не только преобладаетъ надъ разумомъ, но и надъ истиной. Такъ г. Костомаровъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги восторгается Данте, какъ служителемъ великой идеи свободной монархіи. Идея, безспорно, великая сама по себѣ и заслуживаетъ поэтическаго воодушевленія; но она нѣсколько неумѣстна въ учебной книгѣ, такъ какъ Данте извѣстенъ всему читающему міру какъ гордый республиканецъ. Этимъ именемъ его называетъ и Шерръ, изъ котораго г. Костомаровъ черпалъ не мало вдохновенія.

Такихъ увлеченій у г. Костомарова не мало, но мы объ нихъ распространяться не будемъ, такъ какъ мы и безъ того уже вышли изъ предѣловъ нашего небольшого критическаго очерка; ограничимся только еще одною выпискою, предоставляя самому читателю оцѣнить ея достоинства.

«Несчастія Италіи обратили на себя вниманіе небольшого числа сонетистовъ и заставили ихъ занять направленіе, въ извѣстной степени «патріотическое» (дѣло идетъ здѣсь о патріотическомъ сонетѣ). Но maniera обработки сюжетовъ и элегическое кокетничанье съ погвбшимъ величіемъ родины — показываютъ, какъ поверхностно понимали эти писатели великую исторію своего времени, какъ мало они способны были проникнуть до внутренней и настоящей причины паденія своего отечества. Такая глубина дана была только взгляду Макиавелли, котораго не подкупили ни блескъ и могущество церкви, ни роскошь и этикетъ дворовъ: и церковь, и мелкихъ властителей онъ прямо объявилъ губителями Италіи, и во всѣхъ своихъ твореніяхъ требовалъ внутренней реформы, — тогда какъ жалобныя пѣсни и желанія патріотическихъ сонетистовъ страдаютъ тою же поверхностностью и пустотою, какой въ наше время отличаются пѣснопѣнія нашихъ російскихъ бардовъ, поющихъ о «гражданской скорби» и другихъ жалкихъ произведеніяхъ своего досужества. Какъ теперь, такъ и тогда, эти пустыя фразы конечно не могли при-

вести ни къ какому разумному результату. И тѣ и другія исходили не изъ сѣраца народа и не были порожденіемъ всеобщей потребности. Собственно народъ былъ безгласною массой, — тогда какъ люди привилегированные обязаны были всѣми своими привилегіями церкви и властителямъ Италіи. А ученые и поэты заискивали расположенія дворовъ и церкви, а потому говорили и писали только то, что имъ нравилось, что имъ было позволено. »

ЧТО МЪШАЕТЪ ЖЕНЩИНЪ

БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЮ?

(По поводу романа г. Чернышевскаго «Что дѣлать?») (1)

Конечно, не одна женщина, читавшая романъ г. Чернышевскаго «Что дѣлать?» остановилась на словахъ: «только тотъ мужчина любить женщину, который помогаетъ ей быть самостоятельной.»

Самостоятельность женщины! Какъ много въ этомъ словѣ! Въдъ это цѣлая жизнь со своимъ особымъ развитіемъ, дѣятельностью и правизн! Да не пустая ли это затѣя? Можетъ ли женщина такъ идти, независимымъ путемъ, безъ отеческаго покровительства мужчины? Какъ она найдетъ этотъ путь? Кто его ей укажетъ? Кто на немъ поддержитъ? Но нѣтъ сомнѣнія, что мысль о самостоятельности не менѣе сильна въ умѣ женщины, какъ и въ умѣ мужчины. Чтожъ? въдъ вы не обвините ее въ томъ, что она также родится человѣкомъ; въдъ слова г. Чернышевскаго можно примѣнить безъ различія ко всякому: всякій, будетъ то женщина или мужчина, долженъ, во имя любви, помочь другому быть самостоятельнымъ. Дѣло въ томъ, какъ кто понимаетъ это слово. Вотъ и любопытно было бы поделушать толки разныхъ женщинъ по поводу романа г. Чернышевскаго. Постараемся привести здѣсь нѣкоторые изъ нихъ; послушаемъ сначала, что говоритъ заботливая хозяйка, мать семейства:

— Неужели наши мужья не любятъ насъ потому только, что, день и ночь работая на семью, они не имѣютъ времени пригласить

1) Помѣщая эту замѣтку, мы считаемъ нужнымъ сказать, что она не выражаетъ нашего взгляда на литературныя достоинства и общественное значіе романа «Что дѣлать»? Но какъ искреннее слово женщины, сказанное очень кстати, она заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія читателей. *Ред.*

насъ въ докторѣ? И есть ли тутъ возможность думать еще о швейцарѣ? Чуть разсвѣтетъ — бѣги-поить-кормить дѣтей, выдавать по хозяйству. . изволь-ка перенюхать съ перваго до послѣдняго горшка!.. Вотъ такъ и спуешь съ разсвѣта до поздней ночи: то въ дѣтской присмотри, чтобы ребятишки не передрались; то на кухнѣ, чтобы кухарка не обокрала. Да такъ намаешься! Думай тутъ еще объ общественной пользѣ!

— Я въ восхищеніи, — говоритъ одна свѣтская дама, желая блеснуть образованіемъ, — что въ нашей литературѣ лачали наконецъ высказывать западныя идеи... я забыла... да! Жанъ называлъ ихъ... *sociales*. Онъ у насъ совѣтъ не были извѣстны. Деспотизмъ мужчинъ совершенно подавлялъ свободу мысли въ женщинѣ. Право, жаль было глядѣть, какъ эти бѣдняжки копейки не смѣли истратить безъ позволенія своихъ мужей. Вотъ мы съ Жаномъ были заграницей, въ Парижѣ и вездѣ... и поняли... то-есть и прежде этого знали, — что бракъ не что иное какъ контрактъ, и всякій заключаетъ его сообразно своимъ понятіямъ, взглядамъ, а главное — имѣя въ виду свободу. Ну, мы и заключили контрактъ. Жанъ акуратно мнѣ долженъ давать четыре тысячи въ годъ, но остальное все по своему вкусу: знакомства, прислуга, столъ — когда общій, когда... смотря по настроенію... и такъ все остальное...

— Marie! — обращаясь къ своей подругѣ, скажетъ другая: — читала ты этотъ послѣдній... какъ его?... современный романъ? Ахъ, какъ его названіе?... Такъ еще, знаешь, сильно затронуть современный вопросъ... Да! «Что намъ дѣлать нужно?» — такъ и называется... Въ немъ, что ни фраза, то мысль, и особенно хорошо въ одномъ мѣстѣ выводится та мысль, что женщина не должна стѣснять мужчину въ выборѣ любви... ну, и обратно: онъ ее... то-есть кого бы имъ ни захотѣлось полюбить, несмотря на званіе и положеніе особы въ обществѣ. Тамъ это чудно представлено, какъ герой, Кирсановъ, цѣлуетъ даже ноги у этой... какъ ее? . *femme publique*, которая сначала сама навязывалась ему со своею любовью, и онъ ее отвергалъ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ ее сознать всю низость своего положенія... и потомъ, несмотря на все это, самъ въ нее влюбился. Я совершенно согласна, что не должно стѣснять никого во вкусахъ, — и мы съ Николаемъ Петровичемъ никогда не стѣсняемъ другъ друга. Вотъ онъ на дняхъ приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ и говоритъ: «Я тебѣ прибавлю триста на парикмахера; пришли мнѣ, душа моя, твою Лизу (помнишь, которая такъ хорошо дѣлала букль-де'муръ твоей Люси?): мнѣ нравится, какъ

она гладить манишки... » Ну, конечно, я и прислала. Ты пожалуйста, Marie, прочти этотъ романъ: такъ развивается взглядъ... и знаешь, теперь стыдно сказать, что не читала этого романа....

— Какъ хорошо, хорошо!—говорила лѣтъ семнадцати дѣвушка. — Прочитавши, не могла спать всю ночь. Сегодня ничего не могу дѣлать. Все думаю, думаю... Ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ брата такого, какъ Кирсановъ? Вотъ я говорила, что никогда ни за кого не выйду замужъ... Ну, еслибъ какъ Кирсановъ! Лопуховъ, такъ еще пожалуй нѣтъ, но Кирсановъ, Кирсановъ!.. Непремѣнно бы вышла. И какъ было бы хорошо! Всѣ эти несчастныя, бѣдныя дѣвочки не бѣгали бы больше босикомъ, а сидѣли бы хорошо одѣтыя за работой, въ большихъ, хорошихъ комнатахъ!... И такъ жаль, у меня такъ мало знакомыхъ! Вчера говорю Токареву: «Помогите мнѣ устроить школу, только точно-точно такую и на тѣхъ основаніяхъ, какъ въ «Что дѣлать?». А онъ говоритъ: «Я такъ люблю, Надежда Николавна, когда вы говорите съ одушевленіемъ: у васъ въ это время такъ всегда мило зарумянятся щечки.» Такой болванъ! Вотъ и подите, устраивайте тутъ школы!

Но вотъ слышится и другой голосъ:

— Наконецъ-то женщина явилась такъ, какъ ей и должно быть: не рабой-труженицей, а независимой помощницей своего мужа. Въмѣсто того; чтобы мечтать объ идеалахъ и воображать себя героиней, она берется устроить швейню... Чтожъ, хоть бы швейню? Это гораздо ближе къ дѣлу. Да! счастливая, она хочетъ быть полезной другимъ, самостоятельной—и можетъ привести свою мысль въ исполненіе! Какъ тяжело, какъ обидно жить на чей бы ни было счетъ, быть вѣчно обязанной роднымъ, мужу, когда чувствуешь за собой силы и не знаешь, на чтó употребить ихъ! Да, намъ нужно, нужно работать; но какъ припаться за дѣло?

Мы еще много могли бы привести подобныхъ сужденій, но не имѣли ни изображать всѣхъ читательницъ романа «Что дѣлать?», ни разбирать его; мы хотѣли только показать, какъ близко касается судьбы женщины вопросъ, затронутый въ романѣ, какъ занимаетъ онъ даже тѣхъ изъ насъ, которыя неспособны понять въ чуждѣ дѣло. Тутъ уже не то сочувствіе, которое мы выражали старину къ разнымъ интереснымъ героямъ, всегда гонимымъ судьбою: «Какое благородство! Ахъ, какой онъ несчастный!» и проч. Тутъ женщина, если только въ ней есть искра чувства, невольно вдумается въ свою жизнь, станетъ припоминать, сознавать, что ей чего-то недоставало, чего-то очень необходимаго... Но чтó-же это? Какъ узнать она, не вида предъ собою

живыхъ примѣровъ, доказательствъ не изъ одной фантазіи, а изъ самой жизни? Ей можетъ-быть и скажутъ, что это необходимое и есть общественная дѣятельность, безъ которой трудно жить, какъ безъ воздуха, какъ безъ здоровья...

Но что это за общественная дѣятельность? гдѣ она найдетъ ее? Пусть только болѣе и болѣе прояснится ея сознаніе, — вся прошедшая жизнь станетъ ей укоромъ. Ей больно, тяжело отъ этого укора — и она захочетъ оправдываться, хоть, можетъ, сама в ни въ чемъ не виновата. Такъ какъ и насъ это дѣло затрагиваетъ за живое, то постараемся сказать нѣсколько словъ въ ея оправданіе. Какая изъ насъ поставлена въ такое выгодное положеніе, чтобы воспитаніе не оставило на ней печальныхъ слѣдовъ и чтобы она во-время нашла людей, которые бы дали ей руку помощи? На это мы смѣло можемъ отвѣтить: изъ тысячъ — одна. Наше женское воспитаніе не только не приготовляетъ къ самостоятельному труду, но убиваетъ и самую мысль о немъ, и женщины пужно имѣть много характера, если у ней остается еще желаніе трудиться. Въ послѣднее время много писали о воспитаніи въ институтахъ и пансіонахъ, но, кажется, не довольно разъяснили его послѣдствія. Постараемся сдѣлать это, сколько въ нашихъ силахъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о всѣхъ родахъ дѣятельности, къ которымъ могла бы быть способна женщина. Посмотримъ на нее только въ тѣхъ двухъ общественныхъ положеніяхъ, которыя всемір за нею признаны: по выпускѣ изъ заведенія дѣвушка можетъ или идти въ гувернантку, или выдти замужъ и сдѣлаться матерью.

Вотъ дѣвушка окончила курсъ, лѣтъ семнадцать или восемнадцать, и прямо поступаетъ на мѣсто. Начальство отрекомендовало ее какъ воспитанницу во всѣхъ отношеніяхъ достойную и способную принять на себя обязанность гувернантки, въ знакъ чего оно наградило ее медалью и дипломомъ. Въ дипломѣ говорилось между прочимъ, что она проходила естественную исторію, ботанику, физиологію, математику, геометрію, языки, педагогію духовную и свѣтскую — и много, много другихъ предметовъ.

Родители въ восторгѣ, что везутъ къ себѣ въ какой-нибудь Саратовъ или Самару такой запасъ просвѣщенія въ видѣ робкой, покорной дѣвушки. «И какъ дешево! повторяютъ расчетливые люди: — въ такую даль согласилась за двѣсти-пятьдесятъ въ годъ... а вѣдь всему будетъ учить, всему: и языкамъ, и музыкѣ, и всѣмъ наукамъ! Шутка ли? знаетъ и педагогію! Значитъ, суждетъ лучше самой опытной.» Нако-

ица новая гувернантка прѣзжаетъ на мѣсто своей педагогической дѣятельности; ей обыкновенно представляютъ подлюжины дѣтей, а иногда и больше. Отъ удивленія она расширяетъ глаза, потому что честные родители нанимали ее только для двухъ. Впрочемъ, чтобы смягчить впечатлѣніе, они тотчасъ дѣлаютъ оговорку: «Вотъ этихъ двухъ старшихъ вы будете учить, а за этими такъ иногда немножко присмотрѣть, погулять съ ними, да минутъ пять занять азбукой.... а больше ничего: вѣдь они крошки.»

«Изъ себя-то ничего,» замѣчаетъ дѣвушка, подававшая ей пить, «да ужъ совѣтъ-совѣтъ простушка; *нашей*-то мать за одинъ разъ ее утретъ.» Остальные члены семейства, если они есть, принимаютъ ее ни слѣшкомъ ласково, ни сурово, какъ-будто давая знать: «Ничего, душенька, не бойся! Будешь хороша, и мы тебя не обидимъ.» — «Господи, какіе они! и взглядомъ-то какъ-будто хотять сдѣлать подарокъ! А впрочемъ ничего... можетъ-быть они и очень хорошіе люди.» После того какъ съ обѣихъ сторонъ было сказано «ничего», начинается самое дѣло. Излишне было бы говорить, что молоденькія гувернантки больше любимы дѣтьми, чѣмъ старыя: онѣ и въ ихъ играхъ принимаютъ живое участіе, такъ что часто сами на это время дѣлаются дѣтьми, да и не съ такою злобой караютъ малютокъ за ихъ шалости. Папсіоперки и институтки, кромѣ того, забавляютъ дѣтей кучкою бездѣлушекъ, набранныхъ отъ подругъ на память. Въ женскихъ заведеніяхъ, во время долгаго сидѣнія за обѣдомъ или за чаемъ, или въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, нельзя имѣть въ рукахъ ни книги, ни работы: за это строго накажутъ. Чтобы убить время, нѣкоторыя изъ воспитанницъ берутъ съ собой кусочекъ бумажки и маленькія пошпиги и вырѣзаютъ учителя, даму, барана и что придетъ въ голову. Навострившись въ этомъ дѣлѣ, онѣ и потомъ, въ гувернанткахъ, вырѣзаютъ дѣтямъ копейковъ, шутовъ съ огромной головой и ногами, дамъ въ шпроккахъ криволиныхъ и тому подобныя фигуры. Вотъ все, чѣмъ онѣ учѣютъ занимать своихъ маленькыхъ учениковъ и ученицъ. и любопытно, что эта забава, за которую ихъ наказывали въ заведеніи, больше служитъ имъ въ пользу, чѣмъ вся ихъ наука: дѣти по крайней мѣрѣ любятъ ихъ за это.

Новая гувернантка нѣсколько обжилась на своемъ мѣстѣ. Вотъ настаетъ время выказать ей знанія, вышесенныя изъ школы. Посмотримъ, какъ онѣ примѣняютъ ихъ.

Сидитъ она лѣтомъ въ полѣ, окруженная подлюжиной дѣтей. Нѣко-

торыя изъ нихъ помѣстились вокругъ нея; другіе бѣгаютъ тутъ же по близости. «Коля, Коля! куда ты бѣжишь такъ далеко?» кричитъ гувернантка отдѣлвшемуся отъ другихъ мальчику лѣтъ восьми. — «Боже мой, Коля! да чтоже ты не слушаешься!» Je vous ordonne, Nikolas, de vous retourner. Entendez-vous?» — «Ахъ, mademoiselle! да чтоже все корпѣть на одномъ да на одномъ мѣстѣ?» говоритъ возвратившійся мальчикъ. — «Итъ, не на одномъ: мы, кажется, довольно ходили; нужно же отдохнуть.» — «Да чтоже! такъ скучно.... хоть сказочку расскажите!» — «Да, mademoiselle,» повторяютъ за нимъ другія дѣти, «пожалуйста расскажите, добренькая! пожалуйста сказочку! ужъ мы будемъ слѣть тихонько!» И всѣ льнуть къ ней и тянуть ее за платье. «Пожалуй, дѣти; да вѣдь вы опять скажете, что слышали, а я не могу каждый день рассказывать все новыя.» — «Ну, да скажите, скажите!» не слушая ее, пристають дѣти. — «Хорошо, слушайте же. Жиль-быль дѣдъ со старухой..» — «Ну, опять про бобы!» восклицаютъ всѣ въ голосъ: «что-нибудь другое!» — «Такъ чтоже вамъ рассказать? про лисицу что-ли?» — «Да и это мы знаемъ.» — «Вѣдь я же вамъ сказала, что не могу говорить каждый день новыя.» — «Вотъ вы какая нехорошая!» говоритъ дѣвочка лѣтъ пяти: «мама сказала: теперь васъ маленузелъ будетъ занимать, а ниня должна мыть бѣлье. А то она, бывало, намъ все рассказываетъ много-много новыя, да и старыя-то такъ смѣшно... ничего что старыя, а все бываетъ очень весело. А вы ничего не хотите!...» — «Что мнѣ на самомъ дѣлѣ рассказывать?» думаетъ про-себя дѣвушка: «вѣдь они скучаютъ... Какъ другія такъ умѣютъ? Одно и то же толкуютъ! Скажутъ пожалуй матери, что я ихъ не занимаю. Да вѣдь я сама виновата: и педагогин училась!...» При этомъ улыбка радости озаряетъ лицо дѣвушки. Она по-смѣшно встаетъ. «Пойдемъ, дѣти, пойдемъ!» говоритъ она живо. Дѣти замѣтили, какъ лицо ея вдругъ развеселилось, и сами встрепенулись, думая, что она покажетъ имъ что-нибудь новенькое. «Видите, вонъ тамъ этотъ домъ?» указывая пальцемъ, спрашиваетъ она у дѣтей. «Гдѣ, гдѣ?» спрашиваютъ дѣти. — «Да вотъ передъ вами.» — «Ахъ, mademoiselle! да развѣ это домъ? Это баня.» — «Ну, все равно, ну другой!» — «А другой — амбаръ, а все-таки не домъ!» кричатъ всѣ дѣти вмѣстѣ. — «Я вамъ говорю, это все равно: ну амбаръ, пожалуй даже баня, да вѣдь все это видите?..» — «Да еще бы!.. Такъ ты скажешь намъ, какъ тамъ по ночамъ домовые ходятъ? Ну вотъ, скажи, скажи, что тамъ ночью бываетъ?» — «Нѣтъ,» отвѣчаетъ, немного рассердив-

нись, гувернантка: «вы лучше скажите мнѣ, сколько тутъ стѣнъ?» — «Стѣнъ!» повторяютъ съ удивленіемъ дѣти: «да какъ всегда... четыре.» — «А оконъ?» — «Да вѣдь это сосчитать можно!» говоритъ дѣвочка, повидимому вышедшая изъ терѣнія. «Чтоже это такое?» спрашиваетъ сама у себя гувернантка, и не отвѣтивъ на свой вопросъ, продолжаетъ: «Рвите цвѣты! Покажите мнѣ, какого они цвѣта?» — «Голубой, желтый... вонъ красненькій... да вѣдь это видно! Ты дураешь, мадмуазелька,» говоритъ та же дѣвочка, «что я тотъ старый, слѣпой дѣдъ, который просить милостыню? Я вижу! Пойдемъ лучше домой, папа намъ расскажетъ,» добавляетъ она, обращаясь къ другимъ. «Имъ это скучно,» разсуждаетъ про-себя гувернантка, «а мнѣ цѣлый годъ долбили, что такъ нужно съ ними заниматься. Чтоже мнѣ дѣлать? Ничего не могу придумать!»

Но домой и безъ того нужно было идти, потому что стали собираться тучи.

«Слава-богу, будетъ громъ!» думаетъ она: «это ужъ я имъ растолкую...» — «Ухъ, какая туча!» говоритъ мальчикъ: «посмотришь-ка, какъ святой Илья-пророкъ сегодня прокатится!» — «Что ты говоришь, Коля?» спрашиваетъ гувернантка. — «Няня сказывала, mademoiselle, что вотъ какъ загремитъ: тррр... такъ это Илья-пророкъ въ колесницѣ ѣдетъ.» — «Фи, какія глупости! Никогда, Коля, не повторяйте этого.» — «Да чтоже это такое? Известно, въ колесницѣ ѣдетъ... Вотъ бакъ съ поля черезъ мостъ на телѣгахъ скачутъ: ихъ какъ застучитъ! Точно громъ...» говорилъ мальчикъ. — «Нѣтъ, это вовсе не такъ,» возразила она: «какія же на небѣ колесницы? Громъ, который вы слышите, происходитъ отъ электричества.» — «Вотъ ужъ этого ни за что не поймешь...» — «Да вы прежде слушайте!» начала съ досады гувернантка: «въ природѣ есть сила, которая называется электричествомъ; въ облакахъ особенно много этой силы, то-есть электричества...» повторяетъ она, желая разъяснить какъ можно толковѣй: «возгараясь, оно летитъ молніей и производитъ сильный трескъ, который мы и называемъ громомъ.» — По-пнинному лучше! Такъ сейчасъ и знаешь, что такое громъ, а что вы сказали, я ужъ и забылъ. — Ну, это-то я хочу, чтобы вы поняли. Слушайте же, Коля. Помните, mon petit ange...» И она остановила дѣтей, ласково усадила Колю на колѣни и снова принялась толковать; но мальчикъ уже не слушалъ, обращалъ больше вниманія то на летѣвшую бабочку, то на жука. Не желая однако разсердить ее, онъ все спрашивалъ: какъ, какъ это называется? и наконецъ ему удалось удо-

вить и ясно выговорить слово «электричество». — «Да все-то повторите! добивалась она. — «Хорошо, хорошо, знаю!» вырываясь изъ рукъ, говорилъ мальчикъ: «да понялъ-же: э-лек-три-че-ство...» выговорилъ онъ и складкамъ и, вырвавшись, усакалъ въ туже минуту. — «Вѣдь онъ все такъ не понялъ,» думаетъ она: «ну что, если спросить у него отецъ?»

За обѣдомъ мальчикъ дѣйствительно проболтался отцу, что mademoiselle сказала, будто-бы няня говоритъ пустячки, но ему лучше притвится рассказъ няни; мадемуазель же говоритъ, что не Илья ѣдитъ а электричество. — «Прекрасно, прекрасно!» сказалъ отецъ, обрадованный тѣмъ, что его сынъ произнесъ такое мудреное слово, и одобрительно взглянулъ на гувернантку. А что дѣлается съ бѣдняжкой!.. Теперь ей было бы легче, еслибы ее разбраили: у ней такъ ёкнуло, а потомъ застучало сердце... какъ-будто бы этотъ громъ, который она думала объяснить, оглушилъ и ослабилъ ее. Но тутъ случился одинъ притязный гость, человекъ умный, который, какъ и многіе изъ умныхъ людей, любилъ иногда выставить себя или некстати вмѣшаться въ какое нибудь дѣло. При словахъ мальчика о рассказахъ няни онъ улыбнулся когда же замѣтилъ смущеніе гувернантки, то вздумалъ очень неловко помочь ей. Онъ принялся спрашивать мальчика, наглядно толковатъ ему о царѣ, и тучахъ и проч.... Коля, желая отличиться передъ гостемъ, бойко повторялъ объясненія, которыя въ самомъ дѣлѣ были очень просты.

— «Вѣдь какъ это понятно!» думала про себя гувернантка: «отчего же я-то не съумѣла этого сдѣлать? Ничего, ничего я не знаю и не смыслю. А какой срамъ-то! Хороша же преподавательница! Всякій, кто ни придетъ на часъ, можетъ стыдить меня.... Пѣтъ, уѣду, завтра же уѣду!..» И она сидѣла ни жива, ни мертва, вся зардѣвшись, какъ зарево.

Она рада бы хоть сейчасъ бѣжать; но куда уйти неопытной дѣвушкѣ, безъ добрыхъ друзей, безъ знакомыхъ? Какъ вырваться изъ этой глуши? Проходить цѣлѣмъ, мѣсяцы, — а она все остается на мѣстѣ, испытывая тѣже затрудненія, тѣже обиды.

Она вовсе не привыкла обращаться съ людьми: то грубость слугъ, то спѣсъ, какую выказываютъ передъ ней знакомые хозяевъ, раздражаютъ ее до крайности. Она совсѣмъ не приготовлена къ тѣмъ неприятностямъ, какія ожидаютъ дѣвушку въ положеніи гувернантки, и не умѣетъ поставить себя такъ, чтобы по возможности избѣгнуть оскорбленій или дать на нихъ спокойный отпоръ.

«Да что это?» говоритъ дѣвушка, которой она отдаетъ вымытъ свои

воротнички: « все чистые, да чистые .. точно какая барышня!» и, вырывая изъ рукъ, уносить ихъ съ досадою. — « О, я этого не спущу!» думаетъ про-себя гувернантка. «Какая грубость! Неуремѣнно скажу мадамѣ Р... Пикто меня не уважаетъ. Да что мнѣ ей сказать? Развѣ она меня больше уважаетъ?»

— Лакей отъ сосѣдей зоветъ, — грубо говорить таже дѣвушка.

— Что вамъ нужно? спрашиваетъ она у пришедшаго лакея.

— Лизавета Васильевна, говоритъ онъ, — приказали вамъ дѣтей привести: у нашихъ сегодня ѣлка.

— Какъ! вскричала она, блѣднѣя отъ досады:—Елизавета Васильевна знаетъ, что мадамѣ Р... дома нѣтъ и мнѣ приказываетъ? скажите ей, что я не имѣю чести ее знать, что я дома одна съ дѣтьми... и что она, Елизавета Васильевна, не имѣетъ права что бы то ни было мнѣ приказывать. Слышите? Вы должны все это сказать... не то я...

— Да ничего... я пожалуй! отвѣчаетъ немного удивленный и смѣстѣ обрадованный лакей:—я скажу, что изволите приказывать.

Не долго просидѣла она въ тяжеломъ забытѣи, какъ вошелъ тотъ же лакей.

— Лизавета Васильевна приказывали сказать, что онѣ никакого желанія не имѣютъ съ вами водить знакомства, а велятъ привести дѣтей, потому что, сказывали онѣ, вы дѣтская гувернантка, такъ значить вездѣ водять ихъ съ собою должны, а ваши всегда къ нашимъ въ гости ходятъ... значить дѣтямъ веселѣй вмѣстѣ.

— Елизавета Васильевна ничего не смыслить; я не пойду, и чтобы она не смѣла больше присылать сюда!

Она собрала послѣднія силы, чтобы это выговорить, и едва скрыся лакей, залпла слезами. Она ушла въ свою комнату, кинулась на постель, все думая: «Ахъ, зачѣмъ только я живу? Ну, на что я годна? Хоть бы мнѣ умереть!» Ея самолюбіе было сильно раздражено грубыми выходками слугъ и знакомыхъ того дома, гдѣ она служила; но всѣ подобныя обиды еще легко было бы снести. Она можетъ-быть размѣялась бы на приказанія какой-нибудь Елизаветы Васильевны, еслибы сама себя не казнила мыслью: « видно, и уважать меня не за что ». И долго рыдала она, прижавшись горячимъ лбомъ къ подушкѣ. Рыданія становятся все тише и тише; а она все лежитъ и думаетъ... Вдругъ, будто-бы что-то вспомнивъ, она встаетъ, отпираетъ поспѣшно свой сундукъ и начинаетъ выбрасывать оттуда тетрадь за тетрадь, книгу за книгой.

— Вотъ французская литература, вотъ физика, педагогія духовная и свѣтская.... (и такъ перебирала она всѣ свои тетради) все это я такъ хорошо знала, меня такъ хвалили за это... и вѣдь я не была только зубряжкой! Я твердо учила наизусть уроки, но бойко отвѣчала и на всѣ вопросы, и сочиненья писала лучше всѣхъ въ классѣ! Отчего же теперь-то я ничего не знаю? Неужели всѣ науки, которымъ я училась, ни къ чему не годны? Сколько ни слышу до сихъ поръ, всякій, кто желаетъ быть образованнымъ, непременно изучаетъ все это, — и я все это знаю, знаю отлично, и выходитъ, что ничего не знаю: ничего не могу я растолковать дѣтямъ. А до сихъ поръ я еще вѣрила, что я одна изъ самыхъ умныхъ, какую меня всѣ считали. Нѣтъ, я глупа, совсѣмъ глупа; я только много воображала о себѣ, а просто была душой. Какъ же однако меня хвалили? Да... вѣдь я все понимала, о чемъ толковали, на все безъ запинки могла отвѣчать... Отчего же я дура? Развѣ я виновата, что отлѣчно выучила все, все, чему меня учили? Развѣ я виновата? Нѣтъ! не глупа я, а меня обманули! Да, меня все тамъ только обманывали, заставляли учиться безъ толку, безъ цѣли! Вдолбили въ голову о гальванизмѣ, а не дали ясно понять, что такое дождь! Вотъ какія тетради этой безсмысленной педагогіи знала я на память, какъ говорили у насъ, «отъ корки до корки», а не умѣю ничѣмъ занять дѣтей, кромѣ моихъ вырѣзанныхъ изъ бумаги барашковъ!

И она начала безъ милосердія рвать всѣ тетради; но вдругъ, утомленная, остановилась.

— А вѣдь я переписывала, хранила ихъ цѣлыхъ восемь лѣтъ! Вѣдь съ ними пропадетъ память о времени, когда я была такъ довольна и беззаботна! Зачѣмъ я разорвала ихъ?

И она, сидя на полу, начала снова собирать листочки, подбирая и пересматривала: — Это что? «Сложи пальцы дитяти, какъ ты дѣлаешь это сама, вступая въ бесѣду съ Господомъ, и объясни, что ты складываешь три перста во образъ тріединаго божества.» А! это изъ духовной педагогіи.... А тутъ что написано? «Помни, что ребенокъ есть подобіе воска, которому, сообразно своей фантазіи, можешь давать разныя формы, и потому не упускай изъ виду ни одного его недостатка, а тотчасъ исправляй....» Ну, это скорѣе относится къ восковымъ фигуркамъ, чѣмъ къ ребенку. Научите, какъ исправлять-то? Посмотримъ еще. «Un lion se trouvant dans la ménagerie de duc de Floren...» Переводы!... Какъ все это мнѣ теперь нужно! Ахъ! и географія сюда пошла! «Лондонъ, главный городъ всей Англіи, при Темзѣ, два

миліона жителей; улицы узкія, постройки громадныя, мрачной архитектуры...» И я объ этомъ пожалѣла!.. Лучше бы совсѣмъ не было такихъ воспоминаній! Пропадай весь этотъ хламъ: надо снова начать жить и учиться!

И она, скомкавъ въ рукѣ собранные листочки вмѣстѣ со всѣми тетрадами, бросила ихъ въ каминъ безъ дальней думы.

Но первое раздраженіе прошло. Она стала спокойнѣе обдумывать свое положеніе.

— Итакъ все, чему меня учили, мнѣ теперь ни къ чему не послужить! А вѣдь я была одна изъ лучшихъ... какъ же другія?.. тѣ, которыя учились плохо и вышли съ худыми отмітками по всѣмъ предметамъ? Чтѣ онѣ? Да ничего! Онѣ были умнѣ меня, потому что еще съ самаго начала поняли, что все, чему насъ учили, никуда не пригодится. Ночи безъ сна, столько молодыхъ силъ, стараній, времени, — все потрачено у меня напрасно, безвозвратно! А какъ хотѣлось мнѣ все знать, какъ жадно ловила я всякое слово науки! Страшно, холодно дѣлается на душѣ, какъ подумаешь, чтѣ ждетъ тебя впереди! Кто долго будетъ держать гувернантку, у которой дѣти ничего не понимаютъ и не усваиваютъ? Да и я сама неужели захочу вѣчно и вѣчно обманывать другихъ, передавая свои искаженные знанія, чтобъ потомъ меня проклинали, какъ сама я теперь прокливаю всѣхъ и все въ моемъ воспитаніи? Но если не быть гувернанткой, чѣмъ же тогда жить? Брать шитье? Но не то чтобы учить, — отъ этого насъ просто отучали! Разъ въ недѣлю дадутъ подрубить или намѣтить полотенце: вотъ и весь урокъ, назначенный для шитья. Такъ съ однимъ умѣньемъ рубить да мѣтить возьми-ка шить платье!.. Конечно испортишь и сама же повлетишься. Чтѣжь бы такое придумать? Идти въ экономки? Да вѣдь я ничего не смыслу въ хозяйствѣ! Въ часы, назначенные для стряпни, которыхъ и было только два въ мѣсяцъ, насъ заставляли перемыть картофель да говядину — вотъ и все! Сдѣлаться прачкой, кухаркой, нанькой, служанкой? Все это, все мнѣ не подъ силу! На часъ спину нагнешь, такъ и разогнуть потомъ не сможешь. Какъ видно, и въ этомъ нужна привычка, упражненіе. Такъ чтоже? Приходится снова всему учиться. Какъ бы жадно я слушала теперь все, чтѣ бы стали мнѣ толковать! Вдвое была бы прилежиѣ прежняго... Да въ томъ-то и дѣло: какъ, отъ кого узнать все чтѣ мнѣ нужно? Самой читать книги?.. Гдѣ ихъ взять? Да и много ли научишься, когда до девяти часовъ вечера нельзя отойти отъ дѣтей, а потомъ хозяйка дома вѣчно дастъ какую-нибудь свою работу? — «Вы

сейчасъ ляжете спать? Конечно скажешь, что не ляжешь — Ахъ, та сѣге, какъ мнѣ правятся ваши рукавички! Не можете ли мнѣ такіе спать? У меня же кстати и нансукъ есть...» Неужели же отказывать? Да я никакъ этого не съумѣю. На другой вечеръ она находитъ, что я хорошо штопаю, а тамъ я для себя необходимо что-нибудь пошить, — вотъ и весь мой день. Одно остается мнѣ дѣлать: читать, писать я умѣю. и буду, вступая на мѣсто, говорить, что только это и знаю, что ничему кромѣ этого, не училась, — такъ по крайней мѣрѣ не скажутъ, что я кого-нибудь обманула. Вѣчное скитанье съ мѣста на мѣсто (вѣдь выучить читать не такъ долго) — вотъ моя участь! Куда ни посмотришь, мало надежды! Какъ завидую я тѣмъ изъ моихъ подругъ, которымъ удалось тотчасъ по выпускѣ изъ заведенія выйти замужъ. Онѣ обезпечены, онѣ могутъ жить и трудиться для себя. Отчего бы и мнѣ не выйти замужъ? Ужь Богъ съ ней, съ любовью! А бываютъ такія минуты, что вотъ приди трубочистъ, который сегодня вытаскивалъ сажу изъ моей печки, — право, не задумавшись, пошла-бъ за него! Да развѣ я ему гожусь на что-нибудь? Развѣ честно изъ одного куска хлѣба продавать себя?

Бѣдная, она думаетъ улучшать свою участь замужествомъ! Посмотришь, счастливѣе ли ея замужняя женщина, то-есть мы беремъ тоже женщину, которая способна разбирать свои поступки.

Дѣвушка-институтка, да притомъ недурненькая собою, скорѣе другихъ выходятъ замужъ. Причинъ этому очень много. Оставляя институтъ совершеннымъ ребенкомъ, она никогда долго не задумывается надъ предложеніемъ. Очень ошибаются тѣ господа, которые воображаютъ, что дѣвушка, только-что выпущенная изъ заведенія, все еще мечтаетъ о романтической, безкорыстной любви. Легко вѣря на-слово всему, что бы кто ни сказалъ изъ лицъ, находящихся внѣ стѣнъ заведенія, она рано затвердить себѣ: «въ жизни нѣтъ романовъ: все одинъ расчетъ, и любовь — только пустая фантазія!»

Паслышавшись отъ подругъ о незавидномъ положеніи гувернантки, она боится упустить благоприятный случай и выходитъ за перваго, кто ей сдѣлаетъ предложеніе, или иногда просто думаетъ: «Да какъ же я ему откажу? Такъ часто съ нимъ гуляла, разговаривала.... Онъ такой добрый, подумаетъ: чего она, дура, отказываетъ? Вѣрно, ребячится! Даже, можетъ, будетъ приставать, а если влюбленъ, такъ вѣдь онъ умирать.... Оп, какая я злая! поскорѣй нужно сказать, чтобы онъ не отчаявался!» Вотъ и выходитъ она замужъ, большею частью чуть не съ классной скамейки. Ничего не понимая ни въ дѣлѣ хозяйства, ни въ

обращеніи съ людьми, она разомъ принимаетъ ключи и весь домъ на свои руки. Но она не боится. Передъ свадьбой ей хоть и пришло въ голову: «Какъ это все скоро! А я вѣдь ничего не знаю... Право, даже смѣшно!» И суженому своему она повѣряетъ эту мысль; но суженый въ это время бываетъ обыкновенно такъ ослабленъ наивностью и другими прелестями своего предмета, что и эту простодушную фразу причисляетъ къ числу другихъ ея милыхъ качествъ. Онъ и отвѣчаетъ ей обыкновенно въ этомъ родѣ: «Ангель! да что вамъ нужно знать? Ни объ чемъ вамъ не нужно думать, на все будетъ свое время.» — «Ахъ, какъ это чудесно!» говоритъ она въ восторгѣ. И какъ не быть ей въ восторгѣ? Вѣдь это единственная тучка, которая было набѣжала на ея безпечныя думы, а виновникъ этой мимолетной заботы самъ успокоиваетъ ее, говоря, что «ни объ чемъ не нужно думать!» Но несмотря на то, что суженый пѣлъ ей, что дескать «вы ангель: вамъ и того достаточно», — лишь только она выходитъ замужъ, забота сама собой стучится въ двери. Сначала, конечно, все идетъ шутя. «Ну что это за барыня!» говоритъ кухарка: «хоть куклы въ руки... такая это она хохотушка!» Шу, и другіе замѣчаютъ: «такая она хохотушка», — такъ и въ хозяйствѣ: не то дѣло, не то забава! У ней ключи, но ей совѣстно что-нибудь затворить: «Какъ страшно затворять! Все свои, точно тутъ воры.... Даже Аленѣ это можетъ показаться съ моей стороны нежелательнымъ.» Входя въ кухню, она не только не смотритъ на кушанье или на закупки, сдѣланныя кухаркой, но даже отворачивается, желая показать, что она ни на что не смотритъ: она и пришла-то къ кухаркѣ просить напиться, а не повѣрять ее. Не долго однако она такъ отворачивается. Мужъ мало-помалу увѣрится, что она уже не ускользнетъ у него изъ рукъ, и замѣтитъ при случаѣ: «Значитъ въ этомъ мѣсяцѣ у насъ вышло полтора ста рублей, — все мое жалованье... Гм! вѣдь можетъ что-нибудь случиться: ну захвораемъ, или тамъ другое несчастье? — вѣдь денегъ-то намъ негдѣ взять... Нужно немного подумать....» Потомъ какая-нибудь заботливая родственница замѣтитъ: «воображаю, какъ васъ обкрадываетъ ваша кухарка!» Сначала конечно не вѣрится, но всѣ тоже говорятъ; вѣрно что-нибудь да есть, непременно есть: «я даже сама замѣтила, что она такая нечестная!»

До тѣхъ поръ ни во что не входя и ничего не зная, она хочетъ разомъ завести порядокъ въ дому. Самый обыкновенный вопросъ знакомыхъ: «какъ-то идетъ ваше хозяйство?» ей кажется намекомъ на то, что ее всѣ обкрадываютъ. И вотъ она сначала докучаетъ кухаркѣ подоб-

ными вопросами: «да развѣ это могло все выйти? неужели это столько стоить? отчего же у другихъ гораздо дешевле?» и проч. Кухарка конечно знаетъ какъ оправдаться и свести счетъ, но все-таки ее страшно злитъ, что барыня безпрестанно спрашиваетъ: да развѣ? да неужели? Она тутъ же порядкомъ ей выскажетъ, что дескать «ничего сама не понимаешь, такъ и не обижай честныхъ людей». Барыня совсѣмъ озадачена; она цѣлый день передумываетъ, какъ бы уличить кухарку, къ чему бы придраться. Такъ какъ всѣ говорятъ, что ее обкрадываютъ, и придраться не къ чему, то она и начинаетъ ко всему иридраться. Кухарка грубитъ ей безъ пощады. «Боже мой! думаетъ она: я съ ней обхожусь такъ деликатно, вы ее называю, а она просто въ глаза меня ругаетъ! Нельзя же мнѣ ни за чѣмъ не присмотрѣть — и то всѣ смѣются!» — «Алена! говоритъ она: отчего масло такъ скоро вышло?» — «Можно, что и меньше выйдетъ,» отвѣчаетъ та. — «Да, пожалуста нельзя ли? А то вчера покупали и сегодня опять: такъ денегъ не достанетъ!» — «Да говорятъ вамъ, что можно!» отвѣчаетъ кухарка съ злобною улыбкою. Едва хозяйка ушла, кухарка зоветъ ее: «Картофель буду жарить, масло извольте положить.» Что за диво! прежде она никогда не звала ее для этого. — «Этого довольно, Алена?» — «Можно и меньше, коли нужно, чтобъ меньше выходило.» — «Ну, такъ я сейчасъ отбавлю, Алена; теперь ужъ вотъ немного.» — «Пожалуй можно и меньше,» продолжаетъ тѣмъ же тономъ кухарка. — «Ну теперь, Аленушка, вѣрно хорошо: ужъ совсѣмъ мало.» — «Ладно,» ворчить та, грубо отдергивая сковороду. — «У тебя глазъ нѣтъ что-ли?» за обѣдомъ спрашиваетъ хозяйка кухарку: «совсѣмъ сожгла картофель!» — «Да барыня масла не изволили положить. Сказываютъ: ты транжирка, дескать, всѣ деньги мои растрепяжила!» — «Скажите пожалуста, какая дрянь! Ейбогу никогда ничего подобнаго ей не говорила; даже вы ее всегда называю,» говоритъ хозяйка, желая оправдаться передъ мужемъ. — «Хорошо же!» думаетъ она, и начинаетъ помыкать кухаркой: «покажу тебѣ, что я госпожа, такъ и будешь уважать меня!» Кухарка наконецъ теряетъ всякое терпѣнье и отходить отъ мѣста. «И прекрасно! пусть ее... Мерзкая, думаетъ меня испугать! Найму другую, вотъ и все тутъ!» Между тѣмъ, покаместъ нѣтъ этой другой, ей нужно дѣлать все самой. «Какъ это я буду готовить?.. Никогда даже не смотрѣла, какъ она стряпала! Да какъ это кофе варится? Хотъ бы показалъ кто-нибудь! Ахъ, презрѣнная! Я такъ вѣжливо съ ней обращалась, а она ушла! Нѣтъ, съ другой ужъ буду строга, строга, какъ и всѣ!»

Черезъ два-три дня поступила новая кухарка. Она приняла ее важно, съ миной знающей хозяйки толковала, чего отъ нея требуетъ; но и эта скоро ее раскусила: «Совсѣмъ, совсѣмъ еще молодочка! Хоть и хотеть форсу задать, да ни въ чемъ это она смыслу не имѣеть.»

Повторяются прежнія сцены. Ужь пять-шесть служанокъ перелѣнилось; она ни съ одной не можетъ поладить, бранится, топаетъ ногами, думая, что у другихъ онѣ оттого дольше живутъ, что ихъ держатъ въ строгости. Но отъ этой брани у ней ломить голову; отъ постоянного раздраженія нервы ея слабѣють, и скоро малѣйшая неприятность дѣйствуетъ на нее болѣзненно.

— Нѣтъ, вѣрно ужъ у меня такой несчастный характеръ! говоритъ она: — отчего это другія со всѣми уживаются, а я не могу? Я пустая, злая, ни къ чему не способная... — И поидеть, поидеть хандрить, преувеличивая свое положеніе.

Отчего же у другихъ, спросимъ мы, домашнія дѣла идутъ безъ особеннаго шума, а если и бываютъ дразги съ прислугой, то подобныя мелочи не разстроиваютъ совершенно семейной жизни? Отчего у женщины, которую мы вывели, не только все вниманіе обращено на эти мелочи, а выходитъ и борьба, истощающая силы и здоровье? Отвѣтить нетрудно. Въ заведеніи она имѣла дѣло только съ классными дамами, старыми дѣвами, которыя сами, кромѣ дразгъ и пустячковъ, ничѣмъ не занимались Тамъ же началась и безплодная борьба: въ грубыхъ столкновенияхъ съ дамами понемногу ожесточалось ея сердце; характеръ ея, еще прежде чѣмъ образовался и окрѣпъ, уже былъ, такъ сказать, надломленъ: она и по выпускѣ готова была раздражаться всякимъ противорѣчіемъ, принимать всякое слово, даже сказанное въ шутку, за униженіе для себя, за обиду — словомъ, ей казалось, что всѣ думаютъ стѣснять ея свободу, всѣ хотятъ оскорблять ее, какъ-будто во всѣхъ она видѣла классныхъ дамъ и даже передъ кухаркой отстаивала свою самостоятельность.

Посмотримъ, какова она матерью.

Въ лицѣ гувернантки мы уже отчасти представили ея неопытность въ дѣлѣ воспитанія; здѣсь остается намъ сказать о такихъ сторонахъ въ уходѣ за дѣтьми, гдѣ болѣе всего нуженъ зоркій глазъ матери.

Положимъ, что она сознаетъ всю важность этой обязанности. Въ дѣтскій годъ она много видѣла, слышала и приобрѣла нѣкоторую опытность. Но въдъ дѣтей она еще не имѣла, да и никогда ей не случалось наблюдать, какъ за ними ухаживаютъ въ младенческомъ возрастѣ. Все-

питывайся она дома, ей самой пришлось бы кой-когда понявчнуться съ ними или хоть имѣть передъ глазами живые примѣры такого ухода. Когда она все это могла узнать, она сама еще была ребенкомъ, а потому въ заведеніи провела восемь лѣтъ и выросла, даже ни разу не видавши грудныхъ дѣтей: ей даже думать объ этомъ казалось стыдно, неприлично! Теперь у нея самой ребенокъ.

Въ такихъ случаяхъ обыкновенно не бываетъ недостатка въ совѣтницахъ. Но вотъ бѣда. Одна толкуетъ: «вы это-то сдѣлайте... ужъ я испытала на своихъ дѣтяхъ: превосходно!» — а другая на совѣтъ первой замѣчаетъ: «этого-то именно и не дѣлайте: навѣрно погубите ребенка.» Между тѣмъ ребенокъ кричитъ благимъ матомъ... «Ахъ, боже мой! думаетъ она: что мнѣ съ нимъ дѣлать? Вѣдь онъ умретъ! Даже взять я его не умѣю!» и бросается за совѣтомъ къ мужу. — «Да ты, чѣмъ всѣхъ слушать, говорить онъ, лучше бы читала педагогическіе журналы.» — «Буду все читать, только бы знать!» И вогь окружаетъ она себя всѣми выходящими у насъ педагогическими журналами. Въ нихъ многое расписано умно, краснорѣчиво; но долго ждать ребенку, пока все это возьмешь въ толкъ: одна статья, кажется, заключаетъ въ себѣ очень дѣльные наставленія, хоть въ ней и много лишнихъ разсужденій; а вотъ тутъ, въ другомъ журналѣ, все это растолковано наоборотъ, и тоже, кажется, очень дѣльно. Ну, кого тутъ слушать?

— Няня! что это за сыпь? онъ красненькій... Кажется, горитъ, — говоритъ она.

— Да такъ! видно, послѣ сна раскраснѣлся.

— Цѣтъ, онъ горитъ.

— Ну, если горитъ, такъ съ глазу. Вотъ вы еще больше бы водили всякаго народу въ спальню показывать!

— Что за глупость, няня! Можетъ-ли быть что-нибудь съ глазу? *

— Ну хорошо, хорошо; вы спросите у всѣхъ, кто имѣлъ своихъ дѣтей.

— Буду я спрашивать о такомъ вздорѣ!

— Ну такъ чтожъ вы скажете?.. хоть какъ означаетъ по-вашему, журнальному?

— Да вы вѣрно перекорипли его?

— Ну да! вамъ бы съ голоду уморить.... И не знаю я, какъ захъ не жалко; просто удивляюсь!

— Да что же это у него на самомъ дѣлѣ? гдѣ бы прочитатъ? Боже мой! онъ даже дышетъ тяжело, сталъ еще краснѣе... занесло же меня на эту дачу! Доктора дома нѣтъ, за другимъ послать, такъ завтра еще

придетъ... Какъ узнать мнѣ, что дѣлать? Дамъ ему прохладительнаго питья: въ «Учителѣ» сказано, что это хорошо.

— Ну что, ойбогу, всякой дрянью ребенка пичкаете! говорить няня въ сердцахъ:—и отродясь это я не видала, чтобы такого малаго ребенка сахарной водой поили! Чѣмъ суетиться-то, помолились бы Богу. Въ писаніи сказано: если быть смерти, такъ значить быть; значить: Я, Самъ Господь Богъ, этого восхотѣлъ и никакія ваши людскія пособія ему не помогутъ!

— Такъ по-вашему, няня, если ребенокъ захвораетъ, такъ и беречь его не нужно?

— Проста ты, барыня! ухъ какъ проста! Молода что-ли оченно? Только вовсе проста! Вѣдь это я сказала къ тому, что, значить, неприятны Господу Богу наши леченія. Воля моя да будетъ, говорить онъ, а не ваша людская. Значить, марайся не марайся, захочу—такъ и возьну. А что насчетъ дѣтскаго обереганія, конечно оно нужно; самъ Богъ говорить: надѣну камень на шею и потопаю, если обидишь кого изъ малыхъ!

— Какъ онъ горить!.. Смотрите, не мойте его.

— Мыть-то не надо: зачѣмъ мыть, когда горить? А обтереть невозможно нужно. Охъ, охъ молода еще! Ну зачѣмъ водите всѣхъ его показывать?—И няня побѣжала помочать полотенце.

— Няня! что вы? Смотрите, какой у него жаръ! Вы его простудите!

— Вотъ вы его по-журнальному такъ сведете на тотъ свѣтъ, а я двадцать пять лѣтъ няньчу дѣтей и никого еще не простужала, а всякаго дитю умывала, когда у него вдругъ, ни съ того, ни съ сего что приключится: значить съ глазу—ну, и нужно умыть.

— Нѣтъ, ни за что не позволю! Какъ вы не можете понять, что съ глазу ничего не бываетъ?—И она начинаетъ перебирать, за кѣмъ бы послать изъ тѣхъ знакомыхъ дамъ, которая поумнѣй да пообразованнѣй, и притомъ имѣла бы своихъ дѣтей. «Послать за Александрой Степановной Ковалевской? Она вѣдь, кажется, женщина вачитанная и не безъ природнаго ума.» Ну, и приходитъ эта Александра Степановна Ковалевская. — «Что вы такъ испуганы?» спрашиваетъ она хозяйку.

— «Да посмотрите на моего ребенка: что это у него? Что вы мнѣ посоветуете сдѣлать?» — «Во всякомъ случаѣ не беспокойтесь: подобныя сыпучки часто бываютъ у дѣтей; отчего именно, и не знаю. А вотъ что я вамъ скажу: вы его утрите чуть-чуть мокренькимъ полотенцемъ; даже для осторожности можно сбрызнуть.» — «Да вѣдь вода

все-таки попадет на личико ребенку, а это вредно», говорить хозяйка. «И неужели вы, женщина умная и образованная, думаете, также как и няня, что это съ глазу?» — «Нѣтъ, я вовсе не вѣрю этому. Съ глазу не съ глазу, а вотъ что могло быть: кто-нибудь изъ тѣхъ, у кого дурной собой ребенокъ, посмотритъ на вашего, здоровенькаго, голубоглазого, красиваго ребенка и подумаетъ: ахъ, какой хорошенькій! Ну что мой передъ этимъ? Зачѣмъ у меня нѣтъ такого?.. И станетъ ей, какъ и всякой матери, завидно.... Вотъ это-то и бываетъ дурно ребенку.»

— Ну что я говорила? восклицаетъ въ восторгѣ няня, слышавшая только послѣднія слова. — Мнѣ такъ вотъ барыня не вѣритъ. Вы вотъ и книжки читаете, можетъ тоже и журнальныя, да какъ вы имѣете теперь своихъ дѣтей, такъ сами видите, что нельзя всегда по нимъ съ дѣтими обходиться. Я такъ рада, что вы хоть сказали; а то молода... ничего по себѣ не знаетъ, все только по-журнальному.

— Не позволю, не позволю я умывать, и сбрызгивать не позволю! Еще больше горитъ, еще тяжелѣе дышитъ... Не отойду отъ него все это время ни на шагъ; пожалуй безъ меня умоютъ.... Ну, зачѣмъ нѣтъ мои знанія? Зачѣмъ я ничего не знаю въ медицину? Доктора неоткуда взять, кругомъ все примѣты да повѣрья... Говорятъ, образование искоренило все суевѣрія... Да развѣ не одно и тоже толковала мнѣ няня и эта женщина? А вѣдь она тоже воспитывалась и навѣрно готова кричать противъ невѣжества толпы. Ну знай она медицину, вѣдь она не сказала бы, что ребенокъ боленъ отъ зависти!

Еще увѣряютъ, что только сумасброднаыя женщины толкуютъ о медицинѣ.... Нѣтъ! стоять за медицину матери, горячо любящія своихъ дѣтей, когда въ ихъ глазахъ эти дѣти умираютъ, а онѣ тутъ же плачутъ надъ ихъ кроватью, не зная какъ помочь и только ломая себѣ руки! Стоять за медицину не одни люди, испытавшіе хоть разъ безпомощность своего положенія, а всякій, кому случалось видѣть, какъ гибнетъ бѣдный народъ, у котораго дѣти голышешъ валяются въ грязи, въ заразныхъ болѣзняхъ, и нерѣдко мрутъ посреди улицы. — «Барынька, помоги! Не знаешь ли какого лекарства? Внучекъ-то совѣтъ задохся отъ кашлю», говоритъ, охая, старушка. Но барынька, кончившая полный курсъ наукъ, не знаетъ и того, что дать отъ кашлю, ужъ не говоря про основныя правила медицины.

Мы представили въ двухъ очеркахъ—гувернантки и хозяйки дома, какъ наша школьная наука мало приготовляетъ женщину къ самостоятельному положенію въ жизни. Мы говоримъ не о той самостоятельности,

вторая приобретається богатствомъ, званіемъ родителей, мужа и проч., а о той, какую женщина можетъ сама себѣ выработать своимъ умомъ, характеромъ, образованіемъ. Съ одной стороны, и при богатствѣ она нерѣдко бываетъ очень зависимымъ существомъ въ рукахъ каждаго, кто съумѣетъ воспользоваться ея безхарактерностью; съ другой, четырнадцатая часть, получаемая ею изъ имѣнія родителей, даже довольно значительнаго, мало обезпечиваетъ и матеріальную ея независимость. Но желая быть независимой, она у насъ волею или неволею должна принять одну изъ двухъ обязанностей: наставницы или матери. Наше женское образованіе *спеціально* имѣетъ въ виду эти двѣ цѣли и не достигаетъ ни одной изъ нихъ. Конечно, невозможно и требовать, чтобы школа дала все то, что дается опытомъ жизни; но она должна же сколько-нибудь приготовить женщину къ обязанностямъ, которыя ее ожидаютъ. А бываетъ наоборотъ: школа часто советѣмъ отчуждаетъ отъ всего, съ чѣмъ женщина неизбежно встрѣчается въ жизни.

Обязанность наставницы самая трудная. Обыкновенно дѣвушка приступаетъ къ ней безъ всякой опытности. Немудрено, что трудъ не под силу скоро ее утомляетъ и она выполняетъ его кое-какъ, опускаетъ руки. Хорошо, еслибъ школа и общество открывали ей и другіе пути къ дѣятельности, чтобы первою ея заботою не было обезпечить себя заужствомъ. Что касается школы, то, желая въ ней примѣненія науки къ жизни, мы не думаемъ ограничивать себя одними спеціальными знаніями; мы только желали бы, чтобъ всѣ наши знанія шли въ прокъ, имѣли живой, практической характеръ. Какое понятіе получить дѣвушка объ обязанности матери, когда считается неприличнымъ даже произнести передъ нею слово «родить?»

В. Ц—СКАЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

LES FEMMES DE LA REVOLUTION,

par Michelet. 3 édition. Paris, 1863.

Историческія монографіи, къ которымъ принадлежитъ книга съ вышевыписаннымъ заглавіемъ, въ человѣкѣ, который пожелаетъ говорить о ней, могутъ вызвать двойное къ себѣ отношеніе. Онъ можетъ или оспаривать положенія автора, разбирать его взгляды, указывать ошибки, недосмотры, пропуски; доказывать, что невѣрна точка зрѣнія автора и т. под.,—словомъ, относиться къ сочиненію полемически. Для этого необходимо, чтобы въ самомъ сочиненіи было что-нибудь, что можно оспаривать; нужно, чтобы говорящій былъ равенъ автору, т. е. былъ бы такъ же знакомъ съ предметомъ, какъ и авторъ и имѣлъ бы на излагаемое въ книгѣ свой взглядъ. Но подобное отношеніе не всегда возможно, и часто человѣкъ, прочитавшій сочиненіе, видитъ, что ему не о чемъ спорить съ авторомъ, потому что послѣдній ничего не высказываетъ осязательнаго, что у него трудно уловить идеи, нельзя разобрать картины, и онъ, говоря о книгѣ, невольно становится въ положеніе непросвѣщеннаго читателя, взявшагося за книгу, чтобы узнать изъ нея что-нибудь новое; и онъ долженъ будетъ, конечно, говорить о книгѣ съ этой точки зрѣнія. Такое отношеніе къ книгѣ приноситъ пользу и тѣмъ, кто, не читая ея, захочетъ познакомиться съ нею: онъ встрѣтитъ въ рецензій мнѣніе человѣка, имѣющаго общій интересъ съ читателемъ, человѣка, который судилъ книгу не свысока, а съ того уровня, на которомъ стоитъ большинство. Поэтому оно скорѣе можетъ удовлетворить ихъ, чѣмъ ученая критика съ цитатами, источниками и т. д.

Говоря о книгѣ Мишле, стать на эту точку зрѣнія тѣмъ необходимо, что нельзя предположить ея извѣстности русской читающей публикѣ, и потому вопросъ о ея содержаніи намъ кажется очень умест-

мысл. Мы съ этого и начнемъ, и посмотримъ, что можно узнать, прочтя книгу: удовлетворяетъ ли она любознательности взявшагося за нее читателя и на сколько способна нарисовать картину положенія и участія французскихъ женщинъ въ первой революціи.

Авторъ отзыввается о своемъ трудѣ какъ о сборникѣ характеристикъ и портретовъ отдельныхъ личностей, и на нихъ-то онъ обращаетъ особенное вниманіе; поэтому отъ біографій, занимающихъ большое мѣсто и въ книгѣ, можно было бы требовать и большихъ достоинствъ. Придавая имъ особое значеніе, Мишле долженъ былъ дать имъ лучшую обработку, приложить къ нимъ побольше труда.

А между тѣмъ характеръ біографій выходитъ чрезвычайно странный. Въ чтеніи онѣ еще интересны и легко читаются; но съ послѣдней прочитанною страницею чувствуется, что время было потеряно даромъ и что въ головѣ не осталось ничего.

Разскажемъ для образца двѣ прочитанныя у Мишле біографіи.

«Геній г-жи Сталь попеременно находился подъ властію (а *été dominé*) двухъ учителей и двухъ идей: до 89 года — Руссо, послѣ 89 — Монтескье» (стр. 79). Такая рекомендація способна внушить недовѣріе, и даже просто поставить въ тупикъ: что это за геній, слушающійся то одного, то другого, и неумѣющій пробить себѣ свою самостоятельную дорогу? Но съ этимъ можно еще примириться, принимая во вниманіе то великодушіе, съ какимъ французъ жалуется французамъ въ гениальныя люди. Далѣе оказывается, что г-жа Сталь была всемогуща во влияніи на Неккера, своего отца, и что онъ безъ нея никогда не ушелъ бы такъ далеко по революціонному пути. Въ то время она еще не находилась подъ влияніемъ посредственныхъ любовниковъ, окружившихъ ее позже, прибавляетъ Мишле. Она воодушевила Неккера на опытъ всеобщей подачи голосовъ, опытъ тѣмъ болѣе смѣлый, что французскій народъ былъ такъ еще неприготовленъ; но слѣлавъ такой смѣлый опытъ, она не замедлила раскаяться и перешла къ англоманству.

Русскій деревенскій помѣщикъ, внезапно обратившійся въ публициста, прочтя эту первую страничку біографіи, подумалъ бы о г-жѣ Сталь: «какая забалмошная и пустая баба!» А Мишле составилъ себѣ другое о ней мнѣніе. «Мы не поколеблемся—говоритъ онъ—утверждать, что ея оригинальность видна въ первой же эпохѣ, ея слава—и въ любви къ отцу, и въ смѣлости, которую она въ него вдыхала. Ея посредственность шла отъ ея *spirituels amants*, Нарбоновъ, Веньяминовъ Костановъ и т. д.»

Далѣе разсказывается семейная жизнь г-жи Сталь, способствовавшая тѣсной дружбѣ съ отцомъ, горячность этой дружбы, дошедшая до нетерпимости ко всѣмъ непривычнымъ талантамъ Неккера и не считающимъ его богомъ. Послѣ паденія отца, она въ любви своей оставалась романтическою и хотѣла любить героя. («Точь въ точь тургеневская Елена», думаетъ русскій и еще болѣе убѣждается,

кто Сталь была вѣбалимошная баба.) Не находя живого героя, она своимъ творческимъ духомъ создала себѣ героя идеальнаго, и не замѣтивъ, что ея идеалъ пристроился къ пустому фату, привязалась къ нему всюю душою, и какъ рассказываетъ Мишле, она любила его за его смѣлость, за его фатовство (ибо и она также была женщиною). Онъ не ладилъ съ дворомъ и салонами, имѣлъ сомнительное состояніе и въ довершеніе всѣхъ нерасполагающихъ въ его пользу обстоятельствъ, былъ незаконный сынъ Людовика XV и его дочери. При этомъ рассказывается скандальный анекдотъ о живой и смѣлой полькѣ, рѣшившейся, подобно дочери Лота, соблазнить своего отца и имѣть на него вліяніе, чтобъ спасти его отъ окружавшихъ его вредныхъ людей.

Послѣ этихъ объясненій, выходящихъ на французскомъ нарѣчій занимательными, Мишле объявляетъ, что Сталь имѣла недостатокъ, для женщины весьма тягостный: «она была некоромна собою»; и затѣмъ слѣдуетъ описаніе героини съ физической стороны. На страницы разсказа выступаютъ кожа, волосы, носъ, глаза, бюстъ, ручки и т. д. Снова Мишле возвращается къ таланту Сталь, и говоритъ, что у нея онъ исходилъ изъ сердца. Ни глубокой простоты, ни творчества никогда не было въ ней; кромѣ того предки ея, германцы, переселившіеся въ Швейцарію и слѣвавшіеся разбогатѣвшими буржуа, оставили на ней дурныя слѣды и парализовали ея добрыя наклоненія. Она искренно любила народъ, но воображала его аристократическимъ, и такимъ же точно образомъ ошибалась во многихъ и другихъ случаяхъ. Оттого она стремилась поставить Нарбонна во главѣ движенія, сыскать quasi-англійскую свободу, такъ что Робеспьеръ и якобинцы сочли ее врагомъ отечества.

Неудача Нарбонна въ народномъ собраніи обратила Сталь въ ролістку и она задумала бѣгство короля съ тѣмъ, чтобы честь исполненія принадлежала Нарбонну. Но и здѣсь она потерпѣла неудачу. Позже, во время эмиграціи, она поддерживала сперва реакцію, а потомъ директорію, но тѣмъ не менѣе не пользовалась уваженіемъ Бонапарта и была принуждена жить за границей.

«Вообще—заключаетъ Мишле—она была отличная женщина, съ добрымъ сердцемъ и обширнымъ талантомъ, который сталъ бы гениемъ, еслибъ не было вокругъ нея салоновъ, посредственныхъ друзей, мелочности свѣта» и т. д. (стр. 89).

Этими свѣдѣніями ограничивается вся біографія Сталь. Читатель не найдетъ въ ней фактовъ, характеризующихъ героиню, не найдетъ ни ея мыслей, ни стремленій, а встрѣтитъ разсказъ, правда полнѣйшій участія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно туманный. При всемъ желаніи Мишле опозитивировать эту личность, она рисуется въ воображеніи читателя женщиною очень страшною, увлекающеюся, но плохо-осмысливающею движеніе своего вѣка. Она женщина революціи только потому, что жила во время революціи, до которой собственно ей было очень мало дѣла.

Впечатлѣніе отъ романа Мишле не совпадаетъ съ мнѣніемъ автора о Сталь, но едва ли можно сдѣлать упрековъ автору, потому что весьма трудно усмотрѣть въ статьѣ. Биографія Сталь вся расплывалась въ феллетонъ, живой, теплый, но заключающій въ себѣ очень мало дѣльныхъ свѣдѣній.

Въ биографіи Кондорсе почти ничего не говорится о ней самой. На 20 страницѣхъ рѣчь идетъ о ея мужѣ, и читатель невольно склонится къ мысли, что она героиня революціи потому только, что она жена героя. Примѣняясь къ русскимъ понятіямъ и русскимъ нравамъ, она имѣетъ менѣе основаній считаться героиней, чѣмъ жена директора директоршей, ибо жены директоровъ очень часто несутъ хотя часть директорскихъ обязанностей.

Въ одномъ только мѣстѣ Мишле говоритъ о самой Кондорсе, и на двухъ или трехъ страницѣхъ описываетъ ея страданія, когда она была принуждена скрываться и жить отдѣльно отъ любимаго мужа, слышала брань ему, и выбравъ удобную минуту, прокрадывалась къ мужу, чтобъ вознаградить себя за дневную разлуку. Свиданіе ихъ не отравлялось воспоминаніемъ и разговоромъ о слышанномъ: Кондорсе боялась огорчить мужа и тщательно скрывала отъ мужа бездну испытанныхъ ею оскорбленій. Она не имѣла права отвѣчать на несправедливыя обвиненія мужа и молча, затаивъ въ душѣ оскорбленіе, старалась его не обнаруживать. Такая заботливость г-жи Кондорсе, ея бережное стараніе не растревать ранъ и безъ того убитаго мужа свидѣтельствуютъ о деликатности, женственности ея натуры и внушаютъ въ ней сочувствіе; но почему нужно считать ее женщиною революціи, а не просто женщиною—этого изъ разсказа Мишле вовсе не видно.

Эти двѣ биографіи уже достаточно могутъ познакомить читателя съ манерою Мишле писать характеристики своихъ героинь. Если прибавить къ этому теплое отношеніе къ нимъ автора, легкость изложенія, то можетъ быть и найдутся люди, которымъ чтеніе книжки Мишле покажется стоящимъ. Но намъ его биографіи показались безсодержательными и нехарактеристичными. Онъ весьма немножко касается женскаго сердца, не вдаваясь ни въ психологическое образованіе, ни въ умственные богатства описываемыхъ женщинъ: все это сдвигается на второй планъ, а на первомъ остаются грація, красота, душевная теплота. Читатель хочетъ узнать степень участія женщинъ въ революціи, а находитъ наперегирокъ женственнымъ чертамъ нѣсколькихъ женщинъ, жившихъ въ періодъ революціи. Припомните, что двѣ женщины, которыхъ биографіи мы разсказывали, по Мишле, составляли центръ кружковъ, которые не были безучастны къ современности, и тогда требованія отъ этихъ разсказовъ возрастутъ еще болѣе, и еще болѣе скудными покажутся они читателю.

Мишле не ограничивается биографіями, а даетъ также очерки дѣятельности клубовъ, обществъ, въ которыхъ принимали участіе жен-

щины. Есть у него, например, глава о женщинах-якобинках, начинающаяся рассужденіемъ о планѣ бѣгства короля, о той сѣти, которая охватила Францію и дѣйствовала противъ революціи, о необходимости для поддержанія ея сомкнуться въ кружки, и притомъ съ радикальнымъ направленіемъ; такіе кружки образовались по всей Франціи.

Въ Руанѣ въ это время (14 іюля 1790) три друга конститудіи собрались у богатой и знатной вдовы и отправили въ національное собраніе актъ образованной ими федераціи. Къ нему примкнула племянница вдовы, еще дѣвочка, и двѣ другія женщины изъ ея дома. Вдова «представляла богатство комерцій и служила центромъ общества». Не объяснивъ читателю, какимъ образомъ она представляла собою комерцію и что она дѣлала, какъ руководила кружкомъ, будучи его центромъ, Мишле снѣшить увѣрить, что этому не слѣдуетъ удивляться, ибо многія другія женщины, очень солидныя, входили въ ассоціаціи со слѣпымъ одушевленіемъ, сбиваясь въ направленіи своей дѣятельности и идей, съ умомъ прозелита, съ средневѣковымъ увлеченіемъ къ новой вѣрѣ. Вдова, центръ руанскаго кружка, богатая и одинокая, должна была, по мнѣнію Мишле, легко поддаться вліянію своихъ друзей и дѣйствовать въ пользу новой системы.

Угодивъ такимъ образомъ своимъ героинямъ вообще и вдовѣ въ особенности, Мишле задаетъ вопросъ: зачѣмъ же образовалось это маленькое общество въ то время, какъ въ Руанѣ была сформированная большая федерація депутатовъ отъ 60 городовъ и 500 тыс. народу? И отвѣчаетъ: во 1-хъ, они замѣтили присутствіе въ ней дворянства, а во 2-хъ, оно сложилось 6 іюля, а не 14, въ день взятія Бастиліи.

Этимъ оканчивается глава о женщинахъ-якобинкахъ. Читатель недоумѣваетъ: онъ ожидаетъ разсказа впереди, но напрасно; глава окончена. Онъ можетъ думать, что сочиненіе Мишле сатирическое, что глава о якобинкахъ-женщинахъ для того и написана, чтобы доказать, что ихъ не было; онъ можетъ это думать, и тогда долженъ будетъ считать увлеченіе Мишле расчитаннымъ: ему-де, какъ французу, легче всего обморочить француза и остро подсмѣяться надъ нимъ, восхищающимся національными пустяками. Можетъ-быть это и правда, но для насъ, русскихъ читателей, это нисколько не назидательно. Въ томъ же родѣ и всѣ другіе разсказы Мишле; во всѣхъ ихъ такъ же много лирики, мало фактовъ, и если быть довѣрчивымъ и согласиться со всѣми общими его указаніями, не требуя подтвержденія имъ, то надо будетъ принять, что женщины того времени принимали какое-то участіе во всѣхъ собраніяхъ, показывались на всѣхъ сходбищахъ, ходили съ депутаціями, заявляли требованія правъ человѣческихъ и т. д. Но чѣмъ именно мотивировалось все это, Мишле не указываетъ. Онъ, какъ мать, любящая своего ребенка, тщательно собираетъ всѣ отрывочныя свѣдѣнія и записываетъ ихъ. Любовь его къ женщинамъ, если не призвать юмористической цѣли его сочиненія, заставляла его вслѣдъ

идеть героиня, игравшихъ роль; но поозороннему лицу, читателю, трудно стать на его точку зрѣнія, потому что разсказъ его выводитъ неубѣдительно, мало говорить уму.

Пока читаешь его книгу, чувствуешь, что что-то копошится, что женщины не сидѣли въ это время взаперти въ своихъ комнатахъ, и только нарѣдка удается понять характеръ этого копошенія. Страсти были разгорячены, событія были слишкомъ крупны и необыкновенны, чтобъ не увлечь женщинъ, вообще далеко стоящихъ отъ политическихъ интересовъ общества. И какъ-то странно кажется стараніе Мишле выдѣлать женщинъ изъ общей массы и описать ихъ дѣятельность. Онъ старается показать, что, выражаясь по-русски, и онѣ также пахали, а между тѣмъ его старанія какъ-то мало привнесли пользы: видно трудно было собрать что-нибудь въ самомъ дѣлѣ важное, и при всей снисходительности Мишле къ своимъ любимцамъ, едва насчитывается двадцать или тридцать женскихъ именъ, сдѣлавшихся извѣстными. Тогда какъ таже эпоха выдвинула на сцену столько мужскихъ личностей, что биографіи составили цѣлый словарь. Вообще говоря, это подыскиваніе извѣстій объ участіи женщинъ въ событіяхъ революціи много портитъ разсказъ Мишле. Онъ какъ-то напоминаетъ нашу російскую панораму, примѣрно хоть бы съ такимъ посвященіемъ панорамщика: «А вотъ, господа, якобинцы въ Руанѣ, въ серединѣ ихъ сидитъ вдова съ внучкой и съ двумя приживалками; а вотъ въ Палероляѣ народный витія говоритъ рѣчь и женщины въ видѣ живого вѣника окружаютъ его; вотъ онѣ идутъ въ Версаль требовать возвращенія короля въ столицу, полной увѣренности, что отъ этого прекратится дороговизна; а вотъ снаряжаютъ богини разума и назначаютъ для этого женщинъ, а не мужчинъ» и т. д., и т. д., — все въ томъ же родѣ.

Таково было впечатлѣніе книги на меня; нужно впрочемъ замѣтить, что она вышла третьимъ изданіемъ и слѣдовательно находятъ читателей въ публикѣ.

Казалось бы, статьи, имѣющія общее содержаніе, рисующія направление идей времени и т. п. должны выйти у Мишле лучше, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Мы прослѣдимъ для образца первую главу книги, на которую указываетъ и самъ авторъ, какъ на наиболѣе знаменательную; она озаглавлена: «Вліяніе женщинъ въ XVIII столѣтіи. Материнство» и умѣщается вся на трехъ съ небольшимъ страничкахъ. Въ ней рѣчь идетъ сперва о томъ, что вѣроятно всѣ замѣтили чрезвычайную плодовитость 1768—70 годовъ, столь богатыхъ гениальными дѣтьми, и 1760, когда родилось такъ много героевъ, которые, по выраженію Мишле, кровью своею взростили отечество.

Эти эпохи совпадаютъ съ распространеніемъ въ обществѣ идей Руссо, когда не только каждая мать, но даже каждая дѣвица, прежде чѣмъ стать матерью, устремляла всѣ свои мечты на воспитаніе сына-гражданина, великаго и свободнаго. Это настроеніе воодушевляло ихъ,

поддерживало въ нихъ силы для внушенія имъ любви къ отечеству, правдѣ и добру.

Этимъ ограничиваются указанія Мишле. Онъ освѣщаетъ картину, читатель бросаетъ на нее взглядъ, но не успѣваетъ разсмотрѣть ее, потому что она освѣщена искрою, освѣщена только на одно мгновѣніе. И здѣсь, какъ въ другихъ разсказахъ Мишле, не видно подробностей, составляющихъ картину, не видно основаній, породившихъ мысль, а виденъ только результатъ, послѣднее слово.

Изъ такого разсказа едва ли можетъ почерпнуть что-нибудь любознательный читатель. Такой разсказъ можетъ дать матеріалъ для салоннаго перебрасыванія словами, называемаго разговоромъ, но не для обильна мыслей. Читатель, повѣрившій Мишле на-слово, станетъ ступикъ, если встрѣтитъ другого, знающаго дѣло не изъ одного Мишле и опровергающаго его мысли. Вычитанное имъ званіе не будетъ носить на себѣ отличительныхъ его чертъ: увѣренности въ себѣ, основательности и законности себя, а потому и не будетъ вовсе знаменъ.

По этой же самой причинѣ мы рѣшились отказаться до времени отъ желанія представить читателямъ участіе женщинъ въ мировыхъ событіяхъ, ставшемъ на границѣ стараго порядка съ новымъ лихорадочнымъ стремленіемъ новаго времени выбраться на другую дорогу. Мы не можемъ также посовѣтовать женщинамъ, впавшимъ въ апатію, прочесть книгу Мишле, который думаетъ, что изъ нея можно почерпнуть много примѣровъ геройства и энергіи женщинъ революціи, потому что находимъ все его сочиненіе вовсе не назидательнымъ, скажемъ прямо—совершенно бесполезнымъ.

Впрочемъ мы повторимъ еще разъ, что книга вышла третьимъ изданіемъ, и потому можетъ служить подтвержденіемъ старой истины, что о вкусахъ не спорять.

А. О—СКІЙ.

ИЗЪ МОСКВЫ.

I.

Вы просили меня сообщать вамъ отъ времени до времени хотя краткій отчетъ о ходѣ городского дѣла въ Москвѣ, такъ сильно интересующаго нынѣ всѣхъ и cadaго. Охотно готовъ исполнить ваше желаніе. Чтобы не откладывать въ дальній ящикъ, я рѣшился немедленно же открыть въ вашемъ журналѣ непрерывный рядъ писемъ объ этомъ предметѣ, и на первый разъ, въ видѣ вступленія, посылаю вамъ письмо, содержащее въ себѣ общій взглядъ на состояніе нашего городского хозяйства, такъ, какъ оно открывается изъ ежегодно печатаемаго официального документа, именуемаго: «Денежные обороты столичнаго города Москвы». Мнѣ казалось необходимымъ напередъ всего высказать вамъ, какъ я смотрю на наше новое городское дѣло, на новое общественное управленіе; не условившись въ точкѣ зрѣнія на предметъ, трудно говорить о его подробностяхъ. Мнѣ казалось это необходимымъ тѣмъ болѣе, что, право, очень и очень немногіе смотрятъ на городское дѣло и на новое общественное управленіе правильнымъ окомъ, и все оттого, что мало думывались въ этотъ предметъ и почти вовсе не читали «Положенія» и не понимаютъ или не хотятъ понять того мѣста, какое въ силу самыхъ вещей заняло новое городское управленіе, ни тѣхъ правъ, какими оно облечено. Всякій толкуетъ его зря, на свой ладъ. И все преувеличенія да преувеличенія! Мнѣ бы слѣдовало прямо начать съ изложенія фактическихъ данныхъ о состояніи нашего городского хозяйства, перешедшаго нынѣ въ новыя руки; но позвольте сначала предпослать этому изложенію нѣсколько словъ о самой городской росписи, о ея характерѣ, значеніи и способѣ составленія, такъ какъ она служитъ намъ главнымъ источникомъ, изъ котораго почерпаемъ свои свѣдѣнія о состояніи городского хозяйства.

Городская роспись, этотъ важнѣйшій для всякаго интересующагося городскимъ хозяйствомъ документъ, печаталась прежде въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и никогда не поступая въ книжныя лавки, оставалась почти никому неизвѣстною. Да и само общество, вообще всегда пугающееся собранія таблицъ, наполненныхъ статистическими числовыми данными, мало интересовалось ею. Въ настоящее время, съ открытія новой городской думы, хотя эта роспись попрежнему не идетъ въ продажу, однако раздается всѣмъ членамъ думы, — а въдѣ тамъ однихъ гласныхъ 175 человекъ. Слѣдовательно, она сдѣлалась книгою общедоступною и мало-помалу стала обращать на себя вниманіе не однихъ только лицъ, участвующихъ въ нашемъ муниципальномъ совѣтѣ. Что такое городская роспись? Ни московская, ни петербургская городская роспись не представляетъ дѣйствительнаго отчета въ движеніи общественныхъ капиталовъ. Не таково ея назначеніе. Городская роспись есть ни болѣе, ни менѣе какъ городской бюджетъ, смѣтныя исчисленія всѣхъ городскихъ расходовъ и доходовъ, составляемая впередъ на каждый предстоящій годъ. По заведенному порядку, такіе смѣты составляются въ самой думѣ къ половинѣ года; потомъ онѣ поступаютъ на разсмотрѣніе губернскаго комитета, состоящаго, подъ предсѣдательствомъ военнаго генералъ-губернатора, изъ слѣдующихъ членовъ: гражданскаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства, начальника IV округа путей сообщенія, оберъ-полицеймейстера, городского головы и двухъ депутатовъ — отъ дворянства и купечества. Комитетъ, сдѣлавъ въ городской росписи нужныя исправленія, препровождаетъ ее обыкновенно на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, который наконецъ докладываетъ ее государственному совѣту. Пройдя всю эту процедуру, городская роспись, дополненная и исправленная, возвращается въ думу, для которой и получаетъ силу закона въ расходованіи ею общественныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ городскія росписи ежегодно составляются не только съ цѣлью публичной отчетности, сколько съ цѣлью довести до высшаго правительства смѣтныя назначенія городскихъ суммъ на предстоящій годъ и испросить на нихъ разрѣшеніе. Согласно съ этимъ, содержащаяся въ росписи цифра имѣютъ болѣе условное, *предположительное*, нежели дѣйствительное значеніе, хотя только по нимъ и можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ городского хозяйства, такъ какъ никакого дѣйствительнаго отчета въ движеніи городскихъ капиталовъ дума никогда не обнародывала.

Что касается до способа составленія и расположенія городскихъ рос-

писей, собственно до формы ихъ, то она издавна сохраняется безъ всякой перемены, по образцу, единожды утвержденному государственнымъ советомъ, и потому самому не можетъ подлежать никакимъ намѣненіямъ отъ думы, какъ бы ни было неудобно расположеніе всѣхъ разнообразныхъ статей. Здѣсь нельзя впрочемъ не замѣтить, что существующая донынѣ форма городскихъ росписей не удовлетворяетъ главнѣйшему условію всякаго подобнаго документа, а именно ясности и отчетливости расположенія. Вотъ хоть бы первый *раздѣлъ* росписей — расходы. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ девяти *отдѣленій*: I. *Уплата долговъ*; II. *Содержаніе мѣсть и лицъ городского управленія*; III. *Помѣщеніе мѣсть и лицъ городского управленія и содержаніе городскихъ зданій и заведеній*; IV. *Наружное устройство города*; V. *Помѣщеніе войскъ*; VI. *Содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній*; VII. *Пособія постороннимъ въдомствамъ*; VIII. *Мелочныя и непредвидимыя издержки*; IX. *Расходы единовременные*. Къ этимъ девяти отдѣленіямъ присоединяется еще десятое, подъ именемъ *расходовъ чрезвычайныхъ*, относимыхъ обыкновенно въ случаяхъ передержки на счетъ городского остаточнаго капитала. Во-первыхъ, многія изъ названныхъ выше отдѣленій не выражаютъ никакого точнаго, определеннаго предмета, а во-вторыхъ, въ назначенія ихъ, какъ видно, не слѣдовали никакому общему основанію. Вслѣдствіе этого, отдѣленія росписи, состояща каждое изъ множества отдѣльныхъ статей, представляютъ лишь условныя графы, содержаща въ себѣ цифры, относящіяся къ разнообразнымъ предметамъ. Мало того, такое расположеніе представляетъ еще то важное неудобство, что одинъ и тотъ же предметъ дробными статьями разбивается по нѣсколькимъ отдѣленіямъ. Возьмемъ для примѣра какое-нибудь отдѣльное учрежденіе, содержимое на городскія деньги, напримѣръ хоть полицію: о ней говорится во многихъ мѣстахъ и разрядахъ: то въ отдѣленіи *содержанія*, гдѣ исчисляется сумма жалованья, получаемого полицейскими чинами, то въ отдѣленіи *помѣщенія*, гдѣ исчисляются расходы по содержанію полицейскихъ домовъ, то въ отдѣленіи *единовременныхъ издержекъ*, то наконецъ въ отдѣленіи *наружнаго благоустройства города* и пр. Вслѣдствіе такого расположенія городскихъ росписей, неопытный, непривычный читатель ни за что не узнаетъ подлинной цифры расхода на какой-нибудь предметъ; даже и опытный человекъ, привыкшій обращаться съ городскими росписями, не скоро доберется до искомой цифры, и чѣмъ сложнѣе предметъ, тѣмъ дальше и томительнѣе будетъ его путешествіе

по всѣмъ статьямъ расходовъ. Да и нетрудно наконецъ потеряться въ этой массѣ цифръ и печально пропустить которую-нибудь изъ нихъ. Извольте, въ самомъ дѣлѣ, рѣшиться на такое скучное путешествіе и не крупицамъ собирать, по различнымъ графамъ, мелкія цифры для составления искомой суммы!

Чтобы облегчить вамъ такой трудъ, я не буду въ своемъ изложеніи придерживаться расположенія росписи, а составлю свои общія рубрики, которыя, увѣренъ, дадутъ вамъ гораздо болѣе понятія объ общемъ состояніи городского хозяйства Москвы, конечно въ общихъ суммахъ, нежели сама роспись, если только вы, конечно, не имѣли случая сами не разъ копаться въ ней.

Всѣ отдѣльныя статьи расходовъ, числомъ 150 въ росписи, я сведу для васъ къ слѣдующимъ общимъ статьямъ, изъ которыхъ вы легко можете усмотрѣть каждую статью городского расхода на каждый отдѣльный предметъ. Вотъ эти статьи:

I. Уплата долговъ государственному заемному

банку и приказу общ. прирѣнія 92,245 р. 79¹/₂ к.

II. Содержаніе разныхъ учреждений и лицъ:

1. Городскаго общественнаго управленія	105,363	«	75 ¹ / ₄	«
2. Городской полиціи	582,842	«	32 ¹ / ₄	«
3. Войска и ординарсь-гауза	254,263	«	37 ³ / ₄	«
4. Правленія IV округа путей сообщенія	15,177	«	72	«
5. Конторы адресовъ	14,034	«	17	«
6. Тюремной части	24,693	«	54 ¹ / ₂	«
7. Управленія военнаго генералъ-губернатора	60,870	«	31 ¹ / ₂	«
8. Управленія гражданскаго губернатора	6,961	«	24 ¹ / ₂	«
9. Нотаріусовъ и маклеровъ	34,962	«	26	«
10. Магистрата	9,898	«	19	«
11. Комерческаго суда	11,858	«	7	«
12. Губернскихъ и уѣздныхъ страпчихъ	685	«	71	«
13. Театра	57,142	«	85 ¹ / ₂	«
14. Исайловской богадѣльни	8,500	«	—	
15. Хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ (за 2 года)	12,704	«	—	
16. Комиссіи для словесной расправы между нанятыми и рабочими	6,400	«	—	

III. Содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній:

1. Третьей реальной гимназій	3,482 р. 85 ¹ / ₂ к.
2. Приходскихъ училищъ	4,285 « 71 ¹ / ₄ «
3. Университетскихъ клиникъ	8,571 « 50 «
4. Румянцовскаго музея	3,000 « —
5. Городской больницы	56,934 « 49 «
6. Заведеній попечительнаго совѣта	38,479 « 38 ¹ / ₂ «
7. Инспектора больницъ гражданскаго вѣдомства	1,000 « —
8. Заведеній приказа обществ. призрѣнія	10,800 « —
	<hr/>
	126,533 р. 64 ¹ / ₄ к.
IV. Водоснабженіе	83,090 р. 39 к.
V. Содержаніе городскихъ площадей и улицъ	145,629 « 50 «
VI. Освѣщеніе города	110,833 « 60 ¹ / ₄ «
VII. Экстраординарная сумма	25,000 « —
VIII. Содержаніе мостовъ и набережныхъ	41,377 « —
IX. Содержаніе бульваровъ	9,335 « —
X. Пенсіи и вознагражденіе разнымъ лицамъ	16,215 « 21 «
XI. Мелкіе расходы	10,091 « 35 ³ / ₄ «
XII. Воспитательному дому за оброчныя статьи, уступленныя имъ городу	2,067 « 85 ¹ / ₂ «
XIII. Содержаніе скотопригоннаго двора	507 « 28 ¹ / ₂ «

Общая сумма расходовъ 1,869,324 « 17 к.

Вотъ всѣ статьи городскихъ расходовъ, нечисленныя на текущій 1863 годъ. Сдѣлаемъ теперь такое же исчисленіе по отдѣлу городскихъ доходовъ. Трудъ этотъ неравненно легче предыдущаго, такъ какъ самыя отдѣленія ихъ гораздо точнѣе, чѣмъ отдѣленія расходовъ, и не содержатъ въ себѣ столь дробныхъ статей. А потому мы можемъ удержатъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они значатся въ городской росписи. Наше дѣло будетъ состоять здѣсь только въ подведеніи нѣкоторыхъ итоговъ.

I. Съ городскихъ общественныхъ имуществъ (съ торговыхъ банъ, лавокъ, купалень и пр.)	81,788 р. 52 к.
II. Налоги на осѣдлыхъ обывателей:	
1. Процентный сборъ съ разныхъ имуществъ	747,972 « 45 ¹ / ₂ к.
2. Съ записывающихся въ обывательскую книгу	11,294 « 99 ¹ / ₂ «

III. Налоги на промышленников	694,769 • 86 ¹ / ₄ •
IV. Налоги косвенные (съ векселей, заемных писемъ, договоровъ, просроченныхъ закладныхъ и пр.)	152,632 • 27 ¹ / ₄ •
V. вспомоgetельный доходъ отъ казны, взимъныи питейнаго сбора	12,000 • — •
VI. Доходы случайные (за леченіе больныхъ въ городской больницу, штрафы и пени и пр.)	81,741 • 16 ¹ / ₄ •
Общая сумма доходовъ	<u>1.782,199 р. 26³/₄ к.</u>

Какъ видите, похвастать нечѣмъ!

Сопоставимъ эти двѣ общія цифры, по статьямъ расходовъ и доходовъ, и найдемъ, что на текущій 1863 годъ ожидается довольно значительный дефицитъ въ 87,124 р. 90¹/₄ к., который по смѣтѣ будущаго года увеличится еще болѣе: на это есть много причинъ. Вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ поступило городское хозяйство въ руки новаго общественнаго управленія! Впрочемъ и ваше петербургское хозяйство находится, кажется, не въ лучшемъ состояніи.

По петербургской росписи на нынѣшній же годъ сумма расходовъ исчислена въ 3,061,946 руб. 23 коп., между тѣмъ какъ вся сумма доходовъ простирается только до 2,486,264 руб. 65¹/₄ коп., то-есть дефицитъ городской казны равняется 575,681 руб. 57³/₄ коп. Разница состоитъ здѣсь только въ томъ, что въ Москвѣ новая городская дума только-что открылась и только-что приняла въ свои руки разоренное наследство отъ прежняго владѣльца — покойной шестигласной думы; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ городская дума управляетъ дѣлами города уже съ 1847 года, и слѣдовательно, имѣла кажется, время поправить разстроенныя дѣла. А это большая разница! Кстати: знаете ли вы, какъ хитросплетенная бухгалтерія сводитъ концы съ концами и какія она употребляетъ средства для того, чтобы въ городскихъ росписяхъ не было дефицитовъ? А вотъ какъ: она изобрѣла особенный отдѣлъ *чрезвычайныхъ доходовъ!* А что такое чрезвычайные доходы? Ни больше, ни меньше, какъ сумма займа изъ остаточнаго и другихъ городскихъ капиталовъ, которая поэтому и равняется всегда суммѣ годоваго дефицита. Неправда ли, довольно хитро, хотя и спито бѣлыми витками?

Послѣ всего сказаннаго вы легко поймете, въ какое крайне-трудное положеніе поставлено новое общественное управленіе съ первыхъ дней своей дѣятельности. Городское хозяйство въ запустѣніи, дохо-

довъ не хватаетъ на покрытие текущихъ расходовъ, дефицитъ растетъ да растетъ, новья, довольно значительныя издержки такъ и выплываютъ наружу... Что тутъ прикажете дѣлать? А публика вѣдать ничего не хочетъ: она знаетъ себѣ требуетъ все преобразований, улучшеній, и притомъ непремѣнно быстрыхъ, внезапныхъ, забывая золотую поговорку: «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Возьмемъ хоть освѣщеніе, эту самую насущную потребность нашего лабиринта-города. На улицахъ по вечерамъ темно, фонари еле-еле брезжутъ не только въ укромныхъ переулкахъ, но и на большихъ людныхъ улицахъ. «Чтоже дума ничего не дѣлаетъ? восклицаетъ публика.—Что она не позаботится объ освѣщеніи?» Были даже такіе наивные люди, которые вообразили себѣ, что дума своимъ волшебнымъ жезломъ какъ-разъ, съ нынѣшней же осени, освѣтитъ всю Москву, да не спиртомъ или скипидарною жидкостью, а настоящимъ газомъ! Такіе господа и не подозреваютъ въ своей дѣтской наивности, что для такого громаднаго предпріятія нужны года да года, деньги да деньги, а у города-то въ казнѣ только и есть, что на 87,000 руб. чрезвычайныхъ доходовъ! Въ Москвѣ, напримѣръ, мостовыя изъ рукъ вонъ плохи, спору нѣтъ, и публика заявляетъ свое эксцентричное требованіе все на одну и ту же тему: «Чтожъ дума ничего не дѣлаетъ? Чтожъ она не исправляетъ ихъ? Да долго ли это сдѣлать!» Говорятъ, что какой-то непризнаанный поэтъ настроилъ даже цѣлое стихотвореніе на эту тему, съ припѣвомъ: «Что-жъ дѣлаетъ», или «думаетъ дума?» Все это, можетъ статья, очень остроумно и весело; но нехудо бы все-таки московской публикѣ немножко потрезвѣе смотрѣть на городское дѣло, возбуждающее нынѣ въ обществѣ наибольшій интересъ, да не гоняясь за фантазіями, несбыточными мечтами, почаще заглядывать хоть въ городскую роспись, да вычитывать въ ней ту горькую истину, что въ силу многихъ причинъ, *отъ редакцій независимыхъ*, въ городской мѣшкѣ нѣтъ въ наличности денегъ, да и сама городская дума не только не волшебникъ-магъ, могущій однимъ взмахомъ своею чудотворной палочки превратить грязную и темную Москву въ земной рай, но даже и не такой самостоятельный хозяинъ, чтобы могла *безпрепятственно* приводить въ исполненіе тѣ хозяйственныя распоряженія, которыя считаетъ разумными и вполне полезными для своей, такъ сказать, вотчины-города. Да и много ли можетъ сдѣлать дума сама въ городскомъ хозяйствѣ такого, за что открыто и всенародно могла бы принять на себя отвѣтственность за все совершенное? Какъ вы думаете? Это еще вопросъ,

который может-быть не совѣшь удобно было бы рѣшать въ настоящее время, потому что для этого нужно бы было строго, со всею подробностью изучить не только самыя законоположенія, лежащія въ основаніи городского управленія, но и сумму всѣхъ фактовъ, въ которыхъ осуществлялись всѣ отдѣльныя статьи и правила дѣйствующихъ положеній, въ которыхъ высказывался взглядъ представителей городского управленія на самое городское дѣло, и наконецъ въ которыхъ выходили наружу и многочисленныя препятствія, встрѣчаемыя этими представителями въ исполненіи ихъ может-быть очень разумныхъ и полезныхъ предначертаній и замысловъ. А такое изученіе невозможно, по крайней мѣрѣ относительно новой городской думы, только-что вступившей въ управленіе. Еще будетъ время — оно не далеко — когда публика сама увидитъ, что сдѣлала дума, чего она не сдѣлала, что хотѣла сдѣлать и чего нельзя было сдѣлать. А до тѣхъ поръ мы посовѣтовали бы всѣмъ нетерпѣливымъ господамъ, подымающимъ голоса разочарованія противъ новаго общественнаго управленія (а такихъ голосовъ, къ сожалѣнію, слышится отовсюду очень много), напередъ покороче познакомиться съ сущностью дѣла, вникнуть въ то положеніе, какое новая дума, может-быть вопреки ея собственному желанію, должна занять въ силу легшаго въ ея основаніе новаго закона, именуемаго « Положеніемъ объ общественномъ городскомъ управленіи Москвы ». Что новая городская дума не можетъ быть отвѣтственна за то разореніе, въ которомъ перешло къ ней городское хозяйство, — объ этомъ и говорить нечего. Что она, можетъ статься, будетъ такъ счастлива, что приведетъ все въ порядокъ, подыметъ городское хозяйство, возстановитъ равновѣсіе въ городскомъ бюджетѣ и совершитъ всѣ необходимыя преобразованія и улучшения въ городѣ, и тѣмъ составитъ себѣ безсмертную славу, — отъ души желаемъ ей этого. Но согласитесь все-таки, что это — вопросъ будащаго, и такое благопріятное рѣшеніе его не въ однихъ только ея рукахъ. Новое общественное управленіе не есть, повторяемъ, такой самостоятельный, самопроизвольный хозяинъ въ общественномъ хозяйствѣ, какъ напримѣръ владѣлецъ какого-нибудь участка земли, фермы или фабрики, который что только задумалъ, по его мнѣнію, выгоднаго и полезнаго, то безпрепятственно и можетъ привести въ исполненіе, отдавая лишь себѣ одному отчетъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ. Впервые, городская дума не есть собственникъ, а только довѣренное отъ общества лицо въ управленіи его хозяйствомъ. А во-вторыхъ, мы смотримъ на думу все-таки какъ на малолѣтняго (въ смыслѣ юриди-

ческомъ), воплѣть зависимаго отъ поставленныхъ надъ нимъ опекуновъ и попечителей, въ рукахъ которыхъ и находится окончательное рѣшеніе во всякомъ отдѣльномъ случаѣ и на которыхъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ и должна падать отвѣтственность за благопріятный или неблагопріятный исходъ дѣла. Юному хозяину остается здѣсь одно только несомнѣнное право: не упуская изъ виду общихъ цѣлей, выходящихъ изъ тѣсной рамки городского хозяйства, *постоянно и твердо* заявлять о тѣхъ нуждахъ и потребностяхъ послѣдняго, которыя, по его мнѣнію, требуютъ удовлетворенія. Мы настолько тверды въ этомъ взглядѣ на характеръ и значеніе новаго общественнаго управленія Москвы, что отъ души, искренне радуемся даже и тому, если этотъ юный цитонецъ-хозяинъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ, *въ предѣлахъ можетъ-быть весьма неширокой возможности*, проявляетъ свою сознательную дѣятельность, вѣрное пониманіе вѣрнѣйшихъ его поощренію нуждъ и потребностей города, если онъ на столько обнаруживаетъ гражданской доблести, что открыто заявляетъ о нихъ. Уже и въ этомъ видимъ мы великій залогъ будущихъ успѣховъ. Право заявленія—все-таки право хозяйственное. Но оно же возлагаетъ на заявляющаго и обязанность напередъ быть готовымъ на неудачу, взвѣсить шансы успѣха и неуспѣха, умѣть отстоять свое заявленіе, дабы въ случаѣ неудачи не остаться въ положеніи довольно фальшивомъ. Чѣмъ больше и чѣмъ чаще будетъ выходить такихъ обдуманыхъ, иногда вынужденныхъ обстоятельствами заявленій, тѣмъ лучше и тѣмъ скорѣе изъ этого, такъ сказать, отрицательнаго права выработается другое, положительное, болѣе солидное право. Къ сожалѣнію, публика, въ которой городское управленіе могло бы рассчитывать встрѣтить наибольшую опору въ своей слишкомъ трудной дѣятельности, и знать ничего не хочетъ, можетъ-быть оглушенная такъ часто звучавшимъ и въ журналистикѣ, и въ обществѣ громкимъ словомъ: *самоуправленіе*. Она и не потрудилась вникнуть въ положеніе новаго общественнаго управленія и не имѣетъ на столько терпѣнія, чтобы выждать время и спокойно, нелицеприятно посмотрѣть на то, какъ новое общественное управленіе пользуется дарованнымъ ей правомъ—но не самоуправления, которое ни у кого не сходитъ съ языка и которое очень немногими понимается въ настоящемъ смыслѣ, а правомъ заявленія своихъ нуждъ и потребностей. Теперь только наступаетъ для городской думы трудное испытаніе—твердо и сознательно начать свои заявленія. Я уже сказалъ вамъ въ началѣ своего письма, что, по заведенному прежде порядку, городская роспись

составлялась въ думѣ обыкновенно къ половинѣ года; въ началѣ осени представлялась она на разсмотрѣніе губернскаго комитета, который и прешивождалъ ее въ министерство. Порядокъ этотъ не могъ быть соблюденъ въ нынѣшнемъ году по недостатку времени, такъ какъ городская дума открылась только передъ лѣтомъ, и составленіе городской росписи до сихъ поръ еще не окончено. Вслѣдствіе той же причины, т. е. по недостатку времени, нельзя ожидать въ ней какихъ-нибудь важныхъ, существенныхъ измѣненій. Но во всякомъ случаѣ, приведя въ ясность положеніе городского хозяйства во всѣхъ его подробностяхъ, городская дума должна будетъ обратиться къ изысканію новыхъ средствъ для покрытія какъ дефицита, оказавшагося въ городской казнѣ, такъ и новыхъ, весьма значительныхъ, предстоящихъ ей расходовъ. Укажемъ здѣсь для примѣра хотя на новую издержку во 131,160 руб., потребовавшихся для увеличенія нынѣшняго недостаточнаго штата полицейскихъ стражей. Вотъ здѣсь-то ей и придется показать публикѣ, какъ смотритъ она на городское дѣло и какъ понимаетъ свое призваніе. А какъ же требовать отъ нея какихъ-нибудь преобразованій, улучшеній, прежде чѣмъ сама дума не привела въ ясность свое хозяйство, прежде чѣмъ она съ толкомъ, во всѣхъ подробностяхъ не просмотрѣла своихъ запутанныхъ счетовъ. А такой просмотръ и возможенъ только при составленіи городской росписи, гдѣ каждая цифра представляетъ цѣлый новый міръ съ своею запутанною, подѣ-часъ скандальною исторіей всего прошлаго управленія. Не будемъ въ этомъ случаѣ подражать нашей публикѣ, а терпѣливо подождемъ того времени, когда наша дума, оглядѣвшись въ своемъ новомъ положеніи, начнетъ рядъ своихъ заявленій по разнымъ статьямъ городского бюджета. Можетъ-быть тогда мы и не будемъ къ ней такъ строги, какъ наша публика; можетъ-быть и мы не голословно, не съ комдачка, какъ говорится, а на дѣлѣ, фактически сами переберемся на лѣвую, оппозиціонную сторону.... Впрочемъ врядъ ли: до сихъ поръ мы не имѣли случая преждевременно разочароваться въ новомъ общественномъ управленіи, и такъ какъ сами съ самаго начала не витали въ поднебесѣхъ, не смотрѣли на него какъ на что-то необыкновенное, сверхъестественное, какъ на исключительную корпорацію съ своими совершенно-особенными правами, корпорацію, составляющую какъ-бы особенное государство въ государствѣ — такъ какъ мы, говоримъ, не предавались такимъ разнузданнымъ мечтамъ, то и не можемъ разочароваться въ этомъ новомъ управленіи такъ скоро, какъ нѣкоторые фантасты изъ публики. Напротивъ, мы много хорошаго

ждемъ отъ этого управленія, составляющаго все-таки первый проблескъ разумнаго корпоративнаго устройства, въ которомъ если и нѣтъ того полнаго самоуправленія, какое хотѣла видѣть публика (moderez vos transports!), то по крайней-мѣрѣ есть всѣ данныя для того, чтобы прывыкнуть хотя къ внѣшнимъ формамъ его. И мы надѣемся, что нашъ новый муниципальный совѣтъ сѣумѣетъ воспользоваться, опять-таки въ предѣлахъ возможности, дарованнымъ ему правомъ заявленій.

Не знаю, достигъ ли я цѣли своимъ вступленіемъ, достаточно ли ясно объяснилъ я вамъ общее положеніе нашего городского дѣла, шибѣющаго раскрыться передъ вами во всѣхъ своихъ важныхъ подробностяхъ изъ моихъ послѣдующихъ писемъ. Не знаю, усвоилъ ли я вамъ также въ достаточной степени ту точку зрѣнія, съ которой смотрю на наше новое управленіе, и тѣ размѣры, въ которыхъ оно поставлено силою самыхъ вещей. Во всякомъ случаѣ прошу васъ быть въ этомъ случаѣ снисходительнѣе къ вашему покорному слугѣ и вспомнить въ мое оправданіе то важное обстоятельство, что не всегда вполне ясно и точно можно высказать то, что иной разъ хочется; подчасъ приходится даже нарочно прибѣгать къ такимъ уловкамъ, которыя поневолѣ затемняютъ смыслъ рѣчи. Но авось толковый читатель схватитъ хотя сущность того, что мы пытались сказать ему, и понявъ въ чемъ дѣло, станетъ на вѣрную точку зрѣнія по крайней мѣрѣ на столько, что съ нимъ можно будетъ продолжать начатую рѣчь, не условливаясь каждый разъ въ основныхъ понятіяхъ о предметѣ. Съ насъ и этого довольно!

Мнѣ бы слѣдовало теперь обратиться прямо къ изложенію тѣхъ крупныхъ частныхъ вопросовъ и дѣлъ, по которымъ новая городская дума уже успѣла въ столь короткій промежутокъ времени произнести свое рѣшеніе или которые еще находятся на ея обсужденіи. Но дѣлъ этихъ накопилось уже такъ много, что я не успѣю умѣстить ихъ въ настоящее мое письмо, а потому подробный перечень ихъ позвольте отложить до будущаго раза, а въ настоящее время вырвать изъ нихъ лишь одинъ, во многихъ отношеніяхъ важнѣйшій вопросъ, и такимъ образомъ сдѣлать небольшой скачокъ, тѣмъ болѣе необходимый, что изложеніе этого вопроса можетъ послужить вамъ фактическимъ подтвержденіемъ всего сказаннаго выше. Мы разумѣемъ здѣсь вопросъ объ увеличеніи нынѣшняго весьма недостаточнаго штата городской полицейской стражи. Позвольте обратиться нѣсколько назадъ.

Нужно ли говорить, что наша московская полиція находится въ довольно жалкомъ положеніи? Мы постоянно сѣтуемъ на нее въ самыхъ

горькихъ для нея выраженіяхъ, и сѣтуемъ вполне справедливо. Но знаете ли вы численный составъ ея? Нѣтъ! Узнайте и тогда скажите, что можетъ сдѣлать въ нашей обширной столицѣ эта жалкая горсть людей, мало приученныхъ къ дѣлу и совсѣмъ непонимающихъ своего назначенія. На всю громадную Москву, раскинутую на пространство 6,717 десятинъ или 64½ квадр. версты, и на 796 самыхъ прихотливыхъ улицъ и переулковъ и на 400,000 жителей приходится всего 1,288 городскихъ стражей: 224 находящихся на дѣйствительной службѣ унтеръ-офицера, 746 рядовыхъ и 318 вольнонаемныхъ унтеръ-офицеровъ. Вотъ весь комплектъ! Какое? Но еще не въ этомъ дѣло. Если вы исключите отсюда 91 унтеръ-офицера, употребляемыхъ по кварталамъ для исполненія разнаго рода порученій; 182 вѣстовыхъ, употребляемыхъ только для рассылокъ по частямъ и кварталамъ; постоянный некомплектъ нижнихъ чиновъ до 25 человекъ,—останется всего-навсего 965 человекъ, охраняющихъ городъ. Но и отсюда городскіе стражи безпрестанно берутся съ постоу для пересылки арестантовъ, на парады и стоянія при театрахъ, собраніяхъ и проч., и сверхъ того, такъ какъ изъ трехъ городскихъ, числящихся при полицейской будкѣ, одинъ только обходитъ участокъ, другой же, *подчасокъ*, долженъ сидѣть въ будкѣ на случай надобности, а третій отдыхаетъ, чтобы съ свѣжими силами занять свой постъ, то по этому расчету выйдетъ, что въ данный моментъ времени спокойствіе и безопасность въ городѣ охраняютъ только 300 человекъ! Какъ вамъ это понравится? Имѣя въ виду такой недостатокъ въ людяхъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ вошелъ съ представленіемъ къ военному генералъ-губернатору о необходимости увеличить нынѣшній составъ полицейской стражи на 250 человекъ, для чего исчислена была сумма въ 36,000 руб. сер. Генералъ-губернаторъ предложилъ это дѣло на усмотрѣніе городской думѣ, которая избрала спеціальную комиссію, еще въ прошломъ іюлѣ изготовившую свой докладъ. Вполнѣ сознавая необходимость въ увеличеніи нынѣшняго штата полицейскихъ стражей, комиссія вычислила однако что требуемое увеличеніе рѣшительно не достигнетъ цѣли, такъ какъ число стражей увеличится только собственно на 83 человекъ, по приведенному выше расчету трехъ сибѣнъ, и что слѣдовательно въ каждой изъ 17 городскихъ частей прибавится только по пяти стражей,—менѣе чѣмъ по одному человеку на кварталъ! На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, комиссія положила отказать генералъ-губернатору въ его требованіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь представившимся случаемъ, она *загнала* въ своемъ докладѣ

сѣдующее мѣніе: «Такъ какъ въ настоящее время въ Москвѣ постоянно возрастаетъ подвижное населеніе, для котораго по преимуществу ощущалась потребность въ увеличеніи состава полиціи, и такъ какъ это населеніе несетъ весьма незначительную долю повинностей въ пользу города, то не представляется ли возможнымъ часть городскихъ расходовъ на содержаніе полиціи отнести также и на другіе источники, тѣмъ болѣе, что благами порядка и благоустройства въ столицѣ (которыхъ впрочемъ не ощущается) пользуется не одна Москва, но и многія мѣстности, связанныя съ нею промышленными интересами.» Такое мѣніе комиссіи находитъ себѣ оправданіе еще и въ томъ, что городская полиція, кромѣ охраненія собственно города, преслѣдуетъ еще и другія, болѣе общія, политическія цѣли. Такова первая половина вопроса, о которомъ я началъ рѣчь.

Въ засѣданіи общей думы 26-го іюля, гдѣ читанъ былъ докладъ комиссіи, доложено было между-прочимъ другое предложеніе военнаго генералъ-губернатора о томъ, что *по высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта* составъ нынѣшней полиціи предположено увеличить на 1,000 человекъ, которыхъ и командировать въ Москву изъ полковъ, съ тѣмъ, что люди, замѣченные въ дурныхъ поступкахъ, могутъ быть возвращены въ полки и замѣнены другими, болѣе благонадежными. Для покрытія же издержекъ, нужныхъ на содержаніе новыхъ 1,000 стражей въ теченіе второй половины текущаго года, предположено открыть министерству внутреннихъ дѣлъ экстраординарный изъ государственнаго казначейства кредитъ въ 65,580 р., съ тѣмъ, чтобы къ будущему 1864 году были непременно изысканы средства изъ доходовъ Москвы. Виѣсть съ тѣмъ, въ видахъ большаго обезпеченія городскихъ стражей, предположено назначить новымъ 1,000 человекамъ большое содержаніе противъ получаемаго нынѣ полицейскими чинами отъ городской думы, «дабы заинтересовать ихъ новою службою и поставить въ независимое положеніе отъ обывателей». Такимъ образомъ на содержаніе всѣхъ означенныхъ чиновъ, жалованье и квартиры, исчислена сумма въ 131,160 руб. изъ городскихъ доходовъ.

Представьте же себѣ затруднительное положеніе думы: и денегъ-то нѣтъ, и дефицитъ въ 87,000 руб., да и крайняя необходимость въ увеличеніи состава городской полиціи! Согласитесь, что предложеніе это, какъ оно ни совпадало съ личнымъ убѣжденіемъ городского управленія, не могло однако не смутить его, по крайней мѣрѣ на первый разъ. А публика все-таки знать ничего не хочетъ! Въ собраніи 26-го

іюля состоялось такое мнѣніе, что возбужденный вопросъ имѣеть для городской думы исключительное, жизненное значеніе, что изыскать источники для покрытія предстоящей издержки неизбѣжно какъ судьба, а потому и рѣшили передать все это на разработку соединенной комиссіи изъ трехъ существующихъ комиссій: полицейской, уже представившей свой докладъ о 250 человекѣхъ, финансовой и комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, и дать ей полномочіе — разработать вопросъ самымъ полнымъ образомъ и вычислить всѣ тѣ суммы, которыя дума могла бы изыскать для покрытія этой издержки. Такимъ образомъ вопросъ объ увеличеніи состава городской полиціи изъ частнаго сдѣлался какъ-бы вопросомъ общимъ, и потому новая пятидесяти-членная комиссія получила особенно-важное значеніе, потому что отъ нея будетъ зависѣть разоблачить всѣ счета по городскому хозяйству Москвы, и подробно разсмотрѣвъ всѣ статьи расходовъ и доходовъ, наглядно показать и публикѣ, и высшему правительству, какія суммы и на какомъ основаніи тратились до сихъ поръ на тотъ или другой вопросъ и на сколько тотъ или другой расходъ можетъ быть признанъ по самому *существо* своему правильнымъ и слѣдовательно обязательнымъ для городской казны. Новая пятидесяти-членная комиссія собиралась недавно, и для удобства и успѣшности работъ избрала изъ среды своей особый комитетъ изъ девяти членовъ, который теперь и началъ свою трудную и слишкомъ ответственную работу. Не желая вовсе предварять работъ комитета, мы позволимъ себѣ однако высказать здѣсь по этому предмету нѣсколько личныхъ соображеній нашихъ, болѣе для подтвержденія на самомъ фактѣ, довольно крупномъ, справедливости высказаннаго выше взгляда нашего на положеніе новаго городского управленія, на размѣры предоставленныхъ ему правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на отношенія его къ другимъ факторамъ общей государственной машины.

Мы задаемся здѣсь все-таки тою основною мыслію, что всякій порядочный хозяинъ, частный или общественный, принимая въ свои руки какое бы то ни было хозяйство, а тѣмъ болѣе разоренное, обязанъ прежде всего привести въ извѣстность свои счета, разсмотрѣть тщательнѣйшимъ образомъ свой бюджетъ по всѣмъ статьямъ расходовъ и доходовъ, узнать то, что онъ принялъ въ свое владѣніе. Этотъ первоначальный трудъ и совершаетъ нынѣ московская городская дума. Это первое и главное. Если затѣмъ представляется ей какой-нибудь неотложный расходъ въ такомъ большомъ размѣрѣ, какъ 131,160 р., то дума, какъ и всякій порядочный хозяинъ, сообразуясь съ своими наличными средства-

ми, должна спросить себя даге: какъ покрыть представившійся расходъ? На это во всякомъ хозяйствѣ есть два способа: *положительный* и *отрицательный*. Подъ первымъ мы разумѣемъ извлеченіе новыхъ доходовъ изъ производительныхъ силъ земли, фабрики и пр., путемъ постепенныхъ уаушеній, усовершенствованій хозяйства. Подъ способомъ отрицательнымъ разумѣемъ *сбереженіе*, самый дѣйствительный изъ всѣхъ хозяйственныхъ источниковъ, сбереженіе, т. е. сохраненіе въ вариантѣ тѣхъ суммъ, которыя до полученія разореннаго наслѣдства, по иптію новаго хозяина, тратились непродизводительнымъ образомъ на предметы, вовсе не относящіяся къ хозяйству. Кто не знаетъ той простой истины, что увеличеніе доходовъ (не забудемъ, что въ нашемъ прѣмѣрѣ изъ общественнаго хозяйства это увеличеніе требуется слишкомъ въ краткій срокъ) посредствомъ усиленія производительныхъ хозяйственныхъ силъ возможно не вдругъ, а лишь постепенно, мало, помалу; оно бываетъ лишь слѣдствіемъ длиннаго ряда хозяйственныхъ комбинацій и распоряженій, совершенныхъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Въ противномъ случаѣ, всякое быстрое увеличеніе доходовъ будетъ лишь скорореходящее, и въ конечномъ результатѣ можетъ подорвать хозяйственныя силы, а слѣдовательно въ послѣдующіе годы надолго лишитъ хозяина возможности извлекать, даже ту сумму доходовъ, которую онъ получалъ прежде, до принятія такой, неблагоприятной иптры.

Вообще въ случаѣ, подобномъ нашему, всякій добрый хозяинъ, не упуская изъ виду возможнаго увеличенія своихъ доходовъ, все-таки скорѣе обратится, хоть на первыхъ порахъ, къ сокращенію своихъ расходныхъ статей, нежели къ немедленному увеличенію статей доходныхъ. Кто говоритъ, напримѣръ, про то, что наша городская дума, въ виду предстоящаго ей столь значительнаго расхода, могла бы сразу выйти изъ затрудненія: ей стоило бы только увеличить тотъ или другой изъ налоговъ—и кончено: «съ міру по ниткѣ, голому рубашка», гласитъ пословица. Но какъ бы отнеслись къ такой, безразсудной мѣрѣ наши москвичи, которые и безъ того платятъ городу слишкомъ достаточныя повинности? Не вѣдали ли бы они права засыпать новое общественное управленіе самыми тяжелыми упреками и горько разочароваться въ его состоятельности? И кто бы тогда взялъ на себя смѣлость возвысить голосъ въ защиту такого безразсуднаго управленія? Послѣднимъ прибавить, что новая комиссія, или лучше—сказать комитетъ ея не виаль въ такую безразсудную крайность. Напротивъ, онъ сталъ именно на ту точку бла-

горазумнаго хозяина, на которую мы сейчас указали; мы слышали, что онъ задалъ себѣ задачу — тщательно рассмотреть по росписи, за продолжительный періодъ времени, всѣ статьи расходовъ и доходовъ города, изслѣдовать, на основаніи какъ-чуть узаконеній производился доселѣ тотъ или другой расходъ, и вникая въ сущность каждаго расхода, опредѣлить, насколько онъ производителенъ или непроизводителенъ для городского хозяйства, и затѣмъ, основываясь на дарованномъ ему правѣ заявленія нуждъ и потребностей города, ходатайствовать у высшаго правительства о сложеніи нѣкоторыхъ утвердившихся по преданію и во все не относящихся къ городскому дѣлу расходовъ съ городской казны и объ отнесеніи ихъ на другіе подлежащіе источники. Очень, очень будутъ любопытны результаты работъ комиссіи, на которую обращены теперь предпочтительно взоры всего городского управления!

Мы пришли къ самой такъ-сказать *суть* дѣла. Представьте себѣ, что черезъ мѣсяцъ работы комит. та приведутъ его къ тому результату, что изъ 1,869,324 р. 26 к., расходуемыхъ нынѣ городомъ на исчисленные въ началѣ нашего письма предметы, городская казна, на совершенно *законномъ* основаніи, могла бы сохранить у себя, положимъ, хоть 200 или 300 тысячъ рублей (а это очень легко), такъ какъ эти деньги, вопреки существующимъ узаконеніямъ, тратятся на такія учрежденія и предметы, которые не имѣютъ ничего общаго съ городскимъ хозяйствомъ. Докладъ комиссіи, безъ сомнѣнія, заслужитъ полнѣйшее одобреніе господъ гласныхъ, и общая дума, пользуясь дарованнымъ ей правомъ, *заявитъ* высшему правительству о томъ, что единственное средство для покрытія требуемой по высочайше-утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта издержки въ 131,160 р. находить она въ сбереженіи такихъ-то и такихъ-то суммъ, расходуемыхъ нынѣ непроизводительнымъ образомъ, напримѣръ на полицію, на помѣщеніе войскъ, на содержаніе двухъ губернаторскихъ управленій и пр. и пр., всего въ размѣрѣ до 300,000 р. с. И чтоже? Имѣя въ виду одни только интересы городского хозяйства (да и какъ же иначе?), дума не имѣетъ права и возможности входить въ сущность другихъ, болѣе общихъ, государственныхъ интересовъ, а потому и не можетъ предвидѣть того, что заявленіе ея разобьется именно объ эти общіе государственные интересы, и она получитъ отказъ въ своемъ *заявленіи*. Чѣмъ она тутъ виновата? Вѣдь она воспользовалась своимъ правомъ: заявила прямо и открыто то, что нужно было? Дальнѣйшій исходъ дѣла зависитъ не отъ нея. Какъ же винить ее въ томъ что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ городской де-

финтъ выростеть еще на 200,000 р. и что сумма налоговъ также увеличится въ требуемой пропорціи?

Вотъ то-то и дѣло, что наши фантазеры вообразили себѣ богъ-знаетъ что, и готовы винить всѣхъ и cadaго, если составленный имъ идеалъ не находитъ себѣ осуществленія. А лучше помнили бы они то, что въ настоящее время нечего гоняться за такими несбыточными мечтами, а лучше унудобиться вѣкоему нравію и трудолюбиво да усидчиво прокладывать себѣ торную дорожку....

Эмъ-Пэ.

20 сентября.

МАЛОРОССІЙСКІЯ КНИЖКИ.

I.

«Касайся осторожно до больного мѣста», говоритъ мудрое врачебное правило, и кому-же, казалось бы, исполнять это правило, какъ не самимъ врачамъ? А между тѣмъ они-то сами, люди опыта и науки, они, берущіе подъ свою высокую руку всѣ народные интересы, они, твердо вѣрующіе въ истину и правоту своего дѣла, — они съ ревностью начинаютъ ковырять около какой-то едва замѣтной для простаго глаза царапинки, они разворачиваютъ рану, сдѣланную ихъ собственною грубою рукою, они подливаютъ туда химическихъ соусовъ изъ разныхъ соображеній своей напуганной призраками фантазіи, они нюхаютъ, разлагаютъ кровь, выдавленную ихъ же собственными пальцами, они съ ужасомъ указываютъ на вздувшійся пузырь и кричатъ что есть мочи: разбой! пожаръ!

Врачу, исцѣлися самъ!

II.

Не такъ еще далеко то время, когда начало всеобщаго тяготѣнія господствовало надъ Россіей. Чуть-ли не каждый чувствовалъ надъ собою извѣстную тяжесть, и самъ въ свою очередь тяготѣлъ надъ другимъ. Несмотря на единый для всѣхъ законъ, не этотъ единый законъ стоялъ надъ всѣми, а стояло лицо надъ лицомъ, человекъ надъ человекомъ.

И высшіе, и низшіе чувствовали, что такое положеніе неестественно, и сознавали въ тоже время, что жизнь всегда стремится выйти изъ неестественнаго положенія. Отсюда родилась подозрительность,

Чѣмъ меньше высказывалось наружу, тѣмъ больше подозрѣвали. Казалось страннымъ, какъ это люди остаются спокойными въ ихъ несчаственномъ положеніи? Казалось, что должно быть непремѣнно стремленіе выйти изъ этого положенія, и чѣмъ менѣе высказывалось это стремленіе какими бы то ни было признаками, тѣмъ болѣе предполагалось тайнаго и скрытаго. Фантазія, настроенная подозрительностью, работала чрезвычайно искусно, и прицѣпившись къ какому-нибудь ничтожному факту, рисовала роскошнѣйшую картину злыхъ умысловъ, заговоровъ, предательствавъ.

Всѣ старались уйти въ себя. Всѣ прятались какъ улитки въ свои домашнія дѣла; личный интересъ становился все выше да выше; все больше да больше замиралъ гражданинъ, все сильнѣе да сильнѣе высился эгоистъ.

Государственное начало, какъ одно изъ цивилизующихъ началъ, теряло свое значеніе, и люди дѣлались скорѣй худшими, чѣмъ совершенствовались.

Въ дорогѣ, въ публичной каретѣ, въ гостиной и въ кабинетѣ мы молчали или едва-едва показывали хвостики нашихъ мыслей; намъ постоянно чудилась фраза: «нѣтъ ли гдѣ измѣны?» Мы боялись, что наше слово покажется вреднымъ для интересовъ одного изъ тяготящихся надъ нами, мы боялись послѣдствій и съ такою же ревностью слѣдили за фразой, за жестомъ, за улыбкой тѣхъ, которые были подъ нами. Наши общественные разговоры вертѣлись около общихъ мѣстъ салонной учтивости; мы трактовали объ отвлеченностяхъ, мы старались что есть силы увлекаться искусствомъ, насильно плакали надъ элегіями, насильно восторгались возвышенными одами; мы уходила по уши въ музыку, мы пробовали вкушать мистицизма, несвойственнаго положительному русскому уму — все для того, чтобъ занять наши духовныя способности чѣмъ-нибудь постороннимъ, невозбуждавшимъ ничѣмъ подозрительности. Мы съ непонятной быстротой перебрасывались отъ мистицизма къ разгулу, отъ музыки къ картамъ, отъ возвышенной поэзіи къ водкѣ, потому что все интересовало насъ одинаково мало, потому что все было одинаково далеко отъ насъ; мы выпускали на себя чужіе интересы и сходили съ ума не ради своихъ домашнихъ явленій, а на томъ, что у алжирскаго лея подъ носомъ шишка.

Наконецъ мы достигли цѣли и стали у себя дома — чужими. Равнодушіе къ общественному дѣлу сдѣлалось господствующей чертой; нашей почвой стала оторванность отъ почвы, нашимъ русскимъ элемен-

томъ стали личные эгонистическіе интересы и самое узкое ихъ пониманіе.

Громко зовутъ теперь органы гласности къ занятію общественнымъ дѣломъ, строго упрекаютъ въ равнодушіи. И къ чему поведутъ всё эти фразы, всё эти призыванія, если въ самихъ призывателяхъ господствуетъ старое начало, убивавшее всякую общественную дѣятельность, старая подозрительность, старинная пугливая фантазія, старая привычка видѣть пожаръ въ жавительной искрѣ?

Побольше довѣрія и поменьше подозрительности!

Было время, императрица Екатерина обратилась къ могущественному рычагу довѣрія, а ученый Сумароковъ, строгій порицатель всего дурного, Сумароковъ, мечтавшій въ одномъ изъ своихъ сочиненій о какомъ-то золотомъ царствѣ добра и истины, — Сумароковъ старался пугать императрицу своими хитрыми выводами и соображеніями объ разныхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ.

Зараза подозрительности въѣдалась и въ ученыхъ, и въ народъ: они служили камнемъ преткновенія во всехъ хорошихъ начинаніяхъ.

Недавно „День“ рассказывалъ о какой-то Полинкѣ, вѣчно молящейся, почитаемой и уважаемой окрестнымъ народомъ. Эта Полинка возводитъ въ идеалъ угодный Богу „незнайку“, того, кто все молчитъ; кто не отвѣчаетъ на судъ, какъ свидѣтель; кто боится, чтобъ его слово не принесло ему же вреда; кто уходитъ въ себя и готовъ жертвовать своему покою покоемъ и благосостояніемъ своей страны; кто молчитъ, хотя бы его слово могло избавить его-же собственный край, можетъ-быть его же собственное имущество и жизнь, отъ вора и разбойника.

Подозрительность отравляла все, она уничтожала всякую мысль о возможности прогресса, она забивала какъ можно скорѣе внутрь всякій выбившійся наружу признакъ болѣзни, и только у пьянаго срывалось съ языка то, что у трезваго было на умѣ.

Все было гладко снаружи и все копилось внутри.

Подозрительный крестьянинъ любитъ незнайку; подозрительный крестьянинъ не вопіетъ вѣрять своему помѣщику, несмотря на честность намѣреній его прежняго владѣльца. Крестьянину простительно: онъ чистый продуктъ исторіи, до него не касалась наука, онъ никогда не думалъ о принципахъ, не проповѣдывалъ началъ нравственности и умѣренности.

Мы повернули на новую дорогу: мы не хотимъ больше вгонять

внутри болѣзни, мы хотимъ вылечиться. Кому же прежде лечиться?
Врачу, исцѣлился самъ!

III.

Началась кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ увлеченіями и ошибками, общественная дѣятельность. Стали слушаться призыва, стали мало-помалу заниматься общественнымъ дѣломъ. Превжнія эгоистическія стремленія какъ-будто падали; казалось, прошло старое время. «Русскій Вѣстникъ», ратуя за англійскія начала, въ основаніи которыхъ лежить полное довѣріе къ народу и обществу, поддерживалъ движеніе.

Крѣпостное право пало, и этимъ великимъ освобожденіемъ наше правительство стало рѣшительно на сторону довѣрія, какъ единаго, всемогущаго принципа, безъ котораго нѣтъ развитія, нѣтъ совершенствованія.

Появились кое-какія книжки на малороссійскомъ языкѣ, азбуки да рассказы. Возсталъ «Русскій Вѣстникъ», возстали «Московскія Вѣдомости». Имъ грезятся заговоры, имъ чудится отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи, имъ видится распаденіе на части государства... Откуда же эти грезы? Что-же навѣяло эти страшные сны?

Что за странное явленіе! Государство сдѣлало шагъ впередъ, — а органы литературы, органы высшаго проявленія общественнаго мнѣнія, таиуть его что есть силы назадъ. Государство въ своихъ реформахъ все больше да больше отбрасываетъ недостойное орудіе подозрительности, — а литературные органы ставятъ его на пьедесталъ. Государство, въ сознаніи своей внутренней силы, идетъ бодро впередъ, не распыляясь въ мелочахъ, не вооружаясь микроскопами, чтобъ разсматривать какую-нибудь едва замѣтную плѣсень, — а литературные органы съ наслажденіемъ роются въ землѣ, и откопавъ какого-нибудь ничтожнаго червяка, высоко воздымаютъ свою руку, громогласно кричатъ на весь міръ и представляютъ обществу свое ничтожное открытіе въ видѣ какого-то гиганта, способнаго свалить съ ногъ ту самую Россію, которую они же справедливо представляютъ сильною и могучею. Они, въ виду патріотическаго возбужденія, въ пользу котораго дѣйствовали они сами, они какъ-будто бы стараются обрушить на этого червяка всю силу патріотизма, которая можетъ-быть понадобится на что-нибудь болѣе важное. Они, какъ-будто позабывъ о великихъ событіяхъ, точно мыши

въ трюмѣ корабля, бьютъ тревогу, кричатъ о побѣленіи, потому что вода коснулась ихъ лапокъ. Вместо того, чтобъ въ виду враговъ благородно забыть домашніи претыканія, солицировать братству и единству, они какъ-будто бы стараются поселить разъединеніе, навязывая частичкѣ общества какіе-то злые умыслы, клонящіеся ко вреду государства.

Такой образъ дѣйствія мы бы приняли за хитрые ковы и тайный заговоръ, еслибы наша фантазія была такъ же напугана подозрительностью, какъ напугана ею, къ сожалѣнію, фантазія московскихъ изданій. Мы бы изобличили изобличителей въ желаніи поселить рознь въ обществѣ, и наши изобличенія имѣли бы не болѣе слабыя основанія, чѣмъ тѣ, на которыхъ строятъ свои предположенія московскія изданія.

Но кстати ли, кстати ли тѣмъ болѣе теперь — возобновлять старое наблюденіе другъ за другомъ исполлобья? Кстати ли въ наше время возобновлять то старое движеніе все къ большому да къ большому политическому эгоизму, къ жертвованіямъ общимъ благомъ своимъ грошевымъ интересамъ? Кстати ли возобновлять въ сферѣ духа крѣпостное право, уничтоженное правительствомъ въ сферѣ закона? Кстати ли возстановлять тотъ ревнивый надзоръ другъ надъ другомъ, тѣ вѣчныя опасенія другъ друга, тѣ фантастическія представленія о тайныхъ умыслахъ, о вѣчно-грозящей опасности, то взаимное недовѣріе, то несчастное настроеніе, которое въ каждомъ дѣйствіи другаго видѣло обманъ, надувательство, хитро-расчитанные планы, клонящіеся ко вреду и измѣнѣ, — кстати ли возстановлять все эти основныя черты крѣпостнаго права?

Мы хотимъ единства и потому отталкиваемъ дальше подозрительность; московскія изданія хотятъ того же и лелѣютъ разлагающее начало подозрительности, которое точитъ все общественныя связи и ведетъ къ распаденію, а не къ единству. Мы не хотимъ розни, и видимъ въ странныхъ противорѣчіяхъ московскихъ изданій не хитрые ковы, не заговоры, не желаніе поселить рознь въ обществѣ, а то, что въ нихъ дѣйствительно есть, видимъ простое увлеченіе, простую неумѣлость стать выше современныхъ обстоятельствъ и сохранить свой покой въ виду окружающей экзальтаціи. Московскія изданія тоже не хотятъ розни, а видятъ въ десяткѣ бѣдныхъ книжекъ и злые умыслы, и раздробленіе на части Россіи, видятъ то, чего вовсе нѣтъ въ этихъ книжкахъ, и поселяютъ недовѣріе въ общественную среду.

IV.

Твердо вѣрять въ правоту и силу нашего дѣла московскія изданія; они краснорѣчиво доказывали, что наша единая Россія всегда останется единой, что этого хочетъ громадная народная сила.

Мы вѣрили этия утвержденія, да и вѣрять было не вѣрять. Гордое положеніе, занятое «Русскимъ Вѣстникомъ» относительно всѣхъ мелкихъ фантазеровъ, такъ соответствовало самымъ завершеніямъ объ силѣ и единствѣ. «Русскій Вѣстникъ» такъ презиралъ, такъ унижалъ всѣхъ ничтожныхъ борзешниковъ.

Теперь завершенія тѣже, но уже не те положенія. Теперь клеветы и суетница по поводу какихъ-то азбукъ; теперь преувеличеніе и иррациональныя картины разложенія Россіи, по поводу мало кому навѣстнаго дѣла.

Гдѣ же прежняя гордая, могучая сила? Чтѣжь это за сила, которая бьется сама и страдаетъ другихъ какими-то бѣдствіями? Сила не бьется, сила не пугаетъ. Сила горда и покойна такъ же, какъ былъ гордъ и покоенъ Цицеронъ передъ Катилиной.

Или на дѣлѣ нѣтъ у насъ вовсе силы? Всѣ эти слова, всѣ эти завершенія — неужели все это только обманъ? Это прежнее презрѣніе къ этимъ фантазерамъ и шелкоперамъ — неужели же все это были одни слова? Можетъ-быть, презирая и унижая, само ученое изданіе въ глѣбистости дрожало отъ страха передъ тѣмъ, которыхъ оно само не величало недоучившимися гимназистами? Неужели же вѣсто силы у насъ только одна бѣдная слабость, которая должна всего боятся? Неужели же московскія изданія сами не вѣрять въ нашу силу, не вѣрять въ свои же слова? Прежнее гордое положеніе и холодное презрѣніе не нѣло ли только значенія того шума и гѣна, тѣхъ криковъ во весь голосъ, которыми ободряли себя наши удѣльные ошолченія, ободряли петону, что чувствовали свою слабость?

Сомнѣніе и нерѣшительность, какое-то колеблющееся положеніе: не то вѣра, не то невѣріе, не то сила, не то слабость. Нанесенъ вредъ принципамъ силы и единства, нанесенъ тѣмъ самими руками, которыя поддерживали ихъ всѣхъ сильнѣе.

Были люди, которые занимались образованіемъ малороссійскаго народа. Ихъ дѣло шло не очень бойко: малорусская журналистика не удавалась, азбуки расходились кое-какъ, очень горячаго сочувствія не занималось, дѣло дремало; всѣ сношенія между великоруссами и малорус-

сами были попрежнему вполне дружелюбны. Нужно было поддержку, нужно было разгорячить дѣло, придать ему хоть нѣсколько жизненности, поселить споръ и соперничество.

Московскія изданія со свойственною имъ рѣшительностью взялись за это дѣло. Дѣло представлено большимъ и опаснымъ. Обыкновенные люди, которые и сами считали себя обыкновенными, представляются какъ-нибудь героями, замышляющими атаковать раздробленіе погучаго государства; имъ вѣданы даже ея виды и хитрыя дѣла.

И еслибъ посмотрѣли эти люди въ новое зеркало, они увидѣли бы себя въ немъ чѣмъ-то вышшимъ того, чѣмъ они считали себя прежде; еслибъ пораздумали они надъ тревогой, которую надѣлали ихъ невидные труды, подумались бы они въ своемъ собственномъ мнѣніи. Явилась бы новая бодрость, освѣжились бы стремленія. И эту ихъ собственную силу имъ открыло не свое, склонное къ ошибкѣ самолюбіе: имъ открыли эту силу сами ихъ недоброжелатели...

Хорошо-что наша сила основывается не на журнальныхъ зазвреніяхъ; хорошо-что не могутъ поколебать нашу вѣру въ себя журнальныя претворѣнія; но все-таки зачѣмъ же колебать? Хорошо-что въ дѣйствительности нѣтъ у насъ толпы тайныхъ враговъ, некуюо строящихъ какіе-то грозные планы. Есть у насъ двое-трое увлеченныхъ своею фантазіею, такъ же какъ увлекаются ею московскія изданія. Есть у насъ и другіе люди, которые занимаютъ общественнымъ дѣломъ, которые рѣшше другихъ устѣли сбросить съ себя старинный згонамъ и покойно идутъ къ идеалу гражданина. Пускай ихъ идутъ: они на хорошей дорогѣ.

Хорошо-что нѣтъ у насъ какой-то партіи, стремящейся къ разжеванію Россіи, и потому некому было ободраться вслѣдствіе невольной оппозиціи московскихъ изданій. Некому было сознавать свою силу, представлять себя ради увѣреній московской прессы героями; некому было съ освѣженной бодростью двинуться впередъ и впередъ.

Да и сами московскія изданія, то твердыя, то пугающіяся призраковъ, вѣрятъ своимъ словамъ, вѣрятъ въ нашу силу. Въ нихъ нѣтъ ни маски, ни фальши,—въ нихъ есть увлеченье, въ нихъ мало покоя, мало холоднаго взгляда на дѣло. Излишняя ретивость, излишняя горячность къ дѣлу тоже опасна: эта ретивость заставила медвѣдя въ баснѣ огромнымъ камнемъ бороться съ мухой на лбу пустынного

V.

Мы стоимъ на поворотѣ большой исторической дороги. Прже шла исторія отъ подавленія національностей къ единству, и нуть оказался неудобнымъ, не ведущимъ къ цѣли.

Чѣмъ сильнѣе было давленіе, тѣмъ драгоцѣннѣе становились воспоминанія о своемъ родномъ, объ національномъ. Бережно хранилась каждая мелкая, каждая незначущая черта своей національности. Замирали снаружи національности, и воскресали онѣ съ большей силой во внутренней жизни; воскресало даже и то, что никогда бы не воскресло при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, то, что вовсе недостойно воскресенія. Виновата была во всемъ несчастная система давленія.

Такъ шла исторія у западныхъ славянъ, и несмотря на все искусство, съ которымъ дѣйствовало на этомъ пути давленіе нѣмецкое племя, славяне не пали. Однако и возрожденіе не соединило ихъ въ одну плотную массу; въ нихъ замѣтна рознь, такъ что и словаки — бѣдное племя въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ—и словаки ревностно ищутъ своей національности и стремятся къ сознанію своей особой литературы, хотя ихъ языкъ почти тотъ же, что языкъ чеховъ, хотя эти языки составляли когда-то что-то единое.

Была недавно статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» объ литературномъ языкѣ славянъ, статья дѣльная и умѣренная, которая подробно разобрала эти факты. Въ ней нѣтъ гнѣва, нѣтъ шлыккихъ фантазій: Она приступаетъ къ дѣлу тихо и покойно; она какъ-будто боится раздражить славянъ, боится повредить дѣлу раздраженіемъ. Въ ней осторожность, готовность на уступки. Не оттого ли этотъ покой, что статья не относится къ домашнему дѣлу? Отчего бы и дома не слѣдовать той же системѣ? Въ гостяхъ и тишина, и приличіе, и ласковость, а дома — и задоръ, и крики, и пѣна у рта! За чтоже гнѣвъ на домашнихъ, чѣмъ они виноваты?

Эта статья признаетъ возможность ученья для cadaго изъ славянскихъ племенъ на своемъ собственномъ нарѣчій и совершенно наглядно доказываетъ невозможность создать каждому изъ нихъ свою литературу. Она груститъ и плачетъ о бесплодныхъ усиліяхъ:

Любовь къ своему, родному—чувство совершенно естественное, совершенно похвальное—это чувство привело къ дурнымъ послѣдствіямъ. Неужели же всему виновата эта любовь? Пусть послушаютъ эти племена совѣтовъ людей покойныхъ и доброжелательныхъ, пусть низведутъ

свою любовь до нормы благоразумія—и тогда будетъ хорошо. Но тотъ, кто горячо любить, тотъ не можетъ по произволу уменьшать своей любви. Если послушаются, если уменьшать свою любовь къ національному славянскіа племена, значить они мало любить. Кто мало любить, тотъ не есть дѣйствующій членъ общества, тотъ не въ состояніи поддерживать свое противъ напора чужаго. Если способны послушаться слажене совѣтовъ благоразумія, если могутъ извѣсти они свою любовь, они снова поддадутъ подѣ вліаніе нѣмецкаго элемента. Тутъ какъ-будто какой-то роковой кругъ: нехороша любовь слишкомъ горячая, нехорошо тоже любить мало... Да и можно ли мало любить? — Въ этой фразѣ противорѣчіе.

Въ энергической натурѣ, въ той именно, которая одна создастъ исторію, въ любви такой натуры къ естественному чувству часто примѣняется доля реакціи. Разлука и препятствіе не уменьшаютъ любви въ такой личности; а усиливаютъ ее.

Долгая была разлука съ своею національностью у славянъ, и въ ихъ любовь примѣшалась реакція. Они любятъ свою національность, потому что она имъ родная, но кромѣ того, любятъ ее еще и потому, что она была притѣняема. Этотъ второй элементъ вреденъ для общаго дѣла. Ему-то и обязаны мелкіа славянскіа племена желаніемъ—безъ нужды, искусственно создать свою литературу. Этому элементу обязана Европа возрожденіемъ странныхъ, неудобныхъ старинныхъ костюмовъ, соблюденіемъ старыхъ повѣрьевъ и обычаевъ, такъ-называемыхъ возрожденіемъ византійской живописи, любовью раскольниковъ къ истертымъ иконамъ и всеми причудами, которыя мы видимъ въ настоящее время.

У насъ въ малорусскомъ вопросѣ эта реактивная сторона дѣла ничтожна. Она не есть что-то дѣльное и особое, она является скорѣе какъ составная часть того общаго здороваго реактивнаго возбужденія, которое появилось у насъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Мы все вмѣстѣ двигались, мы все вмѣстѣ подчинялись реакціи; *) въ этой реакціи было единство, а не раздробленіе; въ ней выражалось больше единство нашей прошлой исторіи, чѣмъ незначительное ея разъединеніе. Эта реакція скорѣе сблизила насъ, чѣмъ разъединила.

Зачѣмъ же снова противодѣйствіемъ и искусственнымъ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ малоруссовъ усиливать эту особую, пока

*) Замѣтимъ, что авторъ употребляетъ слово «реакція» въ смыслѣ противоположномъ обыкновенному. *Ред.*

еще ела зашѣтную реакцію? Не для того ли, чтобы дѣйствительно усилить ее, и потому, въ доказательство всей силы своего единства, преслѣдовать, карать и уничтожить, если возможно, дѣло, возбужденное нашими же стараніями? Это опасная игра. Безъ нужды незачѣмъ въ нее пускаться.

Въ настоящее время все больше да больше стремится къ новому пути исторія и отказывается отъ неведущаго къ цѣли стараго. Идутъ уже не отъ давленія къ единству, но идутъ къ этому же единству отъ индивидуальнаго развитія. Прежде господствовалъ путь физическій, прежде посредствомъ силы сжимали во-едино разнородные элементы, и дѣйствительно выходило что-то единое, крѣпко стянутое внѣшними связями, но время необходимо ослабляло эти связи, и въ единомъ по внѣшности оказывались разнородные слои, съ разнородными элементами, мало способные къ дѣйствительному соединенію. Незачѣмъ отчаяваться, что не сплотились разнородные элементы: они не сплотились въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ хотѣли сплотить, не сплотились потому, что ихъ хотѣли сплотить насильно.

Теперь путь новый, теперь у насъ путь химическій, который повелетъ къ дѣйствительному, къ внутреннему соединенію. Теперь оставлять эти элементы разрабатываться внутри себя, дадутъ имъ возможность видоизмѣняться. Вслѣдствіе этихъ видоизмѣненій они приближаются къ идеалу разными дорогами и въ тоже время необходимо сближаются между собою, потому что идеалъ для человѣка одинъ и тотъ же и всѣ пути сходятся въ немъ какъ въ единомъ центрѣ.

Чѣмъ дальше идетъ исторія прежнимъ путемъ, тѣмъ все болѣе да болѣе скопляется равныхъ зародышей розни, которая рано или поздно выльется наружу въ формѣ реакціи.

Заслуга нашего правительства именно въ томъ, что оно не испугалось выхода наружу таившейся внутри розни, и въ крестьянскомъ дѣлѣ, и въ другихъ постановленіяхъ смѣло развязало прежніе пути. Дѣйствительно у насъ проявилась рознь, проявилась сумятица въ мнѣніяхъ; но какова бы была эта рознь, еслибы старые порядки продолжались еще лѣтъ сто, что вовсе не было невозможно: у насъ и было, и есть достаточно силы, чтобы искусственно поддержать эти порядки. Наше правительство могло, но не хотѣло поддерживать, и такимъ образомъ заняло мѣсто дѣлателя въ исторіи.

VI.

«Русскій Вѣстникъ» въ одной изъ своихъ статей рисуетъ картину духовнаго единства Германіи, и надо сознаться, что картина эта правдокательна. Дѣйствительно, Германія своимъ высокимъ развитіемъ много обязана своему единому литературному языку; дѣйствительно, духовное единство есть высокое благо. Урокъ Германіи поучителенъ, только надо имъ пользоваться умѣючи. И здѣсь есть два пути для дѣйствій: путь старый и новый.

Если слѣдовать преданіямъ того нелюбимаго московской журналисткой періода нашей исторіи, которому присвоила она названіе петербургскаго, то нужно дѣйствовать твердо и рѣшительно, что въ тоже время и очень нетрудно. Нужно *завести* одинъ общій языкъ во что бы то ни стало. Но вѣдь съ другой стороны, сами московскія изданія не любятъ сумятицы во мнѣніяхъ, неустойчивости, увлеченій, которыя проявились въ прошлые годы; а вѣдь эта сумятица произошла не сама же собою: она явилась большею частью какъ неизбежное слѣдствіе этого періода. Кто желаетъ продолженія старыхъ мѣръ, тотъ желаетъ усилена этой сумятицы.

Незачѣмъ плѣняться германскимъ единствомъ, нѣтъ нужды, какъ бызало прежде, хватать его и пересаживать цѣлкомъ на нашу почву. Германское единство есть плодъ, и оторванный отъ корней, онъ или не примется, или вырождается. Пойдемъ тѣмъ путемъ, которымъ шла Германія, и мы дойдемъ до него.

«Русскій Вѣстникъ», говоря о Германіи, рассказываетъ о духовной розни между племенами, которая господствовала тамъ сначала до тѣхъ поръ, пока переводъ библіи на одно изъ нарѣчій не сдѣлалъ этого нарѣчія господствующимъ. Совершилось великое событіе и племена слились. Это духовное сліяніе совершилось именно потому, что не стѣснялось отдѣльное развитіе каждаго племени въ этой сферѣ. Напротивъ того, всѣ искусственныя мѣры, всѣ усилія слить во-едино страну политически, тѣ усилія, которыя начались еще равьше Оттоновъ,—все это усилило только политическое разъединеніе, съ которымъ безъ успѣха боролось даже единство духовное, въ лицѣ всѣхъ литературныхъ общегерманскихъ знаменитостей. Когда впоследствии дана была полная свобода развитія отдѣльнымъ политическимъ единицамъ, когда каждая шла своимъ путемъ, когда нѣкоторые почти отдѣлились отъ Германіи и подпали подъ французское вліяніе при Наполеонѣ, только тогда, когда кончились усилія, зародилась

медь единства, идея, которая осуществится именно потому, что развитие ее было естественно, осуществится несмотря на то, что некоторыя препятствія не жалеть этого осуществления.

Вотъ какой урокъ даетъ намъ Германія. Не мы далеки отъ того, чтобы восхищаться азбукой, далеки отъ того, чтобы стремиться къ повторенію стараго. Мы не хотимъ содѣлать разлагать искусственно то, что соединилось, разлагать для того, чтобы потомъ совершилось соединеніе. Мы, избѣгая искусственности и насилия, не хотимъ понасть въ ту же самую искусственность, не хотимъ бросаться изъ Сциллы въ Хариду. Мы не желаемъ только преувеличеній, мы хотимъ больше вѣрить и меньше поддѣрживать.

Московскія изданія гадаютъ на будущее и видятъ впереди черную картину. Еслибы мы начали гадать, мы бы увидѣли свѣтлую картину въ будущемъ, в основаніи этой картины не были бы вислоько слабѣ тѣхъ основаній, которыя московскія изданія кладутъ краеугольнымъ камнемъ своихъ мрачныхъ воззрѣній.

Московскія изданія боятся какихъ-то азбукъ и неважныхъ разсказовъ; они боятся какаго-нибудь десятка лицъ, можетъ-быть увлекающихъ ся отчасти.

Мы говоримъ такъ: пускай учатся малоруссы на своемъ языкѣ, пусть движетъ ихъ впередъ образованіе, пусть появляются въ нихъ новыя потребности, пусть развиваются люди, — въ этомъ цѣль ихъ жизни. Пускай учатся они на своемъ языкѣ, потому что на своемъ языкѣ учиться легче, развитіе идетъ быстрее, а быстрое развитіе необходимо для Россіи. Мы не боимся такого ученья.

Искусственно нельзя создать литературу даже и во сто лѣтъ: литературу создаетъ исторія. А между тѣмъ, чѣмъ болѣе будетъ развиваться общество вслѣдствіе образованія, тѣмъ болѣе будетъ чувствоваться потребность въ литературѣ. Тогда малорусское общество прикинеть къ нашей литературѣ, потому что она родственна и малоруссамъ; мы не знаемъ столько времени прожили вмѣстѣ. Въ грустныхъ звукахъ Шевченки есть много общаго намъ всѣмъ. У германцевъ была библія; ихъ соединила во-едино эта библія; у насъ есть литература, у насъ есть реформы, которыя не останутся, у насъ есть богатая будущность. Только не ищите, не раздражайте, а дѣйствуйте пожалуй такъ же умѣренно и тихо, какъ дѣйствуетъ «Русскій Вѣстникъ» относительно западныхъ славянъ въ своей статьѣ, о которой мы упоминали выше.

Во имя жажды имѣть литературу мы же прикнули къ француз-

оной литературы послѣ Петра; мы отерялись отъ насъ не безъ боли послѣ столѣтняго промѣшутка, потому что эта литература была намъ чуждой. А наша литература не чужда малорусамъ, также какъ не чужды намъ Шевченко и Марко-Вовчокъ.

И еслибъ создалась когда-либо малорусская литература, еслибъ ооздался малорусский литературный языкъ!.. Перемрутъ прежде поколения, пройдутъ не десятки лѣтъ. И неужели же во ния этого тумана, во ния этихъ гадательныхъ, неясныхъ, покрытыхъ иракомъ событій, неужели нужно возбуждать соперничество уже теперь? Зачѣмъ неумѣстная прозорливость, нзвнн-то ревшнвшн ошасеннн? Зачѣмъ заводить рознь въ настоящемъ во избѣжаннн какнхъ-то туманныхъ картинъ розни въ будущемъ?

Нехорошо быть слишкомъ дальннзоркннн. Можно гадать, но не слѣдуетъ дѣйствовать на основаннн гаданнн. Нехорошо было бы, еслибы на основаннн гаданнн московскнхъ наданнн набросалось наше общество на малорусовъ; не было хорошо, еслибы во ожиданнн *соеднненнн* оно бресилось помогать что есть силы въ дѣлѣ ученнн на малорусскомъ языкѣ.

Пускай плутъ событнн, которнхъ результатъ еще темень; пускай плутъ онн, если въ ннхъ въ настоящее время нѣтъ ничего безнравственнаго и вреднаго. Незачѣмъ перегонять исторнн, незачѣмъ дѣйствовать въ настоящемъ, основываясь на далекомъ, туманномъ будущемъ. Пускай основаннн дѣйствнн въ настоящемъ будутъ нравственнне приннппы днвнрнн, справедлнвостн и возданнн каждому по дѣламъ дѣйствнтельно совершоннннн. Пускай выше всего будутъ нравственнныя основаннн, за которнн когда-то стоялн московскнн наданнн на словахъ. А главное — побольше покоя и побольше сдержанности.

Нашъ одннъ путь для болѣе тѣснаго соединеннн съ малоруссамн—это работа надъ своей собственной литературой, это реформн! Это однннн вѣрннн путь, которнн приведетъ насъ къ цѣлю. Не останавливаясь, впередъ! — вотъ нашъ лозунгъ. Впередъ, не распыляясь въ мелочакъ и дрягахъ—и тогда единая Росснн слнотнтся еще крѣпче.

Побольше заботы о себѣ и поменьше о другихъ — въ этомъ наше отсутственнне правило.

К. Варнекъ.

НОВЫЯ КНИГИ

НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Историческій мораль и европейскіе пустячки. — Инца. — Устройство міра, Вилера. — Психологія Розенкранда. — Брошюра Эрдмана. — Девція Молошота. — Логика Дробиша. — Женскій вопросъ въ Англии. — Загадки природы и жизни. — Лекціи Штала. — Государство и общество, Гельдга. — Практическая политика Эвера. — Чирони и Мандани. — Политическая эволюція Мангольда. — О налогахъ, Гома. — Катихизисъ ремесленниковъ, Шульца-Делча. — Рай и адъ. — Философія счастья, Жанъ. — Исторія философіи, Бауера. — Либихъ и Беконъ. — Шлейденъ. — Книжки, брошюры, лекціи и статьи о первичкѣ временакъ человечества (Лавал, Гомелей, Вресь, Гентъ, Шлейденъ, Фогтъ, Пертъ, Смелъ и др.) — Переводъ Нильсона. — Поттъ и Кауленъ. — Брошюры о Тегнерѣ и молитвъ за умершихъ. — Книга о свободѣ преподаванія. — Колензо. — Богословскія письма. — Вислиценусъ. — Исследования Шрадера. — Означеніе исторіи Баура; статьи о ней. — Ренавъ. — Эйхталъ. — Авеста. — Виндишманъ. — Буддизмъ. — Книга Мори. — Окончаніе міеологіи Велькера. — Римская литература Беригарди. — Адъ Калле. — Исторія схоластической философіи Кауленха. — Продолженіе исторіи евреевъ Греца. — Статьи о мистикахъ. — Сведенбергъ Маттера. — Наконченіе спиритистской литературы. — Книга Перти. — Великое открытіе относительно еотографеи изъ области привидній. — Руссо Брокергоа. — Переписка Гете съ Карломъ-Августомъ. — Гете Каруса. — Шиллеръ Буна. — Вопросъ о послѣднихъ дняхъ Шиллера. — Музыкальная обработка произведеній Шиллера. — Моцартъ Роля. — Шекспаръ Флата. — Былъ ли Гамлетъ помѣшанъ? — Замѣчанія на Отелло, Людера. — Патетическая комбальная пѣсня для читателей.

Съ того времени, какъ я кончилъ свою послѣднюю бесѣду съ тобою, читатель, ты успѣлъ вѣроятно успокоиться. Тогда было скверное лѣто. Теперь пріятная осень. Съ гордостью ты заврешь на смущенную Европу; съ гордостью потеряешь, что Каткова даже преселе-

вутый Мазэдъ назвалъ «un des libéraux russes les plus éminents» (Rev. des Deux Mondes, 1 Août 1863) и ждешь, что вотъ-вотъ тотъ же Мазэдъ въ октябрьской книжкѣ того же журнала напишетъ: «Mr. Askotzensky, un des théologiens russes les plus éclairés»... Словомъ, ты такъ настроенъ, что исторія Европы, ея стремленія, плоды ея цивилизаціи, выработанные кровью и потомъ поколѣній — все тебѣ нипочетъ. Мы, русскіе, конечно самый цивилизованный, самый передовой народъ; у насъ должны перенимать лютемы и враждебные соплеменники начала гражданской доблести и философскаго міросозерцанія, литературнаго такта и уваженія къ наукѣ...

Такъ, такъ, мой патрістическій читатель; но вѣдь всѣ эти высокія достоинства заключаются въ редакціи, сотрудникахъ, подписчикахъ и читателяхъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» — и нигдѣ болѣе. Иудѣсть же все читать одно и то же; какъ оно на хорошахъ пріѣдется и прискутитъ. Читать другіе русскіе журналы или книги? Вѣдь въ нихъ сказано или то-же что въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а потому ихъ читать напрасно, такъ какъ въ немъ все сказано конечно лучше; или же въ нихъ сказано другое, и тогда они влекутъ тебя прямо въ геенну...

Конечно читатель обвинилъ уже меня въ кражѣ аргумента у знаменитого мусульманина, на котораго преданіе сваливаетъ сожженіе александрійской бібліотеки, и сваливаетъ, въ спобкахъ сказать, совершенно напрасно: она была сожжена большею частью истинно-благочестивыми монахами, которые такъ же подозрительно смотрѣли на Серапеумъ и на послѣдній остатокъ древняго философскаго ученія, какъ «Русскій Вѣстникъ» смотритъ на все, что не признаетъ его непогрѣшимости.

Я лучше предложу тебѣ, читатель, для отдохновенія (потому что плоть слаба) отъ серьезнаго чтенія «Московскихъ Вѣдомостей» заняться со мною пустячками. Съ послѣдняго нашего разговора накопилось таки опять порядочно новостей по евронеиской литературѣ. Поразберемъ ихъ съ тобою. Посмотримъ, какіе такіе пустячки вретъ эта болтушка Европа въ своей старческой цивилизаціи. Для насъ, свѣжаго, крѣпкаго народа, это нипочетъ; у насъ есть получше; но отчего же и не послушать бабушкиныхъ сказокъ? Еще можетъ удасться изъ ея сказокъ что-либо и за свое выдать, и ей же въ глаза ткнуть: вотъ что у насъ есть!

Первая появляющаяся книга носить короткое названіе: «Изида; человекъ и міръ» («Isis; der Mensch und die Welt», Hamburg). Ни предисловія, ни имени автора. Вышло два тома въ нынѣшнемъ году и общаго еще два. Понятно, что подобное таинственное произведеніе можетъ воз-

будить недоверіе, но я посоветовалъ бы читателю познакомиться поближе съ «Изидой». Здѣсь спокойнымъ тономъ, безъ полемики и цитатъ, догматически изложены результаты міросозерцанія, которое принадлежитъ передовымъ людямъ Европы. Можно во многихъ не согластись съ авторомъ; можно отворгнуть многія частности его мнѣній, но общій характеръ этого произведенія и большая часть его выводовъ могутъ для значительнаго числа читателей открыть широкій горизонтъ взгляда на вещи и обратить въ новое сознаніе то, что до тѣхъ поръ оставалось смутнымъ стремленіемъ. Авторъ начинаетъ съ указанія источниковъ нашихъ представленій, понятій, нашего знанія и нашихъ вѣрованій; онъ излагаетъ притчны ошибокъ и заблужденій, безпрестанно ограничивающихъ наше знаніе и безпрестанно влекущихъ человѣка изъ міра реальнаго въ міръ фантастическій. Затѣмъ, въ главѣ: «Вотъ въ исторіи» онъ начинаетъ съ психическаго состоянія безпомощнаго человѣка въ виду первобытной природы и развиваетъ изъ него поклоненіе зѣвряжь и фетишамъ, владыкъ моря богу и пустыни, очерчиваетъ географическія области спеціальныхъ боговъ, происхожденіе романовъ и драмъ мѣстнаго міра, метафизическое начало единобожія, развитіе идеи бога до нашего времени въ догматическихъ и философскихъ ученіяхъ и главные, необходимые фазисы этого развитія. Потомъ авторъ переходитъ къ сверхъестественному вообще и точно также психологически и исторически слѣдитъ за его видоизмѣненіями. Такому же анализу онъ подвергаетъ въ ряду главъ идею духа и его безсмертія, идею добра и зла, идею обязанности, грѣха и совѣсти, идею награды и наказанія, наконецъ идею искупленія. Послѣ того, почти треть втораго тома занимаетъ философскій очеркъ развитія христіанства и его догматовъ. Противоположеніе науки и религіи заключаетъ эти два тома, посвященные области вѣрованія, чтобы въ слѣдующихъ томахъ указать отношеніе человѣка къ обществу и къ природѣ. Впрочемъ второй томъ «Изиды» имѣетъ еще заключеніе: «Отецъ и сынъ; разговоръ о богѣ и безсмертіи»; но очень жаль, что въ немъ авторъ оставилъ свою спокойную точку зрѣнія и вдался въ полемику. Во-первыхъ, форма разговора устарѣла и не соответствуетъ современнымъ требованіямъ отъ научнаго изложенія: или говорящіе суть дѣйствительно живыя личности, — тогда интересъ читателя отвлекается отъ предмета разговора къ ихъ психическому настроенію и къ драмѣ ихъ столкновенія; или они — блѣдныя вѣшалки для аргументовъ за и противъ, — тогда они охлаждають изложеніе, вмѣсто того чтобы его оживить. Ктому же въ разсмотрѣнномъ произведеніи чересѣда характера изложенія нарушаетъ впечат-

гласно, производимое цѣлымъ, и все что сказано въ послѣдней главѣ, могло быть удобно развито въ другихъ или совсѣмъ оставлено. Можно обвинить еще автора въ недостаточной-деней послѣдовательности отдѣльныхъ главъ его сочиненія, такъ что каждая какъ-бы составляетъ особое цѣло, хотя опытный читатель замѣтитъ между ними связь. Но вообще это книга недурная ..

Почти того же направленія, какъ «Маша», книга Христиана Вилера объ устройствѣ міра («Grundzüge der Weltordnung», v. C. Wieser, Leipzig u. Heidelberg); но это почти все-таки довольно значительно. Вилеръ шыгается научнымъ образомъ построитъ изъ меланической теоріи двухъ родовъ вещества (вѣснаго и мѣдвснаго; первое онъ называетъ Кѳрегстолфъ, что вѣсакъ дико) міръ чувственный и нравственный, будто при современномъ состояніи знаній возможно сколько-нибудь точнее построитъ этия пути. Самая великая показываетъ недостатокъ сознанія затрудненій, встрѣчающихся на пути. Несмотря на дробную теорію совокупленія двухъ, трехъ и болѣе атомовъ, на свѣтлую гипотезу относительно людскаго состоянія тѣл, умѣлъ химическихъ явленійхъ (I кн. 4 отд.), въ особенности же въ явленійхъ организаціи (I кн. 5 отд.), теорія оказывается весьма недостаточною для объясненія того, что должно быть объяснено. Когда же въ духовныхъ явленійхъ (кн. II) мы встрѣчаемся съ ерменологіей, книга теряетъ для насъ значительно въ своемъ достоинствѣ, и хотя многое недурно изложено въ дальѣйшемъ построеніи духовныхъ явленій, но уже «устройство міра» осталось не-объясненнымъ. [Для тѣхъ, кто любитъ образность и въ философскихъ міросозерцанійхъ, рекомендуемъ символическую картину развитія вѣрванія и знанія на послѣднихъ страницахъ книги Вилера; еслибы эта картина не представляла тотъ недостатокъ, что въ ней духовный міръ оказывается *only* челоука (что совершенно несогласно даже съ теоріей автора), то она бы составляла одно изъ лучшихъ мѣстъ толстаго тома, довольно тяжеловатаго для чтенія.

Въ лагерѣ идеалистовъ-гегельянцевъ, Розенкранцъ сдѣлалъ новое изданіе своей психологіи («Psychologie, oder die Wissenschaft von subjectiven Geiste», v. K. Rosenkranz, 3-te Ausg. Königsberg), и стъ нея повѣяло духомъ минувшаго, тридцатыхъ годовъ нашего вѣка. Объ ней можно сказать, что она очень ясно отражаетъ всѣ недостатки гегелизма въ приложеніи къ области опредѣленныхъ естественныхъ явленій, и всѣ достоинства автора, извѣстнаго своимъ искусствомъ изложенія. Самая полезная часть въ ней есть послѣдній отдѣлъ, или правдоу, замѣ-

чуждѣй очеркъ психологической литературы отъ Гегеля до нашего времени. — Изъ того же лагеря вышла брошюра Эрмана о мечтательности и вдохновеніи («Ueber Schwärmerei und Begeisterung», v. *Erdmann*. Berlin), заключающаяся болѣею частью въ безполезность словеснаго верженія, безъ особеннаго научнаго или философскаго достоинства. Къ психологіи же почти принадлежитъ послѣдняя брошюра Молюшота, заключающая его вступительную лекцію физиологіи, о предѣлахъ человеческихъ изслѣдованій («Die Grenzen des Menschen», v. *Jac. Moleschott*, Gießen). Съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ извѣстный физиологъ указываетъ предѣлы дѣятельности различныхъ органовъ человеческого тѣла. Эта маленькая книжка стоить быть прочитанною.

Гербартианецъ Дробиншъ издалъ тоже третье изданіе своей «Логикѣ» («Neue Darstellung der Logik» etc. v., *M. W. Drobisch*, Leipzig): Она, при небольшомъ объемѣ, заключаетъ въ себѣ много дѣльнаго. Многочисленныя приемы изъ математики и естественныхъ наукъ увеличиваютъ ея пользу, хотя съ авторомъ далеко не всегда можно согласиться.

Но тебѣ, читатель, болѣе занимаютъ практическія задачи, и изъ абстрактной области логики и психологіи я къ нимъ возвращаюсь. Если ты, читатель, интересуешься женскими вопросами, то прочти со вниманіемъ книжку миссъ Франсесъ Поуэръ Коббъ («Essays on the pursuits of women», by *Frances Power Cobbe*. London). Это еще разъ повторенная, очень старая, но тѣмъ не менѣе вѣрная защита правъ женщины на образованіе и на трудъ равный мужескому. Можетъ, — быть вопросъ: «что намъ дѣлать съ нашими женщинами?» поставленный авторомъ, могъ бы быть рѣшенъ съ болѣею спокойствіемъ, но трудно его обсуждать спокойно въ виду рутинеровъ, крѣпко держащихся семейнаго очага и кисейной женственности.

Да, много живыхъ, тяжелыхъ вопросовъ безпрестанно возникаетъ около насъ; но сколько непривычныхъ умовъ берутся рѣшать ихъ! Вотъ какой-то Га́ме тоже пытается разгадать «Загадки природы и жизни» («Die Räthsel der Natur und des Lebens», v. *Th. Hasche*. Hamburg), но мы должны предупредить читателя, что онъ ровно ничего не найдеть въ этой маленькой книжонкѣ, кромя пустой болтовни о весьма важныхъ вопросахъ, которыхъ пониманіе совершенно чуждо автору, хотя онъ и называетъ это произведеніе «изслѣдованіями» и увѣряетъ, что они ему доставили столь «радостную увѣренность о высшихъ вопросахъ человеческого духа», что онъ намѣренъ подѣлиться этою увѣренностью съ читателями. Напрасно.

Старика Штала тоже растравожали въ его гробу и задумали давать двадцать-девять его лекцій о «современныхъ партияхъ въ государствѣ и церкви» («Die gegenwärtigen Parteien in Staat und Kirche», v. Stahl, Berlin). Шталь читалъ эти лекціи вѣсколько разъ между 1850 и 1857 годами, въ этотъ періодъ всеобщей реакціи, когда европейская буржуазія, перепуганная «краснымъ призракомъ», готова была оторваться отъ вѣкъ своихъ историческихъ правъ, отъ всѣхъ либеральныхъ вразъ, которымъ она любила повторять, лишь бы ей не грозила расплата съ пролетаріатомъ.

И вотъ почтенный Шталь, направленіе котораго слишкомъ известно, чтобы я предполагалъ, что читателямъ могутъ въ немъ сомнѣваться, выписываетъ свои лекціи о партияхъ и проситъ своихъ слушателей оставить цѣпа своимъ убѣжденіямъ за дверями аудиторіи (стр. 1); говорить, что революція—это поставленіе человѣческихъ правъ выше учрежденій, а не подчиненіе ихъ учрежденіямъ (что, по его мнѣнію, конечно лучше), что свободное движеніе въ Англіи удалось потому, что было христіанскимъ, а во Франціи не удалось, потому что было иррелигіозно (стр. 2); прямо утверждаетъ, что зло не въ излишней торопливости при стремленіи къ освобожденію, но въ самой цѣли постепеннаго освобожденія (стр. 5), что свобода—это покой (стр. 6)... Но не довольно ли, читатель? Оставимъ мертвымъ погребать своихъ жертвоцевъ (конечно для гнилаго запада) и предоставимъ тѣмъ, кто считаетъ себя ученикомъ Штала, подробно изучать его лекціи, которыя онъ самъ не рѣшился издать при жизни. А впрочемъ недурно, что онъ изданы: полезно видѣть выраженіе партій въ ихъ самой голой формѣ.

Можетъ-быть еще неурядитѣе встрѣчаться съ сочиненіемъ, надѣвающимъ на себя маску научнаго безпристрастія, чтобы подъ этою личиною проводить свои узенькія идейки. Предъ нами толстый второй томъ сочиненія Іозефа Гельдта о государствѣ и обществѣ («Staat und Gesellschaft», v. J. Heldt, Leipzig; II, Volk und Regierung), рассчитаннаго на три тома. Первый, болѣе философскій, по самому опредѣленію автора, вышелъ тому два года, обѣщавъ чисто-научное воззрѣніе, заранѣе отвергалъ всякое обвиненіе въ тенденціи къ пропагандѣ опредѣленнаго релігіознаго ученія, выставляя на видъ, какъ основную идею свою, «гармонію цѣльнаго человѣческаго бытія» и ставилъ своею цѣлью «истину, только истину, и всю истину». Авторъ даже высказывалъ съ нѣкоторою грустью, что его чисто-научное сочиненіе не прочтутъ. Онъ говорилъ: «Кто захочетъ выслушать правду, все равно—правительство или

народъ, когда политической страсти или политическій недисциплиниранный исканью его слухъ? Кто пойдетъ медленнымъ, тихимъ и труднымъ путемъ, ведущимъ исследователя почти къ познанию себя и міра, когда, сложивъ руки, ожидать отъ случая или чуда лишь то, что, благодаря близости, приближающейся къ слабости, выказываетъ какъ ближайшее благо; или когда, признавая грубую силу началомъ и концомъ вселенной вещей, стараются подавить вѣчные начала нравственнаго бытія; или же когда, во всемъ отчаяваясь, думаютъ лишь о томъ, какъ бы себя, лишь для себя самого, поддержать на доскѣ среди кораблекрушенія? Но когда пришлось Гельдту перейти къ самому явленію, оказалась для него повеюю необходимостью опираться въ человѣческихъ вещахъ на нечто «необъяснимое», на таинственное руководство человека и государства въ исторіи. Въ новомъ томѣ, гдѣ преобладаетъ историческое развитіе общественныхъ и государственныхъ началъ, этотъ прецизионизмъ еще болѣе мѣшаетъ. Доказывая влияние среды и личностей на исторію общества и невольно приближаясь къ правдѣ неизмѣнности законовъ общественнаго развитія, Гельдтъ считаетъ необходимымъ это время до времени напоминать читателю, что въ явленіяхъ общественныхъ участвуетъ непосредственно и сверхъестественное начало. Подобный не только не научный, но прямо противонаучный взглядъ не можетъ не стогзваться и въ выводахъ, уже не имѣющихъ ничего общаго съ релігіозною точкою зрѣнія. Но Гельдтъ очевидно стоитъ въ рядкахъ известной партіи и не можетъ говорить противъ ея убѣжденій. Такъ вирбургскій профессоръ признаетъ необходимость свѣтской власти для науки, признаетъ права Австріи на Венецію и, съ точки зрѣнія цивилизаціи (!), необходимость для нѣмецкаго племени не уступать ни шагу изъ того, чѣмъ оно завладѣло; самая національность у него омысливается лишь въ государствѣ. Впрочемъ книга Гельдта, по обширной литературѣ, предлагаемой по различнымъ вопросамъ, можетъ быть довольно интересна; главы же мѣста въ ней и довольно хорошо составлены. Чересчуръ подробное оглавленіе втораго тома (на 17 страницахъ) можетъ заставить читателя ожидать отъ книги большаго содержанія, чѣмъ она даетъ; этому же не совсѣмъ хорошо задуманный планъ ведетъ къ повтореніямъ; но все-таки изъ нея можно извлечь много данныхъ.

Нельзя отказать и руководству Генриха Эшера къ практической политикѣ («Handbuch der praktischen Politik», v. H. Escher. I, Leipzig) въ богатствѣ содержанія, въ искусномъ сближеніи фактовъ и логичной послѣдователности аргументовъ. Сочиненіе это должно заключать въ себѣ

двенадцать книг; первые шесть составляют вышедший уже первый том. Первые три книги обнимают общее учение о государствѣ, т. е. разбор понятія о государствѣ (его метафизику) и исследование матеріальныхъ средствъ его (его физику). Слѣдующія три книги разсматриваютъ отношенія государства къ семейству, собственности и церкви. Остальными шестью книгъ займутся государственными устройствами и государственнымъ учрежденіями. Эшеръ превосходитъ Гельдта въ систематичность и въ блѣдѣ въ религиозномъ безразличіи. Но и изъ книги Эшера вышесемь неприятное впечатлѣніе, потому что самые живые вопросы современности встрѣчаютъ въ немъ не только мало сочувствія, но болѣею частію прямо противодѣйствіе. Такъ напримеръ кончаетъ дышать его глава объ октропированныхъ конституціяхъ; его сочувствіе къ централизаціи административной власти проглядываетъ слишкомъ часто; въ вопросѣ о національностяхъ онъ часто правъ, но то, что онъ говоритъ справедливаго, слышано съ такими грубыми непониманіемъ современнаго значенія этого вопроса, съ такою возмутительною холодною въ стремленіемъ, изъ-за которыхъ, при всей ихъ неясности, волнуются миллионы и льются рѣки крови, что трудно отдалъ надлежащую справедливость учености профессора, который, поставивъ въ предисловіи требованіе «объективной истины», кажется повиненъ подъ этими словами полный индифферентизмъ къ современнымъ идеямъ. Само собою разумеется, что Эшеръ противникъ социализма и считаетъ «обязанностью» отражать его нападены: онъ видитъ въ бракѣ, въ собственности и религіи необходимыя основы общества, но допускаетъ случаи, когда необходимость усвоенія общества вставляетъ нарушить безусловныя права собственности. Противъ самостоятельности и притязаній церкви онъ сильно полемизируетъ.

Что особенно замѣтно въ предыдущихъ сочиненіяхъ и въ большинствѣ нѣмецкихъ трудовъ, когда они поднимаютъ вопросъ о національности, это — неспособность отнестись безразлично къ итальянскимъ стремленіямъ, какая-то воображаемая солидарность нѣмецкихъ писателей съ Австріею и ея итальянскимъ владычествомъ. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить между нѣмцами личность подобную Людвигу Ассингу, уже известной изданіемъ бумагъ Варнгагена фонъ-Энзе и преслѣдованіями, претерѣнными вслѣдствіе того. Она недавно издала переводъ двухъ итальянскихъ брошюръ Чирони о революціонномъ движеніи въ Италіи («Die nationale Presse in Italien von 1828—1860»; «Kunst der Rebellion», v. *Piero Cironi*, hb. v. *L. Assing*, Leipzig) съ предисловіемъ и

послѣсловіиъ переводчицы. Последнее заключаетъ коротенькія біографическія свѣдѣнія о Чирона, умершемъ въ концѣ прошлаго года. Въ предисловіи же Ассингъ, выражая полное сочувствіе къ Италиі, говоритъ о солидарности между истинно-либеральными партіями всѣхъ странъ, похваливаетъ, какъ революціонная итальянская пресса умѣла отдѣлять ненавидимыхъ австрійцевъ отъ иѣмцевъ прочихъ государствъ, какъ либеральные итальянцы готовы были подать всегда руку либеральной Германіи, и говоритъ, что «дѣло, за которое итальянцы проливали свою кровь... то же, за которое намъ (нѣмцамъ) придется биться: основаніе свободы и единства націи». Но грустно видѣть, что къ національнымъ стремленіямъ всегда примѣшивается пренебреженіе къ другимъ, болѣе слабымъ и мирнымъ національностямъ, а что мысль о слитіи Голландіи и Дани съ Германіею находитъ сочувствіе у того же писателя, который стоитъ за самостоятельность Италиі и другихъ народностей, провозглашающихъ громко свои права.

Самые труды Чирони суть возвеличеніе крайней партіи итальянскаго движенія и въ особенности знаменитаго агитатора, человека, который съ 1828 г. до нашего времени составляетъ мысль Италиі, по крайней мѣрѣ передовой части ея дѣятелей. Несмотря на краткость обзора, переходящую часто въ перечень, весьма интересно прослѣдить въ первомъ трудѣ Чирони дѣятельность Маццини, начиная съ его статьи въ «Indicatore Genovese» 5 іюня 1828 г., чрезъ многочисленныя изданія и статьи демократической прессы. Въ этомъ отношеніи очеркъ Чирони очень полезенъ для исторіи европейскаго революціоннаго движенія во второй и третьей четверти нынѣшняго вѣка, потому что итальянская агитация легко связалась съ агитаціей другихъ народностей. Изданію предисловія письмо Маццини къ Чирони, отъ 25 марта 1861 года, гдѣ первый выражаетъ желаніе, чтобы рядомъ съ исторіей прессы партіи движенія написана была исторія прессы умѣренныхъ: «Итальянцы научились бы изъ нея, — говоритъ знаменитый трибунъ, — что если партіи, которыхъ вѣра въ принципъ побуждаетъ къ движенію, могутъ ошибаться въ расчетъ слѣдствій этого движенія, то партіи, побуждаемыя лишь безнравственнымъ уваженіемъ къ силѣ, къ случаю, и расчетомъ своихъ выгодъ, часто принуждены измѣнить отечеству и всегда его обезчещиваютъ.» Конечно, партія Маццини и Чирони не можетъ отдать достаточную справедливость дѣятельности Кавура и излагаетъ дѣло одно-сторонне; но безпристрастный изслѣдователь найдетъ всегда недостаточное количество матеріала для изученія и другой стороны событій. Въ

этомъ отношеніи можно рекомендовать только-что вышедшій очеркъ исторіи Пьемонта съ 1849 по 1859 г., составленный Рейдлингомъ въ «*Unsere Zeit*» (78 Heft).

Возвращаясь къ общественнымъ наукамъ, не можемъ не указать читателямъ на очеркъ политической экономіи Мангольда («*Grundriss der Volkswirtschaftslehre*», v. II. v. *Mangoldt*, Stuttgart), отличающійся строго-логической послѣдовательностью въ развитіи научныхъ положеній. Но это самое имѣетъ слѣдствіемъ обстоятельству, что книга Мангольда вовсе не можетъ служить для популярнаго чтенія, но требуетъ большаго вниманія и напряженія мысли съ читателя, и это не потому, чтобы слогъ Мангольда былъ тяжелъ, какъ во многихъ произведеніяхъ его соотечественниковъ, но потому, что авторъ прямо идетъ въ глубину самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Въ ученіи о рента Мангольдъ является посредникомъ между Кэри и Рикардо. Но математическіе выводы автора не всегда уместны.

Весьма основательное изслѣдованіе вопроса о податяхъ и государственныхъ долгахъ представляетъ книга барона Гока («*Die öffentlichen Abgaben und Schulden*», v. *Carl Freih. v. Hock*, Stuttgart). Авторъ давно уже занимается практически финансовою частью. Но многія затрудненія исторіи налоговъ и здѣсь остаются болѣе обойденными, чѣмъ развѣшанными.

Укажемъ также на брошюру Шульца-Делича: «Глава изъ катехизиса вѣмецкихъ работниковъ» (*Capitel zu einem deutschen Arbeitercatechismus*, v. *Schultze-Delitsch*, Leipzig). Авторъ извѣстенъ своими трудами для ассоціацій въ рабочемъ классѣ, своимъ либеральнымъ направленіемъ, и указанная книжка заключаетъ въ себѣ шесть лекцій, читанныхъ имъ въ собраніи берлинскихъ ремесленниковъ и обвиняетъ вопросы о трудѣ, капиталѣ, обмѣнѣ труда, цѣнности и о средствахъ поднять рабочіе классы. Можно быть кажется увѣреннымъ, что еслибы петербургскимъ фабричнымъ можно было слушать чтенія, подобныя чтеніямъ Шульца-Делича, они бы съ охотою пошли въ аудиторію. Общепонятный языкъ книжки позволяетъ надѣяться, что переводъ ея на русскій языкъ былъ бы не безполезенъ. — Вопросомъ о рабочемъ классѣ занимается и брошюра Губера («*Sociale Fragen*», I. *Nordhausen*), извѣстнаго проповѣдника ассоціацій.

Ремесленники Европы стоятъ, по степени благосостоянія, уже на той ступени, ниже которой начинается безвыходный пролетаріатъ, неизбежный порокъ, вѣчная противозаконность. Это *обужденные* міра

сего, это адъ человечества, столь же безвыходный для тѣхъ, кто въ него заключенъ, какъ адъ для грѣшниковъ. Между немногими блаженствующими среди земнаго довольства, какъ въ лонѣ Авраама, и между этими несчастными—дѣлая пропасть. Сознаніе этого раздѣленія избранныхъ отъ осужденныхъ родилось въ душѣ одного благочестиваго анонима, когда ему среди наслажденій довольства привела разъ нищаго вора, жившаго съ младенчества среди противуобщественныхъ началъ. Возмущенный противоположностью между собою и этимъ несчастнымъ, неизбѣжно подходившимъ подъ строгій приговоръ, почтенный анонимъ написалъ книжку «Рай и адъ» («Himmel und Hölle», Berlin), которую посвящаетъ мыслящимъ судебнымъ медикамъ, священникамъ, воспитателямъ, уголовнымъ судьямъ, присяжнымъ, депутатамъ и государственнымъ людямъ. Въ ней собранъ рядъ фактовъ изъ современной европейской жизни, въ особенности же изъ юридическихъ процессовъ, гдѣ выставлена возможно ярче безвыходность положенія низшаго класса, для котораго одинаково неизбѣжно и преступленіе, и наказаніе. Повидному сочинитель долженъ бы придти къ требованію социальной перестройки общества, осуждающаго наибольшую часть своихъ членовъ на подобную судьбу. Но благочестивый авторъ имѣетъ другой исходъ, конечно открытый для всякаго истинно вѣрующаго. Указавъ противорѣчивыя мнѣнія о справедливости распределенія судебъ человѣческихъ, изрѣченія иныхъ *повѣншихъ* католическихъ катихизисовъ, что адъ въ среднѣй землѣ «не очень великъ потому, что въ немъ души лежатъ одна на другой, какъ кирпичи въ обжигательной печкѣ»; указавъ противорѣчія въ понятіяхъ и изрѣченіяхъ о вѣчномъ осужденіи, объ искупленіи и т. д.; указавъ на вѣчную борьбу въ человѣчествѣ, авторъ успокоивается на словахъ: «Эта безконечная борьба добра со зломъ есть премудрое установленіе всемогущаго, относительно котораго мы не должны отчаяваться, если его и не понимаемъ! Какая глубина богатства мудрости и познанія божія! Какъ непонятецъ его судъ и неисповѣдны его пути! Потому что кто же извѣдалъ мысль господя? или кто былъ его совѣтникомъ? Потому что всѣ вещи отъ него, имъ и въ немъ! Да будетъ ему слава во вѣки!» Кто можетъ такъ кончать *такую* книгу, тотъ конечно заключаетъ въ душѣ неисчерпаемый источникъ успокоенія, и для того всѣ попытки людей радикально исправить общественные недостатки должны казаться совершенно напраснымъ трудомъ.

Картина горя житейскаго, нарисованная предыдущимъ авторомъ, не-

необходимо ведетъ человека къ вопросу: какъ же избавиться отъ этого гора? Какъ же быть счастливыми? Въ былое время появлялось немалое число сочиненій, разсматривавшихъ ихъ professor этотъ вопросъ, и литература этой практической морали довольно обширна. Въ последнее время подобныя книжки стали появляться шортже. Поэтому съ удивленіемъ открываешь книгу, которая носитъ названіе «Философіи счастья», когда на ней стоитъ дата 1863 года и имя одного изъ нестарыхъ профессоровъ парижскаго университета, Поля Жауэ («*Philosophie du bonheur*», р. P. Janet, Paris). Неужели наука такъ уже исчерпаца господами учениками Кузена, что имъ приходится писать о томъ, какъ человеку быть счастливымъ? И для кого писана эта книга? Впрочемъ она явилась, значить въ ней была потребность и пожалуй для нея найдутся читатели. Сказать объ ней многого нечего. Она такъ-себѣ, гладка и безобидна, начертана красиво и наполнена изящными фразами, часто пересыпанными знаками восклицанія. Авторъ опредѣляетъ счастье какъ «гармоническое и прочное развитіе всѣхъ нашихъ способностей въ ихъ порядкѣ превосходства». Онъ ищетъ источникъ счастья человека во внѣшнихъ благахъ, въ воображеніи, въ страсти, въ привязанностяхъ, въ мысли, въ жизненной дѣятельности, въ развитіи характера и въ добродѣтели, въ общественныхъ сношеніяхъ, и кончая свой томъ, заключающій приличное число страницъ, говорить: «Какъ бы то ни было, въ жизни человека всегда останется неизвѣстная, въ которой не дастъ отчета ни одна общественная формула. Эта неизвѣстная—это часть души, касающаяся безконечности и свидѣтельствующая о безконечномъ назначеніи. Земная жизнь, какъ бы ни великъ былъ ея предметъ, не можетъ охватить всего человека. Всегда ускользаетъ что-то (*un je ne sais quoi*), чувствующее себя заключеннымъ во градъ земномъ и призывающее градъ божій.» Если у тебя есть много, очень много времени, читатель, то отчего не просмотрѣть и эту книгу.

Если для тебя, читатель, имѣетъ привлекательность слово «философія», то ты пожалуй примешься и за книгу В. Бауэра, какъ кажется вовсе неизвѣстнаго въ философской литературѣ, и общающаго, въ своей исторіи философіи для образованныхъ читателей («*Geschichte der Philosophie für gebildete Leser*», v. W. Bauer. Halle), что онъ заключить въ одномъ томѣ очеркъ исторіи философіи для начинающихъ ею заниматься и въ тоже время будетъ имѣть особенно въ виду приложение къ естественнымъ наукамъ. Последнее общаніе конечно очень привлекательно и соблазнить многихъ. но посмотримъ, какъ же выполнилъ его авторъ.

Говоря о приложеніи философіи къ естественнымъ наукамъ, читатель вѣроятно ищетъ въ виду, что найдетъ что-либо о средневѣковомъ мирозерпаніи алхимиковъ, о современныхъ материалистахъ, о психологахъ школы Фехнера, или по крайней мѣрѣ Бенеке. Авторъ о современныхъ материалистахъ совсѣмъ не говоритъ, точно также какъ объ алхимикахъ. Фехнеру и Бенеке посвящаетъ двѣ строчки, гдѣ говоритъ, что Фехнеръ защищалъ атомическую теорію. Странно же онъ понимаетъ исторію философіи, особенно въ отношеніи естественныхъ наукъ: неужели изложеніе натурфилософіи Шеллинга и Окена можетъ замѣнить эти важныя пропуски?.. Странно также, что схоластика не предшествуется хотя краткимъ очеркомъ патристической философіи; даже объ Августинѣ авторъ умолчалъ. Неприятно поражаетъ также, въ началѣ и въ концѣ приведеніе ни къ селу, ни къ городу стихотвореній, и пропускъ словъ, иногда совершенно искажающей смыслъ (напр. на стр. 373), что рѣдко въ вѣмецкихъ изданіяхъ. Конечно, не все дурно въ книгѣ Бауэра: есть и очень порядочныя отзывы; но въ руководство его брать должно съ осторожностью, особенно при существованіи довольно обширной литературы по этому предмету. Авторъ умный писатель, но не отдалъ себѣ никакого отчета въ требованіяхъ и предѣлахъ своей задачи.

Конечно, Бауэръ отозвался, какъ и принято, съ приличнымъ уваженіемъ о Фрэнсисѣ Бэконѣ и его заслугахъ, но противъ знаменитаго канцлера поднялся другой голосъ, пользующійся значительнымъ авторитетомъ между европейскими натуралистами, — голосъ Либиха. Въ рѣчи, читанной 28 марта нынѣшняго года въ мюнхенской академіи («*Rede in der öffentl. Sitzung d. k. Akademie der Wissenschaften*» etc., v. *Justus Freiherrn v. Liebig*, München: Francis Bacon von Verulam und die Geschichte der Wissenschaften) извѣстный химикъ, что называется, наповаль разрушаетъ философскую знаменитость, отрицая въ немъ всѣ заслуги, признанныя за нимъ въ продолженіи двухъ съ половиною вѣковъ. Указаніе, на сколько увлекся мюнхенскій академикъ, разрушая славу Фрэнсиса Бэкона, и на сколько первый правъ, требовало бы слишкомъ много мѣста для нашего обзора.

Такъ какъ въ прошломъ номерѣ «Библ. для Чт.» посвящена цѣлая статья брошюрѣ Шлейдена о материализмѣ («*Ueber den Materialismus der neueren deutschen Naturwissenschaft*» etc., v. *M. J. Schleiden*. Leipzig), то я ограничусь лишь указаніемъ на этотъ новый походъ дерптскаго профессора противъ школы, съ которою онъ не въ первый разъ борется.

Другая брошюра его приводитъ меня къ группѣ сочиненій о началѣ

человѣческаго рода, вызванныхъ современными открытіями въ геологіи, зоологіи и археологіи, на которыя я также лишь укажу, потому что, сколько мнѣ известно, «Библ. для Чтенія» и по этому важному предмету намѣрена помѣстить группу статей. А онъ дѣйствительно заставилъ о себѣ говорить ученыхъ въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Въ Англіи появилось весьма важное въ геологическомъ отношеніи сочиненіе Лайеля («The geological evidence of the antiquity of man», by *Charles Lyell*. London) и замѣчательныя въ зоологическомъ отношеніи статьи Гокслея («Evidence as to mans place in nature», by *Thomas Henry Huxley*, London). Последнія немедленно переведены на нѣмецкій языкъ Карусомъ («Zeugnisse für die Stellung des Menschen in der Natur», v. *Th. H. Huxley*, üb. v. *J. V. Carus*, Braunschweig). и готовится переводъ ихъ на русскій языкъ. Американецъ Брессъ издалъ классификацію человѣческихъ племенъ стараго свѣта («The races of the old world» by *Ch. S. Brace*); Гэнтъ прочелъ предъ лондонскимъ антропологическимъ обществомъ замѣчательную рѣчь о недостаточности современныхъ антропологическихъ свѣдѣній и о трудностяхъ, которыя представляются при изученіи предмета («Introductory adress on the study of Anthropology» by, *J. Hunt*). Материалистъ Карлъ Фортъ, антропологъ-мистикъ Перги, спиритуалистъ-ботаникъ Шлейденъ читали о древности челоѣка спеціальныя лекціи («Das Alter des Menschengeschlechts, die Entstehung der Arten und die Stellung des Menschen in der Natur», v. *M. J. Schleiden*, Leipzig; «Vorlesungen über den Menschen, seine Stellung in der Schöpfung und in der Geschichte der Erde», I, v. *C. Vogt* Giessen; «Antropologische Vorträge», v. *Max. Perty*, Leipzig und Heidelberg) и, къ удивленію, всѣ они пришли почти къ одинаковымъ результатамъ¹⁾. Между геологами и археологами закипѣла борьба партій вслѣдствіе костей челоѣка, найденныхъ въ дилювіальной формаціи («Comptes rendus» съ апрѣля). Физикъ Снелъ издалъ брошюрку о сотвореніи челоѣка («Die Schöpfung des Menschen», v. *K. Snell*, Leipzig). Въ нѣсколькихъ журналахъ появились интересныя статьи по этому вопросу. Изъ нихъ можно указать на статью Ложеля («Revue des Deux Mondes», 1-er mai: «L'homme primitif», p. *Aug. Laugel*), на статью Вестминистерскаго Обозрѣнія, переведенную въ «Отеч. Запискахъ» («Westm. Rev.» april; «Отеч. Зап.» май) и на другую—въ Единбургскомъ Обозрѣніи («Edinb.

¹⁾ Въ газетахъ уже объявлено изготавленіе къ печати переводовъ на русскій языкъ лекцій Форта и Шлейдена,

Row. ССХLI). Вышла новая тетрадь швейцарскаго изданія о постройках на сваяхъ, весьма важнаго для изслѣдованія вопроса о первобытныхъ жителяхъ Европы («Pfählbauten», fünfter Bericht, Zürich. Въ «Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich» XIV, 6). Появился и немецкій перевод розысканій Нильсона, на интересные, хотя странные результаты которыхъ было указано въ предыдущемъ обзорѣ новыя книги («Die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens», v. S. Nilsson, Hamburg), причемъ выражено было желаніе о появленіи этого перевода. Словомъ, матеріалъ для обстоятельнаго изслѣдованія доисторическаго періода накопляется въ значительномъ колнчествѣ, попытки этого изслѣдованія привлекаютъ замѣчательныхъ ученыхъ, и надо надѣяться, что скоро изъ этихъ отрывочныхъ данныхъ и частныхъ попытокъ составится стройное цѣлое.

Къ группѣ указанныхъ сочиненій примыкаетъ довольно странная книга извѣстнаго лингвиста Потта о мифическихъ представленіяхъ происхожденія народовъ и языковъ. Эта книга носить довольно дикое названіе («Anti-Kaulen», v. A. F. Pott, Lemgo und Detmold), потому что происхожденіемъ своимъ она обвизана появленію года два тому назадъ сочиненія какого-то благочестиваго теолога Каулена («Die Sprachverwirrung zu Babel», v. Fr. Kaulen, Mainz, 1861), который на основаніи филологіи и богословія доказывалъ точность вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ. Поттъ не выдержалъ, когда прочелъ эту книгу, и началъ бросать въ противника груды своей учености и доказывать неутрность его воззрѣнія. Но неужели это требовало доказательствъ? Неужели есть люди въ Европѣ, которые способны и вѣрять Каулену, и читать Потта? Для однихъ возраженіе бесполезно потому, что они и безъ того посмѣются надъ Кауленомъ; для другихъ бесполезно потому, что они не доросли до науки и неспособны воспринять ея доказательства. Поттъ самъ чувствовалъ, что какъ-то неловко идти на такою противника одной изъ знаменитостей науки, но все-таки пошелъ, говоря, что молчать не должно; но его аргументы для подобнаго поступка неубѣдительны. Какъ бы ни была сильна въ наше время реакція ретроградовъ въ Европѣ, стóвъ ли какой-нибудь Кауленъ, чтобы Поттъ поставилъ его ния во главѣ сочиненія? Подобныхъ людей слѣдуетъ отдѣлять въ какомъ-нибудь примѣчаніи къ книгѣ, которая бы изложила выводы науки. Поттъ пишетъ весьма странно: его вѣчныя отступленія, безпрестанныя скобки среди цитаты противника, отсутствіе системы показываютъ, что книга писана наскоро, но огромная эрудиція и богатство фактовъ дѣлаютъ

ею полезнымъ приобретѣніемъ для исследователя вопросовъ, сюда относящихся.

Конечно, партія, противъ которой пишетъ Поттъ, неутомимо везуется. Тотъ самый Кауленъ, противъ котораго направлено указанное произведеніе, издаетъ книгу пророка Іоны съ поясненіями («*Libre Jonas prophetae expositus*», auct. *Fr. Kaulen*), такого же достоинства и направленія, какъ прежняя о столпотвореніи вавилонскомъ. Нѣкто Вальдекъ доказываетъ всѣми силами, что извѣстный шведскій богословъ и поэтъ Тегнеръ (авторъ «*Фритіофъ-саги*») былъ ревностный христіанинъ («*Tegners Stellung für Theologie und Philosophie*», v. *R. Waldeck*, Stuttgart). Нѣкто Лаакъ разсматриваетъ чрезвычайно серьезно, основательно и подробно вопросъ: «*можетъ ли протестантъ молиться за умершихъ?*» («*Darf der Protestant für die Verstorbenen beten?*» v. *Fr. X. Laacke*, Berlin).

Впрочемъ въ противникахъ направленія, старающагося затмить или уничтожить выводы науки, нѣтъ недостатка. Извѣстно, что самая ожесточенная борьба между фантастической и научной тенденціей идетъ на поприсѣ школьнаго преподаванія. «*Кто имѣетъ школы, тотъ имѣетъ все*», говорятъ многіе, но говорятъ не совсѣмъ основательно. Есть сословія, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ были исключительными обладателями школъ, но которыя лишь временно могли внести въ эти школы отупѣніе. Изъ средневѣковыхъ монашескихъ школъ, какъ изъ грязной, забитой и безнравственной бурсы, вышли самыя рѣзкіе противники духовенства; жизнь взяла свое—и наука вышла на прямой путь, несмотря ни на какіе затворы...

Защитники ретроградныхъ тенденцій въ школахъ сдѣлаютъ недурно, если ознакомятъ съ книгою весьма умѣреннаго человѣка, сотрудника Фихте-младшаго, берлинскаго приватъ-доцента Юргенъ Бона Мейера по этому вопросу. («*Religions-Bekenntniss und Schule*», v. *Jürgen Bona Meyer*, Berlin). Въ Германіи вопросъ усложняется совмѣстностью нѣсколькихъ исповѣданій, но полезно видѣть, какъ рядомъ историческихъ опытовъ и логическихъ наведеній самыя умѣренныя люди, если они не принадлежатъ кастѣ, желающей повсюду распространить собственную тупость, пришли къ убѣжденію въ необходимости чисто-свѣтскаго обученія въ государственныхъ школахъ и свободы преподаванія. «*Въ борьбѣ религіозныхъ мнѣній—говоритъ авторъ—каждое убѣжденіе не можетъ имѣть болѣе вредной опоры, какъ односторонне-покровительствующую и подлерживающую руку правительства*» и приводитъ слова извѣстнаго Ра-

довица, котораго никакъ нельзя заподозрить въ индифферентизмъ или противохристіанскихъ стремленійхъ: «Едва ли что теперь опаснѣе для правителя и для христіанскаго дѣла, какъ снѣженіе интересовъ того и другаго. Послѣ правительствъ, преслѣдующихъ церковь, приносятъ ей наибольшій вредъ правительства, желающія ее поддержать свѣтскою властью»; и Радовицъ ошибается лишь въ одномъ: послѣдніи вреднѣе для церкви. «Совершенно ошибочна — продолжаетъ авторъ — мысль, возникшая въ новѣйшее время, въ школы приложить рычагъ для обновленія строго-церковной христіанской жизни въ народѣ. Лишь помощью общества и семейства могло бы проникнуть и въ школы это обновленіе, а не наоборотъ — помощью школъ въ общины и въ семейства, еслибы послѣдніи были одушевлены противнымъ направленіемъ. Попытка употребить этотъ путь, какъ-разъ обратный правильному, даже принадлежать педагогически къ самымъ страннымъ неестественностямъ нашего времени.» Онъ ставитъ основнымъ началомъ, что «школьное образованіе должно преимущественно держаться общей образовательной задачи нашего времени». Отсюда онъ заключаетъ: «Государство не должно поддерживать какое-либо религіозное убѣжденіе какъ свое убѣжденіе.» «Государственное начало должно быть примирительно, и потому государство не должно слѣдовать въ своихъ школахъ какому-либо другому началу.» «Государство можетъ поэтому удовлетворить лишь взглядамъ, занимающимъ мѣсто между крайними направленіями... Поэтому оно совершенно не сознаетъ свою собственную задачу примиренія, выходитъ совершенно изъ своей роли, когда становится представителемъ крайняго церковнаго или крайняго противо-церковнаго направленія.» «Государство должно остерегаться слишкомъ исключительно взять въ свои руки школы. Оно должно лишь стремиться всею упрочить приливъ необходимыхъ источниковъ образованія, но не должно болѣе предлагать само эти источники.» «Всѣмъ подобнымъ (частнымъ) предпріятіямъ должно предоставить полную свободу удовлетворять особеными потребностямъ тѣмъ способомъ, который кажется приличнѣйшимъ для предпринимателя, и не стѣснять этой свободы государственными предписаніемъ определенныхъ плановъ и руководствъ для обученія.» «Исключительно-государственные школы и строго-церковное направленіе несоединимы. Всякая попытка подобнаго соединенія должна въ наше время повести къ неудачѣ и къ побѣдѣ какъ-разъ противоположнаго направленія.» «Мудрое ограниченіе вліянія государства, справедливое развитіе свободы преподаванія и надлежащее признаніе самостоятель-

ности школы должны теперь быть повсюду лозунгомъ для разрѣшенія, безспорно, большихъ затрудненій въ современной борьбѣ за развитіе, касающейся какъ школы, такъ и религіи.

Эта борьба за развитіе дѣйствительно кипитъ въ Европѣ, и мы можемъ указать читателю нѣсколько сочиненій — то популярныхъ, то вполнѣ ученыхъ, которыя идутъ твердымъ шагомъ по полю рациональнаго изслѣдованія, вовсе не беря въ соображеніе вопли ретроградовъ. Всего замѣчательнѣе видѣть въ рядахъ поборниковъ науки епископа, конечно не католическаго, но англиканскаго. Уже два года Джонъ Вильямъ Колензо, епископъ въ Наталѣ (въ Африкѣ) съ 1853 года, возмущаетъ своихъ собратьевъ *высокой церкви* еретическими мнѣніями. Его письмо къ архиепископу кентерберійскому (1860), переводъ посланія Павла къ римлянамъ (1861) и въ особенности изслѣдованіе пятикнижія и книги Исуса Навина («The Pentateuch and Book of Joshua examined», by J. W. Colenso, London) произвели въ Англии большое впечатлѣніе. Собственно его точка зрѣнія, сравнительно съ результатами нѣмецкой критики, и не нова, и не особенно рѣзка, но дѣло въ томъ, что подобное нападеніе на ковчегъ завѣта выходитъ отъ епископа, что придаетъ нападенію очень большое значеніе. Удержать ли смѣлый прелатъ свою епархію, или его найдутъ недостойнымъ, — сказать трудно: въ Англии смѣшно было бы объ этомъ и спрашивать. Сочиненія Колензо вызвали въ Англии дѣлую литературу оппонентовъ и защитниковъ. На вышедшіе томы напечатано семьдесятъ-пять отвѣтовъ.

Въ Германіи изъ популярныхъ сочиненій этого направленія одно вышло подъ псевдонимомъ Рихарда фонъ-деръ-Альма («Theologische Briefe an die gebildeten der deutschen Nation», v. Richard v. der Alm. Leipzig) и обнимаетъ три довольно толстыхъ тома. Изложеніе ясно, подробно и популярно. Желающіе ознакомиться съ современными критическими аргументами противъ какого-нибудь пункта изъ прежняго ученія найдутъ почти вездѣ весьма дѣльный разборъ этихъ аргументовъ и точку зрѣнія, удовлетворяющую научной критикѣ; но тотъ, кто захочетъ читать сочиненіе это силошь, встрѣтится съ весьма многими повтореніями, а иногда съ утомительными длиннотами, потому что каждая глава заключаетъ разсмотрѣніе вопросовъ довольно подробное, чтобы не пришлось обращаться къ прочимъ главамъ за объясненіями и подробностями. На основаніи ряда ясныхъ доказательствъ разрушаются предъ читателемъ одна за другою призраки древняго преданія. Но спрашивается, къ чему же приходитъ смѣлый противникъ существующаго? На это всего

удобнѣе даетъ отвѣтъ послѣдняя глава послѣдняго тома, озаглавленная: «Die neue Kirche», и прочтя ее, удивляешься, что авторъ предпринялъ такое разрушеніе для столь бѣдныхъ результатовъ. Четыре члена новаго символа вѣры заключаютъ догматы самаго идеальнаго деизма и спиритуализма. Затѣмъ слѣдуютъ отдѣлы о религіозномъ обученіи, культѣ и церковныхъ учрежденіяхъ, сѣтло скопированные съ существующаго порядка вещей, но имѣющіе еще гораздо менѣе разумныхъ причинъ существовать, чѣмъ онъ, послѣ критики, прочтенной читателемъ. Грустно встрѣтить подобную непоследовательность, и потому мы посоветовали послѣдней главы не читать вовсе. Остальное доставитъ много поучительнаго.

Другое сочиненіе, которое только-что начало появляться, принадлежитъ перу знаменитаго Вислиценуса, теперь шестидесятилѣтняго старика, одного изъ талантливѣйшихъ поборниковъ религіозной независимости и свободныхъ общинъ въ XIX вѣкѣ. Онъ еще очень молодымъ человѣкомъ провелъ четыре года въ заключеніи, и въ 1844 году, прибывъ насторомъ въ Галле, примкнулъ къ *друзьямъ свѣта* (Lichtfreunde). На доносъ богослова Герике онъ отвѣчалъ знаменитой брошюрой: «Буква или духъ?» («Ob Schrift, ob Geis?»). Осужденный духовной комиссіей и лишенный званія, онъ сталъ во главѣ свободной общины, и въ 1853 году новая его брошюра: «Die Bibel im Lichte der Bildung unserer Zeit» вызвала новыя преслѣдованія, кончившіяся удаленіемъ Вислиценуса на время въ Америку. Теперь старый боецъ подымаетъ снова голосъ и читатель имѣетъ предъ собой первый выпускъ его сочиненія, рассчитаннаго на десять или двѣнадцать выпусковъ («Die Bibel für denkende Leser betrachtet» v. *Gustav Adolf Wislicenus*) и стоящаго, при разсмотрѣніи еврейскихъ преданій, на часто-исторической почвѣ. По частнымъ свидѣніямъ, сообщеннымъ особой, лично знакомой съ Вислиценусомъ, этотъ трудъ написанъ довольно давно, но онъ взялъ въ соображеніе всѣ современныя разысканія по этому предмету. Въ всякомъ случаѣ извѣстный талантъ стараго защитника свободы совѣсти общааетъ весьма полезное чтеніе для большинства, мало знакомаго со специальными изслѣдованіями. Въ напечатанномъ выпускѣ изложеніе гораздо сжатѣе, чѣмъ въ предыдущемъ сочиненіи Рихарда фонъ-дери-Альма, и Вислиценусъ читается удобнѣе. Странно только, что предисловіе автора напечатано на оберткѣ; но можетъ-быть оно будетъ приложено вмѣстѣ съ заглавнымъ листомъ при послѣднемъ выпускѣ. Этотъ трудъ нельзя не рекомендовать читателю.

Чисто-ученый характеръ имѣютъ изслѣдованія Шрадера о трехъ

вопросахъ, почерпнутыхъ изъ первыхъ главъ «Пятикнижія» («*Studien zur Kritik und Erklärung der biblischen Urgeschichte*», v. *Eberhard Schrader*, Zürich). Здѣсь, на основаніи прежнихъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ критиковъ и новаго разбора частныхъ, предлагается новое распределеніе составныхъ частей первыхъ одиннадцати главъ «Пятикнижія», которыхъ переводъ и приложенъ. Ученый аппаратъ автора, добросовѣстность и безбоязненность его критики дѣлають его новыя предположенія довольно вѣроятными.

Но всѣ эти труды теряють свое значеніе предъ окончаніемъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній современной науки, результата цѣлой жизни, посвященной строго-ученымъ разысканіямъ и безстрашной проповѣди того, что авторъ находить истиннымъ, хотя смерть не позволила автору дать своему труду ту окончательную отдѣлку, съ которой онъ началъ его выдавать въ свѣтъ. Я говорю объ окончаніи исторіи христіанства извѣстнаго Фердинанда Христіана Баура. Впродолженіи тридцати четырехъ лѣтъ онъ въ Тюбингенѣ былъ главою школы и первымъ церковнымъ критикомъ въ Германіи, знаменитой своею критикою. Люди, подобные Шлеглеру, Целлеру, Гильгенфельду, Кэстлину, признавали его своимъ учителемъ. Появленіе его многочисленныхъ изслѣдованій по исторіи религіи вообще и по исторіи христіанства въ особенности, составляло каждый разъ событіе въ ученomъ мѣрѣ; многія его изслѣдованія совершенно вышли изъ продажи. Уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ Бауръ принялся за концентрированіе въ одномъ трудѣ результатовъ своихъ розысканій и за передачу публикѣ того, чему онъ посвящалъ свои лекціи въ тюбингенскомъ университетѣ съ 1828 года. Въ 1853 году появилась его исторія первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, и Бауръ такъ мало устарѣлъ, что въ 1860 году онъ сдѣлалъ второе изданіе этого тома съ значительными измѣненіями («*Das Christenthum und die christliche Kirche der drei ersten Jahrhunderte*», v. *F. Chr. Baur*. Tübingen, 1860, 2 Ausg.). Въ предшествовавшемъ году онъ издалъ и исторію трехъ слѣдующихъ вѣковъ («*Die christliche Kirche vom Anfang des IV bis zum Ende des VI Jahrh.*», v. *F. Chr. Baur*. Tübingen, 1859). Когда онъ умеръ, въ 1861 году, онъ изготавилъ къ изданію рукопись, обвинявшую средніе вѣка, и сынъ его немедленно издалъ этотъ томъ («*Die christliche Kirche des Mittelalters*», v. *F. Chr. Baur*, herausg. v. *F. F. Baur*. Tübingen, 1861). Затѣмъ его семья рѣшилась издать записки его университетскихъ чтеній, которыми вѣроятно авторъ придавалъ бы другую форму для публичныя, но ко-

торыя давали по крайней мѣрѣ возможность прослѣдить за общою картиною исторіи христіанства такъ, какъ она представлялась мысли ученаго изслѣдователя въ послѣдніе годы его жизни. Зять Баура, Эдуардъ Целлеръ, извѣстный историкъ греческой философіи, издавъ въ прошломъ году исторію XIX вѣка («Kirchengeschichte des neunzehnten Jahrhunderts», v. F. Chr. Baur, herausg. v. Ed. Zeller. Tübingen, 1862) и наконецъ теперь сынъ Баура издавъ періодъ отъ реформации до конца XVIII вѣка («Kirchengeschichte der neueren Zeit», v. F. Chr. Baur, herausg. v. F. F. Baur. Tübingen, 1863). Теперь въ этихъ пяти томахъ читатель имѣетъ *первую и единственную* до сихъ поръ исторію замѣчательнаго религіознаго движенія, обнимающаго девятнадцать вѣковъ, писанную безъ опасенія оскорбить какое-либо господствующее вѣрованіе, во имя строгой науки и чистой истины. Цѣль Баура никогда не была пропаганда; чуждый тенденцій консервативныхъ или анархическихъ, онъ давалъ результатъ своихъ розысканій такъ, какъ онъ ему представлялся послѣ самаго тщательнаго изученія источниковъ. Долгая жизнь и постоянный трудъ позволили ему обнять въ своемъ изученіи предметъ, повидимому превосходящій силы одного человѣка, и придать своему взгляду одновременно цѣльность философскаго воззрѣнія и точность спеціального изслѣдованія. Конечно онъ иногда ошибался, увлекался, выставлялъ можетъ-быть въ слишкомъ рѣзкой формѣ то, что могло быть смягчено въ частности. Но онъ всегда честно велъ полемику, готовъ былъ измѣнить въ частности свои заключенія вслѣдствіе болѣе точнаго розысканія другаго ученаго, готовъ былъ признать мнѣніе даже своего ученика (напримѣръ Швеглера), на что не многіе способны; но отъ одного никогда не отказывался: отъ чисто-научной точки воззрѣнія на факты, составлявшіе предметъ его изученія. Главная мысль его — отыскивать въ первоначальныхъ памятникахъ не столько событія, о которыхъ писано, какъ событія, подъ вліяніемъ которыхъ писаны эти произведенія. — оказалась самою плодотворною. Его указаніе борьбы между иетристами и павлистами, проходящей чрезъ каноническія произведенія и чрезъ апокрифы, принято теперь значительнѣйшими авторитетами науки. О подробностяхъ еще долго будутъ спорить. Въ своей исторіи XVIII и XIX столѣтій, которыя конечно наиболѣе могутъ интересовать нашихъ читателей, Бауръ представляется столь же искуснымъ, проникательнымъ и либеральнымъ изслѣдователемъ. Можетъ-быть онъ бы еще точнѣе сформулировать и группировать бѣловшіяся направленія, еслибы онъ самъ издавъ эти томы, — но уже эта

потери невознаградима. Нѣкоторыя эпохи во всѣхъ пяти томахъ изложены авторомъ подробнѣе, другія короче; есть и пропуски, но онъ самъ прибавляетъ къ заглавіямъ изданныхъ томовъ, что онъ изображаетъ лишь главные моменты развитія. Поэтому его произведеніе не избавляетъ отъ труда — для нестрой картины событій, для драмы исторіи обратиться къ другимъ изслѣдованіямъ. Но развитіе идей разсматриваемаго релігіознаго движенія едва ли гдѣ разсмотрѣно столь глубоко и многосторонне въ связи съ современными имъ явленіями политическими и литературными. Еще можно упрекнуть Баура въ пристрастіи къ гегельянскому методу; но должно замѣтить, что нигдѣ этотъ методъ не опирается на столь обширное фактическое знаніе и не былъ приложенъ такъ искусно, какъ въ трудѣ Баура. — По объ этомъ замѣчательномъ произведеніи надо бы писать не страницы, а томы, между тѣмъ какъ и можетъ-быть и теперь посвящать ему уже слишкомъ много строчекъ. Не смѣю и надѣяться, чтобы классическій трудъ Баура появился въ русскомъ переводѣ. На нашемъ языкѣ чуть ли не единственное сочиненіе о тюрингенской школѣ есть брошюра г. Яфимовича («О критической школѣ въ Тюбингенѣ», *П. Яфимовича*, Спб., 1860), въ 24 страницы. На англійскомъ языкѣ вышелъ недавно очеркъ трудовъ тюрингенской школы съ довольно вѣрной ихъ оцѣнкой, Макке («The Tübingen-School and its antecedents», by *R. W. Mackay*. London). Въ журналѣ Гильгенфельда («*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*») за нынѣшній годъ помѣщена также статья самого редактора о богословіи XIX вѣка, какъ самостоятельный комментарий къ пятому тому Баура. Этотъ журналъ вообще заслуживаетъ вниманія.

Франція въ послѣднее время начинаетъ представлять по критикѣ библейскихъ книгъ замѣчательныя труды. Пршлый разъ мы указали на книги Никола. Теперь нельзя не упомянуть о работѣ Эйхтала («*Les Evangiles*», par *Gust. d'Eichthal*, I, II. Paris), два тома которой, обнимающіе изслѣдованіе синоптиковъ, уже вышли. Это серьезный трудъ, и авторъ, приближающійся всего болѣе, какъ видно изъ введенія и прибавленій, къ взгляду Гильгенфельда, займетъ видное мѣсто въ ряду французскихъ ученыхъ по этой части.

Кстати о восточной мудрости. Если ты, читатель, интересуешься древнею Персіею и ученіемъ Зороастра, то ты узнаешь не безъ удовольствія, что ученый Шингель кончилъ свой переводъ древнихъ книгъ зендской релігии и что появился третій томъ «Авесты» («*Avesta*»; die heiligen Schriften der Parsen, übers. v. *Fr. Spiegel*; III. Leipzig), заключаю-

щій въ себя переводъ малой Авесты или «Хорда-Авеста» вмѣстѣ съ введеніемъ, заключающимъ очеркъ религіи персовъ. Не беру на себя смѣлость опредѣлить, кто вѣрнѣе переводитъ—Шпитгелъ или его противникъ Гаугъ, ругающій перваго наизоваль, хотя должно замѣтить, что Шпитгелъ имѣетъ за свой методъ перевода авторитетъ Бюрнуфа. Во всякомъ случаѣ, кажется, можно поблагодарить Шпитгеля за то, что большинство можетъ прочесть на европейскомъ языкѣ тѣ книги, которыя служили основой погумественной азіатской религіи.

Теперь же вышелъ и переводъ позднѣйшаго произведенія зендскаго ученія, но имѣющаго огромную важность для парской мифологіи—«Бундехеша»: онъ сдѣланъ Виндичманомъ и появился въ сборникѣ статей этого недавно умершаго ученаго, издавномъ Шпитгелемъ подъ общимъ названіемъ «Исслѣдованій зороастрова ученія» («Zoroastrische Studien», v. Fr. Windischmann, herausgeg. v. Fr. Spiegel. Berlin). Ученость покойнаго не подлежитъ сомнѣнію, но насколько еще шатки основы для повнненія зендскаго языка, видно изъ двухъ переводовъ нѣкоторыхъ главъ Бундехеша, сдѣланныхъ тѣмъ же Виндичманомъ чрезъ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ и помѣщенныхъ въ изданной книгѣ: не только обороты, но самый смыслъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразъ оказывается различнымъ въ двухъ переводахъ.

О буддизмѣ вышло замѣчательное произведеніе неутомимыхъ братьевъ Шлагинтвейтъ («Buddhism in Tibet», by Emil Schlagintweit, Leipzig), съ великолѣпнымъ атласомъ. Авторъ начинаетъ съ индійскаго буддизма, переходитъ къ тибетскому и останавливается особенно на лавизмѣ. Сочиненіе это представляетъ многіе прекрасные матерьялы для изученія религіи, имѣющей наибольшее число поклонниковъ въ мірѣ.

Въ связи съ древнимъ востокомъ укажемъ на новую книгу Альфреда Мори, одного изъ замѣчательныхъ французскихъ ученыхъ, который соединилъ въ одинъ томъ свои статьи по разнымъ предметамъ, относящимся преимущественно къ мифологіи («Croyances et légendes de l'antiquité», par. A. Maury, Paris). Самую значительную часть книги занимаетъ очеркъ первобытной религіи индо-европейскихъ племенъ, опирающійся преимущественно на пѣсни Риг-веды, и исслѣдованіе о Митрѣ, съ которымъ связанъ очеркъ зендской религіи. Остальныя статьи относятся къ религіи галловъ, къ первымъ временамъ христіанства, и можетъ быть наименѣе интереса для большинства читателей представляетъ довольно длинное исслѣдованіе о сношеніяхъ передней Азіи съ дальнимъ востокомъ. Талантъ и знаніе Мори заслуживаютъ такого вниманія, что и

новую книгу его можно безбоязненно рекомендовать читателямъ: Морі принадлежитъ къ немногимъ французскимъ авторамъ, умѣющимъ соединить изящное изложеніе съ богатымъ содержаніемъ. Его статьи въ предлагаемой книгѣ можно лишь упрекнуть въ недостаточномъ развитіи изсядуемаго предмета.

Книга Морі, преимущественно вращающаяся въ сферѣ миссовъ, напоминаетъ мнѣ, что слѣдуетъ указать читателю на окончаніе миссологіи Велькера, занимающей довольно видное мѣсто, по учености автора, въ ряду однородныхъ книгъ, несмотря на то, что Велькеръ увлекается чрезвычайно идеей первобытнаго единобожія, и полемикъ за свою точку зрѣнія посвятилъ большое предисловіе къ третьему тому своего труда. Теперь вышелъ второй и послѣдній выпускъ этого третьяго тома («Griechische Götterlehre», v. *F. G. Welcker*, III, 2; Göttingen), заключающій изслѣдованіе о древнихъ герояхъ, объ обожаніи людей, и общій алфавитъ для всего изданія. Глава о герояхъ заслуживаетъ большаго вниманія. Алфавитъ же наводитъ насъ на мысль, какъ бы полезно было въ ученыхъ сочиненіяхъ слѣдовать примѣру нѣмецкихъ геллертеровъ—прилагать подробный алфавитъ именъ и предметовъ, встрѣчающихся въ книгѣ; это чрезвычайно облегчаетъ справки.

Кстати упомянемъ и о новомъ выпускѣ четвертой передѣлки (Bearbeitung) «Римской литературы» Беригарди («Grundriss der Römischen Literatur», v. *G. Bernhardt*, 2 Lief., Braunschweig). Имя автора столь извѣстно и его изданія такъ распространены, что мы ограничимся только этимъ указаніемъ.

Но мы очень уже удалились отъ предмета книги Морі, ученость котораго связываетъ его болѣе съ нѣмецкими, чѣмъ съ французскими писателями. Кто хочетъ прочесть книгу о серьезномъ вопросѣ, писанную чисто-французскимъ способомъ, книгу, гдѣ фраза и риторика занимаютъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ мысль, тому можно указать на второе изданіе «Ада» Огюста Каллэ («L'Enfer», par *A. Callet*, Paris). Книга предназначена римской конгрегаціей индекса. Авторъ знаетъ, что это придаетъ ей интересъ, и гордо выставляетъ это въ первыхъ же строчкахъ своего предисловія, можетъ-быть не безъ задней мысли. Вся книга заключается въ полемику противъ догмата вѣчныхъ мукъ. Но кажется полемика эта, направленная противъ спеціального вопроса, не имѣетъ никакого современнаго значенія. Она опирается на размышленіе и нравственное чувство, — но для истинно-вѣрующихъ она не имѣетъ вовсе права высказываться въ виду догмата. Если же допустить полемику, то она

должна быть направлена на основаніе, изъ котораго выходитъ тотъ или другой результатъ, а не на этотъ отдѣльный результатъ. Пока основаніе прочно, результаты его логически слѣдуютъ; разрушивъ же основаніе, не стоить спорить о результатахъ, изъ него вытекающихъ. Наше время именно тѣмъ отличается отъ схоластическаго періода, что оно сконцентрировало полемику на нѣсколькихъ существенныхъ пунктахъ, не раздробляя ее на множество маловажныхъ вопросовъ.

Что касается до схоластики, т. е. средневѣковой философіи, то этотъ темный періодъ начинаетъ разрабатываться болѣе правильно, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ. Должно сознаться, что школа Кузена (онъ самъ, Горо, Руло, Ремюза и др.) сдѣлала довольно много въ этомъ отношеніи. Германія долго могла ставить рядомъ съ ихъ трудами лишь обширный трудъ Риттера. Въ последнее время труды Губера по патристикѣ и ученію Іоанна Скота Эригены, исторія схоластической логики во второмъ томѣ исторіи логики Прантля, третій томъ исторіи христіанства Баура и нѣсколько монографій о нѣкоторыхъ средневѣковыхъ дѣтеляхъ доставили новый и значительный матеріалъ для исторіи этого времени. Теперь Вильгельмъ Каулихъ, приватъ-доцентъ въ Прагѣ, началъ общую исторію схоластики («Geschichte der scholastischen Philosophie», v. *W. Kaulich*, Prag), которая обѣщаетъ быть довольно дѣльнымъ трудомъ. Только желательно болѣе опредѣлительности въ характеристикахъ разныхъ направленій и менѣе боязливаго отношенія къ разнымъ прежнимъ трудамъ. Жаль, что авторъ не сообщаетъ при каждой главѣ существующей литературы предмета съ ея критической оцѣнкой. Должно сознаться, что не всегда источники (особенно французскіе), на которые онъ ссылается, могутъ служить авторитетомъ. Первый томъ кончается Абеларомъ.

Къ періоду схоластики относится и средневѣковое литературное развитіе евреевъ, вѣчно гонимыхъ, вѣчно преслѣдуемыхъ и въ тоже время являющихся учителями Европы. Однимъ изъ лучшихъ произведеній о евреяхъ этого періода признанъ трудъ Греца, который теперь издалъ первую половину седьмаго тома своей исторіи, именно XIII и большую часть XIV вѣка («Geschichte der Juden von Maimunis Tod bis zur Verbannung der Juden aus Spanien und Portugal.» Leipzig). Талмудисты и каббалисты, съ ихъ одуряющими изслѣдованіями о мелочахъ, изслѣдованы авторомъ по источникамъ и ужасъ беретъ, когда подумаешь, каково современному ученому читать эти извращенныя произведенія человеческого ума, отыскивая въ нихъ смыслъ и отраженіе

современности. Встрѣчаются въ частностях нѣкоторыя уклоненія. Въ слогахъ и въ корректурѣ замѣтна небрежность, но все-таки произведение Греча остается капитальнымъ трудомъ о евреяхъ.

Но рядомъ съ схоластикой развивалось въ Европѣ и мистическое направление; оно не ограничилось средними вѣками и въ періодъ протестантизма выдвинулось въ бурное движеніе авабптистовъ, въ болѣе мирныя секты вейгельянъ, розенкрейцеровъ и друг. Читатель можетъ найти въ «Журналѣ для историческаго богословія» (*Zeitschrift für historische Theologie*) за прошлый и нынѣшній годъ нѣсколько очень дѣльныхъ монографій о дѣятеляхъ этого направленія, хотя умѣренный духъ названнаго журнала не позволяетъ ему оживить эти изслѣдованія болѣе смѣлою мыслію. Но они доставляютъ совѣстливо собранный и группированный матеріалъ.

Кто говорить о мистикахъ, тому невольно приходитъ на мысль Сведенборгъ, этотъ замѣчательный ученый, разомъ сдѣлавшійся духовидцемъ, прорицателемъ, проповѣдникомъ новой религіи. Эта замѣчательная личность очень заслуживала бы спеціальнаго изученія, и Маттеръ, который изучаетъ вообще мистиковъ XVIII вѣка (онъ недавно издалъ книгу о Сен-Мартенѣ), нынче посвятилъ цѣлый томъ біографіи Сведенборга («*Emmanuel de Swedenborg*», par *M. Matter*, Paris). Но это только внѣшняя біографія. По недостаточности яснаго философскаго развитія, по узкости и смутности собственной точки зрѣнія, Маттеръ не могъ быть компетентнымъ судьей эксцентрической личности ученаго натуралиста-духовидца. Онъ съ боязнію подходитъ къ самымъ очевиднымъ фактамъ жизни Сведенборга; онъ чуть-чуть не соглашается, что Сведенборгъ дѣйствительно былъ одаренъ сверхъестественными способностями. Но во всякомъ случаѣ собраніе Маттеромъ матеріала для жизни знаменитаго духовидца изъ неизданной переписки и малодоступныхъ источниковъ доставляетъ возможность будущему изслѣдователю этой эпохи яснѣе опредѣлить разные патологическія фазисы жизни Сведенборга. Для русскихъ замѣчательнъ анекдотъ, что онъ въ 1762 г въ Амстердамѣ видѣлъ печальныя историческія событія, совершившіяся въ Рошѣ; но анекдотъ этотъ, сообщенный Юнгомъ-Штиллиномъ чрезъ сорокъ-семь лѣтъ послѣ событія и чрезъ тридцать-семь лѣтъ по смерти Сведенборга, даже въ глазахъ Маттера не заслуживаетъ вѣроятія.

Отъ Сведенборга одинъ шагъ въ современнымъ спиритизмъ. «А что спиритизмъ и его завоеванія?» спроситъ читатель. О, еслибы мнѣ пришлось даже называть только произведенія спиритистской литературы!

сдѣянаго времени, то на это неблагодарное занятіе ушло бы нѣсколько страницъ, а чтоже бы читатель извлекъ изъ нихъ? Какое-то дикое средне-вѣковое зрѣлище представляютъ въ наше время эти десятки тысячъ медіумовъ, совѣщающихся съ загробными существами; эти таинственные кружки, гдѣ полупомѣшанная вдова разговариваетъ съ покойникомъ-мужемъ, гдѣ, не улыбаясь, человѣкъ, называющій себя развитымъ, выслушиваетъ страшнѣйшія поплости отъ какого-нибудь покойника пріятеля, никогда не отличавшагося и въ жизни здравымъ смысломъ, гдѣ вѣрующій воплощаетъ по собственной волѣ въ маленькій столикъ божественныя ипостаси, словомъ, кружки, отличающіеся отъ собранія офіціальныхъ умалишенныхъ лишь отсутствіемъ сторожей и медиковъ-психіатровъ... Когда-нибудь въ живомъ словѣ или на бумагѣ я можетъ-быть соберусь передать читателю все что накопило при созерцаніи этого повального, міроваго безумія. Да, когда-нибудь... Но ограничиться передачею, что Алланъ Кардекъ совершилъ торжественное путешествіе по спиритистскимъ общинамъ и нашелъ все благополучно; рассказать, что духъ Араго открылъ спиритамъ новыя тайны астрономіи, физики и т. д., что въ области психологіи легки, права — словомъ вездѣ они сдѣлали удивительнѣйшія открытія, и указать на горы томовъ, гдѣ все это можно найти... нѣтъ, читатель, я этого не въ состояніи. Я выше говорилъ о перегородахъ въ головѣ Виллмана: ну, какъ не повѣрить подобнымъ перегородамъ, когда получаешь наиримѣръ книгу антрополога Перти, человѣка, издавшаго очень недурную книжку о современномъ положеніи вопроса о древности человѣческаго рода и его первоначальной культурѣ, и прежде еще — очень сносныя этнографическія розысканія? И вдругъ этотъ человѣкъ, ученый не безызвѣстный въ Европѣ, издаетъ книжку: «Дѣйствительность магическихъ силъ и дѣйствій человѣка, защищенная противу ея противниковъ». («Die Realität magischer Kräfte und Wirkungen des Menschen gegen die Widersacher vertheidigt», v. *Max. Perty*, Leipzig und Heidelberg). Она служитъ продолженіемъ прежде-изданной о мистическихъ проявленіяхъ человѣческой природы («Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur», v. *Max. Perty*, Leipzig u Heidelberg, 1861), а въ этихъ двухъ книгахъ чего-чего не найдете! Тутъ собраны такіе рассказы, о которыхъ десятилѣтній ребенокъ прежде всего спроситъ: да точно-ли это видѣли и слышали? да точно ли это достоверно? А почтенный докторъ философіи и медицины, профессоръ бернскаго университета, членъ ученыхъ обществъ, выписываетъ все это какъ эмпирическій матеріалъ для построенія теоріи мистическихъ проявленій магическихъ.

ческих силъ и дѣйствій человѣка... Бѣдный умъ человѣка!... Впрочемъ для любителей выбираю одинъ благоуханный цвѣтокъ современной мистики. Вы конечно слыхали о привидѣніяхъ (см. I Царствъ, 28), а можетъ быть и видѣли таковыя; въ такомъ случаѣ вамъ вѣроятно желательно знать, какъ это можно *видѣть* духовъ. По этой части сдѣлано новое открытіе, которымъ я съ удовольствіемъ готовъ подѣлиться съ вами. Оно заключается въ книжкѣ Джоржа Крюикшенка («A discovery concerning Ghosts», by *George Cruickshanks*, London), сущность котораго заключается въ томъ, что каждое замѣчательное дѣйствіе человѣка фотографируется (признайтесь, вы *этого* не ожидали?) немедленно въ духовномъ мірѣ, и когда духи намъ являются, это ангелы съ разрѣшенія божія показываютъ намъ эти фотографическіе снимки... Хитро!

Но душно, читатель; вернемся изъ болѣзненнаго міра спиритистовъ, духовидцевъ, мистиковъ, въ болѣе здоровую среду, и современники Сведенборга представляютъ для этого значительный матеріалъ. Французы рѣдко умѣли оцѣнивать надлежащимъ образомъ своихъ великихъ дѣятелей XVIII вѣка. Біографы преклонялись предъ ними въ восторгѣ или относились къ нимъ отрицательно, не въ силу научной критики, а во имя другихъ тенденцій, болѣею частью довольно узкихъ. Образцомъ французскаго способа относиться къ этимъ личностямъ можетъ служить вышедшая въ послѣдніе годы книга Гуссэ: «Вольтеръ-царь» («Le roi Voltaire», par *A. Houssaye*, 1858)*. Теперь нѣмцы принимаютъ за оцѣнку этихъ личностей и конечно относятся къ нимъ съ болѣею серьезностью, съ болѣею безпристрастіемъ, если только нѣмецкій умъ достаточно проникаетъ въ жизнь французскаго общества, чтобы понять среду, изъ которой вышли французскіе дѣятели и которая неизбѣжно отразилась на всей ихъ жизни. Повидимому очень дѣльнымъ трудомъ обѣзаетъ быть вышедшая въ нынѣшнемъ году біографія Руссо, Брокергофа («Jean Jacques Rousseau», v. *Brockerhoff*, I. Leipzig). Въ вышедшемъ первомъ томѣ преобладаетъ чисто-біографическій элементъ, конечно опирающійся на «Исповѣдь» Руссо, и литературная его дѣятельность находится въ самомъ началѣ. Онъ еще пріятель Дидро и Гримма, сотрудникъ энциклопедіи, корреспондентъ Вольтера; онъ уже извѣстенъ какъ авторъ рѣчи о нравственномъ вредѣ наукъ и искусствъ; онъ въ своемъ небрежномъ костюмѣ

* Только-что появилась его новая книга о Руссо («Les Charquettes», par *A. Houssaye*).

присутствовалъ въ придворномъ театрѣ при представленіи своей оперы и отказался на другой день отъ королевской аудіенціи; онъ написалъ уже рѣчь о причинахъ неравенства, но еще «Эмиль», «Общественный договоръ», «Новая Элоиза» не созданы. Томъ кончается переѣздомъ Руссо въ эрмитажъ къ г-жѣ д'Эпиннэ. Второй томъ долженъ заключать короткій, но самый значительный періодъ его литературной дѣятельности до оставленія имъ Франціи. Третьимъ томомъ авторъ предполагаетъ кончить свой трудъ. Изслѣдованіе Брокергофа весьма тщательно и онъ съ любовью слѣдитъ за всѣми движеніями своего героя, уясняетъ всѣ обстоятельства, его окружавшія. Но можетъ-быть эта любовь къ Руссо дѣлаетъ автора не совсѣмъ справедливымъ къ обществу, его окружающему. Краткій очеркъ парижскихъ кружковъ рисуетъ ихъ въ слишкомъ темныхъ краскахъ и увлеченіе къ Руссо заставляетъ кажется забывать Брокергофа, чѣмъ были для Европы Вольтеръ и энциклопедисты. Но это будетъ яснѣе видно изъ слѣдующаго тома. Во всякомъ случаѣ это замѣчательный трудъ, заслуживающій вниманія читателя.

Истцы постоянно съ любовью возвращаются къ изученію конца XVIII и начала XIX-го вѣка въ своей литературѣ, потому что это для нихъ былъ героическій періодъ. Это былъ періодъ Шиллера и Гёте, Канта и его философскихъ послѣдователей, Моцарта и Бетговена. Литература этого періода, уже весьма обширная, безпрестанно увеличивается то новыми матеріалами, то монографіями о болѣе или менѣе замѣчательныхъ личностяхъ и событіяхъ, то общими обзорами, о которыхъ впрочемъ должно сказать, что въ нихъ фраза преобладаетъ надъ содержаніемъ. И вотъ передъ нами нѣсколько произведеній, сюда относящихся. Въ двухъ изящно изданныхъ, довольно объемистыхъ томахъ Фогель собралъ богатый матеріалъ для жизни Гёте и его положенія при дворѣ Карла-Августа; это переписка знаменитаго поэта съ великимъ герцогомъ («Briefwechsel des Grossherzogs Carl August von Sachsen-Weimar-Eisenach mit Göthe in den Jahren 1775 bis 1828», Weimar), и конечно она послужитъ важнымъ пособіемъ для будущаго біографа Гёте и для историка литературы этого періода, хотя должно замѣтить, что большая часть этой переписки относится къ предметамъ, не представляющимъ особеннаго интереса. Замѣчательно, что изъ произведеній Гёте наибольшее вниманіе герцога вызываетъ переводъ «Магомета» Вольтера или какой-нибудь «Gross-Korpha», что «Мессинской невѣстой» Шиллера герцогъ недоволенъ и т. п. Очевидно, несмотря на частыя сношенія съ великими умами Германіи этого періода, Карлъ-Августъ увле-

кается еще очень отсталыми идеалами. Но приятно видѣть изъ переписки что отношенія Гёте къ его государю были вовсе не работны. За то въ перепискѣ замѣтно измѣненіе характера Гёте. Письма Карла-Августа имѣютъ почти одинакій характеръ съ начала до конца книги; письма Гёте, начиная съ самаго возвращенія изъ путешествія въ Италію, дѣлаются постоянно перемоннѣ, сдержаннѣ, официальнѣ. Но кто бы подумалъ, что Гёте является въ одномъ изъ писемъ (№ 354, 1816 г.) ревностнымъ защитникомъ *возстановленія цензуры* и требуетъ запрещенія «Извды» шеллингиста Окена? — Последнее письмо адресовано Гёте великому герцогу Карлу-Фридриху, наслѣднику Карла-Августа.

Все обожаніе большинства предъ памятью Гёте выразилось въ книжкѣ Каруса о его значеніи для настоящаго и будущаго времени («Göthe», v. *C. G. Carus*, Wien), книжкѣ, которая не видитъ и не знаетъ ни одного недостатка своего героя. Самое замѣчательное въ ней, это сообщеніе одного лирическаго произведенія въ прозѣ, до сихъ поръ неапечатаннаго. Переводъ его мы сообщимъ въ слѣдующемъ нашемъ обзорѣ.

О Шиллерѣ вышло новое монографическое сочиненіе, не очень обшественное и довольно совѣтливо составленное. Планъ Куна, автора этого «Духовнаго движенія Шиллера» («Schillers Geistesgang», v. *A. Kuhn*), заключаются въ томъ, чтобы представить не столько біографическія подробности, какъ внутреннее развитіе поэта, и при этомъ, по спорнымъ пунктамъ, привести различныя господствующія мнѣнія критиковъ и біографовъ Шиллера. Конечно не одинъ читатель очень поблагодаритъ автора за это извлеченіе изъ шиллеровской литературы, но въ книгѣ Куна мало одного: самостоятельной оцѣнки, которая бы не терялась въ мелочахъ разбираемаго предмета, но прямо схватывала бы его въ его цѣлости. Впрочемъ это, повторяемъ, книжка достойная вниманія.

Къ ней приложенъ снимокъ съ очень недурнаго портрета Шиллера, рисованнаго Больтомъ на papier pelé за годъ до смерти поэта. Этотъ портретъ тѣмъ особенно хорошъ, что повидимому вовсе не идеализированъ и по немъ можно вѣрнѣе составить понятіе о томъ, какова была наружность замѣчательнаго писателя въ послѣдніе годы его жизни.

Кстати упомянемъ о маленькой брошюрѣ Лукаса («Schiller, sein religiöser Fortschritt und sein Tod», v. *Jos. Lucas*, Landshut), очевидно католика, который пытается сдѣлать вѣроятную мысль, высказанную еще въ прошломъ году Даумеромъ («Schiller und sein Verhältniss zu den politischen und religiösen Fragen der Gegenwart», v. *G. Fr. Daumer*,

Mainz, 1862), что Шиллеръ умеръ католикомъ. Для доказательства Лукасъ приводитъ противорѣчивыя свидѣтельства біографовъ Шиллера о его смерти и погребеніи, говоря, что они согласны въ одномъ, именно что Шиллеръ былъ погребенъ почти тайно, и что слѣдовательно должно было при его смерти произойти что-нибудь такое, что казалось пріятельнѣе его извѣстному убѣжденіямъ. Въ сочиненіяхъ Шиллера послѣднихъ годовъ Лукасъ также находитъ подтвержденіе его склонности къ католицизму. Еслибы ревностнымъ католикамъ, когда дѣло идетъ объ ихъ религіи, можно было хотя сколько-нибудь довѣрить, то слѣдовало бы разобратъ обстоятельства послѣднихъ дней Шиллера. Но вѣроятно и Даумеръ, извѣстный противникъ христіанства, перешедшій въ католицизмъ, и Лукасъ не задумались исказить цитаты и факты, придумать ихъ, чтобы пріобрѣсти своей церкви еще одного великаго покойника.

Къ шиллеровской литературѣ принадлежитъ и брошюра Брандштэттера о лирикѣ Шиллера въ отношеніи къ ея музыкальной обработкѣ («Ueber Schillers Lyrik etc.», v. F. A. Brandstetter, Berlin), гдѣ собраны извѣстія Шиллера о музыкѣ, сдѣланъ очеркъ его лирическихъ произведеній и сообщенъ списокъ 500 музыкальныхъ композицій на 82 лирическихъ произведеній Шиллера. Какъ литературно-музыкальная монографія, эта брошюра заключаетъ въ себѣ полезныя свѣдѣнія.

Сравнительно съ разсмотрѣнной біографіей Шиллера, писанной Кунномъ, совершенно другой характеръ имѣетъ біографія Моцарта, составленная Ролемъ («Mozart», v. Ludwig Rohl, Stuttgart). Васъ сперва поражаетъ отсутствіе предисловія, объясняющаго, что именно хотѣлъ сдѣлать авторъ своей новой біографіей знаменитаго музыканта. Васъ еще болѣе поражаютъ строки, слѣдующія на первой же страницѣ, послѣ указанія года рожденія Моцарта: «Въ Зальцбургѣ!.. въ этомъ раю Германіи, въ этомъ алмазѣ, между городами нашего сѣвернаго отечества» и т. д.; но когда, просматривая книгу, вы встрѣтите воссозданіе роста Эльвиры, ея цвѣта лица, волосъ, характеръ ея улыбки, и все это на основаніи звуковъ «Донъ-Жуана»... вы вѣроятно положите книгу въ сторону, сказавъ: ну, это дѣло извѣстное. На портретъ въ профиль, приложенный къ изданію и кажется весьма обыкновенномъ, Моцартъ очень красивъ.

Сказавъ о германскихъ знаменитостяхъ, двухъ великихъ драматургахъ литературныхъ и столь же великомъ драматургѣ музыкальномъ, кажется не очень некстати перейти къ личности еще превосходящей ихъ и стоящей одиноко въ мірѣ европейской драмы, выше соперниковъ и подражателей. Конечно читатель догадался, что мы говоримъ о Шекспирѣ. Гер-

манія составила себѣ спеціальность изъ анализа его произведеній и едва ли на языкѣ Шекспира столько писано о немъ, какъ по-нѣмецки. И вотъ, къ этой огромной шекспировской литературѣ прибавляется еще одно произведение. Новый авторъ выходитъ на арену и гордо бросаетъ всѣмъ своимъ предшественникамъ перчатку, говоря, что они не понимали предметъ своего разбора. Онъ проникнулъ, говоритъ онъ, даже и въ оныя изъ сочиненій самого Шекспира, особенно изъ его сонетовъ, старается воспроизвести челоуѣка-поэта и его взгляды на искусство и жизнь, на бога и челоуѣка. Эти выводы онъ намѣренъ подтвердить разборомъ главныхъ произведеній Шекспира, и въ вышедшемъ томѣ предлагаетъ для этого знаменитую загадку Гамлета. Въ началѣ 1864 г., въ трехсотлѣтній юбилей рожденія Шекспира, авторъ общается второй и послѣдній томъ своего труда. Нельзя сомнѣваться, что предпріятіе Флате возсоздать «Шекспира въ его дѣйствительности» («Shakspeare in seiner Wirklichkeit», v. I. S. F. Flathe) довольно дерзко, хотя онъ и прикрывается авторитетомъ Гёте. Желательно, чтобы подробный разборъ его произведенія вмѣстѣ со всѣмъ, что до сихъ поръ сдѣлано о Шекспирѣ, поставилъ эту новую попытку объяснить Шекспира на ея надлежащемъ мѣсто.

Шекспиръ представляетъ неистощимый источникъ для монографій, и такъ какъ читатель можетъ интересоваться весьма частными явленіями по этой части, что укажемъ ему на сочиненіе доктора Конолли («A study of Hamlet», by J. Conolly, London), который на основаніи психіатрическихъ изслѣдованій доказываетъ, что Гамлетъ былъ дѣйствительно помѣшанный. Конолли пользуется извѣстностью по душевнымъ болѣзнямъ, но допуская вѣрность его взгляда, его книга представляетъ интересный вопросъ: сознавалъ-ли Шекспиръ, что онъ выводитъ на сцену помѣшаннаго, или, думая представить здороваго челоуѣка, сильно потрясеннаго событіями, онъ безсознательно придалъ его личности характеристическія особенности помѣшательства? и можно-ли допустить такой процессъ творчества, какимъ онъ долженъ быть въ послѣднемъ случаѣ?—Замѣтимъ еще, что Людерсъ издалъ объясненія къ Отелло («Beiträge zur Erklärung von Shakespeares Othello», v. Lüders, Hamburg), которыя представляютъ довольно сухую критику текста, хотя иногда сближенія, дѣлаемыя авторомъ, довольно остроумны.

Но довольно; изъ груди европейскихъ пустяковъ оказалось довольно предметовъ для обсужденія, читатели. Однако интересуютъ ли васъ эти предметы? Не говорите ли вы, съ чисто-славянскою скромностью: «Не

наше дѣло! заморскія затѣи! И философія вздоръ, и политика вздоръ, и наука вздоръ! Только «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ» не вздоръ! — Такъ, такъ! вамъ это не по желудку. Пойдемъ чего-нибудь полегче къ слѣдующему мѣсяцу; авось переварится. А пока спите, добрые читатели, въ невинности душевной и въ лѣности умственной! Спите, не замѣчая грязныхъ пятенъ на рукахъ и на мысляхъ вашихъ московскихъ руководителей! Спите, довѣряя чистотѣ ихъ патріотизма и честности ихъ доморощеннаго аристократизма! — Спите! Катковъ не спитъ за васъ!

ПИСЬМА О МОСКОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

(Посвящено Петру Дмитриевичу Баборькину.)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

О началах драматической критики. — Замѣчанія на теорію «безсѣдности» драматическаго искусства. — Наше дѣло и наши желанія.

Мы хотимъ говорить о драматургіи, о театрѣ, о художественныхъ интересахъ, о развитіи и упадкѣ драматическихъ талантовъ, о недостаткахъ администраціи и необходимости театральной реформы, — и должны сознаться, что выбрали для этого самое неудобное время. Вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы право требовать отъ читателя серьезнаго вниманія въ такое время, когда это вниманіе не возбуждено только, но встревожено всѣмъ тѣмъ, что вокругъ насъ дѣлается? Между тѣмъ какъ на очереди являются вопросы настоятельной, угрожающей необходимости, вопросы, для которыхъ и отвѣты не за горами, — очень многимъ, конечно, будетъ недосугъ трактовать серьезно о театрѣ. Наконецъ, если мы даже и допустимъ, что нѣкоторымъ было бы интересно прослѣдить критическій обзоръ одной изъ самыхъ интимныхъ сторонъ внутренней жизни общества; взглянуть, въ какомъ отношеніи находится въ данномъ времени литература къ театру, какъ выражаются или отражаются на немъ новыя идеи, новые типы и какъ относится публика къ этимъ идеямъ въ наглядной формѣ; если мы и допустимъ, что нѣкоторые заявили бы такія требованія отъ театральной рецензіи, то и въ такомъ случаѣ не имѣли бы права ожидать отъ читателей серьезнаго вниманія.

Говоря правду, драматургическая критика не пользуется у насъ никакимъ кредитомъ. Самое названіе отзывается легкимъ букетомъ педан-

тизма. Есть у насъ литературная, художественная, музыкальная критика, но драматургической никакой нѣтъ.

Театральная критика находится преимущественно въ рукахъ фельетонистовъ, и на нее смотрятъ какъ на одну изъ отраслей фельетона. Для всякой критики существуютъ специалисты, для всякой нужно хоть что-нибудь знать о томъ, что разбираешь — хорошо ли, дурно знать, это другое дѣло; — но для театральной критики рѣшительно ничего не нужно, кромѣ нѣкоторой вгрависности оборотовъ и пріятной легкости слога. Мотивировать свои сужденія и приговоры въ такомъ случаѣ невозможно, потому что они опираются на личное, безответственное вкусъ.

Понятно, что при такомъ господствующемъ взглядѣ на дѣло, серьезное отношеніе къ театральной, или правильнѣе, драматургической критикѣ не представляетъ особенной привлекательности. Если, съ одной стороны, задача является необыкновенно легкою, то съ другой — эта же задача представляетъ много такихъ затрудненій, которыя не встрѣчаются въ другихъ областяхъ критики.

Для правильной критической оцѣнки какого-нибудь явленія, для того, чтобы читатель могъ отнестись къ критику съ довѣріемъ, обмѣняться съ нимъ своими мыслями и такимъ образомъ разъяснить ихъ себѣ и проверить — необходимо, чтобы читатель самъ участвовалъ въ процессѣ критическаго разбора, чтобы *corpus delicti* былъ передъ его глазами. Иначе онъ будетъ только пассивнымъ свидѣтелемъ рѣшенія, которому онъ не можетъ ни противорѣчить, ни сочувствовать: почему онъ знаетъ, на какихъ основаніяхъ трактуетъ критикъ, когда самое дѣло остается для него темною водою во облацѣхъ? Вотъ это и составляетъ одно изъ труднѣйшихъ условій драматургической критики. Во всякомъ другомъ случаѣ, разбирается ли книга, или картина — фактъ на лицо: види и справляйся, кто хочетъ. Впечатлѣніе слагается постепенно, переходя изъ одного факта въ другой. Описание предмета можетъ быть доведено до художественной наглядности.

Не таково положеніе драматургическаго критика. Пьеса, о которой онъ говоритъ, правда, можетъ быть прочтена, но игра актера, достоинства и недостатки игры — все это, повидимому, исчезаетъ безъ слѣда. Вотъ почему *наглядность* въ разборѣ игры актера составляетъ одно изъ величайшихъ достоинствъ, если не самое важное условіе хорошей драматургической критики. Какъ на одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и рѣдчайшихъ образцовъ этой наглядности мы укажемъ на всѣмъ извѣст-

ную статью Бальвасяго объ игрѣ Мочалова въ Гамлетѣ. На другой примѣръ образцовой драматургической статьи мы укажемъ въ другой разъ.

Вопросъ о достоинствѣ и значеніи драматургической критики гораздо важнѣе, чѣмъ онъ представляется съ перваго раза. Онъ просто сводится къ вопросу о томъ возможна или невозможна прагматическая исторія драматическаго искусства? Есть много причинъ, по которымъ этотъ вопросъ разрѣшается отрицательно. Даже усердные аналогисты театра создавались въ *безслѣдности* драматическаго творчества. А тамъ, гдѣ нѣтъ памятниковъ, невозможна конечно и исторія.

Мы позволимъ себѣ представить читателю нѣсколько замѣчаній на эту обще-распространенную теорію, вслѣдствіе которой возникли и меланхолическія размышленія о неблагодарности драматическаго искусства сравнительно съ другими (Iffland: «Fragmenten»).

Искусство актера, дѣйствительно, является намъ преходящимъ, немолетнымъ, безслѣднымъ, когда мы разсматриваемъ это искусство абстрактно, какъ отдѣльный фактъ, безъ связи съ другими фактами. Но въ мірѣ безкомечныхъ и разнообразныхъ преобразованій матеріи нѣтъ ничего безслѣдно-препадающаго. Никакое явленіе не можетъ быть выкинуто изъ общаго строя, не нарушая этой связи, этого порядка. Мы знаемъ, что чувство драматической поэзіи глубоко коренится въ природѣ человѣка, выражаясь первоначально въ изобразительной формѣ (лирическая декламация, рассказы въ лицахъ, передразниваніе) и постепенно развиваясь, отрѣшается наконецъ отъ формы литургической, богослужебной и переходить въ особую отрасль поэтическаго творчества — въ драму. Мы знаемъ также, что для существованія драмы — этого роскошнѣйшаго цвѣтка народной культуры — необходимъ театр, т. е. драматическое искусство. Образъ, созданный поэтомъ, долженъ вторично подвергнуться переработкѣ художественной дѣятельности. Какъ объективная идея, онъ долженъ быть субъективно усвоенъ актеромъ. Тутъ драматическое искусство является намъ *на рубежѣ образовательныхъ искусствъ и поэзій*. Поэтъ создаетъ образъ посредствомъ слова, и представленіе этого образа непосредственно передается фантазіи; музыкантъ пользуется звукомъ, художникъ — осязаемымъ олицетвореніемъ своего идеала въ зданіи, статуѣ или картинѣ. Актеръ же осуществляетъ въ своей *личности* идеалъ поэта, и даетъ этому идеалу жизнь, плоть и кровь. Когда эстетики принимали искусство за *подражаніе* природѣ, актеръ, по общему мнѣнію, только подражалъ людямъ, находящимся въ томъ положеніи, которое ему приходилось представить.

Увлеченіе и приниженіе роли къ сердцу являлось болѣе или менѣе любушнкою аномаліею. Въ настоящее время, когда искусство признано творчествомъ челоуѣка, долженъ измѣниться и взглядъ на драматическое искусство. Въ немъ происходитъ таинственный и замѣчательный процессъ отождествленія, воплощенія идеи въ челоуѣкѣ. Тѣ субъективныя стороны характера художника, которыя сказываются во всякомъ оригинальномъ произведеніи, нигдѣ не выражаются такъ полно, какъ въ созданіи роли. Можно смѣло сказать, что въ игрѣ артиста онъ высказывается весь. Какъ ни замаскировываются извѣстныя стороны его характера, но драматическое искусство непремѣнно разоблачаетъ ихъ, выдаетъ ловко скрываемыя слабости. Если чувство актера постоянно отзывается фальшью, едва ли и въ самой натурѣ его много истиннаго чувства.

Wenn ihr's nicht fühlt, ihr werdet's nie erjagen,
Wenn es nicht aus der Seele dringt
Und mit urkräftigen Behagen
Die Herzen aller Hörer zwingt.

Bewund'ung von Kindern und Affen,
Wenn euch darnach der Gaumen steht;
Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen
Wenn es euch nicht von Herzen geht.

(Faust, I.)

Сценическое искусство постоянно развивалось подъ влияніемъ тѣхъ же самыхъ идей, которыя господствовали въ искусствахъ образовательныхъ и въ литературѣ. На эти идеи мы теперь уже не смотримъ какъ на рядъ ошибокъ или удачъ, а какъ на явленія чисто-органическія, связь и развитіе которыхъ несомнѣнны. Исторія искусства возникла не ранѣе 40-хъ годовъ текущаго столѣтія, въ то время, когда въ исторической наукѣ стало преобладать органическое воззрѣніе, когда предметомъ исторической разработки стала народная культура и народные интересы. Въ строѣ народной жизни стали искать тѣ руководящія начала, которыя прежде мерещились въ области отвлеченныхъ эстетическихъ воззрѣній. Понятія о взаимномъ соотношеніи народныхъ массъ и выдающихся дѣятелей были сведены на здравую и реальную почву. Это демократическое и реальное направленіе науки стоитъ въ ясной связи съ развитіемъ гражданскихъ интересовъ съ одной стороны, и съ успѣхами естественныхъ наукъ, съ другой. Благодаря научной дѣятельности нашего времени, тѣ темныя массы, къ которымъ поэтъ былыхъ временъ обращался довольно строго: «Умолки, чернь непроевѣщенна и презираемая мной!» эта «чернь» приобрѣла право на вниманіе и уваженіе, не ради однихъ уманныхъ интересовъ, а въ силу своего дѣйствительнаго значенія.

Но исторія народной культуры, изучаемая въ домашнемъ бытѣ народа, въ интимныхъ формахъ народной поэзіи и искусства, наука еще очень молодая, въ особенности у насъ, гдѣ ея отрасли только-что начали *приниматься*, какъ говорятъ садовники о молодыхъ деревьяхъ и прививкахъ. Труды братьевъ В. и Я. Гриммовъ, Куглера, Коммона, Шнаазе вызвали и въ нашей ученой литературѣ здравыя воззрѣнія и почтенные труды; но научныя данныя такъ мало еще проникли въ наше общество, что не близко то время, когда общее сочувствіе и уваженіе удѣляютъ почтенную дѣятельность немногихъ людей, взявшихъ на себя быть проводниками новыхъ истинъ науки.

Мы въ немногихъ словахъ коснулись преобладающаго направленія въ историческихъ наукахъ, съ цѣлью указать на мѣсто, которое должна занять рядомъ съ ними исторія драматическаго искусства. Понятно, что при внимательномъ отношеніи къ развитію общественной жизни не можетъ быть обойденъ такой важный органъ этой жизни, каковымъ является театръ. Въ Германіи была сдѣлана первая попытка прагматической исторіи сценическаго искусства, въ книгѣ Е. Деверіанта: «Geschichte der deutschen Schauspielkunst» (3 Bände. Leipzig, 1848). Различныя направленія искусства, выразившіяся въ разлчныхъ драматическихъ школахъ, какъ гамбургская, веймарская, мангеймская и проч., органически связаны съ господствующими теоріями, развивавшимися подъ импульсомъ такихъ личностей, какъ Шредеръ, Гете, Иффландъ. Рука объ руку съ просвѣщеніемъ и развитіемъ народныхъ силъ шелъ въ Германіи театръ. Но въ жизни cadaго народа бываютъ эпохи, когда послѣ усиленной дѣятельности наступаетъ тягостный перерывъ. Народъ сознаетъ несостоятельность отжившихъ началъ, и среди кажущейся инерціи въ немъ зарождаются новыя начала. Счастлива та страна, гдѣ эти начала развиваются органически, не встрѣчая упорныхъ препятствій, неминуемо приводящихъ къ взрывамъ!... Германія въ настоящее время находится въ состояніи переходномъ, и на театрѣ, также какъ и на литературѣ, этотъ перерывъ отозвался одинаково дурно, между тѣмъ какъ наука неутомимо подготавливаетъ жизненнаго матеріала и трудится надъ разъясненіемъ новыхъ истинъ, въ которыхъ кроется сила необходимая.

Книга, о которой мы упоминали, ясно показываетъ намъ несостоятельность теоріи о совершенной «безслѣдности» драматическаго искусства. Неужели эта творческая дѣятельность, эти восторги многолюдныхъ массъ, эти глубокія ощущенія — все это такъ и пропадаетъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ актеромъ? Нѣтъ, дѣятельность всякаго художника вмѣстѣ въ

себѣ высокое цивилизирующее начало. Въ жизни человѣка не одного впечатлѣнія не пропадаетъ даромъ, и жизнь прошлая постоянно остается въ насъ, какъ живой матеріалъ настоящаго и будущаго.... Въ массѣ фактовъ сохраняются только самые значительные, но и самые повидному ничтожные не остаются безъ чувствительнаго вліянія на счастливое достиженіе цѣли. Щепкинъ изваялъ себѣ двѣ безсмертныя статуи въ образахъ геродичаго и Фамусова, но въ театральныхъ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе и о другихъ, второстепенныхъ дарованіяхъ: объ Орловѣ въ роли Осипа, Ружанцевѣ въ Землянкѣ, П. Степановѣ въ роли Загорѣцкаго и проч.

У насъ эти преданія очень бѣдны содержаніемъ. Матеріалы еще бѣднѣе, и ограничиваются рѣдкими свидѣтельствами очевидцевъ, свидѣтельствами, въ которыхъ фактъ необходимо строго отдѣлять отъ личнаго мнѣнія пишущаго, что обыкновенно бываетъ очень трудно. Это всего удобнѣе провѣрить на настоящихъ нашихъ театральныхъ рецензентахъ, которые не стараются показать намъ, въ чемъ состояло дѣло, а снѣзгать только заявить, что они объ этомъ вотъ-могъ какого мнѣнія. Мы думаемъ, что обязанность театральнаго рецензента—по мѣрѣ силъ, способствовать къ приращенію скуднаго матеріала, который предстоитъ тому, кто бы захотѣлъ писать исторію русскаго драматическаго искусства. Когда Девриентъ задумалъ подобное сочиненіе, ему предстояла огромная масса матеріаловъ и печатныхъ источниковъ. (Онъ перечисляетъ ихъ до ста и болѣе, не считая изустныхъ разсказовъ и свѣдѣній, собранныхъ въ путешествіяхъ или выбранныхъ по одиночкѣ изъ неспеціальныхъ сочиненій.) Въ библіографіи нѣмецкой журналистики насчитывается до дватцати драматургическихъ журналовъ и газетъ. Было надъ чѣмъ поработать!

Итакъ, кромѣ классической книги Лессинга: «Hamburgische Dramaturgie», долженствующей остаться недосягаемымъ образцомъ драматургической критики, въ Германіи мы видимъ цѣлую литературу, посвященную театру и драматическому искусству. Нельзя не позавидовать нѣмецкому драматургу! А у насъ? Неудобно ли будетъ кому указать намъ на матеріалы для оцѣнки дѣятельности хоть бы Мартынова или Васильева! Начего нѣтъ, кромѣ немногихъ цифръ да поверхностныхъ похвалъ. Вотъ на дняхъ скончалась еще знаменитость русскои сцены. Умеръ человѣкъ, игравшій безпримѣрную роль въ исторіи русскаго театра. Посмотримъ, что-то будетъ сдѣлано для облегченія будущему исто-

ривку русской сцены, когда придет время исторической оцѣнки таланта М. С. Щепкина.

Начиная въ «Библиотекѣ» цѣлый рядъ статей, посвященныхъ драматургической критикѣ, мы вполне сознаемъ всю трудность предпринимаемой нами задачи. Еслибы намъ удалось сгруппировать нѣсколько явлений театральной жизни такъ, чтобы облегчить дѣло будущимъ дѣтелямъ, еслибы, съ другой стороны, мы успѣли бы сообщить нашимъ «Письмамъ о московской драматургiи» сколько-нибудь общій интересъ, — мы несли бы себя счастливыми тѣмъ, что достигли нашей цѣли. Этихъ очеркамъ мы придали форму писемъ, потому что ихъ содержаніе не будетъ строго-последовательно. Единство между ними читатели, надѣемся, замѣтятъ по единству общей идеи. Но систематическая последовательность въ этомъ дѣлѣ — вещь очень трудная, если не невозможная. Желая оградить себя отъ упрековъ въ отвлеченности, мы будемъ изслѣдовать законы изъ фактовъ, а не подводить фактическихъ примѣровъ къ общимъ теоріямъ. Этотъ приемъ былъ бы научивше и быть-можетъ точивше, но разнообразіе сценическихъ явленій таково, что классификація ихъ пока представляетъ слишкомъ много затрудненій. Форма, принятая нами, позволитъ намъ постепенно пополнять пробѣлы, могущіе ускользнуть отъ вниманія въ журнальной статьѣ, какъ результатъ всегда болѣе или менѣе спѣшной работы.

Театръ составляетъ у насъ еще незатронутый уголокъ темнаго царства. Обзоръ его административнаго устройства, фактическія данныя и цифры, вообще мало-извѣстныя, система театральнаго воспитанія и образіе театральнаго школы, критическіе очерки главныхъ талантовъ и указаніе на замѣчательныя дарованія, считающіяся второстепенными, обзоръ сезонныхъ новостей, отношеніе театра къ современнымъ идеямъ — вотъ обширная программа, которую мы себѣ полагаемъ. Отъ полемки мы не прочь, потому что она можетъ разъяснить много недоразумѣній, неизбежныхъ въ дѣлѣ, гдѣ основныя начала такъ еще неопредѣленны, какъ въ драматургической критикѣ. Мы напередъ ожидаемъ, что многие будутъ недовольны нашими отзывами, но мы дорожимъ болѣе всего мнѣніемъ нашихъ читателей, и знаемъ по опыту, что самолюбіе и самообольщеніе театральныхъ знаменитостей не знаетъ границъ. Мы полагаемъ, что это оттого, что имъ рѣдко доводилось слышать правду. Впрочемъ мы довольно знакомы съ положеніемъ нашихъ артистовъ, чтобы знать, какъ они относятся къ критическимъ рецензіямъ. Фактическаго значенія и вліянія эти рецензіи не имѣютъ: все тѣ же будутъ

аплодисменты райка, все то же останется благорасположеніе начальства. Да не постыгутъ на насъ наши почтенные артисты, если наша правда и дѣло, такъ какъ мы его понимаемъ, не всегда будутъ согласны съ ихъ мнѣніемъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что многимъ изъ нашихъ желаній суждено надолго оставаться *ria desideria*. «Проницательные читатели» найдутъ ихъ даже нескромными, но намъ нѣтъ дѣла до «проницательныхъ читателей» и мы знать не хотимъ, каково они о насъ мнѣніи. Посвящая наши силы и умѣніе нашему дѣлу, мы служимъ дѣлу, а не лицамъ, и высшею похвалою для насъ было бы удостоиться отзыва Фамусова:

«Строжайше-бъ запретить я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подвѣзжать къ столицамъ!»

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВЪ.

НОВЫЙ ПОБОРНИКЪ НРАВСТВЕННОСТИ. 1)

(Письмо въ редакцію «Библиотеки для Чтенія».)

Собравшись писать къ вамъ по поводу одного литературнаго явленія, именно повѣсти г. Щедрина, носящей заглавіе: *Какъ кому угодно*, я считаю нелицитимъ милостивый государь, начать съ объясненія: кто я и почему пишу?

Именно да будетъ вамъ извѣстно, что я не только читаю бѣгло и правильно, но и вполне понимаю то, что читаю. Вотъ мои достоинства, которыя осмѣлюсь поставить вамъ на видъ. Я знаю, что ихъ обыкновенно цѣнить очень низко; сколько мнѣ извѣстно, одинъ только г. Косица имѣлъ счастливую мысль настоячиво хвалиться, что онъ понимаетъ статьи, которыя читаетъ. Между тѣмъ, если похвальба справедлива, то онъ хвалился дѣйствительнымъ преимуществомъ. Читать-то конечно многіе хорошо умѣютъ, но понимать — дѣло совсѣмъ другое. Могу васъ увѣрить, милостивый государь, что въ настоящее время не мало гуляетъ по бѣлому свѣту людей съ поднятой головою, съ смѣлымъ взглядомъ, съ рѣзкимъ словомъ, и которые однакоже понимаютъ только то, что они сами изволятъ думать.

И мало ли случаевъ на каждомъ шагу, которые доказываютъ отсутствіе хорошаго пониманія. Забдетъ ли рѣчь о какой-нибудь серьезной статьѣ, вы непременно услышите и отзывъ такого рода: «Непонятно! Чортъ знаетъ что такое! Какая-то ерунда!» За-

1) Помѣщая это письмо, мы просимъ нашихъ читателей обратить вниманіе на критическую статью о сатирахъ г. Щедрина, помѣщенную въ той же книгѣ. Она вполне высказываетъ нашъ взглядъ на блестящее дарованіе писателя, который можетъ однакожъ взяться иногда и не за свое и вдобавокъ пустое дѣло. *Ред.*

ведется ли полемика, всё кричатъ: такого-то тамъ-то обругали! Попробуйте спросить: почему, въ чемъ дѣло? Обыкновенно вамъ отвѣтятъ: сильно обругали, ахъ какъ отдѣлали!—и часто больше вы ничего не добьетесь.

Впрочемъ и пониманіе пониманію розь. Нетрудно понимать отчасти, понимать криво, понимать шиворотъ на выворотъ; но понимать тонко, до совершенной ясности, такъ чтобы вамъ была насквозь видна всякая мысль и всякое поползновеніе мысли—вотъ пониманіе, къ которому я стремлюсь и котораго достигъ во многихъ случаяхъ. Ибо я изъ дѣтства пристрастенъ къ словесности, изъ дѣтства изоощряю на ней свои способности. А наша словесность, кстати сказать, несравненно труднѣе для пониманія, чѣмъ какая бы то ни было другая. Въ самомъ дѣлѣ, многія ея явленія до того блѣдны, неустойчивы, хаотичны, до того мало въ нихъ опредѣленныхъ чертъ и твердыхъ точекъ, что понимать ихъ бываетъ не легко. Я однакоже старался и не унывалъ.

Недавно однакоже одинъ случай привелъ меня въ такое жестокое недоумѣніе, которое я едва-ли когда испытывалъ. Дѣло идетъ о г. Щедринѣ. Г. Щедринъ несомнѣнно одно изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ нашей словесности. Долгое время я читалъ его съ великимъ удовольствіемъ и только изрѣдка останавливался надъ разными пятнышками и заковычками, которыя не совѣтъ были ясны. Но съ выѣшняго года звѣзда г. Щедрина пошла въ плесяду «Современника» и тутъ-то и начинается недоумѣніе. Съ обыкновеннымъ моимъ тщаніемъ прочитывалъ я все, что принадлежало перу г. Щедрина въ каждой изъ книжекъ его журнала. И чтоже вы думаете? Представьте мое горе и мученіе, когда я началъ малопомалу чувствовать, что я не понимаю его! То-есть я не понималъ до конца, не понималъ такъ, чтобы мнѣ была насквозь ясна каждая его мысль и каждое поползновеніе его мысли. Напрасно я читалъ и перечитывалъ его статьи. Вы знаете, онъ мастеръ, изъясняется картинно, рельефно, съ необыкновенно выразительнымъ подмигиваньемъ, прищелкиваньемъ и поплевываньемъ.

Но хотя онъ усердно подмигивалъ, прищелкивалъ и поплевывалъ, хотя я съ ревностнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ, я никакъ не могъ понять, чтоже наконецъ все это значить и къ чему клонятся эти непомѣрные усилія. Я находилъ въ нихъ какую-то ваяность, шаткость, неустойчивость, однимъ словомъ «смыляне»,

если позволите мнѣ на сей разъ выразиться слогомъ самого г. Щедрина, слогомъ, подражать которому я вообще не нахрюнѣю, да и не чувствую въ себѣ для этого достаточно силы.

И вотъ я молчалъ, подавленный недоумѣніемъ и тщательно скрывая отъ другихъ жестокою неудачу, которую терпѣла моя проницательность. Я молчалъ и ждалъ, что будетъ дальше. Неприятнѣе мое проникнуть смыслъ неожиданной загадки возрастало съ каждою книжкою «Современника». Получаю наконецъ восьмую книжку, читаю съ замираніемъ сердца... и вдругъ—все ясно, все разоблачилось, передо мною вдругъ обнаружилась тайна, по которой я такъ томился.

Вы понимаете теперь, милостивый государь, волненіе, въ которое долженъ былъ меня повергнуть этотъ случай! Вы понимаете мою радость, когда все вдругъ для меня объяснилось и я насквозь увидѣлъ то, что прежде казалось мнѣ смутнымъ! Вы понимаете наконецъ, почему я почувствовалъ настоятельную потребность приняться за настоящее письмо, почему я долженъ написать его, чтобы указать другимъ на внезапное открытіе, мною сдѣланное и которое не всякій можетъ-быть сдѣлать!

Читайте, и вы увидите. Лукавый авторъ далъ своему разсказу заглавіе: *Какъ кому угодно*, какъ-будто смыслъ его можетъ быть понятъ различно; на самомъ же дѣлѣ нашъ сатирикъ уже въ самомъ заглавіи хотѣлъ осмѣять сомнѣніе тѣхъ, кто вздумалъ бы воспротивиться всесокрушающей силѣ истины. Онъ какъ-будто говоритъ: толкуйте какъ угодно; смыслъ выйдетъ все-таки мой.

Дѣйствительно, цѣль разсказа ясна въ высочайшей степени. Г. Щедринъ имѣлъ въ виду осмѣять и поразить своей сатирой неправильный взглядъ на *долгъ* и *обязанности*. Именно нѣкоторые думаютъ, что у человѣка собственно нѣтъ никакого долга, никакихъ обязанностей, а есть только *потребности*. Долгъ и обязанность—думаютъ эти мыслители—есть нѣчто такое, что исполнять тяжело, что непременно требуетъ жертвы собственнымъ благополучіемъ. Между тѣмъ потребности есть нѣчто такое, что удовлетворять весьма пріятно. А такъ какъ пріятное несравненно лучше, чѣмъ тяжелое, то, по мнѣнію этихъ мыслителей, наилучшее устройство между людьми будетъ то, когда никто не будетъ исполнять никакихъ долговъ, а всѣ будутъ заниматься только удовлетвореніемъ своихъ потребностей. Таковъ рецептъ для все-

общаго счастья. Если же нынѣ люди не слѣдуютъ этому рецепту и не догадываются объ его существованіи, то причина этому будто-бы въ томъ, что нѣкоторые злоумышленники для удовлетворенія собственнымъ выгодамъ *выдумали* понятіе долга и обязанности, что они внушили это понятіе людямъ, и пользуясь имъ, заставляютъ людей служить себѣ и приносить себѣ жертвы.

Вотъ доктрина, противъ которой вооружился г. Щедринъ всею силою своего сатирическаго ума. Чувствуя всю важность предмета, г. Щедринъ, какъ видно, намѣренъ дать своей сатирѣ обширные размѣры. Настоящій рассказъ, о которомъ мы говоримъ, составляетъ только вступленіе. «Не будучи въ состояніи—говорить авторъ—написать правоучительный романъ, я предпочитаю достигать своей цѣли посредствомъ ряда доступныхъ мнѣ очерковъ, въ которыхъ поочередно будутъ являться люди, относящіеся равнодушно къ своимъ обязанностямъ.»

Вы тотчасъ увидите, милостивый государь, почему именно нужно было взять людей *равнодушныхъ* къ своимъ обязанностямъ, такихъ, которые тяготятся своими обязанностями, не чувствуютъ никакаго внутренняго побужденія къ ихъ исполненію. Въ этомъ-то вся и сила, въ этомъ-то вся коварная злость сатирика, что она выбрала такихъ людей и прикинула къ нимъ препрославленную теорію потребностей.

Въ самомъ дѣлѣ, вся сила этой знаменитой теоріи заключается въ томъ главномъ пунктѣ, что долгъ будто бы постоянно противорѣчитъ потребностямъ; что исполненіе долга всегда несприятно, требуетъ мучительнаго принужденія, составляетъ тяжелое испытаніе. «А такъ какъ обязанности, въ коихъ человѣку упражняться предоставляемо, разнообразны и многочисленны, и такъ какъ притомъ умъ человѣческій неистощимъ въ изобрѣтеніи для себя новыхъ таковыхъ же, то ясно, что жизнь человѣка усерднаго должна равняться поджариванью, на неугасимомъ огнѣ производимому. Этому человѣку всегда недосугъ, ибо вѣтъ той минуты, которая не несла бы за собой и своей обязанности. Даже посидѣть на мѣстѣ некогда, а все долженъ бѣжать и поспѣшать.»

Такъ излагаетъ г. Щедринъ мнѣнія, которыя вздумалъ опровергнуть. Полюбуйтесь же теперь какъ ловко и искусно онъ это сдѣлалъ. Противорѣчіе между потребностями и обязанностями — явленіе весьма нерѣдкое, о которомъ немало говорили и думали.

Гдѣ есть различіе, тамъ бываетъ и противорѣчіе. Долгъ говорить одно, а потребности могутъ говорить совсѣмъ другое. Но здѣсь нужно различать между разными случаями. Бываютъ случаи, когда потребности по своему содержанію стоятъ выше того, что называется долгомъ; а бываютъ случаи, когда потребности ниже долга. Этотъ второй случай и есть самый обыкновенный и всего чаще случающійся. Въ самомъ дѣлѣ, кто обыкновенно страдаетъ отъ противорѣчія между долгомъ и потребностью? Страдаютъ люди, у которыхъ потребностей, сколько-нибудь соотвѣтствующихъ идеѣ долга, вовсе нѣтъ, у которыхъ душа чувствуетъ только грубыя, своекорыстныя, животныя потребности. Для такихъ людей всякія требованія, на примѣръ требованія долга, недоступны и непонятны; они знакомы имъ только по наслышкѣ. Но такъ какъ хуже другихъ быть не хочется, такъ какъ имъ боязно и стыдно откровенно признаться въ своихъ чувствахъ и желаніяхъ, то вотъ они и принуждены лицемерить и передъ другими, и передъ собою. Вотъ у такихъ людей и гвѣздится въ душѣ постоянное противорѣчіе между поползновеніями ихъ натуры и предписаніями долга.

Давай-ка изображу я, думалъ г. Щедринъ, какихъ людей мучаетъ *раздвоеніе* между потребностями и обязанностями. Давай-ка покажу въ картинахъ и наглядно всю мерзость, которая копошится во внутреннемъ мірѣ такихъ субъектовъ. Пусть полюбуются мыслители, мечтавшіе о благѣ человѣчества, для какихъ людей они изобрѣли свою теорію потребностей; пусть увидятъ, какою нелѣпостью и гадостью является эта теорія, когда ее прикинуть къ этимъ людямъ.

Ну, и изобразилъ! Для начала, чтобы какъ можно рѣзче и выпуклѣе указать на свою руководящую идею, г. Щедринъ взялъ предметъ, гдѣ не требовалось большой тонкости пониманія, гдѣ сущность дѣла прямо бросается въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, для перваго очерка онъ выбралъ *обязанности дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ*. Очевидно легче ничего невозможно было и выбрать. Тутъ уже совершенно ясно, что если на примѣръ мать и сынъ чувствуютъ сколько-нибудь по-человѣчески, то ихъ обязанность любить другъ друга есть вмѣстѣ и ихъ естественная потребность. Тутъ несомнѣнно, что отношенія между родителями и дѣтьми бываютъ окончательно дурны только

въ томъ случаѣ, если или родители дряннѣ, или дѣти дряннѣ. Если же и тѣ и другіе не дряннѣ, то тутъ можетъ быть множество столкновеній и разногласій, но въ концѣ концовъ громкая нота взаимной любви покрываетъ всякую разногласицу. Если же наконецъ среди людей съ крѣпкою душою и теплымъ сердцемъ является иногда *потребность*, которая заглушаетъ и эту ноту, которая разрываетъ и эту твердую цѣпь, то тогда остается только преклониться и благоговѣть передъ подобнымъ нарушеніемъ обязанностей. Бываютъ дѣйствительно случаи, когда человѣкъ долже́нъ, какъ сказано, *останить отца своего и мать свою* и проч.

Но вѣдь дѣло у насъ идетъ не о такихъ случаяхъ, не объ этой такъ-сказать героической жизни: дѣло идетъ о жизни обыкновенной. Въ обыкновенной жизни, когда въ семействѣ сумбуръ и разладъ, знайте навѣрное, что есть тутъ какая-нибудь пакость. Или отецъ пьяница, или мать — *femme galante* (примѣры, приводимые самимъ г. Щедринымъ), или господствуетъ какая-нибудь другая подобная потребность. Такъ что показать на отношеніяхъ между родителями и дѣтми, что противорѣчіе между обязанностями и потребностями имѣетъ источникомъ и основаніемъ нѣчто гнусное — весьма удобно, и нельзя выбрать лучшаго предмета, для того чтобы сразу и во всей рѣзкости выразить свой взглядъ на эти вещи.

Полубуйтесь же теперь, какую извительную, тонкую и прелестьную форму умѣлъ придать г. Щедринъ изображенію простой и элементарно-ясной истины! Со-временемъ, если г. Щедринъ твердо укрѣпится на избранномъ имъ пути, онъ подаетъ блестящія надежды стать великимъ поборникомъ нравственности. При той психологической тонкости, съ которою онъ схватываетъ все мерзкое, онъ можетъ быть необычайно полезенъ въ нашей литературѣ. Наша литература отчасти заражена нѣкоторымъ благодушнымъ оптимизмомъ, нѣкоторою преувеличенною вѣрою въ доброкачественность человѣческой души. Г. Щедринъ, при его художественной гадливости, могъ бы показать осязательно для всѣхъ, что зло не такъ легко уничтожается и добро не такъ легко достигается, какъ многіе предполагаютъ. Многіе думаютъ, что людямъ дурно жить на свѣтѣ только оттого, что они дурно ставованы, что стоить только ихъ перетасовать получше — и все

пойдетъ хорошо. Г. Щедринъ можетъ совершенно загадливо изобразить намъ, что какъ ни тасуй свиней или ословъ, они все-таки останутся свиньями или ослиами. Многие думаютъ, что какъ ни дурны и зловредны дѣйствія людей, они слагаются изъ элементовъ будто-бы годныхъ на хорошее и способныхъ провазвести это хорошее, если ихъ употребить какъ слѣдуетъ. Г. Щедринъ можетъ въ картинахъ и въ дѣйствіи представить, что гнусность есть всегда гнусность, и что какъ ни переворачивай и не перетрачивай дрянъ, изъ нея кромѣ дряни ничего не выйдетъ. Вотъ богатая тема для его будущихъ созданій. Вотъ важныя, полезныя и многосодержательныя истины, которыя онъ способенъ разрабатывать и пояснять съ величайшимъ успѣхомъ.

Въ настоящемъ случаѣ г. Щедринъ исполнилъ свою задачу превосходно и всякій безъ сомнѣнія принесетъ ему давн заслуженной хвалы. Онъ представилъ намъ въ лицахъ и картинахъ дурное или скорѣе дрянное семейство, въ которомъ нѣтъ никакихъ добрыхъ семейственныхъ отношеній, и показалъ, что корень зла заключается въ сквернѣйшихъ потребностяхъ, которыми обладаютъ всѣ члены этого семейства, и въ полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ потребностей, сколько-нибудь чистыхъ и человѣчныхъ.

Милое семейство состоитъ изъ матери, трехъ сыновей, внука и внучки. Никакой родственной любви между ними нѣтъ. Такая любовь, равно какъ и другія вещи, на которыя они осылаются, напримѣръ долгъ, молитва, грѣхъ, спасеніе души и т. п. знакомы имъ только по преданію; въ сущности все это остается для нихъ вещами посторонними и не имѣетъ никакого корня въ ихъ душѣ. Въ сущности сыновья ухаживаютъ за матерью только потому, что послѣ нея остается наслѣдство, раздѣлъ котораго отъ нея зависитъ. Кромѣ этого общаго для всѣхъ интереса, у нихъ есть еще и особая настоятельная потребность, которымъ они ревностно служатъ, а именно у двухъ старшихъ—желаніе составить себѣ карьеру на службѣ, а у младшаго—побуйствовать и поразвратничать. Внучка родительницы этихъ милыхъ сыновей также имѣетъ весьма опредѣленную потребность, именно копить деньги. Наконецъ, въ довершеніе картины, внукъ—совершенный шдіотъ, у котораго кромѣ животныхъ потребностей—*manager, boige* и *soitig* есть развѣ еще желаніе болтать какіе-то неудобопонятные звуки.

Такиа-то лица, не связанныя никакою связью и питающія одни эгоистическія желанія, авторъ сводитъ въ одну общую картину. Весь рассказъ состоитъ въ томъ, какъ сыновья и внуки прѣзжаютъ изъ Петербурга въ деревню поздравить главу семейства Марью Васильевну съ именинами и черезъ нѣсколько дней уѣзжаютъ во-своихи. Понятно, что тутъ является множество комическихъ столкновеній, превосходно изображенныхъ авторомъ. Члены мнлаго семейства сходятся вмѣстѣ не по желанію повидаваться, а по заведенному обычаю, по непонятной для нихъ обязанности, главное же—по стремленію подольститься къ маменькѣ и выиграть побольше выгодъ въ ея духовномъ завѣщаніи. Эти люди не имѣютъ между собою ничего общаго; они или не терпятъ, или боятся другъ друга, и потому сошедшійся вмѣстѣ, причиняютъ другъ другу множество толчковъ и непріятностей.

Еслибы я имѣлъ мѣсяць-другой свободнаго времени, то я охотно посвятилъ бы его на то, чтобы анализировать смыслъ каждаго изъ тѣхъ иногда весьма тонкихъ противорѣчій между долгомъ и потребностью, которыя такъ мѣтко схвачены г. Щедринымъ въ его рассказѣ. Теперь же я принужденъ только сказать: прелество, превосходно! и спѣшить къ заключенію.

Заключеніе же будетъ вотъ какое:

Люди, у которыхъ потребности противорѣчатъ обязанностямъ, большею частью походятъ на героевъ этого рассказа—Сеню, Митю и Ѳедю, то-есть такіе пошляки, такіе животноподобные эгоисты, что даже съ именемъ матери у нихъ связывается представленіе только о духовномъ завѣщаніи, которое послѣ нея остается.

Во-вторыхъ, мученія этихъ людей суть только комическія мученія, для которыхъ изобрѣтена поговорка: подѣломъ вору и мука! Въ самомъ дѣлѣ, прочитавши рассказъ г. Щедрина, конечно ни одинъ человекъ въ мірѣ не скажетъ: ахъ, бѣдныя! какъ жалъ, что понятіе долга мѣшаетъ имъ предаваться своимъ потребностямъ! Напротивъ, читатель душевно радуется каждому несчастію этихъ милыхъ героевъ. Кажется, еслибы Ѳедя дѣйствительно отдубасилъ Сеню (какъ у него на то руки чешутся), а Митя упряталъ бы куда-нибудь подальше Ѳедю (какъ онъ этого тайно и желалъ), то читатель былъ бы еще болѣе доволенъ.

Замѣчу здѣсь кстати, что въ разсказѣ г. Щедрина волюнѣ соблюдено правило нравоучительныхъ повѣствованій, именно:

въ концѣ наказанъ былъ порокъ—
И торжествуетъ добродѣтель.

Въ самомъ дѣлѣ, самое счастливое изъ лицъ повѣсти есть конечно матушка Марья Васильевна. Несмотря на всѣ толчки, она благодушествуетъ и довольна своими именинами. И она возбуждаетъ дѣйствительное сочувствіе. Не говорю о томъ, что сія энергическая дама обладаетъ великолѣпнымъ складомъ рѣчи, выражается слогомъ, который едва-ли уступитъ слогу самого г. Щедрина,—нѣтъ, и во внутреннемъ, въ душевномъ отношеніи въ ней нельзя не замѣтить чего-то *материнскаго*, тогда какъ въ ея сыновьяхъ сыновняго ужь вовсе нѣтъ.

Наконецъ въ-третьихъ и послѣднихъ, изъ разсказа г. Щедрина совершенно яствуетъ, что изъ такихъ людей, какъ Сена, Митя и Одея, и слѣдовательно вообще изъ людей, въ которыхъ потребности борятся съ обязанностями, никакого порядочнаго человѣческаго общества составить невозможно; что какъ ихъ ни переворачивай и ни перетасовывай, выйдетъ одна беллиберда и больше ничего.

Таковы плодотворные и весьма важные для нашего общества выводы изъ повѣсти г. Щедрина. Что до меня, то я отъ всей души радуюсь появленію этого разсказа. Но... (всегда является это проклятое но!) но нельзя, скажу прямо, не пожелать г. Щедрину побольше осторожности и самой строгой осмотрительности. Путь, на который онъ вступаетъ, весьма опасенъ и нѣтъ никакой надобности держаться его. Положимъ, проповѣдывать нравственность похвально; положимъ, первый опытъ удался г. Щедрину какъ нельзя лучше; но нельзя не бояться, что такія попытки не всегда сойдутъ ему съ рукъ удачно. Вѣдь и теперь дѣло обошлось не совсѣмъ благополучно. Передъ разсказомъ объ именинахъ и послѣ этого разсказа помѣщены г. Щедринымъ какія-то вступленія и заключенія, какія-то объясненія и разсужденія, которыя слѣдовало бы вовсе вычеркнуть. Говоря откровенно, они производятъ впечатлѣніе какого-то ни на что негоднаго тряпья, развѣшаннаго около хорошенькой картинки.

Итакъ опасность есть, и г. Щедрина должно обратитъ на

нее вниманіе. Онъ обладаетъ драгоценнымъ даромъ неба, блестящимъ талантомъ; онъ долженъ уважать свой талантъ, долженъ дорожить имъ, беречь и охранять его отъ всякаго вреда. Какія бы ни были тамъ другія потребности и надобности, нельзя легкомысленно приносить имъ въ жертву свой талантъ. Первое условіе, при которомъ можетъ развиваться и раскрываться талантъ, есть свобода его проявленій, его независимость отъ всякихъ побужденій, кромѣ его собственныхъ, *талантливыхъ* побужденій. Вотъ почему всякое писаніе на заданныя темы дурно и вредно. Вы хлопчете о нравственности? Но повѣрьте, что въ вашихъ созданіяхъ, если они будутъ вольно и прямо вытекать изъ вашего таланта, всякій понимающій человѣкъ найдетъ гораздо больше и гораздо лучшихъ указаній и наставленій, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда вы станете навизывать ваши образы и картины на какую-нибудь тощенькую идеюку.

На тему потому не слѣдуетъ писать, что всегда слѣдуетъ писать на множество темъ; нужно, чтобы созданіе напоминало собою жизнь, слѣдовательно могло бы быть источникомъ множества выводовъ, и не подставкою для одной крошечной мысли, а вообще пиццею для мышленія.

Н. Неллишо.

НЕБЕЗПОЛЕЗНАЯ ЗАМѢТКА.

Высочайше утвержденная комиссія, трудившаяся уже столько времени надъ разсмотрѣніемъ и обработкой новаго устава гласнаго и устнаго судопроизводства и опубликовавшая прошлой осенью главныя черты предполагаемой судебной реформы, повидимому упустила изъ виду одну, по нашему мнѣнію, крайне важную сторону всего вопроса о преобразованіи всего нашего судебного строя. Цѣль нынѣшней замѣтки — указать на этотъ пропускъ, доказать его дѣйствительное существованіе и единственный путь, по которому, по нашему крайнему разумѣнію, можно будетъ выйти изъ затруднительнаго положенія, вызваннаго неосмотрительностію редакціонной комиссіи.

Дѣло въ томъ, что при опредѣленіи правилъ, долженствующихъ служить основаніемъ для устройства нашихъ будущихъ мировыхъ и окружныхъ судебныхъ властей, комиссія не обратила вниманія на коренную разницу, существующую во всѣхъ условіяхъ общественной и политической жизни между нашими двумя столицами съ одной стороны и всѣми остальными городами имперіи съ другой. Не дѣлая никакого исключенія относительно С. Петербурга и Москвы, комиссія ясно доказала, что она намѣрена подвести ихъ подъ общее правило и устроить въ уѣздахъ петербургскомъ и московскомъ точно такіе же мировые съѣзды, состоящіе точно также изъ мировыхъ судей, какъ и въ уѣздахъ — ну хоть помехоньскомъ или городищенскомъ. Между тѣмъ всѣ условія общественной жизни, весь бытъ С. Петербурга до того разнятся отъ быта Помехоня, что сравнить ихъ можно бы только затѣмъ, чтобы еще яснѣе доказать существующій между ними контрастъ. Стоитъ только

хоть нѣсколько призадуматься надъ этимъ контрастомъ, чтобы согласиться съ тѣмъ, что одно изъ непремѣнныхъ его послѣдствій будетъ состоять въ коренномъ различіи вопросовъ, подлежащихъ судебному разбирательству (какъ по существу, такъ и по сопровождающимъ ихъ вѣщнымъ обстоятельствамъ) въ столицѣ или въ отдаленномъ уѣздѣ. Однако разницу, на которую мы тутъ указываемъ, не слѣдуетъ оставить безъ оговорки. Между убійствомъ или воровствомъ со взломомъ, совершеннымъ въ одной изъ столицъ, и тѣми же преступленіями, совершенными въ глухомъ уѣздѣ, нѣтъ той коренной разницы, чтобы разбирательство и произнесеніе рѣшенія по тѣмъ и по другимъ не могли быть предоставлены судамъ, одинаково конституированнымъ. Большая проворность столичныхъ воровъ и большая легкость для убійцы скрывать себя въ столицѣ, нежели въ провинціи, указываютъ только на необходимость большей бдительности и большей численности столичной *полиціи исполнительной*, не касаясь нисколько вопроса объ удовлетворительности для большихъ городовъ новыхъ судебныхъ учреждений, предполагающихся у насъ подъ названіемъ мировыхъ. Тоже самое, только въ степени еще болѣе сильной, пришлось бы повторить и о дѣлахъ гражданскихъ. Совсѣмъ другой видъ принимаетъ вопросъ, когда мы обратимъ вниманіе на дѣла, называемыя, по недостатку болѣе вѣрнаго названія, *полицейскими*. Этого рода дѣла, какъ напримѣръ споръ жильца съ хозяиномъ квартиры или дома, мелкая покража въ лавкѣ или магазинѣ, буйство или *повторенное буйство* на улицѣ, ссора между прислугою и хозяевами и многіе подобныя же случаи, по своей относительной маловажности и гораздо болѣе цѣнности времени въ большихъ городахъ, не могутъ безъ значительнаго неудобства подлежать довольно медленной процедурѣ мировыхъ сѣздовъ. Въ случаѣ апелляціи противъ рѣшенія единоличнаго мирового судьи дѣло переходитъ (по опубликованнымъ въ прошедшемъ году основнымъ положеніямъ) на рѣшеніе мирового сѣзда, собирающагося, какъ извѣстно, только въ опредѣленные, довольно отдаленные одинъ отъ другаго сроки. Понятно, что условія столичной жизни не допускаютъ столь продолжительной отсрочки для окончательнаго рѣшенія какого-нибудь маловажнаго дѣла, и что поэтому въ С. Петербургѣ и Москвѣ городовые суды ежедневнымъ присутствіемъ должны замѣнять срочные мировые сѣзды. Но могутъ намъ отвѣтить, что неудобство, на которое мы указали, относится собственно только до мировыхъ сѣздовъ, но не доказываетъ еще необходимости замѣнить и мировыхъ судей другими судьями, полицейскими.

Конечно это такъ; но если предметы полицейскаго характера, подлежащіе судейскому разбору въ столицахъ, дѣлаютъ неудобнымъ введеніе тамъ мировыхъ сѣздовъ, — то, съ другой стороны, характеръ столичныхъ населеній и разрозненность элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ, дѣлаютъ столь же невозможнымъ учрежденіе въ столицахъ и самихъ мировыхъ судей. Дѣло очень просто. Вся разница между судьями мировыми и полицейскими, кромѣ названія, состоитъ еще въ томъ, что первые выборные, а вторые назначаются правительствомъ. О характерѣ мировыхъ судей, выбранныхъ напримѣръ въ С. Петербургѣ, въ одно и тоже время дворянствомъ, столбовымъ и личнымъ, купечествомъ и избирательными ремесленниками, трудно составить себѣ какое-нибудь опредѣленное понятіе. Одно изъ двухъ: или одно сословіе, почему бы то ни было, возьметъ верхъ надъ другимъ, и принадлежавшіе къ нему судьи будутъ имѣть всѣ недостатки людей преслѣдующихъ, почти мимо собственной воли, интересы одного сословія; или же сословія окажутся на столько равносильными между собою, что ни одно не побѣдитъ другія, и тогда воспослѣдуетъ обыкновенный результатъ подобнаго положенія дѣлъ, т. е. большинство голосовъ останется за третьими и четвертыми кандидатами, вообще за людьми, которыхъ ни одна изъ борющихся партій не желала видѣть на мѣстѣ мирового судьи. Всѣ выборы, происходящіе съ сѣверо-американскихъ соединенныхъ Штатахъ, а въ особенности выборы президентовъ союза, могутъ служить яснымъ доказательствомъ только-что сказаннаго. Устройство выборовъ не по сословіямъ, а по частямъ или участкамъ города, конечно устранило бы это неудобство; но все населеніе отдѣльной городской части до такой степени не имѣетъ ничего общаго между собою (кромѣ развѣ одинаково отвратительной мостовой и одинаково грязной воды, поставляемой с. петербургскою компаніею водопроводовъ), что рѣшительно невозможно представить себѣ, какими общими соображеніями могли бы руководствоваться, при выборѣ мирового судьи своей части, собравшіеся въ одной залѣ — генералъ, проживающій въ бель-этажѣ, лавочникъ, торгующій въ подвалѣ, канцелярскій чиновникъ, живущій съ другой стороны улицы, и саможникъ на дворѣ, шьющій сапоги его превосходительства. О введеніи ценса, который бы могъ устранить эту разнородность интересовъ, тутъ и думать нечего. Ценсъ, находящійся при выборахъ политическаго овоиства еще какое-нибудь оправданіе, при судейскихъ лишентъ всякаго смысла.

Въ первомъ случаѣ онъ оправдывается будто тѣмъ, что люди участвуютъ въ политическихъ интересахъ по мѣрѣ своихъ имуществен-

ныхъ и обусловливаемыхъ ими умственныхъ силъ, и что поэтому бѣдный человѣкъ не такъ близко заинтересованъ въ выборѣ представителя города или округа, какъ его богатый образованный сосѣдъ. Объ истинѣ этого положенія мы теперь не споримъ; но ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ относиться къ выборамъ на судейскіе посты. Для безграмотнаго сапожника или чуть-грамотнаго торговца правый судъ, а слѣдовательно и справедливый судья, столь же важны и необходимы какъ и для богача-милліонера.

Нѣкоторые могли-бъ опасаться, что прямое назначеніе этихъ городскихъ судей правительствомъ оставило-бъ ихъ какъ-бы внѣ непосредственнаго дѣйствія общественнаго мнѣнія и этимъ самымъ освободило-бъ ихъ отъ его благотворнаго вліянія. Съ этимъ мы совершенно несогласны.

Дворянскіе выборы совершенно ясно доказали, что самъ актъ избранія и страхъ быть смѣненнымъ еще у насъ недостаточны, чтобы принудить выборнаго къ точному и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей. Положимъ, что безалаберность (другаго вѣрнаго термина мы право не знаемъ) нашихъ выборовъ пройдетъ вмѣстѣ съ другими прелестями нашего губернскаго былаго; но во всякомъ случаѣ въ провинціи недостаетъ и, по всей вѣроятности, еще долго не будетъ доставать одного очень сильнаго элемента, могущаго гарантировать, гораздо успѣшнѣе выборовъ, добросовѣстность и честность судьи — это газетная пресса. Страхъ передъ «Лидеромъ» или даже просто замяткой «Теймсъ» гораздо больше пугаетъ всякаго англійчанина, служащаго по приходскимъ или инымъ выборамъ, нежели опасеніе потери занимаемаго имъ мѣста во время слѣдующихъ выборовъ. И это совершенно естественно: выборы далеки, къ тому времени все дѣло можетъ быть уже будетъ забыто, а между тѣмъ громъ журнальнаго Юпитера (какъ называютъ «Times» въ Англій) падаетъ на голову провинившагося въ чемъ-нибудь общественнаго служителя на другой же день послѣ совершения преступленія, изобличаетъ его и издѣвается надъ нимъ въ глазахъ его семейства, его знакомыхъ, даже его лакея, почтительно подающаго ему за чаемъ завѣтный листъ, при чтеніи котораго пять минутъ передъ тѣмъ хохотала вся прислуга, пока его тотъ-же лакей грѣлъ надъ кухоннымъ огнемъ. Конечно, для того чтобы печатное слово могло приобрести или, лучше сказать, могло вновь приобрести такую силу и у насъ, нужно, чтобы наши газеты и журналы не только были освобождены отъ стѣсняющихъ ихъ нынѣ цензурныхъ правилъ,

но еще чтобы они значительно перешли свой нынѣшній тонъ и содержаніе. Но гдѣ теперь рѣчь не объ этомъ. Мы хотѣли только доказать приѣтромъ, что свободная и добросовѣстно исполняющая свои обязанности пресса удержитъ отъ провинностей общественнаго служителя гораздо скорѣе, нежели страхъ передъ выборами и далекая возможность потерять свое мѣсто.

Но если мы такимъ образомъ успѣли доказать необходимость проведенія разницы между мировыми судьями провинціальными и городскими, разницы обусловленной кореннымъ различіемъ между занятіями тѣхъ и другихъ, — то остается еще рѣшить вопросъ гораздо болѣе трудный, а именно: гдѣ слѣдуетъ провести линію, отдѣляющую кругъ дѣятельности городского полицейскаго судьи отъ круга дѣйствій обыкновенныхъ судебныхъ властей т. е. окружнаго суда и областной палаты? Рѣшеніе этого вопроса, по недостатку мѣста и времени, мы принуждены отложить до слѣдующаго номера нашего журнала.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЦЕНА.

ОТКРЫТІЕ СЕЗОНА.

(Съ 15 августа по 1 октября.)

Необходимое объясненіе.—Что такое семейный взглядъ на петербургскую труппу.—Весеннія надежды.—Притча и нравоученіе.—Предвкусіе драматическихъ наслажденій.—*Омутъ*.—*Ворожея*.—*Лиза Фомина*.—Дебюты г-жи Горской.—*Вольфсонъ* и *Родиславскій*.—«Было, да прошло».—Г-жа Владимірова въ «Грѣхъ да бѣда». Заповѣдалыя пьесы. «Доходное мѣсто».—Послѣсловіе.

Нужно, по истинѣ, имѣть неистощимый запасъ любви къ драматическому искусству, чтобы съ приближеніемъ каждой осени начинать толки о російскомъ театрѣ. Вступленіе это можетъ показаться очень нескромнымъ; но оно искренно, и въ существѣ своемъ, правдиво до крайности.

Ну, вообразите вы себя въ кожѣ истаго театрала, въ положеніи пламеннаго любителя искусства. Если вы захотите произвести надъ собою эту операцію здѣсь, въ сѣверной Пальмирѣ, то во-первыхъ ваши интересы, наслажденія, радости и печали будутъ носить на себѣ совершенно иной характеръ, нежели бы это было хоть въ Москвѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Парижѣ или въ другомъ какомъ городѣ... Тамъ вы идете смотрѣть пьесу и судите объ ней вѣрно, или почти вѣрно, потому что она выполнена такъ, что всѣ ея недостатки и красоты не скрыты отъ васъ; предъ вами если не всегда сама жизнь, то по крайней мѣрѣ исполненіе приличное сюжету. Виѣстѣ съ тѣмъ вы наблюдаете развитіе

талантовъ, вы слѣдите за новыми силами, разрастающимися отъ добросовѣстнаго изученія, вы наслаждаетесь новыми типами, вы знакомитесь съ новыми людьми, вы живете ихъ борьбой, ихъ слезами и смѣхомъ, вы похищаете, такъ сказать, толкованіе жизни у театральныхъ подмостковъ!... И только совокупность всѣхъ этихъ хорошихъ и необходимыхъ вещей даетъ вамъ сознаніе, что вы любитель драматическаго искусства, только она даруетъ вамъ убѣжденіе, что вы занимаетесь дѣломъ, а не вздоромъ!

Ну, спрашиваю я васъ, какимъ способомъ будете вы здѣсь, въ городѣ Петербургѣ, устраивать свою любительскую жизнь по вышеприведенной программѣ? Отложите попеченіе о такихъ экстравагантностяхъ... забудьте, что существуютъ какіе-то законы, какія-то строгія требованія, что существуетъ вообще какая-то серьезная и даже глубокая по своему значенію вещь, именуемая театромъ, что есть какія-то наслажденія, вызываемыя просвѣтленнымъ творчествомъ... и проч. и проч. Пожалуста забудьте вы обо всемъ этомъ!... Единственный способъ слиянія, единственное отношеніе къ здѣшней сценѣ для здѣшняго любителя—это отношеніе *хозяйственное, семейное, интимное...*

Объяснюсь подробнѣе.

Если вы петербургскій *любитель*, то вамъ не должно быть никакого дѣла до идеи театра, до драматической литературы, до вопросовъ искусства, до критической оцѣнки, наконецъ до самой пьесы, которую вы идете смотрѣть. Все это для васъ *Ganz Romshade*, какъ выражаются шикарные нѣмцы. Во-первыхъ вы должны полюбить всѣмъ сердцемъ всю труппу безъ исключенія, отъ корифея Самойлова до гг. Антоволини, Рупини и г-жъ Сихры, Закаспійской, Рейвеке и иныхъ... Во-вторыхъ вы должны признать, что они всѣ одинаково даровиты, а еще лучше, если вы признаете, что они вовсе и не актеры, а просто милые шалуны, которые забавляются на подмосткахъ въ свободное отъ уроковъ время, вы же ихъ общій другъ, коего они *безвозмездно* приглашаютъ смотрѣть на свои забавы. Тогда вы истинный петербургскій любитель. Тогда вы идете на каждый спектакль, на каждую новую пьесу какъ на семейный праздникъ, какъ на олку; именно на олку. Пьеса—елка, а кругомъ разложены подарки. Коля, Вани, Мави, Оли, Наташи подходятъ къ столу и получаютъ подарки. Коля получилъ, напримѣръ, барабанъ; но вы очень хорошо знаете, что онъ

не съумѣеть выбить изъ него трели: вась забавляютъ однакожь его условія представить изъ себя барабанщика; а у Маня — сабля, ростомъ больше его самого; и тутъ ваше дружеское, семейное сердце радуется, глядя на то, какъ Маня размахиваетъ этой саблей, воображая себя гусаромъ!..

То-же должѣнъ испытывать любитель россійскаго театра въ Петербургѣ. Видитъ онъ, примѣрно, на афишѣ, что леди Макбетъ будетъ изображать г-жа Жулева. Вотъ онъ, хихикая, и говоритъ себѣ и другимъ любителямъ: надо посмотрѣть, какъ это у ней выйдетъ; вѣдь что онѣ только выдумаютъ, эти милыя шалуньи!.. Ну и пойдетъ въ театръ, и весь спектакль будетъ безпрѣжно радоваться, и дружески подмигивать глазкомъ, и въ ладоши ударить! Или, напримѣръ, скажутъ ему, что г. Малышевъ явится въ Ромео, а г. Пронскій изобразитъ Отелло, а г. Григорьевъ Клавдія... а самъ г. Вороновъ будетъ фоліонировать въ роли Незабудкина, въ «Новичкахъ въ любви!» Онъ спѣшитъ въ кресла, и потирая руки, говоритъ до поднятія занавѣса: «спотѣха! чего только не затѣютъ эти шалуны!».. И наблюдаетъ онъ съ любовію, какія они колѣнца выкидываютъ... Для него нѣтъ пьесы, нѣтъ ролей, нѣтъ положеній, для него есть только милые шалуны и шалуньи, одѣтые испанцами, царями, королевами, пейзанками, мужиками, кушцами и весьма бойко говорящіе по тетрадкѣ.

Такое отношеніе къ театру существуетъ дѣйствительно у любителей здѣшней сцены. Если же это отвергать, тогда нужно будетъ отвергнуть самое существованіе любителей; а сдѣлать это трудновато, ибо залы Александринскаго и Мариинскаго театровъ наполнены бывають публикой, которую, по ея добродушію, нельзя не заподозрить въ самыхъ интимныхъ, семейныхъ, *елочныхъ* взглядахъ на забавы петербургскихъ служителей Талии и Мельпомены.

Все что смотритъ на здѣшнюю сцену иначе, должно взойти въ разрядъ зомловъ, ругателей, вигилистовъ, вообще причисляться къ злобному и неблагоприятному козлищу. Эта партія, этотъ наборъ зрителей никоимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ любителямъ. Какіе же они любители, когда въ нихъ кроется злорадство, когда они не хотятъ понять въ своемъ озлобленіи, что нельзя же требовать отъ Коли отчетливой барабанной дроби, а отъ Маня гусарскаго обхожденія съ оружіемъ!..

Наши читатели давно, я думаю, замѣтили, что и насъ, какъ зовловъ, никакъ нельзя причислить къ міру петербургскихъ театровъ. Мы тщимся относиться къ сценѣ серьезно, мы заявляемъ все строгія требованія!..

Но какъ ни далеки мы, по злосердечію нашему, отъ мягкаго, семейнаго воззрѣнія на сцену, мы спѣшимъ, по зрѣломъ размысленіи и долгомъ опытѣ, заявить читателямъ, что бесѣдуя съ ними, мы прибѣгнемъ къ двойной маюерѣ. Объ новыхъ явленіяхъ, объ новыхъ пьесахъ и роляхъ мы будемъ говорить какъ враги здѣшней сцены, т. е. серьезно, не оставляя своихъ злобныхъ требованій; къ другимъ же мы рѣшительно отнесемса *семейно*, съ любовью истинныхъ петербургскихъ дилетантовъ. Эти рецензіи читатель въ-правѣ будетъ называть *воспоминаніями о милыхъ шалуняхъ и ихъ праздничныхъ забавахъ*.

Всегда, въ началѣ года, или въ началѣ какого-нибудь періода, курса, рейса, сезона—люди имѣютъ слабость возлагать нѣкоторыя сладкія надежды на грядущее, ожидать, что вотъ-вотъ прилетятъ милые жаворонки съ пѣснью весны и обновленія... Такъ точно и въ наше сердце могли закрасться надежды... Намъ говорили, мы слышали. . Будто-бы съ открытіемъ сезона 63—64 года потекутъ рѣки медвяныя среди береговъ кисельныхъ, что появятся какіе-то свѣтлые таланты, что рухнутъ разныя беззаконія, что режиссеръ Вороновъ не будетъ выпускать русскихъ пейзановъ въ япанчахъ съ желтыми отворотами, что въ Александрійскомъ по коридорамъ разнесется запахъ амбре, а залу освѣтятъ электрическимъ свѣтомъ... Этого мало: слухъ шель, что ужъ больше не будетъ разовыхъ, не будетъ бенефисовъ, аристократизмъ въ лицѣ театралныхъ корифеевъ дастъ мѣсто демократіи, каждый театръ получитъ своего особаго начальника репертуара, и всѣ эти начальники репертуаровъ составятъ изъ себя нѣкоторый синедріонъ, кой славою своею мудрости отуманитъ славу комитета, предводимаго мифическимъ образомъ г. Юркевича.

Все это была притча, а теперь послѣдуетъ правоученіе. Мы знаемъ, что намъ сейчасъ могутъ сдѣлать упрекъ: зачѣмъ этотъ

шуточный тонъ? А затѣмъ, любезные мои читатели, чтобы показать какъ мало заслуживаютъ петербургскіе актеры того, чтобы о нихъ дѣйствительно говорить серьезно. Конечно не всѣ они бездарности, но почти за каждымъ изъ нихъ водится какой нибудь тяжкій грѣхъ. Одни заѣдаютъ чужой вѣкъ и въ качествѣ заслуженныхъ артистовъ не давая хода молодымъ актерамъ, получаютъ огромныя деньги за свою рутинную игру; другіе не учатъ ролей; третьи паясничаютъ; четвертые берутся не за свои роли и всѣ безъ исключенія ничего не читаютъ и нисколько не радуются о своемъ умственномъ и эстетическомъ развитіи. Одно незнаніе жизни и общества, одна безобразная постановка можетъ возмутить всякаго наблюдающаго здѣшнюю сцену и дать право осмѣивать петербургскую труппу!

Послѣ такого нелюбезнаго предисловія мы должны, спустившись на почву дѣйствительности, объявить нашимъ читателямъ, что всѣ сладкія надежды на появленіе жаворонковъ съ пѣсней любви и обновленія не состоялись. Все идетъ попрежнему: тѣже разовые, бенефисы, таже талантливость и добросовѣтность, тѣже желтые отвороты на япанчахъ русскихъ пейзажъ, выпускаемыхъ режиссеромъ Вороновымъ. Да и какая можетъ быть новизна, какое обновленіе въ этомъ заколдованномъ мірѣ? Съ перваго дня, съ перваго спектакля, которымъ открылся осенній сезонъ, мы почувствовали себя все въ той же угарной залѣ, гдѣ публика и артисты самымъ возмутительнымъ образомъ надуваютъ другъ друга.

Въ первое представленіе русскаго театра по возвращеніи его съ острововъ дана была комедія «Омутъ», которую мы до сихъ поръ здѣсь еще не видали. Этотъ спектакль былъ для насъ какъ-бы предвкусіемъ всѣхъ нашихъ театральныхъ впечатлѣній въ предстоящемъ сезонѣ.

«Омутъ» вещь не бездарная, но чрезвычайно грубая по замыслу и даже по исполненію. Нельзя конечно ставить автору въ упрекъ, что онъ задумалъ представить намъ міръ безысходной жиы и пошлости. И въ «Ревизорѣ» мы видимъ тоже. Но вина его состоитъ въ томъ, что онъ заключилъ свою идею въ узкія рамки, и не давая живнннаго разнообразія и развитія каждой личности, постарался только, чтобы ни одному зрителю не пришло на

умъ усомниться, что предъ его глазами дѣйствительно «омутъ». Оттого пьеса тяжела, мѣстами лишена движенія, а главное, подавляетъ васъ однообразіемъ впечатлѣній. Какое вы чувство получили съ первыхъ явленій пьесы, то самое чувство вынесете вы и по окончаніи ея. Это было бы достоинствомъ, еслибы ощущенія ваши имѣли отбѣивъ, еслибы авторъ заставлялъ васъ различными образомъ реагировать на впечатлѣнія живой и пошлой жизни, но этого ничего нѣтъ; авторъ капаетъ все въ одну точку, почему и достигаетъ одной цѣли — раздраженія вашей нервной системы, а не эстетическаго удовольствія. Соціальное значеніе этой пьесы не глубоко. Новаго слова въ ней нѣтъ; новыхъ типовъ также нѣтъ. Крайняя испорченность молодого офицера не достаточно мотивирована; авторъ развѣ можетъ только оправдаться половицей: яблоко отъ яблони падаетъ не далеко.

«Омутъ» разыгрывается лучшими петербургскими актерами: Васильевымъ 2, Зубровымъ, Нильскимъ, Яблочковымъ, Ливской и Стрѣльской. Пьеса идетъ гладко, но мы не обинуясь скажемъ, что въ исполненіи она теряетъ почти всю правду, какая есть въ ней, какъ въ произведеніи литературномъ. Г. Зубровъ долженъ играть стараго подъячача (личность, которая автору удалась всего больше), подъячача, который долженъ вамъ напомнить двадцатые и тридцатые года, время капитановъ-исправниковъ и мрачныхъ набѣдовъ на скиты, а г. Зубровъ просто-напросто *представляетъ* вамъ департаментскаго экзекутора, очень злаго и подлаго; но ничего больше. Мы не разъ говорили, что г. Зубровъ старательный актеръ, но онъ никакъ не можетъ выйти изъ заколдованнаго круга, который очертила вокругъ него ограниченность драматическихъ дарованій. Объ игрѣ г. Яблочкина не слѣдовало бы говорить серьезно, потому что его игра серьезнаго обсужденія вообще не заслуживаетъ. На этотъ разъ мы спросили бы только у распорядителей сцены: по какимъ это традиціямъ присуждено г. Яблочкину право играть офицеровъ, и особливо такихъ офицеровъ, каковы въ комедіи «Омутъ» долженъ быть поручикъ Мечословъ? Этотъ поручикъ — шулеръ, забіяка, дуэлистъ, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы, ярмарочный герой тридцатыхъ годовъ. Такіе господа обыкновенно рослы, плечисты, голосъ имѣютъ хриплый, басовый, манеры сурово-ухарскія, лице рьяное, рѣзкія черты, — а у г. Яблочкина нѣтъ и этихъ наружныхъ свойствъ, не говоря уже

о томъ, что у него нѣтъ дарованія выполнить какую бы то ни было серьезную роль. Г. Нильскій былъ скорѣе похожъ на семинариста, чѣмъ на юнаго корнета, и весьма старательно изображалъ душевное волненіе въ сценѣ, когда мать его говоритъ поручику о томъ, что она долговъ его платить не намѣрена. Самую эффектную роль приказнаго *Крысана* игралъ г. Васильевъ 2 очень рутинно. И намъ весьма грустно было видѣть, какъ талантливый актеръ начинаетъ усноковываться на извѣстныхъ вишнихъ приемахъ. Но чѣмъ легче достаются даровитымъ актерамъ эти вишніе приемы, тѣмъ строже должна быть къ нимъ критика. Г. Васильевъ 2-й не постарался создать типа; онъ удовольствовался только тѣмъ, что его фигура, гримировка и походка были смѣшны.

Два женскихъ лица комедіи были выполнены весьма слабо. Г-жа Линская сыграла роль старухи-помѣщицы такъ выло, съ такимъ отсутствіемъ характера, съ такою наконецъ рутинностью приемовъ, которой почти нельзя оправдать въ актрисѣ, занимающей первыя роли. Такъ наприимѣръ сцена, когда скупая и злая старуха убѣждается, что сынъ ея надулъ самымъ наглѣмъ образомъ, должна по своему замыслу производить впечатлѣніе подавляющее, тяжелое, и хотя грубое, но все-таки драматическое. А г-жа Линская исполнила эту сцену совершенно водевилно, рутинно размахивала руками и охала, и не выказала ни злости, ни ярости жадной и глупой старухи, ничего такого, что бы было жизненно, а не рутинно.

Въ пьесѣ есть горничная — сирена, которая соблазняетъ все молодого офицера и добивается таки того, что онъ, выправивъ ей плутовскимъ образомъ вольную, увозитъ ее. Это лицо, недурно задуманное, при хорошей игрѣ является весьма виднымъ пятномъ въ пьесѣ. Но каждому ясно, что такая горничная въ жизни должна быть огонь-дѣвка — красивая, страстная, съ звучнымъ голосомъ, съ змѣиными приемами. И такую-то женщину играла г-жа Стрѣльская! Театральное начальство вѣроятно дало ей эту роль на томъ основаніи, что она состоитъ на амплуа субретокъ и горничныхъ. Но вѣдь надо же немножко придерживаться правды; вѣдь нельзя же Дездемону заставить играть пятидесятилѣтнюю старуху безобразную собой, а Отелло — какого-нибудь альбиноса. Г-жа Стрѣльская можетъ очень сносно испол-

нять роли горничныхъ, болтающихъ съ своими господами объ разныхъ разностяхъ, но роль обольстительницы играть ей просто неприлично; а неприлично потому, что она смѣшна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей смѣшной быть не слѣдуетъ. Когда она говоритъ «офицеру: залюбила бы я тебя до смерти! всякій» невольно расхохочется, смотря на ея фигуру и слушая, какъ сказаны эти слова. Посмотрите-ка что выходитъ въ этой роли у Варвары Бороздиной. Передъ вами дѣйствительно чортъ-дѣвка, вы ей на-слово повѣрите, что она всякаго до смерти залюбитъ.

Такимъ способомъ гг. артисты петербургской труппы открыли сезонъ.

Первая новая пьеса, данная дирекціей, была переводная драма «Ворожея». Лучшаго видно ничего не припасли. Премилая вещица! Она очень мила тѣмъ, что привлекла къ себѣ симпатіи театральнаго комитета, а также и тѣмъ, что можно было увидать нашихъ милыхъ проказниковъ и проказницъ въ разныхъ живописныхъ позурахъ.

Читателю достаточно будетъ, если мы сообщимъ ему конфиденціально, что сія драма имѣетъ смыслъ правоучительный и долженствуетъ популяризировать идею вѣротерпимости. Благородство чувствованій смѣшивается въ ней самымъ деликатнымъ образомъ съ раздражительностію положеній. Двѣ матери, въ образѣ г-жъ Жулевой и Сабуровой, энергически препираются на аренѣ материнской любви. Когда онѣ тормозили бѣдную г-жу Подобѣдову 2-ю, изображавшую ужасную жертву нетерпимости, мой сосѣдъ справа выразилъ мнѣнію, что хорошо бы въ эту минуту пустить фонтанчикъ промежду нихъ или освѣтить бы заднюю кулису бенгальскимъ огнемъ, съ чѣмъ я вполне согласился и пожелалъ, чтобы литературно-театральный комитетъ и распорядители сцены быстрѣе бы шли по пути прогресса и составили бы себѣ такой репертуаръ, въ которомъ каскады живой воды, фейерверки и бенгальское освѣщеніе были бы такъ же необходимы, какъ на увеселительныхъ праздникахъ Ивана Ивановича.

Дирекція не удовольствовалась переводной драмой и дала отъ себя драму оригинальную, въ четырехъ актахъ. Пьеса эта называется «Лиза Фомина» и принадлежитъ перу женщины. А-

торъ ея — г-жа Каменская, имя которой встрѣчалось въ литературѣ. Но иное дѣло писать повѣсти, иное — драмы. Если г-жа Каменская рѣшилась сдѣлаться драматургомъ по зрѣломъ размышленіи, то мы бы ей совѣтовали не продолжать этого новаго поприща. Она не можетъ быть причислена къ разряду начинающихъ, почему и нельзя возлагать на нее надеждъ, а скорѣй нужно пожелать, чтобы она бросила самолюбивый замыселъ ноставлять на сцену раздирательныя драмы. Пьеса г-жи Каменской построена совершенно такъ, какъ строятся плохія женскія повѣсти Фондъ составляетъ благородство чувствованій, характеры строятся по рецепту. На рецептѣ можетъ быть одно названіе или два. Если одно, то характеръ выходитъ ординарный, а коли два, то характеръ выходитъ съ контрастами. Такъ точно и въ «Лизѣ Фоминной». Идея — благородство чувствованій. Это благородство выражено сюжетомъ, по которому значится, что дочь злостнаго банкрота, увидавши злодѣйства своего тятеньки, рѣшается обокрасть его, заплатить кредиторамъ и потомъ утопиться въ Невѣ, что и совершаетъ къ всеобщему потрясенію зрителей. Главный характеръ — купецъ Фоминъ слѣпленъ по рецепту съ контрастами: одна сцена должна изображать скупость, другая любовь къ дочери, третья опять скупость и т. д. до самой смерти сего злостнаго и въ тоже время любящаго отца, происходящей на самой сценѣ тоже къ всеобщему потрясенію зрителей. Правда, г-жа Каменская не имѣла претензій задѣть какой-нибудь гражданскій мотивъ, но за то психологическій мотивъ задѣтъ ею весьма неуклюже, а катастрофа драмы исполнена съ грубостью даже непонятною въ женщинѣ-писательницѣ. Сцены Фомина въ четвертомъ актѣ съ нянькой и съ тѣломъ своей дочери производятъ вовсе не потрясающее, а отвратительное впечатлѣніе. Говорить серьезно о личности героини драмы не стоитъ. Это есть блѣдный символъ тѣхъ благородныхъ чувствованій, въ коихъ автору желательно было образовать зерно своего произведенія. Мы бы предложили лучше назвать драму не «Лиза Фоминна», а «Непостижимая утопленница». Тогда бы по крайней мѣрѣ авторъ могъ совсѣмъ не отвѣчать на вопросъ простодушнаго зрителя: да скажите пожалуйста, зачѣмъ же она утопилась?

Лизу Фомину играла г-жа Спорова. Мы уже имѣли случай говорить объ игрѣ этой актрисы-любительницы. Если мы ког-

да-нибудь и возлагали на нее надежды, то чистосердечно въ этомъ расканиваемся. Трудно вообразить себѣ болѣе сухую, вышнюю игру. Не говоримъ уже о томъ, что г-жа Спорова не умѣетъ выразить ни одного сильнаго душевнаго движенія; въ ея игрѣ нѣтъ даже той женственности, тѣхъ приемовъ, какіе должны быть въ свосной водевильной актрисѣ. Напримѣръ въ первомъ дѣйствіи она играетъ дѣвочку, вернувшуюся въ родительскій домъ изъ пансіона. Поватно, что въ первыя минуты она должна быть воодушевлена, жива, все осматривать, ко всѣмъ обращаться съ веселымъ взглядомъ, съ симпатичными приемами. Ничего этого не было въ игрѣ г-жи Споровой. Г-жа Спорова опять по выходѣ на сцену осталась безучастна ко всему, что вокругъ нея происходитъ, и поражала сухостью своего тона и угловатостью манеръ. Мы затрудняемся сказать, на какомъ амплуа остановиться г-жѣ Споровой; мы знаемъ только то, что въ ея игрѣ нѣтъ ни искренности, ни страсти, ни веселости. Публика кажется начинаетъ думать не по-нашему, и не одинъ разъ вызвала г-жу Спорову въ «Лизѣ Фоминой». Мы съ своей стороны можемъ заиѣтить только, что актеръ и актриса, желающіе разиѣрять свои таланты хлопаньемъ нашей публики, недалеко уйдутъ въ своемъ сценическомъ развитіи.

Драму г-жи Каменской вынесъ на своихъ плечахъ корифей нашей сцены г. Самойловъ. Изображая характеръ съ двойнымъ рецептомъ, этотъ артистъ самымъ яркимъ образомъ отгѣнилъ составныя части драматическаго рецепта, такъ что каждый, даже самый простодушный зритель видѣлъ, что въ такомъ-то явленіи г. Самойловъ представляетъ скупость, а въ слѣдующемъ пойдетъ отеческая любовь. Мы никакъ не скажемъ, что г. Самойловъ игралъ дурно: напротивъ, онъ даже постарался сыграть какъ можно получше; но ни въ какой роли г. Самойловъ не поднимается выше искусства подчеркиванія извѣстныхъ сценическихъ положеній. Въ мѣстахъ же страсти и ярости онъ часто переходитъ въ область эквилибристики, блестящій образецъ чего показалъ и въ «Лизѣ Фоминой». Когда онъ, въ послѣднемъ актѣ, вернувшись въ свой подвалъ, гдѣ жилъ отдѣльно отъ дочери, вдругъ видитъ, что сундукъ съ деньгами вынутъ изъ подполья и взломанъ, то г. Самойловъ не упускаетъ случая хватить ногой въ близъ-стоящія ширмы, причемъ онъ съ грохо-

томъ валется, и повернувшись нѣсколько разъ на одномъ мѣстѣ, удариться объ полъ съ ловкостью эквилибриста, въ два приѣма, на подобіе резинового мячика, то-есть упасть, подскочить и опять увастъ. Хорошія преданія можетъ имѣть та сцена, на которой первые актеры выдѣлываютъ подобныя эволюціи!

Изъ остальныхъ лицъ, участвовавшихъ въ пьесѣ, г-жа Линская играла кумушку-тараторку по разъ заведенному фасову, г. Нильскій изобразилъ безцвѣтнѣйшаго купеческаго жёнъ-премье, а драматическіе кредиторы представлены были гг. Озеровымъ и Шемаевымъ.

Само собой разумѣется, что автора вызывали, почему г-жа Каменская можетъ успокоиться и счесть наши замѣтки злокозвенною критикою.

Между двумя новыми пьесами былъ дебютъ любительницы г-жи Горской, въ роли «Катерины», въ драмѣ «Гроза». Эта роль сдѣлалась рѣшительно приманкой для начинающихъ, и никто изъ нихъ до сихъ поръ не догадается, что съ нея-то и не слѣдуетъ начинать. Попытка г-жи Горской оказалась самолюбивой, но неудачной. Г-жа Горская по своей наружности очень подходитъ къ образу Катерины. У нея очень красивое, симпатичное, русское лицо, пріятный голосъ, мягкія движенія; но игры *буквально никакой*. Она даже не умѣетъ читать хорошенько. Мы бы сочли долгомъ разобрать ея игру, еслибъ видѣли въ ней что-нибудь серьезное; но мы скажемъ только, что г-жѣ Горской не слѣдовало дебютировать, по крайней мѣрѣ въ роли Катерины. По слѣдующимъ дебютовъ она больше и не показывалась.

Нѣкій германорусскій, сочинитель по имени Вольфсонъ, издающій въ Дрезденѣ журналъ подъ заглавіемъ «Russische Revue», нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочинилъ драму изъ русскихъ правъ, въ коей желалъ изобразить ужасъ крѣпостнаго состоянія. Драма эта называлась «Nur eine Seele», что значитъ: «Только одна душа». Вся Германія, какъ слышно, прельстилась этой пьесой и ахала надъ ужасами, совершаемыми у сѣверныхъ варваровъ. По уничтоженіи крѣпостнаго права, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ одному изъ акціонеровъ тамошней драматической компа-

ни г. Родиславскому пришла благая мысль оную драму, сочиненную на русские нравы, переделать въ болѣе національномъ вкусѣ. Мы предоставляемъ самому читателю обсудить красоту подобнаго литературнаго факта. Еще перевести для курьёзу нѣмецкую штуку изъ русской жизни — ну, это еще кое-какъ понятно; но *переделать* — на это нужно всю бездарность московской драматической плеяды.

И не постыдный ли это фактъ въ исторіи нашего театра, что такое великое народное событіе, какъ ваденіе крѣпостнаго права, не вызвало на сцену ни одного, хотя бы посредственнаго, но оригинальнаго произведенія? Такой фактъ не только постыденъ, — онъ имѣетъ безнравственное значеніе. Простые люди смотрятъ изъ райка на представленіе, гдѣ какъ-будто изображается русская жизнь; они слышатъ, какъ произносятся слова мавишеста, открывшаго имъ свободу; но кто далъ намъ право вводить ихъ въ обманъ, кто далъ намъ право ставить передъ ними наріюветокъ вмѣсто людей, привлекать ихъ къ зрѣлищу нечѣстности, пошло-сочиненныхъ сценъ, народіи на жизнь?!..

Но этого еще мало. Герой сего драматическаго чудища — либераль Волыинскій, по желанію гг. *передельвателей* проповѣдуетъ такую доктрину умѣренности, какая въ настоящую минуту равновѣсна самой гнилой реакціи. Точно будто онъ взялъ страницу изъ «Московскихъ Вѣдомостей» и читаетъ ее къ вѣщному поученію публики...

Но довольно о самой пьесѣ. Нужно жить всю апатичность нашей славяно-русской природы, чтобы терпѣть на сценѣ подобныя чудовищныя нечѣстности... А у насъ хлопаютъ, даютъ пьесу чуть не десять разъ сряду, развращаютъ вкусъ, пониманіе и гражданское чувство массы!..

Этотъ милый подарокъ сдѣлалъ публикѣ въ свой бенефисъ (по счету первый) знаменитый режиссеръ русской драматической труппы Вороновъ. Въ прошломъ году онъ угостилъ ее новымъ ристаніемъ, съ участіемъ гвардейской вольтижерской команды; но мы затрудняемся сказать, что лучше: участіе-ли лошадей въ драматическихъ представленіяхъ, или появленіе на сценѣ вещей, подобныхъ траги-комедіи: «Было, да прошло»?

Но еще возмутительнѣе то, что исполненіе оказалось ниже пьесы, за исключеніемъ одного Сосницкаго, который игралъ стараго крѣпостника, князя Оршевскаго. И не столько бездарностью поражала игра, сколько совершенной фальшью, совершеннымъ неуваженіемъ къ правдоподобию. Можете вы себѣ представить, читатель, напримѣръ слѣдующую штуку. Г-жа Подобѣдова 2-я, играющая героиню пьесы, которая изъ воспитанницъ богатой графини волею помѣщика обращена опять въ лакейское званіе — является, ни съ того, ни съ сего, въ сарафанѣ, съ открытой шеей! Изъ пьесы значитъ, что она дочь садовника, слѣдовательно дворовая; а всякій, кто жила въ деревняхъ, знаетъ, что теперь и въ захолустьяхъ дворовыя дѣвушки носятъ платья; а тѣмъ менѣе мотива надѣть сарафанъ бывшей воспитанницѣ, которую никто къ тому не побуждалъ. Но этого мало. Театръ изображаетъ садъ зимой. Голыя деревья, свѣтъ, все какъ слѣдуетъ. Время видимо зимнее, да и по пьесѣ — мѣсяца за полтора до объявленія манифеста. И какъ бы вы думали: г-жа Подобѣдова, съ заступомъ въ рукахъ, граціозно копаешь землю, въ одномъ сарафанѣ, съ открытой шеей, и небольшимъ платкомъ на плечахъ!.. Скажите-же бога-ради, кого же тутъ морочать?!.. Народъ, посѣтителей райка, или образованное меньшинство?!.. Въдъ всему есть мѣра; а такое актерство, такая сценическая ложь — возмущаютъ до мозга костей!..

Многое множество лицъ участвуетъ въ пьесѣ г. Родиславскаго. Г-жа Жулева и Сабурова *представляютъ* аристократическихъ дамъ, и читатель самъ догадается, какъ это мило выходитъ. Героя драмы, популяризирующаго «Московскія Вѣдомости», изображаетъ неизмѣнный г. Нильскій; славянофила въ какомъ-то халатѣ играетъ г. Малышевъ; толпу сосѣдей воспроизводятъ съ присущими имъ талантами гг. Марковецкій, Васильевъ 1-й, Славинъ и проч.

Въ заключеніе прибавимъ, что автора вызывали; но его, къ сожалѣнію, не оказалось въ Петербургѣ. А хорошо бы было взглянуть, какъ это г. Родиславскій сталъ бы раскланываться той публикѣ, которую онъ долженъ презирать, если онъ стоитъ хоть на одинъ вершокъ выше своего произведенія!.. Виновать, читатель!.. Лавры съ г. Родиславскимъ пожинаетъ нѣкій г. Новицкій, еще неизвѣстный неопитъ драматической секты, имѣющей

во главѣ своей знаменитаго московскаго публициста Михаила Ловгина, дерзающаго, какъ извѣстно, дѣлать реприманды даже самому Михаилу Каткову.

Мимоходомъ мы скажемъ объ одномъ спектаклѣ, который давнѣе былъ между двумя бенефисами. Давали драму «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Льва Краснова игралъ г. Бурдинъ, а Татьяну въ первый разъ г-жа Владимірова. Въ прошломъ сезонѣ намъ не случилось видѣть г. Бурдина въ этой роли, а шель слухъ, что будто бы онъ въ ней очень хорошъ. Любопытство наше было также возбуждено и тѣмъ, что г-жа Владимірова появится въ роли, не подходящей къ прежнимъ сценическимъ ея упражненіямъ.

Мы уже говорили какъ-то, что у г. Бурдина охота великая, а участь горькая. Онъ видимо старался быть похожимъ на Льва Краснова, и дѣйствительно былъ похожъ на лавочника, по своей гримировкѣ и даже по манерамъ; но больше ужъ ничего въ немъ не было, и прежде всего, ни одной капли страсти и страстности, которыя должны отличать натуру Краснова. Всю пьесу г. Бурдинъ вылъ, и его плаксивый тонъ нисколько не возбуждалъ сочувствія; въ сценахъ раздраженія онъ канючилъ; въ сценахъ бѣшенства — былъ просто смѣшонъ и отнималъ у драмы всю ея правду. Всякій мыслящій зритель конечно сказалъ, смотря на игру г. Бурдина, что такой сырой, плаксивый, слабый человекъ никогда не способенъ былъ бы на страстный и даже бѣшенный порывъ. И тутъ должны мы прибавить, что дѣлать сравненіе между игрою г. Васильева 2 и г. Бурдина въ этой роли не только не слѣдуетъ, но и невозможно. Наши читатели знаютъ, что мы были очень требовательны къ г. Васильеву, говоря объ немъ въ роли Краснова; и мы повторимъ здѣсь еще разъ, что не удовлетворяемся лицомъ, созданнымъ г. Васильевымъ; но въ немъ прежде всего виденъ живой человекъ, вы чувствуете страсть, вы чувствуете силу, передъ вами — талантъ, положительное дарованіе, а не актеръ, натуживающійся, чтобы что-нибудь изобразить.

Г-жѣ Владиміровой посчастливилось больше. Эта актриса занимаетъ въ здѣшней труппѣ какое-то неопредѣленное положеніе;

у ней нѣтъ настоящаго ампуа, или лучше сказать, ее не при-
выкли видѣть безсмѣнно, такъ, какъ напрямѣръ г-жу Подобѣдову 1
въ водевиляхъ или г-жу Ливскую въ кунчихахъ. Было время,
когда она очень блистала; но теперь, несмотря на ея прекрас-
ную наружность, даже публика Александринскаго театра встрѣ-
чаетъ ее равнодушно. И въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ роляхъ, какія
г-жѣ Владиміровой приходилось играть въ послѣдніе три года,
она была рутинна до крайности. Ни одного звука не выходило
у ней живаго, она только умѣла плакать да издавать жалостныя
мелодраматическія восклицанія. Можно было совершенно законно
не признавать въ ней дарованія и даже возмущаться ея безцвѣт-
ной, плаксивой и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно фальшивой игрой.
Аффектація ея въ нѣкоторыхъ роляхъ доходила до смѣшнаго.
Такъ намъ помнится, какъ она ломалась въ пресловутой драмѣ
Октава Фелье «Далила».

Не знаемъ, искреннее ли желаніе исправиться, или что другое,
но роль Тани въ драмѣ «Грѣхъ да бѣда» составляетъ крутой
поворотъ въ игрѣ г-жи Владиміровой. Роль эта пришлась по ея
средствамъ, и она показала хорошее пониманіе и замѣчательную
простоту, если вспомнить ея прежнія рутинныя упражненія.
Почти такой можно себя представить Таню, какою была г-жа Вла-
димірова: красивая, простенькая, очень симпатичная по своимъ
приемамъ. Но драматической діалектики совѣтъ не было въ игрѣ
г-жи Владиміровой. Она передавала только извѣстныя положенія
лица, но ни разу не достало у ней таланта развить это поло-
женіе. Такъ напрямѣръ, взявши одинъ тонъ въ сценѣ вѣжности
съ мужемъ, она довела его до однообразія; въ жалобахъ на
свое житіе звучали также одинъ и тѣже ноты, точно будто кто
прочелъ ей первыя слова извѣстнымъ голосомъ и она, повторив-
ши, не могла уже придумать никакой другой интонаціи. Послѣд-
няя сцена съ мужемъ совершенно не удалась ей. Правда, она ее
сыграла безъ мелодрамы, просто и довольно искренно — но
не талантливо; все что заключается трагическаго въ лично-
стяхъ подобныхъ Танѣ, все это пропало у г-жи Владиміровой.

Публика видимо помирилась съ нею за роль Тани. Желали
бы мы, чтобы эта роль открыла для г-жи Владиміровой болѣе
удачную дорогу въ ея сценической дѣятельности. Мы не спѣ-
шимъ заявлять, что она — талантъ, и извиняться въ своихъ преж-

нихъ мнѣніяхъ объ этой актрисѣ. Мы совѣтуемъ ей только думать, какой выбрать себѣ репертуаръ, и не заражаясь сценическимъ самолюбіемъ, скромно выбирать роли по своимъ средствамъ, а въ исполненіи держаться простоты и правды.

Еще лѣтомъ прошелъ слухъ, что допущена на сцену комедія Островскаго «Доходное мѣсто». По этому поводу замѣтимъ, что театру случается у насъ задѣвать извѣстные интересы общества въ то время, когда они выдохнутся.

Нельзя не признать, что самое слабое въ «Доходномъ мѣстѣ»—*гражданскіе мотивы* этой комедіи. Но еслибъ эта сторона была въ миллионъ разъ слабѣе, то все-таки комедія была бы законнѣе на сценѣ, было бы больше правды въ ея появленіи, еслибъ ее поставили въ 1859, а не въ 1863 году. Тогда она представляла собою фактъ подчиненія большаго дарованія общему потоку, общему увлеченію, съ его фальшью и здоровыми элементами. Теперь она, по главному своему замыслу, почти анахронизмъ. Вспомнили мы, что въ зиму, когда появилось въ печати «Доходное мѣсто», мы отъ очень многихъ книжныхъ людей слышали мнѣніе, очень горячо высказанное, что эта комедія—лучшая вещь, какую написалъ Островскій. И говорилось это послѣ «Свои люди, сочтемся». И тогда это, право, не такъ шокировало; по крайней мѣрѣ, слушая такое мнѣніе, всякій понималъ, что подъ вліяніемъ минуты почти законно было увлечься изобличительнымъ характеромъ комедіи. Ну, а теперь врядъ ли кто будетъ доказывать, что «Доходное мѣсто»—лучшая вещь изъ всего того, что Островскій написалъ до 1859 года.

Авторъ конечно не виноватъ въ томъ, что его комедія пятью годами позднѣе попала на сцену. Развѣ самыя строгіе критики вмѣнять ему въ вину то, что онъ допустилъ ее поставить теперь. Но требовать такого самоосужденія въ нашъ слабый вѣкъ едва ли возможно. Вдобавокъ, другая половина пьесы—бытовая, та, гдѣ авторъ воспроизвелъ живыхъ людей—занимаетъ въ ней значительное мѣсто и почти выкупаетъ слабость гражданского ея значенія.

Какъ характеръ, Жадовъ несостоятеленъ. Авторъ сдѣлалъ его изъ кусочковъ, поставилъ въ ложныя положенія, в главное—заставляетъ его говорить кучу лишнихъ, надуманныхъ, со-

чужденныхъ вещей и быть до такой степени вдалекѣ отъ пониманія жизни, что вся его личность теряетъ почву. Въ личностяхъ, которыя за что-нибудь борятся, хочется видѣть людей, имѣющихъ по крайней мѣрѣ чутье дѣйствительности. А Жадовъ съ его монологами, съ его идиотскимъ непониманіемъ ничтожества и пошлости своей жены, Жадовъ, бѣснующійся въ сценѣ съ нею за свою гражданскую честность — такое лицо не можетъ влечь къ себѣ симпатій, а слѣдовательно никакихъ гражданскихъ чувствъ не возбуждаетъ. Все это — не жизнь, не сила, не драма: это только увлеченіе литературнымъ потокомъ, которое мы уже пережили, и имѣемъ право теперь смотрѣть на всѣ эти бѣснованія героя съ горькой усмѣшкой. Впечатлѣніе монголовъ Жадова — просто неблагоприятно. Они кажутся насмѣшкой надъ вашими ожиданіями и порывами, — а авторъ конечно не задумывалъ такой насмѣшки.

Такъ же лишены правды и міръ Вышневекаго. Авторъ, желая придать этой личности какую-то грандіозность, поставилъ ее на ходули и облекъ въ мантию. Изъ умнаго взяточника, изъ председателя какой-нибудь палаты сдѣлалъ чуть не трагическаго злодѣя, поражаемаго рукою правосуднаго провидѣнія. Разсужденія Вышневекаго скучны и нехарактерны, его паденіе театрально, его возгласы пахнутъ афектаціей. Жена его — лицо уже совершенно сочиненное. Она должна быть свѣтская женщина, но одинъ ея языкъ лишаетъ эту фигуру всякой типичности. Такъ свѣтскія женщины не говорятъ, и имъ не пишутъ такихъ любовныхъ писемъ, какъ то, которое г-жа Вышневека между прочимъ читаетъ въ пятомъ актѣ. Ея отношенія къ мужу плохо клеятся съ цѣлымъ пьесы, построены на французскій манеръ и нимало не возбуждаютъ интереса. Вообще весь образъ этой женщины является сухимъ, постороннимъ дѣйствию, скучнымъ эпизодомъ, только расшатывающимъ пьесу.

Всѣ остальные лица — типы и живые характеры. Вся ихъ жизнь реальна, осязательна, полна юмора, полна общественнаго значенія. Юсовы, Бѣлогубовы, Кукушкины не выдуманы; они стоятъ передъ вами живые и не нуждаются ни въ длинныхъ разговорахъ, ни въ монологахъ, ни въ восклицаніяхъ. Но мы не можемъ не сдѣлать одного замѣчанія насчетъ Юсова. Лицо это безъ сомнѣнія художественное; но оно, по нашему мнѣнію, поста-

влено не совсѣмъ вѣрно въ домѣ Вышневекаго. Никогда секретарь или правитель дѣлъ не будетъ играть такой роли въ интимномъ мірѣ своего начальника. Его не допустятъ до этого собственное подобострастіе. А если взять въ соображеніе тѣ гравіозныя формы, какія авторъ придалъ фигурѣ Вышневекаго, то такое положеніе секретаря въ его домѣ покажется еще неправдоподобнѣе. Юсовъ позволяетъ себѣ дѣлать замѣчанія женѣ начальника, предъ которыми онъ благоговѣетъ; онъ садится, какъ равный, у стола и принимаетъ участіе въ разговорахъ, при немъ происходятъ семейныя сцены; онъ наконецъ является вѣстникомъ несчастія въ пятomъ актѣ, и все это дѣлается безъ достаточныхъ мотивовъ. И оттого лицо это въ комнатахъ Вышневекаго теряетъ значительную долю своей художественности. У Кукушкиной и въ трагирѣ Юсовъ полонъ правды и жизни.

«Доходное мѣсто» дали въ бенефисъ г-жи Левкѣевой.

Еслибъ мы были на мѣстѣ автора этой комедіи, мы бы не мало попортили крови, смотря на игру актеровъ, исполнявшихъ ее. Но есть вѣдь различныя натуры. Есть люди, которые способны почти все хвалить, обо всемъ отзываться снисходительно. Да едвали это не лучший способъ ставить пьесы на здѣшней сценѣ. По крайней мѣрѣ вы разъ навсегда успокоитесь. Здѣсь, въ Петербургѣ, почти нѣтъ никакой разницы въ постановкѣ пьесы: ставилъ ее самъ авторъ или нѣтъ. Всегда эта постановка въ чемъ-нибудь да грѣшитъ противъ правды. Такъ напримѣръ и въ «Доходномъ мѣстѣ» декорація перваго дѣйствія вовсе не была похожа на гостиную въ домѣ Вышневекаго, а представляла собою то, что на театральномъ языкѣ называется чертогами. А на Александринскомъ театрѣ эти чертоги употребляютъ и въ трагедіи «Гамлетъ», и въ драмѣ «Ворожея», и по своему внѣшнему виду могутъ пожалуй быть отнесены ко всѣмъ эпохамъ цивилизаціи, ко всѣмъ родамъ комнатнаго стиля.

Г. Нильскій игралъ роль Жадова, и этой ролю въ послѣднія три недѣли сильно поднялся въ глазахъ публики; а театральное начальство, какъ слышно, положило ему полный окладъ жалованья и сколько-то рублей разовыхъ. Это распоряженіе

относительно справедливо, если взять во вниманіе, что полный окладъ жалованья раньше г. Нильскаго получали актеры совершенно бесполезные театру. Но мы все-таки скажемъ, что собственно за роль Жадова приходитъ въ восторгъ не слѣдовало, потому что г. Нильскій въ исполненіи ея не пошелъ дальше довольно эффектной декламаціи. Этотъ актеръ, вообще прилично играющій свои роли, до сихъ поръ не выучился *говорить*. Онъ постоянно *читаетъ*, до такой степени читаетъ, что безъ утомленія нѣтъ возможности видѣть его сряду въ нѣсколькихъ роляхъ. Потому-то въ патетическихъ мѣстахъ г. Нильскій не въ состояніи ни самъ увлечься, ни увлечь зрителей, и если ему млопаютъ, то пускай онъ познаетъ ту истину, что у насъ хлопаютъ всякой громко-сказанной тирадѣ. Сознаемся, что въ сценѣ Жадова съ женой, въ четвертомъ актѣ, трудно вести себя иначе, чѣмъ дѣлалъ это г. Нильскій, что ему нужно было пустить въ ходъ пафосъ для того, чтобы сцена не потеряла окончательно правду; да бѣда-то въ томъ состоитъ, что пафосъ выходитъ у него прочитанный, а не прочувствованный.

Г. Нильскій до сихъ поръ не только не создалъ ни одного типа, онъ ни на одну линію не вышелъ изъ рамки перваго любовника. Буквально въ каждой роли вы видите все тѣже манеры, ту же (весьма непріятную) походку, ту же интонацію голоса, ту же прическу, ни одной характерной точки, никакого намека на характеръ. Вездѣ остается тотъ же Нильскій, разыгрывающій различныя драматическія положенія. Сколько разъ, смотря на его игру мы думали: хоть бы онъ разъ явился не въ лаковыхъ ботинкахъ, когда играетъ приличныхъ молодыхъ людей, хоть бы онъ разъ надѣлъ фуражку, а не шляпу, какъ это онъ дѣлаетъ наприимѣръ въ «Было, да прошло», гуляя эпмод въ деревнѣ по саду. Мы не можемъ вдаваться въ подробный разборъ игры г. Нильскаго въ «Доходномъ мѣстѣ» потому что вообще дѣлаемъ это только въ томъ случаѣ, когда актеръ создалъ намъ лицо, когда игра его есть нѣчто объективное, нѣчто такое, чего мы не найдемъ при чтеніи драмы или комедіи. Игра же Нильскаго, по нашему мнѣнію, есть ничто иное, какъ хорошо-прочитанные монологи Жадова. На это могутъ сказать, что создать характеръ Жадова невозможно, если оно такъ, то тѣмъ лучше для г. Ниль-

скаго: такинъ опредѣленіемъ снимается съ него половина отвѣтственности.

Лучшее лицо комедіи—Юсова игралъ г. Васильевъ 2-й. Мы не можемъ упрекнуть его въ томъ, что онъ *не постарался* объ этой роли; но мы прямо скажемъ, что онъ не создалъ Юсова. Ничего яркаго, рельефнаго, ничего даже истинно-смѣшнаго не было въ толстой, неуклюжей фигурѣ, съ монотоннымъ голосомъ, которую изобразилъ намъ г. Васильевъ. Актеръ разумѣется въ-правѣ придавать лицу ту или другую вышность; но если онъ вдумывается въ роли, то онъ очень хорошо знаетъ, что инныя формы никакимъ образомъ не подходятъ къ сущности инаго характера. Юсовъ—это не только раболовный чиновникъ и законренѣлый взяточникъ, это — цѣлое міровоззрѣніе, пережитое огромнымъ классомъ людей. Въ такомъ человѣкѣ каждое слово имѣетъ свой особенный смыслъ, каждый жестъ, каждое повышеніе голоса свой типичный оттѣнокъ. А въ игрѣ г. Васильева 2-го всего больше подавляло однообразіе, въ такой степени, что еслибы Юсова послѣ перваго дѣйствія мы больше не видали, то пострадало бы отъ этого только литературное значеніе комедіи, а новаго наслажденія мы бы не получили.

Для такого талантливаго актера, какъ г. Васильевъ 2, еще недостаточно быть *приличнымъ*, вѣрно передавать положенія дѣйствующаго лица и не исказить совершенно то впечатлѣніе, какое извѣстный характеръ долженъ производить на зрителей. Отъ г. Васильева мы въ-правѣ требовать гораздо большаго, и повторимъ опять-таки, что актеру съ сильнымъ дарованіемъ грѣшно ограничиваться вышнимъ комизмомъ фигуры и приемовъ и не заходить поглубже въ драматическое творчество. Г. Васильевъ 2 очень смѣшонъ, когда онъ отправляется въ кабинетъ Вышневека скорыми шажками; еще болѣе смѣшонъ онъ въ трактирѣ когда съ платочкомъ пляшетъ подъ звуки барыни. Но эта сцена сама по себѣ имѣетъ высокое художественное достоинство и г. Васильевъ игрой своей врядъ ли сдѣлалъ рельефнѣе ея красоты. Онъ вообще былъ такъ мало типиченъ, что его игра не отдѣлялась рѣзкою чертою отъ игры г. Бурдина въ роли Бѣлогубова; а вѣдь это очень нехорошо. При такомъ Юсовѣ, какинъ былъ г. Васильевъ 2, такой Бѣлогубовъ, какинъ его изобразилъ г. Бурдинъ, былъ весьма приличенъ, и надо сознаться, что г. Бурдинъ видимо старался

не ударить себя лицомъ въ грязь. Но потому-то и убійственно впечатлѣніе, производимое ансамблемъ петербургской труппы, что это впечатлѣніе есть заколдованный кругъ посредственности, которая душитъ васъ, набиваетъ вамъ оскомину, притупляетъ ваше эстетическое чувство, съ каждымъ представленіемъ дѣлаегъ васъ все холоднѣе къ такой симпатической, дорогой всякому развитому человѣку вещи, какъ театр!

Намъ жутко и почти противно бываетъ смотрѣть на первое представленіе какой-бы то ни было пьесы. Чувствуешь, что нѣтъ никакой связи между сценой и публикой. Актеры отбываютъ свою обязанность, публика ведетъ себя какъ на мимическихъ представленіяхъ Берга, плачетъ тамъ, гдѣ нужно смѣяться, хлопаютъ самымъ чудовищнымъ образомъ и хохочетъ въ такихъ мѣстахъ, что у автора въ это время должна, я думаю, повернуться вся внутренность.

Чета Вышнеvesкихъ вышла куда неказиста. Г. Григорьевъ, играя Вышнеvesкаго, остался вѣренъ амплу злодѣя. Вѣроятно авторъ комедіи далъ ему эту роль только за невѣдѣніемъ лучшаго актера; но мы спросимъ, почему же г. Самойлову нельзя было ее взять? Она была бы какъ нельзя больше по его средствамъ; или можетъ-быть г. Самойловъ выбираетъ только то, что ему нравится и гдѣ можно какъ-нибудь получше загримироваться? Въ первомъ актѣ г. Григорьевъ былъ еще сносенъ; но въ последнемъ просто смѣшновъ и вообще совершенно невѣренъ тому портрету, какой даетъ самъ авторъ, говоря, что Вышнеvesкій—старикъ съ признаками подагры. Г. Григорьевъ игралъ Клавдія во фракѣ, здороваго мужчину, никакимъ недугомъ не страдающаго, съ вовсе не старческимъ голосомъ, съ очень молодыми изнерами. Къ изумленію любителей петербургскаго театра, г. Григорьевъ порядочно зналъ роль, чего съ нимъ, какъ извѣстно, почти никогда не случается. Онъ обыкновенно прохаживается больше насчетъ табакерки и дѣлаегъ эволюціи около суфлерской будки, подбирая по словечку, что очень удобно въ патетическихъ монологахъ.

Вышнеvesкую играла г-жа Левкѣва. Это не первый ея *бенефисный* опытъ. Въ свои бенефисы г-жа Левкѣва непремѣнно возьметъ на себя что-нибудь неподходящее. Такъ третьяго года случился съ ней подобный казусъ въ драмѣ «Бездольный». Но

мы не видимъ разумной причины братья не за свое дѣло по какому бы то ни было случаю. Зачѣмъ же, заставляя зрителей платить двойныя цѣны, заставляя ихъ смотрѣть на свои неудачные опыты? Г-жа Левкѣва немало не похожа была на свѣтскую женщину и отняла у Вышневецкой всякую симпатичность. Изъ всей ея роли въ памяти нашей только и осталось, что два очень эффектныхъ платья, которыя были на ней въ первомъ и пятомъ актѣ.

Семейство Кукушкиныхъ разыграно было гг. Линской, Споровой и Подобѣдовой 2. Роль Кукушкиной одна изъ удачныхъ въ репертуарѣ г. Линской. А признаемся, мы очень боялись, что это будетъ опять повтореніе того же, тѣхъ же приемовъ заученнаго типа тараторки, которымъ злоупотребляетъ г-жа Линская. Но все-таки въ ней не было той рѣзкости, какая должна отличать фигуру Кукушкиной — этой жесткой, сурово-чисто плотной и продувной бабы.

Только совершенно сухая натура могла такъ сыграть Надину, какъ сыграла ее г-жа Спорова. Вѣроятно она желала пустить въ ходъ *реализмъ*, быть вѣрной природѣ, не останавливаться никакой фальшивой *gruderie*. Все это прекрасныя желанія; но есть мѣра, дальше которой нельзя идти; есть такой реализмъ, противъ котораго законнымъ образомъ возмущается чувство зрителя. Мы уже не говоримъ о томъ, что г-жа Спорова была невозможнымъ образомъ одѣта. Чиновница Кукушкина, даже заботящаяся о туалетѣ своихъ дочерей — такъ ихъ не одѣваетъ. На г-жѣ Споровой была цвѣтное шелковое платье съ открытой шеей, такое платье, которое въ настоящее время не надѣнуть и купчиха днемъ, хоть бы и ожидая пріѣзда жениха. Главное же, то и г-жи Споровой въ разговорѣ съ Бѣлогубовымъ и ея приглашеніе отправиться къ ней въ комнату, по нашему мнѣнію, были уже чрезчуръ реальны и составляли актерство, а не серьезную игру. Гораздо скромнѣе и осмысленнѣе исполнила г-жа Подобѣдова 2-я роль жены Жадова - Полины. Она не старалась сыграть покуривающаго, но была очень проста, имѣла дѣйствительно видъ глупенькой дѣвочки, но въ своей неразвитости и ограниченности была очень симпатична. Смотри на ея игру, всякій могъ понять общественное и художественное значеніе такого лица, какъ Полина.

Въ «Доходномъ мѣстѣ» есть еще нѣсколько вводныхъ лицъ; изъ нихъ самое рельефное: Досужевъ являющійся въ трактирѣ. Это лицо — мастерское созданіе, и хотя оно на сценѣ не больше десяти минутъ, но талантливому актеру нетрудно сдѣлать появленіе этой личности эффектнымъ, а самую личность живою и своеобразною. Г. Горбуновъ не достигъ этого. Еслибы не первыя три фразы Досужаго, сами по себѣ очень комическія, то у г. Горбунова ничего бы не вышло. Онъ разумѣется недурно прочелъ, но никакой задушевности не слышалось въ его словахъ, никакой горечи, ничего такого, отъ чего бы вѣяло русскимъ разладомъ съ жизнью, разладомъ, который такія личности, какъ Досужевъ, поневолѣ заглушаютъ водкой. Костюмъ и гримировка г. Горбунова были также неудачны. Досужевъ навѣрно не чиновникъ, а частный ходатай по дѣламъ, и въ вицмундрѣ ему являться не слѣдовало. Потому онъ плохо подходилъ къ обстановкѣ трактира, которая сверхъ чаянія вышла довольно прилична для здѣшней сцены, но все-таки не безукоризненна. На полевыхъ почему-то надѣты были чуть не кисейные передники.

Публика была очень воодушевлена. Автора вызывали нѣсколько разъ, послѣ третьяго акта и по окончаніи пьесы. Ему поднесень былъ вѣнокъ. — Игра г. Нильскаго вызвала также громкія рукоплесканія и вызовы.

Оставляя разборъ дальнѣйшихъ новостей сцены до слѣдующей книжки, мы было хотѣли поговорить съ читателями о положеніи театральнаго рецензента, о томъ, какъ ему писать и какого тона держаться, говоря объ игрѣ нашихъ артистовъ; но мы еще будемъ имѣть случай потолковать отъ этомъ. Если же читателямъ покажется, что мы вообще пристрастны, то намъ придется тогда прибѣгнуть къ другому способу драматургической критики, т. е. къ семейному взгляду на петербургскую сцену.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ наше время въ европейскихъ государствахъ бываютъ, смотря по сезону, и обычныя, періодическія, такъ-сказать, зрѣлища. Наступленія каждаго изъ такихъ періодовъ ожидаютъ съ большимъ или меньшимъ участіемъ, если не всѣ, то многіе и не интересующіеся ничѣмъ особенно, кромѣ новизны. Петербургъ — городъ европейскій, имѣетъ замашки общія съ другими и на столько же подчиняетъ порядку времени свои наслажденія изящныя и не изящныя. Къ числу первыхъ слѣдуетъ отнести напримѣръ художественныя выставки, открывающія у насъ обыкновенно осенній сезонъ, переживаемый теперь. О чемъ же прежде всего и начать толковать въ настоящемъ художественномъ обзорѣніи, какъ не объ академической выставкѣ.

А что, какова она? На сколько можетъ занять наше вниманіе? спрашиваютъ читатели. Наша обязанность отвѣтить имъ на оба вопроса.

Теперь выставка въ полномъ разгарѣ и можно рѣшить по сравненію съ прошлыми, бѣдна ли она дѣйствительно «какъ никогда еще не бывала» ¹⁾. — Отвѣтимъ положительно — нѣтъ, хотя и не можетъ быть причислена къ богатымъ по числу произведеній. Недочетъ численный тоже, по нашему мнѣнію, происходитъ просто потому, что искусство держится любовью къ нему публики, при холодности же съ ея стороны существовать не можетъ. Тутъ ничего не слѣлаютъ никакія оповѣщанія, заранѣе, всѣхъ возможныхъ академій о предстоящихъ тамъ-то и тамъ-то выставкахъ. Еслибы и состоялись эти выставки, задолго рѣшенныя, всѣ онѣ оказались бы бѣдными и количествомъ, и качествомъ выставленнаго. Одно какое-либо случайное явленіе не въ состояніи уничтожить грустнаго вывода, что искусство наше не прививается къ массѣ, не затрагиваетъ сколько-нибудь серьезно художественнаго ея инстинкта и не въ состояніи расположить

¹⁾ См. «ельетонъ «Спб. Ведомостей» № 213.

къ себѣ не сочувствующее ему цѣлое населеніе, за исключеніемъ немногихъ адептовъ да любителей.

Явленіями, выходящими изъ обычнаго уровня, оказываются на выставкѣ картина г. Ге, озаглавленная словами «Тайная вечеря», «Мученики»—г. Флавицкаго, «Травля Пятъ» г. Бронникова и «Нервный бракъ» Шукерева. Ради исключительности явленій разберемъ съ разныхъ сторонъ эти картины, за что вѣроятно не постыжутся на насъ читатели.

Начнемъ съ первой, и именно съ содержанія. Чтò мы привыкли называть: «Тайною вечерью»? Всякій отвѣтитъ: установленіе таинства причащенія. Тутъ изображено не то; стало-быть названіе, данное каталогомъ, не идетъ къ картинѣ, прежде всего потому, что слова «Тайная вечеря» даютъ поводъ предполагать сюжетъ изъ текста евангелія, а здѣсь изображеніе идетъ въ разладъ съ нимъ, какъ намъ показалось, даже въ самомъ характерѣ сцены. Не такимъ является въ повѣствованіи евангелистовъ кроткій учитель, молившійся и за распивателей своихъ. Приданіе Іудѣ мелодраматическаго характера какъ бы оскорбленной личности, тоже не вытекающаго изъ евангельскаго разсказа, — другая оригинальность, исключаящая возможность принять произведеніе г. Ге за «Тайную вечерю», а не просто за «выходъ Іуды» для преданія Христа.

Посмотримъ же, какъ трактованъ названный нами эпизодъ изъ исторіи предательства Іуды, незначительный самъ по себѣ, хотя и долженъ считаться послѣднимъ шагомъ на пути преступленія Іуды. Евангеліе не оставляетъ никакого сомнѣнія о порядкѣ и времени обстоятельствъ преданія. Іуда самъ, лично, явился къ первосвященнику ранѣ тайной вечера, на которой Христось уже указалъ на него какъ на предателя — подачею хлѣба. Передъ тѣмъ слова: «единъ отъ васъ предастъ мя» привели учениковъ Господа въ смятеніе. Всѣ ови, увѣренные твердо въ своей невинности, но боясь, не сдѣлался ли кто предателемъ, самъ тогò не вѣдая, произнесеніемъ какого-нибудь неосторожнаго слова: обращались къ учителю съ вопросомъ, «не я-ли, Господи?» и ждали отвѣта съ замираніемъ сердца. Всѣмъ данъ отвѣтъ отрицательный; спрашиваетъ Іуда — и раздаются слова: «ты съазалъ!» Никто не взвѣсилъ впрочемъ всей важности этихъ двухъ словъ, такъ что и послѣднее обращеніе учителя: «еже твориши, твори скоро», осталось непонятнымъ собраніемъ, а выходъ Іуды объясненъ исполненіемъ даннаго ему учителемъ какого-либо хозяйственнаго распоряженія къ правдику. Вышелъ стало-быть Іуда, не произведя особаго впечатлѣнія между учениками.

Г. Ге основалъ, напротивъ, на этомъ выходѣ весь интересъ своей картины.

Ученикъ, идущій для довершенія предательства, эффектно рисуетъся, представляясь непонятнымъ страдальцемъ, даже какъ-бы обиженнымъ отъ учителя, съ лица котораго не сошла еще краска го-

речности и гореча упрека. За что и почему?—нѣтъ повода! Сторону Иуды впрочемъ никто не принимаетъ: всѣ стоятъ за учителя; и какъ-бы это-то мнимое пристрастіе сотоварищей сообщаетъ рѣзкимъ чертамъ уходящаго что-то похожее на злобу. Зрителю представляется, что сердце кипитъ въ мятельномъ ученикѣ, и не могши, да пожалуй и не желая себя сдерживать, покидаетъ бывшій аностоу храмину, въ которую вступилъ провести вечеръ въ священнѣхъ нѣсвопѣнѣхъ и вкушеніи пасхи. Различныя чувства волнуютъ остающіеся за вечерю. Петръ всталъ съ своего мѣста и говорить, вѣроятно, что-либо равносильное угрозѣ, брошенной Иудю учителю; оттого-то и выступили мускулы на гнѣвномъ лицѣ его, сообщивъ ему, безъ того полному суровости, что-то злобное и жестокое, не совсѣмъ приличное горячему, но все же благодушному послѣдователю ученія о любви ко врагамъ. Іоаннъ, какъ можно догадаться, возлежавшій подлѣ Христа, поднялся тоже; но для чего? Изъ выраженія, приданнаго ему художникомъ, рѣшить трудно: на лицѣ его, лишенномъ характера, ничего не прочитаешь, кромѣ развѣ робости п боязни за послѣдствія, и то сознаваемые инстинктивно. Изъ немъ художникъ отступилъ отъ смысла евангелія. Такой щедушный, мало догадливый юноша не въ состояніи проявить смѣлости на столько, чтобы слѣдовать за возлюбленнымъ учителемъ во дворъ первосвященника и далѣе. Глядя на его смятенныя черты, напротивъ, представляется, что онъ готовъ сейчасъ же убѣжать, а отнюдь не подвергаться какой бы то ни было опасности. Наконецъ, самое главное—лицо Христа—тоже далеко ниже того, что мы видѣли даже не въ лучшихъ произведеніяхъ кисти нашихъ художниковъ. Неблагообразіе тутъ еще самая сносная сторона, съ которою можно поладить и которую могли бы оправдать слѣдованіемъ повѣрью первыхъ вѣковъ христіанства, когда слова пророка о земномъ уничиженіи Спасителя относили къ его наружности и вслѣдствіе того старались сообщить чертамъ Христа безобразіе. Но какъ объяснить недостаточно возвышенную натуру, въ типѣ Спасителя у г. Ге? Какъ объяснить недостойное возвышенной природы выраженіе, не сожалѣнія о комъ-либо, а простаго неудовольствія, которому невольно какъ-бы поддался самъ провозвѣстникъ неволи? Такія черты въ лицѣ Христа, по нашему мнѣнію, ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ желанія автора, во что бы то ни стало изобразить событіе не такъ какъ есть. Получилась безъ сомнѣнія оригинальность, но кто бы и что ни говорилъ, всегда и всѣмъ оригинальность эта покажется ошибочною и на столько, если не болѣе, вредящею изящному произведенію, какъ и рутинная безхарактерность, которая искажаетъ возвышенный типъ, не въ состояніи будучи прочувствовать глубины его и изящества. Между тѣмъ, если гдѣ должна проявить себя во всей силѣ идеализація внутреннего челоука, въ приложеніи къ натурѣ, безконечно превосходящей людей обыкновенныхъ, то конечно уже въ типѣ Христа. Безсмертный Винчи споткнулся объ эту и для него трудную задачу.

не только художники, стоявшіе ниже его, или послѣдователи реалистической школы, изъ которыхъ самый возвышенный — Тиціанъ, создалъ типъ разумной сосредоточенности и спокойствія въ сценѣ искушенія динаріемъ (*Christo della moneta*), во всѣхъ же другихъ случаяхъ проявлялъ безсиліе, ограничиваясь впрочемъ вездѣ благообразіемъ и изяществомъ очертаній мыслящаго лица. Рафаэля только трудно упрекнуть въ недостаткѣ выраженія умственныхъ совершенствъ въ типѣ Христа,—но его одного, не болѣе. Между тѣмъ каждый изъ артистовъ, свято чтя установившійся съ отдаленнаго времени характеръ изображенія главы христіанства, пытался воспроизвести его по-своему въ формахъ, подходящихъ къ прототипу; и только въ наше время является смѣлость удариться въ противоположную крайность, гонясь исключительно за эффектомъ и ему одному принося въ жертву все прочее. Впрочемъ и въ наше время есть кое-что достойное припоминанія, когда рѣчь касается типа Христа. Колоссальный барельефъ Торвальдсена, отмѣченный геніальностью концепціи, представляетъ назидательный примѣръ, какъ относиться можетъ къ типу художникъ возвышенный, заботясь о выполненіи трудной задачи. «Спаситель» Даннекера—тоже удачное разрѣшеніе этой задачи, нѣсколько измѣненной: типъ божественной любви и кротости. Даже Христосъ Брюлова, ставимый въ укоръ артисту, пожертвовавшему всѣмъ для торса, вѣренъ въ формѣ понятію о натурѣ возвышенной. Одинъ Ге, теперь, какъ послѣднее слово въ нашемъ искусствѣ, вдругъ представляетъ вмѣсто Христа—натуру обыкновенную, чтобы не сказать болѣе, а нанегиристъ его признаетъ такую неудачную попытку новизны картинною, проявляющею въ себѣ столько творчества, сколько въ русской живописи до сихъ поръ не проявлялось. И все это изъ-за одной свободы стила! Дѣйствительно, съ этою свободою стила могутъ поспорить только голландскіе реалисты, вводившіе въ сюжеты священныя свою интимную, родственную обстановку, съ очагомъ, пивомъ, трубками и закускою. И это называется теперь *соединеніемъ исторіи съ жанромъ, заимствованіемъ средствъ для вдохновенія въ смыслъ изображаемаго событія!* Мы уже видѣли, какъ справился г. Ге съ евангеліемъ. Дики нѣсколько, правда, выводы, съ помощію которыхъ новому произведенію отводится мѣсто не только выше Брюлова и другихъ, но выше и Иванова, о которомъ великодушно отзываются, что лучшая голова въ картинѣ «Явленіе Мессіи»—Іоаннъ Креститель, «напоминаетъ Юпитера». Это также открытіе. За то апостолы и Христосъ г. Ге, какъ замѣчали многіе—наши земляки, сѣверяне, люди не только привыкшіе къ черной работѣ, но выше ея и неспособные подняться: такъ мало развитыши духовно изображены они имъ. А между тѣмъ даже и тотъ незначительный эпизодъ изъ исторіи предательства Іуды, который г. Ге выбралъ сюжетомъ своей картины, могъ представлять высоко-художественный интересъ, еслибы, не гонясь за новизною, овъ далъ ему, какъ и слѣдовало, характеръ задушевной исповѣди

глубоко-человѣческаго чувства, представивъ рѣшеніе психологическаго вопроса — какъ переходить человѣкъ съ пути долга и совѣсти чрезъ распутье порока къ преступленію. Зритель могъ бы видѣть здѣсь борьбу души, еще не совершенно павшей, но уже готовой упасть безвозвратно. И эта борьба могла бы отчетливо выразиться не въ одномъ лицѣ заразившагося порокомъ до невозможности самообладанія, а и въ другихъ, передъ которыми разыгрывается драма жертвы и предательства. Но не былъ ли въ силахъ г. Ге такъ трактовать выбранный сюжетъ, или это казалось ему слишкомъ обыкновеннымъ, избитымъ приемомъ, только онъ рѣшился представить дѣло по-своему. Потому не обращая, напримѣръ, вниманія на то, что возвышенность духа предаваемого не допускаетъ его даже до уличенія предателя, г. Ге, принявшись за «передаваніе самаго смысла изображаемаго событія», эту личность изобразилъ въ порывѣ, не напоминающемъ незлобія, забывая, что одно изъ первыхъ предписаній Христа ученикамъ было «любите враги ваша». Очевидно, при такомъ отношеніи къ своему сюжету или неспособности художника достигнуть до воплощенія столь возвышеннаго характера, ему остался одинъ выходъ: остановиться на придуманномъ будто-бы кстаті несогласіи учителя съ ученикомъ-предателемъ, причѣмъ послѣдній, для оправданія своего, долженъ предстать оскорбленнымъ.

А понавъ разъ на такую дорогу и допустивъ толкованіе въ пользу предателя, чтобы возбудить къ нему извѣстное сочувствіе въ зрителѣ, необходимо было уже убавить возвышенности и чистоты въ самой жертвѣ предательства. Какъ не добиться драматизма, перевернувъ вверхъ дномъ человѣческія понятія о черномъ и бѣломъ? Остается посоветовать такъ далеко простирающимъ *чтеніе между строками* — начать тсперь подвизаться на аренѣ зашщненія всевозможныхъ преступленій, совершенныхъ отъ вѣка, конечно подъ условіемъ отыскивать обстоятельство противъ жертвъ въ пользу злодѣйства. (Оригинальность дастъ успѣхъ новой теоріи, и задача «соединенія исторіи съ жанромъ» достигнется несомнѣнно. За натажками гнаться нечего, за извращеніемъ смысла — тоже. Это, какъ всѣмъ извѣстно, и не такъ трудно; клеветѣ вѣрять охотнѣе, чѣмъ справедливости, особенно если первая зарекомендуетъ себя, кромѣ новизны, умѣньемъ ослѣпить глаза доступными ей средствами эффекта, красокъ, силы, свѣлости. Въ этомъ отношеніи за г. Ге заслуга безспорная. Сердце только сжимается при мысли, что столько таланта, и таланта свѣжаго, въ угодность новой идеѣ, состоятельность которой впрочемъ еще не доказана, употреблено на произведеніе, по внѣшности — блестящее, по идеѣ — ложное. Въ наше время отъ картины исторической требуется выполненіе условій времени и мѣста, а въ принадлежность къ мѣсту, кромѣ внѣшняго изложенія подробностей чисто-этнографическихъ, вѣрности костюма и проч., входитъ и внѣшняя характеристика лицъ, типы народностей. Мы уже сказали, что кромѣ искаженія историче-

скаго факта, и эта потребность нашего времени на выполнена какъ слѣдуетъ художникомъ. Чего же онъ достигъ? Исторической правды— нѣтъ; воспроизведенія психологическаго факта — тоже нѣтъ; вѣрности мѣстнаго характера — и того нѣтъ. На чемъ же проявляется «соединеніе исторіи съ жанромъ»? Вѣдь если исторія, гонясь за одною идеальностью характера персонажей и выполнивъ его, не удовлетворяетъ васъ теперь, то живопись быта — жанръ требуетъ еще вдобавокъ натуральной правды и характера мѣстности до малѣйшихъ подробностей, сообщающихъ оригинальность, свойственную именно взятому пункту дѣйствія, точно тому кругу общества и въ данное время. Это непремѣнныя условія, безъ которыхъ живопись быта — не живопись. Одни обстоятельства эти и даютъ живописи быта въ наше время— время по-преимуществу придирчивое — мѣсто, съ котораго гонимъ мы историческую живопись, обвиняя ее въ отсутствіи физиономіи, и оттого во лжи. Гдѣ же тутъ выполненіе задачи *жанра*, когда прежде всего дѣйствующія лица, за исключеніемъ одного впрочемъ — не евреи?

Но, скажутъ намъ, произведеніе за всѣмъ тѣмъ поражающее. Дѣйствительно; чѣмъ-же? Вѣрностью передачи вечерняго освѣщенія отъ огня. Въ этомъ чисто-виѣшнемъ достоинствѣ художникъ оставляетъ за собою пожалуй всѣхъ своихъ предшественниковъ, не выключая и Брюлова. Но что же это такое и на сколько подобное одностороннее изображеніе момента даетъ право на оригинальность и первенство въ искусствѣ? — Вѣдь восхитительныя картины Герарда Хонтхорста имѣются во всѣхъ галереяхъ; въ нихъ зѣрность освѣщенія оставляетъ мало желать еще чего-нибудь. За всѣмъ тѣмъ, оставаясь хорошими картинами, онѣ не занимаютъ въ галереяхъ первыхъ мѣстъ, а ставятся выше можетъ-быть живописи цвѣтовъ и плодовъ, но ниже даже пейзажей Рюйздаля, Дюжардена и Бергема. Стало-быть такому качеству вотъ гдѣ пристойное мѣсто, и вотъ на сколько можетъ оно предъавлять права свои на почетъ и прославленіе. Вѣроятно многіе помнятъ картину Ферстейга на выставкѣ рѣдкихъ вещей, 1851 года, принадлежавшую граф. Сухтелену — «Исусъ съ Никодимомъ». Огонь написанъ превосходно; эффектъ свѣта вообще тоже выполненъ такъ, какъ не случалось намъ видѣть гдѣ-либо въ другой картинѣ; за всѣмъ тѣмъ, хвала это произведеніе и относясь къ нему съ уваженіемъ, никто не вздумалъ его поставить даже выше мастеровъ второстепенныхъ; прибавимъ еще, что тамъ головы Никодима и Христа довольно сплосны. Чтоже заставляетъ теперь, за-разъ, превознести такъ высоко новое произведеніе, — спора нѣтъ, достойное похвалы, стоящее безконечно выше большинства работъ, присылаемыхъ пансіонерами академіи, но—и только? Профессоромъ признала академія г. Ге—такъ что за дѣло публикѣ-то? Она смотритъ его картину, любитъ освѣщеніемъ, не понимаетъ на-половину сюжета и отходитъ прочь, вынося впечатлѣніе искусстваго картиннаго пятна, образуемаго облитомъ яркимъ свѣтомъ скатертью,

темною фигурою Іуды и, для контраста, яркою головою апостола Петра; затѣмъ выказывается Іисусъ, упавшій духомъ, и ничего не выражающая личность Іоанна. Западаегъ ли въ душу хоть одинъ изъ этихъ персонажей? Нѣтъ. А почему? — Потому что профанация лика божественнаго учителя уничтожаетъ начинающее слагаться мнѣніе; герой же — Іуда, насильно выдвинутый художникомъ, по его жъ вынѣ (излишнему затемнѣнію лица и неполнотѣ выясненія характера) остается театральною фигурою, дѣлающею пятно. Расчитывалъ г. Ге произвести впечатлѣніе эффектнымъ освѣщеніемъ — онъ достигъ цѣли; а если пытался создать картину, оставляющую въ душѣ глубокое впечатлѣніе, которое долго не забывается — это ему не удалось.

Правда, въ новомъ своемъ произведеніи художникъ выказалъ въ себѣ талантъ горячаго колориста; и это, по нашему мнѣнію, самое характерное его отличіе отъ современныхъ русскихъ историческихъ живописцевъ, не довольно сильныхъ по этой части и не поднимающихся выше посредственности въ лицахъ профессоровъ Басина, Неффа и Худякова. Горячій колористъ, г. Ге безконечно сильнѣе ихъ, но сила эта соединяется въ немъ съ нѣкоторою жесткостью, такъ что эффектомъ своимъ можетъ поразить, но не плѣнить.

Такое же качество, но еще съ примѣсю стремленія развѣивать сцены многолюдныя, съ бездною отдѣльныхъ интересныхъ характеровъ, выказалъ въ прошедшемъ году Г. Страшинскій въ картинѣ «Убіеніе литтискаго епископа» Луи-Бурбона (сцена изъ романа «Квинтинъ Дорвардъ»). Картина эта, достойная всякихъ похвалъ, между тѣмъ, какъ можно было ожидать заранѣе, встрѣчена публикою и художниками съ меньшимъ почетомъ, чѣмъ сдѣланный теперь г. Ге. Вывою того — малое знакомство публики съ самымъ сюжетомъ, тогда какъ новость представленія Іуды — не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ — возбудила, само собою разумѣется, большій интересъ. А громадность картины въ сравненіи съ небольшимъ холстомъ Страшинскаго, и сосредоточенность эффекта на пятнѣ, въ среднѣй композиціи — окончательно обратили на свою сторону меньшинство, способное удовлетворяться бѣльшимъ, чѣмъ искусная передача въ живописи перья въ орла или кое-что посolidнѣе. И г. Страшинскаго, въ приведенной нами композиціи, нельзя ставить «простымъ иллюстраторомъ» текста романиста, хотя онъ сумѣлъ быть оригинальнымъ, не прибѣгая къ искаженію факта. Что же касается до развитія характеровъ въ маленькихъ, положимъ, его фигуркахъ, то такой типическій образъ, какъ *Арденскій вепрь*, долго, мы думаемъ, мерещился видѣвшимъ картину; тамъ была, кромѣ его, и не одна престлница съ выраженіемъ ужаснымъ и виѣстѣ граціознымъ. О картинѣ Страшинскаго дѣйствительно можно было сказать: это подлинно произведеніе, въ которомъ ошутительно проявилась возможность слить съ исторією живопись быта. Стоя передъ небольшимъ полотномъ, зритель переносился въ міръ героевъ Вальтеръ-Скотта, представляя ихъ

точно такими, какими явились они и фантазіи художника, заинтересованной чтеніемъ романа.

Повторимъ еще разъ, что мы отдаемъ должный почетъ произведенію г. Ге, но только выражаемъ сомнѣніе и приводимъ аргументы, по которымъ оно не можетъ быть, по нашему мнѣнію, признано первымъ изъ первыхъ на русской почвѣ.

Картина г. Флавицкаго «Мученики, выходящіе въ амфитеатръ на растерзаніе звѣрми» встрѣчена была въ печати, въ концѣ прошлаго года, рѣзкою—чтобы не сказать бобѣ—одного рецензента (именно г. Сомова, того самаго, который теперь печатно же провозгласилъ картину г. Ге высшимъ проявленіемъ творчества въ русской живописи). Два отвѣта послѣдовали тогда же съ возраженіями на исключительную односторонность осужденія новаго произведенія, но самую рѣзкость приговора относили къ желанію критика указать, какъ высоки должны быть требованія отъ изящнаго произведенія. При появленіи хвалительной статьи о картинѣ г. Ге исчезло всякое сомнѣніе объ особенныхъ поводахъ, руководившихъ какъ-бы автора въ его отзывѣ о Флавицкомъ. Публика сама видѣла и видитъ теперь «Мучениковъ», посѣщая настоящую выставку и останавливаясь передъ этою картиною съ интересомъ, даже послѣ впечатлѣнія, произведеннаго «Выходомъ Іуды» — стало-быть не подтверждаетъ скоро и горячо произнесеннаго приговора на первыхъ же порахъ. Безпристрастно, не позволивъ себѣ ни одной обидной выходки противъ артиста при разборѣ картины г. Ге, мы разберемъ теперь и композицію Флавицкаго, тоже начавъ съ содержанія.

Художникъ представилъ одинъ изъ переходовъ нижняго коридора древняго амфитеатра въ тотъ моментъ, когда осужденныхъ за исповѣданіе вѣры христовой на лютую и мучительную смерть поуждають скорѣе выйти на арену, гдѣ алчные до кровавыхъ зрѣлищъ, римскіе граждане уже высказываютъ нетерпѣніе. Въ числѣ пятнадцати жертвъ, кровь которыхъ черезъ нѣсколько минутъ обольетъ песокъ арены, одинъ только персонажъ выражаетъ безвыходное отчаяніе, — но онъ не послѣдователь Христа и ктому же злодѣй, самъ находившій наслажденіе въ мученіи жертвъ своихъ. Христіане — старцы, мужчины зрѣлыхъ и молодыхъ лѣтъ, юноши, женщины старья и молодя, кромѣ конечно не выпедшихъ изъ дѣтства — всѣ идутъ на смерть, сознавая конечно страданія, но и не думая отступить передъ опасностью. Намъ скажутъ: крикъ и паденіе матери съ младенцемъ показываютъ сильный ужасъ и упадокъ духа. Отвѣтимъ, что правда, крикъ этотъ вылетѣлъ изъ устъ ея при видѣ звѣрей, но въ этомъ пробудилось теперь, на мгновеніе можетъ-быть, отчаяніе матери. Страхъ за дѣтей подкосилъ ей ноги — и падаетъ она, сохраняя однако на столько памяти о своихъ обязанностяхъ, что и въ самомъ паденіи не допускаетъ дитя разбиться. Вмѣсто того, чтобы возвести обвиненіе на молодого художника за помѣщеніе адѣсь упавшей

женщины, будто бы потому только, что въ «Помпей» Брюлова есть женщина лежащая, — слѣдовало рецензенту прямо обратиться къ анализу чувства, и результатъ вышелъ бы оправдывающій композитора. Тотъ, кто отнесся къ материнскому чувству съ такою правдою, стоять безъ сомнѣнія выше простаго копииста и приваравливателя чужого, готоваго. Только холодность публики къ интересамъ искусства можетъ оправдать также и смѣлость увѣренія, будто бы эта мать у Флавицкаго скопирована съ Брюлова. Довольно одного взгляда даже на эстампъ «Помпей», чтобы видѣть, какъ несостоятельна такая ссыла. Въ надеждѣ на ту же безынтересность публики въ дѣлѣ обвиненія художника, можно было и печатно увѣрять, будто-то въ картинѣ «Мученики» г. Флавицкій выразилъ на лицахъ героевъ убѣжденія *одни ужасы и отчаяніе*. Художнику неловко доказывать самому передъ публикою, чтѣ выразилъ онъ въ картинѣ. Говоря о выставкѣ, мы позволимъ себѣ перечислить по порядку всѣ лица его обширной драмы (на этотъ разъ уже въ полномъ значеніи слова).

Начало процессіи — съ лѣвой стороны картины, у двери на арену, растворяемой прислужникомъ. Впереди всѣхъ — страдалецъ еще не старый, но самый твердый духомъ изъ всей братіи, идетъ на ступень, увлекая съ собою мальчика, только выходящаго изъ младенчества. Это, какъ можно догадаться, христіанскій пастырь съ сыномъ, супругъ упавшей христіанки. Вѣчная жизнь, знаменемъ которой крестъ въ рукѣ его — вотъ все, чтѣ занимаетъ его духъ и заставляеть спѣшить переступить послѣднія преграды, противопоставляемыя этой цѣли жизнью въ лицѣ изнемогшей супруги. Въ душѣ его нѣтъ уже другихъ побужденій кромѣ долга; послѣдній разъ озираеть онъ свою паству, не бросая на подругу даже взгляда, не слыша крика сына, который хочетъ броситься къ матери.

Римскій міръ, враждебный христіанству и сознающій въ жизни одни животныя побужденія, изображенъ художникомъ въ лицѣ гладиатора, шедшаго съ арены на этотъ разъ удачно и вслѣдствіе того считающаго себя въ правѣ съ низкимъ злорадствомъ вызывать страдалцевъ на подвигъ; стража съ начальникомъ своимъ торопитъ тоже узниковъ идти. Свирѣпый легіонеръ силится оторвать пожилую христіанку отъ совершеннолѣтней дочери, въ послѣднемъ порывистомъ объятіи выказывающей всю теплоту своего любящаго сердца. Другая дочь христіанки — дѣвочка, смотритъ на арену съ новымъ для нея чувствомъ любопытства, несвободнаго впрочемъ отъ невольнаго ужаса при видѣ звѣрей. За эту группу очень молодой еще человекъ, внимая съ вѣрою внушеніямъ почтеннаго старика взглядомъ, обращеннымъ вверхъ, испрашиваетъ укрѣпленія свыше на подвигъ. Въ сторонѣ отъ нихъ припала къ груди супруга молодая женщина, въ которой паденіе матери-христіанки произвело невольное смѣненіе. Грустный, но сосредоточенный на мысли о долгѣ пострадать, мужъ успокоиваетъ свою подругу. Ближе всѣхъ къ зрителю, плетется

тутъ же, опираясь на посохъ, еще престарѣлый анахоретъ, изсохшій въ подвигахъ поста; онъ, кажется, и безъ страданій въ циркѣ не проживетъ настоящаго дня. Жестомъ руки, простертой надъ упавшею женщиною, этотъ нежалець уже міра будто развиваетъ мысль, какъ ничтожна жизнь, которая для него слава-богу кончилась. Обернутый въ плащъ хрстіанинъ, въ тѣни, у самаго праваго края картины, своимъ спокойствіемъ выражаетъ то-же опущеніе. Не таковъ разбойникъ, закованный въ цѣпи и преданный полному паническому страху. Близость смерти своею неизбѣжностью возбуждаетъ въ немъ отчаяніе и уничтожаетъ всякое сознаніе, кромѣ ужаса, написаннаго въ сведенныхъ судорожно морщинахъ на лбу, и въ дикомъ взглядѣ. Между тѣмъ въ двухъ шагахъ отъ этихъ сценъ, потрясающихъ душу, беззаботная, безчувственная толпа идетъ коридоромъ въ амфитеатръ, заранѣе предвкушая каннибальское наслажденіе.

Мы ничего не преувеличили, описывая мучениковъ; разносторонность ощущеній на ихъ лицахъ могутъ прослѣдить всѣ и согласиться съ нами, что не одни чувства ужаса и отчаянія умѣлъ выразить художникъ въ своей обширной программѣ.

Задачу менѣе сложную, но тоже имѣющую въ основаніи благодушное страданіе за убѣжденія высокочеловѣчныя, выразилъ г. Бронниковъ въ сценѣ изъ Тацита: «Тразей Пэтъ выслушиваетъ смертный приговоръ».

Чтобы поставить читателя на точку полнаго пониманія, что хотѣлъ изобразить художникъ, слѣдуетъ привести изъ Тацита характеристику Тразей Пэта. Приступая къ повѣствованію объ осужденіи этого великаго римлянина, краснорѣчивый историкъ паденія римской нравственности выразился: «Неронъ захотѣлъ наконецъ истребить самую добродѣтель въ лицѣ Тразей Пэта!» Такой эпитетъ уже много говоритъ въ пользу лица, которому онъ приписывается; сочувствіе къ нему возвышается еще болѣе, припоминая, какъ этотъ достойный квиндецимвиръ, давно ненавидимый Нерономъ, не въ состояніи будучи ничего сдѣлать въ пользу Агриппины, которую сынъ-чудовище, умертвивъ, еще хотѣлъ оклеветать,—вышелъ изъ сената, чтобы не слышать даже, что будетъ говорить и дѣлаться. «Себѣ онъ причинилъ гибель,—говоритъ при этомъ Тацитъ,—другимъ не доставилъ свободы.» Послѣ убійства Агриппины самые развратные ласкатели Нерона какъ-бы утратили къ нему прежнее раболѣпство; можно представить себѣ, какъ возвысился при этомъ въ обществѣ мнѣніи стоическій характеръ Пэта. Врагъ его Капитонъ Косцианъ безпрестанно раздувалъ ненависть Нерона представленіями, что «у Тразей есть партія, есть фанатики», что «въ Римѣ и въ провинціяхъ прилежно читаютъ ежедневные отчеты, чтобы знать, отъ чего отказался Тразей», что «надо или согласиться съ его правилами, или отнять предводителя у злоумышленниковъ». Въ новый годъ (66 по Р. Х.) Пэтъ не присутствовалъ на торжественномъ моленіи, при присягѣ, и это обстоятельство, также какъ письмо къ Нерону, гдѣ Тразей про-

силъ дать ему оправдаться отъ обвиненій, вслѣдствіе которыхъ запрещено было ему показываться при пріѣздѣ въ Римъ царя Тирidata — заставили Нерона созвать сенатъ. Друзья отговѣывали Пету явиться лично для оправданія отъ взводимыхъ Эприемъ и Коссуціаномъ обвиненій, представивъ, что это бесполезно. Довосчики обвинили Тразею въ властолюбіи, вредномъ для спокойствія государства; сенатъ, въ засѣданіе котораго введены были вооруженные сторонники Нерона, сожалѣя о добродѣтельномъ сотоварищѣ, все же принужденъ былъ согласиться на осужденіе его.

Тразею и друзьямъ его, никѣмъ не защищаемымъ и обвиненнымъ съ нимъ, однимъ позволили, какъ и ему, избрать родъ смерти, другихъ изгнали изъ Италіи. Вечеромъ послали консульскаго квестора объявить рѣшеніе Пету, въ то время бывшему въ саду съ «толпою знатныхъ мужчинъ и женщинъ». Тразея разговаривалъ съ пиническимъ философомъ Деметріемъ «о природѣ души и разединеніи ея съ тѣломъ», когда Домиціи Цециліанъ сказалъ о приговорѣ сената и всѣ «стали плакать и жаловаться... Тразея всталъ и пошелъ къ портку, гдѣ квесторъ нашелъ его съ выраженіемъ радости на лицѣ, потому что онъ узналъ, что зятя его Гельвидія только выгнали изъ Италіи».

Художникъ передалъ не строго рассказъ Тацита, допустивъ въ своей композиціи толпу гостей, и не въ саду, а въ залѣ, при объявленіи приговора, — когда, по смыслу текста, съ Тразеею никого не было. Это отступленіе, по нашему мнѣнію, съ одной стороны принесло выгоду, давъ возможность обогатить композицію множествомъ типовъ и характеровъ, а съ другой и повредило нѣсколько картинѣ, самымъ усложненіемъ уменьшивъ силу драматизма главнаго персонажа. Сцена могла выиграть въ эффектѣ и представленіемъ происшествія, какъ у Тацита, вечеромъ: огненное освѣщеніе, какъ мы видимъ на картинѣ г. Ге — одно изъ сильныхъ средствъ для возбужденія впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ. Посадивъ, выслушивающаго приговоръ и составивъ группу изъ него, жены плачущей и отчаянной дочери, художникъ думалъ вѣроятно болѣе выяснитъ стонцизмъ своего героя, не возмущаемаго слезами любимыхъ имъ особъ. Намъ показалось, напротивъ, что поза дочери, а особенно выраженіе лица ея, не совсѣмъ выбраны удачно; что же касается положенія, плачущей на плечѣ Тразеи, жены его Арріи, то оно заставляетъ предполагать продолжительную паузу между первымъ извѣстіемъ объ осужденіи и объявленіемъ приговора, когда уже первые порывы отчаянія миновали и замѣнились тихою, хотя тяжелою, грустью. Такой мотивъ очень возможенъ и идетъ къ выраженію лица Пата, гдѣ сила несокрушимой воли успѣла одержать верхъ надъ сроднымъ человѣку ощущеніемъ — не страха, какъ у трусливыхъ, но и не спокойствія, въ виду близкой смерти. Несмотря на розоватый цвѣтъ кожи, дѣйствующихъ лицъ этой, раздирающей душу, сцены (въ чемъ ко-

нечто художникъ выказалъ своего рода академическую манерность), — тины и выраженіе представляютъ богатый матеріалъ для аналитическаго разбора. Въ числѣ посѣтителей осужденнаго консулара, напримеръ, выдѣляются живостью ощущенія на лицахъ — римлянинъ въ *крестель*¹⁾ (какъ квесторъ, хозяинъ и еще одинъ старикъ), молодой человекъ, тяжело опустившій руку съ сжатымъ кулакомъ — на задокъ кресла; философъ, сидящій подлѣ Тразен — кроткій, съ благороднымъ и прекраснымъ, глубоко-симпатичнымъ лицомъ — сидитъ подлѣ Пэта и слушаетъ. Есть еще одна личность пожилаго человека въ желтой и темнокрасной одеждѣ, — лицо умное, много кажется видѣвшее на свѣтѣ. Онъ тоже слушаетъ чтеніе квестора и что-то похожее на безусловную улыбку оживляетъ малопривлекательныя, очень обыкновенныя, черты лица его, придавая имъ выраженіе ѣдкости и горькой насмѣшливости, впрочемъ загадочной. Такая личность приводитъ на намѣтчика Деметрія, свидѣтеля смерти Тразен; также, какъ неосторожное движеніе римлянина въ претекстѣ, — молодого трибуна Рустика Арулена, вызывавшагося наканунѣ своею властію трибуна остановить рѣшеніе сената противъ Пэта; на что послѣдній не согласился. Наконецъ, квесторъ — фигура самая безукоризненная въ смыслѣ передачи фizioноміи римскаго патриція — исполнѣ такой человекъ, къ которому могъ относиться въ предсмертныя мгновенія Тразен съ словами: «я кроплю во имя Юпитера-избавителя». Молодой сановникъ не изъ клеветовъ Нерова, а потому къ умирающему сенатору относится съ полнымъ уваженіемъ...

Трактую сюжетъ свой, не забывъ Бронниковъ обрисовать Тразею и какъ человека превосходнаго въ домашнемъ быту, размѣстивъ въ галереѣ тамъ и сямъ рабовъ, истинно-опечаленныхъ потерю добраго господина.

Такъ же искренно выскажемъ и свой взглядъ на достойную картину г. Пукерела «Неровный бракъ» или, какъ называетъ г. Сомовъ («Спб. Вѣд.» № 213), *насилъственный бракъ* (?!).

Сцена въ церкви очень обыкновенная: чиновный старецъ соединяется узамъ брака съ дѣвушкою. Невѣста видно плакала, но судя по складу ея фizioноміи, мудро предположить, чтобы слезы были облегченіемъ горя — идти подъ вѣнецъ съ немилымъ. Скорѣе представляется другая догадка — что обезпеченность житья за звѣздоносцемъ сама была адвокатомъ въ его пользу и рѣшеніе молодой особы послѣдовало безъ особеннаго затрудненія. Можетъ-быть родные представляли своимъ умѣмъ еще живѣе выставить завидную перспективу праздниковъ, баловъ, большаго свѣта, довольства, знатности; впрочемъ сердце невѣсты кажется было занято, и она, какъ дѣвушка благо-разумная, неспособна мечтать о непозволительной взаимности, хо ть

¹⁾ Велелъ тогда съ красною полосою по подогу.

бы и въ отношеніи фанга, на свадьбѣ ея исполняющаго должность шафера. Онъ же, шаферъ, этотъ тоже молодой фангъ, не прочь сыграть Гамлета при случаѣ, но испортить карьеру по службѣ — ни за что не рѣшится. Конечно, при другихъ обстоятельствахъ, — напримѣръ когда овдовѣла бы вступающая теперь въ бракъ особа, — онъ готовъ предложить ей руку и сердце, но предполагается, что рука сохранитъ на себѣ дорогіе браслеты, а сердце продолжать будетъ биться ровно подъ кружевной косынкою, приколотою брошкою съ алмазомъ. Видѣть въ невестѣ — существо страждущее, а въ женихѣ — изверга, разрывнающаго два любящія сердца, — словомъ развязку *шуслао факта*, — столько же произвольно, какъ и въ лицѣ Іуды отыскивать благородную личность старовѣрца, послѣ низкаго предательства мнимо оскорбленнаго своею жертвою и, какъ-бы въ увлеченіи мести, эффектно уходящаго къ своимъ новымъ клеветамъ, для довершенія рѣшеннаго заранѣе, кова.

Но если не удалась г. Цукереву драма, интересъ картины несколько отъ того не меньше. Фигуры, выполненные добросовѣстно, привлекательны; старческое лицо жениха даже очень хорошо. Не менѣе удачна и фигура священника, хотя тщательность выписки парчевой ризы убиваетъ игру его фнзіономіи, не дюжинной и со смысломъ, только правду сказать, нѣсколько утрированной. Фигура священника напомнила намъ находящіяся тутъ-же на выставкѣ два этюда г. Грибова, за которые получилъ онъ вторую серебряную медаль. Изъ нихъ въ «Исповѣди дѣвушки» типъ священника даже очень удачно выбранъ и схвачено счастливое выраженіе. «Священникъ, говорящій проповѣдь» не вдругъ понятенъ; тѣмъ не менѣе, при простотѣ и небольшой еще опытности художника, даетъ возможность возлагать на него надежду въ будущемъ. Самый выборъ для этюда именно такого типа уже рекомендуетъ начинающаго артиста съ хорошей стороны. Къ числу характерныхъ типовъ, но уже не какъ попытка, а дѣйствительно созданіе художественное, долженъ быть причисленъ «Уснувшій въ погребкѣ», картина г. Волкова. Улыбающійся въ грезахъ гуляка заставляетъ задуматься, глядя на себя: такъ явственно на полномъ лицѣ его, съ крупными чертами, можно прочесть всю исторію низкоопустившейся доброй природы, не теряющей однако и въ этомъ положеніи собственнаго достоинства. Эта удалая голова на жизнь смотритъ весело, и если взгрустнется порою, то развѣ при недостаткѣ средствъ дойти до пріятныхъ грезъ въ погребкѣ, послѣ одержанной побѣды надъ цѣлымъ строемъ бутылокъ. Впрочемъ вивѣръ г. Волкова не злой и не низкій человѣкъ, за нечистое дѣло онъ не примется даже въ крайности. Его открытое лицо въ томъ порукою, и этотъ добрякъ намъ какъ-бы знакомъ, мы будто его видѣли кажется такъ недавно. Онъ не чисто нашъ землякъ, но обитатель нашей столицы всемпременно; однимъ словомъ личность знакомая. Отъ того художникъ и развилъ такъ его характеръ. Иноземнаго обывателя такъ не выслѣдишь,

хотя бы и удалось подмѣтить налицѣ сцену живописную въ родѣ «равлачи супа монахами» или «игры discobolo» г. Тимашевского. Привлекательныя фигуры, живописный костюмъ, картинная обстановка — все есть; а жизни—нѣтъ. Таковъ и «кормесь» г. Трутнева, написанный пріятно, легко, и доказывающій, что художникъ кое въ чемъ подвинулся за время пребыванія за границею, напр. въ въ подборѣ красокъ и свѣто-тѣни. Кромѣ сценъ итальянскаго быта г. Тимашевскій выставилъ также двѣ картины на сюжеты библейскіе: «Юдиѣ» и «Мирошницы». Первая можетъ понравиться тономъ и даже пріятностью композиціи. Эффектъ ночнаго воздуха, принимая въ соображеніе безпритязательность самой картинки, даже удаченъ, хотя главную роль играетъ группа, а пейзажъ служитъ ей фономъ. Тоже безъ большихъ претензій, но довольно недурная сцена г. Журавлева: «Отгадай, что пришелъ?» «Утренній чай въ деревнѣ» далеко ниже этого анекдота въ формѣ картинки кабинетной, съ своего рода остроуміемъ. Если не по идеѣ, далеко не новой, то по мастерскому выполненію ночнаго воздуха и луннаго освѣщенія, интересна картинка К. А. Трутовскаго. Талантливый жанристъ нашъ представилъ дѣвушку-малороссянку, ушедшую ночью тайкомъ изъ дому и перебѣгающую черезъ заборъ, стараясь производить какъ можно меньше шороха. Подъ деревьями рисуется силуэтъ хлопца, намекающій на цѣль оставленія хаты въ эту глухую ночь. Свѣтъ луны блѣдно освѣщаетъ заснувшія растенія, досчатый заборъ и граціозную фигуру бѣглики; на лицѣ ея, однако, почему-то полуиракъ недостаточно измѣняетъ цвѣтъ кожи, тогда какъ во всѣхъ мѣстахъ картины выдержанное ночное освѣщеніе восхитительно. По идеѣ и выдержанности выполненія замѣчательна еще картинка г. Пескова: «Ссылно-поселенецъ».

Неудачныя вещи лучше всего проходить молчаніемъ, и потому, не утомляя читателя напоминаніемъ, какъ г. Беллоли смастерилъ картонъ изъ чужаго добра, или какъ г. Рейхертъ и облеченіемъ Петра I въ ярко-красный кафтанъ нисколько не заинтересовалъ зрителя—перейдемъ къ пейзажамъ.

Видовъ вообще довольно на выставкѣ. Первое мѣсто конечно принадлежитъ Айвазовскому. Кто не скажетъ, глядя на послѣднія произведенія его плодovитой кисти, что талантъ искуснаго мариниста не старѣеть, а крѣпнеть съ годами? Такого очаровательнаго «заката солнца», какъ на небольшой картинкѣ, гдѣ картинно рисуется прекрасный колодецъ въ формѣ бесѣдки — мы давно не видѣли. Ночи юга напомнили также намъ прошлое, — тѣ годы, когда европейская репутація Айвазовскаго только слагалась, и самъ онъ, еще молодой и не вполне сознававшій свои силы, знакомилъ насъ съ красотами береговъ Средиземнаго моря и архипелага. Въ «видѣ Семибашеннаго замка» еще разъ обратился художникъ къ одной изъ любимыхъ имъ мѣстностей, дѣйствительно полной сказочныхъ красотъ вѣчно новаго востока. Какъ ни прекрасны однако здѣсь лунный свѣтъ и вода,

владѣ на южномъ берегу Крыма намъ нравятся болѣе. Зеленыя волны и сивыи туманы, скрывающіи день — такое изящество, которое и мы, избалованные Айвазовскимъ, видѣли только во второй разъ. Яркій закатъ въ степи такъ уже часто повторился, что теперь и съ нами не вѣруемъ въ чѣмъ-либо, все не будетъ онъ казаться новымъ. Впрочемъ такой эффектъ, который мы уже не цѣнимъ у Айвазовскаго, былъ бы торжествомъ для другаго таланта, хотя оказался бы и безконечно слабѣе. Въ томъ дѣло, что не дается онъ и какъ-нибудь. За приѣздами недалеко ходить. Извѣстный уже публикѣ артистъ съ талантомъ — Е. Н. Дикеръ попытался написать «крестьянку со стадомъ овецъ при закатѣ солнца», и, къ несчастію, дискъ лучезарнаго свѣтла вышелъ у него желтымъ пятномъ, а эффектъ освѣщенія — оранжевымъ отсвѣтомъ на сталь, пастушкѣ и деревьяхъ. И талантливому человѣку не проходитъ даромъ игра въ эффектъ, мало изученный. Растительность — другое дѣло. «Ивы» Дикера по-прежнему свѣжи. «Осенній дождь въ Инфляндіи», положимъ, уступаетъ имъ, но выполненъ если не мастерски, то все же удачно. У г. Дикера есть уже подражатель — А. А. Киселевъ, выставившій очень недурные два вида «изъ новгородской губерніи». Какъ г. Дикеръ, такъ и г. Клодтъ 1-й любятъ растительность, особенно хвойную. Картинку Клодта — группу деревьевъ, отраженную въ потокѣ, видѣли мы уже и на постоянной выставкѣ; безспорно, она прекрасна, хотя не совсѣмъ удачны облака. Въ другомъ «пейзажѣ», съ рощею вдали, слѣдилъ художникъ и съ хирурымъ небомъ, просвѣтлѣвшимъ надъ горизонтомъ. Этотъ послѣдній видъ намъ больше нравится. Выставленные М. Н. Бочаровымъ пейзажи почему-то намъ на выставкѣ понравились менѣе, чѣмъ въ то время, когда видѣли мы ихъ вмѣстѣ съ этюдами. Не позволяя себѣ при такихъ обстоятельствахъ дѣлать отзывъ о художествѣ, мы при случаѣ разберемъ его картины вмѣстѣ съ этюдами, отъ чего обзоръ нашъ будетъ болѣе основательнѣе.

Послѣ Айвазовскаго слѣдовало бы описать «видъ Алаванской долины» профессора Лагоріо, но эта картина была выставлена уже вышею, и публика, посѣщавшая тогда академію, встрѣтила теперь ее какъ старую знакомую.

Послѣ пейзажей есть и портреты, хотя ихъ немного. Лучшіе — кисти гг. Винтергальтера, Маковского, Тюрина и Воротикина. Къ портретамъ мы позволимъ себѣ отнести и головки дѣвушекъ, г. Жодейко. Изъ трехъ лучшая — при огненномъ освѣщеніи. Но публикѣ понравилась не эта, а другая головка, повязанная черною косыночкой. Дѣйствительно она привлекательнѣе на первый взглядъ.

Винтергальтеръ составилъ себѣ въ Европѣ прочную репутацію; тоже мудренаго, если его портретъ великой княгини Елены Павловны — произведеніе мастерское — лучшая вещь на выставкѣ по исполненію? За нимъ честь и мѣсто молодому художнику К. Е. Маковскому. Какъ

эффектно поставилъ онъ фигуру графа Муравьева-Амурскаго, съ какимъ вкусомъ, хотя нѣсколько и шикарно, отработалъ аксессуары Топа неба, служащаго фономъ, тоже изящный. Портретъ, писанный г. Тюринымъ, поражаетъ, наоборотъ, силою письма при полнѣйшей простотѣ. За эффектомъ не гнался художникъ, между тѣмъ достигъ его. Тоже можно сказать и о портретѣ архитектора Г. И. Карпова, писанномъ г. Воронилкинымъ. Голова написана прекрасно и можно-сказать вполне добросовѣстно. Передъ именованными произведеніями, когда-то любимый публикою, г. Тютрюмовъ совершенно терлется; даже тамъ, гдѣ старается онъ блеснуть не эффектомъ, а выполненіемъ головы, напримѣръ въ портретѣ адмирала Литке, — предательская кисть придаетъ знакомому характерному лицу нашего знаменитаго мореплавателя только обыкновенную мину престарѣлаго служаки, не болѣе.

Давъ отчетъ о замѣчательныхъ произведеніяхъ живописи, приходится говорить о дѣятельности скульпторовъ и архитекторовъ, далеко уже не на столько интересной, какъ труды живописцевъ. Изъ скульпторовъ конечно первое мѣсто остается за Н. И. Либериномъ, выставившимъ группы изъ воска: «Взда на оленяхъ» и «Крестьянка верхомъ». Граціозность его лѣпки, знаніе натуры домашнихъ животныхъ и простота составленія группы—даже въ у насъ составили бы ему имя; на лондонской выставкѣ его произведенія приобрѣтались охотно. Пансіонеръ Ф. Ф. Каменскій выставилъ граціозную статуэтку «Мальчикъ-скульпторъ». Мы не скажемъ, чтобы это произведеніе отличалось новостью идеи, но выполнена фигурка просто и хорошо—а этого достаточно для молодого художника, передъ которымъ еще перспектива пансіонерства съ золотыми годами труда, приводящаго опытность. «Св. Юваннъ Креститель», мраморная статуэтка пансіонера Штрона, мало интересуетъ зрителей, именно самымъ сюжетомъ, избитымъ и, правду сказать, не заключающимъ въ себѣ именно того, что требуется въ наше время; тутъ нѣтъ ни новизны идеи, ни особеннаго эффекта, не говоря уже о ложности самаго положенія. Оставаясь общимъ мѣстомъ, группа сидящаго на колѣняхъ мальчика съ крестикомъ не занимаетъ ничего правднаго вниманія, для всѣхъ оставаясь вполне чуждою, какъ и амуры какіе-нибудь съ листьями винограда, ваханки съ чашами и весь отжившій причетъ мифологій классическаго порядка вещей. Не больше сочувствія привлекаетъ теперь и «Давидъ»—юноша съ арфою, или косецъ съ одною рукояткою, въ извѣстной повѣи и съ извѣстнымъ напряженіемъ, обнаженный съ волоса. Послѣ, этихъ наскучившихъ всѣмъ произведеній, бюстъ покойнаго графа Н. А. Куселева-Безбородке, пожертвовавшаго коллекцію картинъ и статуй академіи, кажется выполненнымъ г. Бахомъ больше чѣмъ удачно. Не можемъ, къ сожалѣнію, сказать того же о бюстѣ князя А. А. Суворова-Рымникскаго.

Интересы насущные—вотъ конекъ нашъ, но и въ такомъ холодномъ, рассчитанномъ искусствѣ, какова архитектура, суждено публикѣ находить на выставкѣ грезы и мечтанія художниковъ. Досушая фан-

тавіа профессора изъ набора деталей ломбардскаго возрожденія, оставшаго слѣды свои въ Москвѣ, съ прибавкою орнаментации идеальнорусской и заучено-иностранныхъ приѣмовъ, силится создать что-то характерное, обширное, на задачу: «русскій національный музей». И статуя Петра I съ несвойственною характеру этого государя пошюю, и гербы губерній, и широкія двери и окна, и куполь посреднѣй, и шаръ внутри подъ куполомъ, съ лѣстницами, для желающихъ подняться въ него—все есть; а сердце не начинаетъ биться ускоренно, какъ бываетъ при видѣ роднаго и подлинно великаго. Гораздо полезнѣе, чѣмъ такіа попытки создать на Адмиралтейской площади дворецъ, въ подражаніе Кевсингтонскому, для русской промышленности и искусства — обдумываніе специальныхъ сооружений, удобныхъ къ выполненію и нужныхъ для обихода, какъ напримѣръ больницы. Изъ проектовъ на эту тему намъ нравится трудъ г. Мазирова.

За проектами больницы заводняютъ выставку проекты сельскихъ церквей, которые всѣ можно опредѣлить двумя словами: первые—подражаніе профессору Тону, а вторые— профессору Кузьмину. Эти два оригинала поочередно являются у совскателей академическихъ званій, во искусство не выигрываетъ нисколько ни въ отношеніи примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ, ни въ выискиваніи хотя бы пропорцій, остановившись на выборѣ формы. Напрасно въ разборахъ выставокъ нашихъ раздаются голоса вопіющіе въ пустынь противъ непримѣнимости къ дѣлу и непрактичности вообще архитектурныхъ проектовъ по программамъ. Приходится отложить попеченіе, а вмѣсто того, въ заключеніе обзора, пожелать успѣха практической мѣрѣ молодыхъ художниковъ, устроившихъ по взаимному соглашенію лотерею изъ своихъ собственныхъ произведеній. Пайщики назначили въ лотерею, въ двухъ серіяхъ, сорокъ двѣ картины, стоимость которыхъ, по ихъ расчету, равняется 3400 р. На эту сумму они пустили количество билетовъ по рублю серебромъ. Картины, имѣющія быть разыгранными по закрытіи выставки, поставлены въ одной изъ залъ особо, и, рассматривая ихъ, приходишь къ убѣжденію, какъ вѣрно и строго оцѣнили молодые хозяева свои произведенія. Билеты, какъ и можно было ожидать, почти всѣ разобраны, и вѣроятно удача въ первой попыткѣ вздохнуть артистовъ повторить ее на слѣдующій годъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Отъ души желаемъ имъ успѣха. Какъ знать, не будетъ ли лотерея эта однимъ изъ надежныхъ путей къ распространенію въ насъ любви къ изящному, обезпечивая въ тоже время художниковъ и поощряя ихъ къ труду, составляющему общій выигрышъ и ихъ самихъ, и публики? Скажутъ: ничтожны и слабы средства этихъ первыхъ компаньоновъ; но изъ малаго побѣга иногда вырастаетъ громадное дерево. Дай-богъ, чтобы это предсказаніе исполнилось на самомъ дѣлѣ и въ буквальномъ примѣненіи къ первой оригинальной художественной лотереѣ. И, непризнаваемый многими за свѣжую

струю народности, жанръ нашъ тогда окрѣпнеть; и виды родныхъ мѣстностей не будутъ красоваться на стѣнахъ исключительно однихъ жилищъ богачей; и, пробужденная разъ, любовь къ изобразеніямъ, проникая въ народъ и воспитывая въ немъ художественный инстинктъ, обратится въ насущную потребность. А только при такихъ условіяхъ жизнь искусства на русской почвѣ и можетъ быть упрочена.

НЕКРОЛОГЪ.

НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ ПОМЯЛОВСКІЙ.

Какая будущность нашего поколѣнія? За что такія гоненія отъ людей и отъ судьбы?.. Вышли мы въ жизнь съ честными убѣжденіями—ихъ очернили. Народился у насъ молодой талантъ, который сказалъ бы, быть можетъ, новое слово и блистательно бы выразилъ стремленія своего поколѣнія—смерть скосила его!.. И неужели придется помириться на томъ, что у насъ не будетъ своего поэта, своего лѣтописца?

Пятаго октября скончался въ клиникѣ петербургской медицинской академіи, на двадцать-девятомъ году жизни, Николай Герасимовичъ Помяловскій. Еще такъ недавно, въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала, въ статьѣ о его сочиненіяхъ мы ожидали въ будущемъ широкаго развитія его таланта и въѣсть съ тѣмъ замѣтили, что у насъ слишкомъ трудно вѣрить въ будущее. И вотъ это недоувѣріе оправдывается самымъ явнымъ образомъ.

Погибъ еще одинъ высокоталантливый человекъ, погибъ, явившись въ литературѣ какъ-будто затѣмъ только, чтобы показать, какими силами онъ обладалъ и что обѣщалъ въ будущемъ. Право кажется, что природа, одаря нашихъ наиболее талантливыхъ писателей яснымъ пониманіемъ нашей соціальной жизни, поселяетъ въ нихъ такую скорбь объ этой жизни, такую апатію и недоувѣріе къ нравственнымъ силамъ общества, что они, такъ или иначе, далеко не совершаютъ того, что могли бы совершить, и сломившись наконецъ физически, гибнутъ въ томъ возрастѣ, когда талантъ ихъ долженъ былъ бы достигать своего высшаго развитія.—Люди близко стоявшіе къ покойному говорятъ, что жизнь его представляетъ очень много такого, что заставляетъ задуматься надъ судьбою замѣчательныхъ русскихъ талантовъ, и полная біографія его, которую, какъ мы слышали, готовятъ одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей покойна-

го, Н. А. Благовѣщенскій, для изданія полнаго собранія сочиненій Помяловскаго, обѣщаетъ быть полною глубокаго интереса. Но до появленія этой біографіи мы позволяемъ себѣ подѣлиться съ читателями тѣми отрывочными біографическими свѣдѣніями о покойномъ, которыя намъ удалось собрать отъ близкихъ къ нему людей.

Николай Герасимовичъ Помаловскій, сынъ діакона мало-охтенской церкви, родился въ 1835 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ петербургскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ поступилъ въ петербургскую же семинарію, откуда вышелъ въ 1857 году, такъ что въ общихъ заведеніяхъ пробылъ всего четырнадцать лѣтъ. Но семинарское образованіе рано перестало удовлетворять его лбзвательность; онъ началъ охлаждать къ ученью и до самаго окончанія курса учился плохо и, какъ говорятъ, не былъ любимъ начальствомъ. Отличался въ эпоху своего воспитанія въ семинаріи большою религіозностью, онъ однако мало симпатизировалъ духовному званію. Рассказываютъ, что уже въ это время обнаруживалась его способность къ литературѣ. Онъ собиралъ около себя кружокъ товарищей, которымъ, какъ говорятъ, мастерски рассказывалъ сказки, участвовалъ въ одномъ издаваемомъ въ то время въ семинаріи рукописномъ журналѣ и даже написалъ большую часть какого-то романа, который однако, кажется, потерялъ.

По окончаніи имъ въ 1857 г. курса въ семинаріи, его прочли было въ діаконы, но случай воспрепятствовалъ его поступленію въ духовное званіе и Помяловскій сталъ давать уроки дѣтямъ священниковъ. Съ этого времени началась для него жизнь, тяжкая разнаго рода несприятностями и матеріальными лишеніями, что все, при его впечатлительной, прямой и благородной натурѣ, неспособной равнодушно видѣть въ людяхъ ничего дурнаго, отвратительнаго, грязнаго, всегда близко принималось имъ къ сердцу и возмущало его, такъ что многіе недостатки его объясняются именно обстоятельствами его жизни и извиняются тѣмъ болѣе, что никто не страдалъ отъ этихъ недостатковъ кромѣ его, или по крайней мѣрѣ такъ, какъ онъ самъ.

Не бывъ вирожденіемъ всей своей жизни, по собственному его выраженію, «нигдѣ дальше Тосны и гостинницъ» и почти безвыѣздно живъ въ Петербургѣ, не зная ни одного иностраннаго языка, не имѣя солиднаго образованія, онъ читалъ почти исключительно одни русскіе журналы и преимущественно «Современникъ», который производилъ на него большое вліяніе. Но несмотря на все это, онъ обладалъ, по словамъ коротко знавшихъ его лицъ, чрезвычайно острымъ, свѣтлымъ умомъ, имѣвшимъ

искусство находить ложь въ самыхъ модныхъ ее произведеніяхъ — это умъ, когда въ послѣдствіи Помяловскій познакомился почти совсѣмъ литературными кружками, не далъ ему заразиться исключительнымъ духомъ какой-либо партіи и воставилъ совершенно независимую личность, съ своеобразными, глубоко-сознанными убѣжденіями. Люди, знавшіе его больше насъ, рассказываютъ о немъ какъ о человѣкѣ чрезвычайно симпатичномъ, глубоко въ мастерѣ угадывать людей и мѣтко и вѣрно опредѣлять ихъ. Это знаніе, точно также какъ и оригинальность и вѣстѣ съ тѣмъ вѣрность въ сужденіяхъ о русскихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, составляло одну изъ отличительныхъ чертъ его личности.

Первыми печатными произведеніями покойнаго — небольшіе рассказы: «Вуколь» (въ послѣдствіи въ сокращеніи перепечатанный въ газетѣ «Очерки») и «Долбня» — явились въ 1859 году въ «Журналѣ для воспитанія». Въ 1860 г. онъ сталъ ходить слушать лекціи въ петербургскій университетъ и продолжалъ слушать ихъ въ 1861. Къ этому времени относятся развитіе въ немъ анализа и совершившійся въ немъ славный религіозный переворотъ. Состудентами университета онъ особенно сблизился при основаніи швейцарской воскресной школы, куда и записался учителемъ. Въ этой школѣ онъ обнаружилъ такой замѣчательный талантъ преподаванія грамотности, что, говоря, предъ его кружкомъ оставались не только прочіе преподаватели и кунцы — учредители школы, но и лица официальные, какъ напримѣръ г. попечитель петербургскаго учебнаго округа Деляновъ и наблюдавшій за школой отъ министерства г. Тимаевъ. Приемы преподаванія Помяловскаго, между прочимъ особенно любившаго заниматься съ дѣтьми наиболѣе тугими на пониманіе, такъ были оригинальны, что они, какъ мы слышали, даже будутъ напечатаны. Несмотря на то, что, какъ намъ рассказывали, г. Тимаевъ и не соглашался съ нѣкоторыми взглядами школы на преподаваніе, педагогическій талантъ Помяловскаго былъ такъ яркъ, что г. Тимаевъ рекомендовалъ Помяловскаго, какъ прекраснаго преподавателя русскаго языка, тогдашнему инспектору классовъ общества благородныхъ дѣвицъ (Смолянаго монастыря) г. Ушинскому. Поэтому покойному было предложено прочесть на Александровской половинѣ института нѣсколько пробныхъ лекцій, которыя Николай Герасимовичъ и читалъ въ началѣ 1861 года; но институтскій порядокъ до такой степени ему не понравился, что остаться преподавателемъ онъ не пожелалъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, лѣтомъ и осенью 1861 года, Помяловскій былъ распорядителемъ швейцарской школы, но вслѣд-

ствіе расходовъ, необходимо представлявшіеся по частымъ разъѣздамъ по дѣламъ школы, долженъ былъ оставить распорядительство. Если онъ предавался какому-нибудь дѣлу, говорятъ знавшіе покойнаго, то предавался ему всей душой, обнзруживая при этомъ неутомимую энергію и желаніе приносить собою возможную пользу. Такъ, крохъ дѣятельности ёго по шлссельбургской школѣ, указываютъ еще на его постоянную мечту—устроить равнодѣльное распредѣленіе генораріа между всѣми сотрудниками какого-нибудь періодическаго изданія, мечту, которую онъ пытался осуществить при изданіи тогда новой газеты «Вѣкъ», но однако онъ вскорѣ по открытіи ея пересталъ по разнымъ обстоятельствамъ принимать въ ней какое бы то ни было участіе и оставилъ ее, не помѣстивъ въ ней ни одной статьи.

Въ 1861 же году онъ отдалъ для напечатанія въ «Современникѣ» покойному И. И. Панаеву свою первую повѣсть «Мѣщанское счастье», у котораго она однако лежала непрочитанною до тѣхъ поръ, пока Н. А. Некрасовъ не прочелъ ее, и по прочтеніи тотчасъ же отослалъ въ типографію, какъ вещь замѣчательно-талантливую. Въ томъ же году онъ помѣстилъ въ октябрьской книжкѣ того же журнала лучшее изъ своихъ печатныхъ произведеній и самую оригинальную, глубокую по идѣ и замѣчательнѣйшую по исполненію, замѣчательнѣйшую изъ всѣхъ балетристическихкихъ сочиненій послѣднихъ годовъ — повѣсть «Малютка». Вслѣдъ за «Молотовымъ» стали появляться въ «Современникѣ» и «Времени» его очерки бурсы. Послѣдній, четвертый — «Бѣгуны и спасенные бурсы» (въ № VII «Современника» нынѣшняго года). Въ очеркахъ онъ предполагалъ представить полную картину семинарской жизни, и напечатанные очерки, показывая только одну грязную сторону бурсы, далеко не очерчиваютъ еще всего ея содержанія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Пашаловскій, черезъ товарищей по семинаріи, поступившихъ въ петербургскую medico-хирургическую академію, сблизился со многими студентами, которые вмѣстѣ съ нимъ поддерживали шлссельбургскую школу въ послѣднее время ея существованія.

За нѣсколько дней до смерти, едва оправившись отъ тяжелой болѣзни, Пашаловскій, почувствовавъ себя дурно, безъ совѣта доктора поставилъ себѣ пивки не во-время, вслѣдствіе чего у него образовался нарывъ, а затѣмъ антоновъ огонь, отъ котораго онъ и умеръ 5-го октября въ клиникѣ петербургской медицинской академіи, пролежавъ тамъ только два дня. По вскрытіи тѣла оказалось, что весь организмъ его былъ по-

раженъ, такъ что жнать его во всякомъ случаѣ не могла бы быть одновременно. Покойный въ числѣ прочихъ родныхъ оставилъ чрезвычайно любимого имъ маленькаго брата, съ которымъ занимался самъ и котораго хотѣлъ опредѣлить въ одну изъ петербургскихъ гимназій, чтобы, какъ онъ говорилъ, «спасти его отъ бурсы».

Послѣ покойнаго осталась почти конченная повѣсть изъ охтенской жизни «Портъчье», неоконченный, предназначающій въ «Современникъ» романъ «Братъ и сестра» и множество разныхъ отрывковъ и, какъ мы слышали, очень замѣчательныхъ писемъ. Въ послѣднее время его сильно занимала мысль написать большой романъ, подъ названіемъ: «Гражданскій бракъ». Все оставшееся послѣ покойнаго вѣроятно будетъ напечатано въ предполагаемомъ полномъ собраніи его сочиненій.

Мы возобновились съ Николаемъ Герасимовичемъ мѣсяцевъ за пять до его смерти, въ клиникѣ, гдѣ онъ тогда лежалъ. Намъ искреннее сочувствіе его таланту влекло насъ къ атому знакомству; но ему не суждено было прайдаться. Въ августѣ Николай Герасимовичъ, изъявшаи желаніе участвовать въ нашемъ журналѣ, обѣщала доставить намъ въ концѣ сентября рассказъ изъ охтенской жизни, который, по его словамъ, былъ почти готовъ. Мы только-что хотѣли въ этой книжкѣ заявить нашимъ читателямъ о такомъ приобрѣтеніи, какъ внезапная вѣсть о кончинѣ Николаи Герасимовича поразила насъ и погребла надежды, такъ законно возбужденныя сильнымъ и симпатичнымъ талантомъ покойнаго.

9-го октября, въ среду, мы были на его похоромахъ. Множество народа собралось провожать его. Въ церковь втораго сухонутнаго госпиталя, въ которой стояло тѣло, невозможно было пробиться. Большая толпа тѣснилась къ церковнымъ дверямъ, и окруживъ простыя дроги парой, ожидала выноса тѣла изъ церкви. Въ церкви, въ простомъ желтомъ, крашеномъ гробѣ лежалъ покойный... Въ числѣ пришедшихъ отдать послѣдній долгъ покойному мы видѣли людей разныхъ кружковъ, разныхъ мѣнѣй... нѣсколькихъ деревитыхъ нашихъ писателей, членовъ почти всѣхъ редакцій... видѣлись и женскія лица.

По окончаніи отпѣванія, совершеннаго семью священниками, одинъ изъ нихъ сказавъ два-три простыхъ, задумованныхъ слова, изъ которыхъ мы позволимъ себѣ припомнить, не ручаясь конечно за буквальную точность, наиболѣе оставшіяся у насъ въ памяти.

«Въ церкви, вокругъ усопшаго, мы видимъ мало родственныхъ, мало знакомыхъ, но народу собралось много. Значить покойникъ стоялъ того. Его честность, его способность возмущаться всякой ложью и властью, его

доброта привлекала къ нему не только товарищей, но и въсѣхъ, кто по какому-нибудь случаю сходился съ нимъ. Эти двѣ главныя черты характера покойнаго были въ немъ въ такомъ развитіи, что Богъ вѣрно простить его и успокоить его душу, еслибы покойный при жизни и страдалъ какими-нибудь нравственными недостатками.»

Простившись съ усопшимъ и понесли гробъ изъ церкви... Многіе изъ присутствующихъ плакали. Не допустили поставить гробъ на дроги и понесли усопшаго на рукахъ. И потянулася за гробомъ длинная, длинная толпа... Не было тутъ видно сановитыхъ лицъ, мало было и каретъ, мало было и полиціи... Повидимому большая часть провожатыхъ— были такіе же ничего не имущіе, кромѣ рукъ да головы, какъ и самъ покойный... Можетъ-быть они лучше другихъ поняли и его произведенія, и его грустную жизнь... Много было учащейся молодежи, студентвъ медицинской академіи, семинаристовъ, кадетъ... И наперерывъ старалась эта пестрая, съ виду незатѣйливая толпа перебить другъ у друга послѣднее выраженіе своей привязанности къ покойному—подержаться за скобку его гроба... А гробъ несли попеременно до самой могилы, несмотря на отдаленность Малоохтенскаго кладбища, многіе и изъ тѣхъ, которые знали усопшаго по однимъ его литературнымъ трудамъ. Не такъ провожаютъ сильныхъ міра сего; такъ провожаетъ публика того, чья смерть составляетъ для нея ощутительную потерю; такъ сходится съ разныхъ частей Петербурга, богъ-вѣсть изъ какихъ отдаленныхъ, бѣдныхъ его уголковъ эта «безпокойная», ни во что не вѣрающая, надъ всѣмъ насмѣхающаяся, пустая молодежь, только къ гробу того, кто честно служилъ своему дѣлу; такъ провожаетъ она, иногда чуть не по колѣна въ грязи, несмотря на дальность разстоянія, до самаго кладбища только того, въ комъ видѣла она истиннаго ученаго, истиннаго писателя, истиннаго актера!..

Часъ, или даже полтора, несли до могилы тѣло: Толпа хотя и рѣдѣла, но народу все-таки было довольно. Наконецъ гробъ внесли на Малоохтенское кладбище. Могила была вырыта почти возлѣ церкви, у ограды. Опустили тѣло... Дьяконъ, можетъ-быть также товарищъ усопшаго, провозгласилъ ему вѣчную память... Затѣмъ одинъ изъ провожавшихъ покойнаго сказалъ, обратясь къ могилѣ, слѣдующее:

«Честный писатель! «Ты писалъ не много, но писалъ правду. Писалъ съ сердечной болью о нашей узкой долѣ или Молотовыхъ, или Череваниныхъ, съ сердечною болью о томъ, какъ подъ гнилыми общественными условіями ирутъ лучшія человѣческія силы. Ты не искалъ идеаловъ въ

пошлости, а ярко представилъ нашимъ очамъ пошлость шбцанскаго счастья. Воспитанникъ желѣзной бурсы, можетъ-быть благодаря ей ты вошелъ въ жизнь, подобно своему Череванину, съ поколебленной върой во все тѣ прекрасныя вещи, о которыхъ мы такъ любимъ говорить, и некаль лучшаго, — но лучшаго не было. Но таже самая бурса, которая развала въ тебѣ пытливыи умъ и отрицаніе пошлости, можетъ-быть и не дала тебѣ силъ быть бойцомъ съ этой пошлостью и оцѣнить и сбросить свой талантъ для того общества, которое ты такъ горячо и ненави-дѣлъ, и любилъ. Темное кладбищенство стало мучить тебя — и ты погибъ. И еслибы ты могъ свидѣться теперь съ Полежаевымъ, Бѣлинскимъ, Шевченко, Добролюбовымъ или кѣмъ-нибудь изъ нашихъ погибшихъ лучшихъ людей, мы просили бы тебѣ сказать имъ, что у насъ непрежнему гибнуть лучшіе люди.

•Прощай же, нашъ честный, правдивый писатель!

Прощай, еще одна изъ несбывшихся надеждъ нашего молодаго поколѣнія!»

Мы не можемъ лучше закончить этого некролога, какъ задушевными словами поэта, вызванными кончиной Николая Герасимовича. Вотъ стихотвореніе А. Н. Плещеева, написанное въ день похоронъ покойнаго:

ПАМЯТИ ПОМЯДОВСКАГО.

Что годъ, то новая утрата —
И гибнуть силы безъ конца!
Еще межъ нами нѣтъ собрата,
За правду честнаго бойца!

* *

*

Подумать страшно, сколькихъ мы
Не досчитались въ эти годы!
Ихъ всѣхъ, враговъ отважныхъ тѣмъ,
Словны раннія невзгоды.

* *

И вотъ надъ свѣжею могилей
Нашъ дума тяжкая гнететь...
Ужели таже участь ждетъ
Всѣ возникающія силы?

вращеніе Орлийской фермы Джозефу Мэзону онъ считалъ положительнымъ. Но сколько ей нужно перенести, прежде чѣмъ будетъ совершенъ актъ о возвращеніи. «Ахъ, ахъ!» произнесъ онъ, обдумывая все это, и не сознавая присутствія внука, сказалъ: «Бѣдная, бѣдная женщина!» Тутъ Перегринъ убѣдился, что она виновата, и это извѣстно его дѣду.

— Не хотите ли вы перейти въ другую комнату, сэръ? — сказалъ онъ.

— Да, если вы хотите.

Тогда онъ поднялся, чтобы исполнять желаніе внука.

Теперь и впередъ всѣ комнаты были для него равны.

Къ этому времени общество, вѣхавшее въ Орлийскую ферму, достигло мѣста своего назначенія и для нихъ явилась необходимость какъ-нибудь провести тяжелый вечеръ.

До сихъ поръ въ душѣ Люція Мэзона не было и тѣни сомнѣнія. Не смотря на все это, мать все еще казалась незапятнанною, но все же онъ былъ съ нею холоденъ и въ манерѣ его обращенія съ нею было что-то рѣзкое. Весьма возможно, что если у него родилось какое-нибудь сомнѣніе, онъ былъ холоденъ и обращался съ нею нѣжнѣе. При настоящемъ родѣ дѣла, онъ ничего не понималъ и какъ-то чувствовалъ, что мать что-то скрываетъ отъ него. Отчего всѣми уважаемый человѣкъ, каковъ сэръ Ричардъ Ледерамъ, долженъ былъ подняться и рассказать въ судѣ такую исторію о его матери? и отчего право отвѣчать за защиту ея было поручено такому человѣку, какъ мистеръ Чаффенбрассъ? Сэръ Ричардъ передалъ свой рассказъ просто, но съ страшною силою, тогда какъ Чаффенбрассъ удовольствовался пристращать другого адвоката низкими уловками. Почему въ судѣ не нашлось человѣка, который могъ горячо защищать правду и наказать ложь?

Чай и ужинъ былъ для нихъ приготовленъ, за который они всѣ вѣсть и сѣли; но можно себя представить, какъ они ѣли. Леди Мэзонъ весь день съ большимъ усиліемъ выдерживала себя, да и теперь она не уступала; ей это было необходимо въ присутствіи сына, также какъ и въ присутствіи смотрѣвшихъ на нее въ судѣ. И она выдержала себя. Взяла ножъ и вилку и сѣла нѣсколько кусочковъ. Выпила чашку чаю, и вспомнивъ, что все еще въ этомъ домѣ она хозяйка, она употребила небольшое усиліе угощать свою гостью. «Неужели послѣ такого тяжелого дня вы ничего не съѣдите?» спросила она свою пріятельницу. Мистриссъ Ормъ казалось удивительнымъ, какъ жива еще эта женщина; не говоря ужъ о томъ, что она въ состояніи говорить и исполнять

свои обязанности. « И теперь », сказала она — « леди Мэзонъ сказала: такъ какъ мы очень устали, то я думаю можно отправиться наверхъ. — Не зажжете ли вы намъ свѣчей, Луцій? » — Свѣчи были зажжены и обѣ леди отправились наверхъ.

Въ комнатѣ леди Мэзонъ была приготовлена другая кровать и туда онѣ обѣ отправились. Вошедши въ нее, мистриссъ Ормъ, желая утѣшить леди Мэзонъ, обернулась къ ней и протанула къ ней руки; но леди Мэзонъ, не зная какъ вести себя, затворивъ дверь, простояла минуту, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Это продолжалось не болѣе минуты; потомъ, скрестивши руки, она опустила на колѣни къ ногамъ мистриссъ Ормъ и скрыла лицо свое въ складкахъ платья ея.

— Другъ мой, другъ мой! — сказала леди Мэзонъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, я вашъ другъ. Но, милая леди Мэзонъ... И она старалась прибрать слова, которыми бы могла упросить ее помянуть и успокоиться.

— Какъ можете вы оставаться съ подобной нить? Какъ не ненавидите вы меня за мое преступленіе?

— Онъ не ненавидитъ насъ, когда мы согрѣшаемъ.

— Я не знаю. Иногда я думаю, что всѣ возненавидятъ меня, здѣсь, и въ другомъ мірѣ, кромѣ васъ. Луцій возненавидѣлъ меня... И какъ перенести мнѣ это? О, мистриссъ Ормъ! я желала бы, чтобы онъ все узналъ!

— Я также желала-бы. Онъ узнаетъ это теперь, сегодня вечеромъ, если вы позволите только ему сказать.

— Нѣтъ. Меня бы убили его взгляды. Я желала-бы, чтобы онъ узналъ, но чтобы его не было здѣсь и ему не пришлось-бы болѣе видѣть меня.

— Еслибы онъ все узналъ, то простилъ-бы васъ.

— Простилъ-бы! Какъ же онъ можетъ прощать? — Говоря это, она снова поднялась и прежнія манеры ея возвратились. — Думаете ли вы о томъ, что я для него сдѣлала?—я, его мать, для моего единственнаго дитяти? Возможно ли, чтобы послѣ этого онъ простилъ-бы меня?

— Вы же не желали ему зла.

— Но я его разорила въ глазахъ свѣта. Онъ такъ же гордъ, какъ и вашъ сынъ; могъ ли бы онъ вынести то, что вся его жизнь опорожена преступленіемъ матери?

— Еслибы со мною случилось это несчастье, онъ бы простилъ мнѣ это.

— Мы говоримъ о невозможномъ; такъ не могло бы случиться: ваша молодость разлилась съ моею.

— Ко мнѣ Богъ былъ милостивъ и избавилъ меня отъ искушенія; я хотѣла сказать—искушенія большихъ заблужденій. Но маловажны заблужденія требуютъ также раскаянія, какъ и большія.

— Въ первомъ случаѣ раскаяніе легко; но во всякомъ-ли случаѣ оновозможно?

— О, леди Мэзонъ! развѣ оно для васъ невозможно?

— Теперь я объ этомъ не буду говорить. Я не хочу слышать, чтобы вы сравнивали себя съ подобной мнѣ. Знаете ли, я думала сегодня, что теряю сознание и что до окончанія я сойду съ ума. Какъ перенести мнѣ это, какъ?.. — И вставши съ своего мѣста, она быстро зашагала по комнатѣ, отбрасывая назадъ съ лица волосы.

И какъ дѣйствительно перенести ей это? Тяжесть ея была не легка для плечъ каждаго, и то бремя, которое она приняла на себя, было ей не по силамъ. Терпѣніе ея было велико. Величайшее горе она переносила съ удивительною силою. Но теперь испытаніе это стало выше силъ ея.

— Какъ перенести мнѣ это? — спросила она опять, проводя руками по головѣ. — Вы не знаете. Вы этого не испытали. Это невыносимо! — повторяла она дико, когда мистриссъ Ормъ старалась указать ей единственный источникъ, въ которомъ можно искать утѣшенія. — Я не вѣрю въ вора на крестѣ, если только онъ не былъ приготовленъ къ этому дню годами раскаянія. Я знаю, что я пугаю васъ, — прибавила она немного погодя. — Я знаю, то, что я вамъ говорю, покажется ужаснымъ: порокъ всегда страшитъ невинность. Уйдите, уйдите и оставьте! Дѣло зашло теперь такъ далеко, что все будетъ бесполезно. — Сказавъ это, она упала на постель и залилась горячими слезами.

Мистриссъ Ормъ попыталась еще разъ получить у ней позволеніе рассказать все ей сыну. Еслибъ леди Мэзонъ согласилась на это, или показала видъ, что почти соглашается, то, вѣроятно, рѣшимость мистриссъ Ормъ уменьшилась бы въ значительной степени. А теперь она настаивала, полагая, что трудъ, принимаемый ею на себя, не очень великъ. Мистриссъ Ормъ очень заботилась о томъ, чтобы Луцій не ходилъ въ засѣданіе въ теченіи всего процесса. Она понимала, что, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ будетъ перенести ударъ, становившійся неизбѣжнымъ, въ самомъ засѣданіи, и не могла представить себѣ ничего ужаснѣе этого. Кромѣ того, она полагала, что бѣдная леди Мэзонъ бу-

детъ въ состояніи спокойно обсудить настоящее свое положеніе послѣ того, какъ Луцій узнаетъ секретъ и на нѣсколько времени разстанется съ нею. Тогда прекратится напряженное положеніе, и матери не надобно уже будетъ чувствовать необходимость подвергать всѣ свои поступки такому старательному контролю.

— Но вѣдь вы говорили, что онъ долженъ все узнать раньше или позже, — наставляла мистриссъ Ормъ.

— Но еще не время, не теперь, когда процессъ еще не кончился. Если онъ все узнаетъ прежде....

— Тогда онъ не пойдетъ въ засѣданіе.

— Да, и я никогда болѣе его не увижу. Что съ нимъ будетъ, когда онъ услышитъ это? Лучше, можетъ быть, ему уѣхать отсюда, не простясь со мною.

— Онъ не захочетъ этого сдѣлать.

— А такъ было бы лучше. Если меня посадятъ въ тюрьму, я болѣе его не увижу. Видѣ его убьетъ меня. Смотрѣли ли вы когда-нибудь на него? Видѣли ли вы эту благородную гордость въ глазахъ его? Онъ не имѣетъ еще понятія, что значить безчестіе; и я, мать его, довела его до этого!

Все, что ни говорила въ эту ночь мистриссъ Ормъ, было напрасно. Леди Мэзонъ не дала ей позволенія. Впрочемъ, мистриссъ Ормъ вынудила у нея что-то въ родѣ обѣщанія, рассказать обо всемъ Луцію въ слѣдующій вечеръ, если, судя по словамъ мистера Арама, можно будетъ съ нѣкоторою вѣроятностію предполагать, что процессъ кончится не въ ихъ пользу.

Луцій Мэзонъ провелъ одинъ цѣлый этотъ вечеръ; хотя онъ еще ни о чемъ настоящемъ не слышалъ, однако не былъ спокоенъ умомъ и счастливъ сердцемъ. Хотя онъ и помышленія не имѣлъ о виновности матери, однако понималъ, что имъ невозможно будетъ остаться на Орлійской фермѣ по окончаніи процесса. Предполагавшееся супружество его матери съ сэромъ Перегриномъ, и потомъ такой странный способъ его разстройства, ходъ процесса и его общезвѣстность, ненависть Дократа, и наконецъ, его собственная неспособность подружиться сколько-нибудь съ людьми, продолжавшими еще быть лучшими друзьями его матери, — все это давало ему чувствовать, что, во всякомъ случаѣ, имъ лучше переимѣнить мѣсто жительства. Что могла, послѣ всего случившагося, доставить ему жизнь на Орлійской фермѣ? Онъ ѣздилъ въ Дивернуль для закупки гуано: мѣшки съ нимъ лежали теперь неразвязан-

ными у него въ кладовой. Онъ началъ осушку почвы въ своемъ имѣніи, и безобразныя, длинныя кучи земли лежали теперь въ безпорядкѣ въ его поляхъ. Все это теперь не представляло для него интереса; онъ понималъ, что не зачѣмъ приступать къ дѣламъ въ этомъ имѣніи до тѣхъ поръ, пока не увѣрится вполне, что онъ господинъ его.

Во время думъ о будущихъ надеждахъ, о новомъ мѣстѣ жительства и новой жизни, его мысли обращались и на другой предметъ, кромѣ его самого и его матери. Что велитъ ему сдѣлать Софья, его собственная Софья, которая обѣщала, что ея сердце останется при немъ, не смотря на всѣ неприятели процесса? Онъ написалъ письмо къ Софьѣ въ эту ночь, передъ тѣмъ, какъ легъ спать; въ немъ онъ изложилъ свои опасенія и надежды.

«Черезъ два дня все кончится», писалъ онъ, «и я приду къ вамъ. Я надѣюсь, что вы увидите меня у себя черезъ день послѣ полученія этого письма, а все-таки я не могу удержаться отъ наслажденія писать къ вамъ. Я теперь несчастливъ: мнѣ непріятно видѣть, что дѣлаютъ съ моею матерью. Я нахожу нѣкоторое удовольствіе только въ мысляхъ о васъ и любви вашей, въ которой вы меня увѣряли. Не очень весело свидѣть подлѣ матери и слышать, какъ ее обвиняютъ въ самыхъ гнусныхъ злодѣйствахъ, какія только можетъ представить закоренѣлый преступникъ! А я перенося это и не слышалъ опроверженія обвиненія настоящими честными словами. Сегодня, когда королевскій судья (general solicitor) провзнесъ ея имя въ сопровожденія цѣлой кучи обмановъ, я едва могъ удержаться, чтобъ не броситься и не схватить его за горло. Напишите мнѣ отъ себя хоть одну утѣшительную строчку, и я буду у васъ въ пятницу.»

Но такой утѣшительной строчки Луціи не получалъ и не сдѣлалъ предполагавшагося въ пятницу визита. Миссъ Фэрнваль рѣшилась для за два передъ этимъ не писать къ Луцію, пока процессъ не будетъ конченъ. И, можетъ быть, даже, что корреспонденція съ наследникомъ Нонинси была бы ей болѣе по вкусу.

ГЛАВА XVII.

Въ которой объясняются, какъ вели себя во время суда Джонъ Квинни и Бриджитъ Больстеръ.

Въ слѣдующее утро въ десять часовъ всѣ были на своихъ мѣстахъ; толпа передъ дверьми дома засѣданія собралась еще гораздо раньше.

Чѣмъ болѣе процессъ подвигался впередъ, тѣмъ становился интереснѣе; когда начали думать, что леди Мэзонъ вправду составила подложное завѣщаніе, на нее стали смотрѣть, какъ на героиню. Еслибъ она убила своего мужа послѣ того, какъ составила завѣщаніе, то многіе дали бы полкроны, чтобъ дотронуться до ея платья, и цѣлую гинейю за право пожать ей руку. Леди Мэзонъ снова сѣдла, поднявъ вуаль, между своимъ сыномъ и мисстрисъ Ормъ. Ея адвокаты снова помѣстились на скамьяхъ позади; мистеръ Фэрниваль сѣдлъ ближе всѣхъ къ судѣ, а мистеръ Арамъ опять занялъ среднюю скамью, помѣстившись такъ, что могъ легко сообщаться и со своимъ клиентомъ и съ адвокатами. Теперь это были уже опредѣленные ихъ мѣста; они дошли до нихъ безъ всякихъ затрудненій, несмотря на огромную толпу народа. Главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, гдѣ бы то ни было, всегда легко дѣлать дорогу.

Сегоднешній день долженъ быть рѣшительнымъ относительно показанія свидѣтелей. «Этотъ случай зависить совершенно отъ свидѣтелей», говорили другъ другу молодые адвокаты. «Если ея совѣтники съумѣютъ умно распорядиться со свидѣтелями, то она спасена.» Каждый чувствовалъ важность ихъ показаній и всѣ понимали, что настоящая драма разыграется сегодня. Конечно, Чаффенбрасъ очень хорошо сдѣлалъ, что такъ сильно срѣзалъ Дократа и поставилъ несчастнаго атторрея на часъ, или около того, въ такое нехорошее положеніе; но на рѣшеніе присяжныхъ это могло имѣть не много вліянія. Здѣсь было два лица, готовыхъ дать присягу въ томъ, что въ извѣстный день они подписали только одну бумагу. Такъ сказалъ генеральный солиситоръ, и никто въ этомъ не сомнѣвался. Вопросъ теперь состоялъ въ томъ, будутъ ли въ состояніи мистеръ Фэрниваль и мистеръ Чаффенбрасъ заставить ихъ противорѣчить самимъ себѣ послѣ такой присяги? Можно ли заставить ихъ сказать, что они подписали двѣ бумаги, или могли такъ сдѣлать?

Мистеръ Фэрниваль снова долженъ былъ первый выступить на сцену, то есть, собственно говоря, ему надобно было выступить тотчасъ послѣ того, какъ сэръ Ричардъ исполнитъ свою совершенно второстепенную роль—отобраніе показанія отъ главнаго свидѣтеля. Бѣдному Джону Кеннеби приходилось быть первою жертвою. Его посадили на мѣсто впереди всѣхъ очень скоро послѣ того, какъ судья открылъ засѣданіе. Зачѣмъ онъ не эмигрировалъ въ Австралію и не ушелъ отъ всего этого,—отъ всего, и отъ мисстрисъ Смайлей также? Такъ размыш-

лелъ Джонъ Кеннеби, медленно входя по двумъ ступенькамъ на мѣсто своей вытки. Подлѣ того же самаго мѣста, слѣдственно и подлѣ Дократа, взявшаго подѣ свое особое покровительство двухъ этихъ свидѣтелей, сидѣла Бриджетъ Больстеръ. Въ это утро она очень удобно позавтракала бутербродомъ и сосисками и не отказалась также выпить благодѣтельный стаканъ водки, когда Кеннеби, по настоянію Дократа, рѣшился почерпнуть храбрости въ этомъ пріятномъ напитокѣ. Въ силу такого обстоятельства одной бутылки не достало. «Не то, чтобы мнѣ было необходимо», говорила Бриджетъ, въ наитреніи показать, что она не теряетъ духа даже и въ присутствіи великаго Чаффенбрасса и безъ этого витшняго вспомоgetельнаго средства. Теперь она сидѣла совершенно спокойно, положивъ руки передъ собою на колѣни и устремивъ неподвижные взоры на столъ, стоявшій въ центрѣ заведенія. Въ такой позиціи она оставалась до тѣхъ поръ, пока очередь не дошла до ней; можно было, судя по ея виду, сказать, что за слова Бриджетъ Больстеръ она сѣлась нечего.

Вотъ сэръ Ричардъ началъ. Читатель очень хорошо знаетъ, какъ должно было быть прямое показаніе Кеннеби. Сэръ Ричардъ долго отбиралъ у него это показаніе, ибо прежде перехода къ своимъ главнымъ вопросамъ онъ счелъ необходимымъ нѣсколько ободрить свидѣтеля. Но и это было трудно сдѣлать, оттого, что Кеннеби говорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что его никто не могъ слышать; когда судья вторично приказалъ ему говорить громче, онъ чуть не упалъ въ обморокъ. По странному случаю, судьи никогда не замѣчаютъ, что свидѣтель по натурѣ робкій, дѣлается такимъ еще болѣе, если къ нему обращаются съ строгою рѣчью. Когда я слышу, что судья злоупотребляетъ такимъ образомъ своею властью, — я всегда желалъ бы имѣть право заставить его дѣлать что-нибудь не похожее на его занятія, — напримѣръ, скакать въ шпикъ; онъ, безъ сомнѣнія, будетъ скакать худо, а я подниму своей кнутъ и велю ему скакать выше и выше. Чѣмъ больше я буду ему приказывать, тѣмъ больше онъ будетъ падать и всѣ, смотря на это, будутъ жалѣть его и проклинать меня. Строго приказывать свидѣтелю говорить громко — очень похоже на это.

Наконецъ Джонъ Кеннеби разсказалъ, какъ надо, свою исторію. Онъ понималъ этотъ день, въ который встрѣтилъ старика Усебака и Бриджетъ Больстеръ и леди Мэзонъ въ комнатѣ сэра Джозефа. Тогда онъ засвидѣтельствовалъ подпись сэра Джозефа и въ этотъ день только однимъ засвидѣтельствовалъ; въ этомъ онъ былъ совершенноуверенъ. Онъ

не думаетъ, что старикъ Усбекъ подписалъ бумагу, о которой идетъ рѣчь, но дать въ томъ положительную присягу отказывается. Онъ всеявилъ о прежнемъ процессѣ. Тогда онъ сказалъ, что не можетъ дать положительную присягу въ томъ, подписалъ или нѣтъ Усбекъ бумагу. Сколько онъ помнилъ, на эту точку главнымъ образомъ были тогда направлены вопросы адвокатовъ противной стороны (*cross-examination*). Вотъ что сказалъ, наконецъ, Джонъ Кеннеби достаточно яснымъ голосомъ.

Теперь всталъ мистеръ Фэриваль. Читателю знакомъ уже его образъ мыслей относительно этого процесса. Энтузіазмъ къ защитѣ леди Мэзонъ, воспламененный въ немъ увѣренностію въ ея невинности, старинною съ нею дружбою, прежними его стараніями въ ея пользу и его удивленіемъ къ ея красотѣ, теперь очень замѣтно ослабѣлъ. Этотъ энтузіазмъ очень ослабѣлъ послѣ того, какъ мистеръ Фэриваль нашелъ необходимымъ соединиться съ такими товарищами, какъ Чаффенбрассъ и Арамъ, и почти вовсе погибъ, когда, соединяясь съ ними, онъ пришелъ къ убѣжденію въ ея виновности. Но впрочемъ здѣсь, въ засѣданіи, старый энтузіазмъ снова воротился къ нему. Онъ разъ двадцать желалъ оставить все это дѣло и предоставить своего стараго кліента однимъ только новымъ совѣтникамъ. «Такъ будетъ для нея лучше», говорилъ онъ самому себѣ. Но въ этотъ день, — въ эти три дня, — онъ, видя, что не можетъ оставить дѣла, принялся за него такъ, какъ бы онъ еще любилъ ее, такъ, какъ бы вся его мысль была устремлена на сохраненіе для ея сына этого худо пріобрѣтеннаго наслѣдства. Почти можно было полагать въ нѣкоторые моменты настоящихъ трехъ дней, что онъ убѣждалъ себя въ томъ, что она обиженная женщина. Припомнимъ, что Арамъ чувствовалъ недоувѣріе къ способности мистера Фэриваля произвести дополнительный допросъ свидѣтеля; Чаффенбрассъ никогда не чувствовалъ недоувѣрія. Онъ зналъ, что въ такомъ дѣлѣ мистеръ Фэриваль можетъ столько же, сколько онъ самъ, — и разница между ними та, что мистеръ Фэриваль можетъ сдѣлать кое-что и кромѣ этого.

— Теперь, мистеръ Кеннеби, — сказалъ онъ, — я сдѣлаю вамъ нѣсколько вопросовъ. — Кеннеби повернулся къ нему, адвокатъ говорилъ мягкимъ, тихимъ голосомъ, но взоры его въ то же время пронзали бѣднягу, и хотя Кеннеби разъ десять приказывали смотрѣть на присяжныхъ и обращаться къ нимъ съ рѣчью, однако онъ не могъ спустить своихъ глазъ съ лица мистера Фэриваля.

— Вы помните старый процессъ? — сказалъ онъ. При этомъ онъ держалъ въ своей рукѣ отчетъ о прежнемъ дѣлѣ. Теперь начался между

нить и саранъ Ричардомъ споръ, въ которомъ приняли участіе всѣ: Чае-фенбрассъ и Грегамъ и мистеръ Стильярдъ. Дѣло было въ томъ, имѣли ли право распрашивать Кеннеби относительно его прежнихъ показаній? Грегамъ здѣсь очень охотно стоялъ за и приводилъ безъ счету предъидущіе примѣры; онъ старался при этомъ исполнять свою обязанность относительно кліента въ томъ, въ чемъ не запрещало ему его собственное сознаніе. Наконецъ судья рѣшилъ, что такой допросъ можетъ быть сдѣланъ; послѣ того сэръ Ричардъ и мистеръ Стильярдъ сѣли, какъ будто совершенно удовлетворившись. Кеннеби, спрошенный снова, сказалъ, что помнить о прежнемъ процесѣ.

— Вы знаете, что присяжнымъ необходимо васъ слышать; нѣтъ было бы легче это сдѣлать, еслибы вы смотрѣли на нихъ и обращались къ нимъ съ отвѣтомъ.—Кеннеби на минуту отвелъ глаза на лавку присяжныхъ, но взоры его тотчасъ-же опять упали и снова устремились на лица адвоката.—Вы помните тотъ процесъ?

— Да, сэръ, я помню его, — прошепталъ Кеннеби.

— Помните ли вы, что я спросилъ васъ тогда: имѣли ли вы обикновеніе свидѣтельствовать подпись сэра Джозефа Мэсона?

— Спросили-ли вы у меня это, сэръ?

— Этотъ вопросъ я самъ предлагаю вамъ. Помните ли, что я такъ сдѣлалъ?

— Я могу сказать, что да, сэръ.

— Точно такъ, а теперь я прочту вашъ отвѣтъ. Мы дадимъ присяжнымъ копію засѣданій того процесса, милостивый государь, напередъ повѣривъ ее; такъ, по крайней мѣрѣ, мы намѣрены сдѣлать. (Это было сказано, обращаясь къ судѣ.)

Теперь снова между адвокатами пронеслась небольшой споръ. Но какъ леди Мэсонъ обвинялась нынѣ въ клеветнопреступленіи, которое было совершено ею, какъ говорили, въ предшествующій процесъ, то, конечно, было необходимо, чтобы присяжные знали о всѣхъ засѣданіяхъ того процесса.

— Вы сказали при этомъ случаѣ,—продолжалъ Фериваль, — что вы въ то лѣто засвидѣтельствовали три подписи сэра Джозефа,—что вы засвидѣтельствовали, вѣроятно, всѣ три въ іюлѣ; что вы совершенно увѣрены въ томъ, что засвидѣтельствовали всѣ три на одной недѣлѣ въ іюлѣ; что вы почти увѣрены въ томъ, что засвидѣтельствовали всѣ три въ одинъ и тотъ же день; что не можете сказать, какой именно это былъ день, и что вами пользовались для засвидѣтельствованій такъ часто, что

видѣть истинно о нихъ ничего нечуждого. Можете ли вы подтвердить, что таково было содержаніе вѣстныхъ тогдашнихъ показаній?

— Если это стоитъ тамъ, — сказалъ Джонъ Кеннеби и тутъ же остановился.

— Это стоитъ здѣсь; я прочелъ это.

— Я думаю, что все это правда, — отвѣчалъ Кеннеби.

— Я долженъ попросить васъ говорить громче, — сказалъ судья. — Я не могу васъ слышать и присяжные тоже.

Слова судьи не были невѣжливы, но его голосъ былъ рѣзокъ и единственнымъ замѣтнымъ послѣдствіемъ его увѣщанія были крупныя капли росы, показавшіяся на лбу у Джона Кеннеби.

— Таково показаніе, данное вами при прежнемъ процессѣ. Могутъ ли присяжные быть увѣрены въ томъ, что вы тогда говорили истину отъ всего вашего сердца?

— Я старался говорить истину, сэръ.

— Вы старались говорить истину? Этими вы, можетъ быть, хотите сказать, что вы ошибались.

— Нѣтъ, я не думаю, что я ошибался.

— И такъ, когда вы говорили присяжнымъ, что почти увѣрены, что въ одинъ день засвидѣтельствовали три подписи сэра Джозефа, — это была истина?

— Я не думаю, что я дѣлалъ это.

— Дѣлалъ что?

— Засвидѣтельствовалъ три бумаги въ одинъ день.

— Вы не думаете, что это сдѣлать?

— Само собою разумѣется, что я могъ сдѣлать.

— А тогда, во время того процесса, бывшаго двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ смерти лица, о которомъ идетъ рѣчь, вы были почти увѣрены, что такъ сдѣлали.

— Развѣ я былъ?

— Вы сказали такъ присяжнымъ.

— Значитъ, я сдѣлалъ въ самомъ дѣлѣ, сэръ.

— Значитъ, сдѣлали что?

— Засвидѣтельствовалъ всѣ эти бумаги.

— И такъ, вы теперь полагаете, что, вѣроятно, засвидѣтельствовали три подписи въ одинъ и тотъ же день?

— Нѣтъ, я этого не думаю.

— Что же вы думаете?

— Это было уже такъ давно, сэръ, что я, право, не знаю.

— Совершенно точно. Вы уже давно не можете полагаться на свою память.

— Я полагаю, что не могу, сэръ.

— Но вы только что сейчасъ сказали джентльмену, опрашивавъ немца на той сторонѣ, что вы почти вполнѣ увѣрены, что не подписывались въ качествѣ свидѣтеля на двухъ актахъ въ названный имъ день, 14 июля. Теперь, видя, что вы сомнѣваетесь въ своей собственной памяти, такъ какъ это случилось уже давно, не желаете ли вы исправить ваше показаніе?

— Я полагаю, что да.

— Какую же поправку вы желаете сдѣлать?

— Я не думаю, что сдѣлалъ.

— Вы не думаете, что вы сдѣлали что?

— Я не думаю, что я подписалъ два.

— Я рѣшительно не могу слышать свидѣтеля, — сказалъ судья.

— Вы должны выговорить громче, — сказалъ мистеръ Фернвальдъ, такъ какъ онъ самъ говорилъ очень громко.

— Я полагаю дѣлать это такъ, какъ могу, — сказалъ Кеннеби.

— Миѣ кажется, вы и дѣлаете это, — сказалъ Фернвальдъ; — но полагая это, вы должны быть очень осторожны и не говорить ни о чемъ, какъ о положительномъ, не говорить положительно о томъ, въ чемъ вы не увѣрены. Увѣрены ли вы, что въ вышеназванный день вы не подписались свидѣтелемъ на двухъ документахъ?

— Я думаю.

— И однако вы не были увѣрены въ этомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда происшествіе было гораздо свѣжѣе въ вашей памяти.

— Я не помню.

— Вы не помните, были ли вы увѣрены черезъ годъ послѣ происшествія, а думаете, что увѣрены теперь!

— Я полагаю, я не думаю, чтобы подписалъ два.

— Итакъ, вы только думаете такъ?

— Да; я только думаю такъ.

— А могло случиться, что вы подписались на двухъ?

— Совершенно могло случиться, что я и сдѣлалъ это.

— Вы вѣдь думаете сказать присяжнымъ слѣдующее: что вы не помните, чтобы вы подписывали дважды въ извѣстный вамъ день, хотя

вы знаете, что вы дважды были свидетелемъ въ одинъ и тотъ же день со стороны сэра Джозефа Мэсона?

— Да.

— Это предметъ вашего показанія?

— Да, сэръ.

И затѣмъ мистеръ Фэрниваль перешелъ къ другой сторонѣ, именно къ вопросу о томъ, присутствовалъ или нѣтъ мистеръ Усбекъ при подписаніи завѣщанія и показалъ подпись. На этотъ счетъ Кеннеби не сказалъ ничего положительнаго, хотя онъ и выражалъ весьма твердое мнѣніе. Мистеръ Фэрниваль былъ не удовлетворенъ этимъ: онъ желалъ показать, что у Кеннеби не было на этотъ счетъ даже твердаго мнѣнія. Онъ снова возвратился къ показаніямъ прежняго процесса и прочелъ различные вопросы съ отвѣтами на нихъ; и отвѣты, даваемые тогда, конечно, не выражали—если ихъ принять въ такомъ видѣ—яснаго мнѣнія лица, дававшего ихъ, хотя безпристрастный человѣкъ, прочтя все показаніе, нашелъ бы, что въ немъ выражено весьма ясное мнѣніе. Когда Кеннеби спросили въ первый разъ, то онъ сказалъ, что почти увѣренъ въ томъ, что мистеръ Усбекъ не подписывалъ документа. Но самая заботливость его сказать правду привела его въ замѣшательство. Мистеръ Фэрниваль при этомъ случаѣ воспользовался словомъ «почти» и наконецъ, достигъ того, что заставилъ его сказать, что онъ совершенно не увѣренъ въ этомъ. Вышудженія показаній пытками, тисками и тому подобными средствами уже давно оставлены, какъ варварство; всѣ признали, что по самому существу этихъ средствъ они бесполезны при отысканіи правды; скоро ли признаемъ мы, что и другой родъ пытки также противенъ правдѣ и цивилизаціи?

— Но мистеръ Усбекъ былъ, конечно, въ комнатѣ въ этотъ день?
— продолжалъ мистеръ Фэрниваль.

— Да, онъ былъ тамъ.

— И зналъ, полагаю, чѣмъ вы всѣ занимались?

— Да, я полагаю, что онъ зналъ.

— Я думаю, что онъ именно и объяснялъ вамъ, что это за бумага, на которой вы должны были подписаться, какъ свидѣтель?

— Смѣю сказать, что онъ.

— Такъ какъ онъ былъ законникъ, то это было бы естественно?

— Я полагаю, что такъ.

— И вы не помните, какого рода было это дѣло, которое вамъ объ-

исняли такимъ образомъ въ тотъ день, когда Бриджетъ Больстеръ была въ комнатѣ?

— Нѣтъ, не помню.

— Можетъ быть, это было завѣщаніе?

— Да, можетъ быть. Я подписывалъ одно и два завѣщанія сэра Джозефа, какъ мнѣ кажется.

— А что касается до этого отдѣльнаго документа, то, можетъ быть, мистеръ Усбекъ и подписывалъ его въ вашемъ присутствіи, такъ какъ вы не знаете ничего противъ этого?

— Быть можетъ, онъ и подписывалъ.

— Теперь обращаюсь къ вашей совѣсти, Кеннеби: достаточно ли тверда ваша память для того, чтобы вы были въ состояніи дать присяжнымъ какое-нибудь показаніе на этотъ счетъ, на которое бы они могли положиться, осуждая эту несчастную леди въ ужасномъ преступленіи, въ которомъ ее обвиняють?

Тутъ Кеннеби посмотрѣлъ вокругъ себя и устремилъ свои взоры на лицо леди Мэзонъ.

— Подумайте, прежде нежели отвѣтите, и поступайте въ отношеніи къ ней также, какъ вы бы желали, чтобы другой поступилъ въ отношеніи къ вамъ, еслибы вы были въ подобномъ положеніи. Можете ли вы сказать, что помните, что Усбекъ не подписывалъ?

— Да, сэръ, я не думаю, чтобы онъ подписывалъ.

— Но онъ могъ бы и подписать?

— О, да; онъ могъ бы.

— Вы не помните, чтобы онъ подписалъ?

— Совершенно нѣтъ.

— И это почти все, что вы думали сказать?

— Да, сэръ.

— Дайте мнѣ понять, — сказалъ судья, и тутъ потъ еще яснѣе выступилъ на лицѣ бѣднаго Кеннеби: — думаете ли вы сказать, что вообще не помните ничего? или что вы просто не помните, подписывалъ, или нѣтъ, Усбекъ?

— Я не думаю, чтобы онъ подписывалъ.

— Но отчего вы думаете, что онъ не подписывалъ, когда видите его подпись здѣсь?

— Я не видалъ его.

— Думаете ли вы, — продолжалъ судья, — что вы не видали его, или что вы не помните, что видали его?

— Я не помню, видѣлъ ли я его.

— Но вы могли и видѣть его? Онъ могъ бы подписать, и вы могли бы видѣть, какъ онъ подписывалъ, и только вы не помните этого?

— Да, милордъ.

И затѣмъ Кеннеби пригласили оставить ложу. Когда онъ выходилъ изъ ложи, Джозефъ Мэзонъ, который сидѣлъ близъ него, бросилъ на него громовый взглядъ. Мистеръ Мэзонъ не вѣрилъ его робости, но думалъ, что онъ былъ подкупленъ противной стороною. Дократъ, однако, зналъ это лучше. «Они даже не подѣзжали къ нему на счетъ его собственной подписи», сказалъ онъ; «но я зналъ впередъ, что мы главнѣйшимъ образомъ должны надѣяться на Больстеръ.»

Затѣмъ въ ложу была введена Бриджетъ Больстеръ, и ее опрашивалъ мистеръ Стильярдъ. Она слышала, какъ Кеннеби говорили, чтобы онъ смотрѣлъ прямо, и она, вслѣдствіе этого, устремила свои взоры на балдахинъ надъ судейскимъ мѣстомъ. Она смотрѣла туда, и смотрѣла пока не кончился опросъ, только оборачиваясь по временамъ къ мистеру Чаффенбрассу, когда этотъ джентльменъ становился особенно строгъ въ обращеніи съ нею. Ея отвѣтъ мистеру Стильярду былъ очень простъ. Она подписывалась въ качествѣ свидѣтеля только разъ во всю жизнь, а именно въ комнатѣ сэра Джозефа. Ей было объяснено, какого рода это документъ. «Но, какъ она выразилась, «она была молода и легкомысленна, и что входило тогда къ ней въ одно ухо, то выходило въ другое.» Она не помнитъ, чтобы мистеръ Усбекъ подписывалъ, но онъ могъ-бы и сдѣлать это. Она думаетъ, что онъ не подписывалъ. Что касается до двухъ приписываемыхъ ей подписей, то она не могла сказать, которая ея и которая нѣтъ. Но она бы могла положительно поклясться, что только одна изъ нихъ— ея. Этого она держалась твердо, и мистеръ Стильярдъ сдалъ ее на руки мистеру Чаффенбрассу.

Тогда мистеръ Чаффенбрассъ всталъ съ своего мѣста, и всѣ знали, что его дѣло потеряно. Мистеръ Фэриваль торжествовалъ. Можно сказать, что онъ уничтожилъ своего свидѣтеля; но это была легкая побѣда. Теперь необходимо уничтожить Бриджетъ Больстеръ, и общее мнѣніе было, что если кто можетъ сдѣлать это, такъ мистеръ Чаффенбрассъ. Но Бриджетъ Больстеръ была такъ упорна въ своихъ показаніяхъ, что многіе начали даже сомнѣваться въ успѣхѣ Чаффенбрасса. Мистеръ Арамъ сильно надѣялся; но адвокаты предпочли бы держать пари за Больстеръ. Чаффенбрассъ, вставая, отодвинулъ назадъ свой маленькій безобразный парикъ, сдвинувъ его при этомъ нѣсколько на

сторону, и затѣмъ, выставивъ свой подбородокъ, съ злобной, злоеющей улыбкой смотрѣлъ на Бальстеръ нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ началъ говорить съ нею. Она взглянула на него, и тотчасъ же снова начала смотрѣть на балдахинъ. Затѣмъ она положила одну руку за другую на перила, сжала губы и ждала терпѣливо.

— Мнѣ кажется, вы сказали, что вы были горничной?—Это былъ первый вопросъ Чаффенбрасса, и Бриджетъ Бальстеръ вздрогнула немного, услышавъ его рѣзкій, сердитый, непріятный голосъ.

— Да, я горничная въ Пальмеровой императорской гостинницѣ, въ Плимутѣ, въ Девонширѣ, и была ею девятнадцать лѣтъ, старшей и младшей.

— Старшей и младшей! Что это значить: старшей и младшей?

— Когда я была младшей, то была надо мною другая; а теперь, когда я старшая, то есть подо мною другія.—Такъ она объяснила свое положеніе въ гостинницѣ, но она постоянно смотрѣла на балдахинъ.

— Вы однако еще не были горничной, когда подписали эти документы?

— Я подписала только одинъ изъ нихъ.

— Да, одинъ изъ нихъ. Но вы еще тогда не были горничной?

— Нѣтъ, не была; я была въ услуженіи на Орийской фермѣ.

— Чтожъ, вы тамъ были старшей или младшей?

— Мнѣ кажется, обѣими; то есть, кухарка была старшей въ домѣ.

— А, кухарка была старшей! Отчего жъ не ее назвали для подписанія?

— Этого я не могу сказать. Она была весьма добропорядочная женщина, это я могу сказать, а звали ея Марта Маулдеръ.

До сихъ поръ мистеръ Чаффенбрассъ не много сдѣлалъ; но это была только предварительная схватка; такъ фехтовальщики предварительно играютъ рапирами.

— И теперь, Бриджетъ Бальстеръ, если я понимаю васъ, — сказалъ онъ, — вы клянетесь, что 14 іюля вы подписали только одинъ изъ этихъ документовъ.

— Я только разъ подписывала, сэръ. Я ничего не говорила о 14 іюлѣ, потому что я не помню.

— Но когда вы подписывали одинъ актъ, вы не подписывали другого?

— Ни тогда, и никогда.

— Вы знаете за что судится леди Мэзонъ?

— Да, я знаю: она сдѣлала что-то съ застѣнаніемъ .

— Нѣтъ, женщина, не за это. — И тутъ, такъ какъ мистеръ Чаффенбрассъ возвысилъ свой голосъ и говорилъ съ дикой серьезностью, Бриджетъ снова вздрогнула и немного припрыгнула на мѣстѣ. Но скоро она приняла свое прежнее положеніе. — Никто не смѣлъ обвинять ее въ этомъ, — продолжалъ мистеръ Чаффенбрассъ, смотря на адвокатовъ противной стороны. — Обвиненіе, которое они возводятъ на нее, есть клятвопреступничество, что будто бы она сдѣлала ложное показаніе въ судѣ двадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь смотрите сюда, Бриджетъ Больстеръ; повторяю еще разъ, смотрите мнѣ прямо въ глаза. — Она взглянула на него, и снова начала глядѣть на балдахинъ. — Также вѣрно, какъ то, что вы живая женщина, и вы будете призваны сюда и будете судиться за то же преступленіе, за клятвопреступничество, если вы скажете мнѣ ложь относительно этого дѣла.

— Я скажу только правду, — отвѣчала Бриджетъ.

— Я вамъ совѣтую тоже. Теперь смотрите на эти двѣ подписи. — И онъ подалъ ей два акта, или вѣрнѣе, заставилъ одного изъ служителей держать ихъ передъ собою. — Какая изъ этихъ двухъ подписей та, которую вы не подписывали?

— Не могу сказать, сэръ.

— Не подписывали-ли вотъ этой? не ваша-ли это рука?

— Я не могу сказать, сэръ.

— Посмотрите на подпись, женщина, прежде чѣмъ будете отвѣчать мнѣ.

Бриджетъ посмотрѣла на подпись, и затѣмъ повторила тѣ же самыя слова:

— Не могу сказать, сэръ.

— А теперь посмотрите на другую.

И она снова на минуту опустила глаза.

— Вы это писали?

— Не могу сказать, сэръ.

— Поклянётесь ли вы, что одна изъ нихъ ваша?

— Я только разъ сдѣлала одну подпись.

— Не вилайте передо мною, женщина. Была ли которая-нибудь изъ этихъ подписей сдѣлана вами?

— Я полагаю, что одна была.

— Поклянётесь ли вы, что вы написали или одну, или другую?

— Я поклянусь, что я сдѣлала одну, разъ въ моей жизни.

— Поклянетесь ли вы, что одна изъ лежащихъ передъ вами ваша? Вы можете читать? можете ли вы?

— О, да, я могу читать.

— Такъ посмотрите на нихъ. — Она съ полминуты снова посмотрѣла на нихъ. — Поклянетесь ли вы, что написали одну изъ этихъ?

— Нѣтъ, если здѣсь есть еще одна какая-нибудь подобная, — сказала, наконецъ, Бриджетъ.

— Еще одна какая-нибудь подобная, — сказалъ Чаффенбрассъ, повторяя ея слова. — Что вы разумѣете подъ еще одной какой-нибудь?

— Еслибъ вы достали еще одну, которую кто-нибудь также сдѣлалъ, я не сказала бы, которая изъ трехъ моя. Но я разъ подписала, и не подписывала больше.

Мистеръ Чаффенбрассъ долго еще продолжалъ въ этомъ же родѣ, но съ слишкомъ малымъ успѣхомъ. Затѣмъ онъ оставилъ это дѣло о подписяхъ, которое дѣйствительно было единственнымъ пунктомъ, и показаніе о которомъ что-нибудь стоило, и за тѣмъ сталъ добиваться отъ нея противорѣчія въ показаніи о старомъ Усбекѣ. Но объ этомъ она ничего не могла сказать. Что Усбекъ присутствовалъ, она помнить хорошо; но что касается до того, подписывалъ ли онъ актъ, или нѣтъ, она не смѣетъ и подумать сказать хоть слово.

— Я знаю, что онъ страдалъ подагрой, — сказала она, — но я ничего не помню больше.

Но надо объяснить, что мистеръ Чаффенбрассъ совершенно измѣнилъ свое намѣреніе и самый планъ атаки по отношенію къ этому свидѣтелю, какъ только онъ увидѣлъ ея натуру и расположеніе. Онъ очень скоро понялъ, что не могъ бы принудить ее противорѣчить самой себѣ и превратить все ея показанія въ ничто, какъ Фериваль сдѣлалъ съ Кеннеби. Ничто не могло смутить эту женщину, или принудить ее измѣнить свои слова, значенія которыхъ она не знала сама. Чѣмъ бы больше онъ усиливался сдѣлать это, тѣмъ бы упрямѣе и тверже становилась она. Оттого онъ скоро бросилъ это. Онъ тогда же бросилъ это, когда страшалъ обвинить ее въ клятвенпреступничествѣ, и рѣшилъ, что такъ какъ онъ не можетъ поколебать ее, то долженъ поколебать довѣріе, которое могли бы имѣть присяжные къ ея показаніямъ. Онъ не могъ представить ее дурой, а потому вздумалъ представить ее плутовкой. Ея показаніе будетъ стоять особнякомъ, или почти особнякомъ; итакъ, если бы онъ обратилъ ея твердость въ свою пользу и объяснилъ, что ея упрямое рѣшеніе настаивать на одномъ и томъ же происходитъ отъ того, что

ее научили поступать такъ, съ цѣлью разорить его кліента. Болѣе чѣмъ полчаса онъ старался, задавая ей вопросы съ этой цѣлью; намекалъ, что она въ дружескихъ отношеніяхъ съ Добротомъ; спрашивалъ, что ей заплатили за ея показаніе; объяснялъ ей, что ее хорошо содержали и жирно кормили. Онъ даже вытянулъ изъ нея списокъ всѣхъ вкусныхъ вещей, которыя она ѣла нынѣшнимъ утромъ за завтракомъ, и наконецъ успѣлъ добиться признанія насчетъ маленькаго, но неблаго-разумнаго стаканчика вина. Вслѣдствіе этого, и только вслѣдствіе этого, бѣдная Бриджетъ пришла въ безпокойство. Бифтексы, соусы и жареная въ маслѣ свинина, хотя она ихъ спрашивала три раза въ день, не налагали клейма безчестія на ея жизнь; но этотъ маленький, величиною съ наперстокъ, стаканчикъ водки, выпитый послѣ многихъ просьбъ и при всей честной компаніи, язвительно погладилъ ее противъ шерсти. «Тому, кого будутъ терзать подобнымъ образомъ, необходимо выпить чего-нибудь больше обыкновеннаго», сказала она наконецъ. И это были единственные сказанныя ею слова, которыя доказывали нѣкоторое торжество мистера Чаффенбрасса. Но тѣмъ не менѣе мистеръ Чаффенбрассъ не былъ доволенъ. Торжество, непосредственное торжество надъ бѣдной горничной съ трудомъ было достигнуто человѣкомъ, торжествовавшимъ постоянно при подобныхъ обстоятельствахъ, впродолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Развѣ это было не практически—заставить присяжныхъ сомнѣваться: можно ли вѣрить этой женщинѣ или нѣтъ? Это былъ желанный триумфъ. Что касается до самого Чаффенбрасса, то ему хорошо было извѣстно, что она говорила только сухую правду; но онъ ли устроилъ такъ, что правда казалась ложью, или по крайней мѣрѣ сомнительною? Если такъ, то онъ имѣлъ полный успѣхъ и былъ равнодушенъ къ своему триумфу.

ГЛАВА XVIII.

Краснорѣчіе мистера Фэрнивала.

Все это, какъ можно себѣ представить, порядкомъ тревожило Феликса Греггама, чувствовавшего, что каждый изъ свидѣтелей дѣлалъ огромныя усилія, чтобы говорить правду (честныя, мучительныя усилія говорить одну только правду) и никакимъ образомъ не уклоняться отъ нея. Въ немъ кипѣло негодованіе, когда онъ слушалъ мистера Фэрнивала и былъ свидѣтелемъ его успѣховъ въ разрушеніи присутствія ду-

за слабоумнаго существа, старавшагося всѣми силами выказать наружу то, чего справедливость требовала; его душила злоба, когда Чаффенбрассъ, ухватясь за несчастную чарку вина, употребляя все свое остроуміе, чтобы вывести на чистую воду бѣдную женщину, которая сама же выдала себя. Когда опытный адвокат смѣлился краснорѣчиво доказывать, что она была пьяница, безчестная, развратная женщина, порочная во всѣхъ своихъ привычкахъ, тогда Грегамъ почти чувствовалъ желаніе встать съ мѣста и принять ея сторону. Вѣроятно, онъ какимъ-нибудь движеніемъ обличилъ свое желаніе, потому что Чаффенбрассъ, появивъ, что происходитъ въ душѣ его сотоварища, отъ времени до времени бросалъ на него яростные взгляды, что было почти невыносимо для Грегата.

Настала обязанность истцовъ провѣрить обстоятельства прежняго судебного слѣдствія. Это было положительно необходимо, потому что преступленіе, въ которомъ обвиняли леди Мэзонъ, состояло въ ложной присягѣ, которую она произнесла двадцать лѣтъ назадъ, при первомъ процессѣ, и когда эта провѣрка была исполнена съ большими подробностями сэромъ Ричардомъ Ледерамомъ, — не безъ частаго прерыванія со стороны мистера Фэривала и не безъ большого вспомошествованія со стороны мистера Стильярда, — на Феликса Грегата упала обязанность показать, по перекрестному допросу Крука аторнея, каковы были свойство и дѣйствіе показаній леди Мэзонъ.

Когда поднялся Грегамъ, ему шепнулъ на ухо Чаффенбрассъ:

— Если вы чувствуете себя неспособнымъ къ этому дѣлу, то я возьму его на себя. Я не намѣренъ покидать ее ни для какого этикета, также какъ и ни для какой щекотливости.

Грегамъ не удостоилъ Чаффенбрасса никакимъ отвѣтомъ на это замѣчаніе. Онъ даже не хотѣлъ отвѣчать и взглядомъ, но всталъ и началъ свое дѣло. Въ этомъ пунктѣ совѣтъ не упрекала его, потому что предлагаемые имъ вопросы относились къ фактамъ дѣйствительно совершившимся. Въ достовѣрности показаній, сдѣланныхъ леди Мэзонъ при прежнемъ процессѣ, никто не сомнѣвался. Членъ суда, который допрашивалъ ее тогда со стороны Джозефа Мэзона и котораго теперь не было уже въ живыхъ, никакъ не могъ тогда поколебать силы ея доказательствъ. Слѣдователь, разбившій это дѣло двадцать лѣтъ назадъ и объявившій тогда передъ судомъ присяжныхъ, что нѣтъ возможности опровергнуть ея показаній, былъ еще живъ, и при настоящемъ слѣдствіи нѣтъ этого бѣднаго большого старика было принято, какъ доказа-

тельство достойное вѣроятія. Не могло быть уже никакого сомнѣнія, что показанія леди Мэзонъ во время перваго процесса были приняты, какъ достойныя полнаго довѣрія. Она присягнула, что сама видѣла, какъ трое свидѣтелей подписывались подъ духовною приписью и никто тогда изъ нихъ не могъ набросить на нее и тѣни недоувѣрія. Окончательный результатъ всего этого доказалъ, что обвиняющей сторонѣ удовлетворительно доказано, что леди Мэзонъ принесла присягу по такому-то и такому случаю, а Фелликсъ Грегамъ, въ защиту обвиняемой, доказалъ, что когда она двадцать лѣтъ назадъ принесла присягу, то ея слова были признаны достойными полнаго довѣрія, какъ судьбою, такъ и судомъ присяжныхъ, и что даже адвокаты противной стороны едва-ли въ томъ сомнѣвались. Все это дѣйствительно было такъ, и Фелликсъ Грегамъ выказалъ необыкновенное дарованіе въ ясномъ и краснорѣчивомъ изложеніи передъ судомъ, какъ высоко и неприступно было положеніе, въ которое судъ тогда поставилъ его клиентку.

Все это заняло присутствующихъ почти до четырехъ часовъ, и такъ какъ дѣло со стороны обвинителей было покончено, то возникъ вопросъ: долженъ ли мистеръ Фэрниваль въ этотъ же вечеръ обратиться съ докладомъ къ присяжнымъ, или оставить до слѣдующаго дня?

— Если вашему сіятельству угодно будетъ просидѣть до семи часовъ, то я почти могу поручиться за себя, что къ этому времени покончу всѣ замѣчанія, которыя считаю необходимымъ сдѣлать.

— Я готовъ сидѣть и до девяти часовъ, лишь бы только имѣть удовольствіе послушать мистера Фэрниваль, — сказалъ судья, которому ужасно хотѣлось уѣхать изъ Альстома на слѣдующій же день.

Такимъ образомъ было рѣшено, что мистеръ Фэрниваль долженъ теперь-же начать свою рѣчь.

Извѣстно уже, что не смотря на нѣкоторыя предварительныя колебанія, мистеръ Фэрниваль почувствовалъ, что весь прежній жаръ краснорѣчія возвратился къ нему, лишь только онъ началъ свое дѣло въ пользу клиентки, въ присутствіи всѣхъ членовъ суда. Но если при перекрестномъ допросѣ свидѣтелей онъ почувствовалъ уже возвращеніе всей прежней энергіи, то на сколько же еще больше она выросла у него, когда пришло время выказать предъ присутствующими силу своего краснорѣчія! Увѣренность въ своей способности говорить плавно, увлекательно и энергически, извѣстность, что публика будетъ слушать внимательными ушами, — все это придаетъ необыкновенную силу самому оратору увлечься до восторженности, еслибы даже дѣло, имъ защищаемое,

было не совсѣмъ хорошее. Такъ было и съ Фарнвалемъ въ настоящее время. Весь его старинный пылъ возвратился къ нему, такъ что еще до окончанія своей рѣчи онъ самъ вполне уже вѣрилъ, что леди Мэзонъ невинна и что она есть жертва несправедливыхъ гонителей, и безъ малѣйшаго замѣшательства выставилъ ее такою предъ судомъ присяжныхъ.

«Джентльмены присяжные! — сказалъ онъ: — никогда еще мнѣ не приходилось защищать какое-нибудь дѣло съ болѣе смѣлою увѣренностью, чѣмъ теперь, когда я защищаю дѣло моего друга, леди Мэзонъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, я былъ приглашенъ отстаивать ея права по этому дѣлу, въ чемъ тогда я имѣлъ полный успѣхъ. Никакъ не думалъ я въ то время, что послѣ такого продолжительнаго промежутка, я снова буду призванъ для возобновленія прежняго труда. Не думалъ я также тогда, что упорство ея противника выдержитъ такой продолжительный періодъ времени. Привѣтствую его за твердость характера и за такой же твердый темпераментъ, которые дали ему возможность высидѣть все время этого судебного слѣдствія и безъ смущенія взирать на несчастную вдову своего отца, которую онъ имѣлъ духу обвинить въ клятвопреступленіи. Не думалъ я, говорю, что доживу до такого времени, когда мнѣ снова придется сражаться въ этой битвѣ! Но вышло такъ, и какъ тогда я слишкомъ мало сомнѣвался, такъ и теперь не имѣю никакого сомнѣнія въ побѣдѣ. Джентльмены присяжные! Я долженъ занять нѣкоторое время васъ и господъ присутствующихъ обсужденіемъ доказательствъ, приведенныхъ моимъ ученымъ другомъ противъ моей клиентки; но я чувствую, что почти напрасно задерживаю васъ, — такъ глубоко я убѣжденъ, что изложенныя предъ вами обстоятельства нисколько не могли бы оправдать вашъ приговоръ, еслибъ вы рѣшились произнести этотъ приговоръ противъ моей клиентки.»

Но такъ какъ рѣчь мистера Фарнвала продолжалась цѣлые четыре часа, то я не буду затруднять читателей приведеніемъ всего имъ сказаннаго. Онъ началъ съ описанія прежде бывшаго слѣдствія и изложилъ свои воспоминанія о дѣйствіяхъ леди Мэзонъ въ этомъ случаѣ. Онъ вполне признавалъ за нею силу доказательствъ и истину присяги, которую теперь ея противники стараются выставить ложною.

«Еслибы это было такъ, — говорилъ онъ, — еслибъ эта припись, или эта ложная припись къ духовной, не была совершена покойнымъ сэромъ Джозефомъ Мэзономъ и не была свидѣтельствована Усебекомъ, Коннеби и Бриджетъ Больстеръ, то въ такомъ случаѣ леди Мэзонъ была бы виновна въ клятвопреступленіи.»

Мистеръ Ферниваль, произнося это предположеніе, старательно избѣгалъ встрѣчи съ лицомъ леди Мэзонъ; зато въ то же время почти все присутствующіе въ судѣ, исключая ея адвоката, смотрѣли на нее. Ея противники, Джозефъ Мэзонъ и Дократъ, вперли на нее самые презрительные взгляды. Сэръ Ричардъ Ледерамъ и мистеръ Стильардъ обратили на нее свои глаза, можетъ быть безъ всякаго умысла. Судья также посмотрѣлъ на нее сквозь свои очки; даже мистеръ Арамъ украдкой взглянулъ на нее, Люцій же повернулся лицомъ къ матери почти съ видомъ торжества. Она все это вытерпѣла, даже не пошевелившись, хотя внутреннее состояніе души ея было достойно жалости; одна мистриссъ Ормъ, все время державшая ее за руку, знала, что это такъ. Рука, остававшаяся въ ея рукѣ, какъ-будто судорожно вздрагивала, но на лицѣ виновной не выказалось ни малѣйшаго признака ея виновности.

Потомъ мистеръ Ферниваль много говорилъ о показаніяхъ и свидѣтельствахъ, представленныхъ во время прежняго слѣдствія, и особенно выставляя на видъ то обстоятельство, что и въ то время не удалось свидѣтелямъ доказать, что Усбекъ не былъ приглашенъ для подписи своего имени.

« Совершенно справедливо и то, — говорилъ онъ, — что тогда не могли доказать и того, что онъ подписывался; но это ничего не значитъ: «opus probandi» лежитъ все-таки на сторонѣ обвинителей. Вѣрно то, что подпись существуетъ, и имъ слѣдовало доказать, что она не такова, какою ее выставляютъ. Вотъ леди Мэзонъ представила ясныя доказательства, что это такъ; и только по той причинѣ, что въ то время ея показанія сочтены были достовѣрными, ея противники, двадцать лѣтъ спустя, прибѣгли къ этому средству, чтобы доказать недействительность ея доказательствъ. »

Послѣ этого онъ перешелъ къ показаніямъ, сдѣланнымъ при настоящемъ слѣдствіи, начавъ со злобы и корыстныхъ видовъ Дократа. Только трехъ противниковъ необходимо было опровергнуть и уничтожить; что касается до показаній выставленныхъ другими, то никакимъ образомъ они не могли повредить леди Мэзонъ, въ случаѣ, если показанія тѣхъ трехъ обвинителей недостойны вѣртія. Торингтонъ, напримѣръ, доказалъ дѣйствительность втораго документа; но чтожь изъ этого? не могъ развѣ сэръ Джозефъ Мэзонъ на роковое 14 іюля совершить два акта? Что касается до Дократа, то его поведеніе, корыстное и злобное, такъ ясно и очевидно опредѣлилось предъ судомъ при- сяжныхъ, что и колебаться нельзя въ приговорѣ, что онъ человѣкъ, не-

достойный никакого довѣрія. Что касается до Кеннеби, — этого бѣднаго слабоумнаго созданія, какъ мистеръ Фэриваль назвалъ его по своему милосердію, — то адвокатъ, не обременивъ своей совѣсти, можетъ завѣрить, что не считаетъ его виновнымъ въ какомъ-либо обманѣ; напротивъ, онъ думаетъ, что Кеннеби дѣйствительно усиливался высказать правду, но къ сожалѣнію, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ мысли до того непослѣдовательны и перепутаны, что они сами не могутъ хорошенько отличить, гдѣ ложь, гдѣ правда. Да, Кеннеби не намѣренъ былъ лгать, говоря предъ судомъ присяжныхъ про себя, что онъ не совѣтъ увѣренъ, свидѣтельствовалъ ли онъ когда-нибудь двѣ подписи сэра Джозефа Мэсона въ одинъ и тотъ же день, какъ также онъ не намѣренъ былъ лгать, говоря тутъ же въ другой разъ, что онъ точно свидѣтельствовалъ три его подписи. Кеннеби хотѣлъ высказать правду; но къ несчастью свидѣтельство такого чловѣка не можетъ быть большою услугою въ дѣлѣ хотя бы малѣйшей важности и ровно никакой услуги не можетъ принести въ уголовномъ обвиненіи, которому исполнилось теперь болѣе двадцати лѣтъ, послѣ предполагаемаго совершенія этого преступленія. Что касается до Бриджетъ Больстеръ, то Фэриваль безъ всякой запинки объявилъ предъ судомъ, что эта женщина недостойна довѣрія, недостойна даже того вѣроятія, которое должно было бы возбудить въ присяжныхъ, прежде чѣмъ они рѣшаются, на основаніи ея бездоказательныхъ показаній, уличить кого бы то ни было. Всѣмъ членамъ должно быть совершенно ясно, что она пришла въ судъ предварительно подученная и наставленная сдѣлать положительную улыку и упорствовать въ ней; она рѣшительно отказалась дать какое-либо свидѣтельство насчетъ своей подписи; она даже не захотѣла взглянуть на свое имя, написанное ея рукою, но удовольствовалась безирестаннымъ повтореніемъ немногихъ словъ, которыя подучили ее говорить, а именно то, что она во всю свою жизнь прикладывала руку подъ однимъ только документомъ.

Потомъ, въ заключеніе своей рѣчи, Фэриваль обратился къ той части предмета, которая ближе всего касалась личности леди Мэзонъ.

«А теперь, джентльмены присяжные, — сказалъ онъ, — прежде чѣмъ я буду въ состояніи освободить васъ отъ утомительнаго труда нынѣшняго дня, я долженъ просить васъ обратить вниманіе на положеніе обвиняемой леди и на итогъ вѣроятностей ея виновности, который вы можете вывести изъ образа ея жизни. Я не стану призывать свидѣтелей для показаній о ея характерѣ, потому что не желаю подвергать ея дру-

зей неприятностямъ тѣхъ вопросовъ, которыми джентльмены противной стороны сочтуть своею обязанностью обезпочить ихъ. Доказательства очевидны (на сколько я думаю и на сколько никто изъ васъ лично не сомнѣвается), — доказательства очевидны, что было бы жестоко съ моей стороны посадить стариннаго ея друга сэра Перегриня Орма на эту скамью. Еслибъ я могъ вамъ все передать, то вы убѣдились бы, что эта исторія полна нѣжнаго чувства и правды. Хотя сэръ Перегринъ Орма здѣсь не присутствуетъ, но его невѣстка сидитъ рядомъ съ леди Мэзонъ; во все время утомительныхъ судебныхъ засѣданій она доставляетъ утѣшеніе любимой ею женщиной и будетъ сидѣть здѣсь до тѣхъ поръ, пока вашъ приговоръ не сдѣлаетъ ненужнымъ дальнѣйшее ея присутствіе. Его сіятельство нашъ президентъ и мой ученый другъ скажутъ вамъ, пожалуй, что вы не можете принимать этого факта за характеристическое доказательство, — и конечно, они будутъ правы; но и я, съ своей стороны, приглашаю васъ не принимать это за такое доказательство: будемъ исполнять то, что законы намъ повелѣваютъ; а законы безъ сомнѣнія не могутъ принимать въ расчетъ преимуществъ рода. Присутствуетъ здѣсь также сынъ моей клиентки. Припомните, что при началѣ этого слѣдствія генераль-прокуроръ выразилъ желаніе, чтобы сына здѣсь не было. Не знаю, сочувствовали ли вы тогда этому желанію, но полагаю, что могу поручиться за васъ, что теперь вы ему не сочувствуете. Еслибы женщина, дорогая кому-нибудь изъ васъ, была поставлена, по злобѣ врага, въ такое же положеніе, поколебались ли бы вы стать подлѣ нея въ часъ ея тяжкаго испытанія? Еслибы вы усомнились въ ея невинности, то могли бы поколебаться, потому что у кого бы достало силъ выдержать и выслушать въ присутствіи суда приговоръ надъ своею матерью или женою за подобное преступленіе? Но онъ не усомнился, да и никто другой изъ живыхъ людей, находящихся въ судѣ, не усомнится, —исключая развѣ ея родственника-врага, который во все продолженіе этихъ двадцати лѣтъ проводилъ злополучную жизнь съ злобно-затаенною тоскою, придумывая гнусныя средства, чтобы завладѣть небольшимъ имѣніемъ, доставшимся по наслѣдству его родному брату.

• Джентльмены присяжные! предъ вами сидитъ моя клиентка; съ одной стороны у нея вы видите самаго любящаго друга, какого когда-либо имѣла женщина, съ другой — единственный ея сынъ. Образъ жизни, какой она вела въ продолженіи двадцати лѣтъ, со времени ея обвиненія въ такомъ ужасномъ преступленіи, достаточно ясно былъ изложенъ предъ вами во время судебного слѣдствія. Безбоязненно задаю вамъ вопросъ:

совмѣстна ли такая прекрасная жизнь съ идеею о такомъ гнусномъ преступленіи? Втеченіи всего этого времени я близко ее зналъ, — не какъ адвокатъ, а какъ искренній другъ, — и признаюсь, дерзость этого чело-вѣка, по имени Дократа, когда онъ напалъ съ такимъ безстыднымъ обвиненіемъ на такую благородную особу, поразила меня. Какъ! подлогъ? Такъ вотъ въ какомъ преступленіи ее обвиняютъ! Взгляните на нее: вотъ она! Вотъ та, которая двадцати лѣтъ отъ роду поддѣлывала под-писи одну за другою съ такимъ искусствомъ, что всѣ юристы, произво-дившіе слѣдствіе, были обмануты! Вотъ та, которая въ лучшей юности такъ превосходно исполняла свои обязанности жены и матери и имѣла духу поддѣлать завѣщаніе въ самую минуту смерти своего мужа! Неужели же въ самомъ дѣлѣ она могла поддѣлать завѣщаніе? Замѣьте, если-бы это была правда, то, значить, она собственною своею рукою сдѣлала подлогъ: у нея не было другого соучастника. Но взгляните на нее: по-хожа ли она на женщину, которая могла бы совершить подлогъ? Похожа ли она на женщину, которая могла обмануть самыхъ проникательныхъ ученыхъ юристовъ? Могла ли она, съ невиннымъ младенцемъ на груди, вырвать небольшой клочокъ отцовскаго наслѣдія изъ рукъ чело-вѣка, который такъ сильно его домогался?»

При этомъ Фэриваль съ видомъ невыразимаго презрѣнія указалъ пальцемъ на Джозефа Мэзона, сидѣвшаго какъ-разъ напротивъ него.

«И гдѣ она могла научиться такому хитрому искусству? Джентль-мены! подобная замысловатость въ преступленіи никогда еще не была показана въ судѣ даже противъ тѣхъ, которые проводили всю свою мерзкую жизнь въ приобрѣтеніи опытности въ такомъ искусствѣ; а те-перь васъ приглашаютъ повѣрить, что подобное дѣло было совершено молодой женщиной, о которой всѣмъ вамъ извѣстно, что ея поведеніе, во мнѣніи каждаго изъ васъ, было выше всякой похвалы! Джентльмены! отъ души сталъ бы я презирать васъ, еслибы вы повѣрили такому об-виненію, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы оно доказывалось уликами лицъ, болѣе достойныхъ довѣрія. Даже и тогда вы должны бы почув-ствовать, что многое остается въ этомъ дѣлѣ сомнительнымъ; но те-перь, когда мы рассматриваемъ, какого рода свидѣтели, по уликамъ ко-торыхъ она обвиняется, — невозможно, говорю, чтобы вы повѣрили всѣмъ этимъ вымысламъ. Еслибъ леди Мэзенъ была женщина, съ самаго дѣт-ства погрязшая въ преступленіяхъ, еслибы она была не разъ уже замѣ-чена въ хитрой и мошеннической промышленности, еслибы она была из-вѣстна за мастерицу въ ловкихъ поддѣлкахъ и подлогахъ, — то и тогда

вы не должны бы ее уличать по этому обвинительному акту, составленному по злобѣ и жадности Дократа, по безтолковости, можно даже сказать, по идиотству Кеннеби и по подученной дерзости, выказанной служанкой Больстеръ для утаенія истины. И при вѣрнѣйшихъ доказательствахъ, вы не могли бы повѣрить обвиненію противъ такой превосходной безукоризненной женщины, какъ ледъ Мэзонъ; при подобныхъ же обвинительныхъ свидѣтельствахъ вы не могли бы провознести приговора даже и противъ прежде уличеннаго преступника.

«И что были за причины такихъ жестокихъ гоненій, такой страшной кары, постигшей эту несчастную, благородную женщину? Подумайте только, что хотя вы и не можете провознести приговора ея виновности, но все же какъ невыносимо тяжелы ея страданія! Подумайте только, каково такой женщинѣ, съ ся привычками, цѣлыя недѣли жить въ ожиданіи жестокихъ мученій, которыя она теперь испытываетъ! Подумайте, сколько она должна была выстрадать, когда ее выудили явиться сюда на позорщце дѣлой страны, какъ-будто страшную преступницу! Подумайте, что она должна была чувствовать, когда, не зная, какова можетъ быть глубина происковъ ея гонителей, я убѣждалъ ее прибѣгнуть къ немнѣющимъ равныхъ талантамъ моего друга м-ра Чаффенбрасса....»

— Не то что не имѣющимъ равныхъ, но далеко превышеннымъ другими, — подшепнулъ Чаффенбрассъ, но не довольно тихо, чтобы не услышалъ его словъ весь центръ суда.

«Ужасна казнь, постигшая ее, невинную! Трудно себѣ представить, чтобы послѣ всего, что она вытерпѣла здѣсь, она согласилась бы продолжить еще свое пребываніе въ томъ пріятномъ мѣстѣ, которое возбуждало столько злобной алчности въ груди ея родственника! Вы слышали, что покойный сэръ Джозефъ Мэзонъ обѣщалъ старшему сыну, что Орлійская ферма тоже будетъ составлять часть его наследственнаго достоянія. Очень можетъ статья, что старикъ и давалъ подобное обѣщаніе; онъ могъ обѣщать, онъ же могъ и нарушить свое слово; удивительнаго тутъ ничего нѣтъ; а удивительно то, что человѣкъ такой богатый, какъ мистеръ Мэзонъ, (всѣмъ извѣстно, какое у него огромное состояніе), человѣкъ, который никогда ни въ чемъ не нуждался, что можно купить за деньги; человѣкъ, для котораго отецъ такъ много сдѣлалъ, которому такъ много далъ, — что такой человѣкъ могъ въ продолженіи двадцати лѣтъ носить въ груди обманутое ожиданіе скуности, горькое чувство мести къ тѣмъ, которые такъ близки ему по крови и семейнымъ

узавъ. Джентльмены! какой страшный укоръ для всѣхъ насъ, укоръ, который ни вы, ни я никогда не забудемъ!

«Предаю теперь дѣло обвиняемой кліентки въ руки ваши. Я не имѣю никакихъ опасеній въ отношеніи вашего приговора. Вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что она не виновна въ этомъ страшномъ преступленіи. Ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что вы объявите тоже самое; но надѣюсь, что, кромѣ того, вашъ приговоръ будетъ сопровождаться нѣкоторымъ замѣчаніемъ, которое ясно обличитъ предъ цѣлымъ свѣтомъ ту великую злобу, которая руководила всѣмъ дѣломъ обвиненія.»

А между тѣмъ, дѣлая такой докладъ, Фернивалъ зналъ, что его кліентка виновна! Своему уху онъ не повѣрялъ этой увѣренности, но все же онъ зналъ, что это такъ, и нимало не затруднялся убѣждать всѣхъ въ ея невинности. Зналъ онъ также, что свидѣтели показывали истину, и нимало не затруднялся внушать къ нимъ общее отвращеніе, какъ-будто они все совершили самое гнусное преступленіе и по самымъ гнуснымъ побудительнымъ причинамъ! Но что еще удивительнѣе, что еще хуже — міръ юристовъ тоже зналъ, что это такъ, зналъ и не находилъ, чтобы м-ръ Фернивалъ дѣлалъ что-нибудь дурное; напротивъ, считалъ, что онъ исполнялъ свой долгъ въ отношеніи своего кліента, какъ слѣдуетъ настоящему англійскому адвокату и англійскому джентльмену.

ГЛАВА XIX.

МИСТРИССЪ ОРМЪ РАЗСКАЗЫВАЕТЪ ИСТИНУ.

Было уже поздно, когда труды второго засѣданія были покончены и мистриссъ Ормъ съ Леди Мэзонъ опять сели въ карету. Онѣ высидѣли въ судѣ отъ десяти часовъ утра до семи вечера, съ короткимъ промежуткомъ въ нѣсколько минутъ около полдня, и были утовлены до невозможности. Люцій опять повелъ подъ руку свою мать и дорогою сурово выразилъ свое одобреніе рѣчи мистера Фернивала. Наконецъ нашелся человекъ, который заступился за его мать въ надлежащихъ выраженіяхъ, которыя слѣдовало бы употребить при самомъ началѣ. До этого времени Люцій жестоко негодовалъ на Фернивала, считая, что онъ позволяетъ шутить честью и счастьемъ его матери. Но теперь онъ готовъ прѣстить ему. Наконецъ истина была высказана съ увлекательными краснорѣчіемъ, наконецъ къ гнуснымъ обвинителямъ его матери были обращены выраженія, вполне ими заслуженныя. Для Люція по-

слѣдніе два часа были двумя часами торжества, и проходя чрезъ залу суда, онъ шопотомъ выразилъ своей матери надежду, что теперь, кажется, покончатся ея страданія.

И другія слова были произнесены тоже шопотомъ, когда они проходили чрезъ залу. Мистриссъ Ормъ выходила, опираясь на руку своего сына, а по другую сторону шелъ мистеръ Арамъ. Онъ оставался на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока они начали трогаться и тогда онъ поспѣдовалъ за ними.

Мистриссъ Ормъ была уже на срединѣ залы, когда онъ очень снисречно коснулся ея руки.

— Что вамъ угодно? — спросила она, осматриваясь кругомъ.

— Не позволяйте ей слишкомъ много надѣяться, — сказалъ онъ: — пускай она не очень будетъ увѣрена: все это можетъ пойти за ничто предъ судомъ присяжныхъ.

Послѣ этого онъ приподнял шляпу и удалился.

Все это можетъ пойти за ничто предъ судомъ присяжныхъ! Мистриссъ Ормъ едва ли поняла, что это значитъ, но уже чувствовала, что все это должно пойти за ничто, если справедливость будетъ оказана. Въ ея умѣ не было логичной послѣдовательности, да и врядъ ли ея чувство справедливости было очень тонко. Когда сэръ Перегринъ намекнулъ однажды, что справедливость требуетъ, чтобы преступница была объявлена судомъ присяжныхъ виновною, потому что она въ дѣйствительности виновна, тогда мистриссъ Ормъ никакимъ образомъ не могла согласиться съ нимъ. Но теперь, слыша съ какой стороны были выставлены несчастные свидѣтели, зная, сколько правды было въ словахъ, которыя они произносили, зная, какая ложь была въ убѣжденіяхъ въ ея невинности, въ которыхъ мистеръ Фернваль былъ такъ краснорѣчивъ, она чувствовала нѣчто въ родѣ того ощущенія, которое руководило сэромъ Перегриномъ и почти думала, что справедливость требуетъ обвинительнаго приговора противъ ея друга.

— Пускай она не очень будетъ увѣрена! — сказалъ мистеръ Арамъ. Но на самомъ-то дѣлѣ, видя краснорѣчію мистера Фернивалья, сама мистриссъ Ормъ стала почти увѣрена, что леди Мэзонъ будетъ оправдана. Ей казалось почти невозможнымъ, чтобы послѣ такой рѣчи кто-нибудь изъ присяжныхъ рѣшился бы объявить ее виновною. Мучительно было состояніе ея души, когда она слушала эту рѣчь. Большую часть времени рука леди Мэзонъ оставалась въ ея рукѣ и ей легко было бы внушить нѣкоторую бодрость своему другу нѣжнымъ прикосновеніемъ,

легким пожатіемъ, когда выраженія восторженныхъ похвалъ выходили изъ устъ адвоката. Но какъ она могла это сдѣлать, когда знала, что эти похвалы — ложь? Могла ли она поздравлять своего друга съ успѣхами во лжи? Вѣроятно, леди Мэзонъ чувствовала точно тоже, потому что послѣ нѣкотораго времени ея рука тихо спустилась и онѣ обѣ молча слушали, не передавая другъ другу знаками своихъ ощущеній.

Но когда они сидѣли въ каретѣ, Люцій далъ волю своимъ чувствамъ.

— Не постигаю, зачѣмъ все это не было высказано прежде и съ такимъ же убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, какъ сегодня!

— Я полагаю, что прежде не было удобнаго случая, — отвѣчала мистриссъ Ормъ, чувствуя, что необходимо что-нибудь сказать, и вѣсть съ тѣмъ сознавая невозможность говорить правду въ присутствіи какъ леди Мэзонъ, такъ и ея сына.

— Такъ надо было придумать удобный случай; вѣдь это ужасно, что мать моя должна была выносить, впродолженіи многихъ мѣсяцевъ, такое страшное обвиненіе и никто не могъ высказать, какъ невозможно, чтобъ она была виновна.

— О, Люцій! тебѣ непонятно это, — сказала мать.

— И надѣюсь, никогда понимать не буду. И отчего присяжные не поднялись разомъ съ своихъ мѣстъ и тутъ же не объявили своего рѣшенія; когда рѣчь мистера Фэривала была кончена? И къ чему имъ было откладывать до другого дня, только продолжать это мученіе, тогда какъ они очень хорошо знаютъ, какой слѣдуетъ произнести приговоръ? Все это для меня непонятно, тѣмъ болѣе, что изъ этого добра не можетъ выдти.

И въ такомъ родѣ онъ все продолжалъ, принуждая своихъ собесѣдницъ разсуждать съ нимъ о томъ предметѣ, о которомъ именно имъ было трудно говорить въ его присутствіи. Для обѣихъ дамъ это было тѣмъ мучительнѣе, что онъ, обращаясь къ мистриссъ Ормъ, почти требовалъ отъ нея выраженія радости и торжества.

— По крайней мѣрѣ вы вѣрите въ ея невинность и никогда не стыдились показать, что вѣрите ей.

— Люцій! — тутъ прервала его мать: — мы очень устали и измучились; дай намъ отдохнуть и не разговаривай съ нами, пока мы домой прїедемъ.

Обѣ дамы закрыли глаза и молчаніе водворилось и кончилось толь-

ко съ прїѣздомъ ихъ въ Орлїйскую ферму, тогда онѣ ушли наверхъ, а Люція осталася внизу, чтобы распорядиться насчетъ ужина.

Люція чувствовала гораздо болѣе радости, чѣмъ показывала это: прїятно было ему слушать, какъ обличали его враговъ, Дократа и Джо-зефа Мэзона, радостно внимала онѣ словамъ, которыя такъ ясно высказывали истинную исторію его матери. Весь этотъ потокъ негодующаго краснорѣчія для него былъ только исчисленіемъ простыхъ фактовъ,—извѣстныхъ ему фактовъ, которые теперь сдѣлаются очевидны цѣлому свѣту. Смотри съ высоты своего гордаго величія и превосходства своего ума на безуміе тѣхъ, кто былъ ниже его, онѣ возмущалася негодованіемъ противъ такого промедленія. Но теперь готовъ даже прощать.

Не прошло и четверти часа послѣ возвращенія ихъ домой, какъ мистриссъ Ормъ спустилася внизъ и тихо вошла въ столовую. Люція стояла спиною къ камину и обдумывала о событіяхъ того дня.

— Ваша матушка не придетъ сюда сегодня вечеромъ.

— Не придетъ?

— Нѣтъ, она очень устала; право, очень устала. Думаю, что вы даже не знаете, какъ много она выстрадала.

— Можно ли мнѣ къ ней пойти?

— Нѣтъ, мистеръ Мэзонъ, не ходите. Теперь я опять пойду къ ней, но черезъ нѣсколько минутъ снова возвращусь къ вамъ, потому что мнѣ надо съ вами переговорить.

— Вы здѣсь будете пить чай?

— Не знаю, не думаю; переговоривъ съ вами, я опять пойду къ вашей матери. Теперь же я пришла только сказать, чтобы вы не ждали насъ.

Она оставила его и пошла наверхъ. Досадно стало Люцію, что мать и теперь чуждается его, но онѣ не приписывала этого какой-нибудь особенной причинѣ. Обращеніе мистриссъ Ормъ показалось ему нѣсколько странно, но и все окружающее его было нѣсколько странно въ послѣднее время, и никакъ уже онѣ не предполагала, чтобы мистриссъ Ормъ имѣла что-нибудь важное сказать ему, что привнесло бы новую причину для печали.

Мистриссъ Ормъ, возвратясь къ леди Мэзонъ, нашла ее все въ томъ же положеніи, какъ и оставила. Ея шляпка была сброшена и лежала подлѣ нея на полу; она же сидѣла въ большомъ креслѣ, заложивъ обѣ руки за голову. Ни малѣйшей попытки не было сдѣлано, чтобы пригласить

дѣть свои волосы или стряхнуть съ себя пыль отъ долгаго пребыванія въ судѣ,—а она была очень заботлива о своемъ туалетѣ и даже изысканна во всемъ, что касалось ея личности. Но теперь явно было одно пренебреженіе ко всему, и по наружности она была разстроена и потеряна.

— Вы не говорили ему?

— Нѣтъ, пока не говорила, но просила подождать меня: онъ знаетъ, что я приду къ нему.

— А какъ онъ вамъ показался?

— Я не видала его лица.

Нѣсколько минутъ обѣ хранили молчаніе. Мистриссъ Ормъ стала сзади леди Мэзонъ и положила руку ей на плечо.

— Идти мнѣ теперь, милый другъ?

— Нѣтъ, погодите на минуту; не теперь еще. О, мистриссъ Ормъ!...

— Вы сами почувствуете, какъ вамъ будетъ легче, когда это будетъ ужъ сдѣлано; вы сдѣлаетесь даже крѣпче.

— Крѣпче? А къ чему мнѣ эта крѣпость? Какъ-то онъ вынесетъ?

— Конечно, для него это ударъ.

— Это жестоко поразитъ его, и я буду его убійцею. Онъ и жить не захочетъ, когда узнаетъ, что мать его такъ обезчестила.

— Онъ мужчина и вынесетъ этотъ ударъ, какъ слѣдуетъ мужчине. Не могу ли я что-нибудь для васъ сдѣлать прежде, чѣмъ пойду къ нему?

— Подождите на одну минуту. Зачѣмъ это должно быть непременно сегодня же вечеромъ?

— Ему не слѣдуетъ завтра являться въ судъ. И какую разницу сдѣлаетъ одинъ день? Онъ долженъ узнать это, если помѣстье слѣдуетъ возвратить.

Тутъ постучались въ дверь и вошла горничная, неся на подносѣ графинъ, два стакана и нѣсколько бутербродовъ.

— Вы должны немного выпить, — сказала мистриссъ Ормъ, наливая въ стаканъ вина.

— А вы?

— И я тоже выпью. Вотъ такъ. Теперь я буду покрѣпче. Нѣтъ, леди Мэзонъ, вы непременно должны выпить. Теперь же, если хотите послушать моего совѣта, то сейчасъ же ложитесь въ постель.

— Вы опять придете ко мнѣ?

— Да, сейчас же, как только это кончится. Разумѣется приду: вѣдь я останусь у васъ почевать.

— Но онъ!... Я не увижу его! Онъ не придетъ ко мнѣ.

— Это какъ онъ знаетъ.

— Нѣтъ, вы общались мнѣ не пустить его. Я не могу видѣть его послѣ того, какъ онъ узнаетъ, что я сдѣлала.

— И не хотите отъ него слышать, что онъ прощаетъ васъ?

— Онъ не проститъ мнѣ! Вы не знаете его... Могли ли бы вы смотрѣть на вашего сына, еслибы вы обезславили его навѣки?

— Что бы я ни сдѣлала, мой сынъ никогда не покинулъ бы меня. Вашъ Люцій тоже не покинетъ васъ. Могу ли я идти теперь?

— О, Боже! зачѣмъ я не въ могилѣ?

Мистриссъ Ормъ наклонилась къ ней и поцѣловала ее, потомъ пожала ее обѣ руки и еще разъ поцѣловала, и молча вышла изъ комнаты, медленно пробираясь по лѣстницѣ.

Мистриссъ Ормъ сильно заботилась скорѣе выполнить задачу, которую задала себѣ, но сердце у нея замирало, когда она вошла въ гостиную. Конечно, это было страшное порученіе. И ея готовность выполнить эту обязанность происходила не отъ того, чтобъ она чувствовала себя способною къ такому дѣлу и могла бы это сдѣлать безъ особеннаго затрудненія, но отъ живого затрудненія, съ которымъ она убѣждала леди Мэзонъ, что это должно быть кѣмъ-нибудь сдѣлано. Но кто же другой могъ это исполнить? Въ настоящемъ положеніи сѣра Церегрина, жестоко было бы просить его, и притомъ же его чувства къ Люцію далеко не были такъ нѣжны, какъ чувства мистриссъ Ормъ. Пришлось ей общаться самой это исполнить, или иначе совсѣмъ не настаивать на этомъ дѣлѣ. Теперь пришла пора. Сейчас по возвращеніи въ Орлійскую ферму, мистриссъ Ормъ объявила своему другу, что всю истину надо разомъ высказать, и леди Мэзонъ, въ изнеможеніи опустившись въ кресло, согласилась наконецъ, что это должно быть такъ. Наступила роковая минута—и мистриссъ Ормъ, неслышными шагами спустившись съ лѣстницы, остановилась на минуту, держась за ручку двери.

Еслибъ было можно, то теперь она сама готова была отложить это до завтра, или до другого времени, только бы не сейчасъ. Всевозможныя мысли тѣснились въ ея головѣ въ теченіи этихъ секундъ. Какимъ образомъ это сдѣлать? Какія выраженія прибратъ? Какъ ей начать? Она должна передать этому молодому человѣку, что мать его соверши-

ла самое черное преступленіе, и тутъ только почувствовала, что ей слѣдовало приготовить прежде, чѣмъ рѣшиться пріступитъ къ этому дѣлу. Не лучше ли бы воспользоваться этою ночью, чтобы поразмыслить объ этомъ и завтра ужь утромъ повидаться съ нимъ? Но эта мысль только на одну минуту промелькнула въ ея головѣ; сама испугавшись своей слабости, мистриссъ Ормъ поспѣшно повернула ручку и вошла.

Люцій все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ у камина и обдумывалъ происшествія минувшаго дня. Сильнѣйшимъ его чувствомъ въ настоящую минуту было отвращеніе къ Джозефу Мэзону, отвращеніе, смѣшанное съ полнымъ презрѣніемъ. Чтѣ скажутъ темерь о немъ люди, когда распространится темерь вѣсть о его покушеніи очернить доброе имя жены его отца и похитить законное наслѣдіе у родного брата?

— Она все еще не рѣшается придти сюда? — спросилъ онъ, когда передъ нимъ явилась мистриссъ Ормъ.

— Нѣтъ, она не придетъ сегодня.... Миѣ надо съ вами переговорить, мистеръ Ормъ.

— Что такое? не заболѣла ли она? Не вынесла видно?

— Мистеръ Мэзонъ, я право не знаю, какъ миѣ исполнить то, чтѣ я взяла на себя.

Онъ могъ видѣть, что она дѣйствительно дрожала передъ нимъ.

— Чтѣ это такое, мистриссъ Ормъ? Не объ имѣніи ли что-нибудь? Миѣ кажется, вы не должны бы бояться за меня. Я могу сказать, что у меня достало бы силы вынести все подобное.

— Мистеръ Мэзонъ....

Голосъ у нея опять порвался. И какъ выговорить это ужасное слово?

— Или это касается, можетъ быть, процесса?

Онъ самъ начиналъ пугаться, чувствуя, что приближается что-то ужасное, но все еще далекій отъ подозрѣнія истины.

— О, мистеръ Мэзонъ! еслибъ была какая-нибудь возможность пощадить васъ, я сдѣлала бы это. Еслибъ былъ какой-нибудь выходъ, какое-нибудь средство, чтобъ избѣжать этого, то я....

— Чтѣжъ это такое? Я мужчина и могу вынести чтѣ бы ни было.

Голосъ его вдругъ ослабѣлъ и охрипъ отъ чувства страха, овладѣвшаго имъ.

— Будьте же мужественны, потому что это ужасно. Мистеръ Мэзонъ! духовная, которая, какъ вамъ извѣстно....

— То-есть приишесъ къ духовной?

— Духовная, по которой вамъ передано право владѣнія....

— Ну да, чтоже?

— Она написана не вашимъ отцомъ.

— Кто это говорить?

— Это вѣрно. Не вашимъ отцомъ подписана и не тѣмъ, — не тѣмъ людьми, которые были сегодня въ судѣ.

— Но кто же это говорить? Кому это извѣстно? Если не отецъ мой подписывалъ духовную, значитъ она подложная? Не кто же сдѣлалъ этотъ подлогъ? Тѣ несчастные звели на кого-нибудь небыллицу и вы, мистриссъ Ормъ, были жертвою обмана. Моя забота не о невѣстьѣ, а объ матери моей. Но если это такъ, какъ вы сказали, то мать моя должна была это знать?

— Ахъ, да.

— И вы думаете, что она это знала? Она знала, что эта духовная—подлогъ?

— О, мистеръ Мэзонъ!

— Небо и земля!... Пустите меня къ ней. Еслибы она сама сказала мнѣ это, то я ей бы не повѣрилъ. Неужели она сама вамъ это сказала?

— Да, она сама это сказала мнѣ.

— Такъ она помѣшалась. Она не вынесла этихъ страданій и съ ума сошла. Пустите меня къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны теперь къ ней идти.

Мистриссъ Ормъ стала у двери, чтобы не пустить его.

— Нѣтъ, она не помѣшалась; по крайней мѣрѣ теперь она не помѣшанная. Тогда, въ то время, она должно-быть была въ помѣнительствѣ, но теперь нѣтъ.

— Я не могу понять васъ.

Онъ приложилъ руку ко лбу, какъ бы желая собраться съ мыслями.

— Нѣтъ, никакъ не могу понять. Если духовная была поддѣльная, то кто-жъ сдѣлалъ этотъ подлогъ?

На этотъ вопросъ она не въ силахъ была отвѣтить въ настоящую минуту. Она продолжала стоять у двери, опустивъ глаза въ землю.

— Кто-же сдѣлалъ это? — повторялъ онъ. — Чья рука подписала имя моего отца?

— Пощадите ее!

— Пощадить! Кого?

— Вашу мать.

— Помогите мою мать! Мистриссъ Ормъ, скажите мнѣ все. Если любовная была подложная, то кто-же ее поддѣлалъ? Вѣдь не на нее-же вы хотите свазать?

Она ничего не отвѣчала, но подошла къ нему ближе, взяла его за обѣ руки и пристально посмотрѣла ему въ глаза. Помрачилось его чело, судорожно стало подергиваться его лицо отъ душевнаго волненія.

— Неужели вы хотите увѣрить меня, что сама мать моя это сдѣлала?

Опять наступила минутная пауза, но мистриссъ Ормъ ничего не отвѣчала.

— Женщина, это ложь! — воскликнулъ онъ и вырвалъ свои руки изъ ея рукъ, оттолкнулъ ее и бросился на диванъ, стоявшій въ углу.

Она выждала минуту и потомъ вротко послѣдовала за нимъ. Молча стояла она надъ нимъ, лежавшимъ на диванѣ, отвернувшись отъ нея.

— Мистеръ Мэзонъ, — наконецъ сказала она: — вы сказали мнѣ, что вынесете все, какъ слѣдуетъ мужчинѣ.

Но онъ ничего не отвѣчалъ и она продолжала:

— Да, мистеръ Мэзонъ, это такъ, какъ я вамъ сказала. Это было давно, очень давно, когда вы были еще младенцемъ. Она думала, что вашъ отецъ былъ неправъ предъ вами, и ради васъ, чтобъ исправить его несправедливость, она рѣшилась это сдѣлать.

— Что? поддѣлаться подъ его руку? Это ложь! Еслибъ ангелъ сошелъ съ неба и сталъ бы меня въ томъ увѣрять—и тогда сказалъ бы я, что это ложь. Какъ! чтобы мать моя это сдѣлала?...

Онъ повернулся, все еще лежа на диванѣ, и взглянулъ прямо ей въ лицо.

— Это истина, мистеръ Мэзонъ! О, какъ бы я желала, чтобъ это была ложь! Но вы должны простить ее. Такъ много времени прошло послѣ этого, и какъ она мучилась раскаяніемъ! Сэръ Перегринъ простилъ ее и я тоже простилъ.

Тогда она рассказала ему всю исторію, какъ она была, объяснила отчего свадьба разстроилась и какимъ образомъ сэръ Перегринъ узналъ истину. Едва-ли надобно говорить, что рассказывая всѣ подробности, она такъ мягко и деликатно произнесла имя его матери, какъ только было возможно; но все же рассказала ему все.

— Она написала все это сама въ ту ночь.

— Что все? всѣ имена сама подписала?

— Да, все.

— Мистриссъ Ормъ, это не можетъ быть. Я не хочу этому вѣрить.... Для меня невозможно этому повѣрить. Что вы повѣрили этому, это очень можетъ быть; но я не могу. Пустите меня къ ней; я сама пойду и спрошу ее.... Но если она сама скажетъ мнѣ это, — я не повѣрю; нѣтъ, не могу повѣрить.

Однако она не позволила ему идти наверхъ, хотя онъ нѣтъ-случайно оттолкнулъ ее отъ двери.

— Нѣтъ, не пушу я васъ, пока вы не скажете, что простите ее и будете нѣтъ къ ней жалость: а этого вы не можете обѣщать мнѣ сегодня. Завтра мы встанемъ рано и вы можете видѣть ее предъ нашимъ отъѣздомъ.

Онъ все еще настаивалъ, что не вѣрить этой исторіи, но мало-по-малу становилось ясно, что мысль о томъ западала ему въ душу и что онъ наконецъ повѣрилъ. Безостановочно говорила она все, что знала, объясняя, сколько мать его выстрадала, давая ему чувствовать, почему она удалялась отъ него и опиралась на совѣты другихъ; объяснила ему также и то, что хотя они все еще надѣются на благоприятный приговоръ суда присяжныхъ, однако полагаютъ, что нѣтъ должно отойти.

— Я оставлю этотъ домъ въ вышнюю же ночь, если вы прикажете, — сказалъ онъ.

— Когда все кончится, когда она будетъ оправдана и уѣдетъ отсюда, тогда и вы уѣжайте, и нѣтъ будетъ возвращено. Мистеръ Мэзонъ, вы поѣдете съ нею, не правда ли?

Снова настало молчаніе.

— Мистриссъ Ормъ, мнѣ невозможно сказать вамъ теперь, что я въ состояніи буду сдѣлать. Мнѣ кажется, что я не могу этого пережить.... Но я не вѣрю этому, я не могу вѣрить.

Какъ только она успѣла получить отъ него обѣщаніе, что онъ не пойдетъ теперь къ матери безъ дальнѣйшаго предувѣдомленія, такъ она тотчасъ же оставила его и пошла наверхъ. Леди Мэзонъ лежала въ постели. Мистриссъ Ормъ сначала подумала, что она спитъ, но несчастная женщина не знала этой отрады.

— Теперь онъ знаетъ?

Ночной трудъ далеко не былъ конченъ для мистриссъ Ормъ. Переговоривъ съ леди Мэзонъ, она снова вернулась къ Люцію и такимъ образомъ была вѣстникомъ между ними. Тутъ ужъ не могло быть и

рѣчи о сомнѣнїи: онъ принужденъ былъ повѣрить, не было возможности уклониться отъ этой жестокой необходимости.

— Да, — отвѣчалъ онъ, когда мистриссъ Ормъ опять сдѣлала замѣчаніе насчетъ отъѣзда: — я уѣду и скроюсь; что касается до нея....

— Но вы съ нею увидите, если судъ присяжныхъ не обвинитъ ее....

— О, мистриссъ Ормъ!...

— Если же они обвинятъ ее, то вы конечно прїѣдете по окончанїи срока ея наказанїя. Мистеръ Мэзонъ, все же она мать ваша.

Наконецъ ночной трудъ поконченъ и обѣ подружки легли въ постель. Рѣшено было, что Люцій увидится съ матерью утромъ до отъѣзда ихъ, но самъ не поѣдетъ съ ними. Для мистриссъ Ормъ въ настоящую минуту было важнѣе всего отворотить его присутствіе въ судъ, когда будетъ произнесенъ приговоръ присяжныхъ. Она могла бы тогда съ свободной совѣстью желать оправданїя и отпустить въ глубинѣ своего сердца всѣ окаянства бѣдной грѣшницѣ, потому что теперь не было уже сомнѣнїя, что собственность будетъ возвращена по принадлежности. Какое бы ни было рѣшеніе присяжныхъ, но Джозефъ Мэзонъ изъ Гроби-Парка непремѣнно уже получить имѣніе, ему принадлежащее.

— Покойной ночи, мистеръ Мэзонъ, — сказала наконецъ мистриссъ Ормъ, подавая ему руку.

— Прощайте. Боюсь, что въ моемъ помѣшательствѣ я наговорилъ вамъ грубостей и велъ себя какъ дикій звѣрь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Забудьте это, я и не думаю о такихъ пустякахъ.

— Но если вы подумаете, каково мнѣ было, то простите меня.

Она пожала ему руку и повторила, что это ничего и что она не думаетъ о томъ. Ничего!.. Конечно, для нея это ничего. Въ жизни бываютъ такія минуты, когда всякое слово можно простить, какого бы рода оно ни было, и даже сказанное женщиной.

Когда мистриссъ Ормъ ушла, онъ неподвижно стоялъ въ столовой еще нѣкоторое время, потомъ прошелъ въ залу, отворилъ дверь передней, и взявъ шляпу, вышелъ изъ дому. Была еще зима, но ночь, хотя холодная и темная, была прекрасна; воздухъ былъ свѣжъ; морозило. Оставивъ дверь отпертою, онъ пошелъ впередъ до самыхъ воротъ. Это была его постоянная прогулка, — ходить назадъ и впередъ отъ дома до воротъ, можетъ-быть страстно наслаждаясь мыслью, что эта земля, по которой онъ ходитъ, есть его собственность. Теперь было не то, когда онъ совершалъ свой обычный путь, и прислонившись къ воротамъ, передумывалъ о томъ, что слышалъ.

Подлежь! поддѣлка! Въ подобный часъ ночи, съ терпѣливо-обдуман-нымъ стараніемъ, она совершила одно изъ самыхъ гнусныхъ преступленій, извѣстныхъ человѣку. И это была его мать! А онъ, онъ, Люцій Мэзонъ, впродолженіи многихъ лѣтъ наслаждался плодами такой подлости! О, еслибъ онъ не дожидъ до такого страшнаго дня возмездія!

Боюсь, что въ настоящую минуту онъ думалъ больше о своемъ злополучіи, чѣмъ о страданіяхъ матери и едва-ли цѣнилъ материнскую любовь, которая довела его до всѣхъ этихъ преступленій. Была минута, когда онъ рѣшился было не возвращаться въ этотъ домъ: никогда уже, думалъ онъ, голова его не будетъ отдыхать подъ кровлею того дома, который принадлежитъ по праву Джозефу Мэзонъ. Онъ оскорбилъ Джозефа Мэзона, оскорбилъ его невинно, но тѣмъ болѣе несправедливо его.

— Сейчасъ же возвращу ему этотъ домъ, — сказалъ онъ, и выйдя изъ воротъ, пошелъ по большой дорогѣ, какъ-будто не хотѣлъ, чтобы его ноги касались земли, принадлежащей его брату.

Но скоро вспомнилъ онъ, что это невозможно. Процессъ его матери еще не кончился, и даже, при своихъ собственныхъ страданіяхъ, онъ вспоминалъ, что приговоръ присяжныхъ все же ужасная вещь. Невозможно оставить помѣстье, пока приговоръ еще не произнесенъ. Возвращаясь къ дому, онъ пытался обдумать, какъ ему надо обращаться съ матерью.

— Никогда уже она не будетъ ниъ матерью! — подумалъ онъ.

Ужасныя слова! Но развѣ его положеніе не ужасно?

Манинально заперъ онъ дверь и пошелъ наверхъ, изнемогая отъ напряженія мыслей. Можетъ быть, лучше бы ему не видаться съ нею? Ну, что онъ скажетъ ей? Какія слова утѣшенія онъ можетъ произнести? И что въ томъ, что она сдѣлала его нищимъ, нѣтъ, это ничто! Но она осудила его на жизнь съ пятномъ безславія, которое онъ никакими усиліями не въ состоянн смыть. Когда бросился она въ постель, пришла ему мысль о Софѣ Феринвальдъ. Захочетъ ли онъ раздѣлять съ нею эту безславную жизнь? Возможно ли найти въ томъ утѣшеніе?

Невозможно! — могли бы мы ему подсказать, — мы, которые знаемъ ее хорошо.

ГЛАВА XX.

Юный Лочинворъ.

Судья Стевлей не имѣлъ обязанности сидѣть въ судѣ до поздней ночи и слушать краснорѣчіе мистера Фернивалая, и потому ушелъ домой прежде конца засѣданія. Но Августъ изъ любви къ другу оставался и пробился въ самую средину толпы, чтобы слышать рѣчь отъ начала до конца.

— Не ждите насъ обѣдать, — сказалъ онъ отцу: — если будете ждать, такъ пожалуй все время будете ненавидѣть насъ, а мы ранѣе половины девятаго не поспѣемъ домой.

— Мнѣ было бы очень жаль ненавидѣть васъ, — сказалъ судья, — и потому я ухожу.

Когда Феликсъ Грегамъ отдѣлился отъ суда около половины седьмого часа, оба друга могли свободно располагать своимъ временемъ и комфортабельно пообѣдать вдвоемъ, наслаждаясь бутылкою шампанскаго съ большою щедростью, чѣмъ когда бы раздѣлялись ею съ судьей и его женою.

Но Феликсъ и за шампанскимъ о чемъ-то крѣпко задумался, — о томъ, что было для него важнѣе даже процесса, въ которомъ онъ принималъ участіе. Медлинъ обѣщала свидѣться съ нимъ въ выѣшній вечеръ, или скорѣе не обѣщала. Когда онъ просилъ ее о томъ, она не отказала, но дала ему понять, что и мать ее будетъ при этомъ свиданіи. Ему казалось, что ее обращеніе было холодно, хотя она и не показывала неприязнкости. Во всякомъ случаѣ онъ никакъ не смѣлъ ожидать усѣха.

«Да онъ съ ума сошелъ!» скажетъ читатель, свѣдущій въ этихъ дѣлахъ, и, я думаю, будетъ правъ: Феликсъ точно съ ума сошелъ.

— Полагаю, — сказалъ Августъ по окончаніи обѣда, — полагаю, что пора доставить моему родителю удовольствіе насладиться нашею бесѣдою.

— И я тоже полагаю, что намъ слѣдовало бы отправляться.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Есть развѣ какое-нибудь препятствіе?

— Говоря правду, у меня назначено свиданіе, на которое я боюсь опоздать.

— Свиданіе? Гдѣ? Неужто въ Понинскѣ ты хочешь сказать?

— Именно такъ. Но все же я не могу положительно сказать, точно ли это назначенное свиданіе. Я долженъ спросить твою сестру, чѣмъ рѣшить она мою судьбу.

— Такъ вотъ это какое свиданіе! Очень хорошо, любезный другъ, и да поможетъ тебѣ Богъ! Если ты это можешь уладить съ отцомъ, то и я ничего не скажу противъ. Для счастья Медлинъ я желалъ бы только, чтобы ты выбросилъ изъ головы всю эту чушь.

— Такъ ты одинъ пойдешь къ судѣ?

— Одинъ. Я скажу ему.... А что я долженъ ему сказать?

— Пожалуйста, истинну.

— Прощай, дружище. Ты не увидишь меня въ этомъ домѣ ни сегодня, ни завтра, если я не сдѣлаюсь счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, хотя не имѣю никакого права надѣяться на то....

— Помни только, что трусъ никогда не побѣдитъ красавицы.

— А на этотъ разъ я ужасный трусъ; не смотря на то, я скажу однако, что слѣдуетъ сказать.

Онъ всталъ изъ-за стола.

— Если ты не придешь къ намъ, такъ я зайду къ тебѣ. Ну, другъ, съ-богомъ, а я пойду къ отцу.

Феликсъ вышелъ изъ чайной, гдѣ они обѣдали, прошелъ черезъ залу въ гостиную, гдѣ нашелъ одну леди Стевлей.

— Неужели процессъ все еще не кончился, мистеръ Грегамъ?— спросила она.

— Нѣтъ еще: онъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія.

— А какъ вы думаете, каковъ будетъ приговоръ? Неужели можно допустить, чтобы она дѣйствительно поддѣлала завѣщаніе?

— Нѣтъ, леди Стевлей, этого я никакъ не могу сказать. Вамъ конечно извѣстно, что я одинъ изъ ея адвокатовъ.

— Да; и конечно мнѣ слѣдовало бы не забывать этого и быть по-скромнѣе въ вопросахъ.... Если вы желаете видѣть Медлинъ, мистеръ Грегамъ, то она въ библіотекѣ.

— О, благодарю!... Она въ библіотекѣ?...

Феликсъ вышелъ изъ гостиной и опять прошелъ черезъ залу. Ему можно было и прямо пройти изъ гостиной въ библіотеку, но онъ какъ-то забылъ объ этомъ. Для него было чрезвычайно странно, что леди Стевлей сама послала его къ своей дочери, изъ чего онъ вывелъ справедливое заключеніе, что между ними было все уже рѣшено. Но не много

времени оставалось ему для размышлений: Медлинь ожидала уже его въ библіотекѣ, чтобы выслушать его. Она сидѣла спиною къ двери, но услышавъ его шаги, встала и послѣ мгновеннаго колебанія сдѣлала шагъ впередъ навстрѣчу къ нему.

— Вы съ Августомъ запоздали сегодня....

— Да; меня задержали дѣла, а Августъ былъ такъ добръ, что подождать меня.

— Вы желали поговорить со мною, — сказала она съ едва замѣтною нервнѣею интонаціею: — поговорить со мною наединѣ; поэтому мама сказала, что лучше всего будетъ подождать васъ здѣсь. Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за то, что я ей все рассказала.

— Конечно не сержусь, миссъ Стевлей.

— Вѣдь у меня нѣтъ секретовъ отъ мама.

— Да я никогда бы и не пожелала, чтобы между нами были секреты; я ненавижу всё таинственности. Миссъ Стевлей, вашъ отецъ знаетъ о моемъ намѣреніи.

Медлинь не считала за нужное что-нибудь на это сказать. Конечно отецъ зналъ объ этомъ намѣреніи. Не отъ отца ли она и получила позволеніе выслушать мистера Греггама? А иначе она не была бы съ нимъ наединѣ въ библіотекѣ. Можетъ-быть придетъ время, когда она все это объяснитъ своему жениху; но теперь еще не наступила та пора. Молча, опустивъ глаза въ землю, она стояла предъ нимъ, ожидая его вопроса.

— Миссъ Стевлей! — началъ онъ и остановился.

Тутъ онъ вполнѣ призналъ себя трусомъ, и болѣе чѣмъ слѣдовало, потому что Медлинь даже и не подозрѣвала, чтобъ онъ трусилъ. Въ ея глазахъ, онъ былъ господиномъ случая и все у него дѣлалось по его управленію. Онъ устранилъ уже всё затрудненія, не выказывая ни малѣйшей трусости. Онъ былъ уже властелиномъ ея сердца; ему оставалось только вступить во владѣніе своею собственностью. Созрѣвшій плодъ упалъ, какъ выразилась нѣкогда миссъ Фернивалъ, и ему оставалось нагнуться и поднять его, — если только онъ считалъ его достойнымъ своего труда. Многозначителенъ былъ этотъ способъ подбирания, по мнѣнію Медлинь. Но для нея всю важность составляло его желаніе взять ее въ свою оранжерею и на цѣлую жизнь сохранять ее для своего счастья; какія же слова онъ употребитъ на то — для нея было мало дѣла. Въ немъ она видѣла своего властелина и хозяина; онъ былъ единственный человекъ, который овладѣлъ ея душою; какая же была необходимость трусить? Впрочемъ я и самъ не вижу, чтобъ Феликсъ вы-

казалъ много робости, потому что онъ какъ поляна лучше выражалъ свои задумевшія думы: слова его были ясны и примодушны.

— Миссъ Стевлей, прося позволенія видѣть васъ наединѣ, а вы казалъ большую дерзость; конечно, я рискую всеѣмъ, что для меня есть самаго драгоценнаго на свѣтѣ....

Онъ остановился, какъ-будто надѣясь, что она проговоритъ хоть одно слово. Но она все стояла предъ нимъ, молча и опустивъ глаза.

— Я не думаю, чтобы вы не угадывали моего намѣренія, хотя сознаю, что ничего не имѣю, чѣмъ могла бы оправдаться моя надежда на благоприятный отвѣтъ. Вотъ моя рука; если вы примете ее, то можете не сомнѣваться, что вѣстѣ съ мено возьмете и сердце мое.

При этомъ онъ протянулъ свою правую, широкую руку.

А Медлинъ все стояла предъ нимъ, молча и опустивъ глаза. Наконецъ она медленне подняла свою маленькую ручку и положила свои тонкіе, нѣжныя пальчики на его ладонь; она сдѣлала это такъ, какъ-будто подтверждала своею подлинью дарственную записку и прикладывала къ ней печать. Она ни слова не сказала, — ни одного слова любви или согласія; но въ словахъ тутъ не было и надобности.

— Медлинъ, моя Медлинъ! — сказала Грегамъ, и на совѣстѣ чести воспользовавшись ея пальцами, онъ прилепъ ее къ себѣ на грудь и страстно обнялъ.

Черезъ часъ, или около того, Грегамъ возвратился въ гостиную.

— Ступайте теперь, не медлите больше, — сказала Медлинъ: — конечно, вы должны сейчасъ же отправляться.

— А вы?... Вы тоже сейчасъ придете?

— Теперь уже около одиннадцати часовъ.... нѣтъ, я уже болѣе не выйду. Я знаю, что скоро мама придетъ ко мнѣ. Какой-то ночи, Феликсъ. Ступайте же, а я послѣдую за вами.

Тогда, послѣ нѣкоторой маленькой церемоніи, онъ оставилъ ее.

Когда Грегамъ вошелъ въ гостиную, тамъ были леди Стевлей, судья съ чашкой чаю предъ собою и Августъ, стоявшій спиною къ камину. Грегамъ обошелъ кругомъ стола, всталъ стулъ, сѣлъ и съ минуты помолчалъ.

— А вы, послѣ нѣкоторыхъ дневныхъ трудовъ, и вина-то не выпили! — сказалъ судья.

— Нѣтъ, сэръ, мы имѣли даже шампанское, — отвѣтилъ Грегамъ.

— Какъ, шампанское? Въ такомъ случаѣ жаль, что я не зави-

самся къ вамъ въ гости, а то я такого вина не получалъ. А васъ что-то долго сегодня продержали въ судѣ.

— Да, очень долго.

— И я боюсь, что вы не соѣдите довольны сегодняшнимъ днемъ.

На это Грегамъ не тотчасъ отвѣтилъ: онъ никакъ не могъ согласиться съ мыслью, чтобъ онъ хоть сколько-нибудь былъ недоволенъ этимъ днемъ: напротивъ, онъ сегодня чувствовалъ себя въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа.

Тутъ вошла въ комнату мистриссъ Бекеръ и, подойдя прямо къ леди Стевлей, шепнула ей что-то на ухо.

— Ахъ!... эхъ!... да! — проговорила леди Стевлей. — Я должна пожелать вамъ покойной ночи, мистеръ Грегамъ.

Она взяла его за руку и съ горячимъ чувствомъ пожала ее. Но хоть она и пожелала ему покойной ночи, однако еще видѣлась съ нимъ до сна. Это ужъ было такое семейство, что всѣ семейныя отношенія у нихъ чрезвычайно нѣжны, дружелюбны, и новый сынъ, поступаая въ ихъ семейство, не могъ не пользоваться тѣми же ласками и привилегіями, какъ и всѣ прочіе члены.

— Чтоже, сэръ, каково вы провели время послѣ обѣда? — спросилъ судья у Грегамъ, какъ только дверь затворилась за леди Стевлей.

— Я сдѣлалъ предложеніе вашей дочери и она дала мнѣ свое согласіе.

Говоря это, Грегамъ всталъ со стула, на которомъ только что посѣлся.

— Въ такомъ случаѣ я надѣюсь, что моя дочь будетъ вполне счастлива въ замужествѣ, — сказалъ судья, подавая ему руку.

— Постараюсь, на сколько хватитъ моихъ силъ.... Не могу однако не чувствовать, какъ я мало видѣлъ права дѣлать ей предложеніе, потому что я слишкомъ бѣдный человекъ.

— Хорошо, хорошо; объ этомъ мы послѣ потолкуемъ, а теперь воспоемъ ваши триумфы.

*«So faithful in love, and so dauntless in war,
There never was knight like the young Lochinvar.»* ¹⁾

— Феликсъ, другъ мой Феликсъ! Отъ всего сердца поздравляю тебя, — сказалъ Августъ: — но я вовсе не подозревалъ, что ты такой побѣдоносный воинъ.

¹⁾ Такого вѣрнаго въ любви и такого безстрашнаго въ борьбѣ, никогда еще не было другого рыцаря, какъ юный Лочинваръ.

— А вотъ онъ и вышелъ такой.... А что думаешь о его ранехъ? Если правда все то, что я слышала, такъ у него на рукахъ шивятся еще и другія сраженія. Во всякомъ случаѣ ни о чемъ этомъ не надо говорить, пока не кончится процессъ этой бѣдной леди Мэзонъ.

— Дѣйствительно, нѣтъ никакой надобности: въ такихъ случаяхъ это подразумевается само собой, — сказалъ судья.

Затѣмъ разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ, все слабѣе и слабѣе, и наконецъ совсѣмъ прекратился.

— О, мама! вы должны любить его, — сказала Медлингъ.

— Да, конечно, душенька, я теперь буду любить его. Твой папа говоритъ, что онъ очень умный человѣкъ.

— Я знаю, что папа любитъ его; я это и прежде знала. Думаю, что это и было причиною, почему....

— Мнѣ кажется, что умный мужъ лучше всего; конечно, если при этомъ онъ и добръ.

— А развѣ-жъ онъ не добръ?

— Конечно.... Я надѣюсь.... Я даже увѣрена, что это такъ и есть. Мистеръ Ориъ тоже прекраснѣйшій молодой человѣкъ.... Но объ этомъ теперь ужъ нечего говорить.

— Мама, этого бы никогда не было!

— Очень хорошо, милочка; это ужъ дѣло прошлое, а я заботилась только о твоёмъ счастьи.

— Я знаю это, мама. Ну, вотъ я теперь и счастлива. Съ той минуты, какъ я его въ первый разъ увидѣла, я получила убѣжденіе, что кромѣ его больше уже никого никогда любить не буду.

Леди Стевлей хоть и подумала, что это очень странно, однако ничего не сказала дочери. Относительно денежныхъ соображеній въ этомъ дѣлѣ она совершенно полагалась на мужа, чувствуя, что этимъ она избавляетъ себя отъ большаго хлопотъ, которыя сдѣлали бы ее очень несчастною.

— Да и правду сказать, я не вижу, какая бѣда въ томъ, что онъ некрасивъ собою, — говорила она себѣ въ утѣшеніе.

Итакъ, рѣшивъ въ душѣ, что надо любить и ласкать его, она не ложилась спать, все ожидая, что вотъ-вотъ послышатся его шаги въ коридорѣ и что тогда она поговоритъ съ нимъ и дастъ ему вкусить отъ преимуществъ быть ея зятемъ.

— Мистеръ Грегамъ! — крикнула она, когда онъ проходилъ мимо.

— Вѣроятно, она вамъ все рассказала? — спросилъ онъ.

— О, да; у насъ въ домѣ не бываетъ секретовъ.... Отъ всего сердца поздравляю васъ и думаю, что вы получаете лучшую дѣвушку въ мірѣ. Конечно, я ея мать, но нельзя же не сказать истину: еслибъ я говорила о ней цѣлую недѣлю, то и тогда ничего бы не могла о ней сказать, кромѣ добраго.

— Я вполнѣ понимаю, какой я счастливецъ!

— Да, истинно вы счастливецъ, потому что въ мірѣ нѣтъ другого подобнаго счастья, какъ имѣть любящую жену, которая исполняетъ съ любовью свои обязанности.... Я увѣрена, что и вы будете къ ней очень добры.

— Я точно также постараюсь сдѣлать ее счастливою.

— Человѣкъ, который не былъ бы къ ней добръ, и самъ не можетъ имѣть ничего добраго,—а я этого о васъ не думаю. А вѣдь это очень замѣчательно, мистеръ Грегамъ, что Медлинъ полюбила именно того человѣка, которымъ такъ восхищается ея отецъ. Право, я сама не понимаю, что вы такое сдѣлали моему судѣ....

Слова эти были сказаны вслѣдствіе воспоминанія, въ простотѣ сердца, что мистеръ Арботнотъ былъ зятемъ скорѣе по ея выбору и что судья всегда говорилъ, что мужъ старшей его дочери мало что имѣлъ сказать за себя.

— И я надѣюсь, что мать Медлинъ такъ же искренно приметъ меня въ свою любовь, какъ и ея отецъ, — сказалъ онъ, взявъ ее за руку и съ чувствомъ пожимая.

— Разумѣется, я буду любить васъ много и нѣжно, если только вы позволите мнѣ. Мужья моихъ дочерей для меня все равно, что мои собственные сыновья.

Тутъ она подставила ему щеку и онъ поцѣловалъ ее; затѣмъ они разстались, пожелавъ другъ другу покойной ночи.

Возвратясь въ свою комнату, Грегамъ нашелъ въ ней Августа, и не успѣли они расположиться у камина, чтобы припомнить о всѣхъ сценахъ, происходившихъ въ этой самой комнатѣ, какъ вдругъ послышался легкій стукъ у двери и вошла мистриссъ Бекеръ.

— Ну чтоже, мистеръ Феликсъ, все ли у насъ ладно? — спросила она.

— Да, все ладно.

— Вотъ и прекрасно! Но развѣ я не знала этого еще съ самаго начала?

— Такъ отчего же, злая старуха, не сказали вы намъ этого? — спросилъ Августъ.

— Все это очень хорошо теперь, мистеръ Августъ; но тогда како-во бы пришлось вамъ это понутру, еслибъ я вамъ сказала? А вы сами знаете, что я могла бы это предсказать.

— Нѣтъ, злая колдунья, ничего бы такого не могла вы сказать.

— Не могла бы? Посмотрѣла бы я, кто осмѣлился бы слово сказать противъ миссъ Медлинъ! А все же я очень хорошо знала, откуда вѣтеръ поддувалъ! Помилуй васъ Господи, мистеръ Грегамъ, но когда вы явились къ намъ съ переломанными костями, я тотчасъ догадалась, что это недаромъ.

— Вы думаете, что это онъ нарочно переломалъ себѣ кости, съ злымъ умысломъ? — спросилъ Августъ.

— Съ умысломъ? Пожалуй. Для того, чтобы соединиться съ миссъ Медлинъ? Ну, конечно, онъ имѣлъ въ умыслѣ. Даже съ перваго вечера подъ рождество онъ задумалъ ужъ это дѣло: вотъ тогда, если помните, мистеръ Августъ, когда я видѣла, какъ вы съ одною молододою особою прохаживались по темному коридору.

— Это чистая ложь, мистриссъ Бекеръ.

— О!... Ну, и прекрасно! Можетъ-быть я и ошиблась. Но слушайте теперь, мистеръ Грегамъ: если вы не станете обращаться съ миссъ Медлинъ какъ слѣдуетъ....

— Вотъ именно я только-что говорилъ ему про то, — подхватилъ Августъ: — если онъ съ нею будетъ обращаться такъ же дурно, какъ съ прежнею женою, такъ же станетъ терзать ея сердце и мучить....

— Съ прежнею женою?

— А развѣ вы не слышали о томъ? Какъ же, у него были уже двѣ жены.

— Двѣ жены!... Вотъ что выдумалъ, мистеръ Августъ! А я-то, старая дура, вѣчно развѣшу уши, слушая васъ, какъ-будто не знаю, что вы все балабаниваете.

Такимъ образомъ, выразивъ свое полное счастье и крѣпко пожавъ руку новому члену семьи Стівлсенъ, старуха пошла спать, оставивъ молодыхъ друзей поболтать наединѣ.

— Ну, теперь все устроено, началъ Феликсъ.

— А тебѣ бы хотѣлось, чтобы все было разстроено?

— Нѣтъ, клянусь небожъ! Надѣюсь, что мнѣ никогда и въ голову не придетъ такое желаніе.... Я хочу только сказать, что теперь все

уже кончено. Я самъ удивляюсь своей дерзости, — столько же своей дерзости, какъ и неожиданному усилью. И какъ это рѣшился твой отецъ принять меня въ свое семейство: мужемъ его дочери, зная, какъ бедны мои будущія надежды?

— А вотъ именно за то-то онъ и принялъ тебя, да еще, кромѣ того, потому, что онъ такъ невѣдомъ на другихъ людей. Я увѣренъ, что онъ гордится еще тѣмъ, что его дочь Медлинъ полюбила человека, который и собою некрасивъ, да и денегъ не имѣетъ.

— Стало-быть, будь я такимъ красавчикомъ какъ ты, то не имѣть бы мнѣ успѣха у твоего отца?

— Такъ же, какъ еслибъ ты былъ осыпанъ золотомъ. Теперь выслушай мое мнѣнiе: признаюсь, я далеко не такъ великодушенъ, какъ мой отецъ, и для счастья моей Мадъ отъ души желаю, чтобы ты выкинулъ изъ головы всѣ свои причуды. Я самъ понимаю, что забота объ увеличенiи своихъ доходовъ ужасно пошлая вещь; но разъ человекъ завелся семействомъ, онъ обязанъ заботиться и объ его удобствахъ.

— Кажется, я не сижу сложа руки, — сказалъ Грегамъ, нѣсколько нахмурившись.

— Да, ты не прочь работать и трудиться, только именно такъ, какъ тебѣ кажется, что слѣдуетъ дѣлать, а не такъ, такъ всѣмъ дѣлается. Но въ этомъ мiрѣ людямъ не приходится такъ уминчаться. Какъ я понимаю, человекъ долженъ всю свою жизнь руководиться мудростью, извлеченною изъ опыта, пройденнаго всѣмъ человечествомъ. Онъ не долженъ принимать на себя разсужденiя, какъ бы каждый шагъ въ жизни дѣлать на свой образецъ. Если онъ затѣветъ все передѣлывать по своему, то конечно умретъ прежде, чѣмъ успѣетъ даже передумать обо всемъ, не то что передѣлать.

И вотъ такимъ-то образомъ Августъ Стевлей изъ бедны своей житейской опытности назидая своего будущаго зятя въ свѣтской премудрости.

На другой день, предъ отъѣздомъ въ Альстонъ, прежде чѣмъ приняться за свое, теперь непрiятное для него, дѣло, Грегамъ успѣлъ-таки повздаться наединѣ съ Медлинъ всего на пять минутъ.

— Вчера я говорилъ съ вашимъ отцомъ и матерью и никогда не забуду ихъ доброты ко мнѣ.

— Да, они очень добры.

— Все это точно сонъ для меня: какъ это они согласились принять меня своимъ зятемъ?

— Но для меня, Феликсъ, это не сонъ; да если и въ самомъ дѣлѣ сонъ, то я не намѣрена уже просыпаться. Я привыкла думать, что мнѣ не надо очень много заботиться ни о комъ изъ моего семейства; но теперь....

Тутъ она пожала своею крошечною ручкою его огромную руку.

— Да! вотъ еще что, Феликсъ, — сказала она, когда онъ прощался съ нею: — вы не увидите уже въ Нонинсби, когда и процессъ кончится. Я просила мама поговорить съ вами объ этомъ; но мама сказала, что лучше мнѣ самой вамъ про то сказать.

ГЛАВА XXI.

Последній день суда.

Рано встала мистриссъ Ормъ въ последний день суда и одѣлась, прежде чѣмъ леди Мэзонъ даже проснулась. На дворѣ былъ уже мартъ, но утреннія сумерки еще не довольно давали свѣту для успѣшнаго окончанія туалета. Въ судѣ было сказано, что засѣданіе начнется ровно въ десять: следовательно, изъ Орліиской фермы надо было выѣхать въ девять часовъ. Предъ нѣмъ отъѣздомъ Люцій хотѣлъ повидаться съ матерью.

— Не говорите ему ничего. Пускай онъ ничего не знаетъ! — вотъ были первыя слова леди Мэзонъ, когда она приподняла голову съ подушки; но вдругъ что-то вспомнивъ, она опять ушла на подушку, и спрятавъ въ нее лицо, воскликнула: — Но онъ все уже знаетъ теперь!...

— Да, милый другъ, онъ все теперь знаетъ; и не гораздо-ли это лучше? Онъ придетъ съ вами повидаться, и когда вы переговорите съ нимъ, — повѣрьте, вамъ будетъ легче и спокойнѣе, чѣмъ когда-нибудь было въ эти годы.

Люцій всталъ также очень рано, и узнавъ, что мистриссъ Ормъ уже готова, послалъ спросить ее, не можетъ ли она съ нимъ повидаться. Мистриссъ Ормъ тотчасъ же вышла къ нему и нашла его сидящимъ за столомъ, склонивъ голову на руку. Блѣдно и сурово было его лицо, а волосы всклоочены. Онъ всю ночь не раздвѣвался и платье его было измято.

На осведомленіе мистриссъ Ормъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ ничего не отвѣтилъ и даже въ первую минуту не спросилъ о матеря.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. МОСКОВСКІЯ „КОМНАТЫ СНЕ-
ВІЛЮ“. Очеркъ третій.	А. Н. Левитова. ✓
II. СКАЗКА О ДВЯТИ БРАТЬЯХЪ
И О ДЕСЯТОЙ СЕСТРИЦѢ
ГАЛѢ.	Марко-Вовчина. ✓
III. БОРЬБА ШЛЯХТЫ СЪ КОЗАКА-
МИ ЗА ОВЛАДАНІЕ УКРА-
ННОЙ ОБЪИХЪ СТОРОНЪ
ДНѢПРА.	П. А. Кулиша. ✓
IV. ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО. (СТИХОТВО-
РЕНІИ.)	А. Н—скаго.
V. СТАРЫЙ ОРЕДЪ. (СТИХОТВОРЕНІИ.)	Я. П. Полонскаго.
VI. БЕЗДОЛЫННЫЙ. (БЫЛЬ.) Окончаніе.	П. Н. Горскаго. ✓
VII. ОСЕНЬ. (СТИХОТВОРЕНІИ.)	А. Н. Плещеева.
VIII. ХИМИЯ ВЪ ЛАБОРАТОРИИ И ХИ-
МИЯ ВЪ ОРГАНИЗМѢ.	О. В. Мильчевакаго.
IX. IL RIANTO. (СТИХОТВОРЕНІИ.)	В. П. Буренина.
X. ИПОХОНДРІЯ (СТИХОТВОРЕНІИ.)	А. Н. Плещеева.
XI. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ПАРИ-
ЖѢ. (Письмо третье.)	М. Сребницкаго.
XII. ОРЛІЙСКАЯ ФЕРМА. Романъ.
(Въ приложеніи.)	Ант. Троллопа.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- XIII. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. НАША СОВРЕМЕННАЯ САТЕРА. Сатиры въ прозѣ. Невинные разсказы. Сочиненія Н. Щедрина. С. Петербургъ, 1863. К. 3—на.
- XIII. БИБЛИОГРАФІЯ.
1. УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА, составленный В. Спасовичемъ, т. I, вып. I. С. Петербургъ, 1863.
 2. КУРСЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Профессора Каченовскаго, выпускъ первый. Харьковъ, 1863.
 3. СТИХОТВОРЕНІЯ А. А. Фета. Москва, 1863.

4. ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ИТАЛИИ съ 1846 по 1850 годъ. Сочиненіе Діаго Сорія, профессора публичнаго права въ Италіи. Переводъ П. Канчаловскаго. Изданіе В. Висковатова. Т. I. Выпускъ I. С. Петербургъ, 1863.
5. ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Составлена В. Костомаровымъ. Спб. Въ типографіи III отдѣленія е. и. в. канцеляріи. Выпускъ I и II. С. Петербургъ. 1863.
- XIV. ЧТО МѢШАЕТЪ ЖЕНЩИНѢ БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ? (По поводу романа г. Чернышевскаго «Что дѣлать?») К. Ц—ской.
- XV. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Les femmes de la révolution, par Michelet. 3 éditіon. Paris, 1863. А. 0—скаго.
- XVI. ИЗЪ МОСКВЫ. Эмъ—На.
- XVII. МАЛОРОССИЙСКІЯ КНИЖКИ. К. А. Варвона.
- XVIII. НОВЫЯ КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ. Московскій коранъ и европейскіе пустячки. — Изидъ. — Устройство міра, Виера. — Психологія Розенкранца. — Брошюрка Эрдмана. — Лекціи Молешота. — Логика Дробниша. — Женскій вопросъ въ Англіи. — Загадки природы и жизни. — Лекціи Шталя. — Государство и общество, Гельдта. — Практическая политика Эшера. — Цирони и Маццини. — Политическая экономія Майгольдта. — О налогахъ, Гока. — Катихизисъ ремесленниковъ, Шульда-Делича. — Рай и адъ. — Философія счастья, Жанъ. — Исторія философіи, Бауэра. — Либихъ и Бэконъ. — Шлейденъ. — Книги, брошюры, лекціи и статьи о первыхъ временахъ человечества (Лайель, Гокслей, Брассъ, Гэнтъ, Шлейденъ, Фогтъ, Перти, Снелъ и др.) — Переводъ Нильсона. — Поггъ и Кауленъ. — Брошюры о Тегнеръ и молитвъ за умершихъ. — Книга о свободѣ преподаванія. — Коленво. — Богословскія письма. — Висцеллиусъ. — Исслѣдованія Шредера. — Окончаніе исторіи Ваура; статьи о ней. — Эйхталъ. — Авеста. — Видишманъ. — Буддизмъ. — Книга Морн. — Окончаніе мисологіи Велькера. — Римская литература Бернгарди. — Адъ Калле. — Исторія схоластической философіи Каулиха. — Продолженіе исторіи евреевъ Грета. — Статьи о мистикахъ. — Сведенборгъ Маттера. — Накопленіе спиритистской литературы. — Книга Перти. — Великое открытіе относительно фототрафій изъ области привидѣній. — Руссо Брокергова. — Переписка Гете съ Карломъ-Августомъ. — Гете Каруса. — Шиллеръ Куна. — Вопросъ о послѣднихъ дняхъ Шиллера. — Музыкальная обработка произведеній Шиллера. — Моцартъ Рома. — Шекспиръ Флатъ. — Былъ ли Гамлетъ помѣшанъ? — Замѣчанія на Отелло, Людера. — Патетическая колебельная пѣсня для читателей.
- XIX. ПИСЬМА О МОСКОВСКОЙ ДРАМАТУРГІИ. Письмо первод. О началахъ драматической критики. — Замѣчанія на теорію «безслѣдности» драматическаго искусства. — Наше дѣло и наши желанія. Александра Иванова.
- XX. НОВЫЙ ПОБОРНИКЪ ПРАВСТВЕННОСТИ. (Письмо въ редакцію «Библіотеки для Чтенія».) Н. Полишкин.

III.

XXI. НЕБЕЗПОЛЕЗНАЯ ЗАМѢТКА.

XXII. ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЦЕНА. *Открытие сезона.* (Съ 15 августа по 1 октября.) Необходимое объясненіе. — Что такое семейный взглядъ на петербургскую труппу. — Весеннія надежды. — Притча и правосудіе. — Предвкусіе драматическихъ наслажденій. — *Омѣль.* — *Ворожея.* — *Лиза Фомина.* — Дебюты г-жи Горской. — Воллесонъ и Родиславскій. — *Было, да прошло.* — Г-жа Владимірова въ «Грѣхъ да бѣда». — Запоздалыя пьесы — *Доходное мѣсто.* Послѣсловіе.

XXIII. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XXIV. НЕКРОЛОГЪ. Николай Герасимовичъ Помяловскій.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕННЯ.

THE HISTORY OF THE

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

П. Д. БОВОРЫКИНЫМЪ.

ОКТАБРЬ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Дозволено ценсурю. С.-Петербургъ, 23 ноября 1863 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. ИИСЕПАРАВЛИ. (<i>Повѣсть</i>).	В. Н. Назарьева. ✓
<p>II. СТАНСЫ. ИЗЪ БАЙРОНА. (Стихо-
твореніе).</p>	Н. В. Гербеля.
<p>III. БИОГРАФІЯ КОТА ВАСИЛІЯ ИВА-
НЫЧА. (<i>Разсказанная имъ са-
мимъ</i>). X—XIV.</p>	Н. С. Генслера. ✓
<p>IV. ПОЭТАМЪ. ИЗЪ РОВЕРТА ПРУТЦА.
(Стихотвореніе).</p>	П. Н. Вейнберга.
<p>V. ОЧЕРКЪ ПОСЛѢДНИХЪ СИРІЙ-
ВИХЪ СОВЫТІЙ.</p>	Н. В. Берга.
VI. ЗВУКИ. (Стихотвореніе).	Д. В. Аверкіева.
<p>VII. СТАТИСТИЧЕСКІЕ ВТЮДЫ. (<i>Опытъ
разработки русской уголовной ста-
тистики</i>).</p>	П. Н. Ткачера. ✓
<p>VIII. ENFANT PERDU. СТИХОТВОРЕНІЕ. (<i>Изъ
Romanzero Гейне</i>).</p>	Ф. Н. Берга.
<p>IX. АПРАКСИНЦЫ. СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ. ДО-
ПОЖАРНАЯ ЭПОХА.</p>	Н. А. Лейкина.
X. <i>То оскорбляя, то пугая.</i> (Стихотвореніе).	В. П. Буренина.
<p>XI. ОРЛЕЙСКАЯ ФЕРМА. РОМАНЪ.
ОСНОВАНІЕ.</p>	Ант. Треллона.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- XII. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Богатые и бѣдные дворяне-собствен-
ники. Бѣдные дворяне. Романъ гдѣ А. дѣ частіа. А. Цепѣ-
хина. Спб. 1863 г. В. 0—скаго.
- XIII. БИБЛЮГРАФІЯ.
1. О БЫЛИНАХЪ ВЛАДИМИРОВА ЦИКЛА. Исследование Л. Май-
кова на степень магистра русской словесности. С Петербургъ.
1863.

2. ЭПОХА ДРЕВНЕЙ ТИРАННИИ ВЪ ГРЕЦИИ. Сочиненіе Василья Бауера, магистра всеобщей исторіи. Спб. 1863.
 3. НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ, ПО АМЕРИКАНСКОЙ МЕТОДЪ КОРНЕЛЯ. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Одобрено ученымъ комитетемъ при мин. нар. проsv., какъ руководство для училищъ министерства, и принято руководствомъ въ училища вѣдомства духовно-учебнаго управленія при св. синодѣ, Спб. 1863. Съ 15-ю географическими картами и со многими политическими.
 4. ПСИХОЛОГІЯ Н. ГЛѢБОВА. Рязань, 1863.
 5. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ МИРОЗДАНІЯ, съ нѣмецкаго перевода Карла Фохта перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А. Пальховскій. Изд. А. Черемна и А. Ушакова.
 6. ИСТОРИЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВѢКА Геттнера. Томъ 1-й. Англійская Литература. Переводъ А. Пыпина. Изд. Н. Тиблена. Спб. 1863.
 7. СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, издаваемыя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Выпускъ второй. Спб. 1863.
- XIV. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Современный политическій романъ въ Германіи. «PROBLEMATISCHE NATUREN». Roman von Fr. Spielhagen. «DURCH NACHT ZUM LICHT». (Fortsetzung von «Problematische Naturen». Roman von Fr. Spielhagen. Zweite, neu durchgesehene Auflage. Berlin, 1863. К. 3—на.
- XV. ПИСЬМО ИЗЪ ДЕРЕВНИ. Н. И. Русинова.
- XVI. СПОРЪ ОБЪ ОБЩЕМЪ ОБРАЗОВАНІИ. Н. Нелишки.
- XVII. БОЛЬНЫМЪ И ЗДОРОВЫМЪ. Докторъ Химеръевъ и доктора Базаровы. Нѣсколько словъ по поводу одного современнаго вопроса. Ассенсаія Голубицы.
- XVIII. ТРОННАЯ РѢЧЬ НАПОЛЕОНА III.
- XIX. КОЕ-ЧТО ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ г. Везономымъ народныхъ стиховъ и пѣсенъ. Въ обличительномъ родѣ. Н. И. Якушкина.;
- XX. ПИСЬМА О МОСКОВСКОЙ ДРАМАТУРГІИ. *Письмо второе* Намѣтальная страница изъ исторіи Австрійскаго театра.—Коренное различіе его съ нашимъ театромъ.—Цивилизаціонное значеніе русскаго театра и доводы его противниковъ.—Наше драматическое искусство состоитъ ли ближе къ народу, чѣмъ искусства образовательныя.—Стоитъ ли говорить о немъ серьезно? Александра Иванова.
- XXI. ПОЛЬША И НАША ПУБЛИЦИСТИКА. (Справедливо ли обвиненіе по польскому дѣлу, введеное г. Катковымъ на петербургскую журналистику?).
- XXII. НЕВРОЛОГЪ Г. С. Батозькова.

ИНСЕПАРАБЛИ.

(Повѣсть.)

I.

— Двухъ довольно: дешевле обойдется! А поваръ будетъ генеральскій... Конфеты разныхъ сортовъ... и все...

— Чтоже все, mon cher?

— Ну конфеты, и поваръ генеральскій, и все...

— Да чтожъ все-то?

— Все, все такое: желе... мороженое... и довольно. Удивить никого не удивишь. Разъ—дешевле обойдется, два—разоряться не для кого... Будетъ мороженое, будетъ желе цвѣтное, поваръ отличный — генеральскій, и все!.. — снова заговорилъ полковой казначей, ничуть не желая уступить и показать себя хуже другихъ, а между тѣмъ сознавая смутно, что онъ дѣйствительно обиженъ природой и далеко болѣе другихъ обиженъ.

— Да скажете ли вы намъ, mon cher, чтоже все? Все, все... а что все?— снова возразилъ полковому казначею молодой, изящнаго вида офицеръ, прозванный въ полку Бонжуромъ за то, что встрѣчаясь съ товарищами, никогда не говорилъ онъ: „здравствуйте, такой-то“, а всегда: „bonjour, такой-то“. Ктому же не разъ слышали, какъ онъ, галопируя къ своему первому эскадрону, славившемуся нигдѣ не виданными бакенбардистами, громко кричалъ: „bonjour, барбосы!“ что впрочемъ нисколько не мѣшало бакенбардистамъ громко отвѣчать: „здравія желаемъ, ваше ...дѣ!“

Бонжуръ чрезвычайно напоминалъ своимъ видомъ, голосомъ и манерой тѣхъ черезчуръ развязныхъ подражателей львовъ и вообще людей хорошаго тона, говорящихъ порусски на иностранный манеръ, растягивая и какъ-то смягчая произношеніе, доставляя тѣмъ большое удовольствіе не только себѣ, но и большей части публики,

— Вы противъ трехъ пирожныхъ, такъ доказывайте, говорите же,—мы васъ слушаемъ. А то заладилъ: все, все и все... Помилуйте, не къ отцу же Якову намъ ѣхать справляться, что вамъ угодно сказать, mon cher!

Полковой казначей сталъ втупикъ, нагнулся къ лежащему у ногъ его бульдогу и сталъ заботливо поправлять на немъ ошейникъ, весьма красиво сдѣланный изъ мѣдной чешуи. Молча боролся казначей съ сильнымъ желаніемъ еще разъ произнести свое любимое слово; оно такъ и рвалось изъ сомкнутыхъ устъ. Ни насмѣшки товарищей, ни замѣчанія начальства, ничто не въ силахъ было разлучить друзей: вмѣстѣ прошли они невзгоды юнкерской службы, вмѣстѣ терпѣли, вмѣстѣ и въ люди вышли. А можетъ-быть не это ли любимое слово, неизбѣжное въ каждой фразѣ казначея, не оно ли и вывело его въ люди? По крайней мѣрѣ, благодаря своей привычкѣ, попалъ онъ въ счастливый списокъ простыхъ, акуратныхъ людей, почему и обратилъ на себя особое вниманіе полковаго командира.

Бонжуръ съ минуту любовался смущеніемъ полковаго казначея, сохраняя при этомъ положеніе весьма похожее на букву *ф*; потомъ, обозрѣвая своими масляными глазами собравшееся въ квартирѣ казначея общество офицеровъ, сказалъ:

— По-нашему, господа, дѣлать такъ дѣлать, не дѣлать такъ не дѣлать. Говорю, ужинъ безъ трехъ пирожныхъ будетъ, съ позволенія сказать (слова эти были произнесены съ большой разстановкой)... назовемъ гостей, ну и поселенная сила не даромъ же кормила насъ, нужно угостить. Пусть же все будетъ *comme il faut*. А безъ трехъ пирожныхъ выдетъ *comme il ne faut pas*. Какъ хотите, господа, а я... я, какъ говорятъ французы, *je m'en lave les mains!*

Общество отвѣчало молчаніемъ. Одна половина его молчала потому, что ее очень мало занималъ вопросъ о пирожныхъ: два ли, десять ли ихъ будетъ на ужинъ—это не занимало ихъ; они пришли такъ-себѣ, поглазѣть, послушать, разлечься на казначейскихъ креслахъ, сломать ручку или спинку какой-нибудь мебели выпить водки, пошлепать казначейскаго бульдога по его толстой, мягкой мордѣ. Здѣсь нужно сказать, что это послѣднее удовольствіе считалось въ полку за большое наслажденіе, и надо прибавить, что никто изъ офицеровъ не лишалъ себя такого наслажденія; многие даже приходили къ казначею только для того, чтобы разъ или два ударить по толстой, мягкой мордѣ его бокса, и потомъ, весьма довольные собою, тотчасъ же уходили.

Итакъ одна часть офицеровъ явилась на совѣщаніе о предстоящемъ балѣ въ честь поселенныхъ властей и неболь-

шаго числа сосѣднихъ хуторянъ безъ всякаго желанія участвовать въ совѣщаніяхъ, а лишь бы убить какъ-нибудь время, и потому ея холодность къ вопросу о пирожныхъ была весьма естественна и понятна. Напротивъ другая половина общества только и жила полковыми новостями и вопросами и ея молчаніе могло быть растолковано однимъ лишь глубокимъ дипломатическимъ тактомъ; ее составляли личности, извѣстныя въ полкахъ подъ именемъ старыхъ офицеровъ, кстати и некстати повторявшихъ мудрое правило: моя хата съ краю, я ничего не знаю. Они ничего не знали, но свое дѣло дѣлали и даже теперь шель между ними имъ только понятный разговоръ глазами, плечами и другими тѣлодвиженіями.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ растворилась. Въ комнатѣ появились два офицера: одинъ изъ нихъ былъ поручикъ, высокаго роста, смуглый и имѣвшій видъ человѣка, собравшагося на балъ: до такой степени весь онъ сіялъ и поражалъ изумительно-сдѣланной прической и будто нарисованными усами.

Товарищи называли поручика „Мамелюкомъ“; поручикъ съ наслажденіемъ носилъ это названіе, хотя и скрывалъ типательно свое удовольствіе.

Военныя дамы были безъ ума отъ Мамелюка; онъ восклицали: „Мамелюкъ — это прелесть! это чудо, чудо что такое!..“ между тѣмъ какъ ихъ усастые супруги смотрѣли на Мамелюка искоса и утвердительно кивая головами, говорили: „Этотъ офицеръ пороку не выдумаетъ, да и по фронту онъ не тово...“

Товарищи, имѣвшіе претензію быть замѣтными, съ завистью взирали на его успѣхъ въ обществѣ, на его сѣдой бобровый воротникъ, золотую цѣпочку послѣдняго фасона и въ особенности на его парадира Роберта; напротивъ того товарищи безъ претензій считали Мамелюка „славнымъ малымъ“, хотя и не могли удержатъ невольной улыбки, слушая его рассказы о московскихъ побѣдахъ, о миліонахъ, которые могъ бы онъ взять за московскими невѣстами, о салонахъ генеральши Кузьминой и княгини Алабовой.

Совершенною противоположностью съ Мамелюкомъ представлялъ вмѣстѣ вошедшій съ нимъ корнетъ, при первомъ же появленіи въ полкъ названный „Юношей“. Первый, какъ мы замѣтили, отличался пріятнымъ для глазъ и въ высшей степени порядочнымъ видомъ; напротивъ того второй поражалъ беспорядочнымъ видомъ: свои русые вьющіеся волосы онъ безпрестанно поднималъ кверху, и становя дыбомъ, называлъ такую прическу à la Каинъ. Сертукъ застегнуть

на одну пуговицу, на какую попало; изъ-подъ галстука съ лѣвой стороны выѣзалъ воротникъ рубашки какого-то необычайнаго фасона; солдатскія шпоры гремѣли на всю комнату. Но еще болѣе различествовало выраженіе лицъ вошедшихъ молодыхъ людей. Азіатское, искусно сдѣланное лицо Мамелюка имѣло претензію на воинственный характеръ, а черные глаза желали, по крайней мѣрѣ, постоянно сохранить выраженіе равнодушія и даже признаки душевной тоски, чтó, какъ извѣстно, нравится только женщинамъ, и то не всѣмъ. Напротивъ того большіе сѣрые глаза Юноши глядѣли такъ весело и безопасно, что каждому хотѣлось съ ними встрѣтиться; даже на суровомъ лицѣ полковаго командира появлялось что-то въ родѣ улыбки при взглядѣ на Юношу. Ктому же врожденная пылкость душевныхъ порывовъ и совершенное презрѣніе ко всему матеріальному, ко всему выгодному, составляющему для многихъ весь смыслъ жизни человѣческой, неотразимо привлекало къ нему общее расположеніе.

Три года тому назадъ какъ Юноша пріѣхалъ въ военное мѣстечко, гдѣ квартировалъ п...ой кирасирскій полкъ, прямо изъ дому родительскаго, послѣ полугодичной тюремной жизни и непрерывнаго выслушиванія упрековъ старика-отца, до крайности возмущеннаго тѣмъ, что сынъ его за какую-то шалость былъ исключенъ изъ университета. Въ карманѣ Юноши, очутившагося словно въ лѣсу, въ полковомъ обществѣ, нашлось письмо, при сей вѣрной оказіи посланное нѣжною матерью Мамелюка къ сыну въ полкъ. Мамелюкъ радушно принялъ подателя письма и предложилъ ему свою квартиру. Юноша согласился и съ той минуты они болѣе не разлучались. Три года прошли такъ быстро, какъ только могутъ пройти они въ полковой жизни. Юноша до такой степени свылся съ товарищемъ, а въ особенности съ беззаботнымъ положеніемъ своимъ, что даже не въ состояніи былъ вообразить возможности иной жизни. „Какъ это живутъ люди, сами обо всемъ хлопочуть, о каждой бездѣлицѣ, о завтрашнемъ днѣ?“ приходило порой въ голову Юноши, и онъ съ благодарностью и даже уваженіемъ взиралъ на Мамелюка, дѣйствительно имѣвшаго способность очень искусно сводить концы съ концами и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать приличный видъ обстановки. Въ свою очередь Мамелюкъ цѣнилъ въ товарищѣ его уживчивость и непретендательность. Мамелюкъ былъ врагъ людей съ претензіями, потому можетъ-быть, что самъ имѣлъ ихъ множество.

Полковой острякъ, въ минуту вдохновенія, назвалъ неразлучныхъ друзей „инсепараблями“ названіе это очень скоро вошло въ общее употребленіе.

Манеры вошедшихъ еще болѣе обличали ихъ противоположныя свойства. Мамелюкъ, снявши съ головы свою бѣлую и чистую какъ тарелка фуражку, бережно взялъ ее подъ лѣвый локоть, причеиъ локоть пріятно округлился, а правая рука, обтянутая въ свѣжую перчатку, протянулась къ казначею и потомъ пошла далѣе, по порядку, изъ одной руки въ другую... Юноша поступилъ совершенно иначе: сорвавши съ головы фуражку и безжалостно скомкавши ее въ рукѣ, онъ съ крикомъ: „Самоваръ, Самоваръ здѣсь!“ бросился душиить толстзго корнета.

— Какъ нельзя болѣе кстати! вскричалъ Бонжуръ, пожимая руку Мамелюка: — очень кстати! Вотъ, господа, человекъ только-что изъ столицы, изъ Москвы; бывалъ въ лучшемъ кругу... Вотъ мы его спросимъ, ему поклонимся.

Мамелюкъ выпрямился, золотая цѣпь вся выбѣжала наружу. Здѣсь нужно замѣтить, что золотая цѣпочка Мамелюка всегда вѣрно выражала его расположеніе духа. Мамелюкъ доволенъ — и цѣпочка вся выбѣгала наружу и весело сіяла вдоль застегнутаго борта; Мамелюкъ не въ духѣ — цѣпочка сейчасъ же пряталась, будто чувствовала, что теперь не до нея, не до блеску... Какимъ образомъ это дѣлалось — мы не знаемъ, а между тѣмъ оно было именно такъ.

Помолчавъ и набравшись какъ можно болѣе важности, Бонжуръ продолжалъ:

— Балъ!.. и снова замолкъ, какъ-будто для того, чтобы каждый уразумѣлъ всю важность этого слова. — Ну балъ порядочный, порядочные люди даютъ балъ; ну все это, понимается, должно быть *comme il faut*. А по-вашему какъ? сколько пирожныхъ должно быть на порядочномъ ужинѣ?

Проговоривши все это, Бонжуръ замеръ, скрестивъ на груди руки и высоко поднявши свои густые эполеты.

Мамелюкъ чувствовалъ, что онъ становится предметомъ общаго вниманія и потому не безъ волненія отвѣчалъ: — Это... это... да, конечно... Это зависитъ оттого... ггг... Ну да, конечно, чѣмъ больше пирожныхъ, тѣмъ лучше. Помню пять-шесть баловъ въ началѣ зимы въ Москвѣ: несутъ, несутъ... я вамъ говорю чего не несутъ! Вазы, башни, букеты... А у княгини Алабовой, такъ я вамъ расскажу, что за исторія вышла.

Мамелюкъ постепенно одушевлялся; въ его голову очень кстати пришло въ эту минуту воспоминаніе объ одной давно гдѣ-то слышанной исторіи. „Сюда ее, эту исторію!“ подумалъ Мамелюкъ и продолжалъ, все болѣе и болѣе одушевляясь:

— Музыка гремитъ польское, княгиня подаетъ мнѣ ру-

ку, идемъ въ первой парѣ въ столовую. Столъ накрытъ; все какъ слѣдуетъ сервировано, официанты на мѣстахъ.. Садимся. Сидимъ мы двѣ, три, пять минутъ; ждемъ. Не дають ѣсть. Со мной, помню, сидѣла Софья Петровна Кузьмина. Обращается ко мнѣ: „Мг. Крипуновъ, что это такое?“ Я только пожимаю плечами, а княгиня очень любезно упрасиваетъ кушать. Между тѣмъ кушать не дають. Исторія продолжалась нѣсколько минутъ... Вдругъ хозяйка поднимается, беретъ тарелку и ломаетъ ее: тарелка была сахарная! И все остальное, все, начиная съ хлѣба, ножей, вилокъ, солоницъ и прочее, все это, рѣшительно все — было сахарное!

Кончивши исторію; Мамелюкъ испытывалъ то непріятное чувство, которое обыкновенно является на душѣ не совсѣмъ еще потерявшаго совѣсть человѣка, только-что слившаго пулю.

Мамелюкъ давно уже кончилъ, а Бонжуръ все-еще съ умилениемъ слушалъ его, а потомъ, совершенно забывши главный предметъ разговора, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ обратился къ Мамелюку съ вопросомъ о томъ, у кого въ настоящее время можно порядочно поѣсть въ бѣлокаменной?

— Рюминъ кормилъ недурно... теперь упалъ, безъ повара. Князь Кукшинъ переманилъ. Славный поваръ, чудо! Такъ вотъ у князя: подадутъ вамъ чистый французскій столъ...

— А, не то! Не мой вкусъ! Я не люблю французскій столъ. Французъ все на пустякахъ выѣзжаетъ, на приправахъ, на суфлѣ да на безѣ. Нѣтъ основательности, ни малѣйшей основательности. Вотъ уважаю англійскій столъ: подадутъ вамъ кусокъ говядины, возьмешь въ ротъ... таетъ... (И говоря это, Бонжуръ пережевывалъ губами, какъ-будто бы дѣйствительно ѣлъ кусокъ сочной говядины.) Суета, все суета въ сравненіи съ сочнымъ кускомъ говядины! Уважаю добрый кусокъ говядины! Да вотъ какъ: въ полночь разбуди меня да предложи кусокъ добраго ростбифа, съ французской горчицей — встану, ейбогу встану и примусь ѣсть!.. Ну и денегъ-же не жалѣетъ англичанинъ: позоветъ онъ васъ, такъ все даетъ основательное. Вина не много, но за то какое вино!

— Да ужъ конечно, чтобы по-человѣчески накормить, нужны деньги,—глубокомысленно замѣтилъ Мамелюкъ.

— Ну что, обратился Бонжуръ къ полковому казначею:— слышите? Хотите, чтобы я васъ по-человѣчески накормилъ, такъ не жалѣйте денегъ.

— Что вы все!.. Мнѣ какъ хотите, а денегъ откуда

взять? У меня ихъ нѣтъ. и все!..—съ изудовольствіемъ отвѣчала казначей.

— Нѣтъ, ужъ дѣлать, такъ дѣлать! Двухъ пирожныхъ мало. Это чортъ-знаетъ на что будетъ похоже! — разомъ заговорила въ эту минуту вся компанія офицеровъ.

— Слава-богу! Ну, Гранфельдъ, валийте! На чемъ бишь тамъ остановились? На чемъ?..— И говоря это, Бонжуръ взялъ списанный листъ бумаги, лежавшій передъ Карломъ Ивановичемъ Гранфельдомъ, старымъ, весьма акуратнымъ поручикомъ, и едва слышно прочелъ мудренныя названія предполагаемыхъ яствъ. Выразивъ на лицѣ своемъ удовольствіе, Бонжуръ продолжалъ: — Хорошо! Ну вотъ здѣсь, вотъ отсюда начинайте. Выставьте: „пирожныя“...

Карлъ Ивановичъ выставилъ крупными буквами: „пирожныя“, и приготовляясь писать далѣе, вѣроятно отъ излишняго усердія своротилъ на-бокъ голову и почти положилъ на бумагу свой длинный, сухой носъ.

Подумавши нѣсколько минутъ, Бонжуръ ударилъ себя по лбу и рѣшительно произнесъ:

— Подадимъ мы сначала пломбьеръ выпускной въ смятку и въ перекладку съ сухимъ! Такъ и пишете: „въ перекладку съ сухимъ“. Потомъ мы... Да помогайте же, господа!

Бонжуръ остановился, какъ-будто дѣйствительно поджидая помощи, но не дождавшись ея, продолжалъ:

— Такъ вотъ же что... Подадимъ мы вотъ что, друзья мои: пойдетъ у насъ *poscovite à l'impératrice* на ледянахъ, а за нимъ пустимъ мы эстапшковое мороженое... Стойте! да въѣхъ ихъ можно подать на одномъ блюдѣ!—И обрадованный свѣтлой мыслью Бонжуръ даже прицелкнулъ пальцами лѣвой руки.—Такъ и подадимъ, и внизъ пустимъ желѣ съ люминаціей. Ну какъ находите, господа? Какъ вы, Мамелюкъ?

— Хорошо! отозвался Мамелюкъ.

— Очень хорошо! подтвердили и другіе офицеры, увидяшему весьма довольные и даже нѣсколько пораженные вавилонскимъ столпотвореніемъ, задуманнымъ изобрѣтательнымъ штабъ-офицеромъ.

Кончивши такимъ образомъ главнѣйшую статью жизни; офицеры принялись совѣтоваться о винахъ. Мнѣнія были различны: одни предлагали взять вина у Абрумки, другіе напротивъ стояли на томъ, что Абрумка мошенникъ, а что если брать вина, такъ у Шмиля въ Грановѣ. Рѣшили такъ: часть винъ попроще, взять у Абрумки подъ каланчей, а другую взять въ Грановѣ. Насчетъ шампанскаго принято было мнѣвіе Плюшкина-казначей: взять только дюжину, а другую

пусть Абригга принесетъ въ буфетъ: понадобится, такъ дай ее сюда!

Въ избыткѣ радости, что хотя одинъ разъ въ жизни принято его мнѣніе, казначей тутъ-же съ изумительной щедростью распорядился завтракомъ и даже досталъ, неизвѣстно откуда, бутылку хереса съ ярлыкомъ, на которомъ сіяла законическая надпись: „Alleg“.

Явился казначейскій слуга, чахоточнаго вида, въ короткомъ казачинѣ сѣраго сукна, изъ-подъ котораго видѣлся конецъ фартука, и въ башмакахъ, надѣтыхъ на босую ногу. Его руки были заняты подносомъ съ различными принадлежностями для завтрака: салфетками, рюмками, двумя графинами и проч. За слугой въ башмакахъ съ большой осторожностью выступалъ казначейскій кучеръ, молодой, красивый малый, въ поддевгѣ. Длинные волосы красиваго малаго сіяли масломъ, которымъ кстати прошелъ онъ и по лицу, и такимъ образомъ придалъ ему видъ картины, только-что покрытой лакомъ. Малый осторожно выступалъ на кончикахъ пальцевъ, скрипя новыми сапогами; въ одной рукѣ его дрожала еще шипѣвшая ячница, въ другой прыгала тарелка съ какими-то рыбками, плававшими въ уксусѣ. Непрерывная дорожка уксусу змѣилась по грязному полу. Замѣтивши дорожку, казначей тотчасъ же взялъ тарелку изъ рукъ оторопѣшаго малаго, для порядку назвалъ его болваномъ, а потомъ поставилъ тарелки на столъ, приглашая общество приступить.

Первый подошелъ Бонжуръ. Съ кислой гримасой выпилъ онъ большую рюмку водки и презрительно ткнулъ вилкой въ маленькую рыбку, плававшую въ уксусѣ; но замѣтивши усердіе, съ которымъ общество ринулось на завтракъ, онъ вдругъ перемѣнилъ манеру и съ какою-то нечеловѣческой жадностью принялся ѣсть.

Пока все общество занято завтракомъ, можно оглянуться вокругъ, на незатѣйливую обстановку казначейской квартиры, не отличавшейся впрочемъ ничѣмъ особеннымъ отъ прочихъ казенныхъ домиковъ: тѣже маленькія, низенькія комнаты съ кирпичнымъ поломъ и неизбѣжнымъ росписаніемъ принадлежащихъ къ дому вещей, повѣшеннымъ въ черныхъ рамахъ на чисто-выбѣленной стѣнѣ; тотъ же кожаный, будто набитый камнями диванъ, тѣже тяжеловѣсные стулья подъ номерами, которыхъ сломать не въ состояніи даже скучающій офицеръ. Всю роскошь казначейской квартиры составляли нѣсколько вещей, построенныхъ экономическимъ образомъ.

Къ концу завтрака подъѣхали еще два новыхъ лица, заподавшія только потому, что принадлежали къ полковой

аристократіи. Одинъ изъ нихъ былъ полковой адъютантъ, что-называется лихой офицеръ, первый вздокъ и мазуристъ въ полку; другой—полковой квартирмейстеръ, человекъ, пользовавшійся большимъ вѣсомъ въ полку, особенно съ тѣхъ поръ какъ женился на племянницѣ полковаго командира. Манера его была обыкновенная манера людей солидныхъ, съ вѣсомъ; говорилъ онъ мало, крутилъ длинные усы и постоянно сводилъ счеты то въ умѣ, то на бумажкѣ, то на счетахъ. Раскланявшись съ обществомъ, онъ сейчасъ же обратился къ казначею и повелъ съ нимъ какіе-то тайственные расчеты, между тѣмъ какъ адъютантъ, успѣвшій на-лету проглотить нѣсколько рюмокъ хересу, съ такимъ отчаяніемъ пустился танцевать мазурку, что только трескъ шелъ по комнатѣ отъ падавшихъ стульевъ и столовъ, а испуганные собесѣдники прятались въ отдаленные углы казначейской квартиры.

Въ заключеніе совѣщанія. Бонжуръ, къ общему неудовольствію молодежи, избранъ былъ хозяиномъ бала, а жена полковаго квартирмейстера хозяйкой. Мамелюкъ тоже получилъ довольно видное назначеніе: онъ вмѣстѣ съ Юношей долженъ былъ объѣхать всѣхъ поселенныхъ властей и живущихъ вблизи хуторянъ, съ приглашеніемъ на предстоящій балъ. Мамелюкъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ такимъ порученіемъ.

II.

Блаженная Малороссія, добрая Малороссія! Какъ явно проглядываетъ твой невозмутимый, лѣтливый характеръ во всемъ, что живетъ, растетъ, движется по зеленѣющимъ полямъ твоимъ: и въ низкой вербѣ, какъ-будто полѣтлившейся рости выше, и въ бѣленькой хаткѣ, чуть поднявшейся отъ земли и такъ старательно скрывшейся въ невысокихъ яблочныхъ и вишневыхъ деревьяхъ, и въ сѣрыхъ волахъ, едва-едва двигающихъ свои короткія толстыя ноги, и въ поселянинѣ, широко и беззаботно раскинувшемся на солнышкѣ...

Ни малѣйшаго движенія... ничто не шелохнется; вьется синій дымокъ, свидѣтельствуя о существованіи мирныхъ хуторянъ... Дремлетъ хуторъ, облитый какимъ-то розовымъ цвѣтомъ; собаки, и тѣ улеглись такъ спокойно, что даже не подумали подняться и залаять при видѣ высокой, тощей, вѣроятно бракованной клячи, позади которой мотались крошечные саночки съ выглядывающей изъ нихъ жидовской го-

ловкой. Не торопясь проѣхалъ жидъ по безлюдной улицѣ въ панскому дому, одними бѣлыми трубами глядѣвшему изъ тѣсно обступившаго его сада.

Странной смѣсью роскоши и простоты поражали нязенькія комнатки панскаго дома. Невыносимая жара, царствовавшая въ немъ, какъ-будто оковывала всякую энергію и жизнь его обитателей, и какъ ни любилъ теплоту въ комнатахъ хозяинъ дома, извѣстный въ офицерскомъ кругу подъ именемъ „старога драгуна“, потому именно, что съ его плечъ не сходилъ отставной драгунскій сертукъ съ высокими бѣлыми воротникомъ, среди котораго плавала черная петлица, — какъ ни уважалъ теплоту старый драгунъ, но въ настоящую минуту даже не выдержалъ, и несмотря на сильное негодование Морской-волны, выше всего на свѣтъ ставившей приличіе, старый драгунъ снялъ свой отставной сертукъ и бережно положилъ его на кучу ноть, покрывавшихъ больнаго вида фортепьяно, надъ которымъ висѣла картина саженныхъ размѣровъ, изображавшая старога драгуна въ дни его юности. несущимся въ атаку на сѣромъ конѣ съ мечемъ въ рукѣ; въ пыльной дали виднѣлись турки, искавшіе спасенія въ бѣгствѣ.

Оставшись въ однихъ палевыхъ панталонахъ и черномъ жилетѣ съ форменными пуговицами, старый драгунъ принялся гулять по всѣмъ комнатамъ своего дома, исключая той комнаты, гдѣ находилась Морская-волна.

Здѣсь нужно объяснить, что „Морской-волной“ называли сестру старога драгуна, а именно съ тѣхъ поръ какъ офицеры (какъ извѣстно, большіе насмѣшники) подслушали какъ она искала по лавкамъ военнаго мѣстечка такой матеріи, которая непременно бы подходила подъ цвѣтъ морской волны. Впрочемъ названіе это какъ нельзя болѣе пристало къ старой, постоянно какъ-будто волновавшейся дѣвѣ.

Морская-волна не болѣе трехъ лѣтъ какъ переселилась въ домъ старога драгуна изъ Кіева, гдѣ она чрезвычайно пріятно жила до того времени, и по словамъ ея, только убѣдительныя просьбы брата заставили ее пожертвовать свѣтомъ и собой для воспитанія Матрочкы, единственной дочери старога драгуна и родной сестры Морской-волны, скончавшейся три года назадъ. Пріѣхавши на хуторъ, Морская-волна прежде всего строго запретила Матрочкѣ называть ее тетужкой. „Что за тетужка! Какая тетужка! Деревенщина ты эдакая, необразованная!“ твердила расходившаяся Морская-волна и наконецъ-то, послѣ многихъ усилій, добилась того, что не только Матрочка, но даже братецъ называлъ ее не иначе какъ «*aunte Dodo*». Послѣ этого она принялась

было за стараго драгуна, за его драгунскія привычки, захотѣла перевернуть все въ домѣ на новый, богѣе порядочный ладъ, но тутъ встрѣтила сильное сопротивленіе въ старомъ драгунѣ, который послѣ такихъ столкновеній не разъ посылалъ себя къ дьяволу за то, что вздумалъ пригласить неугомонную Волну.

Медленно, переваливаясь шелъ старый драгунъ по своимъ пріемнымъ комнатамъ. Войдя въ гостиную, онъ пріостановился и съ самодовольной улыбкой поглядѣлъ на саженную картину; но въ эту минуту послышался кашель прѣхавшаго жида и вызвалъ стараго драгуна въ прихожую.

Гостиная стараго драгуна представляла много интереснаго взорамъ посторонняго наблюдателя. Въ ней живо отражался положительный вкусъ и бывшая дѣятельность хозяина. Отъ фортепьяно налѣво, вдоль стѣны вытянулся рядъ низенькихъ, ласковаго вида, старинныхъ кресель. Они, разведя врозь свои ручки, какъ-будто упрасивали сѣсть и отдохнуть; рядъ старыхъ добряковъ на самой серединѣ стѣны прерывался большимъ комодомъ, на которомъ красовался бронзовый воинъ, сладко дремавшій, опершись на щитъ свой, съ весьма искусно вдѣланными въ него часами. Въ углу возвышалась горка съ серебряными и фарфоровыми заграничными вещами, добытыми старымъ драгуномъ во время его служенія близъ границы. Далѣе слѣдовала стеклянная дверь, выходившая въ садъ, а за ней снова выстроились старики-кресла, до комода, приходившагося какъ-разъ противъ комода съ дремавшимъ воиномъ. Въроятно для симметріи, на комодѣ стояла чугунная фигура какого-то полководца на конѣ. Дверь раздѣляла комодъ съ неуклюжимъ сосѣдомъ его, длиннымъ диваномъ, обитымъ темнымъ ситцемъ. Противъ дивана стоялъ круглый столъ; надъ диваномъ висѣли три генеральскихъ портрета, одинъ воинственнѣе другаго. Изъ гостиной въ открытую дверь видна была узенькая, выкрашенная розовымъ цвѣтомъ комната; тѣже самыя почтеннаго вида кресла стояли вокругъ ея стѣнъ, а на единственномъ венеціанскомъ окнѣ видны были банки съ цвѣтами, которыхъ впрочемъ никто не нюхалъ, а если кто рисковалъ, тотъ сейчасъ же принимался чихать, и чихалъ очень долго.

Въ углубленіи комнаты, между двумя печами, протянулся турецкій диванъ; на одной сторонѣ его, вся обложившись подушками, улеглась Морская-волна. Голова ея, украшенная длинными, но очень жидкими локонами въ видѣ пирожнаго, называемаго хворостомъ, откинулась назадъ; глаза были закрыты, но она не спала: это легко было заключить изъ

того, что Морская-волна безпрестанно мѣняла одно граціозное положеніе на другое, еще болѣе граціозное.

На другомъ концѣ дивана, такъ же спокойно, но не такъ граціозно расположилась бѣлокурая Матрочка, дочь стараго драгуна, какъ нельзя болѣе напоминавшая лицомъ своимъ красное, спѣлое яблоко, а въ прочемъ ничѣмъ не отличавшаяся отъ большей части нашихъ уѣздныхъ барышень.

— На что это похоже какъ ты сидишь, Матрочка? Позируйся, та сѣге, больше граціи!—сердито нарушила молчаніе Морская-волна, окидывая своимъ вѣчно недовольнымъ взоромъ засыпавшую дѣвушку.

— Mais comment donc? не попадѣ отвѣчала дѣвушка, стараясь позироваться. Потомъ она лѣниво поднялась съ мѣста, и слегка покачиваясь, принялась ходить по комнатѣ.

— А ходишь-то какъ, боже-мой! Совершенно на пяткахъ!— снова волновалась неотвязчивая наставница, вскакивая съ мѣста и принимаясь учить Матрочку, какъ слѣдуетъ ходить благовоспитанной дѣвицѣ.

Другаго рода сцена происходила въ эту минуту въ прихожей, нечистой и весьма прохладной комнатѣ. У шкафа, облокотившись на него, стоялъ старый драгунъ, все-еще, по вольности дворянства, безъ сертука, а напротивъ только-что пріѣхавшій жидъ съ золотистыми пейсами и совершенно кошачьими глазками. Жидъ держалъ въ рукахъ тарелку съ рожью и какъ-будто безъ всякаго намѣренія перебиралъ указательнымъ пальцемъ зѣрна, ловко опуская лучшія изъ нихъ въ карманъ.

Раздался частый, торопливый бой часовъ. Было одиннадцать. Жидъ засуетился, поставилъ тарелку и пожелалъ знать, какая у насъ будетъ цѣна хлѣбу?

— Хошь купи, хошь нѣтъ, а я меньше двухъ золотыхъ за пудъ не отдамъ,—произнесъ старый драгунъ тономъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ непреклонности.

— Смилуйте, смилуйте! вскричалъ Шлѣма.—Я у пана Сварики купилъ по золотому.

— Миѣ до того дѣла нѣтъ; Сварика воленъ былъ продать и по алтыну, притомъ же и хлѣбъ хлѣбу розъ!—флегматически сказалъ хозяинъ и крупныя черты лица его какъ-будто окаменѣли, выражая все ту же непреклонность.

Жидъ еще болѣе взволновался; онъ замахалъ руками и поспѣшно вытаскивая изъ кармана спрятанныя туда зѣрна, положилъ ихъ передъ капитаномъ.

— Отто хлибъ пана Сварики! заносливо произнесъ жидъ, передернувши на-бекрень свою засаленную ермолку. съ вѣ-

домъ человѣка, глубоко проникнутаго сознаниемъ своего достоинства.

Внимательно разсматривая лежащую передъ нимъ горсть зѣренъ, старый драгунъ соображалъ, какъ бы ему надуть жидъ, но тутъ гдѣ-то вблизи залился колокольчикъ, сопровождаемый лаемъ встревоженныхъ собакъ всего хутора. Съ шумомъ и звономъ промелькнула мимо оконъ прихожей, вся въ снѣжной пыли, удалая тройка, за ней мигнули красная кучерская шапка и бѣлыя фуражки съ цвѣтными околышами.

— Вотъ не было печали! вскричалъ старый драгунъ и даже плюнулъ съ досадой; наконецъ, придя въ себя и вспомнивши свой неприличный костюмъ, онъ съ легкостью испуганнаго зайца кинулся бѣжать за своимъ форменнымъ сертукомъ.

Быстрое движеніе стараго драгуна встревожило и подняло весь домъ. Въ передней появился замазанный, какъ-будто только-что выльзшій изъ трубы клопецъ. Прекрасный полъ, заключившись въ отдаленной комнатѣ, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи принялся за свой туалетъ; черезъ дворъ, гремя бусами и монистами, промчалась горничная съ тугонакрахмаленными и вздымавшимися какъ парусъ юпками въ рукахъ.

Но скоро все пришло въ порядокъ, а въ передней раздавался радушный голосъ хозяина, и пошли съ одной стороны полные радущія укоры въ томъ, что заспѣсивились кирасиры, забыли стараго драгуна; съ другой—извиненія службой и дурной дорогой, и такая радость, такое невиданное удовольствіе распространилось въ комнатѣ, что даже жидъ раздѣлилъ его, и хотя никѣмъ незамѣченный, не переставалъ кланяться и нѣжно ухмыляться въ самомъ отдаленномъ углу передней.

— Наконецъ-то, наконецъ-то вспомнили! жаловался старый драгунъ.

— Мы давно собирались, давно порывались къ вамъ, да дорогу совсѣмъ занесло, а тутъ начальникъ дивизіи... говорили офицеры, принимаясь обнимать хозяина.

— Такъ, такъ, гости мои дорогіе! умиляясь отвѣчалъ хозяинъ, цѣлуя свѣжія, нарумяненные морозомъ офицерскія лица...

— Такъ, продолжалъ онъ, впадая въ какое-то грустное настроеніе духа: — нося эплеты и бѣлаго цвѣта мундиръ, съ блестящей кирасой, тоже можетъ-быть сдѣлалъ бы и я. Заспѣсился бы, ейбогу заспѣсился бы. Ейбогу же такъ. Простите неумѣстной смѣлости моей.

— Полноте, полноте, Семень Семенычъ! Вмѣшался Юноша, бывший на болѣе короткой ногѣ съ хозяиномъ, нежели другіе товарищи.—Мы всё васъ такъ уважаемъ, любимъ, весь полкъ вамъ истинно преданъ, а я въ васъ просто влюбленъ,—распространялся Юноша.

— Ну, если послѣдовала ошибка, то скажу вамъ чисто по солдатски: здорово, ребята! съ наступающей масляницей!

Сказавъ это, хозяинъ снова принялся цѣловаться съ гостями, послѣ чего пригласилъ ихъ въ залу.

— Ну, сознаюсь чистосердечно, разругалъ васъ въ душѣ, что до сего времени никто не заглянулъ въ укромное мое захоlustье!—усадивъ гостей, снова возмущился неисчерпаемо-привѣтливый хозяинъ.

— Да все какъ-то намъ съ Юношей некогда было, все ждали начальника дивизіи... а Мамелюкъ нашъ только-что изъ Москвы вернулся, былъ въ годовомъ отпуску,—оправдывался корнетъ, взятый друзьями для компаніи.

— Теперь не удивляюсь, не удивляюсь болѣе, перебилъ хозяинъ, — вѣрю. Вотъ что значитъ быть простымъ человѣкомъ и бѣднымъ, отставнымъ капитаномъ: долженъ вѣрить, не смѣю сомнѣваться. А вы только-что изъ Москвы? продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ Мамелюку:— очень пріятно видѣть столичнаго гостя.

Мамелюкъ поклонился нѣсколько свысока и тутъ же укоризненно покачавъ головой, взглянулъ на безцеремоннаго корнета. Поручикъ былъ строгій поклонникъ приличій.

— Такъ-то! совсѣмъ пропали мои молодцы! Съ мраморнымъ терпѣніемъ прождалъ я васъ цѣлый мѣсяць, и право, когда прослышался въ ухахъ серебристо-звучный колокольчикъ вашъ, просто сердце заговорило! — пересластилъ хозяинъ.

— Чтó ваши дамы? Какъ здоровье Авдотьи Ивановны и Матрены Семеновны? — съ сомнительнымъ любопытствомъ спросилъ Мамелюкъ.

— Слава-богу, всё слава-богу! Побѣжали наряжаться — дѣло женское!

— А наливки ваши какъ поживаютъ? съ живостью перебилъ его Юноша.

— Наливки богатѣйшія у меня въ этомъ году; соскучилились за вами мои наливки... Да чтó въ самомъ дѣлѣ даромъ сидѣть? Будемъ пробовать. У меня, господа, душа и сердце на распашку, безъ всякой свѣтской политуры. Эй, хлопецъ! хлопецъ! продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ явившемуся хлопцу:—бѣги ты за наливкой. Да я думаю, господа, кстати ужъ и подзакусить?

— Отчего не закусить? Любопытно было бы закусить,— отозвался Юноша, возбудивъ своей выходкой громкій смѣхъ корнета.

Пройдемъ молчаніемъ сытую, поданную на двухъ подносахъ закуску, въ продолженіи которой хозяинъ безпрестанно подливалъ гостямъ своихъ богатѣйшихъ наливокъ, разсыпался въ поговоркахъ, и къ концу которой сошелся со всѣми на ты, извиняясь тѣмъ, что онъ человѣкъ простой, стародавній драгунъ.

— А безъ четырехъ угловъ домъ не строится! вскричалъ хозяинъ, одушевляясь все болѣе и снова намѣреваясь наполнить рюмки гостей; но онъ остановился съ поднятымъ вверхъ графиномъ, замѣтивши выглядывавшія изъ дверей женскія лица.

— Чего вы выглядаете, якъ кулики съ болота? Добрые знакомые люди пріѣхали, надо гулять. Милости просимъ и васъ до компаніи!—насмѣшливо произнесъ хозяинъ, обращаясь къ дверямъ и въ тоже время хитро подмигивая гостямъ своимъ.

Женскія лица немедленно скрылись, но вскорѣ настезь отворились двери и въ комнату грандіозно, съ видомъ театральной королевы, вошла Морская-волна, въ сопровожденіи робко подвигавшейся впередъ и красной какъ вишня Матрочки.

Появленіе дамъ произвело нѣкоторое смятеніе въ обществѣ: Юноша фамильярно, какъ старый знакомый, протянулъ руку Волнѣ и весело поклонился Матрочкѣ; корнетъ принялся застегивать сертукъ, не поклонившись ни той, ни другой: онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ не говорилъ и не кланялся ни съ одной женщиной: таковъ былъ его обычай; а Мамелюкъ, граціозно поднявшись съ мѣста, принялъ одну изъ своихъ донъ-жуановскихъ позъ; его видимо радовало появленіе прекраснаго пола, спасавшаго отъ лишннихъ угощеній и фамильярности хозяина.

Морская-волна начала удивленіемъ, что господа кирасиры совершенно пропали, забыли бѣдныхъ обитателей хутора, на чтó со стороны офицеровъ послѣдовали увѣренія и снова повторилась исторія о дурной дорогѣ и только-что отбытомъ смотрѣ начальника дивизіи.

— А васъ, monsieur Крипуновъ, цѣлый годъ не видать въ нашихъ мѣстахъ: вы только-что изъ Москвы? Я воображаю, какъ вы должны скучать въ нашемъ убійственномъ военномъ поселеніи! Мнѣ васъ жаль, monsieur Крипуновъ.

— Благодарю васъ, маме (Мамелюкъ произносилъ это слово чрезвычайно коротко), благодарю васъ за участіе. Я

вамъ скажу, когда я увидалъ первый бѣлый столбъ военнаго поселенія, просто я не знаю, я... я рѣшительно не знаю, что со мной сдѣлалось... Ну просто...—И не находя словъ, чтобы выразить свое отчаянное положеніе, Мамелюкъ принялся застегивать пуговицы на своихъ перчаткахъ.

— Я вамъ вполне сочувствую, вполне сочувствую... Братецъ, что это такое?—вдругъ закипѣла негодованіемъ Морская-волна, увидавши, что старый драгунъ, давно уже успѣвшій разстегнуть жилетъ, покушался снять свой высокій галстукъ, съ крѣпкой стальной пряжкой позади.

Братецъ, нехотя опустилъ руки.

— Что это вы къ намъ привязываетесь? Мы кажется никому не мѣшаемъ,—насмѣшливо произнесъ Юноша.—Когда такъ, мы охотно удалимся. Капитанъ, переселимтесь отсюда.

— Онъ говорить дѣло, сказалъ хозяинъ, и взятый подъ руки двумя корнетами, поспѣшно направился вонъ изъ залы.

Вслѣдъ за хозяиномъ двинулся и тяжелый подносъ, весь уставленный наливками.

— Вотъ вамъ въ лицахъ великое переселеніе народовъ. А ты, Мамелюкъ, измѣнишь, отстаешь отъ своихъ?—удалился говорилъ Юноша.

— Ступайте, ступайте! Нечего другихъ-то сбивать съ истиннаго пути, изгнанники! — любезничала Морская-волна.

— Мы вамъ очень благодарны за это изгнаніе; стойте у васъ за это поцѣловать ручку, — продолжалъ Юноша, заливаясь тоненькимъ смѣхомъ.

— Ахъ вы юноша, ребеночекъ! Что съ вами дѣлать, вате вамъ ручку! — И говоря это, Морская-волна жеманно протянула свою руку.

— Не надо, не надо, успокойтесь! заливаясь смѣхомъ вскричалъ Юноша.

— Ха-ха-ха! вторилъ корнетъ.

— Хо-хо-хо-хо! басилъ старый драгунъ, весьма довольный выходкой Юноши.

— Ахъ вы ребеночекъ, ребеночекъ!.. преслѣдовалъ переселенцевъ раздраженный голосъ Морской-волны.

— Ну, теперь мы станемъ бесѣдовать по душѣ, а тотъ паркетный команъ-ву порте-ву пускай пѣтушится съ бабами.

И потекла пріятная бесѣда...

— Ну скажите намъ, столичный гость,—кокетливо обратилась Морская-волна къ Мамелюку, почувствовавшему себя какъ-будто свободнѣе послѣ переселенія народовъ: — скажите намъ, бѣднымъ хуторянамъ, что въ Москвѣ? какъ

балы, театры? Все это, я думаю, прелесть что такое! Наконецъ маскарады, львицы, благородное собраніе? Пожалуйста расскажите, усладите хотя нѣсколько наши души... Въдѣ для насъ рѣдкость столичный молодой человѣкъ.

— Да-съ, я долженъ признаться, что въ головѣ у меня до сихъ поръ какой-то хаосъ. Это была необыкновенная зима; давно такой не было въ Москвѣ. Блеску, жизни было пропасть, кавалеры на расхватъ, мы чисто изъ силъ выбились. Я до того завертѣлся, что представьте себѣ, на одномъ вечерѣ пригласилъ на пятую кадрили шесть дамъ. Можете себѣ вообразить мое положеніе!

— Ну-съ, какъ же это кончилось? какъ же вы отдѣлались? Это преинтересный случай, — съ лихорадочнымъ любопытствомъ спрашивала Морская-волна.

— Да-съ, признаюсь, положеніе было весьма критическое. Въдѣ еслибы эти дамы были такъ, кой-кто, а то вообразите себѣ, въдѣ это были: генеральша Кузьмина, Алабова... позвольте, кто еще? Кто то изъ лучшихъ... — И Мамелюкъ, весь превратившійся въ удовольствіе, весь сіяющій, принялся считать по пальцамъ дамъ, приглашенныхъ имъ на пятую кадрили. Потомъ онъ перешелъ къ своимъ маскараднымъ похождениямъ, къ одному великолѣпному балу, гдѣ онъ стоялъ прислонившись къ колоннѣ, опершись на свой палашъ; онъ былъ не въ духѣ, но вотъ подходитъ къ нему милая хозяйка и насильно заставляетъ его протанцовать туръ польки съ Sophie Альбиносовой, потому что этого требуетъ все общество... И много еще въ этомъ родѣ рассказывалъ Мамелюкъ, а дѣвочка его давно уже выбѣжала наружу и блестящей змѣйкой вилась вдоль борта.

Морская-волна упивалась рассказами Мамелюка съ невыразимымъ наслажденіемъ: такъ неистовый любитель итальянцевъ, вдругъ изъ какого-нибудь Курмыша перенесенный въ залу оперы, забываетъ ослѣпительный блескъ, его окружающій, и гдѣ онъ, и кто вокругъ него, — ничего не видитъ курмышецъ кромѣ ея, примадонны оперы, переполнившей душу его сладкимъ потокомъ звуковъ.

— Ахъ боже-мой, какъ вы счастливы! вскричала Морская-волна, выслушавъ всѣ малѣйшія подробности походовъ Мамелюка въ Москвѣ. — А мы-то здѣсь, мы-то съ тобой! продолжала она, обращаясь къ Матрочкѣ, сидѣвшей во все время чинно и не вымолвившей и слова: — ты бы вѣрно тоже желала повеселиться, побывать въ Москвѣ?

— Да, я желала бы побывать въ Москвѣ, — монотонно повторила Матрочка.

— А вы любите танцевать? счелъ долгомъ освѣдомиться Мамелюкъ.

— Да, я люблю танцевать.

— И вѣрно польку больше всего любите?

— Польку больше всего люблю.

— А знаете ли, редову совершенно оставили танцевать?

— Да, редову совсѣмъ оставили...

Потерявъ всякую надежду сбить Матрочку съ пути повторенія чужихъ словъ, Мамелюкъ замолчалъ.

— О чемъ вы задумались? снова начала Морская-волна, постоянно стремившаяся къ тому, чтобы завоевать названіе любезной женщины, и на томъ основаніи не дававшая ни минуты покоя своимъ жертвамъ.

— Вы въ Москвѣ? О, вы жестоко заплатите за удовольствие, которое испытали въ Москвѣ! Здѣсь вы не найдете ни того общества, ни тѣхъ женщинъ, какихъ привыкли встрѣчать въ Москвѣ...

— Вы ошибаетесь: женщина — вездѣ женщина; право такъ! Ктому же интересныя женщины чаще встрѣчаются гдѣ-нибудь подалеже отъ столицы, отвѣчалъ Мамелюкъ, невольно вдаваясь въ волокитство. — Да наконецъ, если здѣсь встрѣтишь женщину, такъ болѣе цѣнишь ее, больше дорожишь ею обществомъ, — право такъ, ейбогу такъ-съ.

— Полноте, полноте, monsieur Крипуновъ, меня не обморочите, не проведете!

Неизвѣстно до чего бы дошли взаимныя любезности, еслибы онъ вскорѣ не были прерваны вошедшимъ хлопцемъ, громогласно объявившимъ, что кушать подано.

Обѣдъ прошелъ шумно, гостей чествовали съ истинно малороссійскимъ радушіемъ; хозяинъ пользовался малѣйшею оплошностью гостя, чтобы наполнить его рюмку.

Послѣ обѣда нѣсколько ошеломленные гости перешли въ гостиную. Болѣе другихъ казался отуманеннымъ корнетъ, смотрѣвшій вокругъ съ видомъ человѣка, желающаго просить извиненія.

— Теперь Юноша, — пристала неутомимо-любезная Морская волна, — теперь, за дерзость, которую вы давеча мнѣ сдѣлали, извольте насъ смѣшить, извольте представить шарманку. Ахъ какъ онъ смѣшно представляетъ шарманку! Невозможно видѣть равнодушно. Чудо какъ смѣшно! — прибавите Морская-волна, обращаясь къ Мамелюку.

— Представьте шарманку! — Ахъ, пожалуйста! — Ну потѣшь стараго драгуна! — Что церемониться! — Изобрази! — посыпалось со всѣхъ сторонъ на голову Юноши.

На все согласный Юноша немедленно взялъ въ руку первую попавшуюся скамейку и удалился съ ней въ сосѣднюю комнату. Вскорѣ раздался его голосъ, въ совершенствѣ подражающій печальнымъ звукамъ разстроенной шарманки и вслѣдъ затѣмъ въ гостиной появилась сгорбленная, какъ-будто удрученная тяжелой ношей фигура Юноши. Въ такомъ видѣ нѣсколько разъ прошелся онъ по комнатѣ, продолжая наигрывать стараго Мальбруга.

Общество пришло въ неописанный восторгъ, и когда спектакль кончился, аплодисментамъ не было конца.

— Теперь громъ и молнію! Пожалуста громъ и молнію! — снова пристала публика къ отдыхавшему артисту.

Юноша безпрекословно сталъ въ уголъ комнаты, и закрывая руками лицо, приглашалъ поочередно желающихъ видѣть громъ и молнію.

Штука „громъ и молнія“ состояла въ томъ, что Юноша, ставши въ уголъ и закрывши лицо, производилъ какіе-то странные глухіе звуки, подобные отдаленнымъ раскатамъ грома, и потомъ вдругъ открывалъ лицо и всѣми чертами его производилъ такое страшное вздрагиваніе, что пораженный зритель невольно отскакивалъ прочь, какъ-будто дѣйствительно опаленный молніею.

— Ну, довольно съ васъ, довольно! Хорошенькаго понемножку! соскучившись вскричалъ Юноша. — Теперь за то, что я потѣшалъ васъ, вы должны исполнить нашу общую просьбу.

— Какую просьбу? Это еще что такое?—съ любопытствомъ спросила Морская-волна.

— А вотъ какую просьбу: нашъ полкъ даетъ вечеръ и проситъ васъ...

— Какой же это вечеръ? перебилъ его Мамелюкъ, явно недовольный, что другой завладѣлъ первой ролью:—это балъ!..

— Да развѣ не все равно — вечеръ, балъ?.. заспорилъ Юноша.

— Нѣтъ-съ, это большая разница!—съ видомъ знатока произнесъ Мамелюкъ, и тутъ же продолжалъ официальнымъ тономъ, обращаясь къ хозяйкамъ:

— Корпусъ офицеровъ нашего полка покорнѣйше проситъ васъ, Семень Семенычъ, съ семействомъ—сдѣлать честь быть на нашемъ балѣ въ четвергъ на будущей недѣлѣ.

Наступило общее, нѣсколько торжественное молчаніе.

— Конечно вы не откажете намъ въ этомъ удовольствіи, братецъ. Надо же сколько-нибудь цѣнить вниманіе.—нетерпѣливо обратилась къ братцу едва скрывавшая свое удовольствіе Волна.

Помолчавъ нѣсколько времени, болѣе изъ приличія, такъ чтобы не вдругъ согласиться, старый драгунъ въ самыхъ цвѣтистыхъ фразахъ выразилъ свою благодарность, находя впрочемъ большое затрудненіе въ томъ, что не имѣеть квартиры въ мѣстечкѣ, гдѣ квартировалъ полкъ, и не знаетъ куда пристать. Препятствіе это не повело за собой важныхъ послѣдствій; оно немедленно было устранено Мамелюкомъ, предложившимъ свою квартиру къ услугамъ хозяина.

Въ избыткѣ благодарности старый драгунъ тутъ же перещеловалъ гостей своихъ и громко потребовалъ какой-то завѣтной, старой наливки, подававшейся только въ особенныхъ случаяхъ.

Всѣ, кто только былъ въ комнатѣ, не исключая даже дамъ, всѣ попробовали завѣтной наливки и вмигъ необычайная, заразительная веселость овладѣла обществомъ; какой-то дикій восторгъ обуялъ каждого и даже всегда сдержанный Мамелюкъ не устоялъ противъ этого восторга и въ порывѣ его пригласилъ Морскую-волну на первую кадрили.

Кончивши съ такимъ успѣхомъ возложенное порученіе, кирасиры раскланялись съ радушнымъ хозяиномъ и его милымъ семействомъ.

Усаживаясь въ сани, гости замѣтили въ нихъ нѣсколько бутылокъ наливки, что впрочемъ нисколько не удивило ихъ: они давно стояли въ обильной Малороссіи.

III.

На другой день Мамелюкъ, просидѣвши лишній часъ передъ зеркаломъ, въ сопровожденіи Юноши пустился по военному мѣстечку съ возложеннымъ на него порученіемъ.

Первый визитъ его былъ къ окружному командиру Кшемининскому, величавому и державшему себя съ великимъ достоинствомъ полковнику. Полковникъ вышелъ въ приемную подъ руку съ своей полковницей, дамой среднихъ лѣтъ и изумительныхъ размѣровъ.

Полковникъ и полковница съ большимъ вниманіемъ выслушали приглашеніе и молча поклонились въ знакъ согласія.

Отъ окружнаго командира друзья направились къ волостному Селиванскому, чрезвычайно проворному майору съ бѣлыми волосами и краснымъ лицомъ.

Волостной ужасно засуетился, усадилъ друзей въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, все украшеніе котораго составили

двѣ картины, очень вѣрно изображавшія игравшихъ въ преферансъ доминиканскихъ монаховъ, и не допуская ихъ вымолвить хотя одно слово, немедленно пустился рассказывать весьма занимательные, но давно знакомые всему округу анекдоты; къ счастью друзей, въ эту минуту изъ залы слышались звуки польки, смѣшанные съ веселымъ смѣхомъ и женскими голосами.

— Мои дѣвочки вышли; не угодно ли въ залу? проговорилъ майоръ, и не кончивши начатаго анекдота, вошелъ въ дверь.

Несмотря на раннюю пору дня, четыре пары дѣвицъ вихремъ кружились по залѣ, одушевляясь звуками задорной польки. Издали любовалась ими нѣжная мать, дама въ коричневомъ парикѣ, съ маленькими и постоянно будто плачущими глазами.

Натанцовавшись досыта, дѣвицы разомъ остановились и кинулись къ старшей сестрѣ, неутомимо цѣлый часъ барабанившей для нихъ польку.

— Merci, mon ange! merci, ma chère!.. посыпалось на старшую сестру.

— Ну, пойдемте ходить, идемте ходить! вскричали дѣвицы, и взявшись подъ руки, пустились неутомимо, до головокруженія, ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Такъ безоблачно и весело проходила жизнь девяти сестеръ: утромъ танцуютъ другъ съ другомъ, или взявшись подъ руки, прохаживаются взадъ и впередъ по комнатамъ, а вечеромъ прохаживаются и танцуютъ съ офицерами.

Но вотъ загремѣлъ всегда пріятный дѣвицамъ палашъ и въ залѣ появился Мамелюкъ съ блестящей каской въ рукѣ, а за нимъ Юноша съ фуражкой подъ мышкой.

Мамелюкъ важно направился къ волостной, граціозно раскланялся и уже готовился начать официальнымъ тономъ: „корпусъ офицеровъ“ и проч., но неразлучный спутникъ его успѣлъ уже рассказать дѣвицамъ о предстоящемъ балѣ, а тѣ съ радости тутъ же пустились полькировать, увлекая за собой бѣлокураго Юношу. Онѣ тотчасъ же рѣшили, что на балъ слѣдуетъ ѣхать, что это будетъ удивительно какъ весело.

Отъ волостнаго друга завернули къ поселенному инженеру Жабо, аристократу первой руки, помѣшанному на томъ, что у него лучший поваръ въ округѣ и что жена его, чрезвычайно пикантная полька, выписывала свои наряды прямо изъ Варшавы. Поручикъ Жабо обѣщалъ непременно быть, если женѣ его успѣютъ выслать изъ Варшавы бальное платье.

Въ сосѣдствѣ съ инженеромъ находился военный госпиталь. Въ немъ помѣщался смотритель и старшій докторъ,

люди весьма общежительные и радушные. Къ нимъ-то прямо отъ инженера направились наши герои.

Смотритель гошпиталя поручикъ Старчевскій, закаленный кавказецъ, съ лѣвой рукой на перевязи, не дослушавъ приглашенія до конца, тутъ же поспѣшилъ передать его женѣ своей, нѣмкѣ съ удивительно-пошлымъ лицомъ и, по выраженію закаленного кавказца, „ни белмеса“ не понимавшей по-русски, тогда какъ самъ смотритель ни слова не зналъ по-нѣмецки. Говоря вообще, партія была ровная. Сметнувши наконецъ въ чемъ дѣло, нѣмка немедленно согласилась: нѣмки вообще большія охотницы до танцевъ, и тутъ же, въ знакъ признательности, со всѣхъ ногъ кинулась хлопотать о кофе, что задержало гостей на нѣсколько лишнихъ минутъ.

Съ тѣмъ же радушіемъ приняты были кирасиры добрымъ семействомъ стараго доктора Зильбермана, домъ котораго, несмотря на еврейское происхожденіе хозяина, былъ постоянно набитъ офицерами и считался однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ военномъ мѣстечкѣ, что до чрезвычайности возмущало благонравное семейство волостныхъ, называвшихъ хорошенькихъ дочерей доктора не иначе какъ Фаньсой и Малкой.

Приглашеніе полка было выслушано семействомъ доктора съ большимъ наслажденіемъ; затѣмъ послѣдовала благодарность, выраженная хотя и нѣсколько нараспѣвъ и съ еврейскимъ акцентомъ, но все-таки чрезвычайно сильно выраженная.

На возвратномъ пути изъ гошпиталя офицеры завернули къ командиру кантонистскаго дивизіона Сокольскому, высокому штабсъ-ротмистру, съ предлинными усами. Такъ какъ Сокольскій совершенно ступшевывался въ присутствіи жены своей, женщины, отличавшейся чрезвычайно благородной наружностью и рѣдкимъ образованіемъ среди размашистыхъ военныхъ дамъ, то офицеры предпочли отнестись прямо къ Екатеринѣ Петровнѣ: такъ называлась жена Сокольскаго.

Мы поговоримъ о ней нѣсколько подробнѣе, какъ о явленіи исключительномъ.

Екатерина Петровна совершенно случайно попала въ военное поселеніе, въ число военныхъ дамъ; она готовилась къ другой жизни и никогда не воображала, что ее ожидаетъ глушь и полудремлющее общество.

Отецъ и мать ея принадлежали къ петербургской аристократіи и были очень богаты. Они ничего не падали для воспитанія талантливой Кати; дѣвушку окружала самая утонченная роскошь, а въ будущемъ ожидалъ общій восторгъ и удивленіе людей такъ-называемаго „избраннаго круга“.

Казалось, что жизненный путь Екатерины Петровны будетъ усыпанъ цвѣтами и лаврами. Вышло иначе: свѣтлый горизонтъ помрачился, сдвинулись темныя тучи, грянула гроза, путь мгновенно испортился... грязь непроходимая, колеи глубоки... И такимъ-то путемъ-дорогою пришлось идти Екатеринѣ Петровнѣ вплоть до самой могилы. Мать Екатерины Петровны скончалась совершенно неожиданно, а отецъ ея, оставшись одинъ, безъ поддержки (онъ былъ изъ такихъ, которымъ необходима чья-нибудь поддержка въ жизни), лихо закрутилъ усы и весело кинулся въ водоворотъ гусарской жизни. Правда, что слава его лихихъ продѣлокъ пережила его, даже Пушкинъ посвятилъ ему нѣсколько строкъ, но за то состояніе не пережило гусара, и только усиленные хлопоты избраннаго общества не допустили его до полнѣйшей, совершеннѣйшей нищеты, доставивши какое-то мѣсто при таможднѣ.

Екатерина Петровна рѣшилась сопутствовать отцу, и всѣ представленія родныхъ и ихъ упрашиванія остаться въ Петербургѣ не послужили ни къ чему. Цѣль Екатерины Петровны была высокая и осязательная: усладить горькое положеніе отца, быть ему полезной, сдѣлать свое присутствіе для него необходимымъ и потомъ можетъ-быть перевоспитать его.

Подкрашенный старикъ полушутя, полусерьезно выслушивалъ свою дочь, а между тѣмъ высматривалъ хорошенькихъ въ пограничномъ мѣстечкѣ.

Полгода спустя старый волокита надѣдиль Екатерину Петровну мячиной въ образѣ вертлявой польки, съ тончайшей таліей, крошечной ножкой, веселыми плутовскими глазками и густыми золотистыми волосами. Мачиха сейчасъ же дала почувствовать свое присутствіе. Домашній адъ открылся передъ Екатериной Петровной, посыпался на нее нравственные толчки и оскорбленія. Бѣдная дѣвушка рѣшилась во что бы то ни стало выйти изъ тягостнаго положенія. Случай скоро представился: одинъ весьма небогатый и невидный штабсъ ротмистръ уланскій, отставшій за болѣзнию отъ полка въ пограничномъ мѣстечкѣ, давно уже съ величайшимъ участіемъ слѣдилъ за семейной драмой. Молодые люди объяснились, обвинялись на скорую руку и поспѣшили оставить пограничное мѣстечко. Когда первый пламень нѣсколько остылъ, Екатерина Петровна грустно покачала головой, убѣдившись, что уланъ былъ простой, добрый малый, любилъ жить спустя рукава и даже отчасти склоненъ къ попойкамъ и картамъ. Новая работа, новая дѣятельность открывалась для Екатерины Петровны: ей захотѣ-

лось во что бы то ни стало пересовдаты мужа. Всѣ силы своей, всю душу положила она на то, чтобы пробудить мужа от усыпленія. Прошли годы, мучительные годы, полные страшныхъ испытаній и горючихъ слезъ. Усилія Екатерины Петровны оказались не совсѣмъ безплодны: уланъ откачался отъ картъ и вина, охотно сталъ почитать русскихъ авторовъ и даже пустился слегка разсуждать о нихъ,—но дальше этого онъ не пошелъ и не могъ идти. Помирившись съ тѣмъ, что духовной связи между ею и мужемъ ожидать нечего, Екатерина Петровна съ горечью на душѣ покорилась своей участи, давши себѣ торжественное слово никогда не покидать своего мужа. Она была воспитана въ религіозныхъ понятіяхъ и вѣрила, что нарушеніе клятвы есть страшный грѣхъ.

Опредѣливши такимъ образомъ свое положеніе, съ преждевременными морщинами на лицѣ, Екатерина Петровна твердо рѣшилась не опускаться и не пренебрегать своей личностью. Натура ея была полна любви и добра, и не безсѣдно проходила жизнь Екатерины Петровны среди пошловатости мѣстнаго общества. Она была источникомъ здравыхъ понятій, лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ, къ ней сходили всѣ угнетенные и униженные, у нея собиралось все молодое и еще не отупѣвшее. Поднялись полковныя дамы, сплетни и насмѣшки кучами летѣли на бѣднаго „академика въ чепцѣ“ (названіе, придуманное полковымъ острякомъ) и едва-ли бы устояла Екатерина Петровна одна противъ всѣхъ, еслибы мужъ ея не получилъ въ это время начальства надъ кантонистами. Тутъ открылся новый и полный просторъ для добрыхъ стремленій; неувѣренность и колебаніе Екатерины Петровны мгновенно исчезло.

Мы не будемъ распространяться о томъ видимомъ благотворномъ вліяніи, которое имѣла Екатерина Петровна на кантонистовъ; скажемъ только, что не прошло года, какъ мальчишки какъ-будто совершенно переродились. Уланъ весело крутилъ усы и съ удивленіемъ смотрѣлъ на жену свою, между тѣмъ какъ высшее начальство никакъ не постигало причины столь быстро перерожденія кантонистовъ.

Время это было едва-ли не самое пріятное въ жизни Екатерины Петровны.

Общество военного мѣстечка хотя и смутно, но все-таки сознавало необъятное превосходство Екатерины Петровны, и даже самолюбивый Мамелюкъ, и тотъ, гдѣ только можно подсмѣивался надъ „академикомъ въ чепцѣ“, въ тоже время при встрѣчѣ съ Екатериной Петровной рѣшительно терялъ свою развязность, особенно съ тѣхъ поръ какъ, пу-

стившись съ ней въ какой-то серьезный разговоръ, смѣшала Макиавели съ Меѣстофелемъ. Напротивъ того Юноша, котораго Екатерина Петровна обыкновенно называла „буйной головушкой“, говорилъ о ней съ особеннымъ энтузіазмомъ и за нее готовъ былъ въ огонь и въ воду, хотя и не всегда находилъ время пользоваться ея обществомъ.

Мамелюку не сидѣлось у штабсъ-ротмистра, въ большой досадѣ Юноши, только-что вступившаго въ какой-то задушевный разговоръ съ Екатериной Петровной.

Было три часа по-полудни, когда наши друзья, сдѣлавши еще два-три визита, вошли наконецъ въ казенный домикъ, занимаемый квартирмейстеромъ.

Въ прихожей кучей навалено было нѣсколько офицерскихъ шинелей и калошъ; изъ зала, среди общаго молчанія, слышался голосъ Зюлейки (такъ называли въ военномъ кругу бойкую супругу квартирмейстера):

„стеариновыхъ свѣчъ	3 пуда.
„конфектъ лучшихъ	15 фунт.
„ — поплоче	25 фунт.“

читала Зюлейка, вся въ хлопотахъ по случаю насильно навязанной ей (какъ она говорила) обязанности хозяйки бала.

— А, здравствуйте! Что, славили Христа? вскричала Зюлейка, прерывая чтеніе при появленіи друзей.—Ну что? будутъ?

— Всѣ будутъ! отвѣчалъ Мамелюкъ, пожимая руку хозяйкѣ и ловко раскланиваясь съ Бонжуромъ и двумя поручиками, прилежно клеившими люстру для предполагаемаго бала.

— Всю поселенную силу подняли на ноги! добавилъ Юноша.

— А „академика въ чепцѣ“ пригласили? спросила Зюлейка.

— Какже-съ, пригласили, отвѣчалъ Мамелюкъ.

— Напрасно! Еще критику какую-нибудь выпустить...

Напрасно!

— Полковникъ, полковникъ пріѣхалъ! вскричалъ въ эту минуту одинъ изъ поручиковъ, оставляя свою работу и поспѣшно застегивая пуговицы.

— Полковникъ!.. И точно полковникъ! подтвердилъ другой, оставляя свое занятіе и принимаясь застегивать туго сходящійся воротникъ.

— А, дядюшка! разсѣянно проговорила Зюлейка, взглянувъ въ окно.

Всѣ встрепенулись, неволью подымаясь съ своихъ мѣстъ,

а въ пестежъ распакнувшихся дверейъ появилась плотная фигура полноваго командира, въ сертукѣ безъ эполетъ.

— Здравія желаю! вскричалъ ветеранъ, обращаясь къ офицерамъ. — Здравствуй, Виктуса, — продолжалъ онъ, протягивая племянницѣ свою руку. Потомъ онъ усѣлся на диванъ, рядомъ съ племянницей, и тотчасъ же завелъ разговоръ о предстоящемъ балѣ.

IV.

Совершенный хаосъ царствовалъ въ довольно низкой и несообразно длинной полковой мастерской, слабо освѣщенной множествомъ маленькихъ, замерзшихъ оконъ; страшный стукъ топоровъ, множество вбиваемыхъ гвоздей, звонъ развѣшиваемыхъ палашей, пистолетовъ и кирасъ, предназначенныхъ для арматуры, — безъ чего, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ полковой балъ; густая пыль поднималась отъ красного сукна, растянутаго по стѣнамъ. Раздавались офицерскіе голоса, похожіе на команду, и коротко отзывающіеся на нихъ голоса солдатъ: — „Ядыковъ!“ — „Здѣсь, ваше благородіе!“ — „Натягивай сукно!“ — „Слушаю, ваше благородіе!“ — Разносился поразительно-громкій французскій разговоръ хозяина бала и помощницы его Зюлейки. Все это виѣстѣ могло ошеломить самую крѣпкую и здоровую голову.

Не менѣе живая сцена происходила въ это время въ казенномъ домикѣ, гдѣ квартировали „инсепарабли“. Двое слугъ заботливо убирали комнаты, и въ ожиданіи семейства стараго драгуна, гдѣ только было возможно, разставляли курительныя свѣчи.

— Пріѣхали-съ! Паны пріѣхали! кричитъ деньщикъ, вбѣгая въ комнату съ видомъ челоѵка, испуганнаго землетрясеніемъ, оставляя грязные слѣды огромныхъ сапоговъ своихъ на только-что вымытомъ полу.

Мамелюкъ, поспѣшно застегиваясь, еще разъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ свою наполненную ароматами квартиру, и убѣдившись, что въ ней все какъ слѣдуетъ — прилично, пошелъ встрѣчать гостей, между тѣмъ какъ Юноша и тутъ же случившійся корнетъ ни съ того, ни съ сего залились неудержимымъ смѣхомъ, и стараясь опередить другъ друга, кинулись на заднее крыльцо, однимъ махомъ спрыгнули съ него и задыхаясь отъ смѣха, такъ, какъ были — въ однихъ сертукахъ, утесли въ сосѣдній офицерскій домикъ.

Къ крыльцу подкатила дорожная повозка, имѣвшая совер-

пенный видъ арбуза, поставленнаго на полозья. Не торопясь выльзъ изъ нея старый драгунъ, а за нимъ мигомъ выскочилъ его сосѣдъ, истый полякъ, страстный мазуристъ, въ одно и тоже время умѣвшій какъ нельзя лучше смѣшить барышень и съувлеченіемъ толковать о хозяйствѣ и важныхъ матеріяхъ съ людьми солидныхъ лѣтъ. Въ ту минуту, какъ старый драгунъ знакомилъ Мамелюка съ другомъ своего дома, къ крыльцу подъѣхала другая повозка, длинная, крытая, вся черная, много напоминавшая гондолу или что-то въ этомъ родѣ. Изъ нея прежде всего показался довольно неуклюжій бархатный сапогъ, а вслѣдъ за нимъ, какъ-то вдругъ, словно птичка изъ клѣтки, выпорхнула Морская-волна и тутъ же принялась освобождать свою голову отъ множества навернутыхъ на нее платковъ, платочковъ и шалей. За ней выползла Матрочка и, споткнувшись, упала на сѣбѣ, что заставило Волну дико вскрикнуть, а Мамелюка протянуть руку помощи. Далѣе слѣдовала какая-то знакомая дѣвица-сиротка, кстати захваченная старымъ драгуномъ съ человѣколюбивою цѣлью показать ей свѣтъ божій.

Провожая гостей своихъ, Мамелюкъ оглянулся назадъ и увидалъ только-что подъѣхавшую третью повозку, такого устройства, что помѣщавшимся тамъ тремъ румянымъ дивчатамъ не было никакой возможности сидѣть, и потому онѣ всѣ три должны были стоять во все продолженіе дороги, съ разными картонками и коробками въ рукахъ. Нѣсколько изумленный количествомъ двуногихъ и четвероногихъ гостей своихъ, Мамелюкъ успѣшилъ предоставить имъ полную свободу.

Раскланявшись, онъ перешелъ улицу и сейчасъ же очутился среди пыли, стука и крика, все-еще продолжавшагося въ бальной залѣ. Завидѣвши Мамелюка, хозяинъ и хозяйка бала немедленно обратились къ нему за совѣтомъ: гдѣ, по его мнѣнію, удобнѣе поставить музыку? и не лучше ли помѣстить ее въ сосѣдней комнатѣ? Мамелюкъ попалъ въ свою сферу. Немедленно успѣшилъ онъ придать физиономіи чрезвычайно глубокомысленное выраженіе, и наговорившись досыта о послѣднихъ балахъ въ Москвѣ, въ заключеніе подалъ совѣтъ, что музыку дѣйствительно удобнѣе всего поставить въ сосѣдней комнатѣ, потому что поставить трубачей въ залѣ — значитъ оглушить танцующихъ. Потомъ разговоръ перешелъ къ танцамъ. Вспомнили, не безъ ужаса, что до сихъ поръ еще не было составлено распisanія танцамъ, что тотчасъ же возложено было на Мамелюка. Но въ эту минуту другой предметъ занялъ вниманіе нашего героя: передъ нимъ какъ изъ земли выросъ его деньщикъ и

подать доскутокъ сѣрой бумаги, на которомъ рукою стараго драгуна было написано слѣдующее:

„Весь переброеалъ лексиконъ въ сердечной библиотекѣ моей, но не отыскалъ словъ, какими бы могъ выразить вамъ свое извиненіе по случаю безпокойства, которое вамъ дѣлаю: мои барыни взбунтовались и рѣшили не ѣхать на балъ, если хозяйка бала не сдѣлаетъ имъ предварительный визитъ, ибо безъ того для нихъ конфузано будетъ войти въ залу. Я крѣпко смѣюсь съ нихъ, да ничего не помогаетъ. Устройте это, благодѣтель нашъ, а я заранѣе благодарю васъ за ваше безпокойство весьма многоцѣнное и крѣпко далеко запрячу мою благодарность, такъ что ни одна живущая тварь не утащитъ ее отсюда.

„Старый драгунъ.“

Дочитавши записку до конца, Мамелюкъ передалъ ее хозяйкѣ бала; та тоже дочитала до послѣдней строчки и съ неистовымъ смѣхомъ передала записку хозяину бала. Кончилось тѣмъ, что всѣ присутствующіе, не исключая и двухъ поручиковъ, занятыхъ устройствомъ люстры домашняго приготовления, всѣ громко расхохотались и письмо долго переходило изъ рукъ въ руки.

— Чтоже? нерѣшительно спросилъ Мамелюкъ, обращаясь къ Зюлейкѣ: — поѣдете?

— Съ какой это стати? Это было бы вовсе некстати, — отвѣчала нѣсколько обиженнымъ тономъ хозяйка бала.

— Отчего же? Я думаю... вмѣшался было Бонжуръ.

— Думаютъ знаете кто? перебила нецеремонная полковая дама и тотчасъ же удалилась въ другой конецъ залы.

— Да вы меня не поняли! оправдывался Бонжуръ, неутомимо ухаживавшій за Зюлейкой и потому мирившійся съ ея иногда черезчуръ рѣзкими выходками. — Вѣдь я хотѣлъ сказать, Викторія Ивановна, хотѣлъ сказать, что... говоря это, онъ какъ-то въ припрыжку направился вслѣдъ за оскорбившейся дамой.

— „Всѣ вы тутъ порядочной прачки московской не стоите!“ подумалъ раздосадованный въ свою очередь Мамелюкъ, направляясь на свою квартиру, съ тѣмъ чтобы уговорить гостей своихъ отказаться отъ требованія визита.

Напрасный трудъ! Волна кипѣла желаніемъ визита, кому же и другъ дома, щекотливый какъ большая часть поляковъ, оказался весьма строгимъ блюстителемъ приличій.

Снова вернулся Мамелюкъ въ большую залу, снова безплодное упрашиваніе неумолимой Зюлейки, снова печальное возвращеніе въ свою квартиру, снова требованіе визита со стороны Волны и друга дома.

Неизвѣстно чѣмъ бы кончилось такое столкновение Увухъ дамъ, еслибы всегда готовый прислужиться Бонжуръ не принялъ на себя обязанности примирителя. Мигомъ облекся Бонжуръ въ парадный мундиръ, и надушившись очень хорошими духами, явился посреди не на шутку взволновавшагося семейства стараго драгуна.

Отрекомендовавшись какъ хозяинъ бала, ловкій Бонжуръ нѣсколькими словами успокоилъ подымавшееся волненіе. Его короткій визитъ оставилъ слѣды удовольствія на всѣхъ лицахъ, особенно на лицахъ прекраснаго пола, немедленно обратившагося къ своимъ нарядамъ и соображеніямъ на явную погибель непрекраснаго пола. Между тѣмъ совершенно успокоенный старый драгунъ и другъ его дома преспокойно расположились вздремнуть и при этомъ подняли чрезвычайно согласный и гармоническій храпъ.

Наступили сумерки. Луна словно парусъ бѣлѣла въ необъятномъ пространствѣ волнующагося, туманнаго неба; огоньки забѣгали въ маленькихъ офицерскихъ домикахъ и вдругъ какъ-будто запылала внутренность строенія, въ которомъ помѣщались прежде мастерскія полка, и яркимъ свѣтомъ облилъ улицу длинный рядъ загорѣвшихся оконъ. Скрыгы снующихъ саней, крикъ кучеровъ, бѣготня, шумъ,—все это приводило въ удивленіе толпу бродившихъ по улицѣ жидовъ и поселянъ.

Суетились съхвавшіеся изъ эскадроновъ офицеры, торопливо растягивая бѣлыя перчатки и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ осматривая въ зеркалѣ свои красныя отъ мороза лица; сильно суетился штабсъ-ротмистръ Блиновъ, ни съ того, ни съ сего забывшій па польки-мазурки. Не менѣ Блинова суетилась волостная, заботливо осматривая и охорашивая своихъ дочекъ, одѣтыхъ въ блѣдно-розовый цвѣтъ; суетились и другія дамы, военныя и невоенныя, но болѣе всѣхъ, неоспоримо болѣе, металась и суетилась сестра одного майора, старая дѣва, имѣвшая сильную претензію нравиться. Въ совершенномъ отчаяніи кидалась старая дѣва изъ одного дома въ другой и всѣмъ и каждому безъ разбора жаловалась, что вотъ уже весь полкъ въ сборѣ, а ея горничная и ленты забыла въ эскадронѣ!

V.

Балъ въ полномъ блескѣ. Сотни свѣтъ отражаются въ кирасахъ и каскахъ, свѣтлыхъ какъ зеркало; фантастическими фигурами разсыпалась военная арматура по стѣнамъ, об-

тянутымъ краснымъ сукномъ; горитъ и удивляетъ публику составленное изъ вынутыхъ палашей бенгальское солнце. Эполеты, каски, усы, бакенбарды такъ и кидаются въ глаза, и куда ни взглянешь, всюду встрѣчаешь все тѣже эполеты, тѣже каски и усы; только въ дальнемъ углу залы, какъ будто чудомъ какимъ-то выросъ и тихо колышится роскошный цвѣтникъ, и не совсѣмъ чистый источникъ французскаго языка неумолкаемо журчитъ въ пестромъ кружкѣ поселенныхъ и непоселенныхъ дамъ, такъ живо напоминавшихъ цвѣтникъ.

— Et moi le temps comme cela je passe, je lisais très beau-sour — раздается изъ кружка голосъ Морской-волны, что вызываетъ невольную улыбку замѣшавшагося въ цвѣтникъ весьма юнаго корнета, носившаго золотые очки и вѣроятно потому прозваннаго товарищами „инспекторомъ“. Инспекторъ поправилъ очки и немедленно бросился передать слышанное сѣдоусому „Батѣ“: такъ называли въ полку командира 1-го эскадрона, въ которомъ числился Инспекторъ.

— Ха-ха-ха!.. раздается вслѣдъ затѣмъ въ противоположномъ углу залы, гдѣ помѣщается Батя, всегда веселый, всегда довольный и всегда окруженный какъ-будто наглухо пришитыми къ нему офицерами его эскадрона.

Но вотъ изъ сосѣдней комнаты полился стройный вальсъ. Всѣ лица какъ-будто просіяли; стучать снимаемые палаша, середина залы совершенна пуста... Но никто не рѣшается выступить; всѣ проникнуты какимъ-то ожиданіемъ; всѣмъ и безъ того хорошо, не рискуя поскользнуться или столкнуться съ заостреннымъ локтемъ азартнаго танцора; и такъ хорошо, не шевелясь стоять на мѣстѣ, а между тѣмъ можно летѣть, всѣмъ существомъ своимъ летѣть вслѣдъ за волшебными звуками, какъ-будто зовущими куда-то далеко-далеко, въ какой-то міръ иной...

Есть что-то общее между баломъ и жизнью человѣка. И въ началѣ бала, какъ въ началѣ жизни, человѣкъ незнакомъ еще съ усталостью, не знаетъ толчковъ, встрѣчаемыхъ на скользкомъ пути ея; онъ не двинулся еще въ путь, а только готовится, дрожить отъ нетерпѣнія, и весь онъ въ эту чудную минуту—порывъ, восторгъ и стремленіе... Но чѣмъ дальше тянется балъ, тѣмъ скучнѣе присутствующимъ; усталыя ноги вяло выбиваютъ мазурку, какъ-будто постарѣли утомленные, безстыдно зѣвающія лица танцующихъ. Чувствуется пустота. скука; всѣ спѣшатъ домой, каждый думаетъ о томъ, чтобы скорѣе улечься, и не спѣшатъ и не зѣваютъ только тѣ крѣпко, на-диво сбитые практическіе люди, являющіеся на балъ такъ, безъ особенныхъ видовъ на удовольствіе или увлече-

ніе, являющіеся затѣмъ только, чтобы составить нульку, потолковать о вещахъ обыкновенныхъ и плотно поужинать... Сближеніе жизни съ баламъ можетъ идти еще дальше: послѣ бала непременно ложатся спать, и спать очень долго; поживши на свѣтѣ, тоже засыпаютъ, но не знаю право, встаютъ ли когда-нибудь?.

А между тѣмъ середина залы все такъ же пуста и тѣже льются увлекательные звуки вальса... Но вотъ изъ толпы нерѣшительныхъ кавалеровъ смѣло выступаетъ Мамелюкъ.

— Мамелюкъ, Мамелюкъ! Такъ и есть, открываетъ балъ! съ скрытой досадою говоритъ Блиновъ, имѣвшій большую претензію на роль перваго офицера и танцора въ полку.

— Ходу, ходу, ходу! затвердилъ Батя, едва успѣвая слѣдить за Мамелюкомъ, мелькавшимъ то въ томъ, то въ другомъ концѣ залы съ какимъ-то розовымъ платьемъ.

— Безъ приваловъ работаетъ! замѣтилъ, ни къ кому особенно не обращаясь, тутъ же бывший фурштатскій офицеръ.

— „Place, place, mesieurs, place!.. раздается голосъ Бонжура, заставившій отшатнуться любопытныхъ зрителей, но несмотря на предосторожность, концы длинныхъ лентъ Викторіи Ивановны, съ которой пронесся Бонжуръ, успѣли-таки задѣть двѣ-три усатыя фізіономіи.

Тутъ все смѣшалось: эполеты, цѣпты, шитые воротники, мраморныя плечи, усы, бакенбарды, глаза опущенные, глаза дерзко поднятые, фізіономіи блѣдныя, фізіономіи красныя, мокрыя, сухія, — все это смѣшалось, свернулось въ одинъ пестрый, быстро несущійся вихрь.

Разомъ опустились трубы музыкантовъ... Пестрый вихрь разсѣялся, кавалеры спѣшать вонъ, дамы, распустивъ свои вѣера, тихо прохаживаются по опустѣвшей залѣ; и тѣмъ и другимъ какъ-будто совѣстно стало за минутный порывъ.

Все движеніе перешло въ буфетъ. Тамъ въ облакахъ дыма, поднятаго множествомъ закуренныхъ папиросъ, шумѣли, смѣялись, и разомъ, почти не слушая другъ друга, говорили поселенныя власти и дѣйствующіе офицеры.

— Только я выѣхалъ изъ лѣсу, глядь, — захлебываясь отъ удовольствія, рассказываетъ волостной собравшимся вокругъ него краснымъ воротникамъ: — гляжу — кто-то прячется въ хлѣбъ. Стой! что за человекъ? Онъ бѣжать; я за нимъ. Вижу — поселанинъ изъ Шуропкова. Его-то я и искалъ. Скрутили молодца, да въ тарантасъ ко мнѣ.

— Полъ слишкомъ налощенъ, просто возможности нѣтъ, ужасно скользко! толкуетъ инженеръ Жабо, обмахиваясь желтымъ платкомъ. — Кто это удружилъ?

— Я-съ, къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ Бонжуръ, про-

тягивая руку, которую Жабо пожалъ съ свойственной одними полякамъ любезностью.

— И никто не полетѣлъ, экая жалость!—досадуетъ Батя въ постоянномъ кружкѣ своихъ офицеровъ.

— Честь имѣю представиться: ратоборець двѣнадцатаго года, былъ подъ Кульмомъ! рекомендуется кому-то старый драгунъ, въ то время какъ другъ его дома надобѣдаетъ всѣмъ офицерамъ съ своими распросами, почему они не надѣли красъ, для большаго парада?

— Юноша, юноша, юноша! гдѣ ты?—раздается озабоченный голосъ Мамелюка.

— Слышу, слышу! Сейчасъ иду. Иду!.. только затянусь,—отвѣчаетъ Юноша.

— Господа, не видали ли Блинова?—А визави есть?—Есть!—Я буду переходить.—Смотри, занимай мѣста вдоль залы!—Ты съ кѣмъ?—Съ мадамъ Жабо. А ты?—Чего! дамы никакъ не найду!—слышится среди общаго смятенія.

— Господа! у кого нѣтъ визави? Кому нуженъ визави? визави кому нуженъ? Кому нуженъ визави?—чуть не со слезами повторяетъ другъ дома, обращая во всѣ стороны умоляющее лицо свое.

Но никто не обращаетъ вниманія на отчаянное положеніе друга дома, всѣ безъ оглядки бѣгутъ изъ буфета.

Двигается кадрили; дамы въ полномъ восторгѣ: есть гдѣ показать свою граціозность; кавалеры не отстаютъ и очень весело выдѣлываютъ соло, пристукивая шпорами.

Морская-волна рѣшительно покушается на спокойствіе Мамелюка и кокетливо увѣряетъ его, что кадрили, которую играли трубачи, называется *«si tu savais combien je t'aime»*. Мамелюкъ разсыпается въ любезностяхъ, но къ концу кадрили Морская-волна приходитъ въ совершенный экстазъ и дѣлаетъ какія-то невиданныя фигуры, присѣдаетъ, вертится турманомъ, что вызываетъ насмѣшки полковыхъ дамъ и громкій хохотъ Зюлейки. Мамелюкъ смущенъ, а Матрочка и бѣдная сиротка, вовсе не замѣчая насмѣшекъ, въ совершенствѣ копируютъ Морскую-волну.

Въ эту минуту въ дверяхъ залы появился полковой-командиръ. Онъ шелъ, страшно гремя палашомъ и вдругъ, пріостановившись, обратился къ дверямъ сосѣдней комнаты, изъ которой видѣлось нѣсколько побагровѣвшихъ отъ усилія трубаческихъ лицъ, отчаянно надувавшихъ въ свои огромныя трубы, и громко поздоровался съ трубачами.

— Здравія желаемъ, ваше — діе! залпомъ выпалили трубачи.

Кадрили поневолѣ остановилась. Лица танцующихъ ра-

разомъ оборотились къ полковому командиру, дружески, какъ ни въ чемъ не бывало разговаривавшему съ окружающими.

Снова раздалась кадрили, двинулись остановившіяся на мгновеніе пары, смѣшались и какъ-будто бы ничего важнаго не произошло въ залѣ.

За кадрилию послѣдовала полька, за полькой вторая кадрили, и снова полька, и снова кадрили, а тамъ полька-мазурка, къ большому огорченію Блинова, все-еще не напавшаго на слѣды потерянныхъ па.

— Messieurs, пожалуйте дамы не сидѣли, ради бога! всѣмъ и каждому твердилъ заботливый Бонжуръ, и, такимъ образомъ кавалеры до такой степени работали ногами и руками, такъ усердствовали, что можно было подумать, не рѣшились ли они совершенно затанцовать своихъ поселенныхъ и непоселенныхъ дамъ.

— Балъ чрезвычайно оживленъ, удивительно какъ оживленъ! слышалось между дамами, и только волостныя не раздѣляли этого мнѣнія. Онѣ сколько можно было замѣтить, чрезвычайно были недовольны розовымъ цвѣтомъ своихъ платьевъ; много терявшихъ при стѣнахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, да еще жена начальника кантонистовъ, оставалась совершенно спокойной и съ едва скрытой насмѣшкой смотрѣла вокругъ.

Три часа. Идетъ восьмая кадрили, но никто не замѣчаетъ времени, не чувствуетъ усталости. Находчивый Бонжуръ придумалъ, чтобы дамы танцовали за кавалеровъ, а кавалеры за дамъ, что подало поводъ множеству очень милыхъ выходокъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Кадрили еще болѣе оживилась.

— Mesdames, mesdames! Возьмите же мужскія имена! предлагаетъ Бонжуръ.

— Я буду Эрнестъ, сказала старшая дочь волостнаго.

— А я буду Аполлономъ: это имя мнѣ очень нравится: — выбрала Морская-волна.

— Ну ужъ я буду Сафрономъ! рѣшаетъ Зюлейка.

— Я Роза! я Нина! я Кунигунда! а я Эмилиа! а я Ма-клатура!—слышится между кавалерами.

Шутка такъ заняла всѣхъ, что ее съ удовольствіемъ продолжали и по окончаніи кадрили.

— Рекомендую вамъ monsieur Аполлона,—говорилъ Мамедюкъ, подводя Морскую-волну къ старому драгуну.

— Весьма радъ познакомиться, ухмыляясь отвѣчалъ тотъ.

— Вы мнѣ мало комплиментовъ говорили, monsieur Эр-

нестъ. Я вами очень недовольна, слышится голос Болшуръ

— Какъ мало? Цѣлыхъ три!

— Mademoiselle Маклатура! принесите-ка воды,—обращается меньшая окружная къ Юношѣ.

— Ахъ какіе нынче кавалеры, отвѣчаетъ Юноша. Иду,— нечего дѣлать, иду!

— Ma chère Nini, здѣсь ужасно жарко; пойдемъ въ буфетъ, прохладиться хересомъ — говоритъ Инспекторъ, поправляя очки и протягивая руку товарищу.

— Ха-ха-ха-ха!.. раздается со всѣхъ сторонъ.

Дамы, дѣвицы, офицеры падаютъ отъ неистоваго смѣха и въ залѣ стало до такой степени весело, что веселости этой достало бы ровно на двадцать-пять великосвѣтскихъ баловъ.

Въ заключеніе всего наступила длинная, бойкая мазурка. Полковой командиръ пошелъ въ первой парѣ, и сбросивши съ себя свою обычную величавость, выдѣлывалъ такія фигуры, какихъ я думаю и во снѣ никому не случалось выдѣлывать: недаромъ же лучшіе годы ветерана пролетѣли въ Варшавѣ, подъ неумолкаемые звуки вѣчно новой, вѣчно юной мазурки; недаромъ же наконецъ носилъ онъ польскую фамилію.

— Ай да старикъ! Вотъ расходился! Смотрите, смотрите что дѣлаетъ! Лихо танцуетъ! — пронеслось между зрителями.

— Добже, добже таньче! съ жѣтьемъ таньче! ото съ жѣтьемъ таньче! восклицаетъ случившійся на балѣ старый полякъ, и его старыя ноги неволью притопывали въ тактъ мазурки, а потухшіе, полные слѣзъ глаза такъ и впились въ полковника, отчаянно мчавшагося по залѣ.

Увлеченные примѣромъ ветерана, закипѣли и другіе танцоры. Поль трещалъ подъ каблуками, кавалеры всѣми силами стараются перещеголять и перетопать другъ друга, а полковой адъютантъ, давно уже потерявшій свои шпоры и, казалось, рѣшившійся положить тутъ и тѣло и душу свою, вовсе уже не походилъ на себя, а скорѣе на лихого коня, долго лишеннаго свободы и вдругъ выпущеннаго въ степь, на раздолье.

Но вотъ полковой командиръ ловко поворотилъ въ сосѣдную комнату, за нимъ посыпались и другія пары, и не успѣли еще смолкнуть усталые трубачи, какъ уже все общество сидѣло за длинными, великолѣпно убранными столами, а въ дверяхъ появился саженный полковничій денщикъ съ какимъ-то фантастическимъ блюдомъ въ рукахъ.

Вотъ когда открылась кавалерамъ полная возможность показать любезность свою. Они то-и-дѣло вскакиваютъ изъ за стола и даже берутъ блюда у официантовъ и сами подно-

сидѣть иль дамкамъ. Однѣ только поселенныя власти сидѣли смѣртно на мѣстахъ своихъ, выпивая и поѣдая все, что понадалось подъ руку.

Хлопнули нѣсколько пробокъ шампанскаго, бокалы наполнены.

— Господа! здоровье гостей... ура! раздается голосъ Бонжура, высоко поднявшаго бокаль.

— Ура! урра! уррра! дружно подхватило общество.

— Теперь, господа, за здоровье дамъ! Трубачи, тушь! Ура!— пять минутъ спустя снова раздается голосъ Бонжура.

— Ура! урра! урррра! а-а-а-а-а! отвѣчаетъ публика и безчисленное множество бокаловъ опрокинулось въ горло.

— Здоровье хозяйки бала! провозглашаетъ Мамелюкъ, смѣившійся Бонжура.

— Уррр!.. затянули офицеры, но вдругъ остановились, голоса замерли и всѣ какъ-будто окаменѣли, замѣтивши отсутствіе полковаго командира.

— Гдѣ полковникъ? Не видали вы полковника? Куда дѣвался полковникъ?— слышалось со всѣхъ сторонъ, но напрасны были вопросы: полковникъ исчезъ такъ внезапно, такъ быстро, что никто изъ присутствующихъ того не замѣтилъ.

Взволновались офицеры: ясно было какъ день, что полковой командиръ обидѣлся тѣмъ, что его особа пропущена при провозглашеніи тостовъ.

Немедленно все общество офицеровъ устремилось къ полковому командиру, съ извиненіемъ. Въ залѣ остались однѣ дамы съ лицами, выражавшими удивленіе, и къ утѣшенію ихъ нѣсколько поселенныхъ властей и два-три сосѣднихъ помѣщика.

— Что, что такое случилось? спрашивали друга друга оставленные гости, но никто не знаетъ, никто не отвѣчаетъ, всѣ только желаютъ знать.

— Вѣрно пожаръ! вскричалъ въ эту минуту полиціймейстеръ военнаго мѣстечка, и въ порывѣ усердія опрокинувши нѣсколько стульевъ, кинулся вонъ изъ залы.

Тутъ произошло страшное, неизобразимое перомъ смѣтеніе.—Гдѣ пожаръ?—Что?—А?—Горитъ госпиталь?—Боже мой, боже-мой!—Ванька, Ермолай!—Салопы!—Калоши!—Бога ради, не видалъ ли кто моихъ калошь?—раздается въ прихожей, гдѣ столпилось общество...

Все перемѣшалось и перепуталось: калоши попадали не на свои ноги, шубы и салопы не на свои плечи. Зюлейка, пріѣхавши домой, очутилась въ шубѣ стараго драгуна, а вдовостной Селиванскій, накинувши впопыхахъ чей-то очель

коротенькій салопоъ, долго бѣжало въ немъ по улицѣ, нечеловѣческимъ голосомъ повторяя: пожаръ, пожаръ, пожаръ!

VI.

Между тѣмъ, виновникъ тревоги, описанной нами въ прошлой главѣ, не раздѣваясь лежитъ на своемъ турецкомъ диванѣ. Онъ былъ не въ духъ и считалъ себя обиженнымъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались сдержанные шаги и тихій говоръ хорошо знакомыхъ полковнику голосовъ.

Полковникъ сейчасъ же догадался, что это была депутація отъ офицеровъ. Онъ придвинулъ къ себѣ свѣчу, стоявшую на маленькомъ столѣ возлѣ дивана и сталъ ждать, чѣмъ это кончится.

Инеепарабли первыми появились въ кабинетѣ полковаго командира, а тамъ Батя, по обыкновенію окруженный офицерами своего эскадрона, а далѣе толпой и все остальное общество, и только уклончивый Бонжуръ остался въ темной билиардной, посылая имъ оттуда благоразумные совѣты.

Разомъ заговорили офицеры. Извиненіямъ не было конца. Несмотря на забавные анекдоты, ходившіе въ офицерскомъ кругу насчетъ стараго ветерана, офицеры были какъ нельзя болѣе къ нему привязаны.

Не выдержалъ съдой ветеранъ. Такъ, какъ былъ въ застегнутомъ наглухо мундирѣ, такъ и поднялся на ноги, и окинувши съ вышины все окружавшее его родное общество, грянулъ хотя и очень короткой, но весьма сильной рѣчью.

— Любезные товарищи! я васъ всѣхъ юнкерами зналъ, на своихъ рукахъ вынѣчилъ, и въ ту пору и былъ человекъ простой! Вы, господа, вотъ у меня гдѣ! здѣсь, всѣ вы тутъ! (Говоря это старикъ указалъ на грудь.) Но, господа... но... — продолжалъ онъ, собираясь какъ можно торжественнѣе заключить рѣчь: — но, господа... честь — дороже всего.

— Уррааа!! разомъ подхватило все общество; даже окна задрожали въ полковничьемъ домѣ и цѣлый часъ потомъ лилось неизвѣстно откуда явившееся шампанское, гремѣли трубы и раздавались частые, звонкіе поцѣлуи.

Примиреніе совершилось полное и какъ нельзя болѣе искреннее.

На разсвѣтъ вышли офицеры изъ квартиры командира.

— Строй эскадроны! нѣсколько покачиваясь прокомандовалъ Батя.

Офицеры не сомнѣвъ твердымъ шагомъ спѣшаютъ занять свои мѣста.

— Къ церемоніальному маршу! шагомъ—на всю окрестность, крикнулъ Батя.

Трубачи грянули полковой маршъ и воображаемые эскадроны, равняясь, въ величайшемъ порядкѣ двинулись вдоль по широкой, ровной улицѣ военнаго мѣстечка.

VII.

Вечеромъ на другой день послѣ бала нѣсколько человѣкъ товарищей собралось въ квартирѣ инсепараблей. Тутъ были: вѣчно юный Батя, по обыкновенію окруженный своими офицерами, штабсъ-ротмистръ Блиновъ, все-еще не напавшій на слѣды потерянныхъ па; Бонжуръ съ Петербургомъ,—предметомъ, никогда не сходящимъ съ его языка; два поручика и наконецъ полковой докторъ, всегда отлично выбритый блондинъ, то-и-дѣло пившій холодную воду и совѣтовавшій другимъ слѣдовать его примѣру.

Разговоръ начался жалобами каждаго изъ присутствующихъ на головную боль, неизбѣжную спутницу оргій; потомъ пошли толки о минувшемъ балѣ, о дамахъ, завязался споръ: Мамелюкъ ѣдко осмѣиваетъ военныхъ дамъ, Блиновъ горячо стоитъ за нихъ, но въ самомъ разгарѣ спора кто-то произноситъ слово „невѣста“. Мамелюкъ прорывается, теряетъ свою обычную сдержанность, не въ силахъ владѣть собой, не видитъ язвительныхъ улыбокъ товарищей, не замѣчаетъ таинственныхъ подталкиваній. Невѣсты—его конекъ, слабѣйшая струна его сердца, и въ сотый разъ слышитъ общество офицеровъ давно знакомую исторію о партіяхъ, представлявшихся Мамелюку въ Москвѣ: о томъ, какъ въ одно прекрасное утро явился къ нему какой-то чиновникъ съ предложеніемъ на выборъ трехъ невѣстъ; одной въ полтора мильона, другой въ мильонъ, третьей въ пятьсотъ тысячъ,—которую хочешь, ту и бери, и все дѣло разстроилось только потому, что полѣнился заѣхать къ чиновнику; и какъ потомъ онъ могъ же жениться на богатѣйшей купчихѣ-старовѣркѣ и даже облекся для этого въ полную парадную форму и цѣлый часъ прохаживался подъ низкими рѣшетчатыми окнами, изъ которыхъ изрѣдка выглядывала какая-то нарумяненная рожа.

— Зачѣмъ же полная форма? никакъ не пойму. Или плѣнить думалъ? спросилъ Юноша, останавливая потокъ рѣчей своего друга. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ беза-

попаденъ къ нему, не замѣчая впрочемъ всей горечи своихъ выходокъ.

— Не думалъ, а плѣнилъ! отвѣчалъ Мамелюкъ, обыкновенно не обращавшій ни какого вниманія на выходки Юноши и высоко ставившій свое превосходство надъ нимъ.

— А почему не женился?

— Не нашлось товарища!

— Какъ это? Ха, ха, ха... разразился юноша, дружно поддерживаемый всей компаніей.

— Очень просто, спокойно отвѣчалъ Мамелюкъ: — ихъ было двѣ сестры, богатая купчиха, да тятенькѣ вздумалось ихъ держать за десятью замками, вотъ онѣ и рѣшились бѣжать разомъ, такъ одна другую не пускала, а товарища, сколько я ни хлопоталъ, не нашлось: такъ и ускользнули миллионы....

— Сомнительно, душа моя, сомнительно! безпощадно возражалъ Юноша: — не вѣрится что-то, и купчихъ теперь такихъ, какъ ты рассказываешь, не существуетъ. Теперь, никого не плѣнишь мундиромъ, прошло это счастливое время и купчиха поуменьли.

— Я вижу, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ отвѣчалъ Мамелюкъ, — вижу, что ты и понятія никакого не имѣешь, что такое мундиръ, да еще кирасирскій? Изъ чего же я здѣсь переносу скуку, всякія неудобства и вдобавокъ сижу въ этой трущобѣ? Изъ чего? Рѣшительно изъ-за мундира! А ты-то на себя посмотри: зачѣмъ бросилъ университетъ, зачѣмъ сюда лѣзъ? Захотѣлось надѣть бѣлую фуражку да шпору — вотъ что тебя приманило!

— Я... я началъ нѣсколько озадаченный Юноша, — я вовсе не думалъ о мундирѣ... А впрочемъ и въ самомъ дѣлѣ, что меня толкнуло въ военную службу? что меня подстрекнуло?... И безпечный Юноша серьезно задумался.

— Подумай-ка хорошенько, и выйдетъ бѣлый мундиръ, утверждалъ Мамелюкъ.

— Нѣтъ, не мундиръ.

— Эй, мундиръ!

— Не мундиръ, а вотъ что. Однажды, „подъ вечеръ осенью ненасной“, утекая отъ погони, я потерялъ лѣвую калошу.

— Ну, чтоже изъ этого?

— А изъ того, что я потерялъ лѣвую калошу, вышло то, что я здѣсь, сижу съ вами.

Все общество выразило свое удивленіе и тѣсно обступило Юношу.

— Рассказать? спросилъ тотъ.

— Рассказать! непременно! подхватило общество.

— Дѣло вотъ какъ было. Студенты произвели, не помню гдѣ-то, великій скандалъ, съ побитіемъ оконъ и многихъ оконномій; вслѣдъ затѣмъ былъ балъ у одной особы въ городѣ, изъ губернской аристократіи. Насъ, студентовъ, было человѣкъ дватцать на балѣ. Подходимъ мы къ дочерямъ особы, ангажируемъ — нейдутъ: тятенька не приказалъ танцевать съ студентами. На другой день весь университетъ зналъ о томъ. И пошло, и пошло: какъ, чтó... Тутъ какъ-то вскорѣ вечеромъ собрались ко мнѣ товарищи. Пьемъ чай. — „Да что, братъ, хоть бы ты рому далъ?“ говоритъ Редниковъ. Дали рому. А Редниковъ-то, нужно вамъ сказать, въ плечахъ вотъ что такое. (При этомъ Юноша до невозможности развелъ руки.) Ядромъ въ пять пудовъ какъ мячикомъ играетъ. Нагрузился Редниковъ, — хватъ кулакомъ по столу. — „Господа, чтоже мы особу-то забыли? Мы у нея въ долгу, — надо расплатиться!“ — „Идемъ, сейчасъ идемъ!“ кричитъ компанія. Началась костюмировка: кто кучеромъ, кто лакеемъ нарядился. Запрягли моего Ваську въ большія сани. Ъдемъ. У каждого въ рукахъ горсть булыжнику, а Редниковъ ядро ухватилъ. Приѣхали. „Ну, говорю, господа! каждый въ свое окно мѣтъ, а ты, Редниковъ, вали прямо въ среднее, противъ котораго часы стоятъ....“

— Каковъ Юноша! каковъ! Съ нимъ не шутите! слышалось между слушателями.

--- Подѣхали, продолжалъ Юноша, еще болѣе обаартившись. — Минута торжественная; домъ такъ и горитъ огнями, сердце стучитъ какъ молотъ. По тихоньку слѣзаемъ съ саней... крадемся... Даю сигналъ: трескъ, звонъ, громъ... Ахъ, ахъ!.. Ядро вмѣстѣ съ часами влетѣло въ комнату... всѣ окна вонъ... Держи! лови!.. лови!.. разбойники!.. Мы въ сани да по лошади. Разными закоулками добрались до дому и сейчасъ-же ворота на запоръ — спать. Храпимъ какъ ни въ чемъ не бывало. Всѣ были совершенно довольны, только мой дядька Ардальонъ жестоко убивался о томъ, что я вернулся съ подвига въ одной правой калошѣ. Ворчить: „Угораздило-же калошу потерять! Это все одно, что голову потерять, что калошу; за добрымъ дѣломъ вѣрно ѣздили!“ На другой день весь городъ въ тревогѣ. Около дома важной особы просто гулянье устроилось, а человѣкъ двадцать стекольщиковъ работаютъ изъ всей мочи... Дня черезъ два, подымаюсь съ постели, протираю глаза, гляжу — Жуковъ, субъ-инспекторъ, сидитъ около постели; разбудить-то трусить: я ихъ всегда въ струнѣ держалъ!

Слушатели громко расхохотались.

— Чтоже тутъ смѣшнаго? вскричалъ Юноша, прини-

мая вовсе нейдущій къ нему молодецкій видъ. — Я дѣйствительно не спускалъ субъ-инспекторамъ... Ну-съ, — началъ онъ, разгораясь еще болѣе: — Жуковъ пригласилъ меня къ инспектору. Ёду. Первый вопросъ инспектора: что́ это вы дѣлаете? — „Стою передъ вами, Степанъ Степанычъ.“ — „А еще окна выставляете въ благородныхъ домахъ!“ — „Какія окна?“ спрашиваю я съ видомъ угнетенной невинности. — „Будто вы не знаете, что у Кисе—го ни одного окна въ домъ не осталось?“ — „Что вы, Степанъ Степанычъ, неужели?“ Посмотрѣлъ на меня Степанъ Степанычъ, покачалъ головой и молча указалъ на дверь. На слѣдующій день налетѣли архангелы, слѣдственная комиссія съ обыскомъ. Одинъ частный такъ усердствовалъ, что даже въ кухнѣ подъ печку залѣзъ, весь какъ чортъ выпачкался. Смѣхъ! Я говорю частному: — „Вот вы испортили мундиръ свой; хорошо еще, что это ляжетъ на гостинный дворъ.“ Полицимейстеръ на дыбы: — „Здѣсь, говорить не мѣсто остротамъ, а не угодно ли вамъ, говорить, со мной въ сани?“ — „Я не въ свои сани никогда не сажусь.“ — „Ну, полоте вздорить, ѣдьте!“ Полицимейстеръ былъ добрый малый и я согласился. Ёдемъ. Казакъ впереди, на запяткахъ стоитъ синдикъ университета и депутатъ, а сзади, на саняхъ, вся комиссія. Словомъ, помпа страшная. Какъ-разъ около озера смотрю, голуби-студенты ждуть, спрашиваютъ меня: „Не хочешь ли сойти?“ Я расфланываюсь: „Не безпокойтесь, господа!“ Приѣхали. — „Не хотите ли обѣдать?“ спрашиваетъ полицмейстеръ. — „Нѣтъ.“ — „Ну такъ позвольте намъ обѣдать; мой кабинетъ къ вашимъ услугамъ.“ Беру „Библиотеку для Чтенія“, разваливаюсь на диванъ, слышу—застучали стулья, идутъ въ кабинетъ. Бросаю „Библиотеку“ и для штуки прикидываюсь спящимъ, что вызываетъ громкое удивленіе полицмейстера и всей комиссіи. Каковъ? вотъ молодецъ, герой! Я поднимаюсь, хотѣлъ сцену разыграть—вскочить съ просонья да спрашивать: гдѣ я? что со мной?—да полѣнился.

Послѣ обѣда комиссія была несравненно веселѣе. Допросъ шелъ шуточками. Послали за моимъ Ардальономъ, старымъ дядькой. Начался допросъ.

„— Гдѣ былъ баринъ пятого числа въ двѣнадцать часовъ ночи?“

„— Извѣстно гдѣ: дома. Гдѣ-же намъ быть, коли не дома? Да мы почестъ никуда и не ходимъ,—отвѣчалъ Ардальонъ и больше ничего отъ него не добились; а стали грозить, такъ онъ и самъ разсердился, говорить: — „Не такое у насъ дитя, не такъ воспитано, а папенька-то ихъ первый человекъ въ губерніи, его всѣ господа знаютъ. Они узнаютъ, будутъ гнѣваться,—вамъ же худо будетъ, а насъ въ обиду не дадутъ!..“

Старикъ воевалъ до тѣхъ поръ, пока не наступила присяга... Тутъ скверная вышла сцена. Старикъ разрюмился, слезы рѣкой, голосъ дрожить... А тутъ еще полицмейстеръ врѣтъ ему всякій вздоръ, что за несправедливое показаніе на томъ свѣтѣ заставятъ лизать горячую сковороду. Наконецъ-то свалился камень, отдѣлались: все шито да крыто.

Бѣгу на крыльцо: „Извозчикъ!“ Вдругъ позади, въ прихожей, поднимается гвалтъ, крикъ, шумъ. Меня зовутъ, и чтобы вы думали, что я увидалъ въ прихожей? Представьте себѣ картину: среди ликующихъ полицейскихъ физиономій стоитъ мой Ардалонъ съ лѣвой калошей моей въ рукахъ! Старикъ увидалъ калошу въ прихожей и схватилъ ее какъ величайшую драгоценность... Тутъ-то меня раба божьяго потянули на цугундеръ, и пошло все какъ по маслу, и я исчезъ какъ пламень дымный изъ святилища наукъ, и вотъ я здѣсь, съ вами, — и все это благодаря моей лѣвой калошѣ.“

Компанія осталась очень довольна и поощрила рассказчика трескучимъ аплодисментомъ.

— Ну положимъ, снова заспорилъ Мамелюкъ. — Скажи же мнѣ, изъ чего ты теперь тянешь ляжку? Чтоже тебя привязываетъ къ службѣ, если не мундиръ?

Юноша быстро поднялся съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, повернулся къ обществу весь озаренный какою то необычайной восторженностью; на лицѣ его проступилъ яркій румянецъ.

— Что привязываетъ меня къ военной службѣ? началъ онъ какимъ-то ораторскимъ тономъ и послѣ минутнаго колебанія съ особенной торопливостью продолжалъ, обращаясь къ Мамелюку: разумѣется чувство долга, призваніе, а потомъ: — ты, Батя, да всѣ вы, почти всѣ — чувствую, что мнѣ необходимъ вашъ простой, честный кругъ; я только здѣсь и дышу свободно, я здѣсь въ своей родной семьѣ. Слава-богу, не вижу ни бездушныхъ, прилизанныхъ франтовъ, годныхъ только на вывѣски модныхъ портныхъ, не чувствую тягостнаго вѣсу богачей, наконецъ не возмущаетъ меня ни напыщенность аристократіи, ни омерзительное униженіе господъ средней руки, вьющихся вокругъ аристократіи. Ничего этого, отравляющаго жизнь, въ полку нѣтъ; А жизни, жизни-то сколько! Маневры ли взять — все кипитъ мчится въ боевомъ чадѣ... Себя не помнишь! А походъ? походная жизнь? Да чтоже можетъ быть лучше походной жизни?

Всѣ слушали Юноша замаялся, но въ ту же минуту вспом-

нился ему нашъ русскій солдатъ, и онъ съ новымъ жаромъ заговорилъ о солдатѣ, о великой чести быть его товарищемъ.

— Зарапортовался Юноша! шепнулъ Мамелюкъ съдоусому Батѣ, но тотъ не слушая, захопалъ въ ладоши и закричалъ что было силъ:—Браво! брависсимо!

— И непереставай такъ думать, — не слушай никого: продолжалъ Батя, крѣпко обнимая восторженнаго Юношу: никакого вниманія не обращай на франтовъ, и джентльменовъ! Они тебя не поймутъ, еще насмѣются!

— А все таки мундиръ ограетъ большую роль, особенно въ Москвѣ, такую невѣсту зацѣпишь!.. шутливо сказалъ Мамелюкъ съ улыбкой глядѣвщей въ потолокъ во все время восторженной рѣчи.

— Сомнѣваюсь, рѣшительно сомнѣваюсь! возразилъ нѣсколько уже вошедшій въ себя Юноша: — богатая невѣста ищетъ богатаго...

— А вотъ у насъ въ Саратовѣ, такъ дѣйствительно есть невѣста въ двѣсти тысячъ! щегольнулъ Блиновъ, — и если бы только меня пустили въ отпускъ...

— Полно, полно врать, Блиновъ! остановилъ штабсъ-ротмистра безперемонный Батя. Если у нея двѣсти тысячъ, такъ она двѣсти жениховъ найдетъ лучше насъ съ тобой!

— Можетъ быть за тебя-бы и не пошла обозлился Блиновъ.

— Слѣпой криво-о-му ко-о-летъ глазъ! пропѣлъ Батя.

— А все таки досадно слушать, сказалъ Мамелюкъ, въ душѣ весьма довольный неловкимъ положеніемъ Блинова:— сидитъ тутъ въ военномъ поселеніи, а тудаже спорить!..

— И еще разъ скажу, что въ наше время ты женщинъ не плѣнишь мундиромъ своимъ.

— Не вѣрить, а самъ-то что дѣлаетъ. Вотъ здѣсь, въ военномъ поселеніи, гдѣ уже слава богу присмотрѣлись къ мундиру, — и то плѣнилъ, да еще „академика въ чепцѣ“ плѣнилъ, подтрунивалъ Мамелюкъ, явно намекая на жену командира кантонистовъ.

— Пожалуста не ври! — наморщивъ брови вскричалъ Юноша и потомъ продолжалъ, обазартившись до послѣдней степени. — Да вотъ какъ: Матроночку, и ту не побѣдишь мундиромъ, хотя она и глупа и проста! я совершенно увѣренъ, что даже Матроночка тебѣ откажетъ, потому что имѣетъ какихъ то сто душъ.

Такое предположеніе словно громомъ поразило самолюбиваго Мамелюка; онъ даже нѣсколько поблѣднѣлъ.

— Не пойдеть, ни за что не пойдеть! Тоже пощеть чловѣка со ста душами, а за тебя не пойдеть!

— Пари! вскричалъ обиженный Мамелюкъ.

— Какое пари! Я никогда пари не держу, — отговаривался Юноша.

— Нѣтъ уже поздно, назадъ нельзя. Господа! надо наказать его хоть на дюжину шанпанскаго! присталъ Мамелюкъ. Держу пари на дюжину шампанскаго, что ровно черезъ мѣсяць я дѣлаю предложеніе Матрочкѣ и получаю согласіе. И говоря это, Мамелюкъ поднялся съ мѣста и рисуясь протянулъ свою руку.

— Чтоже, ты думаешь, я струшу? — И Юноша тоже протянулъ свою руку.

— Ротмистръ, разнимайте! вскричалъ Мамелюкъ, обращаясь къ Батѣ, — а васъ, господа, продолжалъ онъ относясь къ остальному обществу, — я васъ всѣхъ прошу ровно черезъ мѣсяць, то есть перваго Іюня ко мнѣ на шанпанское.

Ротмистръ рознялъ руки спорившихъ, а товарищи съ большимъ удовольствіемъ дали слово собраться на шампанское.

На другой день, не смотря на честное слово товарищей молчать до поры до времени все мѣстетко знало о необыкновенномъ пари; въ тѣсныхъ казенныхъ домикахъ, въ обширныхъ холодныхъ манежахъ, на безконечныхъ, убивающихъ своимъ однообразіемъ улицахъ только и было слышно: — Знаешь? Знаю! — Уморительная вещь! — Мамелюкъ выиграетъ! — навѣрно! — Ну это еще впереди: бабушка надвое сказала. — Пари! — да я ужъ съ Инспекторомъ. — Ну и со мной на бутылку! — идетъ!

Еще болѣе обезпокоились военныя дамы. — „Боже мой! ахъ, боже мой! кричали онѣ — вотъ мужчины. И только мужчины способны на такія вещи.

VIII

Подстрекаемый общимъ любопытствомъ, Мамелюкъ съ какимъ-то ожесточеніемъ принялся за дѣло: немедленно отправился онъ къ старому драгуну и встрѣченный самымъ ласковымъ образомъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ на хуторѣ, что называется участіемъ. Обозрѣвая поле своихъ дѣйствій и замѣчая особенное къ себѣ вниманіе Морской-волны, герой нашъ тутъ же рѣшилъ, что Волна можетъ быть

ему во многомъ полезна, и потому удвоилъ вниманіе въ старой, навязчивой дѣвѣ. Въ самомъ непродолжительномъ времени частыя посѣщенія Мамелюка имѣли уже вліяніе на мирныхъ обитателей хутора. Старый драгунъ втихомолку потиралъ руки, Волна вздыхала и просиживала цѣлыя ночи, чудныя вѣсеннія ночи, не спуская глазъ съ полного мѣсяца; подлѣ нея обыкновенно сидѣла Матрочка, молчала и тоже смотрѣла на луну. Изрѣдка являлся другъ дома, но онъ казалось, не принималъ никакого участія въ томъ, что дѣлалось вокругъ. Пріѣдетъ, наговоритъ комплиментовъ Морской-волнѣ, непременно упроситъ ее сыграть мазурку, немилосердно топая протанцуетъ съ Матрочкой и потомъ цѣлый день не отходитъ отъ стараго драгуна и вмѣстѣ съ нимъ отправится въ поле.

Мигомъ пролетѣлъ для полка май мѣсяцъ съ его парадами, ученьями и смотрами; еще скорѣй прошелъ онъ для Мамелюка, подавшаго рапортъ о болѣзни и всѣми силами и способностями устремившагося къ тому, чтобы выиграть пари и такимъ образомъ навсегда уже упрочить за собою славу непобѣдимаго ловеласа.

Пройдемъ молчаніемъ вовсе не интересную исторію его исканій. Всѣ подобныя исторіи такъ похожи одна на другую, такъ скучны и до такой степени надоели и въ повѣстьяхъ, и въ дѣйствительности, что лучше не подымать ихъ наружу; скажемъ только, что не прошло еще мѣсяца, какъ Мамелюкъ, съ свойственной ему способностью сталъ на самую короткую ногу въ семействѣ стараго драгуна. „Нашъ милый, нашъ добрый“ — вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывались о немъ мирные обитатели хутора.

Наступилъ наконецъ назначенный день и заранѣе торжествующій Мамелюкъ зоветъ товарищей на хуторъ, быть свидѣтелями его торжества, то-есть полученія руки Матрочки, а на другой день приглашаетъ на шампанское, проигранное Юношей.

Завиваются тройки, звенятъ колокольчики, дребезжатъ нетычанки, хлопаютъ бичи—и весь этотъ звонъ, громъ, хлопанье и крикъ, все это множество бѣлыхъ фуражекъ съ цвѣтными околышами,—все это, удивляя и оглушая мирныхъ поселенъ, пронеслось по узкой, извилистой улицѣ уединеннаго хутора, къ дому стараго драгуна.

Послѣ всѣхъ явился виновникъ суеты, Мамелюкъ, и вѣроятно для большаго эффекта, верхомъ на своемъ парадирѣ Робертѣ, извѣстномъ уже читателямъ.

Нѣсколько озадаченный такимъ необычайнымъ наѣздомъ, старый драгунъ успѣшилъ рассыпаться въ любезностяхъ

Въ самомъ непродолжительномъ времени бесѣда оживилась какъ нельзя болѣе. Волну усадили за фортепьяно и цѣлый часъ заставили играть мазурку. Одинъ за другимъ поочередно, какъ будто исполняя богъ-знаетъ какую важную обязанность, подходили кавалеры къ Матрочкѣ и съ большимъ азартомъ носились съ ней по залѣ. Надобно наконецъ Морской-волнѣ неподвижно сидѣть на одномъ мѣстѣ; она вдругъ поднялась и совершенно неожиданно для танцующихъ перестала играть мазурку, что поставило въ самое смѣшное положеніе знакомаго уже намъ Влинова, оставшагося среди залы съ поднятой вверхъ ногою. Громко разсмѣявшись надъ положеніемъ танцора Морская-волна съ рѣзвостью шестнадцатилѣтней дѣвушки побѣжала на балконъ, увлекая за собою толпу офицеровъ.

— Ахъ, какъ вы сегодня мило подѣхали на своемъ милomъ Робертѣ, monsieur Крипуновъ! Я просто залюбовалась вами, вы были настоящій Амалать-Бекъ,—обратилась Морская-волна къ Мамелюку, граціозно усаживаясь на верхнюю ступеньку балкона.

— А вамъ нравится „Амалать-Бекъ“? Не правда ли, чудный романъ? сказалъ Инспекторъ, съ давнихъ временъ слышій въ полку за человѣка читающаго, слѣдящаго, и потому онъ какъ-будто обязанностью считалъ вмѣшиваться въ каждый разговоръ о литературѣ и книгахъ.

— Да я его нѣскольکو разъ читала и перечитывала. Только вотъ что меня возмущаетъ: поступокъ Амалать-Бека съ полковникомъ. Гадкій Амалать-Бекъ! гадкій, гадкій, гадкій!.. взволновалась старая дѣва.

— Такой онъ и въ гимназіи былъ, вскричалъ случившійся тутъ же извѣстный враль, волостной Руликовскій: — я съ нимъ года два на одной скамьѣ сидѣлъ въ кievской гимназіи.

— Вы съ которымъ это сидѣли, съ Павломъ Иванычемъ: или съ Иванъ Иванычемъ? вышучивалъ Руликовскаго Юноша.

— Съ нимъ, съ Павломъ Иванычемъ, съ разбойникомъ! Много я отъ него потерпѣлъ!—ни на минуту не задумавшись отвѣчалъ Руликовскій.

— Ха-ха-ха!.. разомъ выпалило общество и долго потомъ на балконѣ слышны были одни громкіе перебаты веселаго смѣха.

Но Морская-волна была рѣшительно въ какомъ-то тревожномъ состояніи; ей было вовсе не до смѣха; она грустила и въ избыткѣ тоски просила Мамелюка спѣтъ что нибудь, задушевное.

Покорный Мамелюкъ немедленно скрылся съ балкона и

вслѣдъ затѣмъ, изъ отворенныхъ дверей гостиной слышались звуки разстроеннаго фортепьяно, а потомъ весьма маленкій, но вовсе не пріятный голосъ Мамелюка.

На балконѣ воцарилось глубокое молчаніе; всѣ приняли видъ внимательныхъ слушателей, и когда раздались послѣднія слова задушевнаго романа, пропѣтыя съ большимъ чувствомъ. Морская-волна, въ избыткѣ восторга принялась аплодировать пѣвцу; ее поддерживала Матрочка, считавшая долгомъ подражать во всемъ своей наставницѣ; офицеры тоже захопали: имъ было все равно, кому бы и за чтобы ни хлопать, лишь бы пошумѣть.

«Сразу съ народомъ закавказскимъ—
Тамъ пуля идетъ меня давок!..»

еще разъ съ какимъ то ожесточеніемъ повторилъ поощренный Мамелюкъ.

Въ эту самую минуту, тутъ-же гдѣ то, въ темномъ углу сада раздалась другая пѣсня: то была чудная пѣсня украинскаго соловья, неожиданная, непрошенная. Какимъ-то сладкимъ томленіемъ наполнила она сердце каждаго изъ присутствующихъ... Притихло шумное общество, притихли деревья, ниже наклонившись къ землѣ; не шелохнется травка, замеръ только-что дрожавшій листокъ—и люди и природа, казалось, застыли въ напряженномъ вниманіи. А между тѣмъ сумерки становились все гуще и гуще; садъ слился въ какую-то сплошную массу, ступевались во мракѣ лица сидѣвшихъ на балконѣ, никѣмъ невидимыя слезы лились по плававшему лицу Морской-волны—а украинскій соловей пѣлъ все громче и звучнѣе.

Подали свѣчи. Морская-волна снова вошла въ роль безной хозяйки. Всѣми силами старалась она оживить общество, не давая никому изъ присутствовавшихъ ни минуты отдыха. Языки работали такъ, какъ давно уже не случалось имъ работать: въ сотый разъ повторились давно уже извѣстные каждому анекдоты о полковомъ командирѣ и начальникѣ дивизіи, выступили на свѣтъ закулисна тайны военнаго мѣстечка. Многіе изъ отсутствующихъ жестоко пострадали, но болѣе всего досталось всякаго рода шпигель и насмѣшекъ на долю „академика въ чепцѣ“, полковой острякъ увѣрялъ даже, что Екатерина Петровна наряжалась въ мужской костюмъ и такъ каждое утро прогуливалась по класамъ кантонистовъ.

Юноша судорожно сжалъ стоявшій передъ нимъ стаканъ, а на лицѣ его выразилось сильное желаніе отправить его въ лицо остряка.

Движеніе Ююши было тотчасъ же замѣчено и подало поводъ къ новымъ островамъ и шуткамъ.

Наконецъ языки приустиали, а Морская-волна, нѣсколько одурѣвшая отъ постоянного напряженія, желая во что бы ни стало выйти изъ затруднительнаго положенія, предложила весьма невинную, но нисколько не занимательную игру въ рогатаго рыцаря.

Нехотя усѣлось общество вокругъ стола и вскорѣ послышалось извѣстное всему міру: „Я, рогатый рыцарь безъ роговъ, говорю тебѣ, рогатому рыцарю тоже безъ роговъ, что у капитулійскаго орла хвостъ золотой“ и пр. и пр.

Въ самомъ разгарѣ игры, когда все общество усачей украсилось значительнымъ количествомъ бумажныхъ роговъ, Мамелюкъ поднялся съ своего мѣста, или лучше-сказать, вынужденъ былъ подняться съ мѣста безпрерывными подталкиваніями и напоминаніями: что наконецъ пора, чтобы онъ дѣлалъ предложеніе, что скука смертельная ждаѣ.

Дѣйствительно скука смертельная была написана на всѣхъ усатыхъ лицахъ, украшенныхъ бумажными рогами.

— Куда вы? вскричала Морская-волна волѣдъ удалявшемуся Мамелюку.

— Къ Семену Семенычу, отвѣчалъ Мамелюкъ.

Онъ засталъ стараго драгуна за весьма жаркимъ разговоромъ съ жидомъ Шлемой.

— Я къ вамъ, Семень Семенычъ! вскричалъ Мамелюкъ:— мнѣ нужно поговорить съ вами по секрету.

Старый драгунъ встрепенулся и выславши вонъ жида, навострилъ уши.

— Семень Семенычъ, бойко началъ Мамелюкъ заранѣе приготовленную фразу.— Я такъ часто бываю у васъ, принять въ вашемъ домѣ какъ въ родномъ, такъ полюбилъ васъ, что за счастье почелъ бы вегупить въ ваше семейство.

Въ отвѣтъ на это старый драгунъ бросился обнимать Мамелюка, и не давши ему опомниться, кинулся вонъ изъ своей комнаты и громко сталъ звать Морскую-волну.

— Сестрица! радостнымъ голосомъ сказалъ старый драгунъ сопровождавшей его Морской-волнѣ:—поздравляю васъ, мое сердце! Вотъ они,—продолжалъ онъ, взявши руку Мамелюка,—они, сестрица, дѣлають вамъ честь своимъ предложеніемъ.

Мамелюкъ остоленѣлъ и тутъ только объяснилась ему причина особеннаго расположенія къ нему „стараго драгуна,“ явно тяготившагося игомъ, наложеннымъ на него безпокойной сестрицей, и потому такъ сильно обрадованнаго возможностью снять ненавистное иго.

— Позвольте, позвольте... я не думалъ, я совершенно другое... торопливо заговорилъ Мамелюкъ, растерявши голову... это ошибка, недоумѣніе.. я дѣлаю предложеніе вашей дочери... вашей Матренѣ Семеновнѣ.

Произошло страшное смятеніе. Морская-волна, сильно уязвленная, вся посинѣвши кинулась вонъ, а на минуту только растерявшійся старый драгунъ ни съ того, ни съ другаго кинулся на шею къ Мамелюку и началъ восторженно благодарить его за честь, но тутъ-же, придавши возможную горечь своему голосу, поспѣшилъ объявить, что дочь его давно уже помолвлена за добраго сосѣда его, пана Струтинскаго.

Старый драгунъ говорилъ совершенную правду. Матрочка едва-ли не со дня рожденія, была предназначена пану Струтинскому, какъ извѣстному въ окрестности хозяину, а главное какъ человѣку денежному, что составляло въ глазахъ стараго драгуна первое, или лучше-сказать единственное достоинство человѣка.

Не давая Мамелюку опомниться, старый драгунъ насильно потащилъ его въ залу и тамъ публично объявилъ о помолвкѣ своей дочери за пана Струтинскаго, благодаря всевышняго, что всѣ полковые добрые знакомые посѣтили его такъ кстати, въ такую радостную для него минуту.

Старый драгунъ, безъ всякаго милосердія по нѣсколь-ку разъ обლობызалъ cadaго изъ присутствующихъ, а тутъ же случившійся панъ Струтинскій пришелъ въ такой жениховскій азартъ, что вскочилъ на столъ, стоявшій посрединѣ залы, и оттуда, страшно размахивая руками, требовалъ, чтобы въ залу несли всю, какая только есть въ домѣ стараго драгуна наливку.

Мамелюкъ страдалъ невыразимо, всячески стараясь избѣгать вопросительныхъ и насмѣшливыхъ взглядовъ товарищей. Обычная увѣренность его вдругъ исчезла, гладкій лобъ перекрестился морщинами, а великолѣпно устроенная прическа какъ-будто сама собой растрепалась и волосы взерошились.

Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, Мамелюкъ ускользнулъ изъ залы, и отыскавши хлопца, приказалъ ему немедленно осѣдлатъ его парадира Роберта.

Морская-волна хотя и не показывалась, но не дремала.

Десять минутъ спустя, на дворѣ раздался конскій топотъ. Всѣ бросались къ растворенному окну. Ночь была свѣтла, какъ день и все общество ясно узнало въ скакавшемъ по улицѣ всадникѣ истерзаннаго неудачей Мамелюка.

Всгдъ ему раздался оглушительный смѣхъ товарищей. Далеко разнесся онъ въ тишинѣ ночи.

Долго еще шумѣла веселая компанія въ домѣ стараго драгуна; наконецъ зарумянилось небо, хоромъ гранули пѣтуж. — „Пора домой! нужно побрѣчься на завтра, въ Мамелюку на шапалаской!“ вышпилили другъ другу товарищи, и облобызавшись съ хохотомъ и все-еще буйствовавшимъ женихомъ, разошлись по домамъ.

Помиди всѣмъ далеко отстали отъ другихъ, ѣхали Юноша и Корнетъ. Корнетъ дремалъ, а товарищъ его мечталъ и богъ-знаетъ куда уносился, глядя на румяное небо.

— Стой! шкрякалъ мечтатель, приходя въ сильное поэтическое настроеніе. — Корнетъ преидется пѣшкомъ.

— Почему и не пройтись? отвѣчалъ на все согласный корнетъ, гнѣвно вытѣвая изъ вѣтычани.

Не успѣли они пройти нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ остановились, одинаково пораженные появившимся имъ предметомъ. На дорогѣ лежала небольшая тывва, съ торчавшимъ вверхъ лошадинымъ хвостомъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея бѣжала сонцерекая суражка.

— Видъ это Мамелюку поднесли, его суражка. Ха-ха-ха! Ужь не Волна ли подсуетила ему? вскричалъ юноша, сѣвшею же узнавши суражку Мамелюна.

— Это чертъ-знаетъ что такое! Видъ это Роберту прибрикали къ хвосту такую штуку! отвѣчала Корнетъ тщетно осматривая кончикъ хвоста. — Это чертъ знаетъ на что похоче: сгубить лепадь, первую въ полку лошадь!

Согласившись въ свѣтъ догадаться, товарищи поспѣшили съѣсть въ вѣтычанку, туда же бросили тывву съ суражкой и задыхаясь отъ смѣха, стремглавъ помесились въ мѣстечко.

— И нашли же мѣсто, куда прибивать тывву! Бѣдняга Робертъ! Бѣдняга, Бѣдняга!.. безхвостый! въ продолженіи пути твердить не-нашутку разсѣдовавшій Корнетъ, страстный охотникъ до лошадей.

Юноша хотѣла безъ умолку, живо представляя себѣ, комическое положеніе Мамелюна.

— Держу пари, что это штука Морской-волны, — прошепелъ корнетъ соображившій наконецъ всѣ обстоятельства.

→ Волну-же больше! подтвердилъ Юноша.

Предположеніе товарищій было совершенно справедливо: дѣйствительно, озлобленная Морская-Волна погубила Роберта: по ея приказанію леопиць, овладевшій его, ухитрился привязать тывву къ хвосту перадря, что, какъ известно означается въ Малороссіи формальный отвѣтъ.

IX

Разсѣяло, когда метычка съ двумя товарищами и ихъ находкой примчалась въ военное мѣстечко. На самомъ краю мѣстечка, почти вплоть у заставы, квартировалъ Батя, знакомый намъ эскадронный командиръ, никогда не разлучавшійся съ своими офицерами. Несмотря на раннюю пору дня, изъ оконъ казеннаго домика, въ которомъ квартировалъ Батя, неслись облака табачнаго дыма и слышался громкій веселый говоръ. Искушеніе было сильное: какъ не заѣхать, не показать друзьямъ свою находку?

Не выдержалъ Юноша — заѣхалъ и въ избыткѣ веселости показалъ свою находку компаніи, собравшейся у Бати, а Корнетъ поспѣшилъ передать свои предположенія и пожалѣть объ участи Роберта.

Одна часть общества приняла новость съ нѣмымъ удивленіемъ, другая, состоящая изъ завистниковъ Мамелюка, съ неистовымъ восторгомъ. Вопросы засыпали Юношу, и его спутника, тыква съ хвостомъ и бѣлая фуражка по нѣскольку разъ перебивала въ рукахъ каждаго.

— Милостивые государи! Двигайте мы всей компаніей къ Мамелюку въ гости! Я иду впереди съ тыквой въ рукахъ, ты, неси фуражку; Инспекторъ, бери хвостъ... Такъ и нагрянемъ на шампанское! — предложилъ торжествующій Блиновъ, какъ нельзя болѣе довольный случаемъ подтрунить надъ Мамелюкомъ, у котораго тщетно нѣсколько лѣтъ сряду стремился перебить заманчивую роль перваго свѣтскаго офицера въ полку.

— Двигаемъ! двигаемъ! Идемте всѣ, господа, идемте! — грянула компанія, и вотъ на главной улицѣ военнаго мѣстечка появилась толпа офицеровъ; въ главѣ ея съ нѣкоторой торжественностью выступалъ Блиновъ съ тыквой въ рукахъ, за нимъ Корнетъ несъ найденную фуражку, далѣе шествовалъ Инспекторъ и толпа офицеровъ, все болѣе и болѣе увеличивавшаяся.

— Гдѣ баринъ? что баринъ? поручикъ здоровъ? — осадилъ толпа офицеровъ оторопѣвшаго деньщика, попавшагося на крыльцѣ казеннаго домика, занимаемаго инспекторами.

— Поручика нѣтъ-съ! какъ громомъ поразилъ толпу деньщикъ: — поручикъ чуть зорька изволилъ прийти домой безъ фуражки и сейчасъ же, взявши почтовыхъ, махнулъ въ дивизию, отпустить что-ли брать. А къ вамъ есть записочка! продолжалъ деньщикъ, обращаясь къ Юношѣ.

Юноша громко прочел слѣдующее:

„Прощай, Юноша! ъду въ Москву, разогнать тоску. Если вернусь въ полкъ, такъ непременно съ барыней въ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, не иначе. Тогда-то ты, мой другъ, повѣришь мнѣ, что и въ наше время существуютъ богатые вавъсты и мундиръ возьметъ свое.

„Твой Д. Крипуновъ“.

„Р. S. Шампанское, что я проигралъ, возьми у Абрумки.

— Ну, господа, значитъ мы его болѣе никогда не увидимъ, потому что не найти ему барыни въ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ,—съ неприятворной тоской проговорилъ Юноша.

Замеръ смѣхъ веселой компаніи, смолкли шумныя рѣчи, всѣмъ стало жаль Мамелюна; каждый былъ объятъ тѣмъ неприятнымъ чувствомъ, которое невольно испытываетъ армеецъ, неожиданно потерявшій товарища, съ которымъ долго дѣлилъ все, что ни встрѣчалось пріятнаго или непріятнаго...

Казалось бы, чего жалѣть? отчего грустить и что за важная потеря? А сердце все-таки бодить и привычка свое беретъ!

Въ эту минуту, какъ-будто къ довершенію печальной картины, въ воротахъ казеннаго домика появился вороной парадиръ Робертъ. Весь въ мылѣ, безъ хвоста, проскакалъ онъ нѣсколько разъ по двору и вдругъ, какъ-будто устыдвшись своего жалкаго вида, стремглавъ кинулся со двора прямо въ чистое, широкое поле...

Х.

Конченъ общій путь инсепараблей, судьба разлучила ихъ. Юноша ходилъ повѣсивши голову: грусть ли то была по товарищѣ, или просто смущало его одиночество и куча вставшихъ передъ нимъ заботъ о существованіи, о завтрашнемъ днѣ — рѣшить трудно. Долго кочевалъ онъ изъ одной офицерской квартиры въ другую, въ сопровожденіи денщика, таскавшаго на широкой спинѣ своей всю движимость корнета.

Ходить Юноша и думаетъ, что бы ему дѣлать такое?.. Ѣхать ли къ сосѣднему помѣщику пожуировать, или щель на охоту, или даже отправляясь въ дивизионный штабъ по службѣ—Юноша, тутъ какъ тутъ, усаживается и ѣдетъ. Ему было все равно куда-бы ни ѣхать, лишь бы не сидѣть на мѣстѣ и чѣмъ нибудь наполнить время...

Наступило травяное продовольствіе. Старые офицеры, об-

лежались въ просторнѣйшій халатъ и сдѣлавши совершенную тѣму и прохладу въ своихъ крошечныхъ спальняхъ, съ наслажденіемъ утонули въ грудахъ свѣжаго, только что скошеннаго сѣна, твердо рѣшившись не одѣваться въ теченіи цѣлаго мѣсяца, между тѣмъ какъ юные товарищи ихъ вдругъ исчезли неизвѣстно куда и только одинъ полковой адъютантъ очень хорошо зналъ, что они укатили кто въ тамбовскую, а кто даже въ казанскую губернію.

Двѣять было рѣшительно нечего и потому юноша какъ нельзя болѣе обрадовался предложенію командира кантонистовъ провести у него травяное продовольствіе.

Прошла недѣля-другая. Юноша не скучалъ: на него напала какая-то небывалая душевная тишь, точно вывелъ онъ изъ душной, полной табачнымъ дымомъ комнаты, наслушавшись всякой дряни, въ ясное, безоблачное утро, и передъ нимъ развернулось зеленѣющее поле...

Утро проходило въ лѣсу, съ ружьемъ за плечами, въ обществѣ хозяина; вечеромъ—прогулка съ козлейкой, потомъ чай на балконѣ. Вотъ за вечерѣло. Гордые тополи кинули неизмѣримыя тѣни на мягкую траву; далеко несутся свѣжіе, звенящіе словно колокольчьи голоса бѣгающихъ по двору кантонистовъ и живѣе чувствуется близость снѣжной невадальки рѣки. На балконѣ завязывается разговоръ, онъ переходитъ въ споръ, а споръ тянется иногда далеко за полночь...

Чаще всего разговоръ шелъ о томъ что было ближе: о военномъ обществѣ и военной жизни. Екатерина Петровна жестоко нападала на пустоту ея, удивляясь способности большинства служить многіе годы, наконецъ сдѣлать изъ службъ, находясь постоянно въ самомъ бездушномъ, апатическомъ отношеніи къ ней.

Юноша восторженно поднялся за военную жизнь. Ему не мѣшали распространяться о прелести походной жизни и товарищества, но когда однажды онъ довольно горько заговорилъ о русскомъ солдатѣ, о великой чести быть его товарищемъ и проч., Екатерина Петровна остановила его.

— Что же вы сдѣлали для солдата, или что намерены сдѣлать? спросила она.

Юноша молчалъ.

— Вы говорили когда нибудь съ солдатомъ, знаете его?

Юноша смутился еще болѣе, а командиръ кантонистовъ энергически махнулъ рукой, сказавши, что жена его рѣшительно вооружена противъ военныхъ.

Кончилось тѣмъ, что Юноша не защищалъ болѣе военной жизни.

Этой разъ разговоръ принималъ другое направленіе. Екатерина Петровна припоминала свою петербургскую жизнь, или странствованіе по курныя пѣбамъ и жидовскимъ корчмамъ. Екатерина Петровна старалась говорить хладнокровно, но затаенное горе все-таки звучало въ словахъ ея; незамѣтно переходила она къ положенію женщины въ нашемъ обществѣ, тосковала надъ женской долей, надъ пустотой своей жизни и бесполезностью стремленій.

Возмущенный голосъ Екатерины Петровны сильнѣе словъ дѣйствовалъ на слушателей. Командиръ кантонистовъ вовсе некстати успокаивалъ жену, говорилъ, что жизнь ея вовсе не бесполезна, что вотъ она изъ него, отчаяннаго кутлы и картежника, сдѣлала человѣка, да еще порядочнаго человѣка. Напротивъ, Юноша сидѣлъ молча, только слушалъ съ большимъ вниманіемъ все, что говорила Екатерина Петровна. Все это было для него такъ ново, такъ поразительно ново, и много перечувствовалъ онъ въ эти быстро летѣвшія минуты...

Хороши были и сѣренькіе дни, когда съ утра свѣлъ дождь и выйти не было никакой возможности. Юноша доставалъ книгу, Екатерина Петровна помѣщалась подлѣ на диванчикѣ, уланъ нѣсколько по-одалъ у окна... воцарялось молчаніе и только раздавался голосъ Юноши не подымавшяго глазъ отъ книги...

Также хороши были дни проводимые Юношей вмѣстѣ съ Екатериной Петровной въ шумной, живой толпѣ кантонистовъ, — а такихъ дней было не мало.

Никогда еще въ жизни Юноша не испытывалъ такихъ тихихъ, отрадныхъ ощущеній. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ, разнородныхъ ощущеній, онъ находилъ въ Екатеринѣ Петровнѣ идеалъ женщины и кажется ни чье вліяніе въ мірѣ не въ состояніи было поколебать его высокаго о ней мнѣнія.

Между тѣмъ время шло. Кончилось травяное продовольствіе, выступили на божій свѣтъ заспанная лица старыхъ офицеровъ, отворились запертыя ставни и словно изъ земли выскочили разбѣжавшіеся воробьи. По старому руслу потекла волжская жизнь.

Юноша снова очутился въ обществѣ добрыхъ малыхъ; снова услышалъ бесѣды и споры о томъ, которая изъ волостныхъ лучше пляшетъ, чья лошадь лучше перемѣнитъ ногу, чье вино лучше...

Юноша усиливался принять участіе въ этихъ приятныхъ разговорахъ, желалъ казаться все тѣмъ же добрымъ малымъ, душею пріятельскаго крута, но шутки его не имѣли

уже прежней живости, а смѣхъ выходилъ катануши, естественный. Мѣсто же прежней шарманки и другихъ болѣе или менѣе занимательныхъ представленій замѣнили весьма колкія и нелишенные вѣрности насмѣшки надъ слабыми полковаго міра: надъ казначеемъ, квартирмейстромъ, Божуромъ и пр. Вслѣдствіе чего въ самомъ непродолжительномъ времени онъ имѣлъ нѣсколько такъ называемыхъ приятныхъ исторій.

Однажды въ ненастнѣйшій осенній день, послѣ двухдневной оргіи на одномъ эскадронномъ праздникѣ, Юноша, истерзаный, озлобленный, съ тяжелой головой, нѣсколько покачиваясь отъ изнеможенія, вошелъ въ приемную Екатерины Петровны.

— Я погибаю! сказалъ онъ, бессознательно опускаясь на кресло:—жить такъ, какъ я живу, для меня долѣе невозможно. Лучше лечь въ могилу!

Екатерина Петровна съ истиннымъ участіемъ подошла къ растерзанному Юношѣ.

Нѣсколько часовъ спустя онъ вышелъ отъ нея, но на лицѣ его не было и слѣда изнуренія и душевной муки. Онъ бодро и весело направился къ полковой канцеляріи и сейчасъ же приказалъ писарю написать рапортъ о желаніи своемъ поступить въ военную академію.

Товарищи, узнавши объ этомъ, трунили надъ Юношей:— „Да гдѣ ему! Далеко кулику... Это все академика въ чепцѣ штуки, сбивать людей съ пути истиннаго...“ — „Теперь у насъ два академика, одинъ въ чепцѣ, другой въ каскѣ—добавилъ полковой острякъ. — Ха-ха-ха!..“ Все это градомъ посыпалось на голову Юноши, но только усиливало охлажденіе его къ обществу. Крѣпко заперъ онъ дверь своей маленькой квартиры и страстно принялся за дѣло... Все существо его было объято однимъ желаніемъ труда и полезной дѣятельности.

Дѣла нашлось много, а впереди его оказалось еще больше.

— Прощайте, буйная головушка! взволнованнымъ голосомъ сказала Екатерина Петровна, провожая Юношу въ Петербургъ;—прощайте, не забывайте же насъ горемычныхъ!

На рѣсницахъ ея дрожали слезы...

Сокольскій страшно суетился, набивая телѣгу какими-то дорожными принадлежностями, а тутъ же случившіеся Корнетъ, и эскадронный Батя разошлись по окнамъ, не жала и показывать свои мокрыя лица...

Задыхаясь отъ волненія, съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ, хватаящимъ за сердце, влѣзъ Юноша на высокую переднюю телѣгу. Тройка рванулась съ мѣста, платки и су-ражки замахали въ жаркомъ, пыльномъ воздухѣ...

— Прощайте, дорогая моя Екатерина Петровна! хотѣлось Юношѣ крикнуть изъ всей мочи, но онъ не могъ этого сдѣлать: его голосъ перервался и слова замерли на устахъ.

Станціи одна за другой мелькали въ глазахъ Юноши. Онъ безсознательно давалъ на водку, безсознательно истреблялъ дорожные припасы, безсознательно пересаживался изъ телѣги въ телѣгу; голова его сильно работала: ему хотѣлось во-что бы то ни стало опредѣлить свои отношенія къ Екатеринѣ Петровнѣ... свои чувства... Онъ долго и напрасно ломалъ голову и все не рѣшался назвать ихъ уваженіемъ.

XI.

Три года спустя, въ одинъ прекрасный зимній вечеръ инсепарабли совершенно неожиданно столкнулись на Невскомъ проспектѣ.

— Чтѣ это на тебѣ, душа моя: ученый мундиръ? послѣ первыхъ выраженій удовольствія вскричалъ Мамелюкъ, съ ногъ до головы осматривая Юношу

— Да, ученый.

— А намъ, душа моя, даютъ малиновый ментигъ и бирюзовый доломанъ и къ этому, вообрази себѣ, — бѣлый султанъ!.. съ живостью перебилъ Мамелюкъ, успѣвшій перейти въ гусары.

— Поздравляю! равнодушно отвѣчалъ Юноша.

— Нѣтъ, ты вообрази себѣ: бирюза, малина и бѣлый султанъ! продолжалъ Мамелюкъ. — Я пріѣхалъ сюда экипироваться. Нельзя, душа моя: дѣлаю предложеніе, бью на тысячу душъ... Стой! да вѣдь это она, ей-богу она! Вотъ сюрпризъ! Адьё! — Мамелюкъ метнулся вслѣдъ за какими-то разряженными дамами.

Инсепарабли болѣе не встрѣчались, — да и не к чему было имъ встрѣчаться...

Валеріанъ Назарьевъ.

СТАНСЫ.

(Изъ Байрона.)

О, еслибы вмѣсто всѣхъ молній очей
Дала бы ты нѣжности волю,
Быть-можетъ они не будили-бъ страстей,
Но рай бы имъ выпалъ на долю.
Ты блещешь такою небесной красой, —
Хочя и горать твои очи, —
Что мы повергаемся въ прахъ предъ тобой,
Но выдержать взгляда нѣтъ мочи.

Когда ты природой была создана,
Въ тебѣ совершенство блистало —
И долго, благая, боялась она,
Чтобъ небо теби не призвало.

Чтобъ только избавивъ тебя — отратить
Отъ глазъ твоихъ сонны святые,
Природа должна была пламя вложить
Въ глаза до того неземные.

Съ тѣхъ поръ загорѣлся твой взглядъ роковой —
И смертнаго жжетъ и тревожить:
Онъ падаетъ ницъ предъ твоей красотой,
Но выдержать взгляда не можетъ.

Въ звезду превращенные свѣтлой звездой,
Горать волоса Береники;
Но нѣтъ тебѣ вѣста межъ ними: собой
Затмила-бъ ты звѣздные лики.

Когда-бъ твои очи заискрились тамъ,
Созвѣздія меркнуть бы стали,
И самыя солнца, подобно звѣздамъ,
Едва бы на небѣ мерцали.

И. ГЕРВЕЛЬ.

3 ноября 1862.

БЮГРАФІЯ КОТА.

ВАСИЛІЯ ИВАНЫЧА ¹⁾.

(Разсказанная имъ самимъ.)

Х.

БАТАЛІЯ МЕЖДУ ГОЛОВОЮ И СЕРДЦЕМЪ.

Потомъ, однакожь я рискнулъ жениться на этой вдовушкѣ, но таки не вдругъ рѣшился: сердце мое долго было въ разладѣ съ головою.

— Отъ чего же не жениться? говорило сердце. Ну что ты теперь? Холостякъ, особнякъ, бобыль, цыганъ, бродяга, эгоистъ, концентрированный господинъ, и больше ничего! ни себѣ, ни другимъ никакой пользы. И такъ проволочишь ты всю жизнь и состарѣешься...

— Эй, не женись! не дѣлай этой глупости! ворчала голова, поматывая; потомъ станешь почесывать затылокъ, да ужъ будетъ поздно!.. Жена не башмакъ, съ ноги не снимешь...

А сердце подхватывало:

— Отъ чего же другіе это дѣлаютъ? Женятся и живутъ же...

— Мало ли что другіе дѣлаютъ, брюзжала голова. Другіе сдѣлаются и топятся, такъ и тебѣ надо тому же слѣдовать?.. Мало видно еще дураковъ на свѣтѣ, такъ ты хочешь, чтобъ однимъ стало больше?.. Не было у тебя печали: такъ ты хочешь, чтобъ черги тебѣ ее накачали? Надоѣла тебѣ золотая волюшка, такъ ты намѣренъ испробовать, весело ли ходить въ хомутѣ и въ упряжкѣ?.. Эхъ ты, фюфанъ!

А сердце перебивало и тосковало:

¹⁾ Смотри февральскую книжку Библ. для Чт. 1863 г.

— Заболѣешь, такъ некому воды тебѣ будетъ подать напиться... Подумай!..

А голова опять отговаривала:

— Такъ для воды-то только и жениться и связать себя по рукамъ и по ногамъ?

— Милый другъ! умоляло сердце, кто какъ не любящая же на обниметь тебя и поцѣлуетъ! кто приласкаетъ, утѣшитъ и привлечетъ тебя въ минуту грусти? Кто раздѣлитъ съ тобой горе? кто пойдетъ за тобою на край свѣта? Подумай!

А голова опять пугала:

— А кто какъ не жена-сатана тебя будетъ осыпать упреками съ утра до вечера? Теперь у тебя рожа-то хоть и рыжая, да все-таки цѣлая, а тогда никто не поручится, что твою физику подчасъ изцарапають, какъ карту англійскихъ желѣзныхъ дорогъ

— Другъ ты мой, уговаривало сердце, не вѣрь. Не всѣ жены сварливыя; есть между ними и ангелы...

— Конечно, есть!.. передразнивала голова: ангеловъ между ними столько же, какъ выигрышныхъ номеровъ въ лотереѣ, — два на-сто. да и то еще много; вѣдьмы все да кикиморы, судачки да сплетницы, трещотки да кофейницы, ханжи да полоумницы, щеголихи да модницы. Попробуй, сунься-ка, испытай счастья, такъ можетъ и наткнешься на бѣлоручку, которая умѣетъ только связать мужу бисерный кошелекъ. Отошла какъ кухарка, такъ и питайся супругъ, покуда не отыщутъ другой, цѣлую недѣлю, бутерброгами съ чаемъ. Меня маменька ничему не учила, будетъ она тогда лепетать и заливаться горячими, обнимая тебя и съ трудомъ глотая ломтикъ неклеваннаго съ ливерной колбасой... И это еще хорошо! А не то просто на отрѣзъ скажешь, что она не кухарка, завивай другую!..

— Полно тебѣ слушать свой органической чердакъ-то, продолжало щебетать сердце. Ужели ты не предвкушаешь радости, видѣть вокругъ себя подобныхъ тебѣ малютокъ, будущую свою опору въ старости? Подумай то только: Петербургъ вымеръ бы, еслибъ въ него не было постояннаго притока постороннихъ народныхъ массъ!.. Онъ наполненъ холостяками, —военщиной и чиновниками, студентами и художниками, половыми и аргельщиками, фабричными и разнощиками. Одинъ развратъ и только; о

мирной семейной жизни не можетъ быть и слова. Ужель ты тоже хочешь сдѣлаться забудыгой, бульварнымъ франтомъ, таскающимся по чужимъ женамъ?

— Правда, истинная правда! сказалъ я, вздохнувъ и созвѣсившись внутренно.

— Я брошу тебя, если ты будешь повиноваться голосу сердца!.. вдругъ воскликнула голова. Или ты забылъ, что одна жена можетъ падоѣсть?.. Жена наѣдка—ужасная радость! Пойдешь со двора, потянется ея хвостъ за тобою: точно пансіонъ, выпущенный на улицу для прогулки или гуси, которыхъ гонятъ на продажу.. Придешь домой, на тебя нападетъ цѣлая ватага горлановъ, точно на царнѣ: скачутъ къ тебѣ на грудь и визжать: папаша, милый папаша! мама! мапа пришелъ!.. Удивительная пріятность! И что тоже за генераціонная за такая гордость, видѣть свою особу помножающеюся до безконечности?.. Плодливостью могутъ похвастаться только явшія животныя, мыши и кролики, блохи и другія гадовыя... геніи, большею частію бездѣтны...

— Что мнѣ дѣлать? спрашивалъ я самого себя въ отчаяніи, и почти готовъ уже былъ идти туда, куда звало сердце...

— Рожу, испаранную физіку у себя не забудь!.. загорланила голова, замѣтивъ мое движеніе. Я съ ужасомъ отшатнулся и поспѣшилъ къ тому рубежу, гдѣ величественно стоялъ холодный вождь-разсудокъ.

— Несчастный!, взывало ко мнѣ издали сердце. Куда ты стремишься? въ какую бездну? А сассапариль знакомъ тебѣ?.. ты видно не пилъ его мѣсяца два сряду? А лисья шуба лѣтомъ! Ты видно не укрывался ею при тридцати градусахъ тепла!..

— Фу! душно... воскликнулъ я, смотря на право и на лѣво. Я чувствовалъ, что лобъ у меня былъ покрытъ холоднымъ потомъ... Мнѣ чудилось, что я уже тянулъ отвратительный сассапариль и задыхался подъ лисьею шубою.

А сердце межъ тѣмъ не переставало напѣвать. И такъ нѣжно, такъ сладко урашивало:

— Тебя, причитывало оно, ожидаютъ мягкія объятія миловидной полненькой супруги. Пойдемъ со мной! Счастіе осыплетъ тебя своими сокровищами, какъ бѣлоснѣжными лепестками съ цвѣтущей яблони...

Увы! я долѣе не въ силахъ былъ противиться внутреннему влеченію, и направился туда, куда такъ манила душа...

— Лошадь! закричалъ вслѣдъ мнѣ, ругаясь, разсудокъ. Вспомнишь ты мои доводы, оцѣнишь ихъ, спохватишься, да локтя уже нѣ укусишь...

— Не слушай его, уговаривало сердце, продолжая увлекать меня. Это деспотъ, тиранъ!.. Ему бы каріатидами каменными командовать, а не существами, одаренными нѣжнымъ органпзмомъ..

— Лошадь! сто разъ повторяю — что лошадь!.. надсаждаясь горлопанилъ мнѣ вслѣдъ орало-разсудокъ. Да и того мало еще, назвать тебя лошадыю: ты заводскій жеребецъ, чувственный бегемотъ! Тебя влекутъ животныя наслажденія! Понимаешь! Счастливый путь!.. Фелисъ-Катусъ Базплиусъ, Дозиннись Фплиусъ! Побереги себя по крайней мѣрѣ отъ размягченія мозга: это нынче модная болѣзнь!..

Я уже болѣе не слушалъ моего разсудка, и радъ-радъ былъ, что вырвался изъ подъ стѣснительной его опеки. Въ ту же ночь я женился. У насъ вѣдь эти вещи дѣлаются скоро, не то что у людей: не надо спрашивать согласія родителей невѣсты на бракъ или позволенія на то начальства; и тоже не употребляется никакихъ обрядовъ или контрактныхъ обязательствъ со стороны бракосочетающихся... Можетъ, прежде что нибудь на счетъ этого и существовало, не могу вамъ доложить; но теперь не водится. Въ этомъ случаѣ коты, какъ вы сами видите, далеко опередили разумныя существа... Увѣряютъ, что и у васъ, читатель, тоже самое будетъ, но со временемъ, лѣтъ еще черезъ тысячу; потому что, говорятъ, люди боятся сразу поумнѣть и пріявиться за рациональное переустройство своего общественнаго быта. Моего они понимаютъ, что то или это у нихъ нужно бы устранить, что дѣло тогда пошло бы проще, и стоило бы дешевле, и меньше бы было грѣха,—многое, говорю, онѣ очень хорошо понимаютъ, да боятся за это пріявиться, — и жаль со старымъ расстаться...

XI.

КАКЪ ПРОИЗОШЛО БРАКОСОЧЕТАНІЕ.

Буду продолжать разсказъ о моей живннтьбѣ.
Господа! Я вамъ всѣмъ совѣтую жениться на вдовушкахъ.

Во всевозможныхъ другихъ отношеніяхъ, разумѣется, прелестны дѣвцы... Ну да словомъ: имъ всякая честь и слава, и вѣнокъ изъ бѣлоспосѣжныхъ лилій на поэтическую головку, но въ дѣлѣ жинитбы, они на мой взглядъ нигде не годятся.

Объясненія наши въ любви и союзъ сердець съ моею будущей подругой въ жизни были очень просты: нынче уже смѣшны кажутся даже женщинамъ высокопарныя выраженія кавалера, просящаго у нихъ руки. Становится передъ ними на колѣни, клянется въ вѣчной и неизмѣнной привязанности, до гробовой доски, общать сдѣлать счастливыми—все это теперь считается уже *мъщанствомъ*...

Помню, мы съ моею нарѣченной, по общепринятому въ кошачьемъ родѣ обычаю, условились увидѣться на крышѣ, на сѣнникѣ. Въ назначенный часъ я былъ уже на мѣстѣ, даже явился раньше, какъ слѣдуетъ благовоспитанному молодому человѣку, отправляющемуся на свиданіе съ любимымъ предметомъ. Ея еще не было...

Сердце мое сильно билось... Какъ хотите, а поневолѣ задумаешься, поневолѣ будешь въ волненіи: женитьба такой шагъ, который рѣшаетъ всю судьбу мужчины. Женщинамъ что!.. Объ чѣмъ имъ заботиться?.. Все доставь мужъ, откуда хочешь возьми, хоть распились. Зачѣмъ женился, скажутъ... Вотъ что тебѣ будутъ тыкать каждый разъ, когда ты будешь въ несправности!..

— Ну что, думаю, какъ ей да не угожу, не првдусь по праву!.. Вѣдь это капризничіи созданія на свѣтѣ. Самъ сатана иногда не разберетъ ихъ всѣхъ прихотей и тонкостей въ желаніяхъ.

Я сказалъ, что сердце мое колотилось, отъ волненія, въ ожиданіи любимаго созданія; а покуда оно колотилось, разсудокъ опять предсталъ и угрюмо смотря на меня, забарабанилъ своимъ громкимъ камердинерскимъ голосомъ:

— Смотри!.. предостерегалъ онъ. Не разочаруйся; что любишь въ дѣвушкѣ, то разлюбишь, когда она сдѣлается матерью!.. Объ этомъ не подумаетъ ни одна женщина, но намъ не худо на стѣнѣ зарубить!.. Это матеріальное обстоятельство и заставляетъ насъ охладѣть къ женѣ и искать опять *дѣвицу* въ другой женщинѣ...

— Отвяжись!.. сказалъ я съ досадою, отвернувшись отъ разума, тѣмъ болѣе что разгоряченное молодое воображеніе мое

уже рисовало круглыя аппетитныя формы и опытный отвѣтный взглядъ моей будущей драгоценной супруги... Я мысленно сливался уже съ ней во едино. Ея отрицательное электричество палило меня, а мое положительное сожигало весь ея составъ: мы оба сторали, уничтожались, но на прахъ нашего разрушенія возжигалась и свѣтила вѣчнымъ свѣтомъ новая жизнь!..

Но вотъ явилась та, которая такъ завладѣла моимъ сердцемъ!.. На лицѣ ея была самая обворожительная улыбка, которая сдѣлалась во сто кратъ прелестнѣе, когда милая моя вскинула рѣсницами и остановила на мнѣ свои никакою кистью не передаваемые, играющіе фіолетовыми и зелеными цвѣтами, глазки...

— Насъ съ вами надо причислить къ порядочнымъ людямъ, сказала она, продолжая улыбаться. Наша свадьба будетъ безъ бала ..

— Въ самомъ дѣлѣ, шутки въ сторону, проговорила моя драгоценная, протягивая мнѣ свою крошечную ланку, которую я пожалъ съ ловкостію англійскаго баронета. Зачѣмъ, какъ многое, до сихъ поръ не выведутъ люди изъ своихъ стѣснительныхъ обычаевъ эту тягостную церемонію угощать гостей, по окончаніи брачнаго обряда, и длить это до слѣдующаго утра?.. До того ли тогда жениху и новѣстѣ?.. Они желали бы поскорѣй предаться успокоенію, желали бы уравнять разнородныя волненія, которыя тревожили обоихъ до той поры, когда чета была уже вправѣ считать себя соединенною на вѣки.

— Оставимъ, прелестная, говорить о людяхъ, сказалъ я. Они также велики, какъ смѣшны!.. Лучше воспользуемся прекрасными минутами и насладимся.

— Скоро пролетающею взаимностью... договорила моя возлюбленная.

— Почему же скоро пролетающею? спросилъ я, цалуя ея тоненькіе пальчики. По крайней мѣрѣ, я съ своей стороны чувствую и увѣренъ въ себѣ, что...

— Не говорите этого, перебила моя супруга. Вы знаете, какъ Венера, эта высокая богиня любви по преимуществу, рѣшила споръ Юпитера, о томъ, кто любитъ пламеннѣй, мужчина или женщина? Прекрасная Афродита отдала первенство существованъ слабому, одному своему чувству преданнаго, пола... Муж-

ская любовь живетъ въ крови!.. У нихъ кровь кипитъ, и только!..

— Я думаю о постоянствѣ въ любви, заикнулся я; я того мнѣнія, что мужчина...

— Не произносите никакого мнѣнія. Я и въ этомъ случаѣ заступаюсь за женщинъ. Если онѣ и измѣняютъ своимъ мужьямъ, то всегда при этомъ бываютъ виноваты сами же ихъ благовѣрные. Ищите причину ихъ неулады, и непременно найдете, что прелестный супругъ кругомъ виноватъ: или онъ постоянно холоденъ къ женѣ, отталкиваетъ ее отъ себя, тогда какъ прежде надалъ ницъ передъ своею «небожительницею» и боготворилъ ее; или онъ увлекся другими женщинами и забылъ жену. Непремѣнно что-нибудь да есть! Вспомните, что на этотъ счетъ сказалъ Гёте:

«Verachte nicht die Frau das sie dir untreu ist, sie sucht einen beständigen Mann...» (не презирай жены своей за то, что она тебѣ невѣрна: она ищетъ постоянного мужа.)

— И это истинная правда, прибавлю я! сказала моя супруга.

— Каждый старается оправдать себя, произнесъ я осторожнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! проговорила моя подруга. Истина всегда останется истиной.

— Возлюбленная! воскликнулъ я, восхищенный ее умомъ Ты кладъ, сокровище, а не супруга! . прибавилъ я, и обнялъ ее полненькій станъ.

— И вотъ это тоже бываетъ причиной несогласія между супругами, продолжала она, именно то, что мужчина нынче въ юныхъ лѣтахъ бѣшено бросается во всѣтяжкія, чтобъ прохладить пылкій свой темпераментъ, разгоряченный пряными возбуждающими впечатлѣніями; но онъ такъ ужъ неумѣренно прохладяетъ себя, что... когда женится, то молодая супруга и встрѣчаетъ, вмѣсто мужа, красивую куклу, съ которою хорошо только прогуляться подъ ручку по Невскому... Вы вѣрно слышали что говорить о мужчинахъ Мишле? Онъ нынѣшнихъ кавалеровъ называетъ *спиртуозами*... и обвиняетъ ихъ, что эти господа, для возбужденія симпатіи, прибѣгаютъ къ вину... Какъ это отвратительно, по крайней мѣрѣ въ глазахъ женщины!..

— Да! сказалъ я, усмѣхнувшись, теперешнія наши дамы,

бѣдняжки, съ горя влюбляются въ парикмахеровъ и басистыхъ семинаровъ...

— Какая гадость! произнесла моя подруга, отвернувшись. Еслибъ не вы это говорили, то я бы не повѣрила. Неблагодарные мужчины! Это клевета на бѣдныхъ женщинъ. Справедливо писать Жоржъ-Зандъ пасквили на этотъ эгонистическій полкъ!.. Это какой-то служащій и бѣловой народъ, а не любовники...

— Не произносите, пожалуста, имени Жоржъ-Занда, сказала я.

— Это почему?

— Ненавижу женщинъ-писательницъ.

— Но эта — гонимая...

— Хоть бы разгеніальная! Не бабье дѣло писать. Женщины въ этомъ случаѣ всегда односторонни; вѣчно обвиняютъ мужчинъ, вѣчно мечтаютъ о какой-то идеальной жизни... Лирическими поэтами онѣ могутъ быть, но ни одна еще не умѣла описывать рельефно характеры... Сейчасъ видно бабье перо! Женщины плохія судьи, все равно какъ плохія правительницы государствами... Ея дѣло любить, и любить!.. У женщины это главное, это ея воздухъ, а у насъ послѣднее; и вообще эти любовшки въ романахъ такъ надобны!.. Эта болѣзненная мода новыхъ народовъ; у древнихъ ея небыло; а сколько дураковъ она надѣлала! Ее ужъ начинаютъ выживать умные писатели... Но пускай женщины любятъ, лишь бы только не сочиняли!.. Оставьте на вашу долю творить...

— Ахъ, ужъ скоро начнетъ разсвѣтать, перебила моя сожительница, желая, вѣроятно, прервать щекотливый для нея разговоръ.

Описывать ли нашу супружескую любовь? Ее столько ужъ описывали!.. Говорить ли, что когда мы сжимали другъ друга въ объятіяхъ, тогда завидуя намъ, звѣзды такъ сладко сіяли; но слаще, чѣмъ небесныя звѣзды, сверкали зеленые наши глазки. Восторженно пѣлъ соловей въ вѣтвяхъ развесистаго клепа, но еще восторженнѣе запѣли мы съ подругой наше Итальянское «фурмурияу». Нѣжно дышали желтые одуванчики, слышавъ нашъ дивный гимпъ; но еще вѣжнѣе и теплѣе дышали мы съ моею неопѣвальной... Черной жукъ взлѣзъ было на длинный тонкій стебель травы, чтобы лучше разсмотрѣть насъ, да оборвав-

пись, полетѣлъ ваземъ я, кажется, больно ушибся, несчастный; впрочемъ, въ Полицейской Газетѣ ничего не было сказано, объ этомъ случаѣ. Лагушка выпрыгнула изъ рта, сѣла на краю его, в положивъ руки на колѣни, покачивалась, квакала и похваливала любовниковъ пѣвцовъ!

— Хорошо!.. *o sempre divina aria di Rossini!* протяжно говорила она. Надо вамъ, господа, прибавила она, дать концертъ съ благотворительною цѣлью...

Ну словомъ, всѣхъ восхитило наше дивное и можно сказать оригинальное пѣніе — гротескъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, когда небо все поэтично-синее; воздухъ подкрашма-ленъ чѣмъ-то бѣлымъ и нагрѣтъ такъ, какъ будто по немъ про-вели горячимъ утюгомъ. Кругомъ тишина, не слышно даже, какъ мертвые подъ землею чихаютъ; а тутъ надъ міромъ высоко ве-сется удивительно симфоническое «фурмурияу»!

— Фурмурияу! дружно кричали мы съ возлюбленной, завывая отъ чистаго сердца и вслѣдствіе избытка чувствъ.

— Эво куда ихъ чортъ занесъ, — на другой дворъ! — слышался голосъ дворника.

— Фурмурияу! громче прежняго съ улыбкою продолжали мы врать.

Признайтесь, читатель: ну, не завидуете ли вы нашему сча-стью? У васъ прилчія, условія, законы свѣта, вы рабы ихъ; желали бы лучшаго, да не умѣете снять съ себя оковы; а мы, дѣти природы, и пользуемся ею, забывъ все въ мірѣ!..

— Фурмурияу! поемъ мы, и знать ничего не хотимъ.

— Эй вы! одры, черти! Полно вамъ!.. горланнѣлъ на насъ сосѣдскій дворникъ.

— Фурмурияу! отвѣчали мы. Дикуй вся вселенная, веселись кошачій родъ!

— *Gaudeamus, igitur!*.. Фурмурияу! Фурмурияу!

ХІІ.

ВЪ КОТОРОЙ ЕСТЬ НЕДУРНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Въ это же утро я перебрался на тотъ дворъ, гдѣ жила моя супруга. Она меня представила своимъ хозяевамъ, одной пожилой женщиной, вдовѣ - солдаткѣ, которая отдавала конурки и ком-

натяг своей квартиры художникамъ. Благодаря любезной рекомендаціи моей возлюбленной, я былъ принятъ превосходно. Правда, хозяйка сначала сдѣлала щекотливый вопросъ моей женѣ, увидѣвъ, что она прибыла самъ-другъ...

— Ну? сказала она. Гдѣ ты шлѣлась всю ночь? Ишь какого мордастаго привела съ собой... Что смотришь на меня? Проголодалась небось? На, поди, похлебай молочка...

Хозяйка налила обоимъ намъ въ небольшую тарелку молока, и поставивъ на полъ, предложила ей.

— Ну, ѣшь; а потомъ пошла заняться по домашеству.

Я думалъ:

— А что тутъ долго еще церемониться!.. Даютъ такъ бери, а бьютъ такъ бѣги... Отъ хлѣба-соли никогда не нужно отказываться!

Художники вообще хорошіе люди: у нихъ я окончательно забылъ, что значить тѣлесное наказаніе. Да и какую пользу принесло оно? Никакой! Ужъ кто родился воромъ, того не исправитъ никакое взысканіе, какъ будто у него есть въ мозгу особый бугорокъ, который подстрекаетъ на худое.

При мнѣ рассказывали про одного каторжника. Это былъ молодой парень, сибирякъ, мѣщанинъ, человѣкъ что называется тертый, съ лоскомъ, если не съ образованіемъ. У него было на столько такту, что онъ увлекъ и заставилъ полюбить себя одну дочь капитана, дѣвушку довольно воспитанную. Скоропостижная смерть его возлюбленной свихнула его!.. Онъ началъ пить, а тутъ недалеко иногда и до бѣды. Въ ссорѣ съ однимъ буянномъ онъ печальнымъ ударомъ убилъ его и былъ за то наказанъ плетями и сосланъ въ каторгу. Но такъ какъ, говорятъ, изъ рудниковъ можно-таки убѣжать, то онъ и воспользовался этою привилегіею. Но посмотрите, до чего очерствѣла душа этого погибшаго, когда онъ, вѣроятно, чувствуя себя на вѣки опозореннымъ, проклятымъ самой судьбою махнулъ рукою на все и сказалъ самому — себѣ, дескать:

— Эхъ! туда и дорога! Одинъ значить конецъ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!.. Буду рассказывать его же словами, которыя передавали при мнѣ, по случаю вопроса о наказаніяхъ. Онъ бѣгалъ съ полгода, и замѣтите, около тѣхъ все мѣстѣ, гдѣ случилось съ нимъ несчастіе, около своей родины. Его слышали,

привели въ острогъ. Чиновникъ, которому привелось его вторично допрашивать, узнавъ его и спросилъ:

— Зачѣмъ онъ зарѣзалъ татарина? Что онъ ему сдѣлалъ?

— Да вогъ за что, Илья Ильичъ: я далъ клятву передъ Господомъ Богомъ, что когда убѣгу изъ рудниковъ, то первому татарину голову долой! Такъ и сдѣлалъ. Онъ просилъ этого чиновника снять съ него кандалы, обѣщая все дѣлать, что потребуется въ домѣ.

— Если закуете, то я все равно убѣгу, а лучше же я, Илья Ильичъ, убѣгу изъ города, изъ острога, чѣмъ васъ подвергать отвѣтственности. Чиновникъ зналъ рыцарскіе нравы каторжниковъ, позволилъ ему ходить на свободѣ, и онъ у него все исполнялъ по хозяйству. кололъ дрова, носилъ воду, чистилъ сапоги и проч., и зналъ сколько ему «отсчитаютъ». Потомъ, обѣщавъ убѣжать изъ рудниковъ и явиться къ Ильѣ Ильичу. Когда пришлось разстаться, простился со всѣми его домочадцами, поклонился въ поясъ и съ грустью на лицѣ отправился, стуча цѣпями и сопровождаемый вздохами и общимъ сожалѣніемъ...

Его наказали и опять сослали въ рудники. Онъ черезъ два года опять бѣжалъ, сдержалъ слово, опять пришолъ на родину, и опять попался, за новое убійство.

— Зачѣмъ ты зарѣзалъ бабу? спросилъ его тотъ же слѣдователь.

— Да шли мы. Илья Ильичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, изъ нашей же артели, и видимъ бабъ беременная нагибается и жнетъ. Намъ и захотѣлось посмотрѣть, какъ лежитъ у ней тамъ внутри ребенокъ, и вспороли ее снизу до верху. Ну, теперь ужъ, Илья Ильичъ, не уйди мнѣ отъ васъ! Нѣ-ѣтъ! Здѣсь и косточки сложу... По зеленой улицѣ прійдется прогуляться въ двѣнадцать тысячъ... И половины не вынесешь... По мертвому ужъ будутъ достукивать... Спрашивается: что это такое? Это такое же непреодолимое преслѣдованіе самаго себя, какъ у того, кто преданъ спиртнымъ напиткамъ. Онъ знаетъ, что это его разрушить, и неудержно идетъ за какою-то страшною могучею надъ нимъ фурією-судьбою: онъ знаетъ, что этою дорогою онъ приближается къ пропасти, и очутившись у края ея, съ какимъ то безсознательнымъ воодушевленіемъ вскрикиваетъ и бросается въ бездну. Развѣ можно остановить пьяницу истязаніемъ? Развѣ въ

ту минуту, когда убійца совершает преступленіе онъ думаетъ о числѣ ожидающихъ его ударовъ плети?.. И все кто больше дѣлается преступникомъ? Не счастливецъ, избалованный сынокъ старухи — фортуны, а щедушный забитый ея пасынокъ!.. Все рубище, да нищета, да безпощадное горе затаскиваютъ сердешнаго въ проклятый омутъ!.. Развѣ мало за это лишитъ человѣка гражданской свободы?.. Развѣ значить что-нибудь здѣсь число ударовъ, количество истязанія?.. Къ чему касаться и такъ жестоко касаться человѣческаго здоровья? Развѣ оно тутъ виновато? И какая польза для остальнаго общества, одинъ-ли ударъ получить убійца или пятьдесятъ тысячъ?.. Зло было и будетъ!.. Мало-ли что перестали дѣлать, объ чемъ прежде никто и не подумалъ! Свѣтъ остался тотъ же, идеи только измѣнились и стали человѣчнѣе. Вѣдь прекращены же пытки, рваніе ноздрей, колесованіе, четвертованіе, вбиваніе подноготныхъ гвоздей!..

Нѣтъ! просвѣщеніе смягчаетъ сердце человѣка. Я замѣтилъ, что у студентовъ и художниковъ нѣтъ ни въ глазахъ, ни вообще въ чертахъ лица того жесткаго, суроваго и немолчаливаго, — всего того, что встрѣчалъ я у многихъ, у другихъ людей.

Жизнь художниковъ я не буду описывать, во первыхъ потому, что оно похоже на студенческое, а во вторыхъ потому что я не имѣлъ случая наблюдать этого особаго сорта людей; если же говорить правду, то я на нихъ нѣсколько сердитъ. Они, въ числѣ четырехъ человѣкъ, возвратившись однажды съ Петровскаго, на-веселѣ, по утру уже, выкрасили меня, для потѣхи, какъ обезьяну мандриль: щѣки сдѣлала синія, а окорока красные. Чортъ знаетъ что такое!.. Да еще, для большаго сходства, свинья эдакіе, отрубили мнѣ хвостъ. Хорошо мнѣ было показаться моею молодой жень!..

— Гдѣ это ты оставилъ хвостъ, Васенька? спросила она, конечно думая, что я былъ у хорошенькихъ и тамъ напроказничалъ, такъ онѣ взяли и отрѣзали его... Вѣдь отрѣзываютъ же камелинъ фалды у скюртуковъ своимъ адоратерамъ. Бабье подозрѣніе, — разумѣется, а тѣмъ болѣе у вдовы... Это народецъ опытный!..

— Гдѣ это ты оставилъ хвостъ, Васенька? спросила она.

— Ахъ, не спрашивай, божбошка! говорю. Въ такой перепалкѣ былъ, что аллахъ упаси!.. За отечество вступался...

— Да что такое? приставала она.

— Говорю, не спрашивай. А не то услышатъ, такъ обонхъ насъ съ тобой свяжутъ, а ноздри еще вырвутъ, не только хвостъ...

XIII.

КАКЪ ЖИВУТЬ ЛЮДИ И МЫШИ.

Продолжаю свое повѣствованіе. Послѣ разныхъ мытарствъ попали мы съ женою къ лавочнику.

Вотъ ужъ гдѣ я насмотрѣлся на нашъ православный людъ, какъ онъ грязенъ!... Тутъ слово *чистоплотность* ни къ чорту не годится! . Разсказывали при мнѣ, что есть на нашей святой Руси такія губерніи, гдѣ люди живутъ въ курныхъ избахъ, — безъ грубы то-есть: господинъ дымъ тамъ, поднявшись съ шестка или выпрынувъ изъ печки, долго летаетъ по избѣ, какъ слѣпой, растопыря руки в шаря по стѣнамъ и потолку, чтобъ найти выходъ; долго думаетъ онъ про себя, дескать:

— Да гдѣ же тутъ, Господи Боже мой, большая дырка-то, что люди называютъ дверью?...

И наконецъ нажавъ на свѣтъ и вольный воздухъ, ворвашіеся, черезъ стѣны, въ эту дырку в ударившіе его по глазамъ и по аляповатому носу, вываливаются, погулять на просторѣ. Тогда, то-есть пока печь топится, а господинъ дымъ мается, обнюхивая всѣ углы крестьянскаго курена, въ непривычный человекъ, не входите въ подобное помѣщеніе: васъ ошарашитъ такую копотью, что вы подадитесь назадъ и минутъ съ пять будете фыркать, чихать и протирать глаза, не зная, какъ повѣрить тому, чтобы въ такой чортовщинѣ могли жить люди,—тѣмъ болѣе, что въ зимнее время батюшка-морозъ, при растворенныхъ настежь, во все время топки, дверяхъ, безъ церемоніи заходитъ въ хату и, не снимая шапки и не говоря «здравствуй», располагается хозяиномъ въ горницѣ и даже готовъ выжить вонъ настоящихъ хозяевъ дома... Что же тутъ, послѣ этого всего-то, значитъ мусье ревматизмъ и разныя другія заморскія болѣзни?

Вы спрашиваете серьезно себя: какъ тутъ, при такой варварской обстановкѣ, могутъ жить люди?!.. Вѣдь люди же тоже, какъ бы они ни были, не каменные же, изъ такого же матеріалу состряпаны, какъ и мы всѣ, хоть немного и по солдаѣе...

Да и камень, и тотъ, напослѣдокъ, лопнетъ.. Какъ тутъ могутъ жить люди? повторяете вы въ недоумѣніи... Да! видно могутъ же, когда живутъ!... Мало того, что живутъ, но, такъ же, какъ и всѣ вы, сходятся между собою, сближаются, дружатся, любятъ, ссорятся, снова мирятся, заражены общими страстями, ревностью, алчностью, даже честолюбіемъ!... Ну ужъ и честолюбіемъ!.. скажете вы съ недоувѣрчивостію. Да! честолюбіемъ! что жъ такое!.. Могутъ, если вы ихъ поучите, лѣтъ черезъ десять съ небольшимъ, сдѣлаться дипломатами, даже замѣнить Меттерниха или заткнуть за поясъ Бюхнера и Бокля... Повѣрьте!

Но эти люди, пока они еще не сдѣлались Меттернихами, Бюхнерами и Боклями, живутъ въ одной комнатѣ съ коровами и теллятами. . Дѣти кричатъ и телляга мычатъ — но правда ли какая живописная картина, сколько тутъ разнородныхъ звуковъ!..

Для васъ это рѣдкость, читатель, потому что вы ѣздите на Карлсбадскія минеральныя воды или въ Бадень, подивоваться иностраннымъ чудесамъ, и ни за-что не захотите прокатиться по обширной и разнохарактерной матушкѣ Руси своей. Вы, я думаю, даже ничего не читаете объ ней?... Гдѣ, когда вамъ заниматься такимъ вздоромъ, рыться въ грязи, хоть бы для пользы отечества!..

Но придетъ время, нужда-подстрекательница къ труду и любознательности, проберется къ намъ сквозь всѣ щели, какъ лодъь подъ лѣтнее пальто и въ чердачную кануру бѣднаго канцеляриста... Тогда... впрочемъ, что говорить о такомъ отдаленномъ отъ насъ времени! Живите, веселитесь и наслаждайтесь жизнью, пока еще можно!... «Дай Богъ чтобъ шло да ѣлось а дѣло бы на умъ не шло!» говорить старинная разгульная пословица добраго, стараго времени, когда государствовалъ царь-горохъ, и буянили по всему свѣту наши могучіе русскіе богатыри, которые бывало хвастали, что они:

«Однимъ махомъ

«Семсотъ побивахомъ!...»

И всѣ бѣжали отъ нихъ съ одного страху... Теперь же не побѣгутъ!.. Теперь настало другое время, господа!..

Ну, да впрочемъ не о томъ у насъ дѣло. Дѣло же у насъ идетъ о томъ, что есть на Руси больно грязнаго качества народъ, какъ

говорятъ здѣшнія подгородныя деревенскія бабы, *больно не акуратный вокругъ себя...*

Этихъ людей можно извинить за то, что они живутъ по закоренѣлымъ своимъ преданіямъ и въ глуши, живутъ то-есть со свиньями, какъ свиньи; они не видали лучшаго; они думаютъ, что такъ и надо быть: они, какъ уродливые дикари, не встрѣчавшіе ничего, кромѣ своего безобразія, считаютъ это самое безобразіе за красоту, а нашу красоту за уродливое произведеніе. Эти люди не знаютъ что такое городъ; а тѣмъ болѣе столица. Привезите ихъ въ Петербургъ и пустите по улицѣ, они, какъ говоритъ Вельтманъ, будутъ идти и креститься, не зная что домъ, что церковь. Этими людямъ, повторяю, можно извинить ихъ грязное полускотское житье... Но что вы скажете про нашихъ мелкихъ торговцевъ-русачетовъ, которые съ-йзмала выросли здѣсь, въ Петербургѣ, между высшими противу себя слоями общества, которыхъ отцы, дѣды и прадѣды *чужали* очень хорошо что значить столичное житье, и которые между тѣмъ очень мало удалялись отъ своихъ собратій, обитающихъ въ курныхъ избахъ!..

Батюшки! чего я только не натерѣлся у этихъ поштенныхъ мелкихъ-*мышцанъ* и купечества!.. Какой грязи, пыли и сору не видалъ я у нихъ!... Черныхъ таракановъ тысячи! Это считается у нихъ признакомъ счастья.. «Господь-де благодать дому непошлетъ.» Англійскія и Нѣмецкія коммерческія конторы на Васильевскомъ Островѣ, вѣроятно, не знаютъ еще про этихъ живыхъ амулетовъ, приносящихъ благополучіе торговымъ домамъ, а то онѣ развели бы ихъ у себя миліоны, чтобы перебить славу Перейръ и Ротшильдовъ... Вмѣстѣ съ этими атрибутами домашняго счастья въ комнатахъ, занимаемыхъ мелочною лавочкою, поселяются цѣлыя скотоводства желтыхъ прусаковъ... Это самые бездольные люди; участь ихъ самая печальная, особливо же ихъ дѣтей: эти ежедневно гибнутъ сотнями, отъ своей неосторожности, во щахъ и въ кипяткѣ, въ чугункахъ... Несчастныхъ малютокъ не спасаетъ даже никто, ни родители, ни посторонніе, потому вѣроятно, что за это ничего не полагается по нашимъ законамъ; да что я говорю, никто не спасаетъ ихъ,—на этихъ утопленниковъ православный нашъ людъ не обращаетъ ровно никакого вниманія, употребляя ихъ вмѣстѣ съ перцемъ, если такой подсыпанъ въ горячее... Да впрочемъ, не одни эти малютки дѣлаются жертвою

какого-нибудь смѣлаго дѣтскаго бѣжка своего внутри очага, даже и престарѣлые родители ихъ совсѣмъ семействомъ и даже съ яйцами, сплошь и рядомъ, поглощаются пародышащимъ кипящимъ капустнымъ водоворотомъ, а потомъ вваливаются уже въ бездонный всеядный русскій желудокъ-требуху, который какъ недавно замѣчено въ «Куллербергѣ», шутить не любитъ, ничего не поподаея, долото сварить!...

Мыши и крысы однакъ, сколько я замѣтилъ, не считаются у мелочныхъ лавочниковъ певатами: ихъ каждый хозяинъ готовъ бы перевести всѣхъ, какъ волковъ въ Ирландіи, и на этотъ предметъ держать нашего брата, вашего покорнѣйшаго слугу, сирѣчь кота или кошку. По милости этого обыкновенія, мы съ женою и были приглашены къ нашему новому владыкѣ. Но я не хотѣлъ нисколько пускаться на этого рода травлю. Скажите пожалуйста, что за охота, сидѣть въ темнотѣ, не спать по цѣлымъ ночамъ, драть глаза и караулить—не пробѣжить ли гдѣ сѣрый грызунъ?... Изъ за какого благополучія стану я это дѣлать?... Изъ за того только, что печенкой-то утромъ накормятъ?... Какъ бы не такъ! что я за фоганъ!... Совсѣмъ другое дѣло охотиться съ ружьемъ или съ собаками: тамъ удалство, щекотитъ твое самолюбіе... А тутъ—спасибо тебѣ никто не скажетъ. Крайность большая трудиться даромъ!... Чиновникъ если строчитъ день-деньской, ночь-ноченскую, въ потѣ лица, и почти изъ-за одного хлѣба, такъ того хоть что-нибудь да ожидаетъ, хоть пенсіонъ, хотя шесть рублей серебромъ ежемѣсячно, по прослуженіи, честно и старательно своихъ 35-ти лѣтъ,—на махорку покрайней мѣрѣ хватить, для воспоминавія, когда будетъ курить; а если не протянетъ эти 35 лѣтъ, такъ все же навѣсятъ прыжку, и то хорошо,—иной городской посторонится, когда онъ проковыляетъ мимо его... А тутъ что? коту и этого даже не полагается!..

Я и жену отговорилъ тоже, чтобъ она не ходила на эту глупую охоту.

— Дуря будешь, сказалъ я, если пойдешь. Ужасно нужно прослать безсребренниками!.. Что намъ съ этой чести — не шубу шить....

Все это мелкое скотоводство, тараканы, прусаки, крысы и мыши въ мелочной лавочкѣ облечены особыми привилегіями—

пробовать и даже ѣсть все съѣстное, да даже залѣзая въ банки съ вареньемъ.

Я помню, какъ въ кадку съ патокой попала мышь. Долго ея грѣшное тѣло не было «сусмотрѣно» въ густой темной жидкости. Наконецъ ее вытащили!.. На вопросъ работника: куда дѣвать патоку, такъ какъ она теперь осквернена отвратительнымъ животнымъ, расчетливый хозяинъ равнодушно проблеялъ барашкомъ:

— Куда дѣвать? Продавать, разумѣется, проговорилъ онъ; не мыть же стать тебѣ ее! Какъ ее вымоешь?..

— Чтожъ? справедливо, читатель! Не правда ли?

А еще сколько образовъ во всѣхъ переднихъ углахъ было у этого человѣка!..

Эти сѣрые, коричневые и черные тунелдцы, когда наступала ночь и все въ фатерѣ успокоивалось, выходили на добычу и дѣлались хозяевами лавочки. И ужъ чего только не тащили и не волокли эти мародѣры! Чего они не кушали! И ветчины-то, и вагрусекъ, и сальныхъ свѣчъ, и мыла, и муки, — всего не перечесть. А о гречневой крупѣ нечего и говорить: та была чуть ли не на третью часть, перемѣшана съ мышиными пвлюльками, которыя напоминаютъ собою гомеопатическiя крупинки и доказываютъ, что желудокъ у этихъ звѣрковъ очень скоро варить живую пищу, — открытiе очень важное для физиологовъ...

Здѣсь я долженъ сдѣлать одно замѣчанiе, очень полезное для фармакологовъ, именно, что отъ сала и мыла, этихъ господъ, я думаю порядкомъ-таки промыливалось и просаливалось, не хуже, я думаю, какъ отъ французскихъ драстическихъ шариковъ, полезныхъ даже, будто-бы отъ косоглазiя и запоя, когда рѣшительно не вачто выпить...

Если мыши, крысы, тараканы и прусаки у насъ въ хатѣ, могли кушать бездушныя безгласныя вещества всѣхъ трехъ царствъ природы, то клопы и блохи, въ свою очередь, могли, сколько душѣ угодно и безнаказанно, по ночамъ, питаться одушевленными предметами Рязанской и Ярославской губернiи, одаренными голосомъ и правомъ выругаться во всякое время... Эти мелкотравчатыя фурiи-ехидны, съ соизволенiя Вельзевула, царя-владыки всѣхъ гадовъ и козявокъ, мстили за своихъ убитыхъ родителей.

— Вотъ же тебѣ! на же тебѣ! шипѣли наши сибѣльчаки, запу-

ская острый свой хоботокъ подѣ чешуйку верхней кожицы поѣдаемой ими жертвы...

Уязвленный, не просыпаясь, но вздохнувъ тяжело, скребалъ цѣлою горстью тѣ мѣсто, гдѣ было укушено, и затѣмъ сонная рука его опять падала для полного бездѣйствія...

Но, вѣдь ей Богу господу, пора начать новую главою, страшно какъ усталъ!... Вѣдь эдакъ пишешь пишешь—и конца вѣтъ!

XIV.

въ которой есть характерныя подробности.

Вы видѣли ли, господу какъ обѣдаютъ или ужинаютъ наши Петербургскіе мелочные лавочники? Нѣтъ, конечно. Они въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ обыденномъ своемъ домашнемъ быту, ничѣмъ не отличаются отъ деревенскихъ своихъ приѣмовъ. Въ этомъ отношеніи столица не произвела на нихъ, до сихъ поръ въ теченіе почти полутора ста лѣтъ, никакого вліянія. Плутство, тонкій обманъ, обвѣщиваніе и обмѣриваніе, это нашъ русскій мужикъ перенялъ отъ городскихъ надувалъ и мошенниковъ сейчасъ же. Точно также перенялъ онъ и вѣшній лоскъ, щегольство; но внутренно онъ не зміѣнился отъ столичнаго воздуха.. Если онъ и учтивъ, если онъ и выражается политично, лакеемъ, то все это только въ отношеніи *надувательской системы* какъ выражаются они сами и ихъ благопріятелъ. Но только затронь ихъ интересъ, пошевели эту струнку, и мой разанецъ или ярославецъ выкажетъ всю грубую свою натуру, всю свою живость. У него одна цѣль—нажить на сто двѣсти по крайней мѣрѣ. Такъ какъ онъ самъ погрязъ въ плутовствѣ, то онъ не очень обижается, если его надуетъ лучшей другъ его. Онъ здѣсь винить уже только одного себя: «оплошалъ, дескать. Ну да ништо, я и его нагрѣю, если попадется...» На бѣдность онъ смотритъ съ презрѣніемъ; на того, кто достаетъ себѣ кусокъ хлѣба тяжелыми трудами и перебивается съ гроша на грошъ — съ отвращеніемъ; и не только не скрываетъ этого, но даже старается при первомъ случаѣ это замѣтить, заглазно и вслухъ. Но за то состоятельный человѣкъ, какими бы путями онъ ни приобрѣлъ себѣ деньги, хотя бы онъ зналъ, что это всесвѣтныи воръ—въ глазахъ его этотъ господнии человѣкъ умѣишій показать себя жить какъ слѣдуетъ, и онъ преклоняется передъ его сіяніемъ...

Но вѣдь я хотѣлъ нарисовать вамъ картину, когда мелочной лавочникъ обѣдаетъ или ужинаетъ. Обѣдъ и ужинъ тутъ малочтѣмъ отличаются между собою. Начнемъ съ обѣда.

Уже двѣнадцать часовъ, — полдень. Въ сосѣдней отъ лавки комнатѣ, у окна, стоитъ не крашеный сосновый столъ; вокругъ него поставлены, кѣтъкою, четыре длинныя, не крашенныя и сосновыя же, скамейки. Какъ столъ, такъ и скамейки, относительно чистоты, могутъ поспорить съ гаваньскими мостками и, даже выиграть премію.

На столѣ, въ одной кучѣ, лежатъ уже ломти и горбушки чернаго хлѣба, а по окружности трапезы красуются всѣмъ извѣстныя блестящія желтыя ложки, называемыя, за что-то *золотыми* и которыя, смотря по привязанности къ нимъ ихъ владѣльцевъ, или лучше сказать, смотря по величинѣ рта того или другаго оплеталы, дѣлаются ихъ любимицами. Всторонѣ возвышается колодыкомъ деревянная солонка, а вмѣсто вазы съ цвѣтами, возгромоздился *кувшинъ*, съ патріотически кислымъ квасомъ.

— Не моя ложка, говорятъ иногда сѣвшій за столъ, повертѣвъ и потомъ положивъ въ сторону чужую ложку.

— Не все равно, перебиваетъ его *куфарка*-работница, не смотря на него и продолжая хлопотать около печки. Ышь и этой.

— Ну не все равно, съ серьезнымъ лицомъ перебиваетъ ее борода. Этой весь ротъ обдереть...

— Смотри какой вѣжливый, переговариваетъ его землячка, неси ему его черпалку. Той ему ложки не давай, да другой не клади...

Входятъ мужики, по приглашенію работницы, идти обѣдать. Они дружно перекрестясь, садятся за столъ, и въ ожиданіи кушанья поглаживаютъ бороды. Если хлѣбъ раньше не нарѣзанъ, то кто-нибудь изъ работниковъ принимается рѣзать его, тутъ же лежащимъ короткимъ широкимъ ножомъ, въ родѣ сапожнаго.

Между тѣмъ, ярославская красавица вытащила уже изъ печи огромнѣйшій ухватомъ огромнѣйшую и притомъ чернѣйшую и засаленнѣйшую въ мірѣ корчагу. Это-щи!..

Это васъ, жарныя горячіе, ротъ обжигающіе, сѣрыя русскіе щи, я хочу воспѣть, васъ, съ вашимъ паромъ, пахнущимъ бучоннымъ бѣльемъ, съ вашей родвою для меня капустою, съ лучкомъ, гречневой крупою и мелко нарубленными щепками, всласть

перемѣшанными, съ еще болѣе мелкими, тараканами-ярусками, молодымъ поколѣніемъ, вовсе не ожидавшимъ для себя такой славной гастрономической будущности!.. Это къ вамъ привязано такъ мое сердце! Но увы! я васъ не ѣмъ и какъ татаринъ или жидъ, въ душѣ любящій свинину, но отказывающійся отъ ней, изъ уваженія къ своей религій, долженъ облизываться и завидовать другимъ, когда уписываютъ дорогое для меня блюдо, къ которому не прикасались мои предки, внушившіе своему правнуку, правило хранить ихъ законы и обычаи, во всякомъ случаѣ священные, хотя и очень тяжелые для меня, чловѣка съ новыми понятіями и побужденіями...

Но довольно о васъ говорить, мнѣлыя сѣрые щи; не то я могу соблазниться, захотѣть испробовать васъ, и тогда горе чугунику, въ которомъ поставили васъ, чтобъ розогрѣть потомъ къ вечеру!.. Никакая преграда, никакая крышка, чортъ бы ея душу побралъ, не удержитъ меня!.. А между тѣмъ, читатель, не забудьте при этомъ и то, что плоть или кнутъ прескверная вещь, а мускулы тамъ сзади у меня нечувствительны только къ морозу; но побои производятъ, посредствомъ ихъ, удивительно непріятное ощущеніе во всемъ моемъ организмѣ... Словомъ, я врагъ тѣлесныхъ наказаній. Говорятъ, уничтоженъ кнутъ. Это хорошо. Спасибо тому, кто это предложилъ! Оставляена одна плоть... Плотью меня еще не стягали. Я думаю, тоже австроумская штука!.. Я слышалъ, что вообще всякое битье и стяганіе сохранились теперь только въ полудикихъ государствахъ, и то какъ арсенальная святиня, изъ глубокаго уваженія къ своей древней исторіи...

Но вернемся къ обѣду у моихъ любезныхъ мелочныхъ лавочниковъ.

Работница желѣзнымъ уполовникомъ налила уже щей въ большую плоскую деревянную миску, такого же золотого цвѣта, какъ и ложки, и поставила на столъ дышащую паромъ пахучую жидкость. Обѣдалы берутся за черпалки; всѣ участвыя рта растворились, и уже русыя и рыжія бороды облиты похлебкою, и обтираются рукою. Всѣ кладутъ ложки, и откусивъ хлѣбушка, умиваютъ его.

Землячка ихъ, между тѣмъ, принесла говядины на деревянномъ кружечкѣ, чистенькомъ, какъ подъѣздъ у почтамта, во всѣ дни, исключая воскресныхъ. Кто-то изъ парней взялся уже рѣ-

затъ вареныя волокна черкаскаго рогоносца, и накрошивъ вкуснаго приварка, высыпалъ во щн.

Опять бороды принялись за работу.

— Солите, коли мало посолено, говорить тонкимъ бабьимъ голосомъ ярославка.

— Нѣтъ, хорошо... перебилъ ее, еле проговоривъ чей-то полный хлѣбомъ ротъ, крѣпко занятый дѣломъ....

Улысали миску. Чисто! Молодцы!

— Чи подлить ашшо?.. спрашиваетъ таже бабенка у ѣдаковъ, бессмысленно посмотрѣвшихъ на нее, когда она подошла къ нимъ, чтобы принять со стола чашку.

— Чи подлить ашшо? спрашиваетъ она.

— Плесни маненько... отвѣчаетъ одинъ изъ натюхтерившихся шшами.

И снова принялись уплетать изъ поданной миски... И эту порцію уходили... Экие вятязи, чуть не ведро втроемъ выхлѣбали!..

Послышались желудочные звуки, съ шумомъ вылетѣвшіе изъ виѣшней пищепріемной щели, вооруженной губами и зубами, этими вторыми пальцами, какъ называлъ ихъ Гёте. Эти звуки въ физиологій названы по-латыни очень гармонически, вѣроятно вслѣдствіе ихъ музыкальности. Вы ихъ, читатель, не слышали, и потому не подмете, сколько я ни описывай. Если же вамъ будетъ угодно имѣть хотя приблизительное объ нихъ понятіе, то я доложу, что они удерживаютъ средину между *o* и *a*, то-есть произносятся совершенно такъ какъ четвертая въ русской азбукѣ гласная буква, если на ней нѣтъ ударенія, — по крайней мѣрѣ такъ предполагаютъ выговаривать эту букву наши ученѣйшіе филологи, вѣроятно подмѣтившіе это счастливое сліяніе двухъ родныхъ звуковъ у хлѣбающихъ щн и которые хотятъ примѣнить свой опытъ къ практикѣ...

Несутъ въ этой же цѣдной чашкѣ гречневую кашу, маляновую, рассыпчатую, — крушинка отъ крушинки отделяется, — обьяденье да и только! Паръ и отъ ней тоже валитъ, какъ отъ локомотива на николаевской желѣзной дорогѣ (миѣ тамъ удалось однажды быть). Ввалили въ нее русскаго масла, ложку, — двѣ, три. Ничего, не бойтесь, валите смѣло: масломъ каши не испортить. Не насытишь:

Масломъ каши,
Лаской Маши,
Спины сидѣньемъ,
Глаза глѣдѣньемъ,
Носа табакомъ,
А дурака кулакомъ.

Ишь какъ ухаживаютъ коло чашки! Экія лица то, господи боже мой! Экія головизны, котлы! А волосища-то, овинны!.. А лбищи-то,—неубьешь дубиной!.. А глазищи-то, прости ты создатель мое великое прегрѣшеніе! ровно какъ у быка пригоннаго на площадкѣ, за московскою заставой... А носищи-то! Божусь богомъ, равно луковиды вамъ, пришлепнутыя сверху лопатой, чтобы крѣпче, держались, не шатались... А губищи-то! Да такіи губаши, по милости творца небснаго, не могутъ похвастать даже тѣ льпо-образныя купидошки, что выпускаютъ воду изъ рта въ петергофскомъ нижнемъ саду. Тритоны да и только! А бородищи-то! Митрофанъ чудотворецъ Воронежскій! Я вамъ говорю, это чисто-таки можжевеловые кусты! Да и сидѣть же всякой дрянн въ этихъ кустахъ, господи помилуй всякаго православнаго!.. Щами пахнутъ, всѣмъ пахнутъ, что и толковать! а потому самому, что никогда не мочутся, сказано: отъ бани до бани въ нихъ насидеть всякой дрянн, всякая тварь можетъ находить пріютъ, даже блохи, — живой человѣкъ, разумѣется, туда мечется, сюды мечется, неколды заняться туалетомъ...

Да-съ! Это господь, творецъ всея земли, собственно можно такъ выразиться, изъ глины создалъ одного русскаго человека; отъ того онъ такой и богомольный в любви молитву и чтитъ родителей, и ему за то самое невидимо приспосылается здоровье... А ужъ здоровы-то здоровы! Еще бы! Десяти пудовый куль вскинуть себѣ крючкомъ на спину и свести съ воза въ лавку, это ему ни почемъ! За то же самое и много надо всякой пищи этому человѣку! Велика его утроба, — и господи какъ велика!..

Вона! послѣ полкорчаги умысанныхъ щей, одной ендыи каши, насыпанной верхомъ, этого мало на тронхъ! Оporожнили какъ разъ!..

Матушки! Развязали пояса!.. потомъ, крикнули и оправились... Понимаете: все что они до сихъ поръ ѣли, все это теперь провалилось, какъ въ пропасть, въ животнице!..

Работница очень хорошо понимаетъ этотъ фокусъ, и уже та-

щять скорымъ шагомъ ашшо съ полпуда развареной крупицы, будучи вполне увѣрена, что и послѣ этой порціи ничего не останется въ корытѣ, хоть вылижи...

Такъ и есть, справились! Ну богатыри, неча сказать! Не даромъ говорится, что коли работать-молъ, такъ мальчики, а что ѣсть такъ-мужички!..

Ну, теперь надо испить кваску, чтобъ прохладить и освѣжить желудочекъ...

«Слава тебѣ господи! Вотъ и наѣлся, — много ли человѣку нужно!.. Наперся щей, намялся кашки—такъ и сытъ!..»

Принимаются опять испускать давешніе гармоническіе звуки, крестя ротъ, «чтобъ лукашка не выѣзъ», а то вѣдь онъ тутъ-какъ-тутъ, оплошай только христіанская душа... Не осѣни, напримѣръ, крестнымъ знаменіемъ молока, такъ и проглотишь его въ видѣ мухи, а послѣ и скверно, и всякое навожденіе на тебя напуститъ, и захочешь пройтись на счетъ водки, и можно даже въ часть попасть...

Но больше всего вырываются эти звуки когда ѣшь исжаренный на маслѣ картофель. Тогда только и слышишь поминутно, что:

Буккр... О господи!

Нѣкоторые начинаютъ вкать, отъ быстрого охлажденія квасомъ человѣческой требушны, а кто распинается зѣвотою. Всѣ довольны, и переминаясь съ ноги на ногу, плетутся въ другую комнату, чтобъ, благословясь, снова продолжать плутовать, обѣщивать и обсчитывать...

Вотъ тогда-то, послѣ ихъ ухода, поглядѣли бы на столъ и на полъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ только-что сидѣли и оплетали наши православные. особенно если при этомъ солнышко взглянетъ на покинутую трапезу. Вотъ гдѣ столъ-то бываетъ великолѣпно улитъ щами, сплывшими съ мочальной бороды и сплеснутыми съ боковъ круглой ложки, неловко внесенной въ нищепріемную пещеру!.. Вотъ гдѣ навалено-то бываетъ хлѣбныхъ крошекъ и гречневыхъ крупинокъ!..

Впусти тогда малороссійскаго борова, такъ и тотъ захрюкалъ-бы отъ удивленія, увидѣвъ столько разбросаннаго тутъ аппетиваго добра... Это значитъ, здѣсь изволили кушать, не по картѣ, а по заказу самой широкоплечей и толстобрюхой матушки-матуры! Здѣсь Русью пахнетъ, здѣсь отдаетъ достославными преда

віями многообъятной и хлѣбородной земли варяго-гунновъ и татармановъ, скандинавовъ и чухловидовъ, когда еще лѣшіе играли въ дубравахъ въ бабки, какъ малые дѣти, водяные плясали трепака въ ледяныхъ своихъ дворцахъ, а вѣдьмы, кикиморы и колдуны завивались медициною, и лечили отъ живота и глазу нашихъ добрыхъ предковъ, непонимавшихъ причины, отъ чего человѣку на нянявахъ можно объѣсться, а потомъ сбиться съ дороги, отморозить свои грабли и ходули, или, не думая не гадая, попасть въ драку и быть поводомъ, что у тебя своротятъ челюсть или вышибутъ глядѣлку...

А знаете ли вы, читатель, что—можно или нѣтъ входить въ то заповѣдное мѣсто, гдѣ улягутся вечеромъ спать наши русапушки, напершись щами, намавшись кашкою и набухтерѣвшись квасомъ; а тѣмъ болѣе въ постные дни, когда имъ предоставляется полная свобода напихать себѣ полное чрево лукомъ, сырою капустою съ постнымъ масломъ или рѣдкою, до которой они такіе же охотники, какъ нашъ недавніе петербургскіе гости, японцы, которые по родственнымъ съ нами привычкамъ, на долго оставить по себѣ живое воспоминаніе, что есть же на свѣтѣ двюродные намъ братья... Тогда, читатель, то есть когда наши русапушки натюхтерѣвшись этими лакомыми снадобьями, разлягутся и начнутъ храпѣть—невступайте въ заповѣдный чертогъ. Правда, что вы не перепугаетесь никакихъ видѣній, къ вамъ не вылѣзетъ на ординарцы чортъ съ рогами,—потому что всѣ подобаго рода чиновники нынче считаются за штатомъ и занимаются частными дѣлами, починяютъ карманные часы или дѣлаютъ коробочки для кондитера Вольфа; правда, говорю, что васъ не озадачитъ никакое лицо изъ другаго міра, но въ вашъ обонятельный аппаратъ можетъ залѣсть такой газъ, который не годится ни на что, даже для освѣщенія Васильевского острова...

Родные отечественные газы! знакомыя всѣмъ намъ патристическія атмосферы! Вы присущны русскому человѣку! вы такъ присущны ему, какъ славянская лѣнь, а славянская лѣнь такое же неотъемлемое качество для нашего богоспасаемаго народа, какъ славянская грязь, которую, замѣчу мимоходомъ, ничѣмъ не отмоешь, развѣ въ будущихъ тысячелѣтіяхъ, и то другимъ какимъ-нибудь мыломъ, но только не сбрымъ лавочнымъ; тогда найдутъ средство, чѣмъ удалить её; если увидать, что ничего не

береть, такъ пройдутъ сперва рубанкомъ, а ужъ добьются своего! Тогда народъ будетъ хитрый, предприимчивый, не то что мы, простаки-вахлаки и лёжни... Тогда двигателемъ — архимедовымъ винтомъ въ общественной машинѣ будетъ нужда-изобрѣтательница, которой еще не знаемъ мы съ вами, читатель, — мы, избалованные, сорваны, но въ сущности добрые дѣти, случайно родившіеся, случайно пущенные въ свѣтъ и такъ же случайно проживающіе свой однообразный вѣкъ, усовершенствованія нарѣзныхъ орудій... Я вѣрю въ улучшение, въ очищеніе, и повторяю слова Шиллера:

Das alte stürzt, es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen.

(Старое разрушится, пройдетъ время, и новая жизнь зацвѣтетъ изъ подъ развалинъ).

Ну да чортъ съ ней однакожь, съ этою грязью!.. Начнемъ новую главу.

И. ГЕНСЛЕРЪ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

ПОЭТАМЪ.

(Изъ Роберта Прутца.)

Впередъ безъ колебанья!
Прекрасенъ, ясенъ свѣтъ;
Кчему твои страданья
И жалобы, поэтъ?
Кчему больныя грезы,
Стремленья сердца въ даль,
Стенанія и слезы,
И дѣвичья печаль?
Ты видишь зло, раздоры,
Вражду во всѣхъ странахъ;
Ты слышишь разговоры
О скверныхъ временахъ,
О томъ, что мѣръ, сталъ хуже,
Чѣмъ въ старыя года,
Что грезы дѣтства въ мужѣ
Размѣлились навсегда...
Ну чтожъ? пусть правда это,
Пусть мѣръ испорченъ весь, —
Обязанность поэта
Вставать за правду здѣсь;
Не женственно томиться,
Не слезы съ грустью лить,
А съ бодрымъ духомъ биться:
Мужъ долженъ мужемъ быть.
И если тѣсно станеть,
Поэтъ, въ твоей груди, —
Пускай твой духъ воспрянетъ,
Вставай и въ жизнь иди!
Являйся мѣру смѣло
Безтрепетнымъ бойцомъ;
Кого пугаетъ *дѣло*, —
Не долженъ быть пѣвцомъ.
Немало звѣздъ прекрасныхъ
Горитъ еще во мглѣ,
Сердечъ правдивыхъ, ясныхъ
Немало на землѣ.
Они пойдутъ съ тобою
Для мощныхъ, славныхъ дѣлъ;
Зови-жь ихъ за собою, —
Поэта вотъ удѣлъ!

П. Вейнбергъ.

ОЧЕРКЪ ПОСЛѢДНИХЪ

СИРІЙСКИХЪ СОБЫТІЙ ¹⁾.

Кровавыя сирійскія смуты 1860 года канули въ вѣчность, гали старинной, а между тѣмъ, должно признаться, весьма для многихъ представляютъ совершенно новую картину. Даже есть ли еще такіе «немногіе», исключая пяти-шести первыхъ дипломатовъ Европы? Чтоже касается до массы читателей всѣхъ націй, — для нихъ ливанскія событія прошли, безъ всякаго сомнѣнія, въ чрезвычайномъ туманѣ. И въ самомъ дѣлѣ, очень трудно составить себѣ хотя какое-нибудь опредѣленное понятіе объ этой вѣчной ливанской рѣзвѣ, объ этой страшной путаницѣ тамошнихъ международныхъ отношеній — на такомъ нелѣпомъ разстояніи мѣста дѣйствія, при такихъ легкихъ, отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ толкахъ газетъ. Кромѣ того, самыя послѣднія событія, эта неестественная рѣзня, облекалась какъ-будто умышленной тайной и даже, если хотите, облечена для насъ тайной донынѣ. Вполнѣ этой завѣсы, по моему полному убѣжденію, никто и никогда не приподыметъ. Можно только больше или меньше гадываться, въ чемъ сущность дѣла, взявъ во вниманіе всѣ юдящія между тамошними турками и европейцами рассказы, забывъ каждое происшествіе, какое только выплывало наружу.

¹⁾ Настоящія волненія въ Сиріи, преимущественно въ Хауранѣ, оглашены уже въ газетахъ, хотя и мало замѣченныя, придають особенное значеніе этой статьѣ, написанной уже съ годъ тому назадъ, на мѣстѣ, подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, занимавшихъ въ то время всю Европу. Лишь взглядъ автора на описанныя имъ событія и можетъ показаться, какъ самъ сознается, нѣсколько оригинальнымъ, то во всякомъ случаѣ онъ представляетъ живую и новую картину борьбы и смуты, о которыхъ мы имѣли доселѣ весьма темное и невѣрное понятіе. *Ред.*

Я жилъ на востокѣ больше года, у самаго подножія горъ, гдѣ началась рѣзня, вслушивался во все, что говорилося кругомъ, всматривался во всякое тогдашнее явленіе и намѣревъ теперь изложить передъ читателями результаты моихъ наблюденій. Можетъ-быть мой взглядъ покажется для иныхъ нѣсколько оригинальнымъ, непохожимъ на всѣ другіе: что дѣлать, я такъ разумѣю это дѣло; я не могу никакимъ образомъ отвѣчать, что все это такъ и совершенно вѣрно. По крайней мѣрѣ такъ смотреть на предметъ многія изъ лицъ, соприкасавшихся съ нимъ близко. Я держался индійскій преимущественно распространенныхъ въ тамошней массѣ, только еще нигдѣ не напечатанныхъ. Прежде чѣмъ приступлю къ изложенію самыхъ смуть, я считаю нелишнимъ познакомить читателя, на сколько могу, съ племенами, между которыми все это происходило.

Племена, покрывающія собою Ливанъ, Антиливанъ, долину Бка, Хауранскую и другія, а равно и все сирійское побережье Средиземнаго моря, составляютъ, несмотря на различіе вѣроисповѣданій и правовъ, довольно дружную семью, связанную плотно и крѣпко языкомъ и взаимными интересами. Внѣшній видъ этихъ народовъ имѣетъ въ большей части мѣстностей столько общаго въ главныхъ чертахъ, что нужно прожигъ въ странѣ я не знаю сколько времени и заняться съ любовью изученіемъ нѣкоторыхъ подробностей въ одеждѣ, иногда чрезвычайно мелкихъ, въ бритіи и небритіи бородъ, чтобы сказать сразу: вотъ это друзь, это маровитъ, а это метуалий. Что до меня лично, я весьма немного успѣлъ въ этой мудреной грамотѣ. Могу отличить хавранійца отъ ливанскаго жителя, но всѣ племена «Горы» (какъ зовутъ тамъ Ливанъ) для меня до сихъ поръ почти одно и тоже. Впрочемъ и проводники мои изъ туземцевъ точно также сбивались съ толку, когда я спрашивалъ ихъ дорогой: кто это такой? Всего удобнѣе, разумѣется, различать эти племена по нарѣчіямъ. Тутъ есть для знатоковъ языка весьма замѣтные отбѣвки. Общій же видъ сирійца таковъ: это преимущественно сухощавый, смуглый дѣтина съ хорошимъ кавказскимъ лицомъ, болѣею частію черноглазый и черноволосый. Но въ горахъ попадаются и русые. Нравственная градація идетъ въ этихъ племенахъ, какъ меня увѣрали, въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ друзь, за нимъ арабъ-музульманинъ, а потомъ уже арабы-христіане разныхъ

исповѣданій. Говорятъ, будто православные и греко-католики порядочнѣе другихъ, и даже храбрѣе, но я не слишкомъ довѣряю этому мнѣнію. Вообще восточный христіанинъ ужасная дрянь, какой бы онъ религій ни былъ. Гдѣ поставить метуали, ансаріевъ и курдовъ—я не знаю. Эти народы отодвинуты на второй планъ, прикрыты бѣльшей тайной и не выступали на сцену потому, что ихъ еще не трогала Европа. Они для нея лишены интереса какъ мелочь, а потому живутъ слава-богу довольно тихо и мирно. Поддразнить ихъ некому. Впрочемъ метуали были немного запутаны въ послѣднихъ безпокойствахъ Ливана, являсь на сторонѣ друзовъ. Но какъ задача этой политической рѣзни была имъ незнакома и непонятна (притомъ еще никто имъ не растолковалъ, что они такое: *французы*, или *анличане*), то они «не увлекались» и верѣдко заключали съ христіанами, при столкновеніяхъ, самыя семейныя сдѣлки. Такъ, ограбивъ чистопачисто Бальбекъ, безъ всякихъ убійствъ, они потомъ какъ-бы спохватились, что неладно пошутили съ сосѣдями: на чемъ имъ будетъ спать? въ чемъ готовить похлебку?—и отдали имъ опять ихъ незатѣйные тюфячки и домашнюю утварь. Это мнѣ рассказывали сами бальбекскіе жители.

Одежда обитателей Сиріи состоитъ преимущественно изъ бѣлой рубашки и машлака, иначе абы: такъ зовутъ верхнюю шерстяную одежду всякаго деревенскаго араба или бедуина—родъ бѣлаго балахона съ черными или коричневыми полосами вдоль. У почетныхъ и кто побогаче, аба бываетъ черная. На головѣ при этомъ надѣвается «кефійе», желтый платокъ съ красными полосами, прихваченный особыми обручами, которые называются *мериромъ*; а не то чалма—большую частію тотъ же платокъ, навитый на феску. Городское населеніе ходитъ обыкновенно въ суконныхъ курткахъ и шароварахъ, а на головѣ носить феску. Турецкіе хауранскіе друзы обвиваютъ голову особой оригинальной чалмой изъ бѣлой матеріи и кромѣ того надѣваютъ подъ чалму кефійе. Аба ихъ имѣетъ рѣдкія *синія* полосы. Друзъ Ливанской горы часто сливается со всякимъ другимъ арабомъ, если не смотрѣть на бороду, которую друзъ брѣветъ. Впрочемъ брѣвютъ ее также иныя христіане. Очень многіе изъ сельскихъ жителей ходятъ въ особыхъ курточкахъ, при шароварахъ темнаго цвѣта, а сверхъ курточекъ носятъ бѣлый доломанъ, шитый черными шнурами, который на-

зывается *кубрань*. Въ такой же одеждѣ я видалъ иногда и друзей. Пожалуй, почти такъ же одѣваются и аватолійскіе турки. Бѣлый кубранъ грубой шерстяной матеріи, шитый черными шнурками, распространень по востоку очень широко. Кубранъ можетъ быть также синий, черный, или вообще темный, изукрашенный золотомъ. Это у богатыхъ.

Бедуины не носятъ ничего, кромѣ рубашекъ и машлаковъ, имѣя при этомъ на головѣ кефіе и очень рѣдко чалму.

Вообще въ горахъ вы видите чаще всего *машлакъ* и *кефіе*.

Жизнь этихъ народовъ проходитъ немудро: это или пастыри, въ родѣ Исава и Иакова, или «вертоградари» (я никакъ не рѣшаюсь сказать «садовники»: это будетъ для нихъ очень великолѣпно) и земледѣльцы, въ самомъ древнемъ значеніи этихъ словъ, съ допотопными орудіями и приемами въ своихъ работахъ. Потомъ — мухры, то-есть извозчики, предлагающіе проѣзжимъ своихъ ословъ и лошадей. Дальше слѣдуютъ просто-запросто неопредѣленные бродяги, готовые на всякую профессію. Наконецъ торганы чѣмъ случится, даже, у городскихъ христіанъ, своими женами и дочерьми, въ самыхъ цивилескихъ размѣрахъ. Причемъ арабъ, этотъ, по мнѣнію нашихъ географій, типъ ревнивца, будетъ сидѣть и курить спокойно кальянъ, смотря какъ вы любезничаєте съ его подругой или вообще какой-нибудь родственницей. Я видѣлъ по этой части собственными глазами самая невѣроятная вещи. Если вамъ понравилась женщина и вы захотите вступить съ нею въ близкую связь, адресуйтесь прямо къ мужу: это самая вѣрная и несомнѣнная дорога къ успѣху. Минуя ее, вы сильно промахнетесь.

Масса въ сирійскомъ народѣ — пустышніи существа, которыя хлопчуть только о томъ, какъ бы ничего не дѣлать. Грустная, отпѣтая, неплодотворная раса, или, лучше сказать, неудачное смѣшеніе всевозможныхъ расъ, бременившихъ эту славную землю поочередно, въ разныя эпохи. Стоить проѣхаться по Ливану, хоть только до Бальбека, по тѣмъ убійственнымъ тропинкамъ, гдѣ ступалъ конь Александра-македонскаго и гдѣ ступить непремѣнно и вашъ (ибо иначе ступить невозможно), стоитъ взглянуть на эти истинно-допотопныя дороги, чтобъ потерять къ тамошнимъ жителямъ всякое уваженіе. Если верблюдъ обронилъ невзначай камень или бревно среди узкой горной дороги, и безъ того едва-едва проходимой, — не думайте, чтобъ этотъ камень

потрудились отодвинуть, для очищенія пути. Нѣтъ, будутъ черезъ него шагать, будутъ его объѣзжать, ругаясь по-своему довольно крѣпко, но ни за что не сдвинуть, хотя-бъ для этого было достаточно самаго легкаго толчка ногою. Я сдѣлалъ съ этой стороны многое множество самыхъ горькихъ наблюденій, напоминающихъ очень близко «славься-славься нашу мать Россію».

Но такъ ли, не такъ ли, эти безотрадные, отпѣтыя племена, жили, какъ я уже вамъ сказалъ, довольно дружно, то-есть не богъ-знаетъ въ какомъ лѣду, но и не въ ссорѣ. Даже, по-своему, они наслаждались жизнью гораздо больше многихъ цивилизованныхъ націй. У нихъ «чѣмъ дальше въ лѣсъ» и отъ вниманія Европы, тѣмъ было лучше и тѣмъ рѣже слышали вы о *нищихъ*. Были бѣдные и даже очень бѣдные люди, но *нищихъ*, подобныхъ тѣмъ, которые наводняютъ Европу и составляютъ ея безпокойство и несчастіе, не было вовсе. На шумныхъ своихъ базарахъ, гдѣ крики этихъ чудаковъ похожи для европейскаго уха на вѣчную, нестерпимую перебранку, никто бы не замѣтилъ и подобія будочника. Словомъ, съ неба свѣтило удивительное солнце, въ берега плескало удивительное море, а они сто тысячъ вѣковъ сряду толкались невозмутимо и единообразно на своихъ базарахъ, покуривали наргилѣ, не думая ни о чемъ сильно обременяющемъ голову — и были счастливы. Эмиръ-Беширъ, или кто-нибудь въ родѣ его, рубилъ каждый день по головѣ и больше, а странныя, неприхотливыя племена были все-таки счастливы и довольны. Даже чѣмъ больше рубилось головъ, тѣмъ больше питалось уваженія къ рубившему и его имя проносилось въ роды и роды. Я не говорю, чтобы между этими племенами не происходило иногда кое-какихъ кровавыхъ столкновеній, «домашнихъ, старыхъ споровъ, взвѣшенныхъ судьбою»: это было, но было естественно, «безъ постороннихъ внушеній», вытекало изъ причинъ, выросшихъ на тѣземной почвѣ. И вдругъ Европа предъявляетъ какія-то странныя права на устройство этихъ областей, по ея мнѣнію «несчастныхъ».

Конечно, всякій пойметъ, сколько тутъ истиннаго соболѣзнованія о несчастіи «ближняго». Такія соболѣзнованія начались довольно давно... Въ минуту, о которой идетъ рѣчь, положеніе Сиріи было таково: Франція утвердила свое владычество почти во всѣхъ портахъ, отъ Триполя до Акры. Бейрутъ сдѣлался

какъ-бы столицей и центромъ ея политическихъ дѣйствій. Въ немъ сосредоточилась торговля тамошняго востока. Въ горахъ заведено множество филатуръ; основаны училища и благотворительныя общества. Распущены даже ученые «гробокопатели», которыхъ командиръ, академикъ Ренанъ, написавшій недавно очень известную книгу, подавалъ «печатные» рапорты императору... Казалось, нужно еще немного — и вся эта область, *Бейрутъ съ Ливаномъ и окрестными мѣстечками*, самая существенная часть Сиріи, обратится въ совершенную Францію. Но вотъ бѣда: мѣшаютъ *друзы, покровительствуемые Англіей*. Друзы—это бѣльмо на глазу сирійской Франціи; друзы—лучшее горное племя, эти, какъ ихъ называютъ нѣкоторые изъ ихъ поклонниковъ, «рыцари» Ливана! Необходимо было ихъ, если не стереть съ лица земли вовсе, то по крайней мѣрѣ отодвинуть куда-нибудь въ сторону, наиримѣръ въ Хауравъ, эту тамбовскую или саратовскую губернію того края, съ жирнымъ черноземомъ, въ рамѣ неприступныхъ горъ, завалившихся за которыя, эти милые люди сами не захотѣли бы возвращенія вспять, или — можно бы было *такимъ образомъ устроить*. Тогда въ существенно-интересномъ пунктѣ Сиріи, въ Бейрутѣ и его окрестностяхъ, была бы распорядительницей «одна Франція». Англія было бы тамъ не къ чему притрагиваться. А что до «православныхъ», хотя и многочисленныхъ обитателей Ливана — это не важность. Они, правда, толкуютъ о какомъ-то покровительствѣ Россіи, но дѣтей учатъ во французскихъ школахъ, относящихся къ русскимъ заведеніямъ того же рода въ Ливанѣ, какъ «Collège de France» къ уѣздному училищу Якутска. Кто посмысленнѣе изъ этихъ такъ-называемыхъ православныхъ, тотъ уже давнымъ-давно въ душѣ своей католикъ и шельма. А чисто-православнымъ остается единственно какой-нибудь арабъ-дубина, ничего несмыслящій, лишенный всякаго чутія къ вѣянію Европы и ея интересамъ.

Итакъ нужно только порѣшить съ друзами: выгнать ихъ изъ Ливана; но крѣпко засѣли эти «рыцари» въ своихъ заповѣдныхъ, наследственныхъ ущеліяхъ и крѣпко ихъ любятъ. Они ихъ такъ любятъ, что вдругъ озарились очень умною и практичною мыслью, несвойственною горамъ Ливанскимъ: они стали съ нѣкотораго времени *избѣгать столкновеній* со своими сосѣдями маронитами, понимая очень хорошо, *чѣмъ тутъ пахнетъ*.

Незадолго до печальной катастрофы марониты были *положительно сильныя друзья* (обыкновенно думаютъ наоборотъ). Друзы имѣли полное право остерегаться непріязненныхъ стычекъ съ этимъ народомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ народъ получалъ отъ времени до времени таинственныя пособія пороховъ и оружіемъ. Являлся какой нибудь турецъ близъ люднаго маронитскаго селенія, рисовалъ, пилъ кофеи, окруженный любопытными зѣваками, и потомъ скрывался, «забывъ боченокъ»... Товія, маронитскій епископъ, прейдоха первой степени, подстрекаемый французскими бакшишами, работалъ въ горахъ и возбуждалъ свою «паству» противъ друзовъ. Друзы сильно трусили въ это время и даже послали къ маронитамъ заложниковъ, умоляя не начинать распрей. Тогда Англія, державшая конечно ухо остро, пошла себя вправѣ вмѣшаться въ это дѣло. На востокъ былъ посланъ нѣкто Алиссонъ, человекъ отлочно знакомый со страной и съ ея діалектами. Онъ ободрилъ друзовъ, объѣхавъ всевозможныя ихъ селенія. Въ то же время Англія внушала туркамъ, что имъ необходимо, при столкновеніи друзовъ съ маронитами, употребить военную силу для поддержки первыхъ, ибо иначе будетъ плохо: марониты восторжествуютъ и въ Сиріи начнетъ господствовать не Турція, а Франція. Турція повяла эти вещи очень хорошо и разослала тайныя приказы къ разнымъ военнымъ начальникамъ главныхъ городовъ и мѣстечекъ Сиріи. Кажется нѣтъ сомнѣнія, что такіе приказы очутились въ карманѣ дамасскаго мушира Ахмеда-паши и бейрутскаго мушира Куршидь-паши, а ужъ эти написали къ другимъ отъ себя. Турція, какъ думаютъ нѣкоторые, хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ для очистка Сиріи, если можно, отъ всего ненавистнаго ей и мѣшающаго ея политикѣ франкскаго населенія. Тутъ дѣйствовалъ конечно не большой Абдуль-Меджидъ, собиравшійся отойти въ вѣчность, а наследникъ престола, теперешній султанъ Абдуль-Азизъ и его партія. Извѣстно, что наследники восточныхъ престоловъ обыкновенно располагаютъ умы въ свою пользу поддержкою стараго фанатизма и обѣщаніемъ ниспровергнуть всякія европейскія нововведенія. Англія подвернулась тутъ очень кстати. Безъ Англіи турки бы ничего подобнаго не смѣли и подумать.

Вспышка произошла, какъ извѣстно, въ маѣ 1860 года. Кто началъ — богъ-нѣсть. Было все подготовлено такъ, что ожидали

только искры. То ли друзь, то ли маронитъ велъ каваго-то осла по базару и толкнулъ кого-то: такъ разсказываютъ. - Весь Ливанъ въ виду Бейрута, запылалъ въ одинъ мигъ. Пламя катилось отъ деревни къ деревнѣ. Вы знаете изъ безчисленныхъ описаній, что послѣдовало затѣмъ; какъ вспыхивали возстанія одно за другимъ — въ Дамаскѣ, въ Захлѣ, Маржѣ, Кабельясѣ и готовилась рѣзня въ Бейрутѣ, которую остановилъ появившійся совершенно случайно въ бейрутской бухтѣ русскій фрегатъ «Илья-Муромецъ». Надо знать, что въ то время не было никакихъ военныхъ судовъ въ Бейрутѣ и потому «Илья-Муромецъ» произвелъ эффектъ. Говорили, что за нимъ идетъ цѣлый русскій флотъ, и какъ вообще бываетъ въ тѣхъ краяхъ, восточные политикны опредѣлили мигомъ, что даже и Константинополь подвергается опасности; а болѣе рѣшительные увѣрили, подмигивая, что онъ ужъ и взять, что это имъ извѣстно навѣрное...

Самыя ужасныя сцены произошли въ Дамаскѣ. Двадцать-тысячъ христіанъ зарѣзано чуть не въ одинъ день. Остервенѣніе дошло до того, что женщины и дѣти, не рѣшаясь участвовать непосредственно въ дневныхъ кровавыхъ свалкахъ, приходили въ разрушенныя христіанскія жилища по ночамъ и *оканчивали* разрушеніе, разбивая камнями мраморы половъ и фонтановъ, выковыривая изъ стѣнъ дорогія мозаики, обдирая кору съ апельсиновыхъ и другихъ деревьевъ — и скоро христіанскій кварталъ представилъ изъ себя улицы Севастополя, близкія къ бастионамъ. Такъ работалъ дикій фанатизмъ остервенѣлаго музульманства. Конечно, тутъ ужъ были не одни марониты и друзы...

Событія *въ томъ видѣ, какъ онѣ случились*, были совершенно неожиданнымъ явленіемъ для Европы. Ни Франція, ни Англія, ни самъ султанъ (я разумѣю Абдулъ-Азиса) никакъ не полагали, что шалуны разыграются до такой степени и принудятъ Европу послать на востокъ коллективную комиссію для «устройства сирійскихъ дѣлъ». Этому не ожидали; но возстаніе вообще, какова бы ни было размѣра, предчувствовалось многими, и прежде всего Франціей. Кажется Наполеонъ приказалъ Абдель-Кадеру, въ случаѣ всышки въ Дамаскѣ, быть готовымъ на защиту христіанъ, обѣщавъ притомъ ему престолъ Сирія. Въ этомъ духѣ пущено было Франціей нѣсколько брошюръ. Самъ ли Наполеонъ далъ такое приказаніе Абдель-Ка-

дору, или это случилось вследствие распоряженій французскаго консульства, я не знаю; несомнѣнно только то, что двѣ-тысячи алжирцевъ Абдель-Кадера были собраны неподалеку отъ Дамаска еще за *два недѣли* до возстанія. За двѣ недѣли говорилъ объ этомъ нашему консулу Лянюсу, управлявшій тогда французскимъ консульствомъ въ Дамаскѣ. Консула, Утрея, не было...

Можетъ-быть вы спросите: какіе-жъ такіе *алжирцы Абдель-Кадера*? и притомъ такъ много: двѣ-тысячи? Я вамъ скажу, что ихъ даже больше: *пять-тысячъ*, если вѣрить словамъ Абдель-Кадера, котораго я спрашивалъ объ этомъ лично два раза, и оба раза получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: *пять-тысячъ*. Этихъ алжирцевъ, будто-бы къ нему приближенныхъ и не могущихъ безъ него жить, французское правительство «устроило» въ окрестностяхъ Дамаска для какихъ-то извѣстныхъ ему цѣлей. Это ничто иное, какъ французское войско Сиріи, прикрытое шапкой-невидимкой. Теперь, какъ я слышалъ, Англія хлопочетъ объ удаленіи оттуда этихъ молодцовъ, если только они уже не отправятся.

Рѣзня въ Дамаскѣ произошла 27 іюня 1860 года. Въ воздухѣ носилось уже что-то такое... За недѣлю или за двѣ ребятишки писали вездѣ кресты и плевали на нихъ. Нашъ консулъ, предвидя, что пожаръ скоро вспыхнетъ, послалъ къ туфекджи-баші (начальнику полиціи) за охранной стражей для консульства. Туфекджи-баші отвѣчалъ, играя словами, что теперь вѣтъ «ни консула, ни онсула»¹⁾. Тогда нашъ консулъ пошелъ къ Лянюсу, дабы условиться насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій относительно ихъ общей безопасности, и едва только достигъ его порога, какъ сказали, что русское консульство горитъ; а затѣмъ вспыхнула и патриархія. Мятежъ распространился... Десятокъ-другой алжирцевъ довольно скоро показался во дворѣ французскаго консульства, и прикрытые ими, Лянюсъ съ нашимъ консуломъ, одѣвшись притомъ арабами, переправились въ домъ Абдель-Кадера. Однако нашъ консулъ почувствовалъ тамъ очень скоро «такого рода неловкость», что рѣшился, подъ защитой незначительной кучки турецкихъ солдатъ, пробраться въ цитадель сквозь яростныя толпы народа и едва не погибъ.

¹⁾ Европейское и арабское названіе «консула».

Картинные алжирцы. эти истые дѣти пустынь, костлявые, темные, съ какими-то углами вмѣсто глазъ, отправленные «спасать христіанъ», весьма недолго выдерживали свой официальный характеръ—и бросились съ народомъ грабить. У одной старухи православнаго исповѣданія былъ отнятъ ими ящикъ съ драгоценными каменьями. Когда она пришла къ драгоману Абдель-Кадера просить заступничества передъ эмиромъ, его драгоманъ потребовалъ съ нея пятьсотъ франковъ. Такихъ сценъ было очень много. Что такое тутъ дѣлалъ самъ Абдель-Кадеръ, этого никто не знаетъ. Между тѣмъ поднялся страшный шумъ въ газетахъ и на пѣннаго эмира посыпались ордена первыхъ державъ Европы. Одна Россія нѣсколько медлила.

Между тѣмъ честный музульманинъ Нури, не подстрекаемый ровно никѣмъ, отстоялъ самымъ безкорыстнымъ образомъ мейданскій кварталъ Дамаска и сваялъ отъ разграбленія тамошнюю православную церковь. Этому долго не давали ничего, потому что за него не хлопоталъ никакой Наполеонъ и французскіе журналы не выставляли на видъ его подвига.

Надо замѣтить, что православные арабы Дамаска имѣли обыкновеніе, послѣ обѣдни въ воскресные дни, сходитья въ греческомъ патріархатѣ, частію для бесѣдъ съ духовенствомъ, частію просто-запросто промочить горло ракіей. Когда патріархатъ сгорѣлъ, христіане стали сходитья у Нури и назвали его домъ *маленькимъ патріархатомъ*. Они сходятя тамъ до сихъ поръ и я видѣлъ однажды, въ іюнѣ прошлаго года, какъ вмѣстѣ съ народомъ пришелъ изъ церкви въ «маленькій патріархатъ» и нашъ православный епископъ со всеѣмъ своимъ причтомъ, и я ожидалъ (подъ вліяніемъ всей оригинальной сцены, при этой дружбѣ и задушевной простотѣ отношеній хозяень-музульманъ къ гостямъ-христіанамъ), что Нури и его дѣти вдругъ какъ-нибудь по ошибкѣ подойдутъ подъ благословеніе нашихъ поновъ. Тутъ-то я понялъ, какъ все это близко, какъ все переищено и какъ странно въ этой «все-таки одной и той же арабской семьѣ» появленіе посторонняго судьи во фракѣ. Миѣ стали понятны и эти взаимные подкупы во время назначенныхъ потомъ европейскихъ судовъ, и вся неописанная кутерьма и путаница очныхъ ставокъ, и миліоны противорѣчащихъ одно другому показаній...

Умный Фуадъ-паша говорилъ комиссарамъ съ самаго начала, что въ ихъ судахъ не будетъ никакого проку, что это совсѣмъ не то, и не нужно...

Но мы должны воротиться нѣсколько назадъ. Рѣзня кончилась. Ошеломленная Европа уставила глаза... Необходимо было дать Турціи урокъ. Комиссары первыхъ державъ стали готовиться къ отплытію по волнамъ Средиземнаго моря...

Между тѣмъ Наполеонъ, подъ видомъ скорѣйшаго возстановленія спокойствія на берегахъ Сиріи, отправилъ туда, въ противность всевозможнымъ трактатамъ и ни съ кѣмъ не совѣщавшась, восемь тысячъ своихъ зуавовъ, подъ начальствомъ эlegantнаго и благовоспитаннаго генерала Бофоръ-д'Опуля. Отправленіе этого отряда въ Сирію представило образецъ новѣйшихъ военныхъ движеній и заботливости начальства, справедливо берегущаго здоровье и моральное состояніе своей великолѣпной арміи. Соображено рѣшительно все, не только относительно людей, составлявшихъ отрядъ, но даже лошадей и муловъ. Были наведены предварительныя справки о качествѣ сырійскаго сѣна и овса, и такъ какъ первое оказалось не того достоинства, къ какому привыкли французскія лошади и мулы, то и снаряжены особые транспорты прессованнаго сѣна съ береговъ Франціи. На Расъ-Бейрутѣ ¹⁾ нагородились цѣлыя пирамиды этого добра, стоявшія тамъ очень долго послѣ. Для солдатъ привезенъ въ большихъ запасахъ любимый ими табакъ *капораль*. Нельзя было смотрѣть безъ глубокаго чувства уваженія на такія дѣйствія французскаго военнаго министерства. Зуавы уже разгуливали по сосновымъ рощамъ, насаженнымъ знаменитымъ Фахръ-Эддиномъ въ началѣ пути къ Дамаску; даже построили себѣ театрикъ «Aux Pins, à la pointe des Blagueurs», безъ чего никакъ не можетъ быть французская армія, и открыли спектакли... а комиссары только еще собирались въ дорогу.

Надо знать, что это древнее войнство пользуется до нашихъ временъ весьма неудобными и странными привилегіями таскать за собою все свое семейство. Ни главнокомандующій арміей, ни капитанъ корабля не имѣютъ этихъ правъ и какъ-то обходятся

¹⁾ Бейрутскій мысъ, вправо отъ главной пристани, гдѣ находятся склады угля французской пароходной компаніи «Messagerie impériale».

во время движения армій и флотовъ безъ чадъ и домохладцевъ, ибо призвано, что «вола нѣжнаго стыдливый херувимъ», то милое и ни съ чѣмъ несравненное существо, передъ которымъ мы привыкли падать на колѣни,—очень мило, говоря вообще, но неудобно въ серьезныхъ приложеніяхъ къ жизни. Тутъ нѣжный херувимъ промываетъ сейчасъ страшнѣйшіе безпорядки. Самымъ опаснымъ херувимомъ, при возстановленіи спокойствія въ Сиріи, оказалась супруга французскаго комиссара, madame Béclard, хорошенькая молдованка, окруженная вѣчными роємъ вздыхателей. Видно на всякую старуху бываетъ проруха: такъ и Наполеонъ промахнулся, отправа на востокъ Бекляра вмѣстѣ съ Бекляршей. Однако дѣло сдѣлалось: Бекляръ поплылъ. Почти въ одно время съ нимъ тронулся и нашъ. Если уже старая рутиня должна была торжествовать и комиссары должны были двинуться не иначе, какъ со своими комиссаршами, то боги ничего не могли лучше придумать, какъ послать русскому обществу Бейрута такую комиссаршу, какою явилась Марья Николаевна Новикова, озарившая Ливанъ такимъ блескомъ, какого онъ не видывалъ рѣшительно никогда, несмотря на свою глубокую старость. Я говорю это совѣсть не ради патріотизма. Ъдкіе стихи французовъ по поводу ливанскихъ событій, не пощадившіе ровно никого, даже и Бекляра, не нашли ни единого пятнышка въ нашемъ ясномъ солнцѣ и лучшій, даже благозвучнѣйшій куплетъ написанъ, какъ-бы невольно, въ честь Россіи.

Австрійскій и прусскій комиссары прибыли почти вмѣстѣ съ русскими и французскими.

Австріецъ Вегбекеръ былъ сухощавый и высокій господинъ, чисто-австрійскій дипломатъ, хорошо ѣздившій верхомъ и молодецки дравшійся на раширахъ. Легкій, тонкій, какъ гусиное перо. Взглянувши на него, можно было увидать сію минуточку, что гимнастика и танцы заняли немаловажную долю въ его воспитаніи. Что до его комиссарства, онъ обязанъ былъ имъ слѣдующей исторіи: бывши въ Смирнѣ генеральнымъ консуломъ, онъ схватилъ, самымъ австрійскимъ способомъ, венгерца Косту и отправилъ на свой пароходъ, который долженъ былъ скоро отчалить восвояси. Но Коста былъ американскій подданный; друзья его тотчасъ дали знать объ его арестѣ американскому консулу, а тотъ немедленно предписалъ своему фрегату, по счастью для Косты сто-

явшему тогда на смирнскомъ рейдѣ, — остановить во что бы то ни стало австрійскій пароходъ. Фрегатъ подошелъ къ послѣднему, навелъ пушки и свѣсилъ надъ ними дымящіеся оштыли. Косту выдали. Затѣмъ Австрія сочла за нужное сдѣлать Вегбекеру выговоръ и даже удалить его отъ должности. Но штука его поправилась; при первомъ удобномъ случаѣ его повысили: онъ назначенъ былъ въ Сирію комиссаромъ.

Прусскій комиссаръ, душа-Рефусъ, былъ, къ удивленію, едва ли не самый неудачный. Онъ смотрѣлъ отставнымъ селадомомъ. Вѣчно розовый, веселый, благоуханный, Рефусъ устроилъ себѣ уютную квартиру въ сжатыхъ нѣмецкихъ размѣрахъ и признавался безъ церемоніи своимъ пріятелямъ, что любезная его Пруссія отпускаетъ ему ужъ черезчуръ немного на расходы.

Австріецъ и Бекляръ жили также довольно непритомливо. За то русскій и англійскій (о комъ сейчасъ будетъ рѣчь) гремѣли.

Какъ съѣхались эти господа, въ какомъ именно порядкѣ, — я въ точности не знаю. Кажется можно сказать, что они собрались почти въ одно время, къ началу сентября 1860 г. Известно только, что англійскій комиссаръ, лордъ Дѣфферинъ, уредилъ всѣхъ. Это былъ изящный и учтивый джентльменъ, имѣвшій видъ ручнаго ястреба некрупной породы, хорошо выношеннаго и немного осовѣлаго вслѣдствіе того, что его давно не брали на охоту. Глаза его смотрѣли какъ-то особенно томно, даже немного сонно. Онъ былъ такъ тихъ, такъ тихъ съ виду, что не приведи Богъ. Но тутъ-то и скрывалась глубочайшая пучина надувательства. Еслибъ вы взглянули, когда онъ садился на коня и махалъ часовъ въ десять, въ двѣнадцать въ Дамаскъ по этимъ дьявольскимъ дорогамъ, вы бы оцѣнили эту некрупную породу ястребовъ и открыли бы въ ней такія черты и свойства, какихъ у лорда въ обществѣ дамъ никто и не чаялъ. Лордъ былъ очень плотояденъ и сухо, невозмутимо жестокъ, какъ политика Англій, несмотря на его томные взоры. Вы сейчасъ это увидите.

Прилетѣвъ въ Бейрутъ безъ всякой жены, совершенно налегкѣ, какъ слѣдовало комиссару умной и прайтической державы (впрочемъ и Пруссія, влекущая свой хвостъ за политикой Англій, подражала ей и въ этомъ случаѣ: Рефусъ былъ также не женатый), лордъ Дѣфферинъ увидѣлся столько съ французскимъ консуломъ и спросилъ его: «можетъ ли онъ сѣздить для прогулки

въ Дамаскъ, не возбуждая этимъ никакихъ особенныхъ толковъ?» Графъ Бентиволіо, эффектный, воистинный представитель Франціи въ Бейрутѣ, отвѣчалъ: «чтожъ, ничего!» Впрочемъ я думаю, и всякій другой на мѣстѣ Бентиволіо отдѣлался бы въ этомъ случаѣ почти такимъ же отвѣтомъ: такъ велъ разговоръ лордъ Дёфферинъ и такое далъ ему направленіе. Онъ помчался въ Дамаскъ въ тотъ же день легкой птицей. О немъ и другомъ англійскомъ бедуннѣ, полковникѣ Барнаби, рассказывали по поводу ихъ легкихъ экскурсій въ Дамаскъ совершенныя чудеса. Барнаби, по увѣренію этихъ рассказовъ, прискакалъ однажды изъ Дамаска въ Бейрутъ въ десять часовъ, чего не дѣлала никогда самая экстремная арабская почта и рѣшительно никто изъ мѣстныхъ жителей. Вотъ какихъ нужно комиссаровъ въ Сиріи, если ужъ только нужны комиссары.

Фуадъ-паша, глубокій турокъ и тонкій политикъ, безъ сомнѣнія самый даровитый изъ фесконосцевъ нашей эпохи, производилъ въ то время судъ и расправу въ Дамаскѣ. Онъ *зналъ все*. У него никакъ не хватало духу казнить людей, получившихъ «васчетъ этого» форменныя предписанія отъ своего правительства. Ему было просто-запросто отвратительно возиться съ этимъ дѣломъ и еще, въ заключеніе, отдавать Европѣ отчетъ во всякомъ своемъ движеніи. Онъ чувствовалъ, какъ никто, глубокое нравственное паденіе своего отечества. Онъ медлилъ казнями: хотѣлъ можетъ-быть затянуть и кончить ничѣмъ. И точно, судя по всѣмъ законамъ челоѣчества, казнить было некого; а ужъ если казнить, то казнить весь Дамаскъ, отрубить двѣсти-тысячъ головъ разомъ...

Ахметъ-паша, сидѣвшій подъ арестомъ, говорилъ своимъ друзьямъ, кладя руку на лѣвую сторону своего сертука: «вотъ гдѣ мое оправданіе!» Когда его припугнули, шепнувъ ему, что подобныя вещи говорить невыгодно, что можетъ выйти *очень плохо*, — Ахметъ-паша струсился и просилъ своихъ друзей, кому болталъ всякій вздоръ, забыть его слова, и объяснялъ движеніе руки къ карману тѣмъ, что будтобы онъ разумѣлъ въ этомъ случаѣ «свое сердце».

Всѣ думали, что казней не будетъ вовсе, но вдругъ приказалъ Дёфферинъ — и въ тотъ же самый день въ глухо-закрытомъ дворѣ цитадели раздалось четыре залпа: эскъ-муширъ Ахмедъ-паша, полицмейстеръ и еще двое ближайшихъ къ нимъ военныя начальниковъ Дамаска отошли въ вѣчность... Фуадъ-па-

ша, какъ Пилатъ, умылъ руки предъ народомъ. Такъ говорила объ этомъ событіи цѣлая Сирія. Я только повторяю общій голосъ, никакъ не больше. Дѣло темное; кто его знаетъ, какъ оно было!..

Лордъ Дѣфферинъ *немедля* воротился въ Бейрутъ. Это было въ самыхъ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца 1860 года.

Необходимо читателю взять во вниманіе, что наслѣдникъ турецкаго престола, теперешній султанъ Абдуль-Азизъ, патворивъ такихъ чудесъ и давъ фанатическія предписанія своимъ будущимъ подданнымъ, естественно самъ испугался скандала передъ главами Европы и началъ хлопотать всѣми мѣрами, чтобы скрыть слѣды своихъ дѣйствій: обобратъ карманы или даже, въ случаѣ необходимости, снять головы съ опасныхъ болтуновъ, чтобы они не огласили мрачную тайну. Нѣтъ сомнѣнія, что Фуадъ-паша посвященъ былъ во все, и отправляясь изъ Константинополя, видѣлся съ Абдуль-Азизомъ и получилъ отъ него рѣшительныя наставленія. Но вѣдь царствовалъ еще Абдуль-Меджидъ. Ктому же въ Турціи наслѣдникъ престола не всегда будущій султанъ. Фуадъ-паша, какъ мы видѣли, медлилъ казнями «по разнымъ соображеніямъ». Онъ хотѣлъ обойтись какъ-нибудь такъ. Болтуновъ между тѣмъ хватали. Одинъ дивизионный генералъ, Мустафа-паша, не обращалъ на себя вниманія до тѣхъ поръ, пока не сказалъ кому-то, что и у него *есть кое-что въ карманъ*. Его тутъ же взяли подъ стражу.

Надо думать, что лордъ Дѣфферинъ привезъ Фуадъ-пашѣ какія-нибудь новыя уполномочія и неотразимое убѣжденіе въ томъ, что Абдуль-Азизъ «будетъ царствовать». Необходимость повелѣвала дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ ловкіе царедворцы.

Здѣсь можно замѣтить, что Фуадъ-паша рассчитывалъ въ то время кончить вовсе не такъ, какъ онъ кончилъ, то-есть быть не великимъ визиремъ, а вице-королемъ Сиріи и Палестины, въ родѣ Сандъ-паши египетскаго. Англія могла поддерживать его въ этихъ надеждахъ и обѣщать ему свою полную помощь, съ тѣмъ, чтобы онъ тянулъ ея руку и дѣлалъ то, что ему предпишутъ съ береговъ Альбіона.

Что касается «собственно» понятія о казняхъ — отрубить одну голову или двѣсти, — словомъ, что до процесса уничтоженія человѣчества, въ какомъ бы то ни было видѣ и размѣрѣ, разстрѣливаніемъ, или вѣшаньемъ, на это Фуадъ-паша смотрѣлъ

очень просто, какъ человекъ восточнаго закала и воспитанія. Онъ могъ производить эти вещи съ совершенною легкостью и невозмутимостью. Если онъ медлилъ, то медлилъ единственно потому, что казнить было нелѣпо и, какъ онъ полагалъ сначала, даже противно интересамъ Турціи. Но когда его убѣдили, что *никакъ нельзя*, онъ сдѣлалъ ту же минуту распоряженіе очень спокойно.

Вслѣдъ за казнію Ахмета-паша и трехъ сановниковъ, Еропейцы рекомендовали Фуаду-пашѣ, какъ необходимую и полезную мѣру, казнить еще сотню-другую какихъ-нибудь негодяевъ, сидящихъ въ острогѣ, и притомъ казнить официально, на открытомъ мѣстѣ. Когда отданы были приказанія по этой части, въ городѣ сейчасъ распространились слухи, что будутъ сажать на колъ и вѣшать на «джингѣлъ», какъ вѣшаютъ говядину, ребромъ за крюкъ. Восточный человекъ всегда въ этомъ случаѣ *заблуждѣтъ* дальше и подскажетъ своему правительству такія штуки, о какихъ оно и не мыслить.

Многимъ дамаскинцамъ хотѣлось поглядѣть на старья, любезныя казни, вышедшія изъ моды. Однакожъ ихъ желаніе не исполнилось. Человекъ полтора ста разныхъ мошенниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые содержались въ тюрьмѣ больше году и ничуть не были причастны къ послѣдному возстанію, — выведено было за городъ и разстрѣляно самымъ обыкновеннымъ способомъ, въ виду народа. Народъ опустилъ голову...

Послѣ ходили слухи, что Ахметъ-наша подиѣнненъ, но это сущій вздоръ. Его дѣйствительно разстрѣляли.

Мнѣ случилось быть въ его конюшнѣ и видѣть тамъ самыхъ рѣдкихъ лошадей востока. Одну воровую, неслышанной красоты, продавали всего за двадцать-тысячъ піастровъ, *пятьсотъ р. с.* на наши деньги, — и не нашлось охотника: было неловко.

Фуадъ-паша пріѣхалъ послѣ казней въ Бейрутъ, сохраняя на своемъ лицѣ то плутоватое спокойствіе и ту полуулыбку, которыя почти никогда не оставляютъ его лицо.

Тотчасъ начались засѣданія комиссаровъ. Въ самомъ первомъ изъ нихъ былъ предложенъ Дѣфферину вопросъ: «почему онъ не дождался товарищей въ Бейрутѣ и одинъ ѣздитъ въ Дамаскъ?» При этомъ поставили ему на видъ неблагоприятныя и невыгодныя слухи, распространившіеся въ народѣ насчетъ этого. Лордъ Дессе-

ривъ отвѣчалъ, что его поѣздка не имѣла никакой другой цѣли кромѣ простой прогулки, и что другаго отвѣта онъ дать не можетъ; но подъ конецъ засѣданія, отвѣдя въ сторону Бекляра, онъ говорилъ съ нимъ очень крупно... Что они говорили, этого никто кромѣ ихъ не знаетъ. Вѣроятно Дёфферинъ сообщилъ между прочимъ Бекляру, для руководства на будущее время, во всё предстоящія засѣданія, что молъ дѣло въ сущности идетъ между ними двумя: Англія и Франція! а что прочее все вздоръ: пестрая, сложная обстановка в больше ничего. А что если онъ ѣздилъ въ Дамаскъ, то этому нужно было *непрѣменно случиться*. Казнень Ахметъ-паша — и этому *нужно было случиться*; и все это имѣетъ еще не такія вещи, чтобы *имъ* ссориться. А *другимъ* господамъ до этого нѣтъ дѣла.

Почти одновременно съ открытіемъ комиссарскихъ засѣданій взяты подъ стражу бейрутскій муширъ Куршидъ-паша и начальникъ ливанскихъ друзей Саидъ-Джемблатъ. Всѣ были увѣрены, что ихъ также ожидаетъ казнь.

Куршидъ-паша былъ обыкновенный турокъ, но Саидъ-Джемблатъ выступалъ изъ ряда турецкихъ правителей и былъ на свой паи довольно хорошо образованъ. Кромѣ того онъ постоянно находился въ сношеніяхъ съ англичанами, учился у нихъ политическому уму-разуму, неукоснительно вѣрилъ въ ихъ силу и защиту и былъ въ тоже время арабъ и плутъ первой степени. Онъ проводилъ всѣхъ консуловъ и состоя въ ближайшихъ связяхъ съ партіей, которая желала уничтоженія христіанъ, устроилъ такъ, что европейскіе консулы поднесли ему, за какое-то христіанвѣйшее дѣйствіе, *благодарственный коллективный адресъ*. Онъ готовилъ себѣ выходъ во всѣ стороны, куда случится.

Когда началась рѣзня, Саидъ-Джемблатъ жилъ спокойно въ своемъ великолѣпномъ домѣ въ Мухтарѣ и повидному ни во что не мѣшался и нигде не выѣзжалъ. Таинственная связи его съ дружескими шейхами и турецкими властями происходила черезъ сестру его Найфе. Она играла въ горахъ политическую роль, но какъ женщина, да притомъ еще арабская, вела себя слишкомъ горячо и попалась. Козни Саидъ-Джемблата стали лсны. Напрасно, будучи призванъ въ экстраординарный мижансъ (военно-судную комиссію), онъ ушпралъ на забавный коллективный адресъ европейскихъ консуловъ, восхваляющихъ его добродѣтели.

Ему сказали, что шутить тутъ нечего и что онъ подлежитъ суду и аресту.

Однако Саидъ-Джемблатъ могъ бы еще улизнуть, какъ улизнули его пріятели: Измаилъ-Атрашъ (теперешній владыка Хаурана и Леджи), Атаръ-бей, Кивжъ-эль-Амадъ и другіе. но Саидъ-Джемблатъ, во-первыхъ, былъ страшный богачъ. Онъ имѣлъ однихъ мельницъ болѣе трехсотъ, которыя давали ему, самое малое, полтораста тысячъ франковъ ежегоднаго дохода. Все это при бѣгствѣ, надо было предоставить въ распоряженіе турецкаго правительства. Кромѣ того, какъ мы уже сказали, онъ вѣрилъ въ защиту Англіи и потому успѣшилъ объясниться съ англійскимъ консуломъ въ Бейрутѣ, который ему сказалъ, что онъ «можетъ и не бѣгать». Сидя потомъ, вмѣсто своего покойнаго мухтарскаго дома, въ безпокойныхъ турецкихъ казармахъ, Саидъ-Джемблатъ, безъ сомнѣнія, переносился очень часто своими мыслями въ значныя долины Хаурана, гдѣ носились вольными птицами всѣ его пріятели, и вѣроятно нѣсколько разъ раскаивался. Но въ гнѣзисѣ велъ себя всегда очень развязно, улыбался и показывалъ видъ, что плюетъ на всю эту странную процедуру... Впрочемъ тюрьма его истомила: онъ началъ хирѣть и умеръ, уже переведенный изъ казармъ на квартиру, въ январѣ 1861 года. Онъ умеръ своею смертию, но вся Сирія увѣрена, что его отравили. Можно замѣтить, что по вѣрованію друзовъ, въ Саидъ-Джемблатѣ сидѣла душа Алія, брата магометова, которая переходила наследственно отъ правителя къ правителю, начиная съ извѣстнаго *Эдъ-Дэрзи*, давашаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, своей сектѣ имя *друзовъ*. Другъ по-арабски *Дэрзи*, съ членомъ *Эдъ-Дэрзи*, во множественномъ *Друзъ*: отсюда-то и взято европейское «друзъ».

Между тѣмъ засѣданія комиссаровъ шли своимъ порядкомъ. Явленіе было странное, которому со временъ баснословнаго російскаго Гостомысла не было подобнаго: Турція допустила къ себѣ варяговъ, да еще какъ! не то-чтобы ихъ звали, но варяги сами по себѣ, никѣмъ непрошенныя, прибыли «благоустроить чужое отечество», съ властію «связать и рѣшить»—варяги, не имѣвшіе объ Сиріи никакого понятія, не знавшіе ея языка! Какимъ чортомъ и непонятной кашей представлялась, я думаю, вся эта ливанская дичь наприимѣръ прусаку Рефусу, только-

что оставившему свой подтянутый Берлинъ! А тутъ лѣзетъ въ машлакѣ, съ пякой, загорѣлый какъ кирпичъ, какой-то мету-алий, человекъ неизвѣстной вѣры. Тутъ маронитъ, почитающій, какъ и Рефуетъ, истиннаго Бога; и рядомъ съ нимъ грязный анксарій, который поклоняется женскимъ тайнымъ органамъ—древнѣйшая первобытная секта... Глушь, скалы, путаница!

Какъ читать эту грамоту, когда не написано для нея еще и азбуки?

Конечно, и то сказать: дѣло было не въ анксаріяхъ и не въ Сиріи. Сирія, анксаріи, дичь и каша, были отодвинуты на второй, или неизвѣстно какой планъ. Прежде всего слѣдовало рѣшить, на сколько каждая изъ первыхъ державъ можетъ простирать свои виды на Сирію. Тутъ-то и пошли страшные оленьи рога и развѣтвленія дѣла, которое иные, по недалекновидности, считали «дѣломъ кой-какихъ дополнительныхъ мелочей», une affaire des détails. Дало-жъ имъ себя знать это une affaire des details! Споры переходили часто изъ «присутствія» на квартиры. И дома писали и толковали. Лордъ Дѣссеринъ дѣйствовалъ независимо всѣхъ...

Хоть протоколы комиссаровъ покрывались глубочайшею тайной, однакоже можно было замѣтить по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, что мы держимъ сторону Англии и стало-быть Турціи. Это была самая натуральная, хотя и опасная политика. «Въ Турціи должна быть Турція», говорили мы—и настаивали на томъ, чтобы Франція вывела свои войска изъ Сиріи... А войска эти уже расположились у подножія Ливана какъ дома и стали занимать ближайшія къ Бейруту деревни. Надо признаться, они принесли съ собою много жизни и веселья. Всякое воскресенье и четвергъ военная музыка гремѣла то въ «Соснахъ» за Бейрутомъ, «à la pointe des Bagueurs», гдѣ былъ зуавскій театръ, то въ городѣ, на такъ-названной ими же «Place des Canons», хотя никакихъ «canons» тамъ не было. Работы по дамасской дорогѣ закипѣли живѣе. Къ «Соснамъ» открылась ѣзда въ омнибусахъ, прикатившихъ съ береговъ Франціи. Все какъ-то суетилось, все было озарено. Гремѣли сабли, дикій феллахъ лѣзъ на вершину Ливана и доставалъ оттуда снѣгу для мороженого господамъ офицерамъ, собравшимся обыкновенно во время полуденнаго жара въ «Café de l' Aigle». И надъ этимъ кафе дѣйствительно парилъ фран-

цузскій орелъ. Какъ видите, Франція продолжала свою работу. Зуавскіе штыки, мильоны французскихъ трехцвѣтныхъ флаговъ, французскія вывѣски и надписи — рѣзали глаза Дѳферину, но онъ велъ свои подкопы въ высшей степени терпѣливо и смотрѣлъ на все тѣми же тонкими глазами...

Такъ прошло два мѣсяца. Написались томы протоколовъ... А Дамаскъ все ждалъ и ждалъ въ свои древнія стѣны комиссаровъ и никакъ не могъ дожидаться. Жители Бейрута стали держать пари, сто противъ одного, что комиссары не поѣдутъ въ Дамаскъ вовсе. Въ самомъ дѣлѣ, для иныхъ это было дѣло нелегкое. Сѣсть на коня въ первый разъ отроду, и гдѣ же? Тамъ, гдѣ в Александрѣ-македонскій едва не потерялъ своего друга Лизимаха! Кромѣ того, Дамаскъ еще не былъ успокоенъ до такой степени, какъ бы имъ хотѣлось. Думали взять въ эскортъ зуавовъ; Фуадъ-паша увѣрялъ, что это «совсѣмъ не нужно».

Такия колебанія заняли довольно времени и только въ ноябрѣ комиссары назначили рѣшительный день отъѣзда. Но тутъ новая бѣда: madame Béclard объявила, что и она ѣдетъ съ комиссарами въ Дамаскъ. Дряблый ея мужъ, m-r Béclard, не нашелъ въ себѣ столько твердости и благоразумія, чтобъ представить женѣ всю неловкость и даже неприличіе такого путешествія. Другіе не сочли удобнымъ мѣшаться въ это дѣло — и madame Béclard стала укладывать свои рюши и трюши.

Великолѣвнень, но сильно тяжелъ для мужскихъ кармановъ былъ этотъ коллективный поѣздъ комиссаровъ въ Дамаскъ. Чего и кого не было у нихъ въ эскортѣ! Для увѣковѣченія, подвигъ амазонки ѣхалъ даже особо командированный живописецъ Рожье... Все рисовалось и печаталось потомъ въ «Иллюстраціи», которую разглядывалъ цѣлый міръ и, разглядывая, не могъ замѣтить, что это вовсе не подвигъ, а страшный беспорядокъ.

Ѣхали чрезвычайно тихо. Лордъ Дѳферинъ обѣщался, но какъ водится, сохранилъ джентльменскую наружность. Мало этого: когда madame Béclard какъ-то сбилась съ дороги, ускакавши за чѣмъ-то впередъ со своими живописцами, лордъ Дѳферинъ, нетивный рыцарь и наѣздавкъ, бросился немедля ее отыскивать. Это было не такъ легко въ лабиринтѣ ливанскихъ ущелій, тѣмъ болѣе, что въ это время уже смерклося и вскорѣ глухая ночь и тайна покрывшъ какъ спасителя, такъ и спасаемыхъ. Комис-

сары принуждены были сдѣлать экстраординарный привалъ и зажечь костры и факелы: не прилетятъ ли на эти огни порхавшіе въ горахъ мотыльки?.. Было много всякихъ чудесъ и приключеній, но они, къ сожалѣнію, не попали въ «Иллюстрацію».

Только на третью сутки странствующіе рыцари доѣхали до Димаса, —селенія верстахъ въ двадцати отъ Дамаска. Здѣсь комиссары были встрѣчены консулами. При этомъ случилось, что нашъ консулъ почивалъ въ англійской палаткѣ и пилъ въ ней англійскій чай. Прусскій консулъ просто-запросто не выѣхалъ навстрѣчу своему комиссару.

На другой день (это было въ первой половинѣ ноября) совершился торжественный въѣздъ комиссаровъ въ Дамаскъ; гремѣли бубны в трубы; улицы были полны народомъ. Это нарисовано и попало въ «Иллюстрацію».

Болѣе всѣхъ изъ жителей Дамаска обезпокоился пріѣздомъ комиссаровъ—кто бы вы думали?—Абдель-Кадеръ, который въ это время уже успѣлъ украситься всѣми орденами Европы, или почти всѣми... недоставало изъ «существенныхъ» только нашего. И кто бы подумалъ, что этотъ нѣкогда знаменитый эмиръ Абдель-Кадеръ, властелинъ Алжира и Кабилии, съ прибавленіемъ къ этому богъ-вѣдаетъ какихъ пустынь сѣверной Африки, — взволнуется отъ ожиданія русскаго крестика, точно какой коллежскій регистраторъ? А онъ взволновался, да еще какъ! Его занимало до крайности, *что ему дастъ Россія?* Онъ уже изучилъ, бесѣдуя съ драгоманомъ французскаго консульства, въ своемъ зеркально-мраморномъ кабинетѣ (о которомъ я когда-то рассказывалъ моимъ читателямъ подробно) градацію главныхъ орденовъ россійской имперіи. Боясь, чтобы нашъ комиссаръ какъ-нибудь не забылъ заглянуть въ его обиталище, Абдель-Кадеръ сидѣлъ-сидѣлъ да и велѣлъ осѣдлать краснымъ бархатнымъ сѣдломъ своего стараго «воронаго» скакуна (цвѣтъ печали и несчастія) и отправился къ господамъ комиссарамъ первый и прежде всего къ вашему. Они жили всѣ вмѣстѣ (исключая Бекляра и Дёфферина) въ гостинницѣ извѣстнаго всему Дамаску «Дмитрія», въ единственномъ пріютѣ европейцевъ, которыхъ занесетъ судьба въ древній городъ калифовъ. Абдель-Кадеръ вошелъ тихо во дворикъ «локанды» (такъ зовутъ на востокѣ

всякую гостиницу) и остановился въ самомъ началѣ, подлѣ водоема, гдѣ вырjali золотые карасики, между тѣмъ какъ его лакей, грязный мулатъ въ европейскомъ пальто, пошелъ освѣдомляться, дома ли и принимаютъ ли комиссары? Онъ страствовалъ по этому поводу что-то долго. Абдель-Кадеръ все время стоялъ у бассейна, въ своемъ голубомъ, затасканномъ балахонѣ, точно школьникъ, позванный къ инспектору, и бросалъ кругомъ себя самыя уморительныя взгляды...

И былъ-то Геръ-Педеръ, владыка морей,
Удалый Геръ-Педеръ то былъ! ¹⁾

Какъ любопытно было наблюдать его тогда изъ окошка! Неужели въ самомъ дѣлѣ эта золотенькая вещичка съ ленточкой, называемая орденомъ, имѣетъ такую силу?

Абдель-Кадеръ до такой степени завялъ тогда нашимъ орденомъ, что во всякомъ русскомъ предполагалъ присутствіе чего-то, что могло способствовать, больше или меньше, къ осуществленію его мечтаний по этой части. Онъ сдѣлалъ визитъ даже мнѣ.

На другой или на третій день послѣ этого его посѣтилъ нашъ комиссаръ и пилъ у него чай совершенно непостижимаго вкуса. Что это была за травка, названная чаемъ, — распознать никто не могъ. Спустя нѣкоторое время Абдель-Кадеру прислали Бѣлаго Орла и представьте: «онъ остался недоволенъ!» Этотъ чудакъ ждалъ Георгія!.. Однако, ради приличія, подарилъ нашему комиссару саблю. Съ этихъ поръ кончены визиты! Онъ пересталъ ходить даже къ нашему консулу. Когда нашъ комиссаръ, въ началѣ прошлаго года, снова посѣтилъ Дамаскъ, Абдель-Кадеръ къ нему не явился. Сердитесь не на шутку.

Комиссары осмотрѣли не безъ ужаса христіанскій кварталъ Дамаска, эти обгорѣлыя головешки домовъ и груды мусору на пространствахъ нѣсколькихъ верстъ... Потомъ воротились въ Бейрутъ писать новыя томы протоколовъ. Въ такомъ препровожденіи времени прошли для нихъ послѣдніе мѣсяцы 1860 года и на-

¹⁾ Изъ датской пѣсни.

ступилъ 61-й. Мы все держались англійской политики... Вдругъ случилось, что раненые въ варшавскихъ улицахъ повстанцы отнесены были народомъ во французское консульство. Нашъ комиссаръ получалъ какія-то другія инструкціи... Но несмотря ни на что, Англія все-таки настояла, чтобы храбрые французскіе зуавы, увеселявшіе Бейрутъ, оставили пріятные для нихъ берега Сиріи. Сильно неохотно собирался отрядъ, хорошо-было зажившій. Никто не вѣрилъ, чтобы это было дѣйствительно возможно, что вдругъ эти веселые красные штаны, словно яркіе цвѣты цестрѣвшіе на сѣромъ фонѣ Ливана, уйдутъ и скроются куда-то навѣки.. Были спорщики, даже въ самые послѣдніе дни пребыванія арміи въ Бейрутѣ, которые утверждали, что отбытіе французской арміи вздоръ, что быть этого не можетъ...

Урачно ходилъ по улицамъ Бюфоръ-д'Опуль. Его благородное сердце страдало за Францію. Фуадъ-паша дѣлалъ ему довольно частые визиты и улыбался.

Въ первыхъ числахъ іюня 1861 г. десять французскихъ кораблей, по возможности самаго огромнаго размѣра (одинъ былъ старинный пушечный) показались на бейрутскомъ рейдѣ и подняли громовосные салюты. Берегъ и Ливанъ дрожали какъ никогда. Войска начали садиться въ шлюпки и отчаливать отъ пристани. Грустно маршировали они по улицамъ Бейрута, эти загорѣлые, славные усачи. Ихъ провожалъ народъ, ничего во всемъ этомъ не понимавшій. Было нѣсколько арабовъ, которые шли и плакали...

И снова столица Сиріи, и ея «Сосны», и недавно живая дамская дорога, приняла прежній, одноцвѣтный, довольно сумрачный оттѣнокъ. Бейрутскій губернаторъ Ахметъ-паша, ужасный хлопотунъ насчетъ всякихъ порядковъ, спѣшилъ разогнать стаи арабскихъ камелій, нахлынувшихъ было въ необычайномъ изобиліи изъ всѣхъ ущелій древняго Ливана.

А комиссары все писали да писали. Уѣхали въ Константинополь и тамъ опять писали. Я уже сказалъ, что ихъ протоколы покрывались тайной. «Blue-Book» нѣсколько приподняла завѣсу... Но я не считаю необходимымъ объяснять вамъ, что такое написано за все это время господами комиссарами. Я думаю, что въ результатѣ «все осталось попрежнему». Правда, мы получили воз-

возможность образоваться въ горахъ такъ-называемый *православный мудиратъ* — округъ, имѣющій мудиромъ православнаго араба. Но чтожь это значитъ, когда «не изъ кого выбрать» такого мудира? Не заготовлено людей. Первый православный мудиръ Эмиръ-Хасанъ встрѣтилъ столько препятствій и всякой неприятной вещи, что бѣжалъ изъ своего мудирата безъ оглядки... Второй православный мудиръ, Нофаль, былъ самыхъ невѣроятныхъ свойствъ, которыя бы стоили описанія, еслибъ на это у кого-нибудь было лишнее время. Онъ также оставилъ свою дѣятельность по невѣстнымъ мнѣ причинамъ и перешелъ на службу къ Даудъ-Пашѣ, правящему въ горахъ подобно Эмиръ-Беширу. Третій православный мудиръ, дядя Нофала, только-что началъ службу и я объ немъ рѣшительно ничего не знаю.

Я сказалъ сейчасъ о Даудъ-Пашѣ. Это также одинъ изъ результатовъ комиссарскихъ застѣданій, но результатъ какъ двѣ капли воды похожій на все прежнее, что было въ горахъ въ этомъ родѣ. Даудъ-Паша хотѣлъ было повести себя на новый ладъ, рекомендованный ему комиссарами. Еслибъ это ему удалось, то дѣйствительно было бы хоть что-нибудь новое въ Ливанѣ: новый образъ правленія... Но видно еще рано. Ту же минуту нѣсколько деревень взбунтовались и стали требовать Юсефъ-Караму, прежняго правителя, пользовавшагося влияниемъ въ горахъ по своему фанатическому характеру. Даудъ-Паша отправился въ горы съ двумя-тремя сотнями башибузуковъ и повѣсилъ около десятка разныхъ неугомонныхъ молодцовъ. Тогда всѣ сказали: «вотъ это паша какъ паша; настоящее дѣло!» И все пришло въ возможный въ этихъ безпорядочныхъ мѣстахъ порядокъ.

Забавно только, что Турція потеряла право двигать въ нѣкоторые пункты Ливана свои войска.

Въ первой половинѣ прошлаго года появились между Бейрутомъ и Дамаскомъ шайки разбойниковъ, изъ которыхъ одна, въ восемьдесятъ человекъ, подъ предводительствомъ бедуинскаго шейха Бахейтана, возбуждала большія опасенія. Около полугода разбойники рыскали по горамъ и грабили проѣзжихъ вполне безнаказанно. Бахейтанъ былъ пойманъ только въ июнѣ. Я представлю объ этомъ особый рассказъ. Потомъ возникли несогласія между разными бедуинскими партіями въ Хауранѣ и кончились междусоб-

ной войной, которая длилась очень долго. Уѣхавъ съ востока въ августѣ прошлаго года, я оставилъ это дѣло въ полномъ разгарѣ. Къ удивленію, здѣсь объ немъ ничего неизвѣстно. Теперь я бы желалъ знать, чѣмъ же Сирія прежнихъ годовъ непохожа на Сирію прошлаго года?

Пострадавшіе христіане были вознаграждены частію Турціей, частію пожертвованіями изъ Европы. Но ихъ едва не испортили вовсе. Фуадъ-Паша, знавшій этихъ смилыхъ людей лучше, нежели комиссары, убѣждалъ послѣднихъ какъ можно меньше «вѣжничать». Комиссары долго его не слушались, но потомъ увидѣли, что Фуадъ-Паша правъ, что тутъ съ европеизмомъ въ самомъ дѣлѣ того-и-гляди выворотить все наизнанку и будетъ еще хуже. Сирійскій лаззарони, получая откуда-то съ неба полтора піастра въ день, совсѣмъ отказался отъ всякихъ работъ и знать ничего не хотѣлъ. Наѣтся арбузовъ или какой-нибудь дрянн, прикроется пріѣхавшимъ изъ Америки одѣяломъ—и лежитъ себѣ съ утра до вечера, покуривая да поплеывая, и ожидая другаго дня, когда снова свалится съ неба полтора піастра и дозволятъ ему опять набить брюхо какой-нибудь дрянью и лежать да поплеывать до заката солнца.

Необходимость заставила прекратить такую подачку и указать ливанскимъ лаззарони дѣятельность на дорогѣ, проводимой изъ Бейрута въ Дамаскъ.

Франція не потеряла ровно ничего, да и потерять не можетъ: столько уже сдѣлано и забрано въ руки. Я даже думаю напротивъ, что Франція стала тамъ еще сильнѣе и вліятельнѣе. Ею, ея войсками ожилъ Бейрутъ и получилъ съ тѣхъ поръ совсѣмъ новую физіономію. Ея кареты мчатся подъ облаками, чрезъ Ливавъ и Антиливавъ до Дамаска. Англія также ничего не проиграла.

Бываютъ вещи иногда какъ-будто и вздорныя, проходимыя вниманіемъ, между тѣмъ какъ онѣ стоили бы вниманія, и даже очень. Есть фотографія, изображающая *засѣданіе сирійскихъ комиссаровъ*. Она вышла въ Константинополѣ и продавалась у извѣстнаго фотографа Абдаллы. Члены комиссіи сидятъ за столомъ, какъ вообще сидятъ члены всякихъ комиссій. Но спросите: от-

чего они обратились всё до одного къ лорду Дёфферину, какъ ученики къ профессору, и кажется слушаютъ, что онъ изволитъ имъ сказать? Какъ *это устроилось* въ фотографіи, гдѣ всё сидѣлись какъ имъ вздумается и никто не могъ давать позъ? Тутъ были сѣдовласые старцы, но и эти старцы обратились къ юншѣ; какъ-то всё до одного такъ сѣли... Однако Беклеръ смотритъ нѣсколько въ сторону.

Н. Бергъ.

З В У К И.

(Н. Н. Стрехову).

Мѣсяцъ по небу катился,
Свѣтомъ небо затопляя;
Тихо улицы дремали,
Снѣжной ризою сияя.

На дворѣ Морозъ Иванычъ
Все сердитѣй становился,—
Наконецъ тряхнулъ кудрями
И на славу расходился. •

Но не чувствуя мороза,
Въ освѣщенной ярко залѣ
Люди пестрою толпою
Веселилися на балѣ.

Балъ сиялъ. Горѣли плошки;
Виѣстъ съ ними предъ подъездомъ
Красовались два жандарма
Для надзора за разъездомъ.

Этотъ балъ великолѣпный
Всею пошлостью людскою
Былъ украшенъ,—и хозяинъ
Былъ доволенъ самъ собою.

Фраки, шитые мундиры,
Сабли, шпоры, эксельбанты;
Дамы вышлага полета,
Ихъ мужья и адъютанты;

Цвѣтъ общественной морали,
Журналисты изъ чиновныхъ,
Сановитыя подагры
Изъ породы чистокровныхъ.

Блескъ ума и разговоры
 О любви и о наградахъ,
 О спасительныхъ реформахъ
 И грядущихъ плацъ-парадахъ.

Дамы—взоры и улыбки;
 Кавалеры—угощенье
 И развалинамъ мастытымъ
 Достодолжное почтенье.

Признаюся, неприятно
 Затрудняться именами,
 Потому гостей мы станемъ
 Звать различными звѣрями.

Кошка томно говорила:
 «О, какъ душно мнѣ въ салонѣ,
 Какъ люблю я лунной ночью
 Наслаждаться на балконѣ!»

Передъ ней на заднихъ лапахъ
 Красовался песь лягавый,
 Поправляя свой ошейникъ,
 Улыбаяся лукаво.

«Мнѣ такъ скучно, расскажите
 Что-нибудь»,— она сказала,
 И зеленые при этомъ
 Глазки къ небу подымала.

«Былъ въ концертѣ я наемни;
 Тамъ симфонію играли:
 Написалъ ее Бетговенъ,—
 Я зѣвалъ, и всѣ зѣвали.

Вамъ извѣстно, что Бетговенъ
 Сумасшедшимъ умеръ въ Вѣнѣ;
 Умеръ бѣдно онъ, въ подвалѣ,
 На солому или на сѣнѣ.

Восхищались иные,
 Увѣряю васъ—для шику...
 Я ей-ей не понимаю
 Сумасшедшую музыку!»

Со звѣздой на лбу, рогатый,
Алчно воле расхотался—
И герръ-Рейнеке умильно
Изъ приличья улыбался.

Но прервавъ и шумъ, и крики,
Громко музыка раздалась—
И живою лентой вальса
Вся толпа заколебалась.

Что за странная музыка!
Звуки льются и трепещутъ,
Какъ о берегъ горделивый
Безпокойно волны плещутъ.

Скрипки плачутъ такъ тоскливо,—
И о чемъ такъ льются слезы?
Вѣдь на балъ неприличны
Поэтическія грезы!

Скрипки плакали, какъ-будто
Отъ невѣдомой печали,
А надъ ними очень громко
Контробасы хохотали.

Хохотали контробасы,
И какъ истые герои,
Толстобрюхимъ контробасамъ
Злобно вторили гобои.

Вопли громче становились,
Заглушая злобный хохоть;
Межъ дурацкими трубами
Поднялся ужасный ропоть.

«Что вы, свиньи, раскричались?»
Завопили грозно трубы
(Эти трубы, между нами,
Какъ солдаты очень грубы).

Приказанія начальства
Скрипки видно не слышали—
И лилися, будто слезы,
Звуки полные печали.

Трубы снова раздались,
И на этотъ разъ слышѣе;
Контробасы и гобой
Его сдѣлались слышѣе.

Заглушали общимъ крикомъ
Звуки полные страданья,—
Точно сдерживали скрипки
Накипавшія рыданья.

Трубы громко раздались,
Какъ побѣду торжествуя,
И зашѣли контробасы:

Но превыспренно-солдатскій
Этотъ гимнъ перерывался,
Потому что все порою
Голосъ скрипокъ раздавался.

Что за странная музыка!
Но, какъ прежде, беззаботно,
Гости прыгали, шутили
И смѣялись охотно.

Но какъ прежде, будто скрипки
Скорбной пѣснью не звучали,—
Гости пошлою толпою
Веселились на балѣ.

Балъ сіялъ; горѣли плошки,
И, какъ должно, у подъѣзда
Красовались два жандарма,
Дождаясь разъѣзда.

Спали улицы, покрыты
Бѣлоснѣжной пеленою,
Освѣщенныя прекрасно
Фонарями и луною.

На дворѣ Морозъ Иванычъ
Все сердитѣй становился,—
И холодный, ясный мѣсяцъ
Тихо по небу катился.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

(Опытъ разработки русской уголовной статистики.)

I.

Преступленіе; мѣры, принимаемыя обществомъ противъ него. — Бентамъ и теорія полезностей. — Миттермайеръ и вопросъ о смертной казни. — Двойное значеніе уголовной статистики. — Русская уголовная статистика и матеріалы для ея изученія.

«...Есть бюджетъ, который общество оплачиваетъ съ ужасающею правильностью: это бюджетъ тюрьмъ, галеръ и эшафота; его-то и надо стараться уничтожить.»

(Quetelet: «Sur l'homme». Т. II, I. III.
Ch. III, p. 262.)

Преступленіе всегда считалось и считается однимъ изъ печальныхъ, ненормальныхъ и грустныхъ явленій общественнаго быта. Оно самымъ безцеремоннымъ образомъ прерываетъ и смущаетъ мирное теченіе нашей будничной жизни, напоминая намъ множество такихъ неприятныхъ вещей, о которыхъ мы и знать бы ничего не хотѣли; оно наводитъ на насъ тоску и уныніе, смущаетъ наше внутреннее, душевное спокойствіе, наше апатичное, лѣтливое самодовольство. И неприятное, и безпокойное для каждаго изъ насъ въ отдѣльности, хотя бы оно и не относилось до насъ лично, опасное для общества вообще — преступленіе гналось и преслѣдовалось, гонится и преслѣдуется. Государства во всѣ времена и у всѣхъ народовъ изыскивали всевозможныя средства, чтобъ оградить и избавить отъ преступленія общество. Люди тысячами гибнутъ на галерахъ и въ каторгѣ, задыхаются въ тюрьмѣ, умираютъ на эшафотѣ, кровь ихъ льется потоками; страшный бюджетъ, о которомъ го-

ворить Кетле. выплачивается обществомъ ежегодно съ ужасною правильностью; ни одна война, даже самая яростная в продолжительная, ни одно самое опустошительное бѣдствіе не стоили человѣчеству столько жертвъ и столько крови, сколько стоитъ ему его *уголовное правосудіе*. И что же, всѣ эти жертвы искупленія, очищаютъ ли онѣ, исправляютъ ли хоть сколько-нибудь общество, уменьшаютъ ли въ немъ количество преступленій? Прежде на наказаніе смотрѣли исключительно съ точки зрѣнія «справедливости». Его защищали и оправдывали, потому что всегда полагали, что оно удовлетворяетъ требованіямъ высшей, абсолютной справедливости; даже и для тѣхъ теорій, которыя отрицали его, которыя не хотѣли признать за государствомъ права наказывать преступниковъ, — даже и для нихъ эта точка зрѣнія служила исходною точкою, точкою опоры. Они говорили: человѣкъ, какъ существо не одаренное свободою воли, не можетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, слѣдовательно не можетъ быть наказываемъ. Преступнымъ онъ бываетъ или оттого, что онъ боленъ — и въ такомъ случаѣ его слѣдуетъ лечить, а не наказывать; или оттого, что онъ поставленъ въ невыгодныя, неблагопріятныя условія жизни — и въ такомъ случаѣ опять-таки слѣдуетъ не наказывать его, а просто перемѣнить эти невыгодныя условія, поставить его въ болѣе выгодныя. Отсюда выводили заключеніе, что наказаніе *несправедливо*, слѣдовательно неразумно, слѣдовательно незаконно. Но дѣло въ томъ, что вся эта теорія, сама по себѣ въ высшей степени гуманная, построена на предположеніи, которое при нынѣшнемъ положеніи физиологіи рѣшительно не можетъ быть доказано съ ясностью, для всѣхъ очевидною, не допускающею никакихъ сомнѣній. Человѣкъ не имѣетъ свободной воли: но вѣдь это только гипотеза, и за, и противъ которой сказать можно очень многое. Это не аксіома, не неопровержимый фактъ. Система же, построенная на гипотезѣ, не можетъ внушить къ себѣ слишкомъ большаго довѣрія: этимъ-то и можно объяснить себѣ малый успѣхъ описываемой теоріи. Англійскому великому философу-практику, одаренному тѣмъ трезвымъ, логическимъ умомъ, которымъ вообще отличаются англійскіе мыслители, суждено было первому низвести вопросъ о наказаніи изъ сферы схоластико-метафизическихъ умствованій на реальную почву соціальныхъ наукъ. Бентамъ первый провозгласилъ, что главная цѣль наказаній состоитъ въ устраненіи подобныхъ преступленій на будущее время («Principles of the penal code»), слѣдовательно въ *полезности* наказаній для большинства онъ видитъ ихъ оправданіе. Весь вопросъ

такимъ образомъ о правѣ государства наказывать преступниковъ сводится къ простому вопросу: полезно ли наказаніе или нѣтъ? Если оно полезно — значитъ оно и справедливо, и законно; если оно бесполезно, т. е. если ни общество, ни преступникъ отъ него ничего не выигрываютъ — значитъ оно несправедливо, незаконно, не должно быть нигдѣ терпимо. Полезность же наказанія доказывалась и доказывается обыкновенно общими, избитыми фразами, въ родѣ слѣдующихъ: наказаніе благотворно дѣйствуетъ на общество, потому что удерживаетъ слабыхъ, нерѣшительныхъ, колеблющихся, служитъ для нихъ отличнѣйшимъ предостерегательнымъ примѣромъ; страхъ наказанія—противодѣйствіемъ искушенію; наказаніе даетъ преступнику возможность искупить свою вину, очиститься и примириться съ обществомъ и т. д. Но вѣдь все это фразы, которыя, не подкрѣпленныя положительными фактами, такъ-таки и остаются одними пустыми фразами безъ смысла и значенія. Вотъ если будетъ доказано фактически, что количество преступленій уменьшается, т. е. общество исправляется по мѣрѣ увеличенія, количественнаго и качественнаго, наказаній, и наоборотъ, общество ухудшается, т. е. количество преступленій увеличивается по мѣрѣ ослабленія уголовной казны; если будетъ доказано, что преступникъ, разъ подвергшійся наказанію, вполнѣ искупляетъ этимъ свою вину, мирится съ обществомъ и больше не согрѣшаетъ,—вотъ если все это будетъ доказано, то дѣйствительно нельзя будетъ не признать благотворнаго вліянія наказанія на общество. Но доказать это можно только при помощи уголовной статистики. Ясныя, точныя, для всѣхъ понятныя, фактическія данныя, выраженныя цифрами,—цифрами, которыхъ не нужно никому принимать на вѣру, въ истинности которыхъ можетъ убѣдиться каждый знающій четыре правила арифметики, — эти фактическія данныя безъ всякихъ умствованій и разглагольствованій покажутъ намъ со всею строгостью и безпристрастностью, на сколько полезно наказаніе, на сколько благотворно его вліяніе на общество и на преступника, на сколько оно способствуетъ уменьшенію преступленій и т. п. Вотъ великое, социальное значеніе уголовной статистики. Уголовныя теоріи, трактующія о правѣ общества наказывать преступника, должны призывать ее къ себѣ на помощь. Въ ней наказаніе можетъ найти или оправданіе себѣ, признаніе, или свой смертный приговоръ; но и то, и другое будетъ рѣшительно, окончательно, безапелляціонно. И при этомъ намъ невольно приходитъ на умъ одинъ очень ядушій къ дѣлу примѣръ. О безнравственности, безчеловѣчности, несправедливости и т. п. смерт-

ной казни много, много было говорено блестящих, громких фраз. Но фразы не помогали: смертная казнь и теперь признается не только большинствомъ европейскихъ законодательствъ, — законодательствъ, считающихся самыми просвѣщенными и гуманными, — оно даже нерѣдко защищается и въ наукѣ учеными. Дѣло въ томъ, что фразеры, отрицая смертную казнь во имя отвлеченныхъ понятій, еще спорныхъ, не для всѣхъ одинаково ясныхъ и понятныхъ, сдѣлали самый вопросъ о смертной казни вопросомъ спорнымъ, и за, и противъ котораго многое можно было сказать. А до тѣхъ поръ, пока можно сказать хоть *что-нибудь* въ защиту смертной казни, смертная казнь не уничтожится. И вотъ въ прошедшемъ году знаменитый Миттермайеръ издалъ въ Германіи книгу: «Die Todesstrafe nach den Ergebnissen der wissenschaftlichen Forschungen, der Fortschritte der Gesetzgebung und der Erfahrungen.» Heidelberg, 1862.

Цифры, приводимыя имъ, показываютъ, что въ тѣ періоды, когда смертная казнь смягчалась, количество преступленій, наказываемыхъ этою казнью, уменьшалось; напротивъ, количество преступленій увеличивалось въ тѣ періоды, когда увеличивалось среднее ежегодное число смертныхъ приговоровъ. Такъ въ Бельгіи, напримѣръ, въ періодъ французскаго господства (т. е. до 14 года) постановлено было множество смертныхъ приговоровъ: 300 за кражи съ насиліемъ, 39 за поджоги, 379 за убійство; во второй же періодъ «зависимости Бельгіи отъ Голландіи» количество смертныхъ приговоровъ значительно уменьшилось (за убійство напримѣръ произнесено только 113), и чтоже? — число тяжкихъ преступленій въ первый періодъ *ежегодно* все возрастало и возрастало, тогда какъ во второй оно *ежегодно* все уменьшалось и уменьшалось! Въ Англіи число обвиненій въ убійствѣ, несмотря на быстрое возрастаніе населенія, постоянно уменьшалось: такъ съ 1836—42 г. оно было 61 мѣсячѣ чѣмъ въ теченіи 30 — 36 г., и 93 мѣсячѣ, чѣмъ 1812—18 годовъ, хотя въ этотъ послѣдній періодъ приведенъ въ исполненіе 91 приговоръ, а съ 37 по 42 г. только 50.

Благодаря статистикѣ рѣшается вопросъ объ одномъ изъ видовъ наказаній — смертной казни; такъ точно съ ея помощью можно будетъ рѣшить и вопросъ о наказаніи вообще. Здѣсь опять повторимъ ея великое значеніе, но это значеніе не единственное. Въ области социальныхъ наукъ статистика приноситъ другую, не менѣе важную пользу. Она раскрываетъ передъ нами причины, порождающія преступленія; она указываетъ на тѣ условія, при содѣйствіи и подъ вліяніемъ которыхъ въ человѣкѣ развивается наклонность къ преступленію; она даетъ возмож-

ность взвѣсить, анализировать климатическія, географическія, социальныя вліянія, вліянія пола, возраста, времени года, занятій, образа жизни и т. д.,—всѣ тѣ, однимъ словомъ, многообразныя вліянія, продуктомъ которыхъ является преступленіе. Разумѣется статистика тогда только будетъ имѣть это значеніе, когда факты и цифры, добытые ею, разработаны будутъ философскимъ, научнымъ образомъ. Статистика не должна быть простымъ сборомъ, кучею цифръ и чиселъ безъ смысла и значенія, эти цифры нуждаются въ разработкѣ, анализѣ, систематизированіи. Наука не должна ограничиться однимъ собираніемъ матеріала: она должна еще разработать этотъ матеріалъ, а до тѣхъ поръ статистика не можетъ претендовать на громкій титулъ *общественной науки*. Статистика же, какъ наука, а не какъ пустая груда цифръ, находится въ тѣсной, неразрывной связи съ другими социальными и естественными науками. Факты, добытые ею, только и можно освѣтить и объяснить при помощи фактовъ, взятыхъ изъ экономическо-исторической жизни народа, нерѣдко изъ психологіи, физиологіи и естественной исторіи. Поэтому статистику нельзя изучать изолированно, не изучая политической экономіи, исторіи въ обширномъ смыслѣ (со включеніемъ сюда географіи), психологіи, физиологіи, естественной исторіи и другихъ отраслей человѣческаго знанія. Первымъ статистикомъ, положившимъ начало философской разработкѣ уголовной нравственной статистики на западѣ, должно считать Кетле. У насъ же въ Россіи, можно сказать, еще и не было серьезныхъ попытокъ анализировать, осмыслять матеріалы, добытые уголовною статистикою¹⁾. Матеріалами пока служатъ официальные отчеты министра юстиціи, отчеты министра внутреннихъ дѣлъ и отчеты попечительныхъ комитетовъ о тюрьмахъ. Со всѣми этими отчетами публика знакома очень мало, развѣ только по наслышкѣ; журналистика наша считала кажется дѣломъ совершенно лишнимъ знакомить ее съ ними. Такъ что всякій, кто хочетъ заняться русской уголовной статистикою, долженъ сперва отыскать среди груды матеріаловъ, нужныхъ и ненужныхъ, именно тѣ факты, которые относятся къ дѣлу,

¹⁾ Какъ на первую попытку въ этомъ родѣ, мы можемъ указать на статью Хвостова и Орлова «Матеріалы для русской уголовной статистики» (Ж. М. Ю. за 1860 г. № 10). Но 1) авторы статьи ограничились болѣе собираніемъ, чѣмъ научной разработкой статистическихъ данныхъ; и 2) собранные ими факты относятся только къ тремъ годамъ: 56, 57, 58. Потому назвать ихъ опытъ «удачною попыткою» мы никакъ не можемъ, однако впрочемъ намъ не разъ придется ссылаться на факты, добытые ими.

собрать, сгруппировать эти материалы и только тогда приступить къ выводамъ и заключеніямъ. На его плечахъ лежитъ такимъ образомъ двойной трудъ: 1) собирать и 2) разработывать собранное. Кроме этого надо вообще замѣтить, что и имѣющіеся у насъ подъ руками материалы страдаютъ двумя недостатками: во-первыхъ, они исключительно *официальны*; во-вторыхъ, въ нихъ бездна пробѣловъ, которые дѣлаютъ невозможнымъ, какъ мы увидимъ ниже, рѣшеніе нѣкоторыхъ довольно важныхъ вопросовъ, входящихъ въ сферу социальной статистики.

II.

Преступленіе обусловливается совокупными вліяніями *физическихъ* и *социальныхъ* условий. — Вліянія географическія и климатическія; ихъ значеніе для уголовной статистики.

Постоянство, съ которымъ повторяются изъ году въ годъ все оди и тѣже преступленія, все въ одномъ и томъ же числѣ, наводитъ на мысль о существованіи какихъ-то вѣчныхъ, непрерывно дѣйствующихъ причинъ помимо свободной воли человѣка, потому что еслибы свободная, капризная воля человѣка принимала здѣсь какое-нибудь важное участіе, нельзя бы было найти въ ежегодно-совершающемся числѣ преступленій той правильности и регулярности, которую мы находимъ въ немъ теперь. Есть какая-то *непреодолимая сила*, влекущая тысячи людей, по выраженію Кетле, въ судъ, подводящая ихъ подъ осужденіе.

Что это за сила? Фаталисты говорятъ, что причина всему, какъ злему, такъ и добруму, какъ добродѣтели слѣдовательно, такъ и преступленію — *предопредѣленіе*, руководящее и управляющее судьбою дѣйствіями, желаніями, помыслами человѣка. Фаталисты на это предопредѣленіе сваливаютъ обыкновенно все, что имъ кажется темнымъ и непонятнымъ, что вызываетъ сомнѣніе и размышленіе. Счастливая, право, способнoсть отдѣлываться легко и круто, безъ мученій, безъ усилій, отъ неотвязчивыхъ вопросовъ, беспокоящихъ пытливые умы! Жалко только, что фаталисты стали какъ-то выводиться, стали сознавать, что вводить въ рѣшеніе социальныхъ вопросовъ какое-то невѣдомое предопредѣленіе — все равно что заранѣе отказаться отъ этихъ вопросовъ! Все-го ближе и естественнѣе искать причинъ, содѣйствующихъ развитію въ человѣкѣ *наклонности къ преступленію* — въ той обстановкѣ, сре-

ди которой родился, развился, живетъ человекъ. Никто не станетъ отрицать неотразимаго вліянія обстановки, понимая подъ словомъ «обстановка» совокупность физическихъ и социальныхъ условий, вліяющихъ на характеръ, наклонности, вкусы человекъ. Статистика, давая намъ возможность анализировать причины, производящія преступленія, научаетъ насъ, что всѣ преступленія зависятъ или отъ невыгодныхъ социальныхъ условий, какъ-то бѣдности, нищеты, отсутствія работы, худаго воспитанія, развивающаго порочныя, злыя наклонности, пріучающаго къ праздности, тунеядству, неблагоприятныя общественныя отношенія, дѣлающія изъ одного человекъ раба, изъ другаго тирана, порождаящія зависть, злобу, ненависть, лицемеріе и т. п.; или отъ физическихъ вліяній климата, географической мѣстности, почвы и т. д. «Человекъ не родится злымъ, а дѣлается.» Итакъ если мы признаемъ, что преступленіе есть *продуктъ совокупно дѣйствующихъ климатическихъ и социальныхъ вліяній*, то является сейчасъ же вопросъ: которому изъ этихъ вліяній принадлежитъ первенство? Которое изъ нихъ болѣе содѣйствуетъ развитію въ человекѣ порочныхъ наклонностей? Конечно одна только статистика можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Она покажетъ намъ количество и качество преступленій въ различныхъ мѣстностяхъ, при различныхъ климатическихъ вліяніяхъ. И всего способнѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ кажется, статистика Россіи. Россія такъ обширна, представляетъ такое разнообразіе климатическихъ условий и такое однообразіе общественнаго быта, что на ней-то именно и можно измѣрить степень и силу физическихъ, мѣстныхъ вліяній.

Сравнимъ въ самомъ дѣлѣ въ географическомъ отношеніи наши сѣверныя и наши южныя губерніи, западныя и восточныя. Какая противоположность: тамъ климатъ благодѣтельный, теплый; тутъ холодный, рѣзкій, непривѣтный. Тамъ виноградъ зрѣетъ на чистомъ воздухѣ; здѣсь едва-едва можетъ произрастать рожь. Тамъ плодородная почва, богатая пастбища, — здѣсь неплодная, небогодарная земля, тундра да глина! А сравнимъ теперь эти же губерніи въ социальномъ отношеніи. Какое однообразіе! Вездѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ, и на западѣ, и на востокѣ все тоже отсутствіе почти всякой промышленности и торговой дѣятельности.

Посмотримъ же теперь, какое вліяніе имѣютъ мѣстныя, климатическія условія на число преступленій относительно числа жителей. Всѣ губерніи Россіи можно раздѣлять на четыре категоріи: къ первой категоріи будутъ принадлежать губерніи, въ которыхъ приходится одинъ

подсудимый на число жителей меньше 100; ко второй категоріи — губерніи, имѣющія 1 подсудимаго на число жителей больше 100; къ третьей — больше 200, къ четвертой — больше 300 ¹⁾).

Максимум преступленій было:

	1 под. на числ. жит.
Въ губерніи пермской	50
петербургской	59
виленской	63
олонецкой	
бессарабской	66
казанской	78
новгородской	
курской	82
средн. выв	66,3

¹⁾ Помѣщаемъ здѣсь таблицу, показывающую количество преступленій въ каждой губерніи отдѣльно; а именно:

1 подс. на число жит. меньше 100.

1 бессарабская обл.	66	7 новгородская	82	1 под. на 78,9 ж.	
2 виленская губ.	63	8 олонецкая	62		
3 вятская	95	9 пермская	50		
4 казанская	97	10 петербургская	59		
5 кievская	95	11 тамбовская	95		
6 курская	82	12 тожская	98		
больше 100.		больше 200.			
ковенская	164	витебская	212		1 под. на 250,46 ж.
курляндская	118	владимирская	273		
московская	108	вологодская	288		
нижегородская	141	калужская	278		
оренбургская	146	могилевская	281		
орловская	148	пензенская	256		
подольская	119	полтавская	284		
самарская	100	псковская	227		
саратовская	140	рязанская	255		
сибирская	178	смоленская	240		
тобольская	125	тверская	234		
харьковская	167	херсонская	250		
черниговская	175	ярославская	227		
архангельская	130	больше 300.			
астраханская	126	костромская	355	1 под. на 441,1 ж.	
волынская	150	минская	363		
воронежская	160	таврическая	316		
гродненская	142	лифляндская	716		
екатеринославская	176	тульская	386		
енисейская	109	эстляндская	631		
иркутская	188				

Минимум преступленій:

	1 под. на чис. жит.
Въ губерніи лифляндской . . .	716
эстляндской . . .	631
тульской . . .	368
минской . . .	363
костромской . . .	355
таврической . . .	316
средн. выв.	458,1

Такъ губерніи пермская и петербургская составляютъ максимумъ количества преступленій, губерніи остзейскія (лифляндская, эстляндская, курляндская) минимумъ. Вглядываясь въ эти таблицы, невольно поражаетъ слѣдующимъ фактомъ: губерніи съ самыми противоположными климатическими условиями даютъ сходное число преступленій, составляютъ одну категорію; губерніи, одинакія по климату и почвѣ, лежація въ сосѣдственныхъ широтахъ, принадлежатъ къ различнымъ категоріямъ, даютъ несходное число преступленій. Такъ напримѣръ губерніи эстляндская и лифляндская принадлежатъ къ одной категоріи съ таврической и тульской; тульская губернія отдѣляется отъ курской только одною орловскою губерніей, а между тѣмъ курская принадлежитъ къ категоріи, дающей максимумъ преступленій, а тульская минимумъ преступленій. Псковская губернія граничитъ съ новгородскою и петербургскою, а между тѣмъ, по числу ежегодно совершающихся въ ней преступленій, не имѣетъ съ ними никакого сходства: въ петербургской 1 подс. приходится на 59 жит., въ псковской — 1 на 227. Слѣдовательно наклонность жителей къ преступленію въ одной губерніи относится къ наклонности жителей въ другой почти какъ 1: 4. Но всего поразительнѣе сравненіе петербургской губерніи съ лифляндскою. Количество преступленій въ первой въ 12 разъ превышаетъ количество преступленій въ послѣдней. А между тѣмъ въѣзъ это губерніи-сосѣдки, мало отличныя другъ отъ друга по своему климату и береговому положенію. Или возьмемъ теперь бессарабскую область и пограничную съ ней херсонскую губернію: въ Бессарабіи одинъ подсуд. приходится на 66 чел. жителей, въ херсонской на 250; слѣдовательно число преступленій въ одной относится къ числу преступленій въ другой какъ 1: 3,6. Архангельская и астраханская губерніи лежатъ на двухъ,

почти противоположныхъ концахъ Россіи, одна на югѣ, другая на сѣверѣ, а между тѣмъ количество преступленій, ежегодно совершаемыхъ и тамъ и здѣсь одинаково: въ архангельской 1 на 130, въ астраханской 1 подс. на 121. Мы могли бы привести подобныхъ сопоставленій множество, но вѣдь каждый читатель самъ можетъ сдѣлать ихъ, если только потрудится взглянуть повнимательнѣе на таблицу, помѣщенную въ выноскахъ, да на карту Россіи. Всѣ эти сопоставленія ясно кажется говорить, что климатическія условія не имѣютъ ровно никакого, или почти никакого вліянія на совершаемое ежегодно въ той или другой мѣстности количество преступленій. Сейчасъ же мы увидимъ, что это сираведливо не только относительно *количества*, но и относительно *качества* преступленій. Вотъ какимъ образомъ распредѣлялись важнѣйшія преступленія по губерніямъ. Слѣдующая таблица составлена по оѣциальнымъ даннымъ, взятымъ изъ отчетовъ министра юстиціи за 56, 57, 58, 59, 60 годы.

видъ преступленій.	за 1856, 57, 58 годн.	1859 годъ.	1860 годъ.
1. Смертоубійство.	пермская, вятская, рязанская, тобольская, томская.	тобольская, кievск., тамбовская, владимирская.	тобольск., томская, оренбургская.
2. Зажигательство.	вятская, костромская, ярославская, пензенская.	ярославская, костромская.	пензенская, ярославская, костромская.
3. Святотатство.	курская.	пензенск., симбирск.	пензенская, симбирская, курская.
4. Разбой.	черниговская, подольская, нижегородская, пермская.	черниговская, подольская, пермская, ковенская.	екатериносл., витебская, минская, таврическая.
5. Грабежъ.	пермская.	пермск., подольск., тобольская.	пермская, вятская.
6. Воров.-мошеничество	пермская, петербургская.	петерб., оренбург., вятская.	пермск., петербургская, оренбургская.
7. Воровство-кража.	пермская, кievская, подольская, московская, петербург., волынская, черниговская.	костромская, кievская, подольская, петербургская, московская, волынская.	московская, кievская, костромск., волынская, черниговская, петербургск., пермская.
8. Порубка лѣсовъ.	воронежская, курская, пермская.	воронежская, курская, олонецкая.	воронежск., курск., вологодск., вятская.
9. Бродяжничество.	пермская, петерб., саратовская, симбирская, самарск., херсонская, московская.	пермская, петерб., саратовская, симбирская, екатеринославская, херсонская.	пермская, петербургская, московская, екатеринославская.

Просимъ читателя обратить особенное вниманіе на эту таблицу: намъ придется ссылаться на нее еще не разъ. Изъ этой таблицы видно: 1) что одни и тѣже преступленія постоянно повторяются все въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, и 2) что климатическія условія не имѣютъ почти никакого вліянія на распредѣленіе преступленій по губерніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ напримѣръ хоть смертоубійство: оно распространено и въ кievской, и въ томской, и во владимірской, и въ тобольской губ.; или воровство-кража: его мы встрѣчаемъ во всѣхъ мѣстностяхъ, при всѣхъ климатахъ, умѣренномъ, тепломъ, холодномъ, и въ кievской, и въ пермской, и въ черниговской, и въ петербургской губ., хотя впрочемъ нѣкоторыя преступленія, напримѣръ порубка лѣсу, обуславливаются непремѣнно географическимъ положеніемъ страны: оно встрѣчается въ губерніяхъ, преимущественно изобилующихъ казенными лѣсами. Что же касается до грабежа и разбоя, то хотя эти преступленія и повторяются постоянно въ губ. тобольской, вятской, пермской, но все-таки отсюда мы не можемъ выводить зависимости ихъ отъ особенныхъ климатическихъ и географическихъ условій этихъ губерній, такъ какъ эти же самыя преступленія находимъ и въ мѣстностяхъ, лежащихъ подъ иными широтами, имѣющихъ иной климатъ, напримѣръ екатеринославской, черниговской, таврической, потомъ ковенской, витебской и т. д. То же самое можно сказать и о *бродяжничествѣ*: оно повторяется въ различныхъ мѣстностяхъ, независимо отъ климата и физическаго положенія этихъ мѣстностей. Послѣ всего этого мы смѣло кажется можемъ сказать, что *климатическія условія вообще не оказываютъ никакого замѣтнаго вліянія ни на количество, ни на качество преступленій*, или по крайней мѣрѣ если вліяніе ихъ дѣйствительно существуетъ, то оно парализуется другими вліяніями, болѣе сильными. Кетле, изслѣдовавшій раздѣленіе преступленій во Франціи, пришелъ почти къ такому же результату. Вотъ его подлинныя слова: «Вліяніе климата не слишкомъ чувствительно, что можно видѣть сравнивая Гвиѣну и Гаскону съ Провансомъ и Лангедокомъ, жителей верхнихъ и нижнихъ Пиринеевъ съ жителями верхнихъ и нижнихъ Альпъ, которые однако живутъ подъ одинаковыми широтами. Можно сказать, что вліяніе климата исчезаетъ передъ другими, болѣе энергическими вліяніями.» (Sur l'homme etc. Т. II, l. III, ch. III, p. 215.)

Однако мы должны здѣсь сдѣлать оговорку: хотя климатическія условія и не оказываютъ *непосредственнаго* вліянія на количество и качество преступленій, но за то никто не станетъ отрицать ихъ косвеннаго,

посредственного влияния: такъ наприимѣръ нездоровый, неблагоприятный климатъ, безплодная, болотистая почва, уменьшая уровень общественнаго благосостоянія, увеличивая общую сумму народныхъ бѣдствій, тѣмъ самымъ непремѣнно увеличиваетъ и число преступленій. Любопытны въ этомъ отношеніи факты можно найти въ «*Journal of the statistical society of London*» v. XXIV, t. 1, 1861. Тамъ помѣщено извлеченіе изъ отчета, читанаго въ сентябрѣ 1860 г. Эдвиномъ Чадвикомъ передъ «*Public Health*» section of the social meeting of Glasgow». Изъ этого отчета видно, что въ мѣстностяхъ съ нездоровымъ климатомъ, наприимѣръ Ланкаширѣ, увеличивается смертность и поразительно съ смертностью число преступленій. Число преступленій увеличилось сравнительно съ самой здоровой мѣстностью (Westmoreland) въ пропорціи 87,35: 23,66 или почти 4 : 1. Наша статистика показываетъ тоже самое: губерніи съ неблагоприятнымъ, нездоровымъ климатомъ, какъ наприимѣръ бессарабская и петербургская, представляютъ maximum преступленій. Но все-таки изъ предыдущихъ фактовъ дѣлается несомнѣннымъ, что климатическія и географическія условія не имѣютъ никакого значительнаго непосредственно-прямаго влияния на склонность человѣка къ преступленію; слѣдовательно роль ихъ и значеніе не имѣютъ особой важности для уголовной статистики. Но за то тѣмъ большее значеніе, тѣмъ большии всѣхъ приобретаютъ въ ея глазахъ влияния социальныя, влияния общественнаго устройства, быта. Къ нимъ-то мы теперь и обратимся.

III.

Соціальныя влияния. — Городская и сельская жизнь; ея влияние на количество ежегодно совершаемыхъ преступленій. — Отношеніе жителей по сословіямъ; влияние этого отношенія на число преступленій. — Вліяніе грамотности. — Пестрота и густота населенія. — Заводы и каторжники.

Подъ общимъ названіемъ «соціальныя условія» мы начѣрены анализировать разнообразное влияние городской и сельской жизни, густоты в пестроты населенія, грамотности, отношенія сословій между собой и т. д. на количество и качество преступленій. Думаемъ, что эти изслѣдованія не будутъ лишены интереса и значенія для всѣхъ, занимающихся внутренней жизнью общества, близко-принимающихъ къ сердцу общественныя недуги и страданія; что они прольютъ *нѣкоторый свѣтъ* на *нѣкоторыя*, далеко разумѣется не всѣ, но по крайней мѣрѣ главнѣйшія причины одной изъ ужаснѣйшихъ азовъ нашихъ — преступленія. Начнемъ хоть съ анализирова-

нія вліяння городской и сельской жизни. Для всякаго, никогда даже не занимавшагося статистикой ясно, что городская жизнь должна быть благоприятствовать развитію преступленій, чѣмъ сельская. Въ самомъ дѣлѣ, въ городахъ люди, приходя въ самыя близкія, частыя и разнообразныя соприкосновенія между собою, испытывая безпрерывно быстрыя и неожиданныя колебанія фортуны, то вознесенные на самый верхъ благополучія, богатые, довольные, правдые, то опять брошенные на низшую ступень лѣстницы общественнаго благосостоянія, голодные, безъ куска хлѣба, безъ работы, съ потребностями, удовлетворить которыя не имѣютъ законныхъ средствъ, озлобленные и ожесточенные, они идутъ пополнить печальные длинныя списки *приговоренныхъ, осужденныхъ, наказанныхъ*. Такимъ образомъ въ городахъ сконцентрированы всѣ данныя для преступленій. Напротивъ въ селахъ, гдѣ столкновенія между людьми не такъ часты, гдѣ каждый обезпеченъ въ удовлетвореніи по крайней мѣрѣ своихъ первыхъ необходимыхъ потребностей, гдѣ нѣтъ внезапныхъ, чудныхъ обогащеній и обыщаній со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями, гдѣ хотя общій уровень богатства и ниже чѣмъ въ городахъ, но гдѣ за то распредѣлено-то оно равномернѣе, — гдѣ все идетъ, однимъ словомъ, по разѣ заведенной колеѣ, тихо и мирно, утомительно и однообразно, сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня и т. д., безо всякихъ перемѣнъ и потрясеній — тамъ преступленіе составляетъ рѣдкое, необычайное явленіе. Эти апіористическія разсужденія вполне подтверждаются фактами, добытыми уголовною статистикомъ: въ городахъ количество преступленій всегда значительно превышаетъ количество преступленій въ селахъ; *разность* же зависитъ разумѣется отъ большаго или меньшаго различія въ формахъ городской и сельской жизни. Въ странахъ мало цивилизованныхъ, гдѣ формы городской жизни не дошли еще до своего утопченнаго совершенства, гдѣ между городомъ и селомъ нѣтъ еще рѣзкой, существенной разницы, гдѣ большинство населенія занято земледѣльческимъ трудомъ, — тамъ эта *разность* не можетъ быть велика, но все же она есть, и сейчасъ мы удостоверимся въ этомъ фактами. Россія именно такая страна, въ которой, сравнительно съ западной Европой, городская жизнь развита въ очень малыхъ размѣрахъ, не отдѣлена слишкомъ рѣзкою границей отъ сельской. Въ нашѣмъ городѣ (иhti въ виду общій *типъ* русскаго города) промышленность фабричная и торговая дѣятельность почти не существуютъ, а потому и классъ пролетаріевъ у насъ далеко не такъ огроменъ, какъ на западѣ; нѣтъ въ нашѣмъ городѣ того жгучаго, горячечнаго движенія, тѣхъ неожиданныхъ, внезапныхъ пово-

готовъ счастья, — всего того, однимъ словомъ, что составляетъ широты и, характеристическія черты *европейскаго торговаго города*. За то и въ деревняхъ наше сельское населеніе, едва-едва выходящее изъ своего рабскаго, зависимаго положенія, далеко не пользуется той обезпеченностью и благосостояніемъ, не находится въ тѣхъ выгодныхъ, благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыя поставлено земледѣльческое населеніе хоть положимъ Швейцаріи, прирейнской Германіи и нѣкоторыхъ департаментовъ Франціи, такъ что, опять повторю, у насъ не можетъ быть слишкомъ большой разницы между количествомъ преступленій, совершаемыхъ въ мѣстностяхъ съ большимъ % населенія городского къ населенію вообще, и въ мѣстностяхъ съ малымъ %. Припомнимъ, что мы раздѣляли губерніи Россіи по числу преступленій на четыре категоріи: въ губерніяхъ первой категоріи 1 подс. приходился среднимъ числомъ на 78,6 жителей; въ губерніяхъ второй категоріи 1 подс. на 144,9 жит.; въ третьей 1 на 256,46 жит., а наконецъ въ четвертой категоріи 1 подс. на 461,1 жителей. Вотъ процентное отношеніе городского населенія къ населенію вообще для каждой изъ этихъ категорій:

ОТНОШЕНІЕ	1 категорія.	2 категорія.	3 категорія.	4 категорія.
подсуд. къ числу жителей	78,6	144,9	$\frac{256,46}{358,78}$	$\frac{461,1}{358,78}$
% городского населенія къ населенію вообще.	11,88	9,52	$\frac{9,05}{9,76}$	$\frac{10,53}{9,76}$

Изъ этой таблицы видно, что количество преступленій постоянно увеличивается по мѣрѣ увеличенія % отношенія городского населенія къ населенію вообще; одна только четвертая категорія составляетъ исключеніе: число преступленій въ ней сравнительно съ третьей категоріей значительно уменьшилось, а между тѣмъ % городского населенія увеличился; разумѣется оно такъ и должно быть: вѣдь въ эту категорію входятъ остзейскія губерніи съ большими торговыми, промышленными городами съ одной стороны, а съ другой стороны общій уровень благосостоянія этихъ губерній, благодаря ихъ необыкновенно счастливому положенію (остзейскія г., таврическая, тульская и т. д.), значительно выше уровня благосостоянія другихъ губерній. Нечего и говорить кажется, что огромное количество преступленій петербургской губ. зависитъ въ немалой степени отъ большого % городского населенія: оно составляетъ болѣе половины всего населенія губерніи вообще, именно 55,8%. Въ московской губ. % городского населенія послѣ петербургской наибольшій, именно 28,1%

Это обстоятельство имѣть непосредственное вліяніе, какъ кажется, на то, что количество преступленій въ московской губ. превышаетъ въ значительной степени количество преступленій въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Однако вліяніе отношенія городского населенія къ населенію вообще на количество преступленій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ необыкновенно слабо, едва замѣтно, напримѣръ въ пермской и вятской губери. Число преступленій доходитъ тамъ до maximum, а между тѣмъ % городского населенія доходитъ чуть-чуть что до minimum. Въ пермской онъ равенъ 4,2%, въ вятской 2,4%¹⁾). Потому не будемъ преувеличивать вліяніе нашего городского населенія на число преступленій; оно дѣйствительно существуетъ, но степень его силы далеко не высока.

Перейдемъ теперь къ анализу другихъ вліяній. Всякому, со вниманіемъ разсматривавшему вѣдомость осужденныхъ и осужденныхъ, таблицы о подсудимыхъ и обвиненныхъ, прежде всего бросается въ глаза необыкновенная неравномѣрность, съ которой распределено количество подсудимыхъ и обвиненныхъ между различными классами общества. Такъ напримѣръ изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 59-ый годъ видно, что число преступленій, открытыхъ въ этомъ году, распределялось по состояніямъ слѣдующимъ образомъ:

1) Дворянъ и чиновниковъ	520	
2) Купцовъ и почетныхъ гражданъ	324	
3) Мѣщанъ и цѣховыхъ	3,728	
4) Крестьянъ	19,926;	въ этомъ числѣ
Государственныхъ	9,014	
Удѣльныхъ	541	
Прип. къ разнымъ вѣдомствамъ	2,410	
Помѣщиковъ и дворянъ	7,971	

то-есть число крестьянъ къ подсудимымъ вообще относится какъ 1 : 1,2.

Число же приговоренныхъ къ различнымъ наказаніямъ, какъ видно изъ отчета министра юстиціи, распределялось по состояніямъ въ 60-мъ году слѣдующимъ образомъ:

	на котору	на послед-	на вод-	къ про-
		ше	воренію	чить на-
				казаніямъ
Дворянъ потомственныхъ	11	38	83	587
Личныхъ	2	35	70	451
Лицъ духовнаго званія	6	11	25	144
Купцовъ и мѣщанъ	100	318	339	8,546
Крест. государ., удѣл. и онодворцевъ	413	620	15	38,015
Помѣщичьихъ крестьянъ	360	578	721	15,212

¹⁾ Цифры эти заимствованы изъ статистики Кольба.

Такая неравномерность въ распредѣленіи преступленій и наказаній по сословіямъ заставляетъ насъ обратить особенное вниманіе на отношеніе различныхъ классовъ жителей въ каждой губерніи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ для этого всѣхъ нужныхъ матеріаловъ. Статистическіе комитеты берегутъ ихъ при себѣ для назиданія своихъ собственныхъ членовъ, считая совершенно излишнимъ и ненужнымъ знакомить съ ними русскую публику; потому ограничимся только рассмотрѣніемъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и къ населенію губерній вообще. Вотъ таблица, составленная по статистикѣ Кольба:

	1 категория	2 категория	3 категория	4 категория
Отношеніе подсудимыхъ къ числу жителей . . .	78,6	144,0	258,46	481,1
			358, 78	
1 помѣщикъ на число крестьянъ	336	111	96	96
			97	
% отношеніе крестьянъ къ населенію вообще .	30,09	36,29	51,26	48,26
			49, 76	

Изъ этой таблицы дѣлается очевиднымъ, что число преступленій обратно пропорціонально числу помѣщиковъ, съ одной стороны, и отношенію крестьянскаго населенія къ населенію вообще, съ другой стороны. Остановимся на минуту на этомъ выводѣ: *возрастаніе % крестьянскаго населенія обратно пропорціонально возрастанію числа преступленій*. Вотъ фактъ, свидѣтельствующій, что сельское народонаселеніе, занятое земледѣльческимъ трудомъ, менѣе расположено къ преступленію, чѣмъ всякое другое сословіе; въ самомъ дѣлѣ крестьяне, несмотря на тѣ экономическія условія, въ которыя они поставлены, составляютъ самую здоровую часть населенія губерній; по мѣрѣ увеличенія ихъ числа уменьшается количество преступленій. Вотъ благотворное вліяніе на нравственность труда *земельнаго обезпеченнаго*. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній объ отношеніи жителей *земельныхъ* (то-есть владѣющихъ извѣстнымъ земельнымъ участкомъ, на общинныхъ или на личныхъ правахъ — все равно) къ *жителямъ безземельнымъ* по губерніямъ. Однако вышеприведенныя таблицы наводятъ насъ на мысль о томъ, какое громадное вліяніе имѣетъ это обезпеченіе на число преступленій. Потому нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что два мильона дворовыхъ, лишенныхъ по реформѣ 19 февраля этого обезпеченія, увеличатъ въ значительномъ размѣрѣ списки подсудимыхъ, если только не будутъ услышаны и приняты къ свѣдѣнію голоса, раздающіеся въ нашей литературѣ за этотъ классъ людей; надо стараться, чтобъ въ обществѣ

число людей, не имѣющихъ никакого постоянного возмезднаго обезпеченія, было доведено по возможности до мнѣйшаго. Статистика неопровержимыми фактами доказываетъ, что эти люди — источникъ вѣчнаго, непрерывнаго зла для общества; репрессивныя мѣры, въ родѣ уголовного наказанія, не въ состояніи не только уничтожить, но даже и уменьшить это зло; все эти мѣры направлены противъ *послѣдствій* извѣстныхъ причинъ, а не противъ самыхъ причинъ; онѣ остаются нетронутыми, а пока не будутъ ослаблены причинами, до тѣхъ поръ зло, ими производимое, не уменьшится. Другой фактъ — уменьшеніе преступленій пропорціонально увеличенію пенѣнщиковъ, то-есть лицъ вполнѣ матеріально-обезпеченныхъ, — не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ и поясненіяхъ, и потому мы не будемъ останавливаться здѣсь на немъ, а перейдемъ скорѣе къ изслѣдованію вліянія грамотности. Грамотность, образованіе оказываютъ вліяніе въ высшей степени отрадныя на уменьшеніе количества преступленій. Большинство подсудимыхъ неграмотны. Вотъ доказательства:

	Число подсудимыхъ		
	за 58 г.	за 59 г.	за 60 г.
Грамотныхъ	5,177	4,802	12,855
Неграмотныхъ	21,244	19,729	59,634
Отношеніе грамотныхъ къ неграмотнымъ . . .	4,1	4,1	4,6

То-есть грамотные къ неграмотнымъ относятся какъ 1: 4. Отсюда понятно, въ какой тѣсной зависимости долженъ находиться % отношенія грамотныхъ съ распредѣленіемъ преступленій по губерніямъ. Слѣдующая таблица, составленная по примѣру предыдущихъ, покажетъ намъ это отношеніе:

	1 категория	2 категория	3 категория	4 категория
Отношеніе подсудимыхъ къ числу жителей . . .	78,6	144,9	<u>256,46</u>	<u>461,1</u>
			358,78	
Отношеніе грамотныхъ къ числу жителей . . .	0,77	0,84	0,95	

Такимъ образомъ изъ таблицы становится яснымъ, что съ увеличеніемъ числа грамотныхъ уменьшается число преступленій. Но еще изъ этого нельзя заключить, что грамотность и уменьшеніе преступленій находятся въ причинной связи между собой: единственная связь, существующая между ними — это связь совпаденія. Оба явленія имѣютъ одну и ту же общую причину: возвышеніе уровня общественнаго благосостоянія. Если грамотность не обуславливается какимъ-нибудь улучшеніемъ въ социальномъ, экономическомъ бытѣ народа, то оно приводитъ къ результатамъ

прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ отъ нея ожидаютъ, то-есть она увеличить, а не уменьшить число преступленій. Одна французскій писатель доказалъ, что въ большихъ фабричныхъ городахъ % грамотныхъ преступниковъ изъ году въ годъ постоянно увеличивается и съ этимъ вмѣстѣ непрерывно же увеличивается количество ежегодно совершаемыхъ преступленій ¹⁾. Кетле, послѣ добросовѣстныхъ своихъ изслѣдованій о вліяніи грамотности на склонность къ преступленію, пришелъ къ заключенію, что грамотность уменьшаетъ число преступленій противъ собственности, причинъ которыхъ слѣдуетъ искать въ бѣдности и нищетѣ, но несколько не уменьшаетъ, напротивъ увеличиваетъ число преступленій противъ лицъ. Такъ что пониженіе общаго уровня суммы преступленій, совершаемыхъ грамотными, слѣдуетъ приписать не столько благотворному вліянію грамотности, сколько вліянію матеріальныхъ улучшеній въ бытѣ народа. Теперь, когда мы разсмотрѣли вліяніе городской и сельской жизни, вліяніе грамотности и обуславливающаго его уровня общественнаго благосостоянія, вліянія земледѣльческаго крестьянскаго населенія и земельного обезпеченія, мы можемъ понять и объяснить себѣ то разнообразіе, съ которымъ распределены преступленія по различнымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества. Мы далеко еще не можемъ исчерпать всѣхъ причинъ, обуславливающихъ это разнообразіе; мы указали только на важнѣйшія, первостепенныя; есть множество второстепенныхъ; изъ нихъ мы остановимся на нѣкоторыхъ. Такъ густота и нестрота населенія не могутъ не имѣть вліянія на число преступленій. Особенно густота населенія, или отношеніе жителей къ землѣ, должно вліять или на увеличеніе, или на уменьшеніе общей суммы преступленій, смотря по тому, велико или мало это отношеніе. Гдѣ оно невелико, то-есть гдѣ на маломъ пространствѣ живутъ много людей, безурестанно соприкасающихся и сталкивающихся между собою, тамъ разумѣется много поводовъ къ преступленію и слѣдовательно много преступленій; напротивъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ отношеніе велико, то-есть гдѣ люди отдѣлены другъ отъ друга огромными пространствами земли, гдѣ они рѣдко слѣдовательно сталкиваются, рѣдко дружатся и рѣдко ссорятся между собою, тамъ, понятно, и число преступленій должно быть сравнительно очень незначительно. О справедливости этихъ сужденій читатель самъ можетъ судить по слѣдующей, приводимой здѣсь таблицѣ:

¹⁾ См. «Organisation qu travail».

	1 категория.	2 категория.	3 категория.	4 категория.
Отношеніе подсудимыхъ къ числу жителей . . .	78,6	144,9	<u>256,46</u> 358,78	<u>461,1</u>
Отношеніе жителей къ землѣ. На 1 кв. мил. число жителей	1080	1062	<u>1228</u>	<u>892</u> 1060

Конечно, вліяніе густоты населенія, какъ видитъ читатель изъ этой таблицы, очень незначительно: вся разница въ густотѣ населенія между первой и четвертой категоріей не превышаетъ 20 человекъ на кв. милю, а въ третьей категоріи, хотя количество преступленій тамъ и уменьшалось, а между тѣмъ густота населенія сравнительно съ второй категоріей не только не уменьшалась, но даже увеличилась. Ясно, что вліяніе густоты населенія у насъ парализируется другими, болѣе сильными вліяніями: гдѣ населеніе гуще, тамъ оно и богаче, — вотъ почему густота его и не оказываетъ слишкомъ замѣтнаго вліянія на увеличеніе числа преступленій. Относительно вліянія пестроты населенія слѣдуетъ замѣтить, что губерніи, представляющія шахитимъ преступленій, какъ напр. петербургская, зятская, пермская, бессарабская область, имѣютъ и населеніе самое разноплеменное: въ петербургской губ. живетъ 12 племенъ, въ вятской 10, въ Бессарабіи 9, въ пермской 8. Однако есть губерніи, въ которыхъ число живущихъ племенъ нисколько не менѣе, напр. въ херсонской живетъ 10, въ оренбургской 11, въ лифляндской и таврической 8 племенъ, а между тѣмъ число преступленій тамъ очень невелико. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что и число племенъ, живущихъ въ губерніи, не имѣетъ замѣтнаго вліянія на число преступленій. Однако этого нельзя сказать объ образѣ жизни и социальномъ бытѣ того или другаго племени: оно непременно должно вліять на увеличеніе, если оно благопріятствуетъ развитію порочныхъ наклонностей, или на уменьшеніе, если не благопріятствуетъ, количества ежегодно совершаемыхъ преступленій. Такъ напр. губерніи, въ которыхъ преобладаетъ еврейское населеніе (киевская, виленская и бессарабская), даютъ шахитимъ преступленій. И это понятно: евреи, благодаря невѣжеству, рутинѣ, устарѣлымъ общественнымъ предрассудкамъ, поставлены въ самыя невыгодныя, неблагопріятныя экономическія условія, положеніе ихъ лишено всякаго обезпеченія, оно шатко и ненадежно, — такъ нѣтъ ничего мудренаго, что у нихъ наклонность къ преступленію развита болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, что самыя названіе «жидъ», «еврей» сдѣлались уже издавна синонимомъ обмана и плутовства, что уже издавна еврей

считались злою язвой для той мѣстности, въ которой они селились. Да они и дѣйствительно были язвой; но не они въ этомъ виноваты: въ этомъ виновато общество, отвергшее ихъ, доведшее ихъ до ихъ нынѣшняго злосчастнаго положенія. Потому-то такъ возмущительно видѣть и слышать, когда съ тупоумнымъ высокомеріемъ обходятся съ ними, когда съ наглымъ презрѣніемъ бросаютъ имъ въ лицо слово брани, оскорбленія, когда ихъ гонять и тѣснить на каждомъ шагѣ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Въ корреспонденціяхъ нашихъ газетъ изъ западныхъ и южныхъ губерній безпрестанно разсказывается о разныхъ *скандалахъ и скандаличкахъ*, происходившихъ въ дѣтство и юность то какого-нибудь еврейскаго семейства, то одной какой-нибудь еврейской женщины изъ «благородныхъ», дворянскихъ, купеческихъ и всякихъ другихъ собраний. Сначала каждый подобный случай *знанія* возбуждалъ въ литературѣ шумъ, суетню, громкіе, оживленные толки, восторженные декламации; теперь какъ-то ко всему этому приглядѣлись, приобыкли, — ну и шитихли, замолчали. Да и что толку говорить? Слова здѣсь не помогутъ; нужно улучшать, улучшить дѣйствительно, на дѣлѣ, социальный бытъ евреевъ, обезпечить, упрочить ихъ общественное положеніе — и тогда къ нимъ придутъ сами собой и уваженіе, и довѣріе, и любовь того населенія, среди котораго они живутъ.

Изъ вышеприведенныхъ таблицъ читатель могъ видѣть, что число преступленій достигаетъ почти своего тахішимъ а въ такъ-называемыхъ губерніяхъ приуральскихъ. Единственная, или по крайней мѣрѣ главная причина этому — разумѣется заводы и каторжники. Заводъ, фабрика вездѣ имѣютъ одно и тоже злое вліяніе на увеличеніе преступленій, на развращеніе окружнаго населенія. Бѣдность, нищета со всѣми ихъ печальными послѣдствіями: пьянствомъ, развратомъ, развратомъ порочныхъ наклонностей — вотъ что въ особенности характеризуетъ заводскія окрестности. Ко всему этому надо прибавить еще каторжниковъ да поселенцевъ. Преступленіемъ ссыльныхъ составляютъ 45% общаго числа преступленій, ежегодно совершаемыхъ въ Сибиря.

Много интересныхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, читатель можетъ найти въ статьѣ г. Шелгунова: «Сибирь по большой дорогѣ» («Русское Слово» № 1, 2, 3). Мы же, съ своей стороны, самі занимаемся собираніемъ матеріаловъ, съ помощью которыхъ можно бы было опредѣлять *фактически* степень, силу и свойство вліянія уголовного наказанія на преступника. Поэтому пермская губернія, черезъ которую обыкновенно провозятъ преступниковъ на каторгу, на-

ходятся разумеется въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для развитія преступленій. Въ этомъ отношеніи съ ней можетъ сравниться развѣ одна только петербургская губернія. Въ послѣдней все, кажется, соединилось, чтобы доводить до шайшимъ'a число ежегодныхъ болѣзней, смертей, преступленій: неадѣровый, убійственный климатъ, безплодная, болотистая почва, скопленіе большого числа лицъ въ одномъ промышленномъ центрѣ, сравнительно высокое развитіе фабричной и торговой дѣятельности, разнообразіе племень и т. д. Нѣтъ ничего удивительнаго, что число преступленій въ обѣихъ этихъ губерніяхъ доходитъ до чудовищныхъ, ужасающихъ размѣровъ.

Анализируя причины, обуславливающія неравномѣрное распредѣленіе преступленій по губерніямъ, мы пришли такимъ образомъ къ слѣдующимъ выводамъ: географическія условія имѣютъ здѣсь очень малое, едва-едва замѣтное вліяніе, а изъ социальныхъ, общественныхъ условій наибольшее вліяніе оказываетъ 1) отношеніе городского населенія къ сельскому, 2) отношеніе земледѣльческаго осѣдлаго населенія къ населенію губерніи вообще, и рядомъ—отношеніе помѣщиковъ (сравнительно крупныхъ собственниковъ) къ крестьянамъ (сравнительно мелкимъ); 3) и главное—общій уровень народнаго благосостоянія, за мѣрило котораго мы беремъ степень грамотности народа; 4) разнообразіе племень и ихъ образа жизни; 5) заводы, каторжники и т. д. Есть еще вліянія, которыхъ мы здѣсь почти и не коснулись, а которыя между тѣмъ имѣютъ огромное значеніе для уголовной статистики: это вліяніе пола, возраста и времени года. Анализу этихъ вліаній мы и посвятимъ слѣдующую главу.

IV.

Полъ, возрастъ; ихъ вліяніе на количество и качество преступленій.—Время года.

Слѣдующія таблицы лучше всего покажутъ отношеніе преступницъ-женщинъ къ преступникамъ-мужчинамъ. Таблицы составлены по отчету министра юстиціи за пять лѣтъ.

Число подсудимыхъ женщинъ.

Годъ.	Всего подсуд.	Въ томъ числѣ женщинъ.	Отношеніе.
1858	404,717	56,401	7,1
1859	422,558	57,172	7,3
1860	393,020	46,524	8,4
Средн. выводъ	406,765	53,365	7,6

Число обвиненныхъ женщинъ.

Года.	Всего обвиненныхъ.	Въ томъ числѣ женщинъ.	Отношеніе.
1856	57,130	9,184	6,2
1857	60,443	9,685	6,2
1858	70,665	11,034	6,4
1859	74,216	14,544	5,1
1860	72,489	9,299	7,7
Средн. выводъ	66,988	10,748	6,3

Такимъ образомъ изъ 400,000 ежегодно судимыхъ, женщинъ будетъ около 53,000; а изъ 66,000 ежегодно присуждаемыхъ къ наказанію, женщинъ будетъ болѣе 10,000; иными словами: 1 женщина приходится на 7 подсудимыхъ мужчинъ и на 6 приговоренныхъ, т. е. преступность женщинъ къ преступности мужчинъ относится почти какъ 1 : 6. Но изъ этого факта не слѣдуетъ еще выводить какихъ-нибудь преждевременныхъ заключеній о нравственной чистотѣ и совершенствѣ женщины сравнительно съ мужчиною. Въ спискахъ подсудимыхъ и ссужденныхъ имена женщинъ попадаются рѣже, чѣмъ имена мужчинъ, — правда; но причину этого явленія слѣдуетъ искать съ одной стороны въ рѣшительной невозможности, или по крайней мѣрѣ чрезвычайной трудности привести въ исполненіе женщинамъ ихъ преступныя замыслы (частью по неумѣнью, частью по недостатку физическимъ силамъ); съ другой стороны въ зависимомъ положеніи женщины, которое пріучаетъ ее съ дѣтства въ одномъ мужчинѣ видѣть своего естественнаго хранителя и защитника и возлагать на него одно свое упованіе и надѣяться на его силы, а не на свои собственныя, — положеніи, которое, снимаетъ съ женщины тяжкое бремя житейскихъ хлопотъ, удаляетъ ее отъ общественной жизни. Кромѣ того, статистика говоритъ намъ только о числѣ преступленій, *прямо, непосредственно* совершенныхъ женщинами; но она умалчиваетъ о множествѣ другихъ преступленій, совершенныхъ если не прямо женщинами, то по крайней мѣрѣ подъ ихъ вліяніемъ, по ихъ наученію (сознательно ли оно было или нѣтъ, все равно), ими задуманныхъ, ими вызванныхъ и безъ нихъ быть-можетъ никогда бы не явившихся на свѣтъ божій. Да и отчего наша женщина можетъ быть нравственнѣе мужчины? Развѣ условія ея развитія благопріятнѣе условій развитія мужчины? Развѣ окружающая ее обстановка не таже? Теперь интересно знать, къ какимъ преступленіямъ наиболѣе склонны женщины. Слѣдующая таблица за

58, 59 и 60 г. дасть возможность вполне утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ:

Роды преступленій.	За 58 годъ.	59 г.	60 г. *)	Всего.
1) Воровство-кража	913	1142	2802	4857
2) Бродяжничество	697	589	1245	2531
3) Смертоубійство	431	427	617	1475
4) Порубка лѣса	87	7	416	510
5) Зажигательство	98	109	101	368
6) Воровство-мошенничество	23	33	177	233
7) Грабежъ	8	17	33	58
8) Святотатство	6	10	11	27
9) Поддѣлка монеты	11	8	5	24
10) Разбой	11	3	8	22

Для мужчинъ важнѣйшія преступленія расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ планѣ стоитъ разумѣется «воровство-кража», на второмъ «бродяжничество», на третьемъ «порубка лѣса», на четвертомъ «смертоубійство»; потомъ идутъ 5) мошенничество, 6) грабежъ, 7) зажигательство, 8) святотатство, 9) поддѣлка монеты, 10) разбой. Читатель видитъ, что склонность къ кражѣ и бродяжничеству (преступленію, кстаи замѣтимъ, самому общему и самому распространенному у насъ во всей Россіи), разбою, святотатству, поддѣлкѣ монеты — какъ у женщины, такъ и у мужчины развита почти въ одинаковой степени; за то дальнѣйшее сравненіе даетъ выводы, говорящіе далеко не въ пользу женской нравственности и кротости. Въ таблицѣ преступленій, ими совершаемыхъ, смертоубійство стоитъ въ третьемъ ряду, зажигательство въ пятомъ: у мужчинъ же смертоубійство помѣщено только въ четвертомъ, а зажигательство въ седьмомъ разрядѣ. Правда, грабежъ, какъ видно изъ таблицъ, чаще совершается мужчинами, чѣмъ женщинами; но причинъ этого явленія слѣдуетъ искать не въ нравственномъ превосходствѣ женщины, а просто въ ея тяжкомъ, забитомъ положеніи, да въ томъ еще, что этотъ видъ преступленія требуетъ нѣкоторой удалы и физической силы — качества, которыми рѣдко отличаются женщины. Гораздо сильнѣе вліяніе возраста. Въ первые года своей жизни человекъ, при неразвитости своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ, при ограниченности своихъ потребностей, при своемъ зависимомъ положеніи, рѣдко покушается на преступленія. Но по мѣрѣ развитія физиче-

*) За 60 годъ взято количество подсудимыхъ женщинъ вообще, а не только однихъ присужденныхъ.

скихъ силъ и склонность къ преступленію въ человѣкѣ все растетъ и растетъ, и наконецъ при ихъ полномъ развитіи (т. е. около двадцати-пяти лѣтъ для мужчинъ и нѣсколько ранѣе для женщинъ) она достигаетъ своего maximum'a. Въ этотъ возрастъ, между 24—35 г., человекъ обыкновенно выходитъ изъ-подъ отеческой ферулы, начинаетъ жить самостоятельно, *обзаводится* женою, дѣтьми, семействомъ; нужда и горе встрѣчается съ нимъ лицомъ къ лицу; возникаютъ новыя потребности—слѣдствіе полнаго развитія физическихъ и нравственныхъ силъ а удовлетворить ихъ нѣтъ средствъ—и человекъ дѣлается *преступникомъ!* Кетле называетъ этотъ періодъ полнаго развитія человѣческихъ силъ *роковымъ періодомъ въ жизни человека.* Дѣйствительно, роковой періодъ! Читатель увидитъ изъ прилагаемой таблицы, что именно въ этотъ періодъ преступленіе всѣхъ видовъ и родовъ доходитъ до своего крайняго предѣла; дальше оно не идетъ. Съ этого времени, то-есть приблизительно съ тридцати-пяти лѣтъ, склонность къ преступленію постепенно уменьшается, пока не достигаетъ при концѣ человѣческой жизни до новаго и послѣдняго minimum'a.

Съ тридцати-пяти-лѣтняго возраста силы начинаютъ оставлять человека, страсти утихаютъ, жажда кипучей дѣятельности проходитъ; человекъ въ эту пору уже свыкся съ жизнью, помирился съ нею, ироложилъ себѣ какую-нибудь торную дорожку и плетется себѣ по ней, никого не безиокая и не трогая; или же, если смолоду онъ былъ слишкомъ буренъ, дѣтеленъ и торопливъ, а нужда слишкомъ велика, бѣдность слишкомъ тяжела—лежитъ онъ себѣ теперь подъ сырою землею, или копааетъ гдѣ-нибудь руду, сидитъ прикованный къ цѣпямъ, проклятая былое горе да настоящее житье.

Изъ той же таблицы читатель увидитъ, что между мужчиною и женщиною нѣтъ большаго различія; возрастаніе и уменьшеніе числа преступленій для обонхъ половъ одинаково: уменьшаясь при началѣ и при концѣ жизни и увеличиваясь въ срединѣ, оно слѣдуетъ однимъ, неизмѣннымъ, опредѣленнымъ законамъ. Статистика открываетъ и указываетъ эти законы, какъ она открыла и указала на законы «смертности» и «рождаемости». Она можетъ теперь съ достовѣрностію сказать, когда человекъ чувствуетъ, при равенствѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, болѣе склонности къ преступленію, когда менѣе, въ какой періодъ своей жизни совершаетъ болѣе преступленій, въ какой менѣе, и какихъ именно. Удовлетворительнымъ рѣшеніемъ этихъ задачъ статистика оказываетъ неоцѣненную услугу практическому законодательству. Она даетъ ему

возможность рѣшить въ свою очередь вопросъ о «вмѣняемости», опредѣлить случаи, когда должна «вмѣняемость» ограничиваться или даже совсѣмъ уничтожаться. Вотъ таблица за 60 годъ, составленная по официальнымъ даннымъ и показывающая распределение важнѣйшихъ преступленій по возрасту и полу. Точно такія же таблицы составлены нами для 59, 58, 57 г. Но такъ какъ во всѣхъ главныхъ чертахъ онѣ сходны съ таблицею за 60 г., то мы и не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь всѣ четыре таблицы заразъ; достаточно в одной; существенной разницы между ними, опять повторимъ, нѣтъ. Таблицу за 60 г. мы выбрали именно потому, что цифры въ ней современнѣе, ближе къ намъ, а потому разумнѣе и интереснѣе.

Видъ преступленія.	отъ 10—17 л.		отъ 17—21 г.		отъ 21—35 л.		отъ 35—45 л.		отъ 45—70 л.		свыше 70 л.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1. святотатство.	7	1	26	2	42	3	37	3	27	2	1	
2. поддѣлка мон.			8		59	5	40		16			
3. порубка тѣсу.	51	2	1242	72	6202	198	5595	106	4065	38	70	
4. бродяжничес.	91	23	574		3163	641	2202	127	834	92	16	5
5. смертоубійс.	24	7	81	94	641	344	369	135	159	86	7	1
6. зажигательс.	27	10	47	40	210	65	130	34	54	11	1	1
7. разбой . . .			8		36	2	29	6	7			
8. грабѣжъ . . .	3		36	7	242	20	137	6	37			
9. воров. кража.	289	61	1706	359	7591	1395	5560	796	2361	179	27	2
10. воров.мошен.	24	76	188	24	1055	84	514	57	155	6		

Къ сожалѣнію, отчеты министерства юстиціи не говорятъ ничего о распределеніи по возрасту и полу *погодю*. Періоды, которые въ нихъ берутся, во-первыхъ произвольны, во-вторыхъ очень обширны: отъ 35 лѣтъ напримѣръ до 45, отъ 45 до 70 л. и т. д. Это очень важный недостатокъ: онъ дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ опредѣлить навѣрное и даже приблизительно, въ какой именно годъ своей жизни человекъ получаетъ наибольшую, въ какой наименьшую склонность къ преступленію. Желательно бы было, чтобы послѣдующіе отчеты составлялись въ этомъ, да и во многихъ другихъ отношеніяхъ, пополнѣе, потолковѣе, да пояснѣе. А теперь будемъ довольны хоть и тѣмъ, что имѣемъ. Изъ приведенной таблицы можно сдѣлать множество выводовъ и умозаключеній болѣе или менѣе интересныя, болѣе или менѣе важныя. Мы поэтому

нѣсколько остановимся на ней. Таблица говоритъ, что самое распространенное, чаще другихъ повторяющееся преступленіе послѣ кражи есть у насъ бродяжничество или вообще нарушеніе законовъ о паспортахъ. Наклонность къ этому преступленію развивается съ самаго дѣтскаго возраста, достигаетъ своего maximum'a между 21 и 45 г., съ 45 л. начинаетъ ослабѣвать; прекращается же только со смертію челоуѣка; сильна эта наклонность одинаково какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ; развивается и измѣняется она какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ тоже въ одинаковой пропорціи. Статистика бродягъ и бѣглыхъ даетъ вообще лучшее мѣрило для оцѣнки всей нашей паспортной системы. Огромное количество *бродящихъ*, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, дѣтей и стариковъ, служить лучшимъ приговоромъ всей системы, показываетъ лучше всего, какъ тягостна она для народа, изобличаетъ всю ея несостоятельность, точно также какъ огромное число контрабандистовъ лучше всего изобличаетъ бесполезность и несостоятельность высокихъ пошлинъ. Послѣ «нарушенія паспортныхъ законовъ» слѣдуетъ по порядку «нарушеніе законовъ о казенныхъ дѣсахъ». О нарушеніяхъ этого рода мы скажемъ тоже, что сказали о нарушеніяхъ перваго рода, то-есть что чрезмѣрно-частое повтореніе этихъ нарушеній служить лучшимъ доказательствомъ всей несостоятельности дѣсныхъ законовъ. Теперь составленъ новый дѣсной уставъ; послѣдствія лучше всего докажутъ, на сколько этотъ новый уставъ лучше стараго. Наклонность къ «смертоубійству» развивается параллельно съ развитіемъ физическихъ силъ челоуѣка; особенно сильна эта наклонность у женщинъ между 17—21 г.,—время полнаго разгара страстей; 7 — скромное число убійствъ, совершенныхъ женщиной отъ 10 — 17 лѣтняго возраста: вдругъ въ этотъ періодъ возрастаетъ заразъ до 94 (т. е. на 87), тогда какъ у мужчинъ оно возрасло только съ 24 до 81, то-есть только на 57. Вотъ какая разница! Но зато послѣ, съ 21 года, когда разыгрываются мужскія страсти, когда достигаютъ своего полнаго развитія мужскія силы — количество совершаемыхъ ими убійствъ далеко оставляетъ за собою число женскихъ убійствъ, и такъ идетъ до самой смерти обоихъ.

Вообще же говоря, таблица показываетъ, что преступленія всѣхъ родовъ и видовъ наиболѣе плодятся у мужчинъ и женщинъ, все равно, между 21 и 45 г., что этотъ возрастъ самый благопріятный для развитія преступныхъ, порочныхъ наклонностей; что по обѣ стороны, то-есть до 21 г. и послѣ 45 л., число преступленій идетъ все понижаясь, пока не доходятъ до окончательнаго minimum'a. Въ средній періодъ наибольш-

шаго развитія преступленій стоитъ наибольшій тахіміп: его даетъ возрастъ 25-лѣтній или около. Фактъ этотъ говоритъ о печальномъ, незавидномъ положеніи общества, въ которомъ тратятся совершенно непроизводительно, гибнутъ и пропадаютъ задаромъ молодыя силы, въ которомъ стремленіе къ живой, кипучей дѣятельности находитъ себѣ сплошь да рядомъ такой роковой выходъ; въ которомъ все неугомонное, все бурное или умираетъ преждевременно, или идетъ на каторгу, на пѣшь, запирается въ душіныя темницы. На число совершаемыхъ преступленій оказываетъ также значительное вліяніе брачное и холостое состояніе. Такъ напримѣръ въ 60 г. изъ числа обвиненныхъ было замужнихъ и женатыхъ 46,294; вдовъ, холостыхъ и дѣвицъ 26,195. Въ 58 и 59 г. число преступленій судившихся уголовными палатами и совѣстными судами по семейнымъ отношеніямъ подсудимыхъ, распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	58 г.	59 г.
Замужемъ и женатыхъ	14,171	13,649.
Вдовъ, холостыхъ и дѣвицъ	11,250	10,882.

Разумѣется въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; странно было бы на противъ, еслибы этого не было. Не говоря уже о томъ, что бѣдность и нищета давятъ семейнаго человѣка въ сто разъ тяжеле, чѣмъ холостаго, бракъ, при его нынѣшнихъ условіяхъ, при нынѣшнемъ подчиненномъ положеніи женщины влечетъ непремѣнно за собою всякаго рода ссоры, непріятности, огорченія, постоянную нравственную пытку: одно это въ состояніи довести человѣка до отчаянія, до преступленія.

О вліяніи занятій и образа жизни на количество и качество преступленій мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Отчеты министра юстиціи считаютъ совершенно излишнимъ даже и поминать объ этомъ, какъ-будто вліянія такого рода совѣтъ и не существуетъ. А между-тѣмъ оно существуетъ и имѣетъ безъ сомнѣнія большую силу, а слѣдовательно и большое значеніе для уголовной статистики. Теперь мы можемъ рассуждать объ этомъ предметѣ только а priori, не основывая своихъ мнѣній на непреложныхъ фактахъ, потому уже лучше совѣтъ ничего и не будемъ говорить; подождемъ, пока пополнятся пробѣлы въ отчетахъ министра. А этихъ пробѣловъ не мало, и вотъ изъ-за нихъ вопросъ, и очень важный вопросъ, такъ-таки и остается нетронутымъ.

V.

НАКАЗАНІЯ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

«Изъ году въ годъ представляется грустная перспектива видѣть, какъ одни и тѣмъ преступленія повторяютъ все въ одномъ и томъ же числѣ, навлекаютъ все одни и тѣмъ наказанія, все въ одной и той же степени.»
(Quetelet, «Sur l'homme etc.», t. II, p. 260.)

«A fructibus eorum cognoscatis eos.»

Руководствуясь данными, добытыми статистикою, мы указали на главнѣйшія причины, разнообразіе количество и качество преступленій въ различныхъ мѣстностяхъ, анализировали, взвѣсили относительную силу и степень ихъ вліянія. Мы видѣли, что число и свойство преступленій зависятъ не столько отъ географическихъ, климатическихъ вліяній, сколько отъ неурядка и неурстройства въ экономической соціальной жизни народа; мы видѣли, что всѣ многообразныя общественныя вліянія, способствующія развитію въ человѣкѣ наклонности къ преступленію, сводятся главнымъ образомъ къ вліянію одной причины: отсутствію прочнаго, матерьяльнаго обезпеченія, нищеты и бѣдности, ненормальнымъ общественнымъ отношеніямъ, — отношеніямъ, которыя развращаютъ людей, порождаютъ праздность, злобу, зависть, лицемеріе! Не будь этой причины, не было бы сотой, тысячной доли всѣхъ этихъ преступленій, непрерывно тревожащихъ, смущающихъ всеобщую тишину и спокойствіе, навлекающихъ страхъ, уныніе, держащихъ общество всегда на-сторожѣ, всегда какъ-бы въ осадномъ положеніи. Но въ началѣ статьи мы сказали, что изученіе уголовной статистики не только раскрываетъ передъ нами причины преступленій, — оно даетъ намъ возможность опредѣлить вліяніе и относительную важность наказанія для общества. рѣшить вопросъ, полезно или нѣтъ наказаніе? Великій, важный вопросъ. Фактическое рѣшеніе его съ помощью уголовной статистики будетъ разумѣется гораздо важнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ всѣ туманныя разсужденія объ абсолютѣ, о высшей абсолютной справедливости и т. д. Какъ мы уже видѣли случай упомянуть, отъ такого рациональнаго рѣшенія этого вопроса рутинна отдѣляется обыкновенно общими фразами, провѣрять которыя фактами никто никогда не бралъ на себя труда. Бентамъ ставитъ наказаніе въ

пряную зависимость от его полезности. Но въ чемъ заключается эта его полезность? У рутины отвѣтъ готовъ: въ общемъ и частномъ предупрежденіи, — то-есть наказаніе, являясь у преступнаго человѣка вредъ обществу физически и морально (если оно его напр. исправитъ), производитъ благотворное вліяніе и на самое общество. *Благотворность* этого вліянія состоитъ въ слѣдующемъ: 1) наводя страхъ на людей не совершить порочныхъ, но и не совершить непорочныхъ, оно удерживаетъ ихъ этимъ самымъ отъ преступленія; 2) служить отличительнымъ примѣромъ для натуръ слабыхъ и колеблющихся; 3) служить довольно важнымъ противовѣсомъ той выгодѣ, которую, по представленію преступника, можетъ дать ему совершеніе преступленія. *Иными словами: наказаніе имѣетъ постоянную тенденцію уменьшить количество преступленій.* Такъ говоритъ теорія. Посмотришь что скажутъ факты

Но сдѣлаемъ прежде слѣдующую оговорку: предлагаемая здѣсь статья есть опытъ разработки «русской уголовной статистики»: потому, рассматривая вліяніе климатическихъ и социальныхъ условій на качество и количество преступленій, мы руководствовались исключительно фактами, представляемыми *русскою* статистикою, почеркнутыми изъ *русскихъ* официальныхъ источниковъ. При рѣшеніи послѣдняго вопроса, который мы намѣрены здѣсь разобрать, именно полезны или нѣтъ наказанія, мы, не выходя за предѣлы нашихъ настоящихъ изслѣдованій, ограничимся также только фактами русской уголовной статистики. Разумеетсяъ, факты эти еще слишкомъ незначительны (въ количественномъ отношеніи), чтобы, основываясь на нихъ, можно было придти къ какому-нибудь окончательнымъ, положительнымъ выводамъ: ятъ, сознаваясь напередъ, что эти факты не дадутъ намъ рѣшительнаго отвѣта на поставленный выше вопросъ, мы воздержимся отъ всякихъ преждевременныхъ апіористическихъ опредѣленій. Нерѣшенный, или лучше *не вполне* рѣшенный вопросъ мы сдѣлаемъ предметомъ изслѣдованія будущаго этюда, и тогда, не довольствуясь уже одною русскою статистикою, мы обратимся за указаніями къ статистикамъ другихъ европейскихъ странъ, и съ помощью данныхъ, добытыхъ изъ различныхъ источниковъ, постараемся хотя приблизительно разрѣшить этотъ великій, неизвѣрно важный вопросъ современныхъ обществъ.

Вотъ таблица подсудимыхъ, обвиненныхъ и приговоренныхъ въ такіе-либо наказанія въ 56, 57, 58, 59, 60, 61 годы. Мы выписываемъ ее,

чтобы каждый читатель самъ могъ снова проверить наши послѣдующіе выводы.

года.	подсудимые.	обвиненные.	1 обв. на чис. подс.	приговоренные къ тяжк. наказ.	1 приг. на чис. подс.
1856	383,229	57,130	6,7	5,551	10, 2
1857	383,213	60,443	6,3	5,553	10, 8
1858	404,117	70,665	5,7	5,724	12, 3
1859	422,558	74,216	5,6	5,131	14, 7
1860	393,090	72,489	5,4	4,011	18,06
1861	433,506	79,780	5,4	—	—

Изъ приведенной таблицы можно составить другую, которая яснѣе и осязательнѣе покажетъ вліяніе наказаній на количество преступленій. Въ 56 и 57 г. 1 обвиненный среднимъ числомъ проходитъ на 6,5 подсудимыхъ. Среднее ежегодное число преступленій въ эти два года было 383,221. Въ 58 и 59 г. 1 обвиненный приходился на 5,6 подсуд.; число преступленій было 413,337. Въ 60 и 61 г. 1 обвиненный приходился на 5,4 подсуд.; число преступленій было 413,263. Эти цифры ясно показываютъ, что наказаніе постоянно увеличивалось, и что это увеличеніе влекло за собою не уменьшеніе, а напротивъ возрастаніе ежегоднаго числа преступленій. Такъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ (58, 59, 60, 61) количественная строгость наказаній увеличилась сравнительно съ двумя предыдущими годами на 1%, т. е. если въ 56 и 57 г. на 100 человекъ подсудимыхъ осуждали 1, то теперь на то же количество подсудимыхъ осуждаютъ 2. Увеличеніе очень значительное. Но какъ же подѣйствовала эта строгость, эта такъ-сказать неизбежность наказанія на общество? А вотъ какъ. Число ежегодныхъ подсудимыхъ въ первые два года = 383,221, а въ послѣдніе четыре года возрасло до 413,300. Увеличеніе тоже, какъ видите, значительное: ежегодно прибавлялось подсудимыхъ на 30,079! Это значитъ, что % приращенія преступленій въ 4 года равняется 7,8%, или % ежегоднаго приращенія = 1,95%, т. е. почти 2%. Тогда какъ процентъ, по которому возрастало народонаселеніе, былъ, какъ доказываетъ Кольбъ, менѣе 4% (0,95). Фактъ такого чрезвычнаго приращенія преступленій по истинѣ грустный фактъ; мы не думаемъ разумѣется объяснять его исключительно увеличеніемъ строгости наказанія: это была бы уже нелѣпость. Преступленія не зависятъ отъ такихъ внѣшнихъ, поверхностныхъ причинъ, корень ихъ таится глубоко: онъ кроется въ экономической, спе-

ціальнoй жизни народа. Мы указали выше на главную причину преступлений вообще; но отчего бы это ни произошло, дѣло не въ томъ; наказаніе не оказало во всякомъ случаѣ никакого благотворнаго вліянія на общество. Скорѣе это вліяніе было неблаготворно, потому что строгость его не уменьшила, а скорѣе увеличила количество преступлений. Мы составили таблицы о подсудимыхъ и обвиненныхъ за очень длинный рядъ лѣтъ, ни въ одной изъ этихъ таблицъ мы не нашли опроверженія своей мысли: напротивъ, онѣ убѣдили насъ, что за годомъ строгихъ наказаній всегда шелъ годъ, дававшій нисколько не меньшее, если даже не большее число преступлений. Если же строгія наказанія не производили на общество ожидаемыхъ дѣйствій, если же и они не внушали *благотворнаго* страха, не удерживали слабыхъ и колеблющихся, не служили спасительнымъ, предупредительнымъ *примѣромъ*,—то не вѣрно ли ждать всего этого отъ наказаній нестрогихъ, слабыхъ? Приведенная выше таблица показываетъ, съ какимъ постоянствомъ повторяется все одно и то же число преступлений:

Въ 56 и 57 г.	383,221
— 58—59 г.	413,237
— 60—61 г.	413,263

средн. выв. 403,273, т. е. 1 подсудимый на

каждые 161 ч. жителей, предполагая населеніе Россіи въ 65 мил.

Отъ этого средняго вывода за 6 лѣтъ средній выводъ за каждое двухлѣтіе отстуетъ, какъ видятъ читатель, очень мало. Такъ что заранѣе можно приблизительно предсказать число подсудимыхъ въ будущихъ годахъ, напр. въ 63 и 64 г.; ошибемся не болѣе какъ тысячу на тридцать, то-есть менѣе чѣмъ на $\frac{1}{13}$. Если мы обратимъ теперь вниманіе на таблицу, помѣщенную во II главѣ (о распредѣленіи важнѣйшихъ преступлений по губерніямъ), то мы изъ нея легко можемъ замѣтить постоянство, съ которымъ повторяются все въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ все одна и тѣже преступленія. Напр. *смертоубійство* мы встрѣчаемъ постоянно въ тобольской, томской и пермской губ.; *святоотатство*—въ курской, симбирской и пензенской; *грабежъ*—въ пермской; *воровство-мошеничество*—въ пермской и петербургской; *воровство-кражу*—въ петербургской, московской, кіевской, волынской; *порубку льсовъ*—въ воронежской, курской; наконецъ *бродяжничество*, это всюду распространенное, самое популярное изъ всѣхъ преступлений, и то выбрало себѣ нѣкоторыя особенно благопріятныя мѣстности, въ которыхъ и держится въ теченіи многихъ лѣтъ съ удивительнымъ

постоянством: эти местности будутъ губерніи дериска, нѣтербургская, отчасти поволжскія — саратовская, сибирская, самарская, отчасти московская и екатеринславская. Слѣдующая таблица покажетъ, что не только преступленія вообще повторяются въ одномъ и томъ же числѣ, но что *одни и тѣже* преступленія повторяются почти въ одинаковомъ числѣ.

роды преступленій.	за 56 и 57 г.	за 58 и 59 г.	средн. выводъ.
1. смертоубійство	1135	1179	1157
2. святотатство	147	136	151
3. зажигательство	295	365	330
4. разбой	69	93	81
5. грабежъ	483	264	373
6. воровство-кража	6377	7381	6879
7. воровство-мошен.	647	532	589
8. бродяжничество	4161	3625	3893
9. порубка лѣсу	1592	2251	1921
10. поддѣлка монеты	105	98	101
Итого:	15,011	15,344	15,477

Читатель видитъ, что хотя число преступленій по каждому роду отдѣльно и разнится иногда довольно значительно съ среднимъ выводомъ, однако общая сумма преступленій по всѣмъ десяти категоріямъ отклоняется очень мало отъ общей суммы среднихъ выводовъ по всѣмъ категоріямъ. Отклоненіе вверхъ = 467, отклоненіе внизъ = 466, то-есть менѣе чѣмъ на $\frac{1}{37}$. Если мы будемъ теперь сравнивать число преступленій по каждой категоріи отдѣльно, то увидимъ, что наибольшую разность, то-есть наибольшее отклоненіе отъ средняго уровня, даютъ слѣдующія преступленія: зажигательство, грабежъ, кража, порубка лѣсовъ; наименьшее — смертоубійство, святотатство, разбой, поддѣлка монеты и др. Эти колебанія и неравномѣрныя отклоненія зависать разумѣется въ значительной степени отъ силы и неутомимости, съ которою преслѣдуется то или другое преступленіе. И вотъ здѣсь для насъ становится яснымъ значеніе наказанія. Оно *не можетъ* и дѣйствительно *не измѣняетъ* общей суммы преступленій и оно измѣняетъ только отношеніе между различными родами преступленій; уменьшаетъ, напримѣръ, воровство или разбой, но взамѣнъ этого увеличиваетъ мошенничество, грабежъ, или наоборотъ и т. д. Аналогичный фактъ представляетъ намъ медицинская статистика. Ве-

ликий докторъ *Villegié* ¹⁾, современникъ Кетле, доказалъ, что медицина никогда не можетъ замѣнить общей суммы смертей; сумма эта обуславливается и зависитъ исключительно отъ вліяній физическихъ и социальныхъ даннаго мѣста и времени; медицина же замѣняетъ только отношеніе между тѣмъ или другимъ родомъ болѣзни, между количествомъ умирающихъ того или другаго класса, того или другаго возраста. Этимъ свойствомъ своимъ она даетъ обществу возможность отдалять и уничтожать мучительныя, обезображивающія (какъ напр. оспа) болѣзни, измѣнить которыхъ являются конечно другія, менѣе мучительныя и болѣе легкія; даетъ возможность продлить среднюю жизнь человѣка, сохранить нужныхъ, полезныхъ людей, занятыхъ производительнымъ трудомъ, цѣною людей разумѣется менѣе полезныхъ. Но все-таки общее количество смертей не уменьшится и не увеличится, если не измѣнятся социальныя или физическія условія, обуславливающія его. Будутъ ли доктора и аптеки въ извѣстной мѣстности, не будутъ ли—все равно, умирать будетъ все одно и тоже число людей. Напримѣръ въ Петербургѣ въ настоящее время, при существованіи медицинскихъ академій, физикатовъ, клиникъ, больницъ, докторовъ, аптекъ и т. д., изъ двадцати-семи тысячъ жителей умираетъ одинъ. Теперь предположимъ, что въ одинъ прекрасный день изъ Петербурга вдругъ исчезнутъ всѣ доктора, всѣ больницы, всѣ аптеки — и что же вы думаете, на 27 человѣкъ жителей будетъ умирать большее число жителей, чѣмъ умираетъ теперь? Фантазія! Какъ прежде умиралъ одинъ, такъ и теперь будетъ умирать одинъ. Но дѣло въ томъ, что умирать-то будутъ люди какъ ни пошло, и нужные и ненужные, и тѣ, которыхъ общество хотѣло бы сохранить, и тѣ, которые ему излишни. Средняя жизнь человѣка уменьшится, явятся разныя скверныя, отвратительныя болѣзни, оспа начнетъ свирѣпствовать съ тою же силою, съ какою она свирѣпствовала у насъ въ началѣ восьмисотыхъ годовъ. Совершенно тоже можно предложить и къ наказанію, и къ преступленію. Вообразите себѣ, что вдругъ въ какой-нибудь странѣ правительство вздумало объявить отнынѣ несуществующимъ уголовное правосудіе, запретить всѣ суды, отставить всѣхъ судей, простить всѣхъ наказанныхъ и прекратить всякое преслѣдованіе преступленія. Вы думаете: ну, теперь начнется въ этой странѣ хаосъ первозданный, всѣ граждане перерѣжутъ другъ друга, обворуютъ другъ, друга, черезъ недѣлю какую-нибудь всѣ они сдѣлаются разбойниками, мо-

¹⁾ «Des épidémies», 1835.

женщинами, злодѣями. Вы думаете, что сбудется сказанное Сенекою: *Ubi discrimen inter bonos et malos sublatum est confusio sequetur et vitiorum stirps?* Ничуть. Количество преступниковъ не уменьшится и не увеличится: какъ было, такъ и останется. Разумѣется при этомъ дѣлается слѣдующее предположеніе: собственность и личность, жизнь гражданъ ограждена въ той же степени, въ какой она была ограждена и до уничтоженія уголовного наказанія и преслѣдованія, — правительство изобрѣло для этой цѣли, положимъ, какія-нибудь другія, болѣе дѣйствительныя мѣры, чѣмъ уголовный законъ. Чтò станется съ этою странюю, то же станется съ Петербургомъ, оставшимся безъ докторовъ, аптекъ и больницъ. Не должно однако выводить изъ этой аналогіи заключенія, будто бы уголовная кара играетъ въ нравственномъ отношеніи ту же роль, какую играетъ аптека, больница, медицина въ гигиеническомъ отношеніи. Нѣтъ, наказаніе не лекарство, палачъ не докторъ, тюрьма и каторга не больница. Правильное, нормальное, полезное для общества отношеніе между классами, родами и видами различныхъ преступленій и преступниковъ нарушится и это нарушеніе произведетъ въ обществѣ нѣкоторое замѣшательство и беспорядокъ. Вотъ и все. И дѣйствительное существованіе этого факта согласно подтверждается свидѣтельствами и уголовной, и медицинской статистики. Къ несчастію, ни одинъ изъ изслѣдователей статистики преступленій не обращалъ на него должнаго вниманія, тогда какъ признаніе этого факта много уясняетъ и опредѣляетъ истинное значеніе для общества и государства наказанія и уголовного закона вообще. Наши представленія о наказаніи, или собственно о пользѣ наказанія, нисколько не сходны съ представленіями теорій; но что дѣлать, теорія отдѣлывалась фразами, — фразами, которыхъ она никогда не трудилась провѣрить фактами; пора же однако бросить всякія фразы и всякіе предрассудки, стать твердою ногою на реальной почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ, давно пора и къ социальнымъ наукамъ примѣнить во всей строгости и послѣдовательности методъ естественныхъ, математическихъ наукъ. Эти факты ¹⁾ привели насъ именно къ такому, а не къ другому какому взгляду на наказаніе. Ошибоченъ онъ или нѣтъ — мы не знаемъ; мы знаемъ только, что онъ основанъ на фактѣ, а не на пустой декламациі.

¹⁾ Факты эти относятся не только къ русской уголовной статистикѣ, но и уголовной статистикѣ другихъ странъ. Въ слѣдующихъ этюдахъ мы говоримъ объ этомъ подробнѣе.

Мы видѣли изъ предыдущихъ таблицъ, съ какими постоянствомъ повторяются все одни и тѣже преступленія, все въ одномъ и томъ же числѣ, все въ одной и той же мѣстности; это постоянство преступленій влечетъ за собою такое же постоянство и въ наказаніяхъ. Вотъ наприимѣръ таблица, показывающая отношеніе наказанныхъ къ подсудимымъ за шесть лѣтъ:

1 наказ. на число подсудимыхъ.

56 годъ.	57 годъ ²⁾ .	58 годъ.	59 годъ.	60 годъ.	61 годъ.
6,5.		5, 7.	5, 6.	5, 4.	5, 4.

Постоянство по-истинѣ поразительное; и это постоянство замѣчается даже не только въ относительномъ, но и въ абсолютномъ числѣ наказанныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ эти же самые года, исключивъ разумѣется 56 и 57, въ которые послѣдовали милостивые манифесты: въ 58 г. число наказанныхъ, какъ мы выше видѣли, равнялось 70,665; въ 59 г. — 74,216; въ 60 г. — 72,489 и наконецъ въ 61 г. — 79,780. Слѣдовательно ежегодно приходится среднимъ числомъ 74,287,5 наказанныхъ, или, предполагая населеніе Россіи въ 65 миліоновъ. 1 наказанный на 574,7 жителей. Во всѣ эти четыре года, какъ читатель видитъ, число наказанныхъ отстываетъ очень мало отъ этой средней нормы. Maximum отклоненія вверхъ будетъ равенъ 5492,5, т. е. менѣе $\frac{1}{12}$ всего средняго числа; maximum отклоненія внизъ — 3622, то-есть $\frac{1}{20}$ средней нормы. Чтобы убѣдиться еще болѣе въ постоянномъ повтореніи все одного и того же числа наказаній, мы возьмемъ на выдержку не по порядку нѣсколько лѣтъ, напр. хотъ 48, 49 и 50 г. (паралельно 68, 59, 60):

Въ 48 г. наказанныхъ было	74,461
49 „ „ „	79,771
50 „ „ „	77,050

Средн. число ежегодно . . . 77,094.

Значитъ вся разниа съ первоначально найденнымъ среднимъ числомъ не превышаетъ 2,806,5. Разность очень незначительная, если вспомнимъ, что между 58, 59 и 60 г. съ одной стороны, 48, 49 и

²⁾ Чрезвычайно малое, сравнительно разумѣется, число преступниковъ въ 56 и 57 г. объясняется милостивыми манифестами въ этихъ годахъ. Благодаря этому въ 56 году прощено 52,596 прест.; въ 57 — 40,866.

50 г. съ другой лежать двѣма 10 лѣтъ. Но наказанія, какъ и преступленія, не только вообще повторяются все въ одномъ томъ же числѣ; одни и тѣже наказанія повторяются въ одномъ и томъ же числѣ. Это дѣлается яснымъ изъ слѣдующей таблицы:

Роды тяжелыхъ наказаній.	Число лицъ, приговоренныхъ къ тяжелымъ наказаніямъ.					Средній выводъ ¹⁾
	56 г.	57 г.	58 г.	59 г.	60 г.	
Къ каторгѣ . . .	1374	1877	1764	1706	1097	1603,4
Къ ссылкѣ на поселеніе	3820	3460	3960	3426	2914	3516
Итого . . .	5554	5553	5724	5131	4011	5214.

Такимъ образомъ 5214 ч. (то-есть 1 на 12,466 ч. жителей) при-суждается ежегодно къ каторгѣ и поселенію, 1603 идетъ ежегодно копать руду, болѣе трехъ съ половиною тысячъ ссылается на поселеніе. Сколько ежегодныхъ жертвъ, сколько силъ загубленныхъ, уничтоженныхъ, сколько крови и слезъ! Но представленныя здѣсь цифры о многомъ, очень многомъ умалчиваютъ; онѣ показываютъ намъ только отрывокъ, далеко еще не самый мрачный отрывокъ раздирательной драмы, ежегодно совершающейся передъ нашими глазами. 5214 ч. сосланы на каторгу и поселеніе; по развѣ у этихъ 5214 ч. нѣтъ семей, нѣтъ матерей, жень, дѣтей, оставшихся быть-можетъ безъ опоры и куска хлѣба, съ позорнымъ именемъ «семейства каторжника»? Представьте же теперь себѣ ихъ положеніе (не думайте о каторжникахъ), перенеситесь мысленно къ трагическимъ сценамъ разставанія, сценамъ послѣдняго свиданія — вы усомнитесь сказать, кто тутъ больше страдаетъ, кто дѣлается несчастіе: каторжникъ лѣ, на вѣки отправляющійся въ ссылку, или лицо, провожающее его. Печальная, ужасная картина; но мы однако такъ приглядѣлись, такъ свыклись съ ней, что и она сдѣлалась для насъ чѣмъ-то будничнымъ, обыденнымъ, рѣдко потрясающимъ, рѣдко волнующимъ самодевальное, апатичное спокойствіе

¹⁾ 60 г. даетъ вообще, какъ видно изъ таблицъ, здѣсь приведенныхъ, очень незначительное количество, по сравненію съ предыдущими годами, осужденныхъ, обвиненныхъ и присужденныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ. За то 61 г. сполна вознаграждаетъ этотъ недочетъ. Отчасти мы въ этомъ имѣли уже случай убѣдиться; желающихъ же ближе познакомиться съ состояніемъ нашей уголовной статистики за 61 г. отсылаемъ къ «Спб. Вѣд.» (апр. 63 г.); тамъ помѣщенъ экстрактъ изъ отчета М. Ю. за этотъ годъ.

нашей души. Заключимъ этотъ первый этюдъ тѣми словами Кетле, которыми онъ и самъ заканчиваетъ свои изслѣдованія « Sur le penchant au crime »: И такъ я не перестану повторить всѣмъ людямъ, сочувствующимъ благу и чести своихъ ближнихъ и краснѣющимъ поставить на одну доску нѣсколько франковъ, платимыхъ въ казну, и нѣсколько головъ, срубленныхъ сѣкирою палача: есть бюджетъ, который оплачивается съ ужасающею правильностью: это бюджетъ тюремъ, галеръ и эшафотовъ; его-то именно и надо стараться уничтожить! У насъ, русскихъ, этотъ роковой бюджетъ тяжелъ, и потому намъ, русскимъ, приличнѣе всего повторять себѣ какъ можно чаще эту послѣднюю фразу: *«его-то именно и надо стараться уничтожить!»*

И. Ткачевъ.

ENFANT PERDU.

(Изъ «*Romancero*» Гейне.)

Постъ опустѣлый въ битвѣ за свободу—
Ужь тридцать лѣтъ ему я вѣренъ былъ!
И безнадежнѣй бился годъ отъ году
И съ каждымъ днемъ все меньше было силъ.

Стоялъ я день и ночь—не могъ уснуть
Я межъ друзей предъ лагерной палаткой—
(Такъ мнѣ мѣшалъ ихъ храпъ тяжелый—чуть
Смежались глаза дремотой сладкой.)

И скучно иногда и страшно на часахъ....
(Вѣдь дураки одни лишь не боятся—)
Насвистывалъ, чтобъ разогнать свой страхъ
Я пѣсни дикія и начиналъ смѣяться...

Стоялъ я бодръ въ ночи съ оружіемъ въ рукахъ
И чуть лишь шагъ врага доносится до слуха—
Подъ мѣткимъ выстрѣломъ ужъ падалъ подлый врагъ,
Горячей пулею прострѣленъ прямо въ брюхо.

Но и враги мои умѣли же стрѣлять—
Вѣдь иногда и въ цѣль попасть случится...
Ахъ, этого я не могу скрывать:
Вотъ эти раны! Кровь изъ нихъ сочится!

Постъ опустѣлъ... Вотъ эти раны. Вдругъ
Одинъ падеть—но есть въ другихъ защита!
Непобѣжденъ я нѣтъ, не выбито изъ рукъ
Оружіе.... вѣдь только грудь разбита....

Ө. Бергъ.

АПРАКСИНЦЫ.

СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ.

ДОПОЖАРНАЯ ЭПОХА.

I.

То торговое мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ еще и понынѣ про-
цвѣтаютъ слова: *сначить, клево, керый, вершать* и тому по-
добные термины изъ языка російскихъ офеней, издавна назы-
вается «Апраксиннымъ дворомъ» или «Апраксиннымъ».

Кто изъ васъ, петербургскіе читатели, не знаетъ этого злач-
ваго мѣста? Кто изъ васъ не имѣлъ нужды прогуливаться по
лабиринту его сбивчивыхъ лѣній и проходовъ?

Захочетъ ли воспитанникъ приобрѣсть себѣ подержанный учеб-
никъ, понадобится ли кому подобрать къ замку ключъ, къ чай-
нику крышку, пожелаетъ ли какой-нибудь любитель старыхъ книгъ
приобрѣсть «Письмовникъ» Курганова и тому подобное старье—
всѣ обѣгутъ на Апраксинь. Ыдетъ мужикъ въ деревню — обно-
вы закупаютъ на Апраксинномъ; понадобилось эконошной барынѣ
матеріи на платье, стали на кринолинъ, или чего бы то ни взду-
малось—деньги въ карманѣ и на Апраксинь. Хочетъ ли обмун-
дироваться солдатъ, вышедшій въ офицеры — и онъ себѣ найдетъ
тамъ нужное; захотѣлось ли промотавшемуся мастерскому усла-
дить свою жизнь пзвѣстною спиртуозною жидкостью—тащить ка-
кой-ничаестъ скарбъ, продаетъ на толкучкѣ и пропиваетъ вы-
рученныя деньги. Низшій классъ увѣряетъ, что безъ Апраксина
онъ и существовать не можетъ, а библиофилы и библиоманы отъ
него просто въ восторгѣ; верѣдко слышишь рассказы, что она

приобрѣтали тамъ такія сокровища въ видѣ книгъ, которыя потомъ цѣнили на вѣсъ золота. Исполосуйте въ Апраксинъ вдоль и поперегъ—чего-чего вы тамъ не увидите, что тамъ не продается и что не покупается! Нѣкоторые тамошніе остряки говорятъ, что «на Апраксинъ что хошь принеси, все купятъ: отца съ матерью—и того купятъ». И въ самомъ дѣлѣ, взгляните хорошенько, чего-чего тамъ нѣтъ! Мужское и женское платье всѣхъ модъ, начиная чуть ли не отъ Екатерины II, книги, портреты, золоченныя рамы, солдатскія пуговицы, пироги съ семгой, шелковыя ткани, посуда, кислая щи... ну все, все, кромѣ вина и водки. Да и то есть: выйдите только изъ лабиринта закоулковъ и вы увидите на дворѣ краснаго цвѣта флигелекъ, гдѣ помѣщается погребокъ, трактиръ и полицейское управленіе.

Говорятъ владѣтели: Апраксинъ такъ выгоденъ, что они не промѣняютъ его ни на какіе золотые пріиски; да и немудрено вѣрить, ежели принять въ соображеніе цѣны на лавки. За нашу лавку, построенной на трехъ или четырехъ квадратныхъ аршинахъ земли, платятъ по шестисотъ рублей въ годъ, а иногда и болѣе: прибавьте ко всѣмъ этимъ удобствамъ то, что ни одна страховая контора ни за какіе проценты не беретъ на страхъ товаръ, и удовольствіе торговцамъ лѣтомъ стоять на сквозномъ вѣтрѣ¹⁾, а зимою мерзнуть на двадцати-пяти-градусномъ морозѣ.

Но читателю можетъ-быть покажется страннымъ, отчего торговцы, во избѣжаніе этихъ неудобствъ, не сговорятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, не выпросятъ у правительства мѣста и не построятъ болѣе удобныхъ и теплыхъ лавокъ. На это мы васъ попросимъ поговорить съ любымъ апраксинцемъ. Вотъ что онъ вамъ на это отвѣтитъ:

— Помилуйте, какъ можно-съ! Здѣсь мѣсто насиженное. Переселись-ка куда-нибудь, такъ покупателя-то и въ глаза не увидишь, — съ голоду помрешь.

— Пустяки! отвѣтите вы на это: — пусть соединятся болѣе спальные торговцы, къ нимъ присоединятся маленькіе торговцы и образуется нѣчто цѣлое, отдѣльный рынокъ; да и владѣлецъ-то,

¹⁾ До пожара 28 мая 1862 г. страховыя конторы принимали на страхъ товары только въ лице-ныхъ каменныхъ флигеляхъ.

увидя, что его мѣстомъ не дорожатъ, сбавить цѣны найма лавокъ.

— Чтѣ вы, зачѣмъ ему сбавлять! Да сойдѣ-ка кто съ мѣста, такъ на его мѣсто десятки найдутся. Развѣ мало здѣсь приказчиковъ, которые желаютъ сами торговать! Они в теперь-то шныряютъ да нюхаютъ, не сдается ли гдѣ лавка; по тысячѣ рублей выходу даютъ, сами на наемъ надбавляютъ, только бы лавка досталась. Нѣтъ, ужъ здѣсь мѣсто насиженное! У насъ есть такіе люди, которые выстроятъ на землѣ владѣльца лавки, платятъ ему поземельные и отдаютъ въ наймы отъ себя. Капиталы наживаютъ, — вотъ какъ выгодно!

Всѣхъ торгующихъ на Апраксинѣ можно раздѣлить на три касты: на патриціевъ, плебеевъ и пролетаріевъ. Къ числу первыхъ относятся хозяева, ко вторымъ — молодцы, то-есть приказчики, и наконецъ къ третьимъ — продающіе и перекупающіе разный хламъ и ветошь, а иногда занимающіеся, какъ выражаются молодцы, «карманною выгрузкою». Люди эти не имѣютъ ослѣдствіи, цѣлый день шныряютъ по лавкамъ и обращаются къ проходящимъ съ слѣдующими вопросами: «Не продаете ли чего? Кавалеръ! кажи, чтѣ несешь? Почему голенищи?»

Патриціи, то-есть хозяева — вольныя птицы; они пользуются всѣми удобствами жизни; но плебен — молодцы — въ совершенной зависимости отъ хозяевъ; занятые круглый годъ, лѣтомъ съ восьми часовъ утра и до девяти вечера, а зимою съ девяти утра до пяти, они совершенно не имѣютъ воли и не смѣютъ сдѣлать шагу безъ спроса хозяина, но смѣютъ провести ни одной идеи, и по повятію хозяевъ, суть ничто иное, какъ машины или ломовыя лошади. Пролетаріи въ дѣлѣ свободы гораздо счастливѣе ихъ; по крайней мѣрѣ тѣ могутъ сказать: «я самъ себѣ господинъ».

Кромѣ трехъ дней въ году, на Апраксинѣ круглый годъ производится торговля. Эти заветные три дня: первый день пасхи, троица и рождество. Только въ эти дни вы можете увидеть запертыя лавки и затянута веревкой линіи.

Аптекарскіе приказчики, фельдшера въ больницахъ, наконецъ извозчики, лакеи, горничныя — и тѣ чередуются между собою и гуляютъ въ праздники; мы не говоримъ уже о мастеровыхъ и шоденьщикахъ. Въ воскресенье, послѣ шестидневнаго труда, всѣ

отдыхаютъ, всѣ стараются выдвинуть этотъ день изъ колеи другихъ дней и отличить его хоть какими-нибудь прихотями и удовольствіями. Но бѣдные апраксинскіе молодцы не испытываютъ этого удовольствія; они не знаютъ наслажденія воскреснаго отдыха послѣ шестидневнаго труда. Они не могутъ сказать, что отдохнувъ въ воскресенье, принимаются въ понедѣльникъ за дѣло съ новыми силами.

Почти всѣ апраксинцы живутъ въ Московской части и Апраксиномъ переулкѣ; очень немногіе въ другихъ частяхъ города. Подите вы въ девятомъ часу утра по Чернышеву переулку—и вы встрѣтите сотни бѣгущихъ къ мѣсту торжища молодцовъ, размахивающихъ руками и надѣляющихъ толчками прохожихъ. Когда вамъ, любезный читатель, случится проходить по Чернышеву переулку, то завидя бѣгущихъ молодцовъ, сходите съ тротуара: иначе они надѣлятъ васъ такими толчками, что вы невольно уступите имъ мѣсто.

Вторая половина декабря. Девятый часъ утра. На улицѣ еще очень сѣро, что-то такое между ночью и днемъ; зѣвая ѣдутъ на промыслъ извозчики и изрѣдка перекидываются между собою словцомъ. «Вишь утро-то какое морозное!» замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, ударяя озябнувшей рукой въ желтой рукавицѣ по облучку. Понурия головы, тихо выступаютъ ихъ лошади; заивдевѣвшія морды ихъ кажутся какъ-бы обросшими сѣдыми бородами. На дворѣ до двадцати градусовъ морозу. Почти изъ каждой трубы струится дымъ; отъ холоду онъ не разсѣвается въ воздухъ, а какимъ-то облакомъ ложится надъ домами. Дѣло близко къ празднику—рождество на дворѣ; къ этому дню въ Петербургъ привозится огромное количество съѣстныхъ припасовъ. Вотъ и теперь тащатся розвальни съ гусями, индѣйками, курами; вонъ изъ-подъ рогожи выглядываетъ окаменѣлая отъ морозу голова барана. У сливочныхъ и зеленныхъ лавокъ выставили уже елки; черезъ четыре дня эти елки внесутся въ теплыя комнаты, украсятся конфетами и уставятся зажженными свѣчами. Всѣ радуются приближающемуся празднику, даже и молодцы: и у нихъ этотъ день будетъ одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, которые выдвигаются изъ обыденной колеи, одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, когда они не пойдутъ въ лавку. «Вотъ, думаютъ они, выступая къ мѣсту торжища:— пройдемъ еще четыре раза взадъ!»

впередъ по этой дорожкѣ — и праздникъ наступитъ.» Смотрите, какъ спѣшать они, идя по Чернышеву переулку, какъ размахиваютъ руками! Воротники ихъ подпоясанныхъ кушаками шубъ успѣли уже покрыться пшесемъ. Впереди всѣхъ выступаетъ въ снотовой шубѣ и котиковой фуражкѣ бородатый старшій молодецъ; въ карманѣ у него ключи отъ лавки. Въ его походкѣ есть нѣчто важное, отдѣльное, непохожее на походку другихъ молодцовъ; даже и фюзіономія его какая-то хозяйская. Смотрите, у него на примѣтѣ непременно есть лавка; послѣ пасхи онъ возьметъ расчетъ у хозяина и будетъ самъ хозяйствовать. Сзади него выступаютъ младшіе молодцы въ барашкахъ, лисьихъ и заячьихъ шубахъ. «Смотри, карандашъ потерялъ!» поддразниваетъ одинъ изъ нихъ попавшагося имъ на дорогѣ школьника. «Отчего это у него колѣнки протерты?» спрашиваетъ другой. Школьникъ отпускаетъ нѣсколько ругательствъ и идетъ далѣе. За молодцами бѣгутъ съ какими-то мѣшками три мальчика. Одинъ оторвалъ отъ водосточной трубы сосульку: ему очень хочется швырнуть ею въ пробѣгающую мимо собаку, но онъ боится зоркаго молодца, — оттреплетъ на мѣстѣ преступленія. Вотъ уже они и на мѣстѣ, подходятъ къ лавкѣ, крестятся, сторожа снимаютъ шапки, кланяются; вездѣ щелкаютъ запоры, звенятъ ключи.

Декабрь мѣсяцъ, а въ особенности за нѣсколько дней до праздника — время торговое, боевое, какъ выражаются апраксинцы, покупатель все денежный: кто идетъ купить себѣ обновку къ празднику, кто подарки для прислуги, а кто и самъ несетъ продать какое-нибудь лѣтнее платье, чтобъ было бы съ чѣмъ встрѣтить праздникъ. И это тоже не безвыгодно для апраксинцевъ; обыкновенно вещи эти приобрѣтаются за безцѣнокъ. Еще денька два-три — и по Апраксину запестрѣютъ цвѣтные околышки фуражекъ. Чиновники получаютъ награды и бросаются покупать себѣ и своимъ дорогимъ половинамъ обновы. Тогда только припасай торговцы ситцу, сапоговъ, башмаковъ и тому подобныхъ вещей, безъ чего не можеть обойтись ни одна проза жизни. Въ это время чиновники бываютъ чрезвычайно любезны.

— Ну что, какъ торгуете? спрашиваютъ они молодца, платя ему за товаръ новенькими кредитными билетами.

— Ничего-съ, теперь хорошо. Новенькіе... съ молоточка! замѣчаетъ тотъ, принимая бумажки.

— Подъ номеръ! сейчасъ только получилъ,—и чиновникъ съ важною ударяетъ по тощей пачкѣ бумажекъ.

Въ эту минуту онъ счастливъ; онъ испытываетъ въ рукѣ пріятную тяжесть въ видѣ двадцати, тридцати рублей. Вы, господа богачи, вы не поймете его счастья!

Вотъ теперь, только-что отворили лавку, не успѣли еще мальчики и половъ вымести, какъ уже и покупатели зашныряли по рядамъ. Первой покупательницей была какая-то старуха въ персидскомъ салопѣ и изломанной шляпкѣ. Шляпка эта потому только могла носить такое наименованіе, что была надѣта на голову. Старуха желала прикупить по образчику аршинъ ситцу.

— Ну, для почину *староплендія* ввалилась! проговорилъ одинъ молодецъ. — *Отначь!* крикнулъ онъ другому молодцу, которому старуха показала образчикъ. И молодецъ отвачилъ, то-есть отказалъ старухѣ. Та не пошла этого технического выраженія и поплелась далѣе.

Вотъ уже и одинадцатый часъ. Молодцы послали мальчишка въ трактиръ заварить чай. На Апраксиномъ пьютъ чай по четыре и по пяти разъ въ день, а у тароватыхъ хозяевъ и болѣе. Въ какое угодно время придите вы по рядамъ—навѣрно увидите молодцовъ, пьющихъ чай. Пьютъ обыкновенно въ прикуску шая, какъ называютъ туземцы, съ *угрызениемъ*. На Апраксиномъ есть легенда про одного скупаго хозяина, который поилъ молодцовъ чаемъ, и пилъ экономія, чтобъ они не съѣдали слишкомъ много сахара, не давалъ имъ его въ руки, а привѣшивалъ на ниткѣ къ потолку; когда они шли, то, желая усладиться, могли подходить и лизать этотъ кусокъ.

Но какъ ни грѣлись молодцы чаемъ, а согрѣться не могли: русскій морозъ взялъ свое. Вотъ стоятъ они на порогахъ, отъ холода постукиваютъ ногами, помахиваютъ руками и громко зовываютъ покупателей, перечисляя всѣ имѣющіеся у нихъ товары.

По ряду идетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка изъ моднаго магазина, подобрать *подъ* образчикъ кусокъ лентъ.

— Пожалуйте, здѣсь покупали! говоритъ довольно красивый молодецъ, занятый закручиваніемъ дѣваго уса.—Иванъ, что ротъ-то разовуль? Пусть пройдетъ старушку! остритъ онъ.

Дѣвушка опускаетъ глазки и проходитъ.

— Славная штучка! замѣчаетъ усатый молодецъ.

— Готовое платье, сертуки, жилетки модныя, фуражки, шапки бобровыя! Здѣсь покупали, купецъ!—слова эти относятся къ одѣтому въ тулупъ мужику. Услыша такое лестное для себя именовавіе и пѣтя вужду въ покупкѣ, онъ пойдетъ далѣе и заходитъ въ лавку.

Вообще, зазывая покупателя-мужику, его именуютъ купцомъ, солдата — кавалеромъ, мастераго — хозяиномъ, деревенскую бабу — теткой, молоденькую горничную — умницей; всѣхъ же пѣбующихъ счастье носить шляпку — сударыней, а офицеровъ и даже чиновниковъ, ежели на фуражкѣ ихъ красуется кокарда — вашимъ благородіемъ; когда же эти личности зайдутъ въ лавку и купятъ чего-нибудь не торговавшись, то прощальсь съ ними, ихъ навѣрное назовутъ вашимъ превосходительствомъ.

Но войдемте, читатель, въ какую-нибудь лавку. Вотъ вывѣска гласитъ, что это лавка куца Калпстрата Берендѣева; на ней изображены съ одной стороны сапогъ, съ другой башмакъ, и посреди надпись: «продажа сит. ват. кал. сап. баш. и другихъ суровскихъ товаровъ». У входа на порогѣ стоитъ огромная корзина съ ватой и двое мальчпшекъ, съ ногъ до головы замаранные сую, отчего они кажутся какъ-бы сейчасъ обсыпанными сѣгомъ. У прилавка стоитъ баба въ ситцевомъ, на заячьемъ мѣху, шугаѣ. Молодецъ мѣряетъ ей на деревянный аршинъ коленкоръ; желѣзный аршинъ лежитъ поодаль.

— Да ты бы, косатикъ, на желѣзный мѣрплъ.

— Да вешто тебѣ не все равно, тетка? На этотъ мѣрить-то способнѣе. Вишь тотъ такъ накалился морозомъ, что его и въ руки не возьмешь.

— Да уважь меня, миленьгій!

— Чего уважать-то, тетка! Ужь такую цѣну беремъ. На желѣзный будетъ дороже стоять.

— Да ужь мѣрй, мѣрй, что съ тобой! Миѣ бы еще вотъ свичку на рубашку для паренька нужно.

— Изволь, есть, что-нииааетъ важнецъ! Манерь хорошій, генеральша вчера для сыновей брала.

— Миѣ бы, знаешь, эдакой манерецъ: собачками, али завлонцами.

— Да нынче такихъ не носятъ, все травками. Вотъ возьми,—

лихой манеръ! И краска прочная: въ трехъ щелочахъ стирай, не сливается.

На стулѣ сидитъ дама въ капорѣ и примѣриваетъ калоши; она нарыла цѣлый ворохъ обуви, но ничто ей не нравится.

— Малы мнѣ эти калоши, говоритъ она.

— Помилуйте! возражаетъ ей на это молодець, для большей учтивости какъ-то проглатывая слова: — разносятся, только до первой сырости. А то не угодно ли вотъ эти примѣрять? Всего за каблукъ и застежки полтина дороже.

— Велики! отвѣчаетъ дама, чуть не броса калоши.

— Извѣстно, кожа новая; носить будете — обтянется, сидеть, да и носить свободнѣе.

Но какъ ни увѣрялъ молодець, что велики, такъ садутъ, а малы, такъ разносятся, — дама не купила ничего, а надѣвъ свои старыя сандалин, вышла изъ лавки.

— Вишь, шлюха, нарыла сколько! пропенталъ молодець, принимаясь убирать товаръ, и послѣ крикнулъ: — Съ собой ли деньги-то?

— Что, что ты сказалъ, мерзавецъ? Повтори! завопила дама. — Ахъ ты скотина! ахъ ты мужикъ, невѣжа! Да знаешь ли кому это ты сказалъ? Я чиновница! У моего мужа двадцать подчиненныхъ... Да жели я ему на тебя, мерзавца, пожалуйюсь, такъ онъ тебя въ бараний рогъ согнетъ. Въ тюрьмѣ сгниешь. Дай мнѣ сейчасъ померъ отъ твоей лавки!

— У насъ такихъ не водится.

— Не водится... грабители! Все равно, я знаю твою лавку. Я тебѣ покажу, мерзавецъ!

— А ну-ка покажи! крикнулъ кто-то съ порога, но разгнѣванная дама уже не слыхала этихъ словъ и вошла въ лавку напротивъ.

Вонъ въ лавкѣ готоваго платья купца Харламова вѣтъ ни одного покупателя. Молодцы—кто пьетъ чай, а кто грѣется, помахивая руками и выбивая ногами мелкую дробь. Холодно. Морозъ такъ и кусаетъ носы; даже лавочный котъ озябъ, стоитъ и трясетъ лапкой. Звонко, какъ валдайскіе колокольчики, кричатъ мальчишки на порогѣ, зазывая покупателей.

— Самъ идеть! крикнулъ одинъ изъ мальчишковъ, завидя хозяина.

Эти слова произвели магическое дѣйствіе: одинъ приказчикъ чуть не захлебнулся чаемъ и только къ счастью, что отдѣлался обжогомъ. Всѣ бросились за прилавокъ и выстроились какъ солдаты передъ командиромъ, а обжогшійся молодецъ снялъ съ пола кусокъ матеріи и неизвестно для какой цѣли началъ его раскатывать. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени въ лавку вошла толстая фигура *самого*, то-есть хозяйна въ енотовой шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и въ котиковой фуражкѣ.

Вошедши въ лавку, Харламовъ помоллся образу, вынулъ клѣтчатый спіній платокъ, освободилъ имъ свою бороду отъ сосулекъ и вытеръ свою клюкву, то-есть, виновать! — носъ. Клюквою прозвали этотъ носъ апраксинцы за его красноспзый цвѣтъ; собственно же онъ ничего не имѣлъ общаго съ клюквой, а скорѣе походилъ на кусокъ дикаго мяса. Вытерши свой носъ, Харламовъ вышелъ на порогъ поглаживать свой животъ.

— Степану Иванычу! привѣтствовалъ его купецъ Блюдечкинъ съ порога своей лавки.

— Ивану Григорьичу почтеніе! отвѣчалъ Харламовъ, не приподнимая фуражки, и повернувшись, снова вошелъ въ лавку.

— Продавали сегодня? спросилъ онъ молодецовъ.

— По-малости, отвѣчалъ тѣ: — два тулуза, сертукъ да брюки...

— Только даромъ хлѣбъ ѣдите! Никакого знакомства съ покупателемъ завести не можете. Только одно на умѣ, какъ бы брюхо набить!—И онъ началъ подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Ну, разлаялся!.. сердить. Вѣрно *сама* водки не дала,—замѣтилъ молодецъ.

— Здравствуйте, господа! пзвните, здравствуйте! проговорилъ скороговоркой вбѣжавшій въ лавку Блюдечкинъ.

Блюдечкинъ былъ совершенная противоположность Харламову: тоненькая, невысокая фигура съ клинистою рыженькою бородкою и плутоватыми сѣренькими глазками. Фигуркѣ этой было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Она обладала двумя торговыми заведеніями на Апраксиномъ, имѣла до десятка лавокъ, которыя отдавала въ наемъ, пользовалась у торговцевъ неограниченнымъ кредитомъ и слыла за богача. Разговаривая, Блюдечкинъ вмѣшивалъ двѣ поговорки: «извините» и «не обидѣтесь».

— Степанъ Ивановичъ здѣсь?

— Наверху-съ.

Блюдечкинъ подошелъ къ лѣстницѣ.

— Купецъ Харламовъ! Извини, но обидѣся: утро пополо-
скать хочешь? Извини, больно холодно.

— Пожалуй; да у меня въ лавкѣ есть чай.

— Ничего, въ теплѣ побалуемся. Ну сходи, купецъ!

Заскрипѣла лѣстница и Харламовъ сошелъ внизъ.

— Я съ Иваномъ Григорьичемъ въ трактиръ пойду. Кто ме-
ня спроситъ, такъ доплатите парнишку, — сказалъ онъ молодцамъ.

Это полосканіе брюха и баловство въ теплѣ очень не лю-
бятъ сожителницы апракшицевъ. «То-и-дѣло, говорятъ онѣ, —
что брюхо полощатъ. Пашьются вѣдь дома чаю, въ лавку идучи, —
такъ ибѣтъ: только пришли въ лавку, — въ трактиръ! Выходятъ
изъ трактира, попадается пріятель — снова въ трактиръ. Дѣло ли
какое обдѣлать — въ трактиръ. Разъ по десяти сходятъ. Да это
бы еще ничего, коли однимъ чаемъ полоסקаются, а то вишща
налопаются!»

— Ну что, купецъ, какъ торжишь, наживаешь? спросилъ
Иванъ Григорьичъ Степана Ивановича, когда они шли полоскать
утро.

— Какое наживаемъ! Хоть бы на хлѣбъ-то выручить. Мо-
лодцы, бѣсъ ихъ знаетъ, только стоять да глазами хлопаютъ.
Ужъ я ли имъ не говорю: ежели, говорю, покупатель мало-маль-
ски цѣну дастъ подходящую — не отпускай изъ лавки, отдай;
такъ ибѣтъ, выпустить, а послѣ и ореть: «хорошо, извольте, по-
жалуйте!» Ну, извѣстно дѣло, на кого нападешь: на чиновника, —
такъ тотъ ни за что не вернется. А все почему? Потому что го-
ловы не гѣмъ заняты.

Степанъ Ивановичъ вздохнулъ.

— И не говори, купецъ! И у меня тоже, хоть и свои...
Двое племянниковъ, а все одно — ничего, хоть ты имъ колъ на
головѣ теши: такъ это никакого чувства ибѣтъ. Имъ все одно,
купилъ ли покупатель, такъ ли, извини, ушелъ — все одно. Ду-
маешь отказать — жалко: племянники; а что толку? Извѣстно,
хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ... А все родня.

И два пріятели приблизились къ подъѣзду съ вывѣской, на
которой были изображены чайникъ, чашки, графинъ съ красной

жидкостью в двѣ рюмки. Внизу гласла надпись: «въ ходъ въ завѣденіе».

Но читатель можетъ-быть думаетъ, что Иванъ Григорычъ и Степанъ Иваннычъ въ самомъ дѣлѣ торгуютъ плохо? Нисколько: это время для торговли одно изъ лучшихъ въ году: а что они жалуются на все, такъ это единственно по обыкновенію, по привычкѣ; ужь такъ устроены апраксинецъ, что посади ты его хоть по уши въ золото, онъ и тогда скажетъ, что мало. Есть даже такіе люди, которые недовольны никѣмъ и ничѣмъ; вотъ вамъ для примѣра Черноносовъ.

Вотъ онъ въ хорьковой шубѣ и пестасканной фуражкѣ стоитъ за прилавкомъ посреди своихъ трехъ мальчишекъ и мѣритъ для какой-то дамы тесемку. Черноносовъ изъ экономіи не держитъ приказчика; да врядъ ли бы кто и пошелъ къ нему служить, — развѣ кто годъ безъ мѣста проболтался или только сейчасъ въ Петербургъ пріѣхалъ; да и тотъ спроситъ объ немъ у сосѣднихъ молодцовъ, а тѣ охарактеризуютъ его, подобно Собакевичу, кратко, но рѣзкой біографіей: «Кто Черноносовъ? — Собака.» Послѣ этого отвѣта кого же заберетъ охота служить у такого хозяина!

Взгляните на его фizioномію: миша проставившаго на карту все свое состояніе; прищуренные глаза, стиснутыя губы и сипій, небритый подбородокъ и щеки. На головѣ его надѣта котиковая фуражка. Человѣкъ этотъ не безъ странностей: онъ прожилъ два года въ Ригѣ, почему-то вообразилъ, что онъ нѣмецъ, и началъ ломать русскій языкъ.

— Двадцать аршина! говоритъ онъ покупательницѣ. — Уберите коробка и давайте бумажка немножка, — обращается онъ къ мальчишкамъ.

Черноносовъ въ жизнь свою ничѣмъ не былъ доволенъ, несмотря на то, что обладаетъ хорошимъ капиталомъ и имѣлъ счастье три раза связать себя узами гименея. Жены ему попадались красивыя и съ красивыми прилагательными. Двѣ пали жертвою его характера.

На Апраксиномъ издавна существуетъ слѣдующее обыкновеніе: за нѣсколько дней до праздниковъ пасхи и рождества молодцы ходятъ къ *контрощикамъ*, то-есть къ такимъ людямъ, у которыхъ хозяинъ ихъ покупаетъ товары, и собираютъ съ нихъ контрибуцію, прося «на ложу» въ театръ. Кто даетъ пять цѣл-

ковыхъ, кто десять, а иногда и болѣе: ежели не деньгами, то молодцы берутъ вещами, какъ-то: фулярами, полотняными платками, фуфайками и пр. Обыкновенно деньги эти дѣлятся п въ праздникъ проматываются во всевозможныхъ родахъ.

Такъ и теперь: только Степанъ Ивановичъ скрылся изъ виду, — одинъ изъ молодцовъ его выскочилъ изъ-за прилавка и отправился за контрибуціей.

— Смотри, у Карла Иваныча попроси побольше; что онъ всякій праздникъ только красненькой отдѣливается! Скажи, мы де васъ никогда не обѣгасмъ, все что понадобится изъ товару — за всѣмъ къ вамъ обѣжимъ. Поди у него нынѣшній годъ тысячъ на восемь купили.

Такъ научали молодцы своего депутата.

Вотъ уже и первый часъ. По ряду пробѣжалъ, покрывая козлинымъ голосомъ, рыжебородый саечникъ, — кормитель молодцовъ. Кромѣ саекъ у него есть варенье, отзывающее шкрой и мнгоами, в мнгои, отзывающія вареньемъ. Наскоро закусил у него молодцы Степана Иваныча и саечникъ отправился далѣе. Его останавливалъ хозяйскій сынокъ.

— Сергѣю Иванычу! — И саечникъ почтительно ему раскладывался.

— Двѣ сайки: одну съ шкрой, другую съ вареньемъ! скормивалъ хозяйскій сынокъ.

Съ быстротою оператора, отнимающаго членъ, разрѣзалъ кормитель сайки и *сдѣлалъ ихъ*, то-есть вложилъ въ нихъ икры и варенья.

— Чего бы еще у тебя съѣсть? Есть маханина на тараканьемъ жиру?

Саечникъ плюетъ.

— Спросите-ка его, какъ онъ въ карманѣ рябчика сгноилъ, — замѣчаетъ молодецъ.

— Какъ ты, Иванъ, рябчика въ карманѣ сгноилъ? спрашиваетъ купчикъ и улыбается.

— А ты что, сволочь, научаешь! — И саечникъ идетъ далѣе.

— Красный, человекъ опасный! кричитъ ему вслѣдъ молодецъ.

Купчикъ очень доволенъ, что подразнилъ саечника, постукиваетъ ногами и кусаетъ промерзшую сайку.

Скоро четыре часа. Быстро смеркается. Хозяева уже успели разъ пять сходить въ трактиръ, пришли въ лавку и считают выручку. Кончили. Стоять на порогахъ и смотреть, не запрется ли кто, чтобы послѣдовать ихъ примѣру. Но вотъ брякнулъ гдѣ-то запоръ, и всѣ бросились *забирать* лавки. Черезъ четверть часа весь Апраксинъ запертъ и ставъ торговцевъ бѣгутъ домой. Вотъ они на Чернышевомъ мосту. Навстрѣчу имъ попадается дѣвушка. Одинъ изъ молодцовъ безцеремонно хватаетъ ее за талию. «Дуракъ, мерзавецъ, оставь!» кричитъ она, отбиваясь. Молодецъ оставляетъ ее, но другой хватаетъ снова. Снова крики и отбиванье. Бѣда въ это время повстрѣчаться съ молодцами прекрасному полу!

Двадцать-четвертое декабря. Завтра рождество. По Апраксину замелькали кокарды: чиновники пускаютъ въ ходъ наградныя депозитки. Въ игрушечныхъ лавкахъ толпы; только успѣвай хозяева огребать деньги. Морозъ вѣрно рѣшился дать знать себя: двадцать-пять градусовъ. Апраксинцы то-и-дѣло наклоняютъ головы внизъ, чтобъ не отморозить лица и не получить къ празднику приличныхъ украшеній въ видѣ красноснѣзыхъ лепехъ на щекахъ. Но какъ ни нагибались молодцы, стараясь, чтобы кровь прилила къ лицу, какъ ни натирали щекъ и носовъ — морозъ сдѣлалъ свое и все-таки украсилъ нѣкоторыя физиономіи.

— Братцы, смотрите-ка: Петруха-то надо мной смѣялся, что я воеъ отморозилъ, а у самого уши побѣлѣли. Съ обновкой поздравляю! Какъ хочешь, братъ, а завтра *литки* ¹⁾ съ тебя! — говоритъ толстый, съ отмороженнымъ и разбухшимъ какъ луковица носомъ молодецъ. — Нѣшто тебѣ — не смѣйся!

Испуганный Петруха, пмѣвшій претензію нравиться прекрасной половиной рода человѣческаго, съ испуга начинаетъ тереть уши.

— Не три, не три! Шкура слѣзетъ! Наклонись лучше, наклонись!

Онъ такъ усердно наклоняется, что голова его почти касается ногъ. Товарищи начинаютъ тузить его въ шею.

¹⁾ Т. е. угощеніе.

На водогрѣйнѣ мальчики, присланные заварить чай, грѣбют у плиты окоченѣвшія руки и ведутъ между собой разговоръ:

— Вамъ по много ли хозяйнѣ на праздникъ даетъ?

— О пасхѣ по четвертаку далъ.

— А намъ такъ по полтинѣ. Да это что! Я къ дядѣ пойду. тотъ двугривенный дастъ.

— А что ты себѣ купишь?

— Зеркало, да пряниковъ.

— А мнѣ такъ куфаркѣ гривенникъ дать нужно: все ру-
гается... Я ужъ общалъ.

— Ты куда пойдешь завтра?

— Да мнѣ некуда, — у меня никого нѣтъ.

— Пойдемъ къ моему дядѣ: у него пирога поѣдимъ; онъ чаемъ, кофеемъ напоитъ. Ты приходи къ намъ на дворъ, я ужъ увижу, а послѣ на чугунку пойдемъ, *посмотримъ* какъ машина свиститъ.

— Ладно.

— Ну что тутъ растолковались, ступайте! И безъ васъ тѣсно! кричитъ на нихъ водогрѣйщикъ. — За уши бы васъ, канальевъ! Цѣлый часъ стоятъ.

Жмутся мальчики и выходятъ на морозъ, который послѣ тепла еще спльнѣ ихъ обхватываетъ.

Молодцы стовариваются, гдѣ имъ завтра встрѣтятся.

— Около четырехъ часовъ приходите въ Баварію: знаешь, на углу Гороховой?

— Какъ не знать!

— Михайла будетъ, Щукинъ, Петра галкинской и всѣ наша. Возьмемъ отдѣльную комнату, заложимъ тамъ, а послѣ и махнемъ...

Онъ не договариваетъ, слова его зампраютъ на устахъ: изъ за угла показался хозяинъ.

— Иванъ Харитонычъ, вы куда завтра къ заутрени? спрашиваетъ онъ сосѣда.

— Сегодня ко всеоночной къ Исакію схожу, пѣвчихъ послушать; да кому же и жена у меня къ заутрени ходить не можетъ.

— Мы такъ всегда въ этотъ день къ себѣ къ Іоанну Пред-

течѣ ходишь. Двадцать лѣтъ кряду тамъ объ рождествѣ каждую заутреню стою.

— Софроновъ меня къ себѣ сегодня звалъ: у него на дому всенощная. «Приходи, говоритъ, моихъ-то послушать.» У него молодцы поютъ.

— На Сѣнной были?

— Вчера еще.

— Почему покупал?

— Говядну по восьми съ половиной. Молодцамъ цѣлаго борова купилъ. Гуси дешевы.

— Съ меня такъ сегодня поутру по девяти слупил. А гусей почему покупал?

— Рубль шесть гривенъ пара.

— Съ меня по гривеннику лишняго взял.

Смеркается. Афанасій Панкратьчъ Лыковъ позвалъ своего сына Яшу наверхъ и дѣлаетъ ему приказанія:

— Бѣги и повѣсти всѣмъ нашимъ, чтобъ къ утрени сбрались ровно въ часъ.

Лыковъ раскольникъ. Начальникъ своей секты. За начитанность его выбрали въ наставники и духовники. Въ его собственномъ домѣ устроена большая молельная, гдѣ совершается служба. Люди его секты имѣютъ туда свободный доступъ.

Быстро побѣжалъ Яша по лабиринту закоулковъ Апраксина. Забѣжалъ къ четыремъ братьямъ Опаленинымъ.

— Что у васъ подручниковъ-то ¹⁾ много? Своихъ не брать!

— Возьмите лучше: нынче всѣ соберутся, такъ и не хватитъ.

Отъ Опалениныхъ Яша побѣжалъ къ Блюдечкину, который былъ тоже въ пѣхъ вѣрѣ, къ Коромыслову, къ Херовымъ, отсюда сбѣгалъ на Кавказъ ²⁾, съ Кавказа на развалъ, и уже когда совершенно смеркалось, прибѣжалъ въ лавку.

Радостно побѣжали молодцы домой: завтра одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, когда они не пойдутъ въ лавку, не измѣрять своими ногами торную дорожку.

¹⁾ Подручниками называются у раскольниковъ ковряки, къ которымъ они прикладываются лбомъ во время земныхъ поклоновъ.

²⁾ Кавказомъ на Апраксиномъ называлась до пожара та линія, которая шла отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Вы много ли на ложу набрали? спрашивают харламовскіе молодцы птпцынскія.

— Сто двадцать.

— А мы сто пятьдесятъ.

«Мы больше набрали, думаютъ харламовскіе:—по двѣнадцати съ небольшимъ на брата придется»,—расчитываютъ они и мечтаютъ о завтрашнемъ кутежѣ.

II.

Насталъ давно ожидаемый праздникъ рождества. Рано, еще до звона къ заутрени, всталъ отъ сна Степанъ Ивановичъ Харламовъ и перебудилъ всѣхъ въ домѣ, начпная съ жены и до мальчика. Зѣвая поднимаются съ постели молодцы, одѣваются и наскоро молятся на образъ, освѣщенный лампадою. Трудно вставать въ три часа, а особенно зимою: какая-то лпхорадочная дрожь обхватываетъ все тѣло, и дорого бы далъ въ это время человекъ, чтобы его оставили въ покоѣ,—но что дѣлать, обычай старины!

Какъ ни жалко разставаться съ теплою постелью, но въскорѣ весь домъ былъ на ногахъ. Вотъ на колокольнѣ Іоанна Преподобнаго раздался первый ударъ колокола; всѣ въ домѣ перекрестились и начала собираться къ заутрени.

Вскорѣ домъ Степана Иваныча опустѣлъ; остались дома только хозяйка да кухарка. Онѣ занялись стряпней: обмазали окорокъ ржаной мукой, посадили его въ печь, замѣсили тѣсто для пироговъ и принялись оцппывать дичь.

Но вотъ и заутреня кончилась, богомольцы пришли изъ церкви; слышны разговоры о басѣ дьякона, о пропускѣ дьячкомъ такого-то псалма въ кафизмѣ, о количествѣ народу въ церкви и пр. Степанъ Иванычъ, всегда съ пасмурнымъ лицомъ и ничѣмъ не довольный, сегодня въ духѣ; заложилъ руки за спину, ходитъ онъ по залѣ, то-есть по чистой комнатѣ, и вполголоса напѣваетъ «Христось раждается, славите». Въ залу входятъ молодцы, группируются передъ образомъ и начинаютъ пѣть львовскую «Дѣво днесь». Окончивъ стихъ, они хоромъ поздравляютъ хозяй-

на съ праздникомъ. Степанъ Ивановъ доволенъ, на лицѣ его сіяетъ улыбка. Онъ идетъ въ спальню и выноситъ оттуда пять синенькихъ.

— Вотъ вамъ на гулянку, говоритъ онъ: — напьетесь кофею, такъ кто захочетъ, можетъ идти со двора.

Это «кто захочетъ» было совершенно лишнее. Посудите сами, читатель, кто послѣ шестидѣсячнаго заключенія не захочетъ погулять и навѣстить своихъ знакомыхъ и родныхъ?

Изъ залы молодцы сходили въ кухню, поздравили съ праздникомъ хозяйку и отправилсъ въ молодцовую.

Давъ на праздникъ молодцамъ, хозяинъ захотѣлъ усладить и судьбу мальчиковъ.

— Федька! Мишутка! крикнулъ онъ, входя въ кухню. Мальчики встали въ струнку.

— Вотъ вамъ на праздникъ, проговорилъ онъ, давая имъ по два двугривенныхъ. — А гдѣ Васька?

— Да онъ въ лавочку убѣжалъ. Матрена Ильинишна его послали.

— Ну ладно, вотъ передайте ему. Да хозяйка вамъ подарить по рубашкѣ. Чтожъ словно пни стоите? Благодарите!

— Благодаримъ покорно! проговорили мальчики и бросилсъ къ рукѣ хозяйна.

— Не нужно мнѣ вашихъ лизаній, отвѣчалъ онъ, впрочемъ не отнимая руки. — Старайтесь. Чтожъ, скоро ли самоваръ-то?— обратился онъ къ женѣ, которая суетилась около печи.

— Сейчасъ, Степанъ Ивановъ, пообождите; вотъ ужъ кажется закипѣлъ. Сейчасъ. Федоръ, подавай на столъ!

Черезъ четверть часа въ залѣ на столѣ пыхѣлъ самоваръ, горѣли двѣ свѣчи. Матрена Ильинишна разливала чай; у стола сидѣли двѣ хозяйскія дочери-погодки, лѣтъ шестнадцати, и маленькій сынъ. Степанъ Ивановъ важно прихлебывалъ чай съ блюдечка и велъ разговоръ съ молодцами, которые сидѣли на стульяхъ около стѣны и пили кофеи. Въ этотъ день молодцы пьютъ чай и кофеи съ хозяиномъ.

— Чтожъ, торговали еще не такъ худо передъ праздникомъ, говоритъ хозяинъ:—по началу я думалъ, что и этого не будетъ. Все—таки ежели сравнить съ прежними годами, то никакого подобія нѣтъ; бывало народъ валомъ валить.

— Это точно-съ, Степанъ Ивановичъ, ежели сравнить лѣтъ пятокъ назадъ, то и подобія нѣтъ-съ, — поддакиваетъ старшій молодецъ. — Теперича примѣромъ вотъ хоть бы тулупъ...

Прихлебываетъ кофей.

— Извѣстно, тулуны насъ поддержали, робко вмѣшивается въ разговоръ другой молодецъ: — хошь бы у Птицына: тулуповъ не было, у насъ запасъ... Ну, извѣстно, время морозное... деревенскій человекъ въ деревню ѣдетъ... Ну, и торговали. Тулупъ ужъ такая вещь...

— Тоже въ маленькой лавкѣ ситцами хорошо торговали, потому что Ермакъ-съ ¹⁾ отличается; такой ситецъ выпускаетъ, что хошь бы имъ Лизаветѣ Степановнѣ носить-съ: узоръ подходящій, и все эдакое...

— Какже-съ, Ермакъ теперича ни Цыделю, ни Царевѣ не уступить. Тоже вотъ третьеводнясь Карлъ Богданычъ пришелъ въ лавку, иностранные ситцы предлагалъ;—я докладывалъ вамъ. Раскинулъ я это передъ нимъ Ермака, такъ Карлъ Богданычъ долго на манеръ любовался.

Но какъ ни приятенъ былъ разговоръ съ хозяиномъ, молодцы душевно желали удалиться; имъ было какъ-то неловко. Одинъ за другимъ поставили они на столъ опрокинутыя кверху двоиъ чашки и поблагодарили хозяина.

— Пейте еще.

Молодцы отказались.

— Мы пойдемъ, Степанъ Ивановичъ...

— Ступайте, гуляйте; только раньше домой приходите. Да не керась ²⁾!

Живо начали въ молодцовой выдвигаться изъ-подъ кровати сундуки; растворился шкафъ и выпустилъ на свѣтъ божій праздничныя одежды молодцовъ. Живо закипѣла работа: кто чиститъ сертукъ, кто натираетъ шляпу, кто передъ зеркаломъ повязываетъ галстукъ—подарокъ конторщика.

— Ты куда, Вася? спрашиваетъ Никандра, повязывая себѣ галстукъ.

¹⁾ Ермаковъ, московской ситцевой фабрикантъ.

²⁾ Не пьянствовать.

— Къ теткѣ схожу сперва, да потомъ къ Петру Семенычу Рылову: онъ мнѣ сродни приходится.

— А послѣ?

— Послѣ въ Палкинъ; приходите, братцы. Веселѣе будетъ.

— Нѣтъ, мы въ Баварію.

— Рыло поскоблить надо! говорить одинъ изъ молодцовъ, обладающій прапорщичьими усами, и треть себя по подбородку.

— И мнѣ нужно; зайдемъ вмѣстѣ и подовьемся. На уголъ пойдёмъ: тутъ лихая цырульня. О тропцѣ меня такъ завилы, что недѣлю завивка стояла; эдакими вавилонами на вискахъ и баранамъ на затылкѣ.

— Ужь нашелъ цырульню! — *яланистая* ¹⁾!

— Вася! дай мнѣ галстучка надѣть: у тебя два.

— А нешто тебѣ Карлъ Богданычъ не далъ?

— Нѣтъ; я у него фуфайку байковую вымаклачылъ.

— Да вѣдь ты его истаскаешь, виномъ зальешь?

— Не залью, лѣшій!

— Да право жалко...

— Ну дай, я тебѣ двѣ бутылки пива поставлю.

— Ну, пожалуй, бери.

И мѣна совершилась. Вскорѣ молодцовая опустѣла. Обитатели ея разбѣжались.

Черезъ полчаса Никандра и Пѣтра, завятые какъ крымскіе барааны, стояли у подъѣзда парикмахерской и навинали извозчика.

— Да куда же, купцы, прикажете?

— Пѣтра, куда поѣдемъ?

— Да что тутъ разговаривать! Валяй куда глаза глядятъ.

— Ну что, до трехъ часовъ много ли возьмешь?

— Три рублика, господа купцы, безъ лишняго.

— Ну, Петра, чтожъ, растопимъ что-ли? Идетъ пополамъ? Ужь все, значитъ, такъ и будемъ вмѣстѣ ѣздить.

— Валяй!

Молодцы поѣхали.

— Куда же, купцы? спросилъ извозчикъ.

— Да прямо.

¹⁾ Дрянная.

— Нѣтъ, погоди, перво заѣдемъ въ погребокъ Пстой на-право!

— Пѣтра, глянь-ко: никакъ наши ѣдутъ!

— И то ѣдутъ!

Онъ свиснулъ, махнулъ рукой и указалъ на погребъ. Молодцы соединились и пошли подъ вывѣску виноградной кисти.

Часа четыре ѣздили не вмѣющие въ Петербургъ ни роду, ни племени Никандръ и Петръ, во много мѣстъ заѣзжали они, много перепили разной хмѣльной дрянью, а все-еще не пьяны, только навеселѣ.

— Куда-же?

— Пошолъ въ Тулу, ко Владимерской. Покажемъ!

Ежели кто желаетъ видѣть въ этотъ день молодцовъ во всемъ ихъ разгулѣ, отправляйтесь въ слѣдующіе трактиры и гостиницы: въ Баварію, въ Палермо за Пассажемъ, въ Палкинъ и въ Тулу. Эти заведенія потому предпочитаютъ молодцами, что въ не посѣщаютъ хозяева.

Итакъ, читатель, послѣдуете за Петромъ и Никандромъ въ гостиницу Тулу.

— Я думаю, ужъ наши здѣсь? сказалъ Петръ, входя въ коридоръ.

— Здѣсь, здѣсь, пожалуйста! отвѣтилъ съ не то глупою, не то лукавою улыбкой коридорный, узнавшій птицу по полету.

— А ты почему знаешь?

— Извѣстно, господа купцы.

— Эка братъ, Пѣтра, намъ честь: всѣ знаютъ апраксинцевъ. Куда же идти?

— Пожалуйста.

И лакей указалъ на дверь.

Оттуда слышались звуки разбитаго фортепьяно, пѣніе, крики «ура» и даже какой-то вой. Двери распахнулись и они очутились въ довольно обширной комнатѣ. На диванѣ и на стульяхъ лежало и сидѣло до пятнадцати молодцовъ; нѣкоторые, тяготясь одеждою, сняли сертуки, а нѣкоторые, тяготясь собственною своею тяжестью, лежали въ углу на шубахъ. Какой-то господинъ, взмахивающій физиономіею на цыгана, игралъ на фортепьяно какую-то польку. Два стола были уставлены бутылками, штофами и закусками.

— Здравствуйте, братцы, съ пальцемъ девять! закричалъ вошедшій Петръ и принялся откалывать трепака.

— Съ огурцомъ пятнадцать! отвѣчала вся компанія и заорала «браво» и «bis», глядя на пляшущаго Петра.

— Стой, стой!—И изъ-за стола поднялся Васька, тотъ самый Васька, который далъ Никандру галстукъ.

— Музыкантъ, стой! Варганъ камаринскаго! А ты, Петька, ко мнѣ на грудь! Я тебя обниму и мы спляшемъ.

Послѣдовали объятія.

— Стой! задушилъ, собачій сынъ! кричалъ Петръ.

— Ну, теперь выпьемъ!

— Ладно.

Музыкантъ заигралъ камаринскую, и Вася и Петя принялись выдѣлывать такіе па, которые доступны единственно только подгулявшему человѣку. Кончивъ плясать, они снова выпили.

— Ну братцы, я пилъ ваше, теперь выпейте моего! сказалъ Петръ. — Дюжину пива! командовалъ онъ.

Принесли пиво и началось провозглашеніе многолѣтня каждому изъ присутствующихъ.

— Полноте, братцы, что такъ зря горлы-то драть? Споемте-ка что-нибудь дѣльное, пѣсню какую-нибудь, — подалъ кто-то совѣтъ.

— И то дѣло! Что такъ горлы-то драть? Вѣдь еще не очень пьяны. Выпьемъ по рюмочкѣ и начнемъ. «Вдоль по улицѣ» всѣ знаютъ?

— Всѣ.

— Ну и будемъ пѣть. Батюшки, Мишка-то какъ накерался, гляньте-ка!

— До безобразія! А вотъ что: взять да и вымазать ему всю рожу жженою пробкой.

— Лихо! за дѣло! — не сандался раньше времени! Эва! еще только пятый часъ!

Дѣльная мысль была одобрена всѣми и тотчасъ же приведена въ исполненіе.

— Ну, теперь попоемте!

— Никандръ, ты на пѣсни-то лихъ, — запѣвай!

— Да безъ гитары-то неспособно. Ну да все равно, слушайте. Вотъ какую лучше споемъ:

«Звонитъ звонокъ и тройка мчится
Вдоль по дорожкѣ столбовой...»

Хоръ какъ-то плохо клеился; двое пъявыхъ, полулежавшихъ на диванѣ, страшно мычали и сбивали съ толку.

— Не хотите ли, господа купцы, у насъ есть дѣвушки, отлично подтянуть! — предложилъ номерной.

— Дѣвочки? Таща сюда!

— Пстой, пстой! А почему онѣ ходятъ?

— Да ежели только попѣтъ, такъ въ угощенія, да что милость будетъ.

— Тащи трехъ!

— Мало!

— Ну, штукъ пять. Слышь, половой, и пляшутъ онѣ?

— Всякія колѣна выдѣлываютъ.

— Bravo! заоралъ кто-то изъ лежащихъ на диванѣ. — Номерной, спасибо! Поди сюда... руку!.. Ну, поцѣлуй меня.

Половой съ лукавой усмѣшкой поцѣловалъ гостя.

Вскорѣ явились дѣвушки и помогли молодцамъ справиться съ пѣснями и опустошить бутылки. Лакей имѣлъ вѣрный расчетъ: больше народу, — больше пить будутъ. Онъ не ошибся: снова потребовалась дюжина пива, снова заигралъ господинъ, взмахивающій на цыгана, и составилъ кадрили. Дѣвушки очень мило подергивали юпками и выдѣлывали замысловатые па. Онѣ были очень нецеремонны, такъ что одна изъ нихъ подошла къ столу и замѣтила, что все пиво вытекло изъ бутылокъ, — долить надо.

— Дюжину! закричалъ Вася и поцѣловалъ въ щеку недоумившую его дѣвушку.

Та не обратила на это никакого вниманія. Начался второй кадрили. Подъ конецъ кто-то подставлялъ одной парѣ ногу. Пара упала. «Мала куча!» закричалъ Вася и бросился на нихъ съ своею дамою; примѣру его послѣдовали и другіе танцующіе. Дамы визжали, кавалеры ревели, и всѣ были довольны.

Никандръ и Петръ, давшіе другъ другу слово быть вездѣ вѣстѣ, вышли изъ гостинницы въ семь часовъ. «Куда же теперь?» спросили они другъ друга.

— Погуляемъ, братъ: вѣдь ужъ теперь до масляной со двора не допросишься, сказалъ Петръ. — Пстой, я знаю одно мѣсто, — поѣдемъ. Извозчикъ! въ Среднюю Мѣщанскую!..

Они сѣли и поѣхали.

Долго ждалъ Степанъ Ивановичъ своихъ молодцовъ, да и не дождался, легъ спать. Только-только часамъ къ шести утра собралась вся братія. Раньше всѣхъ, часа въ три, прибыли Петръ и Никандръ. Вошедши въ молодцовую, они заспорили о томъ, кто кого везъ; Никандръ увѣрялъ, что онъ везъ Петра, а Петръ удерживалъ это право за собою.

— Ты посмотри, нешто я пьянъ?.. говорилъ, покачиваясь, Петръ:—по одной половицѣ пройду.

Проснувшіеся мальчики насилу уложили ихъ спать.

Часа въ четыре великодушный дворникъ привезъ на раменахъ своихъ Ваську и передалъ на руки мальчикамъ.

И уговорились молодцы; надолго уговорились, вплоть до масляной, до *прощенаго* воскресенья. Вотъ они спятъ и тяжело дышать, шевеля во рту высохшимъ отъ внутренняго жара языкомъ. Много перешили они вина и пива, много потратили денегъ; дня два проходятъ они какъ угорѣлые и будутъ опохмѣляться.

Трудно было проснуться на другой день молодцамъ, когда въ семь часовъ утра въ ихъ дверь постучалась кухарка. Эту операцію она должна была повторить раза три. Первые проснулись мальчики и принялись за чищенье хозяйскихъ и молодцовскихъ сапоговъ. На нихъ же лежала обязанность растолкать молодцовъ. Труднѣе всѣхъ было подняться Василю; голова его была какъ-будто валита свинцомъ. Онъ взглянулъ на себя въ зеркало и ужаснулся: на лбу у него красовалась синяя шишка. Онъ кой-какъ прикрылъ ее волосами. Галстукъ, что вчера онъ далъ Никандру, былъ весь залит виномъ. Петръ проснулся, сходилъ въ кухню и вынулъ цѣлый ковшъ воды.

— Самое лучшее дѣло теперь — опохмѣлиться, сказалъ онъ.

Черезъ полчаса въ комнату, обитаемую молодцами, вошелъ хозяинъ и произнесъ имъ рѣчь, испещренную словами: сволочь, пьяницы, гуляки, шельмы и пр.

Молодцы молча слушали и тарачили глаза, стараясь ихъ сдѣлать непьяными.

— Ну, теперь ступайте въ лавку; да смотрите, по дорогѣ

не заходить, не опохмѣляться. Лучше ужь дома я самъ ванъ водки куплю. Слышите!...

Прошелъ первый день рождества и покатилаь снова своею обыденною колесою жизнь апраксинскихъ приказчиковъ; только и живутъ воспоминаніями...

— А что, Вася, какъ это ты себѣ въ первый день праздника лобъ подбилъ?

— И не говори, братъ, и самъ не знаю какъ. Два изьяна: лобъ подбилъ и Пикандра галстукъ испортилъ — виномъ залилъ.

На святкахъ еще ничего, весело: къ хозяину придуть гости, можно нарядиться — выворотить шубы и поплясать подъ гитару, за ворота выбѣжать, имя спросить, да и къ сосѣдямъ можно отправиться наряженными.

Многимъ покажется страннымъ такое заточеніе молодцовъ. Поговорите съ хозяевами, — вотъ что они вамъ на это скажутъ:

— Помиауйте, какъ же это возможно дать молодцу волю: развѣ вовъ тамъ въ гостиномъ заведоно, такъ до тѣхъ намъ и дѣла нѣтъ. Нешто молодець можетъ жить на волѣ? Ему острастка нужна. Дай-ко ему волю—такъ онъ и ночевать дома не будетъ, *воздактаршу* ¹⁾ заведеть, пьянствовать начнетъ, такъ ему жалованья-то годоваго и на мѣсяць не хватитъ; ну, и будетъ въ хозяйскую выручку заглядывать. Оно конечно, онъ и теперь руку запускаетъ, да по-малости; а тогда другое дѣло. Нѣтъ, ужь это отцами нашими установлено, такъ и мы продолжать будемъ.

Второй день рождества. Погода прекрасная, восемь градусоь морозу. У Юанна Предтечи кончилась обѣдня; изъ церкви выходитъ народъ. Первыми вышли юноши, хозяйскіе сынки. Они вышли раньше для того, чтобъ полюбоваться на прекрасный полъ. Вотъ стоятъ юные апраксинцы на паперти, эффектно потриваютъ бровные воротники своихъ лаичатыхъ шинелей, — замѣйте, непременно шинелей. Это принадлежность каждаго порядочнаго апраксинца—хозяйскаго сынка, который *женухуется*; безъ шинели на собольихъ лапкахъ онъ такъ же немислмъ, какъ и апраксинскій женихъ безъ брильянтоваго перстня. Это аристо-

¹⁾ Любовницу.

кратія Апраксина Это Ваши и Сани очень мило танцуютъ польку и краснорѣчиво молчатъ въ кадрилихъ на свадьбахъ. Смотрите, какъ мило снимаютъ они свои новыя циммермановскія и чуркинскія шляпы и кланяются проходящимъ знакомымъ: вѣтъ вѣтъ того поклона, который отвѣшиваютъ они покупателямъ, стоя на порогахъ своихъ лавокъ.

Вотъ вышли молодые Курицыны. На самомъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, глянцовый циммерманъ на головѣ и брильянтовый перстень на рукѣ. На самой бѣлая шляпка съ перомъ и лисій, крытый гранатнымъ бархатомъ салопъ, — замѣьте, непременно гранатнымъ бархатомъ: Курицынъ ни за что бы не женился на ней, ежели бы она не принесла въ приданое салопъ, крытый бархатомъ, несмотря на то, что за ней было пять тысячъ деньгами; ему раньше нравились очень многія дѣвицы, и по деньгамъ были подходящія, да за ними были атласные салопы, а не бархатные, — ну, и расходилось дѣло.

Вотъ семейство Перепалова. Впереди идутъ двѣ дочери, — непременно невѣсты въ этомъ мясоѣдѣ; отецъ рѣшилъ, что нужно отыскать жениха, а на Апраксиномъ ихъ хоть прудъ пруди. Онѣ потушаютъ глазки и проходятъ мимо шеренги молодежи, которая пожираетъ ихъ взглядомъ. «Выгодныя невѣсты! Кому-то достанутся?» За дѣвицами слѣдуютъ ихъ родители.

— Шаня, пойдемъ! говорить тятенька.

Изъ шеренги молодежи отдѣляется Шаня Перепаловъ и прыгаетъ къ шествующимъ.

На паперти появился въ бобровой шапкѣ и шинели на-распашку, изъ-подъ которой видѣются лиловые брюки, Бобовинъ, замѣчательный тѣмъ, что когда онъ жилъ у хозяина и торговалъ на отчетѣ, то всю выручку клалъ къ себѣ въ карманъ и чуть не пустилъ по міру своего благодѣтеля. Теперь онъ имѣетъ двѣ лавки и холостъ. Прошлаго года ему предлагали невѣсту и десять тысячъ, — показалось мало. «Людямъ даютъ и по двадцати; чтожъ, нешто мы рыломъ не вышли? Не лѣвой ногой носъ утираемъ!» подумалъ онъ и сталъ ждать, не набѣжитъ ли невѣста съ двадцатью тысячами.

Народъ ужъ почти весь вышелъ изъ церкви, ползутъ только старухи съ ридикюлями. «Не на кого смотрѣть», подумала шеренга молодежи и стала расходиться, а между тѣмъ изъ церкви

вышла аристократка Апраксина, ведомогаемая богиня многих страдающих сердецъ, вдова Верхолетова. Три года какъ она вдовствуетъ, и уже получила до тридцати предложеній рукъ и сердецъ, но отказала всѣмъ своимъ обожателямъ; она чувствуетъ непреодолимую симпатію къ офицерамъ и рѣшилась до тѣхъ поръ вдовствовать, пока какой-нибудь владѣтель шага и эполетъ не предложитъ ей руку и сердце. Она не посмотритъ, что онъ бѣденъ, что у него, по выраженію апраксинцевъ, «въ одномъ карманѣ смеркается, въ другомъ заря занимается», и соединитъ съ нимъ свою судьбу. Быть-можетъ она и достигнетъ своей цѣли, тронетъ какое-нибудь сердце, бьющееся подъ военнымъ мундиромъ. Она имѣетъ тысячу сорокъ капитала и лавку, въ которой торгуетъ молодецъ, — а это для любви вещь не маловажная.

Ежели, читатель, вы желаете снова увидѣть эти личности, съ которыми вы сейчасъ познакомились, то часа въ два пожайте на Невскій: онѣ разъ пять пройдутъ по солнечной сторонѣ; вечеромъ онѣ будутъ въ Александринскомъ театрѣ. Къ чести апраксинцевъ нужно сказать, что они очень любятъ театръ, а на святкахъ и на масляной такъ онѣ положительно только и и жить.

III.

Въ столовой кунца Черноносова, — того самого Черноносова, который изъ экономіи не имѣетъ приказчика, а торгуетъ съ тремя мальчиками—часы пробѣли пять. Еще все въ домѣ покоится сномъ. Спитъ Черноносозъ въ спальнѣ рядомъ съ своей третьей подругой жизни, спитъ въ кухнѣ кухарка на остывшей плитѣ, спятъ и мальчики въ своей конурѣ... именно конурѣ: пространство въ четыре квадратныхъ аршина, отгороженное отъ кухни, иначе и назвать нельзя. Въ конурѣ этой стоитъ кровать — общее ложе трехъ мальчиковъ съ замасленнымъ тюфякомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ блина гоголевскаго Петрушки, и съ тремя подушками, набитыми тѣмъ-то до чрезвычайности твердымъ.

Крѣпко спятъ мальчики и снятся имъ дивные сны, такіе сны, что хоть бы и не просыпаться, не ворочаться къ жалкой дѣйствительности. Снятся имъ родныя села, родныя избы, видятъ они своихъ отцовъ, матерей, знакомыя поля, лѣса—и все, все, что

такъ дорого ихъ сердцу и отъ чего они такъ рано оторваны и брошены между незнакомыми людьми, отъ которыхъ они не слышатъ и ласковаго слова.

Въ самомъ дѣлѣ, жалкое положеніе апраксинскаго мальчика.

Лѣтъ тринадцати, а иногда и раньше, научившись у мѣстнаго дьячка кой-какъ читать и писать, отрываются они отъ семейства и везутся въ Петербургъ въ ученье; разумѣется дѣло не обходится безъ слезъ со стороны родителей и дѣтой. Привезя мальчика въ Петербургъ, отецъ или родственникъ, чтобы не проѣдаться и не тратиться, старается какъ можно скорѣе отдать его въ ученье, часто даже не освѣдомившись о характерѣ, честности или положеніи хозяина, которому ввѣряетъ своего сына или родственника въ полное распоряженіе на четыре и на пять лѣтъ; дѣлаетъ ему наставленія, чтобъ онъ уважалъ, во всемъ слушался и любилъ хозяина—и уѣзжаетъ. И вотъ мальчикъ, брошенный въ чужое семейство, привыкшій къ ласкамъ матери, поступаетъ въ полное распоряженіе хозяина. Хорошо, ежели его сразу допустить къ торговлѣ; но есть такіе хозяева, которые оставляютъ новичковъ на полгода, а иногда и болѣе, дома, употребляя ихъ для домашнихъ работъ: нарубить дровъ, принести воды, сбѣгать въ лавочку, убирать комнаты, чистить посуду и сапоги, надѣлая ихъ за малѣйшую неисправность треухами, подзатыльниками, тасками, выволочками и прочими удовольствіями. Но не думайте, чтобы все это дѣлалось хозяевами такъ: это они дѣлаютъ по убѣжденію; они сами начали свое торговое поприще съ треуховъ и потому думаютъ, что безъ побоевъ мальчикъ не въ состояніи постигнуть всѣхъ тайнъ науки торговли. Отъ кого только не достается бѣдному мальчику: бьетъ хозяинъ, бьютъ приказчики, бьетъ кухарка, ругаетъ дворникъ; развѣ иногда хозяйка сжалятся, скажетъ ласковое слово; зато какъ дорого это ласковое слово!.. Наконецъ мальчика берутъ въ лавку; но и здѣсь далеко до торговли: вся его обязанность состоитъ стоять на порогѣ, выкрикивать названіе товаровъ и даже полъ-часъ, по приказанію приказчиковъ, хватать за руки покупателей; а придетъ домой—опять то-же чищенье сапоговъ и посуды и бѣготня въ кабакъ тайкомъ отъ хозяина, ежели молодцамъ захочется выпить. Почитать что-нибудь, пописать, хоть бы письмо въ деревню, мальчику некогда; изъ этого и вытекаетъ ихъ безграмотность, когда они сдѣ-

лаются приказчиками. Въ продолженіи пятилѣтняго нахождения въ наукѣ они иногда ни разу не брались ни за книгу, ни за перо; очень естественно, что въ продолженіи этого времени они забудутъ всѣ тѣ ограниченныя познанія въ грамотности, которыя лѣтъ пять тому назадъ вложилъ въ ихъ головы дьячекъ или какой-нибудь учитель изъ отставныхъ семинаристовъ.

Вотъ прошло четыре года, какъ мальчикъ въ наукѣ; всѣми силами старается онъ угодить хозяину, изгибается передъ купателями, клянется, божится, — но тщетно: отъ хозяина никакого поощренія. «Выживи свои года и тогда сдѣлаешься приказчикомъ.» И вотъ его отъ природы мягкій характеръ начинаетъ портиться: онъ по примѣру приказчиковъ ругаетъ при каждомъ возможномъ случаѣ хозяина; вмѣстѣ со страхомъ онъ уже питаетъ къ нему ненависть; виля, что другіе крадутъ, начинаетъ и онъ утаивать забытые на прилавкѣ гривенники и двугривенные, отыскиваетъ гдѣ-нибудь подъ половицей или подъ плитусомъ щель и прячетъ ихъ туда, чтобы при первомъ возможномъ случаѣ промотать ихъ. Но вотъ наконецъ заживаетъ онъ опредѣленные года, хозяинъ призываетъ его къ себѣ, объявляетъ ему объ окончаніи курса и даруетъ степень приказчика. «Теперь я тебѣ жалованья не могу опредѣлить, говоритъ онъ ему: — посмотрю, чего стоить будешь, то и положу; я тебя не обижу.» По окончаніи года оказывается, что онъ стоялъ рублей восемь въ мѣсяцъ. Но не такъ плохъ молодецъ: онъ уже насмотрѣлся, какъ то дѣлаютъ болѣе опытные приказчики, оцѣнилъ себя гораздо дороже и кралъ изъ хозяйской выручки рублей по десяти въ мѣсяцъ.

Часы въ столовой показывали четверть шестаго, когда въ кухню поступался водовозъ.

— Кто тутъ? спросила его проснувшаяся кухарка, однако не поднимаясь съ плиты.

— Я. Отвори, Степановна: воду несу!

— Экъ его объ эту пору проняло! ворчала она зѣвая и встала съ своего ложа. — Погоди, только свѣчу зажгу: вишь темъ какая.

Она зажгла свѣчу и, какъ спала, во всемъ утреннемъ neglige, отворила водовозу дверь. Быстро ворвался въ отворенную дверь холодный воздухъ и въ видѣ пара закрутился по комнатѣ.

— Что это съ этой поры тащиться! проговорила она, придерживая на груди рубашку и прикрывая свои прелести: — уходи скорѣй, да заприай дверь плотнѣе; окончила совѣтъмъ.

— Ничего, жиру поубавится; вишь, лопнуть хочешь, — любезничаль водовозъ.

— Ну, ну, ругатель, проходи что-ли!

— Охо-хо-хо! зазѣвала она вслухъ. «Пора и мальчишкамъ вставать», подумала она и закричала: — Мишутка, Ванюшка, Федоръ! вставайте.

Но это было напрасно: мальчики встали только тогда, когда она принялась ихъ расталкивать. Перекрестившись вѣскольکو разъ на образъ, висѣвшій надъ кроватью, они вышли изъ своей конуры и зѣвая съѣли на скамейку. Холодно имъ со сна и больно глядѣть на свѣтъ пылающей свѣчи.

— Ванюшка! чего остолбенѣлъ-то, что глаза выпучилъ? — прннямайся за дѣло! обратилась кухарка къ самому меньшому изъ нихъ. — Чисти хозяйскіе сапоги; да еще вотъ ножи вычистить надо, вчера послѣ ужина грязные остались.

— Сейчасъ.

И мальчикъ принялся за дѣло.

— А ты чтожь, Мишутка?

— Погоди, успѣешь!

— Чего успѣшь! Вотъ хозяйнѣ встанеть, не будетъ, все готово, такъ онъ те задасть!

Федору, какъ старшему, она ничего не сказала. Ему было уже восемнадцать лѣтъ, онъ пользовался ея расположеніемъ и у нихъ подчасъ разыгрывалась извѣстная сцена, гдѣ онъ изображалъ Юсіафа-прекраснаго, а она жену Пентефріа. Онъ только поставилъ самоваръ и не прикоснулся ни къ какой работѣ.

Половина восьмаго. Въ кухню вошелъ Черноносоевъ, какъ и всегда, съ самой пасмурной и недовольной фвзіономіей. На немъ было какое-то подобіе халата. Онъ пришелъ за горячей водой для бритья.

— Налей вода немножки! проговорилъ онъ, по обыкновенію ломая языкъ, и подалъ Федору оловянную кружку.

Вотъ уже и четверть девятаго. Время идти въ лавку. Поспѣшно допиваютъ мальчики свой чай изъ глиняныхъ кружекъ.

— А что, пареньки, не здѣсь ли живетъ купецъ Михайло

Иванычъ Черноносозъ? спрашиваетъ входящій мужичекъ въ валенкахъ и лисьей шубѣ.

— Ахъ, дядюшка Герасимъ! кричитъ Ванюшка и бросается навстрѣчу къ пришедшему.

— Здравствуй! говоритъ тотъ, цѣлуя его:—мать, отецъ тебѣ кланяются... Вотъ тебѣ посылка онъ вѣхъ; письмо тамotka есть.

— Здоровы ли тятенька, маменька? спрашиваетъ Ванюшка, принимая небольшой пестрядинный тючекъ.

— Здоровы. Отецъ по осени въ Питеръ собирается.

Двое другихъ мальчиковъ и кухарка были вѣмыми зрителями этой сцены; но сцена эта тотчасъ же была прервана: въ кухню вошелъ Черноносозъ. Онъ былъ во всѣхъ своихъ доспѣхахъ, въ хорьковой шубѣ и котиковой фуражкѣ.

— Маршъ въ лавку! скомадовалъ онъ.

Мальчики засуетились. Ванюшкинъ дядя отвѣсилъ Черноносозу поклонъ; тотъ не обратилъ никакого вниманія.

— Чтѣ стоишь-то? Кладить тамъ на кровать, уже посмотрѣшь. Въ лавку пора. Скорѣй немножко!

И брови его нахмурились еще больше прежняго.

— Пиши письмо къ матерѣ; я зайду черезъ недѣлю, — казія будетъ, проговорилъ Герасимъ уходящему племяннику. — А должно-быть крутъ у васъ хозяйнѣ-то? обратился онъ къ кухаркѣ, когда они остались вдвоемъ.

— И не говори! отвѣчала та, обрадовавшись, что можно выругать хозяйна: — аспидъ, а не человекъ.

— То-то я вижу... Ну, прощенья проспѣ.

Весь день продумалъ бѣдный Ванюшка о посылкѣ и о письмѣ. Ему очень хотѣлось узнать, какіе гостинцы прислали ему отецъ и мать и чтѣ они пишутъ. Радостно побѣждалъ онъ домой; полупудовая тяжесть — мѣшокъ съ шолкомъ, который онъ несъ домой для разматыванья, казалась ему самою легонькою ношею. Онъ ужъ бы давно добѣжалъ до дому, ежели бы не обыкновеніе идти за хозяйномъ; а Черноносозъ въ этотъ день, какъ на зло, шелъ тише обыкновеннаго. Прибѣжавъ домой, Ванюшка тотчасъ же бросился къ посылкѣ и принялся распарывать пестрядню; гостинцами были сушеная малина, сдобныя лепешки и двѣ холстинныя рубашки. Но вотъ наконецъ и письмо. Онъ схватываетъ его, сламыкаетъ хлѣбный мякишъ, которымъ оно было запечатано,

и начинает читать. Смотрите, какъ углубился онъ въ чтеніе, какъ блестятъ его глаза, какая улыбка удовольствія мелькаетъ на губахъ, а между тѣмъ въ письмѣ, кромѣ поклоновъ отъ родителей и родни, съ поименованіемъ ихъ по имени и отчеству, ничего не написано. Въ концѣ письма сказано: «отпиши намъ о себѣ, любезный сыночекъ Ванюшка, какъ ты живешь и любить ли тебя хозяйннъ». Онъ свертываетъ письмо и хочетъ тотчасъ же писать о себѣ, но вотъ бѣда: гдѣ взять перо и чернила? Долго думаетъ онъ, наконецъ рѣшается попросить у хозяйки.

— Александра Ивановна, робко говоритъ онъ вошедшей въ кухню хозяйкѣ: — дайте мнѣ чернилъ, перышка и бумажки.

— На что тебѣ?

— Письмо въ деревню писать надо.

— Ну погоди, я спрошу у Михайла Иваныча.

Она ушла изъ кухни. Ванюшка сталъ ожидать письменныхъ принадлежностей, но онъ жестоко ошибся: вмѣсто Александры Ивановны въ кухню выбѣжалъ самъ Черноносовъ и накинулся на него:

— Какой тебѣ бумажки нужно? зачѣмъ?

— Письмо въ деревню писать надо, чуть слышно проговорилъ мальчикъ.

— Чтѣ за глупости, — успѣешь! За дѣло приниматься нужно. Чѣмъ у тебя твой голова занята? Разматывай шолкъ теперь; завтра напишешь.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Бѣдный Ванюшка такъ и не писалъ письма ни сегодня, ни завтра: онъ уже не смѣлъ больше просить чернилъ и письма; когда же пришелъ за письмомъ дядя Герасимъ, то Ванюшка настрочилъ нѣсколько словъ карандашомъ и велѣлъ словесно передать, что всѣмъ кланяется.

Прошли святки съ ихъ гаданьемъ и переряживаньемъ, прошло и крещенье. Апраксинцы уже не гуляютъ болѣе на Невскомъ, а перенесли свою резиденцію на Дворцовую набережную. Наступило то время, когда всѣ женихающіеся апраксинцы помы-

шляють о соединеніи себя узамн гименея. Только и слышишь, что тотъ-то женится на такой-то и беретъ столько-то, такой-то выдастъ дочь за такого-то и дастъ столько-то. Апраксинецъ, какой бы онъ ни былъ, хоть «слыкомъ шитый», по мѣстному выраженію, хоть торгующій на развалѣ ржавыми пуговицами в битой посудой, и тотъ не женится на невѣстѣ-безприданницѣ, и поэтому туземныя невѣсты безъ прилагательнаго навѣрное останутся въ дѣвцахъ. По мнѣнію апраксинцевъ, бракъ есть дѣло коммерческое, и потому-то именно оно дѣлается, какъ и всѣ биржевыя дѣла, черезъ маклеровъ, то-есть свахъ, которыя имѣютъ невѣстъ на всѣ руки. Въ послѣднее время впрочемъ на Апраксиню завелась слѣдующая мода: хозяева начали выдавать своихъ дочерей за своихъ приказчиковъ. Если смотрѣть на это съ критической точки зрѣнія, то это очень практично: приказчикъ, знающій хорошо дѣло, котораго отецъ невѣсты знаетъ нѣсколько лѣтъ и приглядѣлся къ его характеру, можетъ быть гораздо лучшимъ мужемъ, чѣмъ какой-нибудь сосватанный свахою хозяйскій сынокъ, торгующій изъ-подъ отцовской палки. Приказчикъ, котораго отецъ невѣсты поставитъ на ноги и сниметъ для него лавку, будетъ способнѣе прокормить семейство. Какъ бы ни были ограничены средства апраксинца, онъ непременно сдѣлаетъ болѣе или менѣе парадную свадьбу, хотя бы на это ему пришлось употребить болѣе половины своего состоянія. День свадьбы обыкновенно празднуется у кухмистра, гдѣ бываетъ обѣденный столъ и послѣ танцевъ, нерѣдко часовъ до шести утра. Случается такъ: если женихъ не умѣетъ танцевать, то нарочно учится для этого, чтобы пройтись нѣсколько кадрили.

Вотъ какъ обыкновенно устраиваются браки:

Лишь только женихъ найдетъ себѣ подходящую невѣсту и сойдется въ приданомъ по росписи, принесенной ему свахой, тотчасъ же проситъ у отца невѣсты назначить день послѣднихъ смотринъ. День назначается и женихъ въ сопровожденіи родственниковъ является въ домъ будущаго тестя, который и встрѣчаетъ ихъ. Нѣтъ ничего глупѣе этой сцены. Всѣ садятся, начинается разговоръ о погодѣ, о церквахъ и незамѣтно сворачивается на торговлю. Здѣсь женихъ крѣпится: онъ долженъ выказать все свое званіе дѣла. Вскорѣ является невѣста, робко потупляетъ взоръ, раскланивается и садится; за нею слѣдомъ идутъ мать и сваха.

Минуть съ десять все-еще длится разговоръ; наконецъ женихъ встаетъ съ мѣста и шепчетъ отцу невѣсты: «мнѣ нужно съ вами кой о чемъ переговорить». «Пожалуйте, пожалуйста!» отвѣчаетъ тотъ, и они уходятъ въ другую комнату. Здѣсь женихъ объявляетъ съ какимъ намѣреніемъ онъ пришелъ въ домъ, и спрашиваетъ, все ли то есть за невѣстой, что означено въ росписи. Тестъ согласенъ, ударяетъ по рукѣ будущаго зятя, лобызаетъ его, выводитъ его передъ лицо невѣсты и объявляетъ женихомъ. Всѣ молятся Богу, причемъ мать невѣсты и вся женская родня считаетъ за нужное прослезиться. Является бутылка хересу, присутствующіе пьютъ и поздравляютъ съ *начатиемъ дѣла*. Жениха тоже принуждаютъ выпить; онъ беретъ рюмку, прикасается къ ней губами и снова ставитъ на поднось. Великій искусъ для пьющаго чловѣка! Но было бы верхомъ невѣжества, ежели бы онъ выпилъ всю рюмку: тогда онъ проигралъ бы во мнѣніи родни по крайней мѣрѣ процентовъ на двадцать—пять. Подаютъ чай. Женихъ садится рядомъ съ невѣстой, и здѣсь-то слѣдуетъ преглушѣвшая сцена, едва-ли не глупѣе сцены встрѣчи. Женихъ всѣми силами старается быть любезнымъ, хочетъ сказать что-нибудь дѣльное, но какъ ни осматриваетъ потолокъ и печку въ комнатѣ, нища въ нихъ вдохновенія, все-таки остается вѣзмъ какъ рыба; а невѣстѣ самой начать разговоръ неприлично, — сочтется выскочкой; ей еще съ малолѣтства натолковали, что она должна быть скромною и больше молчать. Наконецъ женихъ откашливается и спрашиваетъ:

— Я вамъ нравлюсь?

— Да... отвѣчаетъ невѣста.

— И вы мнѣ тоже нравитесь. Погодите, мы съ вами лихо заживемъ!

Снова слѣдуетъ молчаніе, и будущіе супруги снова начинаютъ созерцать—одна потолокъ и печку, а другая свое платье. Присутствующіе выводятъ ихъ изъ замѣшательства и продолжаютъ прерванный разговоръ о торговлѣ.

На другой день отецъ невѣсты выходитъ въ лавку, потираетъ, стоя на порогѣ, свое брюшко и объявляетъ сосѣдямъ, что выдаетъ дочь замужъ, выражаясь слѣдующимъ образомъ: «А вѣдь мы вчера дочку-то Богу помолились, по рукамъ ударили, про-

или!»—«За кого?»—«За Семена Брюхина.»—«Ну, поздравляю! Славный парень!»

И черезъ часъ весь Апраксинъ знаетъ о вчерашнемъ происшествіи. Съ этихъ поръ женихъ начинаетъ ходить къ невестѣ каждый день вплоть до самой свадьбы.

Нашъ знакомецъ Степанъ Ивановичъ Харламовъ тоже выдаетъ свою дочь замужъ. Женихъ, Николай Михайлычъ Бирюковъ, мужчина лѣтъ двадцати-двухъ, но уже покутившій на своемъ вѣку, — женихъ очень выгодный, изъ *современныхъ*, то что на Апраксинномъ называютъ *мазикомъ*, съ галантерейными манерами, носить усы и ходить во фракъ, отчего онъ очень нравится невестѣ. Отецъ его торгуетъ желѣзомъ и очень богатый человекъ. Черезъ недѣлю назначена свадьба, заказаны билеты и нанята у Сорочихи ¹⁾ парадная золотая карета четверней и съ двумя лакеями. У Семена Ивановича каждый день вечеринка; женихъ является съ пріятелями и начинаются танцы. У невесты гостятъ всѣ ея подруги и помогаютъ дошивать приданое.

Вотъ и сегодня пріѣхалъ женихъ съ пріятелями, привезъ для дѣвицъ конфетъ и сдѣлалъ сюрпризъ—нанялъ тапѣра. Всѣ безотчетно веселы; смѣхъ, говоръ, старики играютъ въ горку... «Веселая свадьба!» говорятъ гости. Оттанцовали кадрили и молодежь отправилась затянуться, кто въявь, а кому это удовольствіе запрещено, тотъ и тайкомъ. Пріятеля уже порядочно *заложили за галстукъ*, даже и женихъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина и забѣдаетъ кофевкой и пѣеферментами.

— Смотри, не ѣшь этихъ мятныхъ лепешекъ: сейчасъ подумаютъ, что забѣдалъ, — даетъ совѣтъ Миша, пріятель его: — отъ меня тятенька какъ услышитъ, что мятой пахнетъ, такъ и начнетъ коситься, сейчасъ догадается.

— Ничего, отвѣчаетъ женихъ: — въ разговорѣ какъ-нибудь упомяну, что животъ болитъ.

— Когда же мы съ тобой покутимъ въ послѣдній разъ? спрашиваетъ Федя, тоже мазъ, съ кучею брелоковъ на часовой цѣпочкѣ.

— Въ воскресенье, братцы, въ воскресенье, отвѣчаетъ же-

¹⁾Сорочиха, содержательница извозчичьихъ каретъ.

нихъ:—вечеромъ нельзя, здѣсь быть надо; а мы съ утра закатымся. Часовъ эдакъ съ десяти.

— Браво, я послѣ выпататься успѣемъ! Знаешь, братъ, я больше съ лихачемъ Николашкой ни за что не буду ѣздить. Лихую онъ штуку со мной удраля. Ѣздила я съ нимъ на Петровскій, дѣвочка со мной была; послѣ, знаешь, на обратномъ пути отвезъ ее, да и поѣхалъ домой. Я никогда у нашихъ воротъ не остававляюсь, всегда на углу, не доѣзжая нашего дома. Вышелъ изъ саней, да и подаю ему пять рублей. Просить на чай. Далъ рубль, — мало. Сколько же, говорю, тебѣ нужно? «Пять рублей, говоритъ, само по себѣ, да красненькую на чай дайте.» Что ты, говорю, съ ума сошелъ?—да и иду отъ него прочь, а онъ меня окликиваетъ: «Василій Родіонычъ! пожалуйста, говоритъ, на пять словъ.» Что тебѣ? спрашиваю. «Дайте, говоритъ, на чай, а то безпремѣнно тятенькѣ вашему скажу, что вы со мной ѣдите, да и про дамочку вашу ему расскажу.» Это про Маньку-то. Просто вскипѣлъ я: ахъ ты, говорю, подлецъ эдакой, карманна выгрузка! А онъ мнѣ: «не ругайтесь, говоритъ, а дайте красненькую, а то ейбогу тятенькѣ вашему про все расскажу; я вѣдь его, говоритъ, хорошо знаю.» Бился-бился я,—отдалъ деньги. Что, думаю, ежели вдругъ отцу расскажетъ? Бѣда. Вотъ какая сволочь!

Вся компанія захохотала.

— Послѣ я уже вспомнилъ, что онъ, со мной ѣдмши, все меня выпытывалъ: гдѣ мы торгуемъ, да гдѣ живемъ. Это онъ подвохъ дѣлалъ.

— Ахъ, братцы, какъ бы мнѣ съ моею Катюшкой развязаться? Ну, ежели что задумаетъ? шопчегъ женихъ, наклонясь къ своимъ пріятелямъ.—Три сотенныя бы далъ, только бы отстала.

— Погоди, обдѣлаемъ, все будетъ на мази.

— Нѣтъ, братъ, табакъ-дѣло! отвѣчаетъ женихъ, затягивается папиромъ и трясетъ своей завитой головой.

Поздно уѣхалъ женихъ съ пріятелями и дѣвицы, вытащивъ въ залу нѣсколько перинъ, начали укладываться спать. Что визгу, что шуму, что замѣчаній про кавалеровъ, обдумыванія нарядовъ къ свадебному балу! Долго, долго не могли онѣ уснуть, но проспала за то на другой день часу до первого.

Прошло воскресенье. Въ одной изъ гостинницъ свершился

прощальный кутежъ. Николай Михайлычъ Бирюковъ провожалъ свою холостую жизньъ. Много было выпито разнаго вина, и пріатели жениха напивались или, по ихъ выраженію, *насандалились* до положенія ризъ, да и у самого жениха сузились глаза и плохо ворочался языкъ. Кой-какъ съ помощію лакеевъ добрали они до нумеровъ и изъ объятій Бахуса перешли въ объятія Морфея; женихъ тоже послѣдовалъ ихъ примѣру и уснулъ сномъ праведника, но помня, что ему сегодня надо быть у невѣсты, предварительно далъ приказаніе разбудить себя въ шесть часовъ и приготовить побольше зельтерской воды и лимонадъ-газесу. Съ трудомъ растолкалъ номерной лакей жениха и его пріателей. Многие взглянули на себя въ зеркало и сами не узнали своихъ фізіономій: чужія лица, да и только! Какъ ни умывались они холодной водой, какъ ни отдувались зельтерской водой и лимонадомъ, но все-еще были далеко не трезвы. «Опохмѣляться бы важно!» замѣтилъ кто-то; но женихъ объявилъ наотрѣзъ, что больше ни снѣга пороха не будетъ, а кто только одну рюмку выпьетъ, того онъ не возьметъ къ невѣстѣ.

Но это еще не все, читатели, это не послѣдній кутежъ; настоящее безобразіе будетъ завтра.

У апраксинцевъ, да и вообще у купчества средней руки, существуетъ дикій обычай, перешедшій еще отъ предковъ полухристіанъ, полуязычниковъ—за день или дня за два до свадьбы ѣздить огромной компаніей въ баню. Это бы еще ничего, пускай себѣ моются; но мытье это происходитъ среди страшнаго пьянства и оргіи, да и не у однихъ мужчинъ, а даже у женщинъ, и еще въ бѣльшемъ градусѣ. Въ понедѣльникъ вечеромъ къ жениху Бирюкову собрались всѣ его пріатели, отправились въ Туляковы бани, гдѣ и взяли большой парадный номеръ, который нарочно устроенъ для подобныхъ случаевъ. Чтѣ тамъ было и каковы были по выходѣ изъ бани пріѣхавшіе омывая свою грѣшную плоть, можно судить по тому, что по пріѣздѣ два мальчика Бирюкова внесли въ баню большую корзину съ разнымъ виномъ, и по выходѣ не вынесли ни одной бутылки; да еще прибавьте къ этому подаваніе виномъ на раскаленную каменку.

Тоже было и у женщинъ, но, какъ я уже сказалъ выше, еще въ сильнѣйшемъ градусѣ. Невѣста въ сопровожденіи своихъ подругъ, свахи, замужнихъ родственницъ и женской прислуги,

отправилась въ ту же баню, съ тою только разницею, что днемъ. И здѣсь не обошлось безъ вина: обычай требуетъ, чтобъ въ этотъ день пили вино и поддавали имъ на каменку. На Руси говорятъ, что ежели баба выпьетъ на грошъ, то накричитъ на рубль, и это чистѣйшая правда. Ежели, читатель, вамъ когда нибудь случится увидѣть на улицѣ двѣ-три кареты, нагруженные женщинами и везомыя лошадьми, гривы и сбруя которыхъ украшены цвѣтными лентами, — знайте, это непременно ѣдетъ изъ бани невѣста въ сопровожденіи своихъ безобразницъ-родственницъ. Безстыжіе и цинизмъ этихъ бабъ превосходить всякія границы. Онѣ доходятъ до того, что не только-что поютъ на всю улицу пѣсни, но даже, высовываясь изъ оконъ каретъ, за дѣлаютъ и ругаютъ прохожихъ и нерѣдко бросаютъ въ нихъ вѣнками и порожними бутылками. Въ это время бѣдная невѣста и ея подруги, сгарая отъ стыда, укутываются въ платки, стараясь не быть замѣченными прохожими. Представьте себѣ теперь, что бываетъ въ банѣ, какой примѣръ и оскорбленіе цѣломудрію только еще развивающихся дѣвушекъ! И гдѣ это дѣлается? Это дѣлается въ тѣхъ семействахъ, гдѣ въ среду и въ пятницу считаютъ страшнымъ грѣхомъ оскоромиться, гдѣ въ великій постъ пьютъ чай съ медомъ и взюмомъ и гдѣ подчасъ въ великую пятницу мать не даетъ своему ребенку лишній разъ груди, считая и это уже прегрѣшеніемъ...

Наканунѣ дня свадьбы былъ дѣвшникъ. Еще до пріѣзда Бирюкова, къ невѣстѣ пріѣхалъ Вася, его шаферъ, и дружка жениха, тотъ самый Вася, котораго надулъ лихачъ на десять цѣлковыхъ. Онъ привезъ ларецъ; между платочками, перчатками, духами и мыломъ, румянами и бѣлками, тамъ были и цѣнныя вещи: золотыя часы съ брошкой, браслетъ брильянтовый и такія же шпильки. Вскорѣ пріѣхалъ женихъ; онъ былъ что-то разстроенъ; посидѣвъ немного съ невѣстой, онъ пошелъ покурить въ молодцовую и мигнулъ своему шаферу Васѣ, чтобъ тотъ слѣдовалъ за нимъ. У Степана Иваныча въ залѣ не курили; онъ не былъ раскольникомъ; но и не терпѣлъ табачнаго дыма.

— Дѣло, братъ, яманъ, Вася.

— А что?

— Да съ Катюшкой сообразить не могу.

— Чтоже?

— Была у меня сегодня въ лавкѣ. Давалъ ей три сотни, не беретъ. Даже совѣстно: при молодцахъ плюнула и ушла. Что, ежели она къ отцу явится?

— Табакъ, братъ, дѣло, истинно яманъ-сортъ!—И Вася щелкнулъ языкомъ. — Чтоже ей, мало что-ли?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. «Ни копѣйки, говоритъ, не возьму; да вы, говоритъ, и не бойтесь, что я свадьбу вашу разстроивать стану: я, говоритъ, и стыда на себя не возьму; я, говоритъ, васъ ненавижу теперь.» Что, Вася, нѣтъ ли тутъ какого подвоху? Смотри, чтобъ въ чемъ другомъ не нагорела?

— Маргафонъ, братъ, ты, и больше ничего. Крестись обѣими руками: извѣстно, чиновничья кровь заговорила. Тятенька въ судѣ строчилою служилъ: на грошъ амуниціи, на рубль амбиціи. Чтѣ она, въ церковь что-ли придетъ? Гришуху поставимъ у двери, да и не пустимъ ее.

Женихъ немного повеселѣлъ. Въ молодцовую вошелъ Степанъ Ивановичъ.

— Николай Михайлычъ, подь-ка сюда; мнѣ съ тобой поговорить нужно.

Онъ привелъ его въ комнату, гдѣ стояло приданое невѣсты. Комната эта походила на мебельную лавку: она была вся заставлена стульями, комодомъ, туалетомъ, шкафами, диванами и прочей мебелью.

— Считай.

И Степанъ Ивановичъ вынулъ изъ бокового кармана пачку пятипроцентныхъ билетовъ.

— Десять тысячъ. Вѣрно? спросилъ онъ, когда Бирюковъ сосчиталъ билеты.

— Вѣрно-съ.

— Теперича давай ихъ сюда. Видишь, я кладу въ комодъ, въ верхній ящикъ.

Женихъ не хотѣлъ быть однимъ свидѣтелемъ всего этого и позвалъ своего отца. Въ присутствіи ихъ были положены деньги въ верхній ящикъ комода. Женихъ самъ заперъ его и ключъ положилъ въ карманъ.

— Ну, теперь сдѣлалъ все на чистоту. Обнимемся, свать.

И Степанъ Ивановичъ обнялъ сперва свата, потомъ жениха. Вообще въ этотъ день женихъ не бываетъ долго у невѣсты и

потому Николай Михайлычъ часу въ одиннадцатомъ ушелъ домой. Невѣста разобрала свой ларецъ и одѣла двѣдницъ, которыя не ночевали эту ночь у нея и уѣхали съ своими родными домой.

IV.

Но вотъ насталъ день свадьбы. Не стану описывать сборы въ церковь со стороны жениха и невѣсты, но скажу, что въначіе было очень парадное. Церковь была въ полномъ освѣщеніи и на крылосѣ пѣли невскіе пѣвчіе. Подъ конецъ апостола дьяконъ такъ хватилъ «и жена да боятся своего мужа», что даже невѣста вздрогнула, а мужчины одобрительно переглянулись и подумали: «вѣшь какая сила!»

Теперь отправитесь, читатели, на обѣдъ и на балъ въ квартиру вухминстера.

Новобрачные еще не пріѣзжали изъ церкви. Въ залѣ и въ смежной съ нею комнатѣ накрыты обѣденные столы *покоемъ*. Они украшены фруктами, конфетами на горкѣ и поливаемыми цвѣтами въ вазахъ. Ежели вы прослѣдите внимательно вина и напитки, которыми уставленъ столъ въ залѣ, то на одномъ концѣ его увидите бутылки съ металлическими украшениями на горлышкахъ и ярлыками съ болѣе высшими цвѣтами, чѣмъ на другомъ концѣ. Здѣсь сидутъ почетные гости. На столѣ же въ другой комнатѣ вина разставлены гораздо рѣже; ихъ замѣняетъ пиво и графинны водки. Гости уже начинаютъ сѣзжаться. Кавалеры приглашиваютъ передъ зеркаломъ свои прически, дамы отряхиваютъ платья и входятъ въ залу. Сначала всѣ какъ-то дичатся другъ друга. Вотъ одинъ фертикъ съ закрученными усиками и съ буклями на вискахъ въ видѣ сосисокъ прохаживается по залѣ. Стоячіе воротнички его рубашки такъ и упираютъ подъ подбородокъ; стараясь, чтобы ихъ не измять, онъ ворочается всѣмъ тѣломъ. Немало также его стѣсненію способствуетъ шляпа. Онъ совершенно не можетъ придумать, что ему съ ней дѣлать; то прижметъ къ правой колѣнкѣ, то къ лѣвой, то къ груди, стараясь при этомъ выказать свой брильянтовый перстень, надѣтый сверхъ бѣлой перчатки на указательный палецъ право руки.

Въ залу входятъ тятенька, маменька и двое чадъ ихъ: дочь, пухленькая, краснощекая дѣвушка лѣтъ шестнадцати въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ и сынъ лѣтъ девятнадцати, въ сертукѣ и цвѣтномъ галстукѣ, — физиономія, напоминающая господина, котораго обыкновенно пишутъ на цирюльныхъ вывѣскахъ; тѣже усы, таже прическа. Тятенька ихъ въ длиннополомъ сертукѣ и дутыхъ сапогахъ. Изъ-подъ его клинистой бороды виднѣются двѣ медали, одна на красной, другая на голубой лентахъ. Маменька, съ повязанной косынкою головой, въ длинныхъ брильянтовыхъ серьгахъ и съ довольно почтеннаго размѣра брюшкомъ.

Молодой человекъ съ перстнемъ на указательномъ пальцѣ все-еще прогуливается и думаетъ: «Пора и о дамѣ позаботиться, а то послѣ обѣда не успѣешь носа утереть, какъ и раскватаютъ ихъ. Вотъ важная штука: пойду и попрошу ее на кадрили.» Онъ предварительно топнулъ ногою, какъ застоявшаяся лошадь, поправилъ галстукъ и нагнувъ немного голову, какъ будто кого-нибудь собирался боднуть, подошелъ къ знакомой уже намъ дѣвицѣ въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ.

— Позвольте васъ анжировать на первую кадрили, — началъ онъ, расшаркиваясь.

Дѣвушка зардѣлась ярче своего платья, опустила глазки и прошептала:

— Извольте.

— А на ланцѣ?

— Я не танцую.

Кавалеръ, очень довольный собою, отошелъ въ сторону.

— Что, Паша? Хе-хе-хе... Вотъ и завербовала одного молодца, — шутить съ нею тятенька. — Главнo дѣло починъ есть, — а починъ дороже денегъ. Хе-хе-хе!

— Ахъ, папенька, оставьте!

— Оставьте! а небось самой любо. А ты чтожь себѣ дѣвушку не ищешь? обратился онъ къ сыну. — Хоть, а тебѣ вайду?

— Нѣтъ, тятенька, не извольте беспокоиться; я лучше ужю, по-малости въ горку сыиграю...

Въ углу на столѣ поставлена закуска съ цѣлою батареею штофовъ, графиновъ и бутылокъ. Поодаль стоятъ двое гостей въ смбиркахъ. Они разговариваютъ, но разговоръ ихъ какъ-то не клеится; головы ихъ то-и-дѣло поворачиваются къ закускѣ. По-

добно магниту, притягивающему желѣзо, столъ съ бутылками и штофами такъ и притягиваетъ ихъ. Нѣсколько времени они борются съ притягательной силой, наконецъ она беретъ верхъ, и они подходятъ къ столу. Офиціанты останавливаютъ ихъ, но они не слушаются.

Комнаты все болѣе и болѣе наполняются гостями. Кажется, вся каста патриціевъ-хозяевъ собралась здѣсь, начиная съ лицевой аристократической ливни и до тряпичнаго ряда. Музыканты строятъ свои инструменты.

Въ залу вбѣгаетъ Миша, шаферъ жениха; въ петлицѣ его фрака красуется розанъ.

— Михайло Родіонычъ! Михайло Родіонычъ! пищитъ ему одна гостья: — вы замѣтили, чья свѣчка больше обгорѣла: женихова, или невѣстина?

— Невѣстина, невѣстива! впопыхахъ отвѣчаетъ шаферъ и стремится далѣе.

— Бѣдняжечка! раньше женишка умретъ! продолжаетъ гостья и отходить въ сторону.

Но вотъ офиціантъ махнулъ салфеткой музыкантамъ и раздалися звуки какого-то марша. «Пріѣхали, пріѣхали!» послышался шопотъ, и въ залу въ сопровожденіи гостей вошли новобрачные. Живо бросилась мужская половина рода человѣческаго къ закускѣ и въ нѣсколько минутъ опустошила столъ. Нѣкоторыя женщины удалились въ отдѣльную комнату и тоже пропустили по маленькой очищенной. Черезъ четверть часа всѣ уже сидѣли за столомъ. На самой серединѣ, передъ вазою съ цвѣтами, на которой изображены сатиръ и нимфа, сидятъ новобрачные; по правую и по лѣвую сторону — ихъ родители; далѣе дьяконъ, тотъ самый дьяконъ, который такъ удивилъ своимъ голосомъ въ церкви, родственники и почетные гости, между которыми два офицера въ парадной формѣ и квартальный надзиратель. Офицеры эти приглашены самимъ кухмистеромъ. У одного конца сидитъ цѣлый рядъ дѣвицъ и напротивъ ихъ кавалеры. Въ комнатѣ, смежной съ заломъ, помѣстились третьестепенные гости—молодцы Бирюкова и Харламова и всѣ любящіе выпить и вмѣстѣ съ тѣмъ болящіеся общественнаго мнѣнія.

Бокалы налиты шампанскимъ. «За здоровье новобрачныхъ!»

прокричалъ офиціантъ, музыканты заиграли тушь и гости забѣли вилками въ тарелки и рюмки.

— Горько! проговорилъ кто-то изъ родственниковъ невесты.

— И мнѣ горько! отозвался другой: — подсластите!

Новобрачные посмотрѣли другъ на друга.

— Миколай! чтожъ, поцѣлуй жену-то! проговорилъ Бирюковъ, толкнувъ подъ бокъ сына.

И они поцѣловались. Ярко зардѣлась новобрачная, исполнивъ требованіе родственниковъ, и только-что сѣла, какъ снова слышалось «горько». Церемонія повторилась. Что дѣлать, обычай старинны! Попробуй-ка его не исполнить, такъ апраксинскія сплетницы всѣ кости перемяютъ!

Разговоръ становился все живѣе и живѣе. Какой-то гость рассказывалъ дьякону про одну свою покупательницу игуменьи, которая забирала у него въ лавкѣ духовъ, помады, бѣлизъ, гребенокъ и прочихъ вещей на триста рублей въ годъ. «Для всего монастыря бывало набереть, и все товаръ самый лучший; не торгуясь и деньги отдаетъ.»

— Это вы про Булаховскій монастырь говорите?

— Да.

— Э, батенька, да куда же имъ деньги-то дѣвать! Народъ все богатый: по буднямъ въ шелковыхъ платьяхъ ходятъ, да еще криволины поддѣвнуть. Ну-ка, пройдемтесь по рюмочкѣ.

— Извольте, отецъ дьяконъ!

— За ваше здоровье, Анна Максимовна! говоритъ одинъ изъ шеренги кавалеровъ, помѣщающихся передъ дѣвицами, и выпиваетъ рюмку мадеры.

— Эка важность, смотрите, выпилъ и облизывается! Я такъ, Анна Максимовна, за ваше здоровье лучше жаркого съ сахаромъ съѣмъ,—перебиваетъ другой и дѣйствительно сыплетъ въ тарелку сахаръ.

— Я такъ за здоровье дѣвицъ съѣлъ бы съ дегтемъ, ежели бы онъ здѣсь былъ, снова говоритъ первый кавалеръ.

— А я такъ бы рюмку скипидару выпилъ.

— Выпейте! мы сейчасъ скажемъ офиціанту, чтобъ онъ принесъ вамъ, жеманно отвѣчаютъ дѣвицы.

— Ахъ, мальчикъ, мальчикъ! смотри, на тебя тятенька глядитъ, уши выдеретъ!—И кавалеръ, желавшій съѣсть за здоровье

дѣвицъ жаркого съ дегтемъ, сбиваетъ прическу изъявившему желаніе выпить скипидару.

— Ну, не балуйся! оставь! говоритъ кавалеръ, вытаскивая изъ кармана гребенку и причесываясь. — Я, Надежда Степановна, васъ сегодня видѣлъ-съ, вы мимо нашей лавки изволили проходить!

— Полно врать, пойдутъ ли онѣ по вашему ряду! Вѣдь онѣ въ проходномъ ряду пылью торгуютъ. Эту лавку ему тятенька на отчетъ далъ, больше ему не довѣряетъ; на полкѣ только и товару, что пыль, аршинъ, ножницы да котъ голодный.

Всѣ эти разговоры велись собственно для того, чтобъ занять дѣвицъ; по мнѣнію апраксинскихъ моншеровъ, въ этихъ-то выходкахъ и заключается свѣтскость молодаго человѣка. Все это называется «смѣшить дѣвицъ».

Шеренга дѣвицъ кажется рѣшилась ничего не ѣсть: онѣ не прикасаются ни къ одному блюду, а то и дѣло пьютъ медъ, который разливаютъ имъ въ стаканы услужливые кавалеры.

— Маша, ты видишь, какіе миленькіе офицерки сидятъ... Просто душки!.. шепчетъ одна изъ дѣвицъ на ухо своей подругѣ.

— Херувимы!.. Ты оставь для нихъ двѣ кадрили; я оставлю.

— У меня одна только и есть свободная. Первую я обѣщала Хвостикову, и ежели меня попроситъ офицеръ, я откажу Хвостикову,—отвѣчаетъ дѣвица и сжавъ губы сердечкомъ, смотритъ на офицеровъ.

А вотъ и аристократъ Апраксина Носковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, съ претензіею на джентльменство. Онъ считается первымъ франтомъ и ловеласомъ; всѣ мужья, обладающіе хорошенькими жеванами, видятъ въ немъ чуть-ли не врага. Вотъ и теперь онъ присоединился къ какой-то дамочкѣ и напѣваетъ ей любезности. Дамочка ни жива, ни мертва: она видитъ за другимъ концомъ стола своего мужа, устремившаго на нее такой взглядъ, который можетъ поспорить со взглядомъ какого угодно ревниваго испанца. Отецъ Носкова славный человѣкъ, разъ пять дѣлалъ съ кредиторами сдѣлку, теперь купилъ домъ, расширилъ торговлю и отдыхаетъ на лаврахъ въ объяті-

яхъ какой-то Фрины чухонскаго происхожденія, которая и жветъ на его иждивеніи.

Выпили уже нѣсколько тостовъ; официантъ успѣлъ провратиться, прокричалъ здоровье дялюшки Степаниды Ивановны и тегушки Ивана Андреевича. Съ каждымъ тостомъ въ тарелки были все сильнѣе и сильнѣе и уже кричали ура; а одинъ гость вошелъ въ такое восторженное состояніе, что схватилъ двѣ тарелки и бросилъ ихъ на полъ. Вдругъ кто-то ругнулъ Бирюкова-отца и шатаясь вышелъ изъ-за стола. Шафера бросились за нимъ; оказалось, что это какой-то родственникъ новобрачнаго, обидѣвшійся, что не пили за его здоровье.

Обѣдъ приближался къ концу. Молодое поколѣніе начало кидаться хлѣбными шариками: такъ и бомбардируютъ другъ друга. Одинъ шарикъ попалъ прямо въ носъ надзирателя; надзиратель покосился, а у кинушаго просто душа въ пятки ушла: хоть и на пиру, а все-же начальство. Мода киданія другъ въ друга хлѣбными шариками, бывшая прежде въ высшемъ кругу, перешла къ апраксинцамъ и существуетъ тамъ и понынѣ.

Шафера поминутно подходятъ къ гостямъ и наливаютъ въ рюмки виномъ. У Миши, шафера новобрачнаго, глаза уже значительно посоловели. Онъ пьетъ съ каждымъ понемногу. Официантъ провозгласилъ тостъ за здоровье шаферовъ и начались снова крики «ура» и звонъ въ тарелки и стаканы; кажется ударъ немного покрѣпче—и они разлетѣлись бы въ дребезги. Шафера переходятъ изъ объятій въ объятія, и всѣми силами стараются сохранить неприкосновенными розы, красующіяся въ петлицахъ ихъ фраковъ, которые много терпятъ отъ этихъ объятій. «Шаферовъ качать, шаферовъ качать!» кричали нѣкоторые, но были отклонены отъ этого мѣтѣ восторженными. Одинъ гость хотѣлъ было вскочить на столъ, но былъ удержанъ за фалды. Слово «горько» то и дѣло слышалось въ разныхъ концахъ стола, но новобрачные уже не исполняли болѣе требованій иирующихъ.

Последній тостъ былъ «за здоровье всѣхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ». Снова ура, снова звонъ посуды. Юноша, желавшій выпить рюмку скиппидару, къ немалому удовольствію дѣвицъ выпилъ полрюмки укусуу; сосѣдъ его, изъявившій желаніе за здоровье Анны Максимовны съѣсть жаркаго съ дегтемъ, нарочью уронилъ подъ столъ вилку, полѣзъ ее поднимать и поцѣловалъ

у этой дѣвицы руку. Та такъ и зардѣлась... отъ удовольствія или отъ стыда—Богъ ее вѣдаетъ.

За столомъ въ другой комнатѣ было просто безобразіе; слышался какой-то несвязный говоръ, всѣ говорили вдругъ и никто не слушалъ. Одинъ гость до того упился, что легъ ту костью; его тяжело дышавшее тѣло официанты вынесли на лѣстницу. Харламовскіе молодцы, забывшись, что кругомъ ихъ сидятъ посторонніе люди, начали изливать свои души передъ бирюковскими и, какъ водится, ругали хозяйна.

Конецъ обѣда. Повнесли бланманже Знакомый намъ въ началѣ разказа Блюдечкинъ, тянувшій во время обѣда очищенную и не дотрогивающійся до другихъ винъ, началъ подчивать своего сына Павлю мадеркою. Блюдечкинъ посадилъ своего сына рядомъ съ собою, съ цѣлю, чтобъ онъ въ сообществѣ товарищей не выпилъ лишняго; но Павля былъ не такъ простъ: онъ рассчиталъ, что лучше послѣ выпьетъ, отказался отъ «мадерки» и не сталъ пить при тятенькѣ. Офицеры были очень довольны, что попали на свадьбу; они попили, поѣли, попляшутъ до упаду и будутъ первыми кавалерами. Апраксинскія дамы, матери семействъ, пересудили все и вся, отъ башмака и до прически, и наконецъ замолчали.

— Не взыщите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! сказали старики Бирюковъ и Харламовъ и встали съ мѣста.

Примѣру ихъ послѣдовали всѣ гости и толпою отправились благодарить «за-хлѣбъ, за-соль».

Послѣ обѣда тотчасъ же составились партіи въ преферансъ и горку. Надзиратель, дьяконъ и четыре почетные гостя сѣли за зеленое поле, сначала по маленькой, пятачекъ темная. Нѣмцы-контрощики, у которыхъ Харламовъ покупаетъ товары, сгруппировались и тоже составили преферанчикъ. Это нужные люди для хозяйна, потому около нихъ то-и-дѣло хлопаютъ пробки вдовы Кликко. Блюдечкинъ поминутно швыряетъ между гостей; очищенная произвела надъ нимъ благотворное дѣйствіе: онъ то-и-дѣло подшпываетъ бородку, не обращаетъ вниманія на грѣховное быліе, и не заботясь о законѣ, помѣстился какъ-разъ подъ самую сигару Карла Ивановича Лукса.

— Извините, Карла Ивановичъ, не обидѣтесь, вотъ и я какъ Павлю женить буду, такой же пиръ задамъ. Ужь и то, не обидѣ-

тесъ, шубу въ пятьсотъ рублей сшилъ: пусть, думаю, женихается.

Въ этотъ разъ онъ еще чаще пересыпалъ свою рѣчь поговорками: «извините» и «не обидьтесь».

Въ ожиданіи танцевъ, покамѣстъ въ залѣ уберутъ столы и полотеры натрутъ полъ, кавалеры собрались покурить.

Вотъ сидятъ два апраксинца. Это *шикарн*, какъ называютъ ихъ туземцы. У одного фракъ, не въ примѣръ прочимъ, на подкладкѣ пунцоваго гласе, а другой въ голубомъ поджилетникѣ. Думалъ ли французъ Шикаръ, что далеко-далеко на сѣверѣ, на Апраксинномъ ния его войдетъ въ употребленіе и надолго останется;

Прислушаемся къ ихъ разговору.

— Чтѣ ты третьяго дня не былъ въ маскарадѣ? Я былъ.

— Полно врать-то! Неужто отче отпустилъ?

— Ха-ха-ха! Да, дожидайся, держи карманъ!.. Я, братъ, нынче и безъ спросу куда хочу, туда лечу: у меня такая механика подведена. Онъ часовъ въ одиннадцать завалился на боковую, а я по грязной лѣстницѣ, да и далъ тягу; молодеца у дверей спать положилъ: какъ постучусь, такъ чтобы скорѣй отворилъ. Въ пять часовъ воротился, да чуть *на него* не наткнулся. Минутъ пять—и пропалъ бы я: *онъ* ужъ былъ вставши и къ завтрашнему собирався.

— *Разначиль* ¹⁾ бы онъ тебя, ежели бы увидалъ!

— Еще бы!.. Ты съ кѣмъ первую кадрыль танцуешь?

— Съ Черноносовой.

— Развѣ они здѣсь?

— Здѣсь, братъ... Муженекъ-то Михайло Иванычъ непременно хотѣлъ сѣсть съ нею рядомъ; это, знаешь, изъ ревности, чтобъ никто съ ней не разговаривалъ, да ужъ шаферъ ему сказалъ: «Потрудитесь, говорить, Михайло Иванычъ, къ мужчинамъ сѣсть: здѣсь дамы сядутъ.» Весь обѣдъ на нее смотрѣлъ. Ужъ будетъ же ей завтра гонка!

— А что?

— Да вѣдь онъ такой аспидъ, что хуже цѣпной собаки: двухъ женъ загрызъ, это третья.

¹⁾ Разругалъ.

— А вотъ и бабошникъ. Смотри, ужъ клявнулъ; при оуцѣ за столомъ ничего не пилъ...

— Какой бабошникъ?

— Павля Блюдечкинъ. Его бабошникомъ зовутъ у насъ въ рынкѣ. Отецъ думаетъ, что онъ еще ребенокъ, а у него одна штучка на *вздержкѣ* ¹⁾ есть. Мнѣ Сомилкова молодецъ сказывалъ: шляпку для ней къ рождеству у него купилъ. Вотъ теперъ и гляди. А монахомъ прикидывается!

— Ну, господа, кто хочетъ прохладиться, пожалуйста! вскричалъ вбѣжавшій въ комнату шаферъ.

Въ рукахъ его были двѣ бутылки мадеры. Офиціантъ несъ зади рюмки.

— Ну, начинайте, за мое здоровье!

Слова эти не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: его такъ и осадили со всѣхъ сторонъ.

— Чтожъ, братъ Ваня, выпьемъ! обратился одинъ изъ шикарей къ своему товарищу.

— Да неловко: сейчасъ танцовать будемъ; я ужъ и то за обѣдомъ пилъ. Лучше подъ конецъ вечера кернемъ.

— Да ну, не разговаривай,—за компанію! За компанію жидъ удавился и монахъ женился!

Противъ такихъ доводовъ товарищъ уже не противорѣчилъ.

— Ну давай! проговорилъ онъ и выпилъ рюмку.

Въ залѣ грянула музыка и танцоры принялись надѣвать перчатки. Балъ открылся польскимъ. Въ первой парѣ шли новобрачные, зади шли Харламовъ и Бирюковъ съ женами; они такъ развеселились, что захотѣли пройтись подъ музыку. Сожительница Харламова долго было не соглашалась на это, не хотѣла на старости лѣтъ брать грѣхъ на душу, да мужъ стащилъ съ мѣста. Кончился польскій и раздался ригурнель кадрили. Звуки барабана и тромбона такъ и наводняли залу. Кавалеры пригласили дамъ и начали разстаниваться. Фертикъ, съ которымъ мы познакомились еще до обѣда, подбѣжалъ къ дѣвицѣ, ангажированной имъ, какъ мы видѣли, на починѣ и повелъ ее на другой конецъ залы. Машенька ея, какъ утка переваливаясь съ

¹⁾ На содержаніи.

ноги на ногу, поплелась за нею и съела сзади. Дѣвицѣ очень не-пріятно, что тутъ сидитъ мать

— Маменька, не сидите тутъ, уйдите! шепнула она ей.

— Полно, Пашенька, что я тебѣ дѣлаю! Я вѣдь не мѣшаю.

— Уйдите, маменька, прошу васъ; вы меня при кавалерѣ просто съ ногъ срѣжете; у васъ всегда постъ въ животѣ, а теперь вы пообѣдали, такъ будетъ пѣть еще больше.

— Полно! что ты, дура, говоришь, безстыдница эдакая! обѣдѣлась мать и не ушла съ мѣста.

— Намъ начинать-съ, обратился къ дѣвицѣ кавалеръ и подалъ ей руку.

Первая фигура кончилась.

— Вы съ жениховой или съ невѣстиной стороны? спросилъ кавалеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Съ жениховой.

— А я такъ съ невѣстиной. Вы жениху сродни приходитесь?

— Нѣтъ-съ... мой папенька съ ихнимъ татенькой дѣла имѣютъ.

— Хм!.. Теперь еще прохладно, а уже будетъ очень жарко Намъ начинать-съ.

— Вы гдѣ изволите на кварталѣ стоять? обратился онъ къ ней послѣ третьей фигуры.

— Подъ Невскимъ.

— Вѣрно вашъ папенька хлѣбомъ торгуютъ?

— Да-съ.

— Вы куда въ церковь ходите?

— А вамъ на что знать?

— Такъ-съ...

— Въ Смольный.

— Въ слѣдующее воскресенье я буду тамъ у обѣда; вы гдѣ стоите?

— Я бываю съ папенькой и маменькой.

— А какъ васъ зовутъ-съ?

— Не знаю... я позабыла.

— Чтоже, скажите!

— Да право не знаю! — И дѣвица улыбнулась первый разъ во все время разговора.

— Намъ начинать-съ.

Антрактъ между третьей и четвертой фигурой прошелъ въ

молчаніи. Кавалеръ снова спросилъ, какъ ее зовутъ, но получивъ отвѣтъ «не знаю», замолчалъ и началъ глядѣть на люстру, какъ-бы ища тамъ вдохновенія для бальнаго разговора. Вдругъ дама его покраснѣла: ея чуткое ухо услышало, что въ животѣ у маменьки начался концертъ. Какое-то подобіе флейты такъ и выдѣлывало трель, но вдругъ оборвалось и разразилось контробаснымъ воемъ. Къ счастью въ это время загремѣлъ барабанъ и кавалеръ былъ лишень возможности слышать окончаніе симфоніи.

Въ пятой фигурѣ звѣстный уже намъ шикарь во фракѣ на пунцовой подкладкѣ, танцовавшій съ Черноносовой, сдѣлалъ какое-то особенное соло, поправившееся многимъ. Двое офицеровъ, танцовавшіе *vis-à-vis*, захотѣли отличиться и въ концѣ кадрили усложнили шенъ и ввели въ него самыя разнообразныя фигуры. Дѣвицы, танцовавшія съ ними, были на верху блаженства.

И на апраксинскихъ женъ и дочерей; какъ и на прочихъ смертныхъ прекрасной половины рода человѣческаго, шпоры и эпoletы наводятъ самое пріятное впечатлѣніе и играютъ не послѣднюю роль.

Балъ былъ въ самомъ разгарѣ. Незнакомые мужчины познакомились и уже пили другъ съ другомъ за компанію; бродяшата еще незвѣстенъ апраксинцамъ. Двухъ упившихся до злыа гостей харламовскіе молодцы повезли домой. Хотѣли было танцевать мазурку, да только нашлись три умѣющія пары, и ограничались полькой-трамблянъ. Офицеры отличились въ легкихъ танцахъ; двое ихъ отплясывало за десятерыхъ; только-что посадятъ дамъ на мѣсто, бѣгутъ къ другимъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Аннѣ Максимовнѣ и помчался съ нею по залу. Та такъ и шлѣтетъ; она чувствуетъ его руку на своей талии и слышитъ на своей щекѣ его сладостное дыханіе, пропитанное винными парами и кріоновскимъ табакомъ. «Славно танцуетъ!» подумалъ онъ и попросилъ ее на четвертую кадрили. Бирюковъ подошелъ къ офицерамъ, благодарилъ ихъ за неутомимость въ танцахъ и предложилъ распить бутылочку «холодненькаго». За бутылкой шампанскаго офицеры вывели заключеніе, что почти всѣ дѣвицы очень хорошенькія и большинство изъ нихъ танцуетъ отлично.

И въ самомъ дѣлѣ, читатель, дочери апраксинцовъ въ хорео-

графическомъ искусствѣ довольно сильны, и это немудрено: прогрессъ проникъ и къ нимъ, и большинство изъ нихъ играютъ на фортепьяно. Почти въ каждомъ семействѣ, разумѣется не въ раскольничьемъ, есть фортепьяно; подружки собираются виѣстѣ, играютъ и танцуютъ. До чувствительныхъ романовъ и стихотвореній онѣ также охотницы; у нѣкоторыхъ даже есть альбомы, куда нѣ подружки и знакомые моншеры вклеиваютъ стишки. Многіе думаютъ, что мода эта уже отжила, но напротивъ, она и понынѣ существуетъ у апраксивскихъ барышень. Въ альбомахъ этихъ вы встрѣтите все что слѣдуетъ: и сердце, пронзенное стрѣлою, и символъ вѣры, надежды и любви—крестъ, якорь и сердце; въ самой серединѣ книжки извѣстное четверостишіе:

«На последнимъ я листочки
Напишу четыре строчки
Взнакъ почтенія маво
Ахъ не вырвите ево.»

и даже списанное съ билетиковъ паточныхъ леденцовъ:

«Мила ты мнѣ мила
И будешь и была.»

Офицеръ танцевалъ съ Анною Максимовною четвертую кадрили и объявилъ ей, что она царица бала. Отъ этихъ словъ у ней, какъ у вороны отъ похвалъ лисицы, «съ груди дыханіе сверло» и она ничего на это ему не отвѣтила. Онъ такъ трещалъ, такъ рассыпался передъ ней, что рѣшительно обворожилъ ее, и когда спросилъ на память бантикъ отъ платья, то тотчасъ же и получилъ его, съ просьбою только взять такъ, чтобы маменька не замѣтила.

— Можетъ-быть я съ вами гдѣ-нибудь увижусь? спросилъ онъ ее.—Вы куда ходите въ церковь?

— Къ Іоанну Предтечѣ.

— Я приду туда въ воскресенье.

— Приходите лучше въ субботу ко всепощной, сказала она и сама испугалась своихъ словъ. «Я приду тогда съ горничной», подумала она.

Нѣкоторые подпившіе патріоты, еще не промѣнявшіе сибирки на фракъ, потребовали, чтобъ музыканты играли «русскую» и принялись плясать. Это бываетъ почти на каждой свадьбѣ.

Вотъ и балъ приближается къ концу. Проигравшійся Черношосовъ вышелъ въ залу, подошелъ къ женѣ и велѣлъ ей собраться ѣхать домой. Какъ ни увѣряла та, что дала слово кавалеру и должна танцевать еще кадрили, — ничего не помогло, и они отправились. Горка возросла до почтенныхъ размѣровъ; теперь уже жены не подходятъ къ мужьямъ: обругаютъ такъ, что и своихъ не узнаешь.

Часовая стрѣлка показывала четыре, когда новобрачные отправились домой. Ихъ примѣру послѣдовала большая часть гостей. Одинъ гость былъ такъ доволенъ угощеніемъ, что отправляясь домой, отъ полноты чувствъ обнялъ официанта, принявъ его за хозяина, облобызалъ и поблагодарилъ за угощеніе. Послѣ четырехъ часовъ остались только самые отчаянные игроки да пьяненькіе.

Н. Лейкинъ.

(Окончаніе въ слѣд. номеръ).

То оскорбляя, то пугая,
Вотъ предъ тобой проходить стая
Какихъ-то призраковъ кѣмхъ;
Въ нихъ жизни нѣтъ, нѣтъ мощи въ нихъ,
Въ нихъ пошлой правдностью убито
Все, что въ борьбѣ за вѣкомъ вѣкъ
Трудомъ и мыслию добыто,
Чѣмъ гордъ и свѣтель человекъ!
Въ нихъ нѣтъ сознанья силы личной,
Свободы, правды и добра,
Они идутъ стезей привычной
Сегодня такъ же, какъ вчера;
Они какъ пѣсь привыкли къ цѣпи,
Какъ пѣсь за кость другъ друга рвутъ!..
И вотъ влачись въ такомъ вертепѣ,
Смотри, какъ всё кругомъ живутъ!
Кчему то смѣхъ, то боль глухая?
Бѣги пустыхъ тревогъ души,
Скорѣ пламень ихъ туши!
Изнемогая и рыдая,
Вокругъ напрасно не зови
На путь спасенья, къ жизни новой,---
Но съ долей подружись суровой
И самъ какъ жалкій рабъ живи!..

В. Буренинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БОГАТЫЕ И БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ-СОБСТВЕННИКИ.

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. А. Потт-хина. Спб. 1863 г.

Мы, столичные жители, встрѣчаясь съ лучшими людьми нашей родины, очень естественно болѣе всего собирающимися въ столицѣ, какъ центрѣ образованности страны, мы, имѣющіе возможность слѣдить за всѣмъ, что является крупиною въ литературѣ и является опять-таки болѣе всего въ столицѣ, читающіе повѣствованія о личностяхъ, также въ нѣкоторомъ родѣ столичныхъ, о провинціи, а тѣмъ болѣе далекой, имѣемъ понятія довольно неопредѣленные, темныя. Намъ кажется, по крайней мѣрѣ многимъ изъ насъ, что то движеніе, которое какъ-будто бы и совершается передъ-нашими глазами, хоть бы въ попыткахъ какъ-нибудь пробить себѣ вѣрный путь, по которому мы должны идти, не чуждо и другимъ частей русскаго общества, уже не столичнаго. Во всякомъ случаѣ, что и какъ происходитъ въ провинціи, намъ извѣстно мало. Вотъ почему намъ пріятно встрѣтиться съ большимъ романомъ, имѣющимъ въ виду изображеніе настоящей провинціальной жизни и жизни того общества, въ которомъ наиболѣе должно было бы проявиться сознаніе своего положенія и той роли, которую долженъ играть въ настоящее время всякій называющій себя образованнымъ, — жизни общества провинціального дворянства, дворянъ-собственниковъ. Намъ интересно взглянуть на эту жизнь въ ро-

манѣ тѣмъ болѣе, что въ немъ, какъ въ произведеніи болѣе цѣльномъ и законченномъ, гораздо больше всякихъ, если можно такъ выразиться, модныхъ въ настоящее время очерковъ, всякихъ дневниковъ и другихъ докладныхъ записокъ читателямъ о судьбахъ часто собственныхъ особъ авторовъ, выражается вереница общественныхъ отношеній, гораздо яснѣе становятся причины столь знакомыхъ намъ вещей, какъ реакція, застои, увлеченія и либерализмъ, и консерватизмъ, смотря по обстоятельствамъ и т. п. И чѣмъ романъ серьезнѣе, чѣмъ умнѣе отдаетъ авторъ отчетъ самому себѣ въ своемъ сознаниіи, однимъ словомъ чѣмъ больше въ немъ правды, тѣмъ конечно онъ приобретаетъ въ нашихъ глазахъ болѣе цѣны.

Романъ, о которомъ хочется намъ потолковать, не принадлежитъ къ роду тѣхъ шумныхъ явленій въ литературѣ, о которыхъ много говорятъ, которыя сразу наживаютъ себѣ и тѣмъ враговъ, и тѣмъ друзей; въ немъ не найдете вы никакихъ идей, нарочно вставленныхъ въ романъ отъ писателя, чтобы скорѣй навести читателя на ту или другую мысль; въ немъ даже очень мало собственныхъ разсужденій автора; въ немъ наконецъ очень немного выдающихся типическихъ, художественныхъ чертъ. Это просто произведеніе умнаго человѣка, одареннаго теплымъ сочувствіемъ ко всему, что страдаетъ вслѣдствіе внѣ своей собственной воли сложившихся общественныхъ условій, смотрящаго на жизнь трезвымъ взглядомъ человѣка, умѣющаго, при природной наблюдательности, замѣтить многое и затѣмъ занимательно и живо разсказать цѣлую правдивую исторію извѣстныхъ общественныхъ положеній и такимъ образомъ представить читателю вѣрную и даже часто изящную дагеротипную картину. Такія произведенія особенно цѣнны въ то время, когда общество старается всмотрѣться въ свою собственную жизнь, когда неотвязчивыми призраками становятся предъ глазами вопросы собственнаго человѣческаго существованія. Вотъ что побуждаетъ насъ остановиться на этомъ романѣ и постараться, на сколько намъ позволятъ силы, непристальнѣе всмотрѣться въ его значеніе. Болѣе всего будемъ обращать вниманіе на то, что высказалось въ романѣ, хотя бы и помимо воли самого автора. Но такъ какъ можетъ-быть многіе изъ нашихъ читателей незнакомы съ этимъ романомъ, то мы позволимъ себѣ разсказать его содержаніе.

На низменномъ, безлѣсномъ берегу небольшой рѣчки, гдѣ-то въ срединѣ Россіи, въ крестьянской, крытой соломой избѣ, съ небольшою усадьбой—Охлопки, принадлежавшей нѣкогда богатому и знаменитому роду

дворянъ Осташиновыхъ, теперь обнищавшему, живутъ потомки этого рода—однодворческая семья Осташковыхъ. Семья эта состоитъ изъ отца Александра, двухъ сыновей на возрастъ, Ивана и Никеша, и тетки Натальи. Семья живетъ бѣдно и совершенно по-крестьянски, такъ что всевозможныя связи съ своимъ сословіемъ потеряны и забыты. Владѣя тридцатью десятинами собственной земли, Осташковы могли бы жить безъ берекихъ затѣй въ полномъ довольствѣ, но остатокъ барской лѣни и безпечности мѣшалъ прилежной обработкѣ поля, отчего земля родила плохо, помѣшалъ выучиться какому-нибудь ремеслу, почему зимой дѣлать было нечего, и вся семья цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ отдыхала отъ тяжелыхъ трудовъ. Наняться на зиму въ работники или принять трудъ по найму никому и въ голову не приходило, потому что ни при дѣдушкѣ, ни при прадѣдушкѣ этого не дѣлалось. И вотъ семья, состоящая изъ четырехъ здоровыхъ лицъ, постоянно во всемъ нуждалась и бѣдствовала. Изъ двухъ братьевъ старшій, Иванъ, бойкій, плутоватый и лѣтвий въ отца парень, почти вовсе ничего не дѣлалъ, а сваливалъ работу на тихонькаго любимца и воспитанника тетки Натальи, очень недалекаго Никешу, котораго за тихость и робкость не делюбливаетъ отецъ. Наталья, радѣя о милomъ племянничкѣ, жонить его на дочери прельстившейся дворянствомъ вольноотпущенной, бывшей барской любимицы Прасковьи Федоровны, Катеринѣ. Сыгравъ кое-какъ свадьбу, Наталья весьма благоразумно разсудила, что изъ жизни и вобрачныхъ съ отцемъ и братомъ толку выйдетъ немного, и потому при помощи итѣвшей кое-какия деньжонки Прасковьи Федоровны, построила Никешѣ особую избу, переселилась къ молодымъ сама, и подъ ея дѣятельнымъ, заботливымъ глазомъ закинуло маленькое хозяйство, а черезъ три года, при постоянной усиленной работѣ тетки и жены, у Никеша на дворѣ стояли лошади, три коровы, нѣсколько овецъ, въ прикуткѣ хрюкали свиньи — однимъ словомъ въ домѣ очемъ замѣтно стало показываться нѣкоторое довольство. Но Прасковья Федоровна не могла забыть о дворянствѣ необразованнаго, даже неграмотнаго зятя, тѣмъ болѣе, что пошли дѣтки, которыхъ она, по ея итѣнью, могла вывести въ люди, — и вотъ она, навѣщая по старой памяти кое-какихъ знакомыхъ господъ, задумала втереть въ господское общество и Никешу. «Все, думала она, черезъ господъ и дѣтей куда-ниааетъ въ ученье дворянское пристроиться можетъ». Перейравъ своихъ знакомыхъ, она остановилась на старшинomъ пріятелѣ своей покойной барыни, Николаѣ Петровичѣ Паленовѣ, слышномъ по всей губерніи за умнѣйшаго и современнаго человѣка, горячо стоявшаго за

дворянскіе интересы. Этотъ господишъ, узнавъ отъ Прасковьи о существованіи однадворна, мотомка когда-то богатой дворянской фамиліи, пожелалъ его увидать и велѣлъ тебѣ явиться къ себѣ вытѣтъ съ своимъ затемъ и со всеми документами, утверждающими дворянство Остапковъ. Парня убираютъ какъ невесту, Прасковья поджигаетъ въ немъ самолюбіе, говоря, что онъ идетъ не къ какому-нибудь мужику-валашу, а къ барину, и что самъ барскіе манеры перенять можетъ, и наконецъ даетъ такого рода наставленіе оробѣвшему, еще ничего не вида, Никешѣ, который опасается, чтобы баринъ не подавалъ его на-сидѣхъ:

«А хоть бы и такъ сказать: пускай и посядется надъ твоими необразованьемъ. Чуже за бѣда такая: ты человекъ бѣдный, ты это должокъ меренести, чрезъ это свое смиреніе можешь показать и милость особливую получить. А чѣмъ бы, ни чѣмъ, да въ ласку войти. Будь ты почтительнѣе, всегда старайся услужить; подъ веселый часъ пошалося — и самъ будь веселъ и шутки шути; подъ досадный часъ — коли что и неласковое скажутъ — перенеси на себѣ, а не обижайся, этой фавабери не бери на себя: вотъ и будутъ тебѣ господа и любить, и не оставлять. Умъ повѣрь ты мнѣ, а къ господамъ-то присмотрѣлась. Говорятъ, есть тамъ господа, учителя: шутаякъ! это самъ человекъ яновать, не умѣтъ услужить. Давай мнѣ какого хочешь господина — для меня всякій будетъ добрый, только надо умѣтъ на него потрафить.» (Стр. 39, 40.)

Принявъ къ свѣдѣнію все эти совѣты, парень въ сопровожденіи Прасковьи Федоровны отиравается къ Паленову, который, убѣдившись изъ документовъ Никешни, что родъ Остапковъ очень древень, принимаетъ рѣшительное намѣреніе «возвысить Никешу въ его собственныхъ глазахъ, чтобы онъ помнилъ, что онъ дворянинъ», и для этой цѣли приглашаетъ его сѣсть рядомъ съ собой, какъ говоритъ онъ при этомъ Прасковья Федоровнѣ, потому, что онъ, Паленовъ, «уважаешь въ Никешѣ не его самого, не его личныя достоинства, а только то, что онъ дворянинъ». (Стр. 45.)

Затѣмъ, чтобы еще болѣе облагородить Никешу, онъ даритъ ему свой старыи сертукъ.

Такимъ образомъ новооткрытый потомокъ древней фамиліи, довольно глуповатый, жившій до сихъ поръ совершеннымъ мужикомъ, очень естественно становится на каждомъ шагѣ посящимъ всего дома Паленовъ и въ продолженіи перваго же дня, проведеннаго въ дворянскомъ обществѣ, испытываетъ цѣлый рядъ оскорбленій, начиная съ лакея, пользовавшаго модаренному Никешѣ сертукъ, но всей справедливости дол жен-

ствовавшему перейти съ барскихъ плечъ на лакейскія, до гостя Паленова, благороднаго юноши Неводова, безъ милосердія потѣшавшагося надъ тупой неразвитостію и мужицкими манерами бѣдняка. И хотя шевельнулось въ этомъ жалкомъ человѣкѣ что-то похожее на оскорбленное чувство собственнаго достоинства, но оно тотчасъ же было заглушено тѣмъ восторгомъ семьи, съ которыми приняли его дома, и тѣми надеждами на барскія милости, которыя казались однодворцу гораздо привлекательнѣе вѣчнаго потоваго труда надъ сохой. А тутъ присоединилось самолюбивое чувство, говорившее ему, что онъ каковъ ни есть, а все-таки баринъ, и Никеша, совершенно помимо всякаго участія мысля о незавидности своего положенія въ помѣщичьихъ домахъ, сталъ понемногу умирать для честнаго, хотя и тяжелаго труда.

Онъ перешилъ себѣ сертукъ съ барскихъ плечъ и жилетъ и отправился къ пригласившему его для потѣхи Неводову, къ которому собралось въ этотъ день нѣсколько помѣщиковъ. Натѣшившись надъ нимъ въволю, благородные дворяне нашли, что новый собратъ ихъ по сословію не лишень интереса и можетъ съ успѣхомъ разыгрывать шута, и потому наперерывъ стали зазывать его къ себѣ, напавать, травить собаками и дворовыми дѣвками, бросать въ видѣ подачи рубли и проч. И сталъ Никеша развѣзжать по помѣщикамъ изъ дома въ домъ, вымаклавшая себѣ вездѣ послынную подачку, сталъ отбиваться отъ семьи, въ которой конечно работа пошла изъ рукъ вонъ дурно—однимъ словомъ совершенно безсознательно онъ дѣлается шутомъ изъ-за куска хлѣба, который съ избыткомъ приобрѣтался имъ прежде рудомъ. А господа, непризнавшіе конечно новаго дворянина своимъ братомъ и совершенно не способные взглянуть на него какъ на человѣка, скоро охладѣли къ своей потѣхѣ, подачи стали рѣже и умѣреннѣе, и матеріальное положеніе Никешы, у котораго уже было нѣсколько человѣкъ дѣтей, стало очень незавидно. Между тѣмъ отецъ и братъ его, которые, какъ мы уже сказали, не долюбливали Никешу сначала вообще за малый умъ и бабій нравъ, а потомъ за бракъ, за которымъ послѣдовало его отдѣленіе и до знакомства съ помѣщиками маленькое довольство, не видя отъ Никешы никакой помощи, возненавидѣли его окончательно и стали дѣлать ему и его семью всякія мерзости. И вотъ между обѣими семьями начинается безпрестанная ругань, попреки тому подобныя слѣдствія не сдержанной и не смягченной образованіемъ семейной вражды и всякихъ домашнихъ драгъ. Это озлобленіе въ соединеніи съ увеличивающеюся бѣдностью отъ безпечности и лѣни отца и брака сына Ивана съ негѣпой бабой на-

конецъ доходитъ до того, что Иванъ въ отсутствіе Никеша забралъ весь хлѣбъ, сжатый его семьей, и свезъ на свой участокъ. Никеша, возвратившись домой, увидѣлъ плачущую семью, ктому же обижаемую какимъ-то, неизвестно откуда явившимся къ нимъ на житье нѣмцемъ и драчуномъ дядею-офицеромъ, и выведенный всѣмъ этимъ наъ терпѣніи, отправляется просить защиты у своего стараго покровителя Паленова.

Паленовъ, озлобленный на нѣкоего богатаго помѣщика Рыбинскаго, за то, что послѣдній, а не онъ, выбранъ въ уѣздные предводители, скватывается за просьбу Никеша какъ за средство насолить врагу, не заботящемуся объ интересахъ дворянства, тѣмъ болѣе, что Рыбинскій, занятый въ то время своими собственными дѣлами и презиравшій жалкаго Никешу, не захотѣлъ обратить вниманія на жалобу однодворца, хотя послѣдній и привезъ къ нему нисмо отъ Паленова. Здѣсь авторъ ставитъ своего героя въ совершенно естественное, но вѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно затруднительное положеніе. Нужно сказать, что такъ какъ старшія дѣти Никеша, сынъ и дочь, подросли, а кормить ихъ въ семьѣ было затруднительно и тѣмъ болѣе дать хоть малѣйшее образованіе, то бѣднякъ, незадолго до послѣдняго года, обратился за совѣтомъ къ Паленову. Послѣдній, желая щегольнуть своею благотворительностію, взявъ къ себѣ сына Никеша, и отдавъ его сначала для обученія грамотѣ своему приказчику, помѣстилъ потомъ мальчика въ уѣздное училище. Почти одновременно съ этимъ Рыбинскій, чтобы лучше скрыть дѣлъ своихъ визитовъ въ домъ одного лѣсничаго, съ женой котораго, Юліею Васильевною, онъ находился въ связи, помѣстилъ на своекоштное воспитаніе къ этой барынѣ дочь Никеша. Такимъ образомъ теперь Никеша сталъ между двухъ огней. Жалуясь губернатору, по наущенію Паленова, на Рыбинскаго, отказавшагося рассмотреть возникшее семейное дѣло, и обнаруживая извѣстную однодворцу развратную жизнь уѣзднаго предводителя, онъ могъ получить обратно дочь. Отказавшись же отъ иска или обратившись къ Юльѣ Васильевнѣ, онъ могъ навлечь на себя гнѣвъ, раздраженнаго невозможностію убить противника, Паленова и лишитъ образованія сына. Не думая долго, Никеша сталъ за того, кто показался ему посильнѣе, но кто въ сущности только громче кричалъ, и лично подалъ губернатору просьбу, сочиненную и написанную Паленовымъ, рассказавъ при этомъ все, что ни зналъ о поведеніи, содержащаго у себя въ деревнѣ помѣщичій гаремъ, Рыбинскаго.

Дѣло пошло было сначала довольно успѣшно. Губернаторъ, предпочитавшій Паленова, какъ человѣка болѣе положительнаго и менѣе либерала, Рыбинскому, принявъ во вниманіе предосудительное поведеніе уѣзднаго предводителя и нарядилъ надъ Рыбинскимъ слѣдствіе. Какъ-разъ въ это же время брошенная Любовница Рыбинскаго, его крѣпостная дѣвушка Параша, убѣжавъ изъ его дальней деревни, куда была сослана по причинѣ новой связи барина съ Юліей Васильевной, публично дѣлаетъ послѣдней въ городскомъ саду скандалъ и хотя отсылается снова въ деревню, якобы сумасшедшая, но тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ передъ провинціальнымъ обществомъ связь предводителя какъ прежде съ собой, такъ теперь съ женой лѣсничаго. Но Рыбинскій не упалъ духомъ. Онъ зналъ, что дворянство, хотя и радо было скандалчику, но опивалось и объѣдалось у него въ-волю, и потому въ виду серьезной опасности предводителя быть смѣненнымъ, горой станеть за него. И дѣйствительно, замѣвъ исторію въ саду, онъ смѣло встрѣчаетъ нарядженное надъ нимъ слѣдствіе, которое конечно въ сущности не открываетъ ничего, и производившіе слѣдствіе чиновники со стыдомъ доносятъ губернатору, что поведеніе предводителя не показываетъ ничего предосудительнаго, тѣмъ болѣе, что все дворянство отзывается объ немъ съ самой лучшей стороны. Такимъ образомъ Рыбинскій, одержавъ полную побѣду надъ противникомъ, выбирается даже въ губернскіе предводители. Виѣсть съ тѣмъ, соскучившись связью съ сентиментальной Юліей Васильевной, онъ оставляетъ ее, а съ ней виѣсть и всякія попеченія о дочери Никеша. Барыня, лишившись матеріальной поддержки со стороны Рыбинскаго, находитъ неудобнымъ держать при себѣ дѣвочку, и похныкавъ надъ бѣдняжкой, успѣвшей уже избаловаться въ ея нелѣпомъ во всѣхъ отношеніяхъ домѣ, и подаривъ ей всѣ сдѣланныя для нея великолѣпныя платьица и въ придачу еще два своихъ собственныхъ теплыхъ капота, отдаетъ ее снова на руки къ отцу. Въ то же время Паленовъ, убитый торжествомъ противника, уѣзжаетъ на житье въ Москву и Никеша, желая навѣстить въ городѣ сына, находитъ мальчика на базарѣ продающимъ калачи вмѣсто своей квартирной хозяйки, у которой былъ помѣщенъ Паленовымъ, чтобы ходить отъ нея въ уѣздное училище. Оказалось, что смотритель училища, послѣ паденія Паленова, счелъ себя освобожденнымъ не только отъ обязанности, какъ просилъ Паленовъ, присматривать за мальчикомъ, но даже и держать его въ училищѣ, такъ какъ тамъ «воспитываются благородныя дѣти», которыя могутъ заразиться отъ мальчика, торгующаго калачами на базарѣ.

дурными манерами. Къ этимъ бѣдамъ присоединилось еще и то обстоятельство, что Рыбинскій, въ пику Паленову, принялъ сторону отца Никеша и повелъ дѣло такъ, что бѣднякъ не только не получилъ отнятаго хлѣба, но и долженъ былъ уступить родителю свою землю.

И вотъ, «усадивши ребятинекъ въ сани и оплакивая свою первую участь, потащился Никеша домой. Смирно сидѣли дѣти въ саняхъ, прижавшись другъ къ другу, радуясь свиданію послѣ долгой разлуки, довольные, что возвращаются домой, и молча поглядывали другъ на друга, не смѣя говорить, чтобы не рассердить мрачнаго и унылаго отца, который нзрѣдка обращался къ нимъ съ бранью, какъ-будто они были въ чемъ виноваты.

«— Вотъ опять нахлѣбники, опять васъ корми! ворчалъ Никеша, сердито взглядывая на дѣтей.

«Неожиданное возвращеніе дѣтей обрадовало въ первую минуту мать и бабушекъ, но Никеша крупнымъ словомъ оборвалъ эту радость и горькія слезы смѣнили ее, когда Никеша объяснилъ причину возвращенія.

«— Чтѣ я буду теперь дѣлать? Куда я дѣнусь? Чѣмъ мнѣ кормить такую ораву?.. говорилъ онъ въ мрачномъ отчаяніи.— Благодарителей я потерялъ... Землю у меня отняли... Чтѣ мнѣ дѣлать теперь? Куда голову преклонить?... Съ голоду попремъ теперь!..—И вся семья молча, уныло, пританывъ дыханіе, слушала страшныя слова.» (стр. 404.) Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ Никеша, другая семья, въ которой братъ вмѣстѣ съ нахлѣбникомъ лядей-офицеромъ спился съ кругу, а отецъ озлобился еще болѣе, сознавая теперь вполне свое торжество надъ любимымъ ненавистнымъ родственникомъ, всячески стала попрекать его господскимъ и своимъ хлѣбомъ, которымъ будто-бы кормила его изъ милости, а всѣ эти несчастія окончательно сломили послѣднюю надежду, неутомимую работницу, на которой держался никешинъ домъ, тетку Наталью Никитишну, которая съ горя зачахла и только стовомъ м оханьемъ напоминала о своемъ существованіи.

«Никеша не сдѣлался ретивымъ, заботливымъ человѣкомъ послѣ всѣхъ передрягъ, которыя послала ему судьба; онъ не исправилъ его отъ лѣни и бездѣйствія, къ которымъ пріучила его жизнь съ благодѣтелями. Онъ не терялъ надежды вновь пріобрѣсти расположеніе старыхъ или найти новыхъ милостивцевъ, и то-и-дѣло шлялся то въ тѣ, то въ другую господскую усадьбу просить подаванія... А между тѣмъ

нищета наложила свою тяжелую руку на его несчастную семью.» (стр. 405, 406.)

Изъ этого кратко изложеннаго нами содержанія романа читатель можетъ видѣть, что всѣ главныя лица автора принадлежать къ одному и тому же сословію дворянъ, и дворянъ-собственниковъ. Нужно замѣтить, что кромѣ упомянутыхъ нами Паленова и Рыбинскаго, въ романѣ находится множество вводныхъ лицъ изъ помѣщичьяго класса. Замѣчательно, что всѣ эти дворяне и помѣщики, кромѣ служащаго по выборамъ Рыбинскаго, не служатъ, а живутъ въ своихъ деревняхъ, такъ что вмѣстѣ съ однодворцами, преимущественно предъ другими служащими, могутъ быть разсматриваемы какъ граждане своей земли, могущіе жить самостоятельно и дѣйствовать болѣе или менѣе независимо, согласно своимъ собственнымъ духовнымъ требованіямъ. Наконецъ всѣ эти лица—такъ-сказать люди массы, не задающіеся никакими особенными дѣлами, особенно въ вопросы жизни не вникающіе, однимъ словомъ живущіе такъ, какъ сложились ихъ характеры и наклонности. Мы хотимъ сказать, что личности въ родѣ Калиновича, Обломова, Молотова, Рудина, Лаврецкаго и т. п. все-таки, въ сравненіи съ ними, болѣе или менѣе передовыя. Такимъ образомъ этотъ романъ даетъ намъ возможность взглянуть на цѣлое сословіе такъ-сказать въ массѣ. Выходя изъ этого положенія, мы представимъ это сословіе такъ, какъ представилъ его авторъ въ своемъ романѣ, не позволяя себѣ никакихъ произвольныхъ выводовъ.

Дворянъ въ романѣ два рода. Одни—однодворцы, имѣющіе земли едва на столько, чтобы прокормить себя съ семьей и, по немѣнѣю крестьянъ или средствъ нанимать ихъ, обязанные трудиться надъ этой землей сами; другіе—помѣщики, у которыхъ земли столько, что она даетъ имъ возможность, при имѣющихся у нихъ крестьянахъ (то обстоятельство, представляетъ ли романъ жизнь послѣднихъ лѣтъ передъ освобожденіемъ 1862 г., или настоящаго времени, для насъ не важно), проживать безъ всякой заботы о добываніи себѣ средствъ къ жизни и даже пользоваться всякаго рода удобствами и удовольствіями, слѣдовательно, если имъ угодно, не дѣлать ровно ничего.

Очевидно, что первые, какъ вынужденные добывать себѣ хлѣбъ сохой, становятся въ довольно короткія отношенія къ сосѣдямъ-крестьянамъ, и при своей необразованности, прямою слѣдствіемъ своей трудовой жизни хлѣбопашца, мало чѣмъ и отличаются отъ крестьянъ; носятъ такую же, какъ и они, одежду и не ирндаютъ своему дворянству никакого

значенія, даже и потому, что иначе едва-ли можно было бы и ладить съ сосѣдями. Да и дворяне-помѣщики, не считая однодворцевъ своими братьями, конечно въ свое общество ихъ, вообще говоря, не принимаютъ. Такимъ образомъ дворянство однодворцевъ въ нѣкоторомъ смыслѣ — фиктивное, и для нихъ остается единственно жизнь трудового хлѣбопашца. Въ эту жизнь, при настойчивомъ трудѣ, однодворецъ можетъ внести отчасти и довольство, которое въ состояніи впоследствии восполнить на дѣтяхъ тотъ недостатокъ хотя самаго первоначальнаго образованія, котораго, по недостаточности къ тому средствъ, былъ лишень, какъ напримѣръ, Никеша и его отецъ. И все это тѣмъ легче достигается, что однодворецъ, по своимъ правамъ и льготамъ, поставленъ гораздо свободнѣ всякаго крестьянина. Въ такомъ же положеніи находится при началѣ романа семья Осташковыхъ. Если мы взглянемъ на нее попристальнѣе, то увидимъ, что причиною матерьяльныхъ недостатковъ ея были единственно оставшіяся еще отъ барства предковъ безиечность и лѣнь. Но и это относится собственно къ отцу и брату Ивану, потому что Никеша, какъ личность въ высшей степени пассивная, не имѣющая почти вовсе своей собственной воли, подъ руководствомъ дѣтельной и неглупой тетки работала въ семьѣ за всѣхъ и, можно сказать, несъ на своемъ трудѣ весь домъ, который, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, а все-таки держался. Когда же Никеша женился на работающей Катеринѣ и отдѣлился отъ отца, то, при очень незначительной поддержкѣ, и то на первыхъ порахъ, со стороны тещи, въ домъ поменьшечку стало входить даже и довольство, что при дальнѣйшей ихъ жизни такимъ же порядкомъ обѣщало имъ независимую, честную, обеспеченную жизнь, согласно желанію всѣхъ членовъ семьи образованіе дѣтямъ, — однимъ словомъ все то, къ чему стремится всякій порядочный человѣкъ. Такимъ образомъ мы видимъ очень хорошо, что семья эта вовсе не была въ дурномъ положеніи и сдѣлать его лучшимъ совершенно завистью отъ нихъ самихъ. Даже самый Никеша, при всей своей ограниченности, въ рукахъ дѣтельныхъ женщинъ сталъ бы трудовымъ человѣкомъ. Авторъ показываетъ очень хорошо, что даже всѣ семейные драги, самая вражда отца къ сыну, наконецъ безобразный грабежъ хлѣба — все это скорѣе слѣдствіе бѣдности, безтолковаго порядка въ домѣ, чѣмъ личнаго нерасположенія другъ къ другу. Когда довольство Никеша возрастаетъ, то отецъ, хоть и завидуетъ сыну, а все-таки, обращаясь къ нему же за помощью, относится къ нему, также какъ и Иванъ, гораздо мягче, чѣмъ во время обоеднаго матерьяльнаго разстройства. Самъ Никеша, ласко-

вый и добрый къ домашнимъ въ годы довольства, становится въ отношеніи къ семьѣ безобразнымъ ругателемъ, раздражительнымъ и грубымъ по возвращеніи домой дѣтей. Что же заставило Никешу бросить трудъ, начать шляться за подачками, сдѣлаться дрянью оженчательной и наконецъ дойти до нищеты? Самъ онъ пожелалъ выбраться изъ честной крестьянской жизни и промѣнять ее на сообщество тѣшущихся надъ нимъ собратовъ - дворянъ? Наконецъ, кто-нибудь изъ лицъ его собственной Осташковской семьи надоумилъ его искать дворянскаго общества? Нѣтъ, ему самому никогда и въ голову не пришло бы пойти къ господамъ; они, пока не привыкъ онъ къ шутовской роли, были для него даже очень тяжелы; ни отецъ, ни братъ никогда и не думали о дворянствѣ, а первый даже выражался прямо, что дѣлать имъ у господъ нечего, развѣ блюда лизать, — это было дѣло другихъ рукъ. Въ семью Осташковыхъ вмѣстѣ съ довольствомъ незамѣтно вкрался чуждый ей разлагающій элементъ, — элементъ воспитавшагося на дворовой службѣ лакейства. Прасковья Федоровна, сызмальства жившая въ господскомъ домѣ, перешедшая всѣ мытарства, начиная отъ простой дворовой дѣвки до любимой госпожею ключницы, отпущенной на волю за умѣнье угождать вздорной барынѣ и ни разу не навлечь на себя ея гнѣва, очень естественно не могла понять, что такое настоящій трудъ и, какъ слѣдствіе его, трудовая копѣйка. Кормя съ барскаго стола, привывъ тунеядной жизни многочисленной дворни и дѣвчичьей приучилъ ее къ лѣни и распущенности. Съ другой стороны на каждомъ шагу встрѣчавшіеся напрымы, всякаго рода деспотизмъ старой барыни и постоянно шедшая передъ глазами привольная, богатая жизнь господъ не могла не нарисовать въ ея умѣ лучшаго идеала, какъ баринъ, барыня. Вотъ почему съ радостію выдала она свою дочь хоть и за Никешу, а все-таки за дворянина; вотъ почему, качая колыбель внука, приговаривала: «агу, Колянька! женишься на богатой! Агу! души возьмешь, на службѣ будешь, доходы будутъ...» (стр. 34) и положила во что бы ни стало втянуть зятя въ дворянское общество. А Никешѣ было очень съ руки понадѣяться на чужую помощь и оставить работу. Такіе характеры охотиѣ вѣдать, пьютъ и спятъ, а дѣло дѣлаютъ только подъ фегулой другихъ. Погоня за барскими явлюстями показалаея недалекоиъ бабамъ привлекательною и ближайшею къ цѣли — благосостоянію; фегула снялась — и малый погибъ. Такимъ образомъ вы видите, что здоровыя силы, начинавшія мало-помалу входить въ перерождающуюся изъ дворянъ въ простыхъ людей семью Осташковыхъ, только вслѣдствіе чуждаго ей элемента, завиду-

щего благосостоянію барина лажейства и совершенной неспособности Напешни отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и его склонности къ тумасдству, должны были уступить мѣсто нравственному раснаденію.

Теперь посмотримъ на жизнь дворянъ-собственниковъ помѣщиковъ. Эта среда очерчена авторомъ особенно подробно и изображенію ея предоставлена большая часть романа. Среда, въ которую съ такимъ стараніемъ втянула теща Никешу, тѣмъ болѣе интересна въ этомъ романѣ, что авторъ касается здѣсь очень ловко многихъ вопросовъ настоящаго времени. Первая арка въ романѣ черта этой части нашего общества та, что всѣ эти господа рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Всѣ они, важивъ или увеличивъ свои имѣнія разными скупками, перекупками, заставленіемъ крестьянъ выкупаться на волю за большія деньги, какъ Палеловъ, или ухаживая за богатыми, умирающимъ бездѣтно родственникомъ, какъ Рыбинскій, и т. п. всякими правдами и неправдами, или же, получивъ наслѣдіе отъ отцовъ своихъ, живутъ да поживаютъ себѣ по деревнямъ, утѣшаясь собаками, цыганскими и доморощенными хорами изъ домашнихъ одалискъ-горничныхъ, взаимными подставленіями другъ другу шиллекъ и не только совершенно беззаботны, какъ говоритъ Гоголь, насчетъ литературы, но и насчетъ рѣшительно всего, что ни дѣлается на свѣтѣ, кромѣ щекотаній крошечнаго самолюбья, въ родѣ наприимѣръ выборовъ.

Да и самое самолюбіе, которое заставляетъ биться сердца кандидатовъ въ выборныя должности—какого оно сорта? Это не самолюбіе тѣхъ людей, которымъ хочется завоевать себѣ болѣе или менѣе широкое поле дѣятельности, на которомъ можно было бы въ самомъ дѣлѣ постоять за свои собственные права, сознать себя лицомъ, поставленнымъ для защиты обиженнаго,—говоря высокими слогами, для охраненія въ своей собственной странѣ юридической справедливости. Ничего подобнаго и въ помянутой нѣтъ. Выборы въ романѣ представляются намъ, какъ и во многихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ за послѣдніе года, сущей комедіей. Тѣ же бѣлые шары въ пользу того, кто, какъ Рыбинскій, лучше кормить и петь, хотя поведеніе этого Рыбинскаго и способъ пріобрѣтенія имъ богатства не могутъ не быть извѣстными всей губерніи. Да и какія же тутъ права, какая законность, какое наконецъ уваженіе къ своему собственному сословію, о чемъ такъ любятъ говорить наши дворяне, когда передъ собственными глазами этихъ дворянъ совершается скандалъ въ паркѣ, когда оставленная Параша публично обвиняетъ Юлію Васильевну въ связи съ нѣмъ увѣданнымъ предводителемъ—

и это пискомъ не скандализируетъ ихъ выбора, а еще непрочтвъ того, какъ-бы ускорять выборъ Рыбинскаго въ высшую должность?

Палемовъ же, который, изъ какихъ бы то ни было личныхъ цѣлей, а все-таки возстаетъ въ сущности противъ поведенія уѣднаго предводителя и ищетъ въ рукахъ доказательства къ его обвиненію, остается вѣстѣ съ губернаторомъ съ носомъ.

Какія понятія о дворянскихъ правахъ и обязанностяхъ, о сохраненіи справедливости въ отношеніи къ своимъ собратіямъ по сословию имѣютъ дворяне, выставленные въ романѣ, можно еще лучше увидать, обративъ напримѣръ вниманіе хотя бы на слѣдующіе факты. У Никеша братъ увозитъ хлѣбъ. Никеша возвращается домой вѣстѣ съ данными ему отъ одного милоштивца на подмогу при уборкѣ хлѣба работникомъ Фомай. Фома за штофъ водки побиваетъ брата и возвращаетъ хлѣбъ Никешѣ, который и удержалъ бы его за собою, еслибы не побоялся отцовскаго проклятія. (Стр. 127.) Наконецъ во всякомъ случаѣ и отецъ и братъ поунались нѣсколько и не стали болѣе свозить его хлѣба: дѣло значитъ обошлось, такъ или иначе, семейно, безъ большихъ послѣдствій. Въ другой же разъ, когда по прошествіи долгаго времени отецъ и братъ снова отняли никешинъ хлѣбъ, будиакъ, повадывавшійся на милоштивцевъ, обратился къ посредничеству начальства. А вышло то, что въ глазахъ всего дворянства, даже несмотря на желаніе губернатора возстановить нарушенное право дворянина и сдѣлать должное возмездіе за буйство никешинному дядѣ, дворянинъ терять безвозвратно не только обработанный руками своей семьи хлѣбъ, но и землю, и долженъ умирать цѣлой семьей съ голоду. Изъ этого слѣдуетъ чтоже? А то, что еслибы Никеша могъ распорядиться съ дядей самъ, былъ независимъ и къ посредничеству дворянства не обращался, то можетъ-быть и не потерялъ бы земли. — Другой фактъ. Параша лишешова баринемъ невинности, баринъ прижалъ съ ней дѣтей, бросилъ ее и сослалъ въ дальнюю деревню. Она убѣжала оттуда и явилась въ городъ на бульваръ отметить совернищѣ, и дѣлаетъ скандалъ, нанести ей оскорбленія. Бывшій при скандалѣ мѣщанинъ, пораженный такою силой Парашы, говоритъ ей: «Вы, тетенька, прошеніе подали-бъ ко начальству, коли васъ обижаютъ... Можетъ бы начальство и вступилось за васъ...» Другой мѣщанинъ на это весьма рационально отвѣчаетъ: «Къ какому начальству она бросится? Баринъ-то у нея самъ начальство... предводитель!» (стр. 367.) Чтожь дѣлать въ подобномъ положеніи? Какой выходъ Парашѣ? Баринъ, самъ начальство — дворянскій предводи-

таль, довелъ ее до этого положенія, а дворянство, которыми этотъ дворянинъ предводительствуетъ, ничего во всемъ этомъ особеннаго не видитъ и наивѣрнее обещало бы во всемъ Парашу. — Третій фактъ, о которомъ мы уже отчасти упоминали выше. Паленовъ заступился за Осташкова, возсталъ на Рыбниискаго за то, что послѣдній отказался разобратъ дѣло Никеша, и не только ничего не сдѣлалъ для ближняго, но себя осрамилъ и долженъ былъ уѣхать въ Москву. А дворяне, даже его партіи, недоброжелатели Рыбниискаго, объясняли наденіе Паленова тѣмъ, что онъ слишкомъ приближалъ къ себѣ Никешу, и справедливо замѣтали ему, что держи онъ бѣднаго дворянина на приличной отъ себя дистанціи, не принимая участія во всей его жизни, ничего этого бы не случилось. «И подѣломъ!» скажемъ мы вмѣстѣ съ генераломъ, недобрымъ и вѣдательствомъ Паленова въ дѣла всякой дрянн. «Увлѣклись, батюшка, увлѣклись!.. увлѣклись до униженія.» «Помилуйте! говорить Паленову генералъ: наше ли дѣло возиться съ этимъ народомъ?.. Великій долженъ знать свое мѣсто... Ну, нуждается человекъ, — дать ему денегъ, и то немного. А вѣдемъ ступай вонъ! Вѣдь вотъ я самъ тоже благодѣтельствовалъ ему, не дальше и ничего.» (стр. 400.) Въ этихъ словахъ лежитъ разъясненіе того, какую, по собственному признанію дворянина-генерала, роль должны играть дворяне въ отношеніи своего бѣднаго собрата. Они должны ему благодѣтельствовать и, прибавимъ мы, потѣшаться надъ его неразвитостью, тушуміемъ, потѣшаться на потѣху даже своей же собственной дворян... Итакъ все это общество богатыхъ дворянъ-собственниковъ въ романѣ ѣсть, пьеть, жмурюеть съ горничными, совершенно беззаботно насчетъ своихъ правъ, въ которыхъ, какъ и въ своемъ дворянствѣ, ровно ничего не ценитъ — и *благодѣльствоуемъ*. Но всѣ эти господа необразованны, ничего не читаютъ, ни о чемъ не думаютъ... Позвольте, авторъ показываетъ намъ два образчика богатаго дворянина-помѣщика и читающаго, и немножко думающаго, и даже дѣлающаго что-то, а главное современнаго... Паленовъ читаетъ много, толкуеть обо всемъ и слыветъ за умнѣйшаго и современнѣйшаго человека въ губерніи... Онъ «открываетъ въ своемъ краю разныхъ знаменитости: лѣтъ пять назадъ будущаго великаго живописца въ простомъ семянарствѣ; прошлаго года механика, нынче (то-есть когда приводятъ къ нему Никешу) — потомка древняго рода Осташиковыхъ» (стр. 49). Соболезнуа о томъ, что «дворянство равнодушно смотритъ, какъ гибнетъ членъ ихъ сословія», принимаетъ Никешу въ свое общество и равнодушно смотритъ, какъ гаумится надъ бѣдыкомъ

тупоумный Неводовъ (стр. 50); чтобы возвысить Нинешу въ его собственных глазахъ, сажаетъ его рядомъ съ собой, даритъ съ своего плеча сертукъ и не разъ, въ продолженіи всего романа, ругаетъ не лучше своего лакея. Онъ говоритъ очень хорошія вещи о сближеніи съ народомъ, бьетъ своего камердинера по щекамъ и таскаетъ за «виски» сельскаго учителя и приказчика Аристарха. Но особенная потѣха начинается тогда, когда дѣло доходитъ до самаго важнаго современнаго вопроса—воспитанія. Къ этому вопросу Паленовъ рѣшительно равнодушенъ; сочувствуя всему талантливому, онъ, замѣтивъ въ своемъ крѣпостномъ человѣкѣ Аристархѣ особенныя способности къ каллиграфіи, взявъ его, до окончанія курса, изъ уѣзднаго училища и сдѣлавъ своимъ писмоводителемъ, какъ личность въ нѣкоторомъ родѣ образованную. По собственнымъ словамъ, Паленовъ самъ пишетъ статьи о воспитаніи и даже полагаетъ, что одинъ знаменитый ученый въ бытность его, Паленова, въ Петербургѣ, воспользовался многими его идеями. Въ педагогикѣ онъ не признаетъ розогъ и «вообще никакихъ побоевъ, угрозъ, строгостей. Они болѣе притупляютъ, нежели развиваютъ способности». По его мнѣнію, «надобно всегда стараться развивать въ ребенкѣ благородное самолюбіе, любовь къ честному труду, объяснить ему пользу образованія, стараться заинтересовать его наукой, такъ чтобы онъ брался за книгу съ радостію и любовію».

На всѣ эти мысли, высказываемыя Паленовымъ Аристарху, которому онъ поручаетъ для обученія грамотѣ сына Никеша, замѣчательный каллиграфъ «подобострастно улыбается, съ умиленіемъ взглядываетъ на барина, дѣлаетъ два шага впередъ, назадъ и декламируетъ: «Ваша ученость и понятія извѣстны, можно сказать, всему свѣту. И таперича, если взять всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ, васъ никто не можетъ превзойти... Такъ какъ я, по своей должности, имѣю вниманіе къ переписыванію вашихъ сочиненій, то могу судить... И всегда въ большое названіе и чувствительность прихожу... И я это очень могу понять, что всякій ученый можетъ большія понятія для своихъ мыслей получить себѣ въ вашихъ разговорахъ и изложеніяхъ...»

У Паленова выработалась и своя метода. Но она такъ хороша и такъ мѣтко показываетъ, въ какомъ состояніи находится у насъ преподаваніе грамотности, что мы не можемъ ее не выписать и именно въ той формѣ, въ которой преподается эта метода помѣщикомъ-ревнителемъ просвѣщенія часто потрясаемому за виски каллиграфу-педагогу. «Не учи, какъ учили встарину: азъ, буки, вѣди, — а учи: а, бе, ве и т. д.

И сначала объясни мальчику гласныя буквы, а потомъ согласныя... И растолкуй, что согласныя безъ гласныхъ выговаривать нельзя... Тогда онъ скоро пойметъ .. Возьми наприѣвръ какое-нибудь слово... Ну, вотъ наприѣвръ «кулакъ»... И растолкуй ему: вотъ это гласная, а это согласная (о безгласныхъ говори послѣ)... Заставь его произнести сначала выѣсть съ гласными, а потомъ пусть *попробуетъ тоже слово сказать безъ гласныхъ*... Онъ тогда тотчасъ пойметъ... И увидитъ какую роль играютъ въ этомъ словѣ гласныя, и какую согласныя, и какъ образуется это слово «кулакъ»... Когда ты растолкуешь ему посредствомъ такихъ приѣвровъ различіе буквъ, тогда пусть онъ учится изображать каждую букву на бумагѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ у тебя въ одно и тоже время учиться читать и писать... » (стр. 234.) Объяснивъ весь этотъ методъ, Паленовъ еще разъ подтвердилъ каллиграфу запрещеніе употреблять розги и велитъ ему завести для мальчика особую тетрадь, въ которую отиѣчать успѣхи и поведеніе ученика и ежедневно приводить его къ себѣ, чтобы, въ случаѣ успѣховъ, ребенка «*поощрить*», а въ противномъ случаѣ «*сдѣлать приличное наставленіе*» (стр. 235). Но ученіе съ Аристархомъ, *приличныя наставленія*, наконецъ томъ обращенія и раздраженіе Паленова до руготни, чуть не до побоевъ, совершенно запугиваютъ несчастнаго паціента въ отношеніи къ ученію и учителю... Сцена между Паленовымъ, разгнѣваннымъ поѣденіемъ мальчикомъ въ оранжереяхъ фруктовъ, маленькимъ *сорожъ*, и отцомъ его Никшею (стр. 316—322) чрезвычайно хорошо рисуетъ намъ Паленова со стороны его педагогическаго пониманія... и вѣрности всему тому, что выражалъ онъ на словахъ.

Но Паленовъ фразерствуетъ, Паленовъ очень замѣтно помѣшилъ старикаго времени, современность коснулась его только слегка, онъ не иѣшилъ на сословныхъ предрасудкахъ — слѣдовательно человекъ довольно умренный. Но вотъ вамъ изъ того же сословія дворянъ-поѣщниковъ Карѣвъ, радикаль, красный, жолчный, потому что не можетъ равнодушно видѣть всего, что совершается предъ его глазами, не можетъ не относиться безъ нѣкотораго презрѣнія къ своимъ собратьямъ-поѣщникамъ, потому что понятія ихъ слишкомъ отстали... Недовольный всѣмъ и чрезвычайно любящій становится въ оппозицію... Служилъ — надѣлъ всѣмъ чиновникамъ, даже членамъ присутствія; выгнали — бросилъ службу; еще прежде, въ высшемъ учебномъ заведеніи, въ которомъ воспитывался, нанесъ дерзости и оскорбленія бѣдному жрецу науки, какому-то профессору — исключили. Бросилъ службу, сталъ пропагандировать

въ литературѣ и писалъ такія красныя статьи, что онѣ съ ужасомъ были возвращаемы ему редакторами... Пріѣхавъ въ свое имѣніе, сталъ появляться, подобно нѣкому memento mori, въ аркадски невозмутимомъ помѣщичьемъ обществѣ, съ наморщеннымъ челомъ, съ улыбкой желчи на устахъ, выражая такъ-сказать всею своею фигурою два слова: «я оппозиція». Захотятъ, на примѣръ, помѣщики повеселиться, затѣютъ крестьянскія игры, столбъ что-ли какой-нибудь съ повѣшеннымъ наверху его кафтаномъ возведутъ, въ запуски крестьянъ въ свое рожденіе бѣгать заставятъ (стр. 139: народный праздникъ въ день рожденія Рыбинскаго) — ну, самое невинное удовольствіе. Нѣтъ вѣдь, явился сюда... Стоять, смотреть, какъ мужикъ на столбъ лѣзетъ; у самого такъ и свертывается съ языка: «Пока русскій крестьянинъ будетъ работать по приказанію и праздничать тоже по приказанію, до тѣхъ поръ онъ будетъ считать всякое гулянье на господскомъ дворѣ за барщину» или: «Русскій крестьянинъ и безъ палки способенъ исполнить свои обязанности». Наконецъ вѣдь до чего доходитъ: тутъ же, на праздникъ, своего умершаго батюшку, человека во всѣхъ отношеніяхъ смирнаго, почтительнаго, который уже давно

Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣхъ земномъ все земное,—

обзываетъ отсталымъ, говорить, что «жалѣеть объ немъ, стыдится за него, и что онъ, сынъ, не знался бы съ отцомъ, еслибы только послѣдній былъ живъ.» И конечно всѣмъ этимъ выводить гостей изъ терпѣнія, такъ что одинъ изъ нихъ, помѣщикъ угрюмаго вида, когда радикалъ уже слишкомъ хватилъ насчетъ равенства, находится вынужденнымъ замѣтить ему: «Вы, милостивый государь, уже слишкомъ вольнодумствуете: хотите поставить на одну доску меня и простаго мужика... Что это вы проповѣдуете, а?! Я бы совѣтовалъ вамъ не очень давать воли своему языку... И не знаю откуда вы только набрались этой фанаберіи.» (стр. 140.)

Поселившись въ деревнѣ, Кирѣевъ конечно прежде всего озабочился принятъ за грамотность и чтобы подать примѣръ другимъ помѣщикамъ, устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для крестьянскихъ мальчиковъ отъ 8 до 17 лѣтъ, въ которой берется учить дѣтей самъ. И выдумалъ даже для этой цѣли какую-то новую, мудреную методику обучать и чтенію и письму въ мѣсяць. Но метода эта хоть и была новая, но за то ни на что непохожая, такъ что крестьяне не только не вы-

учились по ней читать и писать, но даже и азбукъ, такъ что Кирѣевъ «готовъ былъ остановиться на мысли, что русское простонародіе неспособно къ развитію». Въ это время онъ гдѣ-то вычиталъ, что между раскольниками распространяется грамотность преимущественно черезъ женщинъ, а особенно черезъ старыхъ дѣвокъ. И вотъ тотчасъ отданъ былъ приказъ по вотчинѣ, чтобы всѣ дѣвки шли къ барину въ ученье. Передъ такимъ приказаніемъ мужики рѣшительно стали втупишь, сходились, толковали между собой, кричали, ругались, спорили, наконецъ положили идти къ господину просить у него милости: не отнять ли дѣвокъ отъ ученья, да ужъ не порѣшмтъ ли и совѣтъ эту оказанную школу», (стр. 251.) Снявши шапки, толпятся мужики у крыльца господскаго дома и начинаютъ въ одинъ голосъ кричать: «ослوبي баринъ, дѣвокъ.» Начинается сцена, одна изъ самыхъ лучшихъ въ романѣ (стр. 251—258). Мы обращаемъ на нее особенное вниманіе нашихъ читателей, потому что она, помимо своего художественнаго достоинства, удивительнаго комизма и знанія русскаго простаго народа, замѣчательна еще и тѣмъ, что обрисовываетъ вполне то положеніе, въ какомъ находятся у нашихъ помѣщиковъ вопросъ народнаго образованія и какъ относятся къ этому вопросу сами крестьяне, которые, какъ ни безтолковы и неразвиты въ этой сценѣ, однако, благодаря своему здравому смыслу, приводятъ заботящемуся о ихъ духовномъ просвѣщеніи барину очень вѣрные резоны, почему грамота кажется для нихъ такимъ страшнымъ пугаломъ. На разглагольствія Кирѣева о томъ, какъ хорошо будетъ для нихъ, когда женщина, обучась грамотѣ, пойметъ свое назначеніе воспитывать своихъ дѣтей, одинъ изъ мужиковъ возражаетъ, что ученіе отниметъ отъ дому работницъ, отчего станетъ и ихъ крестьянская работа. «А работа-то стала: вотъ мужику-то и разоренье... А вѣдь мы, батюшка, работой живемъ. На то мужицкое дѣло: что поработалъ, то и живъ» (стр. 253.) Когда же на это Кирѣевъ совѣтуетъ мужичкамъ потерпѣть, потомъ поналечь на работу, чтобы дѣвокъ ограмотить, то они выражаются еще опредѣленнѣе: «Нужда-то наша не терпѣть, Аркадій Степанычъ, нужда-то наша не ждетъ... Тоже казенную подать надо платить, вашей милости оброкъ предоставить... Вѣдь твоя милость отъ оброка или отъ барщины не освободитъ...» (стр. 254.) Выведенный наконецъ изъ терпѣнія непониманіемъ мужиками всей пользы образованія, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ выставивъ имъ ихъ собственную неблагодарность относительно готовности его, барина, учить ихъ даромъ (стр. 257), Кирѣевъ говоритъ имъ; «Наплевать же на

вась, дураки этакіе! Съ сегодняшняго дня ни дѣвокъ, ни ребятинешкъ вашихъ видѣть не хочу, не посылайте ко мнѣ никого, все ученіе кончено... Ослы этакіе!.. ступайте домой!» А мужики съ сіающими отъ радости лицами кланяются ему въ ноги, говоря: «Дай тебѣ, батюшка, здоровья... Вѣчно будемъ за тебя Бога молить, что оставилъ эту науку...» (стр. 258.) Затѣмъ неугомонный радикаль принимается учить грамотѣ желающаго поступить на службу, тридцатилѣтняго Никому. Здѣсь тоже отсутствіе всякаго здраваго пониманія вещей. Радѣ наприимѣръ объ образованіи Никеша, передовой челоуѣкъ не понимаетъ того, что за ученіемъ Никанора, поле однодворца остается необработаннымъ, и когда бѣднякъ осмѣливается напомнить ему объ этомъ, то говоритъ ему, не обращая вниманія на его бѣдность: «Ну ужъ это обдумайте сами какъ-нибудь: это дѣло не мое... Работника наймите что-ли... Мое дѣло только выучать вась грамотѣ.» Затѣмъ начинаетъ толковать этому глуповатому парю о независимости убѣжденій, читаетъ мораль о честномъ трудѣ, объ эгоизмѣ его благодѣтелей, наконецъ даже о томъ, что дѣти ничѣмъ не обязаны родителямъ и что слѣдовательно лускай дѣти Никеша выходятъ изъ повиновенія своему отцу, — однимъ словомъ производитъ въ головѣ парня совершенный сумбуръ. (261—265). Принявшисъ же учить Никому, онъ своимъ нетерпѣлиемъ и такою же раздражительностію, какъ и у Паленова, только съ примѣсю колкости, насмѣшки надъ неразвитыми способностями жалкаго тридцатилѣтняго ученика, доводитъ послѣдняго до совершеннаго отчаянія и даже заставляеть убѣжать чуть не ночью изъ своего дома, чтобы только какъ-нибудь избавиться отъ ученья. (266—273).

Такимъ образомъ даже этотъ самый передовой челоуѣкъ изъ цѣлаго общества помѣщиковъ, представленныхъ авторомъ, несмотря на свой всеотрицающій радикализмъ, на жизнь, относительно прочіихъ и скромную, и нравственную, несмотря на то, что онъ слѣдитъ за литературой и самъ по себѣ вовсе не глупъ, — въ сущности таковъ же какъ и прочіе, и потому не опасенъ. Онъ преспокойно держится въ ихъ обществѣ, которымъ по тому же самому и не гнушается. Весь радикализмъ его, все его фиктивное развитіе сводится къ тому, что онъ раздражаетъ противъ себя на службѣ начальство, неизвѣстно почему не любящее подобныхъ Кирѣеву безпокойныхъ людей, а въ провинціальномъ обществѣ какого-нибудь угрюмаго помѣщика. Всѣ же прочіе очень охотно бываютъ у него, хоть бы для того, чтобы понабраться ума, заключаютъ съ нимъ сдѣлки, какъ Гархановъ наприимѣръ относительно мельницы. Когда же Кирѣевъ при-

вмывается за дѣло, то выходитъ дичь, какъ напримѣръ обученіе грамотъ мальчишкѣ и крестьянскихъ дѣвкамъ. Словомъ сказать, все сословіемъ ставленныхъ авторомъ богатыхъ дворянъ-собственниковъ представляется въ массѣ находящимся въ какомъ-то полусонномъ въ умственномъ отношеніи, почти въ наивно-младенческомъ состояніи. Оно находится въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ оно находилось лѣтъ десять ранѣе. И если и приходятъ въ него такія понятія, какъ народное образованіе, уваженіе къ человѣку, неприкосновенность своихъ правъ, или хоть и спорное, но сложное историческою наукою и примѣромъ пресловутой Англій понятіе о привилегированномъ сословіи въ государствѣ, то всё эти вещи, попавъ въ головы Паленовыхъ и Кирѣевыхъ, подрываютъ въ народѣ всякій кредитъ къ образованію и губятъ личности въ родѣ Никеша. И еслибы, чего-не дай-богъ, вдругъ всё дворяне-помѣщики автора перестали бы благодѣтельствовать и жить себѣ помаленьку, ни о чемъ особенно не заботясь, да одѣлались бы Паленовыми и Кирѣевыми, то что бы произошло съ нашей родиной — уже мы и не знаемъ. Такъ что всё эти вещи не болѣе, какъ игрушки, и игрушки очень опасныя. И другія сословія очень хорошо понимаютъ, что всё барскія затѣи не болѣе какъ игрушки, и особенной цѣны имъ не придаютъ. Вотъ почему мужики рационально говорятъ Кирѣеву: «ничего изъ этого ученія не будетъ»; или, что насчетъ обученія мальчишкѣ они положили такъ: «пусть свою охотку тѣшить на нихъ, только бы дѣвкамъ отдалъ» (стр. 254).

Итакъ, если судить по роману, то сословіе дворянъ богатыхъ представляетъ такъ мало живаго, такъ мало задатковъ для своего будущаго развитія, что невольно пожалѣешь о судьбѣ Никеша, который, начавъ было выбираться на хорошую дорогу вслѣдствіе вѣнчательства тещи, оставилъ трудъ, втерся въ дворянское общество, результатомъ чего было его собственное паденіе. Такъ что это дворянство имѣло на него вліаніе не развивающее, а уничтожающее даже послѣднее независимое матеріальное положеніе. Положимъ Никеша недалеко, неразвитъ; согласимся даже, что онъ идіотъ и что слѣдовательно потому-то онъ и погибъ въ своемъ сословіи. Но чтоже было бы, еслибы онъ былъ помысленъ? Тогда сбывсь бы колыбельныя причитанія его тещи надъ его сыномъ Колянькой. Колянька офицеромъ сдѣлался бы, и на богатой женился или выгодное мѣсто получивъ, души бы у него свои были, или по-вышнему земля, т. е. могъ бы онъ себѣ жить безъ труда, какъ живутъ представленные въ романѣ помѣщики... Конечно въ матеріальномъ отношеніи разница была бы значительная. Значитъ не въ томъ дѣло, что Ни-

Каша, полуидіють или парень себѣ на умѣ, снова сольется съ своимъ сословіемъ, а въ томъ, что не слѣдовало бы ему вовсе сдѣлаться съ ними, какъ не представляющими для него ничего могущаго болѣе очеловѣчить его или доставить возможность трудиться, и трудиться болѣе производительно. Ему слѣдовало бы заглушить въ себѣ послѣдніе остатки барской лѣни и безопасности, увеличить—благо онъ поставленъ въ отношеніи своихъ правъ въ положеніе лучшее и независимѣйшее, чѣмъ всякій крестьянинъ—честнымъ трудомъ свое благосостояніе (что ему и удавалось) и затѣмъ, не заботясь о связи съ дворянствомъ, какъ дворянствомъ, найти людей, подходящихъ къ себѣ по сердцу и развитію и водить съ ними знакомство, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Съ увеличивающимися же матеріальнымъ благосостояніемъ, само собой разумѣется, явилось бы желаніе видѣть своихъ дѣтей образованными, и то образованіе, къ которому онъ стремился въ романѣ для того, чтобы его сынъ могъ выйти въ офицеры или получить выгодное мѣсто, тогда далъ бы дѣтямъ своими собственными силами безъ всякихъ милостивцевъ, ради самаго же этого образованія, по собственному желанію, а не изъ горькой нужды, заставляющей сбыть дѣтей въ первыя попавшіяся руки.

Такова идея этого романа, который тѣмъ именно и важенъ, что весьма серьезно относится къ одному изъ главнѣйшихъ въ настоящее время вопросовъ—вопросу о сословіяхъ и показываетъ нравственную несостоятельность, конечно въ массѣ, той части нашего дворянства, которая владѣетъ имуществомъ на столько, что можетъ жить безъ труда, не заботясь о добываніи себѣ средствъ къ жизни, пользуясь всѣми удобствами большаго или меньшаго богатства. Но авторъ упустилъ изъ виду одну сторону этого вопроса: причину, по которой, вслѣдствіе большихъ средствъ, получаютъ такіе неутѣшительные результаты; по крайней мѣрѣ онъ нигдѣ ни однимъ словомъ не наводитъ на его рѣшеніе. Намъ лично кажется, что полная обезпеченность, даже до излишка, играла въ отношеніи къ дворянству ту же самую роль, какую играетъ большая растительность теплыхъ странъ въ отношеніи народовъ востока. Она при существованіи крѣпостнаго права исключала болѣе или менѣе заботу о собственныхъ интересахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мысль о дальнѣйшемъ умственномъ развитіи. Нужно много сознанія нравственнаго улучшенія, высшихъ потребностей, чтобы, будучи совершенно обезпеченнымъ, заботиться еще о чемъ-то такомъ, что не выражается въ матеріальныхъ, такъ-сказать видимыхъ формахъ, а понимается умомъ, сдѣржаннымъ до пониманія принципа. По крайней мѣрѣ кажется можно

сказать не ошибаясь, что большая часть людей, проявивших себя умственною жизнью, приходилась у насъ на ту часть дворянства, которая должна сама заботиться о средствахъ къ своему существованію; изъ остальныхъ же выдавались чѣмъ-нибудь только тѣ, которые, благодаря какимъ-нибудь особеннымъ, сложившимся въ ихъ жизни вполнѣдствіи, или при ихъ воспитаніи, благопріятнымъ обстоятельствамъ, имѣли возможность расширить свой умственный горизонтъ и такимъ образомъ узнать свое положеніе, какъ людей, членовъ своего государства. Но въ этомъ случаѣ сословные предразсудки отодвигались у нихъ уже конечно на второй планъ. Остальные же всегда болѣе или менѣе соединяли съ своимъ дворянствомъ съ дѣтства вкоренившуюся въ нихъ мысль объ обеспеченіи, и довольствуясь въ образованіи вѣдшимъ доскомъ, носили въ себѣ ищающія развитію безпечность и лѣнь.

Теперь, представивъ высказавшуюся, какъ намъ казалось, въ романѣ идею, придающую въ нашихъ глазахъ особенную цѣну роману, скажемъ нѣсколько словъ о его выполненіи со стороны художественной.

Изъ всѣхъ личностей романа болѣе и типичнѣе другихъ вышелъ авторъ Никеша. Характеръ этотъ въ сущности не новый. Личность глуховатая или совершенно неразвитая, никогда не думавшая о своемъ собственномъ положеніи и влѣдствіе всего этого становящаяся въ самыя странныя и смѣшныя, хотя вѣдствѣ съ тѣмъ и очень печальныя положенія, нашла себѣ мѣсто героя еще въ извѣстномъ романѣ сороковыхъ годовъ «Новый Емеля» Вельтмана. Какъ Емеля, такъ и Никеша, оба выдосли на рукахъ глухихъ женщинъ: одинъ—маменьки благороднаго, образованнаго общества, другой—на рукахъ простой крестьянки; оба становятся шутами всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ни сталкиваются въ жизни, но оба они освѣщены авторами различно. Вельтманъ, какъ писатель, смотрящій на жизнь болѣе такъ-сказать со стороны курьёзу и большой охотникъ посмѣяться, ни поразвлечь своего читателя, дѣлаетъ своего героя смѣшнымъ до чрезвычайности, ставитъ его на каждомъ шагу въ наикомичѣйшія положенія—и шутъ въ глазахъ лицъ романа становится шутомъ и въ глазахъ читателя, и шутомъ, надъ которымъ всѣ только добродушно смѣются, который самъ чрезвычайно доволенъ собой и бѣдъ въ жизни никакихъ не терпитъ. И вотъ читатель, окончивъ романъ и успокоивши наконецъ свои нервы, разстроившіеся отъ неудержимаго смѣха въ продолженіи всего чтенія, говоритъ: «Вотъ вѣдь какіе право смѣшныя люди на свѣтѣ бываютъ!» ругнетъ пожалуй нелѣзное воспитаніе, если привыкъ отыскивать всѣхъ вещей причину, и успокоится.

Не такое впечатлѣніе оставляетъ разбираемый нами романъ Потѣхина. Герой поставленъ совершенно иначе. Вы видите, что человѣкъ этотъ не смѣшной простачокъ Емеля, а человѣкъ, въ которомъ совершенно спятъ мысль, который никогда и ни отъ кого не слышалъ, что такое чувство собственнаго человѣческаго достоинства. Однимъ словомъ въ немъ спятъ всѣ человѣческія духовныя силы. Онъ не живетъ своею жизнью. Имъ управляютъ или тетка — и тогда онъ становится работающимъ человѣкомъ, или физическія побужденія—хорошо поѣсть, выпить и находиться въ полномъ бездѣйствіи и мысли и рукъ — и тогда онъ шутъ, онъ паразитъ... Въ немъ есть даже нѣкоторыя инстинкты жить лучше, одѣться въ сертукъ, посидѣть въ кажущемся ему благородномъ обществѣ; онъ даже умѣетъ отчасти поддѣлываться къ господамъ. . и скорѣе вслѣдствіе апатичности, вялости натуры, совершеннаго отсутствія малѣйшей образованности, хотя бы грамотности, не становится хоть нѣсколько похожъ на барина, чѣмъ вслѣдствіе природной глупости, природнаго полудіотизма. Вы видите въ немъ человѣка, совершенно извращеннаго воспитаніемъ. Авторъ, къ сожалѣнію, попытка показать намъ болѣе яркими подробностями воспитаніе Никеша, отчего личность эта со стороны образованія ея становится намъ нѣсколько темна; но еслибы этотъ недостатокъ романа былъ пополненъ, то мы вполне увѣрены, что эта личность возбуждала бы къ себѣ еще большее сочувствіе. Какъ неувѣренъ онъ въ каждомъ своемъ шагѣ, какъ робокъ предъ каждымъ лакеемъ, какъ боится потерять поданный изъ милости кусокъ хлѣба, какъ терпитъ изъза него богъ-знаетъ какія пытки, отъучившись добывать его трудомъ и не имѣя силъ, упавъ помимо собственной воли и сознанія разъ, сколько-нибудь окрѣпнуть, стать на ноги. Вы чувствуете, что этотъ человѣкъ погибъ навсегда и ничто уже не воротитъ его на настоящую дорогу. Это погибъ человѣкъ, который не сумѣлъ и не смогъ жить собственнымъ умомъ, который жилъ такъ-сказать помимо себя и сгибъ потому, что все, что было внѣ его могло только погубить, а не поддержать его. Съ этой стороны въ судьбѣ этого жалкаго человѣка есть что-то трагическое, неотразиво-влекущее его въ пропасть, во всей силѣ выражающееся въ его страшныхъ словахъ по возвращеніи домой съ дѣтьми: «Что я теперь буду дѣлать?.. Благодѣтелей я потерялъ... Землю у меня отняли... Съ голоду помремъ теперь!» (стр. 404). Вотъ почему Никеша, несмотря на всю внѣшнюю комичность своего положенія, не возбуждаетъ въ читателѣ смѣха даже и тогда, когда онъ въ первый разъ яняется въ барскій домъ Паленова и дѣлаетъ тамъ тьму глупостей; вотъ почему постоянно вы опасаетесь

за Никешу, вотъ почему все съ большимъ и большимъ интересомъ слѣдите въ романѣ за этимъ человѣкомъ, который шагу не можетъ ступить, чтобы выйти изъ ложнаго или затруднительнаго положенія и на котораго, какъ греческая ананки, судьба расточаетъ цѣлый запасъ несчастій и оскорбленій, которыхъ и не сознаетъ и не предвидитъ даже до самой трагической развязки это пассивное, больное умомъ существо. Никеша выдержанъ авторомъ до самаго конца романа съ удивительнымъ тактомъ и вѣрностію; онъ не простой эскизъ, онъ полный, живой человѣкъ, созданный творческой силой писателя. И если въ началѣ нашей статьи мы называли романъ дагеротипной картиной общества, то образъ Никеша составляетъ пріятное исключеніе по своей тщательной отдѣлкѣ; въ романѣ онъ является передъ нами какъ-бы особнякомъ, творческимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Объемъ нашей статьи, большую часть которой намъ хотѣлось посвящать показанію соціального значенія романа, не позволяетъ намъ входить въ подробный анализъ этого характера и потому мы должны были ограничиться одними общими на него указаніями.

Что сказать обо всемъ остальномъ? Лицъ много; всѣ они, если хотите, такъ же живы, вѣрны, но въ нихъ мало оригинальнаго, мало такого, чего вы не встрѣтите болѣе или менѣе во всѣхъ современныхъ намъ романахъ и повѣстахъ изъ помѣщичьяго быта. Ото всѣхъ этихъ помѣщиковъ вѣтъ чѣмъ-то знакомымъ, хотя и трудно опредѣлить, кого именно они напоминаютъ. Если и выдаются нѣсколько личности Паленова и Кирѣева, о которыхъ мы и сказали, то остальные не прибавляютъ къ нашему знакомству съ этими людьми ни одной новой черты, и потому забываются тотчасъ же по прочтеніи романа. По временамъ попадаются мѣтко подмѣченныя черты знанія народа, хорошо обрисованные народные характеры, напримѣръ крестьяне въ сценѣ съ Кирѣевымъ, работникъ Фома, лакей, Параша, родственники Прасковьи Федоровны; остальное же, не представляя ничего особенно выдающагося, тѣмъ не менѣе въ общей связи читается легко и съ интересомъ, а иногда даже особенно останавливаетъ на себѣ ваше вниманіе, напримѣръ смотритель уѣзднаго училища, въ которое отдалъ Паленовъ сына Никеша... И такихъ мѣстъ въ романѣ много. Но мѣстъ съ тѣмъ онъ мѣстъ еще одинъ важный недостатокъ. Въ немъ нѣтъ той художественной экономіи, которая составляетъ автора оставлять въ своемъ созданіи только то, что наиболѣе рельефно, почему и глубже врѣзывается въ воображеніи читателя его созданіе, дѣлаетъ впечатлѣніе отъ него полнѣе и опредѣленнѣе; той ху-

дожественной экономія, которая исключаетъ все лишнее, замедляющее дѣйствіе... Романъ нѣсколько растянутъ, особенно [его первая части. Таково напримѣръ описаніе бала у Рыбинскаго, странствованіе Никеша по помѣщикамъ въ качествѣ шута, и многія лица, безъ которыхъ можно было бы обойтись въ романѣ. Но несмотря на всѣ эти недостатки, которые можетъ-быть обличаютъ не столько недостатокъ таланта, сколько поспѣшность, недостатокъ обдуманности цѣлаго, — мы повторяемъ, что романъ, хотя и не представляетъ капитальнаго явленія въ нашей литературѣ, но по своей идѣ, живому отношенію къ современности, типическому характеру Никеша и многимъ отдѣльнымъ частямъ составляетъ явленіе очень отрадное. Намъ пріятнѣе сказать это тѣмъ болѣе, что романъ этотъ принадлежитъ перу того же самаго автора, который нѣсколько лѣтъ назадъ написалъ своего сентиментальнаго Крушинскаго.

В. О—скій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

О БЫЛИНАХЪ ВЛАДИМИРОВА ЦИКЛА. Изслѣдованіе Л. Майкова на степень маистра русской словесности. С. Петербургъ. 1863.

Разрывъ, издавна совершившійся у насъ между чисто-народною жизнью и верхними, образованными классами, почти исключительно вовлеченными въ новѣйшее движеніе исторіи, сказывается у насъ во всемъ и, вѣроятно, долго еще будетъ составлять въ извѣстномъ отношеніи непереходимую грань. Нигдѣ однако не сказывается оныя съ такою очевидностью и яркостью, какъ въ наукѣ, занимающейся изслѣдованіемъ нашей старой жизни въ ея различныхъ проявленіяхъ. Даже въ лучшихъ, передовыхъ дѣятеляхъ на этомъ пути чувствуется для внимательнаго взора какое-то странное, неестественное отношеніе къ предмету. Забывая, что старая жизнь наша вовсе еще не умерла и не сдѣлалась полною стариною для народныхъ массъ, что многое изъ того, что порождаетъ между нашими учеными длинныя пренія, даетъ поводъ къ остроумнымъ соображеніямъ и догадкамъ, живетъ еще въ народѣ чуть-чуть не въ первоначальномъ своемъ видѣ — изслѣдователи наши, какъ только дѣло коснется стариннаго нашего быта, древней поэзіи и тому подобныхъ предметовъ, приступаютъ къ ней какъ къ чему-то совершенно чуждому и вооружаются для своихъ походовъ въ русскую старину точно для открытія источниковъ рѣки Нила. Давно уже сказано, хотя и иронически, что «намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья;» но въ настоящемъ вопросѣ объ ироніи въ этихъ словахъ не можетъ быть и рѣчи. Для всякаго, кто со вниманіемъ слѣдитъ за разработкою въ послѣднее время нашей отечественной старины, ясно, что не существуя предварительно ученыя изслѣдованія нѣмцевъ, мы не сдумали бы и приступить къ нашей старой поэзіи, мифологіи и тому под. вещамъ, и уже безъ вся-

каго сомнѣнія не существовали бы въ нашей литературѣ многія изъ серьезныхъ изслѣдованій г. Буслаева и тѣмъ менѣе мифологическія мечтанія г. Афанасьева. Кажется, будто наши ученые съ умысломъ отказались въ этомъ дѣлѣ отъ всѣхъ преимуществъ, которыя даетъ принадлежность ихъ самихъ къ той же исторіи и къ тому же народу, старымъ бытомъ котораго они занимаются. Изслѣдовать—русскую старину со всею сложностью и хитростью нѣмецкихъ приѣмовъ вотъ, кажется, задача, которую они волею или неволею возложили на себя и которой настойчиво держатся. Историческій разрывъ, о которомъ мы упомянули выше, есть главная причина столь неестественныхъ отношеній русскихъ ученыхъ къ ихъ же русской старинѣ. Но есть и другая причина. Это недостатокъ чуткости къ живымъ явленіямъ, какое-то сухое гелертерство, которое не въ силахъ узнать того же живаго факта въ дѣйствительности, который она старается съ такимъ тщаніемъ вырыть изъ пыльныхъ архивовъ, лѣтописей и т. под. Наши старыя лирическія пѣсни и стихи поются еще на всемъ пространствѣ обширной Россіи; поученія «Домостроя» продолжаютъ еще жить въ практикѣ и составлять идеалъ для цѣлыхъ классовъ народа; многіе остатки языческаго и мифологическаго періода нашей исторіи чуть не цѣликомъ еще сохранились по мѣстамъ въ народныхъ повѣрхяхъ, обычаяхъ и проч., а между тѣмъ ученые наши приступаютъ къ нимъ какъ-будто къ открытію какой-то чуждой, давно погибшей цивилизаціи, изъ которой сохранились лишь небольшіе, темные отрывки и которую по этимъ темнымъ даннымъ приходится возсоздавать цѣликомъ всю вновь, приступаютъ со всѣми предосторожностями и чрезвычайными приемами, потребными для разобранія какой-нибудь клинообразной надписи. Прежде всего здѣсь, кажется, существуетъ тотъ вредъ, что тратится понапрасну множество силъ для добычи весьма мелкихъ результатовъ и окончательно забывается въ образованной публикѣ живое отношеніе къ своей исторіи, народному быту, народной поэзіи и такъ далѣе. Есть конечно и другія вредныя стороны; но въ настоящей краткой библиографической рецензіи мы не имѣемъ въ виду подробно развивать нашей мысли и хотѣли только намекнуть на нее тѣмъ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ.

Какъ вообще помочь этому горю—мы не знаемъ, и замѣтимъ только мимоходомъ, что ожидаемъ многого въ этомъ отношеніи отъ нашихъ художниковъ, поэтовъ и другихъ людей, которымъ по преимуществу дается живое пониманіе всего человѣческаго, какъ бы отдаленно ни было въ отношеніи къ нимъ это проявленіе человѣческаго. Наша драматическая поэзія, начывая съ пушкинскаго Годунова, сдѣлала уже кое-что въ этомъ отношеніи; иной правильной и существенной задачи мы не

видимъ и для другихъ отраслей роднаго искусства, если только когда-либо ему суждено процвѣтать и занимать въ нашей жизни достойное и почетное мѣсто.

Но всѣ эти соображенія, повторяемъ, мы высказываемъ лишь мимоходомъ. Задача настоящей рецензіи—показать на частномъ примѣрѣ несостоятельность отношеній нашей науки къ старому русскому быту. Въ дѣтеляхъ второстепенныхъ, каковъ авторъ разбираемой нами книги, общія ошибки извѣстнаго направленія важнѣе и замѣтнѣе.

«Настоящій трудъ, говоритъ А. Майковъ, посвященъ былинамъ владимірова цикла.»

Цѣль этого изслѣдованія — разсмотрѣть достоинства былинь, какъ произведеній народной поэзіи времени не нашего, а минувшаго. Эта цѣль сама собою обозначаетъ два главные вопроса, которые должны быть здѣсь рѣшены:

во-первыхъ, — къ какому именно времени относится сложеніе былинь владимірова цикла;

во-вторыхъ, — каково ихъ значеніе, какъ памятниковъ народной поэзіи.

«Разсматривая первый вопросъ, должно, по моему мнѣнію, отличать разнообразныя пересказы каждой отдѣльной былины отъ общаго имъ основнаго содержанія, а именно въ немъ искать указаній, въ какое время былины сложились въ томъ видѣ, какъ мы ихъ знаемъ.

«Рѣшая второй вопросъ, должно обращать одинаковое вниманіе и на то, въ какой мѣрѣ былины выражаютъ нравы, обычаи и понятія своего времени, и на ихъ поэтическое достоинство. Первая изъ указанныхъ здѣсь сторонъ значенія былинь даетъ *новыя* данныя для бытовой исторіи ихъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ новыми доказательствами, что онѣ принадлежатъ именно той эпохѣ....» Чего бы казалось лучше? Повидимому авторъ приступаетъ къ своей задачѣ съ самымъ строгимъ и точно опредѣленнымъ методомъ, со всѣми нужными условіями, чтобы вынести изъ своего труда богатые *новыя данныя* бытовой исторіи и тому под. Однимъ словомъ противъ самаго рецепта, прописаннаго себѣ самимъ авторомъ, нечего бы казалось и возразить. А между тѣмъ по прочтеніи диссертациі оказывается, что мы не обогатились изъ нея ни новыми бытовыми данными, ни лучшимъ пониманіемъ самихъ былинь, что вся диссертациія въ сущности есть переливаніе изъ пустаго въ порожнее, какая-то ученая игра, пожалуй правильная въ извѣстномъ отношеніи, но положительно бесплодная. Отчего это? Оттого между прочимъ, что г. Майковъ, приступая къ своему труду, вовсе не имѣлъ какихъ-либо особыхъ данныхъ къ пониманію избраннаго имъ вопроса лучше или полнѣе, чѣмъ первый, кто

бы пожелалъ также заняться изслѣдованіемъ этого дѣла; оттого, что при самомъ изслѣдованіи онъ руководствовался исключительно техническими, условными, чужими приѣмами, составляющими нѣчто въ родѣ химическаго анализа, имѣющаго цѣлью открыть составныя начала какаго-либо смѣси; что живое чутье вообще русской жизни не помогало ему нисколько въ уразумѣніи предмета; однимъ словомъ, что онъ подвергъ свой предметъ довольно старательному, пожалуй, разсмотрѣнію, но затѣмъ считалъ уже свое дѣло совершенно и благополучно конченнымъ, а трудъ свой безупречнымъ въ томъ отношеніи, что всѣ выводы подкрѣплены данными и цитатами, или лучше потому, что никакихъ собственно новыхъ выводовъ имъ и не сдѣлано.

Но всѣ эти недостатки диссертациі можно пожалуй отнести къ личнымъ качествамъ ея сочинителя и потому намъ остается указать въ его трудѣ тѣ общіе ему съ другими, лучшими изслѣдователями приемы, которые выше мы назвали несостоятельными и не ведущими къ плодотворнымъ результатамъ.

Съ этою цѣлью обратимся ко второй главѣ его труда, носящей заглавіе: «Разсмотрѣніе былинъ, какъ памятниковъ народнаго быта и понятій». Мы видѣли выше, что по задачѣ автора именно эта часть его труда должна была представить «новыя бытовыя данныя». Посмотримъ въ какой степени осуществилось это предположеніе? Почти вся эта часть книги наполнена свѣдѣніями весьма подробными и конечно справедливыми, но которыя едва ли можно назвать новыми для каждаго, сколько-нибудь образованнаго русскаго человѣка. Неужели напр. стоило предпринимать особое изслѣдованіе былинъ владимірова цикла и писать объ нихъ специальное разсужденіе, чтобы достигнуть положеній въ родѣ слѣдующихъ: «Какъ произведенія народа русскаго, былины противоплагаютъ Русь, русскій народъ другимъ, иноплеменнымъ, и русскую землю представляютъ главнымъ своимъ центромъ въ географическомъ отношеніи, главнымъ мѣстомъ своего дѣйствія». (стр. 42). Неужели только изъ изслѣдованія былинъ мы могли узнать, что «въ Кіевѣ широкія улицы и мелкіе переулочки. Онъ обнесенъ необходимою на случай осады каменною стѣною, съ воротами, приворотенками и башнями наугольными; главные ворота золотые» и т. д. (стр. 46)? Или, что «въ хоромахъ — печи глиняныя и муравленныя, столы бѣлодобовы, стулья ременчаты, скамьи, лавки брусовыя или бесѣды, полки, вѣшалки, кованы сундуки, кровати тесовыя или изъ слоновои кости съ пуховыми перинами и одѣялами соболиными» (стр. 48)? И всѣ подобнаго рода драгоценныя и новыя свѣдѣнія о жизни нашихъ предковъ авторъ по временамъ дополняетъ учеными примѣчаніями и ссылками, какъ-будто бы опасаясь, что мы не повѣримъ ему въ справедливости его пока-

заній напр. о томъ, что «для изготовленія и храненія яствъ и питій» предки наши употребляли «блюда, мисы, чары, стопы, кубки, рюмы, чани, ковши, котлы, горшки, ведра, бочки, чаны» (стр. 50). И такія-то *новыя* свѣдѣнія сообщаются на многихъ и многихъ страницахъ разсужденія, сопровождаемыя ссылками на Ибнъ-Фоцлана, исторію Лѣта-Діакона и многіе другіе документы. Спрашиваемъ: съ какою цѣлью сдѣлано все это авторомъ, если не съ единственнымъ желаніемъ наполнить чѣмъ-нибудь книгу и придать ей по возможности ученый и серьезный видъ?

Впрочемъ и въ такомъ легкомъ дѣлѣ, какое задать себѣ авторъ въ этой главѣ своей книги, не обошлось безъ забавныхъ вещей и слѣпое довѣріе автора къ быліи намъ, какъ богатому чуть ли, по его шпінію, не единственному матеріалу для воссозданія нашей старины, привело его къ выводамъ, которые неволью заставляютъ улыбнуться всякаго, знакомаго съ русскою жизнью не по однимъ быліямъ владиміроваго цикла.

Такъ на стр. 52 читаемъ: «*Способъ* (?) носить верхнюю одежду указанъ слѣдующими словами: Владиміръ

«Кунью шубоньку накинугъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко.»

«Эту народную привычку, наивно прибавляетъ авторъ, подмѣтилъ еще Ибнъ-Фоцланъ въ X вѣкѣ.» Нужны ли къ этому какія-либо примѣчанія?

Выше, на стр. 50 читася: «Общее названіе *пищи* — яства *сахарныя*»; и затѣмъ непосредственно: «Изъ числа ихъ упоминаются щи, каша, лебедь бѣлая, утка сѣрая, гусь, пироги, хлѣбъ и т. д.»

Но всего не перечтешь. Упомянемъ, напоследокъ, о самомъ крупномъ и видномъ соображеніи въ сказанномъ родѣ.

«Общій видъ жилища извнѣ и внутри, говоритъ г. Майковъ на стр. 47, можно видѣть изъ слѣдующаго описанія жилища Чурлиина:

Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тычинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ.
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Грядки бѣлодубовы,
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица-то валженая.
Поль середа одного серебра,
Крюки да пробой по булату алачены.

Перые у него ворота вальщатые,
 Другіе ворота хрустальные,
 Третьи ворота оловянные.

«или еще, продолжаетъ весьма серьезно авторъ, изъ описанія «снаряднаго двора», построеннаго Соловьемъ Буднировичемъ:

Три терема златоверховаты,
 Да трои сѣни косящатыя,
 Да трои сѣни рѣшетчатыя.
 Хорошо въ теремахъ изукрашено:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, и въ теремѣ заря —
 И вся красота поднебесная.

«Участіе повѣстической фантазіи въ этихъ описаніяхъ очевидно», спѣшить, къ счастью, оговориться авторъ, «но и при этомъ изъ нихъ можно составить *нѣкоторое понятіе* (!!) о характерѣ древнихъ построекъ.» Неужели въ самомъ дѣлѣ можно? А намъ просто кажется, что автору захотѣлось украсить свою книгу какъ можно большимъ количествомъ всякихъ цитатъ и выписокъ, а справиться съ ними со всѣми онъ не съумѣлъ или не потрудился.

Люди, которые справедливо и отъ души посмѣются надъ приведенными нами выписками, ошибутся однако, если отнесутъ ихъ исключительно къ личной оплошности автора разбираемой нами книги. Его оплошность сама собой, но есть, какъ мы говорили выше, нѣкоторая несостоятельность и въ томъ нѣмецко-ученомъ отношеніи русскихъ писателей къ своей родной старинѣ, которая заставляетъ ихъ приступать ко всякому древнему русскому тексту какъ-будто къ единственному остатку чуждой и вовсе неизвѣстной имъ грамоты; повѣрять подобный текстъ лишь другими же текстами и не обращать почти никакого вниманія на отовсюду окружающіе насъ въ русской жизни живые слѣды того стараго быта, вѣрованій и проч., на изученіе которыхъ мы обратились пока едва-ли не изъ одного подражанія. Г. Майковъ, слѣпо и наввно подражая учителямъ, явно не будучи хозяиномъ въ избранномъ имъ для диссертациіи предметѣ, впалъ лишь въ большія противъ другихъ ошибки; но подобныхъ, хотя и не столь грубыхъ промаховъ, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, можно указать и въ нашихъ болѣе серьезныхъ изслѣдователяхъ русской старины, не говоря уже о «зооморфическихъ божествахъ», кочергѣ и ухватѣ, въ которыхъ когда-то чуть не вѣровали наши ученые.

Болѣе мы не считаемъ нужнымъ распространяться о диссертациі г. Майкова. Какъ болѣе видны и забавны въ ней промахи сравнительно съ другими изслѣдованіями въ томъ же родѣ вообще, такъ же очевидна и внутренняя скудость ея содержанія, несмотря на то, что по наружности она представляетъ весьма подробное, обстоятельное и пожалуй даже ученое изслѣдованіе.

*ЭПОХА ДРЕВНЕЙ ТИРАННІИ ВЪ ГРЕЦІИ. Сочиненіе
Василія Бауера, магистра всеобщей исторіи. Сиб. 1863.*

Намъ почти одновременно попала въ руки эта небольшая книжка и объявленіе въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; что «6-го октября въ с.-петербургскомъ университетѣ магистръ историческихъ, наукъ В. Бауеръ будетъ публично защищать написанную имъ для соисканія степени доктора историческихъ наукъ диссертацию подъ заглавіемъ: «Эпоха древней тиранніи въ Греціи». Стало-быть мы имѣемъ дѣло съ докторской диссертацией по всеобщей исторіи. Читателю конечно не безызвѣстно, что подобнаго рода сочиненія пишутся подъ своими собственными, исключительными условіями, которыхъ критика никогда не должна упускать изъ виду (въ августовской книжкѣ нашего журнала частью коснулись этого предмета, говоря о диссертациі г. Гурлинда). Существеннѣйшее изъ этихъ условій: обнаруженіе степени эрудиціи, начитанности. Читателю не безызвѣстно также, что это обнаруженіе въ большой части подобныхъ сочиненій совершалось въ ущербъ истиннымъ интересамъ науки, что и было главной причиной недовѣрья и пренебреженія къ нимъ большинства публики. «Шутовской нарядъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, ученые фокусы и salto mortale!» и т. под. восклицала она, бросая въ сторону такія работы. И читатели рѣдко бывали неправы.

Поэтому намъ очень пріятно было встрѣтить въ сочиненіи г. Бауера то, чего мы давно уже не встрѣчали въ ученыхъ диссертацияхъ, а именно свѣтлый, здравый взглядъ на свой предметъ и общедоступность его изложенія. По нашему мнѣнію (не знаемъ на сколько оно сходится съ мнѣніемъ ученой корпораціи нашей столицы), своимъ сочиненіемъ авторъ дѣйствительно успѣлъ показать, что онъ вполне овладѣлъ своимъ предметомъ, то-есть *духомъ* современныхъ историческихъ изслѣдованій. Намъ остается только желать, чтобы въ будущихъ своихъ работахъ почтенный историкъ не увлекался специально-ученымъ кокетничаньемъ своими знаніями и не увеличилъ собою ту тупую, зачатавшуюся до одурѣнія фалангу ученыхъ мужей, которыхъ Шлейденъ

считаетъ жалкими представителями современной науки (Библ. № 8), фалангу факировъ этой современной науки, «упускающихъ вовсе изъ виду общую связь человѣческихъ знаній и такимъ образомъ являющихся самыми узкими и невѣжественными судьями во всемъ, что касается этого цѣлаго», значить и въ своей специальности?

Въ настоящей статьѣ мы желали-бы познакомить читателя со взглядомъ г. Бауера на одну очень важную эпоху въ древне-греческой исторіи и на сущность и характеръ развитія образа правленія въ Греціи, обобщивъ этотъ взглядъ, насколько окажется возможнымъ. Во-первыхъ выборъ авторомъ Греціи, какъ образчика для изученія законовъ преобразованій правительствъ и ихъ отношеній къ гражданамъ—какъ нельзя болѣе удаченъ; древне-классическій міръ (Греція и Римъ) дѣйствительно всего удобнѣе въ этомъ отношеніи потому, что представляютъ взаимодѣйствіе этихъ двухъ факторовъ (правительство и граждане) во всей ихъ чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси усложняющихъ дѣло постороннихъ элементовъ (напримѣръ вѣшатательства клерикализма въ средніе вѣка, историческихъ преданій, столкновенія разнохарактерныхъ въ этомъ отношеніи народностей и др.; притомъ въ Греціи будто нарочно все съ самаго начала ея исторической жизни сложилось такъ, что наука можетъ прослѣдить историческое развитіе упомянутаго вопроса не только во всей изолированности только двухъ его элементовъ, но и *ab ovo*, почти съ зародышнаго состоянія греческой народности. Вообще эти-то послѣднія условія и придають, по нашему мнѣнію, огромное значеніе и дѣлають совершенно необходимымъ основательное изученіе исторіи древне-классическихъ народовъ; именно всѣ фазисы государственной и политической жизни человѣка постоянно проявлялись у нихъ въ самыхъ простыхъ, осязательныхъ и вполнѣ законченныхъ формахъ.

Греція и Римъ — это *схемы* для изученія законовъ политической и государственной жизни человѣка въ ея историческомъ проявленіи. Замѣтимъ между-прочимъ, что все, что съ такою пластическою ясностью обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи упомянутыя страны, подтверждается, хотя не всегда въ такой же степени ясности и законченности, и въ исторіи очень многихъ позднѣйшихъ народовъ. Вотъ еще одно основаніе, почему очень важно всестороннее изученіе греко-римской исторіи и именно изученіе такого характера, какимъ по-видимому занялся г. Бауеръ. Вотъ главныя основанія разбираемой диссертаціи.

Въ Греціи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, общественная власть, съ теченіемъ исторіи, принимала различныя формы, которыя переходили другъ въ друга, по довольно общимъ законамъ. Такъ на

первых ступенях государственной жизни мы непременно встречаемся с монархическими формами, а именно прежде всего с крайней из них—с деспотизмомъ. Затѣмъ этотъ послѣдній постепенно ограничивается и изъ области личнаго произвола властелина болѣе и болѣе переходитъ въ область закона, то-есть въ монархическое ограниченное правленіе, причемъ другое движеніе, то-есть развитіе гражданъ идетъ параллельно, но возвышаясь болѣе и болѣе, между тѣмъ и по мѣрѣ того, какъ движеніе перваго фактора слабѣетъ и опускается. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что идеаль государственнаго развитія есть въ равновѣсіе и полное сліяніе въ одно неразрывное цѣлое. Повидимому та же мысль руководила и изслѣдованіями г. Бауера; по крайней мѣрѣ она высказалась въ его книгѣ на столько, на сколько вѣроятно позволила ей задача.

Въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ ступеняхъ исторіи греческихъ государствъ мы вездѣ встречаемъ монархію, но монархію, уже оставившую за собою восточный, азиатскій деспотизмъ и поднявшуюся до степени правленія одного еще лица, но лица, ограниченнаго обычаями и вліяніемъ ближайшей придворной знати, зачатка будущей аристократіи. Такъ уже въ гомеровскія времена мы встречаемъ свидѣтельства, что царь ничего не предпринималъ безъ согласія своей *думы*, составленной, или вѣрнѣе составившейся изъ представителей сильнѣйшихъ древнихъ фамилій. Но если сила (умственная и матеріальная) даетъ власть, то несомнѣнно съ другой стороны, что власть въ *известныхъ* своихъ *предѣлахъ* даетъ эту силу и содѣйствуетъ развитію лицъ, въ рукахъ которыхъ она находится, а развитіе однихъ членовъ государства такъ-сказать индуктивно дѣйствуетъ на другихъ, находящихся въ болѣе близкихъ къ нимъ отношеніяхъ. (Просимъ не упускать изъ-виду этихъ общихъ законовъ при дальнѣйшемъ чтеніи нашей статьи.)

Посмотрите напримѣръ, какъ неразрывно связаны упомянутые два фактора (правительство и граждане) въ своихъ отношеніяхъ: они колеблются, точно двѣ чашки вѣсовъ. Такъ уже въ Одиссеѣ мы замечаемъ, даже въ сравненіи съ Илиадой, ослабленіе значенія царской власти въ древней Греціи и въ *тоже время* значительное возвышеніе самостоятельности древнихъ фамилій. Мы сказали выше, что власть только въ *известныхъ предѣлахъ* способствуетъ развитію человѣка: значить чѣмъ болѣе она выходитъ за эти предѣлы, тѣмъ менѣе содѣйствуетъ и этому развитію. Крайними ея рубежами въ этомъ отношеніи конечно могутъ служить восточные деспоты и римскіе Калигулы, но мы должны къ этому прибавить, что по общему же закону природы, какъ физической, такъ и нравственной, всякій застой вещества или силы, всякая неподвижность ведетъ непременно къ разру-

ленію. Поэтому совершенно вѣрно замѣчаніе Діонисія-галлкарнасскаго, что одной изъ причинъ паденія царской власти въ древней Греціи были произволъ и злоупотребленія, которыя стали позволять жбѣ правители. Еще рѣшительнѣе выражается по этому предмету Аристотель, хотя конечно современная наука найдетъ его слова не до-вольно точными и взглядъ нѣсколько узкимъ. Онъ говоритъ: «Въ са-мой царской власти замѣчаются причины ея паденія. Ей угрожаютъ опасности двухъ родовъ: или принимающіе участіе въ управленіи со-ставляютъ заговоръ, или сами цари стремятся къ деспотизму и къ величенію власти даже путемъ противозаконнымъ...»

Мы сказали, что эти слова Аристотеля не удовлетворятъ совре-меннаго ученаго; дѣло въ томъ, что зародышъ паденія заключается не исключительно въ одной царской, а во всякой власти, какъ и во всякой ижѣ, какъ мы выше объяснили, представивъ и причину этого явле-ія. Изъ этихъ же нашихъ словъ ясно будетъ читателю, *когда* именно роизойдетъ и можетъ произойти этотъ «заговоръ» принимающихъ насте въ управленіи. Читателя, конечно, нисколько не «Удивить», ли мы скажемъ, что г. Бауеръ въ своемъ сужденіи объ этой эпохѣ пель гораздо дальше Аристотеля и говоритъ слѣдующее: уничтоже-е монархическаго начала не только было слѣдствіемъ упадка древней блести и справедливости въ царскихъ родахъ, но въ особенности ре-ультатомъ увеличившагося значенія эвпатридовъ и желанія ихъ под-инить себѣ царей. Замѣтимъ при этомъ, что въ прогрессивно разви-ющемся государствѣ, мало того, что усиливаются умственно и ма-терьяльно высшія его сословія, т. е. близкія къ правителямъ, но вмѣс-: съ тѣмъ увеличивается и ихъ число, что тоже не ускользнуло отъ юнипательнаго взгляда Аристотеля. Объясняя паденіе царской власти . Греціи, онъ замѣчаетъ, что «наши предки подчинялись ей потому, о *число* мужей, возвышавшихся доблестью надъ другими, было тогда раничено.»

Такъ мало-помалу во всѣхъ маленькихъ греческихъ государствахъ ада и окончательно уничтожилась царская верховная власть и пе-шла къ высшему сословію (эвпатридамъ), которое болѣе и болѣе звивалось и увеличивалось въ числѣ. Но и здѣсь сила не могла ержаться въ надлежащихъ предѣлахъ: она выродилась въ злоупотре-еніе и эвпатриды стали нравственно падать. Этому, между-прочимъ, ого содѣйствовало и знакомство ихъ съ роскошью и болѣе и болѣе оренявшаяся привычка къ нѣгѣ и бездѣйствію, къ утонченному об-зу жизни, къ мысли, что большинство народа создано для нихъ, что *существуетъ для нихъ, а не для всего.*

Но развитіе умственное и матерьяльное, какъ мы уже сказали, есть

*

своего рода зараза, вещь прилипчивая. Такъ и въ Греціи постепенно развитіе эвпатридовъ не могло дѣйствовать благотворно и на другую многочисленную часть общества (на «димъ», народъ), который сперва не имѣлъ никакого голоса, никакого политическаго значенія. Но вои «димъ», «димоты» начинаютъ развиваться, при обстоятельствахъ, при которыхъ обыкновенно совершается развитіе всякихъ димотовъ и и смотря на то, что высшій классъ удалил ихъ изъ городовъ, т. е. изъ центра образованности и благосостоянія, «предоставилъ имъ въ дѣльваніе полей и уходъ за своими помѣстьями», т. е., говори проще-заставилъ ограничиться этими занятіями; несмотря на то, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, этотъ классъ былъ обремененъ долгами аристократамъ, угнетенъ ими, разоренъ и поработенъ совершенно. Эта реакція димотовъ противъ аристократовъ, это законное ихъ невольство тогдашнимъ порядкомъ вещей, ихъ протестъ начинаютъ уж очень рѣзко проявляться въ Греціи съ половины VII стол. Димъ дѣлался уже силой, зародышемъ той силы, которой суждено было и собою поглотить и въ свою очередь подвергнуться вышеназложенному закону, неизмѣнному для чрезмѣрнаго развитія и сосредоточенія какой бы то ни было силы. Но пока дѣло до этого дошло, димъ успѣлъ совершить столько блистательнаго, столько всемірно-значительнаго, что малѣйшее изслѣдованіе, касающееся его исторіи, не можетъ не возбуждать живѣйшаго интереса и сочувствія. Конечно, на основаніи закона, что умственное и нравственное развитіе народа всегда обуславливается его матеріальнымъ благосостояніемъ, всѣ условія, содѣйствующія успѣху этого послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ и жизни и первое. Такъ первые зародыши пробужденія своихъ политическихъ правъ въ греческомъ димѣ проявились въ тѣхъ мѣстахъ Греціи, гдѣ развилась и могла развиваться промышленная жизнь, напр. въ греческихъ колоніяхъ въ Малой Азіи. Такъ бывало всегда и вездѣ.

Но чѣмъ же можетъ проявиться первый протестъ дима противъ аристократическаго гнета, первое проявленіе его самосознанія? Конечно, прежде всего стремленіемъ уничтожить внутреннюю силу этого гнета, т. е. всеобщій произволъ. И вотъ въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи были требованія хорошихъ узаконеній, заявленныхъ массами народа. И въ томъ и въ другомъ государствѣ аристократы должны были уступить, но въ обоихъ случаяхъ они все-таки вручили дѣло лишь изъ своей среды, въ надеждѣ хоть немножко болѣе отстоять съ помощью своихъ свои узкіе, чисто-сословные интересы. Результатъ стало-бытъ не могъ быть полный и удовлетворительный; димъ не могъ успокоиться. Въ подобныхъ случаяхъ въ Греціи слагался между обоими враждующими

цими лагерями какой-то средній терминъ, власть, которая получала назначеніе по возможности примирить и уравнивать противоположныя и враждебныя начала и успокоить общество. Выраженіемъ такой власти были лица, которыя у грековъ назывались *эсимнитами*. Это были лица, которымъ вручалась довѣріемъ цѣлаго общества неограниченная власть на всю жизнь или на опредѣленный срокъ. Это нѣчто въ родѣ диктатуры, стало-быть опять явленіе далеко не исключительно греческое, но едва-ли не общее всякому обществу, попавшему въ подобныя обстоятельства. Однимъ изъ такихъ эсимнитовъ былъ Пяттакъ въ греческой исторіи.

Но и примирительный характеръ эсимнитовъ едва-ли могъ успокоить все больше и больше крѣпнувшій матерьяльно и морально греческій димъ. Димъ сознавалъ свою силу, димъ сознавалъ свои права, поощенныя слабой вообще, изнѣженной и малочисленной аристократической партией, сильной только преданіями, единодушіемъ и слабостью противниковъ. Да, димъ заключалъ въ себѣ мощныя, свѣжія силы, но онъ былъ разрозненъ, но у него не было единства, преданій, рутины: ему прежде всего былъ нуженъ вождь, т. е. средоточіе, фокусъ, «человѣкъ съ умомъ и энергіей, который бы могъ направить силы разрозненной массы къ достиженію общей, желаемой цѣли». Конечно такіе мужи не замедлили явиться: само собою это были большею частью овкіе честолюбцы, умѣвшіе драпироваться въ народныя интересы, овладѣть массой и достигнуть низверженія аристократіи и апогея власти. Вотъ такіе-то дѣятели назывались у грековъ *тираннами* (этимологія этого слова не вполне еще разъяснена) и могли проявиться въ ихъ исторіи преимущественно въ VII и VI вѣкахъ, т. е. во время самаго нагара борьбы аристократическаго и демократическаго элементовъ (это время и составляло задачу докторанта). Стало-быть тиранновъ этихъ никакъ нельзя смѣшивать съ эсимнитами: послѣдніе являются представителями начала примирительнаго (по нынѣшнему—умѣренно либеральнаго), а первые—чисто революціонно-демократическаго. Конечно и то и другое одинаково можетъ быть поприщемъ для честолюбивыхъ интригъ.

Но для читателя вѣроятно любопытенъ вопросъ: откуда же слово *тираннъ* получило такое грустное, отвратительное, бранное значеніе? Мы видимъ, что тираннія имѣетъ въ началѣ своемъ самыя благородныя и либеральныя основанія. Такъ-же смотрѣлъ въ началѣ и греческій димъ; онъ вѣрилъ въ особенное покровительство, которое боги оказывали тираннамъ, какъ защитникамъ народныхъ интересовъ, у него были въ ходу преданія чуть не о божественномъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, онъ долго и слѣпо имъ вѣровалъ и подчинялся. (За-

нѣчательнѣйшими изъ такихъ тиранновъ были въ Греціи: Писистратъ, Кипселъ, Ореагоръ, Поликрать и др.). Дѣйствительно съ помощью тиранновъ дѣмъ достигъ многого, чего безъ ихъ содѣйствія едва-ли могъ бы достигъ. Потому нельзя не согласиться съ г. Бауеромъ, что первоначально тиранны были отраднымъ явленіемъ, хотя не слѣдуетъ все-таки забывать, что все же они были ни болѣе, ни менѣе, какъ эгоистическіе честолюбцы, что и обнаружилось, когда народъ въ нихъ уже больше не могъ нуждаться. Но несомнѣнно, что даже и въ первое время была партія людей, которые не могли относиться къ этимъ тираннамъ сочувственно, а напротивъ должны были выискивать всѣ случаи унизить и очернить ихъ въ глазахъ ихъ приверженцевъ. Это была, конечно, партія аристократовъ, которые всюду распространяли объ этихъ тираннахъ всевозможную клевету, старались запятнать и опозорить ихъ самыми нелѣпыми обвиненіями въ жестокости, продажности, безнравственности и пр. и пр. Вотъ начало позорнаго значенія слова *тираннъ*. Приведемъ здѣсь кстати замѣтку г. Бауера объ одномъ изъ тиранновъ, который, благодаря подобнымъ клеветамъ, попалъ въ наши историческіе учебники съ самой запятнанной репутаціей. Кто изъ насъ не твердилъ въ школьной скамьѣ, что тиранъ Фаларисъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ извергомъ рода человѣческаго: «заключалъ враговъ своихъ въ бронзового быка, раскаляемаго огнемъ, варилъ въ котлахъ съ кипящей водою, отрывалъ младенцевъ отъ груди матерей и приказывалъ зажаривать ихъ къ своему столу»? А дѣло было просто: основаніемъ этой клеветы послужили человѣческія жертвы Юпитеру, которыя были тогда въ обычаѣ въ его странѣ. Разумѣется, не безъ того, чтобы въ эти жертвы не попадали болѣе политическіе враги тиранна и стало-быть народа. Конечно дѣлъ не оправдываетъ средства, но уже если вникнуть, такъ винить не однихъ Фаларисовъ.

Къ этой первой причинѣ дурной репутаціи слова *тираннъ* въ позднѣйшее время надо, разумѣется, присоединить и многое другое, а именно: мечь народа аристократамъ за долгій гнетъ не могла никакъ быть легкой, стало-быть и тиранны должны были поступать сообразно съ этимъ требованіемъ. Затѣмъ немало содѣйствовали такой репутаціи и сами позднѣйшіе тиранны, когда ужъ имъ нельзя было обдѣлывать свои дѣлишки на основаніяхъ чисто-народныхъ интересовъ; народъ ихъ ужъ пересталъ поддерживать, былъ нерѣдко даже противъ нихъ,—значить иногда приходилось и очень круто поступать, чтобы удержать за собою верховную неограниченную власть. Дѣйствительно, позднѣйшіе греческіе «тиранны» были настоящими тиранами, то-есть жестокими, бездушными и развратными эгоистами-властолюбцами.

И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ тиранны отдѣлились въ своихъ интересахъ отъ народа, они должны были прибѣгать для своихъ выгодъ къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ эгоисты-властолюбцы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Прежде всего позднѣйшіе тиранны въ Греціи старались держаться заключеніемъ между собою прочнаго союза, такого же союза съ иностранными властелинами, привлечь на свою сторону наемное войско, поразить «толпу» блескомъ и величіемъ своего престола, богатствомъ, великолѣпіемъ общественныхъ работъ.

Вотъ какой дорогой цѣною были куплены всѣ тѣ великолѣпныя сооруженія, которыми время позднѣйшихъ греческихъ тирановъ такъ прельщало нѣкоторыхъ наивныхъ панегиристовъ—историковъ древнихъ и новыхъ; вотъ какую цѣною, цѣною угнетенія, поработенія массы народа, покупались и покупается по боьшой части подобныя чудесадревняго и недревняго зодчества. Навенъ тотъ, кто воображаетъ, что они могутъ служить блистательнымъ доказательствомъ благосостоянія, цивилизаціи и чуть не счастья всего народа.

Впрочемъ мы должны замѣтить, что всѣ эти сооруженія имѣютъ еще другую, не менѣе важную причину (*raison d'être*): необходимость дать работу, и слѣдовательно и укротить революціонныя стремленія того класса народа, который называется *пролетариатомъ* и встаетъ, какъ Немезида, въ каждомъ обществѣ, чуть только въ немъ неправильно начнутъ распределяться общественныя и экономическія силы. Кто не знаетъ, что этотъ классъ есть самый дѣятельный и самый опасный ферментъ всякаго рода революціонныхъ потрясеній въ ненормально сложившемся обществѣ?

Мы благодарны г. Бауеру за тѣ мысли, на которыя онъ навелъ насъ здѣсь своею диссертациею; мы смѣемъ думать, что навести читателя на такія мысли уже дѣло доброе, уже не малая заслуга со стороны автора. Еще бѣльшая — положительно, фактически формулировать многія изъ нихъ самому, что г. Бауеръ исполнилъ совершенно успѣшно. Вотъ его окончательный выводъ: «Время древнихъ тирановъ было переходомъ отъ стараго начала къ новому; возвышеніе ихъ не было явленіемъ случайнымъ, а слѣдствіемъ государственныхъ условій того времени. Тиранны, стремясь изъ эгоизма и тщеславія къ достиженію своихъ цѣлей, бессознательно сокрушали преграды, препятствовавшія развитію общества и вводили новые элементы, болѣе, сообразныя съ гениемъ греческаго народа. Потому они и пали, когда необходимость въ нихъ миновала и когда они исполнили свою историческую задачу. Древнѣйшіе тиранны, хотя и заслужили ненависть и презрѣніе народа, тѣмъ не менѣе дѣйствовали въ его пользу и до-

ставили ему побѣду надъ замкнутою корпораціею аристократовъ. Въ этомъ и заключалось значеніе древнѣйшихъ тиранновъ и отличіе ихъ отъ позднѣйшихъ (съ конца V-го столѣтія), которыхъ дѣятельность оставалась чуждою народнымъ интересамъ.»

Читатель могъ замѣтить, что авторъ вообще выражается робко и уклончиво, но мысли у него, кажется, все-таки положены въ основаніе сочиненія тѣ, которыя мы старались выразить нѣсколько смѣле и общѣ въ нашей рецензіи. Намъ едва-ли нужно подводить сказанному итоги; мы только выразимъ желаніе, чтобы наши мысли могли вдохновить ученаго и съ честными принципами историка къ серьезному и смѣлому сравнительно-историческому труду: дать твердую историческую опору лучшимъ стремленіямъ современныхъ дѣателей—вотъ, по нашему, высокая и завидная цѣль живой, настоящей исторической науки.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ, ПО АМЕРИКАНСКОЙ МЕТОДЪ КОРНЕЛЯ. *Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Одобрено ученымъ комитетомъ при Мин. Нар. Просв., какъ руководство для училищъ Министерства, и принято руководствомъ въ училища епархіальнаго духовно-учебнаго управленія при св. Синодѣ.* Слб. 1863. Съ 15-ю географическими картами и со многими политипажами.

Этотъ курсъ, по своему успѣху въ публикѣ и въ официальномъ мірѣ, представляетъ довольно рѣдкое у насъ явленіе; онъ удостоился во 1-го одобренія такихъ педагогическихъ ареопаговъ, какъ ученый комитетъ Мин. Нар. Просв. и св. Синодъ, а во 2-хъ, сколько намъ извѣстно, принять съ большимъ сочувствіемъ и публикою. Безъ сомнѣнія, уже это одно много ручается за его достоинства и требуетъ отъ критики серьезнаго его разбора.

Но читатель, мало знакомый вообще съ педагогическими методами, можетъ съ недоумѣніемъ и недоувѣріемъ остановиться на словахъ: «американская метода Корнеля» и спросить: чтó это еще за метода, и вчѣму русскому юношеству проходить географію по какой-то «американской» методѣ Корнеля? Въ видахъ устраненія этого недоумѣнія и недоувѣрія мы прежде всего постараемся познакомить нашихъ русскихъ читателей съ этой «американской» методой, хотя въ разбираемомъ руководствѣ сущность ея и указана хорошо въ предисловіи. Впрочемъ, надо замѣтить, что еслибы наша цѣль была познакомить читателей

исключительно съ корнелевской *методой* преподаванія географіи, то достаточно было бы для ея достиженія цитировать предисловіе разбираемаго учебника; но дѣло въ томъ, что этотъ послѣдній составленъ не только по *методу* Корнеля, но и по *руководству*, которое написалъ Корнель на основаніи своей *методы*; потому мы считаемъ не излишнимъ познакомить читателя во 1-хъ съ *методой* Корнеля, во 2-хъ съ тѣмъ, какъ онъ сумѣлъ осуществить свою *методу* на дѣлѣ, т. е. съ его *руководствомъ* (*Cornell's Primary Geography, forming part first of a systematic series of school geographies. New York*), а въ 3-хъ въ какомъ отношеніи находится разбираемый русскій учебникъ къ этимъ двумъ пунктамъ и вообще къ требованіямъ современной педагогикки. Просимъ читателя принять по этому случаю во вниманіе слѣдующее заявленіе составителя этого послѣдняго: «предлагаю суду нашихъ педагоговъ переводъ сочиненія Корнеля и приспособленія (вѣрно приспособленіе?) его къ потребностямъ нашихъ училищъ»: — вотъ стало-быть руководящая мысль составителя. Читатель конечно догадается, что подъ условіемъ «приспособленія его къ потребностямъ нашихъ училищъ» русскій переводъ долженъ очень значительно разниться отъ американскаго подлинника.

Итакъ въ чемъ же состоитъ эта «американская» *метода*, пересаженная на почву официальной россійской педагогикки? Вотъ какъ характеризуетъ свою *методу* самъ авторъ: исходя изъ принципа, что въ педагогикѣ, а именно въ преподаваніи, главное правило — всему свое время, т. е. что ученику нужно въ данное время давать *только* то, что ему подъ силу и что можетъ возбудить его интересъ, Корнель находитъ, что для первоначальнаго преподаванія географіи, изъ этой науки должны быть выбраны самыя *простыя, общепонятныя свѣдѣнія*, изложены на этихъ же основаніяхъ и притомъ по-возможности *наглядно*, т. е. по рисункамъ и картамъ, заключающимъ (въ особенности же послѣднія) только одно самое существенное и вдобавокъ представленное по-возможности ярче, рельефнѣе и *живо*, т. е. въ видѣ разработки разсказаннаго урока всевозможными вопросами и отвѣтами, съ цѣлью постоянно приводить въ самое разностороннее взаимоотношеніе все уже пройденное съ тѣмъ, что проходится. (Въ языкознаніи это составляетъ сущность робертсоновскаго *метода*.) Для этого взаимоотношенія между прочимъ должны служить таблицы, въ которыхъ перечислены въ извѣстной системѣ всѣ собственныя географическія имена, пріобрѣтеныя ученикомъ въ пройденныхъ урокахъ. «Изъ нихъ могутъ быть дѣлаемы самыя разнообразныя вопросы и обращенія къ пройденному, какіе только учитель найдетъ уместными; если ученикъ хорошо выучилъ предшествовавшіе уроки, то онъ всегда скоро, вѣрно и разумно отвѣтитъ на вопросы и безъ картъ, которыя какъ-бы фото-

графируются въ его умѣ.» Такія таблицы слѣдуютъ за каждымъ нѣсколькими уроками. Вотъ на какихъ основаніяхъ авторъ предлагаетъ преподавателямъ и свой методъ, и свой учебникъ: 1) «онъ (т. е. методъ) надѣлать ученика полными и прочными навсегда свѣдѣніями въ географіи по крайней мѣрѣ въ половину того времени, какое требовалось до сихъ поръ; 2) система эта, пробуждая умственную дѣятельность ученика, способна заохотить его и поддерживать интересъ во все прохожденіе ученія; кромѣ того, она даетъ учителю возможность измѣрять, почти математически, знанія учениковъ; 3) система эта, единствомъ плана, во всѣхъ классахъ училища много облегчаетъ ученикамъ заповняніе содержанія картъ.»

Вотъ какъ Корнель понимаетъ свой методъ. Теперь посмотримъ, какъ онъ осуществилъ его въ своемъ руководствѣ, заглавіе котораго (по-англійски) мы привели выше. Въ немъ 116 уроковъ, въ которыхъ изложены главнѣйшія понятія всеобщей географіи и затѣмъ свѣдѣнія о пяти частяхъ свѣта въ слѣдующемъ порядкѣ: общія понятія (12 ур.), западное полушаріе (Новый Свѣтъ) (до 21-го ур.), восточное полушаріе (до 27-го), общій обзоръ пройденнаго (до 28-го). Затѣмъ болѣе подробно изучается Сѣв. Америка (до 42-го), Южная (до 52-го), Европа (до 66-го), Азія (до 76-го), Африка (до 86-го), опять Соединенные Штаты, но гораздо полнѣе (до 116-го), а послѣдній урокъ посвященъ Океаніи. Уже и здѣсь замѣтилъ читатель, что исходной точкой изученія географіи, по Корнелю, должны служить страны, ближе всего находящіяся къ ученику (для американцевъ дѣло начинается съ Новаго Свѣта). Но главное дѣло все-таки не въ этой системѣ, а потому прослѣдите далѣе англійскій учебникъ. Перебирая его уроки, мы встречаемъ, до 13-го изъ нихъ, вопросы съ готовыми уже отвѣтами (преимущественно по физической географіи); но, по замѣчанію автора, ни эти вопросы, ни отвѣты не обязательны для преподавателя и ученика, а предложены для показанія содержанія урока (урокъ долженъ быть всегда предварительно рассказанъ учителемъ, по этому методу). Затѣмъ съ 13-го урока идутъ карты, которыя должны давать отвѣты на разнообразныя вопросы, по нимъ составленные и идущіе въ нѣсколькихъ урокахъ въ известной системѣ (напр. въ порядкѣ мѣстностей, странъ свѣта и т. под.), а потомъ изложенные въ разбивку (*promiscuously*). За нѣсколькими уроками съ такими вопросами идетъ для каждой карты упомянутая нами таблица для памяти (*memory's aid*) и послѣ нея, для многихъ изъ этихъ картъ, еще особенные уроки, подъ названіемъ *описательная географія* (*descriptive geography*), представляющіе перечисленіе политическихъ отдѣловъ страны, изображенной на картѣ, съ лаконическимъ описаніемъ ихъ границъ, климата, произведеній, занятій,

правовъ и пр. жителей и съ названіемъ и такимъ же описаніемъ главнаго города. Конечно, надо думать, что и эти описанія, крайне сухія, должны только служить указаніямъ преподавателю при изустномъ преподаваніи и тоже разрабатываться въ видѣ вопросовъ, хотя Корнелъ объ этомъ и не говоритъ. Вотъ для образчика одно изъ такихъ «описаній»: Патагонія есть самая южная страна въ Южной Америкѣ. Она холодна и невоздѣланна, обитаема индійцами и мало извѣстна. Въ Патагоніи нѣтъ главнаго города.» И только. Карты же въ этомъ руководствѣ главнымъ образомъ слѣдующія: два полушарія, съ главнѣйшими обозначеніями (какъ и всѣ карты), Сѣверная Америка, Южная, Европа, Азія, Африка, Соединенные Штаты вообще, восточные штаты, средніе, южные, западные, Океанія. Онѣ заключаются въ самомъ текстѣ и раскрашены (за исключеніемъ Азіи) (!). Сдѣланы онѣ довольно отчетливо, хотя нѣсколько грубо. Кромѣ картъ есть въ текстѣ же множество маленькихъ рисунковъ не раскрашенныхъ, изображающихъ виды городовъ, сцены изъ жизни разныхъ народовъ, животныхъ и растенія, а также памятники, замѣчательныя зданія и пр. Все это должно служить, по предположенію Корнеля, для изученія и также «вышшенія и утонченія вкуса ученика»; есть и планы нѣкоторыхъ городовъ. Мы здѣсь не приводимъ ни вопросовъ Корнеля, такъ какъ они не обязательны для преподавателей, ни его «описаній», такъ какъ они тоже быть-можетъ ни для кого не обязательны, но замѣтимъ, что послѣднія, если они назначены служить образчиками, вообще неудовлетворительны, какъ читатель могъ уже замѣтить изъ вышеприведеннаго примѣра. Обо всѣхъ прочихъ сторонахъ этого руководства намъ еще придется поговорить, разбирая его русскую передѣлку. Теперь замѣтимъ только, что у Корнеля эта primary geography составляетъ первую часть всего курса, а дальнѣйшія имѣютъ слѣдующій характеръ: 2-я часть (intermediate geogr.) продолжаетъ, по методу 1-й же части, описаніе земли и знакомитъ съ терминами физической, политической и математической географіи; третья часть (Grammar—School' geogr.) опять рассматриваетъ всю землю, но уже даетъ очень много подробностей: она имѣетъ въ виду желающихъ изучить географію основательно и спеціально (для общаго изученія достаточно первыхъ двухъ частей); наконецъ четвертая часть (High—School geogr. and Atlas) заканчиваетъ спеціальное изученіе этого предмета. Читатель видитъ, что въ преподаваніи географіи Корнелъ держится того метода, который считаетъ самымъ разумнымъ, давая ученику разомъ цѣлый предметъ и возвращаясь къ нему нѣсколько разъ въ изученіи, каждый разъ разрабатывая его содержаніе и шире и глубже. Стало-быть этотъ методъ совершенно противоположенъ тому, который у насъ до сихъ поръ въ общемъ упо-

требленіи у преподавателей и который, по отношенію къ географіи, такъ мѣтко изображенъ въ разбираемомъ учебникѣ: «курсы географіи въ различныхъ классахъ одного и того же заведенія различаются только номерами страницъ одной и той же книги; чѣмъ старше возрастъ учащихся и ихъ классъ, тѣмъ номера страницъ изучаемой ими книги только больше.» Читателю извѣстно, что такимъ-же образомъ у насъ проходятся и всѣ предметы въ училищахъ. Года два тому назадъ было постоянно говорено противъ нецѣлности такого метода въ издававшемся тогда «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ» и мы очень рады повторить еще разъ при настоящемъ случаѣ о необходимости радикально измѣнить его на другой, именно вышесказанный, который можно бы назвать методомъ *органическимъ*, потому-что онъ даетъ учащемуся всю науку всегда, какъ цѣлый организмъ, развивая его отдѣльныя части (т. е. преподавая ихъ все полнѣе и полнѣе) по мѣрѣ развитія самаго ученика. На этихъ именно основаніяхъ предлагалось нѣкогда вести напр. преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ (см. «программу» преподаванія этого предмета Ок. М-скаго, въ Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ). Замѣтимъ притомъ, что такой методъ есть не только самый педагогически-правильный, но и самый легкій и удобный, потому-что онъ *естествененъ*. За изученіе, разсмотрѣніе и пр. какой бы вещи вы ни взялись, вы всегда чувствуете прежде всего стремленіе узнать ее въ цѣломъ и въ сущности, а потомъ уже васъ влечетъ къ подробностямъ; да и тутъ есть извѣстная постепенность въ этомъ влеченіи—вы переходите отъ болѣе общихъ подробностей къ болѣе частнымъ. Стало-быть мы совершенно справедливо можемъ назвать нашъ методъ и корнелевскій—*естественнымъ*, основаннымъ на натурѣ человѣка. Вотъ почему уже за одну попытку ввести такой методъ въ нашу педагогику составитель и издатель разбираемаго учебника заслуживаетъ глубочайшей благодарности.

Намъ остается перейти къ нашей 3-й задачѣ, къ отношенію «Начальнаго курса» и пр. къ методу и книгѣ Корнеля и къ современнымъ педагогическимъ требованіямъ. Разумѣется, въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы будемъ говорить только о частностяхъ; объ общей идеѣ сказано уже выше.

Мы рассматриваемъ второе изданіе учебника. Оно противъ подлинника представляетъ очень значительныя измѣненія, такъ что его почти нельзя назвать переводомъ: это работа чисто-самостоятельная; хотя вопросы большею частью взяты изъ подлинника, но они вездѣ приваровлены къ тексту и мѣстами сдѣланы удобнѣе въ педагогическомъ отношеніи (въ подлинникѣ они порою бываютъ утомительны, вообще неудачны; въ русскомъ учебникѣ вообще они лучше). Система изложенія тоже въ

этомъ послѣднемъ нѣсколько другая: послѣ общей части (основаніи математической и физической географіи) идетъ описаніе материковъ и ихъ главныхъ частей, затѣмъ изученіе картъ Европы, Азіи, Африки, Америки Сѣверной и Южной, Океаніи и Австраліи и наконецъ Россіи. Каждая изъ этихъ частей земли изучается сперва по картѣ въ видѣ разсказа учителя и повторенія его учениками съ помощью вопросовъ, затѣмъ приложена таблица для памяти, какъ и у Корнеля, и наконецъ слѣдуетъ часть описательная. Эта послѣдняя вообще составлена гораздо лучше корнелевскихъ descriptive geogr.; она въ каждомъ своемъ отдѣлѣ не ограничивается только перечисленіемъ государствъ и законическими о нихъ замѣтками въ родѣ вышеприведенной цитаты изъ подлинника, но разсматриваетъ всю часть свѣта какъ одно цѣлое въ отношеніи климата, флоры и фауны, гораздо подробнѣе говоритъ о жителяхъ и ихъ занятіяхъ, вообще изложена несравненно полнѣе, живѣе и занимательнѣе. Мы приведемъ цитату для сравненія—мы не выбираемъ.

Въ подлинникѣ.

Въ русскомъ учебникѣ.

Белуджистанъ находится въ южной части Азіи. Въ немъ много песчаныхъ степей. Столица его—Келать.

Белуджистанъ — приморская песчаная страна, заселенная воинственнымъ народомъ, живущимъ разбойничьими набѣгами, которые они (народъ?) на своихъ верблюдахъ дѣлаютъ на сосѣднія страны. Келать главный городъ.

Нечего и говорить, что главные страны, а въ особенности касающіяся близко русскаго юношества (напр. Сибирь), описаны въ русскомъ учебникѣ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ въ подлинникѣ. Въ общихъ описательныхъ частяхъ еще то заслуживаетъ въ русскомъ учебникѣ особеннаго вниманія, что составитель постоянно старается показать взаимоотношеніе между различными формами описываемаго предмета (климатомъ, почвой, произведеніями, дѣятельностью человѣка), между тѣмъ какъ этого, судя по вопросамъ, рѣшительно не имѣетъ въ виду Корнель. Онъ главнымъ образомъ заботится, чтобы ученикъ удержалъ существенные географическіе факты *въ отдѣльности*, дѣлая очень мало для пробужденія въ немъ идеи о ихъ взаимной связи. Но мы еще вернемся къ этому вопросу, краеугольному камню и самаго дѣла, и нашего разбора, какъ читатель увидитъ ниже. Теперь скажемъ еще кое-что о русскомъ учебникѣ по отношенію къ англійскому. Карты перваго не находятся въ текстѣ, а приложены въ концѣ книги и могутъ быть отъ нея совершенно отдѣлены; это гораздо удобнѣе въ примѣ-

неніи корнелевскаго метода къ дѣлу. Этихъ картъ 10 (два полушарія, Европа, Азія, Африка, Сѣверная Америка, южная, Австралія, вся Россія, Европ. Россія по полосамъ и Европ. Россія по губерніямъ). Онѣ сдѣланы отчетливѣе корнелевскихъ; надписи крупнѣе и четче, а краски несравненно ярче и контрасты между ними рѣзче. Кромѣ картъ есть и политипажи въ текстѣ. Мы ихъ сравнивали съ политипажами подлинника; оказалось, что и въ этомъ отношеніи русскій учебникъ оставилъ за собою свой англійскій образецъ. У нихъ есть общихъ политипажей 10, но русскіе сдѣланы гораздо яснѣе и старательнѣе. Кромѣ того, въ англійскомъ подлинникѣ все больше представлены виды городовъ, изъ которыхъ почти ничего не видно: такъ они мелки и неопредѣленны. Въ русскомъ же учебникѣ этихъ видовъ не много, но за то много рисунковъ различныхъ растений и животныхъ, свойственныхъ разнымъ странамъ, что хотя есть и въ подлинникѣ, но въ маломъ количествѣ и сдѣлано плохо. Просимъ напримѣръ обратить вниманіе читателя на слѣдующіе рисунки разбираемаго учебника: морскіе поросты Атлантическаго океана (стр. 34), морскія животныя этого же океана (стр. 35), произведенія умѣренно теплой полосы Европы (стр. 41), обыкновеннѣйшія формы коралловъ (стр. 50), животныя и растенія Азіи (стр. 54), Африки и пр. Большой части этихъ рисунковъ въ подлинникѣ вовсе нѣтъ. А вотъ образчикъ изложенія описательной части, случайно намъ попавшійся (стр. 55): «Лѣтняя природа здѣсь (въ Сибири) еще тоскливѣе, чѣмъ въ полярныхъ странахъ Европы. Почва покрыта сѣроватыми лишаями и мхомъ, и только изрѣдка, въ мѣстностяхъ, закрытыхъ холмами, она порастаетъ кустарниками ползучей ивы, березы. Солнце никогда не отогрѣваетъ почвы, такъ что на нѣкоторой глубинѣ здѣсь вѣчно мерзлая земля, вѣчный ледъ, въ которомъ въ теченіи тысячелѣтій невредимо сохраняются, принесенные (лѣтъ, или чѣмъ?) сюда нѣкогда изъ странъ болѣе южныхъ, не только стволы деревьевъ, но и цѣлые остовы животныхъ съ мясомъ, кожей и даже волосами. Только въ іюнѣ и іюлѣ тепло дѣлается нѣсколько постояннымъ, такъ что ртуть поднимаетъ (поднимается?) иногда въ термометрѣ до $+ 18^{\circ}$; въ эти два-три лѣтніе мѣсяца созрѣваютъ ягоды; птицы, преимущественно гуси и утки, прилетаютъ сюда съ юга вить гнѣзда, олень перека(о)чеваетъ (перекочевываетъ?) на сѣверъ и въ это-то короткое время неприхотливый туземецъ запасается ягодами, мясомъ и рыбою для пропитанія себя въ теченіи почти 10 мѣсячной зимы.»

Еще есть одно нововведеніе противъ подлинника; каждому уроку предпослано въ краткихъ чертахъ его содержаніе (это составитель ввелъ во 2-е изданіе своего курса, по требованію разныхъ педагогич-

ческихъ начальствъ, точно также, какъ и помѣщеніе картъ въ концѣ книги и измѣненіе описательной географіи). Содержанія эти изложены дѣльно; мы боимся только, какъ-бы ученики не стали заучивать ихъ наизусть, равно какъ и описанія. Потому можетъ-быть было бы цѣлесообразнѣе, еслибы вовсе не было этихъ частей въ курсѣ, а были одни только вопросы, разработанные по нимъ. Но начальства!! Да-съ!

Прекрасно начинается свое изложеніе русскій учебникъ; онъ беретъ городъ Нижній, представляетъ его видъ и планъ и отсюда переходитъ постепенно къ объясненію понятія карты, чего въ подлинникѣ почти нѣтъ. Но какъ им хороши объясненія русскаго учебника вообще, мы предупреждаемъ читателя, что смотрѣли на нихъ въ нашей рецензій *только* какъ на конспектъ для учителя; иначе мы бы къ нимъ можетъ-быть отнеслись гораздо строже. Но намъ кажется, что и составитель смотрѣлъ на нихъ съ такой же точки зрѣнія.

Теперь, въ надеждѣ на быструю распродажу и этого 2-го изданія, такъ, что понадобится скоро быть можетъ и 3-е, а также въ ожиданіи обѣщанной составителемъ второй и третьей части его курса, позволимъ себѣ, въ видѣ заключенія, сдѣлать нѣсколько замѣтокъ и о слабыхъ сторонахъ разбираемой книги. Ихъ немного; но есть одна, по нашему мнѣнію, капитальная. Она заключается именно въ самой системѣ изложенія географическихъ фактовъ; составитель хотя и оставилъ далеко за собою въ этомъ отношеніи Корнеля, но и самъ только положилъ начало въ своемъ сочиненіи преподаванію географіи на основаніи естественной связи ея фактовъ. Здѣсь быть-можетъ необходимо объяснить. Вещь общезвѣстная, что всѣ географическія данныя земли находятся между собой въ связи естественной и геонсторической, какъ члены одного живаго организма. Конечно, при этомъ тѣ изъ нихъ, которыя возникли прежде, имѣли вліяніе на послѣдующія и стало-быть должны быть изложены раньше; то-есть слѣдуя указанію геонсторіи, прежде всего нужно бы изложить отношеніе земли къ солнцу и луиѣ, устройство земной поверхности, затѣмъ воды, климатъ, флору, фауну, физическое состояніе человѣка, его занятія, нравы, языкъ и пр. и наконецъ политическое устройство страны—не правда-ли, что въ такомъ порядкѣ проявлялась земная жизнь? И при этомъ необходимо бы постоянно указывать на отношеніе каждаго изъ этихъ ея фазисовъ ко всѣмъ предыдущимъ. Начните напримѣръ изложеніе хоть съ Европы и при каждомъ новомъ фактѣ выводите общее правило, относящееся къ этой зависимости. Если такимъ же образомъ, положимъ, найдете и изложеніе Африки, то ученикъ получитъ уже болѣе, или менѣе общіе законы вліянія этихъ условій на характеръ проявленія земной жизни почти во всѣхъ широтахъ земнаго шара, такъ что съ

этими свѣдѣніями онъ, быть можетъ, уже при описаніи Азіи, а потомъ Америки и Австраліи, будетъ въ состояніи отгадать и самъ многое изъ ихъ жизненныхъ элементовъ, при одномъ внимательномъ взглядѣ на карту. *При этомъ только условіи* преподаванія, мы твердо убѣждены, географія можетъ войти въ сферу общеобразовательныхъ наукъ, какъ элементъ, дѣйствительно способный умственно развить ученика,—что вѣдь главное въ этомъ дѣлѣ, не правда-ли? Къ сожалѣнію, Корнель почти совершенно упустилъ это *главное* изъ виду; чтоже касается до русскаго учебника, то хотя въ немъ уже много предложено данныхъ для *такого* преподаванія географіи, но и тутъ этому методу еще не отдано *исключительное* преимущество, и тутъ онъ не проведенъ твердою рукою сквозь всѣ изгибы системы, не проявленъ въ мельчайшихъ фактахъ.

Конечно, нельзя всего требовать вдругъ; уже и въ настоящемъ своемъ видѣ русскій учебникъ въ педагогическомъ отношеніи далеко ушелъ впередъ въ сравненіи со всѣми, что у насъ до сихъ поръ носило названіе учебника географіи; но *именно потому-то* мы и должны настойчиво указывать ему на то, что считаемъ главной задачей современнаго географическаго учебника. Еслибы на первое время составитель его хоть позаботился къ вопросамъ каждаго урока, которые уже есть въ его курсѣ, прибавить такіе, которые пробуждали бы въ ученикѣ сознаніе указанной нами связи всѣхъ географическихъ фактовъ и мѣстами составилъ родъ географическихъ задачъ, для разрѣшенія ихъ самими учениками на основаніи уже выведенныхъ географическихъ законовъ. Это бы было, по нашему разумѣнію, огромнымъ шагомъ впередъ въ преподаваніи географіи, такимъ, какого это дѣло не сдѣлало еще не только у насъ, но, сколько намъ извѣстно, и нигдѣ за границей.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣтокъ о внѣшней сторонѣ разбираемаго учебника. Замѣтки наши будутъ касаться преимущественно рисунковъ; они должны бы быть таковы, чтобъ ученикъ *изъ нихъ самъ* могъ выводить заключенія, то-есть дѣлать географическія описанія. Для этого они должны бы быть: 1) крупнѣе (по крайней мѣрѣ въ страницу), 2) раскрашены (непрѣменно), 3) заключать въ себѣ вещи *только* характеристическія (напримѣръ поменьше видовъ городовъ, да разныхъ каменныхъ памятниковъ, а побольше растений, животныхъ, человѣческихъ типовъ, костюмовъ, утвари и пр.), 4) вездѣ долженъ быть масштабъ. Еще замѣтка: языкъ учебника долженъ быть внимательно выправленъ; онъ тяжеловатъ, не всегда ясенъ и правленъ и иснепрятъ множествомъ опечатокъ. Должны быть также ссылки на

сочиненія, гдѣ учителя могутъ почерпнуть свои рассказы. Затѣмъ отъ души желаемъ успѣха изданію, *quid potui... dixi!*

ПСИХОЛОГІЯ Н. ГЛѢБОВА. Рязань, 1863.

Эта книга составляетъ учебникъ, написанный для воспитанниковъ рязанской семинаріи. Въ свѣтской литературѣ нашей вообще не принято говорить о книгахъ, которыя исключительно остаются въ оборотѣ между духовными воспитанниками. Одни проходятъ молчаніемъ семинарскія творенія по ихъ непроходимой пошлости; другіе не хотятъ тратить словъ понапрасну, не надѣясь на снисходительный и спокойный взглядъ духовной цензуры. Всѣ же вообще готовы махнуть рукою и сказать про-себя: «оставимъ мертвецамъ хоронить мертвыхъ; они видяще не видятъ и слышаще не слышатъ и не уразумѣютъ.» Но говоря серьезно, едва ли наша свѣтская литература права въ подобномъ равнодушіи. Намъ заставляютъ говорить тысячи одновременно обучающихся воспитанниковъ разныхъ духовныхъ заведеній; къ намъ обращаются лучшіе молодые наставники семинарій, обреченные судьбою на безвыходное положеніе и рутинное преподаваніе. О духовномъ воспитаніи говорить надобно какъ можно чаще: вѣдь капля по каплѣ и камень долбитъ. Лица, заправляющія этимъ воспитаніемъ на словахъ только бранятъ свѣтскую литературу, величая ее съ кафедры «обширнѣйшей пустотой», какъ говаривалъ нашъ величественный наставникъ, а въ тиши кабинета почитываютъ книжки свѣтскихъ журналовъ и въ откровенной бесѣдѣ часто удивляются силѣ и живости мысли и слова.

Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая нашу духовную журналистику съ свѣтской, такъ и видишь, какъ первая бредетъ за послѣдней, какъ движеніе науки и публицистики невольно затрогиваетъ апатичную жизнь духовныхъ учебныхъ заведеній. Лучшіе наставники семинарій рады принять всякій дѣльный и добрый совѣтъ отъ литераторовъ и они, за недостаткомъ и внутренней бѣдностью своей литературы, только и пробавляются свѣтскими сочиненіями и тѣмъ спасаются отъ душевнаго запустѣнія и одряхлѣнія мысли. Имъ надоѣло хорониться за обычную, крѣпкую ограду на полѣ науки: ихъ тянетъ жажда неодолимая доборотся равнымъ оружіемъ съ своими истинными врагами; у нихъ и есть силы для этого, да только руки связаны бѣдностью, семействомъ, или другими тяжелыми обязанностями. Они говорятъ. «Зачѣмъ же проклинать мысль и трудъ человѣка, который желаетъ пользы и добра; зачѣмъ прибѣгать подъ защиту постороннюю; вѣдь это—трусость, без-

силіе, нищенство. Дайте намъ просторъ и волю, не забивайте насъ, ради Бога; мы хотимъ жить не чужимъ умомъ и не средствами посторонними, хотимъ добра своимъ питомцамъ, сообщая имъ свѣжія знанія. Мы забыты съ дѣтства, мы трусы по необходимости; не бейте же насъ въ пору силы, во время прилива энергіи и стремленія къ труду. Такъ или иначе, давно вопіють сотни крѣпкихъ головъ учительскихъ и все понапрасну, и съ досады, и отъ горя, и отъ оскорбленнаго самолюбія, и отъ бѣдности, и отъ подавляющаго презрѣннаго положенія берутся они за чару зелена вина и сокрушаютъ свою мощь и энергію въ кабацкихъ пирушкахъ. Рѣдкіе изъ даровитыхъ людей остаются трезвыми наставниками при семинаріяхъ: Они бы и рады трудиться для своихъ воспитанниковъ, да имъ не даютъ ходу; рады бы сообщать познанія, выработанныя послѣдними изслѣдованіями науки, да имъ толкуютъ самолюбіиво, что *умъ кичитъ*, смѣшивая безтолково религію и науку, преслѣдуя съ ненавистью всякій самостоятельный трудъ, всякую живую мысль. Неужели въ самомъ дѣлѣ при семинаріяхъ только остается одна бездарность, неужели всѣ учителя вконецъ извращены схоластикой? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ жизнь совершенно отрицательно: люди, бѣжавшіе изъ семинарій и академій, впоследствии дѣлались хорошими хористами, литераторами и проч. и проч. Отчего же сама духовная литература такъ бѣдна, не говоримъ о другихъ отрасляхъ, даже учебникахъ? Печатныя учебныя книги, введенныя въ семинаріяхъ, почти всѣ составлены людьми свѣтскими; кромѣ того, эти учебники все старозавѣтные: Устряловъ, Смарагдовъ, Кайдановъ и др. — Отчего же не вводятся новыя, составленныя для свѣтскихъ заведеній? Отчего не составляютъ ихъ сами учителя семинарій и не пускаютъ ихъ во всеобщее употребленіе? Это явленіе ничѣмъ иначе нельзя объяснить, какъ тѣмъ правиломъ, котораго держится въ семинаріяхъ: «иди по старому, какъ бабушка поставила.»

Оставимъ науки, общія съ свѣтскими заведеніями семинарій, возьмемъ во вниманіе тѣ, которыя преподаются только духовнымъ воспитанникамъ. Давно, напримѣръ, читается философія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; а много ли есть философскихъ сочиненій въ духовной литературѣ, много ли составлено руководствъ для юношей по этой части? Разъ, два—и обчелся. Тутъ опять кроется подтвержденіе грустной мысли, что философствующаго духа нѣтъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а обитаетъ тамъ мышленіе ещерабствующее предъ древнимъ, устарѣлымъ авторитетомъ. Преподается тамъ пресловутая логика, переланная изъ Бахмана, читаются лекціи психологіи по запискамъ составленнымъ въ 1815—20 годахъ. Бѣдные воспитанники лишутъ и переписываютъ съ одной тетрадки на другую, а сознаніе не развивается,

голова набивается мусоромъ и труды потеряны. Психологія наука о духовной сторонѣ человѣка болѣе всего необходимѣ пастырю церкви изъ свѣтскихъ наукъ, по крайней мѣрѣ по сознанию самого духовенства, и та въ семинаріяхъ заржавѣла. Есть у насъ переводъ Антропологіи Шульца, Психологія Новяцкаго, составленная по Фишеру; обладаемъ мы психологіей Кедрова, который довольно удачно воспользовался различными источниками иностранными; выпустилъ въ свѣтъ психологію Кикодзе, придерживаясь въщевъ Кленке и Краузе. Вотъ и все почти по этой части: однимъ словомъ скудость не постижимая! Эту бѣдность задумалъ нѣсколько скрыть учитель рязанской семинаріи Н. Ѳ. Глѣбовъ, выпустивъ на свой счетъ учебникъ психологіи. Человѣкъ онъ видно не корыстолюбивый: рязанская его психологія едва ли окупить труды и издержки. Другое дѣло, еслибы она была напечатана въ Москвѣ или Петербургѣ, въ такомъ случаѣ все-таки было бы больше довѣрія, а слѣдовательно и спроса. Между тѣмъ эта психологія лучше всѣхъ, какія у насъ есть на русскомъ языкѣ и для воспитанниковъ семинарій должна быть большой находкой. Если предположить въ ней листовъ 50 писавыхъ и за переписку платить по ничтожной цѣнѣ 5 к. сер., и тогда она стоитъ 2 р. 50 к., что для бѣднаго семинариста очень дорого; а эта печатная психологія стоитъ 1 рубль. Авторъ, конечно, пустилъ бы и дешевле, еслибы надѣялся на требованіе по другимъ семинаріямъ. Спасибо г. Глѣбову за то, что онъ соблюлъ у каждаго изъ своихъ воспитанниковъ 50 вечеровъ, которые бы они истратили на переписку лекцій по психологіи. Чѣмъ тратить время на механическія занятія, воспитанники лучше съ пользою прочитаютъ 10 хорошихъ книгъ въ 50 вечеровъ.

Книгу г. Глѣбова не мѣшало бы ввести учебникомъ и по другимъ семинаріямъ, вмѣсто прежнихъ допотопныхъ руководствъ: во всякомъ случаѣ ученики охотнѣе взяли бы за печатный учебникъ, чѣмъ за рукописный. Намъ извѣстно, что многіе философы изъ семинаристовъ считаютъ переписку лекцій первымъ дѣломъ, а чтеніе ихъ отталкиваютъ на второй планъ. Независимо сохраненія времени, психологія г. Глѣбова имѣетъ свои достоинства и ее нельзя ставить въ параллель съ прежде изданными учебниками семинарскими, хотя и она не чужда многихъ недостатковъ и сбивается по мѣстамъ на старинное схоластическое направленіе, но только по мѣстамъ.

Вообще же видно, что авторъ перечиталъ много хорошихъ нѣмецкихъ книгъ психологическихъ, по мѣстамъ пользовался ими, а статью о характерѣ переделалъ по Вейцу. Съ своей точки зрѣнія, мы бы посоветовали ему сдѣлать большую услугу русской образованной публикѣ — перевести буквально эту книгу: *Lehrbuch der Psychologie als naturwis-*

senschaft von Theodor Waits», изданную въ Брауншвейгѣ. Сочиненіе Вейца имѣетъ неоспоримое достоинство и въ томъ одномъ отношеніи, что не разбито на пошлыя рубрики, а слѣдитъ за психологическимъ развитіемъ человѣка постепенно, начиная отъ колыбели и кончая могиллой.

Не мѣшало бы для нашей бѣдной философской литературы перевести другую книгу того же автора — психологію народовъ. Но г. Глѣбовъ почему-то счелъ лучшимъ держаться преимущественно психологіи сорбонскаго профессора нравственнаго богословія М. Л. Ботеля, изданной въ 1859 г. въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «L'Esprit Humain et ses facultés ou psychologie expérimentale.» Напрасно авторъ держался за сочиненіе этого католическаго моралиста; у него нѣтъ науки, а разлитъ духъ мистицизма; а смѣшивать то и другое вовсе не годится, особенно для русскихъ воспитанниковъ семинарій, у которыхъ есть наукъ пять, специально посвященныхъ изслѣдованію нравственной стороны человѣка. Поэтому они не нуждаются въ нравственныхъ сентенціяхъ, а просятъ науки въ собственномъ смыслѣ, основанной на законахъ жизни и разума, — науки, не уносящей фантазію въ туманную непроглядную даль, а отрезвляющей мысль, убивающей суевѣрный образъ воззрѣнія. Г. Глѣбовъ часто въ своей психологіи старается разсѣвать нравственныя замѣтки, давно извѣстныя воспитанникамъ изъ катихизиса; кажется, лучше бы ихъ оставить для катихизиса и нравственнаго богословія: тамъ онѣ уместнѣе. Для воспитанника непріятно повторять и заучивать одно и тоже по 20 разъ; отъ такой операціи обученія тупѣетъ умъ и на мысль налегаетъ апатія. Что за радость выслушать ученикамъ «о томъ же, только покороче». Въ заключеніе трактата о внѣшнихъ чувствахъ поучительно добавляется: «При посредствѣ зрѣнія, человѣкъ восходитъ отъ видимыхъ совершенствъ къ ихъ невидимому виновнику, къ духовному созерцанію его свойствъ, отражающихся въ видимыхъ совершенствахъ.» (стр. 30). Самое основаніе для психологическихъ отправленій человѣка авторъ находитъ въ благодатномъ озареніи свыше и очень внушаетъ своимъ питомцамъ: «если слово возникаетъ изъ просвѣтленнаго благодатию духа, если въ немъ свѣтится, божественная искра (?), съ вѣрой произносится святое имя божіе, — то самъ Богъ непосредственно дѣйствуетъ на душу думати и своимъ свѣтомъ развиваетъ въ умѣ *зародыши всеобщей идеи* о верховномъ существѣ: небесный свѣтъ согрѣваетъ сердце и проч. (стр. 56). При помощи божественной благодати и на склонѣ жизни умъ святыхъ становится *чистымъ и прозрачнымъ*» (стр. 57). Все это истинныя давнымъ-давно извѣстныя, только психологію-то облагодатствованныхъ людей написать мудроно нашему брату: для этого существуютъ

четыре-минуты, прологи, лавсанки и творения отцов церкви. Это дело вовсе не науки, как мы ее понимаем: наука обязана представить нам законы психической жизни человека вообще, а не исключительные образцы; иначе можно написать психологию православных христиан, магометан, монахов, ученых и т. дал.

Вѣдь благодать дѣйствуетъ въ душѣ человека непостижимо: какъ же можно написать законы ея дѣйствій? Тогда не будетъ уже психологія рациональная, (а въ ней-то и нуждаются воспитанники); а психологія, изложенная по твореніямъ отеческимъ, давно написана у насъ вятскимъ протоіереемъ Кашменскимъ, и составлена очень неудачно. Мало этого: воспитанники не поймутъ психическихъ отправления, если не преподавать имъ физиологію человека: одна отвлеченная психологія совершенно бесполезна для юношей. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Глѣбовымъ и жаловаться на *всеобщее психологическое малознаніе* въ Россіи, «гдѣ хотя въ долбить дѣтямъ самыя мелкія познанія о камняхъ, растеніяхъ, птицахъ, рыбахъ и звѣряхъ, но не думаютъ слова сказать имъ изъ науки о собственной нашей душѣ, о строѣ духовной жизни самихъ дѣтей, — о той силѣ, посредствомъ которой они изучаютъ науки.» Мы готовы скорѣе пожаловаться на недостатокъ реальныхъ наукъ и на бесполезную, безжизненную полноту отвлеченныхъ знаній, особенно въ семинаріяхъ, тамъ цѣлыхъ, лѣтъ воспитанники мечтаютъ о неуловимыхъ и непостижимыхъ матеріяхъ и двухъ словъ не могутъ сказать о вещахъ простыхъ, обыденныхъ, которыя видятъ по сту разъ на день. Вѣдь и психологію г. Глѣбова мы отдаемъ преимущество особенно потому, что онъ слѣдитъ за силами души человѣческой больше въ связи съ тѣлесными отправлениями человека. Въ этомъ случаѣ у него встрѣчаются забавныя противорѣчія. Въ одномъ мѣстѣ онъ выдвигаетъ душу на первый планъ, отдаетъ ей полную силу обладанія надъ тѣломъ — этой *скорлупой земной жизни*, считаетъ ее вполне свободной, самостоятельной, «самостоятельнымъ членомъ цѣлаго міра и вѣчнаго царства духовъ»; въ другомъ мѣстѣ у него оказывается, что душа вполне зависима отъ тѣла и не можетъ безъ него ступить шагу. «Душа дѣйствуетъ, говоритъ г. Глѣбовъ, иначе, когда мы утомлены и когда бодрь, иначе во время сна и бодрствованія, при болѣзни тѣла и здоровьѣ, въ молодости и старости, опьяненіи и трезвости.» (8 стр.). Онъ самъ видимо чувствуетъ шаткость своихъ положеній и хотя постоянно сражается съ матеріалистами, но довольно неудачно, болѣе фразисто и софистически, чѣмъ убѣдительно, и въ этой не совсѣмъ счастливой полемикѣ утѣшается тѣмъ только *доказательствомъ*, что «тонкость души въ настоящей жизни затмѣвается грубостію и дебелостію нашего тѣлеснаго организма.» Далѣе, впрочемъ, опять слѣдуетъ подтвержденіе полной зависимости души

отъ тѣла: «съ переменною возраста связана переменна образа мыслей и стремлений; воспитаніе измѣняетъ нашъ взглядъ, наука—сообщаетъ новое направление.» (стр. 13). Такимъ образомъ не узнаешь, по психологін г. Глѣбова, кто болѣе самостоятеленъ—душа или тѣло человѣка. Тѣже противорѣчія и неопредѣленность направленія встрѣчаются у автора и въ частностяхъ. Онъ трактуетъ, что «на опытѣ мы постоянно по своему произволу измѣняемъ рядъ мыслимыхъ предметовъ и направленіе нашихъ желаній и стремлений;» а потомъ говоритъ, что сцѣпленіе представлений идетъ почти по механическимъ законамъ, невольно, безъ особеннаго участія произвола и разума: «Во время глубокой задумчивости душа пробѣгаетъ длинные ряды понятій, слѣдующихъ одно за другимъ по законамъ логическаго сцѣпленія, и когда наконецъ останавливается, то часто не можетъ дать себѣ отчета, по какимъ посредствующимъ звѣньямъ доиде она до понятія, на которомъ застаеъ себя.» (43). Нѣтъ нужды говорить, что чувствованія и желанія тоже вполне зависятъ отъ настроенія организма и отъ привычки въ жизни. Самъ г. Глѣбовъ блистательно доказываетъ это въ статьѣ: «о связи души съ тѣломъ.» Тутъ и характеръ человѣка, и свобода, и желанія подчиняются чисто матеріальной жизни и обстановкѣ его. Вотъ на выдержку замѣтки: «Испорченность желудка, дурное пищевареніе портитъ характеръ человѣка, дѣлаетъ его раздражительнымъ.» (стр. 121.) Далѣе оказывается, что сложеніе характера зависитъ отъ темперамента и вса душевная жизнь слагается такъ или иначе отъ условій климатическихъ, наслѣдственныхъ качествъ, образа жизни вѣшней, пищи, почвы и общаго склада природы. Однимъ словомъ, не смотря на нѣкоторыя противорѣчія и промахи въ книгѣ г. Глѣбова, нужно отдать ему справедливость, что въ словахъ его не просвѣчивается того фанатическаго настроенія, какимъ иногда отличаются люди изъ одного съ нимъ лагера.

Психологія его читается легко; языкъ ея свободенъ и хорошъ; только по мѣстамъ дерутъ уши фразы, напоминающія доморощеннаго стараго философа г. Карпова, напримѣръ: «умъ есть сіяніе нашего духа, проникнутаго божественнымъ свѣтомъ... Лучъ провинцательнаго пониманія падаетъ перпендикулярно на предметъ, не преломляется, не отражается, доходитъ до самаго центра... Геній - свѣточъ знанія, маякъ между небомъ и землей»...

Составъ психологін и порядокъ одинаковъ съ прежними психологіями, только г. Глѣбовъ пополнилъ свой учебникъ многими новыми статьями и разсужденіями. Первую часть онъ посвятилъ изслѣдованію «о существѣ души», т. е. духовности ея, субстанціальности, сознанія, совѣсти и свободѣ духа, ввелъ въ другихъ частяхъ статьи объ убѣжденіяхъ, энтузіазмѣ, характерѣ, о связи души съ тѣломъ и т. под.

Для семинарій эта психологія будетъ небезполезна: по Сенькъ и шапка. Мы судили о ней по отношенію къ семинаріямъ, а не безотносительно, да иначе и нельзя: она писана для извѣстной цѣли и достигаетъ въ извѣстной мѣрѣ своего назначенія. Самъ авторъ не придаетъ ей большаго значенія и не предполагаетъ для нея широкаго плаванія; въ предисловіи онъ говоритъ: «если изъ предлагаемой книги интересующійся почерпнетъ хотя немного новыхъ и свѣжихъ для него мыслей, — и тогда она не даромъ вышла въ свѣтъ, не напрасно была напечатана.» И мы смѣемъ увѣрить г. Глѣбова, что книга его, принимая въ соображеніе назначеніе ея, ненапрасно напечатана.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ МИРОЗДАНІЯ, съ нѣмецкаго перевода Карла Фохта перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А. Пальховскій. Изд. А. Черниина и А. Ушакова.

Хотя специалистъ по естествознанію быть можетъ и не удовлетворится этой книгой, но относительно большинства читателей мы смѣло ее ставимъ въ первомъ ряду между сочиненіями по естественнымъ наукамъ, появившимся у насъ въ послѣднее время. Всякій читатель, сколько нибудь посвятившій себя въ тайны этихъ наукъ, могъ замѣтить, что книга, которая имѣетъ стремленіе связать все разнообразіе знаній, входящихъ въ составъ науки о природѣ, уже тѣмъ самымъ заслуживаетъ полнѣйшаго и сочувственнаго вниманія публики; а разбираемое сочиненіе именно и принадлежитъ къ этой категоріи. Мы имѣемъ основаніе думать, что важность этой задачи, положенной неизвѣстнымъ авторомъ въ основаніе его книги: *Vestiges of the natural history of creation*, была вполне признана и оцѣнена и такими учеными натуралистами, какъ Фохтъ, который счелъ необходимымъ перевести ее по-нѣмецки и дополнить множествомъ своихъ примѣчаній (хотя, къ сожалѣнію, нѣсколько изъ нихъ, и не маловажныхъ, пропущены въ русскомъ переводѣ). Быть можетъ на этихъ-же основаніяхъ и г. Пальховскій перевелъ это сочиненіе съ Фохта и дополнилъ еще своими примѣчаніями, нѣрѣдко довольно большими и вообще интересными, хотя, опять къ сожалѣнію, не всегда обставленными тѣми фактическими аргументами, которыхъ стануть, пожалуй, въ нихъ искать строгіе читатели.

Изъ этого уже видно, что разбираемая книга—далеко не дюжинное явленіе въ нашей литературѣ. Но, что-же за мысль принята ею въ основаніе, что, несмотря на бѣдность фактическаго содержанія, на

очевидно не обширное знакомство автора съ фактическою, вѣдѣнною стороною науки, на неизвѣстность его имени, она удостоилась такого общаго, единодушнаго вниманія публики и ученыхъ? Авторъ ни болѣе, ни менѣе, какъ старается слить важнѣйшія явленія природы въ одну стройную картину, на основаніи послѣдовательности развитія другъ изъ друга ея явленій, законъ которой онъ старается отыскать и перѣдко приближается къ истинѣ, хотя самъ считаетъ свои умозаключенія не болѣе, какъ гипотезами; но вѣдь гипотезы—это двигатели, стимулы науки, каковы бы они ни были. Конечно, неудачная гипотеза пожалуй на время можетъ задержать, или сбить съ настоящаго пути развитіе науки, но преслѣдуя, по этому только, гипотезы вообще, мы, вырывая дурную траву, вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ искоренить и всю растительность, принимая, по невозможности распознать, и хорошее за дурное.

Мы должны были сказать все это здѣсь потому, что всѣ подобныя сомнѣнія могутъ возникнуть именно въ слѣдствіе этой книги, какъ преимущественно отличающейся болѣе или менѣе смѣлыми гипотезами, на главнѣйшія изъ которыхъ мы укажемъ ниже. Г. Пальховскій такъ характеризуетъ переведенную имъ книгу: «въ ней явленія космическія, геологическія, органическія и социальныя сводятся къ общимъ началамъ—тяготѣнію (для неорганическаго міра) и развитію (для органическаго). Но»—какъ справедливо замѣтилъ г. Пальховскій—«гораздо основательнѣе признать общимъ закономъ для всего міра—*закономъ вечнаго движенія*, формулируя это положеніе слѣдующимъ образомъ. Веществу присущи различныя опредѣленные свойства; въ силу этихъ свойствъ оно проходитъ рядъ видоизмѣненій, обнаруживающихся различными явленіями. Конечными моментами этихъ видоизмѣненій будетъ возникновеніе небеснаго тѣла и разрушеніе его; явленія геологическія, органической жизни и социальныя занимаютъ пространство между этими двумя крайними предѣлами». Разумѣется, читатель не вполне удовлетворится всѣмъ этимъ; онъ скажетъ, что и разрушеніе небеснаго тѣла ненаучно принять за *конечный* моментъ видоизмѣненій вещества, потому что вслѣдъ за этимъ *разрушеніемъ* вещество должно-же принять опять какую нибудь новую форму, но въ основаніяхъ нельзя не согласиться съ г. Пальховскимъ. Дѣло, значитъ, въ томъ, чтобы въ яснѣйшій картинѣ показать, *что-же* именно успѣло сдѣлать современное естествознаніе на поприщѣ уясненія человѣку законовъ и результатовъ этихъ видоизмѣненій, этого *perpetuum mobile* вещества природы. Разбираемая книга представляетъ много любопытнаго въ этомъ отношеніи—и здѣсь источникъ ея популярности. Вотъ сущность ея содержанія:

Изложивъ теорію возникновенія небесныхъ тѣлъ и въ особенности

образованіи земли, авторъ старается уловить тотъ геологической моментъ земнаго развитія, когда въ первый разъ возникаетъ, такъ называемая «органическая жизнь», потому что положительно извѣстно, что эта послѣдняя могла возникнуть на землѣ въ то только время, когда ея поверхность значительно охладилась (теорія постепеннаго перехода земли изъ состоянія паровъ въ раскаленное жидкое и потомъ въ болѣе и болѣе охлаждающееся и твердѣющее—принята теперь всѣми натуралистами). Авторъ находитъ, что первыя органическія формы могли явиться (что подтверждается и изслѣдованіями земныхъ слоевъ) не только въ *силурійской* формациі, въ которой явленіе ихъ считается положительнымъ, но можетъ быть и раньше. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что въ *силурійской* формациі найдены были только *морскія* растенія (фукусы) и *морскія* животныя (полипы); отсюда выводятся два заключенія: 1) что поверхность земли была первоначально покрыта морскою водою, а 2) что начало органической жизни проявилось именно самыми простыми ея формами. Затѣмъ, слѣдя за постепеннымъ появленіемъ организмовъ на землѣ, мы болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ чрезвычайно важномъ законѣ, что *въ какомъ порядкѣ расположены животныя роды и виды въ зоологической классификаціи по относительной сложности ихъ устройства, или организаціи, въ такомъ же они постепенно и возникали на землѣ*. Изъ этого вытекаетъ и другой, быть можетъ, не менѣе важный законъ, что *сложность состава и проявленій организма находится въ прямой зависимости отъ той среды, въ которой онъ возникнулъ въ первый разъ*. Этими законами, столь богатыми послѣдствіями и благотворными для науки, мы обязаны исключительно геологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта важная наука блистательнымъ образомъ, значитъ, подтвердила и основательность нашей зоологической классификаціи, придавъ ей, такъ сказать, болѣе реальнаго, дѣйствительнаго значенія. Заслуга разбираемаго сочиненія именно и состоитъ въ томъ, что оно дѣлаетъ общедоступными и осознательными эти новѣйшіе результаты естествознанія, на что, сколько намъ помнится, критики его, да и вообще составители статей по естественнымъ наукамъ не обратили надлежащаго вниманія (напримѣръ г. Шелгуновъ въ «Русскомъ словѣ»).

Такъ за полипами являются *морскія млии* и другія животныя изъ низшихъ зоологическихъ породъ: безформенныя и затѣмъ лучистыя, а за ними ракообразныя и мягкотѣлыя, или моллюски. Словомъ въ этой нижнесилурійской формациі явились, начиная съ низшихъ, всѣ зоологическія подраздѣленія безпозвоночныхъ животныхъ, но не было ни одного изъ позвоночныхъ. Только въ слѣдующей — верхнесилурійской формациі встрѣчаются слабыя слѣды *рыбъ*.

За силурійскими слоями слѣдуютъ *девонскіе* (наиболѣе послѣдованные въ Девонширѣ, откуда и ихъ названіе), замѣчательные присутвіемъ остатковъ рыбъ, но только низшихъ ихъ видовъ. Мало этого—эти именно рыбы даютъ *первое* основаніе думать, что есть нѣкоторое соотношеніе между формами ископаемыхъ животныхъ въ ихъ полномъ развитіи и формами современныхъ животныхъ—въ ихъ зародышномъ состояніи. Такъ напр. хвосты у упомянутыхъ ископаемыхъ рыбъ очень похожи на хвосты нынѣшнихъ рыбъ (напр. лосося) въ продолженіи извѣстнаго періода ихъ жизни въ видѣ зародыша (эмбриональной). Такихъ фактовъ много. Не указываетъ-ли это на возможность существованія еще новаго закона, а именно—что *даже и одинъ и тотъ-же организмъ можетъ, при недостаткѣ надлежащихъ условій развитія, дойти только до извѣстной его степени и затѣмъ остановиться, продолжая свое развитіе, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ одномъ изъ своихъ потомковъ?* Такъ напр. Агасисъ нашелъ, что у ископаемыхъ рыбъ вмѣсто позвоночнаго столба есть только студенистый канатикъ, т. е. то, что встрѣчается вмѣсто позвонковъ въ зародышахъ напр. осетровъ.

Въ періодѣ *каменноугольномъ* встрѣчаемъ уже и наземныя растенія,—но и тутъ замѣчается указанная послѣдовательность, а именно: въ этомъ геологическомъ періодѣ являются тайнобрачныя (самыя простыя) и однодольныя (болѣе простыя изъ явнобрачныхъ растеній). Есть даже одно растеніе, которое заслуживаетъ особеннаго вниманія; это лепидодендронъ, который по строенію своему составляетъ переходъ къ высшимъ растеніямъ—двудольнымъ. Притомъ оно въ настоящее время уже не существуетъ на землѣ.

Въ слѣдующемъ высшемъ геологическомъ періодѣ, *пермскомъ* уже встрѣчается и слѣдующій высшій зоологическій классъ *земноводныхъ*. Мы не станемъ продолжать этого перечисленія; это несовмѣстно съ характеромъ библиографической статьи. Но уже и на основаніи этихъ фактовъ можемъ сдѣлать замѣчаніе, что такъ какъ каждый изъ этихъ геологическихъ слоевъ имѣлъ и свой климатъ, и свой почвенный составъ, то современемъ вѣроятно будетъ доказана зависимость свойствъ организмовъ отъ этихъ условій. Это послѣднее неволью приводитъ насъ опять къ современной сѣнниковой загадкѣ естественныхъ наукъ: къ вопросу о первичномъ зарожденіи (*generatio aequivoca*), о которомъ было столько писано и для котораго было дѣлано столько опытовъ *pro* и *contra*. Нельзя сказать все-таки, чтобы вопросъ былъ разрѣшенъ; но нельзя сомнѣваться, что было на землѣ время, когда *организованное* вещество (по крайней мѣрѣ какъ мы его *теперь* понимаемъ) сложилось изъ *неорганизованнаго* и что *ergo*—это дѣло возможное, хотя позо-

жизнь, какъ замѣчаетъ г. Пальховскій, только для простѣйшихъ формъ организмовъ.

Что же касается до послѣдовательности развитія организмовъ, то неизвѣстный англійскій писатель такъ формулируетъ взглядъ свой на это дѣло: зародышъ животнаго, въ своемъ развитіи, проходитъ постепенно всѣ ступени зоологической лѣстницы. Фохтъ справедливо замѣчаетъ, что такая теорія должна быть принимаема только въ крайне ограниченномъ видѣ (напр. у зародыша человѣка есть въ первое время жаберная щель, что дѣлаетъ его похожимъ въ этомъ отношеніи на рыбу), хотя нельзя не сознаться, что въ пользу этой теоріи есть много любопытныхъ фактовъ, такъ что невольно рождается вопросъ: не подвергается ли напр. человѣческой зародышъ въ своемъ развитіи вліянію тѣхъ же физическихъ силъ, которыми подвергался весь органическій міръ, какъ цѣлое, во все продолженіе геологическаго развитія земли? (Подъ физическими силами мы понимаемъ вообще силы природы). Беремъ для примѣра два самыхъ главныхъ человѣческихъ органа: сердце и мозгъ. Сердце у млекопитающихъ состоитъ изъ четырехъ полостей, у земноводныхъ—изъ трехъ, у рыбъ—изъ двухъ, а у членистыхъ имѣетъ форму продолговатой трубки. Изучая постепенное развитіе сердца у зародыша, мы замѣчаемъ, что оно имѣетъ сперва форму трубки, затѣмъ является въ ней перегородка поперечная, потомъ продольной перегородкой верхняя полость дѣлится пополамъ и наконецъ такой же перегородкой раздѣляется и нижняя полость. Еще интереснѣе ступени развитія мозга въ человѣкѣ. Въ началѣ онъ—простая складка нервн. ткани, а спинной мозгъ представляетъ лишь удлинненіе верхней части головной складки (такой мозгъ у вполне развитой рыбы); затѣмъ мозгъ этотъ, развиваясь далѣе, образуетъ въ себѣ наверху особыя части (сорога *quadrigemina*), которыя встрѣчаются у птицъ и млекопитающихъ, но съ теченіемъ времени эти части переходятъ сверху мозга внизъ, что уже исключительно свойственно человѣку.

Трудно перечислить всѣ смѣлыя гипотезы, заявленныя въ этой книгѣ: напр. что сила, сложившая первую кѣлочку въ бѣлковинномъ веществѣ—было электричество, что разнообразіе животныхъ есть слѣдствіе перехода одного зоологическаго вида въ другой, что напр. и *полъ* есть только результатъ развитія (зародыши бывають сначала женскаго пола, а потомъ мужскаго, что впрочемъ опровергается Фохтомъ). Дс какой степени свѣтлымъ умомъ обладаетъ авторъ англійскаго сочиненія видно изъ того, что онъ предвидѣлъ теорію Дарвина объ измѣняемости видовъ въ органическомъ мірѣ, такъ много надѣлавшую шуму въ послѣднее время. Такъ какъ, говорятъ, знаменитое сочиненіе Дарвина, въ которомъ изложена эта теорія (*On the Origin of Species—*

о происхожденіи видовъ) переводится по-русски и выйдетъ въ свѣтъ, то мы великимъ считаемъ познакомить здѣсь съ нимъ читателя, на основаніи одного примѣчанія г. Пальховскаго. Онъ говоритъ: «всякій организмъ существуетъ въ известной средѣ (т. е. при известныхъ физическихъ условіяхъ) и среди другихъ организмовъ, которые тоже хотятъ жить и отстаиваютъ свое право на жизнь. Такимъ—образомъ, чтобы жить, организму нужно во 1-хъ *приспособиться* къ внешней средѣ, а во 2-хъ *отстоять* себя отъ другихъ организмовъ. Вслѣдствіе этого жизнь—есть постоянная *борьба за жизнь*—и живутъ только одни *побѣдители*.» Отъ вліянія этихъ двухъ условій жизни зависить характеръ даннаго организма и эти вліянія даютъ начало *разновидностямъ* (Varietas). «Когда же разновидности весьма обособятся и станутъ выражаться въ большемъ числѣ недѣлимыхъ—онѣ сдѣлаются *видами*.» Стало-быть, нѣтъ и не можетъ быть постоянныхъ видовъ въ природѣ, какъ думали натуралисты еще такъ недавно. Это-то и составляетъ сущность теоріи Дарвина—и было еще до него, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, высказано неизвѣстнымъ англійскимъ авторомъ.

Перебравъ затѣмъ всю зоологію въ ея *естественной* послѣдовательности, разбираемое сочиненіе доходитъ наконецъ и до человѣка. Тутъ, конечно, ему представляется еще болѣе обширное поприще для кѣткихъ выводовъ и смѣлыхъ гипотезъ. Впрочемъ авторъ стоитъ за «общее происхожденіе» человѣческаго рода, что едва-ли имѣетъ научное значеніе и что онъ хочетъ доказать сходствомъ, замѣченнымъ въ языкахъ всѣхъ 6-ти группъ, на которыя ихъ можно раздѣлить (индоевропейскія, сирійскофиникійскія, африканскія, полинезійскія, китайскія, американскія). Но мы согласны съ г. Пальховскимъ, что это сходство показываетъ только, что весь человѣчскій родъ составляетъ *одинъ типъ*, не болѣе, и что «сходство въ строеніи и составѣ обуславливаетъ сходство въ явленіяхъ, отправленіяхъ жизни.» Впрочемъ въ англійскій авторъ собственно допускаетъ два центра происхожденія человѣка—одинъ для азіатской, американской и европейской расъ, а другой—для африканской.

Авторъ вездѣ послѣдователемъ: такъ напр. онъ предполагаетъ, что «*характеристическія черты различныхъ расъ человѣческаго рода суть просто изображенія различныхъ стадій развитія высшаго, или кавказскаго типа.*» Онъ находитъ, что негръ (по своимъ внешнимъ чертамъ) похожъ на кавказскаго ребенка задолго до его рожденія, американецъ—незадолго, монголъ-же—на этого же ребенка, остановившагося въ своемъ развитіи при рожденіи. Но Фохтъ основательно опровергаетъ это въ своемъ примѣчаніи, описывая постепенное развитіе костей зародыша. Мы бы и этотъ важный вопросъ, да и всѣ

подобные вышеупомянутые привели къ такому общему: въ какой связи находятся эти *усовершенствованія* съ усовершенствованіемъ неорганической природы земли? И изъ него къ другому: не совершенствуется ли вся земная жизнь въ совокупности, какъ одно стройное цѣлое и не въ правѣ-ли мы, судя по прошлому, ожидать отъ ея будущаго такихъ чудесъ, которыя и не сняты теперь нашимъ философамъ? 1)

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВѢКА. 1.
Геттнера. Томъ II. Англійская Литература. Переводъ А. Пы-
пина. Изд. Н. Тиблена. Спб. 1863.

Читателю извѣстно, что мы едва-ли имѣемъ право быть разборчивыми, когда дѣло идетъ о сочиненіяхъ по исторіямъ многостранныхъ литературъ; много ли у насъ ихъ вообще и много-ли хорошихъ даже изъ этого небольшого количества. Только въ последнее время стали появляться переводы такихъ капитально хорошихъ вещей, какъ соч. Шерра, или разбираемая книга Геттнера, да и то рядомъ съ ними могутъ появляться жалкія компіляціи въ родѣ изданія г. Милюкова.

Но книга Геттнера такъ хороша, что она не боится и самой взыскательной критики. Переводчикъ ея, г. Пыпинъ совершенно основательно характеризуетъ ее слѣд. образомъ: «она теперь положительно лучшая книга по литературѣ XVIII в., какой еще не было пока въ европейской литературѣ. При нѣмецкой добросовѣстности, Геттнеръ не страдаетъ нѣмецкою слабостью щеголять эрудиціей и глубокомысліемъ; излагаетъ дѣло чрезвычайно просто и общедоступно, толково знакомить съ точками зрѣнія и произведеніями писателей и умѣетъ распредѣлить факты развитія на опредѣленныя группы.» Со своей стороны мы съ удовольствіемъ прибавимъ, что мастерской переводъ г. Пыпина придаетъ еще болѣе рельефности всѣмъ этимъ качествамъ. Потому мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія «въ концѣ нынѣшняго года» слѣдующаго тома книги Геттнера, который будетъ заключать въ себѣ исторію французской литературы XVIII в. Тогда мы постараемся провести для читателей параллель между точками зрѣнія Геттнера на эту послѣд-

1) *Примѣчаніе.* Для полноты характеристики «Исторія Мірозданія» мы должны замѣтить, что авторъ старается, и не безъ успѣха, привести и всѣ такъ называемыя «духовныя проявленія» чловѣка въ строгое взаимоотношеніе къ общей исторіи матеріальнаго развитія земли и что, значитъ, мы имѣли, основаніе заявить, что эта книга—очень замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ.

нюю и другаго ѣмца Шмита, котораго «Исторія Французской Литературы», кстати, выходитъ въ русскомъ переводѣ (вышло 3 выпуска).

Теперь же у насъ задача другая: познакомить читателя не столько съ Геттнеромъ, по Геттнеру, сколько съ нѣкоторыми сторонами умственнаго движенія въ Англіи въ XVIII в. Работы, подобныя подлежащей, имѣютъ всегда двоякую цѣль: или избавить читателя отъ чтенія книги, если она дурна, выжавъ изъ нея все лучшее, или напротивъ заохотить познакомиться съ нею поближе, если она хороша. Наконецъ въ обоихъ случаяхъ мы всегда имѣемъ въ виду и другое обстоятельство, едва-ли маловажное: большинство нашихъ читателей народъ, или занятый дѣлами, или не имѣющій охоты читать капитальныя вещи, хотя онъ вообще не прочь пріобрѣсти нѣсколько полезныхъ свѣденій и расширить, или исправить свой взглядъ на вещи. Скажемъ кстати, и разъ навсегда, что на всѣхъ этихъ основаніяхъ мы должны считать, именно въ настоящей сферѣ умственнаго развитія нашей публики и ея общественныхъ отношеній, работы, подобныя нашей, чуть-ли не самыми важными въ литературѣ и потому желать, чтобъ онѣ какъ можно серьезно и добросовѣстнѣе дѣлались въ нашихъ журналахъ. Сдѣлаемъ же сами, что можемъ.

Геттнеръ задумалъ представить въ связномъ очеркѣ не столько исторію литературы, сколько исторію умственнаго и эстетическаго развитія Англіи въ XVIII в. Но такъ и быть должно потому, что авторъ самъ понимаетъ подъ исторіей литературы, «не исторію книгъ, но исторію идей и ихъ формъ научныхъ и художественныхъ». Но такъ какъ для интересовъ общечеловѣческой цивилизаціи имѣютъ значеніе, конечно, болѣе самыя идеи, чѣмъ ихъ формы, то мы остановимся преимущественно на первыхъ и формулируемъ нашу задачу слѣдующимъ образомъ: представить сущность движенія философскихъ и политическихъ идей въ Англіи въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Авторъ раздѣляетъ свою «Исторію» на три періода: 1) вѣкъ послѣднихъ Стюартовъ (1660 — 1688), 2) вѣкъ королевы Анны (1688 — 1728) и 3) вѣкъ Георга II и Георга III (1727 — 1770). Уже изъ крайнихъ точекъ этой эпохи (1660 года и 1770 г.) читатель видитъ, что за исходный пунктъ своего обзора Геттнеръ беретъ эпоху пробужденія въ Англіи и затѣмъ во всей Европѣ рационализма, основаннаго на естествознаніи, а за окончаніе—время, когда разнообразныя ученія по всѣмъ отраслямъ наукъ слились въ концѣ XVIII в. во Франціи въ одну общую систему — философизмъ, поглотившій собою вскорѣ всю умственную жизнь Европы. Поэтому Геттнеръ очень основательно останавливаетъ свой обзоръ на тѣхъ англійскихъ мыслителяхъ, которые уже являются представителями принциповъ упомянутаго философизма,

напримѣръ Юмъ, Гиббонъ и шотландскіе философы — и ихъ не разсматриваетъ.

Всѣ эпохи исторіи вытекаютъ одна изъ другой, и потому ничего нѣтъ труднѣе, какъ указать начало той или другой изъ нихъ. Напримѣръ, гдѣ начало того рационализма, которымъ характеризуется преимущественно англійская умственная жизнь разсматриваемой эпохи? Въ реформаціи? Да, но откуда взялась сама реформація и пр.? Поэтому въ подобныхъ случаяхъ всего удобнѣе прямо начинать описаніе избранной эпохи съ очерка тѣхъ событій, которыя характеризуютъ ея *хронологическое* начало. Такъ намъ предстоитъ начать свой очеркъ съ толчка, даннаго положительной наукѣ Бэкономъ, хотя самое явленіе этого могучаго мыслителя было подготовлено множествомъ предшествовавшихъ событій всякаго рода.

Извѣстно, что основнымъ принципомъ философіи Бэкона Веруламскаго было признаніе безпристрастнаго и вѣрнаго наблюденія вышнихъ чувствъ высшимъ закономъ для человѣческой мысли и что этотъ ученый требовалъ самаго рѣзкаго разграниченія науки и религіи. Собственные изслѣдованія Бэкона, его ясное, неотразимо убѣдительное изложеніе научныхъ истинъ не могли не имѣть громаднаго вліянія на современниковъ, въ особенности, если примемъ во вниманіе схоластической туманъ, несокрушимо царствовавшій во всей тогдашней наукѣ. Понятно, что естествоизученіе должно было мало-по-малу увлечь всѣхъ, въ особенности послѣ такихъ открытій, какъ кровообращеніе Гарвеемъ въ 1619 г. Какъ результатъ этого направленія и, съ другой стороны, какъ его сильнѣйшій стимулъ, прежде всего представляется намъ организовавшееся въ 1662 г. въ Лондонѣ «Королевское общество естествоиспытателей». Еще въ 1645 г. подъ вліяніемъ Бэконова науки, небольшой кружокъ натуралистовъ составилъ въ Грешемской коллегіи общество (The invisille college) съ еженедѣльными собраніями. Это-то «невидимое» собраніе перешло впослѣдствіи въ могущественное ученое общество, имѣвшее такое вліяніе на успѣхи естественныхъ наукъ. Этому послѣднему немало содѣйствовалъ и усилившійся пуританизмъ, ослабившій значеніе древнеклассическаго образованія.

Но и въ естествознаніи не всѣ отрасли одновременно и съ одинаковою силою устремились къ прогрессу; прежде всего обратила на себя общее вниманіе физика и именно та ея часть, которая изслѣдуетъ чисто механическое дѣйствіе тѣлъ другъ на друга. Этими вопросамъ вскорѣ суждено было получить еще большее, даже всемірное значеніе; мы хотимъ сказать о явленіи Ньютона и его теоріи тяготѣнія. Эта теорія, справедливо замѣчаетъ Геттнеръ, есть одно изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго духа». Потому никогда не можетъ быть излишнимъ на-

поминать людямъ, что геніальнымъ виновникомъ ея былъ безсмертный полякъ Николай Коперникъ, издавшій въ 1543 г. свое великое произведеніе: *De revolutionibus orbium celestium.*» Вспомнивъ, что онъ единственно силой своего ума, такъ сказать, весь міръ перевернулъ вверхъ дномъ (какъ ни странно звучитъ эта фраза, но она чистѣйшая истина), не знаешь, чему больше удивляться, безмѣрной-ли громадности его задачи, или столь же безмѣрному генію этого человѣка.

Дѣйствительно, не значить-ли это буквально и въ полнѣйшемъ смыслѣ слова—перевернуть вселенную вверхъ дномъ: доказать математически, что земля движется, а солнце стоитъ неподвижно, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ все человѣчество въ теченіи тысячелѣтій было непоколебимо убѣждено въ совершенно противоположномъ?! Конечно, нельзя ожидать, чтобы Коперникъ могъ тотчасъ же строго математически сформулировать свою теорію—его работу дополнили Кеплеръ и Галилей и завершилъ Исаакъ Ньютонъ (1642—1727). Этотъ послѣдній своими изслѣдованіями объединилъ на одномъ научномъ основаніи всѣ явленія притяженія тѣлъ природы, въ своемъ сочиненіи: *Philosophiæ naturalis principia mathematica*, представленномъ въ «королевское общество» въ теченіи 1686 и 87 годовъ. Не говоря о чисто учебномъ значеніи этого геніальнаго труда, — оно было громадно — мы должны остановиться на его культурно-историческомъ, цивилизационномъ значеніи. Вотъ какъ характеризуетъ Геттнеръ это послѣднее: «Передъ нами стоитъ міръ безъ чудесъ и произвола, безъ цѣли и намѣренія, въ своихъ кружащихся путяхъ покоящійся въ самомъ себѣ и сохраняющійся самъ собою, міръ разума и истины, міръ вѣчной, мирно правящей законности». Но человѣку, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, не дано природой быть всецѣло воплощеніемъ одной, хоть бы тоже самой геніальной идеи; онъ непремѣнно отдаетъ дань даже и тѣмъ возрѣніямъ, которымъ нанесъ самъ же смертельный ударъ. Такъ Ньютонъ, несмотря на свой законъ тяготѣнія, «постоянно даетъ невидимой силѣ непосредственно вмѣшивающагося дѣятельность» двѣ починки механизма природы и даже любилъ углубляться въ пророка Даниила и въ откровеніе Іоанна, придумывая по нимъ разныя пророчества. Мо «уже Лейбницъ опровергалъ этотъ грубый взглядъ о необходимой помощи и починкѣ распадающагося творенья». Дѣйствительно, «теологическія игрушки Ньютона забыты», а его теорія тяготѣнія благотворно сказалась, какъ сейчасъ увидимъ, на всѣхъ сторонахъ умственной жизни человѣка.

Неизбѣжнымъ результатомъ распространенія естествознанія въ массѣ публики, открытій по этимъ наукамъ съ одной стороны, и упадка средневѣковыхъ добродѣтелей въ этой же массѣ—съ другой, является

въ Англіи XVII вѣка очень смѣлыя философскія ученія, которыя можно вообще характеризовать именемъ деизма. Эта философская оппозиція господствовавшимъ тогда богословскимъ ученіямъ проявлялась тогда во всѣхъ сферахъ жизни и въ искусствѣ; въ этомъ послѣднемъ она есть вездѣ и у Шекспира—въ сущности его драматическихъ характеровъ; въ наукѣ она ярче всего проявилась у Бэкона и въ особенности у Герберта. Для этого послѣдняго «библейское откровеніе имѣетъ значеніе и истину только въ той степени, въ какой оно подтверждается изслѣдующимъ познаніемъ разума». Вообще въ сочиненіяхъ своихъ Гербертъ проповѣдуетъ чистый деизмъ, Ученія его изложено въ сочиненіяхъ: «*De veritate* и *de religione gentilium*». Гербертъ ошибается наравнѣ со многими своими современниками и даже позднѣйшими мыслителями въ томъ, что и не подозреваетъ сущности законовъ постепенности историческаго развитія человѣческой мысли и слѣдующей законности ея различныхъ проявленій въ различныя эпохи, сущности, на которую только въ новѣйшее время указала нѣмецкая наука. Во всей книгѣ Геттнера обращается вниманіе читателя на недостатокъ такого сознанія у всѣхъ обвинителей религіи въ XVIII вѣкѣ. Но не надо быть ни въ чемъ одностороннимъ.

Слова нѣтъ—если доктрина могла привиться въ народѣ, значитъ, она нашла себѣ въ немъ исторически подготовленную почву, но изъ этого едва-ли мы въ правѣ заключить, что никто не можетъ противодѣйствовать ей, если считаетъ ее противоположной человѣческимъ интересамъ—вѣдь, какъ бы то ни было, а начало каждой изъ нихъ есть непремѣнно дѣло личной инициативы и нерѣдко личныхъ интересовъ. Вотъ въ этомъ заключается несправедливость нападокъ Геттнера и вообще нѣмцевъ на тѣхъ, кто не преклоняется абсолютно предъ всѣми выводами исторіи. Потому нашъ взглядъ на англійскихъ деистовъ будетъ нѣсколько другой, чѣмъ у Геттнера....

Понятно, что захваты науки въ области вѣры не могли ограничиться предѣлами, поставленными Гербертомъ; уже его современники, въ особенности натуралисты, напримѣръ, медики пошли гораздо дальше. Такъ врачъ Томасъ Броунъ старался дать естественное объясненіе библейскимъ чудесамъ, въ особенности въ своихъ сочиненіяхъ: «*Religio Medici*» (1842) и «*Pseudodoxia epidemica*» (1646). Выступали и еще подобные же бойцы, но дѣло получило новое, сильнѣйшее развитіе только съ тѣхъ поръ, какъ въ другой странѣ, первой тогда по материальному благосостоянію, а стало быть и по здоровымъ умственнымъ силамъ, въ Голландіи, появилась рѣзко очерченная доктрина Спинозы, которая оказала огромное вліяніе на позднѣйшихъ англійскихъ мыслителей. Спиноза требовалъ безусловной свободы мысли и находилъ, что

религія не должна стѣснять ее. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали эмигранты—гугеноты Бэйль и Леклеркъ своими журналами, энциклопедіями, словарями и пр. Такъ словарь Бэйля (*dictionnaire historique et critique* 1695), есть въ этомъ отношеніи дѣйствительно «одна изъ самыхъ могущественныхъ по своему дѣйствию книгъ, какія только появились на свѣтѣ». Но идеи голландскихъ философовъ могли попасть въ Англію и тамъ разрабатываться дальше только съ тѣхъ поръ, какъ англійская печать стала свободной, то-есть съ паденіемъ Іакова II. Приверженцы и пропагандисты этихъ ученій получили съ этихъ поръ названіе свободныхъ мыслителей (*Freethinkers*). Ихъ называли и атеистами для острастки, но до атеизма дѣло еще въ сущности не дошло—былъ помезданъ.

Тяжелыя политическія событія временъ послѣднихъ Стюартовъ должны были отразиться также на политическихъ ученіяхъ, какъ повсемѣстный упадокъ средневѣковой нравственности—на философскихъ. Дѣйствительно, мы при послѣднихъ Стюартахъ встрѣчаемъ въ Англіи ожесточенную борьбу двухъ доктринъ: доктрины о королевской власти Божіею милостью» и ученія о верховномъ правѣ народа. Первая имѣла представителемъ своимъ Роберта Фильмора, вторая—Альджернона Сидни. Первый (замѣтимъ—изъ знатной фамиліи) написалъ книгу: *Patriarcha, или естественная власть королей* (*Patriarcha, or the natural power of Kings*) и доказывалъ въ ней тождество власти королей и патріарховъ; но его доказательства были совершенно разбиты Сидни въ его сочиненіи *discourses concerning government*. Этотъ человекъ жилъ единственно для осуществленія республики, въ которой онъ видѣлъ идеалъ правленія. Но жить ему долго не дали и, хотя не было никакихъ доказательствъ, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ Райгаусскомъ, онъ былъ обезглавленъ въ 1683 г. Но ученіе Сидни взяло верхъ—права народа были признаны тѣмъ, что по паденіи Стюартовъ Вильгельмъ III является на англійскомъ престолѣ избранникомъ народа—черезъ парламентъ.

Съ этого избранія начинается для англійской исторической жизни вторая и во всякомъ случаѣ лучшая эпоха. Къ ней мы и переходимъ. Она характеризуется тѣмъ, что выработались окончательно главныя формы англійскаго конституціонализма. Когда Вильгельмъ входилъ въ Англію, въ ней пала какъ партія абсолютистовъ, такъ и республиканцевъ, а политическое поприще осталось почти исключительно за приверженцами конституціи. Оба парламента изложили свои основанія въ актѣ, названномъ декларациею правъ». Содержаніе этого акта любопытно, такъ какъ оно показываетъ сущность господствовавшей тогда политической доктрины. Вотъ его главныя пункты: подданные имѣютъ право

прошеній, право свободного выбора депутатовъ посредствомъ избира- телей, право свободного обсуждения политическихъ вопросовъ въ парла- ментѣ, правдиваго суда; король же не имѣеть права безъ созванія парламента возвышать подати, или держать постоянно войско въ мир- ное время и др. Такъ «король получалъ одинъ разъ навсегда стро- го опредѣленный доходъ, и расходы на армію, флотъ и артиллерію должны были каждый годъ представляться на обсужденіе нижней па- латы». Но, конечно, *наше* вниманіе больше всего обращается на по- ложеніе печати среди всѣхъ этихъ льготъ народу. Цензура существовала въ Англіи, начиная съ Генриха VIII; въ 1679 она была уничтожена, но въ 1685 опять возобновлена на семь лѣтъ. Наконецъ въ 1693 она была уничтожена навсегда. «Правда, впоследствии дворъ и самъ Виль- гельмъ III много разъ пытались ограничить права печати; но это имъ всегда совершенно не удавалось. «Дайте министрамъ, говорилъ одинъ знаменитый парламентскій ораторъ, деморализованную верхнюю палату, дайте имъ продажную палату общинъ, дайте имъ властолюбиваго и деспотическаго короля, дайте имъ пресмыкающійся дворъ, но оставьте намъ свободную печать, и я вызываю ихъ хоть на волосъ нарушить воль- ности Англіи». Теттнеръ не безъ основанія признаеть, что въ этой конституціи лежатъ основанія демократическаго устройства сѣв. Аме- рики, французской революціи и современныхъ политическихъ отноше- ній. Да и въ самой Англіи, въ слѣдствіе этихъ льготъ, получили но- вую силу и новый полетъ самыя либеральныя политическія и философ- скія доктрины. Вообще изученіе умственной исторіи Англіи тѣмъ осо- бенно интересно, что въ немъ мы сталкиваемся съ самыми разнообраз- ными идеями и ихъ формами, не стѣсняющимися никакими условіями въ своемъ выраженіи и что въ ней одной въ Европѣ могло произойти ихъ свободное взаимоотношеніе, благодаря свободѣ прессы. Съ другой сто- роны извѣстно также, что нѣтъ орудія могущественнѣе пропагандирую- щаго, какъ періодическая печать, въ особенности газетная. Понятно, что въ разсматриваемое время и она должна была получить необыкновенное развитіе. Знакома первоначально съ разными, внѣшними интересами дня, она незамѣтно перешла къ интересамъ болѣе серьезнымъ и вну- треннимъ, а именно прежде всего къ экономическимъ и тутъ-то является множество экономическихъ писателей, которые почти окончателно подготовили знаменитыя ученія Ад. Смита. Замѣчательно, что и здѣсь какъ и въ философіи, Голландія служила своимъ высокимъ матерьяль- нымъ благосостояніемъ образцемъ и стимуломъ. Вообще наша публика мало знакома съ значеніемъ этой небольшой страны въ исторіи обще- человеческой цивилизаціи и съ его причинами. Къ этому вопросу мы когда-нибудь еще вернемся.

Взглянемъ-же на главнѣйшіе результаты этихъ завоеваній либерализма на англійской почвѣ. Обращаемся къ философіи и остановимся на колоссальной личности Локка, этого «Ньютона философіи.» Въ чемъ же его значеніе и сущность доктрины? Локкъ (1632—1704) основалъ все свое ученіе на томъ, что всякая наша духовная дѣятельность есть только необходимый результатъ впечатлѣній ви́шнихъ предметовъ на нашу душу посредствомъ органовъ чувствъ. Оно всего ярче выразилось у него въ его сочиненіи: «*Essay on human understanding*». Какъ ни выпадали впоследствии на ученіе Локка философы (напр. Лейбницъ написалъ противъ него: «*Nouveau essai sur l'entendement humain*», изданное въ 1765 г.), но, говоритъ Геттнеръ, «въ высшей степени многозначительно то обстоятельство, что именно теперь новѣйшая физиологическая психологія опять больше, чѣмъ когда-нибудь возвращается къ ученію, высказанному Локкомъ, и съ внутренней необходимостью выводитъ изъ природы человѣка то, что Локкъ могъ выставить только просто и непосредственно, какъ всеобщее и согласное съ опытомъ явленіе.» Мною силы придаю ученію Локка и то обстоятельство, что оно не ограничилось однимъ чисто абстрактнымъ изложеніемъ своего ученія, но тотчасъ же его примѣнилъ ко всѣмъ сторонамъ человѣческой умственной дѣятельности. Результаты этого примѣненія едва-ли нуждаются въ объясненіяхъ; они очевидны. (Здѣсь кстати укажемъ на непосредственность и у Локка, какую мы выше замѣтили у Ньютона: Локкъ вооружается противъ атеизма, не замѣчая, что его собственное ученіе должно привести и привело къ атеизму). Въ политикѣ (напр. въ сочиненіи: *the treatise on government*) онъ является защитникомъ верховныхъ правъ народа, признаетъ власть законодательную высшей въ государствѣ и исходящей изъ народа, а королю остается власть исполнительная. Ясно, что въ ученіи Локка заключаются зародыши идей Монтескье и даже Руссо. Вотъ вся сущность и важность значенія Локка въ умственномъ развитіи человѣчества.

Вліяніе Локка отразилось въ разсматриваемомъ періодѣ англійской исторіи цивилизаціи преимущественно на доктринахъ моралистовъ и деистовъ, а общей характеристикой преимущественно этого времени служить то необыкновенное странное и важное учрежденіе, которое извѣстно подъ именемъ франкмасонства, или свободныхъ каменщиковъ. Мы должны коснуться всѣхъ этихъ трехъ проявленій англійской цивилизаціи. О моралистахъ придется, впрочемъ, сказать не много: ихъ ученіе не было чѣмъ-нибудь оригинальнымъ въ принципѣ, но скорѣе приложеніемъ господствовавшихъ тогда нравственно-философскихъ теорій къ жизни. Представителемъ этой школы можно назвать графа

Шатесбери (1670—1713). Для его характеристики достаточно сказать, что онъ былъ свѣтской человѣкъ, воспитанный на древнихъ и видѣвшій въ жизни человѣка только осуществленіе законовъ красоты. Онъ училъ, что жизнь есть тоже искусство и что каждый человѣкъ имѣетъ задачу сдѣлаться художникомъ собственной жизни, что законы добродѣтели лежатъ въ сущности природы человѣка, независимо отъ вѣншихъ вліяній, въ чемъ онъ расходится съ Локкомъ. На этихъ основаніяхъ онъ излагаетъ свое ученіе о нравственной жизни человѣка. Хотя у него не было ничего научно-серьезнаго въ его сочиненіяхъ, но они пользовались въ свое время огромнымъ вліяніемъ, благодаря самой формѣ изложенія; потому нельзя не замѣтить здѣсь, что Шатесбери считалъ добродѣтель несомѣстною съ деспотическою властію. «Кто живетъ подъ властію деспота и удивляется ему, какъ священному и божественному владыкѣ, тотъ едва-ли можетъ составить себѣ ясное понятіе о справедливости и добродѣтели кромѣ того, какое опредѣлили произволъ и насиліе.»

Важнѣе въ научномъ, и слѣдственно и въ цивилизаціонномъ отношеніи былъ характеръ развитія ученія деистовъ въ разсматриваемый періодъ. Начало его и сущность мы видѣли уже въ предыдущемъ періодѣ; теперь укажемъ на его дальнѣйшее развитіе. Представителями ихъ являются преимущественно Коллинзъ и Толандъ. У нихъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, деизмъ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ въ періодъ послѣднихъ стюартовъ, а именно: Коллинзъ уже требуетъ рѣшительно свободнаго мышленія, какъ неотъемлемаго права разума. Его самое замѣчательное сочиненіе: «*A discourse of Free Thinking*», 1713. Еще дальше пошелъ Толандъ, въ особенности въ своей рѣзкой книгѣ: «*Christianity not mysterious*. 1696. Замѣчательно, что Толандъ, по мѣрѣ своего развитія, все больше и больше удаляется отъ первобытнаго деизма. Этому не мало содѣйствовали и постоянныя его распри съ духовенствомъ. Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ (напр. *Пантеистиконъ*) Толандъ уже рѣшительно переходитъ въ атеизмъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, принимая, что мысль есть исключительно результатъ дѣятельности мозга, онъ кладетъ краеугольный камень материализму, тому ученію, которое является въ новыхъ фазисахъ своего развитія у французскихъ энциклопедистовъ и въ новѣйшее время у Фохта и Молешотта. Разумѣется и у Толанда обвиненіе религіи въ обманѣ играетъ очень важную роль, именно та доктрина, которая такъ мѣтко выражена въ слѣдующемъ строфѣ, приведенной у Гетнера:

Natural Religion was easy first and plain,
Tales made it mystery, offerings made it gain,

Sacrifices and shows were at length prepar'd
The priests ate roast-meat and the people star'd.

Впрочемъ, мало того, что у Толанда мы находимъ начало ученія матеріализма, но можемъ также найти и зародыши теоріи Штрауса и Фейербаха, то есть культъ генія. Но главное, что здѣсь нужно замѣтить, это именно то, что всѣ подобныя теоріи являются въ это время не какими нибудь изолированными, абстрактными разсужденіями, но имѣютъ за собой горячее сочувствіе самой свѣжей и дѣльной части тогдашней публики. Какъ яркое доказательство этого выступаетъ передъ нами—учрежденіе свободныхъ каменщиковъ.

Но русскій читатель имѣетъ полное право спросить: что это за свободные каменщики? Вѣдь у насъ до сихъ поръ почти ничего не печаталось объ этомъ замѣчательномъ учрежденіи, въ особенности относительно его исторіи въ западной Европѣ. Потому мы попытаемся сдѣлать характеристику франкмассонства по Геттнеру, хоть въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ, отсылая читателя къ стр. 184 — 204 разбираемой книги.

О масонахъ писалось чрезвычайно много и притомъ самыхъ разнообразныхъ вещей; сами они ведутъ свое начало чуть не съ сотворенія міра. Но въ новѣйшее время явилась очень дѣльная и безпристрастная разработка ихъ исторіи въ изслѣдованіяхъ братьевъ Краузе, Гельдмана и Клоса. Изъ нихъ видно, что Масоны въ средневѣковомъ христіанствѣ были дѣйствительно братствомъ, имѣвшимъ цѣлью строить христіанскіе храмы и поддерживать преданія старинной церковной архитектуры. Они назывались строительными гильдіями. Они были и въ Англіи и назывались Free—Masons. Мѣсто, гдѣ они собирались, называлось lodge, по франц. logis, по итальянски loggia, по-нѣмецки Bauhütte. Къ основнымъ законамъ братства, кромѣ вышесказаннаго о преданіяхъ искусства, присоединилась нравственная дисциплина и равенство между членами. Но въ началѣ новыхъ вѣковъ, когда стало падать значеніе древней архитектуры и средневѣковыхъ вѣрованій и ихъ атрибутовъ съ одной стороны и всякихъ цеховъ—съ другой, стало падать и масонство. Но оно въ сущности представляло очень удобную форму пропаганды, да и имѣло за собой такую древность происхожденія, что въ новѣйшія времена не должно быть оставлено безъ вниманія, въ особенности въ Англіи, гдѣ, какъ мы видѣли, столько проявилось новыхъ философскихъ и политическихъ доктринъ. Мы здѣсь можемъ сказать только, что въ Англіи старинныя ложи перешли въ этотъ совершенно новый фазисъ развитія въ 1717 г.—они сдѣлались чисто человѣческимъ союзомъ. Вотъ какъ прекрасно характеризуетъ

Геттнеръ постепенность этого перехода. «Развѣ въ этомъ товариществѣ не были уже уничтожены всякія отличія званія и вѣры? Какъ легко было повтому сдѣлать еще одинъ шагъ дальше и также уничтожить всѣ другія рамки, отчуждающія человѣка отъ человѣка. Отчего не образоваться было изъ этого товарищества мало-по-малу союзу, въ которомъ человѣкъ, какой бы онъ ни былъ вѣры, состоянія и климата, вездѣ говорилъ бы только съ человѣкомъ, братъ съ братомъ? И если цѣлая эпоха чувствовала уже давнишнюю потребность, чтобы этотъ чистый и свободный человѣкъ для своихъ новыхъ воззрѣній имѣлъ и осязательное выраженіе, новый культъ и обрядъ, гдѣ бы то, что могло казаться только дѣломъ головы и пытливой мысли, сдѣлалось также дѣломъ фантазіи и сердца—то именно здѣсь (то-есть въ старомъ франмасонствѣ) были и такіе осязательные символы и обряды, которые, съ своей сердечной теплотой и богатствомъ фантазіи, уже въ теченіе многихъ столѣтій испытали свое привлекательное очарованіе. Дѣло состояло только въ томъ, чтобы дать теперь этимъ стариннымъ словамъ, знакамъ и формамъ новое значеніе. Теперь долженъ былъ построиться уже не ви́шній видимый храмъ, а храмъ внутрѣнный и невидимый». Вотъ изъ какихъ двухъ началъ образовалось новѣйшее масонство: изъ стариннаго и изъ деистически-филантропическаго. Слѣдующіе факты показываютъ намъ, что масонство было явленіемъ, какъ нельзя болѣе удовлетворявшимъ потребностямъ лучшей части тогдашнихъ обществъ. «Въ 1721 г. можно исторически указать едва триста братьевъ; въ 1725 г. была основана первая ложа въ Парижѣ, а въ 1728 уже былъ назначенъ провинціальный Гросмейстеръ въ Бенгаліи; въ 1830 мы слышимъ о гросмейстерахъ въ нижней Саксоніи, Остъ-Индіи и сѣв. Америкѣ. Вскорѣ почти въ каждомъ, сколько ни-будь значительномъ городѣ, была своя собственная ложа... Вотъ какъ опредѣляютъ тотъ храмъ, который масоны постоянно стремятся строить: «это храмъ гуманизма, храмъ доброй и прекрасной человѣчности, которая, хотя и не отвергаетъ церкви и государства, но стоитъ выше всѣхъ государственныхъ и церковныхъ ограниченій и исключительности—храмъ самой широкой терпимости и дѣятельной любви къ человѣку». Вліяніе масонствъ на человѣчество было, по сознанію серьезныхъ людей, долговременно и благотворно и если теперь въ обществахъ оно менѣе выражается, то это потому, какъ говорить Лессингъ, что «можно быть франмасономъ, не называясь этимъ именемъ».

Мы, наконецъ, переходимъ къ третьему періоду рассматриваемой эпохи, къ вѣку Георга II и Георга III (1727—1770). Здѣсь намъ пред-

ставляется слѣдующее замѣчаніе. Чтобы могла развиваться какая-нибудь сторона человеческой дѣятельности, ей непременно нужны стимулы, то-есть стѣсненія, гнетъ. Вотъ почему въ этомъ третьемъ періодѣ, когда Англія все-таки наслаждалась сравнительно съ остальной Европой наибольшей политической свободой, доктрины не могли пойти въ ней въ своемъ развитіи дальше конституціонализма — дальнѣйшаго ихъ развитія надо искать въ такихъ мѣстахъ, какъ въ до-революціонной Франціи. Почти тоже мы должны сказать и о развитіи англійской философіи, хотя, вслѣдствіе болѣе сильнаго антагонизма средневѣковыхъ преданій, она, конечно, пошла въ этомъ развитіи дальше политики. Теперь въ этой послѣдней дѣло идетъ не объ отстояніи принципа — онъ уже былъ осуществленъ, а о постепенномъ изысканіи средствъ, какъ все поле и подлѣе проявить его. Главнымъ дѣтелемъ на поприщѣ литературы въ этомъ отношеніи является лордъ Болингброкъ, затѣмъ Юніусъ и наконецъ Боркъ. Всѣ удары ихъ были направлены противъ тогдашняго парламента, не служившаго интересомъ народа, а совершенно напротивъ. У Геттнера разсказывается по этому случаю очень много подробностей о начавшихся уже тогда столкновеніяхъ между недобросовѣстнымъ парламентомъ и періодическою прессою, (стр. 312). Но мы должны перейти къ философскимъ ученіямъ этого періода — нашъ обзоръ и безъ того затанулся.

Философскія доктрины представляютъ въ это время вообще два направленія: одно все еще не теряетъ надежды удержатъ за собою плечу средневѣковыхъ вѣрованій и старается возвести христіанство въ естественную религію; другое же смѣло стремится впередъ на пути къ французскому философизму конца прошлаго вѣка. Представителями перваго направленія являются Тиндаль, Морганъ и Чобъ. Они, отвергая въ христіанствѣ, какъ клерикальную прибавку, все, что не совсѣмъ подходитъ подъ законы разума, считаютъ въ остальномъ христіанство совершенно естественной, то-есть разумной религіей (*rational faith*). Значитъ, это точка зрѣнія деизма. Но уже скоро появилось стремленіе поставить нравственность независимо отъ религіи и виѣ ея ученіе Шафтсбери принесло свои плоды. Къ этому лагерю относятся всѣ мыслители такъ наз. шотландской школы, то-есть имѣвшіе во главѣ Гютчисона, профессора глазговскаго. Но эта школа смотритъ на добродѣтель не какъ на нравственную красоту, но какъ на качество полезное для человѣка. Ученіе этой школы проникло посредствомъ Абта, Гарве и Мендельсона и въ рационализмъ Германіи; законы нравственности дѣлаются предметомъ самыхъ всестороннихъ изслѣдованій.

Но время быстро шло впередъ и больше и больше чувствовалось

въ атмосферѣ присутствіе жгучихъ, всеразрушающихъ доктринъ французской революціи. Мудрено-ли, что эти послѣдованія нравственности удовлетворяли далеко не всѣхъ, что среди ихъ могъ явиться Давидъ Гартли (1705—1757), который начинаегъ проповѣдывать чисто матерьялистическія воззрѣнія, пишетъ свои: «*Observations on man, his frame, his duty and his expestations,*» и въ нихъ стоитъ уже на чисто фізіологической почвѣ. Но хоть онъ и училъ, что всѣ наши дѣйствія и рѣшенія вызываются закономъ «ассоціаціи идей, который дѣйствуетъ чисто механически», однакожь и онъ все еще не осмѣлился открыто разорвать всѣ связи съ человѣческимъ произволомъ и т. п. Только послѣдователь его, Іосифъ Пристли рѣшилъ уже безъ всякихъ недомолвокъ высказать прямо принципы чистаго матерьялизма, что уже ведетъ насъ непосредственно къ нему и французскимъ философамъ, то-есть къ концу нашей настоящей статейки.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,
издаваемая по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Выпускъ второй.
 С.-п.-б. 1863.

Важность вѣрныхъ и точныхъ статистическихъ данныхъ неоспорима для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ настоящимъ состояніемъ экономическаго быта страны, и почти во всѣхъ государствахъ Европы, претендующихъ на названіе цивилизованныхъ, собраніе статистическихъ свѣдѣній составляетъ заботу правительствъ, такъ какъ онѣ служатъ руководствомъ въ принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ, представляютъ одно изъ вѣрныхъ средствъ для оцѣнки практической пользы дѣйствующихъ распоряженій правительства и много помогаютъ разрѣшенію вопросовъ, возбуждаемыхъ развитіемъ народнаго хозяйства. Если мы взглянемъ на окружающую насъ вещественную природу, то увидимъ, что въ ней все подчинено неизмѣннымъ законамъ, по которымъ совершаются наблюдаемыя нами явленія, что въ ней все происходитъ не ради какихъ либо цѣлей, а вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, то-есть міровой порядокъ чуждъ всякаго произвола: для человѣка знакомаго съ свойствами силъ природы и съ законами, по которымъ онѣ дѣйствуютъ, хорошо извѣстно, что онъ можетъ только примѣнять ихъ въ данномъ случаѣ и не болѣе... все его знакомство съ

природою заключается не въ изобрѣтеніи, а въ открытіи тѣхъ или другихъ истинъ. Если теперь мы перейдемъ къ жизни государствъ и обществъ, то въ ней съ перваго взгляда намъ покажется весьма многое произвольнымъ, или вѣрнѣе выразиться, зависящимъ отъ воли отдѣльныхъ личностей; но чѣмъ глубже будемъ мы вникать въ нее, тѣмъ болѣе будетъ въ насъ крѣпнуть убѣжденіе, что и жизнь государства слагается по однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ, измѣненіе которыхъ лежитъ въ власти отдѣльной личности: дальнѣйшее развитіе исторіи какъ строгой науки, и будетъ состоять въ *открытіи* и въ уясненіи тѣхъ вѣчныхъ законовъ, по которымъ слагается жизнь человѣчества и въ объясненіи всѣхъ ея явленій на основаніи этихъ законовъ, а не на основаніи произвола и каприза отдѣльныхъ личностей. Для знакомства съ бытомъ страны въ данный моментъ статистика представляетъ весьма вѣрное и незамѣнимое средство, она облегчаетъ извлеченіе изъ этого знакомства тѣхъ уроковъ, которые представляютъ громадную важность для будущаго, выводы теоріи государственнаго хозяйства она подтверждаетъ данными, извлеченными изъ практики, изъ самой жизни.

Изъ всего, сказаннаго выше, мы приходимъ къ тому заключенію, что статистика облегчаетъ открытіе неизмѣнныхъ законовъ (преимущественно экономическихъ), по которымъ движется жизнь человѣчества и въ этомъ заключается главное ея значеніе; съ другой стороны она служитъ чисто-практическимъ цѣлямъ и помогаетъ наилучшему устройству государственнаго хозяйства.

Статистическія свѣдѣнія только тогда могутъ приносить дѣйствительную пользу, когда самое ихъ собраніе производится въ извѣстной системѣ и вполнѣ добросовѣстно, потому что всякій выводъ, основанный на неточныхъ статистическихъ данныхъ, является или крайне поверхностнымъ, или ошибочнымъ. При критической оцѣнкѣ статистическихъ данныхъ весьма важно, какъ и къ кому онѣ собирались, потому что стройность системы расположенія ихъ и сочувствіе къ своему дѣлу самого собирателя весьма важно при опредѣленіи степени довѣрія къ статистическимъ свѣдѣніямъ. У насъ по всѣмъ отраслямъ знаній еще весьма мало людей спеціально образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу, а лицъ серьезно занимающихся статистикою еще менѣе; между тѣмъ само правительство признаетъ необходимымъ имѣть точныя статистическія свѣдѣнія и для этой цѣли учреждены губернскіе статистическіе комитеты, дѣйствующіе подъ надзоромъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ предисловіи къ разбираемой нами книгѣ и въ нѣкоторыхъ еще

ея мѣстахъ говорится о недовѣрїи публики къ офіціальнымъ статистическимъ даннымъ; но подобное недовѣрїе весьма понятно и съ нимъ можно вполне примириться, если поглубже вникнуть въ самую сущность дѣла. Народъ нашъ съиздавна познакомился съ однимъ родомъ статистическихъ данныхъ — это съ народною переписью, которой начало и дальнѣйшее развитіе основывались не на стремленїи узнать самое состояніе и внутреннее движеніе факторовъ населенія для содѣйствія улучшенію экономического быта народа путемъ введенія рациональныхъ началъ, а на чисто *фискальномъ* соображенїи. Народныя переписи ведутъ свое начало еще со временъ монгольскаго ига, когда онѣ были не общія, а мѣстныя и производились для болѣе удобнаго собиранія податей. Въ царствованіе первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ, послѣ страшнаго непрїятельскаго погрома и всеобщаго истощенія народныхъ силъ, производившіяся переписи *по дворамъ* имѣли цѣлю обложеніе жителей различнаго рода повинностями, такъ что народъ, еще не опомнившійся отъ только что пронесшейся грозы, начали цѣлыми массами записываться въ козаки, стрѣльцы, монастырскіе служители и. т. д.

При Петрѣ I для правильности рекрутскихъ наборовъ и обложенія народа подушной податью понадобилось произвести общую государственную перепись, но она не удалась, не смотря на всѣ жестокости, которыми думали достигнуть желаемой цѣли. Первоначальный принципъ, поставленный въ основанїи общей государственной переписи, былъ измѣненъ послѣдующими указами Петра I и она сдѣлалась только переписью лицъ, которыя должны были быть обложены податью, всѣ не податные элементы народонаселенія были изъ нея выдѣлены. Черезъ это первая ревизія сдѣлалась прямо противоположна матеріальнымъ интересамъ народа, а самый способъ составленія ревизскихъ сказокъ и сопровождавшія его жестокости озлобили народъ и повели за собою неудачность самой ревизїи. Но всего болѣе въ памяти народа запечатлѣлась третья ревизія (1761); одновременно съ него были воленія между крестьянами, ожидавшими освобожденія на основаніе указа Петра III, разрѣшившаго дворянамъ неслужить, такъ-какъ народъ на свои отношенія къ помѣщикамъ смотрѣлъ, какъ на вытекающія изъ обязанности послѣднихъ служить въ это время. Въ средѣ народа явственно проявился протестъ противъ крѣпостнаго права, а третія ревизїи заключила въ себѣ окончательное юридическое признаніе послѣдняго, потому что въ ней заключалось запрещеніе вольноотпущеннымъ и свободнымъ людямъ записываться за помѣщиковъ, крестьянство было такимъ образомъ явно раздѣлено на свободное и несвободное и принципъ крѣпостнаго права былъ юридически признанъ.

Вышеупомянутый способ собиранія статистическихъ данныхъ, относительно количества населенія, какъ противныйъ материальнымъ и нравственнымъ интересамъ народа, зародилъ въ немъ крайнее недоверіе ко всѣмъ чиновникамъ, собирающимъ статистическія свѣдѣнія — что весьма много препятствуетъ точности послѣднихъ. Результаты всѣхъ ревизій, какъ значится въ самой книгѣ, нами разбираемой, крайне неблестательны. Вотъ что о нихъ говорится на стр. 148:

«Вообще при нынѣшнемъ порядкѣ ревизій кажется безъ всякаго преувеличенія можно положить, что *до двухсотъ тысячъ* податныхъ лицъ мужскаго пола не записываются къ сроку. Если прибавить сюда ошибку отъ невѣрнаго и поверхностнаго счета женскаго пола, то недочетъ легко можетъ достигнуть полумилліона душъ для одной податной части населенія».

Въ главѣ о населенныхъ мѣстностяхъ, на стр. 102 находятся слѣдующія слова: «классификація эта (то-есть населенныхъ мѣстностей), результатъ историческаго хода расселенія, мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ и вѣдѣтельности юридическаго начала до того темна и сбивчива, что нѣтъ почти никакой возможности въ точности опредѣлить значеніе каждаго названія, неопредѣленнаго въ устахъ народа и еще болѣе неопредѣленнаго въ таблицахъ и спискахъ мѣстныхъ начальствъ, собирающихъ статистическія данныя. По неволѣ показанія не только по губерніямъ, но и по уѣздамъ и станамъ представляютъ огромный просторъ произволу, какъ при записываніи самихъ названій, такъ и при переводѣ названій на цифры.»

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги находится еще нѣсколько указаній на неточность предлагаемыхъ публикѣ свѣдѣній: все это вмѣстѣ можетъ поселить въ читателяхъ недоверіе къ даннымъ, заключающимся въ статистическихъ таблицахъ, не на томъ основаніи, что они *официальныя* (какъ говорятъ составители разбираемой нами книги), а потому что они сами по себѣ *неточны*.

Собраніе статистическихъ свѣдѣній въ мѣстныхъ комитетахъ лежитъ на обязанности чиновниковъ. Предполагая, что они добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, мы все-таки можемъ усумниться въ достоинствѣ ихъ трудовъ, потому что, не имѣя возможности непосредственно собирать свѣдѣнія, они зависятъ отъ другихъ административныхъ органовъ (напримѣръ полиціи), члены которыхъ далеко не сочувствуютъ собранію статистическихъ данныхъ и смотрятъ на него, какъ на излишнюю обязанность, которую только бы съ плечъ-долой. Конечно при отсутствіи частныхъ трудовъ по статистикѣ, при обширныхъ матеръ-

яльныхъ средствахъ нашихъ статистическихъ комитетовъ и собраніе оффиціальныхъ данныхъ весьма полезно и должно обращать на себя вниманіе всякаго образованнаго человѣка, но тѣмъ не менѣе при пользованіи подобными статистическими свѣдѣніями должно быть весьма осторожнымъ. чтобы не впасть въ грубыя ошибки.

Показавъ точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на «статистическія таблицы», изданныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, мы познакоимъ теперь нашихъ читателей съ самымъ содержаніемъ и характеромъ разбираемаго нами труда.

Вся книга раздѣляется на пять главъ: 1. Пространство Россійской имперіи, 2. населенныя мѣстности, 3. количество и мѣстное распредѣленіе населеніемъ, 4. распредѣленіе населенія по вѣроисповѣданіямъ и 5. сословія для составленія понятія о пространствѣ имперіи разсмотрѣны три способа его измѣренія: 1. Межеваніе, 2. вычисленіе по картамъ и 3. топографическая съемка.

При изложеніи данныхъ, полученныхъ черезъ межеваніе, ¹⁾ изложена вкратцѣ исторія послѣдняго. Генеральное межеваніе началось съ 1766 года и продолжается до сихъ поръ. При Екатеринѣ II было размежевано 14 губерній, при Павлѣ I—9, при Александрѣ I—2, при Николаѣ I—7. Въ генеральнаго межеванія оставались въ Европейской Россіи губерніи: Кіевская, Волынская, Подольская, Виленская, Гродненская, Ковенская и Минская (гдѣ со временъ польскаго владычества мѣсто межеванія заступали инвентари), губерніи Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, въ которыхъ сначала текущаго столѣтія существуетъ кадастръ и наконецъ губерніи Черниговская и Полтавская. Что касается спеціальнаго межеванія, то съ 1836 по 1849 оно производилось въ 28 губерніяхъ по полюбовному спеціальному размежеванію. Исчисленіе пространства по картамъ производилось въ 1786 г. академикомъ Крафтомъ, въ 1833 Зерновымъ подъ руководствомъ Перовщикова, ²⁾ въ 1844 Швейцеромъ подъ надзоромъ Струве ³⁾ и въ 1858 г. опять Швейцеромъ, употребившимъ въ этотъ разъ болѣе удоб-

¹⁾ Межеваніе бываетъ генеральное и спеціальное: первое имѣетъ цѣлю приуроченіе земель къ географическимъ центрамъ окружнаго владѣнія, второе—межеваніе земель къ именамъ владѣльцевъ, опредѣленіе вотчинныхъ правъ каждаго изъ нихъ и округленіе каждаго участка въ общей дачѣ.

²⁾ По почтовой картѣ, изданной въ 1827 году и по генеральной картѣ, изданной генеральномъ штабомъ въ 1825.

³⁾ По картѣ Шуберта, заключающей въ себѣ 36 губерній на 59 листахъ и простирающейся на востокъ до Казани и Симбирска.

ный и точный способ вычисления. Наконец для определения пространства имперіи служатъ еще военно-топографическія съемки новѣйшаго времени. Способъ этотъ въ сущности почти тотъ же, что ипредыдущій, но отличается тѣмъ, что карты, по которымъ производится вычисленіе, суть результатъ подробной топографической съемки. Такимъ образомъ при существованіи данныхъ, полученныхъ тремя способами измѣренія пространства, мы имѣемъ возможность сравнить ихъ между собою и составить себѣ по возможности приблизительно-вѣрное понятіе о пространствѣ европейской Россіи. Цифры генеральнаго межеванія, послѣдняго вычисленія Швейцера и военно-топографической съемки, будучи сравнены между собою, даютъ слѣдующіе результаты: къ цифрамъ военно-топографической съемки всего болѣе подходятъ цифры Швейцера, какъ наиболѣе вѣрныя, что и заставило Центральный статическій комитетъ принять послѣдніе за главное руководство при опредѣленіяхъ пространства, замѣняя ихъ цифрами военно-топографической съемки по мѣрѣ составленія послѣднихъ изъ производящихся съемокъ и вычисленій.—Все пространство Россійской Имперіи, по соображеніи всѣхъ данныхъ, имѣющихся для этого, содержитъ въ себѣ 370,042 квадратныя мили (сюда не входятъ владѣнія Россійско-Американской компаніи и поверхности Аральскаго и Каспійскаго морей, что составляетъ почти 33,968 кв. миль по Швейцеру).

Глава о населенныхъ мѣстностяхъ Имперіи представляетъ слабѣйшую часть разбираемой нами книги, сами составители которой говорить, что они предлагаютъ публикѣ, «немногія и несовѣтъ вывѣренныя данныя.» Дѣйствительно вѣрное и подробное исчисленіе населенныхъ мѣстностей необходимо для ознакомленія съ страной въ разныхъ отношеніяхъ. Самая номенклатура населенныхъ мѣстностей крайне неопредѣлительна, даже и въ опредѣленіяхъ положительнаго закона нѣтъ необходимой точности. Изъ данныхъ, заключающихся въ статистическихъ таблицахъ, мы видимъ, что по абсолютному числу населенныхъ мѣстностей первое мѣсто занимаютъ губерніи Лифляндская (35,674) и Курляндская (22,146), а послѣднее Астраханская (394). Изъ обзора цифръ населенныхъ мѣстностей видно, что на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ населеніе наиболѣе разбросано ¹⁾. Изъ

¹⁾ Въ «статистическихъ таблицахъ» принимается за среднюю цифру населенныхъ мѣстностей 39 на одну квадратную милю; вслѣдствіе чего всѣ губерніи разбиваются на пять группъ: 1-ая Курляндская (45 на одну кв. милю.) и Лифляндская (43); 2-ая Виленская, Витебская, Псковская (по 19) Ковенская (18), Ярославская (15), Смоленская и Эстляндская (по 12) Тверская и Московская (по 10); 3-я Гродненская, Костромская (8), Могилевская, Владимирская, Вятская, Калужская, Тульская (по 7), Петербург-

334,517 поселеній принадлежатъ: 2,874 къ *городскимъ* или *административно-промышленнымъ*, 244,716 къ *сельскимъ сплошнымъ* и 86,716 къ *сельскимъ одиночнымъ*. Вообще всѣ окончательные выходы изъ цифръ этой главы постоянно оговариваются составителями «статистическихъ таблицъ», которые вполне добросовѣстно и прямо указываютъ на ихъ неточность.

Глава о населеніи начинается краткимъ историческимъ очеркомъ ревизій, съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей въ началѣ статьи. Составители «статистическихъ таблицъ», указывая на всю недостаточность данныхъ, получаемыхъ ревизіей, причины этому находятъ: въ финансовомъ характерѣ ревизій, что ведетъ къ злоупотребленіямъ администраціи, въ продолжительныхъ срокахъ производства ревизіи и въ самой запутанности и сложности формъ употребляемыхъ при ревизіи, такъ что вслѣдствіе этаго введена новая система собиранія свѣдѣній о количествѣ народонаселенія, при помощи которой надѣются добиться болѣе точныхъ результатовъ: она состоитъ въ томъ, что начальники губерній обязаны ежегодно, къ 1-му Февралю, командировать въ духовную консисторію благонадежныхъ чиновниковъ, преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для собранія свѣдѣній по метрическимъ книгамъ о числѣ родившихся (особенно незаконнорожденныхъ), умершихъ и бракосочетавшихся; такія же свѣдѣнія должны быть сообщаемы ежегодно къ 1-му февралю духовными начальствами римско и армяно-католическаго, армяно-григоріанскаго, протестантскаго и магометанскаго; относительно евреевъ и идолопоклонниковъ свѣдѣнія основываются на показаніяхъ, доставляемыхъ черезъ полицію. Что касается нашего мнѣнія, то мы также не доверяемъ слишкомъ и метрическимъ книгамъ, и ихъ недостаткамъ придаемъ гораздо болѣе значенія чѣмъ составители статистическихъ таблицъ: въ метрическія книги вкрадывается значительное число ошибокъ въ отношеніи къ раскольникамъ и иновѣрцамъ, мертворожденнымъ и умершимъ безъ крещенія, а также значительному числу умирающихъ, которые не вносятся въ метрики и списки полиціи. Количество жителей всей Имперіи по «Статистическимъ таблицамъ» равняется 74,271,205 безъ включенія жителей колоній россійско-американской компани и населенія округа Дикокаменныхъ Киргизовъ. Относительно густоты населенія губерній Европейской Россіи дѣлятся на пять группъ: первая—болѣе

ская, Новгородская, Полтавская, Оровская, Рязанская и Казанская по (6); 4-ая—къ ней принадлежатъ до 20-ти юго-западныхъ губерній (отъ 1 до 4) и 5-ая Оренбургская, Самарская, Астраханская Архангельска и Земли войска (меньше 1 на кв. милю).

сорока душъ на одну квадр. версту ¹⁾, вторая—болѣе тридцати душъ на кв. версту, ²⁾ (двѣ первыя группы составляютъ какъ бы ядро Россіи и представляютъ пространство въ 13,000 кв. миль съ населеніемъ въ 23 милліона душъ.), третья группа—болѣе двадцати душъ на одну кв. версту ³⁾, четвертая группа—отъ десяти до двадцати душъ на одну кв. версту ⁴⁾ наконецъ пятая группа—менѣе 10 душъ на одну кв. версту ⁵⁾. Къ этой главѣ «Статистическихъ таблицъ» приложена весьма хорошая карта населенности Европейской Россіи по уѣздамъ, которая даетъ весьма полное общее понятіе о распредѣленіи самаго населенія.

Въ главѣ «Вѣроисповѣданія», на стр. 208 въ доказательство вѣрности статистическихъ свѣдѣній этого отдѣла говорится: «Лучшее ручательство за вѣрность показаній свобода совѣсти, существующая въ Россіи не только для всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но и для вѣроисповѣданій нехристіанскихъ». Мы не станемъ входить въ разсужденіе, на сколько свобода совѣсти получила развитіе у насъ, потому что это отвлекло бы насъ отъ цѣли нашей статьи. Мы укажемъ только на стр. 210, гдѣ говорится о результатѣ посланки особыхъ чиновниковъ министерстра внутреннихъ дѣлъ для собранія свѣденій о количествѣ раскольниковъ. Вотъ что тамъ сказано: «свѣденія, собранныя этими путемъ ясно доказали несостоятельность цифръ ежегодныхъ официальныхъ вѣдомостей и существованіе огромной массы раскольниковъ тайныхъ. Этотъ отдѣлъ тайныхъ раскольниковъ, не входящихъ въ раскольничьи официальные вѣдомости, такъ обширенъ, что нѣтъ почти никакой возможности съ точностію опредѣлить ихъ численность. Такимъ образомъ мы принуждены весьма мало довѣрять показаніямъ «Статистическихъ таблицъ», относительно количества и распредѣленія раскольниковъ, на основаніи ихъ собственныхъ словъ, прямо противорѣчащихъ сказанному на стр. 208. Число раскольниковъ вообще, по отзыву «Статистическихъ таблицъ», равняется 1/6 всего православнаго населенія, равняющагося 51,474,209 душъ обоего пола. Римско-и армянско-католиковъ въ европейской Россіи считается 2,820,000 душъ,

¹⁾ Московская, Курская, Тульская, Кіевская, Полтавская и Подольская.

²⁾ Рязанская, Калужская, Орловская, Пензенская Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Ярославская, Черниговская.

³⁾ Об. Бессарабская, Гг. Владимирская, Казанская, Нижегородская, Ковенская, С. Петербургская, Сибирская, Тверская, Гродненская, Волынская, Курляндская, Виленская, Саратовская, Смоленская, Лифляндская, Могилевская.

⁴⁾ Витебская, Псковская, Екатеринославская, Эстляндская, Вятская, Херсонская, Бостромская, Таврическая, Минская, Самарская.

⁵⁾ Новгородская, Пермская, земля Войска Донскаго, Оренбургская, Вологодская, Ооинецкая, Астраханская и Архангельская.

протестантовъ—1,960,000 душъ, евреевъ и караймовъ—1,445,613, магометанъ—5,700,000 и азычниковъ—478,349 душъ. Мы считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на отношеніе римско-католиковъ и евреевъ къ общему населенію въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Римско-католики всего болѣе сосредоточены въ губерніяхъ: Ковенской (81%), Виленской (63%), Гродненской (33%) и Витебской (28%); затѣмъ слѣдуютъ губерніи: Минская (17%), Подольская (12%), Волинская (11%), Курляндская (10%), Кіевская (5%), Могилевская (4%) и т. д. Что касается населенія евреевъ, то максимумъ ихъ не превышаетъ 12% всего населенія (губ. Волинская Могилевская), затѣмъ они находятся въ болѣе значительномъ количествѣ въ губерніяхъ Кіевской (11%), Подольской (11%), Гродненской (11%), Ковенской (10%) и Минской (10%).

Изъ данныхъ, заключающихся въ «Статистическихъ таблицахъ» о количествѣ лицъ различныхъ сословій, мы выпишемъ наиболѣе интересныя цифры: дворянъ потомственныхъ и личныхъ считается 886,782 лицъ обоого пола, духовенства и церковнослужителей 601,929 душъ обоого пола, городскихъ сословій 4,300,355, сельскихъ сословій 48,953,482 ¹⁾ и военныхъ сословій 3,767,436 душъ обоого пола.

Мы представили читателямъ сперва нашъ взглядъ на значеніе статистическихъ данныхъ, потомъ вкратцѣ изложили содержаніе «Статистическихъ таблицъ» и теперь считаемъ нелишнимъ прибавить нѣсколько заключительныхъ словъ. Разсмотрѣнный нами трудъ заслуживаетъ полнаго уваженія и представляетъ весьма интересный матерьялъ для всякаго любознательнаго человѣка, но къ сожалѣнію надобно сказать, что онъ могъ быть гораздо интереснѣе, еслибы заключалъ въ себѣ свѣденія, которыя не входятъ теперь въ его составъ и которыя значительно оставили бы самое содержаніе «Статистическихъ таблицъ.» Такъ въ нихъ нѣтъ свѣденій о количествѣ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей (вообще роженій), умершихъ, бракосочетавшихся и т. д. нѣтъ свѣденій о пожарахъ, наводненіяхъ, несчастныхъ случаяхъ и т. д. нѣтъ никакихъ данныхъ, относящихся до торговли и промышленности. Можно надѣяться, что современемъ центральный статистическій комитетъ пополнитъ этотъ пробѣлъ и придастъ еще болѣе

¹⁾ Изъ этихъ: крестьянъ государственныхъ 20,050,240; колонистовъ 449,553, крестьянъ удѣльныхъ 2,070,013, крестьянъ горно-заводскихъ 267,282, крестьянъ разныхъ другихъ вѣдомствъ 2,450,352, крестьянъ временно-обязанныхъ 21,162,949, и дворовыхъ 1,382,783.

интереса издаваемымъ имъ «Статистическимъ таблицамъ». Вообще надобно сказать, что за отсутствіемъ самостоятельныхъ статистическихъ трудовъ и подобный статистическій сборникъ можетъ принести весьма много пользы, особенно если осторожно обходиться съ представляемыми имъ данными.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

PROBLEMATISCHE NATUREN. Roman von *Fr. Spielhagen*.

DURCH NACHT ZUM LICHT. (Fortsetzung von «Problematische Naturen».) Roman von *Fr. Spielhagen*. Zweite, neu durchgesehene Auflage. Berlin, 1863.

Несмотря на сильныя и почти повсемѣстныя нападки на поэзію и искусство вообще, которыя, долго и честно служа высшимъ человѣческимъ нуждамъ и интересамъ, вдругъ будто бы оказались вовсе ненужными, — извѣстныя формы искусства и поэзіи, успѣвшія болѣе или менѣе приспособиться съ своему новому положенію и роли въ современной цивилизаціи, оказываются, какъ нарочно, совершенно необходимыми и рѣшительно незамѣнимыми въ наше время. Таковъ между прочимъ и романъ, принявшій въ нашъ вѣкъ столько разнообразныхъ отгѣнковъ и взявшійся за столь многоразличныя задачи. Искусство вообще имѣетъ между-прочимъ одно важное преимущество предъ всѣми другими родами дѣятельности человѣческаго духа, преимущество, на которое почему-то мало обращалось вниманія во всѣхъ ожесточенныхъ спорахъ между сторонниками и противниками его. А именно оно всегда имѣетъ дѣло непосредственно съ самимъ человекомъ, и именно съ цѣлымъ человекомъ, то есть разомъ со всѣми сторонами его дѣятельности, между тѣмъ какъ все другое

занимается лишь отдѣльными проявленіями человѣческой дѣятельности или продуктами этой дѣятельности, то-есть болѣе или менѣе отвлеченностями. Отсюда крайне выгодное и незамѣнное, какъ прежде, такъ и нынѣ, положеніе искусства относительно количества, разнообразія и достоинства содержанія, даваемаго имъ при сравнительно меньшей, по объему, формѣ. Обязаное имѣть постоянно дѣло съ цѣлымъ человѣкомъ, болѣе или менѣе живо и художественно схваченнымъ образомъ, оно сводитъ опять къ главному фокусу разбѣжавшуюся по разнымъ направленіямъ мысль, возвращаетъ ее къ единственному, первоначальному источнику всякаго движенія мысли и заставляетъ невольно слыхать и повѣрять на самомъ живомъ субъектѣ выводы, сдѣланные на разнообразныхъ, часто слишкомъ отвлеченныхъ путяхъ мышленія. Такая отрезвляющая и собирающая расщепленную мысль дѣятельность искусства представляется даже особенно необходимою въ эпохи, подобныя нашей, когда въ человѣчествѣ колеблется вѣра въ твердость и правильность пути, по которымъ шло оно, подрывается довѣріе къ важнѣйшимъ принципамъ, руководившимъ дѣятельностью отдѣльныхъ членовъ, ищутся новыя начала и пути въ самой природѣ человѣческой.

Всѣмъ этимъ задачамъ призвано удовлетворить въ наше время по-своему и искусство. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ важнаго значенія въ наше время романа. Искусство, котораго вѣчно отрезвляющее и сосредоточивающее значеніе требуется человѣчествомъ съ извѣстною настоятельностью въ извѣстныхъ тяжелыхъ эпохи, должно было неизбѣжно выступить съ новою силою и теперь, но оно избрало въ настоящее время по преимуществу форму романа, какъ наиболѣе свободную, безъискусственную и въ тоже время допускающую выраженіе самыхъ разнообразныхъ общихъ вопросовъ и задачъ, представляемыхъ текущею жизнью. И было бы крайне безразсудно отказаться вовсе отъ этой важной формы выраженія общественнаго званія, общественныхъ задачъ и стремленій, подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, будто-бы искусство есть старая, отжившая форма, не удовлетворяющая требованіямъ болѣе здравой и трезвой современной мысли.

Съ другой стороны и для мысли, изучающей современную жизнь во всевозможныхъ ея проявленіяхъ, для мысли, желающей понять и уяснить собѣ темныя стремленія, движущія массами,

идей и начала, смутно бродяція и переработывающіяся человѣчествомъ, свойства и особенности племенныхъ началъ, роль каждаго народа въ великой задачѣ, разрѣшаемой общей цивилизаціей,—романъ, какъ наиболѣе удобная и употребительная художественная форма нашего времени, представляетъ богатые данныя, какихъ напрасно мы стали бы искать въ другихъ сферахъ, или которыя по крайней мѣрѣ группируются и сосредоточиваются въ художественной формѣ романа съ особымъ богатствомъ.

Соціальныя науки лишь начинаютъ развиваться въ наше время. Еще очень недавно само общество человѣческое не составляло особаго предмета изученія и, казалось, не представляло для ученыхъ особаго интереса. Правда, весьма многіе предметы вѣдѣній касались человѣческихъ обществъ и различныхъ, существовавшихъ въ нихъ, учреждений; но эти предметы обрабатывались преимущественно по направленіямъ, издавна установившимся и во многомъ уже устарѣвшимъ. Всѣ области вѣдѣнія были раздѣлены на многія отрасли наукъ, но между ними не было такой отрасли, которая бы занималась физиологіей обществъ, изучала само общество, какъ нѣчто живое и въ высшей степени интересное. Наука новѣйшаго времени почувствовала наконецъ этотъ важный пропускъ и замѣчательные труды Ривля и другихъ положили уже основаніе новой науки, новыхъ точекъ зрѣнія на человѣческія общества. Но, какъ мы уже сказали выше, положили только начало. Огромная масса интереснѣйшихъ фактовъ, представляемыхъ жизнью человѣческихъ обществъ, остается еще до сихъ поръ внѣ сферы существующихъ политическихъ и соціальныхъ наукъ и находить себѣ пока единственное мѣсто въ художественной формѣ романа.

Съ этой по преимуществу точки зрѣнія думаемъ мы рассмотреть романъ Шпильгагена, заглавіе котораго стоитъ выше. О немъ заговорили, онъ уже имѣетъ второе изданіе: значитъ нѣмецкое общество узнало въ немъ себя, свои интересы, свои вопросы и уже съ одной этой стороны онъ слѣдовательно заслуживаетъ вниманіе всякаго образованнаго человѣка, даже и не принадлежащаго къ германскому племени. Но кромѣ того онъ, какъ вначе и быть не можетъ въ наше время, разрѣшая или ставя вопросы чисто-нѣмецкіе, поднимаетъ въ тоже время и вопросы общечеловѣческіе, выражаетъ общія стремленія и задачи

эпохи. И это тѣмъ болѣе, что Германія еще и до сихъ поръ не совсѣмъ утратила свою умственную привилегію на возбужденіе и разработку самыхъ общихъ, самыхъ широкихъ человѣческихъ вопросовъ. Наконецъ, кромѣ всего этого, романъ Шпильгагена обличаетъ въ авторѣ, кромѣ человѣка, живо чувствующаго современныя тенденціи и большыя мѣста общества, еще и человѣка съ положительнымъ талантомъ, то-есть съ одной стороны даетъ намъ художественныя, типическія картины общества, съ другой ярко и вѣрно выражаетъ задушевнѣйшіе мотивы, смутно живущіе въ умахъ и сердцахъ современныхъ людей и управляющія болѣе или менѣе ихъ драматическими столкновеніями съ другими людьми и съ обществомъ.

Слѣдшимъ оговориться, впрочемъ, что романъ г. Шпильгагена далеко не представляетъ той высшей и окончательной художественной формы, гдѣ тенденція, планы и вообще искусственныя приемы автора исчезаютъ и какъ-бы уступаютъ мѣсто законамъ самой жизни и природы, по которымъ и кажется совершающимся событіе, изображенное въ романѣ. Этого высшаго очарованія, доступнаго искусству, произведеніе Шпильгагена, повторяемъ, далеко не достигаетъ, а потому самому и не представляетъ столь безусловно цѣннаго матеріала для изученія, какое заключается въ высшихъ произведеніяхъ творчества. Романъ Шпильгагена представляетъ очень много вѣрныхъ и живыхъ картинъ общества, возбуждаетъ множество современныхъ вопросовъ, третируемыхъ авторомъ съ остроуміемъ и часто глубиною; черты вѣка отражаются живо и вѣрно въ его герояхъ и пр. и пр.: но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страдаетъ и многими недостатками. Храктеры, нѣтъ выведенные, не запечатлѣваются неизгладимыми чертами въ памяти; въ поведеніи отдѣльныхъ лицъ и въ самомъ теченіи событій есть много произвольнаго, несогласнаго съ психологической и жизненной правдой и, очевидно, нужнаго автору лишь для извѣстныхъ видовъ; вообще это романъ сочиненный, нѣсколько даже натянутый, полный длинныхъ, вставочныхъ разсужденій, хотя во ирешеніяхъ, отдаваясь безусловно движенію своего таланта, авторъ производитъ сцены полныя жизни, прелести и правды. Но прежде нежели мы перейдемъ къ изложенію внутренняго содержанія романа и къ изученію жизненныхъ явленій и вопросовъ, въ немъ выразившихся, оказывается необходимымъ познакомиться

читателя хотя отчасти съ общею канвою и нѣкоторыми подробностями самаго романа.

Одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, возбужденныхъ романомъ Шпильгагена, вопросъ, проходящій чрезъ все его содержаніе, есть вопросъ чисто мѣстный, нѣмецкій—это взаимныя отношенія высшаго, баронскаго сословія къ среднему, какъ они выработались историческимъ теченіемъ жизни и сталкиваются теперь лицомъ къ лицу на весьма многихъ путяхъ. Въ этомъ отношеніи романъ представляетъ важное политическое значеніе и съ этой именно стороны долженъ представлять особенный интересъ для нѣмцевъ, хотя въ тоже время не лишентъ значенія и для другихъ странъ, представляющихъ болѣе или менѣе аналогическія столкновенія привилегированнаго сословія съ остальными классами общества. Одна изъ основныхъ идей романа есть изобличеніе несостоятельности нѣмецкаго дворянства, какъ замкнутаго сословія, вырожденія его, пустоты его жизни, застоя въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и проч., что все заставляетъ его повемногу уступать передъ непрерывно возникающими въ среднемъ сословіи новыми силами и талантами, и грозитъ ему скорымъ окончательнымъ паденіемъ. Интрига, придуманная авторомъ для полнаго развитія этой мысли, не лишена остроумія, хотя и носитъ на себѣ слѣды случайности и искусственности. Это двойная *mésalliance*, перепутавшая всѣ отношенія двухъ отчужденныхъ другъ отъ друга классовъ и кончившаяся трагическою кончиною каждаго изъ двухъ лицъ, рожденныхъ при столь исключительныхъ условіяхъ.

Съ одной стороны плебей Освальдъ, рожденный отъ незаконной связи красиваго и даровитаго, но дикаго и необузданнаго барова Гаральда фонъ-Гренвицъ съ обманутой имъ дѣвушкой изъ средняго класса, носитъ въ своей крови всѣ аристократическія качества древняго рода Гренвицей, которыя придаютъ ему рыцарскія черты, рѣзко отличающія его отъ другихъ людей его класса, сообщающія ему особое обаяніе и благородство, и въ тоже время дѣлающія его идеалистомъ, неспособнымъ къ практической жизни, мученикомъ самого себя. Съ другой стороны князь Вальдернбергъ, съ древнимъ аристократическимъ именемъ, но рожденный отъ связи своей матери съ красивымъ и сильнымъ канатнымъ плясуномъ, получаетъ отъ этой плебейской крови вѣстѣ

съ необыкновенною физическою крѣпостью энергію и силу духа, достойныя хорошей доли; оба гибнутъ вслѣдствіе невыносимыхъ противорѣчій своей природы и общественнаго положенія. Въ кровавой схваткѣ на баррикадѣ Освальдъ, носящій въ себѣ баронскую кровь и качества, гибнетъ за дѣло народа; князь Валдербергъ, плебей по крови, гибнетъ, защищая интересы враговъ народа, привилегированныхъ классовъ.

Нельзя не согласиться, что эта параллель, столь строго выдержанная авторомъ для своихъ цѣлей, можетъ показаться нѣсколько смѣшною, представленная въ столь сжатомъ видѣ; но въ самомъ романѣ нагота мысли заставлена довольно искусно разсужденіями, живою интригою и прочими искусственными приемами, которые не допускаютъ ее броситься въ глаза своею наготою. Мы уже замѣтили выше, что вообще разсужденія составляютъ главное содержаніе романа и представляютъ безпрестанныя поясненія со стороны автора къ выводимымъ лицамъ и ихъ столкновеніямъ, вообще къ развиваемой съ извѣстной задачей интригѣ романа. Поэтому мы не успѣли бы дать нашимъ читателямъ вѣрнаго понятія о содержаніи и значеніи самаго романа, еслибы не привели въ подлинникѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ разсужденій, которыя въ тоже время очень облегчатъ читателю вѣрное пониманіе идеи романа. Но расскажемъ въ краткихъ словахъ интригу романа.

Эпиграфомъ первой части романа Шпильгагена выбраны слѣдующія слова изъ Гёте: «Существуютъ загадочныя натуры, которымъ не приходится по мѣркѣ никакое положеніе, въ которое ставить ихъ жизнь, и которые ничѣмъ не довольны. Отсюда возникаетъ страшное противорѣчіе, которое заставляетъ ихъ губить жизнь безъ наслажденія ею.» Самъ авторъ не разъ устами различныхъ своихъ героевъ опредѣляетъ ближе и подробнѣе эти загадочныя натуры. Одну изъ такихъ загадочныхъ натуръ выбралъ г. Шпильгагенъ героемъ своего романа и около него сгруппировалъ множество другихъ лицъ, связанныхъ отношеніями, а иногда и просто идеею романа, съ главнымъ героемъ. Это Освальдъ, двусмысленное происхожденіе котораго мы уже видѣли и который волею судебъ попадаетъ сразу по окончаніи университетскаго курса домашнимъ учителемъ въ домъ къ барону Гренвицъ, причемъ ни самъ Освальдъ, ни семейство Гренвицъ не

подозрѣваютъ своей взаимной, близкой родственной связи. Къ довершенію запутанности общественнаго положенія Освальда и интриги романа, отецъ Освальда, баронъ Гаральдъ, умирая въ отчаяніи и отъ пьянства послѣ побѣга обманутой и увезенной имъ дѣвушки, оставляетъ завѣщаніе, которымъ значительную часть своего имѣнія, не принадлежащаго къ майорату, отказываетъ сыну или дочери, долженствующимъ родиться отъ его незаконной связи. Это завѣщаніе, котораго сила должна окончиться по истеченіи двадцати-пяти лѣтъ, лежитъ тяжелымъ камнемъ на семействѣ Гренвицей, которые, еслибы нашелся этотъ законный наследникъ, лишаются вмѣстѣ съ дочерью всего состоянія, такъ какъ майоратъ переходитъ весь къ сыну. Мы увидимъ ниже, какъ усложняетъ это обстоятельство интригу романа, а теперь обратимся пока къ главному герою, представителю основной идеи романа, и посмотримъ что за лицо имѣемъ мы предъ собою и на сколько это лицо можетъ быть названо типичнымъ для нашего времени и достойнымъ общаго вниманія. Лучшимъ способомъ для этого мы считаемъ привести сужденія нѣкоторыхъ изъ лицъ самаго романа объ Освальдѣ, такъ какъ это есть, между прочимъ, вѣрнѣйшій способъ въ романѣ не вполне художественномъ познакомиться со взглядомъ самаго автора на своего героя. Послушаемъ на первый разъ разговоръ Освальда съ богатымъ, умнымъ, много путешествовавшимъ и испытывавшимъ на своемъ вѣку барономъ Ольденбургомъ при возвращеніи ихъ съ бала:

«Долго они ѣхали безмолвно подъ влияніемъ разнообразныхъ впечатлѣній только-что прожитой, шумной ночи. Вдругъ баронъ прервалъ молчаніе:

— Вы не курите?

— Нѣтъ.

— Смѣю ли предложить вамъ сигару?

— Я вовсе не курю.

— Это удивительно!

— Отчего же?

— Потому что я не могу понять, какъ можетъ выдержать человѣкъ въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ, не курия табакъ или опиума, не жуя гашиша или не заглушая какимъ-нибудь другимъ способомъ глубокое чувство тоски о своемъ бесплодномъ и скучномъ существованіи. И именно въ васъ я понимаю это менѣе всего.

— Почему же именно во мнѣ?

— Потому что, если я не заблуждаюсь глубоко, вы смертельно

больны тоскою по голубомъ цвѣткѣ и умрете въ одно прекрасное утро съ этою неудовлетворенною тоскою. Вы помните объ этомъ голубомъ цвѣткѣ въ рассказѣ Новалиса? цвѣткѣ, по которому томилось бѣдное сердце Гейнриха фонъ Остердингена? Голубой цвѣтокъ! Знаете ли вы, что это такое? Это цвѣтокъ, котораго не видѣло никогда ни одно смертное око и котораго запахомъ однако полна вселенная. Не всякое твореніе устроено довольно тонко, чтобы слышать этотъ запахъ; но соловей, заливающійся при свѣтѣ луны или при мерцаніи утра, поетъ подъ его напѣвѣмъ; этимъ же запахомъ упоены всѣ тѣ глухие люди, бывшіе и существующіе, которые въ прозѣ и стихахъ возсылали и возсылаютъ свои жалобы къ небу, и миліоны тѣхъ, которымъ никакое божество не дало силъ для выраженія того, что они терпятъ, и которые въ нѣмой боли поднимаютъ свои глаза къ небу, остающемуся къ нимъ безжалостнымъ. Увы! нѣтъ изъ этой болѣзни другаго выхода кромѣ смерти. Кто хотя однажды вдохнулъ въ себя ароматъ голубаго цвѣтка, для того уже не можетъ быть минуты покоя въ этой жизни. Какъ проклятаго убійцу, какъ нечестиваго оскорбителя святыхъ гонить его невѣдомая сила все далѣе и далѣе, какъ бы ни болѣли его израненныя ноги и какъ бы ни желала его усталая голова склониться и отдохнуть. Напрасно, измученный жаждой, остававливается онъ передъ той или другой живиной и проситъ глотка воды: онъ возвращаетъ безъ благодарности пустую кружку: его смутитъ либо муха, плавающая въ водѣ, либо нечистота сосуда, будь онъ хоть изъ азбеста; такъ или иначе, однако онъ не найдетъ утоленія. Утоленія! Но гдѣ найдется тотъ взоръ, въ который бы взглянувъ однажды, не захотѣлось уже никогда взглянуть въ другой, болѣе блестящій и жгучій; гдѣ та грудь, на которой разъ успокоившись, мы не захотѣли бы услышать бѣшенія другаго болѣе жаркаго, болѣе проникнутаго страстью? Гдѣ? я спрашиваю васъ, гдѣ?

Баронъ замолчалъ. Освальдъ чувствовалъ себя взволнованнымъ страннымъ образомъ. То, что говорилъ этотъ странный человѣкъ какъ бы мечтая, какъ-бы говоря самъ съ собою, почти въ эгегическомъ тонѣ, рѣзко противорѣчившемъ его обычной, нѣсколько грубой и жесткой манерѣ; все это были собственныя мысли Освальда, которыя слишкомъ и слишкомъ часто приходили ему въ голову еще ребенку и потомъ опять въ жизни... Ему стало страшно какъ-будто выслушивать своего двойника и онъ молчалъ, не находя силъ продолжать разговоръ.

— Меня всегда поражало то обстоятельство, продолжалъ баронъ, — что человѣкъ долженъ непремѣнно забыть самого себя, свое существованіе, прежде нежели приходитъ въ то состояніе, которое, за недостаткомъ болѣе точнаго выраженія, мы называемъ счастіемъ, и что мы считаемъ тѣмъ болѣе счастливымъ положеніе человѣка, чѣмъ глубже это забвеніе. «*The best of life is but intoxication*», сказалъ лордъ Байронъ.

Да! сама любовь Ромео и Юлии, любовь, за которую идут на смерть как на праздникъ, есть тоже самозабвеніе, опьяненіе! «Спать лучше, чѣмъ бодрствовать, говоритъ индѣйская мудрость; но лучше всего — смерть.»

Такъ разсуждаютъ въ откровенной бесѣдѣ двѣ проблематическія натуры, ибо, какъ увидимъ мы далѣе, романъ представляетъ болѣзнь вѣка не въ одномъ типѣ, но въ различныхъ степеняхъ. Баронъ Ольденбургъ есть одна изъ такихъ тоже проблематическихъ натуръ; но значительныя средства и независимое положеніе позволяютъ ему безпрепятственно удовлетворять своей артистической натурѣ и съ ранней юности срывать цвѣты жизни, не оставаясь долго ни передъ однимъ. Отсюда ранняя опытность и благоразуміе, удерживающія его отъ многихъ роковыхъ безразсудствъ. Притомъ болѣзнь вѣка повидимому задѣла его не глубоко, такъ какъ онъ среди своей бурной и полной приключеній жизни сохраняетъ напримѣръ постоянную любовь къ подругѣ дѣтства, Мелиттѣ фонъ-Берковъ. Напротивъ Освальдъ есть чистѣйшій представитель загадочныхъ натуръ и мы должны всмотрѣться въ него глубже. Сейчасъ мы слышали снисходительный о немъ судъ сходной съ нимъ натуры и вмѣстѣ откровенное выраженіе такихъ натуръ. Посмотримъ Освальда въ столкновеніи съ практической, живою натурою умнаго, даровитаго, но въ тоже время одареннаго рѣшительною волею и способностью мириться съ жизнью и ея дарами доктора Брауна. Разговоръ происходитъ послѣ возвращенія изъ пансіона въ семейство барона Гренвица его дочери Елены, которая произвела на обоихъ молодыхъ людей самое сильное впечатлѣніе своей необыкновенной красотой и какой-то строгою, античною величавостью.

— Да, это истинная красота, воскликнулъ докторъ, когда они вошли въ комнату Освальда, — и притомъ красота, способная привести въ отчаяніе живописца, потому что именно самое лучшее въ ней, этотъ благоуханный расцвѣтъ, не позволяетъ выразить себя линіями и красками и можетъ быть переданъ развѣ только музыкой. Я бы желалъ чтобы ее увидѣли Бетховенъ или Робертъ Шуманнъ; и тогда мы послушали бы ту высокую демоническую композицію, какую породила бы въ нихъ эта могущественная красота.

— Однако скажите же, кто изъ насъ двоихъ болѣе мечтатель? спросилъ улыбаясь Освальдъ! Вы или я?

— Конечно вы, отвѣчалъ докторъ, — ибо высшая степень восхищен-

нія есть глубокое безмолвіе. Кто еще находятъ выраженіе для своего восторга, у того остается уда в рукахъ. И притомъ я могу видѣть женскую красоту и даже восторгаться ею, не оставая даже моеи сигары, какъ вы видите, и находя въ ней такой же вкусъ, какъ и прежде. Вы же, напротивъ, способны забыть ѣду и питье и все прочее и броситься стремглавъ въ пучину мечтаній, не думая даже о томъ, можете ли вы когда-нибудь вынырнуть вновь на свѣтъ божій.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Совершенно. Въ послѣднее время я очень внимательно и усердно изучалъ васъ и результатомъ моихъ изысканій вышло, что вы представляете прекрасный экземпляръ одного весьма распространеннаго въ наше время вида *generis humani*, что вы одинъ изъ потомковъ нѣкогда унесеннаго чортомъ доктора Фауста, однимъ словомъ одинъ изъ тѣхъ *Faustuli posthumi*, если можно такъ выразиться, которые только обрили свою длинную ученую бороду и ходятъ уже не въ романтическомъ костюмѣ среднихъ вѣковъ, а въ модномъ фракѣ, въ сущности же совершенно по-фаустовски страдаете страстною жаждою наслажденій, и наслаждаясь, уже вновь тоскуете по желаніямъ.

— Загадочная природы, какъ называется ихъ баронъ Ольденбургъ замѣтилъ Освальдъ.

— Очень счастливое названіе, замѣтилъ докторъ.— Впрочемъ баронъ конечно долженъ знать въ дѣлѣ толкъ, такъ какъ онъ самъ принадлежитъ къ этому братству и я полагаю даже, что онъ занимается въ немъ не послѣднее мѣсто. По крайней мѣрѣ такъ я думаю на основаніи того, что слышалъ объ немъ, такъ какъ мнѣ вовсе не случалось разговаривать съ нимъ и даже видѣть его я одинъ разъ, мелькомъ.

— Да, баронъ дѣйствительно странный человѣкъ, о которомъ очень трудно произнести рѣшительное и правильное сужденіе.

— Да иначе онъ не былъ бы загадочною натурой. Кстати, я слышалъ, что вы пользуетесь особымъ расположеніемъ барона, что вы одинъ изъ немногихъ друзей его. И именно потому я буду говорить откровенно. Я не могу равнодушно видѣть, когда человѣкъ, такъ богато одаренный отъ природы, какъ баронъ, влачитъ свою жизнь въ какой-то безпечной лѣни, или правильнѣе, въ дѣятельной праздности: самый жестокій упрекъ, по моему мнѣнію, какой только можетъ быть сдѣланъ въ наше время человѣку, въ наше время, когда такъ много, много дѣла.

— Но чѣмъ же виноватъ бѣдный баронъ, если насущный хлѣбъ будничной жизни ему не по вкусу?

— Развѣ вы думаете, что онъ мнѣ *по окусу*? воскликнулъ докторъ Браунъ и щеки его покрылись краской, глаза заблестали:— думаете ли вы, что прекрасный богъ Аполлонъ, когда онъ пасъ стада адметовы и подъ тѣнью дуба утолялъ свой голодъ скромною трапезою рабовъ, не вспоминалъ съ тоскою объ амбровіи и нектарѣ и о золотыхъ

столахъ въ дому Зевса? И однако онъ несъ свою ношу и покорился предопредѣленію.

Докторъ вскочилъ со стула; онъ прошелъ нѣсколько разъ быстрыми шагами взадъ и впередъ по комнатамъ и потомъ, остановившись передъ Освальдомъ и протянувъ ему съ дружескимъ и глубокоискреннимъ движеніемъ руки, сказалъ: «Простите, если я можетъ-быть оскорбилъ васъ какимъ-нибудь необдуманнѣйшимъ словомъ. Но я всегда прихожу въ неудержимое раздраженіе, когда вижу богато одаренную личность праздною или идущею по ложной дорогѣ. Первое есть, по моему мнѣнію, грѣхъ противъ святаго Духа, величайшій изъ нашихъ грѣховъ; второй, если и не такъ важенъ, то все-таки почти равняется первому. Первому грѣху я считаю васъ непричастнымъ, но во второмъ положительно обвиняю...»

Въ теченіи романа и по поводу различныхъ положеній, въ которыхъ попадаетъ нашъ герой, различныя дѣйствующія лица и самъ авторъ не разъ еще высказываютъ свой взглядъ на тѣ исключительныя натуры, которыхъ представителемъ служитъ Освальдъ. Но мы полагаемъ уже достаточнымъ приведенныхъ двухъ цѣпей, чтобы попробовать отвѣчать на вопросъ: чтоже наконецъ за героя имѣемъ мы передъ собою, въ какой степени онъ представляетъ намъ общія, родовыя черты человѣческой природы, на сколько онъ продуктъ своей эпохи и какъ связано его существованіе съ общими положеніемъ современныхъ идей и стремленій? Вопросы эти, какъ читатель вѣроятно согласится, не безъинтересны для всякаго мыслящаго человѣка.

Нетрудно прежде всего увидѣть въ Освальдѣ старую романтическую идею, мимо которой не могъ пройти, не коснувшись ея, ни одинъ изъ новѣйшихъ великихъ поэтовъ, идею, которая различнымъ образомъ вдохновляла Байрона и Гёте, нашихъ Лермонтова и Пушкина, идею, которая не разъ выразилась и въ дѣятельности Тургенева. Но если у насъ эта идея есть нѣкоторымъ образомъ растеніе чуждое, пересадное, принявшее на этой чуждой почвѣ нѣсколько особый, мѣстный видъ, то въ Германіи, странѣ по преимуществу глубокомысленныхъ и туманныхъ вопросовъ и задачъ, она есть по преимуществу туземное растеніе и продолжаетъ существовать и развиваться въ своемъ первоначальномъ, чистѣйшемъ видѣ. Тогда какъ у насъ тотъ типъ, будучи воспроизведенъ даже нашими лучшими поэтами, не замедлилъ опошлаться и снизойти на степень «москвича»

въ гарольдовомъ плащѣ»,—въ Германіи, на родной почвѣ, онъ окруженъ еще ореоломъ; самые практическіе люди, обличая его и негодуя на него, продолжаютъ оказывать ему, какъ мы видѣли, глубокое уваженіе, признаютъ его высшею, избранною натурой и не идутъ въ своихъ названіяхъ для него дальше неопредѣленного, верѣшительнаго термина «загадочныхъ натуръ». Кто поступилъ лучше и справедливѣе: наше ли общество, такъ поспѣшно раздѣлавшееся съ типами этого рода, или глубокомысленная Германія, продолжающая еще разрабатывать его съ уваженіемъ, — рѣшить трудно, хотя и интересно; во всякомъ случаѣ однако несомнѣнно, что типы Демоньевъ, Героевъ нашего времени. Руденныхъ, Алеко и тому подобные, далеко не исчерпали вѣчной идеи въ немъ лежащей, и что рано или поздно литература наша еще воротится къ этому неотразимому образу нашей эпохи, какъ только поуправится съ своими домашними дѣлами и перейдетъ къ болѣе широкимъ, общечеловѣческимъ задачамъ. Объ этомъ-то общемъ содержаніи идеи, взятой въ основу романомъ Шпильсгена, мы и хотимъ теперь сказать нѣсколько словъ.

Въ человѣчествѣ всегда были и будутъ два главные и въ крайностяхъ совершенно противоположные типа людей. Одни крѣпкими корнями сростаются съ жизнью и средой, въ которыхъ поставила ихъ судьба, и чувствуютъ себя въ нихъ совершенно дома, у себя. Существующія вѣрованія, нравственные правила, устройство государства, семьи и проч. и проч., — все это они принимаютъ какъ неизбѣжное, необходимое и въ тоже время какъ-бы безусловно разумное. Въ частности они конечно находятъ необходимыми тѣ и другія измѣненія и улучшенія, но лишь съ условіемъ не касаться до существа разъ признанныхъ ими вещей. Роковыя вопросовъ, которыхъ смѣлое и категорическое рѣшеніе можетъ иногда разрушить всю систему убѣжденій и понятій, они положительно избѣгаютъ, смутно чувствуя, что этотъ путь можетъ разомъ вырвать ихъ изъ обычной колеи жизни и лишить ихъ твердой почвы подъ ногами. Сильныхъ, страстныхъ увлеченій идеями и чувствами они справедливо опасаются, считая ихъ оскорбленіемъ здраваго смысла и въ крайнемъ случаѣ оправдывая ихъ лишь юношескимъ увлеченіемъ, неизбѣжнымъ періодомъ кипѣнія крови и силъ. Общественное мнѣніе, мнѣніе всѣхъ, или по крайней мѣрѣ большинства, есть для нихъ высшій авторитетъ во

всѣмъ вопросамъ, безапелляціонный трибуналъ. Но подчиняясь безусловно вѣрованіямъ, мнѣніямъ, понятіямъ, общественнымъ формамъ, при которыхъ они вступили въ жизнь, они естественно несутъ и награду за такое слѣпое подчиненіе. Они исполнѣ владѣютъ тайнами пользоваться и наслаждаться дѣйствительными благами жизни, при условіи соблюденія всѣхъ существующихъ правилъ нравственности и благоразумія. Для этого рода людей существуетъ, смотря по точкѣ зрѣнія, много названій: консерваторы, умѣренные, люди практическіе, дѣловые и т. п.—все это различныя названія для одного и того же типа. Существенное свойство человѣческой природы, составляющее основу этого типа людей, есть *живучесть* человѣческой породы, способность человѣка примѣняться ко всевозможнымъ физическимъ и нравственнымъ условіямъ и средамъ, находится и устраниваться повсюду, уживаться со всевозможными противорѣчіями и стѣсненіями и, наконецъ, окончательно мириться съ своимъ положеніемъ, какъ бы дико и неестественно оно ни было. Само собою разумѣется, что въ большинствѣ людей такое примиреніе съ жизнью наступаетъ не вдругъ, происходитъ не безъ борьбы, болѣе или менѣе опасной, но въ извѣстныхъ натурахъ оно наконецъ наступаетъ неотразимо и тогда смирившемуся такимъ образомъ человѣку открывается узкая, но вѣрная и прямая дорога въ жизни, всѣ затрудненія и сомнѣнія улегаются передъ нимъ и онъ скромно идетъ своей невидной тропой, совершая свою долю полезнаго или вреднаго, честнаго или безчестнаго.

Совсѣмъ иначе вступаютъ въ жизнь и совсѣмъ иная судьба въ ней ждетъ людей другаго, противоположнаго типа, извѣстнаго подъ различными именами идеалистовъ, романтиковъ, натуръ демоническихъ, загадочныхъ, непризнанныхъ и т. п. Главнѣйшая отличительная черта ихъ отъ перваго рода людей состоитъ въ томъ, что они ничего не принимаютъ на слово, на-вѣру, и считая за ничто долгую работу вѣковъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ, вѣчныхъ вопросовъ, не признавая безусловной годности ни въ какихъ выработанныхъ общественныхъ формахъ, начинаютъ сызнова рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и заботы о лучшихъ, болѣе справедливыхъ и разумныхъ формахъ. Естественно, что подобныя натуры, смотря по силѣ своей природы и своевременности своего историческаго появленія, или пролагаютъ

новые пути для человеческой мысли и исторического движения, или погибают въ бесплодной борьбѣ съ массами или пустой растратѣ силъ. Въ общественномъ мнѣніи, въ примѣрѣ другихъ имъ нѣтъ поддержки, ихъ не манитъ и скудная награда, даваемая жизнью за примиреніе съ нею, за смиреніе. Чего имъ коснутся они въ дѣйствительной жизни, — все будитъ въ нихъ идеальный, недостижимый образъ данной формы, и это высшее свойство человеческой природы становится источникомъ ихъ вѣчной муки и тоски. Въ высшемъ своемъ проявленіи это суть міровые дѣятели или *герои*, какъ называетъ ихъ Карлейль, вожди человечества, свѣтлыя точки его исторіи. Въ обыкновенномъ видѣ это люди, обыкновенно блестящимъ образомъ начинающіе свою карьеру и жизнь, но по большей части обманывающіе возложенныя на нихъ надежды, и счастливо еще для нихъ, если они оканчиваютъ равнею смертью, не успѣвъ совершенно запятнать и испортить свою жизнь и не ставъ въ явную и страшную вражду со всѣми добрыми въ человеческихъ обществахъ.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь, въ какой необходимой связи находятся между собою эти два вѣчные типа человеческой природы и какъ примиряются въ ходѣ жизни два противоположныя начала, которымъ они служатъ выразителями. Достаточно для нашей цѣли сказать, что герой романа Шинильгагена, Освальдъ Штейнъ, принадлежитъ ко второму разряду людей. Посмотри же, какъ развилъ авторъ свою основную идею въ судьбѣ своего героя.

Мы уже видѣли, что Освальдъ, попалъ сразу послѣ университетской жизни въ домъ бароновъ фонъ-Гренвицъ, съ которыми между-прочимъ состоялъ въ таинственной, неизвѣстной ни той, ни другой сторонѣ, родственной связи. Какъ и слѣдовало ожидать, инстинкты его тотчасъ же расходятся съ инстинктами и требованіями разъ установленной и твердо поддерживаемой жизни въ старомъ, гордомъ и чопорномъ домѣ Гренвицей, полнымъ сословныхъ и другихъ предразсудковъ. Въмѣсто того, чтобы посвятить свое исключительное вниманіе сыну Гренвицей, наследнику значительнаго майората, для котораго собственно онъ и нанятъ, онъ привязывается всѣми силами къ бѣдному пріемышу Бруно, прекрасной, но нѣсколько дикой и загнанной натурѣ, и тѣмъ сразу вступаетъ въ неловкія столкновения съ баронессой,

женщиной сухой, черствой, эгоисткой въ высшей степени и жеманящей прежде всего, чтобы все въ домѣ глядѣли на вещи ея глазами и поступали сообразно ея видамъ и планамъ. Мало того, побуждаемый кипучею жаждою наслажденій и волненій жизни, благопріятствуемый своими блестящими наружными и умственными качествами, онъ не умѣетъ удержаться въ скромной долѣ домашняго учителя и смѣло вступаетъ въ жизнь сосѣднихъ баронскихъ семействъ на правахъ равнаго, забывая, что никакія блестящія личныя качества не въ силахъ завалить пропасть, отдѣляющую его во мнѣніи гордыхъ аристократовъ отъ ихъ привилегированной касты. Мало того: легко приобрѣти себѣ истинныхъ друзей даже въ этой гордой, чуждой ему средѣ и ввуншивъ даже къ себѣ страстную любовь въ двухъ женщинахъ изъ той же среды, онъ легкомысленно рветъ и эти дружескія связи, и эти страстныя отношенія... Мало-помалу положеніе его въ домѣ барона Гренвица и отношенія его къ сосѣднимъ баронскимъ семействамъ становятся почти невыносимыми. Все это запутывается еще болѣе, когда возвращается изъ пансіона дочь Гренвицей, лицо вполне идеальное, разговоръ о которой двухъ молодыхъ людей мы привели выше. Сначала, гордая своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, она почти не обращаетъ вниманія на учителя и видитъ въ немъ лицо низшей породы, но мало помалу особыя обстоятельства сближаютъ ихъ и между ними начинаютъ постепенно образовываться особыя отношенія, весьма скоро переходящія въ страстное, хотя и скрываемое обоими чувство. Въ это время мать Елены, по расчетамъ чисто денежнымъ, выписываетъ ея кузена Феликса, промотавшагося и потертаго оставшаго лейтенанта, но человѣка съ именемъ и главное—съ надеждами на богатое наслѣдство, и прочитъ за него свою дочь. Однако ни все увѣщанія матери, ни старанія лихаго лейтенанта понравиться кузинѣ не производятъ никакого дѣйствія на дѣвушку съ такимъ характеромъ, какъ Елена, да и любовь ея къ Освальду, хотя и смутно сознаваемая, мѣшаетъ успѣху чьихъ-либо постороннихъ исканій. Все это положеніе вещей раскрывается для баронессы и для несчастнаго Феликса изъ письма, написаннаго Еленой къ своей пансіонской подругѣ и перехваченнаго матерью. Мы рѣшамся привести здѣсь это письмо, такъ какъ оно всего лучше поможетъ намъ ввести читателя въ интригу романа,

живо рисуя взаимныя отношенія главныхъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ.

— «Dearest Mary! — такъ начиналось письмо: — какъ часто жалувалась ты на жестокую судьбу, которая надѣлила тебя чрезвычайнымъ богатствомъ, похитивъ въ тоже время всѣхъ ближнихъ твоихъ: родителей, братьевъ, сестеръ, кузеновъ и кузинъ — однимъ-словомъ всѣхъ тѣхъ естественныхъ друзей, которыхъ природа даетъ намъ товарищами въ земномъ пути. Но вѣрь мнѣ однако, милая Mary, что бываетъ удѣлъ еще болѣе жестокой, чѣмъ твой. Грусть, которая овладѣваетъ тобою при мысли о твоёмъ совершенномъ одиночествѣ, не лишена нѣкоторой доли сладости. Какъ часто ты говорила съ восторгомъ о твоёмъ братѣ Гарри, похищенномъ смертью въ цвѣтѣ лѣтъ, или о твоей сестрѣ Китти, прекрасномъ цвѣткѣ, такъ рано увядшемъ: ты говорила тогда, что они не умерли и не могутъ никогда умереть для тебя, потому что постоянно живутъ въ твоёмъ воображеніи еще прекраснѣе и свѣтлѣе, чѣмъ были. Тѣни милыхъ умершихъ окружали тебя повсюду, они составляли твое избранное, любимое общество, въ бѣседѣ съ которыми ты чувствовала себя лучше и привольнѣе, нежели въ холодномъ, эгоистическомъ дѣйствительномъ обществѣ. О, да! жизнь конечно не есть еще высшее изъ благъ: такое благо есть любовь. Жизнь безъ любви не имѣетъ никакой цѣли, но любовь имѣетъ цѣну и безъ жизни. Твои родные умерли, но они живы для тебя; мои еще живутъ, но для меня они какъ бы умерли.—Я написала жестокое слово, милая Mary, но не вычеркиваю его, потому что оно справедливо, а мы дали другъ другу клятву не скрывать истины, чего бы это ни стоило. Да, мои родные мертвы для меня и, хотя я готова бы была отдать половину жизни, лишь бы оживить ихъ опять— мои столь законныя желанія остаются тщетными. Потому что кто именно живетъ для насъ? Только тѣ, въ чьемъ сердцѣ мы всегда имѣемъ вѣрное прибѣжище во всякомъ горѣ, насъ постигшемъ, во всякомъ сомнѣніи, насъ мучащемъ; тѣ, которые желаютъ только нашего счастья и это счастье полагаютъ не въ исполненіи ихъ собственныхъ желаній, не въ удовлетвореніи ихъ воли. А именно таковы мои отношенія къ ближайшимъ роднымъ? Могу ли я открыть имъ свое сердце? не должна ли я ежеминутно опасаться столкнуться съ ихъ волею и намѣреніями, если буду говорить, что думаю? Спрашиваютъ ли они моихъ склонностей? не тревожатъ ли они меня, напротивъ, непрерывными совѣтамп, намеками, отъ кобрыхъ останавливается кровь въ моихъ жилахъ? Конечно, мой старшій, добрый отецъ, еслибъ дѣло дошло до крайности, не оставилъ бы меня; но, Боже мой, не ужасна ли уже одна мысль о томъ, что дѣло можетъ дойти до такой крайности... Ахъ, Мэри, я не могу выразить тебѣ, сколь чуждъ, сколь невыносимъ мнѣ тотъ духъ, который господствуетъ въ моемъ родномъ домѣ и какъ часто я съ тоскою возвращаюсь мысленно къ ва-

шей тихой пансіонской жизни, къ нашей дружбѣ... А здѣсь никого, къ кому бы я могла обратиться съ нѣкоторымъ довѣріемъ, никого, кромѣ мальчика Бруно и человѣка, котораго я могла бы любить, если бы онъ былъ моимъ братомъ и отъ котораго теперь отдѣляетъ меня непроходимая бездна. Ты тогдаываешься, о комъ я говорю. Я не хочу скрыть отъ тебя, что въ послѣднее время я принимаю въ этомъ человѣкѣ участіе, котораго возможности еще не давно не могла бы вообразить... Можетъ быть меня влечетъ къ нему болѣе всего то, что онъ несчастливъ. Онъ, какъ и ты, одинъ... одинъ на свѣтѣ; матери своей онъ почти не зналъ, отца потерялъ уже давно, братьевъ и сестеръ не имѣлъ. Онъ молодъ, но богато одаренныя сердца проживаютъ много въ короткое время; а онъ, какъ видно, много жилъ и много перенесъ. Глубокая грусть лежитъ на его высокомъ лбу, въ его глубокихъ голубыхъ глазахъ, которыхъ взглядъ производитъ во мнѣ какое то особенное волненіе... Ты знаешь, дорогая Мэри, что я съ головы до ногъ аристократка, что во мнѣ есть врожденное отвращеніе ко всему пошлому и плебейскому. Обѣ мы воспитаны въ убѣжденіяхъ, что низшимъ классамъ недостаетъ вмѣстѣ съ благородствомъ ихъ происхожденія и благородства душевнаго. что мы не можемъ предполагать въ нихъ тѣхъ чувствъ, которыя дороги и священны для насъ. Я должна признаться, что теперь, послѣ нѣкотораго времени пребыванія въ Гренвицѣ, я принуждена была кое въ чемъ отказаться отъ этого предвзсудка — такимъ я считаю вообще наше прежнее убѣжденіе — или по крайней мѣрѣ убѣдиться еще разъ, что нѣтъ правила безъ исключенія. Шпейвъ составляетъ именно такое исключеніе. Я еще не слышала отъ него ни одного слова, которое бы обличало плебея, напротивъ много такихъ словъ, которыя казались мнѣ вырванными изъ моей собственной души и находили глубокое сочувствіе въ моемъ сердцѣ... Онъ очень добръ... и еще недавно, по поводу одного изъ его добрыхъ дѣлъ, онъ сильно вооружилъ противъ себя всѣхъ въ замкѣ, причемъ много неприятныхъ замѣчаній принуждена была выслушать и я, въ особенности отъ одной персоны кузень Феликсъ), которая должна бы была благодарить Бога за одну мысль о подобномъ дѣлѣ, не говоря уже объ исполненіи его. Но я не желаю тратить болѣе словъ про эту особу. Я твердо рѣшила, что она какъ бы не существуетъ для меня въ жизни, пусть будетъ то же и на словахъ ..

По прочтеніи этого нисьма прозорливой баронессѣ и, хотя самовѣренному, но все таки не лишенному совершенно здраваго смысла жениху не оставалось дѣлать ничего болѣе, какъ выжить опаснаго соперника изъ дому. И вотъ на балѣ у Гренвицей, Феликсъ, при поддержкѣ всей благородной молодежи, наноситъ Освальду дерзкое оскорбленіе, за которое, хотя и платится сильною и опасною раню на дуэли, но за то достигаетъ своей цѣли и принуждаетъ

Освальда покинуть домъ Гренвицей, разстаться съ дѣвушкой, къ которой онъ начиналъ чувствовать сильную, глубокую и чистую страсть, и пуститься опять въ безвѣстное море жизни съ разбитымъ сердцемъ, по прежнему одинокимъ и вдобавокъ потерявшимъ всякую вѣру въ людей. Но здѣсь, чтобы не упустить изъ виду различныхъ частей романа, мы должны остановиться на другомъ лицѣ, хотя и не играющемъ особенно важной роли въ интригѣ романа, но весьма многозначительной по развитію идеи романа. Это профессоръ Бергеръ, одинъ изъ даровитѣйшихъ и увлекательнѣйшихъ преподавателей въ томъ городѣ, въ округѣ котораго происходитъ главная часть дѣйствія, учитель и другъ Освальда и между прочимъ одинъ изъ видовъ тѣхъ загадочныхъ натуръ, которыхъ анализировать до конца взялъ на себя авторъ. Лице, подобное Бергеру, можетъ быть порождено только на германской почвѣ, туманною нѣмецкою фантазією и представляетъ неодолимую трудность для сколько нибудь живаго и художественнаго его пониманія, хотя, повторяемъ, въ идеѣ романа онъ играетъ весьма важную роль. Освальдъ, самъ полусумасшедшій, встрѣчается послѣ описанныхъ событій съ Бергеромъ, уже формально помѣщеннымъ въ сумасшедшій домъ, до котораго онъ буквально дофилософовался. Читатель, можетъ быть, не безъ интереса прочтетъ признанія этого страннаго человѣка въ его откровенной бѣсѣдѣ съ Освальдомъ, а мы съ своей стороны приведемъ ихъ не безъ дальнѣйшей цѣли. Къ сожалѣнію длинноты разсказа, не смотря на весь его интересъ и мастерское изложеніе, не позволяютъ намъ привести его здѣсь цѣликомъ и мы принуждены ограничиться лишь краткимъ изложениемъ интересной жизни Бергера съ нѣкоторыми цитатами. «Тому двадцать лѣтъ, такъ начинается Бергеръ свою исповѣдь Освальду — я былъ тогда въ твою возрастъ, но безъ твоей житейской опытности, съ свѣжими, не изломанными силами, съ вѣрою въ жизнь, которая представлялась мнѣ сладкою и дорогою, какъ любимая невѣста. Если когда либо человѣкъ былъ весь проникнутъ восторженными мечтами о свободѣ и прекрасномъ, о всѣхъ тѣхъ радужныхъ фантазмгоріяхъ, которыми слѣпая сила, вызвавшая насъ къ жизни, старается украсить себя въ нашихъ глазахъ и прикрыть страшную пустоту свою, если когда либо человѣкъ былъ зараженъ стремленіемъ къ идеалу—то это былъ я. Я думалъ, безумный, что вѣчное блаженство можетъ су-

ществовать уже здѣсь, на землѣ, вездѣ, гдѣ въ свободной странѣ живутъ свободные люди. Я вѣрилъ въ отечество и на боевыхъ поляхъ Лейпцига и Ватерлоо запечатлѣлъ эту вѣру своею кровью. Я возвратился назадъ, полный горячаго стремленія завершить начатое дѣло свободы. Но, прежде чѣмъ я могъ приступить къ новому дѣлу излеченія ранъ, нанесенныхъ войною моему отечеству, я принужденъ былъ подумать объ излеченіи моихъ собственныхъ ранъ. Меня отослали для окончательнаго излеченія въ Фихтенау. Мы пропустимъ здѣсь описаніе любви Бергера къ Элеонорѣ, дочери ректора въ Фихтенау, ихъ взаимныхъ клятвъ въ вѣрности, скромныхъ надеждъ и плановъ юноши на тихую и свѣтлую семейную жизнь и переходимъ къ описанію ктострафы, переломившей окончательно всю жизнь Бергера. «Я занялъ, продолжаетъ Бергеръ, небольшое учительское мѣсто въ провинціи; я приготовилъ все къ свадьбѣ и срокъ уже былъ назначенъ; я считалъ дни и часы... вдругъ, въ одну ночь, я разбуженъ былъ вооруженными людьми и въ слѣдующую ночь спалъ уже въ казематѣ въ Магдебургѣ.» Въ этомъ заключеніи, единственной наградѣ, полученной Бергеромъ за пролитую имъ для свободы отечества кровь, онъ провелъ 5 лѣтъ, сначала еще получая иногда письма отъ своей Элеоноры, но потомъ потерявъ и эту единственную отраду. Черезъ пять лѣтъ также произвольно прекратилось заключеніе Бергера, какъ произвольно было оно сдѣлано. Прежде всего, разумѣется, онъ бросился въ Фихтенау, къ своей невѣстѣ.

«Глубокою ночью приѣхалъ я въ Фихтенау и направился прямо къ хорошо знакомому дому, выскочилъ изъ экипажа и стремительно дернулъ звонокъ. Въ верху открылось окошко, старая женщина высунула голову и спросила, чего мнѣ нужно? Я назвалъ ректора. «Уже три года, какъ онъ умеръ». «А гдѣ же дочь его?» «Объ этомъ вы можете спросить того знатнаго барина, съ которымъ она убѣжала три года тому назадъ» отвѣчала старуха и захлопнула окно... «Не помню какъ я попалъ въ гостиницу. Знаю, что ночью я перепугалъ добрыхъ людей безумнымъ смѣхомъ и дикими возгласами во снѣ — она вошла въ мою комнату и увидѣли меня въ горячкѣ. Темничный воздухъ подѣйствовалъ губительно на мои нервы, страшный ударъ, постигшій меня такъ неожиданно, сокрушилъ окончательно ослабленный организмъ.. Четыре недѣли боролся я со смертію, но я еще слишкомъ крѣпко держался за жизнь и смерть выпустила изъ рукъ свою добычу. И это было къ моему благу! *Тогдашняя моя смерть не была бы*

настоящую смертью; она бы опять выдала меня жизни. Если я умру теперь, то умру уже навсегда,

«Ужасъ пробѣжалъ по жиламъ Освальда. Что значили эти таинственныя слова: умереть навсегда? Не въ нихъ-ли заключалась эта великая тайна, о которой не разъ говорилъ Бергеръ».

«Передумывая въ долгіе дни выздоровленія, продолжаетъ Бергеръ, страшныя и тяжкія нарушенія справедливости, которыя я самъ испыталъ, я началъ болѣе и болѣе разоблачать тайну жизни, которая уже открылась для меня отчасти въ тюремномъ одиночествѣ. Не знавши одного пятна на своей совѣсти, я видѣлъ себя наказаннымъ судьбой, болѣе, чѣмъ самый тяжкій преступникъ. Я не понималъ еще тогда, что самая жизнь наша есть величайшій грѣхъ, изъ котораго вытекають всѣ остальные, съ тою же неотразимою логическою неизбежностью, съ которой камень, разъ приведенный въ движеніе, стремится въ бездну съ неудержимою силою. Но мнѣ уже стало ясно, что не любовь управляетъ міромъ, въ которыхъ грѣхи отцевъ выскиваются съ дѣтей и дѣтей дѣтей ихъ, міромъ, гдѣ все совершается по іезуитскому правилу: цѣль оправдываетъ самыя ужасныя средства. До сихъ поръ повсюду въ вещахъ и людяхъ я отыскивалъ только хорошихъ сторонъ, теперь мои собственныя страданія открыли мнѣ глаза на страданія другихъ людей. Теперь только я сталъ думать о томъ, что каждая страница исторіи запечатлѣна какимъ нибудь страшнымъ дѣломъ, дѣломъ, отъ котораго встають дыбомъ волосы и стынетъ кровь въ жилахъ; я думалъ о томъ, что въ сердцахъ каждого человѣка есть темное пятно, мимо котораго онъ спѣшитъ пройти, закрывъ лице; что еще не было смертнаго, для котораго бы не наступили иногда минуты, когда онъ желалъ бы не быть рожденнымъ; я думалъ, что жизнь безчисленнаго количества людей есть не что иное, какъ отчаянная борьба съ самою ужасною нуждой; что болѣзни, грѣхи, и стыдъ и раскаяніе и горячія заботы извѣдаютъ нашу жизнь, какъ черви плодъ; что наши лучшія и чистыя радости есть бездушная пляска надъ свѣжими могилами и что, если бы жизнь дѣйствительно стоила чего нибудь, неизбежная, невозможная смерть была-бы лишь жестокою насмѣшкою».

«И когда я такимъ образомъ разрывалъ одинъ за другимъ пестрыя покровы, которыми лѣность и безуміе прикрываютъ язвы и болѣзни жизни, возникло во мнѣ страшное, и доселѣ чуждое мнѣ чувство ненависти».

• Первымъ дѣломъ Бергера, послѣ выздоровленія было отыскать свою невѣсту и ея бездушнаго похитителя. Послѣ долгихъ усилій онъ наконецъ узналъ имя похитителя, это былъ графъ Маличевскій, и открылъ слѣдъ его.

Послѣ долгихъ странствованій по Европѣ онъ настигъ его въ

Неаполѣ, но увы! уже безъ Елеоноры, которую онъ давно покинулъ, какъ и многихъ другихъ обманутыхъ имъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе въ одномъ блестящемъ обществѣ онъ назвалъ графа въ лицо подлецомъ и объявилъ предстоящимъ его гадкій поступокъ. Вызвавъ Бергера на дуэль, графъ, впрочемъ, предпочелъ отдѣлаться отъ своего противника тайнымъ убійствомъ, которое удалось, и самъ скрылся. Бергеру оставалась другая половина его задачи—отыскать Елеонору. По нѣкоторымъ указаніямъ онъ отправился въ Парижъ. Тамъ, при помощи француза, хорошо и до тонкости знавшаго парижскую жизнь, они перерыли сначала всѣ закоулки рабочихъ кварталовъ, но тщетно; потомъ спускаясь все ниже и ниже, перебивали на всѣхъ болѣе или менѣе приличныхъ публичныхъ балахъ,—но все тщетно. Оставалось еще одно мѣсто, правда ужасное, но Бергеръ приготовился уже ко всему. Но здѣсь мы опять прибѣгаемъ къ собственному повѣствованію Бергера.

«Однажды вечеромъ, когда мы бродили безъ цѣли по одному изъ самыхъ оживленныхъ предмѣстій Парижа, спутникъ мой внезапно возразилъ мнѣ вопросомъ: «Имѣла ли Елеонора талантъ къ танцамъ?» и на отвѣтъ мой, что она всегда была артисткою въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ: «Мы бы давно должны были подумать объ этомъ; странно, что мнѣ не пришло до сихъ поръ въ голову спросить васъ объ этомъ. Новая мысль такъ поглотила его, что онъ не удостоилъ даже отвѣта мое замѣчаніе, какую связь наши поиски могутъ имѣть съ танцевальнымъ искусствомъ: онъ кланулся іакръ и мы поѣхали назадъ въ городъ. Наконецъ, мы вышли изъ экипажа. Это былъ одинъ изъ многихъ танцевальныхъ залъ, которые тогда въ Парижѣ не были такъ блестящи, какъ нынче, но не менѣе часты и не менѣе посѣщаемы... «Все, что мы видѣли до сихъ поръ въ этомъ родѣ, сказалъ мнѣ мой проводникъ, какъ имъ дурно въ сущности, сохраняю, до нѣкоторой степени видъ приличія. Публика тамъ состоитъ изъ людей въ высшей степени легкомысленныхъ, пустыхъ, но за немногими исключеніями неокончательно испорченныхъ. Это по большей части студенты съ своими «женами», принащники съ своими гризетами, ремесленники, которые хотягь повеселиться съ своими подругами. Общество, въ которое введу я васъ теперь, гораздо утонченнѣе, но за то и гораздо испорченнѣе. Это домъ, посѣщаемый преимущественно развратною аристократическою молодежью, которая вознаграждаетъ себя здѣсь за скуку, вытерпѣнную въ невѣстныхъ салонахъ; изъ иностранцевъ, приѣзжающихъ въ Парижъ, чтобы растратить здоровье и состояніе—такому обществу соответствуютъ и здѣшнія женщины. Это краси-

вѣишія, но въ то же время и развратнѣишія женщины, которыя отличаются искусствомъ разорять людей и которыя сегодня ѣздятъ въ великолѣпныхъ экипажахъ, а завтра умираютъ нищими въ больницѣ: онѣ по преимуществу иностранки: креолки, англичанки, итальянки, нѣмки, которыя всѣ находятъ здѣсь своихъ соотечественниковъ. И такъ приготовьтесь бросить внимательный и надѣюсь прекраснѣйшій взглядъ въ этотъ вертепъ».

«Мы вошли по широкой мраморной лѣстницѣ. Сердце мое сильно билось; я едва держался на ногахъ; темное предчувствіе говорило мнѣ, что я наконецъ, у цѣли моихъ исканій... Мы вступили въ ярко освѣщенный залъ. Дикая, наступленная музыка гремѣла въ оркестрѣ и въ такомъ же наступленіи носились и перемѣшивались танцующія пары. Блескъ огней, рѣзкій звукъ трубъ, толкотня, жара, одуряющій запахъ экзотическихъ растений, которыми украшенъ былъ залъ, наконецъ мое собственное сильное волненіе захватывали мнѣ дыханіе. Я принужденъ былъ прислониться на нѣсколько минутъ къ колоннѣ и закрыть глаза, чтобы придти въ себя, и между тѣмъ, какъ я стоялъ такимъ образомъ въ полубезпамятствѣ, до слуха моего долетѣли слова, при первомъ звукѣ которыхъ я вздрогнулъ, какъ ужаленный жабомъ. Ухо чуткѣй вѣстникъ: оно никогда въ жизни не забываетъ голоса, звуки котораго были нѣкогда милы и дороги; оно не обмануло меня и на этотъ разъ».

«Почти рядомъ со мной, такъ что я почти могъ достать ее рукой, стояла, болтая съ красивымъ, молодымъ мужчиной, высокая и стройная дѣвушка, съ большими темными глазами, блестящими лихорадочнымъ огнемъ, съ лицомъ, можетъ быть черезъ зуръ выразительнѣйшій и зрѣлымъ для столь молодого существа, но все еще прекраснѣйшая дѣвушка была — Элеонора».

«Странно! при первомъ звукѣ ея голоса сердце мое дрогнуло и сжалось точно также, какъ въ ту ночь, когда я стоялъ предъ домомъ ректора въ Фихтенау и старая женщина объявила мнѣ, что Элеонора бѣжала изъ отцовскаго дома. Но послѣ этого судорожнаго движенія оно замерло и осталось какъ будто спокойнымъ. Слишкомъ сильно втянутая струна лопнула; она не надела никакого звука, ни скорби ни радости. Я смотрѣлъ на Элеонору также спокойно, какъ будто она была одна изъ стѣнныхъ картинъ. Я слышалъ слова, которыя она говорила своему собесѣднику, какъ слышать слова въ томъ моментѣ обморока, который предшествуетъ окончательной потерѣ сознания — точно они произносились на другомъ концѣ зала. Я разсматривалъ ее всю даже до подробностей наряда съ холоднымъ взглядомъ художника. Я замѣтилъ, что она была варуманена и что рѣсницы и брови ея были подкрашены. Я замѣтилъ, что она сохранила ту самую прическу, какую я сдѣлалъ ей разъ самъ на манеръ античныхъ статуй и которую она съ тѣхъ поръ носила постоянно. Я слышалъ и видѣлъ все».

и въ то же время не видѣлъ и не слышалъ ничего: по-крайней-мѣрѣ у меня не было яснаго сознанія того, что я видѣлъ и слышалъ.

«Спутникъ мой, который между тѣмъ обѣждалъ и осмотрѣлъ всю залу, подошелъ ко мнѣ. «Я не видалъ ни одной женщины, которая соотвѣтствовала бы вашему описанію», сказалъ онъ мнѣ. «Слава Богу; я дышу свободѣе, я ни за что бы желалъ встрѣтить именно здѣсь ту, кого мы ищемъ».

Но, Боже, мой, что съ вами? Вы смотрите совершеннымъ мертвецомъ!

— «Я нашелъ ее».

— Гдѣ?

— Тамъ.

Онъ вставилъ свое стеклышко и съ живымъ интересомъ разсматривалъ нѣсколько секундъ Элеонору, которая все еще стояла въ двухъ шагахъ отъ насъ, не подозрѣвая моего присутствія и болтала, ловко кокетничая съ своимъ кавалеромъ.

Потомъ онъ выронилъ стеклышко съ грустнымъ пожатіемъ плечъ. Лице его сдѣлалось серьезнымъ.

— «*Rauhe Stimme*», глухо выговорилъ онъ.

Мы пропускаемъ описаніе свиданія Бергера съ его бывшей невѣстой, ея раскаяніе и бѣгство съ нимъ изъ Парижа въ одинъ изъ приморскихъ городовъ Италіи, мы пропускаемъ также поэтическое описаніе ея смерти и спѣшимъ изложить дальнѣйшую судьбу Бергера его же собственными словами

»Похоронивъ Элеонору на песчаномъ берегу моря въ Нерри,» продолжалъ Бергеръ свой рассказъ уже при другихъ обстоятельствахъ и другому лицу, именно барону Ольденбургу, «я возвратился въ Германію. Предусмотрительное правительство еще помнило меня, какъ горячаго мечтателя о свободѣ, и потому запрещало мнѣ всякое официальное преподаваніе. Положеніе моего отечества было для меня не выносимо. Вокругъ меня выросло поколѣніе, которое уже начинало забывать, изъ за чего отцы его проливали кровь во множествѣ сраженій. А сами отцы? За стаканомъ пива они рассказывали другъ друга на манеръ Фальстафа свои геройскіе подвиги; они спорили неутомимо, кто сражался лучше, пруссаки, баварцы или австрійцы и не замѣчали, что изъ прежнихъ героевъ дѣлались сами пошлѣйшими филистерами. Я искалъ забвенія въ наукѣ и къ сожалѣнію нашелъ его. Я говорю: къ сожалѣнію, потому что теперь вижу ясно, какъ пуста и ничтожна наука, которая отворачивается отъ жизни и какими жалкими существами дѣлаетъ она своихъ питомцевъ. Все, что удаляетъ насъ отъ жизни и дѣлаетъ ее для насъ менѣе цѣнною а людей не столь близкими и дорогими, есть безплодная наука. Но пресыщеніе жизнью и ненависть къ людямъ суть необходимыя послѣдствія такой фи-

лософіи, которая никогда не слнчаает своихъ выводовъ съ дѣйстви- тельностью и которой глубокомысленнѣйшія положенія, не смотря на ихъ мнимую важность, также бесполезны для человѣчества, какъ старые споры схоластиковъ о количествѣ ангеловъ, которыя могутъ помѣститься на острие иглы. C'est un malheur des hommes, de se de- goûter enfin de la raison meme et de s'ennuyer de la lumière, говоритъ Лейбницъ. *Это умственное пресыщеніе есть современная болѣзнь аристо- кратии ума, кокъ физическое пресыщеніе есть болѣзнь современныхъ ари- стократовъ денежныхъ и кровныхъ.* Настоящій рабочій не знаетъ этаго пресыщенія, потому-что у него слишкомъ много дѣла въ жизни, чтобы познакомиться съ разочарованіемъ и скукою и если онъ неко- гда попадаетъ въ это болото, то потребность и необходимость труда скоро спасаютъ его отъ гибели»

«Я выдалъ въ свѣтъ мои трансцендентальныя китайскія тѣни и ту- манныя картины въ видѣ философскихъ трактатовъ, но предложеніе этого товара на умственномъ рынкѣ было слишкомъ велико и мои со- чиненія не принесли мнѣ много выгоды. Между тѣмъ вокругъ меня собрался кружокъ людей, увлеченныхъ моими пессимистскими воз- врѣніями и которые втихомолку распространяли мое ученіе; я имѣлъ даже лестное удовольствіе видѣть, что одинъ изъ послѣдователей это- го ученія, занимающій въ государствѣ весьма высокое мѣсто, именно нашъ король, обратилъ особенное вниманіе на «непризнаннаго генія», какъ онъ обыкновенно называлъ меня, и по предложеніи министра далъ мнѣ оффиціальную кафедру. Такимъ образомъ я, котораго сочли нужнымъ заключить въ темницу въ то время, какъ во мнѣ кипѣли силы молодости и здоровья и я горѣлъ желаніемъ приносить пользу моимъ собратьямъ, теперь, когда я въ сущности былъ уже совер- шенно годенъ для сумашедшаго дома, сдѣлали университетскимъ профессоромъ, одобреннымъ государствомъ оффиціальнымъ препода- вателемъ. Съ своей стороны въ этомъ дикомъ, вопіющемъ противорѣ- чіи я увидѣлъ лишь новый обращикъ той бессмысленной и ры слѣ- паго случая, какою мнѣ давно уже представлялась жизнь. Еще и те- перь я не могу безъ ужаса вспомнить объ этомъ времени, по наруж- ности самомъ блестящемъ, хотя въ сущности самомъ тяжеломъ въ моей жизни. Уже вполне безумный, я былъ осыпаемъ всеобщими похвалами моему уму, учености, краснорѣчію, видѣлъ себя идоломъ многочисленныхъ учениковъ, которые съ благоговѣніемъ внимали мо- имъ словамъ. Да, г. Ольденбургъ, это было ужасное время. Чѣмъ пустѣе и мрачнѣе становилось мое сердце, тѣмъ пустѣе и безтолко- вѣ дѣлалась и моя голова. Между тѣмъ какъ я неутомимо пережи- галъ все въ ретортѣ моего скептицизма; улетучивалось во мнѣ всякое чувство, всякая мысль и я припоминаю теперь съ ужасомъ, что пе- редъ наступленіемъ моей болѣзни я начиналъ уже сомнѣваться въ собственномъ своемъ существованіи».

Здѣсь мы покидаемъ пока Бергера, съ которымъ встрѣтимся еще въ концѣ романа; но не можемъ не остановить вниманія читателя на приведенныхъ отрывкахъ изъ его исповѣди, которая играетъ важную роль въ идеѣ романа. Въ этой исповѣди слышится вопль живаго, умнаго нѣмца, который чувствуетъ, какъ тяготѣеть надъ нимъ и всею политическою жизнью его страны безплодная, сухая, всеподавляющая схоластическая наука. Слова, приведенныя нами курсивомъ изъ исповѣди Бергера, составляютъ одну изъ основныхъ мыслей романа и поразительны по своей глубинѣ и правдѣ, особенно въ устахъ нѣмецкаго писателя, который собственнымъ опытомъ вкусилъ всю сладость этого геллертерства, которое способно ради книгъ и отвлеченнаго, безплоднаго мышленія забыть всѣ интересы, всѣ живые вопросы современности и помириться съ какими угодно положеніемъ своей страны. Мы еще, впрочемъ, воротимся къ этому вопросу, когда будемъ сводить итоги романа, а теперь перейдемъ къ дальнѣйшей судьбѣ нашего главнаго героя—Освальда Штейна. Мы разстались съ нимъ послѣ свиданія его съ Бергеромъ, когда тотъ находился въ заведеніи умалишенныхъ. Послѣ нѣсколькихъ безцѣльныхъ странствованій, ояъ, наконецъ, останавливается въ Грюнвальдѣ, главномъ городѣ той провинціи, гдѣ происходитъ главнѣйшее дѣйствіе романа и рѣшается сдѣлать рѣшительный переломъ въ своей жизни: бросить свою романтическую — жизнь и избрать скромную долю учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Этотъ новый фазисъ жизни Освальда даетъ романисту прекрасный поводъ выставить ярко на видъ другую сторону своей идеи, то пошлое самодовольство и дѣтскія забавы, въ которыхъ гложетъ умъ и сердце большой части нѣмецкихъ геллертеровъ, дѣлая ихъ неспособными чувствовать и откликаться на живые и истинныя интересы современности. Вообще, какъ мы увидимъ еще разъ потомъ, романъ Шпильгагена распадается главнѣйшимъ образомъ на двѣ группы лицъ: на натуры избранныя, богато одаренныя и потому не способныя къ рутинной жизни и удовлетворенію ея мелкими интересами — таковы герой романа, Бергеръ, баронъ Ольденбургъ и проч. — и на само довольные фигуры погрязшихъ въ мелочи и дразги ученыхъ и другихъ нѣмцевъ средняго класса или неподвижную, тупѣющую и по-

тому противодѣйствующую всякому прогрессу нѣмецкую аристократію. Нѣсколько мастерскихъ главъ посвящено авторомъ изображенію узкой жизни, интересовъ и забавъ цѣлаго кружка нѣмецкихъ ученыхъ въ городѣ Грюнвальдѣ, кружка, въ который волею неволею попалъ нашъ герой. Такъ какъ эти изображенія имѣютъ двоякій интересъ: какъ по отношенію своему къ идеѣ романа, такъ и потому, что представляютъ живую и вѣрную картину съ натуры, то мы позволяемъ себѣ познакомиться съ ними читателя подробнѣе: мы рѣшаемся привести почти цѣликомъ описаніе литературнаго вечера или правильнѣе драматическаго чтенія, происходящаго подъ предсѣдательствомъ освятельницы общества «драматическій вѣнокъ», супруги директора гимназіи въ Грюнвальдѣ, Клеменса.

«Каменная квартира директора гимназіи доктора Морца Клеменса сіяла въ этотъ вечеръ необыкновеннымъ блескомъ. Не только въ приемной комнатѣ и въ гостиной были сняты чехлы съ дивана, подушекъ и стульевъ и разоблаченная такимъ образомъ красота канвовыхъ работъ явилась во всемъ блескѣ, при свѣтѣ двухъ лампъ и подожжены стеариновыхъ свѣчей: даже рабочій кабинетъ директора, жилыя комнаты и спальни двухъ дочерей были обращены въ салоны и также освѣщены лампой и тремя стеариновыми свѣчами. Всѣ комнаты наполнены были ароматомъ курительнаго порошка, способнымъ привести въ праздничное расположеніе всякую благовоспитанную душу.

«Семейство Клеменсовъ въ праздничныхъ нарядахъ ждетъ гостей. Оно состоитъ изъ четырехъ персонъ: отца, матери и двухъ взрослыхъ дочерей. Самъ директоръ Клеменсъ—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, бывший весьма красивымъ съ молодости и сохранившій свою красивую наружность и понинѣ. Онъ носитъ длинныя, выщипанныя темныя волосы и воротнички рубашки его отложены à la Byron. что все, въ соединеніи съ нѣкоторою одутловатою мягкостью чертъ лица, придаетъ ему нѣсколько идеальный, чтобы не сказать женственный видъ: онъ очень хорошо знаетъ этотъ отличительный характеръ своей физіономіи и употребляетъ всѣ старанія, чтобы еще болѣе усилить его. Его рѣчь тиха, его голосъ тихъ, его движенія также тихи и кротки. Я называюсь Клеменсомъ и хочу оправдать мое имя» отвѣчаетъ онъ обыкновенно, когда кто либо дѣлаетъ ему комплиментъ о совершенной «гуманности» его наружности и обхожденія. «Гуманитетъ есть третье слово, которое онъ обыкновенно говоритъ. Ученому міру онъ извѣстенъ своимъ нравственно-философскимъ сочиненіемъ: «очищеніе человѣка до полной гуманности, а всей публикѣ своимъ драматическимъ стихотвореніемъ: «Іоаннъ на Патмосѣ», которое вышло вторымъ изданіемъ въ

Гриввальдской университетской книжной лавкѣ и носить девизъ: «Nemo sum, nihil humani mihi alienum puto».

Г-жа Директорша Клеменсъ, по-крайней-мѣрѣ по наружности, представляетъ совершенную противоположность своему супругу. Вся ея фигура превышаетъ обыкновенныя человѣческія размѣры ростомъ и дородствомъ и силою. Черты лица тяжелы и тупы, голосъ ея переходить въ довольно густой басъ и манеры ея вообще напоминаютъ движенія корабля въ дурную погоду... Впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи противоположность обоихъ характеровъ не представляется столь поразительною, какою она кажется на первый разъ. Супругъ успѣлъ мало по малу нѣсколько одухотворить тяжелую натуру своей спутницы жизни. Онъ такъ много толковалъ ей объ истиннаѣ гуманитетѣ, что она твердо, наконецъ, убѣдилась въ необходимости, не смотря на свое плотное тѣлосложеніе, сдѣлаться всетическою натурою и, не смотря на плохое воспитаніе, ученою женщиною. Она много читаетъ, хотя и не все понимаетъ, и въ послѣдніе время сдѣлалась даже основательницею и директриссою «драматическаго вѣника», хотя правила объ употребленіи винительнаго и дательнаго падежей и остаются для нея темною азбукою».

«Двѣ дѣвочки Клеменсъ лѣтъ двѣнадцати и восемнадцати лѣтъ носятъ поэтическія имена Туснельды и Фредегунды. Туснельда болѣе походить на отца, Фредегунда на мать; но разница характеровъ, которая у родителей нѣсколько сгладилась ихъ единодушнымъ стремленіемъ къ гуманитету, у дочерей выразилась во всей силѣ. Онѣ часто бранятся, имѣютъ почти на все различныя взгляды и сходны только въ высокомъ мнѣніи о себѣ».

За тѣмъ слѣдуетъ маленькая сцена семейной ссоры, весьма попятная при нетерпѣливомъ и тревожномъ ожиданіи гостей на столѣ интересный вечеръ и за тѣмъ появляются гости.

Профессоръ Свелліусъ, обыкновенный преподаватель въ высшемъ классѣ и конректоръ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, также какъ и самъ директоръ или, если можно, еще болѣе, проникнуть стремленіемъ къ идеалу и въ этомъ стремленіи находить еще болѣе, нежели первый, благоприятствующія обстоятельства въ своей наружности. Если красота доктора Клеменса носила нѣсколько неопредѣленный характеръ, то въ чистыхъ чертахъ профессора Свелліуса она была вполне выразительна; даже самые злонамѣренныя люди не могли отрицать, что онъ вообще не мало напоминалъ наружностью своего любимаго поэта Шиллера. Тотъ же сильно выгнутый носъ, тоже серьезное выраженіе лица, такая же длинная фигура, только не въ идеальномъ костюмѣ, а въ современной одеждѣ. Профессоръ Свелліусъ педагогъ въ самомъ высшемъ значеніи этого слова. Ученость его способна прозавести головокруженіе. Онъ преподаетъ всѣ новѣйшіе языки;

крошѣ того латинскій, греческій, еврейскій, савскритскій и, наконецъ, въ свободное время, успѣлъ уже нѣсколько изучить китайскій. Онъ постоянно бредитъ юношествомъ и своимъ высокимъ призваніемъ воспитателя юношества. Свои взгляды на этотъ въ высшей степени важный вопросъ и свои способы къ наилучшему разрѣшенію его, онъ изложилъ въ своемъ многотомномъ трудѣ: «Исторія воспитанія у западно-азиатскихъ народовъ до времени Рамвеса великаго». Эпиграфомъ къ этому сочиненію и вообще любимую поговоркою профессора служить: «Durch Kampf zum Sieg».

— Госпожа профессорша Снелліусъ — маленькая дама, которая вѣроятно осталась бы не замѣченною въ обществѣ, если бы не была супругой столь знаменитаго ученаго. Дѣвица Ида Снелліусъ — длинная и неуклюжая фигура лѣтъ шестнадцати, ужасно напоминаетъ своего отца и по слухамъ уже успѣла наследовать часть неизмѣримой его учености. Съ учеными кавалерами (съ другими она не разговариваетъ) она охотно разсуждаетъ о сравнительномъ языкознаніи и Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ и какъ увѣряютъ, даже прочла сиона 12 томовъ сочиненій своего родителя. Последнее увѣреніе впрочемъ столь ужасно, что позволительно и сомнѣваться въ его достоверности.

— Продолжительный селамъ между фамиліями Клеменсовъ и Снелліусовъ еще не успѣлъ достигнуть благополучнаго окончанія, какъ дверь снова растворилась и появились докторъ Кюбель съ женою и дочерью. За ними доктора Виммеръ и Брейтфусъ. Докторъ Кюбель ординарный въ третьемъ классѣ. Онъ такой кругленькій, довольный и веселый человѣчекъ, съ лицомъ всегда гладко выбритымъ и бѣлыми, опрятными руками, какія уже не родятся въ наше время, но которые успѣшно выводились въ мирныхъ стоячихъ водахъ гимназій и другихъ тихихъ мѣстахъ Германіи въ эпоху отъ Вѣнскаго конгресса до сороковыхъ годовъ.

Мы пропускаемъ характеристики прочихъ гостей и останавливаемся только на фамиліи *Егеровъ*, состоящей: изъ супруга, бывшаго скромнаго сельскаго пастора, нынѣ профессора, знаменитаго истолкователя фрагментовъ, оставшихся послѣ философа Хризософилла и супруги, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Primula.

— Съ благородною парочкою, съ тѣхъ поръ, какъ они покинули «свою смиренную кровлю» и сельскія поля, произошла значительная перемена, которая, можетъ быть, и ускользнула бы изъ глазъ поверхностнаго наблюдателя, но болѣе опытному взору обнаружилась бы по многимъ характеристическимъ признакамъ. Профессоръ Егеръ очень хорошо помнилъ, какъ полезна ему была маска покорности, смиренія, скромности, чтобы рѣшиться скинуть ее вовсе въ насто-

лщее время, когда онъ достигъ только половины своихъ желаній, — онъ только немного приподнялъ ее и его истинная фязіономія, представляющая смѣсь глубокомыслія, ученаго и гордости оффициальнаго университетскаго пастора, выглядываетъ ясно для каждаго, кто не лишень наблюдательности. Тоже зрѣлище, хотя въ болѣ дѣтскомъ и забавномъ видѣ, представляетъ госпожа профессорша Егеръ. Пѣвица «Васильковъ», имѣеть постоянно такое выраженіе, какъ будто бы сейчасъ же ее ожидаетъ какая либо чрезвычайная похвала, отъ которой она намѣрена скромно уклониться. Если видъ профессора напоминаетъ нѣсколько волка въ овечьей шкурѣ, то профессорша положительно походить на извѣстную ворону, которая считала себя привилегированной птицей Юпитера; — и трудно остаться серьезнымъ при взглядѣ на нее...

— «А, мой достойный другъ!» восклицаетъ Егеръ, поздоровавшись съ Клеменсомъ и Свеллусомъ и обращаясь къ Кюбелю, у котораго онъ еще слушалъ лекціи; «какъ я радъ, мой почтенный учитель, что вижу васъ въ столь добромъ здоровьи; по истинѣ про васъ можно сказать, какъ говоритъ Валленштейнъ про самаго себя, «что быстрые годы пронеслись безсильныя надъ вашими волосами.» Да, да, *tempus in cogroge sapia* — это я еще слышалъ отъ васъ въ прежнее время, но вы сами доказываете на опытѣ справедливость поговорки... А, г. докторъ Виммеръ, чрезвычайно радъ лично съ вами познакомиться, вы уже давно извѣстны и дороги моей женьѣ и мнѣ вашими «майскими колокольчиками». Позвольте представить васъ моей Густавѣ; я бы очень былъ радъ, соединить въ одинъ букетъ майскіе колокольчики и васильки, ха-ха, ха!... Г. докторъ Брейтфуссъ, я совершенно счастливъ знакомствомъ съ молодымъ ученымъ такихъ достоинствъ какъ вы. Ваши прекрасныя монографіи объ Оригенѣ и Евсевіи оказали мнѣ чрезвычайныя услуги при составленіи моихъ «фрагментовъ.» Я по истинѣ радъ, что могу, наконецъ, лично принести вамъ мою благодарность.»

— «Между тѣмъ какъ профессоръ Егеръ извивался такимъ образомъ вмѣстѣ между равными лицами, Примула облетала, подобно сифидѣ, дамскій кругъ. Для каждой у ней готовъ пріяты и комплиментъ. Старухамъ она говоритъ любезныя рѣчи; она завидуетъ «прекраснымъ, глубоко поэтическимъ» именамъ Туснельды и Фредегунды Клеменсъ; она поздравляетъ Иду Свеллусъ съ ея успѣхами въ Португальскомъ языкѣ и треплетъ Марію Кюбель по краснѣющимъ щечкамъ, называя ее: милое, доброе дитя.»

Мы позволили себѣ довольно большую выписку изъ романа, злая и довольно тонкая иронія которой не скрылась, конечно, отъ читателя. Таковъ очевидно взглядъ передовыхъ современныхъ нѣмцевъ на ту страшную фалангу цеховыхъ германскихъ ученыхъ, которые съ одной стороны все еще поглощены отыски-

ваніємъ рѣдкихъ фрагментовъ и ничего не видятъ въ жизни изъ за своихъ фоліантовъ а съ другой, насквозь пропитаны мелочнымъ самолюбіемъ, китайскими церемоніями и самыми смѣшными интригами. Не прибѣгая къ новымъ выпискамъ, мы расскажемъ только, что столь дружеское при началѣ вечера взаимное расположеніе гостей директора окончилось увы! самымъ печальнымъ образомъ. Неудачное расположеніе ролей при чтеніи Шиллерова Валленштейна и потомъ одно замѣчаніе со стороны президентши, достаточны были для того, чтобы перессорить все, по видимому, столь крѣпко связанное общество и заставить мадамъ Егоръ основать въ пивку «драматическому вѣнку» новое общество «спрической корзинки» или чего то въ этомъ родѣ, а ученое общество совершенно раздѣлится и, забывъ свой гуманизмъ, открыто предаться мелочнымъ интригамъ и тому подобнымъ истиннымъ его интересамъ. Сближеніе этого изображенія пошлой, безцвѣтной жизни цеховыхъ ученыхъ съ сильнымъ и страстнымъ рассказомъ Бергера о своей жизни и выведенной изъ нея мудрости, безъ сомнѣнія уже навели читателя на мысли, которыя именно и составляютъ одну изъ главныхъ задачъ романа. Среди мертвого и сухаго вѣмецкаго гелертерства, потерявшаго всякую связь съ жизнью, всякій истинный и высокій интересъ къ общественнымъ нуждамъ, авторъ хотѣлъ показать зарожденіе новой науки, которой истиннымъ и живымъ основаніемъ служить опытъ жизни, страстное отношеніе къ движущимъ человѣчествомъ идеямъ и интересамъ, общественное служеніе. Представителемъ именно этого новаго ученія является въ романѣ Бергеръ, но, какъ и слѣдовало ожидать, погибаетъ въ своемъ одинокомъ созиданіи, въ своей безсильной борьбѣ съ общею вѣмецкою тушью и эгоизмомъ привилегированныхъ классовъ. Самой наукѣ, конечно, онъ и не въ силахъ былъ положить прочнаго основанія, такъ какъ личный опытъ, усилія одного человѣка не достаточны для этого. Мы увидимъ ниже, что Бергеръ такъ и умираетъ, не успѣвъ найти исхода изъ умственного хаоса, который довелъ его до сумасшедшаго дома; но смерть его, на баррикадѣ, есть уже шагъ къ исходу изъ того тупаго положенія умовъ, изъ того равнодушія къ общественнымъ интересамъ, въ которомъ гибнуть и глохнуть всѣ лучшія политическія силы Германіи.

Но возвратимся къ Освальду, Бросивъ по капризу и недора-

разумѣніемъ женщину страстно его любившую (Мелитту фонъ Берковъ), разставшись съ Еленой, къ которой начиналъ чувствовать глубокую и, можетъ быть, въ первый разъ истинную любовь, онъ, какъ мы сказали, поселился въ Грюнвальдъ и принялъ должность учителя въ гимназіи. Не смотря на многіе уже тяжкія уроки, страстная любовь къ жизни и ея наслажденіямъ, восторженный, идеализированный взглядъ на вещи еще далеко не утихли въ немъ. Кромѣ того, какъ ученикъ Бергера и самъ принадлежа къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, о которыхъ мы говорили выше, онъ не могъ разумѣться помириться съ пошлою жизнью и мелкими интересами нѣмецкихъ ученыхъ филистеровъ, подобныхъ Егеру. Въ гимназіи, разумѣется, онъ не ужился и, кромѣ того, по волѣ злаго гевія и своей безхарактерности попалъ разомъ въ двѣ любовныя интриги. На зиму собралось въ Грюнвальдъ все аристократическое общество провинціи и между ними также Елена и нѣкоторая Эмилія фонъ Клотенъ, красивая, страстная, но довольно легкомысленная женщина, уже давно любившая нашего героя. Не смотря на силу любви Освальда къ Еленѣ, обстоятельства устроиваются однако такъ, что онъ увозитъ отъ мужа почти не любимую имъ Эмилію и убѣгаетъ съ ней отъ преслѣдованія мужа и родныхъ за-границу.

Еще разъ и уже окончательно собираются всѣ дѣйствующія лица романа въ Берлинъ, въ ту эпоху, когда французская революція 1848 года отдалась почти во всѣхъ углахъ Европы и даже въ мирныхъ жителяхъ резиденціи, какъ обыкновенно выражается авторъ, скрывая, вѣроятно, по ценсурнымъ условіямъ, имя столицы Пруссіи. Обратимся прежде всего къ семейству бароновъ Гренвицъ. Послѣ неудавшейся попытки баронесы выдать Елену за кузена Феликса, сильно пострадавшаго на дуэли съ Освальдомъ, въ головѣ предприимчивой и честолюбивой матери созданъ уже новый планъ. Къ Грюнвальдъ во время зимняго сезона прибылъ графъ Вальдерибергъ: человѣкъ знатной фамиліи, несмѣтныхъ богатствъ и съ блестящимъ положеніемъ при дворѣ. Онъ не могъ, конечно, остаться равнодушнымъ къ красотѣ и достоинствамъ Елены и, какъ человѣкъ положительный, съ разу умно повелъ свое дѣло, т. е. не добиваясь страстной любви отъ нея, умѣлъ расшевелить въ ней честолюбіе и

аристократическую гордость. Кроме того любовь Елены къ Освальду, еще не успѣвшая развиться до глубокаго и неотразимаго чувства, была значительно подорвана его явною связью съ Эмилию Клотенъ и, наконецъ, бѣгствомъ съ ней. Результатомъ всего этого было согласіе Елены на бракъ съ княземъ и прибытіе въ Берлинъ семейства Гренвицъ для свадьбы. Такъ какъ самъ Вальденбергъ и его родители играютъ весьма важную роль въ идеѣ романа, представляя взглядъ автора на современное положеніе и значеніе аристократическаго элемента въ Пруссіи, то мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя со всѣмъ семействомъ. Выше мы уже видѣли плебейское происхожденіе молодаго князя, не смотря на его знатное имя и отчасти познакомилсъ съ его семейнымъ положеніемъ, теперь мы займемса отдѣльно каждымъ изъ трехъ членовъ этого семейства.

Начнемъ съ описанія графини, которая въ настоящее время пріѣхала, равно какъ и графъ отецъ, въ Берлинъ на свадьбу своего сына. Для объясненія предстоящаго свиданія двухъ супруговъ, изъ которыхъ мужъ жуируетъ постоянно въ Парижѣ и на водахъ на счетъ жены, а жена проводитъ время въ отдаленной сѣверной столицѣ, необходимо сказать, что незаконное происхожденіе молодаго графа, о которомъ сказано выше, сдѣлалось уже извѣстнымъ ловкимъ людямъ, которые, пользуясь прибытіемъ старика графа въ Берлинъ, обратились къ нему съ письменнымъ требованіемъ извѣстной суммы за сохраненіе семейной тайны.

— Въ одной изъ великолѣпно убранныхъ комнатъ отеля Вальденберговъ, въ мягкомъ, покойномъ креслѣ, подвинутомъ къ пылавшему камину, сидѣла графиня Летбусъ (урожденная фамилія). Возлѣ нея, склонивъ свою высокую фигуру, какъ бы для того, чтобы избавить мать отъ необходимости возвышать голосъ при разговорѣ, стоялъ молодой графъ. Когда огонь запылалъ ярче въ каминѣ и ярко освѣтилъ обѣ фигуры, группа эта, съ великолѣпнымъ фономъ богато убранной комнаты представила бы великолѣпный сюжетъ для какаго нибудь современнаго Рембрандта. Трудно въ самомъ дѣлѣ было найти болѣе характеристическую противоположность между женственною слабостью и вполне развитою мужественностью, какую представляли фигуры матери и сына. Между тѣмъ, мать послѣдній, съ своими широкими плечами и длинными мускулистыми руками, казалось, способенъ былъ совершить подвиги Геркулеса, для княгини, которая въ настоящую минуту сидѣла какъ будто сломанная жизнью и не смотря на близость огня, куталась въ свой дорогой мѣхъ, казалось теперь мужа

была бы невыносимую тяжестью. Точно там же мало сходства между ними было и въ чертахъ лица. Сколь вяло и безжизненно ни было выраженіе лица, какъ блѣдны и бѣлы ни были щеки этой едва сороколѣтней женщины и какимъ тонкимъ ни казался ея лобъ съ глубокими впадинами на вискахъ и съ свѣдующими волосами, взоръ знатока однако успѣлъ бы увидѣть, что эти уста и щеки блестяли нѣкогда совершенною красотой, что эти волосы нѣкогда роскошно вились и окаймляли высокое чело. Большіе черные глаза поражали еще и теперь своею красотой, когда подвигались длинныя рѣсницы, обыкновенно опущенныя до половины, и какое нибудь живое чувство возвращало имъ на короткое время тотъ блескъ, который нѣкогда лился изъ нихъ непрерывными и чарующими лучами. Съ этой изящной, хотя и поблекшей красотой поразительную противоположность представлялъ низкій, черными курчавыми волосами прикрытый лобъ графа и его тяжелыя, несмотря на всю энергію, грубыя черты остальнаго лица. Несмотря на столь существенную разницу въ физическихъ свойствахъ, между матерью и сыномъ видна была нѣжная любовь, которая у одной доходила до обожанія, а у другаго была единственнымъ чувствомъ, которое нѣсколько смягчало неукротимую гордость, преобладающее чувство его энергической, но ограниченной, души.

Мы пропускаемъ дальнѣйшія сцены матери съ сыномъ, ея разговоръ съ приближенною горничною, старою повѣренною всѣхъ ея любовныхъ похожденій и переходимъ прямо къ весьма интересному и характерному свиданію супруговъ.

«Въ комнату вошелъ быстрыми шагами господинъ, котораго появленіе на сценѣ, въ комедіи заслужило бы полное одобреніе знатока.

«Это былъ стройный, изящно одѣтый мужчина, который на первый взглядъ казался лѣтъ двадцати пяти, но который при дальнѣйшемъ и внимательномъ обзорѣ дѣлался все старѣе и старѣе и, наконецъ, казался человѣкомъ развѣ не много менѣе шестидесяти. Но до этого результата можно было достигнуть только очень пристальнымъ изученіемъ страннаго господина — такъ хорошо и тонко былъ онъ весь поддѣланъ. Черные волосы и брови, густая нурчавая борода, бѣлые, какъ снѣгъ, зубы, статные плеча, полныя шкры — были совершенствомъ искусства и, если бы камердинеръ могъ еще придать блескъ его потускнѣвшимъ глазамъ и уничтожить паралитическое дрожаніе рукъ и тѣ несчастныя складки, которыя какъ змѣи окружали его глаза, то графъ былъ бы еще вѣроятно такъ же опасенъ для женщинъ (по крайней мѣрѣ для известнаго класса ихъ, какъ и въ лѣта своей юности, изъ которой онъ не сохранилъ ничего, кромѣ ненасытной жажды наслажденій и самаго гнуснаго разврата, который теперь являлся въ немъ въ неестественномъ соединеніи съ холодною расчетливостью старости».

Эта откровенная карикатура юности подошла къ графинѣ, ути-
вительно поцѣловала ее руку и проговорила, опускаясь въ одно изъ кре-
селъ, стоявшихъ вокругъ камина.

«Вы, вѣроятно, думаетесь, Александрина, — что я приду къ
вамъ одинъ (онъ долженъ былъ ѣхать на станцію желѣзной дороги
для встрѣчи шефета своего сына).

«Дѣйствительно».

«Пожалуйста не думайте, чтобы это произошло отъ недостатка
вниманія къ интересу моего сына» — графиня произнесла послѣднія слова
съ особенными удареніями и не показывая своихъ дальнихъ зу-
бовъ — «напротивъ! именно вѣдущая забота о молодой четѣ, заста-
вила меня посѣтить съ вами уединѣться. Неожиданное открытіе,
одѣланное мною сегодня.... не позволяете попросить васъ, Александрина,
выслать вамъ камеръфрау; то что я хочу сообщить вамъ, требуетъ
величайшей тайны, именно графъ, склоняясь къ женѣ».

«Оставьте насъ одна, Надежда, но будь въ той комнатѣ».

«Александрина, началъ графъ, когда горничная вышла; вчера вы
были такъ неблагодарны, что отказали мнѣ въ небольшой сумкѣ,
въ которой я нуждался для пополненія моего кошелька, истощеннаго
неожиданными расходами; я, конечно, могъ бы и обидѣться этимъ
отказомъ, особенно принимая въ соображеніе наши не совсѣмъ обы-
кновенныя отношенія; но, что касается собственно до меня, я
могу себя ограничить и ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ бы быть
чѣмъ-нибудь въ тягость вамъ или моему сыну (при этомъ графъ обна-
ружилъ свои блестящіе зубы). Тѣмъ болѣе неприятно мнѣ, что я
опять-таки долженъ обратиться къ вашей шкатулкѣ и на этотъ разъ
не для себя, но для другаго, ищащаго, какъ кажется, права слышать
вашъ».

«Мнѣ очень жаль графъ, что я не могу отгадать таинственнаго
смысла вашихъ словъ, отвѣчала графиня, откидываясь съ полузакры-
тыми глазами на спинку кресла».

«Можетъ быть это письмо — продолжалъ графъ, опуская руку
въ карманъ фрака и вытаскивая оттуда письмо, которое онъ развер-
нулъ на колѣняхъ своими дрожавшими, затанутыми въ бѣлые перчат-
ки, руками — письмо, доставленное мнѣ съ полчаса назадъ однимъ мо-
лодымъ человѣкомъ, доставить вамъ необходимое объясненіе. Позво-
лите ли прочесть его вамъ?»

Довольно! читатель уже конечно догадался, что письмо, про-
чтенное графомъ есть то самое, въ которомъ извѣщаютъ его, что
тайна рожденія сына известна постороннимъ лицамъ и просятъ
денегъ за сохраненіе этой тайны. Мы избавляемъ себя отъ труда
приводить дальнѣйшую сцену, когда натянута и лицемѣрная вѣж-
ливость супруговъ мало по малу снимаетъ съ себя маску и пе-

решают наконецъ въ открытую, грубую, почти площадную брань. Мы имѣли въ виду лишь показать отношеніи супруговъ, которыя нельзя назвать исключительными въ известномъ классѣ. Намъ остается познакомить читателя съ молодымъ графомъ. Но наружность его уже описана и потому мы обратимся преимущественно къ его образу мыслей, представляющему тавическое выраженіе образа мысли феодалной партіи, которая теперь играетъ столь важную роль въ борьбѣ прусскаго короля съ общественнымъ мнѣніемъ, выражающимся въ палатѣ депутатовъ.

«Я считаю военное званіе, говоритъ графъ, не только за самое благородное, но и за самое полезное; благороднѣйшее потому, что только оно будитъ и испытываетъ всѣ силы человѣка; полезнѣйшее потому, что оно есть необходимая опора всѣхъ другихъ состояній, которыя безъ него не могли бы существовать. Если земледѣлецъ можетъ безопасно воздѣлывать свои овощи, ремесленникъ спокойно работать въ своей мастерской, художникъ безпрепятственно трудиться за своимъ дѣломъ, ученый заниматься въ своемъ рабочемъ кабинетѣ; то всѣмъ этимъ они обязаны воину, который охраняетъ городскіе ворота, ночью обходитъ патрулями улицы, приводитъ въ порядокъ шумливыя толпы черни и идетъ сражаться противъ врага, угрожающаго предѣламъ отечества. Въ сравненіи съ военнымъ званіемъ всѣ остальные ниже и ничтожнѣе. И что оно дѣйствительно есть высшее и благороднѣйшее свидѣлствуютъ лучше всего наши короли, являясь обыкновенно и особенно во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ въ военной парадной формѣ. На этомъ основаніи и офицеры должны быть, по моему мнѣнію, только изъ благороднаго сословія».

«Неужели вы однако думаете, что люди изъ средняго сословія безусловно не годятся для этихъ мѣстъ?»

«Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ графъ, съ убѣжденіемъ:» Охота и война должны быть привилегіей одного высшаго сословія, не потому чтобы остальные не могли также хорошо выстрѣлить изъ ружья или управляться саблей, не потому, что они не могутъ дѣлать этого въ томъ истинно военномъ духѣ, какъ слѣдуетъ. Духъ мѣщанскій есть по существу своему духъ, отличный отъ благороднаго; это отличіе трудно выразить словами, однако оно несомнѣнно существуетъ и для всякаго, по крайней мѣрѣ для меня — очевидно. Возьмите напр. понятіе о чести. Какое дѣло человѣку, неимѣющему предковъ, носившихъ тотъ же мечъ, который онъ носитъ, какое дѣло ему, повторяю, сохранился ли этотъ мечъ не запятаннымъ или нѣтъ? Мнѣ не случалось еще видѣть ни одного офицера изъ средняго сословія, который не возбуждалъ бы во мнѣ по крайней мѣрѣ сомнѣнія, что онъ немедленно, при

первомъ тѣлесномъ оскорбленіи или при грубой обидѣ словомъ, положить на мѣстѣ оскорбителя. Теперь я спрашиваю васъ, какими образомъ при такомъ отсутствіи истиннаго point d'honneur можетъ быть вообще рѣчь о настоящемъ военномъ духѣ? Этотъ вопросъ имѣетъ также и практическую сторону. Новый духъ, духъ дерзкаго неповиновенія установленнымъ отъ Бога властямъ, пробивается повсюду. Этотъ духъ не можетъ быть укрощенъ, какъ въ сожалѣнію это дѣлается въ нашемъ отечествѣ, мѣрами кротости и уступокъ, но лишь желѣзною строгостью и силой. Въ этомъ случаѣ мы можемъ быть совершенно спокойны за простаго солдата, пробывшаго три года въ нашей школѣ и дисциплинѣ, но другое дѣло офицеръ не изъ нашего сословія. Пошлите отрядъ войска подъ командою какого-нибудь лейтенанта Шульца или Миллера противъ возмущившейся черни и можно держать десять противъ одного, что въ этой толпѣ онъ встрѣтитъ непремѣнно какого-нибудь родственника Шульца или Миллера и вслѣдствіе этого пропуститъ благоприятную и рѣшительную минуту, когда нужно скомандовать — пли! Но пусть офицеры будутъ изъ благороднаго, и притомъ только изъ благороднаго сословія и ничего подобнаго не случится и можно съ однимъ батальономъ усмирить бунтъ въ цѣломъ городѣ, подобномъ Гринвальду».

Такъ разсуждаютъ наиболѣе искренніе люди изъ той феодалной партіи, которой молодой графъ Вальдернбергъ есть самый типическій и, можетъ быть, одинъ изъ лучшихъ представителей. Но не грустная ли иронія судьбы, что въ изъ то время, какъ онъ съ жаромъ и достоинствомъ защищаетъ важность той чистой крови, которая дѣлаетъ изъ него и ему подобныхъ привилегированное сословіе; между тѣмъ, какъ онъ считаетъ своею священною обязанностью передъ этой чистой кровью сохранять и поддерживать старыя учрежденія: грустная и тяжелая сцена въ кабинетѣ его матери раскрываетъ плебейское происхожденіе этого гордаго представителя одной изъ древнѣйшихъ фамилій и, этого мало, она показываетъ ясно, что самымъ тѣмъ жаромъ и энергіей, съ которыми онъ такъ твердо стоитъ за права и достоинства привилегированнаго сословія, онъ обязанъ именно той каплѣ виакой плебейской крови, которая влила новую, сильную струю въ истощенныя жилы цѣлыхъ поколѣній его предковъ, погнѣбавшихъ послѣдовательно въ развратной и пустѣйшей жизни.

И въ ту минуту, когда графъ Вальдернбергъ собирается заключить свою гордую, незапятнанную жизнь бракомъ съ любимой имъ прекрасной дѣвушкой, злая судьба открываетъ ему жестокою

тайну его рожденія и съ разу подрываетъ ту шаткую, искусственную основу, на которой онъ думалъ утвердить свою честь, свои нравственныя принципы, свой гражданскій долгъ. Но по крайней мѣрѣ убитый и уничтоженный нравственно жестокимъ открытіемъ, смутившимъ и перепутавшимъ все его понятія, молодой графъ умѣетъ умереть, защищая тѣ принципы, въ которыхъ выросъ, и въ святости которыхъ убѣжденъ. И вотъ главныя дѣйствующія лица романа встрѣчаются на баррикадѣ въ Берлинѣ. На одной сторонѣ оказываются все новыя люди, казавшіеся негодными для жизни, тѣ мечтатели, которые тщетно искали правды и дѣятельности въ жизни — баронъ Ольденбургъ, Бергеръ, Освальдъ — съ другой гордый графъ Вальдернбергъ въ сообществѣ шпионовъ и грубой силы. Бергеръ, Освальдъ и Вальдернбергъ задаютъ мертвые, какъ самые яркіе представители тѣхъ противоположныхъ принциповъ, готовые неизбежно должны были столкнуться рано или поздно въ борьбѣ на смерть. Идея романа заключается этою смертью самыхъ сильныхъ представителей обѣихъ противоположныхъ партій. Мы позволимъ себѣ привести въ заключеніе описаніе смерти Освальда, хотя и сильно опасаемся испортить это поэтическое описаніе нашимъ слабымъ переводомъ.

Пока боль сосредоточивалась въ растерзанныхъ пулею внутренностяхъ, духъ страждущаго находился постоянно подъ вліяніемъ страха и ужасныхъ видѣній. Ему непрерывно представлялись страшныя лица, смотрѣвшія на него своими впалыми, мертвыми глазами, чудовища, вонзавшія свои острые зубы въ его тѣло, ряды мертвецовъ въ саванахъ, которыя проходя мимо него, открывали ему свои знакомыя, милыя лица. И все страшнѣе и страшнѣе становилась пропасть, куда онъ визвергался: онъ долженъ былъ пролезать въ узкія темныя ущелья, сопровождаемый адскимъ смѣхомъ, страшно раздававшимся подъ пустыни сводами... Вдругъ онъ услышалъ голосъ, звавшій его: Освальдъ! Освальдъ. И при серебряномъ звукѣ этого тихаго, знакомаго и милаго голоса, исчезли все страшныя и привидѣнія, замолкли хохотъ и крики демоновъ. Узкіе, жаркіе проходы расширились и превратились въ широкія, подвижныя своды и вмѣсто мрачныхъ, темныхъ каменныхъ плитъ, надъ ними закачались величественныя вершины деревьевъ, въ вѣтвяхъ которыхъ порхали красивыя птицы и сквозь которыя свѣтились яркіе лучи солнца. И вновь раздался призывный голосъ: Освальдъ, Освальдъ! и онъ понесся на встрѣчу этому голосу въ голубой тѣни деревъ, надъ мягкою, мшистою почвою, сквозь которую пробивались серебрястыя водныя струйки. И все свѣтлѣе, и свѣтлѣе становились вокругъ него — и изъ про-

хладной тѣни, на краю которой онъ остановился, вѣду до открыто прекрасное поле, полное цвѣтущей жемчи, золотой жатвы и радостнаго солнечнаго блеска. И между тѣмъ какъ глазъ его отдышалъ на этой отрадной картинѣ, надъ золотистой нововъ и цвѣтущимъ лугомъ показались двѣ, летящія руку объ руку, стройныя, высокія тѣни. Сначала онъ не узналъ ихъ, но по вѣрѣ приближенія ихъ, все болѣе и болѣе уяснились образы Ольденбурга и Мелитты. Онъ протянулъ къ нимъ руки и сказалъ: Добрыя люди, можете ли вы простить мена?

Тогда наклонились къ нему любезныя тѣни и поцѣловали его въ губы: онъ хотѣлъ бы громко зарыдать отъ невообразимаго счастья, но не могъ. Сладкая усталость протекла по его членамъ. Онъ хотѣлъ открыть глаза, но теплая, нѣжная, милая рука легла на нихъ; поле, покрытое жатвой и блестящее солнцемъ, исчезло, стройныя тѣни превратились въ туманныя, легкія, неуловимыя призраки, громче и громче слышался шумъ лѣсной чащи, глубже и глубже чувствовалъ онъ себя уходящимъ въ темную и холодную тѣнь ея и за тѣмъ наступила глубокая ночь — первобытная, вѣчная ночь.

Мы прослѣдили довольно подробно судьбу главнѣйшихъ дѣствующихъ лицъ романъ, на сколько это требовалось для яснаго разумнѣя задачи автора. Но множество побочныхъ лицъ и обстоятельствъ, весьма интересныхъ и прекрасныхъ, мы привуждены были однако опустить, чтобы не растягивать безъ нужды нашей статьи. Теперь, познакомивъ достаточно читателя съ канвою романа, мы можемъ приступить къ болѣе обстоятельному анализу его содержанія. Первый вопросъ, который представляется намъ при этомъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Какимъ является въ романѣ Шпильгагена нѣмецкое общество имъ изображенное и въ какой степени это изображение имѣетъ общій современный интересъ? Хотя въ сущности романъ Шпильгагена и имѣетъ по преимуществу нѣстное значеніе, изображаетъ современное состояніе нѣмецкаго шлп, говоря еще опредѣленнѣе, прусскаго народа; во первыхъ условія жизни на столько въ наше время имѣютъ общаго во всѣхъ развивающихся европейскихъ государствахъ; во вторыхъ авторъ старается такъ глубоко проникнуть въ основы того порядка вещей, который изображаетъ, такъ много и часто касаясь общихъ политическихъ, соціальныхъ и философскихъ вопросовъ нашего времени, что романъ его, представляя конечно особый, исключительный интересъ для соотечественниковъ, въ то же время имѣетъ несомнѣнное и даже практическое значеніе для на-

судить людей во имя націй. Эти послѣднія стороны романа мы и постараемся выставить особенно на видъ русскимъ читателямъ.

И такъ въ какомъ же видѣ представляется въ романѣ Шинльгагена положеніе различныхъ классовъ нѣмецкаго общества, ихъ взаимныя отношенія, роль каждого изъ нихъ въ общественной жизни? Куда устремлены антипатія и симпатіи автора, какой наконецъ исходъ видитъ онъ для своего отечества изъ того неловкаго положенія, въ которое представляется ему общественная жизнь, какую роль лучшихъ людей считаетъ онъ наиболее пригодною въ настоящее время?

Мы уже познакомились до нѣкоторой степени съ его взглядомъ на высшее, привилегированное сословіе. Большая часть романа посвящена изображенію быта именно этого класса и, надобно сознаться, даетъ намъ сколько обстоятельное, столько же и невыгодное понятіе объ этомъ отжившемъ, выдохшемся баронствѣ. Пустая, безсмысленная жизнь, при дикой, тупой сословной гордости, совершенная неспособность къ разумному пониманію неотразимыхъ требованій духа времени—чѣмъ напротивъ такъ отличается на прѣмъ английское благородное сословіе—и потому, унавоженное кичливое и вражде ко всякому прогрессу; таковы главнѣйшія черты, которыми рисуется предъ нами въ многочисленныхъ сценахъ романа жизнь старшаго баронства и юнкерства. Военная жизнь составляетъ и по вышѣ единственную карьеру, кажущуюся пріятною этой молодежи, и мы видимъ съ какою ревностью въ некоторомъ, наиболѣе послѣдовательные члены этого класса стараются заградить доступъ къ этому званію другимъ, сѣвжякъ силамъ изъ массъ народныхъ. Лучшіе изъ нихъ, какъ на примѣръ баронъ Ольденбургъ, не могутъ относиться иначе, какъ съ презрѣніемъ къ членамъ того класса, въ петероу они принадлежать по рожденію и избѣгаютъ даже, сколько возможно, самаго титула своего званія. Не находя никакихъ интересовъ въ той тѣсной средѣ, въ которой рождены, они дѣлаются какими-то спитальцами по свѣту, искателями приключеній и наконецъ, въ роковую, торжественную минуту сватки на баррикадѣ оказываются не на сторонѣ своихъ собратьевъ по рожденію и связямъ.

Если такая неловкая судьба наиболѣе даровитыхъ натуръ изъ привилегированнаго класса, натуръ чуткихъ къ вопросамъ жизни, науки, требованій сердца и проч.: то еще печальнѣе

судьба честныхъ и твердыхъ въ своихъ принципахъ, но ограниченныхъ и узкихъ натуръ, представителей которыхъ можно назвать графа Вальдериберга. Проведя исследовательно и рѣзко принципы своего сословія, неуступчиво и съ энергіею отстаивая свои сословныя интересы, они, какъ мы видѣли, доводятся роковою судьбою до роли гонимой свободы и прогресса, до безотрадной роли палачей своего народа.

Такова судьба наиболее рѣзкихъ и типичныхъ представителей баронства по взгляду Шпильгагена. Что касается до ординарной массы этого сословія, то она какъ уже мы видѣли, представляется намъ въ романѣ въ самомъ жалкомъ видѣ. Не обновляясь свѣжими, живыми силами изъ народныхъ массъ, уварно замкнутая въ себѣ, она и по естественнымъ физиологическимъ законамъ и по развратной, пустой жизни, выражается и производитъ все слабѣйшія и слабѣйшія въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи существа. Если же происходитъ незаконное свѣщеніе баронской крови съ плебейской, то оно или производитъ тѣ проблематическія натуры, которыя рождаются съ ограниченіями, удовлетво ритькоторыя не въ силахъ, какъ напри мѣръ Освальдъ, или придаетъ искусственную энергію тѣмъ устарѣвшимъ принципамъ и сословнымъ предрасудкамъ, которая приводитъ также къ роковому исходу, подобному судьбѣ напри мѣръ графа Вальдериберга. Въ томъ и другомъ случаѣ отечество очевидно не приобретаетъ истинно полезныхъ сыновъ и цивилизація вѣрныхъ и твердыхъ поборниковъ. И такъ все привилегированное сословіе бароновъ, какъ сословіе, осуждается въ романѣ Шпильгагена безусловно. Но какъ умный и осторожный нѣмецъ онъ однако не хочетъ отвернуться вовсе отъ осужденной имъ касты, не броситъ ей слова примиренія: осуждая въ принципѣ привилегированное сословіе, онъ не отрицаетъ однако значенія породы, крови — и даже, какъ намъ кажется, придаетъ ему слишкомъ большое значеніе. Герой романа Освальдъ потому и красивъ, и даровитъ, и ловокъ, что въ жилахъ его течетъ родовитая баронская кровь. Баронъ Ольденбургъ оказывается въ концѣ концовъ наиболее положительнымъ, разумнымъ изъ трехъ проблематическихъ натуръ; и потому онъ, наконецъ, умѣетъ сладить съ жизнью, между тѣмъ какъ полубаронъ Освальдъ и плебей Бергеръ; какъ ни одарены отъ природы, оказываются неспособными и неостоятельными въ жи-

ни и не выработать себѣ ни твердыхъ принциповъ, не найдя исхода и прямого пути, умѣютъ только умереть въ геройскомъ порывѣ. Мы видѣли выше картину того многочисленнаго класса цѣловыхъ ученыхъ въ Германіи, который производятъ такъ много книгъ и такъ много толкуетъ о гуманнѣмъ, оставаясь въ сущности самыми мелкими, пустыми и неспособными къ серьезному дѣлу классомъ. Было бы, конечно, странно признать нарисованную Шпильгагеномъ картину за истинное и полное выраженіе вообще германскихъ ученыхъ, но нельзя не сознаться, что эта картина поражаетъ правдивыми и меткими чертами и что конечно не безъ основанія одинъ изъ даровитыхъ вѣмцевъ рѣшается на столь жестокое и прямое обличеніе цѣлаго класса своихъ ученыхъ. Въ изображеніи автора этотъ классъ представляется столь же замкнутымъ въ себя, неподвижнымъ, упорно противудѣйствующимъ всякому прогрессу сословіемъ, какъ и сословіе дворянское. Оно въ то-же время даже мольче, смѣшнѣе перваго съ своимъ крошечнымъ этикетомъ, узкою моралью, мелкимъ самолюбіемъ, надутою важностью и воображаемую серьезною дѣятельностью, когда эта дѣятельность въ сущности ограничивается сочиненіемъ сухихъ изслѣдованій, поэтическихъ игрушекъ и т. п. мелочами и не хочетъ ничего знать объ истинныхъ и могучихъ требованіяхъ духа времени. Такимъ образомъ ясно, что и на этотъ цѣловый классъ авторъ не возлагаетъ большихъ надеждъ.

Кромѣ этихъ привилегированныхъ и пѣющихъ опредѣленныя, общія характеристическія черты классовъ, остается еще многочисленный и довольно неопредѣленный средній классъ, и авторъ, чтобы не оставить пробѣловъ въ своей картинѣ общества, представляетъ намъ нѣсколько разнообразныхъ лицъ и изъ этой неопредѣленной массы. Таковы тайный совѣтникъ Робранъ, докторъ Францъ и землемѣръ Альбертъ Тиммъ. Люди этого класса, не стѣсняемы никакими сословными предразсудками и привилегіями, не представляя въ тушаго, недвижимаго цѣпа, какимъ изображаетъ намъ авторъ записанныхъ вѣмецкихъ гезертеровъ—очевидно подвержены всѣмъ удобствамъ и неудобствамъ полной свободы въ выборѣ образа мыслей, дѣятельности и проч. И дѣйствительно выведенные въ романѣ лица этой категоріи представляютъ намъ то свѣтлыхъ и сознательныхъ поборниковъ свободы и цивилизаціи, людей честно прожившихъ жизнь и смѣло глядя-

щихъ въ будущность, то гениныя личности, ничѣмъ неударженныя на пути порока и окатывающія, какъ Альбертъ Ганнъ, роль шпіона. На этомъ-то разнообразіи и многочисленномъ классѣ новыхъ людей поведенію остаются по преимуществу идеи автора и, изъ него ожидаютъ онъ постоянныхъ рекрутъ для долгой, непрерывной борьбы, предстоящей народомъ противъ многочисленныхъ враговъ, задерживающихъ успѣхи цивилизаціи и общаго благополучія. Но мы еще возвратимся къ этому предмету.

Романъ Шпильгагена, по своей широкой задачѣ долженъ былъ коснуться всѣхъ классовъ общества, всѣхъ болѣе или менѣе типическихъ проявленій человеческой природы и потому, кромѣ выше указанныхъ трехъ главныхъ группъ, въ него входятъ, принявъ большее или меньшее участіе въ интригѣ романа, в лица изъ рабочаго класса, кочевые акробаты, поэтическій образъ цыганки. Всѣ эти вводныя лица помогаютъ до известной степени уясненію основной идеи романа. А эта идея есть запутанность всѣхъ сословій и классовъ, изображеніе общества, выходящаго изъ старой колени и не успѣвшаго еще повстать въ новую. Люди темные и простые свидѣлствуютъ безвозвратно объ этой общей спутанности отношеній, люди даровитые и чуткія страдаютъ сознательно, утрачивъ прежнія крѣпкія вѣрованія, убѣжденія, прежнія опредѣленные цѣли и задачи въ жизни и тщетно добываясь новыхъ. При искусственной и не совсѣмъ художественной постройкѣ романа, самую интересную часть его, какъ мы замѣтили выше, самое ясное и полное выраженіе идеи автора нужно искать въ разсужденіяхъ, влагаемыхъ имъ въ уста его различныхъ дѣйствующихъ лицъ. Поэтому мы считаемъ рѣшительно необходимымъ при разъясненіи причинъ столь шатакаго и неловкаго положенія всѣхъ классовъ общества, какими онъ представляется въ романѣ Шпильгагена, обратиться къ разсужденіямъ самаго автора. Вотъ напр. какъ говоритъ объ этомъ предметѣ докторъ Биркен-гайнъ, имѣющій известное въ Германіи заведеніе умалишенныхъ, въ письмѣ къ барону Ольденбургу по поводу сдѣланной послѣднимъ характеристика проблематическаго натуръ. «Вашъ меткій зондъ попалъ въ одну изъ глубочайшихъ язвъ нашего вѣка. Трудно повѣрить, какъ эта болѣзнь утѣсненнаго пресыщенія и нравственной пустоты усилилась въ наше время и какъ много именно наиболѣе одаренныхъ натуръ дѣлается

ей жертвамъ. Половина моихъ больныхъ принадлежитъ къ этой категоріи. Постоянное недовольство тѣмъ или другимъ неизбежно приводитъ, наконецъ, къ безумію. Вы спросите, можетъ быть, почему именно это случается въ особенности въ наше время? потому, что въ удушливомъ воздухѣ полицейскаго государства духъ поражается параличемъ; потому что въ немъ гложутъ лучшія силы, которыя, не находя себѣ правильного исхода, обращаютъ свое разрушительное дѣйствіе на благороднѣйшіе органы. У меня есть больной, который былъ бы несомнѣннымъ украшеніемъ своей родины, если бы свои необыкновенныя политическія и ораторскія способности онъ могъ проявить съ парламентской кафедры. Но его послали окружнымъ судьей въ городокъ съ двумя тысячами жителей. Тамъ онъ оставался пять лѣтъ; спорилъ непрерывно и со всѣми: съ ректоромъ, докторомъ, аптекаремъ, пока наконецъ, тупая ограниченность этихъ людей не свела его съ ума». Такимъ образомъ отсутствіе политической жизни и возможности служить всѣми своими силами общественнымъ интересамъ составляетъ, по мнѣнію доктора, главную причину той безцѣльной и напрасной растраты духовныхъ силъ съ одной стороны и того тупаго одеревененія съ другой, какія представляетъ большая часть европейскихъ гражданскихъ обществъ съ полицейскимъ устройствомъ. Мы увидимъ сейчасъ, что люди в другихъ направленіяхъ, сходятся безусловно въ признаніи этой главной причины зла, хотя и разнятся въ некоторыхъ подробностяхъ. Послушаемъ напр. разговоръ доктора Франца съ Олденбургтомъ. «Сердцемъ я чистой республиканецъ», говорилъ докторъ, «но я вовсе не желаю, чтобы республика провозглашена была у насъ тотчасъ же, потому что не вѣрю, чтобы этимъ шагомъ мы далеко подвинулись впередъ, пока причина зла не будетъ вырвана съ корнемъ. А этотъ корень зла я вижу въ тупыхъ, бессмысленныхъ предразсудкахъ, поддерживающихъ застои, въ вѣрованіяхъ, которыя извращаютъ природу и вмѣсто того, чтобы дѣлать людей свободными гражданами земли, воспитываютъ въ нихъ гелотовъ сверхестественнаго міра и вмѣсто того, чтобы проповѣдывать солидарность интересовъ всѣхъ людей—тезисъ понятный разсудку и способный дать направленіе нашей дѣятельности—бормочать туманно о какой-то всеобщей братской любви, противъ которой, въ томъ видѣ, какъ она проповѣдывается съ безчисленныхъ на-

«едръ, упорно возстаётъ всякое здоровое чувство.» Этотъ въ-сколькo крайней образъ мыслей не составляетъ позадикону собственныхъ убѣжденій автора и онъ такъ ограничиваетъ его устами барона Ольденбурга. «Я думаю, докторъ, что вы уви-скаете при этомъ изъ виду огромную разницу, существу-ющую между неразумною государственною форшою и форшою сво-бодною, цѣлесообразною. Не говоря уже о томъ, что личная и такъ сказать, матеріальная свобода ведетъ за собою неотразно свободную дѣятельность и въ духовной области: но самое вред-ное вліяніе тѣхъ неразумныхъ ученій, о которыхъ вы говорите, необходимо ослабляется напр. въ республикѣ, точно такъ какъ вредныя испаренія, которыя могутъ быть смертельными въ тѣ-номъ пространствѣ, вдыхаются безвреда при свободномъ обра-щеніи воздуха... При томъ въ деспотическомъ устройствѣ вредное ученіе тотчасъ же соединяется съ властію и проникаетъ своею заразою все общество, между тѣмъ какъ при другихъ условіяхъ вліяніе его ограничивается лишь не многими членами общества. Чтобы выразить мою мысль немногими словами, я скажу: въ сво-бодномъ государствѣ отдѣльныя лица могутъ быть больны въ за-чительной степени, но общество остается все таки здоровымъ, напротивъ, въ полицейскомъ государствѣ могутъ конечно суще-ствовать отдѣльныя здоровыя личности, но само общество зара-жено тяжелою болѣзью.»

И такъ общественная болѣзнь иѣмцевъ найдена—это почти поголовная неспособность къ политической жизни и происхо-дѣніа оттуда съ одной стороны коснѣніе въ кастахъ, хорошо ус-троившихся и привилегированныхъ, съ другой напрасное и даже вредное броженіе и трага силъ. Причина этой повальной болѣ-зни есть постоянная опека во всемъ, полицейское, какъ выражает-ся авторъ, устройство государства. Мы видѣли, дѣйствительно, изъ изложенія содержанія романа и преимущественно изъ раз-сказа Бергера, что эта опека простирается на тотъ или другой образъ мыслей, на религіозныя убѣжденія, на науку и даже на таланты, которыя неизбѣжно должны пройти черезъ извѣстныя цеховыя ступени, чтобы получить право на дѣятельность. При пересмотрѣ сословій и различныхъ общественныхъ группъ, сдѣ-ланныхъ Шмилъгагеномъ въ его романѣ, ни одно не оказалось на столько свѣжимъ и способнымъ, чтобы вступить въ открытую

ознательную и успешную борьбу съ тяготящимъ надъ всѣмъ обществомъ гнетомъ. Одни слишкомъ заинтересованы въ сохраненіи стараго порядка или, по крайней мѣрѣ, считаютъ свою судьбу тѣсно связанною съ этимъ отжившимъ порядкомъ; другіе погрязли умомъ и сердцемъ въ мелочахъ науки и жизни и остаются глухими къ голосу времени и свободы; третьи, наконецъ, погибаютъ въ безсильныхъ стараніяхъ выбиться изъ подъ тяжелой сѣти, опутывающей ихъ мысль и волю, и пробиться къ свѣтлѣму, живительному свѣту и воздуху. Лучшее, что они могутъ сдѣлать въ настоящее время это, по мнѣнію автора, принести свою жизнь въ жертву за идею, не зная даже навѣрное, какія прочныя результаты вытекутъ изъ этой жертвы. Но, не смотря на столь грустную картину общества, представленную Шпильгагеномъ въ его романѣ, онъ еще не отчаивается окончательно въ будущности своей родины и человѣчества. Въ той темной, безразличной массѣ рабочихъ силъ, которыя составляютъ самое существенное ядро современныхъ обществъ, онъ видитъ источникъ новыхъ, живыхъ началъ; тамъ находитъ онъ нужныхъ борцовъ иа дѣла прогресса и на этой то массѣ, неуспѣвшей установиться въ какія неподвижныя формы, успокоивается его мысль. Лучшимъ выразителемъ въ романѣ этой живой вѣры въ безуставно возобновляющіяся и обновляющіеся живыя силы обществъ представляется намъ тайный совѣтникъ Робранъ и мы ничѣмъ удачнѣе не можемъ заключить изложеніе романа, какъ словами этого совѣтника, которыми онъ благословляетъ и напутствуетъ въ жизнь молодую новобрачную чету.

— Друзья мои! Въ счастливыя минуты охотно говорится о прошедшихъ страданіяхъ и потому позвольте мнѣ облечь свѣтлымъ образомъ настоящей радости въ темныя рамки, которыя еще ярче выставляютъ его блестящія краски.—Въ послѣдніе, тяжелые дни, когда я, которое обязаніе и призваніе есть помогать сколько могу другимъ, самъ лежалъ безпомощный на одрѣ болѣзни — мнѣ часто приходили въ голову трогательныя, полныя скорби слова, которыя римскіе плебеи, бременные сверхъ силъ воинскою службою, рѣшились однажды сказать своимъ гордымъ всемымъ богамъ, патриціямъ: «*Sine missione nascitur.*» То-есть, другими словами: какое дѣло вамъ патриціямъ, если силы наши истощаются въ безконечномъ рядѣ войнъ, которыя вы ведете во имя отечества для *вашей* пользы и корысти, какое дѣло вамъ, что наши поля остаются необработанными и наши жены и дѣ-

ти гибнуть оставленные. Къ оружію! къ оружію! раздается изъ году въ годъ вашъ крикъ; а наше дѣло нести тяжелую ношу изъ году въ годъ. — *Sine missione nascimur.*

— Не такъ ли же, думалъ я далѣе, и мы, дѣти девятнадцатаго вѣка, *рождаемся безъ призванія.* Громадныя задачи, предстоящія намъ въ наукѣ, помитикѣ, въ каждой сферѣ человеческой дѣятельности, поглощаютъ съ ранней юности наши силы въ обязательномъ, невольномъ трудѣ. Къ оружію! слышится всѣмъ намъ вѣчный зовъ, будетъ ли оружіе наше перо или кисть, плугъ или молотъ, циркуль или ланцетъ. И трудъ, неумолимый, неотразимый трудъ! — какое ему дѣло до рабочей силы? Бьются-ли лихорадочно ея жилы, раздражается ли мозгъ ея до безумія, ищиваютъ-ли члены ея отъ истощенія? — Что ему до тора! Онъ награждаетъ рабочаго бѣдностью, болѣзью и нуждой и требуетъ отъ него обиженнаго, неспризнаннаго, неуважаемаго подвигъ Геркулеса. Да, друзья мои, мы! всѣ также пролетаріи, рабы труда, какъ тѣ римскіе плебеи были рабами войны, и мы можемъ, вѣстѣ съ ними жалобно воскликнуть: *Sine missione nascimur!*

И однако, спрашивалъ я далѣе: какимъ образомъ происходитъ, что мы слабосильные и выродившіеся невольники совершаемъ дѣла, въ сравненіи съ которыми дѣла Геркулеса и другихъ героев кажутся ребячествами пигмеевъ? что наше, столь часто упрекаемое въ лѣнности и бездѣйствіи, время порождаетъ однако не жалкую мышь, какъ гора въ баснѣ, но непрерывно новыя чудеса промышленности и изобрѣтеній? Только потому, друзья мои, что наше время представляетъ совершенную противоположность тѣмъ вѣкамъ, когда битвы и труды человечества совершались отдѣльными героическими личностями, между тѣми какъ тупыя, бессмысленныя массы съ дикимъ крикомъ влеклись за вождями. Отдѣльныя личности въ наше время, какъ бы велики они не были, значать уже не такъ много; вся сила въ массѣ, которая густыми колоннами, медленно, но неудержимо идетъ по пути прогресса. Но многіе еще поняли ясно этотъ новый порядокъ вещей: владѣтельные лица, князья и ихъ рабы, смутно начинающіе понимать дѣло, въ своемъ грубомъ эгизмѣ или изъ нустаго тщеславія, пожалуй не прочь бы воротиться къ тому старому порядку вещей, когда одно лицо составляло все и масса не имѣла никакого значенія; но усилія ихъ тщетны. Голыми руками, не неудержимымъ инстинктомъ, подбываямъ инстинкту переселяющимся въ предчувствіи смертной опасности животнымъ, идутъ впередъ, въ необозримой линіи передовыхъ шеренгъ человечества, прижимаютъ плотно плечо къ плечу, заднія ступая въ слѣдъ переднихъ и, если тамъ или самъ падаетъ ратникъ, образъ пустоты въ сплошной стѣнѣ, ряды мгновенно смыкаются.

— И эта то мысль, друзья мои, понятая во всемъ своемъ значеніи, представилась мнѣ глубоко утѣшительною. Я думалъ: что за бѣда, если ты аде.ль сегодня или завтра; слѣдомъ за тобой идетъ другой, молодой и бодрый воинъ, который тотчасъ же вступитъ твое мѣсто

и сражался тѣмъ же оружіемъ, которое вызвало изъ твоихъ охладѣвшихъ рукъ, совершить еще лучшіе подвиги, надежда могъ бы совершить ты самъ.

«При этихъ словахъ совѣтникъ крѣпко пожалъ руку своему вятю, и дочь его, давно уже старавшаяся удержать свои слезы, упала, рыдая въ объятія отца.

— Нѣтъ, вѣтъ, дитя мое, продолжалъ Робранъ, лаская мягкіе волосы дѣвочки: ты не должна плакать: я именно хотѣлъ доказать всѣмъ вамъ, что не жаловаться и стонать, но радоваться слѣдуетъ тому, что мы бессмертны и непобѣдимы только въ союзѣ съ нашимъ потомствомъ и въ немъ. Да прекрасны и глубоко правдивы слова, которыя я еще сегодня прочиталъ у Фрейлиграта: Am Baum der Mensch, heit rühmt sich Blüth an Blüthe. Я вижу теперь какъ вокругъ меня зарождаются новые почки и распуковки: пройдетъ еще нѣсколько времени и эти почки и распуковки обратятся въ прекрасныя цвѣты и плоды. Доживу ли я до этого? Я желаю бы, я надѣюсь; но, если бы даже этого не случилось, если бы даже мнѣ не пришлось качать вашихъ дѣтей на моихъ колѣняхъ — что же дѣлать, друзья мои! всякая радость имѣетъ свою долю горести и всякая горестъ свою долю радости. Тамъ, гдѣ овѣсія цвѣтны тѣснится другъ къ другу, сухому дереву нѣтъ уже мѣста: оно должно быть изсѣчено и ввержено въ огонь и если такъ должно быть, нужно покориться судьбѣ, если не съ веселымъ сердцемъ, то по крайней мѣрѣ съ мужествомъ.»

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ, болѣе всего выражающихъ основную идею автора, его сѣрованія, надежды, наконецъ чашный видъ словомъ изъ мрачнаго положенія общества, представляемаго въ романѣ, мы и заключаемъ нашъ разборъ задачи романа Шпильглена. Мы волюта сознаемъ, что читатель долженъ получить изъ нашего анализа впечатлѣніе не только общее и опредѣленное. Безъ сомнѣнія у весьма многихъ возникнутъ вопросы: каковы же наконецъ социальныя, политическія, философскія убѣжденія автора? Каковъ рецензентъ, рекомендуемый имъ для блага человѣчества? Что дѣлать, нужно по его мнѣнію? Не смотря на свою широкую задачу и на множество выставленныхъ въ немъ различныхъ отгнѣкомъ образа мыслей, романъ не даетъ однако прямого отвѣта на всѣ эти и подобныя вопросы. И мы можемъ смѣло сказать, что такіе отвѣты еще не выработались съ достаточною ясностью и въ томъ обществѣ, которымъ порожденъ разобранный нашъ романъ. Здѣсь намъ опять приходится указать на важное значеніе художественной формы, о которой мы говорили уже вообще въ началѣ статьи.

Романъ Шенляггена, не смотря на свою явную политическую тенденцію, именно потому, что онъ романъ а не разсужденіе и слѣдовательно обязывалъ автора къ совершенно особой обработкѣ задачи, требовалъ непременно болѣе глубокаго проникновенія въ человѣческую природу и ея проявленія въ наше время, — представляетъ для насъ многообразный интересъ. Во первыхъ онъ даетъ намъ довольно полную и живую картину нѣмецкаго общества и его различныхъ слоевъ, во вторыхъ знакомитъ насъ съ различными отбѣнками образа мыслей, господствующими въ этомъ обществѣ, равно какъ открываетъ стремленія и надежды лучшихъ людей этого общества, наконецъ, въ третьихъ открываетъ намъ широкое поле для соображеній о той степени зрѣлости и ясности политическихъ тенденцій, которыя неволью обличаетъ самъ авторъ, ища прямого пути и лавируя между множествомъ готовыхъ идей и возрѣвній, находящихся ивъ въ той жизни, которой онъ самъ есть прямое порожденіе. Съ первыми двумя сторонами дѣла мы уже познакомили нашихъ читателей, на сколько позволяло данное, заключающіеся въ романѣ и предѣлы журнальной статьи, на послѣднемъ пунктѣ мы постараемся остановиться хоть на короткое время.

Политическое безспіе, которое такъ рѣзко обличаетъ Шенляггенъ въ своемъ отечествѣ и о которомъ онъ такъ часто и прискорбно толкуетъ въ своемъ романѣ, отсутствіе ясныхъ и опредѣленныхъ общественныхъ задачъ и стремленій отразилось и на самомъ авторѣ: онъ положительно потерялся въ огромномъ количествѣ важныхъ философскихъ, социальныхъ и другихъ вопросовъ, поднятыхъ имъ же самимъ въ романѣ. Туманная атмосфера бесплодныхъ, не ведущихъ къ дѣлу разсужденій, въ которой живетъ постоянно авторъ, оказала свое дѣйствіе и на него, не смотря на все озлобленіе его именно противъ этой туманности и бесплодности мышленія. Онъ заслушался неволью, по врожденному влеченію своей нѣмецкой натуры и вслѣдствіе привычки, прекрасныхъ вѣдическихъ разсужденій, на которыя такъ плодородна Германія, и не утерпѣлъ, чтобы не ввести ихъ всѣ въ романъ, предоставляя самому читателю выбираться изъ этого лабиринта разсужденій и взглядовъ. А между тѣмъ онъ положительно хотѣлъ написать политическій романъ, романъ возбуждательный, указывающій цѣли и дѣятельность согражданамъ, врагамъ и друзя

прогресса. Но волей или неволей этот первоначальный планъ мало по малу распустился въ философствованія, въ анализы и романъ утратилъ всю энергію, какую долженъ бы былъ имѣть для исполненія своей первоначальной задачи. Мы не хотимъ здѣсь разсуждать о томъ, на сколько вообще пригодна художественная форма романа для проведенія социальныхъ и политическихъ тенденцій; насъ болѣе въ настоящемъ случаѣ интересуетъ вопросъ, что именно помѣшало нашему автору сообщить своему роману ту энергію убѣжденія, проповѣди, безъ которыхъ политическое его значеніе оказывается ничтожнымъ. Это, между прочимъ, одно изъ лучшихъ качествъ философскаго мышленія, именно способность видѣть во всякой вещи ея худую и хорошую сторону. Какъ ни драгоценно это качество мысли, но оно никакъ не ведетъ къ энергическому дѣйствию. А между тѣмъ въ романѣ Шнильгагена, предназначенномъ къ возбужденію политическихъ силъ и гражданской энергіи, мы встрѣчаемся съ указанною нами двойственностью чуть не на каждомъ шагу. Возстанетъ ли онъ съ нѣкоторою силою противъ учрежденія привилегированнаго класса, ему тотчасъ же представляются и хорошія стороны этого сословія, его чистая, породистая, облагороживающая даже и не законныхъ дѣтей кровь и проч. Дерзнетъ ли онъ представить въ забавной картинѣ своихъ цѣховыхъ ученыхъ, онъ непремѣнно постарается найти и между ними своего истиннаго героя. Осуждаетъ ли онъ какую либо форму, ему хочется сохранить принципъ. Каждое рѣзко выраженное мнѣніе, тотчасъ же встрѣчаетъ себя въ романѣ и противудѣйствіе. Все это, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о похвальной нѣмецкой добросовѣстности мышленія; но въ то же время и доказываетъ что сознаніе своего политическаго безсилія еще не создаетъ политическихъ инстинктовъ и что отдѣльныя усилія значать не много, если все общество остается еще равнодушнымъ къ дѣлу общественному. Окончательнымъ результатомъ романа выходитъ, что пожалуй, можно и ничего не дѣлать, а возложить надежду на историческій ходъ обстоятельствъ, который устроитъ все къ лучшему. Какъ бы то ни было, впрочемъ, романъ Шнильгагена, встрѣченный сильнымъ сочувствіемъ въ Германіи, любопытенъ и для насъ, какъ явное выраженіе той тоски, которая происходитъ отъ отсутствія политической жизни и начинается одновременно и во многихъ мѣ-

стахъ чувствоваться повсюду передовыми людьми. Ни слава оружія, ни успѣхи промышленности и вышнихъ формъ цивилизаціи, ни процвѣтаніе наукъ, ничто однимъ словомъ не въ силахъ заглушить этой тоски, какъ только она съ достаточною энергіею почувствуется созрѣвшими для политической жизни гражданами. Разъ прочувствованная, она требуетъ и добивается скорого удовлетворенія, и начинается новую эпоху въ жизни народа.

Е. Э—нъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ДЕРЕВНИ.*)

Господа редакторы, говорите «слава богу!» У насъ въ деревнѣ куда какъ зло начинаютъ заниматься политикой и чтеніе не только газетъ, но и журналовъ часъ отъ часу входитъ въ плоть и кровь каждаго провинціала. Да, на вашей улицѣ праздникъ, гг. литераторы! Наступила эпоха общественнаго перерожденія! Мы, помѣщики, въ настоящее время одержимы какимъ-то ражемъ къ чтенію, къ заявленіямъ патріотическихъ чувствъ, къ хозяйственнымъ преобразованіямъ, къ постройкамъ винокуренныхъ заводовъ, а въ особенности къ словопреніямъ; многіе даже въ послѣднемъ искусствѣ изощрились не хуже любаго петербуржца. Одинъ мой знакомый, считающійся въ нашемъ окологдѣ хорошимъ малымъ, въ минуту откровенности признался мнѣ, что онъ нашелъ вѣрное средство не только быть со всѣмъ уѣздомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но даже занимать деньги за невысокіе проценты. При этомъ извѣстии (виновать, читатель!) я чуть-чуть не вскопчилъ со стула, хотя и не имѣю тѣхъ быстрыхъ и подвижныхъ манеръ, какими отличаетесь вы, жители городовъ: мы, провинціалы, вѣдь народъ все тучный, съ расплывшими, упокоенными физиономіями, — такъ по крайней мѣрѣ насъ преимущественно изображаютъ. И вотъ я, скрывая внутреннее волненіе, самымъ спокойнымъ голосомъ спросилъ: «Какое же это средство?»

—Выписывать газетъ штукъ пять съ разными оттѣнками и нѣсколько журналовъ.

—«Средство не дешевое», подумалъ я, однако наострилъ уши.

* Мы не раздѣляемъ всѣхъ оттѣнковъ мнѣній нашего почтевнаго корреспондента; но съ удовольствіемъ помѣщаемъ его письмо, какъ бойкую картину нашего земства, въ настоящую эпоху. *Ред.*

— Весь уѣздъ мнѣ знакомъ, продолжалъ мой пріятель, — и я знаю въ какомъ домѣ какую газету или журналъ получаютъ, а потому глазъ-на-глазъ съ каждымъ знакомымъ я становлюсь жаркимъ сторонникомъ мнѣній или направленій выпускаемаго журнала и тѣмъ самымъ снискиваю къ себѣ непродолимое мнѣніе моего знакомаго; въ обществѣ же людей, разномыслящихъ на этотъ счетъ, я старательно избѣгалъ пускаться въ споры.

—Такъ и деньги даютъ!..

—И деньги даютъ! улыбаясь отвѣчалъ мнѣ хитрый знакомый, замѣтя мою нетерпѣливость. — Вотъ намеднясь, на прошлой недѣлѣ, въ четвергѣ, приказчикъ прісталъ ко мнѣ, что надо нанять поденщиковъ въ помощь работникамъ для спѣшной уборки овса, а у меня на эту пору денегъ ни гроша. Дѣло скверное. Дѣлать нечего, приказалъ заложить тройку и шастъ на дворъ къ Михайлу Федорычу Пузанову, — знаете, онъ еще получаетъ московскія газеты? «Вивать! кричу я издали собѣду: — славное извѣстіе: наши пять тысячъ поляковъ поколотили, начальниковъ и всѣхъ на мѣстѣ положил!» — «Эй, человекъ (Пузановъ по старой привычкѣ всегда такъ зоветъ служащихъ при немъ людей). Подать чаю Николаю Васильчу, да скажи говорить, Фелиции Семеновнѣ (это что у него живетъ новая экзотика), чтобы она сквозь ситечко пропустила, а то у ней вѣчно чай словно съ мухами!» — съ сіяющимъ лицомъ и чуть-чуть ве на весь домъ кричалъ Пузановъ, сжимая мнѣ дружески руку. — «Да-съ, поколотили! сибѣло продолжаю я, садясь на мягкій диванъ: — вотъ давно бы такъ! А знаете что, почтеннѣйшій Михайло Федорычъ, говорю я: тисните-ка статейку, что лучшее средство истребить всѣхъ этихъ безмозглыхъ поляковъ, этихъ ляго-сдѣлать, знаете, эдакую общую облаву всѣми войсками, загнать всѣ ихъ тамъ шайки въ лѣса, да и запалить ихъ! Пускай себѣ лахи жарятся тамъ, чтобы имъ пусто было!» — Мой Михайло Федорычъ какъ прыснетъ! — «Ха-ха-ха... отлично! браво! Извѣрить какъ рябчиковъ, говорить! Надо, говорить, непременно тиснуть.» И пошелъ, и пошелъ... Я вижу, человекъ въ духѣ, такъ сказать въ пассіи, и — попроси у него пятьсотъ рублей. Вѣдь, какъ вы думаете, далъ, даже и не поморщился!

Видите ли, гг. журналисты, какъ ловко вы сдумали прибрать къ рукамъ большинство провинціальныхъ читателей и каку

вслѣдствіе этого отвѣтственность должны нести вы предъ лицомъ цѣлой Россіи, въ данную эпоху, въ правильномъ и честномъ веденіи читающаго люда по пути гражданскаго преусибія!

Недавно мнѣ удалось повѣрить настроеніе гг. дворянъ. Я былъ на уѣздномъ совѣщательномъ собраніи, за два мѣсяца передъ началомъ губернскихъ выборовъ. Противъ ожиданія, съѣхалось болѣе обыкновеннаго; помѣщики собрались все люди нестарые, недавно вышедшіе въ отставку, больше изъ военной, а потому не утратившіе еще *воинственнаго азарта*. Настроеніе общества было замѣтно такое, что всѣ внутренніе, домашніе интересы поблскли передъ общимъ интересомъ, то-есть передъ сохраненіемъ цѣлости и достоинства Россіи.

Въ наше время въ провинціи собраніе дворянъ вкупѣ—чрезвычайная рѣдкость: по гостямъ болѣе не развѣзжаются, всѣ сидятъ по своимъ угламъ, зорко наблюдая за хозяйствомъ, принявшимъ совершенно новыя экономическія формы. Итакъ дворяне, едва сгруппировавшись, всѣ спѣшили другъ передъ другомъ излить впечатлѣнія настоящаго времени, что сейчасъ же и выразилось въ единодушномъ, искреннемъ желаніи публично и громко заявить свою признательность вице-канцлеру князю Горчакову за его знаменитыя депеши, съ такимъ достоинствомъ отстаившія интересы Россіи, и начальнику виленскаго края М. Н. Муравьеву, мужественно подавившему мятежъ во вѣривномъ ему краѣ, несмотря на скрежетъ зубовъ западныхъ недруговъ. Наши патріоты не ограничились посылкою телеграммъ къ вышесказаннымъ лицамъ, но и изъявили желаніе имѣть у себя портреты этихъ доблестныхъ народныхъ витязей. За изліяніемъ патріотическихъ чувствъ разговоръ принялъ экономическое направленіе и перешелъ на значительный урожай въ нашей мѣстности, на паденіе разномъ цѣнъ на всѣ роды хлѣбовъ и тотчасъ же выразилась довольно основательная боязнь недочета по всѣмъ хозяйствамъ, вedomымъ на основаніяхъ вольнаго труда. Количество хлѣба при низкихъ цѣнахъ на него отнюдь не вознаградитъ, при высокой заработной платѣ, значительныхъ затратъ, а потому многіе хозяева предположили лучше признать денегъ, оставивъ хлѣбъ пока въ своихъ амбарахъ. Много было говорено насчетъ удешевленія земледѣльческихъ работъ посредствомъ машинъ и улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. Мнѣнія были чрезвычайно разнообразны.

За исключеніемъ молотильныхъ машинъ, вѣялокъ и сортировокъ, повсемѣстно введенныхъ, многіе убѣдились въ полезности углубителей, сѣялокъ, желѣзныхъ боронъ, сѣноворошилокъ; но что касается до сложныхъ машинъ, подобныхъ жатвеннымъ и косилкамъ, то въ обществѣ хозяевъ, слѣдившихъ за дѣйствіями ихъ, оказывается къ нимъ сильное недоверіе: непрерывная ломка машинъ, при недостаткѣ специалистовъ-руководителей и хорошихъ мастеровъ кузнечнаго дѣла, даже въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ онѣ уже практически примѣнены, пугаютъ окончательно земледѣльцевъ. Мнѣ кажется мы сами, хозяева, во всемъ виноваты, стараясь разрѣшить вопросъ, неправильно поставленный нами же самими. Что бы сказали о чловѣкѣ, который, желая построить зданіе, забывши о фундаментѣ и стѣнахъ, толковалъ бы о размѣщеніи въ предполагаемыхъ комнатахъ удобной мебели? Такъ и мы поступаемъ: не разрѣшивъ окончательно фундаментальнаго вопроса, оставаться ли намъ при трехпольномъ хозяйствѣ, или перейти къ многопольному, мы сплмися завести у себя машины, приспособленныя у западныхъ сосѣдей при совершенно другихъ условіяхъ хлѣбопашества и самаго хозяйства, непохожаго на наше. Вотъ отъ этого-то, кажется, нѣкоторыя машины, въ родѣ молотилокъ, вѣялокъ и сортировокъ, принадлежащихъ хозяйствамъ всѣхъ системъ, давно уже укоренились у насъ, дѣйствія же остальныхъ машинъ, при нашей неподготовленности, не могутъ еще дать убѣдительныхъ результатовъ.

Такъ какъ на послѣднемъ земледѣльческомъ съѣздѣ многихъ изъ предстоящихъ гг. дворянъ не было, то я и поспѣшилъ сообщить имъ о состоявшемся на томъ съѣздѣ предложеніи устроить общество взаимнаго застрахованія полей отъ градобитія. Мысль эта была единогласно одобрена. Кто-то высказалъ, что крестьяне, которыхъ все богатство заключается въ хлѣбѣ, охотно примкнутъ къ такому учрежденію, а намъ, дворянамъ, желательно бы такое приобщеніе въ видахъ своего интереса, потому что гарантированіе единственнаго богатства крестьянъ дастъ имъ возможность быть всегда состоятельными въ отношеніи оброчной повинности. Нѣкоторые сожалѣли только, что для благонадежности этого предпріятія, по недостатку денежныхъ средствъ, нѣтъ пока возможности образовать первоначальный капиталъ. Но это обстоятельство, по мнѣнію всѣхъ, хотя и важное, не должно однако

оставлять такого по-истинѣ благотѣльнаго предложенія въ дальнѣйшемъ его ходѣ. Много было говорено о собственныхъ интересахъ гг. землевладѣльцевъ, но, къ сожалѣнію, мало обращено вниманія на интересы временно-обязанныхъ, тогда какъ главный интересъ настоящаго положенія дворянства состоитъ именно въ завоеваніи себѣ народнаго довѣрія. Къ несчастію, мы должны сознаться, что окончательно его потеряли: это мы видѣли и видимъ ежедневно. Избранные люди изъ дворянъ въ должности мировыхъ посредниковъ, несмотря на свою квакерскую добросовѣстность, не могли возратить утраченнаго. А почему? По тому что они тоже изъ среды дворянъ, интересы которыхъ такъ идутъ врознь съ интересами крестьянъ. Чтоже предстоитъ сдѣлать дворянству независимо отъ тѣхъ безчисленныхъ уступокъ, сдѣланныхъ нами въ послѣднее время для завоеванія себѣ довѣрія народа? Поменьше словъ, побольше дѣла. Напримѣръ принять на себя равномѣрную, по состоянію, часть тяжестей, лежащихъ теперь на одномъ только народѣ, то есть сдѣлать истинно справедливое и великое дѣло. Тогда каждый гражданинъ, смотря по состоянію, внесетъ на алтарь отечества равную лепту. Обидно никому не будетъ; дворяне, какъ образованные люди, займутъ свое настоящее мѣсто, то-есть въ главѣ народа, зорко слѣдя за общими интересомъ. Широкое выборное начало вполне будетъ примѣнимо и стройная, заинтересованная администрація изъ землевладѣльцевъ будетъ истинною слугою отечества и общества; экономическое развитіе пойдетъ быстрѣе, народныя богатства умножатся, а съ тѣмъ вмѣстѣ и средства государства. Только при этихъ условіяхъ тождественности интересовъ можетъ состояться истинное примиреніе съ народомъ и осипнуть голоса демагоговъ, готовыхъ нынѣ съ помощію недовольной массы раздавить цѣлое сословіе и разшатать самое основаніе государственнаго зданія. Многие мои собратья-дворяне пожалуй могутъ сдѣлать мнѣ вопросъ: «какъ это я, будучи самъ землевладѣльцемъ, пишу противъ собственнаго интереса?»—Во первыхъ я пишу по убѣжденію, понимая и уважая глубоко значеніе дворянства русской имперіи; откуда же, какъ не изъ среды этихъ людей нашего отечества и долженъ раздаться голосъ за принципъ справедливости? Это голосъ, надѣюсь каждаго дворянина. Во-вторыхъ, неужели не понятно, что дворянство, отказываясь добровольно отъ шаткой, неблаговидной привилегіи,

становится на законную территориальную почву и выигрываетъ въ неизбѣмой твердости своего права спокойное состояніе духа, съ помощью котораго всякій трудъ не труденъ и, свободно развиваясь, пополнить существенно потерянный интересъ? Въ третьихъ, житель деревни, я зорко слѣжу за нуждами и развитіемъ народной жизни, вижу, что несмотря на то, что самъ былъ дѣятелемъ въ комитетѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта и впоследствии занималъ должность мирового посредника, быть крестьянства, несмотря на возвращеніе ему гражданскихъ правъ, ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи не улучшился въ той степени, какъ надо было ожидать по духу положенія. Причину этого надо искать въ неудавшемся общинномъ правѣ и неправильномъ его развитіи. Не знаю какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ, въ нижегородской губерніи, вообще у крестьянъ прежде было больше угодій, чѣмъ теперь, и хотя за высшій надѣлъ плата положена умѣренная, но коренные хлѣбопашцы (крестьяне, имѣющіе значительное скотоводство), при обыкновенномъ способѣ ихъ паствы, не могутъ довольствоваться доставшимся имъ надѣломъ по уставной грамотѣ, а принуждены приванимать землю или у своего помѣщика, или на сторонѣ. Такимъ образомъ плата за наемную землю вмѣстѣ съ оброкомъ, съ податями, съ земельными, съ земскими и волостными сборами составляетъ на душу значительную сумму, которую добыть въ извѣстномъ сроку бывшій барщинникъ, по непривычкѣ къ денежнымъ расчетамъ, считаетъ для себя крайне затруднительнымъ. Къ этому надо присоединить новость свободы, неумѣнье крестьянина распорядиться своимъ временемъ, а главное—страшное тяготѣніе *громады* или *міра*, находящагося въ свою очередь подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій, олицетвореніемъ которыхъ служатъ *мировды* или *горлопаны*, вѣчно негодующіе противъ всякаго свободно-разумнаго дѣйствія котораго-либо изъ крестьянъ. Здѣсь надо искать источника того невѣжественнаго упорства, такъ часто проявлявшагося въ непониманіи даже собственныхъ интересовъ, напр. отказы *міра* отъ налѣжной земли при введеніи уставныхъ грамотъ, на основаніи 20 ст. мѣстнаго положенія.

Не знаю почему между крестьянами, несмотря на объявленное положеніе, распространилось убѣжденіе, что земли, отводи-

мыя имъ по уставнымъ грамотамъ, должны имъ достаться даромъ, бесплатно.

Замѣчательное довѣріе къ *царскимъ избранникамъ*, какъ крестьяне величали насъ, мировыхъ посредниковъ, — тотчасъ пало, какъ только начали вводиться уставныя грамоты вмѣстѣ съ истолкованіемъ о слѣдующей платѣ за отводимый имъ надѣлъ земли. Между разочарованными крестьянами быстро разнеслась молва объ ожиданіи новой воли. Всевозможныя уступки со стороны помѣщиковъ не приводили дѣла къ мирному исходу и ставили какъ послѣднихъ, такъ и мировыхъ посредниковъ, въ оковчательный тупикъ. При введѣ всякой уставной грамоты крестьяне просили мировыхъ посредниковъ или дать имъ больше земли, чѣмъ слѣдовало по положенію, или сбавить плату за землю, говоря, что «ты царскій слуга, все можешь сдѣлать», и когда мировой посредникъ отвѣчалъ имъ, что онъ «дѣйствительно царскій слуга, а потому и долженъ исполнить законъ, который указанъ ему въ высочайшемъ положеніи», — тогда крестьяне, какъ мнѣ было извѣстно, на сходкахъ своихъ стали говорить про мировыхъ посредниковъ, что «посредственникъ такой же баринъ, какъ и прочіе господа, такъ вѣстимо свой своимъ руку держитъ», и вспоминая слова посредника, что «если дѣйствія его при введѣ грамотъ покажутся крестьянамъ сомнительными или неправильными, то они могутъ обращаться съ жалобами въ губернское присутствіе», дѣлали тутъ же на сходѣ постановленіе: выбрать ходоковъ въ губернію, награждая ихъ очень часто значительными суммами денегъ. Замѣчательно то, что по простодушію своему крестьяне почти всегда выбирали въ повѣренныя или въ *ходоки* первыхъ крикуновъ, мироѣдовъ, полагая должно-быть, что они вездѣ могутъ взять горломъ, тогда какъ послѣдніе, люди въ высшей степени лѣнивыя, преспокойно проѣдали и пропивали общественныя деньги, возвращаясь постоянно безъ удовлетворенія на свои часто клеузныя и дикія прошенія. Это-то несчастное время безчисленныхъ просьбъ, завалившихъ канцеляріи губернскихъ присутствій, время недовѣрія, породило самыхъ вредныхъ людей въ нашемъ государствѣ, нашихъ *внутреннихъ поляковъ*, какъ я ихъ называю. Какіе же это люди? Отставные приказные или выгнанные писаря изъ удѣльныхъ и казенныхъ приказовъ, люди, которые на базарахъ въ кабакахъ, братаясь тайкомъ съ мироѣ-

дамы, выдавали себя за знатоковъ дѣла, толковали произвольно положеніе и брались за деньги или вино писать прошенія на кого угодно къ губернаторамъ, въ губернскія присутствія, а иногда и прямо на высочайшее имя.

Подъ вліяніемъ приказныхъ терроризмъ міроѣдовъ такъ сильно тяготѣлъ надъ сельскими обществами, что вліяніе первыхъ и понынѣ еще не проходитъ. Типъ этихъ міроѣдовъ чрезвычайно выразителенъ: сильный, грубый, смѣлый до дерзости, съ крайне развитою глоткою, онъ буквально покрываетъ своимъ голосомъ голоса прочихъ крестьянъ и съ замѣчательною ораторскою настойчивостью въ крестьянскомъ вкусѣ, доходящею до угрозъ, составляетъ замолчать самаго благоразумнаго изъ домохозяевъ. У него въ толпѣ есть всегда нѣсколько человекъ такихъ же смѣльчаковъ, извѣстныхъ пьяницъ, беспечныхъ хозяевъ, у которыхъ мало общихъ интересовъ съ остальнымъ дѣловымъ міромъ, и люди эти готовы при первой оказіи словомъ и дѣломъ поддержать міроѣда.

— Вотъ, православные, начинается горлопавъ: — знать Кузьма Петровъ сталъ набольшій! Знать никого не хочетъ; насъ, мірянъ ни во что не ставитъ! Слышь, торговать собрался, постоялый дворъ заводитъ, а самъ того не знаетъ, собачій сывъ, что земля-то мірская и самъ-то онъ мірской и безъ міра ничего не моги. Такъ-ли, православные?

— Вѣстимо дѣло, безъ міра не моги! кричатъ нѣсколько голосовъ, покуда другіе чешутъ затылки.

Напрасно Кузьма Петровъ говоритъ имъ, что «онъ по ефтому дѣлу былъ у посредственника и тотъ ему указывалъ на какую-то статью изъ положенія (107 ст. мѣстн. полож.), что каждый крестьянинъ своему дому хозяинъ и можетъ заводить всякое такое, что закономъ дозволено».

— Я-те вотъ покажу статью-то! оретъ міроѣдъ, поднося огромный кулачина къ самому носу несчастнаго Кузьмы Петрова:— у меня будешь ходить безъ воли міра къ посредственнику! Слышь ты, безъ воли міра не моги никауда! А за вину за свою, если больно богатъ сталъ, неси ведро водки, иначе міръ-те не проститъ. Такъ ли, православные?

Старяки, падкіе на даровое вино, рады такому счастливому исходу дѣла, пьютъ съ Кузьмы Петрова, какъ съ виновнаго, ведро

водки и по совѣту того же горлопана оставляють разрѣшеніе на устройство постоялаго двора до слѣдующей сходки, на которой поставленъ братъ съ крестьянина ежегодно на покрытие недоимки такую-то сумму.

Въ другой разъ міроѣдъ кричатъ:

— Слышь, православные! Николка Ждановъ разкузился и взялъ-таки у барина за пахоту 1 р. 20 к. съ десятины; вѣдъ сказано на сходкѣ не брать ниже 1 р. 70 к., чтобъ ему сдохнуть! Супротивъ міра пошелъ, лѣшій! Хлѣбъ у цѣлой вотчины заѣдаетъ!

И у несчастнаго Николки Жданова весь расчетъ свободнаго времени пошелъ прахомъ, и не смѣетъ онъ ѣхать къ барину на работу, боясь угрозъ мірскихъ людей, хотя и ему, и многимъ изъ товарищей выгодно имѣть подъ бокомъ у себя работу. А баринъ подождалъ-подождалъ, осерчалъ, да и сдалъ работу постороннимъ крестьянамъ.

У горлопановъ и имъ подобныхъ, проводящихъ свободное время за виномъ, загоны никогда не навоятся и хлѣбъ родится много хуже, чѣмъ у заботливыхъ сосѣдей. И вотъ онъ на весенней сходкѣ предирается къ тому, что «землю баба съ клюкой мѣрла»,—у кого загонъ шире, у кого уже, что мірскимъ людямъ, платящимъ подать поровну, слѣдуетъ имѣть и землю такъ-же, чтобы никому не было обидно. И міръ теряетъ безплодно нѣсколько дней въ дѣлѣжкѣ, ходя и ругаясь по загонамъ. Грустная участь скромнаго труженика-землепашца, иногда со слезами расстающагося съ загономъ, на который онъ положилъ столько труда и заботъ!

Можно было бы привести множество случаевъ, на основаніи которыхъ очень ясно видно, что къ этой пресловутой общинѣ, оставленной на произволь, быстро привилось все дурное и тягостное для крестьянина, а все хорошее осталось только написаннымъ въ положеніи.

Тяжесть общиннаго права (начала) чувствуютъ сами крестьяне и подтверждаютъ всѣ благомыслящіе люди, ближе присмотрѣвшіеся къ нынѣшнему общественному быту крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ. Отсюда истекаетъ жажда каждаго едва оперившагося крестьянина во что бы то ни стало вырваться изъ общества. Скажу еще болѣе, что эта община отнюдь не остановитъ пролета-

ріата и послужить вѣчнымъ тормазомъ къ какому бы то ни было преуспѣванію какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Примѣры тому мы видимъ на государственныхъ крестьянахъ, которые, при вышесказанныхъ условіяхъ, находясь подъ терроромъ дикой и пьяной мірской сходки, ни шагу не сдѣлали впередъ и уровень матеріальнаго быта ихъ, а равно и образованія, стоятъ, за исключеніемъ частныхъ случаевъ, много ниже чѣмъ у временно-обязанныхъ.

Неестественность развитія крестьянской общины споспѣшествуетъ недѣйствительности мірской администраціи. Положеніе указываетъ на двѣ власти въ каждомъ обществѣ: на міръ и на сельскаго старосту; на бумагѣ обѣимъ властямъ отведены границы и обязанности каждой очерчены довольно ясно, на практикѣ же выходитъ совершенно иначе. *Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ*, а потому одна власть поглотила другую: такъ общество, избирая старосту, выбираетъ изъ среды своей такого чловека, который бы соблюдалъ единственно ихъ интересъ, и положеніе новобранца съ перваго же раза становится невыносимымъ: съ одной стороны отвѣтственность передъ начальствомъ, съ другой — передъ обществомъ (міромъ), которое при всякой сходкѣ ставитъ его ниже послѣдняго члена своей семьи, требуетъ соблюденія своихъ интересовъ, хотя бы они были вовсе незаконные. Надъ нимъ всегда виситъ дамокловъ мечъ: со стороны начальства арестъ и штрафъ, съ другой — угрозы міра устами горлопана «въ ба рауіи рогъ согнуть, повергнуть всю семью въ нищету». Случайно избранный хорошій чловекъ старается нарочно и скорѣе подпасть подъ судъ, чтобы избѣжать ежедневной каторги. Такимъ образомъ служатъ большею частію люди, выбранные подъ вліяніемъ оппозиціи помѣщикамъ, люди, далеко не удовлетворительные ни въ какомъ отношеніи. Волостныя правленія также плохо обстановлены. Недостатокъ въ писаряхъ, при незавидномъ ихъ содержаніи, заставилъ мировыхъ посредниковъ быть не слишкомъ-то разборчивыми на этотъ счетъ, вслѣдствіе чего на мѣста писарей поступаютъ большею частію или полуграмотные пьяницы, или плуты, осѣдывающіе неграмотныхъ волостныхъ старшинъ. Положеніе послѣднихъ, очень часто хорошихъ людей, при вышесказанной обстановкѣ, далеко не завидное, всѣ они заподозрѣны въ глазахъ крестьянъ въ потворствѣ помѣщикамъ. Волостной судъ,

одно изъ лучшихъ учрежденій крестьянской администраціи, слабо прививается къ нравамъ крестьянъ и очень часто искажается, опираясь на толки и судъ деревенскихъ стариковъ, которые безъ зелена вина и быть не могутъ. Бывали примѣры, что смыслъ рѣшеній волостнаго суда, при заносѣ въ книгу, по прихоти писаря прямо противорѣчилъ дѣйствительному рѣшенію.

Картина такого неестественнаго хода дѣлъ можетъ легко измѣниться, если мы, дворяне, перестанемъ на нее хладнокровно смотрѣть, какъ люди чуждые, соединенные только съ крестьянами временнымъ денежнымъ интересомъ. Отъ правильнаго развитія жизни народной зависитъ благосостояніе каждаго гражданина и образованіе извѣстнаго сословія должно послужить звеномъ для тѣснаго сближенія съ остальною массою.

Жители деревни, дворяне! Къ вамъ обращается мой зыывающій голосъ! Поспѣшимъ благотворнымъ вліяніемъ на крестьянъ и словомъ, и дѣломъ заслужить ихъ довѣріе! Незабывая своего интереса, не забудемъ и ихняго. Тогда замолкнуть горлопаны, сокроются приказные крючки и сутяги и большинство простодушныхъ и честныхъ крестьянъ вздохнетъ свободнѣе, сжимая руки подающимъ ихъ.

П. Русиновъ.

СПОРЪ ОБЪ ОБЩЕМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Физика земнаго шара!.. Конечно, милостивый государь, вы слышали хоть мелькомъ о томъ маленькомъ скандалѣ въ русской литературѣ, поводомъ къ которому послужила эта прекрасная наука. Какъ всякая мелочь можетъ содержать въ себѣ указаніе на весьма немаловажныя вещи, такъ и этотъ маленькій случай, мнѣ кажется, обнаруживаетъ прелюбопытныя стороны нашей умственной жизни. Позволю себѣ начать съ него настоящее письмо.

Дѣло было такъ. «Московскія Вѣдомости» ведутъ въ настоящее время чрезвычайно бойкую и остроумную полемику съ ученымъ комитетомъ, состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Предметъ полемики—устройство общеобразовательныхъ заведеній, т. е. гимназій. Ученый комитетъ составилъ проектъ новаго устройства этихъ заведеній и разослалъ его по журналамъ и по ученымъ и учебнымъ заведеніямъ для обсуждения. Собравши мнѣнія (кажется шесть томовъ?), комитетъ на основаніи ихъ исправилъ и передѣлалъ свой проектъ. Потомъ исправленный проектъ былъ посланъ на новое обсужденіе, именно на обсужденіе иностранныхъ ученыхъ, нѣмцевъ, французовъ и пр. Собравши эти иностранныя мнѣнія, комитетъ еще разъ исправилъ свой проектъ. Все это напечатано: и проектъ въ его трехъ видахъ, и всѣ мнѣнія, которыя о немъ подавались; къ сожалѣнію однакоже все это недоступно публикѣ, все было разослано только тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, такъ что настоящій предметъ спора собственно скрытъ отъ глазъ читателей.

«Современная Лѣтопись» жестоко вооружилась противъ дважды обсужденнаго и дважды исправленнаго проекта. Немножко поздно!

скажете вы. Чтоже дѣлать! «Современная Лѣтопись» рѣшилась выступить тогда, когда увидѣла наконецъ, что угрожаетъ крайняя опасность, что на другихъ надѣяться невозможно, что еще минута — и все погибнетъ, и новый проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

И что же вы думаете? «Современная Лѣтопись» недаромъ вступилась. Чуть ли побѣда не будетъ на ея сторонѣ. Зрѣлище необыкновенное! Съ одной стороны цѣлый сонмъ педагоговъ, ученый комитетъ министерства, состоящій, по показанію г. Воронова, изъ ученыхъ, имѣющихъ докторскую степень по разнымъ наукамъ; съ другой стороны какой-то человѣкъ, не подписывающій своей фамиліи, можетъ-быть не только не докторъ, а даже не магистръ! Какое неравенство! А между тѣмъ побѣда склоняется на сторону «Современной Лѣтописи».

Надо же было случиться такой бѣдѣ, что нечаянно подвернулась физика земнаго шара. Богъ-знаетъ что изъ этого выйдетъ; очень можетъ быть, что изъ-за этого ничтожнаго случая побѣда будетъ вырвана изъ рукъ «Современной Лѣтописи». Въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ, что по нѣкоторымъ выраженіямъ этой лѣтописи петербургскіе литераторы сочли себя въ-правѣ заключить, что она, эта побѣдоносная «Современная Лѣтопись,» понятія не имѣетъ о томъ, что это за наука — физика земнаго шара; что она, эта высокоумѣрная «Современная Лѣтопись», и не подозрѣвала существованія такой науки и сочла ее за выдумку ученаго комитета! Не знать физики земнаго шара! Не знать *имени одной изъ обыкновеннѣйшихъ отраслей языкознанія* (опредѣленіе «Современной Лѣтописи»)! О срамъ! О поношеніе!

Но этого мало. Г. Бекетовъ, профессоръ ботаники въ петербургскомъ университетѣ, вздумалъ даже снисходительно *простить* «Современной Лѣтописи» это великое невѣжество. Въ газетѣ «Голосъ» (№ 252) онъ извиняетъ ее, говоря, что «ни кто не имѣетъ права требовать отъ политическаго и литературнаго журнала полнаго знакомства съ естественными науками», что «газетѣ по-газетному и дѣйствовать подобаетъ».

Можете себѣ вообразить, какъ это должно было подѣйствовать на «Современную Лѣтопись»! Съ жаромъ и поспѣшностію она выступаетъ на свою защиту. Въ № 34 она прямо отвергаетъ обвиненіе и знаетъ ничего не хочетъ о прощеніи. «Такое эле-

ментарное незнаніе, говоритъ она, какоо г. Бекетову угодно замѣтить въ насъ, заслуживаетъ не смѣха, раствореннаго благодушіемъ, а строжайшаго обличенія.» И слѣдовательно она, «Современная Лѣтопись», признаться въ немъ никакъ не можетъ, ибо она, позвольте видѣть, никакъ не можетъ страдать элементарнымъ незнаніемъ и ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ строжайшему обличенію. О гордость, до чего ты насъ доводишь?

Не стану вамъ рассказывать, что такое напела «Современная Лѣтопись» въ свое оправданіе; скажу прямо, что она виновата безпардонно и несомнѣнно. Чтобы убѣдить въ этомъ вашихъ читателей, укажу здѣсь на то, какъ напечатанъ въ «Современной Лѣтописи» (№ 25, стр. 9, столб. 3) прикосновенный къ дѣлу параграфъ проекта ученаго комитета. Печатайте крупнѣе:

§ 44. Курсъ *естествовѣдѣнія* въ прогимназіяхъ и низшихъ четырехъ классахъ гимназій, не заключаая въ себѣ систематическаго изложенія различныхъ естественныхъ наукъ, состоитъ изъ нагляднаго (?) изложенія *физики земнаго шара* (новая наука!), съ обращеніемъ особаго вниманія на описательную часть естественныхъ наукъ, чтобы развить въ учащихъ наблюдательность и положить основаніе систематическому изученію вѣтвей природы. (Не мало хлопотъ учителямъ должна надѣлать эта небывалая въ гимназическомъ курсѣ наука; да и что такое физика земнаго шара, въ которую входитъ описательная часть естественныхъ наукъ, слѣд. наиримѣръ зоологическая и ботаническая систематика и т. под?).

Вотъ теперь посудите сами. Что вы скажете о человѣкѣ, который, встрѣтивши названіе *физики земнаго шара*, подчеркиваетъ его? А подчеркнувши, ставитъ въ скобкахъ: «новая наука!» А потомъ еще прибавляетъ, что эта новая и небывалая наука, очевидно въ качествѣ своей новостн и небывалости, должна надѣлать много хлопотъ учителямъ?

Правда, «Современная Лѣтопись» прибавила еще: «да и что такое физика земнаго шара, въ которую входитъ описательная часть естественныхъ наукъ» и пр. «Современная Лѣтопись» вѣрнѣе держится теперь за этотъ хвостикъ, какъ за единственную надежду спасенія; ибо тутъ повидимому признается существованіе физики земнаго шара. Но вѣдь что значитъ этотъ хвостикъ? Вѣдь его настоящій смыслъ очевидно такой: положимъ, что физика земнаго шара есть вѣкоторая новая наука о земномъ шарѣ; но какъ же въ нее входитъ описательная часть естественныхъ наукъ. Когда эта описательная часть завѣдомо и заподлинно принадлежитъ другимъ наукамъ, зоологіи, ботаникѣ и проч.?

Нѣтъ, совершенно ясно, что передъ авторомъ носился образъ какой-то новой, незнакомой ему науки; онъ сильно подозревалъ ученый комитетъ въ податрствѣ и потому воображалъ, что тотъ выдумалъ новую науку. Авторъ началъ даже фантасировать: ему почудилось, что въ эту ненавѣстную науку должны *входить* описательныя части естественныхъ наукъ; между тѣмъ комитетъ все этого не говоритъ: комитетъ только дребуетъ, чтобы было *обращено особенное вниманіе* на тѣ свѣдѣнія изъ описательныхъ частей естественныхъ наукъ, которыя необходимы для физики земнаго шара, которыя непременно требуются этою наукою.

Такимъ образомъ злополучный хвостикъ, за который теперь такъ упорно хватается безъименный боецъ, всего яснѣе отличаетъ его невѣжество. Онъ говоритъ, что онъ зналъ, что такое физика земнаго шара. Положимъ; а какъ же онъ не зналъ, что для этой науки требуются свѣдѣнія изъ описательныхъ естественныхъ наукъ? И чему же онъ такъ дивился?

Итакъ ура! Звучите, побѣдныя трубы! «Московскія Вѣдомости», въ лицѣ своихъ воскресныхъ прибавленій, своей «Современной Лѣтописи» — уличены въ невѣжество!

Но изъ-за чего вы такъ шумите? спросите вы. — Не стыдно ли подымать такой гамъ изъ-за пустой ошибки?

Не могу согласиться съ вами. Въ этомъ ничтожномъ случаѣ, мнѣ кажется, обнаружилась одна изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ нашего умственного настроенія, именно та, что люди позволяютъ себѣ говорить о томъ, чего не знаютъ. Это не невѣжество, а нѣчто совсѣмъ другое: это удалъ, дерзость, недостатокъ уваженія къ читателямъ и къ своимъ собратамъ ученымъ и писателямъ. Многіе у насъ заражены этою удалью и зараза не обошла, какъ видно, и «Московскихъ Вѣдомостей». Авторъ полемики, о которой мы говоримъ, очевидно обладаетъ хорошимъ образованіемъ, но несмотря на то, не задумывается заговорить о томъ, о чемъ понятія не имѣетъ. Страхъ надъ нами никакого нѣтъ; уважать-то намъ некого. Въ самомъ ученномъ комитетѣ, въ университетскихъ профессорахъ, даже въ членахъ нашей академіи наукъ мы готовы предположить столько нелѣпностей, сколько намъ вдумается. Такова ужъ наша умственная среда, таковъ воздухъ, которымъ мы дышемъ.

Вотъ почему мы и хватаемся за все безъ оглядки, смѣло го-

ворнѣмъ о всемъ, что попадетъ на языкъ; вотъ почему мы и проговариваемся, и попадаемся въ просакъ, и наговорили столько неглупостей, сколько, я думаю, вгдѣ и никогда еще не было говорено на бѣломъ свѣтѣ.

Не думаете ли вы, что я дѣлаю слишкомъ поспѣшные и рѣзкіе выводы? А вотъ погодите. Я сейчасъ приведу вамъ презабавную страничку изъ «Современной Лѣтописи», гдѣ незнаніе нашего остроумнаго автора выразилось совершенно ясно. Ободренный слабостью своихъ противниковъ, онъ преспокойно разговаривалъ о томъ, чего не знаетъ, и посмотрите, до чего договорился

«Необходимо преподавать ботанику (воскликаетъ онъ)! Конечно весьма недурно, если учитель, умѣющій различать растенія (что за мнѣрное длинное — различать!) отправившись въ поле, передастъ кой-что (какіе-нибудь пустяки) изъ своихъ свѣдѣній любознательному мальчику; это всегда полезное знаніе (неужели?). Но преподавать ботанику въ школѣ, зимою, безъ микроскопа, безъ порядочныхъ физическихъ и химическихъ свѣдѣній—это трудно и, думаемъ, даже бесполезно. (Полюбуйтесь пожалуйста этимъ уступленіемъ! Конечно лѣтомъ въ поле—хорошо, но зимою, безъ физическихъ и химическихъ свѣдѣній—невыносимо. И вотъ мы кончили съ ботаникою!) Будемъ изучать зоологію. Основные методы этой науки — разсѣченіе и употребленіе микроскопа хороши методы! Недаромъ и въ настоящее время еще немалое число зоологовъ—медиковъ (аргументъ удивительный! Какъ онъ уясняетъ сущность дѣла!) Но разсѣченіе въ школѣ, съ дѣтьми, дѣло не совсѣмъ практическое (почему?). Можно пожалуй изрѣзать лягушку съ приличнымъ наставленіемъ, что это дѣлается во имя интересовъ знанія; можно даже свернуть голову пѣтуху для пользы науки. Но будетъ ли это серьезное дѣло? (Да почему же? Чтоже тутъ неслужаго?) Далѣе (мы, какъ видно, идемъ ужъ дальше) зрѣніе микроскопическое подчинено особымъ условіямъ: это по большей части зрѣніе въ проходящемъ свѣтѣ, сопровождающееся множествомъ условій, отличныхъ отъ обыкновеннаго зрѣнія (очень темно и дурно сказано; но не станемъ гнаться за выраженіями); надо умѣть смотрѣть въ микроскопъ, чтобы смотрѣть въ него съ пользою (совершенно справедливо! И потому—скажемъ мы — нужно учить питомцевъ смотрѣть въ микроскопъ; научить же этому вовсе не такъ трудно, какъ это кажется несвѣдущему въ этомъ дѣлѣ автору). Какія наконецъ (вотъ вамъ и наконецъ!) средства потребовались бы для обстоятельнаго изученія описательныхъ наукъ, возможны, скажемъ въ заключеніе, только когда учащіеся уже имѣютъ физическихъ и химическихъ свѣдѣній!»

Вотъ это самое, что сказано въ заключеніе, и составляетъ наибольшую драгоценность выписаннаго мною отрывка. Путань

и спотыкаясь въ незнакомомъ ему предметѣ, авторъ въ заключеніе рѣшился наконецъ ясно сказать свою мысль, и сказалъ вещь, надъ которою засмѣется всякій знакомый съ дѣломъ. Именно описательныя части естественныхъ наукъ и не требуютъ никакихъ физическихъ и химическихъ свѣдѣній; именно онѣ—систематика, анатомія, органографія—всего менѣе связаны съ такими свѣдѣніями, всего менѣе зависятъ отъ нихъ. По своему методу, по своему предмету онѣ существенно отличны отъ физики и химіи; онѣ имѣютъ совершенно другой духъ и характеръ, о которомъ впрочемъ не мѣсто здѣсь говорить.

Но для нашего несвѣдущаго автора этого различія не существуетъ. Онъ представляетъ себѣ все въ общихъ чертахъ и вообразилъ связь и зависимость тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Замѣйте, что такова обыкновенная ошибка несвѣдущихъ людей: они всегда преувеличиваютъ силу и стройность науки; они всегда воображаютъ, что наука рѣшила вопросы, которыхъ разрѣшеніе еще очень далеко; всегда нѣсколько идеализируютъ науку въ сравненіи съ ея дѣйствительнымъ состояніемъ.

Да впрочемъ чтоже мы тутъ толкуемъ? Какой это новый вопросъ мы разрѣшаемъ? Вѣдь это очень странно! Вѣдь если строго взглянуть на дѣло, то окажется, что приведенная мною выписка есть нѣчто чудовищное, особенно же на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей». О чемъ дѣло? О преподаваніи естественныхъ наукъ питомцамъ гимназическаго курса. Но развѣ это какая-нибудь новость? Развѣ объ этомъ ничего не было говорено? Развѣ это не было испытано на дѣлѣ? Развѣ настоятъ великая нужда, чтобы редакція «Московскихъ Вѣдомостей», несмотря на свое невѣденіе этой области науки, принялась, путаясь и спотыкаясь, толковать аб ово объ ихъ преподаваніи?

Помилуйте! Вѣдь изъ этого страннаго факта слѣдуетъ только одно, что знаменитая редакція, не зная естественныхъ наукъ, не знаетъ и педагогій, не знаетъ того, что теперь творится въ педагогическомъ мірѣ. Да гдѣ мы? Въ какую газету мы попали? Возможно ли еще больше походить на отчаянныхъ нигилистовъ, говорящихъ о томъ, чего они не знаютъ?

Въ самомъ дѣлѣ «Московскимъ Вѣдомостямъ» должно быть извѣстно, что въ педагогіи главные хозяева — нѣдцы. Они и вы-

думали эту науку, они на ней и подвизаются. Слѣдовательно если дѣло идетъ о воспитаніи, то нужно къ нимъ обращаться.

Вы хотите преподавать дѣтямъ естественныя науки? Прекрасно; у нѣмцевъ уже все готово, сдѣланы опыты, все обдуманно и устроено въ наилучшемъ порядкѣ. Они васъ научатъ съ чего начинать, какъ продолжать и какъ кончить; они укажутъ вамъ, въ какіе мѣсяцы и недѣли какія растенія показывать въ классѣ, какіе вопросы предлагать, какъ соблюдать связь и постепенность. Все определено до малѣйшихъ подробностей и придуманы такіе хитрые приемы, что вы можете посвящать вашихъ дѣтей въ тайны естественныхъ наукъ хоть съ пятилѣтняго возраста. Хорошо ли это, полезно ли — это другой вопросъ; дѣло только въ томъ, что все уже готово, что нѣмцы уже досыта нараскуждались объ этомъ.

Какъ же случилось, что «Московскія Вѣдомости» ничего этого не знаютъ? Какъ случилось, что онѣ вдували собственными средствами, отъ своего чрева, принятыя судить о преподаваніи естественныхъ наукъ?

Не правда ли, странное дѣло! Толкуютъ намъ, толкуютъ объ Европѣ, объ образованныхъ людяхъ, о мнѣніи просвѣщеннаго міра; а какъ дойдетъ до дѣла, то мы, перескочивши Германію (вѣдь каковъ скачекъ!), отправляемся прямо въ Англію и тамъ ищемъ своихъ идеаловъ.

Вотъ, милостивый государь, какое странное явленіе! И крайнее невѣжество въ тѣхъ предметахъ, о которыхъ однакоже держится рѣчь, и крайняя непослѣдовательность въ примѣненіи громко провозглашаемаго принципа. Собственно мнѣ и хотѣлось склонить свою роль на невѣжество вообще и на этотъ принципъ въ особенности.

Невѣжество, скажу вамъ, дѣло на Руси весьма обыкновенное. Примѣромъ того можетъ служить даже «Современная Лѣтопись». Теперь, когда мы ясно доказали ея невѣдѣніе въ естественныхъ наукахъ и въ педагогикѣ, мы можемъ говорить объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ гораздо свободнѣе и спокойнѣе. Мы можемъ сказать напримѣръ, что ученый комитетъ со всѣми его докторами по разнымъ наукамъ составилъ проектъ, который трудно назвать блестящимъ и безупречнымъ дѣломъ; что этотъ комитетъ и его защитникъ г. Вороновъ не уберегся отъ многихъ

промаховъ и былъ вовсе не блистателенъ въ своей полемикѣ. Но я васъ спрашиваю, слѣдуетъ ли отсюда хоть что-нибудь относительно сущности дѣла? Комитетъ явился защитникомъ реального образованія; положимъ онъ плохъ, положимъ онъ даже никуда не годится; слѣдуетъ ли отсюда, что и само реальное образованіе — вещь плохая?

Замѣтите, что таковъ именно былъ характеръ полемики «Современной Лѣтописи». Эта полемика была жива, остра, весела до совершеннаго мастерства. Но она постоянно отличалась тѣмъ, что въ ней небыло положительныхъ основъ, что она не проповѣдывала того начала, на которое ссылалась, а только осмѣивала защитниковъ противоположнаго начала. Она очень мѣтко и рѣзко выставляла недостатки комитета, но не излагала и не разъясняла достоинствъ того предмета, за который боролась, то-есть классическаго образованія.

Но вотъ и мы со своей стороны потщились уличить «Современную Лѣтопись» въ незнаніи естественныхъ наукъ, въ легкомысленныхъ рѣчахъ о предметѣ ей незнакомомъ. Постаравшись, можно было бы изъ ея мудрыхъ рѣчей понабрать еще много разныхъ другихъ диковинокъ. Положимъ наконецъ мы умѣли бы осмѣять «Современную Лѣтопись» столь же язвительно, какъ она осмѣяла комитетъ.

Опять спрашиваю васъ: чтоже изъ этого слѣдуетъ? Изъ того, что противники реального образованія плохо понимаютъ это реальное образованіе, слѣдуетъ ли, что оно само есть вещь превосходная?

Очевидно, милостивый государь, никакъ не слѣдуетъ; очевидно, если мы будемъ только обвинять другъ друга въ невѣжествѣ и ловить другъ друга на промахахъ, то отсюда еще никакого положительнаго и плодотворнаго вывода не воспослѣдуетъ. И потому скажу отъ души: дай-богъ скорѣйшаго и полнѣйшаго успѣха и тѣмъ и другимъ! Пусть защитники классическаго образованія ясно и несомнѣнно докажутъ публикѣ невѣжественность защитниковъ реального образованія; сіи послѣдніе пусть въ свою очередь столь же ясно и несомнѣнно докажутъ невѣжественность первыхъ. Тогда наконецъ водворится равенство, битва будетъ кончена, умы успокоятся и можно будетъ приняться за настоящій вопросъ, за дѣйствительное рѣшеніе дѣла.

Вотъ первое мое замѣчаніе. Второе же мое замѣчаніе будетъ касаться авторитета западной Европы, авторитета, который въ настоящемъ спорѣ игралъ весьма явственную характеристическую роль, свойственную ему на святой Руси. Наше рабское отношеніе къ нему выразилось очень рѣзко. На него непрерывно и усердно ссылались обѣ противныя стороны, — и комитетъ, и «Современная Лѣтопись». Изъ-за мнѣній иностранныхъ ученыхъ о проектѣ комитета схватка была самая жаркая. Г. Вороновъ утверждалъ, что эти мнѣнія говорятъ въ пользу проекта, а «Современная Лѣтопись» настаивала, что они вовсе не благопріятны проекту. Мнѣніе просвѣщеннаго міра, опытъ и убѣжденіе образованныхъ странъ, цивилизованныхъ народовъ — вотъ обыкновенный припѣвъ, которымъ и начинались, и оканчивались статьи той и другой стороны. Разница была только въ томъ, что «Современная Лѣтопись» все больше гнула на Англію, а г. Вороновъ старался поставить своему противнику подъ ногу Германію. Дѣло было собственно такъ, что ученый комитетъ былъ заподозрѣнъ «Современною Лѣтописью» въ нѣкоторомъ новаторствѣ, въ нѣкоторой оригинальности и самобытности мнѣній; и вотъ онъ поспѣшилъ всячески отстранить отъ себя такое ужасное обвиненіе и торжественно объявлялъ, что онъ имѣлъ въ виду только подражать Германіи.

Очевъ жалостная исторія! Прежде всего нельзя не видѣть, что авторитетъ Европы сильно парализуетъ у насъ наше собственное движеніе (не пугайтесь!). Въ самомъ дѣлѣ, отчего не принимаютъ прямо за дѣло? отчего хлопочутъ только о томъ, чтобы доказать, кто невѣжественнѣе? Оттого, что никто почти не вѣрнитъ въ самую возможность дѣла у насъ, дома. Предполагается, что дѣло дѣлается тамъ, на западѣ, въ мірѣ образованныхъ людей. А намъ... куда жъ намъ! мы способны только выслушать и призвать рѣшеніе, сдѣланное на западѣ; потому-то мы и споримъ только о томъ, кто лучше понялъ, кто точнѣе разслушалъ и больше запомнилъ. Намъ ничего не стоитъ цѣлую жизнь ссылаться на мнѣніе образованнаго міра и ни разу не позаботиться о томъ, чтобы обзавестись собственной мыслью, собственнымъ твердымъ убѣжденіемъ. Оттого и наши разсужденія такъ безплодны и шатки; оттого они такъ часто только ходятъ вокругъ дѣла, а самаго дѣла не выясняютъ. Чтобы дѣло уяснилось

необходима мысль, которая бы его озарила; а мысль только тогда есть мысль, когда горитъ собственнымъ, не отраженнымъ свѣтомъ.

Очень хорошо знаю, что на это возразятъ мнѣ. «Помилуйте! скажутъ: какое тамъ самобытное умственное движеніе! какая своя мысль! Ужели въ самомъ дѣлѣ предоставить какимъ-нибудь нашимъ умникамъ заново порѣшить вопросъ объ общемъ образованіи? Да какъ это можно! Богъ знаетъ еще, чего они тамъ наплетутъ; даже выйдетъ ли хоть какой-нибудь толкъ. Нѣтъ, гораздо надежнѣе придерживаться западной Европы. Можетъ-быть оно и не самое лучшее, можетъ-быть кой-что будетъ и не такъ хорошо, такъ по крайней мѣрѣ совѣсть наша будетъ спокойна.»

Прекрасно! Но противъ этихъ основательныхъ соображеній и сдѣлаю только одно замѣчаніе: не поздно ли уже? Не поздно ли мы хватились, чтобы снова подчинить наше образованіе европейскимъ образцамъ? Я не мечтаю, не пускаюсь въ какія-нибудь гадательныя и ни на чемъ не основанныя соображенія: нѣтъ, я хочу указать на фактъ, на дѣйствительную дѣйствительность.

Въ настоящую минуту очевидно авторитетъ западной Европы потерялъ у насъ бывалый вѣсъ и значеніе; каждому ясно, что духъ вольнодумства овладѣлъ нами въ чрезвычайной степени.

Уже то одно обстоятельство, что цѣлый ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія обнаружилъ наклонность къ новаторству и къ совершенно особому устройству нашихъ школъ, показываетъ, до какой степени сильна у насъ зараза неуваженія къ Европѣ. Виноватыхъ въ этомъ дѣлѣ много: тутъ можно поставить въ счетъ и славянофиловъ, и Герцена, и графа Толстаго и пр. и пр. А только дѣло именно такъ, какъ я говорю. Что бы такое ни было признаваемо за истину и за благо въ западной Европѣ, мы во всемъ способны усомниться и ничего не считаемъ непреложнымъ.

Что касается до воспитанія, то это явно такъ. Хотя въ одномъ журналѣ было преостроумно замѣчено, что во всѣхъ странахъ рѣки текутъ къ низу, а горы поднимаются къ верху, но несмотря на то, едва-ли кто согласится, что мы своихъ дѣтей должны образовывать точно такъ какъ, это дѣлается въ Англіи или Германіи, или въ какой угодно другой странѣ. И это по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что русскіе—особый на-

родъ, имѣющій особую исторію и особое положеніе; во-вторыхъ потому, что мы не можемъ не видѣть недостатковъ иностраннаго воспитанія, которое намъ ставятъ въ образецъ.

Что касается до перваго обстоятельства, то достаточно самой легкой думы, самаго поверхностнаго взгляда, чтобы убѣдиться въ его значеніи. Вотъ наприимѣръ въ статьѣ г. Бекетова сдѣлано замѣчаніе, отъ котораго отвергътся нѣтъ никакой возможности. Онъ говоритъ, что западная Европа очевидно ближе къ древнему міру, чѣмъ мы, что она выросла на развалинахъ этого міра и хранитъ еще въ себѣ многіе широкіе и глубокіе его слѣды. Наприимѣръ латинскій языкъ тамъ еще доселѣ въ огромномъ употребленіи,—именно онъ составляетъ языкъ католической церкви. У насъ ничего подобнаго нѣтъ, такъ что мы въ отношеніи къ изученію древняго міра очевидно находимся совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ западные европейцы.

Спрашивается, развѣ можно что-нибудь сказать противъ этого?

Съ другой стороны намъ уже ясны до очевидности недостатки иностранныхъ школъ. Что до нѣмцевъ, то они хитрятъ черзчуръ наивнымъ образомъ и во многихъ случаяхъ такъ перехитрили, что смотрѣть не хочется. На это можно найти указанія даже въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Что касается до англичанъ, то самая мысль *подражать англичанамъ* кажется заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Они консервативны, они сохранили у себя до сихъ поръ средневѣковыя училища. Чтоже отсюда слѣдуетъ? Перенести ихъ къ намъ? Но это было бы самымъ рѣзкимъ нарушеніемъ принципа. Все дѣло въ томъ и состоитъ, чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать изъ того, что есть, и не разрушая того, что есть. Англійскимъ школамъ потому именно и не слѣдуетъ подражать, что это консервативныя школы, то-есть школы не новыя, не подражательныя и потому ставшія вполне англійскими, глубоко вросшія въ англійскую почву, тѣсно слившіяся съ англійскою жизнью, со всѣмъ ея развитіемъ. Если у насъ нѣтъ подобныхъ же русскихъ школъ, то значить и думать, объ этомъ нечего. Устроить вновь старыя школы невозможно.

Вы чувствуете, что я говорю мелькомъ, мимоходомъ. Но такъ или иначе, только польза сомнѣваться въ томъ, что мы уже не можемъ безусловно подчиниться авторитету Европы, не можемъ

на немъ успокоиться. Мы не можемъ прямо, цѣлякомъ переносить къ себѣ ея результаты. Волею-неволею мы поставлены въ положеніе, въ которомъ требуется сдѣлать *раціональный выборъ*: мы непремѣнно должны судить и разбирать, а не слѣпо подчиняться чужому авторитету.

Такъ это во всемъ; такъ это и въ педагогическихъ вопросахъ. Какъ бы ни порѣшила Европа эти вопросы, для насъ въ настоящую минуту необходимо требуется перевершить всѣ эти вопросы самимъ, самимъ повѣрить, согласить и видоизмѣнить эти рѣшенія. Надобность въ этомъ настоящая, неизбежная. И если она не будетъ удовлетворена теперь, то она не заглухнетъ, а непремѣнно заявитъ себя впоследствии. Положимъ теперь у насъ были бы устроены школы совершенно на нѣмецкій или на англійскій манеръ. Устроеніе такихъ школъ никого бы волюнѣ не убѣдило и не удовлетворило, такъ какъ оно не имѣло бы твердаго, ясно сознаннаго основанія. Черезъ нѣсколько, можетъ-быть и очень немного лѣтъ опять подвинулся бы толкъ, опять затѣялись бы преобразованія, а дѣло между тѣмъ все-таки въ сущности не пошло бы впередъ.

Итакъ необходимость собственной мысли, собственной точки опоры, собственной руководящей нити совершенно очевидна. Чтобы прочнымъ образомъ устроить воспитаніе, чтобы знать какъ его вести, нужно имѣть нѣкоторую опредѣленную *идею воспитанія* (да вы не пугайтесь!). Вотъ этой-то идеи я, признаюсь, напрасно искалъ въ нашемъ знаменитомъ спорѣ. Никакихъ ссылокъ на нее я не встрѣтилъ ни съ той, ни съ другой стороны; нигдѣ не видно было, чтобы свѣтъ ея озарялъ доводы противниковъ и руководилъ бы ихъ ударами. Это была битва въ потемкахъ. Чѣмъ усерднѣе ратоборцы ссылались на Европу, на Германію, на Англію, тѣмъ яснѣе они обнаруживали, что настоящаго вождя, что собственной идеи воспитанія у нихъ не было.

Если хорошенько поразсудить, то вѣдь это очень странно. Потому что вѣдь чтó такое идея воспитанія? Чѣмъ она опредѣляется? Взглядъ на воспитаніе зависитъ отъ того, какъ мы смотримъ на жизнь вообще, какъ мы понимаемъ человѣческое достоинство. Чтó мы признаемъ за непремѣнное и главнѣйшее достоинство человѣческой жизни, то мы и полагаемъ въ основу воспитанія. Если я, напримѣръ, воинъ и считаю воинскія достоинства высшею

степенью человѣка, то я и сына своего постараюсь сдѣлать воиномъ. Если я человѣкъ религіозный, то я непремѣнно стану внушать и сыну моему религіозныя чувства. Если я высшею степенью образованія считаю знакомство съ древнимъ міромъ, то я употреблю все усилія посвятить и сына моего въ эту мудрость и начну съ пяти лѣтъ учить его полатыни.

Все это натурально какъ нельзя больше; доброе старое время призывало это правило и слѣдовало ему, даже не воображая, что можно поступать иначе. Отцы простодушно и прямо старались сообщить дѣтямъ все лучшія свойства, какія они сами знали, старались приблизить своихъ дѣтей къ тому *идеалу чловека*, какой у нихъ самихъ составился, какому они сами вѣрили.

Да и у насъ дѣло имѣло видъ совершенно похожій. У насъ, начиная отъ Петра и до нашихъ дней, тоже былъ идеалъ весьма определенный и мы всячески старались воспитать нашихъ дѣтей по этому идеалу. Идеалъ этотъ, скажу прямо, состоитъ въ томъ, чтобы *походить на еяропейца*. Для высшихъ нашихъ классовъ этотъ идеалъ даже совершенно строго ограниченъ, и именнотребуетъ походить на аристократическихъ парижанъ и парижанокъ. И говорятъ, что мы отличались въ этомъ случаѣ необыкновенно. Говорятъ, что только въ Россіи можно встрѣтить людей, которыхъ совершенно невозможно отличить отъ кровныхъ парижанъ. Слышалъ я впрочемъ, что настоящіе парижане похваляются, что несмотря на необыкновенное сходство, несмотря на совершенно одинаковый языкъ, одинаковыя понятія, на столь же изящныя манеры, на столь же игривое остроуміе и пр., они будто бы *все-таки* могутъ отличить петербургскаго парижанина отъ настоящаго парижскаго жителя, что будто бы все-таки есть какая-то невыразимая словами разница. Но я колеблюсь, вѣрятьли этому. Французы — нація гордая, надменная своими достоинствами. Разумѣется они никогда не согласятся, что наши вполне поравнялись съ цвѣтомъ ихъ молодежи и аристократіи.

Что касается до другихъ классовъ, до нашихъ гимназій и университетовъ, то и здѣсь, мнѣ кажется, въ извѣстной степени повторяется таже исторія. Мы слышали, что на западѣ главный элементъ учености составляютъ греческій и латинскій языки, и постарались завести тоже самое у себя дома. Главное дѣло тутъ состояло въ томъ, чтобы быть не хуже другихъ. Мы завели у

себя и академіи, и университеты, и гимназіи, — и все это на иностранномъ ладѣ, все съ единственною цѣлью поравняться съ образованными странами, походить на людей, то-есть на европейцевъ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ другой мысли, другой руководящей нити, другаго идеала. Въ самомъ дѣлѣ, не видѣть подражательности во всемъ нашемъ просвѣщеніи невозможно.

Между тѣмъ подражаніе не есть еще настоящее дѣло. Видѣть идеалъ въ подражаніи значитъ не имѣть идеала.

Изучать грековъ потому, что ихъ изучаютъ европейцы — значитъ не изучать грековъ потому, что они греки. Любить предметъ за то, что его любятъ другіе, значитъ не любить его за его настоящія достоинства. И вотъ почему мы до сихъ поръ не выработали себѣ настоящаго идеала воспитанія, вотъ почему отсутствіе этого идеала такъ ясно выразилось въ настоящемъ спорѣ объ общемъ образованіи.

Скажу еще болѣе. Въ настоящую минуту, не имѣя своей точки опоры и обращаясь за руководствомъ къ Европѣ, мы выбрали очень дурное время для того, чтобы совѣтоваться съ нею. Нашъ вѣкъ — дурное время. У самой Европы нѣтъ яснаго идеала воспитанія, или по крайней мѣрѣ этотъ идеалъ затемненъ, искаженъ, заслоненъ различными посторонними вліяніями. Собственно говоря, это можно видѣть и изъ нашего домашняго спора, потому что этотъ споръ въ сущности есть отголосокъ того, что дѣлается въ Европѣ; въ немъ повторяются тѣже приемы, приводятся тѣже доводы, какъ и въ остальномъ *просвѣщенномъ мірѣ*.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда всѣ эти затрудненія, разногласія, вся путаница взглядовъ? Очевидно отъ недостатка главной ясной идеи. Постоянно предполагается, что одной и той же цѣли можно достигнуть разными путями, что можно имѣть въ виду различныя цѣли, что нужно сообразоваться со средствами, дорожить временемъ и т. п. Словомъ, всѣ разсужденія имѣютъ видъ, какъ-будто дѣло идетъ не о достиженіи вѣкотораго великаго блага, а объ избѣжаніи какихъ-то многосложныхъ требованій. Точно торгуются съ требованіями человѣческой жизни и человѣческаго достоинства.

Часто напримѣръ говорятъ: «такое воспитаніе требуетъ слишкомъ много труда, займетъ слишкомъ много времени». Что можетъ значить подобный резонъ? Если у меня есть извѣстный идеалъ

воспитанія, то я стремлюсь къ нему *во что бы ни стало*; время и труды, которыхъ потребуетъ его достиженіе, я никакъ не могу считать потраченными даромъ.

Слышится также и такая рѣчь: «*всѣхъ ли нужно воспитывать одинаково? Не нужно ли приспособиться къ различнымъ положеніямъ, которыя питомцы займутъ въ жизни?*» Опять легко видѣть, что это мысли нечестивыя и кощунственныя. Если я имѣю идеалъ воспитанія, то онъ для всѣхъ долженъ быть одинаковъ; разица можетъ состоять только въ *различныхъ степеняхъ* приближенія къ этому идеалу. Не всѣ питомцы дойдутъ до послѣдней желательной ступени, но всѣхъ должно вести по одной и той же дорогѣ.

Безпрерывно также встрѣчается аргументъ: такіе-то предметы бесполезны, излишни, не имѣютъ никакого приложенія въ жизни. Не ясно ли, куда это ибѣтнть? Не ясно ли, что въ этихъ обыкновенныхъ рѣчахъ уже совершенно исчезаетъ мысль о человѣкѣ, о человеческой жизни? Человѣкъ разсматривается какъ *приложеніе*, какъ колесо въ извѣстной машинѣ, какъ орудіе для произведенія полезныхъ дѣйствій.

Жестоко ошибаются тѣ, которые питаются такими мыслями и удовлетворяются этимъ низменнымъ взглядомъ на воспитаніе. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ничего не можетъ быть справедливѣе правила: ищите прежде царствія божія, и вся сія приложатся вамъ. Прежде всего нужно развить въ ребенкѣ всѣ духовныя человеческія силы, постараться развить ихъ самымъ правильнымъ и твердымъ образомъ; только такимъ образомъ мы можемъ получить самаго *выгоднаго* человѣка, человѣка наиболѣе пригоднаго для всякаго рода приложеній. Если же мы будемъ иначе поступать, если будемъ выгадывать время и труды, хлопотать о самомъ дешевомъ и прямомъ достиженіи заранѣе ограниченной цѣли, то мы не достигнемъ втѣхъ малыхъ выгодъ, о которыхъ мечтаемъ. Не всегда прямая линія есть самый короткій путь. Лишая нашихъ дѣтей полноты духовной жизни, мы можемъ ихъ нравственно изуродовать, можемъ вырастить ихъ душу криво и болѣзненно вытянуть ее въ одномъ какомъ-нибудь направленіи. Въ такомъ случаѣ вмѣсто силы и выгоды мы получимъ слабость и убытокъ.

Итакъ нашею главною руководящею нитью должна быть идея самаго полнаго, самаго глубокаго, словомъ *наилучшаго воспитанія*. Еслибы мы умѣли образовать и уяснить себѣ эту идею, то мы бы и нашли въ ней отвѣты на всѣ наши педагогическіе вопросы.

Н. Нелишко.

БОЛЬНЫМЪ И ЗДОРОВЫМЪ.

ДОКТОРЪ ХИМЕРЬЕВЪ И ДОКТОРА БАЗАРОВЫ.

(Нѣсколько словъ по поводу одного современнаго вопроса.)

Докторъ Химерьевъ — тоже ужъ стараго лѣса кочерга. Онъ встрѣчается въ очень многихъ городахъ нашего отечества, во всего удобнѣе его можно наблюдать съ какой-нибудь обсерваторіи, положимъ хоть съ глуповской. Ему теперь кончается пятый десятокъ. У него есть брюшко, которое онъ тщательно затягиваетъ, и сѣдые волосы, которые онъ такъ же тщательно краситъ. Онъ учился въ московской медико-хирургической академіи, подавалъ когда-то большія надежды и обманулъ всѣ ожиданія. Онъ пятнадцать или двадцать лѣтъ профессоръ, директоръ терапевтической клиники и медицинская знаменитость города Глупова. У него есть большой каменный домъ и деревянное сердце; шесть лошадей, лампы, которыхъ никогда не зажигаютъ, комнаты, по которымъ никогда не ходятъ, и голова, въ которой нѣтъ ничему мѣста. Онъ холостъ и его до сихъ поръ очень любятъ нѣкоторыя слабонервныя глуповскія дамы, но онъ состоитъ въ открытой связи съ чужою женой, которой, по глуповскимъ понятіямъ, это нисколько не мѣшаетъ обниматься съ своимъ мужемъ. Химерьевъ не уменъ и не глупъ, не подлець въ тѣсномъ значеніи этого слова (потому что если у насъ всѣхъ такихъ-то подлецовъ начать считать, такъ и цифирю не достанетъ) и не честный человекъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Какъ человека, его знаетъ только одинъ его родственникъ, нисколько непохожій на

Чичикова; но еслибы генералъ Бетрищевъ спросилъ этого родственника: «Ну скажи пожалуйста, хоть тебѣ Химерьевъ и родственникъ, а вѣдь онъ большая скотина?»

— Большая скотина, ваше превосходительство, непременно отвѣтилъ бы родственникъ и имѣлъ бы полное право такъ отвѣтить.

Таковъ въ общихъ чертахъ Химерьевъ какъ человекъ.

Какъ профессоръ, онъ ровно-ровнехонько ничего не сдѣлалъ для науки. Со студентами онъ невѣжа. Во время своего деканства онъ принималъ ихъ въ холодныхъ сѣняхъ, и не допуская до своихъ пресвѣтлыхъ очесъ, объяснялся съ ними черезъ нарочитр глупаго и нарочито дерзкаго лакея. Въ медицинской практикѣ онъ съ самаго пріѣзда въ Глуповъ взялъ себѣ за образецъ извѣстнаго хирурга Ковыряева. У Ковыряева же такія манеры: закричитъ оперируемый субъектъ — а онъ его въ рыло. Одного мальчика изъ портняжьей мастерской Ковыряевъ выпоролъ тотчасъ послѣ операціи — и весь университетскій Глуповъ зналъ это, и весь университетскій Глуповъ находилъ это очень забавнымъ.

Отчего же Ковыряеву было не пороть оперируемыхъ въ клиникѣ глуповцевъ и отчего Химерьеву было не идти дорогою Ковыряева? Ковыряевъ тридцать лѣтъ говорилъ: «праву моему не препятствуй» и Химерьевъ сталъ требовать, чтобы его праву не препятствовали. Химерьевъ сталъ лечить больныхъ съ разборомъ: кто побогаче, того повинмательнѣй; кто побѣднѣе, того кое-какъ, а кто совсѣмъ бѣденъ, того за ушко да на солнышко. Трехъ рублей за визитъ Химерьевъ «стерѣть не любилъ», и ему платили и платятъ по пяти и по десяти. «Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ», говоритъ пословица. Зарылся Химерьевъ въ слезовыхъ деньгахъ больнаго народушку, сооривъ себѣ каменные палаты, и выдумалъ, что бѣдные больные совсѣмъ ужъ не должны входить въ эти палаты. Потомъ на вящую бѣду больныхъ глуповцевъ устроилъ себѣ Химерьевъ въ своихъ палатахъ лѣстницу, да такую лѣстницу, что и тепло на ней, и весело, и цвѣты стоятъ и амбре всякія по ней отъ этихъ цвѣтовъ разносятся. Выстроивши это *антре*, возмечталъ Химерьевъ, что онъ только и можетъ ходить по такой лѣстницѣ и что кто не имѣетъ такой лѣстницы, какъ

у него, тотъ же имѣетъ права и звать его къ себѣ. Такъ и поступалъ Химеревъ не годъ, и не два, и не пять лѣтъ. Пріѣдетъ по зову къ незнакомому человѣку, да увидитъ, что тотъ домой-то не по паркету лазилъ, сейчасъ и рыло заворачиваетъ да еще свиньями обругаетъ и домой къ женѣ своего пріятеля сердитый пріѣдетъ, словно избивалъ его кто, словно плюнули ему въ его чистенькую, плюхохрясающую рожу. А ему всего только разокъ одинъ человѣчекъ точно хотѣлъ было плюнуть подъ шлупу, да и то не коренной глуповецъ, а одинъ таки нашъ здѣшній патерцикъ, съ женою котораго глуповскій корифей попробовалъ привычную роль сыграть. Трусилъ тутъ Химеревъ. Съ полгода не могъ спокойно *Искру* распечатать: не льстило его самолюбію распространіе въ мірѣ божіемъ его портрета. А съ глуповцами ему что! Съ ними онъ свой терминъ крѣпко держитъ. Онъ разъ завѣдалъ послѣ хорошаго обѣда къ больной женѣ русскаго портныхъ дѣлъ мастера Строчилина, у которой было воспаленіе легкихъ, сталъ а укультивировать больную, безъ стетоскопа разубѣтсся, да и задремалъ у нея.

Опять и эту исторію знали глуповцы, и опять нашли, что это очень забавно. Такъ забавляетъ ихъ Химеревъ и до двенадцатаго дня. Насиѣлился онъ; ходитъ промежъ глуповцевъ какъ баранъ колокольчикомъ среди стада овечьяго и даже «Искру» пересталъ бояться. «За мной, думаетъ, все глуповское общественное мнѣніе.» И точно, все глуповское общественное мнѣніе и Химеревымъ, потому глуповцамъ ни какъ нельзя, чтобы тотъ кто имъ, по ихъ соображеніямъ нуженъ, не расплевывалъ бы имъ глаза, которыя у нихъ очень скоро просыхаютъ.

Какъ же Химеревъ сталъ такимъ нужнымъ человѣкомъ-то, если онъ и невѣжа и невѣжда? спрашиваетъ проникательный читатель и склонная къ скептицизму читательница, подозрѣвая, что у автора на Химерева чего-то особенно зубы разгараются. Да хорошъ, ловокъ, вертокъ Химеревъ. Знаетъ гдѣ нужны волчьи зубы, гдѣ лисій хвостъ, мовъ проникательные читатели, умѣетъ отличать, что сибѣтки, и что маленькая рыбка. Былъ, судари вы мои,

Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
А съ важнымъ баринномъ лакей,

да такъ съ дома попалъ. А у насъ въ Глуповѣ понади съ дома въ эти, ну и повѣхалъ изъ одного въ другой, а тамъ и свои сви-

за заводятся и ты знаменитость, а ужь съ знаменитостью и обращеніе знаменитое. Изобилуютъ чловѣка такъ, что одурь его возьметъ и возмечтаетъ онъ, что онъ не какой-нибудь тамъ Федоръ Степановичъ или Сергій Петровичъ, а настоящій какъ есть Карлъ Великій.

Таковъ Химерьевъ какъ докторъ.

Теперь о докторахъ Базаровыхъ.

Базаровыхъ мало. Въ томъ Глуповѣ, гдѣ живетъ Химерьевъ, ихъ даже совсѣмъ нѣтъ. Они водятся преимущественно въ Петербургѣ, гдѣ ихъ любятъ либо черезчуръ ругать, либо черезчуръ хвалить.

Ошибаются тѣ, которые щутъ въ докторахъ Базаровыхъ вѣрнаго, такъ-сказать неотступнаго подражанія тѣргевскому Базарову. Варіантовъ на этотъ типъ обыкновенно не знаютъ. Для враговъ нигилизма въ Петербургѣ Базаровы все Свирѣенки, которые, что ротъ раскроютъ, то кого-нибудь облаютъ. Въ провинціи Базаровы теперь *люди опасные*, черезъ которыхъ не попадешь сюда, такъ попадешь вонъ куда. А у насъ есть доктора Базаровы, народъ самый тихонькій, учатся; лечатъ однаково, что бѣднаго, что богатаго, и думаютъ все завести врачебное дѣло совсѣмъ по пному. Вольнодумствуютъ, чтобы люди не мерли какъ мухи, и чтобы всякому владѣльцу своего организма была болѣе или менѣе доступна его реперация. И вотъ этой-то новой породѣ теперь пришла въ голову мысль затѣять общество, которому Химерьевъ отъ всей души пожелаетъ провалиться.

Читайте проектъ устава этого общества. Это будетъ вамъ полезно.

I.

О цѣли учрежденія Общества и его дѣятельности.

§ 1. Общество врачей для подачи медицинскаго пособія имѣть цѣлью: а) предохранять жителей С. Петербурга отъ болѣзней вообще и доставить имъ возможность, въ случаѣ постигшей ихъ уже болѣзни, пользоваться пособіемъ врачей, повивальныхъ бабокъ и дантистовъ, а также получать лекарства, за самую умѣренную плату.

§ 2. Для достиженія этихъ цѣлей врачи Общества обязываются:

1) Периодически навѣщая кліентовъ Общества (лицъ, внесшихъ въ Общество установленную плату), давать имъ совѣты въ гигиеническомъ отношеніи, т. е. чего нужно остерегаться, чтобы избѣгнуть болѣзни (что весьма важно при преимущественно во время господствующихъ эпидемій).

2) Явиться къ больному на первый его вызвъ и безотлагательно дать ему нужное медицинское пособіе.

3) По мѣрѣ возможности устроить въ разныхъ пунктахъ города (преимущественно гдѣ нѣтъ другихъ лечебныхъ заведеній) больницы для приходящихъ, а современемъ и больницу съ извѣстнымъ числомъ постоянныхъ кроватей.

4) Войти въ соглашенія съ аптекарями относительно удешевленія лекарствъ; или

5) Завести свою Аптеку, изъ которой Кліентамъ Общества будутъ отпускаемы лекарства за возможно умѣренную плату, а дѣйствительно бѣднымъ больнымъ бесплатно и

6) Устроить въ лечебницѣ Общества постоянныя дежурства врачей съ тѣмъ, чтобы, въ случаяхъ болѣзни, требующихъ безотлагательной помощи можно было найти врача, безъ затрудненій, во всякое время дня и ночи.

§ 3. Общество вмѣняетъ себѣ въ обязанность распространять въ народѣ, доступныя его понятіямъ, правила общественной и частной гигиены. Для достиженія этой цѣли оно предполагаетъ печатать популярныя брошюры, соответственнаго содержанія, и раздавать ихъ даромъ Кліентамъ Общества, а также приходящимъ искать медицинскаго пособія, постороннимъ больнымъ. Другимъ способомъ къ достиженію этой цѣли будетъ чтеніе популярныхъ общедоступныхъ лекцій.

II.

О составѣ Общества и обязанностяхъ членовъ.

§ 4. Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ.

§ 5. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть только врачи.

§ 6. Учредители остаются непремѣнными, не подлежащими баллотировкѣ членами Общества.

§ 7. Всѣ посторонніе благотворители, жертвующіе въ пользу Общества не менѣе ста рублей серебромъ, приобретаютъ право на званіе почетныхъ членовъ.

§ 8. Какъ дѣйствительнымъ, такъ и почетнымъ членамъ выдаются дипломы на это званіе.

§ 9. Число врачей общества неограничено; оно зависитъ отъ числа Кліентовъ и увеличивается по мѣрѣ увеличенія числа этихъ послѣднихъ.

§ 10. Пріемъ врача въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества производится въ Общемъ Собраніи, посредствомъ закрытой баллотировки большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ.

§ 11. Врачи Общества раздѣляются: а) на окружныхъ, обязанныхъ посѣщать извѣстное число Кліентовъ Общества, находящихся въ близкѣ

отъ мѣста ихъ жительства: б) на консультантовъ, приглашаемыхъ къ больнымъ въ случаяхъ опасной болѣзни, по усмотрѣнію окружающаго врача; и в) врачей, занимающихся отдѣльными отраслями медицины какъ то: акушерствомъ, женскими, дѣтскими, грудными, наружными болѣзнями и проч. Эти врачи специалисты приглашаются своими товарищами въ случаяхъ, требующихъ ихъ пособія.

§ 12. Общество имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи нужное число знающихъ свое дѣло повивальныхъ бабокъ и дантистовъ, обязанныхъ по умѣренной таксѣ, опредѣленной Обществомъ подавать своевременно пособія Кліентамъ и ихъ семействамъ, каждый по роду своихъ занятій.

§ 17. Жалобы, приносимыя Кліентами Общества на врачей; доклады Общему Собранію. За упущеніе или невниманіе врача къ Пациенту, заявленное и подтвержденное безпристрастнымъ наслѣдованіемъ, врачъ по приговору $\frac{1}{2}$ наличнаго числа членовъ Собранія, исключается изъ Общества.

III.

О денежныхъ средствахъ Общества и ихъ употребленіи.

§ 20. Капиталъ Общества составляется изъ взносовъ Кліентовъ и пожертвованій постороннихъ благотворителей.

§ 21. Каждое лицо, желающее сдѣлаться Кліентомъ Общества, платитъ десять рублей серебромъ въ годъ; за прочихъ же лицъ, входящихъ въ составъ одного семейства, приплачивается по пяти рублей серебромъ въ годъ съ каждаго, — съ тѣмъ однакожь, чтобы сумма, уплачиваемая однимъ семействомъ, въ общей сложности, не превышала двадцати пяти рублей серебромъ въ годъ. •

Примѣчаніе. Артели прикащиковъ и другія подобныя соединенія многихъ лицъ въ одной квартирѣ (въ которой иногда живутъ отъ сорока — пятидесяти человекъ) не могутъ считаться однимъ семействомъ, а подлежатъ, если желаютъ сдѣлаться Кліентами Общества, особымъ условіямъ. Они платятъ пятьдесятъ рублей серебромъ въ годъ, если состоятъ изъ двадцати лицъ, и приплачиваютъ по два рубля серебромъ за каждаго человека свыше двадцати, съ тѣмъ однакожь, чтобы въ общей сложности не вышло больше двухсотъ рублей серебромъ съ одной артели.

IV.

О преимуществахъ кліентовъ Общества.

§ 32. Каждый, внесшій въ кассу Общества установленную плату, то есть каждый кліентъ Общества пользуется:

1) Совѣтами (относительно гигиеническаго своего содержанія) ок-

ружнаго врача, обязанъ больного посѣщать его дома одинъ разъ въ мѣсяць.

2) Правомъ, въ случаѣ болѣзни, приглашать къ себѣ на домъ, въ всякое время дня и ночи, окружнаго врача, обязаннаго лечить его до окончательнаго выздоровленія, безъ всякой отдѣльной за это платы.

3) Совѣтомъ консультанта или особаго спеціалиста, который приглашается къ больному, безъ особенной за это платы, въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь признава будетъ Окружными врачомъ особею опасною.

4) Безплатными врачебными совѣтами въ лечебницахъ Общества, назначенныхъ для приходящихъ больныхъ.

5) Полученіемъ лекарствъ дешевле аптечной таксы.

6) Пособіемъ зубныхъ врачей и повивальныхъ бабокъ за утрѣнную плату по таксѣ, определенной Обществомъ, по обоюдному съ нимъ соглашенію.

Примѣчаніе. Если приглашенный къ больному окружной врачъ находится въ то время у другаго больного, то его замѣняетъ одинъ изъ дежурныхъ врачей, находящихся постоянно въ лечебницѣ Общества.

§ 33. Если кліентъ желаетъ, чтобы окружной врачъ посѣщалъ его дома два раза въ мѣсяць для совѣтовъ въ гигиеническомъ отношеніи, то платитъ 20 руб. сер. въ годъ (вмѣсто 10 руб. сер.) — три раза 30 руб. сер. и т. д. При этомъ первоначальная плата за остальныхъ членовъ семейства остается прежняя.

§ 34. Одержимые хроническими застарѣлыми болѣзнями, излечимыми или неизлечимыми, могутъ сдѣлаться кліентами общества по особому соглашенію.

§ 35. Если бы кто-нибудь изъ внесшихъ деньги въ Общество въ обыкновенныхъ условіяхъ, впалъ впоследствии времени въ хроническую застарѣлую или неизлечимую болѣзнь, то онъ вправѣ пользоваться врачебнымъ пособіемъ отъ Общества безъ увеличенія первоначально установленной платы 10 или 5 руб. сер. въ годъ.

§ 36. Общество прилагаетъ стараніе, чтобы кліенты, живущіе въ лѣтнее время на дачахъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Петербурга, пользовались медицинскимъ пособіемъ отъ Общества, не подвергаясь при этомъ новымъ условіямъ.

§ 37. Для облегченія недостаточнымъ людямъ взноса денегъ въ кассу Общества, слѣдующая съ каждаго плата принимается полугодично и по третямъ.

§ 40. Въ собраніяхъ Общества, кромѣ дѣйствительныхъ членовъ, присутствуютъ и почетные члены съ правомъ голоса, за исключеніемъ вопросовъ медицинскихъ.

§ 41. Кромѣ того въ общихъ собраніяхъ могутъ присутствовать въ тѣхъ же основаніяхъ уполномоченные отъ кліентовъ Общества въ числѣ не болѣе трехъ.

V.

О правахъ Общества, порядкѣ его дѣйствій, особенныхъ обязанностяхъ его членовъ.

§ 43. Общество имѣетъ право открыть больницу для доставленія кліентамъ по желанію ихъ, за умѣренную плату, или медицинскомъ пособіи и необходимый уходъ во время болѣзни; а также свою аптеку, изъ которой могутъ отпускатся лекарства на общихъ съ вольными аптеками основаніяхъ.

§ 45. Общество можетъ издать книги и періодическія изданія съ соблюденіемъ ценсурныхъ правилъ.

§ 47. Каждому кліенту будетъ выдана особая книжка, издаваемая Обществомъ. Въ нее вносятся правила Общества, фамиліи и мѣста жительства врачей, повивальныхъ бабокъ и дантистовъ Общества, а также изъ какихъ аптекъ отпускаются по уменьшенной цѣнѣ лекарства. Въ этой же книжкѣ отмѣчаются взносы денегъ кліента въ кассу Общества, ходъ его болѣзни, копіи съ прописанныхъ ему рецептовъ и другія обстоятельства, имѣвшія вліяніе на состояніе его здоровья. Кроме того Общество предполагаетъ въ этихъ книжечкахъ помѣщать краткія правила сохраненія здоровья.

§ 50. Какъ консультанты, такъ и окружные врачи, а равно и специалисты находятса въ лечебницахъ Общества въ назначенные дни и часы для поданія врачебныхъ совѣтовъ и пособія приходящимъ больнымъ, кліентамъ Общества безвозмездно, постороннимъ же лицамъ за умѣренную плату по особенной таксѣ, определенной общимъ собраніемъ.

Мы сочувствуемъ этому дѣлу. За исключеніемъ 7, 8 и 40 параграфовъ проекта, въ которыхъ толкуется о благотворителяхъ и почетныхъ членахъ, мы признаемъ все предпріятіе практичнымъ, честнымъ и въ высшей степени добросовѣстнымъ. Гераздо резоннѣе платить за сохраненіе здоровья, чѣмъ за его починку, какъ платили до сихъ поръ, нерѣдко толкуя, что доктора нарочно тянутъ болѣзнь, чтобы взять больше денегъ. При такомъ отношеніи медиковъ къ кліентамъ, которыя устанавливаются по приведенному нами проекту, и упрекъ въ умышленномъ затягиваніи болѣзней не будетъ имѣть мѣста, ибо врачу просто выгодыѣ будетъ скорѣе вылечить своего больного, чѣмъ тянуть ея. Безъ оговорокъ говоримъ, что мы давно не встрѣчали такого дѣльного и полезнаго учрежденія. Поддержитъ ли его наше общество? най-

дети ли оно раздражителей въ другихъ шѣстахъ? мы не знаемъ. У насъ ни за что нельзя поручиться, а городъ Глуховъ у насъ есть и при Дибирѣ, и при Волгѣ-матушкѣ, и при грязной Москвѣ-рѣкѣ, да и медицинскій профессоръ Химеревъ у насъ животное весьма распространенное. Но неужто же божье проклятіе надъ нашимъ разумніемъ будетъ тяготѣть вѣчно? Чтожъ имъ въ самомъ дѣлѣ такое? Да бросимъ же этихъ плюхопросящихъ Химеревыхъ, возьмемъ этихъ Базаровыхъ-то, которыми насъ такъ напугали. Свирѣпенко съ ними вѣдь не будетъ ходить, а ума и знанія у нихъ въ семь тысячъ разъ болѣе чѣмъ и у Химерева, и у Кивыряева. Они не станутъ ни ругаться, ни драться и на всякую лѣстницу, по всякому зову пойдутъ безъ всякой кислой рожки. Пора же наконецъ понять, что медикъ не можетъ лечить во вдохновенію и что поэтому онъ долженъ прежде всего имѣть знанія, долженъ слѣдить за движеніемъ науки. Что намъ въ свѣтскомъ-то положеніи каплуновъ науки?! Пора Химереву къ Карлу Великому, съ которымъ онъ находитъ въ себѣ великую солидарность, полагая, что о немъ и разсуждать по штату не положено. Да ну его совсѣмъ! Чтѣ на осла тратить время болѣе, чѣмъ стоить его шкура!

Въ видахъ желанія новому дѣлу самаго полного успѣха, мы только посовѣтовали бы выбросить эти параграфы, толкующіе о благотворителяхъ и почетныхъ членахъ. Вѣдь извѣстно, какого сорта люди попадаютъ въ эти члены! Много ихъ не будетъ, и пользы они равно никакой не принесутъ, а помѣшать кое въ чемъ помѣшаютъ, такъ себѣ, ни изъ чего, изъ того, что «мы моль тоже члены». А главное—на что этому дѣлу, основываемому къ общей выгодѣ труженниковъ на началахъ честныхъ и разумныхъ, придавать благотворителямъ богадѣлennyй характеръ?

Затѣмъ радуемся дѣлу, при которомъ бѣднякъ получить хорошаго врача за дешево, при которомъ онъ не будетъ кланяться ерундессинусу Химереву, и при которомъ главнѣйшимъ образомъ открывается средство доказать обществу, что Химеревъ есть не Карлъ Великій, о которомъ разсуждать нельзя, а ерундессинусъ, о которомъ разсуждать не стоитъ.

АФОНАСІЙ ГОЛУБИЦА.

ТРОННАЯ РѢЧЬ НАПОЛЕОНА III.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ въ Петербургѣ разсказывали слѣдующій анекдотъ: утверждали, будто императрица Евгенія какъ-то вошла радостная къ своему сумрачному супругу и сиѣшила сказать ему:

— Слава-богу! Мы теперь можемъ быть спокойны и счастливы недѣльки двѣ: Ф—ъ женится!

Ф—ъ — фамилія русскаго публициста, который въ политическомъ обзорѣнн одного изъ нашихъ большихъ журналовъ не уставалъ шпынить Наполеона за каждый его шагъ.

Этотъ анекдотъ выдаетъ положеніе русской публицистики въ ея разсужденіяхъ по политическимъ вопросамъ. Дѣйствительно, принимаясь въ настоящую минуту за статью о тронной рѣчи Наполеона III, мы отчасти не чужды страха за самого себя. Сидя въ скромной, маленькой комнаткѣ, мы принимаемся карать дѣйствія одного изъ величайшихъ монарховъ нашего времени, который, по словамъ французскаго министра, легко можетъ, простымъ почеркомъ пера, создать цѣлые десятки писателей и даже цѣлую литературу. Разсказываютъ, будто одному изъ французскихъ министровъ пріятель его замѣтилъ въ интимной бесѣдѣ, что при теперешнемъ положеніи французской печати, при всѣхъ претерпѣваемыхъ ею поощреніяхъ, внушеніяхъ и предостереженіяхъ, дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что печать почти не будетъ существовать во Франціи.

— А развѣ у насъ нѣтъ денегъ, чтобы создать новую? отвѣчалъ министръ.

Все это такъ, но тѣмъ не менѣе плачевно думать, что какъ много ни старайтесь, какъ много ни горячитесь, ваши слова могутъ имѣть только самое далекое и далекое дѣйствіе.

« Не мѣшаетъ сознать свое положеніе и не терять самообладанію, можетъ-быть замѣтитъ строгій читатель. Но какъ же быть, если въ всѣхъ смертныхъ някто искусіе Наполеона III не съумѣетъ произнести рѣчи болѣе вызывающей и недовѣріе, и раздраженіе? Мы откровенно сознаемся, что не чувствовали въ себѣ никакого индифферентнаго спокойствія и хотѣли бы промолчать о рѣчи Наполеона. Къ несчастію, это оказывается также неудобно. Читатель, который только улыбнется, увидѣвъ, что пробѣгаемый имъ журналъ отдѣлываетъ Наполеона, въ тоже время потребуетъ отъ насъ, чтобы отзывъ о такомъ громадномъ фактѣ, какъ самая звонкая рѣчь французскаго повелителя, не былъ упущенъ.

Въ самомъ дѣлѣ весь образованный міръ, отъ Стокгольма до Кралштата, отъ Иркутска до Калифорніи, до острововъ Тэнти, изъ-за которыхъ, мимоходомъ будь сказано, миротворная Франція чуть не заѣтамъ въ сороковыхъ годахъ, войны съ Англіей, — все съ напряженнымъ вниманіемъ ловило или ловить теперь каждое слово тронной рѣчи, которую Наполеонъ III открылъ засѣданія своихъ достойныхъ палатъ. Телеграфическія проволоки, къ которымъ питаетъ довольно странную личность г. Погодинъ, теперешній сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей», напрягъ такія услія, какихъ не знавалъ еще со времени своего изобрѣтенія, и передалъ въ Вѣну, въ Берлинъ и пр. цѣликомъ всю рѣчь Наполеона, болѣе двухъ тысячъ словъ. Образованный міръ узналъ, что новый цвѣтокъ наполеоновскихъ идей представляетъ если не войну, то вѣчто развѣ только однимъ чиномъ ниже, а именно конгрессъ всѣхъ европейскихъ государей, засѣдающій въ Парижѣ, что Наполеонъ, если не наноситъ на этотъ разъ прямыхъ ранъ, то все же контузитъ, все же не оставляетъ своихъ военныхъ упражненій. Дѣйствительно, впечатлѣніе, произведенное рѣчью Наполеона III, всего болѣе походитъ на контузію... Бывавшіе въ военныхъ походныхъ госпиталяхъ рассказываютъ, что вы можете видѣть въ нихъ какъ кто-нибудь, контуженный въ голову, стоя по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ, не шевелясь, не измѣнивъ выраженія страшнаго изумленія на лицѣ, безпрестанно повторять все одни и тѣже несвязныя слова. Европейскія газеты представляютъ теперь подобный же страшный видъ: онѣ до сихъ поръ не пришли еще къ себѣ отъ изумленія передъ тронною рѣчью Наполеона и безпрестанно твердятъ все о конгрессѣ и конгрессѣ, почти не двигаясь съ мѣста въ своихъ разсужденіяхъ. Отлично обстрѣленные, полуофициальныя французскія газеты, кажется, контужены теперь на вѣки вѣчныя; съ ли-

кимъ восторгомъ выставляютъ они на-показъ слѣды полученныхъ внутреннихъ...

Въ виду громоваго удара, произведеннаго императорскою рѣчью, въ то время когда всѣ газеты и журналы толкуютъ о ней, можетъ-быть дѣйствительно надо ожидать, что читатель потребуеъ отъ насъ надлежащаго отзыва обо всѣхъ этихъ явленіяхъ. Итакъ намъ приходится приняться за тронную рѣчь Наполеона III. Мы постараемся по мѣрѣ силъ исполнить эту задачу, но просимъ читателя, въ видахъ снисхожденія къ намъ, принять во вниманіе слѣдующія соображенія.

Читатель отчасти долженъ быть снисходителенъ къ общимъ недостаткамъ русской печати. Онъ обязанъ быть снисходительнымъ къ нимъ потому, что дѣло нашей печати возбуждаетъ въ немъ слишкомъ слабое участіе. Пусть вспомнитъ почтенный читатель, что до сихъ поръ только одно правительство высказывало о ней свои заботы и, для устраненія различныхъ неудобствъ теперешняго положенія, учредило двѣ комиссіи, одну за другою... Мы разумѣется совершенно согласны съ тѣмъ, что ни дворянскіе выборы, ни городскія собранія, ни мировые съѣзды и проч. не имѣли никакого права заявлять свои желанія по дѣламъ печати; но почему же они почти не касались этихъ важныхъ дѣлъ, когда разсуждали о земскихъ учрежденіяхъ и прочихъ предметахъ, на которые положеніе печати можетъ оказать самое близкое вліяніе? Почему же даже въ дебатахъ всѣхъ нашихъ собраній никто не обращалъ вниманія на условія литературы? Почему, напротивъ, нѣкоторыя мировыя учрежденія рѣшали не печатать свои протоколы и затворять свои засѣданія всего болѣе передъ людьми пишущими? Мы теперь очень хорошо знаемъ для какихъ цѣлей мировыя власти западныхъ губерній такъ бережно хранили свои дѣла въ тайнѣ; но какая же причина могла заставить въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ заботиться также о тайнѣ дѣйствій? Откуда это множество людей такъ далекихъ отъ всякихъ заботъ объ интересахъ печати? Почему всѣ статьи объ измѣненіи законовъ о книгопечатаніи принадлежать исключительно литераторамъ?

Что касается до нашего отношенія къ тронной рѣчи Наполеона III, то мы постараемся какъ можно меньше походить на тѣхъ публицистовъ, которые показываютъ видъ, что имъ не проведетъ самъ французскій императоръ, что имъ ничего не стоитъ перехитрить всѣ самыя сложныя его хитрости. Напротивъ мы со всевозможною скромностью постараемся вникнуть въ точный смыслъ наполеоновскихъ фразъ, а также и въ то сильное впечатлѣніе, которое онѣ произвели.

Въ общемъ ея видѣ, тронная рѣчь Наполеона очень эффектна. Ссылаемся на самого читателя, можно ли было ожидать, чтобы Наполеонъ, наведшій на Гарибальди въ прошломъ году дулы сардинскихъ солдатъ, явится, въ торжественную минуту своей жизни, и передъ всѣми, въ костюмѣ итальянскаго героя? Однако это совершилось. Когда Гарибальди былъ на верху своей славы и своего могущества, около того времени, когда онъ садился въ вагонъ, одинъ, безъ свиты, чтобы прїѣхать съ вечернимъ поѣздомъ диктаторомъ въ залитый иллюминаціею Неаполъ, изъ котораго едва ли успѣли выбраться приближенные Франциска Гарибальди напечаталъ въ газетахъ письмо, гдѣ призывалъ народы въ царство мира, гдѣ приглашалъ ихъ къ мирному рѣшенію международныхъ тяжбъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ теперь подъ руками этого письма, но въ общей мысли его мы не ошибаемся. Наполеонъ III, въ то время, когда почти всѣ главные города Франціи

...ему намѣнили

И продали воту свою,

когда онъ оставленъ союзниками и въ Мексикѣ, и въ попользованіяхъ на Польшу, когда дипломатическій походъ противъ Россіи окончился, по крайней-мѣрѣ безъ славы, когда коварный Альбіонъ совѣтъ сложилъ руки, подталкивавшій французскаго владыку разорвать союзъ съ Россіей и подсмѣивается, — Наполеонъ завершаетъ свою рѣчь энергическимъ подражаніемъ письму Гарибальди. Въ Парижѣ совершилось новое неожиданное превращеніе, но отчего же иные думаютъ, что императоръ-миротворецъ, которому не удалось поссорить европейскія державы простыми нотами, выдумываетъ только новое средство прибрать себѣ союзниковъ и конечно, въ видахъ умиротворенія вселенной сразу, затрогиваетъ горячій матеріалъ по всей Европѣ? Вглядитесь въ знаменитую рѣчь, хотя въ частностяхъ она уже не столько эффектна.

Мы утверждаемъ совершенно серьезно, что тронная рѣчь Наполеона достопримѣчательна по своей неудержимой искренности. Произнесена она правда въ обстановкѣ, не вполне мирной, но что такое обстановка? Громъ 21 пушечнаго выстрѣла возвѣстивъ Парижу, что императоръ выѣхалъ изъ Тюльери, окруженный тѣлохранителями и гвардейскими кавалеристами, произноситъ свою рѣчь и ѣдетъ, подъ звуки этихъ выстрѣловъ, между сплошныхъ шпалеръ національной и собственной гвардій. Въ залѣ луврскаго дворца императора ждали люди, конечно всегъ болѣе занятые заботами о всеобщемъ мирѣ. Кромѣ дипломатическаго корпуса тутъ были: весь цвѣтъ наполеонизма и сотни три депута-

товъ, между которыми можетъ-быть находилось до сорока человекъ, администраціею того правительства, которое берется быть однимъ изъ верховныхъ судей «законныхъ желаній народовъ». Правда, въ числѣ депутатовъ не замѣчалось: Тьера, Жюль-Фавра, Маря, Беррье, Пикара, Оливье, Пеллытана, Жюль Симона и пр., — но это несомнѣнно мирный знакъ или желаніе избѣжать столкновеній. Взмошелъ императоръ на тронъ и по сторонамъ трона стали люди какъ нельзя болѣе преданные миру: принцъ Жеромъ Наполеонъ, Люціанъ и Іоакимъ Мюраты и пр.

Звучнымъ, твердымъ голосомъ Наполеонъ III произнесъ свою рѣчь.

Прежде всего онъ два раза напомнилъ оппозиціоннымъ депутатамъ, что они клялись «поддержать» императорскую конституцію и объявилъ, что онъ можетъ «только хвалиться результатомъ выборовъ, несмотря на нѣкоторыя мѣстные разногласія». Упомянуть о сорока протестахъ противу выборовъ правительственныхъ кандидатовъ императоръ не могъ, по той простой причинѣ, что протесты поданы были только на другой день. Впрочемъ выраженіе, употребленное Наполеономъ III, очень удачно: онъ можетъ именно «хвалиться» результатомъ выборовъ и легко вообразить себѣ, какая радость наполняла весь Тюльери, когда этотъ результатъ сдѣлался извѣстнымъ.

Затѣмъ императоръ поставилъ на видъ послѣдствія торговаго трактата съ Англіей, поблагодарилъ Бога за жатву, не забывъ отдать должное и успѣхамъ земледѣлія, сказалъ объ улучшеніи дорогъ, каналовъ, доковъ, о нѣкоторыхъ не совѣтъ сбывшихся надеждахъ на финансовое совершенство и обратился къ своей, какъ извѣстно, завѣтной мечтѣ— объ «увѣччаніи государственнаго зданія Франціи»: такъ называется «свобода» на императорскомъ языкѣ.

Наполеонъ III не сказалъ впрочемъ ничего о томъ, приближается ли это знаменитое зданіе къ своему концу и не нужно-ли ускорить постройку. Онъ говорилъ не о мечтахъ, а о «настоящемъ дѣлѣ». Прежде всего о «свободѣ хлѣбопеченія» (собственное выраженіе), потомъ о наборахъ во флотъ, о стачкахъ между рабочими, о свободѣ театро-устроенія и наконецъ о генеральныхъ и общинныхъ совѣтахъ. Впрочемъ относительно всѣхъ этихъ предметовъ императоръ заявилъ только о необходимости реформъ, но умалчалъ о своихъ предположеніяхъ.

— «Важъ, сказалъ онъ потомъ депутатамъ, предстоитъ также заняться вопросомъ о сахарѣ.» И относительно сахара онъ не скрылъ сво-

ихъ предначертаній. Тѣмъ же вниманіемъ удостоено «болѣе справедливое распредѣленіе судебныхъ проторей».

Такова оказывается на будущій годъ столбовая дорога Франціи въ ея вѣнцу!

Впрочемъ всѣ эти благодѣянія относятся, какъ выразился императоръ, къ «матеріальнымъ заботамъ», а стремленіе къ вѣнцу можетъ быть слѣдуетъ искать, по всей справедливости, выше.

«При всѣхъ этихъ матеріальныхъ заботахъ, сказалъ онъ, не были нами пренебрежено ничто касающееся религіи, умственного и нравственнаго развитія.»

И императоръ началъ издавна. Сталъ считать число учениковъ съ 1848 г. и объявилъ наконецъ, что «высшія науки возстановлены во второстепенныхъ школахъ, въ которыхъ преобразовывается специальное преподаваніе».

Читатель вѣроятно знаетъ, что самый достопримѣчательный фактъ этихъ преобразованій заключается въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія, который ввелъ въ школы философію исторіи наполеоновской династіи по особенной министерской программѣ.

Вотъ что оказывается выше матеріальныхъ заботъ. Министерская программа исторіи является въ тронной рѣчи единственнымъ шагомъ Франціи къ вѣнцу. Императоръ хвалится заботами о народномъ просвѣщеніи и отвѣчаетъ ими на результатъ выборовъ, которымъ такъ справедливо гордится.

— «Вотъ, господа, говоритъ онъ, — въ короткихъ словахъ, что вамъ уже сдѣлано и что намѣрены мы еще сдѣлать.»

Развѣ эта картина французскаго благополучія не искренна?

Впрочемъ, надававъ столько блистательныхъ обѣщаній, императоръ тотчасъ же сиюхвотился. Онъ вспомнилъ, что въ дѣлѣ заботъ о сахарѣ, о свободѣ хлѣбопеченія, не говоря уже о законахъ относительно стачекъ между рабочими, генеральныхъ совѣтахъ и пр., Франція встрѣчаетъ такую ватагу враговъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, сейчасъ же замѣтилъ онъ, что благоденствіе нашей страны приняло бы болѣе скорое развитіе, *еслибы оно не было возмущаемо политическими затрудненіями*». Однако императоръ совѣтуетъ не унывать. . . «Но въ жизни народовъ, добавляетъ онъ, случаются событія *непредвидимыя и неизбѣжныя*, которыя они должны встрѣчать безъ страха и переносить не падаа духомъ».

Враги, злобствующие на заботы императора, оказываются Мексика, Кохинхина и польское возстаніе.

«На объ такъ-сказать оконечности міра, какъ выразился Наполеонъ III, то-есть въ Мексику и въ Кохинхину, по его же словамъ, французы попали нечаянно и ужь конечно не изъ желанія воевать.»

«Далекія экспедиціи не были слѣдствіемъ предвѣреннаго плана», сказалъ онъ. Это конечно бываетъ.

Несмотря на то, что французы ненарокомъ попали въ Мексику, они встрѣтили «неожиданное» сопротивленіе, но потомъ «приняты какъ освободители». Императоръ сулитъ, что затѣи его будутъ способствовать развитію колоній, внѣшней торговли, заморскаго вліянія и съ сожалѣніемъ говорить о «предубѣжденныхъ умахъ, не угадывающихъ, какіе обильные плоды таятся въ сѣменахъ, посѣянныхъ для будущности», въ сѣменахъ конечно самого мирнаго свойства. Этими предубѣжденнымъ онъ указываетъ «на славу на двухъ оконечностяхъ міра».

Параграфъ о Мексикѣ и Кохинхинѣ очень замѣчательнъ по искренности!

«О польскомъ вопросѣ слѣдуетъ болѣе распространиться», сказалъ Наполеонъ. По прямому смыслу рѣчи, говоримъ это вовсе не въ шутку: выходитъ, что именно въ Польшѣ гнѣздится главная вражда противу французскаго преуспѣянія въ сахарѣ и въ свободѣ хлѣбопеченія. Между тѣмъ нѣкоторыя газеты и въ томъ числѣ нашъ «Голосъ» и отчасти г. Катковъ, удивляются блистательному искусству императора произносить политическія рѣчи. Удивленіе къ ораторскому искусству Наполеона составляетъ теперь чуть ли не первый параграфъ газетной риторики.

Императоръ откровенно объясняетъ намъ тѣ побужденія, которыя боролись въ немъ въ виду польскаго возстанія. Съ одной стороны его останавливали «наилучшія отношенія» съ Россією и онъ «не обинуясь» говоритъ, что императоръ Александръ оказалъ ему, какъ во все время войны за Италію, такъ и для присоединенія графства Ниццы и Савойскаго герцогства, «самую искреннюю и дружескую поддержку». Съ другой стороны его побуждала популярность польскаго дѣла во Франціи, въ глазахъ которой Польша «наслѣдовала право, занесенное въ лѣтописяхъ міра и въ трактатахъ». Императоръ, согласно своему обыкновенію, уступилъ разумѣется общественному мнѣнію. Онъ виѣшался въ польское дѣло и принужденъ рассказывать своимъ депутатамъ, какъ не удалось устроенное ими соглашеніе.

«Только оскорбленіе, нанесенное нашей чести, и опасность, угрожающая нашимъ предѣламъ, говоритъ вѣчный виновникъ мексиканской войны, — налагають на насъ обязанность дѣйствовать безъ предварительнаго соглашенія съ другими.»

Стремленія англо-французско-австрійскаго соглашенія конечно были вполнѣ миролюбивыя, но къ сожалѣнію они привели къ совершенно противоположному результату. Самъ императоръ долженъ былъ сознаться, что «безкорыстные совѣты» союзниковъ, «по несчастію», были приняты за «устрашеніе» и вмѣсто того, чтобы остановить борьбу, только ожесточилъ ее «такъ, что теперь съ обѣихъ сторонъ совершаются издѣательства, о которыхъ равно слѣдуетъ скорбѣть во имя человѣчества».

Неудача первой попытки умиротворенія только одной Польши побуждаетъ Наполеона къ распространенію своего умиротворяющаго вліянія на всѣ горячіе матеріалы, какіе только есть въ Европѣ. Онъ продолжаетъ:

«Чтоже предпринять затѣмъ? Остается ли намъ только выборъ между войною и молчаніемъ?»

«Нѣтъ!» воскликнулъ императоръ такимъ голосомъ, что вѣрные депутаты вздрогнули. «Не прибѣгая къ оружію, не осуждая себя на молчаніе, мы можемъ употребить еще одно средство: *предоставить рѣшеніе польскихъ дѣлъ суду Европы.*»

Этотъ судъ, по мысли императора, долженъ состоять въ конгрессѣ для пересмотра вѣнскихъ трактатовъ. Мысль о такомъ судѣ Наполеонъ приписываетъ чуть ли не самой Россіи.

«Россія уже объявила, что конференція, на которыхъ будутъ обсуждаемы всѣ другіе вопросы, волнующіе Европу, ничѣмъ не оскорбятъ ея достоинства. Примемъ въ соображеніе это объявленіе. Пусть оно поможетъ намъ, *разъ навсегда*, утишить броженіе раздора, готоваго всплунуть со всѣхъ сторонъ; пусть възъ нынѣшняго тяжелаго положенія Европы, тревожимой столькими элементами разложенія, возникнетъ *новая эра порядка и умиротворенія.*»

Императоръ рисуетъ затѣмъ мрачную картину настоящаго положенія Европы. Государства разьединены предразсудками и злопамятствомъ. завистливое соперничество великихъ державъ препятствуетъ успѣхамъ цивилизаціи; взаимная недовѣрчивость поддерживается чрезмѣрными вооруженіями; самыя драгоцѣнныя средства безъ конца истощаются на суетную выставку нашихъ силъ. Настоящее положеніе не есть ни миръ съ его безопасностію, ни война съ ея счастливыми случайностями (бываютъ

азныя случайности). Наконецъ, сопротивляясь, изъ мелкихъ расчѣтовъ, законнымъ требованіямъ народовъ, объявилъ Наполеонъ депутатамъ, представляющимъ французскій народъ, — придаетъ искусственную силу разрушительному духу крайнихъ партій.

Но какъ вы думаете, читатель, кто виновать во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, начиная съ злопамятства государствъ и кончая искусственною силою крайнихъ партій? Наполеонъ III увѣряетъ, что вѣнскіе трактаты. Ничего не говоря о справедливости такого увѣренія, обратимъ вниманіе на то, въ какихъ словахъ оно сказано.

«Трактаты 1815 г. перестали существовать!» сказалъ Наполеонъ и зала Луврскаго дворца потряслись отъ рукоплесканій. Очевидно, что это раздражаніе знаменитой фразы перваго Наполеона: «династія неаполитанскихъ Бурбоновъ перестала царствовать». Эта фраза тронной рѣчи можетъ быть очень эффектна, но за то едва ли богата содержаніемъ. Почему же вѣнскіе трактаты перестали существовать? На сколько они не измѣнены событіями, они признаются всѣми державами, а нѣкоторыя государства не признаютъ никакого права за иными событіями, уничтожившими постановленія трактатовъ 1815 года; напр. Англія до сихъ поръ не дала своего согласія на присоединеніе къ Франціи Савои и Ниццы. Означаетъ ли наполеоновская фраза, по крайней мѣрѣ, нежеланіе Франціи признавать болѣе эти злосчастные трактаты? Но относительно Польши императоръ самъ ссылается на нихъ же. Оказывается, что эффектное изрѣченіе имѣетъ тотъ самый смыслъ, который уже давно изъѣжженъ всѣми газетчиками, именно что трактаты 1815 г. неудовлетворительны и даже менѣе того, а просто потерѣли измѣненіе: «Они разбиты въ Греціи, въ Бельгіи, Франціи, Италіи, на Дунаѣ; Германія волнуется, желая ихъ отменить; Англія великодушно измѣнила ихъ уступкою Ионическихъ острововъ, а Россія попираетъ ихъ ногами въ Варшавѣ».

Всѣ эти измѣненія въ вѣнскихъ трактатахъ, за исключеніемъ одной только уступки Ионическихъ острововъ, произведены упорными войнами. Уступка Ионическихъ острововъ сдѣлана Англіей, помимо всякихъ внушеній, помимо всякаго суда европейскихъ государей. Отчего же Наполеонъ III надѣется, что теперь стоитъ только государямъ собраться въ Парижъ на бесѣду, «чтобы всякое самолюбіе и сопротивленіе могло бы исчезнуть передъ верховнымъ третейскимъ судомъ?» Можетъ ли онъ искренно думать, что такъ легко и просто удовлетворить интересамъ, которыхъ не сумѣли помирить ни вѣнскій конгрессъ, ни полѣвка, прошедшіе послѣ него?

Можетъ ли онъ питать такія мечты?

Можетъ ли онъ думать, хотя одну минуту, чтобы всѣ перечисленные имъ злополучія міра, отъ злопамятства державъ до искусственной сила крайнихъ партій, могли быть устранены передѣлкою вѣнскаго протокола?

Большинство газетъ, кажется, убѣждены, что Наполеонъ III дѣйствительно думаетъ, что всѣ затрудненія европейскихъ государствъ могутъ быть покончены благонамѣреннымъ ораторскимъ собраніемъ въ Парижѣ. Газеты конечно сознаютъ, что новое убѣжденіе Наполеона не оставитъ его отказаться отъ стараній достигнуть удовлетворенія своихъ эго истическихъ интересовъ, но все-таки они придаютъ настоящую цѣну его фразѣ: «Трактаты 1815 г. перестали существовать!»

Отчего же, въ такомъ случаѣ, они видятъ другое значеніе въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ Наполеона, которыя въ прежнихъ рѣчахъ его занимали тоже мѣсто, на которое въ послѣдней его ораторскомъ произведеніи красуется фраза о трактатахъ 1815 года?

Въ 1848, въ концѣ декабря, присягая конституціи на кафедрѣ французскаго національнаго собранія, Людовикъ-Наполеонъ взошелъ на кафедру и твердымъ голосомъ произнесъ: «клянусь». Затѣмъ послѣдовала рѣчь, въ которой преимущественная фраза, которая всегда бываетъ въ наполеоновскихъ рѣчахъ, состояла въ слѣдующемъ:

«Я исполню свой долгъ, какъ честный человекъ».

Черезъ четыре года на банкетѣ въ Бордо онъ объявилъ:

«Иные говорятъ: имперія — это война. Я говорю — это миръ».

Передъ итальянскою войною Наполеонъ сказалъ:

«Италія должна быть свободна отъ Альповъ до Адриатики».

По окончаніи этой войны онъ говорилъ:

«Наступило время изыскивать средства, чтобы смѣло начать во Франціи новую эру мира», т. е. мирныхъ реформъ, которыя онъ исчислялъ въ письмѣ къ государственному министру въ такомъ количествѣ, которое стало бы не на одно поколѣніе.

Судьба всѣхъ этихъ заявленій Наполеона вполне извѣстна. Мирная эра тотчасъ загнала французовъ въ Мексику. Теперешняя фраза Наполеона очевидно принадлежитъ къ той семьѣ и дѣйствительно она занимаетъ въ его рѣчи самое вступительное же мѣсто.

Наполеону конечно вѣнскіе трактаты непріятны по разнымъ воспоминаніямъ и на сколько онъ стѣсняютъ Францію. Но почему бы ему не жаль,

чтобы постановленія этихъ трактатовъ, непріятныя врагамъ императорской Франціи, не продолжали своего существованія подъ именемъ договора, уже не напоминающаго объ исключеніи бонапартовой династіи изъ числа европейскихъ государей? Кто можетъ поручиться за то, что императоръ желаетъ передѣлки карты Европы именно въ видахъ уничтоженія ошибокъ вѣнскаго трактата?

Однако на какихъ же основаніяхъ будетъ производиться эта передѣлка? Постарается ли она удовлетворить принципу народностей, или же она стѣнетъ болѣе думать о равновѣсіи силы различныхъ государствъ? Зобладаютъ ли въ ней стремленія къ естественнымъ границамъ, или она будетъ торжествомъ принципа всеобщей подачи голосовъ? Наполеонъ объявилъ: «соединимся *безъ заданной системы*, безъ исключительнаго честолюбія, движимые однимъ лишь желаніемъ установить порядокъ вещей, которому *основаніемъ* будутъ *вѣрно понятыя* интересы государей и народовъ».

Вотъ и вся программа конгресса. Какой компасъ, какой руль возьметъ конгрессъ для отысканія этого пониманія? Иные принимаютъ молчаніе императора только за учтивость, но онъ поступилъ бы весьма обяательно, если, оставляя свободу дѣйствіямъ конгресса, хотя только указалъбы на тѣ принципы или основанія, которыя могутъ удовлетворить всѣмъ интересамъ, производящія теперешнюю сумятицу въ Европѣ. Одно желаніе быть свободнымъ отъ честолюбія и прочихъ пороковъ, очевидно, недостаточно.

Однако сколько же времени можетъ продолжаться этотъ конгрессъ, которому надо сперва выработать тѣ основанія, на которыхъ слѣдуетъ передѣлать карту Европы, а потомъ сдѣлать еще трудное, удовлетворяющее всѣмъ интересамъ, приложеніе руководящихъ принциповъ къ разнымъ частнымъ случаямъ. По собственнымъ словамъ императора, предлагаемое имъ сборище должно имѣть значеніе, во-первыхъ, европейскаго суда по польскому вопросу. Дѣло умиротворенія всей Европы и искорененія въ ней всѣхъ перечисленныхъ императоромъ недостатковъ вселенной такъ важно, что мы не знали бы какъ величать конгрессъ, еслибы онъ снѣлъ рѣшить свою трудную задачу хотя бы въ нѣсколько лѣтъ. Чтожъ съ эти годы поляки, постоянно подстрекаемые изъ Парижа, должны пользоваться тѣми же результатами, которая имѣла первая миролюбая попытка Наполеона III по польскому дѣлу?

«Призывъ на конгрессъ, увѣряетъ императоръ, надѣюсь, будетъ,

всѣмъ услышанъ. Отказъ заставилъ бы предполагать тайные замыслы, опасющіеся дневнаго свѣта».

То-есть кто не съ нами, тотъ плохъ въ дѣлѣ чести. Всѣмъ нашимъ газетамъ, удивляющимся мудрости и ловкости тронной рѣчи, мы приглашаемъ взвѣсить достоинство этихъ словъ.

«Дѣй дороги открыты, продолжаетъ онъ. Одна ведетъ къ прогрессу путемъ соглашенія и мира, другая рано или поздно роковымъ образомъ поведетъ къ войнѣ, вслѣдствіе упорнаго желанія поддержать рушащееся прошлое».

Итакъ, сколько побужденій согласиться на конгрессъ, и достиженіе всеобщаго благополучія, и устраненіе неизбежной войны и пр.; однако императору всѣхъ этихъ побужденій показалось мало. Онъ указываетъ на нѣчто болѣе сильное, болѣе убѣдительное для народовъ, чѣмъ картина всеобщаго мира.

«Вы знаете теперь, господа, какимъ языкомъ намѣренъ я говорить Европѣ, мои слова, одобренныя вами, поддержанныя всеобщимъ сочувствіемъ, не могутъ не быть услышаны: *я говорю отъ имени Франціи*».

Итакъ-то что сильнѣе желаній всякаго счастья, оказывается угрозою или страхомъ Европы передъ 660 т. арміею, которую Франція можетъ бросать за свои предѣлы. Финалъ чрезвычайно миролюбивый и во всякомъ случаѣ свидѣтельствующій о могуществѣ императора.

Но не ошибается ли онъ въ своемъ могуществѣ, также какъ большинство газетчиковъ ошиблось въ сужденіяхъ о чрезвычайной ловкости его тронной рѣчи, въ которой, на глаза не записнаго политика, а просто размышляющаго человѣка, нѣтъ ни одного живаго мѣста? Такъ ли прочно могущество императора, чтобы грозить государствамъ Европы, всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь? Объ этомъ можно много спорить, принявъ во вниманіе напр. хоть конфискацію политическихъ правъ французовъ и не удачу анзагорскихъ предпріятій. Въ виду угрозъ могучаго повелителя Франціи можно не безъ интереса вспомнить слѣдующія мѣста изъ письма его къ Виктору-Эмануилу:

«Я думаю, что существенныя условія возрожденія Италіи заключаются въ слѣдующемъ:

«Италія должна состоять изъ многихъ независимыхъ государствъ, соединенныхъ по началу федераціи.

«Главный правительственный центръ союза долженъ быть въ Римѣ и состоять изъ представителей, назначаемыхъ государями изъ списка, представленнаго палатами.

«Почетное предсѣдательство италіанской федераціи, вѣренное святей-

шему отцу, удовлетворило бы религиозному чувству католической Европы и пр.

«Мы желаемъ, чтобы герцогина пармская вступила на престолъ въ Мадридъ.»

«Чтобы Тоскана, можетъ-быть съ увеличенною территорією, была отдана великому герцогу Фердинанду.»

«Чтобы начало благоразумной свободы было принято въ Италію.»

«Чтобы Австрія откровенно отеклась отъ постоянной причины затрудненій на будущее время и чтобъ она согласилась дополнить національность Венеціи, не только посредствомъ представительства и отдѣльнаго управленія, но и создавши итальянскую армию.»

«Мы желаемъ, чтобы крѣпости Мантуа и Пескіера были федеральными крѣпостями и пр.»

Однако у Наполеона недостаѣло силы осуществить идею о такой федерации, хотя тогда, въ концѣ 1859 г., онъ былъ на верху своего могущества и въ головѣ его, судя по тону французскихъ газетъ, прѣбѣгали предположенія о возможности борьбы съ самою Англіей. Тогда у Франціи не было на рукахъ ни Мексики, ни того почета, который приобрѣла она захватомъ Ниццы и Савойи.

Чтобы почетно совершить свое отступленіе послѣ виллафранкского сюрприза, Наполеонъ III придумалъ тогда идею о конгрессѣ по дѣламъ Италіи. Надо замѣтить, что въ концѣ 1859 г. элементы итальянскаго дѣла выяснились довольно и въ значительной части уже опредѣлялись фактами. Въ виду такого положенія итальянскаго вопроса конгрессъ могъ заняться не одними спорами, или подачей отдѣльныхъ голосовъ, или возбужденіемъ вопросовъ, или же принужденіемъ меньшинства къ рѣшеніямъ, съ которыми оно несогласно. Напротивъ, конгрессъ могъ заняться если не окончательнымъ упроченіемъ совершившихся фактовъ, то по крайней мѣрѣ онъ былъ въ состояніи опредѣлить отношенія различныхъ государствъ къ этимъ фактамъ, и устраняя грозу вмѣшательства, облегчить итальянцамъ дѣло ихъ умиртворенія, однако, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, конгрессъ, вызываемый Наполеономъ все-таки не состоялся, хотя дѣло дошло до того, что всѣ державы уже назначили, кого онъ намѣреваются послать на европейскій ареопагъ и даже день открытія его былъ назначенъ.

Если же въ теперешнемъ предположеніи Наполеона о конгрессѣ по всяческимъ европейскимъ дѣламъ устранить грозу именемъ Франціи, то остаются одни простые соображенія, найдетъ ли Европа полезнымъ собраться на дебаты объ ея умиртвореніи, чтобы избѣжать рано или поздно роковой войны.

Послѣ тронной рѣчи принималась присяга новыхъ сенаторовъ и депутатовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не оказались на торжествѣ и слова громъ 21 пушечнаго выстрѣла далъ знать Парижу, что императоръ возвращается въ Тюльери въ той же смиренной обстановкѣ.

Вечеромъ того же дня Наполеонъ III подписалъ пригласительное письмо къ европейскимъ государямъ. Онъ кажется придерживаясь правила: «въ часъ по ложкѣ»; онъ умолчалъ въ своей тронной рѣчи, что приглашаетъ конгрессъ въ Парижъ и притомъ онъ приглашаетъ государей пожаловать лично, но это узнали только послѣ обнародованія его письма.

Пригласительное письмо Наполеона очень интересно въ томъ отношеніи, какія права представляетъ онъ на званіе миротворца Европы и какія надежды заставляютъ вѣрить въ легкость замиренія ея.

Права на роль миротворца, по словамъ императора, заключаются въ его прошедшей судьбѣ. Она даетъ ему громадное преимущество передъ всеми государями. Онъ вспоминаетъ, что вѣкогда былъ бѣденъ, былъ въ униженіи. Много лѣтъ провелъ онъ скитальцемъ и принужденъ былъ связывать себя клятвою съ какими-то итальянскими заговорщиками. Онъ былъ осмѣянъ Европою, считавшей его воззванія къ бонапартистскимъ инстинктамъ во Франціи заблужденіями негѣпой фамильной гордости. Онъ томился въ долгомъ заключеніи; потомъ подвергался опасности быть арестованнымъ республиканскимъ правительствомъ. Октобръ 2 декабря его положеніе стало ужасное, но смѣлые люди помогли ему выбраться. Даже на престолѣ прежняя школа несчастія не совѣтъ оставила его. Писанорі, Орсини и пр. являлись напоминать старинныя клятвы. На все это намекаетъ императоръ и увѣряетъ, что такая судьба будто бы должна ручаться за стремленія къ миролюбію.

«Воспитанному въ школѣ несчастія, мнѣ можетъ-быть менѣе чѣмъ другимъ прилично было бы не признавать правъ государей и справедливыхъ требованій народовъ. Поэтому я готовъ, не усвоивъ себѣ предварительно никакой системы, внести въ международныя совѣщанія духъ ужѣренности и справедливости, составляющей обычное наследіе людей, испытавшихъ много различныхъ превратностей».

Дѣйствительно, эти основанія чрезвычайно достаточны для того, чтобы повѣрить миролюбивымъ наклонностямъ и способностямъ Наполеона III. Къ сожалѣнію до сихъ поръ въ нихъ сомнѣвались вовсе не потому, что когда-то императоръ былъ несчастливъ. Объ несчастіяхъ его никто не говорилъ, а припоминали безпрестанныя войны, затѣваемые Франціей, и особенно безмысленную восточную войну. Находили также, что будто шумъ

побѣдъ отводить глаза Французовъ отъ ея внутреннихъ дѣлъ и что въ этомъ смыслѣ наполеоновскіе войны всегда являлись какъ-то очень кстати. Но императоръ оставляетъ въ сторонѣ всѣ тѣ упреки, которые сдѣлали общимъ посмѣшищемъ его фразу: «имперія это миръ»; — онъ только вспоминаетъ свою судьбу. Какъ бы ни были велики превратности ея, но врядъ ли она ручается, чтобы Наполеонъ III могъ съ успѣхомъ выдержать еще одно превращеніе миролюбца.

Надежды на умиротвореніе Европы выставлены также очень странныя. Во-первыхъ это то, что на конгрессъ приглашаетъ государь, которому «наиболѣе приписываются честолюбивые замыслы.» Во-вторыхъ это вѣроятность, что война будетъ еще разрушительнѣе вслѣдствіе улучшеній, произведенныхъ цивилизаціей, которая взаимно связываетъ между собою всѣ народы солидарностію ихъ матеріальныхъ интересовъ. «Наконецъ это гаданіе о томъ, что «Европа увидитъ нѣкоторую выгоду, чтобы столица (т. е. Парижъ), откуда такъ часто подавался сигналъ къ переворотамъ, стала мѣстомъ совѣщаній, которыя должны положить основу всеобщему умиротворенію.» Надежды, какъ видитъ читатель, капітальныя.

Тронная рѣчь Наполеона III, къ крайнему нашему изумленію, произвела какое-то обаяніе на большинство газетъ. Г. Катковъ называетъ ее «замѣчательнымъ произведеніемъ ораторскаго искусства.» Вотъ почему мы остановились такъ долго на этой рѣчи, желая убѣдить читателя, какъ каждое слово ея трогаетъ своею искренностію, но къ сожалѣнію, какъ ни одна ея мысль не только не убѣждаетъ, но и не вяжется ничѣмъ остальнымъ.

Трудно отыскать другое политическое лицо, которое пользовалось бы у насъ и въ Англіи такимъ глубокимъ недовѣріемъ, какъ Наполеонъ III. Хотя почтенный племянникъ его и увѣраетъ, будто мы лизали руку Франціи, но русская журналистика, смѣялась ли она надъ чѣмънибудь болѣе, нежели надъ возведеніемъ зданія наполеоновской свободы во Франціи? Отчего же теперь большинство газетъ, сколько ни подсмѣиваются они надъ тронною рѣчью Наполеона, все-таки разсуждаютъ въ такомъ тонѣ, какъ будто императоръ поднялся своею рѣчью на какую-то ступень. Газеты забываютъ напримѣръ, что мысль о конгрессѣ года два тому назадъ являлась у Наполеона именно для того, чтобы прикрыть его тайное намѣреніе относительно Италіи и тогда онъ былъ на столько искрененъ въ своемъ проектѣ, что самъ постарался разрушить его брошюрой *Le pape et le congre s.* Почему же теперешнія несвязныя фразы

тронной рѣчи подають поводъ къ серьезнымъ разсужденіемъ о возможности Наполеоновской умиротворяющей политики, о большей или меньшей вѣроятности окончательнаго замирения Европы? Если газеты видятъ препятствія къ осуществленію проекта всеобщаго мира, то видятъ ихъ не въ самомъ существѣ проекта, а въ разныхъ частностяхъ. Самая сущность проекта, представляется имъ чѣмъ-то гравдіознымъ.

Потеря нашего прежняго трезваго отношенія къ отправленіямъ Наполеоновскаго краснорѣчія составляетъ фактъ въ нашихъ глазахъ гораздо болѣе печальный, чѣмъ всевозможные туманы тронныхъ рѣчей. Въ теперешнемъ настроеніи общества должно быть что-нибудь крайне ненормальное, если мы можемъ такъ долго вслушиваться и вглядываться въ наполеоновскія фразы.

Мы кажется не ошибаемся, если будемъ искать причину этого крайне прискорбнаго факта въ чрезвычайной распространеннейшей у насъ страсти къ союзамъ и къ сдѣлкамъ между самыми противоположными направленіями. Блестательнѣйшимъ представителемъ этой новорожденной нашей страсти, которая дурна особенно тѣмъ, что въ ней мы теряемъ свою самостоятельность, является почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей.» Мы утратили значительную долю надежды въ свои собственныя силы и дѣйствительно перенесли много тяжкихъ ударовъ. Въ большой мѣрѣ мы не только отчаяваемся за торжество нашихъ убѣжденій, но даже сомнѣваемся въ возможности значительнаго вліянія. Недостаточность прежней системы чувствуется очень сильно, а новый образъ дѣйствій все еще не выяснился. Между тѣмъ всѣ причины, побуждавшія насъ въ дѣятельности, не только остались въ прежнемъ объемѣ, но даже увеличились и со всѣхъ сторонъ различныя вопросы жадутъ недолгую рѣшенія. Въ такой обстановкѣ слишкомъ тяжело стоять сложа руки. Потеря надежды на одни только собственныя силы, ясныя послѣдствія прежняго разединенія и недостаточнаго числа дѣятелей заставляютъ искать опоры въ другихъ силахъ, въ другихъ обществахъ, элементахъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ развивалась страсть къ компромиссамъ и, какъ всякая страсть, она дѣйствуетъ часто слѣпо. Теперь уже вездѣ прошло время для романтическихъ союзовъ между государствами, союзовъ, заключаемыхъ чтобы постоянно дѣйствовать дружно, виждѣтъ, какъ то было напримѣръ воблаженной памяти священномъ союзѣ. Теперь государства вступаютъ въ соглашенія на определенный случай и на извѣстныхъ условіяхъ: прежніе союзы вели къ потерѣ самостоятельности, а нынѣшнія соглашенія, разумѣется, тѣмъ прочнѣе,

тѣмъ самостоятельныѣ и естественныѣ остается каждый изъ союзниковъ. Тоже самое измѣненіе происходитъ мало-помалу въ союзахъ партій. Они также не клянутся теперь въ вѣчной дружбѣ, а заключаютъ между собою опредѣлительныя соглашенія. Наше неопытное общество въ теперешнемъ своемъ направленіи забываетъ это правило, и все еще показываетъ готовность навсегда броситься другъ другу въ объятія. Мало того, мы плохо разбираемъ тѣхъ, кому подаемъ свою руку, мы заключаемъ союзы даже съ тѣми, съ кѣмъ у насъ нѣтъ никакой прочной солидарности въ интересахъ. Потерявъ свою состоятельность по самому образу заключенія нашего союза, мы являемся простымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ; сознаніе неестественности такого положенія заставляетъ насъ смотрѣть по сторонамъ, не высмотрится ли откуда-нибудь новая помощь.

Мечта объ умиротвореніи Европы будитъ воображеніе, шекотитъ нервы... Въ былыя времена, когда различные принципы возбуждали святую вѣру и могли наполнить все существованіе чловѣка, люди ждали спасенія міра отъ этихъ великихъ началъ. Теперь у насъ нѣтъ такой вѣры, нѣтъ такихъ верховныхъ началъ, или они еще находятся только въ зародышѣ. Отсюда та страшная скука, которая гнететъ лучшихъ людей европейскаго общества, отсюда нерѣшительность и усталъ прежде дѣла. Не зная опредѣлительно такихъ основаній, которыя не возбуждали бы никакого сомнѣнія, никакого колебанія, мы естественно должны придавать большую цѣну случайнымъ сдѣленіямъ обстоятельствъ. Пожалуй, мы даже готовы вступить въ серьезныя разсужденія о томъ, не выйдетъ ли хотя сколько-нибудь прочнаго умиротворенія Европы изъ стараній Наполеона III, хотя мы даже не знаемъ, какими именно основаніями намѣренъ онъ руководиться. Всѣ газеты, каждый день разсуждающія о конгрессѣ, до сихъ поръ не имѣютъ даже приблизительнаго понятія о тѣхъ принципахъ, торжество которыхъ намѣревается устроить первый миротворецъ Европы.

По мысли Наполеона III, главное дѣло парижскаго конгресса должно состоять въ пересмотрѣ вѣнскихъ трактатовъ и въ новой размежевкѣ европейскихъ государствъ. Отъ этого, конечно, очень далеко до окончательнаго умиротворенія Европы, до « царства порядка и спокойствія », а тѣмъ болѣе до исцѣленія всѣхъ европейскихъ недуговъ, начиная съ « злопамятства державъ », что вѣроятно означаетъ ихъ отжившія преданія, и кончая « искусственною силою крайнихъ партій. » Картина Европы, какъ нарисовалъ ее французскій императоръ, очень походитъ на домъ, въ ко-

торомъ случилось вдругъ нѣсколько покойниковъ и трупы еще и не вынесены. Въ самомъ дѣлѣ въ теперешнемъ состояніи и настроеніи европейскаго общества нельзя не замѣтить много схожаго съ тою удручающею тоскою, съ тою болью, которая распространяется между близкими умершаго. Императоръ говоритъ, что въ Европѣ умираютъ только произведенія вѣнскаго трактата, и разумѣется онъ ошибается. Никакія усовершенствованныя границы не дадутъ того царства мира, которое призывается въ тронной рѣчи. Императору стоило бы обратить вниманіе на положеніе своей вѣрной Франціи, которая почему-то постоянно готовъ забыться въ кровопролитной войнѣ. Вѣдь не затрудненія же въ границахъ производить французское миролюбіе? Вѣдь не происходитъ же оно только отъ того, что во Франціи раньше чѣмъ въ другихъ странахъ перегорѣли всяческіе идеалы?

Съ другой стороны нѣтъ никакого сомнѣнія, что вѣнскій трактатъ неудовлетворителенъ, что дѣло идетъ къ измѣненію нѣкоторыхъ его постановленій; но развѣ существуетъ такой кодексъ, по которому можно было произвести новое размежеваніе Европы?

Произведется ли замирающее разграниченіе государствъ по принципу національностей? Начало народностей въ общемъ составѣ государствъ съ каждымъ днемъ приобретаетъ болѣе и болѣе значенія. Удивительный фактъ, который нынѣ считаютъ возвращеніемъ не только за XVIII философскій вѣкъ, но и за религиозные средніе вѣка, происходитъ по весьма нехитрой причинѣ. Разница національностей проявляется всего сильнѣе и наиболѣе разъединяющимъ образомъ не въ языкѣ, не въ различіи племени, не въ религіи, а въ историческихъ преданіяхъ, дающихъ національности особенную личность и различныя начала развитія. Преданія славнаго прошлаго выставляются прежде всего другаго за знамя отдѣленія и они всего труднѣе примиряются. Ничто не сглаживаетъ племенную рознь такъ сильно, какъ свобода и самоуправленіе, при которыхъ разница языка и разница религіи, вообще говоря, не ведетъ къ непримиримымъ столкновеніямъ. Теперешнее торжество принципа національности объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что историческія преданія народовъ, что основныя начала ихъ исторической жизни подвергаются обширной разработкѣ и добытыя свѣдѣнія болѣе и болѣе распространяются въ массахъ. Въ наше время принципъ національности возбуждаетъ и увлекаетъ всего сильнѣе, но въ состояніи ли онъ совершенно изгнать изъ Европы бога войны и начертать въ настоящую же минуту прочныя границы государствъ?

Какъ ни велико значеніе національности, но самыя простыя препятствія могутъ иногда затруднить ея торжество. Напримѣръ на территоріи Венгріи различныя народности перемѣшались до того, что приходится отбросить всякую мысль объ отдѣльномъ государственномъ существованіи ихъ. Границу придется проводить главнѣйше на основаніи какихъ-либо другихъ началъ.

Самый принципъ народностей, очевидно, не можетъ дать намъ теперь же по желанію, прочныя миролюбивыя границы. Примѣсь враждебной національности, стремящейся къ самостоятельности, ослабляетъ даже большіе государственные организмы и стѣсняетъ свободу ихъ дѣйствій. Такому государству можетъ-быть выгодно освободиться отъ чуждаго элемента, но однимъ отдѣленіемъ положеніе возрождающейся національности еще мало упрочивается. Чтобы уцѣлѣть въ семьѣ государствъ, чтобы сохранить свою самостоятельность, ей надо много другихъ условій. Между ними первое мѣсто занимаетъ такая степень развитія народности, которая дала бы государству силу на поддержку отдѣльнаго существованія и разумную причину для полноты отдѣльной жизни. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Европы, гдѣ существуетъ вопросъ о народностяхъ, они находятся на слишкомъ различныхъ ступеняхъ развитія, которыя въ иныхъ странахъ, напримѣръ въ Австріи, не даютъ даже приблизительнаго понятія о будущей судьбѣ этихъ національностей. Вопросъ о народностяхъ копошится даже тамъ, гдѣ она заключается въ одномъ различіи языка, или въ одной разницѣ религій, а на такихъ единственныхъ фундаментахъ не устоятъ отдѣльное государство. Таково напримѣръ положеніе нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, еще не выработавшихъ своей опредѣленной личности. Для нихъ всякое преждевременное рѣшеніе можетъ быть гибельно и можетъ повести только къ перемѣнѣ ига или къ измѣненію его вида.

Враждебныя отличія народностей держатся всего упорнѣе историческими преданіями, но на одной и той же территоріи могутъ перекрещиваться преданія различныхъ племенъ и различнаго времени. Мы видимъ это напр. въ Чехіи, въ восточной Пруссіи и пр. Рано или поздно, тѣ или другія преданія или новое право должны взять верхъ надъ старымъ и пересилить противника, но очевидно, что теперь, по принципу народностей, нельзя провести границъ между ними.

Начало національной самостоятельности можетъ наконецъ столкнуться съ необходимостію для сосѣдняго государства въ доступѣ къ морю ил. съ стремленіями къ естественнымъ границамъ (напр. савойскіе Альпы

и Пиринен) или съ другими интересами, и тогда столкновение рѣшится ли въ какомъ случаѣ не по одному только началу національности. Итакъ начало народности, всего болѣе, всего живѣе возбуждающее современныя общества, не можетъ послужить основаніемъ для всеобщаго мира въ настоящемъ. Стоитъ ли говорить о другихъ принципахъ, которые мы вообще подчиняемъ національнымъ стремленіямъ?

Еслибы мы взяли какія-либо другія основанія для проведенія новыхъ границъ, напр., желаніе равновѣсія между главными государствами, горшее управленіе и пр. то точно также встрѣтили бы препятствія, которыя нельзя заговорить, которыя можетъ рѣшить только время или сила, т. е. полное развитіе заинтересованныхъ сторонъ.

Всеобщее банкротство въ идеалахъ и всѣми признанныхъ верховныхъ началахъ не можетъ не сказаться въ системѣ распредѣленія государствъ. Никто не полагаетъ, чтобы теперешнія границы въ Европѣ были совершенствомъ, но объ нихъ думаютъ, что все-таки «лучше дурная погода, чѣмъ никакой!» Она въ самомъ дѣлѣ лучше потому, что всеобщая передѣлка европейской карты повлечетъ за собою множество пожертвованій, которыя, кто знаетъ, выкупятся ли успѣхомъ. Кромя того многіе сознаютъ, что за предложеніями миролюбиваго дѣлежа всегда ревниво слѣдитъ богъ войны и часто тотчасъ вслѣдъ за ними выступаетъ на сцену. Это еще болѣе отдаляетъ отъ проектовъ о всеобщемъ мирѣ, особенно когда ихъ предлагаетъ миротворецъ изъ бонапартовой династіи, царствующій въ странѣ, которая даже безъ него, въ сороковыхъ годахъ, такъ и рвалась подражаться то за Тантскіе острова, то за испанскіе браки и т. п.

Мечтанія о всеобщемъ мирѣ никогда не сбывались и разумѣется всего менѣе вѣроятно, чтобы они сбывлись въ теперешнее переходное положеніе Европы, а тѣмъ болѣе отъ руки французскаго императора. Безъ всякаго сомнѣнія онъ сознаетъ это не хуже кого-нибудь другого и конгрессъ нуженъ ему вовсе не для всеобщаго замиренія, если только въ самомъ дѣлѣ большое собраніе въ Парижѣ желательно для Наполеона и если онъ самъ не заготавливаетъ уже какой-нибудь брошюрки противъ своего проекта въ родѣ «*Le pape et le congrès*».

Въ польскомъ вопросѣ, который лежитъ на насъ всею своею тяжестью, мы всего менѣе должны справляться съ проектомъ всеобщаго мира. По всей вѣроятности означаетъ только новый планъ вмѣшательства въ польское дѣло, но до сихъ поръ ни одно наполеоновское вмѣшательство не давало прочныхъ результатовъ, и дать оно не можетъ.

Настоящее рѣшеніе польскаго вопроса попрежнему находится въ нашихъ рукахъ, и оно не должно бы быть далеко потому, что всѣ элементы польскаго дѣла достигли весьма опредѣлительной зрѣлости.

Какая бы судьба ни постигла проектъ наполеоновской рѣчи, разойдется ли конгрессъ до созванія его, или онъ разъѣдется изъ Парижа, почти ровно ничего не сдѣлавъ для замиренія Европы, во всякомъ случаѣ наша отвѣтственность по польскому дѣлу передъ Россією, передъ Польшою, передъ всѣмъ міромъ не уменьшается.

КОЕ-ЧТО ОБЪ ИЗДАНИЯХЪ

Г. БЕЗСОНОВЫМЪ НАРОДНЫХЪ СТИХОВЪ И ПЪСЕНЬ¹⁾.

(Въ обличительномъ родѣ.)

Я по сіе время не понимаю, за что такая несчастная доля постигаетъ сборникъ пѣсенъ Петра Васильевича Кирѣевского. Петръ Васильевичъ началъ записывать русскія пѣсни еще въ 20-хъ годахъ, слѣдовательно болѣе 35 лѣтъ тому назадъ; ѣздилъ

¹⁾ Мы не считали себя въ-правѣ отказать отъ напечатанія этой статьи, несмотря на ея можетъ-быть чрезчуръ шуточный и подѣ-часъ весьма рѣзкій тонъ. Дѣло въ томъ, что подѣ этой формой скрываются весьма серьезныя обвиненія издателя «русскихъ пѣсенъ и стиховъ», П. А. Безсонова и отчасти комиссіи, взявшей на себя изданіе собранія П. В. Кирѣевского. Г. Безсоновъ, какъ читатель увидитъ изъ самой статьи, обвиняется въ крайне небрежномъ отношеніи къ памяти и трудамъ П. В. Кирѣевского, перваго собирателя произведеній нашей народной поэзіи, посвятившаго этому дѣлу всю жизнь, проложившаго дорогу всѣмъ продолжателямъ его труда, въ умаленіи заслугъ этого почтеннаго дѣятеля и въ присвоеніи небывалыхъ заслугъ себѣ; наконецъ въ дурномъ пониманіи дѣла, за которое онъ взялся, и наполненіи своихъ книжекъ важными и пустымъ матеріаломъ; тогда какъ прекрасные, вполне оконченные труды П. В. Кирѣевского остаются еще не вполне изданными, — что можетъ имѣть вредное вліаніе на сочувствіе публики къ изданію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ самому дѣлу народной поэзіи. Комиссія, взявшая на себя трудъ изданія сборника П. В. Кирѣевского, обвиняется въ равнодушіи. Но объ этомъ ясно сказано въ самой статьѣ. Въ виду столь серьезныхъ обвиненій, выраженныхъ однимъ изъ извѣстныхъ наблюдателей нашей народной жизни и, какъ всѣмъ извѣстно, дѣйствительно и не однимъ годъ ходившаго по деревнямъ для собиранія всякихъ памятникѣвъ народной поэзіи, мы не могли остановиться печатаніемъ этой статьи изъ-за ея формы, тѣмъ болѣе, что авторъ подписывается подѣ ней, и слѣдовательно въ случаѣ надобности готовъ открыто защищать свои положенія. Но мы съѣшшимъ оговориться, что никакъ не беремъ на себя полной отвѣтственности въ предлагаемой статьѣ и были бы искренно рады, еслибы издатель «Калѣк-перехожихъ» откровеннымъ и прямымъ объясненіемъ устранилъ отъ себя взведенныя на него обвиненія. Мы охотно предлагаемъ свой журналъ для этихъ объясненій и увѣрены, что публика приметъ въ нихъ серьезное участіе. Ради важности дѣла.

Ред.

нѣ по Россіи нѣсколько разъ самъ, съ единственной цѣлю записывать пѣсни; всѣ, кто только успѣвалъ записывать какую-нибудь пѣсню, доставлялъ ее непременно Петру Васильевичу. Между сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ вы встрѣчаете Пушкина, Гоголя, Кольцова, Даля, Языковыхъ, Погодина, Шевырева и много, много другихъ. Сколько мнѣ помнится, вѣтъ ни одной губерніи, изъ которой бы въ этомъ сборникѣ не было пѣсень. Прибавьте къ этому добросовѣстность собирателя, глубокую его образованность, необыкновенное эстетическое и народное чутье и болѣе тридцати-пяти лѣтъ неуспынныхъ трудовъ. Кажется, какъ при этихъ условіяхъ не достигнуть успѣха?!.. И достигъ бы успѣха П. В. Кирѣевскій, жели бы у него немного поменѣе было добросовѣстности и любви къ своему дѣлу, а коли хоть немного было бы нахальства; имѣя же вышепомянутые *недостатки*, онъ не могъ сдѣлать кое-какъ; а что имъ было сдѣлано — сдѣлано хорошо. Припомнимъ, что до самой смерти Петра Васильевича никто не зналъ, не исключая и самого *Общества любителей русской словесности*, которому теперь поручено изданіе этого сборника, никто не зналъ, что Петръ Васильевичъ не только записывалъ пѣсни, но что онъ *составлялъ* ¹⁾ ихъ изъ многихъ вариантовъ, и такъ составлялъ, что никто не зашелъ не только стиха, но ни одного даже *слова*, которое бы оказалось ненароднымъ: такъ глубоко понималъ нашъ первый и по времени, и по способностямъ) собиратель народной поэзіи. Умеръ П. В. Кирѣевскій, а съ этимъ умерла и надежда видѣть когда-нибудь сборникъ русскихъ пѣсень, какого мы могли ожидать при жизни Петра Васильевича.

Послѣ смерти Кирѣевскаго, родственниками его поручено было мнѣ заняться приготовленіемъ къ изданію всѣхъ оставшихся пѣсень. При самой передачѣ мнѣ пѣсень В. А. Елагинымъ, я застѣнулъ страшный недочетъ въ бумагахъ: по крайней мѣрѣ *двухъ или трехъ столъ* бумаги, исписанной пѣснями, *не оказалось*;

¹⁾ Подъ словомъ *составлялъ* надо разумѣть «возсоздавалъ», т. е. Петръ Вас. Кирѣевскій бралъ нѣсколько вариантовъ одной и той же пѣсни и выбиралъ изъ cadaго варианта тотъ стихъ, который казался ему лучше. При этомъ онъ указывалъ добросовѣстно именно на тотъ вариантъ, которымъ онъ пользовался. Это можетъ засвидѣтельствовать г. Безоновъ, распоряжающійся драгоценными рукописями Кирѣевскаго.

потомъ я узналъ, что сверхъ этой страшной потери, пропало еще множество бумаг покойнаго Петра Васильевича, оставленных имъ въ Москвѣ. Эти пропавшія драгоценности извѣстны многимъ; самъ г. Безсоновъ говоритъ объ этой потерѣ. А мнѣ занимавшемуся у Петра Васильевича болѣе двадцати лѣтъ по части собранія пѣсенъ, слишкомъ хорошо извѣстны эти рукописи. — Когда мнѣ было поручено приготовить къ изданію пѣсни Петра Васильевича, въ тоже время В. А. и Н. А. Елагины, М. А. Стаховичъ и я, составили опись, въ двухъ экземплярахъ, всѣмъ пѣснямъ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ остались послѣ смерти собирателя; и всѣ четверо подписались подъ обоими экземплярами. Думая, что издавать придется мнѣ и не надѣясь издать надлежащимъ образомъ, я поставилъ въ непремѣнное условіе, что по окончаніи работъ, кѣмъ бы то ни было произведенныхъ, рукописи всѣ должны для повѣрки поступить или въ публичную петербургскую библіотеку, или въ библіотеку московскаго университета. Затѣмъ я немедленно приступилъ къ работѣ. Не мнѣ судить, хорошо или дурно вышло бы у меня собраніе, но я долженъ сказать, что, приготовивъ историческія пѣсни къ изданію и не довѣряя себѣ, я изъ орловской губерніи, гдѣ производились работы, отправился въ Москву, съ единственною цѣлью воспользоваться совѣтами тамошнихъ ученыхъ; и какъ изданіе пѣсенъ, по моему мнѣнію, въ чемъ вѣрно согласятся и многіе, должно быть исполнено подъ вліяніемъ не одной какой-нибудь партіи, а всѣхъ партій, то я и обратился за совѣтомъ ко всѣмъ. Я показывалъ историческія пѣсни П. А. Безсонову, И. Д. и И. В. Бѣляевымъ, К. С. Аксакову, Ф. И. Буслаеву, И. Е. Забѣлину, Т. И. Филипову, А. Н. Островскому, В. М. Удольскому, А. С. Хомякову, И. В. Павлову, и — представьте мое великое удивленіе: ни отъ одного изъ этихъ господъ я не слышалъ кроме похвалъ ничего, ни одного замѣчанія!.. Другими словами, всѣ они одобрили мои работы по изданію русскихъ пѣсенъ. Немедленно я вернулся въ орловскую губернію и къ осени 1857 года сборникъ пѣсенъ былъ почти готовъ... Надобно быть въ этомъ дѣлѣ опредѣлительнѣе въ своихъ словахъ: мнѣ оставалось, безъ успешнаго труда, работы еще недѣли на двѣ, на три, и притомъ такой неважной, что я легко могъ исполнить ее при держаніи корректуръ.

Въ концѣ февраля 1860 года рукописи собранія покойнаго П. В. Кирѣвскаго были переданы *Обществу любителей русской словесности*, в общество въ то же засѣданіе изданіе рукописей поручило К. С. Аксакову, П. А. Безсонову и В. И. Далю; наконецъ, въ сентябрѣ этого же года, вышелъ первый выпускъ «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ» (94 стр.); въ февралѣ или въ концѣ января 1861 г. вышелъ второй выпускъ (96 стр.); въ апрѣлѣ или въ маѣ вышелъ третій выпускъ (124 стр.). Чтобы кончить всю исторію изданія этого горькаго сборника, я долженъ сказать, что комиссія, издавшая эти три выпуска, прибавила нѣсколько пѣсенъ изъ разныхъ сборниковъ къ пѣснямъ, собраннымъ Петромъ Васильевичемъ и приведеннымъ мною въ порядокъ, по плану самого собирателя. Я этого сдѣлать не могъ: мнѣ *запрещено* было прибавлять что-нибудь къ сборнику, исключая нѣкоторыхъ старинныхъ печатныхъ сборниковъ, и именно въ уваженіе только того, что Петръ Васильевичъ самъ началъ выписки изъ этихъ сборниковъ.

По всему этому мнѣ не приходится говорить ни въ похвалу, ни въ порицаніе этого изданія: пусть судятъ всѣ, кто какъ знаетъ; я буду говорить собственно только о работахъ комиссіи, которой поручено изданіе этого сборника, драгоцѣннаго и по содержанию, и по имени собирателя. И я считаю тѣмъ болѣе своей обязанностію сказать свое мнѣніе, можетъ-быть ошибочное, что болѣе чѣмъ кто-либо другой знаю объ этихъ работахъ и о томъ, что сдѣлала съ сборникомъ Петра Васильевича дѣйствующіе члены Общества любителей русской словесности, которыхъ Кирѣвскіе считали искренними своими друзьями.

«Не родись богатъ-умень, а родись кудрявымъ», говоритъ народъ. П. А. Безсоновъ родился совершенно кудрявымъ!.. Другихъ достоинствъ, по изданію русскихъ пѣсенъ, я за нимъ рѣшительно не знаю. Кто можетъ сказать, по какому несчастному случаю весь сборникъ пѣсенъ Кирѣвскаго, да и всѣ сборники пѣсенъ достались безконтрольно въ одні руки г. Безсонова? Гдѣ онъ проявилъ знаніе русской народной поэзіи? Онъ рѣшительно ничѣмъ не показалъ знанія народной жизни; только впоследствии доказалъ отсутствіе пониманія русской поэзіи и зависть къ заслугамъ Петра Васильевича Кирѣвскаго. Чѣмъ вы объясните напрямъ, какъ не завистью, слѣдующее: едва узнали люди сс-

всѣмъ не близкіе, а можетъ-быть и лично незнакомые съ Петромъ Васильевичемъ, объ изданіи его собранія, какъ въ ту же минуту предложили свои сборники въ общую сокровищницу Кирѣвскаго; изъ числа многихъ я укажу на Ф. И. Буслаева, Н. В. Забѣлина; г. Рыбниковъ, взявъ подъ руками множество пѣсень, не остался чуждымъ этому труду: онъ далъ вѣсколько пѣсень въ сборникъ Кирѣвскаго; одинъ только г. Безсоновъ, которому безконтрольно порученъ сборникъ, взялъ себѣ часть, а можетъ и лучшую, именно духовные стихи изъ сборника Кирѣвскаго, и издалъ ихъ въ своихъ *«Калѣкѣхъ-перехожихъ»*, да при этомъ надѣлать, ни одной строки не вложилъ въ собраніе, порученное его благодѣяніямъ. При этомъ онъ не забылъ сказать о своихъ великихъ трудахъ (которыхъ не было), о своихъ заслугахъ, о которыхъ никто не знаетъ!.. Г. Безсоновъ объясняегъ это тѣмъ, что у него великій сборникъ стиховъ; изъ *«Калѣкѣхъ-перехожихъ»* этого не видно, а хоть бы это была и правда, онъ по долгу чести и совѣсти не могъ бы изъ порученныхъ ему пѣсней брать что-нибудь. Чтѣ бы онъ сказалъ, ежели бы кто-нибудь, кому поручено сберечь сто рублей, взялъ деньги себѣ, и объяснялъ это присвоеніе слѣдующимъ образомъ: «У меня больше, — у меня тысяча рублей; поэтому я и взялъ себѣ и эти сто рублей?» Но не все ли равно, деньги ли пѣсни? Какъ можно было приписывать себѣ то, чтѣ сдѣлалъ другой?!.. А г. Безсоновъ это дѣлалъ и дѣлаегъ съ первой строки издаваемыхъ имъ и *«Пѣсень»*, и *«Калѣкѣхъ-перехожихъ»* до послѣдней строки. Чтѣбы только не упустить фразы: *«съ первой строки»*, я начну съ первой же строки предувѣдомленія перваго выпуска пѣсень, принадлежащаго г. Безсонову. Я совершенно утвердительно говорю — Безсонова, и убѣжденъ, что товарищи его по комиссіи не читали бумагъ П. В., а слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ г. Безсонову. Иначе какъ объяснить согласіе покойнаго К. С. Аксакова и В. И. Даля подписаться подъ слѣдующими словами *«предувѣдомленія»*:

«По мысли, руководившей постоянно П. В. Кирѣвскимъ, комиссіе, издающая нынѣ сборникъ его пѣсень, не ограничивается тѣмъ, чтѣ нашла въ бумагахъ покойнаго, но присоединяегъ сюда въ пополненіе и другія пѣсни... а гдѣ нужно, въ приложеніяхъ къ выпуску, помѣщаетъ сказки, историческія показанія...» (И выпускъ.)

Я повторяю, что взялъ эти строки, какъ первыя въ книжкѣ, и долженъ сказать, что здѣсь все невѣрно, или по крайней мѣрѣ неточно: въ *приложеніяхъ къ выпуску* помѣщать сказки, историческія показанія; это совершенно не по мысли Петра Васильевича Кирѣвскаго, а между тѣмъ Безсоновъ увѣряетъ, что онъ *постоянно* руководился мыслью Пет. Вас. Выходитъ, что по мысли П. В. Кирѣвскаго слѣдуетъ дѣлать приложение къ каждому выпуску, напр. къ выпуску, заключающему въ себѣ пѣсни про Илью Муромца, надобно прилагать всевозможныя приложения про этого героя, — тогда какъ П. В. говорилъ, что должно *издать съ пѣсни разомъ*, послѣ варианты къ нимъ и наконецъ приложения. Доказательствомъ моихъ словъ можетъ служить изданіе Петра Васильевича русскихъ народныхъ стиховъ, въ которомъ онъ не помѣстилъ ни одного варианта. Ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь взялся издать особенно сказки, и потому-то онъ не отказывалъ собранныхъ имъ сказокъ всякому, кто только собирался ихъ печатать: это можетъ подтвердить А. Н. Афанасьевъ. Я еще могу прибавить, что П. В. предлагалъ мнѣ издать сказки (до изданія еще А. Н. Афанасьева) и что по его совѣту я просилъ у В. И. Даля имъ собранныя сказки, въ чемъ впрочемъ мнѣ было отказано. И поэтому я, получивъ въ свои руки бумаги Кирѣвскаго, отобралъ нѣсколько сказокъ, мною записанныхъ, просилъ В. А. Елагина отправить ихъ къ А. Н. Афанасьеву, который, получивъ ихъ отъ г. Елагина, ошибкой помѣстилъ ихъ записанными Кирѣвскимъ.

Послѣ этихъ строкъ начинается самовосхваленіе г. Безсонова, который сказалъ только мимоходомъ, что и духовные стихи погодимъ издавать: не потому ли, что я ихъ не приготовилъ къ издаванію?.. или быть-можетъ для того, что эти духовные стихи, какъ показываютъ факты, пригодились для «*Калькъ-перехожихъ*» г. Безсонова? Странно! да какъ же послѣ этого г. Безсоновъ такъ беззащитно говоритъ, что онъ всякую замѣтку, даже слово Петра Васильевича Кирѣвскаго отпечаталъ «съ буквальною точностію въ самомъ даже правописаніи и въ знакахъ препинанія. Не простирая никакого притязательнаго права... дозволилъ себѣ отдѣлать иногда красную строку»!..

Объ красной строкѣ и толковъ нѣтъ, но нельзя не замѣтить г. Безсонову, такъ какъ онъ выдаетъ себя за знатока русскихъ на-

пѣвовъ, что пѣсню должно записывать съ голоса; а по голосу стихъ выходитъ чрезвычайно разнообразенъ, и что ему, какъ пѣвцу, можетъ казаться поправкою, то другимъ покажется искаженіемъ. Не будемъ обращать вниманія и на перестановку стиховъ (стр. 2, выпускъ 1), что тоже ни къ чему не идетъ, во особеннаго вреда не дѣлаетъ, если издатель всегда оговаривается: но какъ же г. Безсоновъ говоритъ, что «порядокъ, въ которомъ размѣщены пѣсни настоящаго выпуска и слѣдующихъ «былевыхъ, установленъ по мысли его, Безсонова»?.. Да какъ же иначе можно было размѣстить пѣсни? Спросите кого хотите, какъ должно рассказывать исторію про что бы то ни было... Положимъ хоть біографію Петра Алексѣевича. Сперва должно рассказать, какъ онъ родился, потомъ какъ у Петра Алексѣевича прорѣзались зубки, потомъ какъ онъ учился издавать русскія пѣсни (при этомъ необходимы и географическія подробности), какъ издалъ пѣсни и т. д. Про какого-нибудь богатыря — все такъ же: какъ родился, какъ жилъ, какъ умеръ. Какая же это *оригинальная* мысль? Во всемъ изданіи г. Безсонова одна только мысль его: измѣнить западную терминологію Петра Васильевича на свою, якобы славянскую: историческія пѣсни онъ называлъ былевыми; «варіантъ» замѣнилъ, хоть и не совсѣмъ вѣрно, словомъ «разнорѣчіе»¹⁾. Пожалуй и еще есть мысли въ его примѣчаніяхъ, да ка-

¹⁾ Для примѣра разницы между вариантомъ и разнорѣчіемъ, по крайней мѣрѣ какъ ее понималъ Петръ Васильевичъ, покажу на пѣсню про свадьбу Ивана Грознаго. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ говорится про супротивника Темрюка-Мамстряка, что у него были усы сторженые, а сапогахъ раструбы были широкіе; а въ другой пѣснѣ говорится: Темрюка-Мамстряка было супротивниковъ двое, и совсѣмъ непохожихъ на щеголя, о которомъ говорятъ первая пѣсня. Въ ней рассказывается, что когда дядюшка Ивана Грознаго бояринъ Романъ Никитичъ кликнулъ кличь, что Темрюкъ-Мамстрякъ щеть по всей Москвѣ супротивника, во въ то время богатырей въ Москвѣ не случилось, тогда

Изъ дворенушка маленькова,
Изъ избенушки худенькой
Выбѣгали два братца молоденькіе:
Фомушка маленькій
Да Петранюшка хроменькій...

Выбѣгаютъ они и второпяхъ на бѣгу шубы надѣваютъ. Неужто это разнорѣчіе?

вѣ же это мысли? Развѣ можно назвать мыслями подпись подъ пѣснями: *снѣ кончено*? Почему напр. ему показалась неконченною пѣсня, записанная г. Рыбниковымъ въ Петрозаводскѣ (стр. 84—89, выпускъ 3)? Вы спросите, г. Безсоновъ, кого-нибудь, кто толкъ знаетъ,—вамъ скажутъ, что эта пѣсня не только кончена, но въ концѣ и точка поставлена. Какой можетъ быть лучше конецъ этой пѣсни:

- И ходятъ калики—кричатъ по чисту полю,
 180 Не дорогою ходятъ, бездорожицею.
 Закричалъ Ома сударь Ивановичъ:
 «Ай-же вы калики переходіе!
 Чтоже вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
 И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
 185 «Ай-же ты, Ома сударь Ивановичъ!
 За твою за правду за великую
 Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
 А за пашу за неправду за великую
 Напустилъ темень на ясны очи.»

Да тутъ не только конецъ, но даже, если хотите, и нравоученіе. Трудно также повѣрить, чтобы Общество любителей русской словесности помогало вамъ въ объясненіи непонятныхъ, по вашему мнѣнію, словъ. Знаменитую букву *О* (сокращенное: *общество*) вы ставите изъ скромности. Я увѣренъ, что вы, именно вы растолковали намъ слѣдующіе стихи:

Владиміръ князь убивается,
 А калики-то въ пугь снаряжаются.
 Просить ихъ тутъ Владиміръ князь
 Пожить, побыть тотъ денекъ у себя... (Стр. 99, вып. 3.)

Смыслъ этого мѣста ужасъ какъ труденъ; вотъ вы и поставили звѣздочку при словѣ *убивается*, а внизу и написали: *усильно просить остаться и торюеть о разставаньи.—О...* (т. е. другими словами: «Общество любителей русской словесности»). Или еще (на страницѣ 96, вып. 3), когда рассказано, что калики, возвращаясь въ Кіевъ, не попали на то мѣсто, гдѣ былъ зарытъ Касьянъ Михайловичъ:

Обошли маленькою сторонкой ¹⁾.

¹⁾ Почему и этотъ стихъ не объяснить? Можно объяснить такъ: Касьянъ остался немного въ сторонѣ.

Его молода Касьяна Михайловича
 Голосокъ наноситъ помалехоньку...
 А и тутъ калки остоялися,
 А и мѣсто стали опознавать;
 Подалися малехонько — и увидѣли
 Молода Касьяна Михайловича.

Вѣдь не скоро догадаешься, чей голосокъ наноситъ? Но тутъ-то Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ является благодѣтельнымъ толкователемъ и объясняетъ этотъ стихъ такъ: *«доносится голосъ Касьяна.—О.»*

И много, много подобныхъ вещей объяснялъ намъ именно г. Безсоновъ, ибо я никакъ не думаю, чтобы *О* могло сказать, что *печаль* значитъ *заботы, хлопоты; бурнастый—бурый*. Лисицъ бурыхъ, о которыхъ упоминаетъ Безсоновъ, видѣлъ одинъ только г. Безсоновъ, а члены *О* могли только видѣть лошадей бурыхъ, а лисицъ видали чернобурыхъ, бурнастыхъ... А впрочемъ Богъ ихъ знаетъ, можетъ которые и лисицъ бурыхъ видали!.. Но я все-таки увѣрился, что всѣ эти объясненія принадлежатъ всецѣло П. А. Безсонову, и изъ одной только скромности заслугу подобныхъ толкованій онъ дѣлать со всѣми членами *О*. Не понимаю я только, к чему тутъ скромность?

Еще должно прибавить, что Петра Алексѣевича Господь и соображеніемъ не обидѣлъ. Соображеніе у него глубокое. Вотъ вамъ примѣръ: жена добрыниныхъ по разнымъ вариантамъ зовутъ различно, а именно: 1) Тимофеевной, 2) Микулисьной, 3) Григорьевной, 4) Гурьяшной, 5) Никулишной... Вотъ и всѣ. Которая же изъ нихъ жена добрынина? Во вѣкъ никому не отгадать!.. И не отгадывайте, а прочтите на стр. XX, вып. 2, что гласитъ г. Безсоновъ. А г. Безсоновъ гласитъ, что Добрыня, бояринъ, былъ женатъ на удалой разъядрной дѣвицѣ, Настасьѣ Никуличнѣ, дочери представителя земщины Никулы Селяниновича!.. Этого никто не могъ прежде знать, да и самъ Петръ Алексѣевичъ повертѣлъ-таки чубомъ, чтобы отыскать Добрыню тестя-батюшку. Да и кому придетъ въ голову женить Добрыню, княжого племянника, на дочери мужика, который земли напашетъ, хлѣба засѣетъ, намолотитъ, пива наваритъ, гостей назоветъ, такъ и же мужиковъ, какъ и самъ, а эти мужики станутъ говорить отступю княжого племянника такія рѣчи:

Ужь и дай тебѣ Богъ, Микулушка, пахать да орать,
Ужь и дай тебѣ Богъ, Микулушка, крестьянствовать!

А этому Микулушкѣ надо теперь ѣхать къ зятю въ гости во высьокъ теремъ, да еще пожалуй, если Добрыня живетъ съ дядей, и въ теремъ самого князя Владиміра...

Я не постигаю, на чемъ основывался Безсоновъ, дѣлая подобныя произвольныя сватовства?. А вѣдь по русской пословицѣ: «яблочко отъ яблонки недалеко откатится»; «каковъ отецъ, таковъ и сынъ». Да и по пѣснямъ тоже выходитъ: у Ивана Гостиваго сына отецъ гость и самъ онъ гость; у богатыря Данила Игнатьевича сынъ тоже богатырь; у богатыря царя Саула Леванидовича сынъ тоже богатырь; у одного только Микулушки яблочко откатилось отъ яблонки. Ей бы, т. е. Микулишнѣ, шло привѣтствіе: «Тебѣ бы, Никулична, жать да молотить!» Ей же этого теперь сказать нельзя: ова сдѣлалась *удалою развѣдною дѣвицей* — хватить и за *желтыя* кудри; послѣ пошла и выше, сдѣлалась и племянницей князя Владиміра, — хоть Никулична

Отъ своего роду отказалася...

а не пошла за торгоша-*ходебщика* (?) суздальца.

Соображенія у г. Безсонова, какъ изъ всего видно, не занимать стать, но пониманія того, что онъ написалъ, еще больше: вы напишете *Китай*, станете читать—и выйдетъ Китай; а если г. Поприщинъ съ г. Безсоновымъ станутъ читать—у нихъ выйдетъ не *Китай*, а *Испанія!*... Эта мысль моя, и я ее никому не уступлю; не такъ скромнень, какъ Петръ Алексѣевичъ! А что-бы кто-нибудь не воспользовался этой мыслию, я приведу слѣдующія строки:

При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
При старцѣ Макарѣ Захаревичѣ,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ — родильницы,
Черницы по дорогамъ — разбойницы,
Сынъ съ отцомъ на судъ идетъ,
Братъ на брата съ боемъ идетъ,
Братъ сестру за себя емлетъ...

Ну, что вы прочитали? Вы думаете, что здѣсь говорится про ужасное положеніе общества, погрязшее въ беззаконіе, которое живетъ накануне потопа, или по крайней мѣрѣ французской

революціи, которому грозитъ неминуемая гибель, что эти слова сказаны съ ужасомъ? Я знаю, что вы такъ и скажете, потому что вы читаете Китай — Китаемъ, а не Испаніей! Господинъ же Безсоновъ написалъ эти стихи и прочиталъ, что это *запльъ* — *шуточная передѣлка Стиха Иерусалимскаго!*... (VIII ст. 3 вып.). Ну, не Испанія-ли это?!..

Перечтите ради-бога еще разъ выписанные выше стихи, которые представляютъ такую полную, пѣльную картину распущеннаго общества. А между тѣмъ, привилегированный издатель русскихъ пѣсенъ, Безсоновъ, нагло увѣряетъ, что это неудачная передѣлка какого-то стиха!..

Прочитавъ въ пѣсняхъ П. В. Кирѣевского замѣтки П. А. Безсонова, я столько узналъ новаго, что не могу не выразить ему своей благодарности, и вмѣстѣ съ благодарностью обратиться къ нему и съ просьбой. Сдѣлайте одолженіе, г. Безсоновъ, пишите ваши замѣтки и оставьте изданіе пѣсенъ П. В. Кирѣевского: вамъ онѣ или не по сердцу, или вамъ некогда. Какъ то, такъ и другое вѣроятно. Скажите пожалуйста, чѣмъ можно объяснить, что вы, взявъ въ февралѣ 1860 года въ свои руки пѣсни Кирѣевского, къ 4-му февраля 1861 г. издали тощенькія книжонки, — даже и съ вашими примѣчаніями, очень тощенькими, — да тѣмъ съ ними и покончили, а теперь къ намъ почти в руки не прикладываете, а въ тоже время вы, получивши позже матеріалы, издали два большихъ тома прекраснаго сборника Рыбникова. большую кипу какой-то смѣси и очень хорошаго, и до крайности несообразнаго, подъ названіемъ «Калѣкъ», да все съ замѣтками, да съ большими. Ежели вы это хоть немного объясните... Да что объ этомъ толковать! вы этого не объясните, а общество (О) и не посмотритъ на мою вамъ хвалу, хоть вы и еще больше обвиняйте въ *невѣжествѣ* Петра Васильевича Кирѣевского!.. Только вамъ еще разъ просьба: оставьте пѣсни Кирѣевского, или займитесь изданіемъ ихъ серьезно: съ чужимъ добромъ такъ мы поступаютъ.

По настоящее же время изданіе пѣсенъ Кирѣевского идетъ непутно и страшно подозрительно...

Теперь посмотримъ, какииъ шутникомъ является г. Безсоновъ съ своими «Калѣками»...

Вотъ въ несчастныхъ калѣкахъ (т. е. книжкѣ) много мыс-

лей Петра Алексѣевича. Но прежде чѣмъ мы станемъ говорить объ этихъ мысляхъ, воздадимъ благодарность привилегированному издателю русскихъ пѣсень. Онъ *«слѣдилъ за ними (т. е. за калѣками) въ окружающей жизни (?), ходилъ за ними по деревнямъ, съ жадностію отыскивалъ и отмѣчалъ объ нихъ всѣ свидѣтельства древности... Любопытство его поглощено было самыми явленіемъ, самыми лицами калѣкъ переходящихъ, ихъ положеніемъ, бытомъ, обычаями, приемами. Стихи онъ выслушивалъ, изучалъ всѣ ихъ напѣвы, но записывалъ мало... И вотъ въ началѣ 1861 года, у него собралось уже до пятисотъ стиховъ; въ августѣ того же 1861 года возрасло за тысячу!!!. Когда я прочиталъ въ первомъ выпускѣ «Калѣкъ-перехожихъ», что г. Безсоновъ имѣетъ въ своихъ рукахъ до 500 стиховъ¹⁾, меня оторопь взяла: Кирѣевскому, Отто, Максимову, Филипову, Островскому, да и всякому, кто только безкорыстно и не для прославленія своего имени собиралъ стихи, болѣе ста стиховъ не случилось имѣть въ своихъ рукахъ; какъ не удивиться, что одному только г. Безсонову удалось собрать до 500!... Я знаю, что при бѣльшемъ трудѣ собирателей, бѣльшемъ числѣ ихъ, при болѣе обширномъ районѣ ихъ дѣйствій, число самыхъ дорогихъ пѣсень возрастетъ до такого размѣра, объ которомъ мы и не думаемъ, что доказывается сборникомъ Рыбникова; поэтому я совершенно повѣрилъ г. Безсонову, и хотъ нѣ со всѣмъ согласился, но скрѣпя сердце, промолчалъ, услыхавши, что г. Безсоновъ, съ согласія Общества любителей русской словесности и родственниковъ Кирѣевского, дробить, уничтожаетъ сборникъ, порученный ему для изданія. Теперь, зная искусство и добросовѣстность г. Безсонова, я увѣренъ, что сборникъ его можетъ заключать до 10. 100, 200 и болѣе тысячъ!.. Такъ онъ безцеремоненъ въ вербовкѣ стиховъ для своихъ изданій!..*

Послѣ изданія г. Безсоновымъ пяти выпусковъ «Калѣкъ-перехожихъ», мы заговоримъ другое.

Родственники ли, друзья ли Петра Васильевича Кирѣевского, никто не имѣлъ права его трудами позволить дѣлать имя кому-нибудь:

¹⁾ У Безсонова такъ сказано: «1. Самые стихи (числомъ до пятисотъ)... но благоразумно умолчено: о различныхъ, или нѣсколько стиховъ съ вариантами?»

это грѣхъ не только передъ памятью Петра Васильевича, но это уголовное преступленіе передъ обществомъ. Какъ могло Общество любителей русской словесности или кто другой позволить приписать труды покойника живому человѣку, на томъ основаніи, что покойникъ умеръ и ему не надобны блага мірскія, а живому человѣку, хоть бы этотъ человѣкъ былъ и П. А. Безсоновъ, отдать труды покойника для прославленія своего имени? Позволилъ ли на первыхъ же строкахъ трудовъ покойника *обругать* всю дѣятельность его! Какъ могло общество и всѣ знакомые позволить г. Безсонову безнаказанно написать слѣдующія строки про труды Кирѣвскаго:

„Сводить одинъ стихъ изъ нѣсколькихъ отдѣльных, притомъ не приводя сихъ послѣднихъ и съ притязаніемъ, что такой долженъ быть подлинный видъ извѣстнаго стиха, каковъ онъ по происхожденію, или каковъ онъ долженъ быть въ народѣ, я считаю дѣломъ совершенно противнымъ здравому смыслу и требованіямъ науки....“ (Вып. 1. стр. IV).

Люди, знающіе труды и способности Кирѣвскаго! можно ли такъ говорить о дѣятельности Петра Васильевича? Я совершенно увѣренъ, что у Кирѣвскаго не было здраваго смысла для приобрѣтенія какихъ-нибудь житейскихъ выгодъ; у г. Безсонова ихъ гораздо-гораздо больше; но скажите пожалуйста, неужели не возмущаютъ васъ эти безсовѣстно-безобразныя строки? А какъ вамъ нравится то, что во всемъ сборникѣ г. Безсонова «Калѣи-пехожіе» не видно (ибо онъ это скрылъ), что Кирѣвскій, составивъ стихи, прилагалъ къ нему варианты, показывая, гдѣ записанъ каждый вариантъ, и какой стихъ какого варианта вошелъ въ сводный стихъ.

При разборѣ бумагъ Петра Васильевича мною была найдена черновая работа его надъ стихомъ *Егорій храбрый*; эта-то черновая, карандашомъ написанная работа помѣщена г. Безсоновымъ во второмъ выпускѣ на 440 стр., какъ-бы въ доказательство словъ, имъ выше сказанныхъ: хорошо ли это? Эта черновая работа, помѣщенная г. Безсоновымъ въ его «Калѣкахъ», къ несчастію мною найденная, именно какъ-бы затѣмъ помѣщена, чтобы доказать, что Кирѣвскій издавалъ пѣсни глупо, такъ какъ не только многимъ, но и самому г. Безсонову извѣстно, что П. В.

составляя пѣсню изъ разныхъ варіантовъ, всѣмъ и всякому допущалъ возможность выставлять каждый варіантъ, что можно видѣть въ «Русской Бесѣдѣ.»

Отдѣлавъ такимъ образомъ труды Кирѣевского, которымъ П. В. посвящалъ всю свою честную и добросовѣстную жизнь, г. Безоновъ говоритъ:

«Совсѣмъ напротивъ, — я привожу свачала всѣ образы извѣстнаго стиха со всѣми разнорѣчіями, указываю, въ какихъ новѣйшихъ изданіяхъ существуютъ другія образцы его и тогда уже, когда можно меня повѣрить источниками, свожу всѣ разнорѣчія изъ всѣхъ образцовъ въ одинъ стихъ, но такъ, что не выдаю его ни за первообразъ, ни за подлинный теперешній видъ, а представляю изучающимъ одинъ матеріалъ, сведенный изъ памятниковъ, такъ-называемый въ наукѣ Запада филологическій аппаратъ.»

Съ гордымъ смиреніемъ, не хвастая, Безоновъ говоритъ:

«Въ каждомъ такомъ сводномъ стихѣ (сартен) начинаю тѣмъ, что по смыслу и содержанію первичнѣе, затѣмъ все вторичное послѣдующее, а въ концѣ то, что по содержанію или складу стиха ближе къ заключенію (?!)...»

Какоко разсудителенъ Петръ Алексѣевичъ Безоновъ!..

Позвольте теперь отнести къ вамъ, много и много уважаемые (въ самомъ строгомъ смыслѣ) М. П. Погодинъ ¹⁾ и И. С. Аксаковъ ²⁾, какъ вы могли допустить подобную брань на человѣка, котораго вы любили и дѣятельность котораго вамъ извѣстна? Вѣдь этотъ человѣкъ былъ Петръ Васильевичъ Кирѣев-

¹⁾ М. П. Погодинъ, кромѣ общественной дѣятельности, всѣмъ извѣстной, былъ первый, который указалъ мнѣ, какъ должно изучать народную поэзію, давалъ мнѣ множество рекомендательныхъ писемъ, чрезвычайно облегчалъ мнѣ мои подѣ-часъ тяжелыя странствованія; онъ все мнѣ показывалъ, отрываясь отъ своихъ занятій, какъ узнавать древнія рукописи, монеты и т. п. П. П. Погодинъ и И. С. Аксаковъ, по настоящее время занимали мѣста президента и вице-президента. О. А. Р. С.

²⁾ И. С. Аксакову я обязанъ всѣмъ его вниманіемъ ко мнѣ и поддержкою своею свѣтлою личностію въ Харьковѣ, а также и тѣмъ, что онъ доставилъ мнѣ возможность *безъ всякаго со своей стороны рецепта*, опять путешествовать въ странствованія по Россіи. Иванъ Сергѣевичъ могъ предложить изучить сходку, торговлю, но не умѣетъ приказать: подбери факты къ моей статьѣ, къ моему взгляду.

скій, про котораго ни одинъ человѣкъ ни изъ одной партіи не сказалъ ни одного дурнаго слова, а г. Безсоновъ работу Петра Васильевича находитъ противною здравому смыслу и наукѣ!... Разумѣется, если бы за эту работу взялся г. Безсоновъ, вышло бы плохо, даже очень плохо!.. хуже даже его сводныхъ стиховъ; Кирѣевскимъ же были составлены стихи такъ, что никто и не зналъ, что почти всѣ стихи составлены. Хотя г. Безсоновъ и говоритъ, что у Кирѣевского «каждый почти стихъ сводный по особому способу, принятому покойнымъ собирателемъ», но у Петра Васильевича стихи не *сводные*, а составленные, и къ каждому стиху были бы приложены всѣ варианты, указано бы было, изъ котораго какой стихъ взять, если бы г. Безсоновъ не воспользовался огромнымъ количествомъ вариантовъ, находившихся въ сборникѣ, порученномъ его изданію; даже неприличнаго этого названія стихамъ Петръ Васильевичъ дать не могъ. Вотъ у Петра Алексѣевича стихи сводные, точно сводные; онъ нанечаталъ всѣ стихи, ему доставленные его знакомыми, гораздо большее количество взятыхъ изъ сборниковъ Кирѣевского, а небольшое число самимъ имъ записанныхъ послѣ и... сдѣлалъ сводный стихъ, по образцу, называемому въ западной наукѣ *филологическимъ аппаратомъ*; да и не даромъ же Петръ Алексѣевичъ не любитъ западной науки!... У него вышелъ такой сунбуръ, что въ этомъ аппаратѣ ничего не поймешь. Скажите, г. Безсоновъ, для чего это нанечатано:

- 2 Жилъ (живалъ) себѣ (на землѣ, на вольномъ
свѣту) славенъ и богатъ человѣкъ
- 15 (Какъ жилъ-былъ богатый славный богатырь):
Онъ раскѣчныя ѣства и богачы (сладкую пищу) воскушалъ
(Пивалъ-ѣдалъ сладко);
Пилъ-ѣлъ богатый—сахаръ воскушалъ;
Въ которой роскоши онъ пивалъ и ѣдалъ;
- 20 Который на свѣтѣ въ роскоши живалъ,
Пивау и ядау сластно хорошо,
Дорогіе надѣвы (одежды) и богачы (богаты) надѣвалъ
(Дорогія одежды онъ радъ былъ носить; радъ носилъ;
возносилъ).

(Въпускъ 1, стр. 68.)

Я выписалъ съ буквальною точностію этотъ отрывокъ филологическаго аппарата, составленнаго по образцамъ западной науки, и нахожусь въ необходимости согласиться съ г. Безсоновымъ, что западъ глупъ!... Пожалуй, и можно этотъ свод-

ный стихъ разложить на частные, несводные, но это можетъ сдѣлать одинъ только г. Безсоновъ; впоследствии, когда онъ сочинитъ науку, какъ разбирать эти сводные стихи, можетъ-быть и будетъ такая игра, въ родѣ шарадъ, ребусовъ, можетъ-быть и будутъ заниматься разложениемъ этихъ стиховъ,—въ настоящее же время никто не разложитъ, и разлагать не будетъ, несмотря на то, что хитрый Петръ Алексѣевичъ отгадки помѣстилъ въ началѣ своихъ загадокъ, которыя онъ назвалъ сводными стихами.

И хотъ Безсоновъ и говоритъ, что Кирѣевскій дѣлалъ безсмысленно, не указывая, изъ какого варианта взялъ стихъ или слово (въ чемъ можетъ быть помѣшала ему смерть). а самъ г. Безсоновъ погрѣшилъ тѣмъ же, не указывая на варианты, изъ которыхъ имъ взяты слова и цѣлыя строки своихъ сводныхъ стиховъ, имѣя на то время.

Но мы можемъ надѣяться, что новая наука, наука, составленная г. Безсоновымъ, скоро явится на свѣтъ; начало уже положено въ 4-мъ выпускѣ *Калѣкъ*, въ статьѣ подъ названіемъ «къ читателямъ.» Но я серьезно опасуюсь, что эта наука Петра Алексѣевича окажетъ совершенно медвѣжью услугу и православію, и вѣрѣ въ возможность славянскихъ началъ: такъ хитро онъ пододитъ и къ православію, и къ славянской народности, хотя съ перваго разу кажется, что онъ за нихъ только и стоитъ.

Какъ ни трудно, но все-таки постараюсь познакомить простыхъ смертныхъ съ этою замѣчательною статьею, хотъ отчасти; со всею—нѣтъ возможности, даже и для меня: а я долго изучалъ крабрые подвиги П. А. Безсонова.

Господинъ Безсоновъ рассказываетъ намъ, что русскій народъ не профанируетъ духовными пѣснями потому, что онъ православный. Православіе не нуждается ни въ какой защитѣ.—а г. Безсоновъ своей защитою хотѣлъ скорѣе поддержать православіе. Скажите пожалуйста: *при странномъ вниманіи, при жадности къ изученію*, какъ могъ сказать П. А. Безсоновъ, что у насъ не профанируютъ духовными пѣснями или такъ называемыми стихами, когда у него въ настоящее время находится подъ руками сборникъ Кирѣевского. Вѣдь многіе думаютъ, что онъ читалъ рукописи, которыя ему доставлены (О) (Обществомъ любителей) и потому могутъ страннымъ показаться эти мысли П. А. Без-

сонова. Не будемъ говорить объ «*Барыня барыня*», слова которой совершенно не подходят къ религіозному напѣву; укажемъ П. А. Безсонову, что есть пѣсни:

У отца архимандрита было строгаго
Братія была веселая,
Погреба были глубокиѣ,
Да заворы были крѣпкіе!

.

еще я скажу: ежели П. А. Безсоновъ когда-нибудь слышалъ пѣвцовъ не приведенныхъ къ нему, но гдѣ-нибудь, на приходскомъ праздникѣ въ селѣ или на ярмаркѣ, — какъ онъ могъ не замѣтить, что слѣпцы не только пародируютъ, но даже кощунствуютъ: это можетъ засвидѣтельствовать и самъ П. А. Безсоновъ, когда онъ прочитаетъ весь сборникъ Петра Васильевича Кирѣвскаго.

Я говорю: когда онъ прочитаетъ *весь* сборникъ Петра Васильевича Кирѣвскаго, — а Безсоновъ по сю-пору всего его не прочиталъ. У него вѣдь всѣ пѣсни Кирѣвскаго; какъ же онъ могъ пропустить:

Построю я келью съ дверью
Стану я Богу молиться...
Чтобъ меня дѣвки любилы,
Крашенныя яйца носили...

или другую:

«Волною морскою»
У насъ подъ Москвою...

Да приведемъ цѣлую пѣсню.

Жилъ былъ старецъ одинъ наединѣ
Построилъ старецъ келью себѣ,
Келью себѣ соломенную,
Пошелъ старецъ съ корцемъ за водой,
На встрѣчу старцу дѣвокъ хароводъ
Пошелъ старецъ скакати плясать
Оглянулся назадъ—келья горить!
Много добра погорѣло въ той хороминѣ:
Ольховы лапти, дубовы сапоги,
Коробка съ табакомъ березовая.

Этотъ стихъ я слышалъ у церкви села Липовицы малоархангельскаго уѣзда.

«Несомнѣнныя свидѣтельства—далѣе говоритъ Петръ Алексѣ-

евичъ — убѣждаютъ насъ, что индо-европейскіе народы... имѣли еще въ язычествѣ свои религіозныя пѣснопѣнія...»

Это сказано очень хорошо: великая ученость творца будущей науки такимъ образомъ совершенно утверждена, а потому онъ дальше смѣло говоритъ:

«... Счастливы были тѣ, которые, какъ напримѣръ славяне и праотцы германскаго племени, жили долгое время вблизи и общеніи съ античною Греціей... на тѣхъ же мѣстахъ жительства отъ Чернаго моря и Дуная до нижней Фракіи и Македоніи застигло эти племена христіанство... Вліяніе христіанства въ формѣ греческой неволью достигло ихъ и сопровождало даже на новыя мѣста жительства...»

Это вліяніе «болѣе на себѣ должны были повести славяне, долѣе другихъ оставшіеся и до конца Византіи оставшіеся сосѣдями грековъ»...

У васъ можетъ-быть возродится какой-нибудь нескромный вопросъ, могущій нарушить текучесть рѣчи Петра Алексѣевича, а потому онъ остроумно прибавляетъ въ скобкахъ: «мы не считаемъ здѣсь кельтовъ-волоховъ, какъ пришельцевъ и сосѣдей временныхъ, ни дикаго ихъ отродія—арнаутовъ или албанцевъ»!!!..

Ежели какой-нибудь непонятливый человѣкъ спроситъ: «Да почему же на албанцевъ не имѣло вліянія греческое христіанство?» На это въ скобкахъ сказано: дикое отродье эти албанцы! несуразный народъ!! вотъ вамъ и весь отвѣтъ!...

Далѣе Петръ Алексѣевичъ остроумно замѣчаетъ, что христіанство имѣло вліяніе на народное творчество. Это тоже его собственная мысль, за сообщеніе которой я считаю дѣломъ благодарить г. Безсонова за то, что онъ сообщаетъ точную новую вещь «что христіанство имѣло вліяніе на народное творчество?.. Какое-же именно вліяніе имѣло христіанство на народное творчество—объ этомъ Безсоновъ не говоритъ, да вѣроятно объ этомъ онъ и не думалъ никогда. Творецъ живой науки продолжаетъ:

«Былины (т. е. мірскія пѣсни) и стихи во всей чистотѣ народнаго склада поются нынѣ единственно у славянъ, лучшіе же у православныхъ.» Православіе, позволите видѣть, не мѣшало народному творчеству, а католичество мѣшало; это впрочемъ и понятно, такъ какъ славяне являются «*свѣстимилицемъ, ютовымъ и выработаннымъ сосудомъ*»... «На западѣ Европы укрывались съ сво-

нимъ народнымъ сокровищемъ долше другихъ странъ лишь въ дѣлкахъ скалахъ, пристанищѣ скальдовъ, или за горами в своеобразіи Испаніи» (стр. VII). Въ самомъ же дѣлѣ эпическая поэзія можетъ существовать у однихъ православныхъ славянъ; если и существуютъ былины и стихи у русскихъ раскольниковъ, напр. хоть пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря, завербованная привилегированнымъ издателемъ пѣсней изъ историческихъ пѣсней въ свои «Калѣки»; то эти стихи и пѣсни у русскихъ раскольниковъ существуютъ именно потому, что Европа граничитъ къ сѣверу—Сѣвернымъ океаномъ, а къ западу—Атлантическимъ. Это совершенно вѣрно, ибо Петръ Алексѣевичъ говоритъ, что у славяковъ сохранилось «болѣе остатковъ былеваго народнаго творчества вообще, болѣе отрывковъ народныхъ стиховъ въ частности. вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими народными пѣвцами, слѣвцами: причиною быть-можетъ срединное положеніе между западомъ и востокомъ, сѣверомъ и югомъ славянства»... (стр. XII и XIII), хоть эти славяне и перемѣшаны съ мадырами.

Я слышалъ, что нѣкій мужъ пришелъ на самый востокъ, и такъ пришелъ на востокъ, что куда не глянешь—все востокъ: впереди — востокъ, назадъ — востокъ, направо — востокъ, налево—востокъ, — все востокъ!... Мнѣ не удалось узнать отъ него, поютъ ли на самомъ востокѣ былины и стихи?... Впрочемъ г. Безсоновъ скажетъ намъ въ слѣдующихъ выпускахъ «Калѣкъ» и объ этомъ: при его остроумныхъ догадкахъ грѣхъ ему будетъ, если онъ не сообщитъ намъ своихъ объ этомъ мыслей. Теперь только можно догадываться, что если тамъ живутъ славяне — то поютъ былины, а нѣмцы—не поютъ; у нѣмцевъ «по древнимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, на языкъ уже непонятномъ для новыхъ временъ, ученымъ удалось сыскать ихъ на три смышкомъ въка до трехъ сотенъ; десятокъ—другой уцѣлѣлъ тамъ-и-сямъ въ забросъ понынѣ.» (стр. X). А у насъ, православныхъ, до г. Безсонова мы думали, что стиховъ около сотни; но г. Безсонову при его жадности, живѣйшемъ вниманіи, положенномъ любопытствѣ, выслѣживаніи въ окружающей жизни, хожденіи по деревнямъ (вып. 1. стр. I) удалось отыскать болѣе тысячи стиховъ, совершенно понятныхъ народу: какъ напр. слѣдующій:

Salve, Jesu dulcissime,
Salve, fili pulcherrime,

Lii, liii, liii,
O dilecte filii.. и т. д.

(№ 305, вып. 4, стр. 96).

Кромѣ этого стиха (№ 305, вып. 4, стр. 96), языкъ котораго такъ понятенъ всему русскому народу, въ «Калѣкахъ» есть множество всякихъ стиховъ, пѣсенъ на разныхъ языкахъ; но такъ какъ эти вирши нельзя назвать стихами, даже и при какомъ угодно нахальствѣ, то г. Безсоновъ назвалъ ихъ *младшими* стихами; а настоящіе народные стихи, пѣсни, окрестилъ именемъ *старшихъ* стиховъ. Въ число старшихъ стиховъ вошли пѣсни и русскія, и малороссійскія, и сербскія; а въ число младшихъ всякая дребедень,—что, попадалось подъ руку. П. А. Безсоновъ, слава богу, не брезгиваетъ!.. Въ число стиховъ старшихъ вошли пѣсни: сорокъ каликъ съ каликою, Софьюшка и Василій, осада Соловецкаго монастыря и много другихъ; даже сербская пѣсня, переведенная уже Пушкинымъ, снова переведена самимъ г. Безсоновымъ и помѣщена старшимъ стихомъ. Если остаться только при этихъ стихахъ, вѣмцы-католики, неправославные будутъ имѣть больше насъ стиховъ (у нихъ до трехсотъ, а у насъ около сотни); но вѣмцы ошибаются: они не знаютъ, что имѣютъ дѣло съ г. Безсоновымъ: Петръ Алексѣевичъ выдвинулъ на нихъ *младшіе* стихи. Въ этомъ дѣлѣ издатель оказалъ способностей гораздо болѣе сына г. Добчинскаго: молодой Добчинскій, какъ увидитъ ножичекъ, сейчасъ телѣжку сдѣлаетъ, а г. Безсоновъ, какъ увидитъ что-нибудь написанное — сейчасъ въ стихъ хватаетъ да еще (такой забавникъ!) подъ эту штукою примѣчаніе сдѣлаетъ, въ родѣ слѣдующаго:

«Хотя въ началѣ приведены нами стихи съ припѣвомъ въ концѣ, въ родѣ рацей (ср. и колядки), но все это книжное сочиненіе; чисто народныхъ стиховъ воскресенію нѣтъ (исключая ниже какой-то малорусскій отрывокъ): причиною конечно то, что у славянъ, въ ихъ древнѣйшемъ и общемъ мѣстопребываніи на югѣ, весна начиналась рождествомъ». (Вып. 5 стр. 15).

Вотъ, прочитаете такое примѣчаніе и задумаетесь: г. Безсоновъ хотѣлъ помѣщать въ «Калѣкахъ» народные стихи,—зачѣмъ же попали книжные, про которые и не знаетъ? какъ такъ весна у славянъ начиналась съ рождества, т. е. съ 25 декабря? вотъ какъ вы

задумаетесь надъ этимъ, а Петръ Алексѣвичъ и будетъ въ кулакъ надъ вами посмѣиваться!.. Взглянете вы на это и сами улыбнетесь, да и скажете: «шутникъ П. А. Безсоновъ! вѣдь вы общали намъ стихи, а даете богъ-знаетъ что такое!..» Но этого вамъ не совѣтую говорить: вамъ покажутъ 21 стр. 4 вып., и вамъ стыдно будетъ, а на этой замѣчательной страницѣ объяснено: «ча-сто иногда самая тонкая, едва замѣтная черта различаетъ эти отдѣлы (т. е. народные стихи и пѣсни, сложенные грамотѣями) и повышается лишь *чутьемъ, образованнымъ опытомъ*: въ изданіи же соблюсти эти отличія и раздѣлить стихи на особые отдѣлы при настоящемъ случаѣ невозможно!»

По этому онъ все беретъ, какъ трудолюбивый жукъ со всякой дряни собираетъ все, что ему надобно, спмшетъ банту, а къ ней и примѣчаніе: «Сочинено богословомъ Фраматиемъ Дивковичемъ въ Елашакъ . . . съ дозволенія инквизиціи, печатано въ Венеціи 1691 г.» (стр. 82, 83, 84 . . . выписано 34 страницы!..) или напечатаетъ, что этотъ стихъ сочиненъ Антономъ Головатымъ, которымъ запорожскіе казаки поздравляли Потемкина (вып. 5, стр. 18). Сюда вошелъ и мѣсяцесловъ въ стихахъ, вѣроятно войдетъ такая же и арифметика, оды Державина, Шатрова; г. Безсоновъ все печатаетъ сряду, и ежели ему иногда случается не кончить по какой-то непонятной для насъ совѣстливости и вмѣсто конца написать и прочее, то за то часто приходится въ двухъ экземплярахъ печатать одинъ и тотъ же стихъ... т. е. не стихъ, а младшій стихъ. Вотъ на примѣръ:

Свѣтлыя въ небѣ палаты,
Трапезы тамо богаты:
Идите вси души праведны до той
палаты

5 Тамо вѣдати и близко Бога сѣдати,
И всѣмъ всемірная сладость,
Поютъ музыцы, разные языцы,
Пѣсь Богу сильну, зѣло предивну
Въ часъ веселую годину.

10 А грѣшницы не тужите,
Но скоро тамо идите,
Оставьте грѣхи до той утѣхи,
Въ радость премногу, къ милому
Любовь велию стяжите Богу.

Свѣтлыя во небѣ палаты
Трапезы тамо богаты:
Идите души праведни вси,

5 До той палаты, тамъ обѣдати
И близко Бога стояти
Тамо бо вѣлія радость
И всѣмъ всемірная сладость
Поютъ музыцы, разные языцы
Пѣсь Богу сильну, презѣльну,
дѣвну.

10 Въ часъ веселья годинны
А грѣшницы не тужите,
Но скоро тамо идите,
Оставьте грѣхи до той утѣхи,
Въ радость премногу къ великому
Богу.

(Вып. 5, № № 521 и 522. стр. 259, 257).

Подобныхъ вещей г. Безсоновъ собралъ многое множество, и объявилъ въ газетѣ «День», что «я-де П. А. Безсоновъ собралъ до 1000 стиховъ, да денегъ нѣтъ, издать не могу, такъ сокровище и пропадаетъ! Не соблаговолить ли кто денегъ на изданіе этихъ сокровищъ?!..» С. П. Вѣдомости повторили это объявленіе и «подписка шла такъ быстро и успѣшно, что совершенно доказала сочувствіе русскаго общества» къ изданію русскихъ народныхъ пѣсенъ, на что впрочемъ скажетъ теперь публика: общали русскіе народныя стихи, а подчуютъ младшими стихами. Всѣ думали, что г. Безсоновъ въ первой же книжкѣ, выпущенной по подпискѣ, запоетъ:

А мы, нищія братья,
Мы убогіе люди,
Должны Бога молить,
У Христа милости просити
• За поящихъ, за кормящихъ,
Кто насъ поитъ и кормитъ,
Обуваеъ — одѣваеъ!...

А Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, вмѣсто этой жалобной пѣсни «Каликъ-перехожихъ», какъ хватить въ первой же книжкѣ, въ первый же стихъ.

Патріархи триумствуйте,
Со пророки ликуйте,
Со святыми торжествуйте!
Приведутся дѣвы... (IV вып. стр. 1).

А чего тутъ ликовать?!.. Ликовать, не ликовать одному Петру Алексѣевичу Безсонову, а подписчики-то на «Калѣкъ-перехожихъ», чай заплакали, когда денежки ихъ загули!...

Когда была окончена эта статья, я увидалъ пятый выпускъ сборника пѣсенъ П. В. Кирѣвскаго. Въ этомъ выпускѣ пѣсни расположены *по мысли* г. Безсонова. Трудно только понять, по какимъображеніямъ расположены пѣсни этого выпуска. Напримѣръ почему пѣсня «про князя Волхонскаго и Ваньку-Клюшничка» помѣщена прежде пѣсни:

«Какъ гулялъ молодецъ ровно тридцать лѣтъ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву...»

Да и много подобнаго... Только я считаю своимъ долгомъ извиниться передъ г. Безсоновымъ: я невольно ввелъ его въ ошибку. Г. Безсоновъ, помѣщая мои варианты пѣсни «про князя Волхонскаго и Ваньку-Клюшничка», называетъ князя Волхонскаго «княземъ-бояриномъ». Я, печатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» эту пѣсню, *по независимости отъ редакціи обстоятельствамъ* долженъ былъ называть Волхонскаго «княземъ-бояриномъ», а потому и въ сборникѣ Кирѣевскаго въ моихъ вариантахъ Волхонскій называется тоже «княземъ-бояриномъ».

Шавель Якушкинъ.

ПИСЬМА О МОСКОВСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

II.

Назидательная страница изъ исторіи Австрійскаго театра.—Коренное различіе его съ нашимъ театромъ.—Цивилизаціонное значеніе русскаго театра и доводы его противниковъ.—Наше драматическое искусство состоятельнѣе и ближе къ народу, чѣмъ искусства образовательныя. — Стоитъ ли говорить о немъ серьезно?—

Quant à moy, m'est advis qu'il n'importe guères où l'on fêrit l'ennemy, pourvu qu'on l'atteigne au défaut de la cuirasse. Tant il est vray et indubitable qu'en sapant l'edifice, il est urgent de donner à chaque-un, la tâche qui est proportionné à ses forces.

(Adam Des-Vesprées: «La Vie de Chrysippus», gentilhomme athénien.)

Московская сцена, какъ извѣстно, считается первою и главною въ Россіи. На московской сцѣнѣ сосредоточиваются интересы русскаго театра; къ ней естественно привязанъ всякій, кто дорожить русскимъ драматическимъ искусствомъ—какъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ продуктовъ нашей скудной цивилизаціи.

Для того, чтобы драматическое искусство могло успешно развиваться, необходима правильная и нормальная организація театра. Какая бы не была форма этой организаціи, цѣль ея должна быть одна: составить изъ труппы *одно органическое цѣлое*, проникнутое одною общою идеею. Въ исторіи новыхъ временъ, примѣры такой организаціи театра чрезвычайно рѣдки. До этого идеальнаго состоянія театръ могъ дойти только въ странѣ, которая въ исторіи новой цивилизаціи имѣетъ тоже значеніе, какъ Греція для цивилизаціи классической. Мы говоримъ о Германіи. Только для нѣмецкаго драматическаго искусства существуетъ

*

исторія. Эта исторія, какъ всякая исторія, имѣетъ и темныя страницы. Тамъ, гдѣ театръ составляетъ извѣстную отрасль народной культуры, т. е. тамъ, гдѣ онъ удовлетворяетъ *существеннымъ* потребностямъ, тамъ гдѣ во главѣ его управления стоятъ люди даровитые, не только горячо, но и съ толкомъ любящіе свое дѣло—тамъ театръ имѣетъ цѣлизирующее значеніе и также необходимъ для общества, какъ университетъ, или музей. Конечно бываетъ и такъ, что театръ является только прихотью, коренящеюся въ искусственныхъ ненормальныхъ потребностяхъ, какъ онъ поддерживается только ложными, рутинными условіями и рухнетъ, какъ скоро эти условія уничтожатся. Бываетъ же и такъ (хотя конечно, очень рѣдко), что во главѣ театральной администраціи являются люди, большею частію вельможи, очень мало смыслящіе въ дѣлѣ (напримѣръ въ Австріи, ¹⁾), непосредственные ихъ подчиненные, деректоры смыслятъ въ немъ еще меньше, а инспекторы репертуара (въ Австріи) и въ особенности ихъ помощники (тамъ же) рѣшительно ничего не смыслятъ. Такъ оно и идетъ отъ новаго почетнаго начальства до непосредственно-дѣйствующаго, включительно. Приведемъ нѣсколько фактовъ: ²⁾ Когда (за нѣсколько лѣтъ до роковаго 1793 г.) Графъ Розенбергъ былъ назначенъ начальникомъ администраціи Императорско-королевскихъ театровъ, сценою и репертуаромъ въ Вѣнѣ сталъ завѣдывать нѣкто князь Кюсфштейнъ (V. Kuesfstein), сочинившій когда-то нѣсколько крайне-плохихъ пьесъ для театра, и на этомъ основаніи считавшій себя и литераторомъ, и знатокомъ театра. Князь этотъ, какъ видно, сколько изъ свидѣтельствъ современниковъ, ³⁾ столько и изъ его дѣлъ, дошедшихъ до потомства ⁴⁾, былъ очень глупъ; но такъ какъ глупцы бываютъ разныхъ сортовъ, то Кюсфштейнъ принадлежалъ къ разряду самому вредному — а именно къ глупцамъ упрямымъ, одареннымъ удивительною безтактностью и всѣми замашками безобразнѣйшаго самодурства. Въ то время знаменитый Шрёдеръ отстаивалъ право актеровъ принимать участіе въ дирекціи сценою. Основою этого self-governementa былъ совѣтъ актеровъ, который изъ-

¹⁾ E. Devrient: Geschichte d. deutschen Schauspielkunst. III. 117—150. Leipzig. 1848. Verlag von Weber.

²⁾ Ibid, pp. 128, 129 sqq. (IV. Weitere Entfaltung der verschiedenen Kunstgattungen in Wien. 1781—1800).

³⁾ Müller: Abschied, Biographie etc. A. Johanensis Pamphletische Schriften. 1803. и проч.

⁴⁾ Gesch. d. d. Schauspiel. loco citato.

бираль режиссеровъ, и рѣшалъ сообща вопросы, въ настоящее время подлежащія инспекторамъ репертуара, помощникамъ ихъ и прочимъ официаламъ. Князь, видя въ самоуправствѣ противный ему духъ либерализма, который тогда носился въ воздухѣ и долженъ былъ скоро разрѣшиться неожиданнымъ взрывомъ во Франціи и потрясти собою всю Европу — князь, говоримъ мы, хотя и былъ австриецъ, слѣдовательно челоуѣкъ европейскій, повелъ дѣло какъ татарскій баскакъ. Предшествовавшая ему дирекція (Брокмона стр. 127) была очень дурна. Взятчиничество, безнравственность, невѣжество и самоуправство были въ полной силѣ. Но князь *Кюсфштейнъ* доказалъ, что какъ бы ни было скверно извѣстное состояніе, оно можетъ быть и еще сквернѣе; вообще говоря, для всякой мерзости не существуетъ другихъ предѣловъ кромѣ тѣхъ, которыя противоположить ей энергическая оппозиція. Такимъ образомъ, мерзость, собственно говоря, есть только мѣрило общественнаго сопротивленія, или физическая сила, для которой мы получимъ слѣдующую формулу: гнетъ мерзости обратно пропорціоналенъ степени общественной сознательности, или пожалуй, развитія и прямо пропорціоналенъ наличному холопству. Эта формула объясняетъ намъ то странное явленіе, что князь, вступивъ въ управленіе сценою и оказавшись совершенно несостоятельнымъ во всевозможныхъ отношеніяхъ, сдѣлавшись ходячимъ предметомъ насмѣшки и презрѣнія, перессорился поочередно со всѣми артистами, подѣлалъ имъ множество непріятностей самымъ пошлымъ и безтактнымъ образомъ — и все таки остался при театрѣ. Противъ него было все, и оскорбленное самолюбіе, и поруганныя заслуги и нелѣпѣйшіе промахи, и общее неудовольствіе — не было только одного — энергической, честной оппозиціи. Противъ него не возстала вся труппа, соединенная общимъ сознаниемъ, общою дружною готовностію стоять за свои интересы. Едва ли и сознавались тутъ общіе интересы. Между артистами были интриги, ссоры, стычки и стачки изъ за самыхъ вздорныхъ причинъ. Рядомъ съ непоимѣннымъ до-наивности самолюбіемъ не было ни твердаго сознанія собственнаго достоинства, ни добраго корпоративнаго духа. Кюсфштейнъ очень хорошо это понималъ (на это ума не нужно, — одного животнаго инстинкта довольно) и преспокойно продолжалъ себѣ благодушествовать... Режиссеровъ онъ совершенно подчинилъ своей власти (стр. 129). Объ артистахъ былъ такого мнѣнія, что «съ ними иначе нельзя быть, и что если его и ругаютъ за глаза, то въ-глаза всегда будутъ оказывать не только почтительность, но и нѣкоторую нѣжность, » даже

преданность, даже... в проч. Оно такъ и было въ самомъ дѣлѣ. Слѣдовательно князь Кюсштейнъ былъ, по-своему, совершенно правъ, ибо вышеприведенную формулу зналъ твердо и неукоснительно, какъ честный австріякъ, слѣдовалъ ей въ своемъ австрійскомъ отечествѣ.

Богъ вѣсть сколько времени продолжался бы этотъ порядокъ вещей, еслибъ упадокъ сцены, выходъ въ отставку лучшихъ и честиѣйшихъ артистовъ и наконецъ разстройство денежныхъ обстоятельствъ не заставили правительство убѣдиться въ необходимости кореннымъ образомъ измѣнить всю систему театральнаго администратіи. И пора было! Жители Вѣны всегда отличались своею любовью къ національному театру; сборы, даже въ самое тяжелое для театра время были относительно хорошіе—но они шли на поддержку балета, итальянской и нѣмецкой оперы и проч. и проч.; а въ общемъ результатъ оказывалось, что театръ входитъ какъ весьма значительная статья расхода въ бюджетъ двора и въ бюджетъ города!

Въ августѣ 1794 г. казенный театръ былъ переданъ въ частныя руки въ арендное содержаніе банкиру Брауну, въ качествѣ вице-директора подчиненнаго, *pro forma*, г. Гесъ-театраль-директору, гр. Колларедъ (стр. 129).

Мы остановили вниманіе читателя на этой страницѣ исторіи театра въ Австріи, потому что приведенные нами историческіе факты заключаютъ въ себѣ много интереснаго и такого, что не мѣшаетъ принять свѣдѣнію. Каждому извѣстно, что условія, въ которыхъ находилось общество въ концѣ XVIII вѣка, не имѣютъ общаго съ тѣми, въ которыхъ мы живемъ теперь; слѣдовательно, представляя нашимъ читателямъ эти грустные факты (живо дошедшіе до насъ какъ въ упомянутомъ нами сочиненіи, такъ равно и въ мемуарахъ того времени и другихъ источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для книги Девриента), мы не хотѣли конечно указать на эти факты, какъ на страшный примѣръ, ибо знаемъ, что при теперешнемъ состояніи нашего театра намъ уже нечего опасаться такихъ примѣровъ; мы просто желали представить читателямъ, интересующимся театральною организациею, весьма краснорѣчивый примѣръ того состоянія, до котораго могъ дойти театръ (даже въ Германіи), когда въ основаніи театральнаго режіа легли сословныя преимущества и бюрократическія начала.

Историческій опытъ показываетъ намъ, что для развитія театра необходима правильная, хорошая администрація. Злоупотребленія внѣшней власти положительно могутъ остановить успѣшное развитіе та-

лантовъ и придать имъ ложное направленіе. Отъ этого мертвящаго вліянія театръ можетъ уберечься только возможно-большою автономіею своего внутренняго управленія... Впрочемъ не трудно замѣтить, какъ тѣсна связь между всѣми явленіями общественной жизни: театръ развивается параллельно съ литературою. Литература развивается вмѣстѣ съ расширеніемъ свободы слова и печати. Свобода печати немыслима безъ общественной автономіи, которая въ свою очередь должна вытекать изъ общаго сознанія гражданской силы націи. Это сознаніе распространяется при помощи просвѣщенія, а просвѣщеніе основано на экономическомъ благосостояніи народа, развитіе котораго зависитъ отъ различныхъ матеріальныхъ условій. Потому кажется, не трудно согласиться, что всякая реформа, чтобы быть дѣйствительно плодотворною, должна исходить изъ заявленія общественной инициативы и никакъ не ограничиваться одною сферою общественной жизни, а равномерно преобразовывать весь строй явленій этой жизни. Можно искусственнымъ путемъ развивать одну отрасль народной жизни, напимѣръ литературу, искусство и проч.—но это развитіе происходитъ только въ ущербъ всему организму и отзывается на немъ всегда болѣзненно. Культура Франціи временъ Людовика XIV была основана на попраніи политическихъ правъ народа,—на меркантильной системѣ въ народномъ хозяйствѣ, на религиозной нетерпимости, на чрезвычайныхъ налогахъ, на бюрократической и военной администраціи, на непомерной роскоши рядомъ съ безвыходною нищетою. Эта культура произвела псевдо-классическую школу и оплатилась революціей. Напротивъ, Англія временъ Елисаветы, матеріально богатая и гражданско-свободная, произвела величайшаго изъ драматическихъ поэтовъ всѣхъ временъ. (Гервинусъ.)

Органическая связь театра, какъ отрасли народной культуры, со всѣми другими отраслями этой культуры, словомъ цивилизационное значеніе театра не можетъ быть предметомъ спора. Но вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ для насъ и театръ, и русское драматическое искусство, рѣшается не всегда одинаково. Многіе не хотятъ видѣть въ русской сценѣ ничего, кромѣ совершенно чуждой намъ затѣи, основанной на искусственныхъ, ненормальныхъ потребностяхъ и были бы не прочь, въ видахъ успѣшнаго развитія народнаго театра, воротить насъ къ обряду пещнаго дѣйствія или покажѣть, къ увеселительнымъ представленіямъ и прибауткамъ райка, если не къ импровизаціямъ балаганныхъ паясовъ. Отрицая всякую самостоятельность въ русскомъ театрѣ, эта категорія обличителей, указываетъ очень вѣрно на дѣйствительные

недостатки его: на ложныя направленія, удалявшія театръ отъ реального значенія, на его казенное положеніе, на ограниченную численность той массы, для которой театръ существуетъ только, какъ предметъ праздної забавы. Но русское драматическое искусство—это категория обличителей совершенно игнорируетъ и повидимому, не придаетъ ему рѣшительно никакого значенія, Эти обличители исходятъ отъ научныхъ, исторически-литературныхъ положеній.

Другіе противники театра видятъ въ немъ только роскошь, недоступную массѣ народа и потому вредную. Казенныя субсидіи, по ихъ мнѣнію, доказываютъ, что театръ поддерживается извнѣ, а не основано на общественной потребности. Одна статья (въ газетѣ «Очерки»), въ которой выражался такой нигилистически-пуританскій взглядъ, даже была украшена мрачнымъ эпиграфомъ: «regeat.» Эти противники театра, изрекають ему смертный приговоръ на основаніи политико-экономическихъ убѣжденій. Наконецъ, существуютъ и такіе обличители, которые руководствуются болѣе назидательными соображеніями, усматривая въ театрѣ позорище мірскихъ страстей и похотей, обуревающихъ грѣшную плоть человѣка. Эти почтенные гонители театра также желаютъ его уничтоженія, на основаніи своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя ничего не имѣютъ общаго ни съ доводами аматоровъ до пещнаго дѣйствія, ни съ аргументами сторонниковъ экономическихъ интересовъ народа.

Высказанъ въ первомъ письмѣ, мнѣніе наше о значеніи драматическаго искусства вообще, и о мѣстѣ, которое оно занимаетъ въ ряду другихъ искусствъ, мы теперь обратимся къ значенію русскаго театра для нашего просвѣщенія и рассматривая, на сколько непогрѣшными исторически-литературные доводы, на основаніи которыхъ нашъ театръ признается совершенно незаконнымъ продуктомъ русской жизни, мы будемъ пользоваться тѣмъ же приѣмомъ, какъ вначалѣ, когда мы старались представить нѣсколько аргументовъ въ пользу самобытности драматическаго искусства вообще; а именно: мы сравнимъ развитіе русскаго драматическаго искусства съ усиліями нашихъ образовательныхъ искусствъ. Выяснивъ, на сколько сѣмъѣмъ, два пункта: самобытность драматическаго искусства вообще и самостоятельность его у насъ, намъ можно будетъ перейти къ обзору тѣхъ современныхъ явленій въ сферѣ этого искусства, которые послужатъ доказательствомъ, на сколько вѣрны были наши общія положенія или обнаружатъ ихъ несостоятельность.

Театръ намъ стоитъ не на первобытной, народной почвѣ, на которой онъ не могъ или не успѣлъ утвердиться, застигнутый врасплохъ

западною цивилизаціею. Русскій театръ стоитъ на почвѣ аллювіальной, наносной. На этотъ тонкій слой напыльной земли упали богатые сѣмена народнаго духа и произвели такія высокія, чисто-русскія явленія, какъ Щепкинъ и Мартыновъ. Странно! Всѣ искусства искони пользовались у насъ официальнымъ покровительствомъ и барскою поддержкою, а между тѣмъ, ни въ живописи, ни въ скульптурѣ (едва существуетъ), ни въ архитектурѣ, мы ничего не произвели вполне оригинальнаго; ничего такого, на что мы могли бы указать иностранцу, какъ на *наше* собственное, на русское искусство. На всѣ наши *chefs-d'oeuvre* онъ взглянетъ съ снисходительнымъ одобреніемъ за удачное подражаніе или съ презрительною небрежностью. Чтобы удивить его, намъ ничего не останется дѣлать, какъ только свезти его посмотреть на царь-пушку, или царь-колоколь или объяснить, что Исакиевскій соборъ выстроенъ изъ матеріаловъ на вѣсъ золота, или что Александровская колонна сдѣлана изъ одного гравитнаго монолита. Но и эта послѣдняя утѣха нашего національнаго самолюбія оказалась не надежною, когда обнаруживающіяся трещины указали на присутствіе какого-то *рапа-киви* и подтвердили печальное предположеніе; что въ одно прекрасное утро сія колонна вывѣтрится окончательно и упадетъ кому-нибудь на голову.

Мы, признаться, не можемъ безъ смѣха внимать барабанному пафосу, съ которымъ нѣкоторые наши артисты и критики трактуютъ объ удивительной красотѣ и необыкновенно-высокомъ значеніи какого-нибудь «мальчика въ банѣ», или «дѣвушки у фонтана». Русскія картины, бывшія на послѣдней всемірной выставкѣ, названы — не безъ наивнаго самообольщенія: картинами *русской школы*. Какая же это *русская школа*? Развѣ такая, въ которой учатся рисовать съ чужихъ образцовъ?

Отношеніе русскаго искусства къ нашей цивилизаціи и къ народной жизни прекрасно охарактеризированы въ статьѣ Ф. И. Буслаева, о выставкѣ картинъ, бывшихъ на всемірной выставкѣ. («Современн. дѣтись». 1863. № 12.)

Отсылаемъ читателя къ этой статьѣ, гдѣ почтенный авторъ со сдержанною, но пробирающею ироніею разсматриваетъ, насколько состоятельны были притязанія нашихъ художниковъ къ оригинальности, какъ они смотрѣли на народъ и какъ была необходима для нихъ внѣшняя поддержка. Только опасеніе слишкомъ длинныхъ отступленій заставляетъ насъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать выписку изъ этой прекрасной статьи нашего почтеннаго ученаго, но мы надѣемся въ другой разъ еще воротиться къ ней.

Прочитавъ ее, читателю вѣроятно, какъ и намъ придетъ въ голову, что общее названіе «либеральныхъ искусствъ» у насъ какъ нельзя болѣе неумѣстно. Недаромъ слова «артистъ» и «художества» имѣютъ у насъ такое оригинальное значеніе.

Дѣйствительно, такіе отрицательныя заключенія представляются очень печальными. Въ чемъ же, гдѣ выразилась творческая дѣятельность народнаго духа съ тѣхъ поръ, какъ внѣшними явленіями этой дѣятельности стали такіе художественные продукты, въ которыхъ было бы очень неместно признать его подлинность, даже еслибы поддѣлка не была такъ очевидна? Въ пользу немногихъ исключеній, мы не считаемъ нужнымъ оговариваться. Чтоже, неужели этотъ народный духъ, о которомъ во время-оно было такъ много толковъ, жизнь котораго состоитъ въ томъ, что онъ непремѣнно развивается въ художественныхъ формахъ поэтическаго или образовательнаго творчества, неужели этотъ русскій духъ такъ и остался духомъ, безъ плоти и формы и замеръ, слабо меркая то здѣсь, то тамъ, постоянно таясь отъ подозрительнаго контроля хорошаго вкуса? Неужели русская жизнь не нашла себѣ другаго выраженія, какъ въ жалкихъ произведеніяхъ нашихъ образовательныхъ искусствъ?

Оглянувшись на тишь и гладь — божью благодать, въ которой обрѣтается русское искусство, наше драматическое искусство представляется намъ, какъ явленіе отрадное и заслуживающее полнаго, серьезнаго вниманія. Начать съ того, что хотя театръ и вѣдается официальнымъ начальствомъ, но основаніе современнаго русскаго театра положено челевѣкомъ, вышедшимъ изъ народа, а потомъ уже перешло въ правительственное распоряженіе. Русскій театръ также возникъ, какъ и русская литература. Ломоносовъ и Волковъ подали другъ другу руку. Мы нисколько не считаемъ нужнымъ по этому поводу входить въ сентиментальныя разглагольствованія о томъ, какъ молъ это пріятно, что литературу и театръ завели у насъ добрые простолюдины, и нисколько не считаемъ этотъ фактъ внушительнымъ относительно самостоятельности этихъ формъ народнаго образованія. Не добрые простолюдины передѣляли жизнь, а она ихъ передѣлала, вытолкнувъ ихъ изъ среды, гдѣ они жили и заставивъ искать удовлетворенія своимъ стремленіямъ въ безпорядочной ломкѣ, которая производилась тутъ же, за порогомъ ихъ домовъ ¹⁾.

¹⁾ Вспомнимъ одну любопытную подробность: Волковъ, между прочими пьесами, представлялъ съ своею группою и старинную мистерію «о блудножъ сынѣ», въ позднѣйшей

Итакъ театръ сдѣлался официальнымъ. Но и по настоящую пору онъ стоитъ на нисшей степени бюрократической іерархіи. Живописецъ, написавшій какое нибудь «поклоненіе волхвовъ» или скульпторъ, удачно изобразившій высокое лицо, возводились въ званіе профессора, академика, посылались за-границу, награждались знаками отличія, — словомъ, благодумствовали. Актерамъ всѣ эти блага были недоступны. Очень недавно, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, они перестали числиться въ податномъ состояніи и получили право (личнаго) почетнаго гражданства. Поэтому случаю мы должны замѣтить, что большинство нашихъ актеровъ вышли изъ породъ, изъ такъ называемыхъ, нисшихъ слоевъ его, изъ мѣщанъ, крестьянъ, дворовыхъ людей, крѣпостныхъ и образовали аристократію таланта, которою можетъ похвалиться наша земля. Въ противоположность цѣлому рою художниковъ, у которыхъ, по мѣткому выраженію г. Буслаева, съ Россіей общаго былъ только мундиръ и жалованье, — въ лѣтописяхъ нашего театра мы не встрѣчаемъ ни одного знаменитаго имени, которое принадлежало бы не русскому человѣку. Всѣ сподвижники русской сцены кровный, русскій людъ. Эти люди заявили себя, какъ выходимцы изъ народа, они остались вѣрны себѣ в той здоровой среды, изъ которой вышли. Глядя на Мартынова хоть бы въ роли Расплюева или Дерзгина, или на Щепкина въ «Ревизорѣ», всякій умный иностранецъ не могъ не сознаться (что и дѣйствительно случалось) въ томъ, что это глубоко-самобытныя, оригинальныя дарованія. Читателю конечно явятся на умъ множество и другихъ подобныхъ примѣровъ. Да, почва нашего театра была всегда плодородна. Не глубоко былъ тотъ слой напывной земли, на которомъ пускали корни наши родныя сѣмена, но богатство народнаго духа постоянно замѣняло потери.

Русская натура нигдѣ, развѣ у Пушкина и Гоголя, не выражалась такъ вѣрно и полно, какъ въ игрѣ Мочалова, Мартынова, Васильева, Щепкина. Кто хотѣлъ знать эту натуру, видѣть и полюбить ее, тотъ ужъ конечно не искалъ ее въ промазеденіяхъ кисти какого-нибудь профессора съ нѣмецкой фамиліей, а шелъ любоваться ею на сценѣ русскаго театра. Въ этихъ безсмертныхъ, хотя и мимолетныхъ образахъ, выражался духъ народный, съ его глубокою грустью, и бодрой шельмоватостью и ничего нещадающимъ юморомъ. Эти художественныя явле-

обработкѣ. Эти представленія привлекали множество народа въ Ярославль. Цѣны не превышали нѣсколькихъ копѣекъ. Не начинался ли тутъ, въ этомъ кожевническомъ сараѣ, истинный русскій театръ.

нія были одинаково доступны всѣмъ, въ одномъ взрывѣ рукописаній сливались и ложи бель-этажа и раекъ. Только сценическое искусство можетъ быть названо у насъ народнымъ.

Вотъ почему мы считали себя въ правѣ назвать его *однимъ* изъ драгоцѣннѣйшихъ (если не драгоцѣннѣйшимъ) продуктовъ нашего скупнаго просвѣщенія.

Поставивъ себѣ одною изъ задачъ нашихъ писемъ разъяснить (по мѣрѣ возможности) отношеніе театра къ общественной жизни, мы не могли пройти молчаніемъ часто встрѣчающійся вопросъ о томъ, что смѣетъ ли театръ и сценическое искусство какое-нибудь значеніе для нашего просвѣщенія и не слѣдуетъ ли предоставить всѣ вопросы о драматическомъ искусствѣ разглагольствованіямъ праздношатающихся театраловъ. И въ самомъ дѣлѣ, прилично ли серьезному человѣку писать о замѣчательномъ талантѣ г-жи Позняковой, или разбирать прекрасную игру г-жи Никулиной. Мы думаемъ, что совершенно неприлично. Положимъ, что Аристотель не считалъ недостойнымъ себя писать дидакаліи т. е. краткіе отзывы о пьесахъ, которыя давались на греческой сценѣ. ¹⁾ Но многіе считаютъ даже совершенно неприличнымъ упоминаеть объ Аристотелѣ... И дѣйствительно, что за педантизмъ, къ чему тутъ Аристотель? Ничто намъ не мѣшаетъ ощутить также восторгъ, какъ Ситниковъ и также прозрѣть, какъ онъ прозрѣлъ, когда онъ узналъ отъ Базарова, что нѣтъ авторитетовъ.

И такъ мы сказали, что необходимое условіе успѣшнаго развитія драматическаго искусства есть правильная, нормальная театральная организациа. Цѣль ея—составить изъ труппы одно живое цѣлое, одну гармоническую массу, всестороннее развитіе которой давало бы ей возможность успѣшно воспринимать и передавать жизненныя явленія во всей ихъ разнообразіи и пестротѣ. Технически труппа раздѣляется на нѣсколько категорій по характерамъ изображаемыхъ лицъ, такъ называемая амплуа. Раздѣленіе амплуа отзывается французскою школою, по

¹⁾ По поводу дидакаліи, Лессингъ рассказываетъ, какъ онъ отъ души хохоталъ надъ глубоко-ученымъ Сасаубономъ, который изъ истиннаго уваженія къ солидности въ наукѣ вообразилъ себѣ, что Аристотеля въ дидакаліяхъ преимущественно интересовала хронологія (ubi, quando, quomodo et quo eventu fabula aliqua fuerit acta. *Animodi. in Ath. 2. Z. VI c.*) И въ самомъ дѣлѣ, былъ бы вѣчный стыдъ и оскорбленіе Аристотелю, еслибы поэтическое достоинство пьесы, ея вліяніе на нравы, и развитіе изящнаго вкуса, еслибы подобный вздоръ болѣе занималъ его, чѣмъ Олимпіада, годъ Олимпіады и имя архонта, при которомъ эти пьесы были впервые представлены. (Nashburg. *Dram. 1786 II 267*).

вліяніе которой подпалъ нашъ театръ, какъ только возникъ, и не освободился до сихъ поръ. Какъ живое цѣлое, труппа постепенно измѣняется въ своемъ составѣ, принимая въ себя новыя лица, постоянно поддерживая сообщеніе съ настоящею жизнью и не заключааясь въ неподвижный, замкнутый кругъ. ¹⁾

Но чтобы создать это органическое цѣлое, чтобы выбрать новыхъ артистовъ, руководить дебютаками, давать всей труппѣ общее направленіе, согласное съ духомъ времени и съ здоровыми эстетическими понятіями—для этого необходимо быть спеціалистомъ. Эта спеціальность очень обширна и требуетъ подготовки. Она требуетъ также умныхъ, даровитыхъ и опытныхъ людей. Таковы были люди, стоявшіе когда-то во главѣ театральной администраціи въ Москвѣ: имена *Θ. Θ. Кокоркина*, князя *Шаховскаго*, *Писарева* займутъ почтенное мѣсто въ лѣтописяхъ русской сцены. Вести труппу также трудно, какъ вести оркестръ; и начальникъ репертуарной части, и капельмейстеръ должны основательно знать свой предметъ, теорію музыки, или теорію драматическаго искусства и поэзіи; оба должны быть практически знакомы съ своимъ дѣломъ и точно также, какъ капельмейстеръ долженъ быть спеціалистомъ на какомъ нибудь инструментѣ, и начальникъ репертуарной части долженъ самъ быть артистомъ, а не профаномъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВЪ.

¹⁾ Срав. превосходная статья въ *Deutsche Vierteljahrsschrift*. 1842. № 9 и 17. стр. 67 и 304.

ПОЛЬША И НАША ПУБЛИЦИСТИКА.

(Справедливо ли обвиненіе по польскому дѣлу, взведенное г. Катковымъ на петербургскую журналистику?.)

Если кто-нибудь рѣшится на подвигъ перечестъ все, что петербургская журналистика написала о польскомъ вопросѣ, то онъ навѣрно согласится, что въ столбцахъ здѣшнихъ газетъ нельзя встрѣтить ничего болѣе замѣчательнаго, болѣе краснорѣчиваго. какъ «молчаніе» о польскомъ дѣлѣ большинства нашихъ публицистовъ. Это любопытное поведеніе русской литературы процвѣтало съ наибольшою силою въ первое время польскаго возстанія и потомъ постепенно стало являться рѣже и рѣже. Теперь оно уже принадлежитъ прошлому, и, хотя мы еще неимѣемъ возможности обсудить его въ полномъ объемѣ, но все-таки считаемъ нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Любопытное явленіе русской журналистики, которое г. Катковъ называетъ «молчаніемъ», уже давно обратило на себя должное вниманіе русскаго общества. Можно смѣло сказать, что не было такого мало-мальски образованнаго человѣка въ Россіи, который бы не толковалъ объ этомъ «молчаніи», и многіе старались понять его, объяснить себѣ... Почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» не могъ пропустить подобнаго факта и нѣсколько разъ указывалъ своимъ читателямъ на то, какія причины считаетъ онъ виновными въ немъ. Спокойно и рѣшительно онъ указываетъ чуть ли не на заговоръ всѣхъ русскихъ публицистовъ, чуть-ли не на измену ихъ передъ родною землей. Вотъ его слова:

«Читатели помнят какое зрѣлище представляла русская журналистика въ началѣ польскаго возстанія, какія въ русскихъ газетахъ печатались статьи, или какое странное слышалось въ нихъ молчаніе. Мы помнимъ это печальное время, когда нашъ голосъ раздавался одиноко и мы старались припомнить и *русскимъ людямъ, и полякамъ, и направившей на насъ Европѣ*, что есть на свѣтѣ страна называемая Россіей, что есть на свѣтѣ живой народъ называемый русскимъ, народъ, который, чтобы ни случилось, непременно дать себя *почувствовать*. Онъ наконецъ и далъ себя почувствовать, и затѣмъ въ скоромъ времени взмѣнилось зрѣлище, представляемое русскою журналистикой: нѣмотствующие заговорили и наши публицисты пошли писать патріотическія статьи». («Московскія Вѣдомости» № 187).

Такимъ образомъ «Московскія Вѣдомости», по отношенію къ степени преданности русскому народу, ставятъ молчавшихъ, или, лучше сказать, колебавшихся публицистовъ на ряду съ поляками, на ряду съ враждебною намъ частію Европы! Мало того, они утверждаютъ, что наши газеты заговорили наконецъ отъ испуга передъ патріотическимъ движеніемъ, отъ страха передъ ненавидимымъ ими русскимъ народомъ!

Или вотъ еще яснѣе:

«*День*» упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы сказали, что голосъ нашъ, при началѣ польскаго мятежа, раздавался одиноко. Онъ видитъ въ этомъ похвалу, и тутъ-же съ жаромъ обращается къ публикѣ, наставляя, что и онъ имѣетъ право участвовать въ этой похвалѣ. Боже мой! Есть чѣмъ хвалиться... Не хвалиться этимъ можно, а огорчаться при мысли о печальномъ явленіи, которое дѣйствительно представляла наша журналистика въ то время, когда поднять голосъ въ защиту русскаго дѣла, казалось со стороны русскаго удивительною отвагой... Просимъ ее (газету «*День*») припомнить, какъ сама же она въ тѣ времена жаловалась, что во всей русской журналистикѣ по польскому дѣлу раздается только голосъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Она ссылалась на какія-то препятствія, замыкавшія ея уста, и указывала на пустой квадратъ во главѣ своихъ нумеровъ: «Москва, такою-то числа». Препятствія всегда были и всегда бываютъ (?); но когда поднимаются вопросы великіе, вопросы народные, отъ которыхъ содрогается каждая фибра въ живомъ человѣкѣ, тогда препятствія сглаживаются сами-собою, — а наконецъ если нѣкогорыя наши фантазіи, или даже и зрѣлыя мысли не могутъ быть вполне высказаны, то неужели та торжественная и вѣстѣ такъ скорбная минута не могла пересилить самолюбія, немогла заставить отложить до

другаго времени то, что встрѣчало себя препятствія? Не все же въ русскомъ чувствѣ, которое тогда просилось наружу, не все же встрѣчало препятствія и не могло высказаться! Вѣдь нашла же газета *Дель* впоследствии возможность говорить и о польскомъ вопросѣ, и о русскомъ народномъ чувствѣ.» («Московскія Вѣдомости» № 195.)

Наконецъ, да извинитъ насъ читатель за длинныя выписки и пусть все-таки позволитъ привести еще нѣкоторыя слова «Московскихъ Вѣдомостей». Дѣло до такой степени щекотливо, обвиненіе, взводимое г. Катковымъ такъ важно, что мы считаемъ необходимымъ познакомиться съ нимъ читателя, по возможности, вѣрно и документально, нисколько не ослабляя силы обличенія.

«*Московскія Вѣдомости*, читаемъ мы въ 222 № этой газеты, «никогда не имѣли странныхъ претензій приписывать въ свою собственность патріотическое направленіе. Мы никому не препятствуемъ служить русскимъ интересамъ. Мы (?) понимаемъ также возможность и другихъ направленій, кромѣ русскаго, хотя бы въ дѣлахъ касающихся Россіи. Скажемъ болѣе: мы были бы рады, если бы всякаго рода направленія, хотя и *противъ Россіи* могли быть проводимы у насъ въ печати, безъ всякой личины и двусмыслія, въ своемъ истинномъ видѣ. Да, мы были бы рады, если бы вдругъ, какъ бы по волшебному мановенію, всѣ направленія заговорили своимъ натуральнымъ голосомъ, и если бы *все затаенное вдругъ стало явнымъ*. Какое благополучіе! Не значило ли бы это конецъ нашимъ потемкамъ, въ которыхъ наше главное зло.»

Изъ этой выписки, читатель, видитъ, что г. Катковымъ объявлено будто у какихъ-то русскихъ публицистовъ есть что-то *затаенное противъ Россіи*. Страшныя слова и тѣмъ болѣе ужасающія, что они сказаны вполне обдуманно, нѣсколько разъ и черезъ довольно длинныя періоды времени. Не въ разгарѣ спора, не въ увлеченіи борьбы сорвалось такое обвиненіе у Каткова. Къ сожалѣнію, оно составляетъ одно изъ наиболѣе тревожныхъ оружій его арсенала. Эти странные слова вовсе не походятъ напримѣръ на тѣ преувеличенія, которыми осыпаютъ партіи другъ друга въ разгарѣ ожесточенныхъ преній. Когда Робертъ Пиль проводилъ свои хлѣбные законы, его называли на митингахъ, въ газетахъ и даже въ парламентѣ прямо измѣнникомъ. Когда этотъ извѣстный министръ предложилъ увеличеніе субсидій католической мейнбургской коллегіи, то чему-только не подверглось его имя. Въ палату представлялись прошенія покрытыя сотнями тысячъ подписей и въ этихъ

просьбах писали: «Отчего бы послѣ этого не основать коллегію для распространенія воровства и разврата?» — «Предложеніе Пиля означаетъ измѣну всѣмъ своимъ обязанностямъ». — Журналы утверждали, что онъ «обманомъ достигъ правленія», что это «Морото консервативной партіи.» Даже члены парламента объявляли, что Пиль нарушилъ свою присягу. Такія выходки близки къ словамъ г. Каткова, но все это срывалось въ увлеченіи спора и тотчасъ же пропадало почти безъ слѣда. Еще больше не надо забывать наконецъ передъ какою публикою ведется рѣчь. Люди, слышавшіе всевозможныя обвиненія противу Пиля, хорошо понимали какую цѣну можно придавать запальчивымъ выходкамъ, а у насъ подобная опытность пониманія распространена гораздо менѣе. Многіе изъ многочисленныхъ читателей «Московскихъ Вѣдомостей» не имѣютъ даже возможности повѣрить слова г. Каткова, такъ какъ онъ ни разу не указываетъ на самые факты. Въ обширномъ кругѣ читающихъ газету г. Каткова найдутся пожалуй такіе люди, которые сейчасъ приложатъ наговоренныя имъ обвиненія къ самому дѣлу...

А что, если смѣлый редакторъ ошибается?

Позволяемъ себѣ думать, что мы имѣемъ не только право, но и обязанность отвѣчать на страшное обвиненіе въ измѣнѣ, въ нелюбви къ родному народу.

Начать съ того, что самый фактъ «молчанія» петербургской журналистики весьма преувеличенъ. Собственно говоря, здѣшнія газеты далеко не молчали о польскомъ дѣлѣ. Всѣ газеты тотчасъ, послѣ первыхъ же извѣстій о возстаніи, высказались о немъ. «С. Петербургскія Вѣдомости» заявили свое глубокое сожалѣніе о томъ, что поляки задумали рѣшать свое дѣло оружіемъ и предсказывали несомнѣнный неуспѣхъ возстанія. «Голосъ» очень пространно объяснилъ, что Польша ставитъ себя на край гибели быстрымъ торжествомъ революціонной партіи и тѣми крайними революціонными средствами, къ которымъ она прибѣгла и т. д. Любопытное и самое замѣчательное явленіе петербургской журналистики заключалось не въ томъ, что она не произносила ни звука о польскомъ дѣлѣ, но въ этой чрезвычайной сбивчивости, въ этой неопредѣленности и какомъ-то замѣшательствѣ ея статей по польскому вопросу. Сбивчивость, крайнее ничтожество, чрезвычайная общность разсужденій доходила до такой степени, что пожалуй близко граничили съ «молчаніемъ». Большіе недостатки нашей литературы, о которыхъ мы говоримъ, дѣйствительно были всего сильнѣе и замѣтнѣе въ первое время возстанія, но они далеко не вполне оставили здѣшнюю публицистику и тогда, когда

она обратилась къ читателямъ съ самыми пылкими патріотическими воззваніями, заслужившими полное одобреніе г. Каткова. Самъ почтенный редакторъ вступилъ въ горячую полемику съ газетою «Голосъ» далеко послѣ того, какъ «Московскія Вѣдомости» нѣсколько разъ явили свое полное сочувствіе патріотическимъ статьямъ газеты г. Кравецкаго. Между тѣмъ, вступивъ въ полемику съ «Голосомъ», г. Катковъ, даже и его-то причислялъ чуть-ли не къ измѣнническимъ явленіямъ. Третья наша выписка о чемъ-то «затаенномъ» «противъ Россіи» была поставлена на видъ, именно «Голосу». Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ уже позволительно заключать, что большіе недостатки нашихъ публицистовъ происходили едва-ли изъ одного отсутствія патріотизма.

Мы сказали, что самый фактъ «смолчанія» петербургской журналистики крайне преувеличенъ, но съ другой стороны мы нисколько не отрицаемъ ничтожества первыхъ газетныхъ статей о польскомъ дѣлѣ, и даже нѣкоторыхъ случаевъ дѣйствительнаго промалчиванія. Мы только позволяемъ себѣ спросить у г. Каткова, почему онъ утверждаетъ что появившіяся разсужденія нашихъ публицистовъ, или чрезвычайная смутность ихъ статей заключали въ себѣ измѣну русскому народу?

Вести рѣчь о ненапечатанныхъ статьяхъ, конечно, довольно затруднительно, по той простой причинѣ, что никакъ нельзя имѣть о нихъ вѣрнаго понятія, не прочитавши самыхъ статей. Нужна большая самоувѣренность для того, чтобы по прихвѣру господина Каткова преслѣдовать не только всю русскую журналистику, кромѣ собственныхъ изданій, но даже нарекать приговоры статьямъ, *ненапечатанными* «во всѣхъ русскихъ журналахъ.» Судить и рѣшать о томъ, что не увидѣло свѣта, но могло увидать его, можно развѣ гадательно, по наведенію, по теоріи вѣроятностей, но понятво, съ какою осторожностію должны совершаться такіа гаданія. Впрочемъ не настоятъ даже никакой надобности въ подобныхъ трудныхъ занятіяхъ, потому что всѣ недостатки русскихъ газетныхъ статей по польскому дѣлу находятся на лицо, а они не могутъ не быть въ самой прямой связи съ наиболѣе рѣзкими фактами молчанія. Не могла же эта драгоценность свалиться съ неба, явиться вдругъ уединенною? Чтобы увидать степень справедливости приговора г. Каткова надъ всею русскою литературою, приговора, возмутительнаго не только по самому смыслу своему, по вліянію «на раскрытіе нашихъ внутреннихъ силъ», но и по крайней небрежности, нужно обратить вниманіе на всѣ отбѣйки различныхъ недостатковъ нашей литературы по польскому дѣлу, а ненапечатанное можно оставить въ сторонѣ, такъ

какъ, опираясь на него, легко дойти до какихъ угодно заключеній. Мы сказали, что приговоръ г. Каткова крайне небреженъ и здѣсь кетати будетъ замѣтить, почему мы сдѣлали такой отзывъ. Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» обвиняетъ всю русскую литературу гуртомъ на поваль, никого не разбирая, и даже не щадить г. Аксакова.

«Можетъ быть это (т. е. предположеніе г. Аксакова) значить, что надобно съ полною рѣшимостію двинуться по-пути, который ведетъ къ удовлетворенію польскихъ притязаній? Чтожъ! въ добрый часъ», говорить «М. В.»

Читатель легко пойметъ, что именно означаютъ на языкѣ г. Каткова подобныя слова.

Теперь постараемся указать на нѣкоторыя обстоятельства, неизмѣющія ничего общаго съ измѣною, но которыя однакоже несомнѣнно называются въ недостаткахъ и въ странностяхъ русской литературы по польскому дѣлу.

Вопервыхъ нельзя не обратить вниманія на различнаго рода препятствія, о которыхъ упоминаетъ г. Катковъ и на которыя онъ нѣсколько разъ ссылаясь. Само правительство признало теперешніе законы о печати неудовлетворительными, но пока дѣйствующій порядокъ разумѣется остался прежній. Само правительство учредило комиссію для пересмотра законовъ о книгопечатаніи, и потому мы надѣемся представить читателю нѣкоторыя замѣчанія, которыя могутъ быть нѣсколько полезны, такъ какъ они относятся къ польскому дѣлу, имѣющему огромную важность.

Прежде всего обратимся къ самому г. Каткову. Въ 39 № «Московскихъ Вѣдомостей» почтенный редакторъ заявилъ намъ, что его желаніе поговорить объ извѣстномъ письмѣ г. Эмиля Жирардена неисполнилось, но черезъ нѣсколько времени заготовленная имъ статья появилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы конечно не знаемъ, какія измѣненія сдѣлалъ въ ней г. Катковъ, но во всякомъ случаѣ общее направленіе статьи не могло измѣниться и разумѣется, оно оказалось вполне патріотическимъ. Отсюда легко видѣть, что ни одна только измѣническая статья могла встрѣчать препятствія. Дѣйствительно, при настоящемъ порядкѣ по дѣламъ печати, цензурное управленіе обязано распространять свои заботы гораздо дальше измѣны, напр. на излишнее увлеченіе и пр. и кромѣ того оно наблюдаетъ, чтобы въ печати не проходило чего нибудь неудобнаго по высшимъ его соображеніямъ, которые недоступны простымъ смертнымъ.

До тѣхъ поръ, пока дѣйствуютъ теперешніе законы о печати, было бы даже несправедливо, еслибы цензура пропускала извѣстному журналисту то, что почему-либо недоступно другому и что при новостъ бѣгѣ опредѣленномъ порядкѣ конечно измѣнится! Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что въ петербургскихъ журналахъ даже не появилось замѣтокъ въ родѣ сдѣланной г. Катковымъ въ 39 № «Дня», или въ родѣ: «Москва, такого-то числа», какъ это красовалось нѣсколько недѣль въ «Дяѣ».

Тѣмъ не менѣе не настаетъ никакого сомнѣнія, — и это вполнѣ извѣстно редактору «Московскихъ Вѣдомостей», что на обязанности цензуры лежитъ наблюденіе не только за тѣмъ, чтобы являющіяся въ печати статьи не содержали въ себѣ ничего измѣнительнаго. Ссылаемся опять на самого почтеннаго редактора. Въ журналѣ «Время» появилась извѣстная статья г. Страхова «Роковой Вопросъ» и, какъ это рассказываетъ самъ г. Катковъ, произвела такое неблагоприятное впечатлѣніе, что правительство сочло нужнымъ прекратить изданіе журнала. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 5) помѣщенъ большой отзывъ о «Роковомъ Вопросѣ», гдѣ г. Катковъ заявляетъ, что «не могъ не повѣрить патріотическимъ чувствамъ автора». Правда, г. Катковъ высказалъ это довольно неловко въ родѣ того, что: «ну, стали божиться, я и повѣрилъ». Онъ объявилъ, что почерпнулъ свое мнѣніе изъ письма къ нему отъ г. Страхова, которое вѣроятно служило объясненіемъ на опубликованное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» обвиненіе автора «Роковаго Вопроса» не только въ неловкости, но даже въ прямой измѣнѣ. Если почтенный редакторъ и такой опытный литераторъ какъ г. Катковъ ошибся въ сужденіяхъ о направленіи и о чувствахъ автора, то съ цензоромъ это можетъ случиться еще скорѣе.

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ ясно, что недоразумѣнія и ошибки могутъ быть съ обѣихъ сторонъ и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ «начаніе» журналистики означаетъ вовсе не измѣну, а то простое обстоятельство, что авторъ не счумѣлъ или не былъ въ силахъ написать статью, которая удовлетворяла бы дѣйствующимъ цензурнымъ правиламъ.

Статьи «Московскихъ Вѣдомостей» стали замѣтно громче и рѣшительнѣе съ того времени, какъ они представили читателямъ извѣстное свое положеніе о поглощеніи свободной Польши свободною Россіей. Нѣкоторые петербургскія газеты тотчасъ подхватили это рѣшеніе польскаго дѣла и если они не высказывали его сперва, несмотря на всю свою симпатію къ этому положенію, то вѣрно потому, что неумѣли попасть

на него и помѣстить въ своемъ столбцахъ. Что касается до насъ, то мы не можемъ представить себѣ, чтобы сильная формула о поглощеніи свободной Польши освобожденною Россіей далась здѣшнимъ газетамъ прежде, чѣмъ г. Каткову, и думаемъ это вовсе не изъ подозрѣнія нашихъ газетъ въ извѣствіи или въ чомъ-либо близкомъ къ ней.

Но были ли такія обстоятельства, которыя способствовали неумѣнно публицистовъ обращаться съ польскимъ вопросомъ, которыя впрочемъ ясно видны изъ туманности и неопредѣленности статей о польскомъ дѣлѣ? Не было ли такихъ условій, которыя неминуемо должны были произвести разные недостатки нашей журналистики въ родѣ смутности, неловкаго замѣшательства и пр.?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны указать на вторую причину неудовлетворительности разъясненія польскаго дѣла въ значительной части русской публицистики.

Здѣсь опять мы обратимся къ г. Каткову. Почтенный редакторъ, такъ страшно упрекающій всю русскую литературу за то, какъ «писались статьи о польскомъ вопросѣ за первое время возстанія», уже забылъ, что самъ же онъ сильно причастенъ тому, что называется имъ «молчаніемъ» и что теперь сильно и грозно клеймится имъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Не случилось ли съ самимъ г. Катковымъ этого же самого «молчанія» въ первые три-четыре недѣли послѣ полученія извѣстій о началѣ «возстанія»?

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ были получены извѣстія о ночномъ нападеніи поляковъ на русскія войска, г. Катковъ еще вполне одобрялъ систему маркиза Вельепольскаго. «Мы искренно уважаемъ интересы польской народности, — объявлялъ во 2 № «Современной Лѣтописи», и готовы сочувствовать имъ, но только тамъ, гдѣ они держатся своей естественной и законной почвы и гдѣ они доказываютъ свою силу и живучесть не революціонными помыслами и мессіанскими ученіями, а практическимъ смысломъ и живыми чувствами дѣятельности». Всѣми этими достоинствами обладала система маркиза Вельепольскаго и, разумѣется, приведенныя нами слова не могли относиться ни къ чему другому въ мірѣ, кромѣ нея.

За тѣмъ въ первыя недѣли польскаго возстанія, «Московскія Вѣдомости» не только не поднимали противу него цѣлой бури удикъ и преслѣдованій, но вовсе не дѣлали пламенныхъ воззваній къ русскому патриотизму и даже занимались гораздо болѣе прусскими, греческими и бразильскими дѣлами, чѣмъ революціонною партією въ Варшавѣ. На

первыя вѣстїя о возстанїи они замѣтили «что только въ соединенїи съ Россїей Польша можетъ сохранить свою самостоятельность» и ограничили двумя-тремя строками сожалѣнїя о томъ, что «въ Польшѣ дѣють теперь тонъ демагоги» и въ ней «самыя несбыточныя надежды становятся общимъ девизомъ». Черезъ нѣсколько дней появилось замѣчанїе о непрактичности какого-то уѣзднаго польскаго совѣта, который постановилъ, чтобы въ уѣздѣ школъ было больше, и не принялъ никакиъ мѣръ для осуществленїя ихъ. Затѣмъ «Московскїя Вѣдомости» изъявили сожалѣнїе, что польскїй патриотизмъ впадаетъ въ крайности и даже становится старинною безобразною польскою системою вѣсовъ и мѣръ. Этими и тому подобными замѣчанїями ограничилась почти вся дѣятельность г. Каткова по польскому дѣлу за весь январь и начало февраля. Почему же г. Катковъ не обращался прямо съ воззванїемъ къ русскимъ чувствамъ, хотя теперь грозно караетъ своихъ собратїй за невниманїе въ то время тѣхъ же самыхъ воззванїй? Почему въ концѣ января онъ сдѣлалъ приглашенїе русокой литературы заявить только о томъ, что поляки ошибаются въ возможности волненїй русскаго народа? Наконецъ почему почтенный редакторъ не приступилъ сразу къ разъясненїю польскихъ притязанїй во всемъ, что въ нихъ есть враждебнаго для Россїи? Почему же онъ съ самаго начала борьбы не познакомилъ читателей съ главными приготовленїями польской партїи дѣйствїя и съ принятою ею системою возстанїя, которая тогда уже не составляла тайны? Заграничныя польскїя газеты уже нѣсколько лѣтъ проповѣдывали ее, нѣсколько не скрываясь, и въ Парижѣ уже давно продавались тѣ воинскїе уставы, тѣ инструкціи партизанскихъ и другихъ дѣйствїй, которыя служатъ теперь руководствомъ для польскихъ бандъ. Почему же «Московскїя Вѣдомости», въ прошломъ январѣ, не указывали почти ни на что, въ чемъ теперь они видятъ главную причину возстанїя и самые гибельные недостатки польскаго дѣла? Почему, наоборотъ тогда они прямо выказывали свое сочувствїе системѣ маркиза Вельепольскаго, для которой теперь они не находятъ никакиъ извиненїй?

Причина этихъ, повидимому, незначущихъ мелочей довольно любопытна. Пусть г. Катковъ, столь часто вспоминая общее колебанїе и нерѣшительность въ дѣлѣ польскаго вопроса почти всей русской литературы, объясняетъ это явленїе всевозможными пороками. Мы съ своей стороны будемъ гораздо снисходительнѣе и спокойнѣе; и не можемъ не видѣть, что причина колебанїй г. Каткова гораздо проще, но въ то же

время несравненно сильнѣе. Мы защитимъ нашу мысль самыми непреложными доказательствами.

Дѣло въ томъ, что при началѣ возстанія г. Катковъ, теперешній руководитель общественнаго мнѣнія, не имѣлъ никакого яснаго представленія о польскомъ дѣлѣ. Онъ не зналъ тогда ни сущности притязаній польской народности, ни замысловъ польской партіи дѣйствія, ни выработанаго ею плана для борьбы. Онъ не зналъ тогда, какія напряженія потребуесть отъ насъ польскій вопросъ и потому не видѣлъ нужды въ восславленіи народныхъ чувствъ.

«Революціонное движеніе, — читаемъ мы въ 29 № Московскихъ Вѣдомостей», — старается охватить съ одной стороны Галицію и Познанское великое княжество, съ другой Волынь и литовскія губерніи Россіи!» «Полаки подыали *«знамя возстанія въ Познани и въ Галиціи»*, сообщается на слѣдующихъ строкахъ.

Если бы г. Катковъ былъ дѣйствительно знакомъ съ исторіею польской агитаціи, то онъ не могъ бы вѣрить «знаменамъ возстанія» въ австрійскихъ и въ прусскихъ польскихъ земляхъ въ одно время съ возстаніемъ въ Царствѣ Польскомъ и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Еще въ сороковыхъ годахъ, какъ заявилъ это Мирославскій Берлинскому сууду, парижскій центральный комитетъ рѣшилъ сосредоточить всѣ усилія возстанія, если возможно, на одномъ только государствѣ, изъ числа раздѣлившихъ Польшу. Безусловная необходимость такого ограниченія и въ то же время сосредоточенія польской борьбы была признана большинствомъ поляковъ и во всѣхъ брошюрахъ, предшествовавшихъ нынѣшней вспышкѣ, эта необходимость не подверглась сомнѣнію.

Въ томъ же № почтенной газеты, г. Катковъ утверждаетъ, что взятый тогда въ плѣнъ Леонъ Франковскій «подписывалъ въ послѣднее время всѣ циркуляры центрального комитета». Но циркуляры польскаго тайнаго правительства никогда никѣмъ не подписывались и по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ велось возстаніе, нельзя было вѣрить, чтобы центральный комитетъ могъ выйти изъ неувѣстности.

«Въ одномъ изъ своихъ воззваній, говорилъ г. Катковъ, комитетъ посягаетъ на права собственности и отдаетъ крестьянамъ часть земель ихъ помѣщиковъ, предоставляя послѣднимъ право на вознагражденіе послѣ войны. Замѣчательно однакоже, что въ самихъ крестьянахъ на столько еще сильно уваженіе къ основѣ общественнаго порядка, къ праву собственности, что, согласно почти со всѣми показаніями, они вовсе не примкнули къ инсургентамъ.» (Московскія Вѣдомости № 38). Пре-

доставляемъ судить читателю, нѣтъ лиго былъ законъ г. Катковъ съ польскою общественною жизнью, когда пассивную роль крестьянъ въ возстаніи приписалъ только такому глубокому пониманію или теоріи общественнаго порядка?!

Ужорная завкасса возстанія, которое датиъ борьбу, надѣсь на шестранное виѣшательство, которое на каждую должность тайней организаціи имѣеть нѣсколько перемѣнъ, которое приняло за правило впередъ назначать кандидатовъ на замѣну арестованнаго члена, точно также не была извѣстна г. Каткову, хотя она прошевъдывалась всѣми польскими газетами. «Отдавая полную справедливость ловкости теперешнихъ вождей польскаго возстанія... нельзя не усмотрѣть, что силы инсургентовъ въ настоящее время (въ началѣ марта) вовсе не велики, хотя вследствие самой разбросанности ихъ, при плохихъ состояніи дорогъ, въ теперешнюю пору года, разомъ покончить съ ними еще не было возможности» (Московскія Вѣдомости № 55). Итакъ г. Катковъ полагаель, что силы возстанія заключаются только въ тѣхъ бандѣхъ, которые всего чаще разбѣгались при встрѣчѣ съ войсками, и оны думалель, что только одни военныя дѣйствія, что сильный ударъ заравъ могутъ покончить возстаніе. Между-тѣмъ поляки уже давно ломали голову надъ тѣмъ, какъ бы устроить свою борьбу именно такимъ образомъ, чтобы она продолжалась, несмотря на неравный бой съ русскими войсками. Главныя двигатели всегда старались направить его такъ, чтобы оно выразилось не только въ видѣ бандъ, но и во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, чтобы оно дѣйствовало не однимъ оружіемъ, но всѣми силами полонизма, всѣми европейскими симпатіями къ нему, и даже непренебрегало никакими самыми ужасающими оредствами. Между-тѣмъ г. Катковъ до тѣхъ поръ, пока поляки не отвергли амнистіи, постоянно ошибался въ разиѣрѣ всѣхъ трудностей, причиняемыхъ намъ польскимъ возстаніемъ и продолжалъ видѣть возможность его исхода въ поражениі повстанскельхъ бандъ. Чтобы окончательно увѣрить въ этомъ читателя, приведемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ почтенней газеты г. Каткова, вполне доказывающихъ наши слова.

«Наши войска уничтожаютъ одну за другою партіи инсургентовъ и приближаютъ все дѣло польскаго возстанія къ скорой развязкѣ. (М. В. мартъ, № 57).

«Съ поражениемъ Лангевича, польскій вопросъ долженъ вступить въ новую фазу, которая, мы надѣмся, лучше, чѣмъ оружіе, поведетъ къ разясненію дѣла» (М. В. № 54).

«Дѣло польскаго возстанія проиграно безвозвратно: несмотря на нѣ-

которыя противурѣчивыя показанія газетъ, можно считать достовѣрными, что революціонный комитетъ въ Варшавѣ предписываетъ инсургентамъ слагать оружіе и прекращать вербовку новыхъ мятежническихъ шаекъ... Побѣдивши матеріально, должны ли мы и пр.

«Лежачаго не бьютъ, говорятъ простой русскій человѣкъ, вовсе не привыкшій хвастаться своимъ великодушіемъ. Россія, мы увѣрены въ томъ, не будетъ, по примѣру Австріи, продолжать войну казнями.

«Въ настоящее время, послѣ неудавшагося и силою подавленнаго возстанія, польская національность, на сколько она поддерживается и питается враждебностію къ Россіи, сокрушена нравственно и истощена матеріально... Не торжество побѣды, а потребность примиренія внушаетъ мысль и пр. (М. В. № 69).

Въ приведенныхъ нами выпискахъ читатель конечно видитъ во-первыхъ патріотическую реторику, не боящуюся оскорбить деликатность народнаго чувства небрежною торопливостію торжества и отводящую глаза общества отъ дѣйствительныхъ затрудненій. Во-вторыхъ, слова г. Каткова еще болѣе выдаютъ намъ его незнаніе настоящаго развѣтра и значенія различныхъ силъ, завязанныхъ въ польское дѣло. Очевидно, что нѣкоторыя ошибки г. Каткова или нѣкоторые оттѣнки ихъ вовсе не вызывались никакою реторикою, никакой страстью...

Совершенно увѣренные въ недостаточномъ знакомствѣ г. Каткова со всѣми элементами польскаго дѣла, мы однако вовсе не расположены слишкомъ сильно ставить это въ упрекъ почтенному дѣтелю. Еще очень недавно, мы русскіе вовсе не были лишены удовольствія испытывать ощущенія, очень похожія на тѣ, съ которыми Колумбъ смотрѣлъ нѣкогда на обломки деревьевъ, прибываемыхъ океаномъ къ европейскимъ берегамъ изъ какого-то невѣдомаго, недоступнаго міра. Семь или восемь лѣтъ тому назадъ, мы могли очень живо поставить себя въ положеніе Колумба, не дальше какъ на набережной васьилевскаго острова, къ которой пристають англійскія корабли. Глядя на нихъ, намъ было вполне удобно пускаться въ таинственныя догадки о томъ, что это за-земля, изъ которой пришли эти суда? какъ тамъ живутъ люди? каковы учрежденія, законы, обычаи и духъ этихъ недоступныхъ береговъ? Относительно Англии роль литературнаго Колумба выпала наконецъ на долю г. Каткова. Вслѣдъ затѣмъ г. Костомаровъ пустился въ свою родную Малороссію и мы узнали о ней кое-что, вовсе непохожее на прежніе смѣшныя анекдоты о хохлахъ. Мы узнали между-прочимъ, что Малороссія находится въ сильной враждѣ съ Польшею, но какова эта послѣдняя страна—осталось во мракѣ неувѣстности. Изъ отвѣтовъ г. Костомарова краковской газетѣ «Сзасъ» и французскому журналу «Revue Contemporaine», напе-

чтанныхъ въ «Освоѣ», намъ стало извѣстно, что эти поляки или по крайней-мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ — люди какіе-то сказочные и невѣроятные, считающіе насъ не за русскихъ, а за какую-то татарву или за какую-то вѣдьму самыхъ несчастныхъ племенъ. Вслѣдъ за г. Костомаровымъ отправился на открытія г. И. Аксаковъ и какъ респектѣный патриотъ, онъ ограничился преимущественно нашею же землею. «День» открылъ намъ наши западныя губерніи, рассказалъ намъ о какихъ-то польскихъ притязаніяхъ на нихъ, въ которыхъ, какъ мы полагали по нашему добродушію, поляковъ легко будетъ наконецъ переубѣдить, а сама Польша по-прежнему оставалась для насъ въ непроницаемомъ иракѣ неизвѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ русскомъ обществѣ, не исключая самыхъ записныхъ литераторовъ и собирателей всякихъ свѣдѣній, зналъ что-нибудь достовѣрное о ходѣ польской исторіи, о началахъ, на которыхъ развилось польское общество, о теперешнихъ тенденціяхъ поляковъ! До насъ доходили, да и то окольными путями, темные слухи о томъ, что поляки замышляютъ возстановленіе своей родины; но что именно считали они за свою родину, какъ они приготовлялись дѣйствовать, — это было для насъ очень смутно. А тутъ непонятны для насъ извѣстія о системѣ маркиза Вельепольскаго, телеграммы о покушеніи на жизнь великаго князя Константина Николаевича и самаго маркиза, затѣмъ еще болѣе непонятныя, сбивчивыя извѣстія и, — возстаніе. Послѣ подобнаго, продолжительнаго незнакомства съ польскимъ дѣломъ, что же удивительнаго въ смутности и въ бѣдности рѣчей г. Каткова по польскому дѣлу за первыя недѣли возстанія? Гораздо скорѣе надобно удивляться громаднымъ способностямъ почтеннаго редактора, которому польское дѣло вскорѣ стало вполне яснымъ и даже не требующимъ никакихъ разъясненій, въ родѣ отвергнутыхъ г. Катковымъ разсужденій о разницѣ русской и польской цивилизаціи или національности, какъ хотите. Громадныя затрудненія въ приобрѣтеніи самого поверхностнаго знакомства съ Польшею лучше всего объясняютъ, отчего рѣчь г. Каткова стала болѣе и смѣлѣе послѣ напечатанія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» писемъ г. Щербана изъ Парижа, въ которыхъ передавались различныя извѣстія о центральномъ комитетѣ, а тѣмъ болѣе послѣ помѣщенія статей г. Лебедева, имѣвшаго возможность сообщить намъ нѣкоторыя подробности о планѣ борьбы, придуманномъ польскою эмиграціею. Съ другой стороны приваивъ во вниманіе, что первое чтеніе по какому-либо вопросу всегда производитъ, хотя бы одною своею свѣжестью, очень сильное впечатлѣніе, мы можемъ догадываться, почему кругъ возрѣній г. Лебедева по поль-

скому дѣлу прошелъ по «Московскимъ Вѣдомостямъ» такими глубокими слѣдами.

Открытіе Польши началось для всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и для профессоровъ философіи и эллиническихъ древностей въ московскомъ университетѣ, почти что вмѣстѣ съ развитіемъ польскаго возстанія. Это обстоятельство неизбежно должно было имѣть огромное вліяніе на колебанія и несмысленность голоса русской литературы по польскому дѣлу и на ея неумѣнье обращаться съ нимъ.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ крайне-недостаточномъ знакомствѣ русской литературы съ Польшею припомнимъ споръ объ историческомъ значеніи польской шляхты, происходившій между двумя, въ то время главными русскими журналами.

Въ концѣ 1858 г., когда «Современникъ» уже отличался строго выдерживаемымъ направлениемъ, въ IX книжкѣ этого журнала былъ помѣщенъ историческій очеркъ г. К. «польская шляхта» высказывающій свои возрѣнія съ крайнею опредѣленностью. Авторъ этой статьи отнесся ко всему прошедшему Польши съ поголовнымъ немилосерднымъ осужденіемъ и рассказывалъ о ней такія вещи, которыя дѣйствительно способны были породить одно только омерзевіе къ польской исторіи. Такъ напр. историческій очеркъ передавалъ, будто польскіе магнаты конца XVIII столѣтія не могли похвастаться даже чистотою крови потому, что были приняты прелюбодѣяніемъ съ иностранными танцовщицами, камердинерами и шарикмахерами. Мы узнали изъ этой статьи, какъ много ошибаются поляки, обвиняя своихъ соотечественниковъ въ томъ, что иные изъ нихъ продавали свою родню за иностранные наследственные титулы и подсмѣиваясь надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что три раздѣла Польши уцѣлила ее князьями, графами и баронами. Намъ повѣдали также, что всѣ польскіе историки заблуждались, указывая на немногія исключенія въ родѣ Острожскихъ, Тарновскихъ, Радзивилловъ, Мышковскихъ и пр., доставшихъ себѣ титулы князей, графовъ, маркизовъ и пр. у Германскаго императора и даже у Гонзаговъ. Историческій очеркъ о польской шляхтѣ открылъ, что польскіе магнаты получали свои титулы отъ цыганскаго короля проживавшаго въ городѣ Мирѣ, *Новогрудскаю* (?) уѣзда, Минской губерніи. Всякій, кому удавалось читать польскихъ историковъ или польскихъ публицистовъ, отъ Лелевеля до Владислава Мицкевича, знаетъ, что они прозвѣстили намъ уши своими жалобами, какъ на самое размноженіе наследственныхъ титуловъ между ихъ вельможными соотечественниками, такъ и на способъ приобрѣтенія этихъ отличій, чуждыхъ старинному польскому духу. Крайняя скудость

русской литературы въ сѣвденіяхъ о Польшѣ доходила до того, что авторъ историческаго очерка о шляхтѣ не поколебался представить слѣдующій списокъ источниковъ своего историческаго труда: одинъ старый гербовникъ, одинъ справочный словарь, записки ксендза, очевидно трехъ раздѣловъ Польши, два новѣйшіе историческіе романа и полное собраніе Законовъ Рѣчи Посполитой, которое авторъ не умѣлъ однако же назвать и признакомство съ которыми было видно на каждой страницѣ «историческаго очерка» о шляхтѣ. Ни одинъ серьезный трудъ по польской исторіи не былъ даже упомянутъ.

Несмотря на невѣроятные факты, въ родѣ раздачи титуловъ цыганскимъ королямъ, статья «Современника» приходила собственно говорить довольно вѣрному выводу: «Порабощеніе поселенъ шляхтою, а шляхты магнатами развило ту нравственную порчу и тѣ внутренніе безпорядки, вслѣдствіе которыхъ исчезла самобытность польскаго народа». Ошибаясь въ подробностяхъ и въ нѣсколько ухорскомъ тонѣ своего очерка, авторъ тѣмъ не менѣе справедливо говорилъ, что къ концу XVIII столѣтія Польша раскололась на два народа, а чешъ теперь такъ много толкуеть г. Катковъ.

Но какъ вы думаете, читатель, кто возсталъ на крайне неблагопріятную для шляхты статью «Современника», кто заступился за польскую шляхту, за польскихъ магнатовъ? Мы готовы биться о закладъ, что не угадаете. Это былъ «Русскій Вѣстникъ».

«Мѣрять аристократическою мѣркою демократическія учрежденія и на оборотъ,—говорилъ онъ въ «Современной Лѣтописи» своего XVII тома,—это неособенно съ справедливостію, а между тѣмъ, у г. К. отъ начала до конца статьи только и видимъ карикатуру польскихъ учреждений. Не трудно жизни народа подмѣнить и собрать факты, которые хотя и будутъ вѣрны, отрывочно взяты, но въ совокупности составятъ вполне ложную картину и поведутъ къ самымъ ошибочнымъ умозаключеніямъ. Не трудно подобрать въ литературѣ извѣстнаго народа, въ особенности пользовавшагося полною свободою книгопечатанія, голоса и сужденія самыя бѣдія, сатирическія и мрачныя на счетъ общественнаго быта и коренныхъ народныхъ учреждений; но вѣрить на-слово, вполне и безусловно, всему тому злу, которое народъ самъ на себя возводитъ словесно и печатно, столь неосновательно, какъ и вѣрить вполне тому, чѣмъ народъ чванится въ своемъ національномъ высокомѣріи.... Что сказать о писателѣ, который по Диккенсу или Теккерю составилъ бы характеристику англійскаго народа, приписавъ ему всѣ тѣ пороки и недостатки, какими даровитые романисты надѣляютъ дѣйствующія лица въ своихъ разсказахъ?»

Распаденіе польскаго общества на два враждебные слоя и постепенное расширеніе правъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ, т. е. усиліе

магнатовъ. «Русскій Вѣстникъ» ставитъ на ряду съ комическими недостатками героевъ Диккенса и съ подкупами на выборахъ въ Англии! Трудно было оказать большее благоволеніе къ недостаткамъ Польши въ XVIII вѣкѣ, столь рѣзко осуждаемымъ самими поляками. Г. С., отвѣчавшій въ «Современной Лѣтописи» на статью «Современника», глубоко справедливо замѣтилъ, что авторъ очерка о шляхтѣ не понималъ смысла шляхетныхъ учреждений, но самъ г. С. увлекся до того, что говорилъ только о разницѣ началъ, послужившихъ основаніемъ русскому и польскому обществу и тщательно избѣгалъ признанія, что «Современникъ» отчасти правъ, видя въ недостаткахъ шляхты, этого державнаго сословія Польши, одну изъ главныхъ причинъ паденія польскаго государства.

Вотъ какъ люди перемѣнчивы.
Вотъ какъ время переходчиво!

Теперь г. Катковъ не можетъ найти достаточно сильныхъ словъ, чтобы охарактеризовать все безобразіе польской шляхты и то глубокое отвращеніе, которое возбуждаетъ она въ немъ. Теперь «Современникъ» готовъ хвалить славянофила г. Самарина за то вниманіе и за ту человѣчность, съ которою этотъ даровитый писатель сдумѣлъ отнестись къ недостаткамъ польскаго общества.

Приведенные нами факты объ недавнихъ отношеніяхъ къ польской шляхтѣ двухъ главныхъ русскихъ журналовъ, какъ мы надѣемся, слишкомъ хорошо свидѣтельствуютъ о маломъ знакомствѣ русской литературы съ польскою исторіей. Теперь, съ развитіемъ польскаго возстанія мы узнали Польшу гораздо болѣе, но до сихъ поръ, наше прежнее совершенное незнаніе ни польской исторіи, ни тенденцій польской народности скрывается еще очень замѣтно.

Въ 226 № «Голоса» какой то писатель передовыхъ статей этой газеты, рассказываетъ будто поляки увѣряютъ, что въ соединеніи Польши и Литвы при Ягелло слѣдуетъ видѣть не только взаимное влеченіе обоихъ племенъ, но и «кромя того еще бракъ по страсти». Бракъ по страсти между Ягелло и Ядвигой! Помните, да вѣдь этотъ бракъ извѣстенъ не только изъ исторіи, но еще изъ многихъ романовъ и дѣтскихъ повѣстей! «Прекрасная» Ядвига еще ребенкомъ была повѣнчана съ Вильгельмомъ Габсбургскимъ, она послала за нимъ, когда вельможи стали сватать ее за Ягелло, котораго она представляла себѣ дикимъ звѣремъ обросшимъ волосами и пр. Вильгельмъ пріѣхалъ въ Краковъ и королева устроила съ нимъ сзиданія въ одномъ изъ монастырей. Ядвига влюбилась

въ стройнаго и красиваго юношу, въ своего названнаго мужа: Приворные совѣтовали королевѣ ввести Вильгельма въ замокъ, продержатъ нѣсколько дней и потомъ объявить, что прежнее брачное условіе вступило въ силу. Это было исполнено, но краковскіе магнаты, покровительствовавшіе предложенію Ягелло, узнали и Вильгельму пришлось спастись въ окно. Ягелло ускорялъ свой прїѣздъ и Ядвига еще разъ рѣшилась видѣться съ своимъ любимымъ Вильгельмомъ. Она пошла къ воротамъ замка, но у внѣшней ограды ее остановила стража говоря, что паны ронные запретили отворять ворота. Паны впрочемъ не запретили дать топоръ королевѣ и она привялась отбивать имъ замки на воротахъ, во свята отсовѣтовала ей и т. д. Потомъ ксендзы уговорили Ядвигу выйти за ненавистнаго Ягелло, указывая на подвигъ крещенія Литвы. Вотъ взявъ и бракъ по страсти, и наши свѣденія по польской исторіи!

Впрочемъ не у однихъ газетчиковъ встрѣчаются очень странные промахи. Мы видимъ ихъ даже у ученыхъ, у специалистовъ, напримѣръ г. Кояловичъ, безъ всякаго сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи западнорусскаго края, столь долго подчиненнаго Польшѣ, а между тѣмъ по поводу сѣзда польскихъ пановъ одинадцатаго августа н. с. прошлаго года въ Городкѣ въ воспоминаніе соединенія Польши и Литвы, г. Кояловичъ говоритъ, что поляки ошиблись въ днѣ люблинской уніи и прибавляетъ: «такъ и видно, что устройствомъ празднествъ занимались не ученые люди, а школьники и профаны въ наукѣ.» Къ крайнему сожалѣнію, мы должны замѣтить, что Лелевель точно также означаетъ время подписанія Люблинской уніи и принадлежавшихъ къ ней актовъ перваго іюля и одинадцатаго августа 1569 года, а кто же назоветъ Лелевеля школьникомъ и профаномъ въ наукѣ, если бы даже г. Кояловичу посчастливилось открыть болѣе вѣрную хронологію. Мы готовы не менѣе г. Кояловича отнести энергически къ Городьскому сѣзду, на которомъ паны вздумали распорядиться судьбою Украйны, Бѣлорусіи, Смоленска и т. д., но полагаемъ, что все-таки надо быть осторожнѣе, особенно въ обличеніяхъ польскаго невѣжества въ польской исторіи. Впрочемъ какъ бы хорошо было, если бы поляки не знали своей исторіи, этаго главнаго затрудненія въ польскомъ дѣлѣ!

Въ самомъ дѣлѣ знакомство съ Польшею было заслонено отъ насъ русскихъ какою-то роковою силою. Даже русскіе заграничные выходцы, заключившіе теперь безавѣтный союзъ съ поляками, ничего не сдѣлали для ознакомленія съ исторією Польши, съ дѣятельными силами полонизма. Всѣ событія западно-европейской исторіи возбуждали силь-

ное вниманіе и пространное обсужденіе, а Польша всегда оставалась въ какомъ-то таинственномъ мракѣ. Сами поляки точно также ничего не сдѣлали для того, чтобы русское общество было болѣе знакомо съ ихъ страной.

Совершенное незнаніе Польши объясняетъ намъ многое въ крайней неопредѣленности и смутности статей русскихъ публицистовъ о польскомъ дѣлѣ, особенно за первое время возстанія. Польскій вопросъ, какъ извѣстно, представляетъ чрезвычайную сложность и никакія теоретическія соображенія, безъ основательнаго знакомства не только съ самой Польшею, но также съ Литвою и со всѣмъ западно-русскимъ краемъ, не въ состояніи представить сколько-нибудь практическія указанія для рѣшенія этаго запутаннаго и труднаго дѣла. Не надо забывать кромѣ того, что борьба на берегахъ Вислы требовала вполнѣ осуществимаго рѣшенія. Чтоже удивительнаго, если публицисты, еще не видѣвши практическаго исхода изъ борьбы, были робки и смутны, и даже отчасти не рѣшались прибѣгать къ возваніямъ народной мести, опасаясь, чтобы за этими возваніями нѣкоторые читатели не увидали чего нибудь, съ чѣмъ трудно было бы согласиться. Въ началѣ возстанія, характеръ борьбы былъ особенно ожесточенъ, и тогда надо было тщательно взвѣшивать каждое слово.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ соображеніяхъ, объясняющихъ недо статки нашей публицистики.

Русская литература, со времени пробужденія ея, которое наступило вскорѣ послѣ восточной войны, была занята почти исключительно дѣломъ внутреннихъ реформъ. Международныя отношенія Россіи, а также взаимные счеты европейскихъ государствъ занимали насъ сравнительно слабо. Къ тому же послѣ крымской войны политика русскаго кабинета держалась системы невмѣшательства и нѣкогда г. Катковъ очень пространно объяснялъ нашей публикѣ всю необходимость и всю пользу новаго образа дѣйствій русскаго правительства въ его внѣшнихъ отношеніяхъ. Почти всѣ журналы, правда, печатали обширныя обзорнія вностранный политики, но въ этихъ обзорніяхъ преимущественно, они разъясняли тѣ принципы, которые, по ихъ мнѣнію, были наиболѣе полезны для нашихъ собственныхъ реформъ. Долгое обращеніе къ исключительно внутреннимъ дѣламъ скопило въ русской журналистикѣ извѣстную массу преданій, свѣденій и опредѣляло общую систему ея дѣйствій.

А тутъ вдругъ, и съ-разу во всемъ объемѣ, явилось польское дѣло и быстро поставило насъ въ различные международные счеты... Чтоже

удивительнаго, что люди, нѣсколько лѣтъ не сводившіе глазъ съ хода нашихъ преобразованій, не увидали сразу такого практическаго рѣшенія польскаго дѣла, которое удовлетворяло бы ихъ общимъ принципамъ, не увидѣли и не проповѣдовали его.

Мы сказали, практическое рѣшеніе, — и вотъ новое затрудненіе, новая причина для смутности и колебаній. Всякій очень хорошо знаетъ, что русская литература, несмотря на ея пробужденіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ невмѣшивалась прямо въ совершившіяся событія и что на это были также слишкомъ серьезныя причины. Наши публицисты, какъ извѣстно, пробавлялись «безобразнымъ поступкомъ Вѣка» или г. Гемпелемъ относительно болѣе важныхъ общественныхъ явленій и дѣателей, ограничивались только выставкою принциповъ или «знаменъ.» Ожесточенная борьба происходившая въ Польшѣ требовала, разумѣется, исполнѣн практическаго рѣшенія, и что же мудренаго, если литература, мало привыкшая къ прямому участію въ событіяхъ, не могла сразу найти свою настоящую роль, и мы видимъ это даже на самомъ г. Катковѣ.

Петербургская журналистика до сихъ поръ высказываетъ мало практическихъ рѣшеній не по одному только польскому вопросу, а по весьма многимъ важнѣйшимъ явленіямъ общественной жизни. Въ петербургскихъ газетахъ неявилося ничего обстоятельнаго, напримѣръ о тѣхъ вопросахъ величайшей важности, которыя затронуты въ статьѣ «Русскаго Вѣстника»: «что намъ дѣлать съ Польшей?» Изъ этого позволительно заключать, что не одно только «затаенное противъ Россіи» производитъ «молчаніе» значительной части русской публицистики.

Мы перечислили три-четыре причины, которыя имѣли самое большое вліяніе на тѣ явленія, которыя г. Катковъ назвалъ «молчаніемъ» русскихъ публицистовъ. Мы сами очень хорошо знаемъ всѣ недостатки нашего обзора; мы не можемъ не видѣть, что причинамъ наибольшей важности мы отвели гораздо меньше мѣста, чѣмъ бы слѣдовало, и высказали ихъ неполно. Все-таки мы пытаемъ надежду, что смутность нашей журналистики по польскому дѣлу, какъ мы показали, объясняется вовсе не измѣною и тому подобными ужасами. Не что либо «затаенное противу Россіи», а простыя препятствія, малое знакомство съ польскимъ дѣломъ и проч. и проч. останавливали рѣчь многихъ изъ числа пишущихъ, особенно тѣхъ, которые желали выступить съ тщательно обдуманнми соображеніями. Русское же общество, какъ мы полагаемъ, никогда не нуждалось ни въ какихъ возбужденіяхъ патріотизма, но для него, какъ и для всякаго, очень важно вѣрное пониманіе возникшихъ вопросовъ, безъ ко-

тораго трудно покончить съ какимъ нибудь дѣломъ. Намъ остается только сожалѣть, что дѣятельность здѣшнихъ публицистовъ страдала недостатками, но отсюда еще далеко до нелюбви къ родинѣ.

Русское общество мало нуждалось въ возбужденіяхъ патріотическаго чувства и это до такой степени справедливо, что самъ г. Катковъ началъ печатать свои воззванія уже въ то время, когда адресъ петербургскаго дворянства былъ готовъ... уже въ то время, когда въ Москвѣ рабочіе разныхъ фабрикъ и крестьяне давно отслужили молебны и панихиды по убитымъ въ Польшѣ...

Для чего же г. Катковъ, проповѣдуя о «раскрытіи всѣхъ внутреннихъ силъ въ русскомъ обществѣ», готовъ всякими средствами задавить всю литературу, которая не соглашается съ нимъ въ возрѣніяхъ; а богъ знаетъ уступаетъ ли ему въ любви къ родинѣ? И что же это за раскрытіе силъ, при которомъ всѣ противурѣчащія г. Каткову оказываются непременно измѣнниками?

НЕКРОЛОГЪ.

Гаврила Степановича Батенькова.

Въ газетѣ «День» напечатано:

«На дняхъ скончался въ Калугѣ Гаврилъ Степановичъ *Батеньковъ*. Послѣ него не осталось ни семейства, ни близкихъ родныхъ; но объ этомъ человекѣ искренно пожалѣютъ многіе. Въ обширномъ и *разнообразномъ* кругу своихъ друзей и знакомыхъ, Батеньковъ пользовался вполне заслуженнымъ всеобщимъ уваженіемъ. Жизнь его исполнена чрезвычайныхъ случаевъ, о которыхъ теперь еще не время распространяться. Уроженецъ томской губерніи съ береговъ Оби, онъ былъ приведенъ судьбою на поля Франціи, и тамъ, въ 1814 г., въ одномъ сраженіи получалъ болѣе десяти ранъ. Французы уносили мертвыхъ и раненыхъ, когда онъ собралъ послѣднія силы и сдѣлалъ движеніе, чтобы показать, что онъ живъ. Такою же живучестью и крѣпостью отличался покойный Батеньковъ и въ нравственномъ отношеніи. Будучи хорошимъ артиллеристомъ, онъ по какимъ-то обстоятельствамъ нашелъ для себя нужнымъ поступить въ инженерное вѣдомство, употребилъ чрезвычайныя усилія и съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ въ инженерномъ дѣлѣ. Въ 1825 году, въ чинѣ подполковника, онъ занималъ въ одно и тоже время двѣ видныя должности при гр. Аракчеевѣ и Сперанскомъ и пользовался особеннымъ довѣріемъ послѣдняго. Отрывки изъ его записокъ о Сперанскомъ помѣщены въ извѣстной книгѣ барона М. А. Корфа.

«Въ старости, испытавъ много горя и лишеній, Батеньковъ сберегъ всю свѣжесть ума и энергію характера. Для насъ, младшихъ по возрасту, бесѣда его была всегда поучительна. тѣмъ болѣе, что Батеньковъ относился къ современнымъ событіямъ не съ брезгливымъ оужденіемъ, а съ полнымъ участіемъ и надеждою. Вѣчная ему память!

«П. Б.»

«Къ этимъ строкамъ прибавимъ нѣсколько словъ отъ себя. — Сила духа въ этомъ человѣкѣ была необычайная; ея присутствіе слышалось во всемъ его существѣ. Казалось бы, эта сила, въ соединеніи съ обширнымъ умомъ, высокой образованностью и дѣятельною любовью къ добру, къ людямъ, призвана была совершить многое для человѣческаго блага, — но, по неисповѣдимои волѣ провидѣнія, ей суждено было оказать себя только въ страданіяхъ, — страданіяхъ *бездѣйствія*... Возвратившись въ Москву, послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ испытаній, уже старцемъ, Батеньковъ не хотѣлъ оставаться празднымъ и на осьмомъ десяткѣ лѣтъ принялся описать и переводить то, что считалъ полезнымъ для русскаго общества. Грустно было смотрѣть на это неудавшееся существованіе, на обиліе даровъ, оставшееся безплоднымъ на эту неудовлетворенную, но не угасшую до послѣдняго часа жажду дѣятельности, на эту громадную силу духа, пораженную бездѣйствіемъ, тоскующую, недоумѣвающую — куда себя дѣвать, что съ тобой дѣлать. Теперь она оочила, успокоилась эта сила.»

Въ «Русской Бесѣдѣ» (кн. III, 1859 г.) помѣщено замѣчательное стихотвореніе Г. С. Батенькова «Одичалый»¹⁾. Считаю умѣстнымъ сообщить его здѣсь:

ОДИЧАЛЫЙ.

Я прежде говорилъ: «прости!»
 Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
 Мечты вилися на пути,
 И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
 Тамъ другъ пріятливый манилъ,
 Туда звала семья родная;
 Изъ полной чаши радость пилъ,
 Надежды свѣтлыя питая...
 Теперь «прости» всему на вѣкъ!
 Зачѣмъ дышу безъ наслажденій?
 Ужель еще я человѣкъ?
 Нѣтъ!.. да!.. для чувства лишь мученій!

¹⁾ Г. Аксаковъ почему-то даетъ другое заглавіе этому стихотворенію, а именно «Узникъ».

Во мнѣ ли оттискъ божества?
 Я-ль создатъ міра господиномъ?
 Создатель благъ. Ужель ихъ два?
 Могу ль Его назваться сыномъ?..

Шмели покоятся въ дуплѣ,
 Червякъ въ пыли по волѣ гнется —
 И мнѣ не тѣсно на землѣ:
 Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется,
 Имъ все! А мнѣ едва во снѣ
 Живая кажется природа...
 Ищу въ безчувственной стѣнѣ
 Отъѣвъ подобнаго мнѣ рода!

Вотъ тамъ туманъ густой вдали,
 И буря тучами играеть,
 Вода одна, и нѣтъ земли,
 Жизнь томно факель погашаеть.
 Вотъ тамъ на воздухѣ висить,
 Какъ страшный островъ, камень голый,
 И дикъ и пустъ, шумить, трещить
 Вокругъ грущобой лѣсъ сосновый.

Тамъ сѣрый свѣтъ,
 Пространства нѣтъ —
 И время медленно ступаеть:
 Борьбы стихій вездѣ тамъ слѣдъ,
 Пустыня-сирота рыдаеть...

И тамъ уму
 Въ тюрьмѣ тюрьму
 Еще придумалось устроить!....
 Легко ему
 Во мракѣ — тьму,
 Въ тѣснинахъ — тѣсноту удвоить!
 Тамъ пушекъ рядъ,
 Тамъ ихъ снарядъ.....
 На каждомъ входѣ часовые.
 Кругомъ крутятъ,
 Кругомъ шумятъ
 Морскія волны лишь сѣдя.
 Куда пойти?
 Кому прійти —

Сюда, безъ вѣдома смотрящихъ?
 И какъ найти
 Къ роднымъ путн?
 Тутъ даже нѣтъ и проходящихъ!..

Все это, тамъ, друзья, для васъ,
 И рѣдко вамъ на мысль приходитъ, —
 Все это здѣсь, друзья, для насъ!....
 Здѣсь взоръ потухшій лишь находитъ
 Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ.
 Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
 Соломы сгнившей пукъ обшитый,
 И на увлажненныхъ стѣнахъ
 Слѣды страданій позабытыхъ!

Живой въ гробу
 Клянупь судьбу,
 И день несчастнаго рожденья!
 Страстей борьбу
 И жизнь рабу
 Зачѣмъ вдохнула отъ презрѣнья?
 Скажите: свѣтитъ ли луна?
 И есть-ли птички хоть на волѣ?
 Имъ дышутъ-ли зефирны въ полѣ?
 По старому-ль цвѣтеть весна?
 Ужель и люди веселятся?
 Ужель не ихъ — ихъ не страшить?
 Другъ другу смѣть повѣряться
 И думать, и говорить?..
 Не вѣрю. Все переѣнилось:
 Земля вращается, стена,
 И солнце красное сокрылось...
 Но, можетъ быть, лишь для меня!

Вотъ тамъ, весной,
 Земли пустой
 Кусокъ вода струей отмыла.
 Тамъ глушь: полынн и мохъ густой, —
 И будетъ тамъ моя могила!
 Ничьей слезой
 Прахъ бѣдный мой
 Въ гробу гимномъ не оросится,

И на покой
Чужой рукой

Рѣсницъ черта соединится!

Не урна скажетъ, гдѣ лежить
Души безсмертной брѣнна рама;
Не пышный памятникъ стоитъ,
Не холмъ цвѣтистый — влажна яма!..
Кто любить, не придетъ туда...
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ погибшаго слѣда,
Его могильщикъ позабудетъ;
Здѣсь ния — въ гробовую тьму!..
Добра о немъ уже не скажутъ
И съ удовольствіемъ къ нему
Враги одно лишь зло привяжутъ.
Погибли чувства и дѣла,
Все доброе мое забыто,
И не осмѣлится хвала
Мнѣ приписать его открыто...

Кукушка стонетъ, злѣй шипитъ,
Сова качается на ели,
И кожей нетониръ шумитъ —
Вотъ пѣснь кругомъ сырой постели.
Песокъ несется, илѣ трясется,
Выходитъ паръ изъ мокроты,
И ржавый мохъ въ болото ткется —
Вотъ мнѣ привѣтныя цвѣты!
Придетъ холодный финнъ порой —
И въ сердцѣ страхъ одинъ имѣя,
Смутится самой тишиной
И скажетъ: «Здѣсь пріютъ злодѣя!
Уйдемъ скорѣй, ужъ скоро ночь —
Онъ чудится и въ гробѣ смутой...»
Съ коломъ въ рукахъ, въ боязни лютой,
Крестясь, пойдетъ оттолѣ прочь.

О люди! знаете-ль вы сами
Кто васъ любилъ, кто презиралъ,
И для чего подъ небесами
Одинъ стоялъ, другой уналъ!

Пора придетъ. Нелживый свѣтъ
 Блеснетъ; всѣмъ будетъ обличенье...
 Нѣтъ! не напрасно данъ завѣтъ,
 Дано святое наставленье,
 Что Богъ—любовь; и вамъ любить
 Единый къ благу путь указанъ, —
 И тотъ, кто васъ училъ такъ жить,
 Самъ былъ гонимъ, самъ былъ наказанъ!..
 Но чѣмъ-то сердце будетъ здѣсь,
 Которое любить умѣло,
 И съ юныхъ лѣтъ уже презрѣло
 Своекорыстіе и спѣсъ?
 Что будетъ око прозорливо,
 Которое земли покровъ
 Такъ обнимало горделиво
 И бѣги мѣрilo міровъ?
 Что будетъ черепъ головой,
 Разнообразныхъ думъ обитель?..
 Земля смѣшается съ землей,
 Истлѣтъ всё время-истребитель!
 Но скоро-ли? Какъ для меня
 Желателенъ конецъ дыханья!
 Тлѣнь благотворнаго огня
 Сулитъ покой, конецъ страданья!
 Но други! въ этотъ самый часъ,
 Какъ кончу я мой путь печальный,
 Быть можетъ, трепеть погребальный
 Раздастся въ сердцѣ и у васъ...
 Или душами нѣтъ сношеній,
 И чувства чувство не пойметъ?
 Ненужный вамъ для наслажденій
 Равно живетъ иль не живетъ?

Ужель себя

Однихъ любя,

Во мнѣ лишь средство веселиться
 Искали вы, и не скорбя,
 Могли навѣкъ со мной проститься?

И крови гласъ

Ужели васъ

Ко мнѣ порой не призываетъ?

И дружбы жаръ въ *просты* погасъ —
И стону хохотъ отвѣчаетъ?..

Пусть такъ. Забытый и гонимый,
Я сохранию въ груди своей
Любви запасъ неистощимый,
Для жизни новой, послѣ сей!

.
.
.
.

Безсмертіе! Въ тебѣ одномъ
Одна несчастному отрада,
Покой — въ забвеньи гробовомъ,
Въ упованіи — награда!..
Здѣсь все, какъ сонъ пройдетъ. Пождемъ —
Призывный голосъ навѣваетъ —
Мы терпимъ, бремя мукъ несемъ,
Жизнь тихо теплится — но таетъ...

О-Е-А.

18.. года.
Крѣпость въ Финляндіи.

— Неужели же все это правда, что вы вчера рассказали мнѣ? — вотъ были его первыя слова.

— Да, мистеръ Мэзонъ, все это правда.

— И вы съ нею навѣки презрѣнные изгнанники!... Я впрочемъ постараюсь это перенести, мистриссъ Ормъ. Если я нынѣшнюю ночь не покончилъ съ своею жизнью, то это потому, что рѣшился жить и терпѣть. Желаетъ ли она меня видѣть?

— Я сказала ей, что вы придете къ ней утромъ.

— Но чтоже я скажу ей? Я не желаю бы осуждать мою мать, но какъ могу я не осудить ее?

— Прежде всего скажите ей, что вы прощаете ее.

— Но это будетъ ложь: я не прощаю ее. Я любилъ мою мать, я уважалъ ее какъ чистую, лучшую изъ женщинъ; я гордился моею матерью. Могу ли я простить ей, что она разрушила во мнѣ эти чувства?

— Нѣтъ ничего такого, чего бы сынъ не долженъ былъ простить своей матери!

— Ахъ, это легко только сказать! Люди часто говорятъ о прощеніи, тогда какъ гнѣвъ еще глубоко кипитъ въ ихъ сердцахъ... Конечно, пройдутъ годы, и вѣроятно я въ состояніи буду простить ей... Я надѣюсь, что прощу когда-нибудь. Но сказать, что теперь могу простить ей — это была бы насмѣшка... Она разорвала мое сердце, мистриссъ Ормъ.

— А развѣ она сама не страдала? Развѣ ея сердце не растерзано?

— Всю ночь я думалъ объ этомъ... Не могу понять, какъ это только она могла пережить эти послѣдніе шесть мѣсяцевъ!.. Но не пора ли мнѣ къ ней идти?

Мистриссъ Ормъ поспѣшила наверхъ и чрезъ полчаса времени снова возвратилась. Она почти раскаявалась, что заставила ихъ видѣться въ это утро; можетъ-быть лучше было бы отложить это свиданіе до окончанія суда. Она желала бы, чтобы Люцій былъ помягче въ обращеніи, но теперь уже было поздно думать объ этомъ.

— Она готова принять васъ, мистеръ Мэзонъ; но, умоляю васъ, будьте къ ней милосерды, какъ сами ожидаете милосердія отъ Отца вашего небеснаго! Она мать ваша, и хоть она оскорбила васъ своимъ безумнымъ поступкомъ, все же, несмотря ни на что, ея сердце осталось вѣрно въ чувствахъ къ вамъ. Ступайте же. Помните только, что жестокосердіе ко всякой женщинѣ безчеловѣчно.

— Одно могу вамъ обѣщать: я постараюсь быть лучше, на сколько силъ моихъ хватить, — отвѣчалъ онъ тѣмъ суровымъ голосомъ, который былъ ему привыченъ, и мелкими шагами пошелъ навѣрхъ къ матери.

Когда Люцій вошелъ въ комнату, леди Мэзонъ стояла у стѣны, напротивъ двери, крѣпко сложивъ руки и устремивъ глаза на дверь. Такъ она стояла, пока онъ не затворилъ за собою дверь и не сбѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней. Она двинулась съ мѣста и вдругъ бросилась предъ нимъ на колѣни, обняла обѣими руками его ноги и воскликнула:

— Сынъ мой! Сынъ мой!

Она припала къ его ногамъ и омочила ихъ своими слезами.

— О, матушка! Что это она мнѣ сказала!

Но леди Мэзонъ ничего не могла говорить. Казалось, все ея сердце надорвалось и излилось въ рыданіяхъ. Когда на одну минуту она подняла лицо и взглянула на него, онъ увидѣлъ цѣлые ручьи слезъ, катившіеся по ея щекамъ. Еслибъ слезы не облегчили ее, то не вынести бы ей кажется этихъ жестокихъ страданій, душившихъ ее.

— Матушка, встаньте! сказалъ Люцій: — позвольте же мнѣ поднять васъ. Вѣдь это ужасно, что вы лежите у моихъ ногъ! Матушка, дайте же мнѣ поднять васъ.

Но она все лежала на полу, обнявъ его ноги, и едва слышно между рыданіями произносила:

— Люцій, Люцій!

Вдругъ она выпустила ноги его изъ рукъ, ея натянутые мускулы ослабѣли и она въ совершенномъ изнеможеніи упала лицомъ на полъ.

— Мама! сказалъ онъ, становясь на колѣни подлѣ нея и ласково приподнимая ее подъ руку: — мама, если ты встанешь, я буду говорить съ тобою.

— Твои слова убьютъ меня, сказала она: — я не смѣю смотрѣть на тебя. О, Люцій! простишь ли ты когда-нибудь твою несчастную мать?

Между тѣмъ вѣдь она для него же все это сбѣлала. Она совершила мошеннической подлогъ, преступленіе, принесла ложную присягу — и все это для него, для него одного! Не мысль объ увеличеніи своего богатства руководила ея дѣйствіями, когда она задумала совершить подлѣйный актъ. Какъ Ревекка обманула своего мужа и господина и лишила его первенца Исава права первородства, такъ точно и она ограбила того, кто былъ для нея Исавомъ. Какъ часто она думала объ этомъ, когда

ея совѣсть громко возставала противъ сдѣланнаго ею преступленія! Развѣ виѣнено было въ преступленіе Ревеккѣ, что она любила одного сына сильнѣе, чѣмъ другаго, и изъ любви къ нему постаралась перенести благословеніе отца на голову младшаго сына, прибѣгнувъ для того къ невообразимой хитрости? А она развѣ меньше Ревекки любила своего сына, свое единственное, ни съ чѣмъ несравнимое сокровище въ мірѣ? И развѣ она не умоляла стараго мужа, доказывая ему, что справедливость требуетъ обезпечить и его младшаго сына? Развѣ она не убѣждала его до тѣхъ поръ, пока старикъ не разсердился наконецъ и не оттолкнулъ ее отъ себя, говоря, что «онъ не хочетъ нарушить своего слова ради этого мальчишки»? А! когда такъ, она взяла да и написала сама документъ... Но какая польза теперь отъ этого ей сыну?.. Библейскій разсказъ, прежде поощрявшій ее на этотъ подвигъ, теперь нисколько не облегчалъ ей судьбы. Теперь весь результатъ дурнаго дѣла тяжело обрушился на нее, и она съ разбитымъ сердцемъ, обливаясь горячими слезами, молила о прощеніи не того, кого она обидѣла, но своего роднаго сына, для счастья котораго такъ много и преступно хлопотала!

— Мама, сказалъ онъ: — теперь все кончено для насъ здѣсь.

— О! все кончено!

— Куда и когда намъ лучше отправиться—я не могу теперь этого сказать. Мы должны дожидаться окончанія этого дня.

— Люцій, я не беспокоюсь о себѣ: для меня все равно, гдѣ я буду или что обо мнѣ скажутъ; но ты, Люцій... Мысль о тебѣ мучитъ меня!..

— Мама, наша участь нераздѣльна. Если найдутъ тебя виновною и заключать тебя въ тюрьму, то и я скроюсь отсюда и возвращусь только тогда, когда тебѣ возвратятъ свободу. Будущность, какъ для тебя, такъ и для меня, совершенно различна отъ нашего прошлаго.

— Это не должно быть такъ для тебя, Люцій. Я не хочу болѣе имѣть тебя при себѣ.

— Но я долженъ быть при матери. Куда ты скроешь свой позоръ, туда и я укрою свой позоръ. Для насъ съ тобою ничего болѣе въ мірѣ не остается. Но есть другой міръ — для кающихся грѣшниковъ...

Сурово говорилъ Люцій, мрачно нахмурилъ брови и нѣсколько отвернувшись отъ матери. Жестоко было ея положеніе... и какъ онъ могъ бы усладить его, еслибъ взялъ ее только за руку или поцѣловалъ ее! Перегринъ сдѣлалъ бы это, и Августъ Стэвлей сдѣлалъ бы тоже, еслибъ случилось имъ быть въ такомъ же положеніи. Люцій Мэзонъ не могъ

этого сдѣлать; тѣмъ не менѣе онъ былъ такъ же справедливъ, какъ онъ, и не менѣе ихъ любилъ свою мать и могъ бы такъ же всецѣло посвятить свою жизнь матери. Но не всѣмъ дана возможность надѣлать другимъ тѣмъ небеснымъ бальзамомъ, который исцѣляетъ всѣ раны и утѣшаетъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Изъ всѣхъ добродѣтелей, которыя человѣкъ можетъ приписать себѣ, нѣтъ ничего отвратительнѣе того правосудія, которое научаетъ его смотрѣть на милосердіе почти какъ на порокъ.

— Я не смѣю просить тебя простить мнѣ, сказала она съ горестью.

— Мама, отвѣчалъ онъ: — еслибъ я сказалъ, что прощаю тебѣ, то слова мои были бы злою насмѣшкою. Я не имѣю права ни осуждать, ни прощать тебя. Я принимаю свое положеніе, какъ оно мнѣ дается, и постараюсь исполнить свой долгъ.

Для нея было бы легче, еслибъ онъ осыпалъ ее укоризнами: она упала бы снова ему въ ноги, если не тѣломъ, то мыслью, и тогда слабость замѣнила бы ей силу; но теперь она должна выслушать его слова, вытерпѣть его взгляды и нести ихъ какъ тяжелое бремя, не показывая даже изнеможенія. Видя это, нельзя не подумать, какъ изумительна была ея твердость.

Она встала и подошла къ сыну.

— Но ты подашь мнѣ свою руку, Люцій?

— Да, матушка; вотъ моя рука. Я не отстану отъ васъ, что бы ни было съ вами.

Но онъ не склонился къ ней для поцѣлуя... а въ ея сердцѣ все-еще была гордость, которая не позволяла просить его объ этомъ.

— Время уже готовится вамъ къ отъѣзду, сказалъ онъ: — мистриссъ Ориъ думаетъ, что мнѣ лучше не ѣхать съ вами.

— Не ѣзди, Люцій, не ѣзди: ты будешь не въ состояніи выслушать приговора, когда мать твою объявятъ виновною.

— Въ этомъ мало разницы... но такъ и быть, я не поѣду. Еслибъ зналъ я о томъ прежде, такъ и прежде бы не являлся туда. Я это дѣлалъ для того, чтобы своимъ присутствіемъ свидѣтельствовать мою увѣренность въ вашу невинность, — нѣтъ, мое убѣжденіе, мою вѣру въ васъ...

— О, Люцій! пощади меня!..

— Хорошо, я объ этомъ не буду болѣе говорить. По возвращеніи вашемъ вы найдете меня здѣсь.

— Но если меня признают виновною, то я тотчас же буду заключена въ тюрьму.

— Въ такомъ случаѣ я приѣду къ вамъ утромъ же, — если только меня допустятъ къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ, матушка, завтра же я долженъ оставить этотъ домъ.

Тутъ онъ снова подалъ ей руку и оставилъ ее, опять не коснувшись до нея губами.

Когда наши двѣ леди появились въ судѣ безъ Люціи Мэзона, то въ толпѣ пронесся сильный говоръ о причинахъ его отсутствія. Дократъ и Джозефъ Мэзонъ поняли настоящую причину и съ новою радостью приняли это обстоятельство.

— Онъ не смѣетъ выслушать приговора, сказалъ Дократъ.

А между тѣмъ, по выходѣ изъ суда въ предыдущее засѣданіе, послѣ того какъ выслушана была рѣчь Ферниваля, ихъ надежды не поднимались очень высоко. Дократъ не выражалъ словами, что боится пораженія; но когда Джозефъ Мэзонъ, скрежеща зубами, шагаль по своей комнатѣ въ Альстонѣ, и стукнувъ по столу кулакомъ, выразилъ свой страхъ такими словами: «клянусь небомъ! они опять такъ обработаютъ дѣло, что она увернется у меня изъ рукъ!» — тогда мистеръ Дократъ не въ силахъ былъ представить ему существеннаго подкрѣпленія.

— Вѣдь не такіе же сумасброды присяжные, чтобы принимать всѣ ихъ слова за евангеліе! сказалъ онъ, — но не тѣмъ уже самоувѣреннымъ тономъ, который все время выказывалъ, пока мистеръ Ферниваль не произносилъ еще своей рѣчи.

Не могло уже быть лучшаго доказательства того, какъ могущественно было краснорѣчіе мистера Ферниваля, — какъ наружный видъ Джозефа Мэзона по выходѣ изъ суда.

— Кажется, придется мнѣ заплатить сотенками фунтовъ стерлинговъ, сказалъ онъ вечеромъ Дократу.

— Орлійская ферма за все заплатитъ! отвѣчалъ Дократъ, но въ его отвѣтъ не слышалось уже прежней самоувѣренности.

— И какъ подумаешь, такъ, право, вѣдь Джозефъ Мэзонъ заслуживалъ сожалѣнія: онъ желалъ только своей собственности; а что Орлійская ферма его собственность, въ этомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Краснорѣчіе мистера Ферниваля ничуть не поколебало его увѣренности, но заставила его бояться, что другіе могутъ поколебаться.

— Еслибъ это предоставлено было только судѣ... думалъ мистеръ Мэзонъ.

Одинъ только молодой Перегринъ Ормъ встрѣтилъ свою мать у дверей суда и по ея желанію подалъ руку леди Мэзонъ. Мистеръ Арамъ тоже ожидалъ ихъ, но у мистера Арама было много такта, и потому онъ не подалъ руки мистриссъ Ормъ, довольствуясь только тѣмъ, что шелъ рядомъ, расчищая для нея дорогу въ толпѣ.

— Я радуюсь, что ея сынъ не пріѣхалъ сегодня, сказалъ онъ, не поворачивая головы къ мистриссъ Ормъ и говоря такъ тихо, что даже она едва могла слышать: — онъ принесъ всю пользу, какую могъ, и если приказаніе судьи будетъ исполнено, то присяжные не обратятъ вниманія на его отсутствіе. Конечно, мистриссъ Ормъ, мы надѣемся на все лучшее, хотя это сомнительно...

Когда Феликсъ Грегамъ занялъ свое мѣсто рядомъ съ Чаффенбрассомъ, старый юристъ, нахмуривъ брови, обратилъ сперва на него свои красные, яростные глаза, а потомъ отвернулся отъ него, бормоча себѣ подъ носъ, такъ что всѣ присутствующіе могли это замѣтить, да и было замѣчено членами суда и очень насмѣшило ихъ.

— Доброе утро, мистеръ Чаффенбрассъ! сказалъ Грегамъ вслухъ, заиная свое мѣсто.

Чаффенбрассъ опять заворчалъ. Разсматривая знаменитость, которою онъ блисталъ, нельзя не отдать справедливости мистеру Чаффенбрассу, что онъ считалъ за долгъ чести вполне заслуживать свою награду. Онъ всегда былъ вѣренъ тому человѣку, отъ котораго получалъ деньги, и по-истинѣ продавалъ своему покупателю всю помощь, какая только заключалась въ его силахъ. Но мы должны отдать ту же справедливость и наемному разбойнику, который съ надлежащею честностью и мужествомъ выполняетъ убійство, для котораго подкупленъ. За честность и вѣрность къ своимъ покупателямъ (честность и вѣрность — двѣ великія добродѣтели) можно бы поставить мистера Чаффенбрасса на одну доску съ разбойникомъ.

Судья началъ свою рѣчь, въ продолженіи которой онъ повторилъ вкратцѣ всѣ показанія, всѣ мнѣнія и улики, обсуждая подробности по частямъ, отдѣляя то, что было говорено собственно касающееся до дѣла, отъ того, что не относилось къ нему, причемъ выказалъ необыкновенный талантъ и ясность въ изложеніи выше всякой хвалы. Но по моему мнѣнію, замѣчательно то, что судья, казалось, смотрѣлъ на свидѣтелей какъ хирургъ смотритъ на предметы, которые онъ анатомируетъ для пользы науки. Съ удивительною тщательностью онъ излагалъ, что было каждымъ сказано и какое отношеніе находилось между спеціальностью

одного и особенностью другого. Но онъ ничего не сказалъ о нихъ тако-го, что могло бы показать, что онъ считаетъ ихъ живыми людьми, ко-торые имѣютъ столько же права на правосудіе, вѣренное ему, какъ и истецъ съ отвѣтчикомъ, хотя, казалось бы, ктоже, если не свидѣтели, имѣли право на его справедливость, кромѣ того случая, еслибъ онъ могъ доказать, что ихъ свидѣтельство ложно и подкуплено; но за исключе-ніемъ этихъ двухъ случаевъ подкупа и лживости, свидѣтели несутъ тяжкую обязанность въ отношеніи общества, отъ котораго они не полу-чаютъ платы и не имѣютъ никакихъ преимуществъ. А объ комъ другомъ изъ засѣдающихъ въ судѣ можно тоже сказать? Судья имѣетъ горно-стаевую мантию, сидитъ подъ балдахиномъ, получаетъ огромное жало-ванье и занимаетъ почетное мѣсто. У адвокатовъ парики, сильные го-лоса и привилегированныя мѣста. Атторней имѣютъ свои сѣдалища и огромные столы и нѣкоторый извѣстный почетъ экзекуторскихъ жез-ловъ. Съ присяжными (очень завидовать имъ нельзя) обращаются съ почтительностью и лестью; они имѣютъ тоже свои почетныя мѣста, и наконецъ ихъ неизбѣнно называютъ джентльменами. Но отчего же въ судѣ нѣтъ почетныхъ мѣстъ для свидѣтелей? Они стоятъ въ особенномъ отдѣленіи, ихъ выкликаютъ посредствомъ полиціи, на нихъ бранится и имъ грозитъ судья; ихъ презрительно стращаютъ и обвиняютъ въ же-свидѣтельствѣ адвокаты, и наконецъ ихъ объявляютъ клятвопреступни-ками присяжные — вотъ участь тѣхъ людей, которые во все продол-женіе процесса имѣютъ быть-можетъ наиболѣе права на общественную благодарность. Нѣтъ! пускай-ка свидѣтель имѣетъ свое почетное кресло подъ балдахиномъ и человѣка въ красной мантии, воздающаго ему почести и открывающаго ему дверь кареты; пускай его вѣжливо просятъ пожаловать въ судъ, оставивъ для того комфортъ и каминъ въ своемъ домѣ, — тогда и свидѣтель съумѣетъ высказать свои мысли, тогда и онъ заставитъ выслушать себя, не боясь угрозъ, ни презрѣнья, и быть-мо-жетъ въ состояніи будетъ выдержать славную битву съ хвастливыми пѣтухами, которые громко кукарекаютъ на своихъ навозныхъ кучахъ.

Словомъ сказать, судья сдѣлалъ свое дѣло съ необыкновенною лов-костью, рассыпаясь въ похвалахъ краснорѣчію мистера Феривая и ниспровергая софизмы и ложные выводы Чаффенбрасса. По его словамъ, рѣшеніе суда присяжныхъ вполнѣ зависитъ отъ свидѣтельства Кеннеби и Бриджетъ Больстеръ. На сколько онъ понималъ, показаніе Дократа мало заслуживаетъ вниманія; а принимая въ соображеніе лукавство, злобу и алчность, выказанныя со стороны Дократа, его показаніе стано-

вится рѣшительно бесполезнымъ. Суду присяжныхъ явно доказано, что леди Мэзонъ при прежнемъ процесѣ принесла присягу въ томъ, что она дѣйствительно присутствовала, когда ея покойный мужъ подписывалъ припись къ духовной, и видѣла своими глазами, какъ свидѣтели прикладывали свои руки подъ его подписью. Судъ присяжныхъ долженъ также считать за доказанное, что другой документъ, — документъ, созершенный для прекращенія товарищества между сэромъ Джозефомъ Мэзономъ и мистеромъ Мартиномъ, — былъ совершенъ также 14 іюля и что онъ былъ скрѣпленъ подписью сэра Джозефа и также двумя пережившими свидѣтелями, Кеннеби и Больстеръ. Слѣдовательно вопросъ, предстоящій на обсужденіе присяжныхъ, заключается въ слѣдующемъ: при сэрѣ ли Джозефѣ Мэзонѣ были совершены оба документа, значащіеся подъ однимъ и тѣмъ же числомъ? Если не при немъ и если документъ относительно товарищества былъ подлинный документъ, то другой долженъ быть подложный и поддѣланный; а если онъ подложный и поддѣланный, то леди Мэзонъ дала ложную присягу и виновна въ влтвопреступленіи, въ которомъ теперь обвиняется. Въ этомъ аргументѣ можно предполагать увертку, при которой очень возможна лазейка. Хотя оба документа носятъ число 14 іюля, но въ этомъ можетъ быть ошибка. Очень возможно, хотя безъ сомнѣнія очень странно, что это число вставлено въ документъ товарищества, да и самый этотъ документъ написанъ гораздо послѣ. Но такъ какъ свидѣтельница Больстеръ сказала, что всего одинъ разъ въ жизни была приглашена приложить руку для засвидѣтельствованія подписи сэра Джозефа, и если вѣрить даже ея показанію, то возможность ошибки въ отношеніи выставленнаго числа мало или совсѣмъ не служила бы въ пользу леди Мэзонъ. Что касается до ея личнаго мнѣнія, то онъ никакъ не взялъ бы на себя сказать, что въ этомъ проявляется достаточная причина, чтобы обвинить свидѣтельницу Больстеръ въ принесеніи ложной присяги. Безъ сомнѣнія, ея способъ показанія свидѣтельства показываетъ много упорства, но это упорство могло бы также происходить отъ честнаго намѣренія съ ея стороны не позволить себя поколебать. Впрочемъ достоинство ея свидѣтельства должно быть обсуждено самымъ судомъ присяжныхъ. Относительно же Кеннеби судья принужденъ былъ согласиться, что этотъ свидѣтель чрезвычайно глупъ. Никто на свѣтѣ, слушая его, не заотѣлъ бы обвинить его въ намѣреніи принести ложную присягу; но судъ присяжныхъ быть-можетъ разсудить, что показаніе подобнаго свидѣтели

не должно быть принято за заслуживающее вниманія относительно обстоятельствъ, случившихся за двадцать лѣтъ назадъ.

Докладъ судьи занялъ два часа времени, но вся сущность его заключалась въ этомъ. Тогда присяжные удалились для обсужденія своего приговора. Судья же, адвокатъ и остальные присяжные продолжали свои занятія по случаю другаго, не столь важнаго процесса. Леди Мэзонъ и мистриссъ Ормъ оставались нѣкоторое время на своихъ мѣстахъ, можетъ-быть минутъ двадцать, но вида, что присяжные не такъ скоро возвращаются, онѣ удалились въ приемную комнату, гдѣ и прежде находились. Мистеръ Арамъ послѣдовалъ за ними, а тамъ встрѣтилъ ихъ Перегринъ.

— Докладъ его снѣтельства былъ очень хорошъ, истинно очень хорошъ, — сказалъ мистеръ Арамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Перегринъ.

— И чрезвычайно благоприятный нашей сторонѣ.

— Такъ вы думаете, сказала мистриссъ Ормъ, смотря прямо въ лицо атторнею: — такъ вы думаете, что...

Но она не знала, какъ закончить свой вопросъ.

— Да, я такъ думаю. Вѣроятно приговоръ будетъ не противъ насъ; надѣюсь, что нѣтъ. Я не говорилъ бы этого предъ леди Мэзонъ, еслибъ не имѣлъ твердаго убѣжденія. Присяжные могутъ не соглашаться— это очень правдоподобно; но я никакъ не могу предсказывать, чтобы приговоръ былъ противъ насъ.

Въ этихъ словахъ была нѣкоторая доля утѣшенія, — но какого оскорбительнаго свойства было это утѣшеніе! Не въ каждомъ ли словѣ атторнеи высказывалось его ясное убѣжденіе въ виновности его кліентки? Даже Перегринъ Ормъ не могъ бы смѣло высказать, что увѣренъ въ оправданіи, потому что другаго приговора справедливость не допускала бы. И почему не пришелъ самъ мистеръ Ферниваль, чтобы взять за руку своего друга и поздравить ее съ прекращеніемъ всѣхъ неприятностей? Мистеръ Ферниваль не подошелъ къ ней, а еслибы и подошелъ, то что онъ могъ ей сказать?

Мистеръ Ферниваль съ сэромъ Ричардомъ Лэтергамомъ вмѣстѣ оставили засѣданіе и послѣдній уѣхалъ въ Лондонъ, не дождавшись приговора. Мистеръ Чаффенбрассъ, а также Феликсъ Грэгамъ оставили сцену своихъ подвиговъ и при выходѣ изъ суда перебросились нѣсколькими словами.

— Мистеръ Грэгамъ, сказалъ закаленный въ бояхъ герой Олдъ-

Бэйли, — вы слишкомъ возвышены для такого рода дѣлъ, за которыя и берусь. Будь я на вашемъ мѣстѣ, такъ я ни за что бы не сталъ вѣнчиваться въ такія дѣла на будущее время.

— Я и самъ готовъ тоже думать, мистеръ Чаффенбрассъ.

— Если человекъ беретъ на себя какую-нибудь обязанность, то онъ и долженъ выполнить ее. Таково мое мнѣніе, хотя, признаюсь, оно выходитъ немного изъ моды; въ особенности слѣдуетъ исполнять свою обязанность, если берешь за это деньги, мистеръ Грэгамъ.

Послѣ этого старый адвокатъ сверкнулъ на него своими пламенными глазами, кивнулъ головой и отошелъ. Что могъ Грэгамъ отвѣчать на это? Еслибы даже его отвѣтъ былъ готовъ, то и тогда онъ не имѣлъ довольно ни времени, ни мѣста, чтобы высказаться. Но у него не было готоваго отвѣта, который былъ бы приличенъ въ судебной залѣ, биткомъ набитой любопытными, и потому мистеръ Чаффенбрассъ пошелъ своею дорогою, не дождавшись отвѣта. Теперь, когда онъ навсегда исчезнетъ изъ нашего вида, мы можемъ сказать о немъ, что онъ исполнялъ свою обязанность сообразно своему пониманію.

Здѣсь въ маленькой коннатѣ просидѣли леди Мэзонъ съ мистриссъ Ориъ до поздняго вечера и съ ними, конечно, оставался Перегринъ. Здѣсь можно было отдохнуть и освѣжиться; но изъ трехъ дней, проведенныхъ ими въ судѣ, не было болѣе тяжелаго и угнетающаго дня, какъ настоящій. Занятія никакого не было, а ожиданіе было ужасно. И съ каждымъ часомъ это ожиданіе становилось невыносимѣе, потому что ясно показывало, что нѣкоторые изъ присяжныхъ не соглашались признать ее невиновною.

— Говорятъ, восемь голосовъ противъ четырехъ, сказалъ мистеръ Арамъ, много разъ уходившій и возвращавшійся къ нимъ: — но нельзя навѣрное сказать, на сколько это справедливо.

— Восемь противъ четырехъ! воскликнулъ Перегринъ.

— Восемь признаютъ невиновною, четыре виновною, сказалъ Арамъ: — если это такъ, то мы спасены по крайней мѣрѣ до будущихъ застѣданій.

Но не суждено было леди Мэзонъ оставить судъ въ сомнѣніи. Въ восемь часовъ приближалъ къ нимъ Арамъ, запыхавшись отъ смѣха, и объявилъ, что присяжные послали за судьей. Судья ушелъ было домой обѣдать, но тотчасъ вернулся какъ только услышалъ, что присяжные рѣшили свой приговоръ.

— Такъ намъ опять надо идти въ присутствіе? спросила мистриссъ Орпъ.

— Леди Мэзонъ непремѣнно должна присутствовать.

— Въ такомъ случаѣ и я пойду съ нею. Готовы ли вы, душенька?

Леди Мэзонъ не имѣла силы говорить, но знакомъ дала знать, что готова, и тогда онѣ опять вошли въ судебную залу. Присяжные сидѣли уже на своихъ мѣстахъ, и когда обѣ дамы заняли свои мѣста, вошелъ судья. Въ залѣ зажгли очень немногихъ газовыхъ лампъ, такъ что едва можно было видѣть другъ друга и остальная церемонія продолжалась не болѣе пяти минутъ.

— Не виновна, милордъ, произнесъ глава присяжныхъ.

Протоколъ былъ тотчасъ составленъ и судья скоро вернулся къ своему обѣду. Джозефъ Мэзонъ и Дократъ присутствовали здѣсь при произнесеніи приговора. Предоставляю воображенію читателя представить себѣ, съ какимъ аппетитомъ они вернулись домой!

ГЛАВА XXII.

Я ВСЕ-ЕЩЕ ЕЕ ЛЮВЛЮ!

Все кончилось, и какъ говорилъ Люцій своей матери, имъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только удалиться куда-нибудь и скрыться отъ всѣхъ. Приговоръ присяжныхъ достигъ до него прежде, чѣмъ мать успѣла вернуться, и въ ту же минуту онъ сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующее письмо къ мистеру Фернивалю:

Орлийская оерма, мартъ 18го.

«Любезный сэръ!

Отъ имени матери моей сиѣшу поблагодарить васъ за великіе и усилненные труды, поднятые вами въ этомъ процессѣ. Сознаюсь, что былъ не правъ, обвиняя васъ въ томъ, что, какъ мнѣ казалось, вы давали недобрые совѣты моей матери; теперь я убѣдился, что вы дѣйствовали наилучшимъ образомъ въ ея пользу. Смѣю ли просить васъ присоединить къ вашимъ великимъ одолженіямъ еще одно: собрать всѣ свѣдѣнія и увѣдомить меня какъ можно скорѣе, сколько всего я долженъ всѣмъ господамъ юристамъ, принимавшимъ столько хлопотъ въ этомъ процессѣ, защищая мать мою.

«Не думаю, чтобъ это могло васъ встревожить, если я вамъ скажу безъ всякаго предисловія, что рѣшился сейчасъ же оставить Орлийскую

ферму и безъ всякаго отлагательства передать всевозможныя права имѣнія моему сводному брату, мистеру Джозефу Мэзону изъ Гроби-Парка. Я такъ глубоко чувствую необходимость сдѣлать это, не отлагая и на одинъ день, что завтра же переѣду съ матерью моею на квартиру въ Лондонъ и потомъ уже рѣшу, какія мѣры лучше принять для нашего устройства. Мать моя будетъ получать двѣсти ф. ст. ежегоднаго дохода, за надлежащимъ вычетомъ расходовъ по этому процессу.

«Надѣюсь, что это не очень стѣснитъ васъ, если я попрошу васъ вступить въ переговоры съ повѣренными моего брата насчетъ передачи ему имѣнія. Право я не знаю, какъ мнѣ это сдѣлать. Само собою разумѣется, я желаю при этомъ защитить имя моей матери, на сколько это въ моей власти, отъ всякой огласки. Надѣюсь, что мнѣ не предстоитъ надобности настаивать на этомъ фактѣ: вѣдь это фактъ, и ничто на свѣтѣ не можетъ измѣнить моего намѣренія. Если же мнѣ нельзя будетъ исполнить этого намѣренія чрезъ ваше посредство, то я самъ долженъ буду отправиться къ мистеру Роунду. Кроме того я предвижу, что согласно съ строгою справедливостію, мой братъ подастъ на меня ко взысканію и потребуетъ съ меня доходы съ имѣнія за всѣ годы со времени смерти нашего отца. Въ такомъ случаѣ, если онъ пожелаетъ, я дамъ ему на себя законное обязательство, по которому буду состоять его должникомъ; только онъ долженъ знать заранее, что подастъ ко взысканію на нищаго, хотя можетъ-быть это будетъ сообразно съ его намѣреніями. Я не думаю, чтобы до этого дошло, но при такихъ обстоятельствахъ принужденъ буду просить мою мать производить вычетъ съ ея маленькаго капитала. Впрочемъ, если вы въ этомъ случаѣ несогласны съ моимъ мнѣніемъ, то да будетъ по-вашему.

«Я тороплюсь писать къ вамъ, потому что боюсь потерять хоть одинъ день. Изъ Лондона я еще разъ побезпокою васъ письменно, для того, чтобы доставить вамъ нашъ адресъ.

«Прошу васъ принять искреннія увѣренія въ глубокомъ уваженіи и признательности вашего

Люція Мэзона.»

«Т. Фернвальдъ, Эскв.

На Олд-сикверъ, въ Линкольнъ-Иннъ.»

Докончивъ это письмо, довольно ясно и хорошо выражавшее мысль и волю писавшаго, онъ написалъ другое письмо, которое, надѣюсь, такъ же ясно.

«Дорогая Софья,

«Едва понимаю, какъ мнѣ обратиться къ вамъ, что сказать, что утатъ! При личномъ свиданіи и при возобновеніи даннаго нѣкогда другъ другу слова, я все бы рассказалъ вамъ, но въ письмѣ я не могу этого сдѣлать. Процессъ моей матери кончился и она оправдана; но разные обстоятельства, узнавныя мною въ это время, дали мнѣ почувствовать, что я обязанъ передать всѣ мои права на Орлійскую ферму моему брату, для чего приняты уже всѣ мѣры. Да, Софья, я теперь нищій въ глазахъ цѣлаго міра. Я теперь ничего не имѣю, кромѣ тѣхъ силъ духа и тѣла, которыми одарило меня провидѣніе; кромѣ того меня давитъ тяжелое бремя печали. Въ самомъ скоромъ времени я долженъ куда-нибудь скрыться съ матерью отъ глазъ свѣта и потомъ, собравшись съ мужествомъ, ухъать далеко и приняться за работу, на какомъ бы то ни было поприщѣ.

«Но прежде чѣмъ я скроюсь отсюда, я желаю сказать вамъ нѣсколько словъ, проститься съ вами и разъяснить, въ какихъ отношеніяхъ мы съ вами расстаемся. Конечно, я не имѣю права ни требовать, ни жаловаться; я понимаю, что мои настоящіе слова даютъ вамъ основательныя причины, чтобы расторгнуть наши взаимныя обязательства, но все еще хочу надѣяться! Едва ли нужно мнѣ говорить, что я нѣжно люблю васъ и смѣю думать, что придетъ время, когда я снова докажу себя достойнымъ вашей руки. А вы — если когда-нибудь любили меня, то не можете вдругъ перестать любить только потому, что я бѣденъ и несчастливъ; а если вы все-еще любите меня, то согласитесь можетъ-быть подождать нѣкоторое время. Если вы согласны на это, — если вы скажете, что въ этомъ отношеніи я счастливъ и богатъ, — то я отправлюсь въ изгнаніе не совѣмъ убитый душой.

«Могу ли называть себя попрежнему вашимъ

Люціемъ Мэзономъ?»

Нѣтъ, рѣшительно онъ не могъ такъ говорить... Но не успѣлъ окончить этого письма, какъ пріѣхала уже мистриссъ Ормъ съ его матерью, а мы подождемъ отвѣта отъ миссъ Ферниваль.

Мистриссъ Ормъ возвратилась въ Орлійскую ферму, но не имѣя намеренія провести здѣсь и эту ночь. Задача, которую она задала себѣ, была рѣшена и теперь ей было пора возвратиться въ Кливъ. Теперь все кончено; оставалось только передать мать въ руки сына, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Вотъ онъ опять вдвоемъ въ той комнатѣ, гдѣ послѣднія ночи прове-

ли вѣсть. Но не долго онѣ оставались вѣсть. Скоро послышался стукъ колесъ и мистриссъ Ормъ встала съ своего мѣста, говоря:

— За мною пріѣхалъ Перегринъ

— Какъ! вы уѣзжаете?

— Если вамъ хочется, то я еще останусь.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы должны уѣхать. О мой ангелъ, о другъ мой! воскликнула леди Мэзонъ и упала въ объятія мистриссъ Ормъ.

— Я буду писать вамъ, сказала мистриссъ Ормъ, — и очень аккуратно.

— Да благословить васъ Богъ! Не надо ли просить его объ этомъ? Его благословеніе всегда надъ вами!

— Какъ и на васъ также: обратитесь къ нему и онъ не отвергнетъ васъ.

— Увы!.. могу ли!... Но я постараюсь, а употребляю на то всѣ силы.

— Богъ подкрѣпляетъ того, кто прибѣгаетъ къ нему. А теперь пока до свиданія, другъ мой.

— Прощайте, мой ангелъ. Но еще одно слово: передайте *ему* отъ меня одно порученіе... Скажите *ему*, что въ жизни своей я никогда ни одного человѣка не любила такъ, какъ любила его и какъ люблю его и теперь... Скажите ему, что на колѣняхъ прошу у него прощенья за всѣ непріятности, которыя ему сдѣлала.

— Но онъ знаетъ, какъ глубоко, какъ искренно было ваше чувство къ нему и понимаетъ, что вы пожертвовали собою, чтобы пощадить его.

— Я еще не дошла до такого злодѣйства, чтобы низвергнуть его вмѣстѣ съ собою въ бездну паденія.

— Повѣрьте, онъ никогда не забудетъ, какъ вы въ ту минуту показали себя.

— Скажите ему еще, что хотя я любила его и любила васъ всѣмъ сердцемъ (всѣмъ сердцемъ!), а все же я понимала и прежде, какъ и теперь понимаю, что я была недостойна ни его, ни вашей дружбы. Нѣтъ, не прерывайте меня... Я всегда это понимала; и какъ ни отраднo было мнѣ видѣть ваши милыя лица, а у меня доставало твердости удалиться отъ васъ; но онъ не дозволялъ этого. Я пріѣхала къ его помощи потому, что онъ силенъ и великодушенъ, и онъ съ любовью принялъ меня подъ своей кровъ, пока я не разрушила его силу, хотя его великодушія ничто не въ состояніи ослабить.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ и не думаетъ, чтобы вы его оскорбили.

— Но передайте ему то, что я сказала вамъ; скажите ему, что жалкое, измученное, разбитое созданіе, сознающее всю свою гнусность, будетъ молиться за него день и ночь... А теперь прощайте. О томъ, что мое сердце чувствуетъ къ вамъ, я уже не въ силахъ выразить.

— До свиданія! И еще разъ умоляю васъ: не приходите въ отчаяніе. Для надежды всегда есть мѣсто въ душѣ человѣческой, а гдѣ есть надежда, тамъ нѣтъ совершеннаго несчастья.

Онѣ простились и мистриссъ Ормъ сошла внизъ отъ матери къ сыну.

— Мама, карета пріѣхала, сказалъ Перегринъ.

— Я слышала. Гдѣ же Люцій?.. До свиданія, мистеръ Мэзонъ.

— Богъ да благословитъ васъ, мистриссъ Ормъ. Повѣрьте, я вполне понимаю, какъ вы добры были къ намъ.

Подавая ему руку, она еще сказала ему нѣсколько замѣчаній.

— Моя послѣдняя просьба къ вамъ, мистеръ Мэзонъ: будьте снисходительны къ вашей матери.

— Мистриссъ Ормъ, я сдѣлаю все что могу.

— Всѣ ея страданія, также какъ и ваши, происходятъ отъ ея неизмѣримой любви къ вамъ.

— Все это я чувствую и понимаю, но еслибъ она имѣла меньше честолюбія за меня, — для обоихъ насъ было бы лучше.

Съ непокрытою головою стоялъ Люцій Мэзонъ у подъезда, пока Перегринъ сажалъ свою мать въ карету. Мистриссъ Ормъ разсталась съ женщиной, которую она такъ сильно и такъ нѣжно любила.

Не много разговаривалъ Перегринъ съ матерью во время перѣзда въ Кливъ черезъ Гэмвортъ. Непонятно казалось Перегрину все это дѣло. Онъ зналъ, что по приговору присяжныхъ леди Мэзонъ оправдана, а между тѣмъ въ Орлійской фермѣ не было и признака радости или удовольствія. Отъ Люція онъ успѣлъ уже услышать, что права на владѣніе Орлійскою фермою будутъ переданы другому.

— Вы намѣрены отдать ее на откупъ?

— Это не отъ меня будетъ зависть: она перейдетъ въ собственность моего брата Джозефа.

Послѣ этого Перегринъ не дѣлалъ уже вопросовъ, а Люцій не предлагалъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Перегрину хотѣлось бы знать въ чемъ именно дѣло, но онъ понималъ, что мать его страшно утомлена и чувствовалъ, что не легко было бы касаться этого предмета. Такъ онъ сидѣлъ, молча, подлѣ матери, но

прежде чѣмъ экипажъ подѣхалъ къ Кляву, его мысли оставили леди Мэзонъ съ ея печальми и обратились еще разъ къ Ноннисби. « Во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ про-себя, никому ужъ не можетъ быть такъ худо, какъ мнѣ: у меня и надежды-то никакой ужъ не было. »

Сэръ Перегринъ вышелъ въ залу навстрѣчу къ нимъ и мистриссъ Ориъ не могла не замѣтить, какое опустошеніе произвели на него эти три дня процесса. Не потому, чтобы страданія только этихъ дней вдругъ сломали его, но она теперь только, послѣ короткой разлуки, могла судить, какое печальное дѣйствіе произвели на него предварительныя мученія. Съ того дня, какъ леди Мэзонъ въ первый разъ сдѣлала ему признаніе, онъ никогда уже не подымалъ головы, хотя до того времени всегда стоялъ прямо, и несмотря на свои престарѣлыя лѣта, всегда имѣлъ мужественную и твердую осанку. Но теперь, когда онъ обнялъ свою невѣстку и наклонился къ ней, чтобы поцѣловать ее въ щеку, онъ показался ей совершенно драхлымъ старикомъ, нетвердо стоявшимъ на ногахъ.

Въ теченіи послѣднихъ трехъ дней сэръ Перегринъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ, стыдился выказать окружающимъ напряженное участіе, принимаемое имъ въ окончаніи процесса. Все эти дни его внуку рано завтракалъ одинъ и уѣзжалъ прежде, нежели дѣдъ его выходилъ изъ спальни, и возвращаясь домой поздно вечеромъ, онъ точно также обѣдалъ одинъ; вечеромъ же приходилъ къ дѣду, оставаясь съ нимъ часа два и рассказывалъ все происшествія того дня, не осмѣливаясь однако спросить у дѣда его мнѣнія насчетъ невинности леди Мэзонъ или высказать свое собственное. Странно тяжелы были эти три дня для сэра Перегрива; онъ не выходилъ изъ дому, но какъ тѣнь ходилъ изъ комнаты въ комнату, бралъ какую-нибудь книгу или бумагу и относилъ опять внизъ, не читая: видно было, что вся его душа обращена на одинъ только предметъ, который овладѣлъ всѣми его силами. На другой день изъ этихъ трехъ дней подали ему письмо отъ его стараго друга, лорда Альстона, который такъ писалъ:

« Любезный другъ! »

« Воспоминаніе о томъ, какъ мы расстались въ послѣдній разъ, дѣлаетъ меня очень несчастнымъ. Если я тебя оскорбилъ чѣмъ-нибудь, то прошу у тебя прощенія и позволенія пожать отъ души твою руку. Напиши мнѣ одну строчку, скажи, что между нами все уладилось. Въ наши годы трудно терять стараго друга. »

« Весь твой Альстонъ. »

Но отвѣта не было. Слуга лорда Альстона былъ допущенъ долой съ обѣщаніемъ прислать послѣ отвѣтъ, но три дня прошло, а отвѣтъ все не былъ написанъ. Правду сказать, сэръ Перегринъ до сихъ поръ питалъ неудовольствіе къ Альстону. Совѣтъ, данный старымъ другомъ, былъ добрый и искренній, но онъ имъ пренебрегъ и теперь ему было непріятно воспоминавіе объ истинно-добрѣмъ и прекрасномъ совѣтѣ. Однако онъ намѣревался писать къ нему, только мысль объ исполненіи этого намѣренія съ каждымъ часомъ становилась для него тяжеле и невыносимѣе.

Слухъ объ оправданіи леди Мэзонъ скоро достигъ и до него; вѣсть о рѣшеніи присяжныхъ быстро облетѣла по всей странѣ. Какимъ это образомъ происходитъ, что новости гораздо скорѣе разносятся въ странѣ, нежели люди могутъ путешествовать, — это непонятно, гдѣ нѣтъ телеграфовъ; вѣсти разливаются какъ вода, прорвавшаяся черезъ плоты. Въ ту же ночь по всему околodку извѣстно стало, что леди Мэзонъ признана невиновною, а прежде чѣмъ наступила вторая ночь, вѣсть уже извѣстно было, что она созналась въ своей винѣ чѣмъ, что права владѣнія надъ Орліійской фермой были переданы Джозефу Мэзону.

Пока Перегринъ оставался въ комнатѣ съ матерью и дѣдомъ, то мало было говорено о процессѣ, такъ что онъ скоро понялъ, что его присутствіе стѣсняетъ ихъ, и потому онъ оставилъ ихъ вдвоимъ.

— Я съ тобой еще увижусь, мама, наверху, прежде чѣмъ ты ляжешь спать, — сказалъ онъ уходя.

— Но ты не долженъ ее долго задерживать, сказалъ дѣдушка: — не забудь, что все это сильно ее утомитъ.

Напутствуемый такимъ наставленіемъ, Перегринъ пошелъ наверхъ, сѣлъ въ комнатѣ матери и старался собраться съ мыслями, чтобы рѣшиться на что-нибудь въ отношеніи Ноннсеби. Онъ зналъ, что у него не было причины надѣяться. Видно не судьба! какъ говорилъ онъ: такъ не лучше ли было совсѣмъ отказаться отъ этого намѣренія? Однако онъ рѣшился во что бы то ни стало еще разъ побывать въ Ноннсеби. Трусомъ онъ никогда не хотѣлъ быть, и прежде чѣмъ на вѣкъ разстаться съ любимою надеждою, онъ желалъ еще разъ свидѣться съ Мэдлинъ и слышать отъ нея самой рѣшеніе своей судьбы.

Послѣ его ухода, сэру Перегрину было передано порученіе леди Мэзонъ.

— Бѣдненькая, бѣдненькая! повторялъ онъ, когда встрѣсилъ Оритъ передавала ему все: — такъ ей сыну теперь все извѣстно?

— Въ прошлую ночь я ему все рассказала съ его согласіи; ему не слѣдовало сегодня присутствовать въ судѣ: нехорошо, очень неловко было бы ему, еслибы они нашли ее виновною.

— Да, да, очень нехорошо, конечно неловко; бѣднjacka! И такъ вы ему все сказали. Но какъ онъ это перенесетъ?

— Въ сущности довольно хорошо. Сначала онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

— А я никакъ не могъ бы этого сдѣлать, духу не хватало бы у меня говорить съ нимъ.

— Достало бы, сэръ; и вы бы говорили, будь это такъ же необходимо.

— Я думаю, это убилло бы меня; но женщина можетъ совершать такіе подвиги, для которыхъ слишкомъ недостаточно мужскаго мужества. Вы говорите, что онъ вынесъ это съ мужествомъ?

— Онъ былъ очень ираченъ.

— Да онъ и всегда будетъ ираченъ; бѣднjacka!.. Мнѣ жаль ее отъ всего сердца, но онъ не покинетъ ее, онъ исполнитъ всѣ обязанности въ отношеніи матери.

— Я увѣрена, что онъ исполнитъ; въ этомъ отношеніи онъ лучший изъ молодыхъ людей.

— Да, я самъ въ томъ увѣренъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые отъ природы созданы для того только, чтобы выносить несчастія. Никакая печаль, никакое несчастіе не сокрушаетъ его; но еслибы онъ зналъ только одно счастье, то его характеръ сдѣлался бы нестерпимъ для окружающихъ... Вы не присутствовали при ихъ встрѣчѣ послѣ этого?

— Нѣтъ, я думала лучше ихъ оставить вдвоемъ.

— Да, да, разумѣется лучше... И онъ намѣренъ тотчасъ же перелать мнѣице?

— Завтра-же онъ это сдѣлаетъ. Въ этомъ случаѣ онъ чрезвычайно справедливо думаетъ. Завтра рано утромъ они уѣдутъ въ Лондонъ, и я полагаю, что онъ никогда уже не увидитъ Орліискую ферму.

Тутъ мистриссъ Ормъ передала сэру Перегрину послѣднее порученіе леди Мэзонъ.

— Я говорю вамъ все, какъ она меня просила, сказала мистриссъ Ормъ, видя, какъ глубоко сокрушаютъ его эти слова:—можетъ-быть я не хорошо сдѣлала?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ.

— Но она произнесла эти слова въ такую минуту, когда ея желанія казались мнѣ почти священными.

— Да, они священны, есть и будутъ... Бѣдненькая, бѣдненькая!

— Но она совершила великое преступленіе...

— Да, да.

— Но если преступленіе можетъ быть извинительно, такъ это именно по причинѣ, побудившей ее къ тому.

— Нѣтъ, это невозможно, милая моя; никакія причины не могутъ ее извинить.

— Нѣтъ, мы знаемъ это; мы сами это чувствуемъ и вполне въ этомъ убѣждены; но кто можетъ не любить ее? Признаюсь вамъ, я всегда буду любить ее и не могу не любить ее.

— И я также люблю ее.

Тутъ старый джентльменъ въ первый разъ произнесъ свою исповѣдь.

— Я ее сильно любилъ, я любилъ ее болѣе, нежели кого-нибудь въ мірѣ, послѣ васъ и Пэрри; я любилъ ее съ великою нѣжностью и чувствовалъ, что буду гордиться, называя ее своей женою... И какъ она была прекрасна въ своей печали, когда мы считали, что ея жизнь была чиста и безукоризненна!

— Да, ея жизнь была безукоризненна въ продолженіи многихъ лѣтъ.

— Нѣтъ, этого не могло быть, потому что въ продолженіи этихъ же лѣтъ все тутъ же была похищенная чужая собственность. Но все же какъ она была привлекательна, какъ къ ней шла эта всегдашняя грусть! Еслибы опытъ жизни былъ къ ней не такъ суровъ, еслибы судьба не послала ей на дорогу такого жестокаго искушенія, то что бы это такое было? Подобную женщину мужчина можетъ любить до безумія.

— А между тѣмъ какъ мало любви она знала въ своей жизни!

— Я любилъ ее, сказалъ старый джентльменъ и въ осанкѣ его проявилась прежняя энергія: — я любилъ ее, всѣми силами сердца любилъ! Конечно, старикъ, который такъ говоритъ, похожъ на сумасшедшаго, но я любилъ ее! Нѣтъ, я все еще-ее люблю! Но я зналъ, что это было несправедливо въ отношеніи васъ и Пэрри...

Тутъ онъ остановился, какъ-будто желая слышать, что она ему скажетъ на то.

— Да, теперь всему уже конецъ! сказала она самымъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Она знала, что этими словами разбиваетъ послѣднія надежды; но

она также знала, что эти надежды были напрасны. После этого наступило молчаніе и продолжалось минутъ около десяти.

— Да, теперь всему конецъ! повторилъ онъ ея слова.

— Но вы не одни: съ вами всегда мы останемся, — Перри и я. Можеть ли кто-нибудь васъ любить больше, чѣмъ мы васъ любимъ?

Тутъ она встала, подошла къ нему и съ нѣжностью обняла.

— Эдмъ, милое дитя мое! Съ тѣхъ поръ какъ поселились вы въ моеиъ домѣ, я всегда зналъ, что надо мною бодрствуетъ ангель-хранитель, и никогда этого не забуду. Когда буду умирать, что конечно не замедлитъ, то и тогда это будетъ моею послѣднею мыслью.

Въ слезахъ разстались они въ эту ночь. Да, печаль, которая свела его въ гробъ, простекала отъ любви, которую онъ не могъ побѣдить. Рѣдко случается, чтобы юноша умиралъ отъ разбитаго сердца, но если у старика заговорить все-еще живое, требующее любви сердце, то оно оказывается болѣе хрупкимъ и непрочнымъ на землѣ.

ГЛАВА XXII.

Въ тотъ вечеръ, когда кончился процессъ, мистеръ Моульдеръ пригласилъ нѣсколько гостей къ себѣ на ужинъ, желая отпраздновать торжество леди Мэзонъ. Во все продолженіе этого процесса онъ крѣпко стоялъ за леди Мэзонъ, громко выражалъ свое мнѣніе въ пользу мистера Фернивалля и во всеуслышаніе надѣялся, что этотъ мошенникъ Дократъ получитъ все по заслугамъ изъ рукъ ш-ра Чаффенбрасса. Когда настала часъ казни для Дократа, Моульдеръ былъ совершенно доволенъ, но несостоятельность свидѣтельства Джона Кеннеби возвратила ему доброе расположеніе друга, а приговоръ присяжныхъ сдѣлалъ его счастливымъ и торжествующимъ.

— Ну, не говорилъ ли я этого, старый дружище? сказалъ Моульдеръ, ударивъ по плечу своего друга Сненкельда. — Когда такой низкій мошенникъ какъ Дократъ, возстаетъ противъ такой прекрасной женщины, какъ леди Мэзонъ, то въ цѣлой Англіи не найдется суда присяжныхъ, который рѣшился бы произнести приговоръ въ его пользу.

Тутъ-то и пригласилъ Моульдеръ Сненкельда къ себѣ на ужинъ. И Кентуайза онъ тоже пригласилъ. Хотя Кентуайзъ во все время процесса показывалъ явное благорасположеніе къ Дократу, но Моульдеръ любилъ Кентуайза какъ цѣль своихъ сарказмовъ. Мистриссъ Смилли

тоже была приглашена, какъ невѣста одного изъ героевъ того дня, и Моульдеръ въ умилениіи сердца поклялся, что никогда не былъ гордъ и потому счелъ за нужное пригласить также Бриджетъ Болъстеръ принять участіе въ ихъ шршествахъ.

— Боже! что съ тобою, Моульдеръ? сказала мистриссъ Моульдеръ, услышавъ это:—какъ можно приглашать служанку въ гостиницы? Ну что скажете мистриссъ Смилли?

— Стану я беспокоиться о томъ, что тетушка Смилли можетъ сказать или подумать о моихъ друзьяхъ! Если это ей не нравится, то она можетъ дѣлать что ей угодно; да чѣмъ же она сама-то была, какъ ты съ нею познакомилась сначала?

— Правда, Моульдеръ; но ты самъ понимаешь, что деньги дѣлають огромную разницу.

Однако Бриджетъ Болъстеръ была приглашена и явилась на ужинъ, несмотря на величіе мистриссъ Смилли. Разумѣется Джонъ Кеннеби тоже тутъ былъ, но только въ самомъ невеселомъ расположеніи духа. Съ того самаго несчастнаго часа, когда онъ самъ слышалъ, какъ судья представлялъ его до того глухимъ или идиотомъ, что даже судъ присяжныхъ не долженъ принимать въ соображеніе его свидѣтельства,— съ того самаго часа онъ сталъ мрачнымъ и печальнымъ ненавистникомъ людей. Обращеніе мистера Ферниваля съ нимъ было ему очень не по-сердцу, но онъ все-еще поддерживалъ себя надеждою, что судья въ своей рѣчи скажетъ ему похвальное слово и тѣмъ возстановитъ его репутацію въ мнѣніи публики. Но похвальное слово не было произнесено и бѣдный Джонъ Кеннеби чувствовалъ, что ему не подъ силу уже вынести такой жестокой приговоръ—и опротивѣлъ ему этотъ жестокой, несправедливый свѣтъ. Все утро онъ провелъ съ своей сестрой и проговорился при ней до того, что заставилъ ее бояться, не отложилъ бы онъ свою свадьбу лѣтъ на десятокъ или около того.

— Кирпичные заводы! сказалъ онъ.—Какая польза для такого человека, какъ я, имѣть поземельную собственность? Мнѣ лучше такъ, какъ есть.

Повидимому мистриссъ Смилли совсѣмъ не такъ думала, и по возвращеніи Джона Кеннеби изъ Альстона встрѣтила его съ такою пріятливостью, какъ-будто онъ не подвергался никакому поруганію; для нея рѣшительно было ничемъ, что судья назвалъ ея будущаго супруга идиотомъ, да и для всѣхъ, по правдѣ сказать, это было ничемъ, кромѣ его самого. По мнѣнію Моульдера, такъ и слѣдуетъ по закону, чтобы

свидѣтели были всегда обруганы: а иначе для какой же другой причинъ они являлись бы въ судъ? Но въ душѣ бѣднаго Кеннеби глубоко застыли оскорбительныя слова; онъ боролся съ собою сильно, употреблялъ всѣ усилія, чтобы высказать правду, — и всѣ эти усилія кончились тѣмъ, что онъ прямо доказалъ самому себѣ, что онъ оселъ.

— Пѣтъ, говорилъ онъ самому себѣ, возвращаясь домой въ глубокомъ раздумьѣ: — не слѣдуетъ мнѣ ни съ кѣмъ раздѣлять своей судьбы!

Мистриссъ Смилли немножко запоздала. Бриджетъ Больстеръ пришла первая и заняла мѣсто у одного угла камина. Мистриссъ Моульдеръ заняла мѣсто въ углу противоположнаго дивана, приберегая почетное мѣсто для мистриссъ Смилли. Моульдеръ прямо усялся противъ камина на своемъ мягкомъ креслѣ, а Свенкельдъ и Кэнтуайзъ у него по бокамъ; они спорили о процессѣ, когда вошла мистриссъ Смилли и ея появленіе было какъ нельзя кстати, потому что споръ начиналъ заходить слишкомъ далеко.

— Судъ присяжныхъ, состоявшій изъ ея соотечественниковъ, нашелъ, что она невинна, — говорилъ Моульдеръ, сильно разгорячившись: — и если послѣ этого кто-нибудь назоветъ ее виновною, значитъ тотъ бунтовщикъ и подлецъ! Вотъ какъ я думаю объ этомъ! Да и что бы это такое было, еслибы присяжные изъ ея земляковъ не оправдали невинную женщину?

— Разумѣется она невинна, подтверждалъ Свенкельдъ. — Съ той самой минуты, когда глава присяжныхъ объявилъ ее невинною, значитъ она невинна. Еслибы какая-нибудь газета и послѣ этого вздумала утвѣрждать, что леди Мэзонъ виновна, — эта леди имѣетъ право подать жалобу на незаконную газету.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Кэнтуайзъ, закатывая глаза подъ лобъ: — но вотъ вы сами увидите. Не хотите ли, мистриссъ Моульдеръ, побиться со мною объ закладъ, что Джозефъ Мэзонъ получить таки свое помѣстье?

— Вздоръ! отвѣчалъ Моульдеръ.

— Пускай будетъ и вздоръ, только вы сами увидите.

— Господа, господа! сказала мистриссъ Смилли, вливая на всѣхъ шарусахъ въ комнату: — даю вамъ честное слово, что на улицѣ слышно, какъ вы тутъ кричите.

— А хоть бы и на площади даже, такъ мнѣ что за дѣло! отвѣчалъ мистеръ Моульдеръ: — вѣдь мы разговариваемъ какъ честныя люди, а не какъ заговорщики или разбойники.

Тутъ всё поздоровались съ мистриссъ Смилли, и когда убрали ея шляпку и зонтикъ, то пригласили ея садиться на диванъ.

— О, такъ это мистриссъ Больстеръ, свидѣтельница! сказала она, когда хозяйка представила ей новую знакомую, и по тону ея голоса ясно было, что она не совѣтъ довольна находиться въ одномъ обществѣ съ этою мистриссъ Больстеръ.

— Точно такъ, мистриссъ. Я показала подъ присягою, что всего разъ въ жизни руку прикладывала на документъ, — отвѣчала мистриссъ Больстеръ, вѣжливо раскланиваясь съ нею, и потому опять усѣлась на мѣсто, сложивъ руки.

— Дѣйствительно такъ; но гдѣ же нашъ другой свидѣтель, мистриссъ Моульдеръ? Онъ одинъ интересуетъ меня гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другіе въ мірѣ. Ха-ха-ха! Но такъ какъ вы всё знаете въ чемъ дѣло, такъ зачѣмъ бы мнѣ не говорить правду? Ха-ха-ха!

— Джонъ здѣсь, отвѣчала мистриссъ Моульдеръ. — Поди сюда, Джонъ; чего ты прячешься?

— Онъ очень чувствителенъ, такъ ему конфузно, что всѣмъ навѣстно, какъ его обидѣли, — замѣтилъ м-ръ Моульдеръ.

— Да чѣмъ же онъ можетъ такъ убиваться? спросила мистриссъ Смилли. — Послушайте, Джонъ: послѣ того, что между нами было, зачѣмъ вы пятитесь назадъ? Кажется вамъ слѣдовало бы подойти ко мнѣ и могли бы вы снять съ меня шаль.

— Оно такъ, конечно, могу я это сдѣлать, отвѣчалъ Кеннеби угрюмо. — Надѣюсь, мистриссъ Смилли, что ваше здоровье благополучно?

— Очень благополучно, благодарю васъ. Только я полагаю, что между такими друзьями, какъ мы съ вами, не надо бы такихъ околичностей.

— Это все процессъ такъ разстроилъ его, шепнула ей мистриссъ Моульдеръ: — вамъ извѣстно, у него такое нѣжное сердце, что онъ не можетъ выносить равнодушно, какъ другіе.

— Но вѣдь вы не желали, чтобы она была объявлена виновною? Не правда ли, Джонъ?

— Ужъ въ этомъ-то я вполне увѣренъ, отвѣчалъ за него Моульдеръ: — только его показаніе и вывело ее изъ бѣды.

— Я совѣтъ не имѣлъ желанія оправдать ея, точно также какъ не имѣлъ желанія сдѣлать ея виновною; одного только желалъ я: ска-

зять истину и исполнить тѣмъ мой долгъ. Но это было напрасно. Полагаю, это никогда не бываетъ на пользу.

— А я такъ полагаю, что не напрасно, а очень хорошо, — сказал Моульдеръ.

— Ужъ конечно леди Мэзонъ должна быть вамъ очень благодарна, зашѣтилъ Кентуайзъ.

— Никому не слѣдуетъ задумываться о томъ, что тамъ говорить въ судѣ, толковалъ Спенкельдъ: — я вѣрю, что однажды тамъ желали доказать, что я захватилъ частичку чаевъ...

— То-есть украли, сэръ? подсказала мистриссъ Смилли.

— Ну да, укралъ. Но вѣдь это говорили только съ противной стороны суда, обвинители мои, а я не думалъ горевать о томъ. Все довольно знали, гдѣ находились эти чаи.

— Что касается до меня, зашѣтилъ Кентуайзъ, — такъ это мнѣ совѣсть не по вкусу.

— Но все же, что тамъ ни говорите, а бумага, которую мы свидѣтельствовали, была не духовная покойнаго джентльмена, — не больше этого передника! сказала Бриджетъ, поднимая свой передникъ. — Ужъ я-то въ томъ вполнѣ увѣрена.

Тутъ снова завязалась жаркая и яростная битва и Моульдеръ поссорился съ своею гостью Бриджетъ Больстеръ. Кентуайзъ, подкрѣпленный доказательствами главной свидѣтельницы, горячо возставалъ противъ тиранства Моульдера, выражая свои мнѣнія, тогда какъ мистриссъ Смилли, съ свойственною женщинамъ несправедливою, зло подсмѣивалась надъ невинностью леди Мэзонъ. Бѣдный Кеннеби принужденъ былъ занять среднее мѣсто между сестрою и невестою; не замѣтно было однако, чтобъ это нечетное мѣсто произвело какое-нибудь смягчающее вліяніе на его угрюмость или на суровость приговора, произнесеннаго надъ нимъ судомъ.

— Не была духовная покойнаго джентльмена? сказалъ Моульдеръ, обращая на Бриджетъ весь пылъ своего негодованія. — А я такъ утверждаю, что это была духовная покойнаго джентльмена. Въ судѣ-то вы что-то не очень осмѣливались говорить про то!

— Да меня не спрашивали.

— Какъ не спрашивали? Кажется довольно часто спрашивали васъ о томъ.

• — А вотъ я скажу вамъ, что это такое, сказалъ Кентуайзъ: —

мистриссъ Болстеръ совершенно справедлива во всемъ томъ, что говорить; это такъ вѣрно, какъ то, что васъ зовутъ Моульдеромъ.

— Она несправедлива, и это такъ вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Моульдеромъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, какъ же такому молодцу, какъ вы, не знать дѣла лучше, чѣмъ королевскій судъ! Вѣдь мы все хорошо понимаемъ кому вы желаете удружить въ этомъ дѣлѣ; не забывъ я нашего обѣда въ Лидсѣ; выходить, не изъ чего и крикъ заводить.

— Послушайте-ка, Джонъ, сказала Смилли: — вѣдь никто на свѣтѣ лучше васъ не знаетъ этого дѣла. Вы были дружны какъ воскъ, пока эта леди не высвободилась изъ хлопотъ. Дѣло теперь прошлое; расскажите же теперь всю истину, какъ дѣло было; тутъ присутствуютъ только ваши друзья.

Все смолкло, такъ что его слова могли свободно раздаваться въ безшумномъ пространствѣ.

— Говорите же, другъ милый мой, продолжала Смилли съ тономъ ободряющей любви: — вѣдь теперь это никому уже вреда не слѣдуетъ, не правда ли?

— Ну выскажи, Джонъ, все что знаешь, сказалъ Моульдеръ: — что бы тамъ ни было, ты-то ужъ честный человекъ.

— Въ этомъ случаѣ конечно и помину нѣтъ о сомнѣнн, подтвердилъ Сненкельдъ.

— Мистеръ Кеннеби можетъ говорить что ему угодно, въ томъ конечно нѣтъ сомнѣнн, хотя быть-можетъ для него не можетъ быть большой прнятности говорить это послѣ всего, что тамъ происходило и дѣлалось.

— Ничего тамъ такого не происходило и не дѣлалось, что могло бы заставить Джона держать языкъ за зубами, — вступилась мистриссъ Моульдеръ: — быть-можетъ онъ не такой блестятельный говорунъ, какъ нѣкоторые изъ тамошнихъ адвокатовъ, но онъ гораздо честнѣе и лучше очень многихъ виѣстѣ.

— Но онъ никакъ не можетъ сказать, чтобы мы съ нимъ подивысывались подъ духовною стараго джентльмена; ужъ за это я ручаюсь, что не можетъ! сказала Брнджетъ.

Несмотря на соединенныя усилн всѣхъ присутствующихъ, чтобы вынудить Кеннеби разрѣшить общн сомнѣнн, онъ оставался безмолвенъ.

— Говорите же, миленькнй мой, сказала мистриссъ Смилли, вѣжно трепля его по плечу.

— Послушай, Джонъ, если ты ищешь что-нибудь сказать для объясненія характера этой женщины, то ты обязанъ обществу высказаться, увѣщевалъ Моульдери, — потому что она женщина, а ея враги — подлецы.

Опять наступило молчаніе, всѣ съ напряженіемъ ожидали его слова.

— А мнѣ такъ кажется, что это сойдегъ ужъ съ нимъ въ могилу, сказала Смилли торжественно.

— И я не стану удивляться, подтвердилъ Спенкельдъ.

— Въ такомъ случаѣ пускай выкинетъ онъ изъ головы мысль о женитьбѣ.

— Ужъ этого-то онъ не сдѣлаетъ! подхватила Смилли запальчиво.

— Разумѣется нѣтъ, подтвердила его сестра: — вѣдь не сдѣлаешь, Джонъ?

— Нѣтъ никого въ мірѣ, кто могъ бы знать, что со мной можетъ случиться въ этомъ свѣтѣ, сказалъ Кеннеби наконецъ: — но иногда начинаю почти думать, что не гожеу жить въ этомъ мірѣ, чтобы жить съ кѣмъ-нибудь.

— Но вы, душенька Смилли, сдѣлаете его годнымъ? спросила его сестра.

— Право не знаю, что ужъ мнѣ про то сказать, отвѣчала Смилли. — Если мистеръ Кеннеби раздумалъ, то я право не такая женщина, чтобы навязываться и связывать его словомъ, потому что в нѣсколько разъ получала отъ него обѣщаніе и могла бы уличить его показаніями многихъ свидѣтелей предъ законнымъ судомъ. Но я женщина состоятельная, не нуждаюсь ни въ какомъ мужчинѣ и никогда не потребовала бы вознагражденія. Покойный Смилли оставилъ мнѣ почтенное мѣсто въ свѣтѣ, и я сама не понимаю, не сумасшествіе ли думать о пережѣтѣ. Во всякомъ случаѣ, если мистеръ Кеннеби...

— Говори же, Джонъ; да что же ты ничего ей не скажешь? подталкивала его сестра.

— А что я могу сказать? спросилъ Кеннеби, просовываясь между широкими платьями своихъ дамъ: — я человекъ обезчещенный; на меня съ презрѣніемъ указывали пальцами. Его сѣятельство изволили сказать, что я... я... дуракъ; а что, если можетъ-быть я и въ самомъ дѣлѣ дуракъ?

— Да вѣдь она такъ не думаетъ, Джонъ.

— Разумѣется не думаю, подтвердила Смилли.

— До тѣхъ поръ, пока человекъ можетъ трудиться, навязываться и

наслаждаться, то какое дѣло до того, что всѣ судьи въ мірѣ стали бы называть его дуракомъ? спросилъ Сненкельдъ.

— Дуракъ дуракомъ и будетъ, сказалъ Кентуайзъ.

— Дуракъ только ч...! прикрикнулъ Моульдеръ.

— Мистеръ Моульдеръ, можно ли такъ при дамахъ? сказала Смилли.

— Полно, Джонъ, успокойся, говорила ему сестра: — никто не думаетъ о тебѣ хуже отъ того, что судья сказалъ.

— Разумѣется никто, подтверждала Смилли: — и коли ужъ къ слову пришлось, такъ я выскажу, что у меня на умѣ. Вѣдь я привыкла предъ друзьями говорить свободно; а такъ какъ тутъ только друзья, то чего же мнѣ стыдиться?

— Въ этомъ случаѣ никто не скажетъ противнаго, сказалъ Моульдеръ.

— Я и сама такъ думаю. Да и чего бы мнѣ стыдиться? Я сама могу заплатить за свою дорогу, могу наслаждаться какъ мнѣ угодно на мои собственныя денежки, и если людямъ не по нраву бы пришлось то, что я говорю, — имъ же хуже, потому что это дѣло мое, а каждому только до себя бываетъ. Вотъ Джонъ Кеннеби и я; мы съ нимъ обручены, онъ не скажетъ, что это не такъ, потому что я невѣста его.

— Нѣтъ, сказалъ Кеннеби: — я самъ знаю, что обрученъ.

— Когда я принимала руку и сердце Джона Кеннеби (какъ теперь помню, въ какихъ краснорѣчивыхъ словахъ онъ выразилъ свои чувства, да и всегда такъ выражается), тогда я сказала ему, что уважаю его какъ мужчину, способнаго исполнять свой долгъ въ отношеніи жены, хотя можетъ-быть онъ не такъ приспособленъ, чтобы много болтать о себѣ, какъ другіе. Да что въ томъ хорошаго, спрашиваю у васъ, если чловѣкъ языкомъ болтать умѣетъ, а въ концѣ недѣли боится встрѣчи съ своимъ будочникомъ? Вотъ такъ-то я и выслушала его предложеніе и думала-подумала, чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ мы съ нимъ похуже другихъ? А если какіе-нибудь подъячіе осрамили его, такъ я не такая женщина, чтобы отъ этого отвернуться къ нему спиною.

— Ужъ конечно этому не бывать, подтвердилъ Моульдеръ.

— Разумѣется не бывать, мистеръ Моульдеръ. Слушайте же, Джонъ, вотъ вамъ опять моя рука: отъ васъ зависитъ, брать или не брать ее, — сказала Смилли и вмѣстѣ съ тѣмъ протянула къ нему руку чуть не на колѣни.

— Бери же, Джонъ! сказала мистриссъ Моульдеръ.

Но бѣдный Кеннеби, казалось, не очень торопился воспользоваться

предлагаемъ ему счастье. Медленно приподнял онъ руку, но нерешительность одолѣла его и рука его опять упала между нимъ и сестрой.

— Полно, Джонъ, вѣдь ты самъ знаешь, что дѣло уже улажено, — сказала мистриссъ Моульдеръ, и схвативъ обѣими руками его руку, плотно сложила ее съ рукою мистриссъ Смилли, которая все время держала ее вытянутою.

— Я самъ знаю, что слово дано...

— Тутъ недоразумѣній никакихъ нѣтъ, замѣтилъ Моульдеръ.

— И не могло быть, подтвердила мистриссъ Смилли, нѣжно краснѣя. — И скажу о себѣ откровенно: не такая я женщина, чтобы, разъ данъ слово, потомъ стала бы пятиться назадъ. Вотъ моя рука, Джонъ, какии мнѣ нужна, что это услышитъ цѣлый міръ?

И такимъ образомъ она сидѣла нѣсколько секундъ рука въ руку, такъ что бѣдному Кеннеби невозможно было увернуться отъ крѣпкого пожатія своей обрученной невесты; ясно было видно, что теперь всякая попытка на побѣгъ отъ брака была окончательно невозможна.

— Но что бы тамъ ни было, а и онъ не можетъ сказать, чтобы мы съ нимъ подписывались на духовной покойнаго джентльмена, — настоячиво сказала Бриджетъ, прерывая молчаніе.

— Послушайте же, леди и джентльмены, сказалъ Кентуайзъ: — такъ какъ мистриссъ Больстеръ опять повернула оглобли на ту же дорогу, то я такъ и быть расскажу вамъ нѣчто, что очень удивитъ васъ, если только другъ мой, мистеръ Моульдеръ, такой гостепріимный джентльменъ, какиихъ мало на свѣтѣ бываетъ, позволитъ мнѣ высказаться.

— Вѣдь это сущая чепуха, Кентуайзъ; я никогда не запрещалъ вамъ говорить.

— Какъ я терпѣть не могу этого слова! Еслибы вы знали мое отвращеніе, мистеръ Моульдеръ...

— Не могу же я ради васъ подбирать свои слова, старый дружище.

— Но что же вы хотѣли рассказать намъ? спросила мистриссъ Смилли.

— Нѣчто такое, отъ чего у васъ волосы дыбомъ станутъ.

При этомъ Кентуайзъ остановился и осмотрѣлся вокругъ себя. Въ минуту общаго изумленія Джону Кеннеби удалось кой-какъ подобрать свою руку ближе къ себѣ.

— Да, нѣчто такое, что всѣхъ васъ поразитъ какъ громомъ, или я очень ошибаюсь. Леди Мэзонъ сама призналась въ своей винѣ.

Да, онъ всѣхъ и удивилъ, и поразилъ какъ громомъ.

— И не говорите лучше! воскликнула мистриссъ Моульдеръ.

— Созналась въ своей винѣ? Но въ какой же это винѣ? спросила Сннглл.

— Она поддѣлала духовную, сказалъ Кэнтуайзъ торжественно.

— Я давно это знала, подтвердила Больстеръ.

— Провались я сквозь землю, если повѣрю этому! закричалъ Моульдеръ.

— Ужь это дѣлайте себѣ какъ знаете, только оно такъ. Но я еще лучше вамъ скажу: она съ своимъ сыномъ убрались уже изъ Орліейской фермы и передали ее во владѣніе Джозефу Мэзону.

— Но помиуйте, развѣ не былъ произнесенъ надъ нею приговоръ присяжныхъ? спросилъ Сненкельдъ.

— Да, приговоръ былъ произнесенъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, она не можетъ обвиновать себя, хотя бы и желала, и не можетъ никому передавать своей собственности. Судъ присяжныхъ произнесъ приговоръ и никто въ мірѣ не долженъ идти противъ него. Еслибъ кто вздумалъ сдѣлать эту пробу, такъ она должна подать жалобу на него.

Таковъ именно законъ, какъ выразилъ его Сненкельдъ.

— Ни одному слову изъ этого не вѣрю, сказалъ Моульдеръ: — это ему Дократъ намололъ всякой чепухи. Бьюсь объ закладъ, что Кэнтуайзъ слышалъ это отъ Дократа.

Дѣйствительно оказалось, что Кэнтуайзъ слышалъ это отъ Дократа; несмотря на то, однако, вся исторія его была такъ достоверна, что всѣ поневолѣ повѣрили. Моульдеръ долго воздерживался; но доказательства были такъ очевидны, что даже его упорство поколебалось: и даже Кеннеби понялъ и удостоверялся въ своемъ убѣжденіи, что дѣйствительно подпись подъ духовною не его рукою сдѣлана.

— Я очень хорошо знала, что никогда дважды не подписывалась, — сказала Бриджетъ Больстеръ съ торжествующимъ видомъ, когда всѣ усаживались за ужинъ.

Сдается мнѣ, что вся компанія въ Грет-Сент-Элленъ сдѣлалась счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ удостоверялась, что дѣйствительно было совершенно великое и таинственное преступленіе, которое запутало и сбило съ пути два королевскіе суда и преступница въ бѣлый день, при общемъ собраніи и въ виду цѣлаго міра, вывернулась изъ бѣды. Когда Кэнтуайзъ докончилъ свой рассказъ, наступило время, когда необходимо

было хозяйкѣ дома спуститься съ облаковъ и отправиться на кухню для приготовления къ ужину. Во время ея отсутствія спорный предметъ обсуждался со всѣхъ сторонъ, а по ея возвращеніи, когда она была нагружена разными превкусными предметами, оказалось, что всѣ гости были довольны, кромѣ ея мужа и брата.

— Вѣдь это ужасная вещь, восклицала Смилли поздно вечеромъ, сидя за стаканомъ горячаго пунша: — истинно ужасная вещь! Не правда ли, Джонъ? Мнѣ очень жаль теперь, что меня тамъ не было и я не видала ее; право жаль. А вы чтó скажете, мистриссъ Моульдеръ?

— Если все это правда, то разумѣется и мнѣ хотѣлось бы поскорѣе трѣть на нее.

— Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ газетахъ будутъ напечатаны описанія объ ней и вездѣ будутъ продаваться ея портреты, утѣшилась мистриссъ Смилли окончательно.

ГЛАВА XXIV.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ АДВОКАТОВЪ.

— Вотъ я такъ исполнялъ бы свою обязанность какъ слѣдуетъ, мистеръ Мэзонъ, и въ эту минуту вы были бы владѣтелемъ Орліиской фермы; а ваши законники этого не сдѣлали.

Легко отгадать, что эти слова были сказаны Дократомъ Джозефомъ Мэзону. Оба сидѣли въ квартирѣ м-ра Мэзона послѣ рѣшенія суда и м-ръ Дократъ довольно свободно выражалъ свои мысли. Въ прошлый вечеръ онъ довольствовался тѣмъ, что переносилъ терпѣливо несчастье человѣка, потерпѣвшаго неудачу, не прибавляя съ своей стороны ни одного укора. Онъ тоже былъ пораженъ приговоромъ и оба они присмирѣли подъ бременемъ общаго несчастья. Но атторней проспалъ свое горе и обдумалъ, что во всякомъ случаѣ ему слѣдовало подвести итогъ своего маленькаго счета. Онъ могъ выставить на видъ, что мистеръ Мэзонъ проигралъ иль общее дѣло тѣмъ, что привязался къ своимъ лондонскимъ атторнеямъ. Послушай только мистеръ Мэзонъ совѣта своего новаго атторнея, все бы пошло какъ по маслу. Такимъ образомъ Дократъ приготовлялся объявить свои требованія, находя, что только такою дорогою онъ можетъ добиться своей цѣли — получить побольше денегъ.

Но не таковъ былъ человѣкъ мистеръ Мэзонъ, чтобы его можно было застращать дерзкими требованіями.

— Эта фирма носить лучшее имя въ судейскомъ сословіи, сказалъ онъ, — и я имѣлъ основательныя причины вѣраться имъ.

— И чтожь вышло добраго изъ вашихъ основательныхъ причинъ, мистеръ Мэзонъ? Далеко ли вы ушли съ ними? Вотъ вопросъ. Я говорю, что Роундъ и Крукъ доконали васъ. Во все время производства дѣла они находились въ стачкѣ съ старою лесою Фернивалемъ, это ясно. Скажу вамъ, это было даже еще хуже, вотъ что Я говорилъ вамъ это съ самаго начала.

— Я затѣю новый процессъ.

— Новый процессъ!.. а вѣдь то было уголовное слѣдствіе! Теперь она отнынѣ и до вѣка отдѣлалась отъ васъ и Орлийская ферма будетъ принадлежать ея сыну до тѣхъ поръ, пока ему вздумается продать ее. Вѣдь это жалости достойно, вотъ и все тутъ! Я, какъ слѣдуетъ по закону, исполнялъ свою обязанность въ отношеніи васъ, мистеръ Мэзонъ, и вы не можете наложить всѣ убытки на мои плечи.

— Меня ограбили, чертовски ограбили: вотъ все, что я знаю.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, мистеръ Мэзонъ; вы ограблены, и что еще хуже, издержки будутъ такъ тяжелы! Вы вѣроятно скоро отправитесь въ Йоркшвиръ?

— Я самъ еще не знаю куда отправлюсь, сказалъ эсквайръ изъ Гроби, сильно недовольный допросомъ гэмвортскаго атторнея.

— Полагаю, что прежде вашего отъѣзда намъ слѣдовало бы расче-тецъ покончить съ вами. Конечно, я не желаю стѣснять васъ скорою уплатою слѣдующихъ мнѣ денегъ, но все же хотѣлось бы мнѣ знать, какъ скоро я могу получить ихъ?

— Если вы имѣете какія-нибудь требованія на меня, мистеръ Дократъ, то вы можете обратиться съ ними къ Роунду.

— Если я имѣю требованія! Чго вы хотите этимъ сказать, сэръ? Ужь я-то не стану забѣгать къ Роунду. Съ самаго начала я говорилъ вамъ, мистеръ Мэзонъ, что не желаю имѣть никакого дѣла съ Роундомъ. Я совершенно посвятилъ себя этому дѣлу съ тѣхъ поръ, какъ вамъ угодно было принять мои услуги въ Гроби-Паркѣ. Не моя вина, что вы проиграли. Надѣюсь, что вы, мистеръ Мэзонъ, отдадите мнѣ въ томъ справедливость.

Дократъ на минуту замолчалъ, какъ-бы ожидая отвѣта.

— Я ничего не имѣю сказать насчетъ этого, мистеръ Дократъ, сказалъ Мэзонъ.

— Но, клянусь небомъ, что-нибудь да должно быть сказано! Это не

можетъ такъ оставаться. Не думаю, чтобы вы полагали, что я обязанъ былъ на васъ работать какъ рабъ, безъ платы, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ.

Мистеръ Мэзонъ былъ въ сущности честный человѣкъ и не желалъ, чтобы кто-нибудь работалъ на него, не получая за то платы; тѣмъ менѣе могъ онъ желать, чтобы этотъ кто-нибудь былъ Дократъ. Но съ другой стороны, онъ былъ въ такомъ расположеніи духа въ эту минуту, что отнюдь не желалъ уступить кому бы то ни было.

— Я не отрицаю вашихъ требованій, но и не принимаю ихъ. Мистеръ Дократъ, одно вѣрно, что я ничего платить не буду помимо ихъ повѣренныхъ. Вы можете прислать мнѣ свои счета, если вамъ угодно, но я отошлю ихъ къ Роунду, даже не взглянувъ на нихъ.

— Такъ вы такъ-то хотите поступать! Такъ вотъ ваша благодарность!.. Очень хорошо, мистеръ Мэзонъ, теперь я знаю что мнѣ дѣлать. Надѣюсь, что вы найдете...

Тутъ Дократъ былъ прерванъ приходомъ служанки, принесшей письмо къ мистеру Мэзону. Письмо было отъ Ферниваля и служанка сказала, что посланный ждетъ отвѣта. Письмо было слѣдующаго содержания:

«Сэръ,

«Сегодня утромъ сдѣлано было мнѣ нѣкоторое сообщеніе со стороны вашего брата, мистера Люція Мэзона. Сообщеніе это заставляетъ меня имѣть съ вами свиданіе. Если вамъ это будетъ удобно, я попросилъ бы васъ повидаться со мною завтра утромъ въ одиннадцать часовъ въ конторѣ вашего повѣреннаго, мистера Роунда, въ Бедфордъ-Ро. Я видѣлся уже съ мистеромъ Роундомъ и узналъ, что онъ можетъ принять насъ.

•Честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

«Томасъ Ферниваль.»

«Дж. Мэзону, Эскв.
(Изъ Гроба-Парка).»

Мистеръ Ферниваль написалъ это письмо, побывавъ уже въ Орліи-ской фермѣ и повидавшись съ Люціемъ Мэзономъ. Онъ пріѣхалъ туда на разсвѣтѣ и уѣхалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что помѣстье должно быть оставлено его кліенткою.

— Намъ не слѣдуетъ о томъ разсуждать, мистеръ Ферниваль: это такъ должно быть, — сказала Люцій.

— Вы переговоры уже о томъ съ вашею матушкой?

— Переговоры тутъ никакихъ не нужно, но она совершенно согласна съ моимъ намѣреніемъ. Она приготовилась уже оставить это мѣсто навсегда.

— Но ежегодный доходъ?..

— Принадлежитъ моему брату Джозефу. Мистеръ Фернивалъ, надѣюсь, что вы можете понять, что въ этомъ случаѣ мнѣ необходимо самому дѣйствовать и что тутъ напрасно будетъ терять слова. Если вы не можете для меня это устроить, то я самъ поѣду къ мистеру Роунду.

Разумѣется Фернивалъ все это понималъ какъ нельзя лучше. Его кліентка оправдана и онъ торжествовалъ; но съ давнихъ уже поръ онъ зналъ, что это помѣстье принадлежитъ по праву мистеру Мэзону изъ Гроби; и хоть онъ и не подозрѣвалъ, что Люцію будетъ о томъ сказано, но не былъ удивленъ результатомъ такого признанія. Ясно было, что леди Мэзонъ созналась сыну и что возвращеніе помѣстья вслѣдствіе того неизбежно.

— Я исполню наше приказаніе, сказалъ Фернивалъ.

— И еще, мистеръ Фернивалъ, если можно—пощадите мою мать.

Такъ кончилось ихъ свиданіе и мистеръ Фернивалъ, возвратясь въ Гэмвортъ, написалъ письмо къ Джозефу Мэзону.

Дократъ былъ прерванъ посреди своей грозной рѣчи появленіемъ этого письма и успѣлъ разглядѣть имя Фернивала, когда письмо было подано. Онъ не спускалъ глазъ съ Мэзона, пока тотъ читалъ и снова перечитывалъ это письмо.

— Я подожду отвѣта, если прикажете, сказала служанка.

М-ръ Мэзонъ недоумѣвалъ, какой бы отвѣтъ слѣдовало ему дать. Онъ чувствовалъ себя между филистимлянами, пока дѣло имѣлъ со всеми этими законниками, а все-же онъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ отвѣчать одному изъ нихъ, не касаясь другаго.

— Взгляните-ка, сказалъ онъ, угрюмо подавая письмо Дократу.

— Вы должны во всякомъ случаѣ повидаться съ Фернивалемъ, сказалъ Дократъ,—но...

— На вашемъ мѣстѣ я не захотѣлъ бы видѣться съ нимъ въ присутствіи Роунда—развѣ въ сопровожденіи повѣреннаго, на котораго могъ бы положиться.

М-ръ Мэзонъ нѣсколько минутъ сидѣлъ въ раздумьѣ, потомъ написалъ нѣсколько словъ къ Фернивалю, что онъ будетъ въ назначенное время въ Бедфордъ-Ро.

— Полагаю, что вы совершенно правы, сказалъ Дократъ.

— Но я отправлюсь туда одинъ.

— Вотъ какъ! Очень хорошо. Конечно, вы сами себя лучшей судья. Не могу я сказать, какого рода будетъ сдѣлано вамъ сообщеніе; но если это относительно пошѣстья, то безъ всякаго сомнѣнія вы не захотите подвергать опасности ваши собственные интересы неблагоприятными выходками.

— Прощайте, м-ръ Дократъ.

— Очень хорошо; прощайте, сэръ. Не въ долгомъ времени вы еще услышите обо мнѣ, м-ръ Мэзонъ; но я долженъ сказать, что привода все въ извѣстность, я незнаю, чтобы въ жизни встрѣчалъ когда-нибудь человѣка, который велъ бы себя хуже въ денежныхъ отношеніяхъ, какъ вы.

Такимъ образомъ они разстались.

Ровно въ одиннадцать часовъ на другой день, м-ръ Мэзонъ явился въ Бедфордъ-Ро.

— М-ръ Фернивалъ въ кабинетѣ у м-ра Роунда и чрезъ двѣ минуты увидится съ вами.

Мэзона привели въ темную контору, гдѣ онъ просидѣлъ, со шляпою въ рукѣ, гораздо болѣе, чѣмъ двѣ минуты.

А за это время, м-ръ Роундъ описывалъ Фернивалю пошщеніе сэра Перегринна Орма нѣсколько недѣль назадъ.

— Само собою разумѣется, м-ръ Фернивалъ, послушавъ его, и тотчасъ понялъ, откуда вѣтеръ подулъ.

— Вѣроятно она ему во всемъ призналась?

— Нѣтъ никакого сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ онъ все это зналъ.

— А что вы ему на то сказали?

— Я обѣщалъ держать языкъ за зубами — и сдержалъ обѣщаніе. Мать ничего о томъ не знаетъ до настоящаго дня.

Вся исторія ясно представилась въ головѣ Фернивала и онъ понялъ, какимъ образомъ свадьба разстроилась. М-ръ Роундъ тоже понялъ и оба юриста сознались другъ другу, что хотя эта женщина заслужила наказаніе, разразившееся надъ нею, но что ея характеръ заслуживалъ бы лучшей участи.

— Ну теперь, я полагаю, можетъ войти мой счастливый кліентъ, сказалъ м-ръ Роундъ.

Вследствіе чего счастливый кліентъ былъ выведенъ изъ темной конуры и приведенъ въ кабинетъ къ главѣ конторы.

— М-ръ Мэзонъ, м-ръ Ферниваль! сказалъ атторней, пожавъ руку своему кліенту: — вы хорошо знаете другъ друга по именамъ.

М-ръ Мэзонъ былъ очень натянута и высокохвренъ, однако сказалъ, что наслышался много о м-рѣ Ферниваль.

— Вся земля полна о немъ слуху, сказала Роундъ: — ужъ онъ-то не поставляетъ своего свѣта подъ снудъ.

Велѣдствіе чего м-ръ Мэзонъ поклонился, не совсемъ понимая смысла сказанныхъ ему словъ.

— М-ръ Мэзонъ, началъ адвокатъ: — я имѣю сообщить вамъ извѣстіе, очень странное въ сущности и чрезвычайно важное вообще. Извѣстіе это имѣетъ важное значеніе для васъ и составляетъ рѣшительную минуту въ жизни для... для моего друга леди Мэзонъ.

— Леди Мэзонъ, сэръ? началъ-было м-ръ Мэзонъ, но тотчасъ же былъ прерванъ.

— Позвольте мнѣ прервать васъ, м-ръ Мэзонъ. Мнѣ сдается, что гораздо лучше будетъ, если вы выслушаете меня прежде чѣмъ услыте прозвнѣть какое-либо невыгодное выраженіе насчетъ вашей родственницы.

— Она не родственница мнѣ.

— Но ея сынъ вамъ родной братъ. Однако, если вы позволите мнѣ, то я буду продолжать. Имѣя сообщить вамъ это извѣстіе, я рассчиталъ, что для васъ гораздо удобнѣе, чтобъ это было сдѣлано въ присутствіи вашего повѣреннаго и друга.

— Гм! проворчалъ сутяга, обманутый въ надеждахъ.

— Я объяснилъ уже м-ру Роунду то дѣло, которое долженъ объяснить вамъ, и онъ былъ такъ добръ, что выразилъ свое удовлетвореніе насчетъ того дѣйствія, которое я принялъ на себя.

— Совершенно такъ. М-ръ Ферниваль дѣйствуетъ, какъ и всегда во всѣхъ своихъ поступкахъ дѣйствовалъ, совершенно прилично высокому положенію, которое онъ занимаетъ въ своемъ сословіи.

— Полагаю, онъ сдѣлалъ все что могъ лучше въ пользу своей кліентки.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалъ, — какъ сдѣлалъ бы и для васъ, еслибы ваши повѣренные удостоили меня приглашеніемъ защищать васъ. Но сообщеніе, которое теперь я намѣренъ сдѣлать вамъ, не происходитъ уже отъ адвоката, но отъ друга. М-ръ Мэзонъ! моя кліентка, леди Мэзонъ, и ея сынъ, Люцій Мэзонъ, готовы передать вамъ въ полное и

вѣчное владѣніе помѣстье, которое принадлежало имъ подъ именемъ Орліиской фермы.

Такииъ образомъ переданное сообщеніе далеко не объясняло настаивающаго значенія слушателю. Вслушиваясь въ эти слова, онъ понялъ, что Орліиская ферма возвращается въ его владѣніе посредствомъ продажи и что его хотятъ убѣдить купить его съ нѣкоторыми уступками; но долго не могъ онъ переварить мысли, что это помѣстье внезапно и разомъ передавалось ему безъ всякихъ переговоровъ, по собственному произволу его ненавистной мачихи.

— М-ръ Ферниваль, сказалъ онъ:—какія нѣры приму я въ будущемъ, этого теперь и никакъ не могу вамъ сказать. Что меня ограбили, лишили меня собственности,—въ этомъ я вполне убѣжденъ теперь, какъ и всегда. Но говорю вамъ откровенно, также какъ и м-ру Роунду, что я не хочу имѣть никакихъ сношеній съ этою женщиною.

— Вдова вашего отца, сэръ, сказалъ Ферниваль,—самая несчастная женщина, которая употребляетъ свои усилія, чтобы загладить свою единственную вину, которую совершила въ жизни. Еслибъ вы были разсудительны такъ, какъ сердиты, то поняли бы, что одно это предложеніе, которое я вамъ передаю, должно бы заставить васъ простить обиду, которую она вамъ причинила. Вамъ братъ Люцій Мэзонъ извѣстивъ меня, что я долженъ ввести васъ во владѣніе Орліискою фермою.

Последнія слова Ферниваль произнесилъ очень медленно, устремивъ всю силу своихъ стрыхъ глазъ на лицо Дократа Мэзона и потомъ, обратясь къ атторнею, присовокупилъ:

— Надѣюсь, что вашъ кліентъ понялъ меня теперь.

— Помѣстье теперь вамъ принадлежитъ, м-ръ Мэзонъ, сказалъ Роундъ:—вамъ ничего не остается дѣлать, какъ только взять его.

— Что это значитъ? спросилъ Мэзонъ, обращаясь отъ Роунда къ Фернивалю.

— Именно то, что я сказалъ. Вашъ братъ Люцій передаетъ вамъ свои права на владѣніе.

— Безъ платы?

— Да, безъ платы. Въслѣдствіе чего вѣроятно вы не станете съ него взыскивать уплаты доходовъ за прежніе годы, пока помѣстье было у него въ рукахъ.

— Само собою разумѣется, подтвердилъ Роундъ.

— Такъ она заподлинно ограбила меня! воскликнулъ Мэзонъ, вско-

чтвѣ съ мѣста: — такъ она дѣйствительно сдѣлала подложное духовное завѣщаніе?

— М-ръ Мэзонъ, сказалъ Роундъ: — еслибъ у васъ была хоть некра великодушія, вы приняли бы сдѣланное вамъ предложеніе, не дѣлая дальнѣйшихъ вопросовъ. Подобными вопросами вы ничего не можете добраго сдѣлать для себя, но не можете сдѣлать и вреда ѳбдной женщннѣ.

— Я зналъ, что это такъ! кричалъ онъ внѣ себя, шагая по комнатѣ. — Я зналъ, что это такъ, двадцать лѣтъ назадъ зналъ это! Мистеръ Роундъ, спрашиваю васъ, какъ моего повѣреннаго: дѣйствительно ли она сдѣлала подложное духовное завѣщаніе?

— А я не стану отвѣчать вамъ на такіе вопросы, мистеръ Мэзонъ.

— Такъ я же обличу васъ предъ судомъ. Клянусь небомъ! Еслибъ мнѣ пришлось все имѣніе потерять, я обличу васъ и заставлю покарать ее по закону. Лукавая, хитрая разбойница! Въ продолженіи двадцати лѣтъ она грабила меня!

— М-ръ Мэзонъ, ваша ярость ослѣпляетъ васъ, сказалъ Ферниваль: — до сихъ поръ вы хлопотали и желали только возвращенія помѣстья, — ну вотъ оно вамъ и возвращается.

Но въ этомъ случаѣ м-ръ Ферниваль доказалъ только, что онъ не вполне понималъ характеръ Джозефа Мэзона.

— Нѣтъ, кричалъ Мэзонъ въ ярости: — нѣтъ, клянусь небомъ! Прежде всего я хлопоталъ о томъ, чтобъ она была наказана, а также и тѣ, кто помогалъ ей. Я зналъ, что она это сдѣлала; и Дократъ зналъ это. Еслибъ я доверился ему, — сидѣть бы ей теперь въ тюрьмѣ.

М-ръ Ферниваль, какъ и м-ръ Роундъ, оба желали, чтобы дѣло было улажено мирно, и съ этимъ намѣреніемъ хотѣли вытерпѣть отъ него все, сколько было силъ; но Мэзонъ употреблялъ во зло ихъ долготерпѣніе. Когда онъ объявилъ въ сороковой разъ, что его обкрадывали въ теченіи двадцати лѣтъ, — они не могли этого отвергать. Когда онъ съ страшными проклятіями клялся, что это духовное завѣщаніе было подложное, — они не могли возражать противъ того. Когда онъ ругалъ законы своего отечества, которые сдѣланы для того, чтобы какъ можно лучше помогать преступнику, — у нихъ не было аргументовъ, чтобы доказать противное. Они переносили его ярость, все въ надеждѣ, что желаніе собственнаго интереса заставитъ его наконецъ внять гласу разсудка. Но все это было понапрасну. Сладко владѣніе собственностью, но эта сладость приторна въ сравненіи съ сладостью мщенія.

— Ничто не примиритъ меня, кромѣ правосудія, ничто! кричалъ онъ.

— Положимъ, что и такъ; но вѣдь вы теперь ничего не можете сдѣлать, — сказалъ Роундъ.

— А попробуемъ. Вы мой атторней и обязаны сказать все, что знаете объ этомъ предметѣ. Я заставляю васъ, сэръ, все объявить во всеуслышаніе.

— Клянусь честью, это уже вонъ изъ рукъ! М-ръ Мэзонъ, позвольте попросить васъ выдти вонъ изъ моей конторы.

И съ этими словами Роундъ позвонилъ въ колокольчикъ.

— Скажите м-ру Мэту, что я желаю его видѣть.

Но прежде чѣмъ младшій товарищъ явился къ отцу, Джозефъ Мэзонъ оставилъ уже его контору.

— Мать, сказала старшій Роундъ: — я не иѣмаше въ дѣла и предоставляю тебѣ власть въ руки, но въ этомъ дѣлѣ я настоятельно требую: пока мое имя значится на фирмѣ, и рѣ Джозефъ Мэзонъ изъ Гребби-Парка не долженъ быть въ числѣ нашихъ довѣрителей.

— Онъ съ ума сошелъ! замѣтилъ Фернивалъ: — результатомъ всего будетъ только то, что онъ теперь еще года два не вступитъ во владѣніе Орліискою фермою, а между тѣмъ домъ и все имущество придетъ въ разстройство...

Все это время между Фернивалемъ и его женою царствовала усладительная семейная гармонія и можетъ-быть намъ позволено будетъ вѣдѣться, что отнынѣ миръ будетъ постоянно царствовать у нихъ въ домѣ. Марта Бигсъ не появлялась въ Гарли-Стритѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ тамъ видѣли ее, и въ извѣстные часы рассказывала по кумушкамъ въ Редъ-Лайонскомъ сквартѣ, горько жалуясь на неблагодарность своего друга.

— А что я вытерпѣла по ея милости, говорила Марта Бигсъ другою такой же Мартъ: — что вытерпѣла и что еще готова была вытерпѣть за эту женщину, такъ этого ни одна живая душа представить себѣ не можетъ, а теперь...

— Мнѣ кажется дѣло въ томъ, что онъ не долбилывалъ видѣть васъ у себя?

— А развѣ это резонъ? Да будь я на ея мѣстѣ, такъ нога моя не была бы въ его домѣ, пока я не доблалась бы отъ него, что мой другъ бу-

детъ такъ же радушно принять у меня въ домѣ, какъ и я сама. Впрочемъ, можетъ-быть, мои мысли о дружбѣ будутъ названы романтическими.

Но пускай злоба и ненависть кипятъ въ Редъ-Лайонѣ, — въ Гарли-Стритѣ зато царствуетъ сладостный миръ и любовь. Мистриссъ Ферниваль убѣдилась, что леди Мэзонъ, безъ всякаго сомнѣнія, несчастливѣйшая женщина, для спасенія которой ея мужъ употребилъ всю энергію и благороднѣйшія усилія, и хотя впоследствии до нея доходили слухи, неблагоприятныя для миледи, но она насчетъ этого не чувствовала вражды противъ нея. Будь леди Мэзонъ виновна во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ, кромѣ одного, мистриссъ Ферниваль сьумѣла бы найти средства простить ей за все.

Но Софья теперѣ гораздо менѣе принимала участія въ леди Мэзонъ, чѣмъ ея мать, и все время процесса съ гораздо большею ревностью, чѣмъ когда-нибудь, жаждала узнать новости о судебномъ рѣшеніи. Она ничего не говорила матери о Люціѣ, также какъ ничего не рассказывала объ Августѣ Стевлей. Миссъ Ферниваль была такая дѣвушка, которая не нуждалась въ сочѣтѣ матери по случаю своихъ дѣлъ... Рано утромъ, на другой день по объявленіи приговора, онѣ объ узнали, что леди Мэзонъ оправдана.

— Какъ я тому рада, сказала мистриссъ Ферниваль, — и я увѣрена, что это по милости твоего папа сдѣлалось.

— Но мы надѣемся, что она въ самомъ дѣлѣ не виновна.

— О, конечно. Я тоже думаю, что она невинна. Право, я даже увѣрена въ томъ. Однако мы сами знаемъ, что противъ нея очень много было говорено.

— Я навѣрное знаю, что папа никогда и на минуту не считалъ ее виновною.

— Право не знаю, душенька. Твой папа никогда не любитъ рассказывать о людяхъ, которыхъ онъ защищаетъ. Но какъ это важно для Люція! Вѣдь онъ могъ бы все потерять, до послѣдней десятины земли.

— Да, это очень важно для него.

Софья стала обдумывать, довольно ли надежно положеніе Люція Мэзона съ тѣмъ имуществомъ, которое ему предоставлено.

Къ вечеру того же дня она получила письмо отъ своего обожателя. Она была одна, когда получила и прочла это письмо. Она хорошо взвѣсила каждое слово, прежде чѣмъ рѣшила, какъ приличнѣе ему отвѣчать.

«Я обязанъ передать моему брату право владѣнія на Орліискую ферму...»

Но почему же онъ обязанъ?.. И такимъ образомъ она сама дошла до заключенія, которое вывелъ Роундъ и которое подтвердилъ Джозефъ Мэзонъ, когда они услышали, что помѣстье передавалось въ руки брата.

«Да, Софья, я нищій», говорилось въ письмѣ. Ей это было прискорбно, очень прискорбно, какъ она сама увѣряла себя, а такъ какъ она сидѣла одна въ комнатѣ, то вынула платокъ и прижала его къ глазамъ, и послѣ умѣренного употребленія опять положила его въ карманъ; потомъ сложила его письмо и спрятала въ тотъ же карманъ.

— Папа, сказала она въ тотъ же вечеръ: — что теперь будетъ дѣлать мистеръ Мэзонъ? Останется ли онъ въ Орліиской фермѣ?

— Нѣтъ, душенька, онъ оставляетъ Орліискую ферму и кажется уѣзжаетъ съ матерью за границу.

— Кому же достанется Орліиская ферма?

— Вѣроятно его брату, Джозефу Мэзону.

— А чѣмъ же будетъ жить Лищій?

— Право не знаю. Не думаю, чтобъ у него было что-нибудь. Мать его имѣетъ небольшой капиталъ, а онъ, я думаю, вступитъ на какое-нибудь служебное поприще.

— О! вѣроятно. Но какъ жаль его, бѣдняжку!

Отецъ не далъ ей на то отвѣта.

Въ ту же ночь, отправившись въ свою спальню, Софья написала письмо своему возлюбленному въ отвѣтъ на полученное отъ него.

Гарли-Стритъ, мартъ 18го.

«Любезнѣйшій мистеръ Мэзонъ!

«Надо ли мнѣ говорить, что вѣсти, сообщенныя вамъ въ письмѣ, глубоко огорчили меня? Я не стану спрашивать васъ о тайнѣ, которую вы скрываете отъ меня, чувствуя, что не имѣю права вмешиваться въ ваши дѣла; тѣмъ болѣе не хочу я разбирать причины, почему вы передаете вашему брату помѣстье, которое вы всегда считали своею собственностью. Что васъ побуждаютъ къ тому самыя благородныя причины, въ томъ я вполне увѣрена, и вы можете быть увѣрены, что въ вашемъ несчастьи я васъ точно также глубоко уважаю, какъ и въ дни вашего благополучія. Что вы сдѣлаете хорошую карьеру, въ этомъ я тоже никогда не сомнѣвалась и очень можетъ быть, что трудъ

и занятія, которыми вы теперь должны предаться, поставятъ васъ на болѣе высокую степень въ общественномъ положеніи, чѣмъ въ то время, когда бы въ рукахъ вашихъ оставалась та собственность.

«Я считаю, что вы совершенно правы, говоря, что относительно нашего взаимнаго положенія никто изъ насъ не долженъ имѣть притязаній на другаго. При настоящихъ обстоятельствахъ подобныя притязанія были бы безуміемъ. Ничто не можетъ быть болѣею помѣхою въ успѣхахъ вашей будущей карьеры, какъ такое продолжительное обязательство; что касается до меня, то я боюсь, что всѣ эти заботы и печали такъ велики, что я не въ силахъ вынести ихъ. Кромѣ того, я предчувствую, что никогда не получу отъ моего отца согласія на такое обязательство, а безъ его согласія, я ни за что не могу рѣшиться. Я чувствую душевное удовлетвореніе при мысли, что вы поймете справедливость моего убѣжденія, что я не должна смущать васъ и сокрушать своего сердца дальнѣйшимъ преслѣдованіемъ этой мысли.

«Чувство дружбы, нѣжной дружбы къ вамъ навсегда останется одинаковымъ въ моемъ сердцѣ. Съ великими надеждами стану я ожидать вашей будущей карьеры и съ искреннею радостью услышу о вашихъ успѣхахъ. Хочу надѣяться, что наступитъ то время, и не въ продолжительномъ разстояніи, когда мы будемъ привѣтствовать ваше возвращеніе въ Лондонъ и докажемъ вамъ, что наше мнѣніе о васъ никогда не измѣнялось.

«Да благословитъ васъ Господь и да сохранитъ васъ во всѣхъ житейскихъ непріятностяхъ невредимымъ и да покроетъ васъ почестями. Гдѣ бы вы ни были, я всегда буду ожидать съ нетерпѣніемъ извѣстій о васъ и всегда съ благодарностью буду получать ихъ. Надо ли мнѣ просить васъ, чтобы вы никогда не забывали, что у васъ нѣтъ болѣе любящаго друга, какъ ваша всегда искренно преданная

«Софья Фервиваль.»

«P. S. Полагаю, что свиданіе въ настоящую минуту причинило бы только намъ обоимъ лишнее терзаніе. Можетъ-быть случилось бы высказать такія вещи, которыя лучше пройти въ молчаніи. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы не станете настаивать на томъ.»

Люцій, получивъ это письмо, переселился уже съ матерью на квартиру близъ Финсберійскаго цирка. Письмо это было адресовано въ Гэмвортъ съ пересылкою къ нему. Онъ намѣревался переселиться съ матерью въ какой-нибудь городокъ на берегахъ Рейна и скрываться тамъ

до тѣхъ поръ, пока онъ найдетъ средства къ жизни. Онъ слѣдлъ съ матерью за столомъ съ двумя тускло горѣвшими салными свѣчами, когда почтальонъ принесъ письмо. Онъ пречелъ его въ молчаніи, потомъ смялъ его въ рукѣ и съ отвращеніемъ бросилъ въ каминъ.

— Надѣюсь, что ты не получишь новыхъ непріятностей, Люці? сказала она, смотря ему въ лицо съ умоляющимъ видомъ.

— Нѣтъ, никакихъ... относительно дѣлъ. Это письмо собственно ко мнѣ касалось.

Сэръ Перегринъ выразилъ глубокую истину, когда сказалъ, что Люці Мэзонъ способенъ выносить бремя несчастій. Последній ударъ поразилъ его, но онъ не жаловался на свою участь и ни слова не говорилъ объ этомъ предметѣ. Мать слѣдила за письмомъ, какъ вѣсъ пожирало его и обратило въ пепелъ, но не дѣлала болѣе вопросовъ. Она понимала, что ея отношенія къ сыну не позволяютъ ей ни спрашивать, ни надѣяться на его довѣренность.

— « Я не имѣю право ожидать, чтобъ было иначе », думала она.

Но онъ даже самому себѣ не выразилъ ни однимъ словомъ упрека миссъ Фернивалъ. Онъ самъ приготовилъ обстоятельства, обрушавшіяся на него, и считалъ своею обязанностью все вытерпѣть безроотно.

Ну, а что касается до миссъ Фернивалъ, такъ мы ужъ заразъ можемъ объявить, что она не сдѣлалась также и мистриссъ Стевлей. Нашъ старый пріятель Августъ повѣдалъ, что получилъ достаточный отвѣтъ по случаю своего послѣдняго посѣщенія въ Гарли-Стритъ и не возобновлялъ уже визитовъ. Подобныя маленькія сцены были неизбежны въ его жизни, и когда, по прошествіи многихъ мѣсяцевъ, онъ оглянулся на прошлое и пообдумалъ это дѣло, то ему показалось, что этотъ случай принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ, чудесныхъ событій, которыми ознаменована была его карьера.

ГЛАВА XXV.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ.

— Не отъ леди ли Мэзонъ вы получили сегодня письмо, душныя моя?

— Да, батюшка, отъ леди Мэзонъ; они уѣзжаютъ въ четвергъ.

— Въ четвергъ? Какъ скоро!

Сэръ Перегринъ, сдѣлавшій этотъ вопросъ, опять замолчалъ.

Письмо, по принятому обычаю въ домѣ, было подано въ руки мистриссъ Ормъ за завтракомъ; но сэръ Перегривъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія по поводу письма, пока не ушли слуги и не оставили ихъ вдвоемъ. Это было прощальное письмо, полное любви и благодарности, а также и раскаянія. Леди Мэзонъ провела три недѣли въ Лондонѣ и за это время мистриссъ Ормъ одинъ разъ ѣздила повидаться съ нею и провела съ нею нѣсколько часовъ, къ великому утѣшенію леди Мэзонъ. Теперь пришло это письмо и говорило ей послѣднее прости.

— Вы можете прочесть это письмо, если хотите, батюшка, — сказала она, подавая ему письмо.

По лицу его видно было, какъ онъ благодаренъ за это предложеніе. Онъ не вдругъ прочелъ его, но мало-помалу и въ нѣсколько приемовъ. Чтобы прочесть его, онъ сѣлъ въ тѣни, спиной къ мистриссъ Ормъ; однако она могла замѣтить, что онъ нѣсколько разъ отиралъ рукою глаза и постоянно подносилъ платокъ къ лицу.

— Благодарю, дорогая моя! сказалъ онъ, возвращая письмо.

— Я думаю, мы можемъ вполне простить ее послѣ всего, что она потерпѣла.

— Да, да, да... отвѣчалъ онъ: — съ моей стороны, я простилъ ей все съ перваго раза.

— Я знаю, что вы такъ сдѣлали. Но относительно помѣстья... вѣдь оно возвращено уже по принадлежности.

Опять наступило молчаніе.

— Эдифъ, сказалъ старикъ спустя нѣсколько минутъ: — я простилъ ей все. Для меня она все таже, какъ-будто она никогда не совершала того проступка. Не всё ли мы грѣшники?

— Конечно, батюшка.

— И могу ли я сказать, что сущность ея грѣха больше моихъ грѣховъ только потому, что она совершила одинъ возмутительный поступокъ? Испыталъ ли я тѣ искушенія, которымъ она подвергалась? Была ли моя молодость окружена такими опасностями, какъ ея молодость? И не для себя она это сдѣлала, а для другаго. Мы можемъ теперь объ этомъ подумать.

— Я всегда такъ думала.

— Отъ этого грѣхъ не сдѣлался меньше; но между ея ближними...

Вдругъ онъ прервалъ себя: у него не достало словъ для выраженія своей мысли. Грѣшникъ, пока не раскаялся, достоинъ осужденія; но

теперь, когда она раскаялась, онъ могъ любить ее почти съ такою же силой, какъ и прежде.

— Эднѣ! вдругъ воскликнулъ сэръ Перегринъ и посмотрѣлъ на нее такими любящими глазами, полными желанія, что она встрепенулась.

Мистриссъ Ормъ вполне поняла, что дѣлается въ его сердцѣ, но видѣтъ съ тѣмъ думала, что не слѣдуетъ поощрять его въ этомъ желаніи.

— Надѣюсь, сказала она, — что леди Мэзонъ мужественно вынесетъ свою участь; пройдутъ годы, и тогда можетъ-быть...

— Ахъ! тогда я буду лежать въ могилѣ! Немного мѣсяцевъ пройдетъ — и меня уже не станетъ!

— О, сэръ, что вы говорите!

— Отчего же нельзя мнѣ спасти ее отъ такой жизни?

— Она уже спасена отъ того, что было страшно.

— Она могла бы и теперь, еслибъ хотѣла, просить у меня крова. Отчего же мнѣ нельзя принять ее въ домъ?

— Въ этотъ домъ, сэръ?

— Да; отчего же нѣтъ? Но я понимаю, что вы хотите сказать. Это было бы вредно, непріятно для васъ и для Перри.

— Сэръ, это было бы вредно для васъ самихъ. Подумайте только, батюшка. Всѣмъ извѣстно, какъ неопровержимый фактъ, что она это сдѣлала. Мы можемъ простить ее, но другіе не простятъ ей по этому именно случаю. Несправедливо и нехорошо было бы съ вашей стороны привести ее снова подъ кровъ вашего дома.

Сэръ Перегринъ самъ зналъ, что это несправедливо и нехорошо. Старъ онъ былъ, слабъ и дряхлѣ тѣломъ, но здравый смыслъ никогда не оставлялъ его. Онъ предвидѣлъ, что оскорбилъ бы всѣ общественные законы, еслибъ сдѣлалъ то, чего желало сердце и потребовалъ бы отъ окружающихъ уваженія къ леди Мэзонъ, какъ къ своей женѣ, къ той женщинѣ, которая такъ глубоко обезславилась. Но все же ему трудно было убѣдить себя, что это невозможно. Онъ подобенъ былъ ребенку, который знаетъ, что желаемое имъ сокровище недосыгаемо, а все желаетъ, все тавается къ нему, все-еще надѣется, хотя безъ надежды, что можетъ-быть и можно назвать его своею собственностью. И какъ было бы отрадно простить ей, убѣдить ее, что все забыто, все прощено, внушить ей, что есть человекъ въ мірѣ, для котораго даже въ памяти не существуетъ ея грѣха... Что касается до его внука, то конечно все состояніе должно ему принадлежать... Такъ онъ торговался

самъ съ собою, но все же, докончивъ торгъ, онъ вполне сознавалъ, что это невозможно.

— Какъ жестоко я былъ къ ней, когда она призналась мнѣ во всемъ! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — о, какъ жестоко!

— Она не такъ думаетъ.

— Нѣтъ, еслибъ я оттолкнулъ ее ногою, такъ и тогда она бы не называла меня жестокичь. Она сама себя осуждала, а мнѣ слѣдовало пощадить ее.

— Но вы и шадили ее. Я увѣрена, что она чувствуетъ, что съ первой минуты до настоящаго часа вы были болѣе чѣмъ снисходительны къ ней.

— Но я обязанъ былъ еще больше сдѣлать, потому что я любилъ ее... Да, я любилъ ее и теперь еще все люблю ее. Хотя я старъ и слабъ, хоть могла уже близка, а все же я люблю ее... люблю ее, какъ юноша любить прекрасную дѣвушку, которую желаетъ назвать своею! Но для юноши чувство проходитъ, онъ забываетъ, и другая прекрасная дѣвушка замѣняетъ первую; но для меня — съ нею все погбло.

Что могла мистриссъ Ормъ сказать ему на это? Да, для него все погбло... погбла любовь, о которой его старое сердце мечтало въ своемъ безуміи!

— Не все еще погбло, пока мы съ вами, — сказала она, ласкаясь къ нему.

Но она понимала, что ея слова были не чистосердечны.

— Да, да, пока вы со мною, дорогое дитя мое.

Но и онъ признавалъ эту претензію на утѣшеніе неискреннюю и ложную.

— Она уѣдетъ въ четвергъ, сказалъ онъ, — въ будущій четвергъ.

— Да, въ четвергъ. Ей гораздо легче будетъ, когда она уѣдетъ изъ Лондона. Пока она остается въ Англіи, она не осмѣлится показаться на улицу.

— Эдмъ, я хочу еще разъ видѣться съ нею предъ ея отъѣздомъ.

— Благоразумно ли это будетъ, сэръ?

— Можетъ-быть и нѣтъ. Да, это можетъ-быть безумно, очень безумно, а все же я увижу ее. Вѣрно вы забыли, Эдмъ, что я не могъ проститься съ нею. Я не говорилъ съ нею съ тѣхъ поръ, какъ она такъ великодушно поступила съ нами.

— Я не думаю, чтобъ она ожидала этого, батюшка.

— Нѣтъ, она ничего не ожидаетъ для себя. Еслибъ въ ея харак-

теперь было надѣяться, что я захочу посвятить ее, то я не стала бы такъ заботиться объ этомъ свиданіи. Завтра я буду у нея. Не знаете ли вы, когда она бываетъ дома?

— Да она не выходитъ изъ дома.

— А Люцій?

— Въ продолженіи дня онъ никогда не бываетъ дома.

— Такъ я завтра отправлюсь, душенька моя. Нѣтъ надобности говорить о томъ Перегрину.

Мистриссъ Ормъ все-еще думала, что онъ не совѣтъ хорошо дѣлаетъ, однако ничего уже не возражала. Она не могла запрещать ему вѣхать къ ней и съ его позволенія написала нѣсколько строкъ къ леди Мэзонъ о его намѣреніи проститься съ нею. Послѣ этого со всевозможною осторожностью и вѣжностью она еще разъ предостерегала его противъ опасности, которой она страшилась за него. Ну что будетъ, если онъ, увлекаемый любовью, охотъ сдѣлаетъ предложеніе леди Мэзонъ? Твердо была увѣрена мистриссъ Ормъ, что леди Мэзонъ опять откажетъ; однако зачѣмъ же подвергать себя такой опасности?

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — я не сдѣлаю этого и вы можете положиться на мое слово.

Тогда она посиѣшила извиниться предъ нимъ, но онъ, дѣлая ее, увѣрялъ, что никакъ не можетъ сердиться на нее.

Сэръ Перегринъ исполнилъ свое намѣреніе и на слѣдующее утро уѣхалъ въ Лондонъ. За завтракомъ о томъ ни слова не было сказано и мистриссъ Ормъ не дѣлала уже попытокъ отговаривать его. Онъ былъ старъ и слабъ, но все же она знала, что это утомленіе не сдѣлаетъ ему вреда. Она болѣе боялась за него, когда онъ безвыходно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, чѣмъ когда онъ выѣзжалъ; напротивъ, для него было бы очень полезно приучить себя къ мысли о необходимости движенія.

Леди Мэзонъ была одна въ темной квартирѣ близъ Финсбэрійскаго цирка, когда сэръ Перегринъ пришелъ къ ней. Она встрѣтила его стоя и заговорила первая, прежде чѣмъ его рука коснулась до нея. Она встала, чтобы встрѣтить его, глаза ея были опущены, руки крѣпко прижаты къ груди.

— Сэръ Перегринъ, сказала она: — я не ожидала отъ васъ такого доказательства вашей... вашего великодушія...

— Моего уваженія и любви къ вамъ, леди Мэзонъ! сказалъ онъ. — Мы слишкомъ хорошо и слишкомъ давно знаемъ другъ друга, чтобы раз-

статься, не сказавъ другъ другу ни слова. Я очень старъ и вѣроятно мы расстаемся уже на-вѣки.

Тогда она подала ему руку и мало-помалу поднимала глаза на его лицо.

— Да, сказала она, — эта разлука на-вѣки. Для меня нѣтъ возврата.

— Нѣтъ, нѣтъ, не будете такъ говорить. Время покажетъ. Но конечно, вдругъ ничего не бываетъ. Оно и лучше... Эдиоъ сказала мнѣ, что вы уѣзжаете въ четвергъ?

— Да, сэръ, мы уѣзжаемъ въ четвергъ.

Ея рука все время оставалась въ его рукѣ; но тутъ она высвободила ее и попросила его садиться.

— Люція дома нѣтъ, сказала она: — послѣ завтрака его никогда дома не бываетъ. У него такъ много хлопотъ, чтобы приготовиться къ отъѣзду, и притомъ же надо кончить дѣла.

Сэръ Перегринъ совѣтъ не желалъ видѣть Люцію, однако онъ не выразилъ этого.

— Передайте ему мой привѣтъ и скажите ему, что я надѣюсь за него, если судьба будетъ ему благопріятна...

— Благодарю васъ. Непремѣнно передамъ. Вы очень милостивы, что вспомнили о немъ.

— Я всегда имѣлъ о немъ высокое понятіе, какъ о превосходномъ молодомъ человѣкѣ.

— Онъ таковъ и есть. Кто другой на его мѣстѣ могъ бы вытерпѣть всѣ эти страданія, не произнося ни слова упрёка или ропота? Ни одной жалобы, ни упрёка, — а вѣдь это я, я погубила его!

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ погибнуть: у него есть молодость, умъ, превосходное воспитаніе. Если такой человѣкъ, какъ онъ, не можетъ выработать себѣ кусокъ хлѣба — болѣе чѣмъ кусокъ хлѣба — то кто же можетъ? Ничто такъ не губитъ молодаго человѣка, какъ невѣжество, праздность и безиравственность.

— Ничто, кромѣ тѣхъ, къмъ онъ хотѣлъ бы гордиться и кто позорить его предъ глазами цѣлаго свѣта... Сэръ Перегринъ, я сама дивлюсь, какъ это я могу оставаться спокойна, какъ это я могу жить на свѣтѣ! Но повѣрьте, ни на одну минуту я не могу забыть своего преступленія! Съ радостью я пролила бы всю кровь свою какъ воду, если бы это могло сыну моему принести пользу, а вмѣсто того я сама дала ему причины проклинать меня до послѣдняго дня жизни. Вотъ я живу,

пью и ѣмъ, а между тѣмъ эта мысль не выходитъ изъ моей головы. Мучительное воспоминаніе ни на минуту не оставляетъ меня. Говорятъ, что раскалывающіеся грѣшники облекаются во вретиче и посыпаютъ голову пепломъ... Вотъ мое вретиче, и какъ оно жестоко! Эти мысли — вотъ пепель, посыпанный на мою голову, и сколько въ нихъ жолчи и боли!

Онъ не зналъ какими словами утѣшать ее. Все это было какъ она говорила, и онъ не могъ принудить себя уговаривать ее сбросить съ себя это вретиче и пепель. Да, это такъ должно быть. Еслибъ она не чувствовала такъ, то и не была бы достойна той степени любви, которую онъ чувствовалъ къ ней!

— Господь укрощаетъ бурю для беззащитнаго ягненка, сказалъ онъ.

— Да, для беззащитнаго ягненка... начала было она и вдругъ замолчала.

Но справедливо ли укрощать бурю для хищной волчицы, которая въ темную ночь ворвалась въ стадо и заграбила чужой кормъ? Вотъ какой вопросъ представился ей въ мысляхъ, но она замолчала, боясь перевести его на слова. Она молчала, но онъ читалъ въ ея сердцѣ. «Да, для беззащитнаго ягненка...» сказала она и не докончила, но онъ быстро слѣдиль за ея мыслями и все понималъ.

— Мэри, сказалъ онъ, ближе подвигаясь къ ней:—если его сердце такъ предано вамъ, какъ и мое, то онъ никогда не напомнитъ вамъ этого.

— Не онъ, а моя память — вотъ моя казнь.

Отчего же ему нельзя принять ее подъ свой кровъ, утѣшать ее, заливать цѣлебный бальзамъ на ея живую рану, останавливать вѣчно сочащуюся кровь изъ ея раненаго сердца? Но онъ далъ слово и ручался своею честью. Все утѣшеніе, какое онъ могъ дать ей, ограничивалось немногими минутами, которыя онъ могъ провести съ нею въ этой темной комнаткѣ. И онъ хотѣлъ утѣшить ее отъ всего сердца, безъ всякаго лукавства. Онъ не могъ бы принудить себя, чтобъ увѣрить ее, что это вретиче не жестоко, что этотъ пепель пріятенъ для ея бѣднаго, измученнаго тѣла. Онъ не могъ сказать ей, что чаша горечи, которую она пила, теперь будетъ пріятна и усладительна. Чтоже онъ могъ ей сказать? Объ одномъ источникѣ истиннаго утѣшенія онъ зналъ и не вотьще говорилъ о немъ, но онъ могъ сказать только одно: онъ прощалъ ей, онъ все-еще любилъ ее... Съ какою радостью онъ успокоилъ бы ее на груди своей, еслибъ это было возможно! Слабый, безумный старикъ! Онъ могъ только говорить о своемъ сердцѣ.

— Мэри, сказалъ онъ, взявъ ее за руку:—Мэри, я хочу... я хотѣлъ бы утѣшить васъ, еслибъ только могъ!

— А между тѣмъ я и на васъ навлекла всѣ непріятности, огорченія и... и безславіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, моя возлюбленная; никакихъ огорченій, ни безславія, — кромѣ одного жестокаго горя: я долженъ разстаться съ вами! Да, теперь я вамъ все скажу. Не будь у меня никого, то я опять умолялъ бы васъ возвратиться ко мнѣ.

— Этого нельзя... нѣтъ, это невозможно!

— Нѣтъ, потому что я не одинъ. Она, которая такъ нѣжно любитъ васъ, она сама это мнѣ сказала. Это невозможно, но вотъ это и есть причина моего огорченія. Я привыкъ любить васъ, любить сильно, и не знаю какъ мнѣ разстаться съ вами! Не будь этого, я все бы сдѣлалъ, что въ силахъ человѣка, чтобъ утѣшить васъ!

— Но дѣло сдѣлано, я не могу загладиь свое прошлое. Сознавая свое недостоинство, я никогда не рѣшилась бы, сэръ Перегринъ, переступить чрезъ порогъ вашего дома.

— А я желалъ бы опять слышать эти легкіе шаги по моему коридору... О, какъ желалъ бы я опять слышать ихъ!

— Никогда, сэръ Перегринъ! Никогда никто уже не порадуется, услышавъ мои шаги и мой голосъ, никто не увидитъ уже меня съ любовью и не пожметъ моей руки. Миръ для меня уже не существуетъ и дай-богъ, чтобы скорѣе былъ конецъ моимъ страданіямъ! Но вамъ за ваше великодушіе...

— За мою любовь...

— За вашу любовь,—что я могу вамъ сказать? Я любила бы васъ всѣми силами души, еслибъ это было мнѣ позволено. Но я и люблю васъ такъ... Еслибъ эта мечта осуществилась, я не приносила бы ложной присяги, отдавая вамъ свою руку. Я просила ее сказать вамъ это, когда прощалась съ нею.

— Она передала мнѣ.

— Я мало знала любви. Сэръ Джозефъ былъ скорѣе моимъ господиномъ, чѣмъ мужемъ. Онъ былъ добрымъ господиномъ и я служила ему честно и вѣрно... кромѣ одного случая. Но я никогда не любила его. Я дурно дѣлаю, что такъ говорю, и никогда не буду болѣе о томъ говорить. Да благословитъ васъ Богъ, сэръ Перегринъ! Для насъ обонхъ будетъ лучше теперь разстаться.

— Да благословитъ васъ Богъ, Мэри, и да сохранитъ онъ васъ и да

возвратить спокойствіе и миръ душѣ вашей! До тѣхъ поръ пока я живу на землѣ, знайте, что есть человекъ, который безпредѣльно и глубоко любитъ васъ.

Онъ обнялъ ее, два раза поцѣловалъ въ лобъ и умелъ, ни слова не сказавъ болѣе.

Оставшись одна, леди Мэзонъ съѣла и предъ ея мыслями пронеслась вся ея прошлая жизнь. Въ ранней молодости, когда жизнь едва начиналась для нея, она совершила дурное дѣло и съ той поры до послѣднихъ дней процесса она была жертвою непрерывной борьбы и должна была являться въ свѣтѣ, какъ-будто этого не было сдѣлано, какъ-будто она невинна предъ цѣлымъ міромъ, а главное — предъ своимъ сыномъ. Въ продолженіи двадцати лѣтъ она вела невыносимую борьбу — и теперь она пала, и теперь каждый знаетъ кто она, что она сдѣлала. Вотъ какую жизнь она сама себя приготовила!.. Потому она стала представлять себя, какова бы ея жизнь могла быть въ противномъ случаѣ. Съ самаго нѣжнаго дѣтства она знала, что значитъ быть бѣдною, и видала и слышала объ этихъ битвахъ за деньги, въ которыхъ закаляются сердца и гаснетъ поэзія человеческой природы. Но не совсѣмъ такъ было съ нею. Можно сказать, она прошла сквозь огонь неопаленною; но когда пришло искушеніе, ей не достало силъ преодолѣть его. Для себя она никогда не стала бы грѣшить и не стала бы грабить старика, который былъ для нея добрымъ господиномъ. Но когда у нея родился сынъ, глаза у нея отуманились и она не могла уже видѣть, что дурно пріобрѣтенное богатство для ея сына будетъ источникомъ проклятій, какъ и для нея самой. Она вспомнила Ревекку и коварно похитила благословеніе отца для своего сына. И предъ ея мысленными очами проносилась вся жизнь въ живыхъ образахъ...

А сколько отрадныхъ было сценъ, еслибъ только онѣ не прожигали теперь ея душу! Какъ хороша была гостиная въ Кливѣ, гдѣ она бывало засиживалась въ такомъ роскошномъ удобствѣ, съ такою милою подругою! Какъ отраднa была дружба съ этою женщиною, непорочною во всѣхъ мысляхъ, привлекательною для всѣхъ глазъ, очаровательною во всѣхъ движеніяхъ! Думая объ этомъ, леди Мэзонъ понимала, что ей дана была способность достойно опѣнять такіа наслажденія. Сколько эта жизнь истины и невинной любви была для нея полна очарованія, еслибъ только тяжелое бремя не лежало на ея плечахъ! И мысль ея перенеслась на сэра Перегринна съ его милымъ стариннымъ обращеніемъ и чистосердечіемъ и она сама себя говорила, какъ бы она была счастлива

любавью такого старика, еслибъ она могла избавиться отъ этого тяжелаго бремени! Но отъ этого бремени нельзя было избавиться, никогда уже нельзя избавиться! Тогда она еще разъ вспомнила о своемъ суровомъ, но благородномъ сынѣ, и голова ея склонилась, и сознавая заслуженную казнь, она молила Бога скорѣе отпустить ей грѣхи и забыть ее отъ земныхъ страданій.

Простился же и мы съ нею и тѣмъ покончимъ главный интересъ нашего разсказа. Можетъ-быть инѣ слѣдовало бы просить извиненія у моихъ читателей за то, что я желалъ возбудить ихъ симпатію къ женщицѣ, которая такъ согрѣшила, что поставила себя внѣ сочувствія свѣта. Въ такомъ случаѣ я готовъ просить извиненія и считать себя виноватымъ. Одно скажу въ свое оправданіе: разсказывая ея исторію, я невольно почувствовалъ къ ней симпатію; по мѣрѣ разсказа симпатія увеличивалась до того, что я невольно привыкъ прощать ей и считать ее за своего стараго друга. О ея будущей жизни я не осмѣлюсь говорить. Но нѣтъ болѣе вѣрнаго правила, какъ то, которое учитъ насъ, что Богъ укрощаетъ бурю и для беззащитнаго ягненка. Какъ много людей въ первое время печали думаютъ, что все кончилось для нихъ, что имъ остается только умереть! А между тѣмъ проходитъ время и тѣже люди опять привыкають улыбаться и чувствовать прекрасную погоду, красоты природы. Богъ, давъ человѣку никогда не умирающую надежду, все далъ ему. Сколько разъ солнце закатывалось и, казавось, оставляло намъ безконечную ночь — и каждый день солнце снова возставало въ полномъ блескѣ.

Будемъ надѣяться, что и для леди Мэзонъ наступитъ когда-нибудь день, когда ея обворожительныя качества снова просіяютъ и освѣтятъ болѣе смиренную долю, и что для нея наступитъ снова утро, отрадное своею уюительною теплою. Простился же мы съ нею привѣтливо на этихъ страницахъ и не будемъ помнить зла.

Въ отношеніи Люціи Мэзона и устройства его дѣла съ братомъ Джозефомъ очень немногое надо сказать. Выходя изъ конторы Роунда и Крука, Джозефъ Мэзонъ съ радостью пожертвовалъ бы всю цѣнность Орліійской фермы для того только, чтобы предать достойному наказанію ту, которая такъ долго лишала его законнаго наслѣдства. Но скоро онъ убѣдился, что его желаніе несбыточно, хоть и сильно. Во-первыхъ онъ не зналъ къ какому атторнею обратиться ему. Съ Дократомъ онъ окончательно поссорился и хоть теперь не довѣрялъ и Роундамъ, но отнюдь не думалъ замѣнить ихъ гэмпортскимъ атторнеемъ. Правда, онъ подо-

зрѣвалъ, что Роунды были подкуплены, чтобы доброжелательствовать его врагу, но о Дократѣ онъ былъ увѣренъ, что тотъ заботится только о своемъ карманѣ, да какъ бы для себя самого удружить. При такихъ обстоятельствахъ онъ бросился къ третьему атторнейю, но послѣ нѣкотораго обсужденія и отъ третьяго услышалъ, что законъ воспрещаетъ ему затѣвать новый уголовный процессъ противъ леди Мэзонъ. Не было возможности обвинять ее въ поддѣлкѣ и подлогѣ послѣ того, какъ два суда присяжныхъ въ промежуткѣ двадцати лѣтъ оправдали ее, развѣ представилось бы новое, самое положительное и неопровержимое доказательство. Но у него не было такого рода доказательства. Предложеніе передать ему права владѣнія надъ помѣстьемъ не есть доказательство въ глазахъ присяжныхъ, хоть бы весь міръ считалъ бы это неопровержимымъ.

— Такъ чтоже мнѣ дѣлать? спросилъ Мэзонъ.

— Берите добро, посылаемое судьбою, сказалъ атторней: — принимайте предложеніе, которое дѣлаетъ вамъ братъ по великодушію своему.

— По своему великодушію!

— Разумѣется съ его стороны это очень великодушно. Совершенно отъ него зависитъ удержать помѣстье за собою, и сдѣлай онъ это—никто бы не считалъ его виноватымъ. Какъ онъ можетъ судить свою мать? Не онъ отвѣчаетъ за нее.

Тогда Джозефъ Мэзонъ бросился къ иному атторнейю, но и тутъ ему не повезло. Время проходило, а тутъ онъ узналъ, что Люцій съ матерью переселились въ Германію. Мучимый желаніемъ ищенія, онъ пробовалъ было вытребовать указъ, налагающій запрещеніе на ихъ отъѣздъ. Но и тутъ ему не удалось. Леди Мэзонъ была предана суду и оправдана судомъ присяжныхъ и теперь ни одинъ судья ни хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло.

— Конечно, можно вернуть ее въ Англію, если только будетъ у насъ неопровержимое доказательство ея преступленія, — говорилъ послѣдній атторней.

— Такъ мы вернемъ ее непремѣнно, клянусь веѣмъ адомъ!

Но Джозефъ Мэзонъ только понапрасну поклялся: не нашлось ни одного человѣка, который хоть бы потѣшилъ его обѣщаніемъ, что надъ нею опять будетъ произведено слѣдствіе. Мало - помалу желаніе мести ослабѣвало, а желаніе корысти брало перевѣсъ. Такъ-то и многимъ случалось клясться, что они не пожалѣютъ всего имѣнія, чтобы только до-

канать своего врага, а какъ приходило дѣло къ концу, — такъ какъ еще благодарили судьбу за то, что ихъ клятвы не сбылись! Вотъ такъ было и съ Джозефомъ Мэзономъ. Проживши въ городѣ съ мѣсяць, онъ наконецъ послушался совѣта своего перваго повѣреннаго и далъ ему довѣренность войти въ переговоры съ мистеромъ Фернивалемъ. Результатомъ этихъ дѣйствій вышло то, что чрезъ шесть мѣсяцевъ онъ опять выѣхалъ изъ Йоркшира, чтобы вступить во владѣніе Орліею фермою.

Послѣ этого опять произошла сильная борьба съ Дократомъ, которая вдосталь разорила гэмворгскаго атторнея и стоила Джозефу Мэзону гораздо болѣе денегъ, нежели онъ сознавался. Дократъ подалъ на него искъ, въ которомъ доказывалъ, что по контракту, совершенному съ мистеромъ Мэзономъ, онъ долженъ уступить ему извѣстныя поля за самую умѣренную цѣну; но мистеръ Мэзонъ, не признавая контракта, соглашался, что Дократъ предложилъ ему записку, въ которой вставилъ условіе, что получить эти поля за умѣренную цѣну только въ томъ случаѣ, когда дѣло доведено будетъ до извѣстныхъ результатовъ.

Въ этой тяжбѣ Мэзонъ вышелъ побѣдителемъ, а Дократъ, какъ мы уже сказали, вдосталь разорился. Чтò такое сдѣлалъ атторвей — не знаю, но только онъ вынужденъ былъ оставить Гэмвортъ. Жена его, бѣдная Миріамъ, теперь полная хозяйка меблированныхъ квартиръ, куда перенесена была такъ безжалостно ея собственная мебель краснаго дерева.

ГЛАВА XXVI.

ВОТЪ КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ДѢЛА УЛАДИЛИСЯ ВЪ НОНИНСВИ.

Для заключительной главы намъ надо еще разъ вернуться въ Нонинсби и тогда нашъ трудъ будетъ оконченъ.

— А знаете ли, вѣдь вы не уѣдете изъ Нонинсби по окончаніи процесса? Мама сказала, что лучше будетъ, если я вамъ сама это скажу.

Такъ говорила Мэдлинь Феликсу Грэгаму, когда онъ уѣзжалъ въ каретѣ судьи въ послѣднее утро знаменитой орліею тяжбы, и произнося эти слова, она воткнула свой пальчикъ въ петличку его фрака. Она это сдѣлала съ очаровательною фамильярностью и присвоеніемъ права отдавать ему приказанія и держать его въ послушаніи, чтò было уповательно въ своей неотразимой прелести. Да отчего ей и не быть фамильярною съ нимъ? Отчего не приводить его въ повиновеніе посредствомъ петлицы, въ которой вертѣлся ея пальчикъ? Развѣ онъ не ей

собственность? Не сама ли она избрала его и присвоила себѣ преимущественно надъ всѣми?

— Не уѣду я отсюда, пока вы не прогоните меня, — отвѣчалъ Феликсъ, поднося руку какъ-будто для охраненія своего фрака, а собственно затѣмъ, чтобы прикоснуться къ ея пальчикамъ.

— Мама говоритъ, что только по утрамъ вамъ будетъ здѣсь тоска, — ну да вѣдь не тошнѣе чѣмъ Августу. Онъ всегда остается здѣсь до святой.

— Ну, а я ужъ буду оставаться до троицына дня, если только меня не выгонять.

— О, конечно выгонять! Я не хочу брать на себя отвѣтственности за неприличное продолженіе праздности. Папа говоритъ, что вы должны передѣлать всѣ судебные законы.

— Для этого надо быть двойнымъ Геркулесомъ, чтобы совершить такіе подвиги, — отвѣчалъ Феликсъ и послѣ нѣкоторой маленькой церемоніи, о которой уже возвыщалось и прежде, онъ распрощался съ нею на цѣлый день...

— Я полагаю, что пользы никакой не будетъ въ томъ, чтобы откладывать, — сказала леди Стевлей въ то же утро, сидя съ дочерью въ гостиной.

Цѣлые часы проводили онѣ вмѣстѣ въ разговорахъ о предстоящемъ бракѣ; но объ этомъ предметѣ всегда неистощимы разговоры между матерью и дочерьми-невѣстами.

— О, мама, а мнѣ кажется, что непременно надо отсрочить.

— Но къ чему же, душенька? Мистеръ Грэгамъ не говорилъ, зачѣмъ?

— Мама, вы должны называть его Феликсомъ. Право, это правильное имя.

— Хорошо, душенька, я буду называть его Феликсомъ.

— Нѣтъ, онъ ничего о томъ не говорилъ. Но разумѣется онъ думаетъ подождать, подождать, пока благоразуміе требуетъ.

— Мужчины никогда слушать не хотятъ о благоразуміи, когда чувствуютъ истинную любовь, а я думаю, онъ истинно любитъ.

— Да полно такъ ли, точно ли онъ любитъ меня, мама?

— Для чего же онъ хочетъ жениться? Станешь ему говорить о дѣлѣ, а онъ толкуетъ о томъ, какъ молодые воронята питаются; но забываетъ, что вѣдь онъ не молодой вороненокъ.

— Вы все шутите, мама.

— Совѣтъ не до шутокъ чинѣ, милочка моя. Но я думаю папа на-мѣренъ отдѣлать тебѣ капиталъ — только ты не должна уже рассчиты-вать на богатство.

— Я и не желаю быть богатою, да никогда и прежде не желала.

— Вѣроятно ты будешь жить въ Лондонѣ, а по окончаніи засѣданій будешь пріѣзжать сюда. Надѣюсь, что онъ никогда не вздумаетъ принять мѣсто въ колоніяхъ.

— Кто? Феликсъ? Да зачѣмъ ему ѣхать въ колоніи?

— Да они всегда такъ дѣлаютъ, эти молодые правовѣды, когда вздумаютъ жениться прежде чѣмъ устроятъ свою дорогу. Но это было бы ужасно и я право думаю, что это убьетъ меня.

— Что это вамъ вздумалось, мама? Да онъ никогда не уѣдетъ въ колонію.

— Навѣрное теперь будутъ графскіе суды, что гораздо лучше. Я полагаю, вы не стали бы жить въ Лидсѣ или въ Мертиръ-Тидвилѣ?

— Навѣрное я буду тамъ жить, гдѣ онъ будетъ жить; но не пони-маю, зачѣмъ его пошлютъ въ Мертиръ-Тидвилъ?

— Да они всё отправляются по такимъ мѣстамъ. Въ молодая мистриссъ Брайтъ Ньюдигатъ — она тоже отправилась въ Суть-Шильдсѣ и ея дѣти самаго слабаго здоровья. Сама знаешь, она двухъ потеряла. Лорду канцлеру слѣдовало бы объ этомъ подумать; Рейгэтъ, Мэдстонъ или гдѣ-нибудь около Гретъ-Марло — все же не такъ худо.

И такимъ образомъ онъ разсуждали о грядущихъ событіяхъ и счастливой будущности въ то время, какъ Феликсъ прислушивался къ рѣчи судьи и раздумывалъ о виновности своей клиентки.

Такъ прошло два-три дня въ Нонинсби почти въ безоблачной радости. Повидимому все согласилось выбросить Благоразуміе за бортъ корабля, чтобы дать широкое раздолье для роскошнаго развитія Любви съ ея сладостными обѣтами и свѣтлыми надеждами, точно молодое дерево съ его роскошными отпрысками. Самъ судья Стевлей, зная съ кѣмъ имѣеть дѣло, казался готовъ былъ тоже помогать, чтобы выкинуть Благоразуміе за бортъ корабля. Бываютъ люди — и превосходные люди, — которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, никогда не хотятъ вспомнить, что запасъ уже сдѣланъ для молодыхъ воронятъ. Они всегда пасмурны и трудятся до поту лица, сурово думая о возможности худшаго и рѣдко надѣясь на лучшее. Они всегда дѣлаютъ заготовленіе на дождливые дни, какъ-будто ужъ и солнышко никогда не проглянетъ. Они такъ заботятся и хлопчутъ о своихъ дѣтихъ, что даже

и наслаждаться ими не умѣютъ и страдаютъ постоянно боязнью, что земля перестанетъ производить свои плоды. Но къ счастью, судья не принадлежалъ къ числу такихъ людей.

— *Dulce est desipere in locis*, говаривалъ онъ: — и пускай не будетъ недостатка въ случаяхъ и будетъ побольше надобности въ томъ.

Такимъ образомъ Грэгамъ разгуливалъ съ своею невѣстою рука объ руку во время знойныхъ мартовскихъ вѣтровъ, не подозревая, что они дуютъ со стороны вредоноснаго востока. А она — ей все хотѣлось бы прижаться къ нему поближе, опереться на его руку покрѣпче, какъ будто онъ былъ ея вѣрнымъ другомъ первой молодости, и все бы слушать его и все бы вѣрить, вѣрить ему. Этотъ маленькій пальчикъ, когда они останавливались на мѣстѣ, опять просунулся въ петлю, а блестящіе прямодушные глаза такъ и впились въ его глаза и ея рука крѣпко прижалась къ его рукѣ, и онъ понималъ, что она ничуть не стыдилась и не боялась своей любви къ нему. Для нея эта любовь была тоже что религія. Когда она разъ сознала, что это дѣло добро и достойно, то весь міръ могъ про то узнать. Развѣ это не честь для нея, что онъ выбралъ ее изъ всѣхъ? Такъ зачѣмъ же она будетъ скрывать то, что составляетъ ея славу? Полюби она виѣсто Феликса какого-нибудь богатаго, знатнаго человѣка, занимающаго высокое положеніе въ свѣтѣ, быть-можетъ тогда она не была бы съ нимъ такъ свободна и непринужденна, какъ теперь.

— Папа находить, что гораздо было бы лучше, еслибъ вы бросили свои сочиненія и занялись бы только законами, ни о чемъ-другомъ не думая, сказала она.

Въ отвѣтъ на то Феликсъ разсказалъ ей съ большими похвалами, ту басенку, гдѣ говорится о лисицѣ, которая какъ-то потеряла свой хвостъ и потомъ увѣряла всѣхъ другихъ лисицъ на свѣтѣ, что и для нихъ гораздо лучше будетъ одѣваться такъ же, какъ и она — безъ хвоста.

— Во всякомъ случаѣ папа выглядитъ красавцемъ и безъ хвоста, отвѣчала на то Мэдлинъ съ гордостью дочери: — но вы можете донашивать свой хвостъ, если вамъ такъ нравится, присовокупила она съ глубоко дѣвственною любовью въ глазахъ.

Дни три-четыре послѣ окончанія процесса, когда они прогуливались такимъ образомъ неподалеку отъ дому, вдругъ прибѣжала къ ней горничная съ докладомъ, что одинъ джентльменъ пріѣхалъ и желаетъ ее видѣть.

— Какой джентльменъ? спросила Мэдлинъ.

— Мистеръ Ормъ. Барыня послала меня попросить васъ къ себѣ, если вы гдѣ-нибудь по близости.

— Мнѣ надо идти, сказала Мэдлинъ. И куда вдругъ дѣвалась вся ея очаровательная непринужденность въ обращеніи и свѣтлое счастье, блиставшее на лицѣ! Взвѣсивъ за исторію о Мэри Сноу, она рассказала Феликсу все касавшееся до Перегрива. Ей казалось, что это уравновѣшивало ихъ взаимныя отношенія: она была слишкомъ великодушна, чтобы замѣтить, что она ничего не сдѣлала для своего перваго жениха, а Феликсъ за много мѣсяцевъ до знакомства съ нею былъ обрученъ съ другою. Но дѣвушки кажется не возмущаются противъ такихъ вещей; онѣ не понимаютъ прелести первыхъ плодовъ любви, какъ мужчины. Мэдлинъ ничуть не ревновала къ Мэри Сноу и съ свойственною ей добротою обѣщала оказывать ей протекцію, когда она сдѣлается мистриссъ Альбертъ Фитцалленъ.

— Но не знаю, буду ли я любить эту мистриссъ Томасъ, замѣтила она.

— А вы поштопайте ей чулки, такъ это для нея будетъ все равно, что ваша любовь.

— Ну конечно, я непремѣнно стала бы штопать: вѣдь и Мэри Сноу тоже штопала. Только я не позволила бы ей заглядывать въ мою шкапуку. Навѣрное она никогда бы не читала моихъ писемъ.

Надо было идти домой и сказать Перегриву нѣсколько словъ утѣшенія, если только это возможно. Еслибъ она могла просто выразить то, что у ней на сердцѣ, такъ она многое бы сказала искренняго, дружескаго, хотя можетъ-быть не очень утѣшительнаго; но выражаться непремѣнно надо словами и она чувствовала, что это очень трудная для нея задача.

— Не пойдете ли и вы со мной? спросила она Феликса.

— Не думаю, чтобъ это было надо. Но онъ великолѣпный товарищъ и для меня былъ усерднымъ другомъ. Если я встрѣчусь съ нимъ предъ его отъѣздомъ, то поговорю съ нимъ.

Нерѣшительными шагами, въ шляпкѣ и перчаткахъ Мэдлинъ прошла чрезъ залу въ гостиную. Тутъ она увидѣла свою мать, сидящую на софѣ, и Перегрива, стоящаго предъ нею. Мэдлинъ подошла къ нему съ протянутою рукою и ласковымъ привѣтствіемъ, хотя чувствовала, что щеки ея горятъ румянцемъ смущенія. Разумѣется, невозможно при такомъ свиданіи не рассказать, что съ нею случилось, или не выслушать, какъ

мать будетъ это рассказывать въ ея присутствіи. Однако это было сдѣлано до нея и Перегринъ зналъ уже, что добыча ускользнула отъ него.

— Какъ вы поживаете, миссъ Стевлей? А я уѣзжаю изъ Кливъ на долгое время и потому хотѣлъ проститься съ леди Стевлей и съ вами.

— Развѣ вы уѣзжаете, мистеръ Ормъ?

— Да, я ѣду за границу... я думаю, въ центральную Африку. Кажется это дикая страна, наполненная разными дикими звѣрями, которыхъ можно убивать.

— Но это не опасно?

— Нѣтъ, не думаю. Оттуда всё возвращаются живы и невредимы. Впрочемъ у меня какое-то предчувствіе, что меня ничто не можетъ убить. Во всякомъ случаѣ, я здѣсь не останусь.

— Душенька Мэдлинъ, я сказала мистеру Орму, что ты приняла предложеніе мистера Грэггама. Я не думаю, чтобы мы могли имѣть тайны отъ такого друга, какъ мистеръ Ормъ.

— Конечно, мама.

— Я была въ томъ увѣрена. Я также сказала ему, что папа далъ свое согласіе и что свадьба уже назначена. Я думаю лучше, чтобы онъ все зналъ. Мы всегда смотрѣли на него какъ на лучшаго друга, если только онъ позволитъ.

Перегринъ непременно долженъ былъ что-нибудь сказать, что онъ и сдѣлалъ, держа за руку Мэдлинъ первые двѣ минуты.

— Миссъ Стевлей, я хочу только вамъ сказать, что если когда-нибудь мужчина любилъ искренно, такъ это я такъ любилъ васъ, да и теперь люблю такъ же, или еще больше. Непріятно, что мое желаніе не исполнилось, нехорошо все остальное, но я чувствую себя очень несчастнымъ. Во всю жизнь я желалъ только одного, но за это одно я отдалъ бы все на свѣтѣ. Я знаю, что не могу этого имѣть, что я недостойнъ получить это...

— О, мистеръ Ормъ, это совсѣмъ не такъ.

— Нѣтъ, это такъ. Я зналъ васъ гораздо прежде чѣмъ Грэггамъ и тотчасъ же полюбилъ васъ. Я думаю — хотя не имѣю права дѣлать вопросы, но думаю, что я сдѣлалъ вашъ предложеніе гораздо прежде чѣмъ онъ?

— Но вы знаете, что всѣ свадьбы устраиваются судьбою, замѣтила леди Стевлей.

— Можетъ-быть и такъ; но я желалъ бы, чтобы одна только эта свадьба зависѣла не отъ судьбы. Я не могу поправить этой бѣды, но не

мо у и выразить моей радости, хотя отъ души желаю вамъ счастья. Съ первой минуты я все это предчувствовалъ и тогда же понялъ, что люблю васъ какъ безумный. Миѣ слѣдовало бы бѣжать съ первой же минуты, какъ я подумалъ о томъ, потому что я видѣлъ, что вамъ не до меня было и вы никогда не чувствовали удовольствія говорить со мною.

— О, совсѣмъ напротивъ, сказала бѣдная Мэдлинъ.

— Нѣтъ, никогда. Да и какое могли вы находить удовольствіе говорить со мною, когда я самъ ничего не умѣю сказать? Миѣ слѣдовало бы влюбиться въ такую же глупую дѣвочку, какъ я самъ, у которой такъ же немного ума, какъ и у меня.

— Я надѣюсь, что вы полюбите прелестную дѣвушку, сказала Стевлей, — и что мы все узнаемъ ее и будемъ любить.

— О! разумѣется, когда-нибудь я непременно женюсь. Я чувствую, что миѣ очень хотѣлось бы шею себѣ сломать, однако вѣроятно я этого не сдѣлаю. Прощайте, леди Стевлей.

— Прощайте, мистеръ Ормъ. Пошли Господи вашъ счастья.

— Прощайте, Мэдлинъ. Никогда уже не буду я васъ называть этимъ именемъ, кромѣ только самому себѣ. Желаю вамъ много счастья, и отъ души желаю. Чтоже касается до него, онъ предупредилъ меня и завладѣлъ тѣмъ, что я самъ желалъ получить...

Слезы блеснули у него въ глазахъ и голосъ задрожалъ. Этого онъ больше всего боялся и потому, пожавъ ей руку, молча повернулся и ушелъ поспѣшными шагами. Онъ не въ силахъ былъ сказать, что желаетъ и Феликсу всякаго благополучія; но мать и дочь простили ему это упущеніе.

Бѣдная Мэдлинъ пролепетала ему вслѣдъ ласковое «прощайте», но слезы задушили ее голосъ, такъ что ее слова едва-ли были слышны.

Перегринъ отправился прямо въ конюшню, сѣлъ на свою лошадь и медленно поѣхалъ по аллеѣ, ведущей къ воротамъ. Онъ преодолѣлъ слезливое расположеніе духа, лишь только избавился отъ присутствія любимой имъ дѣвушки, и принялъ суровый видъ, стараясь закалить свое сердце въ борьбѣ съ собою. Онъ признавалъ себя дуракомъ въ сравненіи съ Феликсомъ; а между тѣмъ, несмотря ни на что, задавалъ себѣ вопросъ: а можетъ-быть онъ былъ бы гораздо лучшимъ мужемъ, чѣмъ кто-либо другой? Ему и въ голову не приходили преимущества его рода или богатства, но онъ думалъ, что его чувства были ближе къ ней по обстоятельству, по образу жизни и сердечной нѣжности. Все это рисовалось въ его головѣ, когда вдругъ очутился предъ нимъ Феликсъ Грегамъ.

— Ормъ, сказавъ онъ: — я услышалъ, что вы пріѣхали и поспѣшилъ позвать вамъ руку. Вѣроятно вы уже слышали, что случилось... Развѣ вы не хотите позвать мнѣ руку?

— Нѣтъ, не хочу.

— Мнѣ это очень жаль, потому что мы были добрыми друзьями и я вамъ много обязанъ за все доброе.

— Я ненавижу васъ и не хочу вашей дружбы. Подите и расскажите ей это, если вамъ это нравится.

— Нѣтъ, мнѣ это не нравится.

— Отъ всего сердца мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы оба до смерти убились въ двойномъ рву.

— Стыдно, Ормъ, стыдно!

— И прекрасно, сэръ, пускай мнѣ будетъ стыдно.

Съ этими словами онъ проѣхалъ мимо Грэгана къ воротамъ, но не сдѣлалъ еще и пятидесяти шаговъ, какъ лучшія чувства снова овладѣли имъ и онъ вернулся.

— Я очень несчастливъ, Грэганъ, сказавъ онъ: — сердце мое полно горечи. Забудьте тѣ недобрыя слова, которыя я вамъ сказавъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я и не думаю о томъ, и увѣренъ, что вы никому не хотите зла, — отвѣчалъ Грэганъ, положивъ руку на шею его лошади.

— Тогда я желалъ, но теперь нѣтъ. По-истинѣ я желаю вамъ только счастья и увѣренъ, что съ нею вы будете непременно счастливы. Съ нею каждый былъ бы счастливъ. Вотъ вы такъ навѣрное не желаете умереть и передать другому свое счастье?

— Ужь конечно, на сколько это отъ меня зависитъ.

— Такъ послушайте же, если вамъ суждено жить, то я не желаю вамъ зла. Разумѣется мнѣ было бы лучше, еслибы вы никогда не пріѣзжали въ Нонинсеби, и только. Прощайте.

Тутъ онъ протянулъ руку и Грэганъ отъ души пожалъ ее.

— Мы останемся добрыми друзьями, потому что все это пройдетъ и забудется, сказавъ Грэганъ.

Такъ они и разстались.

Перегривъ сдѣлалъ какъ сказавъ и уѣхалъ въ чужіе, далекіе края, направляя свой путь въ тѣ дикія стороны, въ которыхъ, по его словамъ, всѣ были въ безопасности. Не встрѣтили и его опасности, такъ что онъ довольно часто писалъ къ матери. Десятками убивалъ онъ гориллы (gorillas), сотнями львовъ, да и слоновъ съ достаточномъ количествомъ, чтобы выстронить дворецъ изъ слоновой кости. Черепа, клыки и кости присы-

лались имъ домой на разныхъ корабляхъ. Когда онъ явился въ Лондонѣ настоящимъ львомъ, то ни одинъ-человѣкъ не усомнился ни въ одномъ словѣ, имъ произносимомъ. Но все же онъ не написалъ ни одной книги, ничего не прочелъ на публичномъ чтеніи, да кажется не много даже зналъ о тѣхъ чудовищныхъ звѣряхъ, которыхъ такъ удачно убивалъ, кромѣ того, что онѣ очень доступны пороку и шулѣ.

Сэръ Перегринъ старался удержать его дома тѣмъ, что передалъ въ его руки все имѣніе; но ни дѣдъ, ни мать, ни земли, ни деньги не могли заставить его оставаться по близости Цонинсбѣи.

— Нѣтъ, мама, говорилъ онъ: — мнѣ гораздо лучше будетъ уѣхать.

И онъ опять уѣхалъ.

Старый баронетъ дожилъ до возвращенія внука домой, хотя часто съ печальными вздохами увѣрялъ свою невѣстку, что это невозможно. Онъ жилъ, но никогда уже тою живою жизнью, которою наслаждался до того времени, какъ выдержалъ борьбу за леди Мэзонъ. Иногда онъ соглашался на просьбы мистриссъ Ормъ прокатиться съ нею по полямъ, но большею частью оставался дома, сидя одиноко предъ каминомъ, съ книгою, открытою предъ нимъ, хотя очень рѣдко прочитанною имъ. Онъ говорилъ, что терпѣливо ждетъ, когда смерть придетъ за нимъ.

Мистриссъ Ормъ держала слово и постоянно писала къ леди Мэзонъ и такъ же постоянно получала отъ нея извѣстія. Люцій только шесть мѣсяцевъ прожилъ въ Германіи, потомъ рѣшился ѣхать въ Австралію, оставивъ мать на время въ томъ нѣмецкомъ городкѣ, куда они перѣехали въ первое время. Въ сущности, для нея эта перемѣна послужила къ лучшему. Что касается до его успѣховъ въ счастливой колоніи, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Феликсъ Грэгамъ скоро послѣ этого женился на Мэдлинъ и до сихъ поръ что-то не слыхать объ его переселеніи ни въ Патагонію, ни въ Мертиръ-Тидвилъ.

Ну, а теперъ и я могу сказать всѣмъ вамъ: прощайте!

КОНЕЦЪ.

OCT 16 1936

